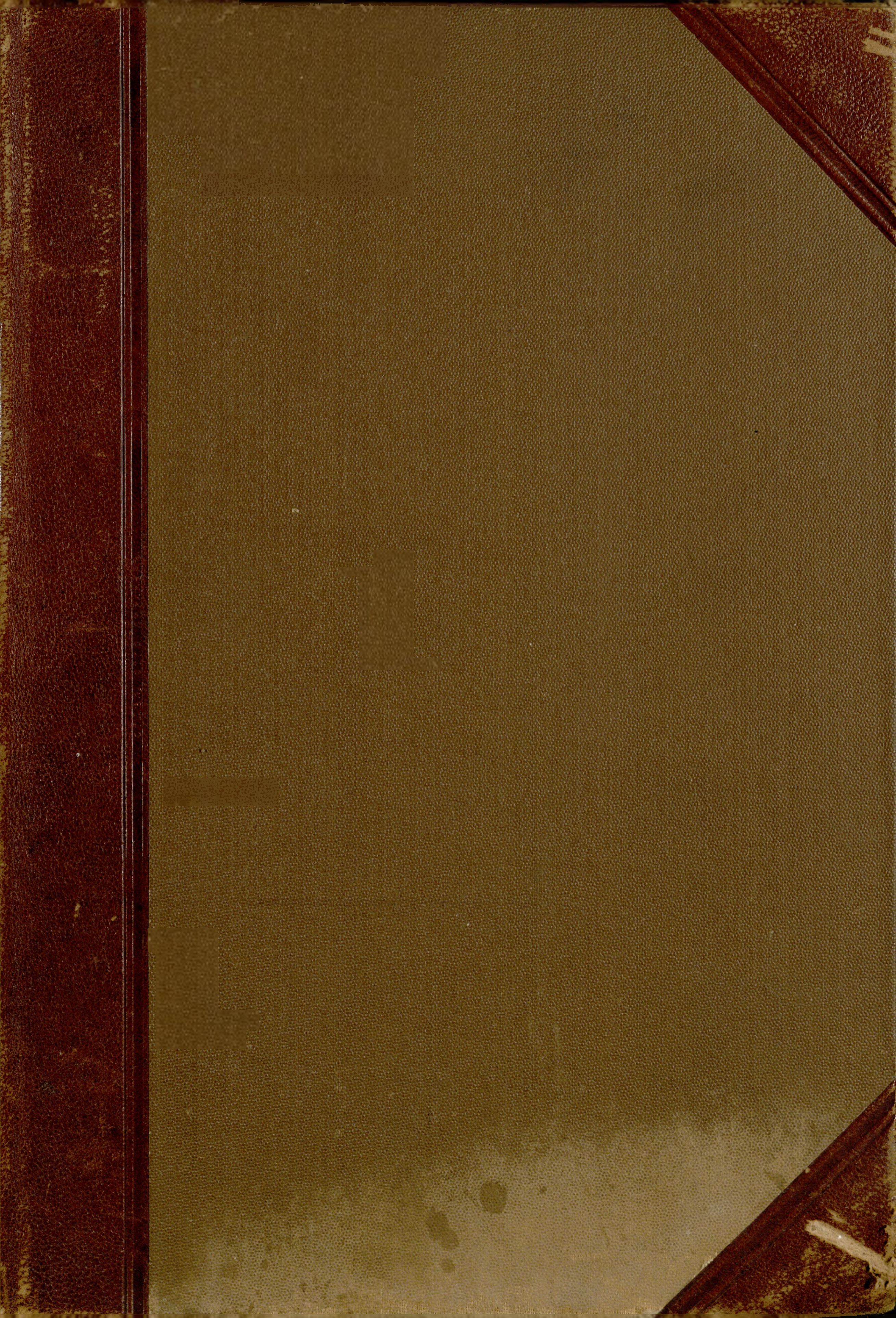

Исторія первобытной культуры.

Исторія первобытной культуры.

Сочиненіе

доктора **Генриха Шурца.**

Переводъ съ нѣмецкаго проф. Казанскаго университета
И. Н. Смирнова,

подъ редакціей, съ предисловіемъ и дополненіями завѣдующаго этнографическимъ отдѣломъ Музея Императора Александра III
Д. А. Клеменца.

---

434 рисунка въ текстѣ, 8 хромолитографій, 15 гравюръ и автотипій и 1 карта.

С.-Петербургъ.
Типографія Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщеніе",
Забалканскій пр., 75.

18 96
Т-ВО ПРОСВѢЩЕНІЕ

Предисловіе къ нѣмецкому изданію.

Человѣчество, эту крайне своеобразную группу живыхъ существъ, проживающую на землѣ уже въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, невозможно себѣ представить безъ духовнаго наслѣдства, собраннаго рядами его безчисленныхъ поколѣній, вліяніе котораго ясно отражается на каждой отдѣльной личности. Это наслѣдіе называется культурой. Только она, являясь результатомъ работы человѣческаго духа, выдѣляетъ человѣчество изъ ряда другихъ существъ. На воздѣйствія окружающей среды и грозящія его существованію опасности отвѣчаютъ уже не безсознательные процессы органической жизни, измѣняющіе тѣлесную структуру человѣка, а оружіе, инструменты и снаряды, изобрѣтенные людьми, нравы и обычаи, своего рода механическія реакціи общественнаго организма на внѣшнія вліянія, свѣдѣнія, а также опытъ, изъ которыхъ человѣчество путемъ постепеннаго накопленія создаетъ неизмѣримую сокровищницу знанія. Можно даже сказать, что законы подбора и приспособленія, по отношенію къ человѣку, сохранили свое значеніе только въ области духовной жизни; можно думать, что именно культурная работа положила предѣлъ дальнѣйшимъ измѣненіямъ органовъ тѣла человѣка. Между тѣмъ, расовыя различія достаточно указываютъ намъ, какимъ громаднымъ варьяціямъ нѣкогда подвергался основной, первоначальный типъ человѣка. Остановились же эти измѣненія тѣла, когда возникло то, что мы называемъ культурой, и новыя расы возникаютъ теперь только путемъ помѣсей существующихъ расъ, которыя не могутъ измѣнить общихъ установившихся основныхъ признаковъ. Мелкія модификаціи, возникающія подъ вліяніемъ перемѣнъ климата, которыя въ своемъ мѣстѣ должны быть упомянуты, врядъ ли могутъ быть приняты во вниманіе при обсужденіи вопроса, о которомъ идетъ рѣчь здѣсь. Кто желаетъ изучить исторію какого-нибудь животнаго, долженъ изслѣдовать различныя измѣненія его тѣлесной структуры; тотъ же, кто желаетъ постигнуть, что такое человѣкъ — долженъ прежде всего обратить вниманіе на его культуру.

Вообще, во всѣхъ основныхъ отрасляхъ знанія первоначально обрабатывались отдѣльныя части ихъ, и по большей части ради практическихъ цѣлей, и только потомъ уже мало-по-малу и другія отрасли той же науки начинали привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей, и только уже въ позднѣйшія времена явилась возможность съ надеждой на успѣхъ сдѣлать попытку совокупить отдѣльныя дисциплины въ связное, гармоническое цѣлое. Наука о человѣкѣ, поскольку она касается умственной и нравственной сторонъ его жизни, другими словами — изученія исторіи культуры, должна идти тѣмъ же путемъ. Законы и правовыя нормы существовали еще тогда, когда о томъ, что такое само право въ общемъ смыслѣ, никто и не

думалъ, и не подозрѣвалъ возможности выработать нормы права, охватывающія все человѣчество. Теологія существовала гораздо раньше, нежели начали думать о сравнительномъ изслѣдованіи религіи и были написаны цѣлые груды трактатовъ объ эстетикѣ, прежде чѣмъ обращено было вниманіе на зачатки искусства, образцы котораго мы видимъ въ доисторическихъ находкахъ и у существующихъ нынѣ первобытныхъ народовъ. Во многихъ отношеніяхъ и наша наука находится въ такомъ же переходномъ положеніи отъ весьма цѣнныхъ, но одностороннихъ монографическихъ изслѣдованій къ объединяющему ихъ ученію о культурѣ. Мы все еще стоимъ среди обломковъ стараго и подпорокъ для возведенія новаго сооруженія. Повсюду обнаруживается стремленіе заложить достаточно широкія основы для отдѣльныхъ дисциплинъ, которыя могли бы съ одной стороны охватить собою результаты изслѣдованія древнихъ и доисторическихъ культуръ и совокупность данныхъ, добытыхъ изслѣдованіемъ нынѣ живущихъ представителей человѣчества — съ другой. Нѣкогда во всѣхъ наукахъ, посвящавшихъ себя изученію духовной дѣятельности человѣка, былъ поставленъ вопросъ — „какъ это должно быть?“ — теперь же рядомъ съ первымъ выдвигается другой, настойчиво требующій отвѣта — „какъ это сдѣлалось?“ Естественныя науки давно уже показали, какіе неизмѣримо обширные горизонты открываются намъ, когда мы серьезно и внимательно будемъ изучать явленіе съ точки зрѣнія эволюціи и обусловливающихъ ее силъ. Медленно и съ задержками науки о духовной жизни и дѣятельности человѣка плелись по этому пути и, можетъ быть, благодаря этой вялости и сомнительнымъ успѣхамъ на новомъ пути, естествознаніе помогло одержать побѣду безотрадному механическому воззрѣнію на природу. Во всякомъ случаѣ, это воззрѣніе долго продержаться не можетъ. Для дополненія естествознанія необходимо основательное ученіе о духѣ, — безъ него оно потеряется среди мелочныхъ педантическихъ тонкостей. Съ другой стороны, и изслѣдованіе духовной жизни человѣка, которая обусловливаетъ и развитіе матеріальной культуры, не можетъ пренебрегать естественно-научнымъ методомъ изслѣдованія. Исторія первобытной культуры, разсматривающая явленія съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, является настоятельной потребностью нашего времени.

Наша книга имѣетъ цѣлью дать общую картину начальнаго развитія культуры, не умаляя и не пренебрегая какой-либо изъ сторонъ культурнаго развитія съ тѣмъ, чтобы выдвинуть на первый планъ другія. Отдѣльныя части изложенія не могутъ быть равноцѣнны по содержанію; нѣкоторые вопросы уже достаточно тщательно и полно разработаны, въ другихъ надобно начинать почти съ первоосновъ, а такъ какъ въ этихъ случаяхъ невозможно крайне необходимое сличеніе взглядовъ и теорій, то и является опасность односторонняго освѣщенія вопроса. Самое заглавіе книги требуетъ обсужденія, — не легко найти мѣткую характеристику сложной науки и притомъ только возникающей. Впрочемъ, съ подобными трудностями, во всякомъ случаѣ, будетъ встрѣчаться постепенно всякій изслѣдователь возникновенія культуры, такъ какъ никогда развитое и выработанное представленіе о предметѣ не будетъ совпадать со своими ранними зачаточными формами.

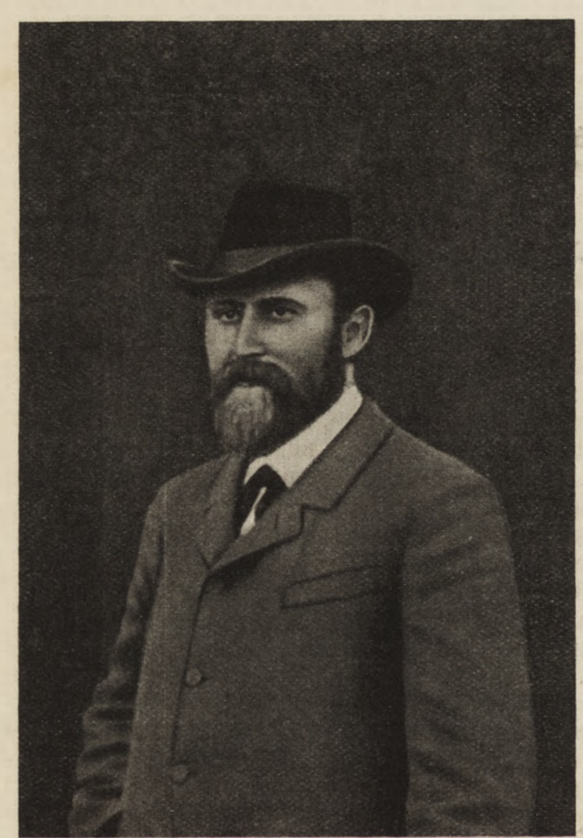
Генрихъ Шурцъ.

Предисловіе къ русскому изданію.

Вышедшая въ свѣтъ книга „Исторія первобытной культуры“ принадлежитъ къ однимъ изъ наиболѣе обширныхъ трудовъ высокоталантливаго, но рано умершаго ученаго, д-ра Генриха Шурца, имя котораго у насъ пока извѣстно только спеціалистамъ. Раньше былъ переведенъ только его „Katechismus der Völkerkunde“, упоминалось кое-гдѣ о его послѣдней, крупной и весьма замѣчательной работѣ: „Altersklassen und Männerbünde“; но обстоятельнаго изложенія этой книги, не говоря уже о переводѣ, нѣтъ на русскомъ языкѣ. Не особенно многіе вспомнили изслѣдователя въ Германіи и послѣ смерти. Несмотря на наши обращенія къ солиднымъ заграничнымъ книжнымъ фирмамъ, мы не нашли ничего о немъ, кромѣ некролога, написаннаго другомъ и учителемъ Генриха Шурца, извѣстнымъ географомъ Фридрихомъ Ратцелемъ, который и самъ не долго пережилъ своего рано умершаго ученика. Всѣ свѣдѣнія о нашемъ авторѣ мы почерпаемъ только изъ этого некролога. Наше личное знакомство съ Шурцемъ было настолько кратковременно и поверхностно, что не дало намъ ничего, кромѣ мимолетныхъ впечатлѣній.

О дѣтствѣ и воспитаніи Шурца, о его родителяхъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Знаемъ, что онъ родился въ 1863 году въ Цвикау, въ Саксоніи, въ 1888 году поступилъ въ лейпцигскій университетъ, работалъ тамъ два года, затѣмъ, насколько можно узнать изъ некролога Ратцеля, доцентировалъ тамъ нѣкоторое время, потомъ завѣдывалъ Бременскимъ музеемъ, приглашенный на эту должность директоромъ Шауинсландъ, и умеръ въ 1903 году, отъ аппендицита, оставивъ послѣ себя изумительную массу трудовъ, въ чемъ убѣдится и читатель, просмотрѣвъ списокъ ихъ, прилагаемый нами въ концѣ книги. Шурцъ въ этомъ отношеніи напоминаетъ тѣхъ миѳическихъ героевъ свѣта, о которыхъ онъ говоритъ въ своей книгѣ. Дѣтство ихъ протекаетъ въ неизвѣстности, о нихъ никто не знаетъ, затѣмъ они выступаютъ сразу въ полномъ развитіи своихъ могучихъ силъ на арену подвиговъ; путь ихъ блестящъ, но кратокъ, они погибаютъ во цвѣтѣ лѣтъ, голова падаетъ съ богатырскихъ плечъ, снесенная „не большой горой, а соломенкой“: Ахиллесъ убитъ Парисомъ, Бальдуръ умираетъ отъ стрѣлы, пущенной его слѣпымъ братомъ, Зораба убиваетъ, по недоразумѣнію, его собственный отецъ. Шурцъ — нынѣ не героическія времена — погибъ отъ аппендицита — болѣзни, когда-то считавшейся крайне опасной, но нынѣ излѣчиваемой весьма успѣшно хирургическимъ путемъ. Въ поэтическихъ сказаніяхъ мы жалѣемъ рано погибшаго героя, въ дѣйствительности нельзя не пожалѣть высокоталантливаго работника молодой науки — этнологіи, умершаго въ ту пору, когда онъ изъ талантливаго и многообѣщающаго ученика превратился уже въ ученаго мыслителя съ крупными заслугами въ наукѣ.

Шурцу было 25 лѣтъ, когда онъ поступилъ въ лейпцигскій университетъ, то есть въ ту пору, когда многіе молодые люди уже кончаютъ свои учебные годы. Зоркій глазъ Ратцеля сразу отмѣтилъ вновь поступившаго и нашелъ, что это былъ не просто талантливый студентъ, но человѣкъ уже съ выработавшимся взглядомъ на вещи. Будучи зрѣлѣе по возрасту своихъ сверстниковъ, онъ кромѣ этого преимущества, вѣроятно, обладалъ и не юношескими знаніями, былъ до нѣкоторой степени аутодидактомъ. Послѣ первыхъ бесѣдъ съ Ратцелемъ они оба сблизились другъ съ другомъ на почвѣ научныхъ интересовъ и, по признанію самого Ратцеля, между ними только по видимости существовали отношенія студента къ профессору, въ сущности же они были товарищами по работѣ надъ интересовавшими ихъ вопросами. Некрологъ Ратцеля, однакоже, несмотря на свою краткость даетъ возможность предполагать, что между ними существовала не только такъ называемая „ученая дружба“, но близкая взаимная пріязнь. Это всего яснѣе видно изъ нѣкоторыхъ чертъ описанія внѣшности Шурца Ратцелемъ. „Онъ былъ ростомъ выше средняго, — говоритъ Ратцель,—но при его манерѣ держаться прямо онъ производилъ впечатлѣніе человѣка высокаго роста. Походка его была твердая, шагъ широкій, какъ у человѣка, который способенъ идти твердой стопой къ назначенной цѣли. Своими большими свѣтлыми глазами, въ которыхъ виднѣлась мечтательная задумчивость, онъ всегда смотрѣлъ прямо передъ собою, какъ будто онъ искалъ ими предметовъ, достойныхъ вниманія, только впереди себя и надъ собою“. На улицѣ большого города можно десятками встрѣтить людей, обладающихъ подобной походкой и манерой держать себя, особенно въ Германіи, гдѣ такая масса молодыхъ людей проходятъ казарменную выучку. Надобно слишкомъ внимательно относиться къ манерамъ и привычкамъ человѣка, чтобы не только отмѣчать мелочи, ничего особо оригинальнаго не представляющія, но и придавать имъ символическое значеніе. Для Ратцеля въ его молодомъ другѣ все было полно значенія. Недостатки Шурца, о которыхъ его другъ говоритъ очень мало, онъ старается компенсировать, загладить, выставляя на видъ его преимущества. Изъ некролога видно, что Шурцъ одно время доцентировалъ въ Лейпцигѣ; повидимому, онъ не обладалъ большимъ даромъ устнаго преподаванія; самъ Ратцель говоритъ, что изъ богатаго запаса своихъ идей и знаній онъ немного могъ передать своей аудиторіи; но, упомянувъ объ этомъ, онъ горячо хвалитъ образ-

Генрихъ Шурцъ.

ность и изящество его слога. Поэтическая жилка была у Шурца, и онъ пописывалъ стихи. Еще гимназистомъ онъ сочинилъ драму въ стихахъ: „Швангильдисъ“.

Какъ ни мимолетно было мое знакомство съ авторомъ, я все-таки въ виду крайней скудости свѣдѣній объ умершемъ ученомъ позволю себѣ сказать нѣсколько словъ. Я встрѣтился съ нимъ въ 1902 году, когда онъ былъ уже завѣдующимъ Бременскимъ музеемъ и знакомилъ меня съ нимъ.

Увидавъ его въ первый разъ, я, несмотря на прекрасное сложеніе и мужественную фигуру новаго знакомаго, невольно пришелъ къ мысли, что здоровье его не изъ важныхъ. Онъ мнѣ казался очень утомленнымъ, и мнѣ подумалось, что онъ, вѣроятно, много хворалъ въ своей жизни или перенесъ много тяжкихъ огорченій. Его біографъ подтверждаетъ мою догадку, прибавляя, что онъ переносилъ свои страданія съ необыкновеннымъ самообладаніемъ. У такихъ, много страдавшихъ людей, не любящихъ обнаруживать это, обыкновенно вырабатывается извѣстнаго рода замкнутость, и они становятся сообщительными только въ немногихъ случаяхъ. Не даромъ, по словамъ Ратцеля, многіе жаловались на лаконизмъ Шурца.

Директоръ Шауинсландъ приписывалъ это тому, что Шурцъ ein wahrer deutscher Gelehrter, сдержанный, серьезный, основательный. Признавая все это, я все-таки думаю, что не ученость и не серьезность играли тутъ главную роль. Бродя съ нимъ по музею, я не могъ пожаловаться на его молчаливость, — онъ, впрочемъ, больше разспрашивалъ меня, чѣмъ говорилъ самъ; но несмотря на это, онъ весьма любезно указалъ мнѣ на все, достойное вниманія въ музеѣ, сообщилъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о своемъ путешествіи въ Марокко, предложилъ познакомить меня съ достопримѣчательностями города; но я долженъ былъ, къ сожалѣнію, отказаться отъ этого интереснаго приглашенія, такъ какъ могъ пробыть только нѣсколько часовъ въ Бременѣ. Не зная, что передо мною одна изъ крупныхъ восходящихъ звѣздъ этнологіи, я по этому первому и единственному свиданію съ нимъ вынесъ бы только впечатлѣніе о человѣкѣ умномъ, вдумчивомъ и многознающемъ; но такъ какъ людей этого типа въ Германіи довольно много, то, вѣроятно, я бы очень мало заинтересовался имъ. Но зная раньше, съ кѣмъ я имѣю дѣло, я разстался съ нимъ въ довольно грустномъ настроеніи. Я видѣлъ высокоталантливаго трудолюбиваго, любящаго свою науку ученаго, прозябающаго въ Бременѣ и очевидно далеко не роскошно обставленнаго въ матеріальномъ отношеніи Только благодаря директору, умѣвшему цѣнить своего помощника, онъ имѣлъ возможность сдѣлать ученыя поѣздки въ Сѣв. Африку, Испанію и Мал. Азію. Большая часть его книгъ и статей написана „по книгамъ“. Онѣ, конечно, занимаютъ почетное мѣсто въ литературѣ; но этнологъ — это Антей, силы котораго удесятеряются при соприкосновеніи съ родной почвой. При его наблюдательности вмѣстѣ съ даромъ обобщенія онъ могъ бы подарить насъ крупнымъ рядомъ цѣнныхъ и оригинальныхъ трудовъ. Онъ, впрочемъ, былъ еще молодъ; родился онъ въ 1863 году, стало быть, въ 1902 году ему было не болѣе 39 лѣтъ. Въ этомъ же году вышла его классическая работа, плодъ многолѣтнихъ трудовъ, слѣды которыхъ видны въ его исторіи культуры; но эта была его лебединая пѣсня. Она носитъ названіе „Altersklassen und Männerbünde“. Въ 1903 году 19 апрѣля по старому стилю его не стало.

Въ университетѣ, какъ мы уже сказали, Шурцъ пробылъ два года студентомъ. Онъ усердно занимался естественными науками; но вскорѣ его началъ интересовать человѣкъ и его дѣятельность и, конечно, въ географической семинаріи Ратцеля онъ имѣлъ достаточную возможность удовлетворить своему влеченію.

Первою его работою по времени былъ этюдъ объ африканскомъ метательномъ ножѣ, помѣщенный въ „Internationales Archiv für Ethnographie Leidten“ Bd. II. 1889. Эта небольшая работа, послужившая докторской диссертаціей автору, внесла серьезный вкладъ для развитія географическаго метода Ратцеля. Черезъ три года онъ съ успѣхомъ приложилъ тотъ же методъ къ болѣе обширному вопросу о распространеніи плетеныхъ матерій и костюмовъ въ Африкѣ, подъ заглавіемъ: „Die Geographische Verbreitung der Negertrachten“. Минуя другія работы Шурца, мы перейдемъ къ его „Gründzüge einer Philosophie der Trachten“. Здѣсь онъ доказываетъ, что введеніе полнаго прикрытія тѣла было дѣломъ женщины и главнымъ образомъ женщины замужней. Ходъ его мыслей и доказательства читатель найдетъ въ „Исторіи первобытной культуры“. Предисловіе къ этой книгѣ, гдѣ онъ рѣзко нападаетъ на такъ называемый индуктивный методъ въ этнологіи, адепты котораго задыхаются среди музейнаго хлама, и рѣзко высказался въ пользу метода дедуктивнаго: „мы должны мертвый матеріалъ оживить своей собственной кровью“ — говорилъ онъ. Это вызвало массу возраженій и неудовольствій со стороны противниковъ, которые очень долго послѣ этого игнорировали труды Шурца. По нашему мнѣнію, здѣсь большое недоразумѣніе. Этнологія крайне близка къ естествознанію, и вышла на широкій научный путь только тогда, когда усвоила методъ естествознанія. Сама теорія развитія, какъ говорится, стала на ноги лишь тогда, когда она въ рукахъ Дарвина, Волласа, Гексли, Геккеля оплодотворила фактами геніальныя гипотезы Ламарка, Окена, Жоффруа Сентъ-Илера. Послѣ этого вышла работа Шурца о деньгахъ, на которую сильно нападали экономисты и по нашему мнѣнію далеко невсегда основательно; но если работа Шурца о деньгахъ вызвала возраженія и даже вражду къ автору, то другой его трудъ „О промышленности въ Африкѣ“ заслужилъ даже оффиціальное признаніе въ видѣ преміи князя Яблоновскаго. Очевидно уже тогда у него былъ планъ написать книгу по этнологіи, которая дала бы возможность ему изложить свой взглядъ на исторію культуры вообще. Это видно изъ того разнообразія темъ, которыя онъ затрагивалъ въ своихъ работахъ. Отъ орнамента до землевладѣнія, отъ базаровъ до католическихъ паломничествъ на германской почвѣ.

Прежде, чѣмъ говорить объ „Исторіи первобытной культуры“, я, нарушая хронологическій порядокъ, долженъ сказать нѣсколько словъ о его послѣднемъ трудѣ „Altersklassen und Männerbünde“. Соціологи-историки первобытнаго общества, главнымъ образомъ, останавливались на половомъ союзѣ, семьѣ, родѣ, матріархатѣ и патріархатѣ, считая эти отношенія первыми зачатками общественности. Собравъ, какъ палеонтологъ, обломки свѣдѣній о первобытномъ обществѣ, онъ доказалъ, что помимо семейныхъ и родовыхъ группъ существуютъ въ обществѣ организаціи по возрастамъ, зачатки которыхъ можно найти и у стадныхъ животныхъ. Каждая группа людей состоитъ изъ особей различныхъ возрастовъ и очевидно, что у каждаго возраста есть свои особые интересы и особенности. Въ какомъ бы то ни было обществѣ люди дѣлятся по возрастнымъ категоріямъ: жизнь и стремленія ребенка не тѣ, конечно, что у юноши. Юность является въ первобытномъ обществѣ представителемъ бурныхъ стремленій, по преимуществу; она должна пройти извѣстный искусъ, чтобы ее зачислили въ классъ полноправныхъ; старики при слабѣющихъ физическихъ силахъ могутъ служить обществу только своимъ опытомъ и разумомъ; положеніе ихъ, какъ вышедшихъ изъ бойцовъ, крайне непрочное, и они только строгой солидарностью, опытомъ, разумомъ и умѣньемъ могутъ поддерживать свое значеніе въ обществѣ. Кромѣ этихъ дѣленій на возрастные классы, члены общества группируются, какъ товарищи по симпатіямъ, образуютъ нѣчто вродѣ клубовъ, — изъ общей массы выдѣляются отдѣльныя организаціи для устройства общественныхъ предпріятій, охотъ, увеселеній, возни-

каютъ союзы, занимающіеся отправленіемъ культа, которые часто превращаются въ тайныя общества. Изъ этого видно, что, помимо кровныхъ матріархальныхъ и патріархальныхъ группъ, существуетъ цѣлый рядъ другихъ учрежденій, которыя нерѣдко обладаютъ громаднымъ значеніемъ въ обществѣ; этимъ доказывается, что строеніе первичныхъ обществъ не такъ просто, какъ объ этомъ думали. Гдѣ имѣется цѣлый рядъ учрежденій, тамъ должно быть и перекрещиваніе различныхъ стремленій, возникновеніе новыхъ равнодѣйствующихъ и вмѣстѣ съ этимъ оригинальныя черты развитія обществъ. Книга эта, къ сожалѣнію, мало обратила на себя вниманія въ Россіи. Мы, къ сожалѣнію, не можемъ дать подробнаго изложенія ея здѣсь, такъ какъ она требуетъ особой статьи. Читатель найдетъ нѣкоторыя краткія свѣдѣнія объ этихъ вопросахъ въ „Исторіи первобытной культуры“, къ которой мы теперь перейдемъ.

„Исторія первобытной культуры“ представляетъ собою приложеніе того метода, который нашъ авторъ называетъ дедуктивнымъ. Онъ начинаетъ ее съ самыхъ общихъ вопросовъ. — Первая глава ея посвящена основаніямъ культуры, затѣмъ авторъ переходитъ къ обществу, хозяйству, матеріальной культурѣ и увѣнчиваетъ свое зданіе изложеніемъ культуры духовной. Въ каждой отдѣльной статьѣ онъ предварительно устанавливаетъ общія положенія, затѣмъ переходитъ къ частностямъ. По взглядамъ своимъ онъ является полнымъ идеалистомъ. Для него вся культура является воплощеніемъ постепеннаго роста вліянія духовныхъ силъ. Онъ не знаетъ другихъ терминовъ, какъ Geist und Körper; словъ вродѣ — организмъ, психическая жизнь у него нѣтъ въ книгѣ. Но онъ не является грубымъ идеалистомъ, у котораго идеализмъ переходитъ въ анимизмъ; его Geist — совокупность психическихъ процессовъ, а Körper—сумма матеріальныхъ процессовъ. Въ то же время онъ является искреннимъ деистомъ. Статью о религіи онъ заканчиваетъ утвержденіемъ, что всѣ формы религіи находятъ свое завершеніе въ идеѣ Единаго Божества. Человѣкъ, ищущій чего-то разумнаго надъ собой, по мнѣнію автора, долженъ безусловно остановиться на идеѣ единаго личнаго божества. Во всей природѣ человѣкъ видитъ результатъ дѣйствій какой-то безсознательной силы; онъ долженъ былъ бы тогда поставить себя, какъ существо сознательное, надъ этой силой, но онъ самъ находится въ полной зависимости отъ этихъ силъ и его едва хватаетъ на неумѣлое подражаніе высокоцѣлесообразнымъ безсознательнымъ дѣйствіямъ этихъ силъ. Этотъ выводъ давно уже былъ сдѣланъ богословами, которые называютъ это низшей формой богопознанія, безъ откровенія, чрезъ разсмотрѣніе сотворенныхъ отъ Бога вещей.

Ратцель утверждаетъ, и совершенно справедливо, что основная мысль „Исторіи первобытной культуры“ — эволюція. Въ сущности эта идея служитъ путеводною нитью не только Шурцу, но и всѣхъ современныхъ изслѣдователей природы и человѣка. Только въ свѣтѣ этого принципа и возможно было осмыслить различныя формы организованныхъ существъ и человѣческаго общества. Сходная съ воззрѣніями Шурца мысль была высказана еще геніальнымъ геологомъ Чарльзомъ Ляйэлемъ въ его книгѣ „Antiquity of Man“. Защищая эволюціонную теорію отъ обвиненій въ матеріализмѣ, онъ утверждаетъ, что, наоборотъ, созерцая постепенное развитіе органическаго міра и самой земли, въ постепенномъ усовершенствованіи органическихъ формъ, можно видѣть непрерывный ростъ духовныхъ силъ, такъ сказать, побѣду творческаго духа надъ матеріей. Это, впрочемъ, не уменьшаетъ заслугъ Шурца въ этомъ направленіи. Эволюціонизмъ пользуется большой популярностью и изъ него рядомъ съ великими созданіями ума возникало немало уродливыхъ созданій вродѣ преклоненія предъ силой и полнаго извращенія идеи о борьбѣ за существованіе. У Шурца мы видимъ умѣлое и осторожное пользованіе этимъ великимъ принципомъ въ его приложеніи къ явленіямъ человѣческой жизни. Эта

осторожность, однакоже, не мѣшаетъ ему дѣлать широкіе и смѣлые выводы, какъ, напр., относительно происхожденія членораздѣльной рѣчи, о безсознательныхъ проявленіяхъ искусства у животныхъ и т. д.

При всей своей широкой гуманности и глубокомъ умѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, нашъ авторъ отдаетъ дань увлеченіямъ своего времени. Въ немъ весьма таки достаточно нѣмецкаго шовинизма и милитаризма. Онъ радуется тому, что его родина крѣпко ухватила скипетръ владычества надъ міромъ, хотя это владычество поддерживается изъятіемъ изъ культурной работы милліоновъ трудоспособныхъ людей въ странѣ, и каждый изъ этихъ людей на зарѣ своей юности впитываетъ въ себя воинственные инстинкты дикаря, научается преклоненію передъ силой и успѣхомъ. Они готовятся для войны, то есть для такого дѣла, которое всегда является бичемъ судьбы для народа. Мы не говоримъ уже, чего стоитъ это міродержавство народу. Колоніальная политика превратилась теперь въ войну, цѣль которой истребленіе низшихъ расъ и обогащеніе немногихъ посредствомъ новыхъ формъ рабства. Шурцъ очень воинственъ, — онъ говоритъ, что если не будетъ войнъ, то гдѣ же люди будутъ развивать свое мужество, храбрость и предпріимчивость. Народы миролюбивые, занятые мирнымъ трудомъ, теряютъ силу сопротивленія, имъ не на чемъ развивать въ себѣ способность къ сопротивленію, стойкость въ борьбѣ и отвагу. Нельзя, однакоже, думать, чтобы кромѣ войны, возбуждающей взаимную ненависть, страсть къ истребленію себѣ подобныхъ была хорошей школой мужества. Милитаризмъ лучшее средство для развитія взаимной ненависти и недовѣрія, страсти къ побѣдамъ, страсти къ порабощенію, приниженію одного народа на счетъ другого. Есть и другія средства для развитія мужества, облагораживающія человѣка. Вспомнимъ врачей, самоотверженно работающихъ среди заразныхъ больныхъ. На той же войнѣ мы встрѣчаемъ лицъ безоружныхъ, посвящающихъ себя облегченію страданій, вызванныхъ человѣческой жестокостью. Нашъ авторъ здѣсь забываетъ борьбу съ природой, которой онъ такъ восхищается въ миѳѣ о Прометеѣ. Развѣ ужъ настолько покорена природа, что и мѣста нѣтъ для борьбы съ ней. По признанію самого Шурца мы знаемъ, что только бактеріологія дала надежныя средства для борьбы съ истребительными заразными болѣзнями. Мы не знаемъ верхнихъ слоевъ атмосферы, не сумѣли до сихъ поръ покорить себѣ атмосферное электричество. Нѣдра земли намъ совершенно невѣдомы. Мы мало знаемъ поверхность земли, покрытую морями. Пустыни и тундры такъ и остаются втунѣ. Всѣ эти изслѣдованія не спортсменскія забавы, они требуютъ труда и самопожертвованія сотенъ людей. Не можемъ мы также согласиться со взглядомъ Шурца на такъ называемыя „низшія расы“. Это, впрочемъ, не его взглядъ, а Фирканта, котораго такъ хорошо аттестуетъ нашъ авторъ, не замѣчая, что хвалимый имъ авторъ доходитъ до абсурда. Онъ и арабовъ считаетъ несовершенной расой и признаетъ совершенной только арійцевъ, а среди нихъ германское племя. Не находя возможнымъ здѣсь трактовать этотъ вопросъ, мы скажемъ только, что на всякомъ пути трудны первые шаги, а они были сдѣланы людьми еще въ шелленскую эпоху. Не хвастаться надобно своими успѣхами, а изумляться медленности прогресса человѣчества. Всѣ народы имѣютъ членораздѣльную рѣчь, огонь, счисленіе и орудія. Десятки тысячъ лѣтъ люди кипятили воду въ горшкахъ, чуть не ежедневно паръ сбрасывалъ крышки съ сосудовъ, и только Папинъ и Уайтъ додумались до примѣненія силы пара. Шурцъ, который такъ высоко ставитъ идею единобожія, очень неблагопріятно относится къ евреямъ, видитъ въ нихъ только одинъ разлагающій критицизмъ. Этнологъ долженъ былъ бы помнить заслуги этого племени. Врядъ ли какой народъ перенесъ столько несчастій, какъ еврейскій. Онъ былъ и теперь еще остается жертвою фанатизма; при этомъ фанатики забываютъ, откуда и отъ кого человѣчество получило

ясное представленіе о единобожіи — вѣдь не отъ другихъ культурныхъ народовъ древности, а отъ того же еврейства, уже растерзаннаго на части послѣ Вавилонскаго плѣненія. Нельзя также не вспомнить о культурныхъ заслугахъ евреевъ въ средніе вѣка.

Для ознакомленія съ этими заслугами евреевъ не нужно большихъ изысканій. Достаточно только одной книги американца Дрепера, который обратилъ наибольшее вниманіе на этотъ вопросъ среди популяризаторовъ исторіи развитія европейской культуры.

Неблагосклоненъ также Шурцъ и къ вопросу о женскомъ равноправіи. Здѣсь онъ, главнымъ образомъ, останавливается на половыхъ различіяхъ и очень тщательно старается выставить ихъ значеніе. Онъ настолько далеко заходитъ въ этомъ, что даже видитъ параллели половымъ контрастамъ въ общественныхъ явленіяхъ. По его мнѣнію наука мужескаго пола, искусство—женскаго. Кажется, однакоже, никто не предлагалъ, если можно такъ выразиться, превратить женщину въ мужчину женскаго пола. Дѣло до сихъ поръ ограничивается лишь борьбой за признаніе правъ женщины, какъ человѣка и гражданки, словомъ за признаніе женщины человѣкомъ, а не какимъ-то недорослемъ среди людей. Конечно, половыя различія имѣютъ громадное значеніе и, по всей вѣроятности, при полной свободѣ самоопредѣленія, выдѣлятся профессіи и положенія въ обществѣ, изъ которыхъ одни будутъ преимущественно эксплоатироваться мужчинами, другія женщинами; но здѣсь вопросъ можетъ быть рѣшенъ только опытомъ. Не надобно забывать, что нормальныя отношенія могутъ быть только между равными—par pari gaudet и никогда не установится нормальныхъ отношеній между полами, если одинъ изъ нихъ не будетъ считать другого равнымъ ему. Здѣсь мы встрѣчаемся съ обычными предразсудками, укоренившимися въ нѣмецкомъ обществѣ. Въ болѣе свободномъ, англійскомъ обществѣ, человѣкъ далеко не крайнихъ мнѣній, позитивистъ и почитатель Огюста Конта, Джонъ Стюартъ Милль, уже послѣ изданія своей книги о подчиненности женщинъ, уже на закатѣ дней своихъ снова повторилъ въ одномъ письмѣ свое credo въ слѣдующихъ словахъ: „Я сильно опасаюсь, что при томъ подчиненіи, въ которомъ находится въ нашемъ обществѣ женщина, развитіе человѣчества можетъ остановиться или пойти назадъ". Эти слова сказаны были около сорока лѣтъ тому назадъ. Теперь же Шурцъ говоритъ противоположное, когда осуществленіе политическихъ правъ женщины стало фактомъ. Любопытно также сравнить мнѣніе Шурца о войнѣ съ мыслями, которыя имѣли большой кредитъ въ европейскомъ обществѣ въ пятидесятыхъ годахъ XIX вѣка. Строгій ученый, натуралистъ и филологъ, Литрэ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ послѣдователей позитивизма, въ своей брошюрѣ „Conservation, Revolution et Positivisme" весьма серьезно увѣрялъ, что, по всей вѣроятности, такая война, какъ крымская, врядъ ли возможна въ будущемъ. Это говорилъ французъ послѣ побѣдъ въ Крыму и въ Италіи. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія начали появляться попытки, какъ и всегда, вначалѣ крайне недостаточныя и несовершенныя, но указывающія на вѣру культурнаго общества въ возможность устранить бѣдствія войны. Поворотнымъ пунктомъ отъ этого направленія послужила франко-нѣмецкая война. Весь успѣхъ ея былъ приписанъ превосходству нѣмецкаго оружія, при чемъ совершенно забывалось, какіе люди тогда владѣли и управляли Франціей. На императорскомъ тронѣ сидѣлъ авантюристъ, творецъ декабрьскаго переворота, для котораго Франція существовала только въ той мѣрѣ, насколько она могла содѣйствовать укрѣпленію ново-бонапартовской династіи. При такомъ режимѣ она не могла обладать достаточной силой для борьбы, и самое объявленіе войны было отчаяннымъ средствомъ сохранить династію, которая стала крайне непопулярна въ странѣ. Весь успѣхъ былъ приписанъ германской арміи.

Отсюда и началось поклоненіе и подражаніе всему нѣмецкому, такъ же какъ раньше существовало поклоненіе и подражаніе Франціи.

Читатель увидитъ изъ нашихъ замѣчаній, что всѣ отмѣченныя нами несогласія съ авторомъ касаются по большей части тѣхъ его экскурсій въ область современныхъ отношеній, безъ которыхъ легко могла бы обойтись „Исторія первобытной культуры“, и мы бы желали, чтобы читатель, не смущаясь этими à propos, обратилъ вниманіе на основное содержаніе книги автора, гдѣ онъ въ дѣйствительности является мастеромъ своего дѣла. Книга его не блещетъ богатствомъ фактическаго матеріала. Онъ только служитъ у него поясненіемъ проводимыхъ имъ мыслей, что придаетъ ей большое значеніе. Фактовъ не очень много; но подобраны они мастерски. Это для любителя этнологіи дастъ большой матеріалъ для размышленій и для провѣрки выводовъ автора на основаніи другихъ источниковъ.

Что касается перевода, то онъ, къ сожалѣнію, не могъ быть цѣльнымъ и однообразнымъ, такъ какъ первая половина книги переведена покойнымъ профессоромъ казанскаго университета Смирновымъ, другая мною. Въ нашемъ переводѣ мы не гонялись за подстрочной точностью, стараясь только передать яснѣе мысль, впрочемъ по возможности не отступая отъ подлинника. Мы позволили себѣ только вмѣсто описанія юрты, заимствованнаго у Пржевальскаго, замѣнить нашимъ собственнымъ, болѣе подробнымъ и точнымъ, затѣмъ мы вмѣсто крайне суммарнаго описанія ткацкаго станка дали болѣе полное. Среди фактическаго матеріала у Шурца мало примѣровъ изъ быта русскихъ инородцевъ Россіи и сѣверной Азіи, и мы сочли умѣстнымъ пополнить ихъ матеріаломъ, болѣе доступнымъ для русскихъ читателей. Кромѣ списка трудовъ Шурца, мы помѣстили здѣсь и портретъ автора, единственный, который мы могли достать.

С.-Петербургъ,

29 октября 1907 г.

Д. Клеменцъ.

Оглавленіе.

Списокъ иллюстрацій.

Отдѣльныя приложенія.

Хромолитографіи.

Гравюры и автотипіи.

Карта.

Рисунки въ текстѣ.

Исторія первобытной культуры.

Введеніе.

Съ давнихъ поръ люди видятъ въ культурѣ высшее свое благо, самое драгоцѣнное свое сокровище. Они чувствуютъ, что это достояніе отдѣляетъ ихъ отъ другихъ живыхъ обитателей земли, да и въ самомъ человѣчествѣ ни одинъ признакъ не отличаетъ такъ рѣзко другъ отъ друга народы и сословія, какъ высота и характеръ культуры. Не только эллинъ признавалъ себя существомъ болѣе высокаго типа, нежели варваръ, но даже безпритязательные береговые обитатели меланезійскихъ острововъ смотрятъ презрительно на грубыхъ сосѣдей своихъ, обитающихъ внутри этихъ острововъ; даже въ жалкихъ лохмотьяхъ европейскаго платья первобытные народы видятъ символы высшаго развитія. Самосознаніе не всегда, однако, приводитъ къ истинному взгляду на вещи: бо́льшая часть того человѣчества, которое гордится своей высшей культурой, принимаетъ это преимущество, какъ само собою понятное и заслуженное благо. Но мыслящіе умы, которые руководятъ народами на пути къ познанію, рано обратили свой взоръ отъ предметовъ окружающаго міра на самихъ себя и на маленькій міръ цѣлесообразно измѣненныхъ сокровищъ природы, которыми въ неустанной дѣятельности окружаетъ себя каждое человѣческое общество. Кантъ, наконецъ, высказалъ смѣлую мысль, что культура — конечная цѣль природы, поскольку законы ея проявляются въ человѣчествѣ. Современная наука уклоняется отъ выясненія конечныхъ цѣлей, но и она не можетъ отвергать, что человѣкъ достигъ высшей ступени развитія земной жизни и что его дѣятельность, пока онъ прогрессируетъ, состоитъ въ созиданіи культуры.

Что же такое въ дѣйствительности эта культура? Къ чему сводится это понятіе, о которомъ мы толкуемъ такъ часто, отъ какихъ причинъ зависитъ бытіе, ростъ и гибель культуры? Европеецъ, который можетъ гордиться тѣмъ, что онъ окруженъ наиболѣе развитой культурой, какую можно найти на землѣ, не долженъ затрудняться отвѣтомъ. Ему нужно только оглянуться вокругъ, и онъ ясно увидитъ предъ своими глазами все величіе культуры. Вотъ поднимаются дома, дворцы, соборы, вотъ волнуются воздѣланныя нивы, вотъ катятся экипажи и стонутъ машины, вотъ въ блестящихъ магазинахъ разложены безчисленные предметы, которыми человѣкъ украшаетъ свой домъ, свое тѣло, и рядомъ съ этимъ также предметы питанія и наслажденія, которые онъ добываетъ въ отдаленнѣйшихъ странахъ, и орудія, которыми онъ работаетъ. Здѣсь онъ, такъ сказать, можетъ осязать сущность культуры руками, познать ее всѣми своими чувствами.

Но какъ только онъ отъ созерцанія перейдетъ къ размышленію, блестящая картина будетъ все менѣе и менѣе удовлетворять его стремленіямъ къ истинному познанію, съ нимъ будетъ то же, что съ матеріалистомъ,

который наивно радуясь думаетъ, что въ матеріи найдена имъ основа всѣхъ вещей; но лишь только стоитъ ему приступить къ изслѣдованію этой самой матеріи и онъ тотчасъ же увидитъ, что казавшаяся ему столь твердой основа, безслѣдно ускользнула изъ рукъ и разложилась на систему силъ. И культура въ дѣйствительности состоитъ не изъ матеріальныхъ фактовъ и результатовъ, а изъ силъ, которыя ихъ производятъ. Это нетрудно понять. Представимъ себѣ, что городъ какого-нибудь цивилизованнаго государства, напр. Германіи, былъ бы совершенно уничтоженъ какимъ-либо явленіемъ природы и его жителямъ удалось бы спастись; несомнѣнно, мы увидѣли-бы, что вскорѣ на этомъ же мѣстѣ или вблизи выросли-бы дома, явились-бы различныя произведенія культуры и, наконецъ, снова возникъ-бы городъ, подобный исчезнувшему, можетъ быть, еще болѣе красивый и удобный. Представимъ себѣ, съ другой стороны, что городъ со всѣмъ содержимымъ остался, но вымерло населеніе, и на его мѣстѣ водворились орды австралійскихъ негровъ; нѣтъ сомнѣнія, что дома тогда разрушились-бы, орудія и машины, которыми никто не умѣлъ-бы пользоваться, заржавѣли-бы и испортились; короче — съ людьми погибаетъ и культура, которая отъ нихъ исходитъ, и только въ печальныхъ руинахъ и темныхъ сагахъ сохраняются о ней слабыя воспоминанія. Даже и тамъ, гдѣ живой примѣръ сосѣднихъ высшихъ культуръ вліяетъ на первобытные народы, подражаніе даетъ въ большинствѣ случаевъ только каррикатуры — подобно тому, какъ исказились въ рукахъ варваровъ древнія классическія монеты (см. рис. на стр. 4, 5). Культура связана, стало быть, неразрывно съ людьми, съ культурными народами.

Статеръ Филиппа II Македонскаго. По Эвансу.

И не отдѣльный человѣкъ, а только работа цѣлаго общества можетъ создать культуру. Но это общество обнимаетъ не только тѣхъ относительно немногихъ, которые въ данное мгновеніе наслаждаются жизнью и дѣйствуютъ; оно простирается далеко въ прошедшее и въ будущее, и тотъ, кто къ нему принадлежитъ, питается работой и идеями безчисленныхъ, предшествовавшихъ поколѣній, а самъ сознательно или безсознательно работаетъ, пробивая тѣмъ дорогу для потомства. Наслѣдство знанія передается изъ устъ въ уста, отлагается въ книгахъ и произведеніяхъ письма, воплощается въ остаткахъ прошедшаго; безъ него индивидуумъ — ничто. Но въ то же время и это могучее наслѣдіе является мертвымъ, бездѣятельнымъ, разъ оно не дѣйствуетъ живо и творчески въ поколѣніяхъ настоящаго времени; оно можетъ иногда дремать въ созданіяхъ древнихъ временъ, но только пока оно живетъ, — оно есть воистину культура.

Древне-бриттская золотая монета, вѣроятно подражаніе верхней. По Эвансу.

При этомъ нужно принять во вниманіе и нѣчто другое. Было бы большимъ заблужденіемъ искать наслѣдства прошедшаго только въ преданіи. Если мы примемъ въ наше культурное общество молодого негра изъ Центральной Африки и краснокожаго изъ Бразиліи, то, повидимому, нетрудно будетъ навести на „дикаря“ наружный блескъ нашей цивилизаціи и сообщить ему извѣстную мѣру духовной культурности; но едва ли этотъ сынъ природы, превращенный въ культурнаго человѣка, будетъ настоящимъ членомъ нашего общества, не говоря уже о дѣятельномъ участіи его въ неустанной культурной работѣ Европы; можно даже опасаться, что онъ изнеможетъ подъ тяжестью предъявляемыхъ къ нему и противорѣчащихъ его природѣ требованій. Изъ этого мы убѣждаемся, что работа нашихъ предковъ, въ которой не участвовали его предки, преобразовала свойства нашей расы, и что дѣятельность, тяжелая и невозможная для негра, для насъ

легка потому, что мы унаслѣдовали отчасти навыкъ и силы нашихъ предковъ. Не одни члены тѣла становятся отъ работы сильнѣе и послушнѣе; этотъ законъ имѣетъ силу и для общественнаго организма: духовная сила есть важнѣйшая часть въ наслѣдствѣ культурныхъ народовъ.

Все сказанное можетъ быть сведено къ слѣдующему: культура — это наслѣдство отъ работы предшествующихъ поколѣній, воплощающееся въ наклонностяхъ, сознаніи, работѣ и результатахъ работы каждаго живущаго. Всѣ явленія матеріальной культуры — только внѣшнее выраженіе внутреннихъ процессовъ, къ которымъ они относятся такъ же, какъ постепенно смѣняющіеся атомы тѣла къ той живой силѣ, которая строитъ и поддерживаетъ тѣло. Можно сказать, что исторія культуры, — есть исторія человѣческаго духа.

Но не слишкомъ ли выдѣляемъ мы этимъ человѣка изъ того великаго эволюціоннаго движенія, познаніе котораго является величайшей заслугой новѣйшей науки? Всюду въ органической природѣ предъ нами выступаютъ преобразованія тѣла; пусть даже законъ приспособленія и подбора, формулированный Дарвиномъ, подлежитъ многимъ возраженіямъ, но постоянныя измѣненія въ строеніи тѣла у животныхъ, всеобщій прогрессъ въ направленіи все болѣе и болѣе тонкаго дифференцированія органовъ тѣла остаются фактами, въ которыхъ невозможно сомнѣваться. А законы природы обязательны и для человѣка. Если культура есть ничто иное, какъ продолженіе естественной эволюціи, то тѣло человѣка должно было прежде всего приспособляться къ наростающимъ новымъ и болѣе тяжелымъ задачамъ, и культурный человѣкъ долженъ былъ бы существенно отличаться отъ сына природы числомъ и пригодностью своихъ органовъ. Но этого нѣтъ. Тѣлесное строеніе австралійца и огнеземельца только въ несущественныхъ подробностяхъ отличается отъ строенія арійца или китайца, и предки современнаго человѣка, насколько по костямъ можно судить о тѣлесныхъ признакахъ доисторическихъ поколѣній, не отличались существенно отъ потомковъ. Различія расъ проявляются въ величинѣ тѣла, въ цвѣтѣ кожи, волосъ, глазъ, въ формахъ черепа, выраженіи лица, которое является зеркаломъ духовной жизни; отличій много, но именно части тѣла, при помощи которыхъ человѣкъ движется, работаетъ, которыми онъ дѣйствуетъ для развитія внѣшней культуры, по своему строенію и примѣненію мало отклоняются одни отъ другихъ у различныхъ народовъ. Тотъ фактъ, что мы, европейцы, — какъ намъ могутъ возразить, — отчасти утратили подвижность ножныхъ пальцевъ, которые у многихъ тропическихъ племенъ несутъ разнаго рода службы при промышленной дѣятельности, является слѣдствіемъ продолжительнаго употребленія тѣсной обуви; способность эту при соотвѣтствующемъ упражненіи можно опять пріобрѣсти.

Подражаніе англійскимъ монетамъ у сѣверо-африканцевъ-туземцевъ. По Гартману. См. текстъ, стр. 4.

Такимъ образомъ, остается несомнѣннымъ, что человѣкъ — съ тѣхъ поръ, какъ онъ отъ низшей ступени развитія поднялся до современнаго тѣлеснаго строенія — не преобразуется болѣе физически, что тѣлесное дифференцированіе у него совершенно замѣнилось непрерывнымъ измѣненіемъ мозга и концентрирующихся въ мозгу силъ, т. е. духа. Въ животномъ мірѣ сознаніе, конечно, также прогрессируетъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ — и въ этомъ отношеніи нѣтъ непреодолимой преграды между человѣкомъ и другими живыми существами земного шара; но у животныхъ духовное развитіе и тѣлесное дифференцированіе идутъ по большей части параллельно, у человѣка послѣднее исчезаетъ совершенно и за счетъ его растетъ прогрессъ духовный.

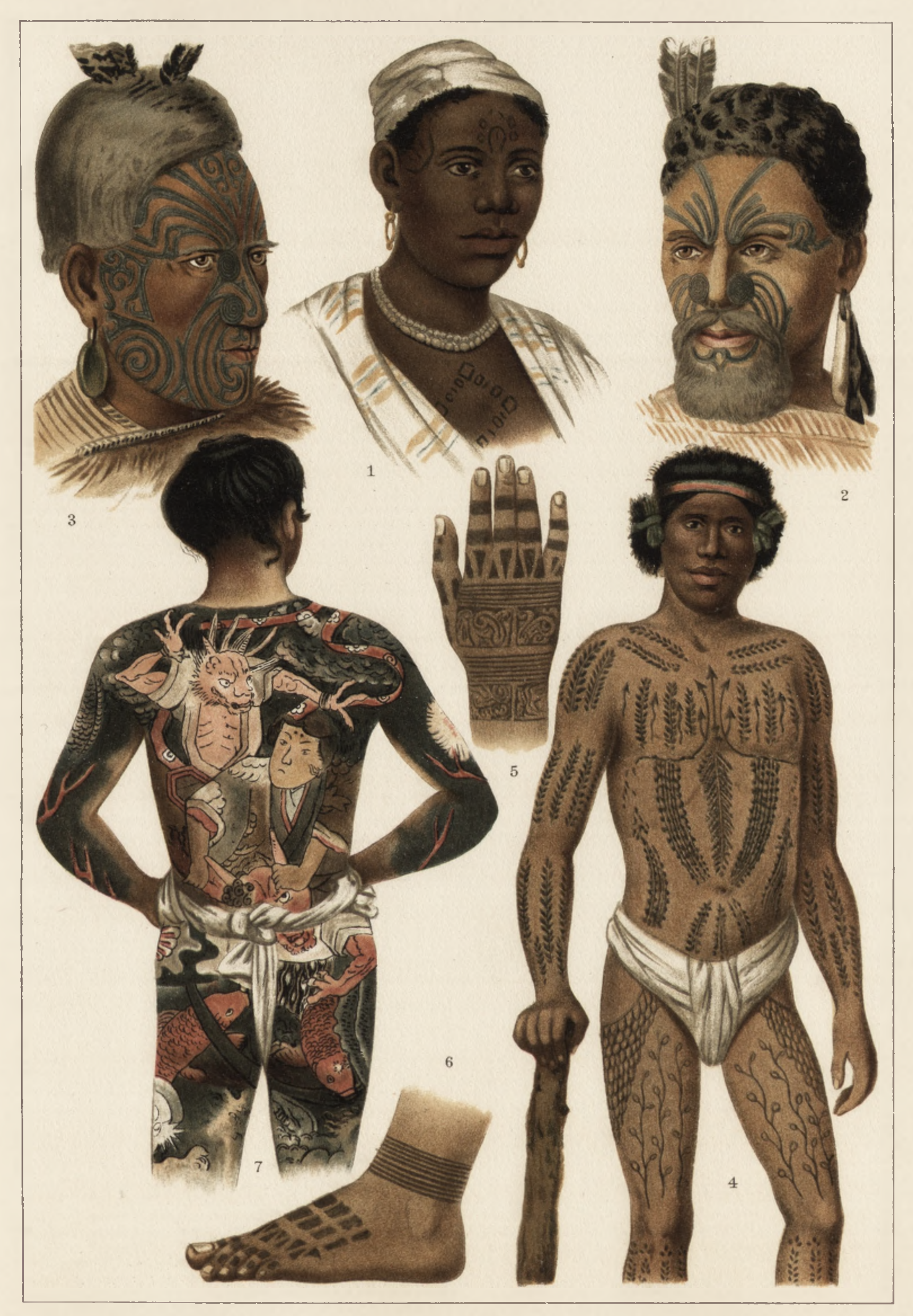
Человѣчество само — на низшихъ ступеняхъ развитія — кажется, не совсѣмъ сочувственно относится къ своему выступленію изъ условій всеобщаго порядка эволюціи и стремится искусственно задержать и передать случайныя или возникшія вслѣдствіе опредѣленной дѣятельности измѣненія тѣла, которыхъ не передаетъ въ желательной степени наслѣдственность: головѣ придаютъ или плоскую форму, или форму сахарной головы, заостряютъ пилой зубы (см. рис. ниже), вставляютъ куски дерева въ уши, губы, носъ, неестественно связываютъ члены, уродуютъ ноги, покрываютъ кожу декоративными шишками или несмываемыми рисунками (см. рис. на стр. 7, 8 и прилагаемую хромо-литографію „Орнаментальная татуировка") или, по крайней мѣрѣ, слѣдятъ съ наслажденіемъ за самыми неслыханными уродствами модъ въ платьѣ; короче, недостатка въ стремленіи варьировать основной человѣческій типъ нѣтъ, но этимъ капризамъ сознанія противопоставляетъ свое непреодолимое сопротивленіе та таинственная сила, которая строитъ человѣческое тѣло и продолжаетъ свою работу изъ поколѣнія въ поколѣніе; и въ утробѣ матери, которая якобы для красоты уродуетъ тѣло самыми удивительными способами, дитя лежитъ, какъ чистый типъ человѣческой фигуры, неизмѣненный въ теченіе тысячелѣтій, въ теченіе которыхъ онъ населяетъ земной шаръ.

Опиливаніе зубовъ у дайаковъ, Борнео. По Лингъ Роту. Ср. текстъ выше.

Отчего-же происходитъ, что люди, по счастливому выраженію Флиндерса Петри, развиваются такъ же благодаря внутреннимъ преобразованіямъ въ структурѣ ихъ мозга, какъ другія живыя существа путемъ внѣшнихъ измѣненій костей и мускуловъ? Отвѣтъ найденъ давно: человѣкъ, изобрѣтя орудія, создавъ такимъ образомъ рядъ новыхъ временныхъ органовъ, онъ этимъ приспособилъ самую необходимую часть своего тѣла къ самымъ разнообразнымъ функціямъ, благодаря чему сдѣлалось излишнимъ и задержалось дальнѣйшее преобразованіе рукъ и другихъ частей тѣла; теперь развиваются уже орудія, и ихъ созданіе и преобразованіе не является уже дѣломъ темныхъ инстинктовъ организма, но дѣятельностью бодрствующаго духа человѣка во имя ясно сознанныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, при изслѣдованіи культуры намъ встрѣтится необходимость постоянно отъ матеріальной стороны бытія переходить въ область человѣческаго духа, въ которомъ и при посредствѣ котораго образуется и держится культура.

Сознаніе, образующее основу всей духовной жизни, является для человѣка, естественно, важнѣйшей частью всего существа его; какъ неограниченный повелитель, оно распоряжается силами тѣла и съ помощью ихъ не только сохраняетъ и поддерживаетъ свое тѣло, но преобразуетъ и заставляетъ служить себѣ и внѣшній міръ. Кто лишился сознанія, тотъ можетъ еще прозябать, но онъ уже пересталъ быть членомъ человѣческаго общества.

Присмотримся же поближе къ этому царственному сознанію, которое повидимому, такъ крѣпко держитъ въ своихъ рукахъ бразды человѣческаго развитія и выяснимъ себѣ, насколько мы можемъ довѣриться его силамъ. Тутъ мы откроемъ, что у столь цѣлостнаго, повидимому, существа, какъ человѣкъ, сознаніе временами почти совершенно отсутствуетъ, но дѣятельность организма, однако, не прерывается: въ глубокомъ снѣ сознаніе почти угасаетъ, но сердце работаетъ неутомимо и гонитъ кровь по жиламъ, безпрерывно дышатъ легкія, и пищевареніе идетъ своимъ ходомъ. Случается даже большее: когда тѣло получило повреждение, оно находитъ цѣлесообразныя средства исцѣлить ихъ, не спрашивая сознанія и не руководствуясь его воззрѣніями. Гдѣ было это гордое сознаніе, когда тѣло развивало изъ клѣточки зародыша самого себя съ своими безчисленными костями, мускулами, нервами, съ своими удивительно цѣлесообразными органами? Какими жалкими являются притязанія духа, сравнительно

 Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Орнаментальная татуировка.

1. Негритянка. 2. Князь Гирити-Пасвата (Новая Зеландія). 3. Король Тауxіао (Новая Зеландія). 4. Островитяне-каролинцы. 5 и 6. Рука и нога даяка изъ Борнео. 7. Японецъ.

съ этими слѣпыми, но знающими свои цѣли и столь увѣренными въ своихъ средствахъ силами, которыя дѣйствовали раньше, чѣмъ онѣ могли сознать себя, которыя закончили ходъ эволюціи на землѣ раньше, чѣмъ первые проблески сознанія начали освѣщать темную работу инстинктовъ? И теперь еще его свѣта лишенъ исполинскій міръ растеній—и, однако, поднимаются здоровыя сильныя деревья, цвѣтутъ цвѣты, зрѣютъ плоды и далеко раскидываются сѣмена новой жизни.

Сознаніе начинаетъ брезжить впервые въ низшихъ животныхъ; и дологъ, и труденъ былъ путь, который въ концѣ концовъ сдѣлалъ духъ человѣка такимъ превосходнымъ орудіемъ борьбы за существованіе, какимъ онъ яляется теперь; но основнымъ признакомъ духа, уже въ самомъ началѣ является способность дѣлать выборъ между различными побужденіями, идти навстрѣчу полезному и благопріятствующему, удаляться отъ враждебнаго или отражать его. Созиданіе и разрушеніе, — эти вѣчно смѣняющіяся явленія природы, — обнаруживаются теперь какъ любовь и ненависть, т. е. какъ тѣ основныя силы, къ которымъ Эмпедоклъ сводитъ бытіе міра. Сознаніе создаетъ новыя возможности существованія, оно выступаетъ во взаимодѣйствіи съ другими свойствами живыхъ существъ, которыя его пріобрѣли, однако-же оно ни въ какомъ не можетъ устранить тѣхъ творческихъ силъ или внутреннихъ причинъ, которыя, по выраженію Негели, „хотя и признаются вообще за непостижимую тайну, но считаются ни во что и которыя, тѣмъ не менѣе такъ очевидно, такъ осязательно управляютъ міромъ“. Эти силы также продолжаютъ неизмѣнно дѣйствовать, и сознаніе, разсматриваемое съ этой стороны, кажется только органомъ, который онѣ создали себѣ, чтобы достигнуть цѣлей все болѣе и болѣе тонкаго дифференцированія.

Татуированіе рубцами у бангаловъ, — государство Конго. По Лемэру. Ср. текстъ, стр. 6.

Но есть и другая точка зрѣнія, которая даетъ намъ возможность видѣть въ развитіи духа процессъ, подобнаго которому не представляютъ другіе виды прогресса жизни: духъ противопоставляетъ безсознательной цѣлесообразности силъ природы, на которыхъ покоится первоначально его собственное существо, цѣлесообразность сознательную, которая иногда ставитъ его въ антагонизмъ съ природой и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщаетъ вывести изъ области темныхъ стремленій на новыя, до сихъ поръ еще недостигнутыя высоты. Можетъ быть, нигдѣ этотъ антагонизмъ не выступаетъ такъ ярко, какъ въ искусствѣ врача. Тѣ силы, которыя не справлялись съ разумомъ при построеніи тѣла, умѣютъ исцѣлять и раны, нанесенныя тѣлу; извѣстно, напр., какъ онѣ повышеніемъ температуры борятся противъ тѣхъ маленькихъ существъ, которыя разлагаютъ и отравляютъ кровь, какъ тунеядные пришельцы. Въ общемъ, врачъ долженъ довѣрять этой самопомощи тѣла; случается, однако, что онъ обязанъ противодѣйствовать неразумнымъ предохранительнымъ средствамъ природы, когда она, напримѣръ, стремится удалить путемъ нагноенія постороннее тѣло, проникшее въ слѣпую кишку, или когда она поднимаетъ температуру тѣла до угрожающей смертью высоты. Это, конечно, успѣхи, незначительные сами по себѣ, сравнительно съ той внутренней цѣлительной дѣятельностью, — но все же это побѣды зрячаго сознанія надъ слѣпыми силами, и онѣ указываютъ путь, на который вступило развитіе духа и по которому

оно должно идти далѣе. Вундтъ имѣлъ въ виду этотъ путь, говоря, что „изслѣдующій умъ долженъ видѣть свою высшую задачу въ замѣнѣ инстинктивнаго познанія чувства яснымъ познаніемъ разума“. Но очевидно, что это развитіе духа идетъ рука объ руку съ развитіемъ культуры.

Было бы, однако опаснымъ заблужденіемъ, думать, что духъ могъ бы устоять безъ этой темной стороны жизненной дѣятельности и, что прогрессъ культуры сводится къ чистому одухотворенію человѣческаго рода. Въ дѣйствительности безсознательное всегда образуетъ основу личности, оно идетъ впередъ вмѣстѣ съ сознаніемъ и чрезъ сознаніе; они дополняютъ другъ друга, и одно безъ другого немыслимы; если спящій, новорожденный и идіотъ могутъ прозябать безъ свѣта разума, то человѣческое общество такъ существовать не можетъ, а что, съ другой стороны, для духа невозможно самостоятельное земное существованіе, это само собой вытекаетъ изъ его развитія: дѣйствія разумныя и инстинктивныя человѣку необходимы въ одинаковой степени.

Слово **инстинктъ** указываетъ намъ путь, на которомъ мы лучше всего познаемъ взаимно-дополняющую *дѣятельность* **свѣтлой** и **темной** сторонъ человѣка, — какъ называетъ ихъ Фехнеръ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ возможность установить взглядъ на ходъ развитія духовной культуры. Разсматривая животный міръ, мы видимъ, что существуетъ два вида инстинктовъ. Одни возникаютъ совершенно безъ содѣйствія сознанія; ихъ называютъ „первичными“, такъ какъ они безусловно врожденные. Они передаются путемъ наслѣдственности изъ поколѣнія въ поколѣніе безъ примѣровъ и поученій. Руководимый первичнымъ инстинктомъ, шелковичный червь прядетъ свой искусный домикъ, пчела строитъ свои соты и паукъ ткетъ свою губительную сѣть. Совершенно изолированнымъ отъ вліянія сознанія не остается и этотъ инстинктъ со своей слѣпой цѣлесообразностью; часто случается, что инстинктивная дѣятельность приспособляется къ измѣнившимся условіямъ и въ концѣ концовъ преобразовывается до основанія; припомнимъ тѣхъ птицъ, на устройство гнѣздъ которыхъ оказываетъ вліяніе свойство человѣческихъ построекъ, напр., извѣстныхъ американскихъ ласточекъ, или собаку, у которой привитые инстинкты преобразовали естественные до неузнаваемости. Измѣненія совершаются, несомнѣнно, при посредствѣ сознанія; но сознаніе можетъ и само собою создавать инстинктивныя стремленія. Можно даже сказать, что дѣятельность мозга прежде всего состоитъ въ томъ, чтобы превращать все новые ряды дѣйствій, усвоенныхъ цѣлесообразно, въ автоматическіе, въ „вторичные“ инстинкты, которые могутъ дѣйствовать и безъ постояннаго контроля разума, при наличности соотвѣтствующаго возбужденія. Этотъ процессъ, сводящійся въ сущности къ облегченію работы духа, яснѣе всего выступаетъ въ тѣхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, которыя съ трудомъ и неловко дѣлаетъ ребенокъ, пока, наконецъ, не пріучится выполнять ихъ автоматически, какъ бы играя, когда онъ ходитъ, прыгаетъ, ѣстъ, говоритъ, пишетъ и т. д. Если бы взрослый **вздумалъ**, подобно ребенку, при каждомъ шагѣ провѣрять движенія отдѣльныхъ мускуловъ при ходьбѣ или при письмѣ каждый разъ точно представлять себѣ форму каждой буквы, то получилось бы весьма жалкое и смѣшное зрѣлище. Вся выучка сводится къ тому, чтобы большую часть извѣстной работы превратить въ автоматическія движенія, чтобы духъ оставался свободнымъ и готовымъ утилизировать или дѣлать безвредными неправильности и неожиданныя случайности.

Татуированная рука дайака, Борнео. По Лингъ Роту. Ср. текстъ, стр. 6.

Но если автоматическая дѣятельность основана въ сущности на томъ, что ряды представленій связываются между собой по привычкѣ и одновременно разрѣшаются въ соотвѣтствующія дѣйствія, въ то время, какъ сознанію нужно дать только знакъ для замкнутія ряда, то несомнѣнное преимущество выпадетъ на долю духа, который располагаетъ возможно большимъ числомъ такихъ автоматическихъ рядовъ, такъ какъ онъ всегда большую часть своихъ дѣйствій можетъ исполнять механически, оставаясь бодрствующимъ и свѣжимъ предъ лицомъ идущихъ извнѣ возбужденій. Онъ походитъ на хорошо обученнаго солдата, который безъ замедленія выполняетъ артикулы, умѣетъ быстро зарядить свое ружье и при этомъ не терять изъ вида противника; въ то время какъ солдатъ, невыправленный, спотыкается о свои ноги, не умѣетъ справляться съ ружьемъ и въ неловкомъ усердіи только портитъ дѣло. Но обученный солдатъ имѣетъ преимущество и въ другомъ отношеніи. Если бы можно было сравнить заученные механическіе пути представленій съ просѣками въ густомъ лѣсу, то некультивированный духъ располагаетъ лишь немногими такими просѣками и при преслѣдованіи какой нибудь новой идеи, всегда становится на одинъ изъ этихъ путей и неизбѣжно отклоняется отъ настоящей цѣли; въ духѣ же культурнаго человѣка такихъ путей больше и ему легче подойти къ настоящему направленію, а густой лѣсъ настолько расчищенъ просѣками, что ему безъ труда удастся установить новое соединеніе и ступить на новый путь. Другими словами, культурный человѣкъ мыслитъ быстрѣе, легче и свободнѣе, чѣмъ сынъ первобытнаго народа; то, что было продумано и опытомъ дознано, какъ правильное, запечатлѣно въ немъ глубоко, принадлежитъ до извѣстной степени въ качествѣ „вторичнаго“ инстинкта къ его природѣ, не обременяя его сознанія, которое неспособно перерабатывать одновременно значительную массу впечатлѣній. Если ему присущи творческія стремленія, онъ въ состояніи свободно играть своими представленіями, пока изъ игры не получится серьезный результатъ — успѣхъ. Наблюдается часто, какъ занятіе извѣстной проблемой въ шутку можетъ предшествовать рѣшенію новыхъ задачъ. Для забавы давно уже употребляли паровыя свистульки (см. рис. выше) раньше, чѣмъ научились употреблять силу пара для нуждъ культуры.

Мѣдная паровая свистулька итальянской работы XV в. По Бринкману. См. текстъ ниже.

Такимъ образомъ, мы приходимъ опять къ разъ уже высказанному положенію, что наслѣдство, обладаніе которымъ отличаетъ культурнаго человѣка отъ нижестоящихъ народовъ и все человѣчество въ цѣломъ, отъ міра животныхъ, заключается не только во внѣшнихъ проявленіяхъ, не только въ устномъ и письменномъ преданіи, но и въ психическомъ предрасположеніи. Теперь яснѣе выступаетъ передъ нами и существо культурной работы: во всякомъ случаѣ, она стремится къ тому, чтобы на мѣсто безсознательно цѣлесообразнаго, на мѣсто позывовъ и первичныхъ инстинктовъ поставить ясное познаніе причинъ и цѣлей и, такимъ образомъ, дать толчекъ къ сознательно цѣлесообразной дѣятельности; но она можетъ осуществить это только, превращая снова пріобрѣтенное сознательно въ слѣдующую механическую цѣпь представленій, которымъ соотвѣтствуютъ автоматически выполняемые ряды дѣйствій. Но духъ всегда сохраняетъ возможность — и это отличаетъ вторичные инстинкты и дѣйствія отъ первичныхъ — если найдетъ удобнымъ пустить въ ходъ эти автоматическіе аппараты, распола-

гая до извѣстной степени силой контролировать ихъ во время теченія; въ случаѣ же нужды, онъ можетъ останавливать ихъ или направлять на другіе пути. Эти духовныя предрасположенія составляютъ важнѣйшую часть наслѣдства, которое получили культурные народы отъ своихъ предковъ, такъ какъ безъ нихъ преданіе было бы пустымъ звукомъ и мертвой буквой.

Такъ какъ преданіе само есть ничто иное, какъ часть воспоминаній человѣчества, то становится яснымъ, что и пріобрѣтенные инстинкты составляютъ часть этихъ воспоминаній и притомъ важнѣйшую, необходимѣйшую; даже первичные инстинкты составляютъ до извѣстной степени воспоминанія безсознательныхъ силъ. Только съ начертанными напередъ въ мозгу рядами представленій легко связываются соотвѣтствующія дѣйствія; иначе самыя мудрыя соображенія разума и лучшіе уроки преданія не могутъ выразиться въ дѣйствіяхъ и остаются безплодными. Кто не наблюдалъ этого—прежде всего въ области морали—на себѣ и на другихъ? „Лучшій проповѣдникъ“, — говоритъ у Шекспира мудрая Порція, — „тотъ, кто слѣдуетъ собственнымъ наставленіямъ. Легче двадцать человѣкъ научить тому, что хорошо, чѣмъ быть однимъ изъ этихъ двадцати и слѣдовать своимъ собственнымъ наставленіямъ“.

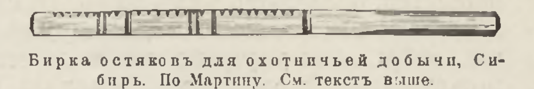
Съ совершенно иной силой выступаютъ, напротивъ, дѣйствія, которыя связаны съ унаслѣдованными или съ ранняго дѣтства систематически запечатлѣвавшимися рядами представленій, хотя бы даже и безсмысленными. Человѣкъ, находящійся во власти этихъ инстинктовъ, пріобрѣтаетъ незнающую преградъ силу, которая не всегда служитъ ко благу человѣчества. Ужасающій примѣръ ассассиновъ*), которые по приказу начальника, бросались внизъ съ башни или, пронзивши жертву, спокойно позволяли рубить себя, является однимъ изъ безчисленныхъ подобныхъ фактовъ, но онъ не долженъ насъ ослѣплять насчетъ того, что все же большая часть вторичныхъ инстинктовъ составляетъ основу прогресса культуры. Образованнаго человѣка отличаетъ отъ грубаго выскочки, не сумма познаній, но прежде всего способность свободно и естественно проявлять извѣстныя высшія воззрѣнія и дѣйствія. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ примѣръ ассассиновъ долженъ обратить наше вниманіе на то, что одностороннее развитіе обратившихся въ инстинкты представленій заключаетъ въ себѣ и нѣчто опасное.

Если вторичные инстинкты и представляютъ собой важнѣйшій видъ человѣческихъ воспоминаній, то они ни въ какомъ случаѣ не являются единственными. Мы не будемъ говорить о запасѣ воспоминаній отдѣльной личности, безъ котораго былъ бы немыслимъ и запасъ воспоминаній общества, но о двухъ грандіозныхъ пособіяхъ человѣческаго преданія — языкѣ и письмѣ. Традиція мыслима и безъ нихъ—путемъ примѣра; въ высшемъ животномъ мірѣ это даже единственный видъ ея: хотя уже прирожденный инстинктъ клонитъ молодыхъ птенцовъ къ летанію и къ построенію гнѣздъ, молодыхъ обезьянъ къ разысканію вкусныхъ плодовъ, но примѣръ старшихъ безусловно облегчаетъ молодымъ усвоеніе необходимой выучки или, лучше сказать, онъ будитъ дремлющій инстинктъ. У человѣка сюда присоединяется языкъ, который въ животномъ мірѣ имѣется лишь въ скромныхъ зачаткахъ, и оставляетъ далеко за собой, благодаря своей большей пригодности, всѣ другія средства объясненія и поученія. Но и этимъ не оканчивается его роль, онъ побуждаетъ разумъ къ образованію ясныхъ понятій и одновременно даетъ ему и матеріалъ для этихъ понятій и благодаря ему происходитъ громаднѣйшій переворотъ во внутренней жизни человѣка: изъ мышленія образами и представленіями, которое въ цѣломъ должно ограничиваться только чувственной сферой, возникаетъ мышленіе словами и отвле-

*) Ассассины — политико-религіозная магометанская секта, игравшая большую роль въ Персіи, Сиріи и Палестинѣ во время крестовыхъ походовъ. Это были фанатики, готовые каждую минуту жертвовать своею жизнью для исполненія даннаго имъ приказанія. Прим. редакціи.

ченными понятіями. Такъ какъ языкъ мыслимъ только среди общества, и такъ какъ онъ дѣлаетъ возможной одновременную передачу новопріобрѣтенныхъ познаній всѣмъ членамъ общества, то прогрессъ языка и разума являются вмѣстѣ съ тѣмъ и прогрессомъ культуры. Далѣе, благодаря языку, который допускаетъ передачу отъ поколѣнія къ поколѣнію, становятся возможными болѣе живучія воспоминанія человѣчества, и дополняютъ собой запасъ инстинктивныхъ воспоминаній. Это—новое облегченіе для духа, такъ какъ сохраненіе традиціи можетъ распредѣляться между различными лицами, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивается сохранность воспоминаній, которыя теперь не связаны только съ однимъ лицомъ, но могутъ легко передаваться и даже перекочевывать отъ одного народа къ другому.

Первобытные народы остаются при языкѣ и нѣкоторыхъ первобытныхъ памятныхъ знакахъ (см. рис. ниже); высшая культура, напротивъ, немыслима безъ **письма**, которое даетъ человѣку искусственную память неограниченнаго объема. Духъ получаетъ, благодаря письму, еще облегченіе; одновременно лучше, чѣмъ устнымъ преданіемъ, обезпечивается и поступательное движеніе культуры. Если теперь произвольно или случайно извѣстная область знанія находится въ пренебреженіи, если упадокъ культуры, повидимому, сглаживаетъ ее въ памяти человѣчества, то пріобрѣтенное не теряется, если только записи переживутъ неблагопріятныя времена. Черезъ мутныя волны потока народовъ, который заливалъ Европу въ эпоху великаго переселенія, поэты и философы Греціи говорятъ нашему времени, а неутомимое усердіе изслѣдователей возвратило языкъ іероглифамъ Египта и библіотекамъ Вавилоніи. Изобрѣтеніе **книгопечатанія**, наконецъ, создало возможность распространить завоеванія культуры въ самыя отдаленные углы земли, оно даетъ голосъ тому, кому есть что сказать, голосъ, который можетъ быть услышанъ всюду, а опасность утраты какого либо труда уменьшается благодаря большому количеству оттисковъ. Съ момента, когда извѣстные факты и взгляды становятся доступными всѣмъ членамъ культурнаго міра, возникаетъ общее основаніе для мышленія и союзъ, который можетъ охватить многіе милліоны людей. У народовъ же, не знающихъ письма, тѣсный союзъ возможенъ только въ тѣхъ предѣлахъ, которыхъ достигаютъ личныя сношенія и обмѣнъ мыслей при помощи устной передачи.

Бирка остяковъ для охотничьей добычи, Сибирь. По Мартину. См. текстъ выше.

Такъ какъ образованіе вторичныхъ инстинктовъ, въ дѣятельности которыхъ разумъ не участвуетъ — Lapsing of intelligence, — какъ называетъ это Льюисъ, вмѣстѣ съ наличностью языка и письменности, освобождаютъ умъ культурнаго человѣка отъ излишней стѣсняющей его свободу работы, то этотъ умъ, привыкшій къ мышленію и труду, можетъ теперь со всей силой обратиться къ нерѣшеннымъ сомнительнымъ вопросамъ бытія и посвятить себя настоящему прогрессу. Конечно, и у высоко цивилизованныхъ народовъ будутъ дѣйствовать въ этомъ направленіи относительно немногіе, но на этихъ немногихъ и покоится дальнѣйшее развитіе культуры.

Противъ этого послѣдняго воззрѣнія поднимутся, конечно, возраженія; не каждый согласится, чтобы на личность могла возлагаться такая важная задача передъ обществомъ; многіе скажутъ даже, что этотъ родъ воззрѣній является только остаткомъ дѣтскихъ представленій, согласно которымъ человѣкъ является центромъ всего бытія, какъ свободное самоопредѣляющееся существо. И въ самомъ дѣлѣ, присмотримся къ человѣческой личности, припомнимъ, какъ ее создаютъ и отчасти надъ ней господствуютъ силы, надъ которыми разумъ не имѣетъ никакой власти, какъ она въ своихъ наклонностяхъ и задаткахъ воплощаетъ дѣятельность прошедшихъ поколѣній какъ она питается сокровищами прошедшаго и опредѣляется въ своей дѣятельности и стремленіяхъ примѣромъ и судомъ окружающихъ, и тогда

она покажется такой маленькой, такой незначительной, что можно было бы сомнѣваться даже относительно ея существованія. Не было недостатка въ попыткахъ отказать ей въ послѣднемъ остаткѣ самостоятельности, и все, что до сихъ поръ приписывалось личности, разсматривать какъ функцію общества, къ которому личность стоитъ въ такомъ же отношеніи, какъ клѣтка къ организму. Выраженіе Лихтенберга, что можно было такъ же хорошо сказать „es denkt“, какъ „es blitzt“, указываетъ на направленіе такихъ воззрѣній. Можетъ быть съ наибольшей рѣшительностью выдвинулъ это воззрѣніе Гумпловичъ. „Величайшимъ заблужденіемъ индивидуальной психологіи“, говоритъ онъ, „является предположеніе, что человѣкъ мыслитъ... То что мыслитъ въ человѣкѣ, это не онъ, а его соціальная среда. Источникъ его мышленія не въ немъ, а въ соціальной средѣ, въ которой онъ живетъ, въ соціальной сферѣ, гдѣ онъ дышетъ; онъ не можетъ думать иначе, чѣмъ это выходитъ изъ концентрирующихся въ его мозгу вліяній окружающей его соціальной среды“.

Въ этомъ слышится необыкновенная научность. Но вѣрно ли это? Здѣсь говорится не о наслѣдственныхъ свойствахъ расы или пола, не о ставшихъ механическими сцѣпленіяхъ представленій и дѣйствій, но о воззрѣніи, что группы индивидуумовъ, которыя въ данную минуту образуютъ общество, обладаютъ чѣмъ то вродѣ коллективнаго сознанія, которое находитъ свое выраженіе въ индивидуумѣ, но не исходитъ изъ него. Тутъ однако же совершенно упущено изъ вида, что по крайней мѣрѣ взрослый человѣкъ можетъ превосходно жить, мыслить и дѣйствовать безъ всякаго общества. Не нужно вызывать изъ могилы многострадальную тѣнь Робинзона, чтобы это доказать; достаточно извѣстны индійскіе подвижники и христіанскіе анахореты, которые совершенно устраняются отъ сношеній съ людьми, такъ какъ „соціальная среда“ возбуждаетъ въ нихъ отвращеніе; параллельныя явленія имѣются и у первобытныхъ народовъ. Геккевельдеръ сообщаетъ относительно индѣйцевъ Сѣверной Америки, что среди нихъ всегда есть субъекты, которые не хотятъ подчиняться общественнымъ порядкамъ и бродятъ одиноко; Галь говоритъ относительно новобританцевъ: „Отдѣльная личность можетъ устроиться и особо, уйти въ лѣсъ и избѣжать всякихъ сношеній съ посторонними, и всѣхъ, внѣ своего ближайшаго личнаго круга, разсматривать какъ враговъ“. Можно ли разсматривать дѣятельность и мышленіе этихъ отдѣлившихся отъ соціальнаго союза лицъ, какъ эманацію общей народной души? Или, съ другой стороны, развѣ мало примѣровъ, какъ изъ бѣглецовъ различныхъ народовъ и расъ образовывались новыя племена, отдѣльные члены которыхъ только постепенно научались взаимно подчиняться? Развѣ здѣсь не ясно видно единичное сознаніе, какъ первоначальный матеріалъ, изъ котораго образуется „общественная душа“? Въ виду односторонности вышеизложеннаго воззрѣнія, эти вопросы могутъ съ полнымъ правомъ быть поставлены.

Нѣтъ ничего въ этомъ случаѣ болѣе поучительнаго, какъ бросить взглядъ на сообщество животныхъ. Здѣсь обнаруживается ясно, что общество есть безусловно нѣчто с о з д а в ш е е с я, что оно представляетъ форму существованія, какъ и другія, но не есть нѣчто такъ или иначе д а н н о е. Животныя, которыя на продолжительное время соединялись въ группы, пріобрѣли въ этомъ соединеніи орудіе къ борьбѣ за существованіе, и это орудіе оказалось пригоднымъ и полезнымъ; другія, которымъ соединеніе въ стада не принесло бы никакой пользы, остаются одинокими и только на время спариванія соединяются. Нельзя сказать, что извѣстныя группы животныхъ исключительно общественныя, другія — безусловно должны жить вразбродъ. Крупныя хищныя животныя, напр., находятъ преимущество въ томъ, что выходятъ на добычу одни, такъ какъ имъ въ такомъ случаѣ лучше удается подстеречь жертву, и они въ самомъ дѣлѣ только въ исключительныхъ случаяхъ соединяются въ стада; но дикія собаки въ Индіи, которыя въ одиночку

едва ли въ состояніи одолѣть мало-мальски крупное животное, охотятся стадами и возмѣщаютъ численностью недостатокъ силъ. У травоядныхъ также встрѣчаются различныя формы соединенія: отъ отдѣльныхъ птичьихъ стай, которыя только на ночь слетаются въ общее мѣсто отдохновенія, до относительно развитыхъ обществъ многихъ обезьянъ. Невозможно сомнѣваться, что нѣкоторые виды животныхъ только постепенно привыкли къ совмѣстной жизни и развили свою общественность; такимъ же образомъ и человѣческое общество не есть исконная основа, изъ которой вытекаютъ всѣ проявленія и дѣятельность индивидуума.

Это нужно было предпослать заранѣе, чтобы устранить переоцѣнку значенія психологіи общества, которая не оправдывается фактами. Впрочемъ, можно признать безусловно, что человѣкъ, какъ результатъ долгой эволюціи,— вполнѣ соціальное существо, которое формируется въ общественномъ союзѣ и только внутри этого союза находится въ своей настоящей стихіи. Уже его физическая природа носитъ слѣды этого рода жизни, который онъ велъ на протяженіи тысячелѣтій. Медленное развитіе человѣческаго потомства привело бы къ вымиранію рода, если бы охрана общества не обезпечивала безопасный ростъ дѣтей и такъ какъ извѣстно, что въ животномъ мірѣ, такъ же какъ и у человѣка, наиболѣе медленно развиваются лучшія силы, то въ этомъ смыслѣ общество составляетъ необходимое предварительное условіе культуры. Не менѣе ясно на долгую совмѣстную жизнь указываетъ у человѣка исчезновеніе періодичности полового возбужденія, которую у высшихъ животныхъ можно назвать сезономъ течки. Такъ какъ человѣкъ сдѣлался независимымъ отъ природы, въ томъ смыслѣ, что, благодаря общей работѣ и попеченіямъ соціальной группы, ребенку во всякое время можно доставить необходимое пропитаніе, то стало излишнимъ пріуроченіе родовъ къ опредѣленному времени и совмѣстная жизнь стала споспособствовать образованію длительныхъ половыхъ союзовъ.

Духовныя особенности человѣка позволяютъ съ еще большей несомнѣнностью убѣдиться въ томъ, что онъ уже издавна привыкъ къ общественному сожительству. Тѣ самодовлѣющія, антисоціальныя натуры, о которыхъ упоминалось выше, образуютъ всегда исключеніе сравнительно съ огромнымъ большинствомъ, которое ищетъ инстинктивно опоры въ другихъ и въ крайнемъ случаѣ предпочитаетъ самое плохое общество одиночеству. Потребность часто и основательно высказываться, — неизмѣнно присущее человѣку свойство, — покоится не на желаніи сообщить глубокія мысли или новыя открытія, но имѣетъ въ своей основѣ цѣлью повысить пріятныя чувства отъ дружественнаго пребыванія вмѣстѣ и вызвать то однородное настроеніе присутствующихъ, въ которомъ прежде всего можно видѣть нѣчто въ родѣ „общественной души“. Далѣе, инстинктъ подражанія, который у ограниченныхъ натуръ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, выступаетъ съ непреодолимой силой („я побѣжалъ, потому что видѣлъ, какъ побѣжали другіе“) вытекаетъ равнымъ образомъ изъ привычки къ общественному сожительству. Гдѣ внутри народа образовались постоянныя соціальныя расчлененія, у низшихъ развивается формальный инстинктъ послушанія, у высшихъ — инстинктъ господства. Понятно само собой, что только изъ долгой соціальной дрессировки могла вырости та громадная власть, которую обычай и преданіе имѣютъ надъ личностью.

Труднѣе отвѣтить на вопросъ, какъ далеко духовная жизнь индивидуума опредѣляется его средой; ясный отвѣтъ невозможенъ уже потому, что здѣсь, несомнѣнно, имѣетъ мѣсто эволюція, которая у различныхъ народовъ, какъ и у различныхъ личностей, неодинаково подвинулась впередъ. Эволюція эта, очевидно, совершается въ томъ смыслѣ, что индивидуумъ становится все болѣе самостоятельнымъ, болѣе свободнымъ и независимымъ въ выборѣ своихъ рѣшеній, другими словами, — давленіе общества у высшихъ культурныхъ народовъ и у наиболѣе одаренныхъ личностей

постепенно теряетъ свою силу. И это совершенно естественно. Членъ какого-нибудь маленькаго первобытнаго народа, который не знаетъ земли за предѣлами своей тѣсно ограниченной родины, который приходитъ съ сосѣдними племенами въ непродолжительное, по большей части враждебное соприкосновеніе, въ которомъ ничто не возбуждаетъ мысли о возможной перемѣнѣ своихъ условій, человѣкъ, заключенный въ самомъ тѣсномъ кругу представленій, подлежитъ, понятно, совершенно иному вліянію преданія и обычая, чѣмъ сынъ культурнаго народа, въ окружающей средѣ котораго высказываются разнообразныя воззрѣнія, котораго обширная литература знакомитъ съ сильными контрастами въ области мысли. Насколько, однако, каждый индивидуумъ въ этомъ смыслѣ зависитъ отъ своей среды, показываютъ примѣръ европейцы, которые, живя одиноко среди первобыт-

Домъ собраній въ дер. Бокула, государство Конго. По Топперу. См. текстъ, стр. 15.

ныхъ народовъ, легко опускаются до воззрѣній своихъ сосѣдей, если внутреннее развитіе ихъ не очень прочно. Такъ, многіе русскіе, живущіе въ Сибири, обнаруживаютъ склонность къ шаманизму. Витковскій[1] разсказываетъ даже объ одномъ священникѣ, котораго лѣчилъ шаманъ и который потомъ рядомъ съ иконами поставилъ „шайтановъ"[2] и добросовѣстно поклонялся имъ. Въ возрастающей самостоятельности отдѣльныхъ личностей сказывается прогрессъ культуры, поскольку онъ касается личности. Эта независимость отъ общественнаго давленія есть во всякомъ случаѣ конечная цѣль эволюціи, но она не осуществлена за немногими, можетъ быть, не принимаемыми здѣсь въ разсчетъ, исключеніями, даже у высокоцивилизованныхъ народовъ и у самыхъ передовыхъ, въ смыслѣ духовнаго

[1] Николай Ивановичъ Витковскій (умеръ 1892 г.) извѣстный археологъ, изслѣдователь каменнаго вѣка въ долинѣ Ангары, этнографъ и ботаникъ. Состоялъ въ теченіи 15 лѣтъ консерваторомъ Музея В. С. Отдѣла Геогр. Общ. въ Иркутскѣ. *Прим. Редакціи.*

[2] У бурятскихъ шамановъ шайтановъ нѣтъ, они называются онгонами.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Танецъ дѣвушекъ на Гапаи (острова Тонга).

По Куку.

развитія, отдѣльныхъ личностей. И они, хотя сопротивляются и въ большей или меньшей мѣрѣ давленію общества, все-таки состоятъ подъ вліяніемъ массы. У многихъ пробиваетъ себѣ дорогу оборотная сторона естественныхъ отношеній, — презрѣніе къ стадному инстинкту: уже въ греческой древности Демосѳену, который согрѣвался сочувствіемъ толпы, составляла противоположность характерная фигура Фокіона, у котораго непривычный крикъ сочувствія гражданъ вызвалъ недоумѣвающій вопросъ: „Какую глупость сказалъ я?“ Въ общемъ человѣкъ не сторонится отъ сочувствія окружающихъ, развиваетъ ли онъ свои воззрѣнія въ домѣ собраній на Конго (см. рис. на стр. 14) или въ эвропейскомъ парламентѣ.

„Массовая психологія“, если она когда-нибудь выростетъ въ науку съ точно опредѣленными границами, будетъ всегда считаться съ тѣмъ, что индивидуумы въ очень различной степени подчиняются „психическому зараженію“ чрезъ массу и съ другой неоспоримой истиной, что идеи не развиваются въ самой массѣ путемъ какого-то таинственнаго процесса броженія, но высказываются всегда опредѣленными личностями и потомъ уже пріобрѣтаютъ широкое распространеніе. Въ дѣйствительности массовая психологія въ большей части случаевъ имѣетъ дѣло съ передачей не идей, а чувствъ и настроеній, и кажется, что стремленіе приспособляться къ общему мнѣнію является въ большей части случаевъ свойствомъ, полезнымъ и пріобрѣтеннымъ человѣкомъ впервые въ борьбѣ за существованіе: ему онъ въ въ значительной степени обязанъ своими успѣхами. Понятно само собою, что общность чувствъ чрезвычайно благопріятствуетъ солидарности и всѣмъ вытекающимъ изъ нея преимуществамъ; благодаря ей, масса становится временно родомъ организма, который преслѣдуетъ во всѣхъ своихъ частяхъ цѣлесообразную, опредѣленную цѣль, а это уже заключаетъ въ себѣ внѣшнюю гарантію успѣха. Идеи гораздо менѣе пригодны для передачи, чѣмъ впечатлѣнія, такъ какъ умственные задатки, слишкомъ различны для того, чтобы допустить возможность согласнаго воззрѣнія, тогда какъ чувства симпатіи, ненависти или презрѣнія, хотя возбуждаются съ различной степенью легкости въ отдѣльныхъ лицахъ, по существу однородны. Кто желаетъ одушевить массу, всегда преобразуетъ идеи во впечатлѣнія, абстрактное и объективное--въ личное. Ничто, поэтому, не вызываетъ такъ легко общаго настроенія, какъ музыка, которая дѣйствуетъ исключительно на чувства, и по той же причинѣ нѣтъ ничего болѣе заразительнаго, какъ сопровождаемые музыкой танцы (см. рис. выше и табл. „Танецъ дѣвушекъ на Гапаи“).

Танецъ айновъ. По японск. рисунку. См. текстъ ниже.

Общество обнаруживаетъ еще другія вліянія, которыя самымъ поразительнымъ и яснымъ образомъ выступаютъ при статистической обработкѣ фактовъ народной жизни; оно по меньшей мѣрѣ оказывается столь же вліятельнымъ въ психологическомъ отношеніи, хотя эти воздѣйствія ускользаютъ отъ цифрового учета. Уже первые изслѣдователи, обратившіеся къ соціологической статистикѣ, сдѣлали поразительное открытіе, что извѣстныя дѣйствія, зависящія, повидимому, совершенно отъ случая или произвола, какъ, напр., браки, извѣстные виды преступленій, само-

убійства и т. п., изъ года въ годъ повторяются въ тѣхъ же цифрахъ, между тѣмъ какъ можно было бы предполагать, что здѣсь должны имѣть мѣсто постоянныя и значительныя колебанія. Рожденія и смертные случаи подлежатъ подобному же замѣчательному закону, который выступаетъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ бо́льшая соціальная группа въ этомъ смыслѣ изслѣдуется. И, однако, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ особыми тайными силами; по существу явленіе сводится къ тому, что при счисленіи всѣ исключенія взаимно уничтожаются и въ статистическихъ цифрахъ находитъ свое выраженіе чистая нормальная середина. Это чисто механическое дѣйствіе большихъ массъ стоитъ рядомъ съ извѣстнаго рода психическимъ подборомъ, который также благопріятствуетъ однообразію и можетъ быть является важнѣйшимъ признакомъ массовой психологіи: при обмѣнѣ мнѣній, воззрѣнія, переступающія мѣру въ томъ или другомъ направленіи взаимно исключаются, и побѣду пріобрѣтаетъ среднее воззрѣніе, которое у культурныхъ народовъ называется „общественнымъ мнѣніемъ". Противорѣчить этому собирательному мнѣнію не всегда безопасно; нормальный или средній человѣкъ инстинктивно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ внутри тѣсной группы, къ которой онъ принадлежитъ, господствовала извѣстная однородность и гармонія воззрѣній, онъ обладаетъ различными средствами для того, чтобы убѣдить или запугать разномыслящихъ. Онъ разрѣшаетъ при этомъ очень важную соціальную задачу: если общественное сліяніе покоится, главнымъ образомъ, на взаимной симпатіи, а симпатія, въ свою очередь, на сходствѣ особей, то нужно въ самомъ дѣлѣ заботиться о томъ, чтобы внутри общества держалось, по отношенію къ бо́льшей части вопросовъ, гармоническое согласіе, и чтобы во внѣшнихъ проявленіяхъ никто не возбуждалъ недовѣрія или неудовольствія отщепенствомъ. Отдѣльная личность знаетъ, что ей угрожаетъ при слишкомъ большихъ отклоненіяхъ отъ общепринятаго и, соотвѣтственно съ этимъ, направляетъ свою дѣятельность. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ развивается въ наслѣдственное свойство человѣка такое же почтеніе къ обществу современниковъ, какъ и къ предкамъ, воззрѣнія которыхъ сдѣлались традиціей; самымъ рельефнымъ образомъ это свойство выступаетъ въ старомъ культурномъ народѣ—китайцахъ. Масса стремится въ этомъ смыслѣ уничтожить всѣ крайности.

Въ своей упорной вѣрности преданіямъ общество, уже съ перваго взгляда, обнаруживаетъ извѣстное сходство съ организмомъ. Что такое нравы и обычаи извѣстнаго народа, какъ не дополненіе къ тѣмъ, сдѣлавшимся механическими рядами дѣйствій, къ тѣмъ „вторичнымъ инстинктамъ", въ которыхъ индивидуумъ до извѣстной степени откладываетъ результаты раціональнаго познанія, чтобы оставить для мозга одну работу,—давать толчекъ для совершенія ставшихъ механическими цѣлесообразныхъ родовъ дѣятельности? Стремленіе преувеличивать творческую силу общества, естественно, привело къ воззрѣнію, что нравы такъ же образуются внутри общества, какъ въ атмосферѣ туманъ и облака. Въ дѣйствительности толчекъ для возникновенія обычая даетъ всегда личность; каждый обычай, даже самый безсмысленный, имѣлъ нѣкогда извѣстное оправданіе, онъ былъ результатомъ логическаго заключенія, хотя иногда несовершеннаго и ошибочнаго. Разумъ, стало быть, создаетъ обычаи и по крайней мѣрѣ короткое время каждый изъ нихъ въ этомъ смыслѣ является живымъ продуктомъ мысли. Изъ этого мы должны исключить одну группу явленій, о которой мы упомянемъ послѣ и которая сводится къ подражанію установившимся привычкамъ, взрывамъ чувства и страсти. Но какъ только общество приняло обычай, онъ тотчасъ ускользаетъ отъ дальнѣйшаго контроля разума; онъ хорошъ и правиленъ, потому что онъ унаслѣдованъ отъ предковъ. О его основаніяхъ никто не спрашиваетъ, а на скептика, который слишкомъ упорно разглядываетъ его въ лупу, смотрятъ подозрительно. Какъ часто взрослые приходятъ

въ смущеніе и неудовольствіе, когда любопытный ребенокъ хочетъ знать цѣль того или другого традиціоннаго обычая. Длинный рядъ мучениковъ за вѣру и прогрессъ показываетъ, что общество не шутитъ съ неудобными вопрошателями. И въ этомъ случаѣ толпа дѣйствуетъ безъ разсужденія, но цѣлесообразно. Обычаи представляютъ собою накопленный опытъ, продуманныя предшествующими поколѣніями проблемы, и, кто слѣдуетъ имъ механически, будетъ поступать правильно и не справляясь съ разумомъ. Какъ велика получаемая при этомъ экономія траты силъ, облегчающая въ свою очередь борьбу за существованіе, понятно само по себѣ. Можно сказать, что сумма хорошихъ, на разумныхъ основаніяхъ покоящихся обычаевъ представляетъ для народа безцѣнное достояніе, которое онъ долженъ заботливо охранять. Къ несчастью только, большая часть традицій покоится на ошибочныхъ, а иногда и прямо безсмысленныхъ заключеніяхъ, которыя часто дѣлаетъ еще неискусившійся умъ. Къ этому присоединяется другое зло—слѣпое почтеніе къ старинѣ позволяетъ удерживаться такимъ обычаямъ, которые, можетъ быть, были полезны на раннихъ ступеняхъ развитія, а теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, сдѣлались гибельными: „Разумъ дѣлается безсмысліемъ, благодѣяніе — тяготой. Горе тебѣ, поздній потомокъ!“

До сихъ поръ рѣчь все шла о развитіи разума; но теперь слово обычай вводитъ насъ въ другую область, въ которой человѣческое общество торжествуетъ свои побѣды — нравственности.

Ясно, что взаимная любовь половъ и родителей къ подрастающимъ и еще нуждающимся въ защитѣ дѣтямъ является необходимой основой общества, которое безъ этихъ прирожденныхъ инстинктовъ не могло бы ни возникнуть, ни существовать. Но настоящее соціальное единеніе поддерживается хотя сходной, но все же существенно отличной эмоціей — симпатіей, которая соединяетъ равнаго съ равнымъ, не преслѣдуя при этомъ никакихъ полезныхъ цѣлей; самую характеристическую сторону симпатіи именно и составляетъ то, что она неэгоистична, правильнѣе, что она допускаетъ исчезновеніе интересовъ личности ввиду общихъ интересовъ многихъ состоящихъ въ союзѣ людей. Человѣкъ видитъ для себя радость въ другомъ человѣкѣ и оставшійся случайно или вслѣдствіе несчастія одинокимъ будетъ обыкновенно искать новыхъ связей. Легко понять насколько общественная связь благопріятствуетъ и духовной, и экономической жизни человѣка. Но равнымъ образомъ развиваются и облагораживаются у него чувства По мѣрѣ того, какъ расширяется общественный кругъ, къ которому принадлежитъ человѣкъ, онъ перерастаетъ свою собственную узкую личность и, выступая по отношенію къ внѣшнему міру въ качествѣ отдѣльнаго лица, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ себя частью бóльшаго цѣлаго. Взамѣнъ зависимости, въ которую онъ при этомъ становится, онъ получаетъ повышенное сознаніе жизни: ненависть и насиліе безпощадной природы, грозно окружающія первобытнаго человѣка, исчезаютъ предъ мощью симпатіи, и, въ концѣ концовъ, какъ конечная цѣль, открывается идеалъ всеобъемлющей божественной любви.

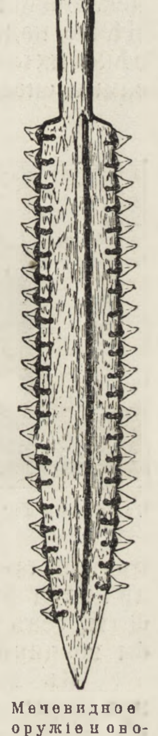
По мѣрѣ того, какъ съ ростомъ цивилизаціи расширяется горизонтъ индивидуума, одновременно пріобрѣтаютъ для него новое значеніе понятія: наслажденіе и страданіе, добро и зло. Уже низшее животное умѣетъ дѣлать различія между раздраженіями, идетъ навстрѣчу однимъ, уклоняется отъ другихъ; въ различеніи пріятныхъ и непріятныхъ раздраженій проявляется даже первый лучъ сознанія. Созданіе необщественное—на какой бы ступени развитія оно ни стояло, всегда воспринимаетъ наслажденіе и страданіе по отношенію къ собственному я, не считая тѣхъ короткихъ перерывовъ, гдѣ половая любовь и забота о потомствѣ расширяютъ кругъ обязанностей. Для тигра, который одиноко блуждаетъ по лѣсамъ, для упрямаго стараго быка, который отдѣлился отъ стада буйволовъ и идетъ по степи особой дорогой,

нѣтъ другой заботы, какъ забота о собственномъ благѣ. И въ человѣческомъ обществѣ нѣтъ недостатка въ отдѣльныхъ личностяхъ, въ которыхъ естественный эгоизмъ подавляетъ почти совершенно всѣ унаслѣдованныя чувства любви къ ближнему; такіе люди пользуются преимуществомъ обладать чрезвычайно простой моралью: хорошо то, что полезно для ихъ мелочной личности, худо то, что имъ вредно или неудобно. Но именно эти исключенія и еще болѣе то непріятное впечатлѣніе, которое производитъ ихъ характеръ на всякаго порядочнаго человѣка, показываютъ уже достаточно, что человѣчество въ цѣломъ стоитъ не на такой низкой ступени развитія. Симпатія, которая охватываетъ всѣхъ членовъ извѣстнаго общества, окружаетъ до извѣстной степени каждаго атмосферой сочувствія и вмѣстѣ съ тѣмъ расширяетъ и облагораживаетъ его понятія о наслажденіи и страданіи; его собственная личность растетъ, благодаря власти симпатіи такъ же, какъ и умъ, который благодаря наслѣдству отъ предшественниковъ и совмѣстной работѣ живущаго поколѣнія располагаетъ силами и запасомъ идей безчисленныхъ поколѣній. Распространяя свое участіе на все болѣе и болѣе широкіе круги, человѣкъ не становится болѣе слабымъ, болѣе связаннымъ, но, наоборотъ, болѣе сильнымъ и свободнымъ, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ все большую и большую власть надъ слѣпыми стремленіями собственнаго я. И только въ этой удивительной способности въ одномъ лицѣ концентрировать живыя стремленія тысячей индивидуумовъ, не разрушая этимъ личности, заключается путь къ настоящему сверхъ-человѣческому, а не въ томъ освобожденіи необузданныхъ примитивныхъ инстинктовъ властолюбія, которое больному духу Ницше казалось высшей цѣлью эволюціи.

Тѣснѣйшему и интимнѣйшему сліянію людей между собой благопріятствуютъ, слѣдовательно, моральныя чувства; они ведутъ часто къ возникновенію опредѣленныхъ общественныхъ инстинктовъ, которые естественно должны идти параллельно съ другими естественными инстинктами, такъ какъ всякая нравственность покоится на расширеніи собственной личности; въ этомъ смыслѣ страданіе индивидуума поднимается до чистой формы состраданія. Изъ всѣхъ прирожденныхъ чувствъ, которыя засвидѣтельствовали свою полезность въ борьбѣ за существованіе, однимъ изъ важнѣйшихъ является страхъ, служащій для многихъ животныхъ единственнымъ средствомъ, которое они могутъ противопоставить преслѣдованіямъ врага. Безъ вѣчно бодрствующаго страха, къ которому формально приспособлены органы чувствъ, несчастная порода зайцевъ давно исчезла бы съ лица земли. Человѣкъ въ среднемъ обладаетъ доброй долей этого чувства, и позже мы увидимъ, что страхъ производитъ гибельное, подавляющее вліяніе на духовную жизнь первобытныхъ народовъ. Въ области нравственной, гдѣ эгоизмъ индивидуума находится въ постоянной борьбѣ съ требованіями высшаго порядка, страхъ является въ облагороженной формѣ нечистой совѣсти. Въ мученіяхъ совѣсти выступаетъ не только страхъ мести или общественнаго порицанія; въ нихъ обнаруживается раздвоеніе внутри самой личности, борьба между чувствами эгоистическими и альтруистическими или, эгоизма при побѣдѣ, страхъ передъ благородной стороной своего собственнаго существа. Зачатки этого „высшаго страха“ находимъ мы уже въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, но до полнаго развитія ихъ доводитъ только, сдѣлавшееся наслѣдственнымъ, вліяніе общества и вырастающихъ въ немъ нравственныхъ чувствъ.

Когда рѣчь идетъ о нравственности, прежде всего думаютъ о половой морали, которая, однако, въ лучшемъ случаѣ составляетъ лишь важную часть общаго моральнаго состоянія; замѣчательно также, что она составляетъ ту часть, морали, которая теоретически цѣнится выше всего, а въ дѣйствительности пользуется наименьшимъ вниманіемъ, такъ что именно въ этой

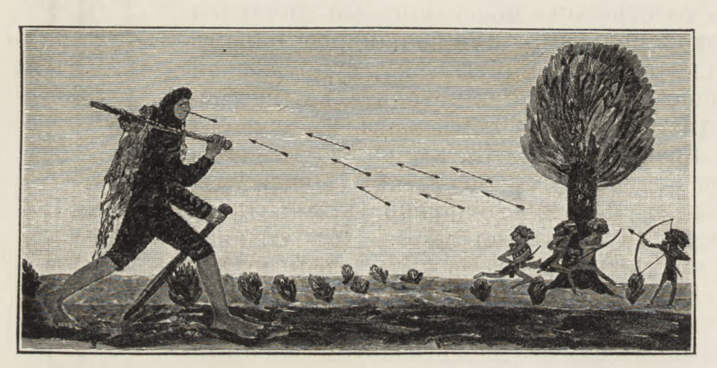
области морали по преимуществу и развилась цѣлая система своеобразнаго лицемѣрія. Причина явленія заключается очевидно въ томъ, что инстинктъ самъ по себѣ естественный, чрезвычайно могучій и для продолженія существованія человѣчества необходимый, культурными народами, повидимому, какъ бы отодвинутъ въ сторону, стѣсненъ строгими требованіями и направленъ на опредѣленные пути, причемъ преслѣдуемая цѣль остается все-же недостигнутой. У большей части первобытныхъ народовъ мы находимъ по крайней мѣрѣ зачатки этихъ установленій, а у многихъ даже очень развитыя формы. Но о строгомъ законѣ, который повсюду имѣлъ бы значеніе, конечно, нѣтъ и рѣчи. У однихъ племенъ господствуетъ между молодыми людьми самая полная свобода половыхъ сношеній, у другихъ, напротивъ, такого рода проступки строжайшимъ образомъ наказываются; здѣсь—братъ можетъ жениться на сестрѣ, отецъ на дочери, тамъ—самыя удивительныя брачныя запрещенія затрудняютъ до чрезвычайности выборъ подруги жизни; рядомъ со строгими моногамистами являются народы, которые допускаютъ полигамію или поліандрію; рядомъ съ такими, которые, придаютъ величайшую цѣну, супружеской вѣрности мы видимъ народы съ самыми снисходительными воззрѣніями на этотъ предметъ. Между тѣмъ какъ въ области морали, покоющейся на простой симпатіи, люди легко могутъ согласиться относительно извѣстныхъ общественныхъ формулъ, въ области половой морали это почти невозможно. Даже если-бъ мы рѣшились прослѣдить зачатки этой морали въ области животнаго міра — въ надеждѣ, что, можетъ быть, въ простѣйшихъ формахъ легче будетъ выяснить задачу, разсматривать проблему въ ея простѣйшемъ видѣ,—мы мало подвинулись бы впередъ. Природа во всякомъ случаѣ даетъ недвусмысленный намекъ на то, что въ области полового общенія она имѣетъ въ виду не счастье родителей, а продолженіе рода и ради этой цѣли, въ случаѣ нужды, безъ колебаній приносится въ жертву жизнь индивидуума. Но, не стоя на этой точкѣ зрѣнія, нельзя получить вполнѣ яснаго представленія о вопросѣ. Вѣрно, конечно, что при различныхъ видахъ соединеній между мужчиной и женщиной обезпеченіе блага ребенка является самымъ важнымъ моральнымъ требованіемъ; однако, гдѣ бѣдная и ограниченная площадь обитанія, можетъ прокормить только опредѣленное число обитателей и воспитаніе неограниченнаго числа дѣтей является опаснымъ, тамъ даже избіеніе дѣтей становится чѣмъ-то вродѣ моральнаго закона. Стало быть, нужно признаться, что вся область половой морали относится болѣе къ сферѣ измѣняющихся обычаевъ, чѣмъ къ области, прочно обоснованной, ясно развивающейся нравственности. Впрочемъ по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи корни половой морали идутъ глубже; она образуетъ часть самообузданія, того проясненія и очищенія характера, во имя котораго работаетъ непроизвольно все человѣческое общество и ради котораго оно, наконецъ, вступаетъ необходимо въ борьбу съ прирожденными инстинктами, даже съ природой вообще.

Мечевидное оружіе новобританцевъ, усаженное зубами акулы. По Люшану. См. текстъ ниже.

Факты, какъ всегда, легче устанавливать, чѣмъ условія ихъ возникновенія но по этимъ фактамъ до извѣстной степени можно уже измѣрить ту огромную работу, которая была исполнена для того, чтобы оттѣснить животныя эмоціи—ярости и слѣпого гнѣва, безсмысленнаго пьянства, обжорства и необузданнаго полового инстинкта. Какое различіе, напр., между войскомъ культурнаго народа, которое молча и сомкнутыми массами идетъ въ бой, отвергаетъ неблагородныя орудія борьбы, въ родѣ отравленныхъ стрѣлъ и безполезно жестокихъ формъ оружія (см. рис. выше) и ковар-

ства, относится великодушно къ раненому и безъ ненависти къ плѣнному, и, съ другой стороны, толпой воиновъ первобытнаго народа, которая приводитъ себя въ неистовую ярость танцами и крикомъ, не знаетъ границъ въ дикомъ избіеніи и съ свирѣпымъ наслажденіемъ замучиваетъ до смерти враговъ, которые попадаютъ имъ въ руки. Исчезновеніе изъ арсенала культурныхъ народовъ неблагородныхъ формъ борьбы есть одно изъ удивительнѣйшихъ явленій, которыя въ самомъ дѣлѣ поднимаютъ человѣка надъ слѣпыми инстинктами остальной органической природы. Въ то время, какъ многія животныя вооружены ядовитыми зубами, а большая часть первобытныхъ народовъ отравляетъ ядомъ свои стрѣлы,— всѣ безъ исключенія культурные народы отказались отъ оружія подобнаго рода. Нѣчто подобное имѣетъ мѣсто въ другой области. Дикая грубость средневѣковыхъ попоекъ и пировъ уже исчезла или смягчилась, облагородились самые способы принятія пищи и питья, рядомъ съ этимъ обнаруживается стремленіе къ внѣшней и внутренней чистоплотности. Къ этой же чистоплотности сводится по существу и половая мораль; въ ней она находитъ тѣмъ болѣе свое оправданіе, что общественныя связи ничѣмъ не могутъ быть такъ расшатаны, какъ необузданнымъ развитіемъ чувственныхъ страстей.

Каменный великанъ или людоѣдъ. Рис. ирокеза. См. текстъ, стр. 22.

Такимъ образомъ, облагороженіе полового инстинкта—въ извѣстномъ смыслѣ самаго низкаго и животнаго изъ всѣхъ—является въ самомъ дѣлѣ важной и необходимой частью культурной работы, безъ которой семья—основаніе всей высшей цивилизаціи—не могла бы возникнуть и держаться.

Въ двухъ направленіяхъ человѣчество стремится подняться выше природы: оно противополагаетъ внутреннему инстинкту, который слѣпо, но цѣлесообразно производитъ строеніе тѣла и жизненныя функціи, бодрствующее сознаніе цѣлей разумомъ. Онъ обуздываетъ эгоистическіе инстинкты личности, способствуетъ ея саморазвитію, научая ее сознавать себя частью цѣлаго, а всѣхъ членовъ цѣлаго, частями всей коллективной сущности. Въ этихъ двухъ стремленіяхъ: въ обузданіи силъ природы и естественныхъ инстинктовъ высказывается цѣль всей человѣческой культуры, которая въ этомъ смыслѣ не чужда самому убогому изъ народовъ земли.

Если мы прибавимъ къ этому, что, благодаря культурной работѣ, человѣкъ поднимается надъ самимъ собой, что цѣль его дѣятельности и мышленія лежитъ внѣ его собственной личности, что въ то же время эта личность яснѣе понимаетъ себя и болѣе сознаетъ себѣ цѣну, то и старый вопросъ, о томъ, содѣйствовала ли культура счастью человѣчества пріобрѣтаетъ другое значеніе. Кто ищетъ счастье въ возможно безпрепятственномъ удовлетвореніи чувственныхъ инстинктовъ, тотъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ самымъ рѣшительнымъ отрицаніемъ. Если бы грубо чувственный человѣкъ, съ животными инстинктами, былъ разомъ перенесенъ въ болѣе чистую сферу и долженъ былъ бы остаться въ ней, онъ долженъ былъ бы придти въ отчаяніе. Но съ культурной работой измѣняются и представленія относительно истиннаго счастья; рано или поздно начинаетъ брезжить сознаніе, что какъ всѣ цѣли эволюціи, такъ и идеалъ достижимаго высшаго

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Свайная деревня въ западной Новой Гвинеѣ.

По Р. Семону.

счастья выходятъ за узкія рамки личности. Если бы общество, работая надъ культурой, не стремилось ни къ чему иному, какъ къ личному счастью каждаго индивидуума, то оно должно было бы исключить самаго могущественнаго споспѣшника, какого имѣетъ цивилизація человѣчества — страданіе. Только среди горькихъ и часто жестокихъ страданій человѣческій родъ научился владѣть собою, страданіемъ онъ углубилъ и очистилъ свою природу. Если бы мы ясно представили себѣ нашу судьбу, мы имѣли бы основаніе воспѣть хвалебный гимнъ страданію вмѣсто того, чтобы жаловаться на ограниченіе чувственныхъ наслажденій, которое налагаетъ на насъ истинная культура. Такъ какъ страданіе можетъ проявляться въ болѣе разнообразныхъ формахъ, чѣмъ радость, то оно дѣйствуетъ глубже на человѣка и возбуждаетъ противъ враждебнаго внѣшняго міра всѣ силы сопротивленія, благодаря которымъ онъ и смогъ до сихъ поръ съ такимъ побѣдоноснымъ мужествомъ вести борьбу за свое существованіе.

Но если страданіе облагородило человѣчество, то наслажденіе придало ему болѣе утонченности и одухотворило его. Не случайно то, что изъ всѣхъ созданій земли только одинъ человѣкъ, несомнѣнно, пріобрѣлъ даръ веселаго, облегчающаго смѣха и, можетъ быть, ни въ чемъ иномъ не обнаруживается такъ ясно путь его эволюціи отъ грубыхъ формъ къ болѣе благороднымъ. Зачатки пути, который ведетъ къ шуткѣ и юмору, замѣтны уже въ животномъ мірѣ: рядомъ съ кровавой борьбой при помощи роговъ, когтей или зубовъ выступаетъ невинная игра молодыхъ животныхъ, которыя въ притворной дракѣ упражняютъ свое оружіе и шутливо прячутъ взаимную симпатію за кажущейся враждебностью. Человѣкъ продолжалъ эту эволюцію и сдѣлалъ болѣе тонкими радости игры, онъ облагородилъ и другую грубую радость и завоевалъ ее всецѣло для духовной жизни. Въ той дикой борьбѣ, которой было наполнено доисторическое прошлое нашего рода, безчисленное множество разъ вырывался рѣзкій крикъ торжества, который возвѣщалъ гибель противника его напуганнымъ соплеменникамъ, и этотъ же дикій крикъ насмѣшки и презрѣнія звучалъ въ устахъ враговъ, прежде чѣмъ они сходились на бой. Отъ этого дикаго крика до веселаго смѣха, который привѣтствуетъ удачную остроту въ салонѣ большого города — весьма далеко. Но если мы обратимъ вниманіе на задушевный смѣхъ, которымъ часто привѣтствуется несчастье человѣка, который поскользнулся на грязной улицѣ или, когда мы видимъ, какъ наивная толпа дѣтей съ ликованіемъ преслѣдуетъ пьянаго или странно одѣтаго человѣка, то первоначальный неблагородный и жестокій характеръ смѣха выступитъ вполнѣ ясно на свѣтъ. Что и утонченная форма шутки можетъ причинить горькія страданія, подтвердитъ каждый, чьи слабости когда-нибудь служили посмѣшищемъ „добрымъ друзьямъ“, не говоря уже о настоящей сатирѣ. Но въ его чистѣйшей и благороднѣйшей формѣ, въ формѣ юмора, духъ наслаждается своей побѣдой не только надъ слабостями и глупостью другихъ, но и надъ самимъ собою. Юморъ свидѣтельствуетъ въ пользу удивительной способности человѣка выступать изъ границъ личнаго сознанія и ясно познавать свои несовершенства, конечную побѣду надъ которыми онъ предчувствуетъ.

Все сказанное до сихъ поръ имѣло только цѣлью прослѣдить въ огромномъ, перебивающемся, мѣстами останавливающемся и пропадающемъ потокѣ человѣческой культуры важнѣйшія изъ движущихъ силъ, выяснить ихъ происхожденіе, дѣятельность, и освѣтить ихъ предварительныя цѣли. При этомъ мы намѣренно уклонились отъ вопросовъ чисто философскихъ и религіозныхъ, такъ какъ мы займемся прежде всего фактами, въ которыхъ выражается культура и дадимъ предварительно обзоръ основного ихъ содержанія. Но приступая къ попыткѣ прослѣдить развитіе культуры

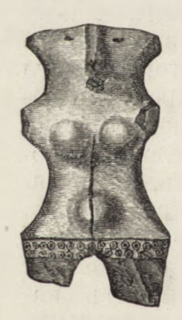
въ деталяхъ, мы должны прежде всего уяснить себѣ, какіе источники познанія могутъ быть у насъ въ распоряженіи для достиженія этой цѣли.

Наиболѣе надежнымъ основаніемъ для изслѣдованія всегда считается и до извѣстной степени дѣйствительно является таковымъ, письменное преданіе, которое исходитъ отъ современниковъ извѣстныхъ лицъ или событій. Историческое изслѣдованіе почти до настоящаго времени, главнымъ образомъ, строилось на этомъ фундаментѣ, и это является главной причиной того, что такъ называемая „всемірная исторія“ всегда занималась только частью міра и его народовъ и среди этихъ послѣднихъ только еще меньшая часть ихъ общей исторіи развитія останавливала на себѣ вниманіе Можно бы помириться на этомъ, еслибъ эта исторія могла положиться на свои источники! Но наивное довѣріе, съ которымъ историческое изслѣдованіе былого времени принимало большую часть удивительныхъ извѣстій о происхожденіи народовъ, основаніи городовъ и государствъ, давно уже уступило мѣсто самой рѣзкой критикѣ; даже тогда, когда древніе писатели разсказываютъ, что они пережили, имъ такъ-же мало вѣрятъ на слово, какъ теперь клятвамъ въ любви къ истинѣ и безпристрастію перваго встрѣчного. Понятно также, что, въ противоположность прежнему отношенію, доведенная до излишества критика дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ.

Каменный топоръ изъ Сѣверной Америки. Бременскій музей. См. текстъ ниже.

Еще болѣе шаткой становится почва, когда мы вступаемъ на ненадежное поле устнаго преданія; даже воспитанная упражненіемъ память культурнаго человѣка только съ помощью письменныхъ замѣтокъ можетъ до извѣстной степени установить важнѣйшіе факты исторіи, насколько они извѣстны; память первобытнаго человѣка изнемогаетъ быстро подъ безполезнымъ для его жизненныхъ цѣлей бременемъ. По мѣстамъ имѣются опредѣленныя причины — въ особенности желаніе утвердить имущественныя притязанія или сохранить чистоту крови — заставляющія по крайней мѣрѣ поддерживать родословныя, съ помощью которыхъ, можетъ быть, и нѣкоторыя другія событія выходятъ изъ ночи забвенія, но это въ лучшемъ случаѣ только скудныя и одностороннія свѣдѣнія о прошедшемъ. Къ большинству первобытныхъ народовъ относится то, что сказалъ Ценкеръ о Яунде: „Относительно исторіи народа нельзя было добиться ничего... Въ недолговѣчной традиціи сохраняются не надолго извѣстія о незначительныхъ родовыхъ распряхъ или о томъ, сколько женъ и рабовъ было убито при смерти того или другого, князя. Главы семействъ едва знаютъ имена своихъ прямыхъ предковъ“. На мѣсто измѣнчивой родовой исторіи выступаетъ потомъ, какъ у сельскаго населенія культурныхъ государствъ, сага (см. рис. на стр. 20) и миѳологія, воплощеніе вѣчныхъ и могучихъ силъ природы; этотъ родъ преданія потомъ сохраняется съ удивительной вѣрностью. Поскольку преданіе можетъ просвѣтить насъ насчетъ сущности народной души, оно имѣетъ неизмѣримую важность для исторіи культуры, но прямыхъ данныхъ относительно того, что было на самомъ дѣлѣ, нечего у него и допытываться.

Доисторическая японская глиняная фигурка. По Яги и Шиномура. См. текстъ ниже.

Къ счастью, всякая культурная работа, овладѣвая сырыми матеріалами и обработывая ихъ, оставляетъ слѣды, сохраняющіеся болѣе продолжительное время, чѣмъ быстро стирающіеся отпечатки въ памяти живущихъ или слабые отзвуки преданія. Рѣдко разрушительныя силы природы или потомковъ въ силахъ совершенно стереть эти слѣды. Благодаря этому у насъ все таки является путь, по которому можно изъ доисторическихъ остатковъ вывести заключеніе о состояніи матеріальной культуры эпохи (см. рис.

выше) а отсюда и о состояніи духовнаго развитія прошедшихъ поколѣній, такъ какъ внѣшнія измѣненія были только рефлексами внутреннихъ состояній. Одно крупное преимущество представляетъ этотъ родъ изслѣдованія безусловно: остатки сосудовъ, оружія, жилищъ говорятъ съ нами непосредственно, мы видимъ ихъ своими глазами, а не сквозь болѣе или менѣе туманную дымку разсказа повѣствователя. То, что они намъ могутъ сказать, они говорятъ открыто и ясно, если мы сами не портимъ результатовъ слишкомъ поспѣшными заключеніями. Однако и здѣсь—не говоря уже о понятной научной критикѣ находокъ — необходима извѣстная осторожность въ оцѣнкѣ: картина доисторическаго прошлаго, которую даютъ намъ остатки, несомнѣнно подлинна, но въ ней чрезвычайно много пробѣловъ. Какъ отъ самаго человѣка въ землѣ сохраняются на протяженіи тысячелѣтій кости, а мягкія части и всѣ характеристическія черты его внѣшности сопротивляются разрушенію только въ исключительныхъ случаяхъ и въ очень недостаточной степени, такъ и изъ матеріаловъ, которые служили для изготовленія доисторическихъ орудій и утвари, сопротивляются разрушенію не всѣ и неизмѣнной остается только относительно малая часть ихъ. Такъ какъ главнымъ образомъ сохранились каменныя орудія, а все приготовленное изъ дерева, кожи, волокнистыхъ веществъ погибло, то для древнѣйшихъ доисторическихъ періодовъ получилъ гражданство терминъ, „каменный вѣкъ", дающій очень ложное представленіе о тогдашнихъ условіяхъ. Утвержденіе, что современные первобытные народы, которые еще не знали металловъ, жили въ каменномъ вѣкѣ, часто является безсмысленнымъ, такъ какъ хотя они и имѣютъ каменныя орудія, но въ то же время у нихъ въ преобладающемъ количествѣ встрѣчаются орудія изъ дерева, кости, раковинъ, рыбьихъ костей, зубовъ (см. рис. рядомъ). Если уже представленіе о матеріальной культурѣ оказывается несовершеннымъ, то вытекающія изъ него указанія на общественную и духовную жизнь не могутъ претендовать даже на тѣнь достовѣрности.

Доисторическій топоръ изъ раковины. Флорида. По Гольмесу. См. текстъ рядомъ.

И все-таки дѣятельность и стремленія прошедшаго въ области духовной не вполнѣ для насъ утрачены, какъ могло бы казаться на первый взглядъ; этому препятствуетъ упорство, съ которымъ, сдѣлавшіеся автоматическими ряды идей, которые принято называть традиціей и обычаемъ, удерживаются человѣческимъ обществомъ безъ дальнѣйшихъ попытокъ провѣрки. Хотя образованные круги культурныхъ народовъ иногда отбрасываютъ массу отжившаго матеріала, но они не всегда могутъ совершенно изгнать изъ своей среды окостенѣвшіе остатки утратившихъ смыслъ ассоціацій идей и привычекъ. Что-же касается народа въ цѣломъ—онъ только послѣ упорнаго сопротивленія отрекается отъ вещей, которыя нѣкогда составляли необходимую принадлежность ихъ неприкосновеннаго фонда его обычаевъ и нравовъ. При извѣстныхъ обстоятельствахъ удерживается многое изъ того, что взрослые въ концѣ концовъ оставили какъ дѣтскія игрушки—луки и стрѣлы въ Европѣ—или же скрыто, но упорно живетъ въ формѣ суевѣрія. Въ изслѣдованіи этихъ пережитковъ (survivals), какъ ихъ называлъ Тайлоръ, открывается для историка, изслѣдователя культуры, богатый, хотя и мутный источникъ познанія, который только въ связи съ другими пріобрѣтаетъ свою настоящую цѣну. Въ этомъ смыслѣ и языкъ сохраняетъ остатки прошедшаго изслѣдованіе которыхъ можетъ выяснить культурное достояніе и духовную жизнь предшествовавшихъ поколѣній.

Деревянная кукла Ленду, В. Африка. По Штульману. См. текстъ, стр. 24.

Наши знанiя о низшихъ формахъ культурной жизни, безъ которыхъ невозможно понять эволюцiю, были бы очень плачевны, если бы и теперь еще на землѣ не было народовъ, низкая степень цивилизацiи которыхъ, повидимому, представляетъ подходящую параллель къ доисторическимъ временамъ. Состоянiе современныхъ первобытныхъ народовъ представляетъ необходимѣйшiй ключъ къ изслѣдованiю отношенiй, которыя господствовали въ болѣе древнiя времена у предковъ современныхъ культурныхъ народовъ. Но два обстоятельства предостерегаютъ насъ отъ безусловнаго довѣрiя къ фактамъ, добытымъ такимъ путемъ: во первыхъ, всѣ, даже самые убогiе народы современности имѣютъ за собою безконечно длинное время существованiя, которое ни въ какомъ случаѣ не осталось безъ влiянiя на нхъ природу и, во вторыхъ, первобытные народы отъ предковъ народовъ выше стоящихъ отличаются уже тѣмъ, что первые до настоящаго времени не развились дальше извѣстной высоты; во вторыхъ-же, очевидно, были уже задатки силъ для безграничнаго прогресса.

Такъ какъ первобытные народы застыли на раннихъ ступеняхъ развитiя, и путь изслѣдованiя отчасти прерывается, то не сохранились-ли у самихъ культурныхъ народовъ матерiалы для разъясненiя прежнихъ условiй ихъ существованiя? Развѣ каждый изъ насъ, выростая, не проходитъ такъ же фазы развитiя человѣчества, какъ проходитъ тѣло въ извѣстной мѣрѣ до рожденiя всѣ ступени органической жизни? До извѣстной степени нужно согласиться и не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что мысли и проявленiя воли ребенка представляютъ часто поразительныя аналогiи съ душевной жизнью низшихъ народовъ. Какъ игры дѣтей часто являются отголосками серьезной дѣятельности болѣе ранняго культурнаго перiода, такъ ихъ мышленiе и чувствованiя напоминаютъ психическiя состоянiя прошлаго. Дѣтская кукла имѣетъ болѣе, чѣмъ внѣшнее сходство съ изображенiями шаманскихъ боговъ, съ амулетами (см. рис. на стр. 23). Переживши въ юности время развивающейся духовной жизни, воплощая въ себѣ результатъ культурной работы всѣхъ предковъ, каждый, наконецъ, имѣетъ возможность пополнить самонаблюденiемъ знанiе о прошедшемъ. Такъ какъ мы, въ сущности, только то понимаемъ по настоящему, что, по крайней мѣрѣ, въ слабыхъ остаткахъ находится въ нашемъ внутреннемъ мiрѣ, то на дѣлѣ въ нашемъ *я* заключается истинный корень всякаго познанiя культуры.

I. Основанія культуры.

1. Отношенія пространства и времени.

Культура, конечно, прежде всего есть прогрессъ въ области духовной — но, какъ человѣческое сознаніе не можетъ существовать и дѣйствовать безъ органовъ тѣла, такъ и культура не можетъ, какъ сказочный цвѣтокъ, держаться въ воздухѣ: ея корни глубоко проникаютъ въ мать-землю и не внезапно, какъ фата-моргана, появляется она на земномъ горизонтѣ, но, медленно выростая, постепенно поднимаетъ свою голову. Для развитія культуры нужны время и пространство, но значеніе ихъ неодинаково. Если вѣрить, что человѣчество развилось изъ низшихъ формъ, не въ отдѣльныхъ мѣстахъ земли и не въ различные періоды ея исторіи, но возникло изъ одной маленькой группы въ тѣсно ограниченномъ пространствѣ, то у всѣхъ народовъ и племенъ современнаго человѣчества будетъ въ распоряженіи одно количество времени для развитія своихъ способностей и различія культуры нельзя будетъ объяснять тѣмъ, что извѣстнымъ народамъ благопріятствовалъ болѣе длинный рядъ предковъ. Иначе стоитъ дѣло съ пространствомъ. Условія для жизни человѣка въ различныхъ частяхъ земли существенно различны: съ плодородныхъ равнинъ подымаются богатыя лѣсами горы и голыя каменныя скалы; зеленыя степи теряются въ голой пустынѣ, замкнутыя внутреннія материковыя земли обрамляются богатыми островами и гаванями. Еще рѣзче противоположность климата, который проходитъ всѣ ступени отъ тропическаго зноя до ледяного холода полярныхъ странъ, и онъ еще болѣе разнообразится въ зависимости отъ высоты отдѣльныхъ странъ надъ уровнемъ моря. Людямъ, которые разсѣялись на землѣ и въ борьбѣ за существованіе дѣлятъ между собою землю, выпалъ на долю неодинаковый жребій, и только немногимъ судьба указала дорогу къ высшимъ цѣлямъ.

Вопросъ, на какой почвѣ выросли различные виды культуры, не только важнѣе, чѣмъ вопросъ о древности человѣчества, но на него и отвѣтить легче. Объ опредѣленномъ началѣ эволюціи человѣчества въ строгомъ смыслѣ не могло бы быть рѣчи, даже еслибы намъ были ясны всѣ факты прошедшаго. И тогда, вѣроятно, возникли бы различныя мнѣнія: для одного — начало культурной исторіи совпадаетъ съ примѣненіями перваго орудія, для другого — съ появленіемъ символовъ рѣчи, для третьяго — съ открытіемъ огня, для четвертаго — съ началомъ вертикальнаго хожденія. Къ тому же прочно отграничить эти моменты едва ли возможно. Въ дѣйствительности нельзя указать даже приблизительно отправную точку этихъ успѣховъ человѣчества. Если бы мы ограничили по возможности наши запросы и только пожелали бы знать, въ какой періодъ имѣла мѣсто та остановка въ физическихъ измѣненіяхъ строенія тѣла, которая надолго установила типъ человѣка и важнѣйшія рассовыя формы, мы и на это не смогли бы дать отвѣта.

Одно, конечно, вѣрно: моментъ этой остановки лежитъ далеко, очень далеко позади насъ. Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ населяетъ землю, не только его работа измѣнила почву, почва сама не разъ мѣнялась подъ его ногами. Хотя доказательства, что люди обитали въ Европѣ уже въ концѣ третичной эпохи, еще и не очень вѣски, но находки въ Калифорніи и Аргентинѣ, повидимому, доказываютъ существованіе третичнаго человѣка въ этихъ странахъ. Независимо отъ вышесказаннаго, такъ какъ мы можемъ констатировать, что наши предки уже въ началѣ дилювіальной эпохи развились до ихъ характеристическихъ особенностей въ Европѣ и Америкѣ, то начало исторіи человѣчества безусловно нужно отнести, по крайней мѣрѣ, къ непосредственно предшествующему періоду. Но съ тѣхъ поръ и поверхность земли, и климатъ претерпѣли сильныя измѣненія. За огромными вулканическими изверженіями и могучими горо-образовательными процессами третичной эпохи наступило чрезвычайное охлажденіе климата, которое въ концѣ концовъ дало возможность ледяной корѣ распространиться отъ сѣвернаго полюса до средне-германскаго хребта, и послѣ временнаго отступленія назадъ вновь распространиться до Сѣверной Германіи. Тогдашніе обитатели Америки и Европы, кажется, невольно отступали передъ ледяными массами, такъ какъ мы видимъ, что они, по примѣру полярныхъ народовъ, занимались охотой непосредственно по окраинамъ исполинскихъ глетчеровъ и, по мѣрѣ таянья льдовъ, постепенно проникали на Сѣверъ. Въ этотъ періодъ грандіозной борьбы съ природой, привѣтливое лицо которой превратилось въ холодный окаменѣлый ликъ Медузы, могли образоваться сильные народы, которые позднѣе влили свѣжую кровь въ культурную жизнь Юга и крѣпко ухватили скиптръ мірового владычества. Вѣроятно, въ блѣдной окраскѣ ихъ кожи, въ свѣтло-голубомъ цвѣтѣ глазъ и въ свѣтлыхъ волосахъ совершилось послѣднее великое приспособленіе ихъ къ зимнему ландшафту, и сохранились до настоящаго времени слѣды старой героической борьбы со льдами и снѣгами.

Отъ рѣшенія вопроса, **какъ долго** живетъ человѣчество на землѣ, слѣдуетъ отказаться, тѣмъ болѣе, что геологія не можетъ съ достовѣрностью опредѣлить за сколько тысячелѣтій отстоитъ отъ насъ начало и конецъ ледниковаго періода. Относительно этого недостатка, можно утѣшиться соображеніемъ, что не время является рѣшающимъ факторомъ культурнаго развитія, а климатъ, почва, сношенія и вытекающія изъ нихъ способности духа и характера. Вліяніе пространства и климата легче установить, чѣмъ вліяніе времени.

Площадь земли, заселенная человѣкомъ, называется **эйкуменою**. Ясно, что это понятіе на протяженіи исторіи человѣчества пережило крупныя измѣненія. Онѣ, хотя въ общемъ и сводятся къ распространенію, пока разсматривается самъ человѣкъ съ его побѣждающей пространство дѣятельностью, однако же испытываютъ и значительныя ограниченія вслѣдствіе геологическихъ или климатическихъ измѣненій. Ледниковый періодъ временно значительно уменьшилъ пространство эйкумены; какъ могутъ измѣнить ее опусканія мѣстности, а также разрушительное вліяніе моря на берега, показываютъ могучія бухты Яда и Долларть, которыя бурные морскіе приливы вымыли на морскомъ побережьи Фрисландіи. Въ другихъ мѣстахъ повышеніе почвы и накопленіе рѣчныхъ отложеній постоянно увеличиваютъ эйкумену. Но развитіе эйкумены совершается также и другимъ путемъ. Въ ранніе періоды, отчасти еще и теперь, **фактической** эйкуменѣ — пространству, дѣйствительно заселенному человѣкомъ — можно было противопоставить **возможную** эйкумену, охватывающую всѣ страны, въ которыхъ человѣкъ могъ бы жить и держаться, но которая до сихъ поръ еще не заселена. Значительнымъ результатомъ культуры и связанной съ ней возрастающей численностью людей является то, что дѣйствительная и возможная эйкумены все болѣе совпадаютъ; устройство усовершен-

ствованныхъ жилищъ, повсюду, проникающій ввозъ жизненныхъ продуктовъ раздвигаютъ постепенно пространство возможной эйкумены. Уже первобытные народы умѣютъ въ своихъ жилищахъ создавать свой собственный климатъ, то устраивая жилища подъ землей (см. рис. ниже), то поднимаясь на свайныхъ постройкахъ надъ испареніями почвы или даже надъ водой. При всемъ этомъ далѣе не слѣдуетъ забывать, что культурная работа можетъ безконечно повысить пригодность обитаемаго пространства, тогда какъ съ прекращеніемъ этой работы качество почвы вновь падаетъ: Вавилонія, питавшая милліоны людей въ эпоху своего процвѣтанія и бывшая житницей Западной Азіи, принадлежитъ и теперь къ эйкуменѣ, но только немногія тысячи жалкихъ пастуховъ и земледѣльцевъ населяютъ снова заболоченную лихорадочную почву.

Въ какой части земли человѣчество пріобрѣло впервые свои типическія черты, такъ же трудно установить, какъ и время этого событія; съ прогрессомъ изслѣдованія воззрѣнія на эти вопросы становятся не опредѣленнѣе, а скорѣе смутнѣе. Старое воззрѣніе, опиравшееся частію на Библію, частію на индо-германскія изслѣдованія и считавшее колыбелью человѣчества Среднюю Азію, откуда народы разсѣялись, какъ потоки съ горъ, чтобы наполнить низменности Азіи, а современемъ и другія части свѣта, давно уже пало подъ мощнымъ давленіемъ фактовъ. Въ послѣднее время думали остановиться хоть на томъ, что Америку нужно безусловно исключить изъ вопроса о прародинѣ человѣка, между тѣмъ эта часть свѣта выступаетъ какъ разъ теперь съ притязаніями на то, что въ ея почвѣ можно констатировать древнѣйшіе слѣды человѣка. Проблема несомнѣнно будетъ тогда ближе къ своему рѣшенію, когда удастся установить гдѣ-нибудь по скелетамъ типы непосредственныхъ предшественниковъ человѣка. Виды на этотъ успѣхъ увеличились съ тѣхъ поръ, какъ открыты были остатки доисторическихъ антропоидныхъ обезьянъ, которыя, кажется, стояли гораздо ближе къ человѣку, чѣмъ современные представители этого семейства; но настоящее, „недостающее соединительное звено“, однако, еще не найдено.

Палатковидная землянка Навайо, С. Америка. По Кушингу. См. текстъ выше.

Климатъ и почва должны были обнаружить свое вліяніе съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество начало распространяться на болѣе широкія пространства изъ своей гипотетической прародины; фактъ, что эти вліянія дѣйствовали не съ непреодолимою силою, что строеніе тѣла подверглось лишь незначительнымъ измѣненіямъ и что главнѣйшее дифференцированіе происходило въ психической области, обусловлено было возрастающимъ примѣненіемъ орудій и всѣхъ тѣхъ пособій, при помощи которыхъ человѣкъ побѣждаетъ враждебныя вліянія природы и содѣйствуетъ благопріятнымъ. Далѣе, позволительно поставить вопросъ, можетъ ли подборъ при посредствѣ климата и свойствъ почвы одинъ объяснить различіе расъ; именно противъ этой стороны дарвинизма уже по отношенію къ животному міру дѣлались самыя рѣшительныя и заслуживающія вниманія возраженія! Отклоненія въ тѣлесномъ строеніи многихъ животныхъ породъ, давшія людямъ, занимающимся разведеніемъ голубей, возможность создавать все новыя видоизмѣненія, кажутся скорѣе случайными или дифференцированіями.

возникшими подъ вліяніемъ культуры, чѣмъ приспособленіями къ опредѣленнымъ условіямъ. Такъ и у человѣка исключительныя свойства, упорно унаслѣдовавшіяся поколѣніями,—напр., знаменитая Габсбургская нижняя губа и другіе признаки—могутъ сводиться не непосредственно къ внѣшнимъ вліяніямъ, а къ присущему всякому живому существу стремленію дифференцироваться. И патологическіе признаки передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе—даже между животными, среди которыхъ рахитическія ноги таксовъ представляютъ классическій примѣръ. Во французскихъ Пиренеяхъ и теперь еще сохраняются остатки народца или касты, члены которой отличаются своеобразными патологическими измѣненіями когтей на пальцахъ рукъ и ногъ. Происхожденіе этихъ каго (Cagots) какъ они называются, долго оставалось темнымъ; отдѣльные изслѣдователи думали даже найти въ этомъ презираемомъ и избѣгаемомъ классѣ людей остатки вестъготовъ, пока въ новѣйшее время не было доказано, что мы имѣемъ дѣло съ потомками прокаженныхъ, предки которыхъ, будучи изгнаны изъ среды народовъ, вступали между собой въ браки и унаслѣдовали до сихъ поръ слѣды страшной болѣзни, которая давно уже прекратилась въ странѣ. Нельзя отрицать явленій этого рода въ духовной области — тамъ они даже обычнѣе; печальное вліяніе пьянства родителей на духовную жизнь сыновей и внуковъ — одинъ примѣръ изъ многихъ.

Вліяніе внѣшняго міра на тѣло во всякомъ случаѣ легче наблюдать, чѣмъ на духъ; равнымъ образомъ вліяніе климата и почвы на тѣлесныя свойства человѣка, хотя менѣе важны, чѣмъ воздѣйствія на его внутреннюю жизнь, но болѣе замѣтны. Этимъ не сказано, конечно, что для каждаго случая возможно дать простыя объясненія.

Почва дѣйствуетъ на тѣло непосредственно, но еще сильнѣе косвенно черезъ посредство продуктовъ, которые она производитъ и вообще благодаря широтѣ того жизненнаго фундамента, который она представляетъ собою; эти косвенныя вліянія, конечно, обусловлены также и климатомъ. Прямо вліяетъ почва на тѣло тѣми препятствіями, которыя она создаетъ для передвиженія съ мѣста на мѣсто, и тѣмъ вынуждаетъ отдѣльныя личности къ затратамъ силъ, необходимыхъ для преодолѣнія этихъ препятствій; здѣсь лежитъ причина того, что горцы, если они пользуются достаточной пищей, превосходятъ силой и пропорціональностью тѣлосложенія жителей долинъ. Менѣе доказано формальное приспособленіе къ своей родинѣ многихъ обитателей болотистыхъ странъ, выражающееся, напр., у африканскихъ Динка въ длинѣ и тонкости ихъ членовъ, напоминающихъ конечности болотныхъ птицъ; можетъ быть, такимъ же приспособленіемъ къ болотистымъ берегамъ Сѣвернаго (Нѣмецкаго) моря объясняются худыя длинныя фигуры фризовъ. Къ болѣе косвеннымъ вліяніямъ относятся тѣ факты, что у народовъ, которые, по свойствамъ занимаемыхъ ими территорій, вынуждены пользоваться водными путями, заниматься рыболовствомъ, вслѣдствіе постояннаго сидѣнія въ лодкѣ появляется атрофія нижнихъ конечностей, а у народовъ наѣздническихъ становится постояннымъ признакомъ, — искривленіе ногъ.

Продукты почвы, другими словами, питаніе оказываетъ несомнѣнно огромное вліяніе на тѣло, но, повидимому, почти исключительно въ количественномъ отношеніи. У большей части всѣхъ бродячихъ народовъ, которые живутъ безъ земледѣлія и скотоводства только скудными добровольными дарами природы, обнаруживаются часто типы оскудѣнія и еще не рѣшенъ вопросъ о томъ, не пріобрѣли ли народы карлики — свой малый ростъ путемъ долгаго приспособленія къ недостаточному питанію, такъ какъ никто изъ нихъ не поднялся надъ низшимъ культурнымъ уровнемъ простыхъ „собирателей“ (Sämmler) съѣдобныхъ веществъ и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что недостатокъ пищи понижаетъ высоту роста. Точно также тяжелая работа, къ которой принуждаетъ обитателей скудость почвы,

съ своей стороны содѣйствуетъ развитію уродливостей тѣлосложенія. За то едва-ли удастся установить опредѣленное вліяніе питательныхъ веществъ на свойства тѣла; родъ пищи, если только она достаточна для питанія, кажется безразличенъ для тѣла, которое все преобразуетъ въ пригодныя для него вещества.

Человѣческое тѣло можетъ въ общемъ хорошо приспособиться къ различнымъ климатическимъ поясамъ — не безъ того, конечно, чтобы функціи его не подвергались извѣстнымъ измѣненіямъ, которыя могутъ оказать вліяніе и на свойства органовъ. Чѣмъ большими крайностями отличается климатъ, къ которому привыкъ человѣкъ, тѣмъ труднѣе ему приладиться къ климату съ противоположными свойствами. Уже здѣсь заключается одно изъ оснований, почему ни обитатели тропиковъ, ни обитатели полярныхъ странъ не были способны распространить свою первоначальную культуру за предѣлы ихъ настоящей родины и сдѣлаться господствующими культурными народами. Извѣстные внѣшніе признаки, прежде всего цвѣтъ кожи, слѣдуетъ отнести конечно, къ воздѣйствію климата; они пріобрѣли въ культурной жизни значеніе неизгладимыхъ признаковъ различныхъ расъ: въ Сѣверной Америкѣ, напримѣръ, негръ отличается отъ бѣлаго не языкомъ, часто не образованіемъ, а цвѣтомъ кожи.

Но рядомъ съ этимъ существуютъ, повидимому, климатическія и мѣстныя вліянія на строеніе тѣла, которыя можно допустить, но которыя нельзя въ точности объяснить. Крупныя измѣненія человѣческаго типа, изъ которыхъ возникли современныя расы, конечно, не повторяются, но мелкихъ колебаній наблюдается достаточно, такъ что мы по крайней мѣрѣ въ состояніи понять, какъ возникли расы въ такое время, когда культура въ ея зачаткахъ скорѣе способствовала тѣлеснымъ измѣненіямъ, чѣмъ стѣсняла ихъ преобладаніемъ мозговой дѣятельности, какъ теперь. Относительно вышеупомянутыхъ сѣверо - американскихъ негровъ часто утверждали, что ихъ тѣлесныя свойства — независимо отъ смѣшенія съ бѣлыми и индѣйцами — значительно измѣнились на новой родинѣ. Это еще въ большей степени относится къ бѣлымъ переселенцамъ, типъ которыхъ, кажется, приближается къ типу сухощавыхъ, стройныхъ аборигеновъ-индѣйцевъ, и которые даже цвѣтомъ кожи и волосъ начинаютъ отличаться отъ своихъ европейскихъ родичей. Что эта перемѣна замѣчена была еще въ XVIII в., доказываетъ начало безсмертной пѣсни Yankee doodle: „A Yankee boy is trim and tall and never overfat, sir!“ (молодой янки худъ и высокъ, и никогда не жиренъ, сэръ!). Извѣстное карикатурное изображеніе дяди Сама въ юмористическихъ листкахъ воспроизводитъ американскій типъ въ преувеличенномъ видѣ (см. рис выше). Англичане, отъ которыхъ не ускользнула эта замѣчательная перемѣна въ соплеменникахъ, имѣютъ случай для подобныхъ наблюденій и въ другихъ частяхъ свѣта; всюду, гдѣ основала колоніи англо-саксонская раса, она подвергается измѣненіямъ, которыя не поддаются простому объясненію; въ общемъ же главныя измѣненія слѣдуетъ приписать вліянію климата. Съ особенной рѣзкостью указывалъ уже въ 1876 г. Ньюманъ на возникновеніе ново-зеландскаго типа, который (какъ и въ Сѣверной Америкѣ) выражается въ суженіи нижней челюсти, что въ свою очередь, такъ какъ для зубовъ оказывается мало мѣста, ведетъ къ неправильностямъ въ зубахъ. Нѣтъ недостатка и въ другихъ измѣненіяхъ—„свѣтлый и яркій цвѣтъ кожи и волосъ англичанъ уступаетъ у новозеландцевъ

Каррикатура дяди Сама Изъ Harpers Weekly. См. текстъ ниже.

мѣсто болѣе матовымъ тонамъ. Замѣчателенъ фактъ, что въ Новой Зеландіи родится очень мало дѣтей съ темными глазами и волосами; родители могутъ быть брюнетами, съ волосами цвѣта воронова крыла, съ черными глазами, ихъ потомство все же будетъ отличаться блѣдными тонами". На австралійскомъ же материкѣ, наоборотъ, — блондины уступаютъ мѣсто брюнетамъ. Но и въ Новой Зеландіи, а особенно на материкѣ Австраліи, замѣтно вліяніе жаркаго климата на человѣка. „Въ Австраліи, — говоритъ Ньюманъ, — подъ вліяніемъ жестокаго зноя, дѣти выростаютъ быстро, но они скоро вянутъ, какъ тепличные цвѣты, и ихъ физическія и духовныя силы истощаются въ такомъ возрастѣ, когда англичане находятся еще въ расцвѣтѣ своихъ юношескихъ силъ ... „Молодежь Ново-Зеландіи и австралійскихъ колоній тѣлесно и духовно слабѣе, чѣмъ ихъ сверстники на первоначальной родинѣ. Она менѣе способна къ усиліямъ, трудная работа и лишенія сокрушаютъ ее быстрѣе. Колоніальное потомство обладаетъ и меньшей тѣлесной силой сопротивленія; люди часто оказываются изношенными, какъ они говорятъ (seedy), всякая болѣзнь быстро побѣждаетъ ихъ, и они излечиваются медленно. Женщины также отцвѣтаютъ быстро. Какъ и янки, австралійцы склонны къ высокому, жидкому росту, къ тощей мускулатурѣ, которая вызвала для нихъ насмѣшливое прозвище „Соломинки" (cornstalks). Эту особенность, которую они раздѣляютъ съ народами пустыни, можно приписать сухости австралійскаго климата; страннымъ образомъ, столь-же сухая Южная Африка представляетъ, напротивъ, примѣръ того, что переселенцы обнаруживаютъ склонность къ ожирѣнію, какъ и болѣе древніе обитатели страны готтентотты, у которыхъ при общей худобѣ тѣла всюду распространена стеатопигія (образованіе жирнаго зада см. рис. здѣсь).

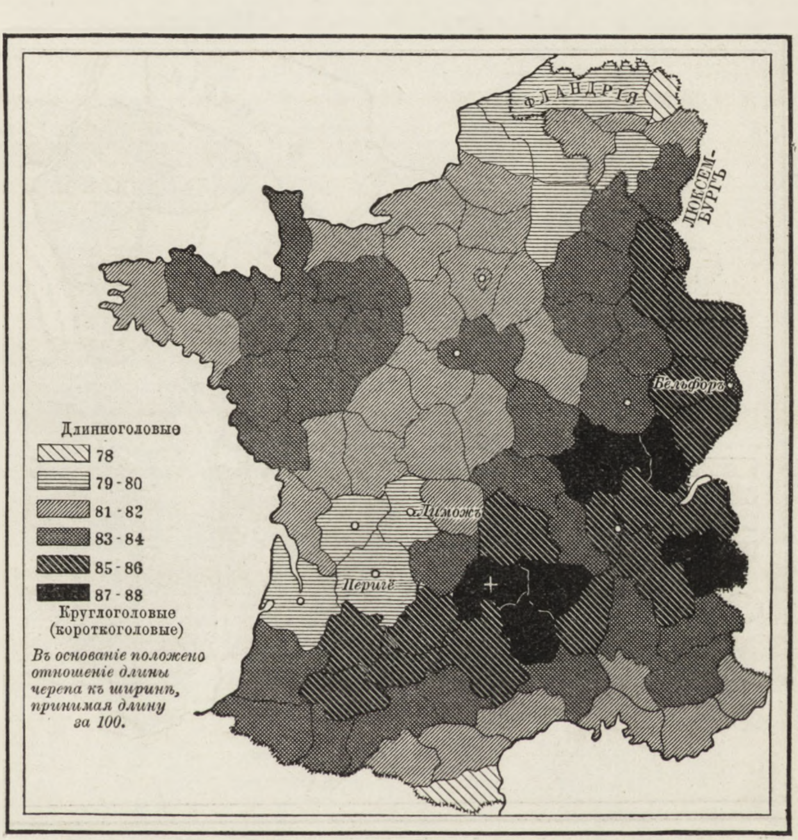

Готтентотка. По Ранке. См. текстъ здѣсь.

Тѣлесныя измѣненія, достаточно свидѣтельствующія о томъ, что природныя свойства обитаемой территоріи весьма сильно дѣйствуютъ на человѣка, не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ развитію культуры. Но если мы припомнимъ, какая тѣсная связь между тѣломъ и духомъ даетъ возможность всѣмъ физическимъ условіямъ вліять на дѣятельность и свободу психической жизни, какъ вообще параллельно съ внѣшними измѣненіями идутъ почти неизбѣжно внутреннія, и мы не будемъ оцѣнивать эти измѣненія слишкомъ низко. Еще сильнѣе, чѣмъ на дѣятельность разума, вліяетъ окружающая природа, на влеченія и инстинкты человѣка. Неизмѣримы, напр., различія чувственности у различныхъ народовъ; какъ они вліяютъ на формы семьи и общества, показываетъ сравненіе между нѣмецкимъ и французскимъ пониманіемъ жизни, или между христіанскимъ и мусульманскимъ идеаломъ брака; въ основѣ этихъ явленій должны лежать, главнымъ образомъ, климатическія вліянія. Чрезмѣрное наслажденіе ѣдой и питьемъ возникаетъ еще болѣе непосредственно подъ давленіемъ суроваго климата и можетъ въ своемъ искаженіи подавить духовныя и экономическія силы общества, какъ это къ вреду своему испытали нѣмцы. Съ другой стороны, дорого стоющее наслажденіе ѣдой и питьемъ принуждаетъ къ энергической дѣятельности: сѣверный рабочій, какъ извѣстно, при своихъ болѣе обширныхъ потребностяхъ имѣетъ преиму-

щество предъ потребителями одной растительной пищи, напр., передъ испанскими крестьянами, довольствующимися хлѣбомъ и лукомъ.

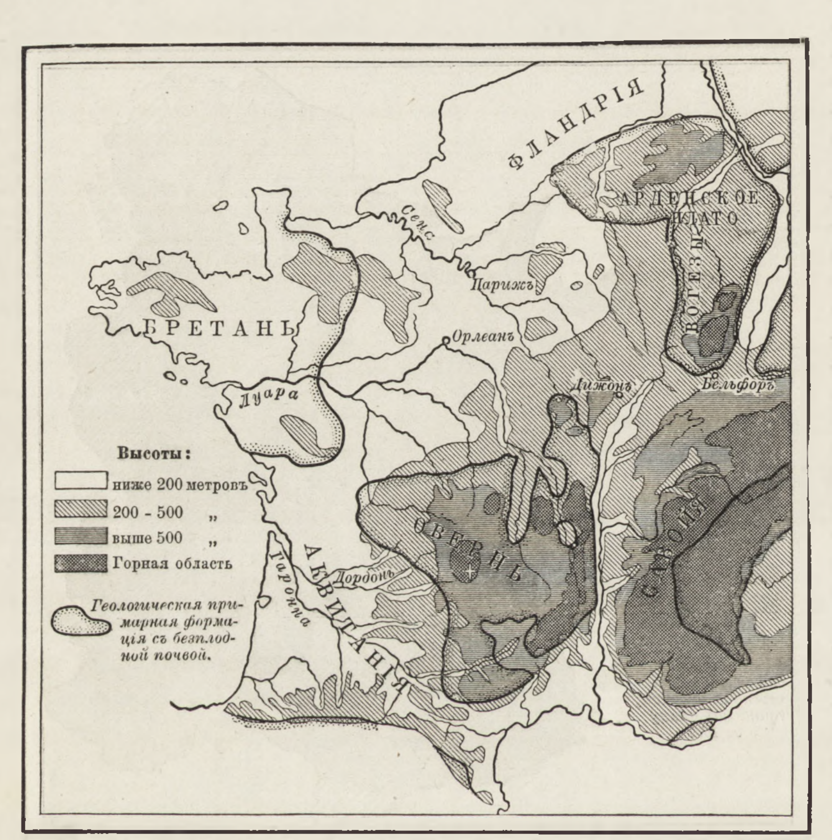
Нужно упомянуть еще объ одномъ косвенномъ воздѣйствіи климата, которое съ точки зрѣнія дарвинизма должно быть упомянуто на первомъ планѣ — это естественный подборъ, уничтоженіе слабаго и болѣзненнаго потомства, сохраненіе сильныхъ и приспособившихся къ климату, такъ какъ этимъ путемъ слабѣйшіе, погибающіе по большей части въ раннемъ дѣтствѣ, исключаются изъ продолженія рода, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ даетъ толчекъ къ образованію особенно сильнаго и закаленнаго племени. Въ дѣйствительности это случается рѣдко и вѣроятно старое повѣрье, что первобытные народы менѣе страдали или даже вовсе не страдали отъ болѣзней, покоится на соображеніяхъ, подобныхъ вышеизложеннымъ, но мы не должны — хотя подборъ часто поддерживается намѣреннымъ истребленіемъ слабыхъ и уродливыхъ, — переоцѣнивать вліяніе этого процесса и обобщать его. Благопріятныя послѣдствія подбора могутъ быть у первобытныхъ народовъ уничтожены вліяніемъ недостаточнаго питанія и вредными привычками. Культурные же народы путемъ соотвѣтствующаго воспитанія дѣтей борятся противъ него сознательно. У болѣе цивилизованнаго человѣчества рядомъ съ большимъ уваженіемъ къ человѣческой жизни все болѣе и болѣе пробивается сознаніе, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ значительная сила тѣла можетъ быть возмѣщена силой духа — калѣка Лихтенбергъ могъ быть для человѣчества безконечно важнѣе, чѣмъ красивѣйшій адъютантъ въ лейбъ-гвардіи Фридриха Вильгельма I Прусскаго.

Распространеніе длинноголовыхъ и короткоголовыхъ во Франціи. По Колиньону, см. текстъ, стр. 32.

Признавая вліяніе почвы на физическое строеніе тѣла, мы должны остерегаться отъ смѣшенія причинъ со слѣдствіями. Новѣйшей антропологіи удалось доказать, что опредѣленные расовые типы часто связаны съ опредѣленными формами странъ; во Франціи, напр., длинноголовые блондины владѣютъ плодородными, низменными участками, а коротко головые брюнеты (альпійская раса), главнымъ образомъ, болѣе бѣдными, выше-

лежащими мѣстностями. Здѣсь, вліяніе внѣшней природы на происхожденіе расъ совершалось чуть ли не на нашихъ глазахъ. Въ дѣйствительности же, пора, когда образовались настоящіе расовые признаки, отстоитъ отъ насъ гораздо дальше. Горная раса Франціи развилась впервые не въ мѣстахъ своего нынѣшняго жительства; ее просто въ теченіе вѣковъ оттѣснила съ плодородныхъ полей въ безплодныя горы болѣе сильная бѣлокурая раса (см. карты на стр. 31—32). Ихъ меньшая сила и меньшія способности не суть слѣдствіе ихъ современныхъ жизненныхъ условій, а, наоборотъ, въ силу своей слабости, короткоголовые, были оттѣснены и вынуждены занять менѣе благопріятныя части страны. Мѣстами же, какъ напр., въ части Бургундіи, горцы впослѣдствіи подвинулись впередъ и почти заставили исчезнуть блондиновъ, длинноголовыхъ. И въ другихъ случаяхъ смѣны расъ умѣстенъ вопросъ, не лежатъ ли въ основаніи его первоначальныя расовыя различія. Если, какъ упомянуто выше, въ Австраліи число брюнетовъ постоянно увеличивается, то можно съ Карролемъ допустить возможность того, что темноволосая раса лучше приспособляется къ климату, чѣмъ блондины, которые въ силу этого отступаютъ. Если уже тѣло, которое культура все же предохраняетъ отъ рѣзкихъ измѣненій, не освобождается изъ подъ вліянія окружающей среды, то въ главной области дѣятельности человѣка — психической — это вліяніе еще замѣтнѣе, хотя ограничить его точно, повидимому, труднѣе. Одно кажется несомнѣннымъ, что каждый народъ приспособляется въ своей природѣ и своемъ настроеніи къ характеру обитаемой страны, вступаетъ въ гармоническое отношеніе къ окружающей средѣ; такимъ образомъ въ области духовной повторяется стремленіе животнаго міра уподобиться своему мѣсту пребыванія и пріобрѣсти защитныя его формы и окраску. Едва ли нужно это психическое приспособленіе возводить къ подбору искусственному и естественному: непосредственное вліяніе впечатлѣній, производимыхъ природой на человѣка, неоспоримо, и, повторяясь постоянно, результатъ ихъ можетъ выработать нѣкоторую прочную составную часть характера; каждый чувствуетъ и

Наименѣе плодородныя области Франціи. По Колиньону и Риплею. См. текстъ выше.

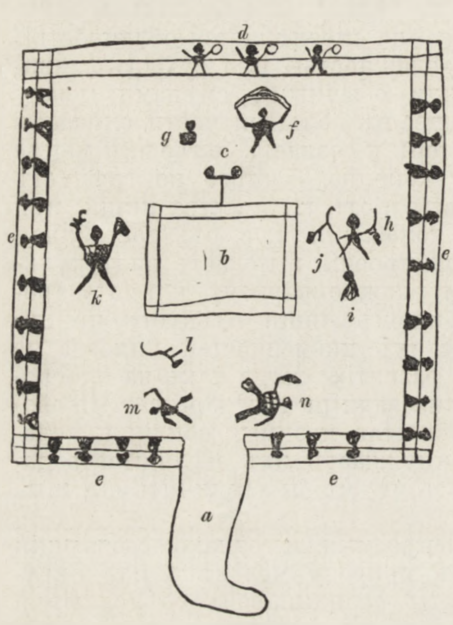
мыслитъ иначе въ свѣжее, солнечное весеннее утро, чѣмъ въ лѣтній зной или въ сырые и холодные зимніе дни. Различіе же настроенія въ зависимости отъ того, созерцаемъ ли мы міръ со снѣжной альпійской вершины, съ береговъ моря или изъ уединеннаго мѣста безконечной песчаной равнины — можетъ замѣтить и самый тупой человѣкъ.

Это вліяніе среды не простая величина, съ которой можно считаться безъ лишнихъ разсужденій; оно складывается изъ различныхъ отдѣльныхъ чертъ, которыя однако дѣйствуютъ на чувства и характеръ, какъ цѣльная картина міра. Картина эта возникаетъ изъ свойствъ поверхности, которая можетъ быть плоской или гористой, бѣдной или богатой водами, голой или покрытой зелеными лѣсами; затѣмъ она опредѣляется облачностью и обиліемъ свѣта, тепломъ или холодомъ, влажностью или сухостью, движеніемъ или неподвижностью воздуха или обычными смѣнами между этими состояніями атмосферы. Преобладающее въ большей части случаевъ состояніе запечатлѣвается глубоко въ характерѣ и создаетъ болѣе или менѣе постоянное настроеніе обитателей, которое, конечно, — этого не слѣдуетъ забывать, — зависитъ и отъ трудности работы и отъ количества пищи, при извѣстныхъ условіяхъ отъ политическаго положенія, т. е. отъ постоянной эксплуатаціи и гнета. А изъ характера и настроенія вытекаетъ видъ культурной работы. Несомнѣнно, усыпляющему влажно-жаркому климату тропиковъ въ соединеніи съ чрезмѣрнымъ обиліемъ пищи слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что изъ тропическихъ низменностей никогда не исходило толчка къ высшему культурному развитію, тогда какъ на плоскогоріяхъ Мексики и Перу развились цивилизованныя государства. Наоборотъ умѣренный поясъ, постоянной смѣной лѣта и зимы, обилія и недостатка закаляетъ характеръ обитателей, принуждаетъ ихъ заглядывать далеко впередъ и прилагать все остроуміе къ тому, чтобы увеличить скудные дары природы.

Но есть болѣе тонкія воспріятія, невѣсомыя и однако создающія такія особенности, которыя переходятъ въ природу человѣка изъ окружающаго міра. Многія оригинальныя черты скандинавовъ объясняются, можетъ быть, обиліемъ свѣта, который во время сѣвернаго лѣта заливаетъ страну и дѣйствіе котораго только ослабляется, но не заглушается совершенно зимой. Еще дальше на сѣверъ вліяніе темноты и пустынной обстановки выступаетъ могущественнѣе и, кажется, опредѣляетъ то своеобразное настроеніе нервной системы, плодомъ котораго является шаманизмъ (см. рис. на стр. 34). Даже на нѣмецкихъ племенахъ вліяніе среды и климата сказывается довольно ясно. Тяжеловѣсный, угрюмый крестьянинъ сѣверо-западной Германіи покажется непонятнымъ чужакомъ въ тирольскихъ Альпахъ, но характеръ его выяснится для насъ, когда мы увидимъ его въ туманный день въ его монотонной болотистой родинѣ. Добродушный, веселый тюрингенецъ, съ другой стороны, немыслимъ безъ зеленыхъ, мягко волнующихся холмовъ его родины, жители Рейнскихъ странъ безъ свѣтлой, богатой виноградомъ долины своей рѣки.

Чѣмъ, наконецъ, обязано упрямое бранденбургское племя борьбѣ со своей неплодородной, песчаной низиной и гніющими болотами, лучше всѣхъ понялъ и сильнѣе всѣхъ высказалъ Вилибальдъ Алексисъ. Въ русскомъ характерѣ въ свою очередь отражается вліяніе великой восточно-европейской равнины съ безконечнымъ горизонтомъ и недостаткомъ точекъ, на которыхъ могъ бы отдохнуть усталый глазъ. И всѣ эти настроенія не только заставляютъ трепетать человѣческую душу, какъ отдающіеся въ ней звуки; они сгущаются въ идеи и дѣйствія и выступаютъ какъ творческія силы на свѣтъ Божій. Часто эти силы имѣютъ роковое значеніе: жестокость или холодное равнодушіе къ человѣческой жизни, тяготѣющее какъ проклятіе на душѣ большей части, можетъ быть, даже всѣхъ первобытныхъ народовъ и не допускающее ни ихъ собственной эволюціи, ни эво-

люціи сосѣдей, слѣпая жажда истребленія, выступающая въ яростныхъ вспышкахъ во время военныхъ столкновеній — все это является только отголоскомъ такихъ же слѣпыхъ и жестокихъ стремленій природы, съ которой человѣчество должно вести отчаянную борьбу за существованіе. Гдѣ самъ климатъ усугубляетъ мрачное настроеніе изъ созерцанія этой безпощадной борьбы природы вырастаетъ иногда горькая философія. „Нашъ міръ остеръ какъ ножъ“, гласитъ пословица тлинкитовъ, которые живутъ въ туманныхъ фіордахъ Аляски. Это мрачное основное настроеніе можетъ имѣть мѣсто рядомъ съ безсмысленною веселостью, но при случаѣ преобладающее настроеніе прорывается еще рѣшительнѣе. Высшая культура дѣйствуетъ для смягченія жесткой суровости не только непосредственно, но и косвенно, смягчая слишкомъ рѣзкія соприкосновенія съ природой, отнимая у борьбы за существованіе ея наиболѣе острые шипы и предохраняя отъ возникновенія неопредѣленныхъ чувствъ страха и ненависти. Тотъ, кому въ культурномъ мірѣ выпала сносная доля, смотритъ почти съ удовольствіемъ на кружащіеся снѣжные хлопья, на бурное море, и только несчастный, потерявшій свою опору въ общественномъ союзѣ, научается чувствовать, что природа не утратила своей жестокости, и міръ все еще „остеръ какъ ножъ“. И уже по своему настроенію онъ можетъ распознать, какъ тотчасъ выростаютъ вновь въ немъ ненависть и гнѣвъ и приводятъ духъ въ печальную гармонію съ жестокою природой.

Шаманское лѣченіе больныхъ у западныхъ эскимосовъ. По I. Гофману. Ср. текстъ, стр. 33

a—Входъ въ хижину; b—Очагъ; c—Свѣтецъ; d—Игроки на бубнѣ на возвышенномъ мѣстѣ для сидѣнія; e—Зрители и друзья больного; f—Шаманъ, начинающій свои заклинанія; g—Больной; h—Шаманъ, заклинающій демона (j), который соединенъ линіей съ головой больного (i); k—Шаманъ изгоняетъ демона (l) изъ хижины; m и n—Два помощника шамана, выталкивающіе окончательно демона изъ двери.

Массы выражаютъ свое настроеніе или ликованіями, или вспышками дикаго гнѣва; у натуръ творческихъ они облагораживаются и выражаются въ могучихъ дѣяніяхъ, или — болѣе прочнымъ образомъ — въ произведеніяхъ искусства. Гете не разъ говорилъ, что его произведенія освобождаютъ его отъ удручающихъ настроеній и въ то время какъ „Страданія Вертера“ погрузили Германію въ вихрь сентиментализма, онъ самъ, уже торжествующій, возвысился надъ тѣмъ отчаяніемъ, которое высказывается въ книгѣ. Въ этомъ фактѣ лежитъ оправданіе и для многихъ уродливостей новѣйшаго искусства: неудовлетворенность, вытекающая изъ чрезмѣрно быстраго и неравномѣрнаго культурнаго развитія, должна разрѣшиться въ искусствѣ и въ поэзіи, какъ электрическое напряженіе въ грозѣ; и поэтъ, какъ будто наслаждающійся изображеніемъ отвратительнаго, не помогаетъ этому отвратительному одержать побѣду, а борется съ нимъ, творчески воплощая и отталкивая его. Что очень немногіе при этомъ ясно сознаютъ свое внутреннее состояніе, не доказываетъ противнаго; творческія и въ то же время совершенно объективныя, наблюдающія натуры, какъ Гете, чрезвычайно рѣдки. Все это, конечно, приложимо и къ другимъ народамъ и къ другимъ временамъ; если Бокль говоритъ, что „въ Индіи природа устрашала человѣка, а въ Греціи ободряла его“, то къ этому можно

еще прибавить, что это отношеніе къ природѣ ни въ чемъ не выступаетъ такъ ясно, какъ въ изобразительныхъ искусствахъ обоихъ народовъ.

Культура, какъ уже сказано, въ общемъ подняла или смягчила настроеніе, но нельзя отрицать и того, что она, благодаря черезчуръ практическому использованію природы, истощила многіе источники наслажденія и силы; испорчены не только красивые пейзажи, но и самая атмосфера подвергается часто неблагопріятнымъ вліяніямъ и тѣмъ создаются благопріятныя условія для возникновенія мрачныхъ настроеній.

Впрочемъ, это ухудшеніе настроенія—только незначительный побочный результатъ той огромной культурной работы, которая постоянно измѣняетъ и улучшаетъ почву и жизненныя условія человѣчества. Какъ противоположны другъ другу народы одной и той же страны, изъ которыхъ одинъ преобразуетъ почву, а другой просто приноравливается къ ней! Классическій примѣръ этого представляютъ два типа обитателей тропическаго дѣвственнаго лѣса, который покрываетъ часть бассейна Конго и склоны африканскихъ горъ, — бродячіе народы карлики и земледѣльцы негритосы. Карликъ Акки или Обонго не измѣняетъ свойствъ своей скудной родины; онъ скорѣе составляетъ ея часть; онъ пользуется оружіемъ и ловушками, которыя она ему представляетъ, и живетъ охотой, плодами и корнями лѣса, поскольку не вступаетъ еще въ отношенія симбіоза съ земледѣльцами. Мысль о томъ, чтобы срубать лѣсныхъ великановъ, подъ густымъ лиственнымъ кровомъ которыхъ онъ строитъ свои хижины, въ подлѣсѣ которыхъ онъ ловитъ свою дичь, въ кронахъ которыхъ подкарауливаетъ птицъ, ему чужда, а примѣръ обработки земли мотыгой у сосѣднихъ племенъ, начавшихъ прорубать лѣсъ, остается безъ вліянія на него. Совершенно иную картину представляютъ поселенія земледѣльцевъ, которые сначала въ видѣ острововъ внѣдрялись въ лѣсъ, пока въ концѣ концовъ въ ихъ рукахъ не измѣнился совершенно характеръ страны, и остатки старыхъ деревьевъ не остались островами на плодородной землѣ. Здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ дѣйствуетъ земледѣлецъ, измѣняется покровъ поверхности почвы, а вмѣстѣ съ нимъ его полезность и его вліяніе на душу; въ другихъ мѣстахъ это удается не въ такой полной степени, но повышенное использованіе земли и возможность болѣе густого населенія достигаются инымъ путемъ; это особенно выступаетъ въ богатыхъ травами степяхъ. Народы, стоящіе на низкой степени культуры, приспособившіеся къ степи, блуждаютъ по пустынному пространству, какъ жалкіе охотники или собиратели и дѣлятъ вмѣстѣ съ болѣе крупными хищными животными случайную добычу. Картина измѣняется совершенно, когда болѣе интеллигентныя племена начинаютъ утилизировать въ качествѣ пастбищъ для необозримыхъ стадъ степные луга, или когда употребленіе лошади превращаетъ бѣдныхъ степныхъ охотниковъ въ подвижныхъ всадниковъ и разбойниковъ. Какимъ бы способомъ ни увеличивалась численность народа, возрастающее число поселеній придаетъ странѣ иной характеръ, даетъ новое настроеніе, дѣйствующее на наблюдателя симпатическимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока извѣстное утомленіе культурой не преобразуетъ естественную впечатлительность. Но даже человѣкъ, пресыщенный сношеніями съ людьми, испытавши на нѣкоторое время вліяніе одиночества въ необитаемой странѣ, будетъ съ восторгомъ привѣтствовать первые слѣды человѣческаго существованія.

„Утомленіе культурой“, какъ явленіе массовое, не старо: но оно и не единственная причина мечтаній о природѣ въ наши дни. Часто указывается на то, что вкусъ къ красотамъ альпійскаго міра развился только въ новѣйшее время, тогда какъ римляне съ чувствомъ трепета переходили горные проходы; но при наклонности къ уединенію германцы были первыми, кому опасности пустынныхъ, закованныхъ въ ледъ горныхъ высотъ не мѣшали созерцать великолѣпіе зрѣлища, затѣмъ

не нужно забывать и того, что Альпы настоящаго времени — стали совсѣмъ иной страной, чѣмъ въ римскую эпоху: населенныя тогда неукрощенными племенами, теперь не уступающими въ культурѣ сосѣднимъ странамъ, они возбуждаютъ въ путникахъ совершенно иное настроеніе, чѣмъ въ былые дни. Рядомъ съ этимъ, конечно, скученность и чрезмѣрное напряженіе силъ въ наши дни породили встрѣчное теченіе: интересъ къ одиночеству, стремленіе къ тѣснѣйшему общенію съ природой, что должно бы представителямъ древнихъ культурныхъ народовъ казаться страннымъ и даже варварскимъ, такъ какъ и въ самомъ дѣлѣ передовые сыны нашего времени въ этомъ пунктѣ соприкасаются съ некультурными, дикими племенами тропическихъ степей и лѣсовъ. Но это только такъ кажется: человѣкъ высшей культуры не просто возращается къ природѣ и первобытному состоянію; онъ раньше смягчалъ опасности, которыми грозила природа, культивировалъ ее, и уподоблялъ своему собственному существу; стало быть, настроеніе, которое возбуждаетъ она въ немъ, существенно отлично отъ того, которое испытываетъ представитель какого-нибудь бродячаго охотничьяго племени, создавшагося путемъ постояннаго приспособленія къ средѣ.

Узелокъ съ солью изъ Иффукума, В. Африка. По Кольману.

Болѣе густое заселеніе поверхности становится возможнымъ не только благодаря земледѣлію и скотоводству; къ тому же результату ведетъ и болѣе интенсивное использованіе другихъ природныхъ источниковъ. Море, безплодное и угрожающе бьющееся въ берега, все же предоставляетъ береговымъ обитателямъ свои сокровища: существованіе цѣлыхъ народовъ основано на правильно повторяющихся передвиженіяхъ рыбъ, которыя тѣснятся къ берегамъ; въ другихъ мѣстахъ доступъ къ морю является уже потому страстно оспариваемымъ достояніемъ, что оно въ изобиліи доставляло лучшую приправу къ ѣдѣ — соль; первые моменты расцвѣта Венеціи связаны съ добываніемъ соли; и на материкѣ около соляныхъ источниковъ возникали цвѣтущія поселенія. Тутъ мы незамѣтно достигли новой области. Что добываетъ у земли тяжелымъ трудомъ земледѣлецъ, чего достигаетъ дѣятельность скотовода и что рыбакъ вытаскиваетъ въ своей сѣти на берегъ — все это главнымъ образомъ средства продовольствія, которыя непосредственно дѣлаютъ возможнымъ существованіе человѣка, безъ которыхъ онъ не могъ бы густо населять землю; если часто и бываетъ обмѣнъ продуктовъ, въ общемъ земледѣлецъ, пастухъ, рыбакъ могутъ жить замкнутыми отъ всего міра, питаясь плодами своей дѣятельности. Но группа людей, которая посвящаетъ свою дѣятельность добыванію соли, не можетъ уже этимъ похвастаться; они при всемъ своемъ усердіи погибнутъ, если не найдутся люди, которые въ обмѣнъ за соль дадутъ имъ необходимыя жизненные припасы, другими словами, если не будутъ организованы торговля и сношенія.

Послѣдствія этихъ новыхъ отношеній для культуры необозримы. Прежде всего расширяется эйкумена; нѣтъ болѣе необходимости въ томъ, чтобы почва, на которой поселяется человѣкъ, давала непремѣнно все, что требуется для жизни: достаточно, если ее съ пользой можно эксплуатировать въ одномъ направленіи, чтобы обезпечить обитателямъ удобное существованіе. Мы видимъ, что иногда наполняются людьми самыя печальныя пустыни, напр., Невада, серебро которой привлекало потокъ поселенцевъ, или ледяная страна золота Клондайкъ, которая нѣкогда едва способна была обезпечить жалкое существованіе нѣсколькихъ бѣдныхъ ордъ индѣйцевъ, а теперь наводнена потокомъ золотоискателей. Если такія приманки найдутся на Шпицбергенѣ или въ землѣ Франца Іосифа, то и эти страны, лежащія внѣ эйкумены, хотя бы временно войдутъ въ составъ ея.

Изъ эксплуатаціи естественныхъ богатствъ развивается промышленность, которая кое-гдѣ, конечно, возникаетъ сама собой, какъ, напримѣръ, фабри-

кація часовъ въ нѣкоторыхъ округахъ Швейцаріи или льняное производство въ Исполиновыхъ горахъ. По большей части, однако, возникновенію промышленности способствуютъ или сокровища почвы, или особенности климата; въ этомъ смыслѣ нужно называть промышленностью не только производство техническихъ продуктовъ и орудій, но и разведеніе плантацій такихъ растеній, которыя не служатъ непосредственно для поддержанія жизни, и дальнѣйшая обработка которыхъ должна производиться фабричнымъ путемъ,—массовое разведеніе табака, хлопчатника, сахарнаго тростника, также исключительное разведеніе опредѣленныхъ животныхъ породъ, какъ, напр., рунныхъ овецъ, шелковичнаго червя, пчелъ въ извѣстномъ смыслѣ относится къ промышленности. Каждая промышленность, перерабатывающая произведенія почвы, имѣетъ отношеніе къ почвѣ, но прочность этой связи бываетъ различна. Есть виды промышленности, которые, вслѣдствіе неблагопріятныхъ политическихъ и культурныхъ условій переселились на другую территорію или выслали свой отдѣлъ въ колоніи, развитіе которыхъ затмило промышленность метрополіи; есть другія,—какъ уже упомянутое солевареніе, которое прикрѣплено къ почвѣ; а гдѣ имѣются благопріятныя условія—большая водная сила или залежи угля, тамъ современемъ всегда разовьется промышленная дѣятельность.

Благодаря промышленности внутри народныхъ группъ и даже всего человѣчества вообще, возникаетъ раздѣленіе труда, которое мѣстами начинается на раннихъ ступеняхъ развитія и, если не предшествуетъ, то идетъ параллельно съ тѣмъ раздѣленіемъ труда, которое слагается въ тѣсномъ кругѣ семьи и племени и въ концѣ концовъ ведетъ къ возникновенію различныхъ профессій. Есть народы и города, имѣющіе особыя профессіи. Это, конечно, не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что всѣ члены группы живутъ только однимъ занятіемъ, но въ томъ, что жизнь общества, какъ таковаго, покоится на той дѣятельности, которой посвящаютъ себя или большинство, или представители вліятельнѣйшей и важнѣйшей въ соціальномъ смыслѣ группы. Можетъ случиться даже такъ, что эта дѣятельность будетъ не производительная, а посредническая. Такъ въ концѣ концовъ возникаютъ общины, которыя живутъ только торговлей и извлекаютъ выгоды не изъ свойствъ почвы, а изъ положенія мѣстности, благопріятнаго для сношеній. Во всякомъ случаѣ это ведетъ къ расширенію эйкумены: на сухихъ, безлюдныхъ островахъ внезапно возникаютъ блестящіе города — какъ Ормусъ на Персидскомъ заливѣ, посредничествующій между Индіей и Месопотаміей; изъ заболоченныхъ лагунъ на сѣверо-западномъ берегу Адріатическаго моря подымается въ сказочномъ великолѣпіи Венеція, почти въ безводной пустынѣ развивается въ важный складочный пунктъ Аденъ.

Выгода, которую извлекаетъ культура человѣчества изъ этихъ процессовъ, касается, можетъ быть, болѣе внутренней жизни человѣка, чѣмъ улучшенія его внѣшняго положенія, хотя и послѣднее, какъ основа спокойной эволюціи, какъ поддержка въ борьбѣ за освобожденіе отъ давленія природы, имѣетъ свою цѣну. При этомъ по необходимости должно было пріостановиться раздробленіе человѣчества на мелкія, яростно враждующія между собой племена, по мѣрѣ того, какъ увеличивалось число такихъ группъ человѣчества, которыя сами себя не могли поддержать и зависѣли отъ мирныхъ мѣновыхъ сношеній съ сосѣдями. Въ этихъ неустойчивыхъ группахъ развиваются стремленія къ болѣе тѣсному сліянію, къ образованію большихъ государствъ, которыя ведутъ самостоятельную жизнь и внутри которыхъ обмѣнъ продуктовъ уже не нарушается антисоціальными проявленіями. Но и эти государства стремятся къ тому, чтобы создать около себя кругъ сношеній, такъ какъ съ возрастающимъ ознакомленіемъ съ сокровищами земли вырастаютъ и потребности, и является стремленіе къ новымъ облегченіямъ существованія. Такъ расширяется постоянно, пока имѣетъ мѣсто прогрессъ культуры, горизонтъ народовъ,

взгляды ихъ становятся шире и мысль свободнѣе, нравственное значеніе возрастаетъ.

Рядомъ съ этимъ измѣняется и отношеніе человѣка къ землѣ, на которой онъ живетъ, какъ это блистательно доказалъ Фридрихъ Ратцель. Культурный народъ можетъ сдѣлать изъ земли больше, чѣмъ дикое племя, и потому онъ цѣнитъ ее выше; такъ какъ, кромѣ того, съ культурой возрастаетъ и численность людей, а наличное пространство не увеличивается, то и въ этомъ смыслѣ земля становится дороже. Въ землѣ культурныхъ народовъ сложена культурная работа поколѣній; продолжающаяся работа есть условіе ея цѣнности, какъ показалъ печальный примѣръ Вавилоніи: постоянные перерывы культурной дѣятельности вернули эту страну на ту ступень, на которой она стояла до начала какой-бы то ни было обработки. Въ различной оцѣнкѣ земли лежитъ тайна превосходства культурныхъ народовъ надъ низшими расами, которыя, однако, благодаря своему совершенному приспособленію къ странѣ должны бы стоять по меньшей мѣрѣ наравнѣ съ пришельцами. Полуосѣдлый индѣецъ или австраліецъ слишкомъ легко уходитъ съ земли, на которой его не удерживаетъ ничто, кромѣ его подвижнаго жилища (см. рис. рядомъ). Съ несравненной ясностью Ратцель изображаетъ этотъ процессъ: въ своей „Политической географіи“: „Европейцы, которые со своими взглядами на цѣнность земли проникли въ области, гдѣ господствовало иное воззрѣніе, нашли возможнымъ удовлетворить свою жажду земельной собственности, такъ какъ они селились съ такими людьми, для которыхъ земля, выходящая изъ размѣровъ необходимаго, является непонятной роскошью. Отсюда такая легкая уступка огромныхъ пространствъ, что неосновательно приписывали неопытности въ политическомъ отношеніи, тогда какъ здѣсь только результатъ иного пониманія цѣнности, земли и иного пониманія значенія границъ, но въ этихъ понятіяхъ столько же смысла и системы, сколько въ европейскихъ. Отсюда постоянная борьба между послѣдними, болѣе широкими и свободными, и первыми, болѣе узкими и тѣсными понятіями о государственной землѣ“.

Хижина арапаго съ ширмой отъ вѣтра. По I. Муней.

Съ лучшей эксплоатаціей почвы и расширеніемъ сношеній растетъ численность людей; съ этимъ вмѣстѣ является новый факторъ, который обезпечиваетъ прогрессъ и продолжительность культуры. Можно сказать прямо, что главная причина, удерживающая низко стоящіе народы отъ всякаго подъема,—ихъ малочисленность, и это въ свою очередь вытекаетъ непосредственно изъ недостаточно интенсивной эксплоатаціи почвы. Однако культура и численность людей не стоятъ въ простомъ отношеніи другъ къ другу; преимущества большой численности для цивилизаціи выступаютъ въ различныхъ направленіяхъ и съ измѣняющейся силой и важностью; это покажетъ краткій обзоръ главнѣйшихъ воздѣйствій.

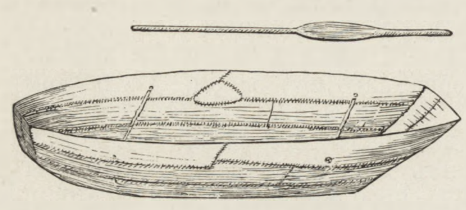
Прежде всего многочисленность носителей культуры обезпечиваетъ невредимое сохраненіе и передачу традицій. Маленькій народецъ, сокращающійся въ десять разъ при войнѣ, скорѣе, конечно, соберется опять, но онъ потерпитъ, несомнѣнно, неисчислимыя потери въ своей духовной и матеріальной культурѣ; наоборотъ, черезъ исполинскій народъ китайцевъ могутъ вновь и

вновь проходить завоевательныя полчища, но китайская національность останется невредимой въ своей оригинальности, и нить традиціи не порвется. Противъ нападеній многочисленный народъ также болѣе обезпеченъ, чѣмъ слабый, и уже въ этомъ смыслѣ обладаетъ болѣе спокойными условіями развитія. Въ самомъ народѣ масса индивидуумовъ обезпечиваетъ болѣе широкое раздѣленіе труда. Выраженіе „раздѣленіе труда“, конечно, какъ мы увидимъ, нужно употреблять осторожно; оно недостаточно правильно опредѣляетъ процессъ; но, такъ какъ оно все же даетъ приблизительную картину эволюціи, то, за неимѣніемъ лучшаго, можно пользоваться и имъ. Параллельно съ этимъ раздѣленіемъ труда идетъ возникновеніе высшихъ общественныхъ слоевъ, которые, освобожденные отъ утомительнаго физическаго труда, могутъ служить прогрессу умственному и въ то же время принять на себя попеченіе о болѣе тонкихъ соціальныхъ инстинктахъ, т. е. образованіе избранной группы, приспособленной къ руководительству группы народа. Эта роль меньшинства правомѣрна лишь до тѣхъ поръ, конечно, пока они сохраняютъ сознаніе обязанностей, вытекающихъ изъ ихъ привилегированнаго положенія. Съ ростомъ численности измѣняется естественно и соціальная структура народа: жизнь ордами и кастовое устройство уступаютъ мѣсто государству, которое образуетъ въ свою очередь свои органы изъ людей, находящихся въ его распоряженіи. И если большая численность народа есть необходимое основаніе культуры, то его постоянный ростъ является побужденіемъ къ дальнѣйшему прогрессу. Это побужденіе не всегда встрѣчаетъ благопріятный откликъ въ массѣ: у цѣлыхъ народовъ можетъ возникать чувство, что пора остановиться и вмѣсто того, чтобы создавать среди вѣчной смѣны новыя условія существованія для возрастающихъ массъ и потомъ при улучшенныхъ условіяхъ существованія вновь переживать приростъ численности, лучше отказаться отъ неограниченнаго увеличенія численности и въ спокойномъ наслажденіи существующимъ вести созерцательную жизнь. Въ этихъ цѣляхъ въ настоящее время ограничиваютъ численность своихъ дѣтей французы. Но это близорукая мудрость, и народъ, который предается ей, будетъ жить не на идиллическомъ мирномъ островѣ, но среди неустанно прогрессирующаго культурнаго міра, съ которымъ всякій долженъ идти въ ногу, если не желаетъ быть опрокинутымъ и раздавленнымъ. Германія, населеніе которой все возрастаетъ, не только нашла средство пропитывать своихъ дѣтей, но при помощи своей значительной численности такъ шагнула въ промышленности и торговлѣ, что оставила позади себя первоначально болѣе богатую Францію. И еще болѣе: если Германія лучше утилизируетъ и лучше цѣнитъ, чѣмъ Франція и большая часть другихъ сосѣдей, почву своей страны, то она съ точки зрѣнія высшей культуры пріобрѣтаетъ такія права и привиллегіи, которыя нѣкогда, можетъ быть, заявятъ себя съ непреодолимой силой. Въ жизни народовъ идетъ борьба за существованіе и бросать лучшее оружіе въ этой борьбѣ, численность, ради другихъ выгодъ — неудачный маневръ; кто ищетъ не трудового существованія, а того, что люди называютъ „счастьемъ“ — будь то отдѣльная личность или цѣлый народъ, — тотъ, можетъ быть, сегодня будетъ полнѣе наслаждаться, чѣмъ тотъ, который стремится къ чему-то и творитъ, но будущее будетъ принадлежать не первому, а послѣднему.

Народъ, который желалъ бы отдаться мирному наслажденію пріобрѣтеннымъ и успокоиться, какъ пожилой купецъ или выслужившій пенсію учитель, забываетъ совершенно, что человѣчество находится въ постоянномъ движеніи, и каждое пустое или плохо защищенное мѣсто тотчасъ достается новымъ пришельцамъ, которые съ свѣжимъ мужествомъ разрушаютъ старое и создаютъ по своему новое. Непрестанное движеніе — одно изъ великихъ предварительныхъ условій всякой культуры, даже всякаго существованія вообще; но одолѣніе пространства при помощи времени, если

можно такъ выразиться, есть столь же простая проблема, какъ и разсмотрѣнное выше вліяніе численности людей на культуру.

Способность человѣка къ движенію первоначально является ограниченной; онъ не принадлежитъ въ этомъ смыслѣ къ числу наиболѣе благопріятно снаряженныхъ существъ. Онъ не можетъ подняться въ воздушныя пространства, умѣнье плавать у него пріобрѣтается ученіемъ; оно многимъ неизвѣстно и только въ недавнее время начинаетъ получать значеніе въ борьбѣ за существованіе; быстрота и выносливость при бѣгѣ также оставляютъ желать многаго. Но, можетъ быть, именно этимъ недостаткамъ человѣчество отчасти и обязано своими преимуществами. Эспинасъ указалъ на то, что подвижность воздушныхъ животныхъ является препятствіемъ для ихъ духовнаго развитія, и муравьиныя царства стоятъ выше пчелиныхъ, такъ какъ муравьи прочнѣе связаны съ землей и вынуждены къ болѣе интенсивной эксплоатаціи относительно маленькихъ пространствъ. Чѣмъ подвижнѣе животное, чѣмъ легче для него бѣгство, тѣмъ меньше оно склонно основывать постоянныя жилища и защищаться противъ враговъ. Человѣкъ съ своей малой подвижностью долженъ былъ держаться на мѣстѣ, прочнѣе прикрѣпляться къ почвѣ, не теряя способности перемѣнять мѣсто; это было свойствомъ его натуры съ давнихъ поръ, оно укрѣпилось въ немъ раньше, чѣмъ искусственныя средства сообщенія устранили отчасти первоначальный недостатокъ, въ особенности когда благодаря изобрѣтенію лодки воды стали служить ему путями сообщенія (см. выше помѣщ. рис.).

Лодка и весло съ озера Альбертъ-Эдуардъ, Африка. По Штульману.

Каждый живой организмъ находится въ постоянномъ движеніи: то же самое слѣдуетъ сказать о силахъ, которыя составляютъ организмъ каждаго человѣческаго общества: трудъ и наслажденіе, борьба и игра поддерживаютъ своимъ чередованіемъ постоянное возбужденіе, безъ котораго соціальное тѣло разложилось бы такъ же, какъ это бываетъ съ человѣческимъ организмомъ, когда прекращается живое движеніе, присущее ему. Безпрерывныя мелкія перемѣны мѣста, которыя происходятъ при этомъ — только колебательныя; но и тѣ большія движенія массъ, которыя вездѣ имѣютъ мѣсто въ низшихъ народныхъ группахъ, даже въ районѣ высшихъ формъ культуры, нельзя назвать иначе.

Племена, которыя не развились ни до воздѣлыванія питательныхъ растеній, ни до укрощенія домашнихъ животныхъ и пользуются дарами природы опредѣленной мѣстности, не могутъ вообще достигнуть настоящей осѣдлости, такъ какъ имъ для пропитанія нужно относительно большое пространство, которое они должны искрещивать въ безпрерывныхъ скитаніяхъ. Таковъ образъ жизни большей части австралійскихъ негровъ, бушменовъ, островитянъ Пау-моту и другихъ бродячихъ племенъ. На высшихъ ступеняхъ получаетъ мѣсто ритмическая перемѣна мѣстожительствъ, которая покоится частью на природныхъ условіяхъ, частью на томъ, что постепенно изыскиваются различные источники питанія. Настоящій номадизмъ, который сводится къ поперемѣнному использованію различныхъ пастбищъ, обнаруживаетъ еще очень крупное сходство съ жизнью бродячихъ народовъ. Въ другихъ мѣстахъ образовалось различіе между зимними и лѣтними поселеніями, которое имѣетъ свои параллели въ дачахъ большихъ европейскихъ городовъ, но произошли, по большей части отъ другихъ причинъ. Очень наглядно рисуетъ такое состояніе на устьяхъ Амура Шренкъ: „Гдѣ мѣстность во всѣхъ отношеніяхъ благопріятна и соотвѣтствуетъ лѣтнимъ и зимнимъ требованіямъ, тамъ можно видѣть деревни, обитаемыя постоянно, хотя въ домахъ различной конструкціи; если, напротивъ, мѣ-

стность представляетъ выгоды существенныя въ одно время года и недостатки въ другое, то устраиваются въ различныхъ мѣстахъ лѣтнія и зимнія поселки и соотвѣтственно этому происходитъ двукратная перемѣна мѣстожительства каждый годъ... Такъ, расположенное на правомъ берегу Мяо (Амура) поселеніе есть только лѣтникъ селенія Куйкъ, лежащаго на лѣвомъ берегу. Всѣ обитатели Куйка на лѣто переселяются въ Мяо, которая имѣетъ болѣе удобное положеніе для рыбной ловли, будучи ближе къ теченію, по которому идутъ поднимающіеся вверхъ по Амуру лососи; и берегъ тамъ выше и удобнѣе для житья и т. д. Осенью они возвращаются въ наискось противъ нихъ расположенные зимніе дома, гдѣ углубленія берега и обширные лѣса, представляютъ защиту отъ преобладающихъ рѣзкихъ холодныхъ западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ и снѣжныхъ бурь и въ то же время болѣе обширную и удобную площадь для охоты, чѣмъ на горныхъ склонахъ праваго берега".

Существуетъ, стало быть, цѣлый рядъ причинъ, которыя обусловливаютъ перемѣну мѣстъ; въ другихъ мѣстахъ рядомъ съ этими главными мотивами, какъ вліяніе климата и поиски за пищей являются и другіе: у лапландцевъ, напримѣръ, комары загоняютъ людей вмѣстѣ со стадами оленей въ горы. По большей части, конечно, не все населеніе перемѣняетъ мѣсто: эксплуатировать отдѣленныя мѣстности выходятъ только нѣкоторые; но даже у нигерскихъ земледѣльцевъ бываетъ, что по временамъ всѣ обитатели деревни переселяются на фермы, расположенныя среди обработанныхъ полей, и только дряхлые старики остаются на мѣстахъ. Такіе порядки возникаютъ въ особенности тамъ, гдѣ частыя войны принуждаютъ людей скучиваться тѣснѣе, чѣмъ это допускаетъ эксплуатація почвы. На берегахъ Меланезіи жилища находятся по большей части на маленькихъ островахъ, которые расположены противъ берега, а плантація, напротивъ, на материкѣ; въ странахъ же Малайскаго архипелага, гдѣ производится охота за черепами, деревни устраиваются на крутыхъ и безплодныхъ высотахъ, такъ что во время полевыхъ работъ жителямъ неудобно возвращаться домой каждый вечеръ, и они ночуютъ въ маленькихъ хижинкахъ среди полей.

Склонность къ блужданію можетъ сдѣлаться вторичнымъ инстинктомъ, котораго не можетъ устранить даже продолжительное воспитаніе въ противоположномъ направленіи. Классическій образецъ этого рода имѣетъ Европа въ своихъ цыганахъ. У этого народа паріевъ, вышедшаго изъ Индіи, блужданіе по своей родинѣ подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ причинъ перешло въ эмиграцію; они упорно продолжаютъ бродячее паразитическое въ извѣстномъ смыслѣ существованіе и съ большимъ упорствомъ держатся самыхъ низшихъ формъ жизни среди высокоцивилизованныхъ народовъ.

Только постепенно и въ единичныхъ случаяхъ удаются попытки сдѣлать этотъ народецъ осѣдлымъ и пріучить къ новымъ жизненнымъ требованіямъ. Блужданія цыганъ, кромѣ того, совершенно явственнымъ образомъ связаны съ той беззаботной дѣятельностью собиранія, которой поддерживаютъ свое существованіе австралійскіе негры и бушмены; только у цыганъ, которые бродятъ не въ дикихъ мѣстностяхъ, она превращается въ болѣе культурныя формы воровства и обмана; при случаѣ практикуется и вымогательство, которое вознаграждается жестокой ненавистью къ нимъ осѣдлаго населенія. Подъ давленіемъ нужды цыганъ отдается профессіямъ, которыя до нѣкоторой степени оправдываютъ его существованіе, не давая ему настоящей осѣдлости, напр., торговлѣ лошадьми, кузнечному ремеслу, музыкѣ и особенно ворожбѣ, такъ какъ въ Европѣ, какъ и вездѣ, низкостоящимъ народамъ приписывается знаніе сверхъестественныхъ силъ. Цыгане — не единичное явленіе. Въ особенности часто выступаютъ бродячіе народцы въ области африканской полукультуры; но ихъ не преслѣдуютъ, и они выполняютъ по временамъ особыя задачи въ организмѣ господствующаго народа. Наиболѣе извѣстны гріоты въ Сенегамбіи—родъ странствующихъ музыкантовъ, которые почти

монополизировали музыку, какъ ремесло, но они-же и пѣвцы хвалебныхъ гимновъ, герольды и гонцы; въ сущности ихъ все таки презираютъ: они могутъ жениться только въ своей средѣ, а послѣ смерти ихъ погребаютъ не въ землѣ, а въ дуплахъ деревьевъ. Лабатъ, уже въ началѣ XVIII в. встрѣтившій здѣсь эти отношенія, на всѣ вопросы относительно причины презрѣнія къ гріотамъ, получилъ только лаконическій отвѣтъ:— „Таковъ обычай страны". На выдающемся восточномъ мысѣ Африки среди кочевниковъ сомали и частью осѣдлыхъ галла встрѣчаются цѣлыя бродячія племена, напр., вабони, занимающіяся главнымъ образомъ охотою за слонами, мидганы, которые служатъ въ качествѣ охотниковъ, хирурговъ и живодеровъ и ебиры, добывающіе себѣ средства къ существованію въ качествѣ шутовъ, предсказателей, кожевниковъ, сѣдельниковъ, ковровыхъ мастеровъ и изготовителей особыхъ кармашковъ для талисмановъ. Въ южной Аравіи и въ Индіи также встрѣчаются такіе бродячіе народцы. Въ большей части случаевъ можно предположить, что въ нихъ сохраняются остатки первобытнаго населенія, и они продолжаютъ свой былой образъ жизни, послѣ того какъ болѣе способныя племена, отняли у нихъ землю. Иногда встрѣчаются и такіе народы, которые уже успѣли осѣсть на землю, но, подъ гнетомъ нужды, опять сдѣлались бродячими; что такія явленія возможны и среди высоко развитыхъ, культурныхъ народовъ, показываютъ между прочимъ плачевные порядки въ Англіи со времени Генриха VIII до нашихъ дней, гдѣ противузаконный захватъ общинныхъ земель частными собственниками оторвалъ большую часть населенія отъ ея исконной собственности и преобразовалъ въ бродячій, нищенствующій пролетаріатъ. „Pauper ubique jacet" (бѣдные попадаются всюду), жаловалась уже королева Елизавета.

Земледѣліе и скотоводство тѣснѣе прикрѣпляютъ человѣка къ почвѣ. Но и внутри нашего культурнаго міра бываютъ еще обширныя періодическія движенія, вызываемыя главнымъ образомъ тѣмъ, что въ извѣстныхъ областяхъ населеніе не можетъ найти достаточно средствъ къ существованію, но изъ любви къ родинѣ и въ силу того, что она въ другихъ отношеніяхъ обезпечиваетъ пріятную жизнь — не могутъ оставить ее навсегда. Въ такихъ случаяхъ способные къ работѣ, въ извѣстный періодъ года, устремляются потоками въ области, гдѣ ихъ сила нужна и оплачивается выше, а живутъ дома только по зимамъ; при извѣстныхъ условіяхъ пребываніе на чужбинѣ затягивается на цѣлые года. „Бродячіе саксы", которые тянутся съ востока Германіи на западъ, итальянскіе и чешскіе рабочіе, отправляющіеся на сѣверъ, китайцы, которые ищутъ счастья въ Калифорніи, Индонезіи и Австраліи, но всегда возвращаются въ Китай, являются образцами населенія этого рода.

Наибольшее значеніе для распространенія культуры имѣютъ тѣ передвиженія, которыя ведутъ къ постоянному заселенію чужихъ странъ и имѣютъ обыкновенно свою причину въ приростѣ населенія, въ стѣсненіяхъ политическихъ и религіозныхъ. Характеристическимъ признакомъ ихъ является то, что народъ, какъ цѣлое, не приходитъ въ движеніе, но выдѣляетъ вѣтви, которыя пускаютъ корни на чужбинѣ и наконецъ выростаютъ въ самостоятельный народъ или государство. Такимъ образомъ въ новѣйшее время европейскіе культурные народы обратили почти всѣ удобныя для нихъ области земного шара въ придатки къ Европѣ и такимъ образомъ сообщили ея культурѣ почти непоколебимую прочность; не покидалась коренная родина и въ походахъ монголовъ и другихъ средне-азіатскихъ ордъ; и теперь еще въ подвижныхъ войлочныхъ кибиткахъ блуждаютъ киргизы и монголы въ степяхъ Средней Азіи, которую ядро народа не покидало никогда. Впрочемъ именно монгольскія расы являются примѣромъ того, какъ народъ, приспособившійся къ своеобразной климатической области, и обусловленной ею формѣ хозяйства, отъ этихъ же условій зависитъ и въ своихъ странствованіяхъ. Толпы среднеазіатскихъ номадовъ приливали всегда съ особенной охотой туда и тамъ

дольше всего оставались владыками, гдѣ имѣлись степи и пастбища, на которыхъ находили пищу ихъ кони и ихъ стада. Такъ объясняется фактъ, что восточная Европа такъ легко подвергалась натиску гунновъ и позднѣе монголовъ, а Россія могла освободиться отъ монгольскаго ига только послѣ ряда вѣковъ, тогда какъ земледѣльческій Китай, хотя и часто подпадалъ подъ владычество степныхъ народовъ, но оставался непоколебленнымъ въ своемъ существѣ, и завоеватели очень скоро подъ вліяніемъ культуры становились настоящими китайцами. Венгрія—великая средне-европейская степная страна и теперь еще занята азіатскимъ племенемъ; господство гунновъ на западѣ Европы, напротивъ исчезло быстро, и здѣсь не могли утвердиться вообще ни монголы, ни авары, ни мадьяры.

Можно думать, что въ культурно-историческомъ отношеніи еще важнѣе были тѣ случаи, когда народы совершенно очищали свои былыя жилища, чтобы со всѣмъ добромъ переселиться въ новыя страны. Но эти случаи, хотя и не очень рѣдкіе, но въ большей части очень мелкаго характера и результатомъ ихъ является обыкновенно регрессъ культуры у кочующаго народа. Вѣрно, конечно, что новая среда можетъ возбудить и новыя силы, новыя потребности и европейскіе колонизаторы, остающіеся въ постоянной связи съ культурной жизнью родины, могутъ, приспособившись къ новой территоріи, пріобрѣсть оригинальныя жизненныя настроенія и новыя, плодотворныя воззрѣнія. Но народовъ, отрывающихся вполнѣ отъ родины, гонитъ обыкновенно нужда или давленіе враговъ и то, на что они мѣняютъ свою старую родину, въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ можетъ представлять собою нѣчто лучшее; почти всегда имъ достается то, чѣмъ никто не интересуется. Въ Африкѣ много такихъ загнанныхъ народовъ, которые нашли убѣжище отъ болѣе сильныхъ противниковъ въ безплодныхъ горахъ или болотахъ, тянущихся по берегамъ рѣкъ или вдоль морского берега. Для нихъ перемѣна мѣста сдѣлалась равнозначущей съ оскудѣніемъ культуры. Съ земледѣльческой ступени, на которой имъ не чуждо было ни кузнечное искусство, ни гончарное производство, ни ткацкое, несчастные обитатели болотъ опять спустились до первобытныхъ собирателей и рыбаковъ. Чрезвычайно рѣдки, напротивъ, передвиженія бо́льшихъ размѣровъ, имѣющія цѣлью завоеванія, при которыхъ дѣйствительно весь народъ приходитъ въ движеніе; племена восточной Германіи, приготовившія конецъ Римской Имперіи, кажется, частью вполнѣ оставили свою старую родину, тогда какъ западные германцы посылали только колонистовъ и такимъ образомъ завоевали Англію. Что восточнымъ нѣмцамъ не къ добру послужили ихъ странствованія, не взирая на ихъ побѣды, это достаточно извѣстно; почти всегда для народа останется гибельной попытка оторваться отъ родной почвы и начать приспособляться въ качествѣ цѣлаго къ новымъ условіямъ жизни.

Большое значеніе для культуры страны имѣетъ вопросъ открыта ли она для вторженій народовъ въ большей или меньшей мѣрѣ и каковы тѣ народы для которыхъ она служитъ цѣлью. Толпы скитальцевъ, являющихся носителями культуры и силы, можно сравнить съ потоками и въ томъ смыслѣ, что они, въ чрезмѣрномъ объемѣ, дѣйствуютъ опустошительно, тогда какъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, царитъ оскудѣніе и пустыня. Страны вродѣ Персіи и Месопотаміи, такъ часто служившія воротами и добычею для средне-азіатскихъ народовъ, поплатились за свое неблагопріятное положеніе регрессомъ своей когда-то столь высокой культуры.

Напротивъ, крайнія страны эйкумены — вродѣ Сѣверной Сибири или Огненной земли достаточно доказываютъ убогой степенью культуры своихъ обитателей, какъ мало привлекали они другіе народы къ мирнымъ или завоевательнымъ передвиженіямъ. Англія и Ирландія показываютъ особенно ясно, какъ незначительная выгода положенія можетъ сдѣлаться источникомъ сильнаго вліянія. Англія защищена каналомъ отъ слишкомъ частыхъ на-

паденій, но не настолько, чтобы въ нее съ давнихъ поръ не вступали завоеватели и не подняли бы на высшую ступень культуры или не освѣжили новой кровью первоначальное населеніе, стоявшее очень низко, на уровнѣ развитія нынѣшнихъ эскимосовъ. Ирландія лежитъ немного далѣе отъ древнихъ путей народовъ, и потому культура тамъ всегда находилась, по словамъ тамъ Беддое, въ застоѣ. Вторженіе темноволосой альпійской расы, которая принесла съ собой въ Англію знакомство съ бронзой, не коснулось Ирландіи, позднѣйшіе походы германцевъ имѣли также меньшее вліяніе на „Зеленый островъ“, чѣмъ на Англію, тѣмъ болѣе, что плодородныя области Ирландіи лежатъ на востокѣ, такъ что вторгавшіеся не имѣли повода направиться ни на западъ, ни вглубь страны. Результатомъ является отсталость Ирландіи въ культурѣ, которая замѣтна до сихъ поръ и находитъ свое выраженіе въ политическомъ безсиліи.

Культура, прикрѣпляя человѣка къ землѣ, въ то же время чрезвычайно усиливаетъ его способность къ движенію и тѣмъ счастливо смягчаетъ вредныя послѣдствія слишкомъ прочной осѣдлости; колебательныя движенія дѣлаются быстрѣе, кровь циркулируетъ живѣе въ жилахъ человѣчества. Нѣтъ уже непреодолимыхъ препятствій для движенія — развѣ за исключеніемъ ледяныхъ полей обоихъ полюсовъ,—даже и ихъ въ концѣ концовъ окажется способной побѣдить столь характерная для европейскихъ культурныхъ народовъ смѣсь жажды знанія съ честолюбіемъ. Сношенія вносятъ начала единства въ человѣческій родъ, съ другой стороны, они дѣлаютъ возможными большее разнообразіе въ этомъ единствѣ, все лучшее и лучшее использованіе почвы, приростъ численности человѣчества, а вмѣстѣ съ нимъ и приростъ культуры.

---

2. Прогрессъ культуры.

Европеецъ обнаруживаетъ извѣстнаго рода самонадѣянность, обозначая свою собственную культуру какъ культуру вообще. Можно ли на самомъ дѣлѣ сказать, что вся работа человѣческаго рода на протяженіи тысячелѣтій сводилась къ тому, чтобы создать основы европейской цивилизаціи, что мы единственные наслѣдники прошедшаго и поэтому намъ должно принадлежать будущее? И если мы, чего въ концѣ концовъ нельзя отрицать, стоимъ въ настоящее время во главѣ культурнаго развитія и образуемъ самый могущественный элементъ прогресса, то можемъ ли мы прослѣдить съ извѣстной достовѣрностью возникновеніе нашей культуры? Кому мы ей обязаны и въ какомъ отношеніи стоитъ къ ней остальное человѣчество?

Уже при бѣгломъ разсмотрѣніи выясняется, что къ примѣненному безъ критики понятію „культура“ слѣдуетъ относиться съ осторожностью; намъ нужно только ближе разсмотрѣть европейскую культуру, которая кажется чѣмъ-то единымъ, и выяснить все относящееся къ ней.

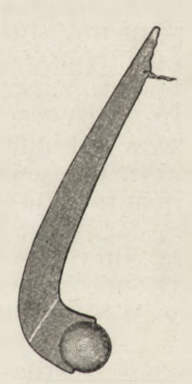
Каждый изъ культурныхъ европейскихъ народовъ имѣетъ свой собственный языкъ, свою особую литературу, изъ которой только часть переходитъ въ другія, каждый имѣетъ свой собственный характеръ, который выражается въ нравахъ и обычаяхъ и всего яснѣе во всемъ міровоззрѣніи; далѣе всѣ народы Европы не принадлежатъ къ древнимъ культурнымъ народамъ, которые жили на почвѣ Азіи, Африки, усваивали въ очень различныя времена высшую культуру и въ очень неравной степени участвовали въ дальнѣйшей работѣ надъ созданіемъ цивилизаціи. Въ сущности, стало быть, каждый европейскій народъ имѣетъ свою собственную культуру, но

часть культурнаго достоянія является у нихъ общей, и въ силу этого они могутъ побуждать другъ друга взаимнымъ сообщеніемъ своихъ успѣховъ. То, что мы называемъ европейской культурой, есть сумма общихъ благъ, къ которымъ каждый народъ присоединяетъ извѣстную долю собственнаго достоянія.

То же самое можно сказать и о человѣчествѣ въ цѣломъ. И здѣсь каждое племя, каждый народъ имѣетъ собственную культуру, и всѣ вмѣстѣ располагаютъ общей сокровищницей знаній и благъ и это есть то, что на самомъ дѣлѣ можно назвать культурой человѣчества. Изучать ее — ближайшая задача, по разрѣшеніи которой можно будетъ ближе подойти къ труднымъ проблемамъ эволюціи культуры.

Эскимосская вставка для губъ изъ Талька. По Мурдоку.

При попыткѣ установить общее достояніе человѣчества, конечно, окажется, что дѣло идетъ больше объ общихъ способностяхъ и воззрѣніяхъ, чѣмъ о строго опредѣленныхъ предметахъ. Все человѣчество, напримѣръ, обладаетъ способностью рѣчи, но языки, чрезвычайно различны, и многіе изъ нихъ живутъ только внутри очень маленькихъ группъ. Огонь извѣстенъ всѣмъ, но способы добывать его не всегда одни и тѣ же. Для того, чтобы перечень общаго культурнаго достоянія не оказался очень скуднымъ, не слѣдуетъ останавливаться предъ извѣстными пробѣлами, лишь бы во всѣхъ частяхъ свѣта и у большей части народовъ встрѣчалось соотвѣтствующее явленіе. Въ этомъ смыслѣ Фридрихъ Ратцель сдѣлалъ попытку установить „инвентарь общаго достоянія человѣчества: „Огонь, возникшій отъ тренія кусковъ дерева; охота ударными и метательными орудіями; рыболовство путемъ эксплуатаціи богатыхъ рыбой мѣстъ сѣтями, острогами, вершами, удочками, извѣстное почти всюду, какъ равнымъ образомъ и оглушеніе рыбы; знакомство съ дико-растущими питательными и ядовитыми растеніями; пользованіе даровыми продуктами животнаго царства; наслажденіе опьяняющими или возбуждающими нервы веществами; приготовленіе пищи при помощи огня; въ качествѣ украшеній татуировка или раскраска, вставленіе постороннихъ тѣлъ въ выступающія части лица, въ уши, носъ, губы (см. рис. выше), кольца ручныя, ножныя и шейныя, прически; въ качествѣ одежды прежде всего поясъ стыдливости; въ качествѣ жилища по крайней мѣрѣ крыша изъ тростника и вѣтвей; соединеніе хижинъ въ деревни; оружіе изъ дерева: палица (см. рис. рядомъ), метательныя дубины и копья, луки и стрѣлы, отбитые изъ камня топоры, молотки и наконечники стрѣлъ и копій, пращевые камни. Изъ ремеслъ всеобщимъ распространеніемъ пользуются: обработка камня отбивкой и нажимомъ, обработка дерева путемъ рѣзанія, обжиганія, сгибанія при помощи теплоты, шкуръ путемъ скобленія и тренія; плетеніе; окрашиваніе; добываніе животнаго жира при помощи вытапливанія; устройство выдолбленныхъ изъ обрубка дерева лодокъ, земледѣліе при помощи палки или мотыги, причемъ воздѣлываемые продукты мѣняются въ разныхъ частяхъ свѣта; скотоводство въ видѣ прирученія собаки“. Общими являются далѣе извѣстныя общественныя учрежденія, прежде всего бракъ, зачатки государственной жизни и права, зародыши религіи и погребенія усопшихъ.

Палица Омап изъ Сѣв. Америки. По Фоуке.

Такой перечень будетъ всегда только компромиссомъ между различными воззрѣніями и вслѣдствіе этого подлежитъ нападеніямъ критики. Далѣе выяснится, насколько данныя Ратцеля нуждаются въ ограниченіи или болѣе близкомъ поясненіи; извѣстныя возраженія могутъ подняться только противъ упоминанія земледѣлія, такъ какъ оно было первоначально неизвѣстно на материкѣ Австраліи, и культура цѣлой группы народа ха-

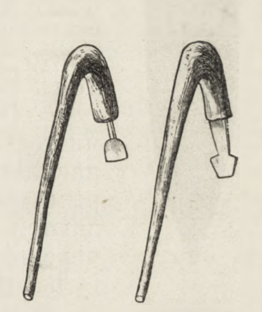
рактеризовалась отсутствіемъ земледѣлія; самымъ распространеннымъ орудіемъ обработки земли является не приспособленный къ паханію плугъ, а болѣе древняя мотыга (см. рис. на стр. 47). Заступъ ни у австралійцевъ, ни у бушменовъ не является орудіемъ, которое примѣнялось бы къ воздѣлыванію полевыхъ растеній, но служитъ для примитивной цѣли собиранія дико растущихъ корней клубней и луковицъ.

Уже общій слой культуры, взятый въ цѣломъ, не можетъ разсматриваться, какъ слой, который всюду равномѣрно покрываетъ почву; всѣ дальнѣйшія и оригинальныя культурныя формы являются въ своемъ распространеніи только разнообразными пятнами и полосами, которыя выступаютъ на нижнемъ фонѣ и оригинальнымъ образомъ пересѣкаются и переплетаются между собой. Отказавшись отъ слишкомъ рѣзкихъ разграничительныхъ линій, можно, однако, и здѣсь установить извѣстное число культурныхъ зонъ, или поясовъ, которые распадаются въ свою очередь на мельчайшія области, но характеризуются общностью извѣстныхъ культурныхъ признаковъ. Отчасти они совпадаютъ съ климатическими поясами. Европейская культура облегаетъ землю въ видѣ пояса въ сѣверныхъ умѣренныхъ широтахъ; подобный же поясъ, только сильнѣе разорванный водными массами океановъ обходитъ южное полушаріе. Зона высшей американской культуры обнимаетъ плоскогоріе средней и Южной Америки. И менѣе развитая степень цивилизаціи въ своемъ родѣ ограничена географическими и климатическими условіями. Напр., древне-малайская культура держится въ островномъ тропическомъ мірѣ Азіи, Океаніи и Африки, культура сѣверныхъ полярныхъ народовъ, которые распались этнографически на различныя племена, объединены въ культурную группу Гиперборейцевъ. Были попытки замѣнить совершенно дѣленіе на расы, которыя характеризуются антропологическими и лингвистическими признаками, дѣленіемъ на культурныя группы; съ точки зрѣнія экономической науки это сдѣлалъ уже Морганъ, а потомъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ Ратцель. Принимая во вниманіе то, что всѣ дѣленія этого рода имѣютъ цѣлью облегчить обзоръ, не разъясняя исторіи развитія, съ установленіемъ такихъ группъ или круговъ народовъ, какъ называетъ ихъ Ратцель, можно только согласиться, но противъ исключительнаго примѣненія его неизбѣжны возраженія. Поскольку дѣло касается происхожденія тѣлесныхъ признаковъ, дѣленіе человѣчества на культурныя группы не имѣетъ никакой цѣны; не можетъ ими воспользоваться для своихъ цѣлей и лингвистика.

Когда говорятъ о культурной зонѣ или о культурной группѣ, дѣло идетъ всегда только о цѣломъ рядѣ общихъ признаковъ, происхожденіе которыхъ прежде всего остается невыясненнымъ; нѣтъ необходимости, чтобы внутри группы существовалъ извѣстный родъ общаго самосознанія или болѣе тѣсныя сношенія--иначе въ культурныя группы мы могли бы соединить только знакомые съ письмомъ и связанные сношеніями культурные народы, между тѣмъ, напримѣръ, у Гиперборейцевъ о тѣсной внутренней связи не можетъ быть и рѣчи, и даже старые мексиканцы и перуанцы едва ли знали другъ друга. Но, рядомъ съ этимъ массовымъ появленіемъ общихъ признаковъ, встрѣчаются очень многочисленныя отдѣльныя черты сходства, выступающія то тутъ, то тамъ, часто съ такимъ поразительнымъ однообразіемъ, что можно было бы предположить общее происхожденіе изъ того или другого источника, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности ничто не соединяло одинъ народъ съ другимъ. По отношенію къ этому своеобразному явленію наука, не отваживаясь на слишкомъ поспѣшныя заключенія, должна принять единственно правильный путь — собирать факты и разсматривать ихъ рядомъ, какъ предметы въ музеѣ.

Толчекъ къ этой подготовительной работѣ далъ Адольфъ Бастіанъ, живая плодотворная дѣятельность котораго для спасенія и сохраненія предметовъ матеріальной культуры обезпечиваетъ ему вѣчную признатель-

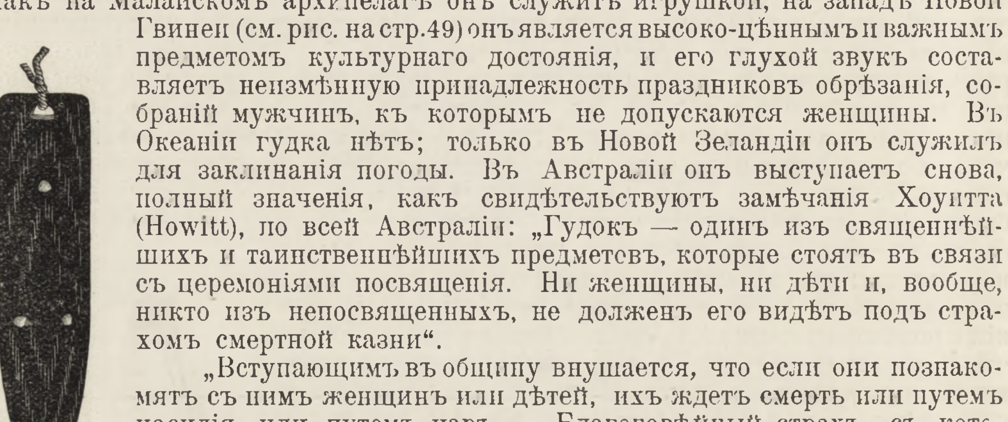
ность; какъ писателю, ему, къ сожалѣнію, не удалось высказаться болѣе ясно; онъ до извѣстной степени захлебнулся въ массѣ фактовъ и не оказалъ особеннаго содѣйствія наукѣ въ этомъ направленіи, такъ какъ придерживался односторонняго мнѣнія о самостоятельномъ происхожденіи всякаго рода культурнаго достоянія и однако пренебрегалъ мелкой монографической работой. Съ большимъ успѣхомъ результаты объективной собирательной дѣятельности изложилъ Рихардъ Андрэ въ своихъ „Этнографическихъ параллеляхъ", заглавіе которыхъ даетъ мѣткое выраженіе для сходныхъ культурныхъ явленій; этимъ онъ положилъ желательное основаніе для дальнѣйшаго изслѣдованія. При настоящемъ изслѣдованіи вопроса возможны два противоположныхъ способа объясненія, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои основанія, и борьба между которыми возобновляется при всякомъ поводѣ; въ то время какъ психологическое объясненіе исходитъ изъ общаго родства духовной жизни человѣка и допускаетъ, что въ большей части случаевъ параллельныя явленія развились совершенно самостоятельно, такъ какъ мы и здѣсь и тамъ по необходимости должны были прійти къ извѣстнымъ идеямъ,—интересъ же антропогеографіи состоитъ въ томъ, чтобы заботливо изучить слѣды былыхъ народныхъ передвиженій и сношеній и разсматривать по возможности сходства, какъ слѣды подобныхъ передвиженій и пользоваться ими для своихъ изслѣдованій. Понятно, что, хотя эти воззрѣнія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ взаимно исключаютъ другъ друга, въ общемъ они могутъ стоять рядомъ, и борьба становится особенно жаркой, только когда дѣло идетъ объ общемъ основномъ культурномъ слоѣ. Пока борьба эта не можетъ еще рѣшиться въ ту или другую сторону, и мы должны отказаться отъ рѣшенія вопроса, напр., о томъ, самостоятельно ли возникло добываніе огня въ различныхъ мѣстахъ или человѣчество обладало этимъ искусствомъ уже на своей прародинѣ и разнесло его въ свои позднѣйшія мѣста жительства. Прежде всего правильнѣе будетъ отложить теоріи и присмотрѣться къ нѣсколькимъ, наиболѣе поразительнымъ параллелямъ. Яснѣе всего обнаруживается сходство въ предметахъ практическаго употребленія, орудіяхъ и оружіи. Сравнимъ, напр., каменныя палицы меланезійцевъ, состоящія изъ каменнаго кольца, надѣтаго на палку и совершенно подобныя палицы изъ доисторической поры Америки, массами встрѣчающіяся при раскопкахъ и фигурирующія на древне-перуанскихъ глиняныхъ сосудахъ въ качествѣ оружія. Развѣ не является само собой предположеніе, что одинъ народъ былъ учителемъ другого? И однако это въ высшей степени невѣроятно, такъ какъ американскія изслѣдованія показываютъ, что живой обмѣнъ между культурой американцевъ и другихъ народовъ едва ли могъ имѣть мѣсто—кромѣ какъ на сѣверо-западномъ берегу. Еще шире распространенъ гудокъ, которому въ недавнее время Шмельцъ посвятилъ маленькую статью. Гудокъ (см. рис. на стр. 48) состоитъ изъ продолговатаго и плоскаго куска дерева, который часто имѣетъ форму рыбы, орнаментированъ или раскрашенъ, и на одномъ концѣ котораго прикрѣплена нитка, дающая возможность вертѣть имъ. По большей части это дѣлается не прямо рукой, но другой конецъ нитки прикрѣпляется къ палочкѣ; весь инструментъ очень похожъ на игрушку „лѣшаго", которая въ очень многихъ нѣмецкихъ городахъ продается на Рождествѣ и производитъ, приведенная въ движеніе, гудящій и трещащій звукъ. Въ высшей степени вѣроятно, что „лѣшій" — только усовершенствованный гудокъ, такъ какъ въ Англіи и теперь еще гудки употребляются, какъ игрушки.

Мотыги плем. адамауа, Зап. Суданъ. По Пассаржу. Ср. текстъ, стр. 46.

Что вещи, которыя нѣкогда были дороги и имѣли важное значеніе для взрослыхъ, доживаютъ остатокъ своего этнологическаго существованія

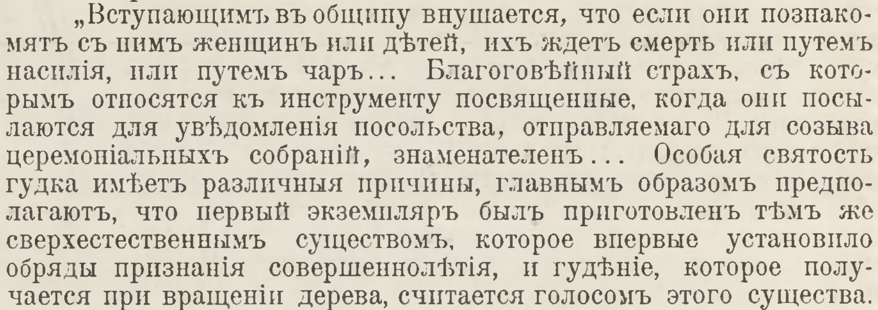
въ качествѣ дѣтскихъ игрушекъ, — явленіе всеобщее: и „лѣшій“ могъ у предковъ имѣть иное значеніе, чѣмъ теперь. Всюду, гдѣ гудокъ еще употребляется, онъ не служитъ ни въ какомъ случаѣ игрушкой или музыкальной забавой; въ его глухомъ гудящемъ звукѣ слышится нѣчто мистическое какъ бы исходящее отъ духовъ; тайные союзы особенно охотно употребляютъ его при празднествахъ въ честь мертвыхъ и другихъ торжествахъ, къ которымъ не каждый имѣетъ доступъ.

Очень замѣчательно распространеніе этого инструмента. Въ то время, какъ на Малайскомъ архипелагѣ онъ служитъ игрушкой, на западѣ Новой Гвинеи (см. рис. на стр. 49) онъ является высоко-цѣннымъ и важнымъ предметомъ культурнаго достоянія, и его глухой звукъ составляетъ неизмѣнную принадлежность праздниковъ обрѣзанія, собраній мужчинъ, къ которымъ не допускаются женщины. Въ Океаніи гудка нѣтъ; только въ Новой Зеландіи онъ служилъ для заклинанія погоды. Въ Австраліи онъ выступаетъ снова, полный значенія, какъ свидѣтельствуютъ замѣчанія Хоуитта (Howitt), по всей Австраліи: „Гудокъ — одинъ изъ священнѣйшихъ и таинственнѣйшихъ предметовъ, которые стоятъ въ связи съ церемоніями посвященія. Ни женщины, ни дѣти и, вообще, никто изъ непосвященныхъ, не долженъ его видѣть подъ страхомъ смертной казни“.

Деревянный гудокъ индѣйцевъ навайо, Сѣверн. Америка. По В. Мэтьюзу.

„Вступающимъ въ общину внушается, что если они познакомятъ съ нимъ женщинъ или дѣтей, ихъ ждетъ смерть или путемъ насилія, или путемъ чаръ... Благоговѣйный страхъ, съ которымъ относятся къ инструменту посвященные, когда они посылаются для увѣдомленія посольства, отправляемаго для созыва церемоніальныхъ собраній, знаменателенъ... Особая святость гудка имѣетъ различныя причины, главнымъ образомъ предполагаютъ, что первый экземпляръ былъ приготовленъ тѣмъ же сверхестественнымъ существомъ, которое впервые установило обряды признанія совершеннолѣтія, и гудѣніе, которое получается при вращеніи дерева, считается голосомъ этого существа.

Австралія и Меланезія лежатъ относительно близко. Но гудокъ появляется на югѣ Африки, гдѣ, какъ и въ Новой Зеландіи, служитъ для заклинанія дождя, а въ Іорубѣ, на западномъ берегу онъ употребляется тайными союзами, какъ сигналъ, и служитъ для изгнанія женщинъ и непосвященныхъ. Если мы обратимся, наконецъ, къ Южной Америкѣ, то найдемъ этотъ инструментъ у племени Бороро въ употребленіи при празднествахъ въ честь умершихъ, и опять женщины должны остерегаться взглянуть на этотъ опасный предметъ; у Бакаири названіе гудка — „гроза“, — доказываетъ, что къ его гудящему звуку пріурочиваются идеи волхвованія относительно погоды. Въ Сѣверной Америкѣ при помощи этого инструмента въ самомъ дѣлѣ пытаются привлечь дождь и вѣтеръ для прозябанія хлѣбовъ. У эскимосовъ онъ является уже дѣтской игрушкой (см. рис. на стр. 49).

Это только одинъ примѣръ изъ сотенъ. Можно сказать, что для каждой отдѣльной части культурнаго достоянія, которую какой-нибудь народъ считаетъ своей, существуютъ параллели, часто въ самыхъ отдаленныхъ странахъ земли, но при этомъ настолько поразительно сходныя, что положительно является желаніе объяснить ихъ чудомъ. Въ объясненіяхъ такихъ явленій не было недостатка, но это опасная игра для каждаго, кто не овладѣлъ необозримымъ матеріаломъ и не умѣетъ пройти черезъ Сциллу и Харибду, т. е. между безнадежнымъ отреченіемъ отъ всякаго болѣе глубокаго проникновенія и легкомысленнымъ составленіемъ гипотезъ. Чего только ни навязывали американскимъ народамъ!

Нѣсколькихъ параллелей между евреями и индѣйцами было доста-

точно для того, чтобы цѣлая масса библейскихъ изслѣдователей увидѣла въ индѣйцахъ пропавшія десять колѣнъ Израиля, и нужна была особенно остроумная статья Гаррика Маллери для того, чтобы сдѣлать впредь невозможной эту безсмысленную гипотезу въ странѣ ея возникновенія. Но вмѣсто отрубленной головы у Лернейской гидры выростали дюжины другихъ. Лафито, заслуги котораго въ другихъ отношеніяхъ остаются неоспоримыми, ставитъ прокезовъ въ связь съ ѳракійцами и лидійцами; затѣмъ американскіе культурные народы должны были фигурировать, какъ потомки финикіянъ, египтянъ, карѳагенянъ или въ качествѣ колонистовъ китайскихъ, японскихъ и индусскихъ. Въ новѣйшее время нѣкоему геніальному нѣмецкому архитектору удалось даже разрѣшить тайны греческаго искусства и готическаго стиля изслѣдованіемъ языка нагуатль и памятниковъ культуры майа! Фактъ незначительный въ сравненіи съ другими параллельными явленіями, — что въ Америкѣ крестъ является символомъ бога вѣтра на скульптурныхъ изображеніяхъ, — сбилъ съ толку легіонъ изслѣдователей! А сколько дѣлалось заключеній изъ сходства словъ, параллельныхъ обычаевъ, и нравовъ—этого и описать нельзя. Отголоски библейскихъ сказаній увеличили зло. Распространеніе сагъ о потопѣ, о которыхъ Андрэ трактуетъ въ интересной монографіи, всегда служило неоспоримымъ доказательствомъ истинности библейскаго сказанія, тогда какъ, наоборотъ, это извѣстіе является одной изъ многочисленныхъ параллелей. Широко распространенный обычай обрѣзанія въ силу того, что его между прочимъ практиковали и іудеи, принявшіе его въ свой ритуалъ, долженъ былъ сдѣлаться базисомъ для самыхъ дикихъ гипотезъ; не могло ускользнуть отъ толкованія благочестивыхъ и глубокомысленныхъ головъ и часто встрѣчающееся запрещеніе свиного мяса. Можно сказать смѣло: кто пожелалъ бы создать, хотя бы самую безсмысленную теорію насчетъ переселенія народовъ и культуръ, нашелъ бы для нея все-таки, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя „доказательства“.

Деревянные гудки съ нѣмецкой Новой Гвинеи. Бременскій музей.

Такіе факты, конечно, могутъ рѣшительно отвратить отъ попытокъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, и полный скептицизмъ, какъ противоположность самому дѣтскому легкомыслію, встрѣчается въ самомъ дѣлѣ нерѣдко. Но отступать передъ трудностями, не сдѣлавши ничего, недостойно изслѣдователя; не слѣдуетъ отчаяваться въ окончательномъ рѣшеніи задачи, если имѣется хотя бы остатокъ силъ и довѣрія къ себѣ. Воззрѣніе, что всѣ параллели въ жизни народовъ сводятся къ чисто-внутреннымъ причинамъ, такъ же односторонне, стоитъ въ такомъ-же противорѣчіи съ общеизвѣстными фактами, какъ лишенныя всякой критики воззрѣнія теоріи заимствованія. Развѣ въ самомъ дѣлѣ упорный приверженецъ психологическаго воззрѣнія не долженъ былъ бы признать всюду самостоятельное изобрѣтеніе, если бы онъ увидалъ, что въ настоящее время церкви въ готическ. стилѣ сооружаются въ Америкѣ, въ Австраліи, въ Англіи и Сѣверной Америкѣ. Не долженъ ли былъ бы онъ, желая отстоять свою теорію, отвергнуть вліяніе торговли и международныхъ сношеній, которыя оказывали однако свое вліяніе уже въ древнія времена, при первобытныхъ условіяхъ? Можетъ быть, онъ допустилъ-бы, что малайско-полинезійскіе языки возникли на отдѣльныхъ островахъ, въ силу основного сходства способностей чело-

Эскимосскій деревянный гудокъ, — дѣтская игрушка. По Джону Мудроку.

вѣка, независимо другъ отъ друга? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается самъ собою. Если же признать извѣстные факты заимствованія, то нельзя будетъ отрицать и значенія этнографическихъ параллелей для исторіи человѣчества и этимъ путемъ изслѣдованія можно будетъ пользоваться, хотя и съ осторожностью, но безъ колебаній. Адольфъ Бастіанъ предпринялъ, встрѣченную сочувствіемъ, попытку въ колеблющемся морѣ гипотезъ заложить родъ искусственнаго фундамента. Поскольку можно заключить изъ его новѣйшихъ трудовъ, онъ выдѣляетъ нижній общій фундаментъ, который до извѣстной степени соотвѣтствуетъ принимаемому Ратцелемъ общему культурному достоянію человѣчества и который онъ называетъ элементарными идеями. Надъ ними поднимается въ качествѣ народныхъ идей все, что человѣчество пріобрѣло въ собственность подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, „географической провинціи". Элементарныя и народныя идеи, стало-быть, приблизительно совпадаютъ съ первичнымъ и вторичнымъ слоями, на которые предлагаетъ раздѣлить культурное достояніе Францъ Гегеръ. Отдѣльныя разновидности мысли народовъ дѣйствуютъ другъ на друга, ихъ можно сравнивать, классифицировать, онѣ, какъ любитъ выражаться Бастіанъ, единицы въ логическомъ счисленіи. Къ сожалѣнію, выгоды, извлекаемыя изслѣдованіемъ изъ понятія объ идеѣ народовъ, невелики; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ возникаетъ вопросъ, идетъ ли рѣчь о самостоятельныхъ проявленіяхъ народнаго духа или о заимствованіяхъ, и простое сопоставленіе фактовъ, къ которому въ концѣ концовъ сводится работа Бастіана, не можетъ вознаградить отсутствія болѣе глубокаго анализа вопроса.

И однако идея „географической провинціи", къ которой примыкаетъ Бастіанъ, заключаетъ въ себѣ плодотворные зародыши; она является лишь другимъ выраженіемъ для факта, что подъ вліяніемъ мѣстности и климата развивается опредѣленный народный характеръ, неискоренимыя тенденціи и настроенія, которыя будутъ сохранять всегда силу, не взирая на всѣ вліянія извнѣ; какъ въ этомъ случаѣ будутъ повторяться особенности, такъ изъ общаго основного культурнаго фундамента въ человѣчествѣ будетъ выступать сходное, благодаря всюду обнаруживающемуся сходству духовной жизни человѣка. Бастіанъ самъ указалъ на это: „кто не распознаетъ съ перваго взгляда, — восклицаетъ онъ, — характерныхъ чертъ эллинскаго міросозерцанія въ веселомъ радостномъ, скандинавскаго въ облачно-туманномъ мірѣ боговъ, индійскаго въ фантастической роскоши тропиковъ, тольтекскаго въ вулканической природѣ мѣстности и т. д., у того умственное зрѣніе не способно различать краски, и тотъ не пойметъ индуктивнаго способа изслѣдованія мышленія массъ. И въ самомъ дѣлѣ, стойкость извѣстныхъ направленій вкуса и обычая, выступающая особенно въ искусствѣ, есть только форма проявленія народныхъ идей и благодаря такой связи имѣетъ очень важное значеніе. Яснѣе всего на этотъ счетъ высказался Флиндерсъ Петри: „Каждая группа человѣчества", — говоритъ онъ, — „имѣетъ собственный стиль и излюбленную форму выраженія, выказывающіеся прежде всего въ декоративномъ искусствѣ. Обломокъ работы, безъ всякихъ указаній на мѣсто и время находки, можетъ быть опредѣленъ точно, если мы до извѣстной степени знакомы съ тѣми типами искусства, къ которымъ онъ относится. Никакія типическія формы не удерживаются такъ упорно, какъ художественный стиль. Когда мы на кельтскихъ работахъ эпохи La Tène или въ ирландской рѣзьбѣ встрѣчаемъ тѣ же формы, что на средневѣковыхъ по желѣзу работахъ или во французскомъ архитектурномъ стилѣ Flamboyant, то мы убѣждаемся, въ томъ какъ глубоко коренится тенденція къ извѣстному стилю и что подобныя формы выраженія исходятъ всегда отъ одного и того же народа. Даже позднѣе мы еще видимъ, что отвратительныя кривыя въ видѣ буквы C, которыя не представляютъ собой ни растительнаго, ни геометрическаго орнамента, встрѣ-

чаются одинаково на кельтскихъ бронзахъ и въ рѣзьбѣ эпохи Людовика XIV и путемъ подражанія переходятъ даже въ современную домашнюю утварь. Эта устойчивость стиля среди крупныхъ историческихъ перемѣнъ характерна не только для кельтскаго искусства, но даетъ себя знать и въ Италіи. Тяжелыя, неподвижныя, плосковолосыя и окаменѣлыя лица эпохи Константина считаются обыкновенно испорченнымъ подражаніемъ греческому искусству; въ дѣйствительности въ нихъ оживаютъ мѣстные мотивы, даютъ себя чувствовать древне-италянскіе идеалы, по мѣрѣ того, какъ греческое вліяніе исчезаетъ. Въ Ватиканѣ хранится юноша Геркулесъ чисто константиновскаго типа, но съ этрусской надписью, которая указываетъ на глубокую древность произведенія. Дальше на Востокѣ такая же долговѣчность художественныхъ стилей обнаруживается въ Египтѣ, Вавилоніи, Индіи, Китаѣ; они пережили всѣ перемѣны правленія и историческія перевороты. Мы должны поэтому признать принципъ „расоваго вкуса“, который принадлежитъ каждому народу наравнѣ съ языкомъ, и который можетъ, какъ и языкъ, передаваться отъ одной расы къ другой, но лучше послѣдняго переживаетъ перемѣны и періоды забвенія. Это орудіе изслѣдованія заслуживаетъ болѣе основательнаго изученія, чѣмъ выпадало ему на долю до сихъ поръ“.

Кожаный карманъ плем. гауса, Суданъ. Бременскій музей.

Флиндерсъ-Петри не отвергаетъ такимъ образомъ заимствованія; онъ настаиваетъ только на томъ, что раньше, чѣмъ ставить вопросъ о перенесеніи, слѣдуетъ установить характерные признаки культуры отдѣльныхъ народовъ. Другіе изслѣдователи съ большой рѣшительностью отвергали теорію заимствованія и, можетъ быть, не случайно, именно въ Америкѣ — аренѣ самыхъ безсмысленныхъ гипотезъ миграціи и заимствованія—сильно проявилось противоположное теченіе. Даніель Бринтонъ выражаетъ эту точку зрѣнія очень опредѣленными словами: „Какъ безконечное различіе въ искусствахъ и произведеніяхъ культуры различныхъ народовъ въ различныхъ странахъ или одного и того же народа въ извѣстныя эпохи говоритъ о существованіи измѣняющагося въ антропологической наукѣ, такъ независящія одна отъ другой параллели доказываютъ, внѣ всякаго сомнѣнія, присутствіе постояннаго въ проблемѣ существованіе неизмѣнной духовной природы человѣка, которая охраняется тѣмъ же разумомъ, потрясается тѣми же бурями страстей и возбужденія, той же волей направляется къ однимъ и тѣмъ же цѣлямъ, пользуется одинаковыми средствами, если они доступны, находитъ для себя радость въ однихъ и тѣхъ же дѣйствіяхъ и усыпляетъ свой страхъ одними и тѣми же успокоительными средствами“. По воззрѣнію Бринтона объясненіе какого-либо сходства внутренними причинами должно стоять на первомъ планѣ, и въ этомъ смыслѣ онъ совершенно согласенъ съ Штейнмецомъ, который считаетъ возможнымъ примѣнять теорію заимствованія только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ для нея существуютъ особенныя и непререкаемыя основанія.

Признавъ вышеизложенное, всѣ изслѣдованія, которыя имѣютъ цѣлью доказательство былыхъ отношеній между народами, должно счесть почти безплодными. Если сходство культурныхъ признаковъ такимъ образомъ можетъ доказывать что-нибудь лишь въ томъ случаѣ, когда вопросъ можетъ быть рѣшенъ, безъ помощи теоріи заимствованія, другимъ путемъ, то тогда

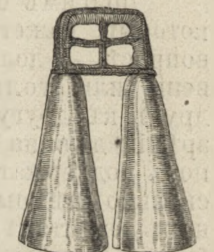
лучше оставить ее безъ вниманія. Но относительно массовыхъ заимствованій этотъ взглядъ заходитъ слишкомъ далеко; если изъ всего культурнаго достоянія различныхъ народовъ выдѣлить заимствованное и имъ оставить то, что они открыли и изобрѣли сами, то на долю большинства человѣческихъ племенъ достанется безнадежно мало. Ошибочно думать, что для „перенесенія“ нужны могучія народныя переселенія или исполински развитыя сношенія; въ дѣйствительности же заимствованіе происходятъ путемъ постепеннаго просачиванія, которое совершается то съ чрезвычайной медленностью, то, наоборотъ, при выполненіи нѣкоторыхъ предварительныхъ шаговъ съ неожиданною быстротою само собой. Такимъ образомъ культурная волна можетъ охватить всю землю въ виду того, что замкнутые одинъ отъ другого народы едва ли существуютъ. Примѣръ медленнаго распространенія представляетъ знакомство съ земледѣліемъ среди лѣсныхъ племенъ Бразиліи, которое наблюдалъ Карлъ фонъ-денъ-Штейненъ. Многіе народы, несмотря на сосѣдство съ земледѣльческими племенами, не ознакомились съ ихъ искусствомъ, очевидно потому, что переходъ отъ чистаго собиранія и охоты къ обработкѣ почвы, въ виду связанныхъ съ нимъ соціальныхъ преобразованій, для лѣсныхъ племенъ былъ нелегокъ. Совершенно иную картину представляетъ поразительно быстрое распространеніе полезныхъ американскихъ растеній: маніока, маиса, табака, среди негровъ Африки. Здѣсь мы имѣемъ племена, которыя давно знали земледѣліе, и сами рѣшились разводить, ради опыта, новыя растенія; здѣсь мы видимъ правильно развитыя сношенія, благодаря которымъ одно племя связывается съ другимъ и уже съ древнихъ временъ по всей этой части свѣта распространялись товары европейскаго происхожденія, — напр., венеціанскія бусы. Именно старыя стекляныя бусы, которыя вымѣнивались также въ Азіи, на Великомъ Океанѣ и въ другихъ мѣстахъ, служатъ превосходнымъ свидѣтельствомъ въ пользу странствованія культурныхъ пріобрѣтеній, но не онѣ однѣ. Кукъ, — первый европеецъ, достигшій отдаленныхъ Сандвичевыхъ острововъ, нашелъ тамъ желѣзные предметы, повидимому европейскаго или азіатскаго происхожденія, предшествовавшіе знаменитому путешественнику, какъ піонеры нашей культуры. Знанія, искусства и традиціи распространяются часто столь-же легко, какъ бусы и желѣзные предметы; только это труднѣе доказать, а пробѣлы въ доказательствахъ, съ которыми приходится всегда считаться, конечно, не облегчаютъ изслѣдованія. Но эти пробѣлы объясняются тѣмъ, что извѣстное вліяніе не всегда пускаетъ па своемъ пути одинаково глубокіе корни и новые, иначе направленные потоки сношеній могутъ разорвать первоначальную связь и часто только слабые слѣды указываютъ на болѣе раннія воздѣйствія. Если на Суматрѣ встрѣчается рѣзное изображеніе Будды, сидящаго на цвѣткѣ лотоса, то это является свидѣтельствомъ древняго вліянія Индіи, въ настоящее время совершенно исчезнувшаго, которое можно однако доказать исторически. Такимъ же образомъ кожаныя издѣлія изъ сафьяна, изготовляемыя въ Сѣверной Африкѣ, встрѣчаются въ качествѣ мѣстной, но занесенной нѣкогда съ сѣвера индустріи въ Суданѣ (см. рис. выше), въ то время, какъ въ лежащей между ними Сахарѣ ихъ нѣтъ.

Кожаный карманъ плем. гаусса, Суданъ. Бременск. музей.

Главной заслугой Фр. Ратцеля можно признать то, что онъ выступилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ попытки утвердить исключительное господство чисто психологической теоріи. Для него, какъ для творца антропогеографіи, занимающейся отношеніемъ человѣка къ землѣ, важно было представить въ правильномъ свѣтѣ важность изученій культуры для географіи и исторіи человѣка, по возможности воспре-

пятствовать распространенію сомнѣній относительно этихъ изслѣдованій. Еще ранѣе него въ томъ же направленіи работалъ Причардъ. Ратцель указываетъ на то, что духовное generatio aequivoca („самозарожденіе“), которое казалось представителямъ психологическаго направленія прочно установленнымъ, является двойникомъ самозарожденія живыхъ существъ. о которомъ давно уже перестала говорить біологія. „И въ этнографіи, — продолжаетъ онъ, — должно сначала создаться ученіе о географическомъ распространеніи, прежде чѣмъ станетъ возможнымъ ученіе о развитіи этнографическаго достоянія, а первое не можетъ создаться, пока надъ умами царитъ идея народностей. Эта послѣдняя отвлекаетъ отъ изученія географическаго распространенія. Если панцырь изъ палочекъ у чукчей, алеутовъ, въ Японіи и Полинезіи одинаково явился путемъ generatio aequivoca изъ человѣческаго ума, то достаточно изслѣдованія отдѣльнаго случая этого рода, чтобы понять всѣ остальные. Тогда предметомъ этнографическаго изслѣдованія становится больше самъ человѣческій духъ, чѣмъ его произведенія, тогда немного значитъ заботливое изслѣдованіе географическаго распространенія какого-нибудь этнографическаго предмета, и народовѣдѣніе можетъ обойтись безъ географіи. Мы видимъ, слѣдовательно, насколько связь между географіей и этнографіей имѣетъ чисто внѣшній характеръ. если въ страхѣ предъ большими разстояніями создаются центральные пункты выдѣлки оружія, утвари, возникновенія нравовъ и обычаевъ; но мы не задаемся вопросомъ: какъ могло исчезнуть разстояніе между двумя мѣстностями тамъ, гдѣ являются сходные варьянты одного и того же этнографическаго предмета?

Двойной военный колокольчикъ племени гаусса, Суданъ. По Пассаржу.

Важной опорой для воззрѣній Ратцеля является бѣдность человѣчества идеями; въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста, люди охотнѣе заимствуютъ идею или приспособляютъ къ новымъ цѣлямъ старую, чѣмъ силою духа создаютъ новую Если это говорится уже о культурныхъ европейскихъ народахъ, которые на протяженіи столѣтій не въ силахъ болѣе создать себѣ новый стиль, соотвѣтствующій развитію характеризующихъ ихъ способностей, и, можетъ быть, только теперь подходятъ къ нему при помощи японскихъ образцовъ, то чего же ждать отъ первобытныхъ народовъ? Гдѣ-нибудь, конечно, должна быть изобрѣтена каждая отдѣльная часть культурнаго достоянія; но нужно представить себѣ. съ какой безконечно давней поры человѣчество живетъ на землѣ, и тогда придется согласиться, что большая часть открытій имѣла для распространенія достаточно времени, и что нѣтъ необходимости принимать, что идеи росли какъ грибы, въ разныхъ мѣстахъ земли, чтобы объяснить наличность сходныхъ явленій. Съ этой точки зрѣнія претендующее на научную объективность ученіе о всеобщемъ духовномъ generatio aequivoca является, можетъ быть, болѣе рискованымъ, чѣмъ теорія заимствованія или, по меньшей мѣрѣ, не болѣе основательно доказаннымъ. Понятно, что одинаковыя вещи могли возникать въ различныхъ мѣрахъ самостоятельно; но такъ же какъ не можемъ мы допустить всеобщаго заимствованія, то не болѣе имѣемъ мы правъ, безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, покончить съ вопросомъ при помощи моднаго термина—„психологическая параллель“. Относительно фактовъ. наблюдаемыхъ на ограниченной территоріи, мысль о заимствованіи— самая естественная. Если, напр., замѣчательные желѣзные двойные колокольчики (см. рис. выше), распространенные въ Западномъ Суданѣ, являются и въ сосѣдней центральной Африкѣ, то едва ли возможно сомнѣніе относительно происхожденія этого сходства. При подобныхъ параллеляхъ дѣло идетъ о высотѣ общаго культурнаго слоя, который находится всюду, но имѣетъ различную плотность; такъ какъ человѣчество только маленькими шагами подвигается впередъ, то самостоятельное возникнове-

ніе извѣстныхъ идей у двухъ различныхъ народовъ тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ больше они имѣютъ общаго, и, напротивъ, тѣмъ невѣроятнѣе, чѣмъ незначительнѣе сумма ихъ общаго достоянія. Какъ часто указывалось на одновременныя открытія въ европейскомъ культурномъ мірѣ, и они приводились какъ доказательства, въ пользу психологической теоріи! Но вѣдь здѣсь идетъ рѣчь исключительно о такихъ вопросахъ, для которыхъ уже существовали общеизвѣстныя предварительныя работы, такъ что, если только умственная работа по данному вопросу не прекращалась, необходимо должны были явиться изобрѣтенія; по тѣмъ же причинамъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что почти одновременно возникаютъ у разныхъ лицъ новыя идеи. Но такими примѣрами, конечно, невозможно объяснить древнѣйшій, безконечно медленнѣе совершавшійся ходъ исторіи человѣчества; во всякомъ случаѣ мы должны крѣпко держаться того, что психологическое объясненіе родства культурныхъ явленій ни на волосъ не лучше и не научнѣе, чѣмъ теорія заимствованія, что необходимо безъ предубѣжденія изслѣдовать каждый отдѣльный фактъ и что никто не имѣетъ права заграждать одинъ путь изслѣдованія, выставлять на немъ сигналы объ опасностяхъ, отъ которыхъ не застрахованъ и другой путь. Какъ только изслѣдованіе выйдетъ изъ періода чисто механическаго накопленія фактовъ, оба пути должны быть открытыми, въ зависимости отъ условій вопроса.

Долгимъ обходнымъ путемъ мы пришли въ концѣ концовъ къ факту, который кажется понятнымъ самъ собой. Но дѣло идетъ не о самомъ вопросѣ, — должно ли быть допущено только самостоятельное возникновеніе или только заимствованіе, но объ отношеніи обѣихъ факторовъ другъ къ другу. Тутъ главнымъ представителямъ противоположныхъ воззрѣній должна быть предоставлена свобода высказаться, а въ концѣ концовъ поддержать права теоріи заимствованія. Кто безпристрастно взвѣситъ, сколько нѣмцы изобрѣли сами и сколько они заимствовали у вавилонянъ, египтянъ, грековъ, римлянъ, французовъ, англичанъ и т. д., тотъ не будетъ считать правъ этой теоріи сомнительными.

Ясно, что культура каждаго отдѣльнаго народа достигается двумя путями; путемъ самостоятельнаго изобрѣтенія и путемъ заимствованія. Представленія о первичномъ изобрѣтеніи и открытіи съ теченіемъ времени значительно поколебались и отъ преувеличенныхъ фантазій мы дошли до довольно трезвыхъ воззрѣній. Теперь никто уже не повѣритъ въ вдохновенно воспѣтаго Пешелемъ „Прометея ледниковой эпохи“ который съ яснымъ сознаніемъ цѣли додумался до изобрѣтенія огня. Тѣ страшныя препятствія, которыя именно въ первобытныхъ условіяхъ стояли на пути прогресса, мы научились оцѣнивать не сразу и пришлось удивляться, что при медленномъ ходѣ эволюціи, участіе отдѣльныхъ личностей въ болѣе крупныхъ движеніяхъ впередъ было всегда очень незначительно.

Нѣтъ, разумѣется, недостатка и въ представителяхъ противоположной крайности, которые вообще отрицаютъ вліяніе всего индивидуальнаго и приписываютъ открытія и изобрѣтенія просто „народной душѣ“, таинственная дѣятельность которой раскрывается въ индивидуумахъ. Наблюденіе надъ фактами, — насколько оно возможно, — противорѣчитъ этому совершенно.

Каждый даже мельчайшій шагъ впередъ всегда дѣлается сначала опредѣленной личностью, за которой потомъ слѣдуютъ другія; рѣшеніе каждой задачи слагается сначала въ данномъ опредѣленномъ мозгѣ, который потомъ зажигаетъ огонь познанія въ другихъ головахъ. Случаи, когда многіе (рѣдко больше, чѣмъ два лица) почти одновременно формулируютъ новую мысль, ничего не говорятъ въ пользу гипотезы о „народной душѣ“.

Однако же настроеніе и способность массы имѣютъ огромное, значеніе для судьбы прогресса, конечно, въ совершенно иномъ смыслѣ: каж-

дое нововведеніе, для того чтобы жить, должно быть принято и признано обществомъ; оно до извѣстной степени подлежитъ молчаливому голосованію, за исключеніемъ тѣхъ примѣровъ, когда введеніе его, по большей части случайное и непрочное, вынуждено вліяніемъ отдѣльной сильной личности. Какъ мало имѣетъ силы передъ народнымъ настроеніемъ даже слово абсолютнаго государя, долженъ былъ тяжелымъ опытомъ познать Императоръ Іосифъ II, для котораго непониманіе всего упорства народной души, имѣло роковое значеніе; то же самое тысячи разъ испытывали и многіе другіе, раньше его. Народъ въ массѣ всегда консервативенъ; къ прогрессу тяготѣетъ отдѣльная личность, и каждая даже мельчайшая перемѣна должна была всегда считаться съ сопротивленіемъ, которое возрастаетъ пропорціонально отличіямъ новаго отъ традиціоннаго и напряженію пониманія, котораго первое требуетъ. Слишкомъ большихъ притязаній, конечно, изобрѣтатели новаго, обыкновенно, не предъявляютъ; они сами стоятъ близъ уровня общаго развитія общества и лишь умѣренно возвышаются надъ нимъ. Если же болѣе одаренному индивидууму удастся далеко оставить позади себя людей среднихъ и пріобрѣсти новыя поражающія воззрѣнія, то онъ можетъ завѣщать свои идеи будущему, если принадлежитъ къ народу, знакомому съ письмомъ, но не можетъ расчитывать на признаніе своимъ поколѣніемъ и долженъ будетъ считать себя счастливымъ, если полетъ его мысли не будетъ гибельнымъ для него самого: традиціонное по большей части окружено тернистой оградой религіозной святыни, которая можетъ ранить и даже убить человѣка.

Такимъ образомъ очень медленно совершается прогрессъ у первобытныхъ народовъ и даже среди представителей высшей культуры, — хотя здѣсь имѣются уже другія предварительныя условія. Всегда повторяется предъ нашими глазами зрѣлище того, какъ яростно оспаривается новая мысль, пока, наконецъ, тонъ не понижается разомъ, если защитники новой идеи не дали себя ранѣе запугать, и дѣло не начнетъ всѣмъ представляться вполнѣ понятнымъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ. Въ этомъ смыслѣ *постоянное повтореніе* дѣлаетъ чудеса. Въ еще большей степени это относится, конечно, къ изобрѣтеніямъ, сдѣланнымъ въ болѣе простыхъ условіяхъ, напр., къ случайнымъ открытіямъ, которыя всегда остаются безъ продолжительнаго успѣха, если сдѣланы только *одинъ разъ* и если не приводятъ въ движеніе постояннымъ повтореніемъ тяжеловѣснаго аппарата мышленія. Сколько разъ, напр., должны были коробиться на огнѣ прутики дерева прежде, чѣмъ человѣкъ научился сознательно примѣнять теплоту къ сгибанію дерева, какъ часто онъ долженъ былъ ловить дичь, случайно упавшую въ пропасть или яму, прежде чѣмъ пришелъ къ мысли устраивать для дичи искусственныя ямы.

Очень поучительны тѣ способы, при помощи которыхъ приходится рекомендовать новыя идеи будто-бы, столь обильной творческими силами народной душѣ, чтобы заручиться ея расположеніемъ; нужно формальное переодѣваніе, удивительный маскарадъ, который придаетъ новому видъ стараго и традиціоннаго, и тогда только идея вводится безъ досмотра въ наличное культурное достояніе, въ наличный запасъ идей. Во многихъ случаяхъ можно говорить объ этнологической мимичности. Уже Вильгельмъ Гумбольдтъ высказалъ, что человѣчество всегда держится за извѣстное; точнѣе изслѣдовалъ эти процессы впервые Вильгельмъ Вундтъ, который выдвинулъ замѣчательный законъ *трансформизма обычая* или, какъ можно было-бы назвать его иначе, законъ смѣны мотивовъ, и покрылъ имъ въ высшей степени важное явленіе эволюціи. Въ болѣе широкомъ смыслѣ этотъ законъ сводится къ тому, что человѣчество охотнѣе примѣняетъ для новыхъ цѣлей существующія, если они мало-мальски годятся, чѣмъ новыя, непосредственно соотвѣтствующія этимъ цѣлямъ средства.

Это относится, напр., и къ языку: „Онъ экономно пользуется на-

личными запасами и съ трудомъ отваживается на новшества“, говоритъ о языкѣ Вундтъ. Бѣдность идеями и консерватизмъ здѣсь работаютъ рука объ руку.

Къ различнымъ формамъ трансформизма мы вернемся позднѣе; здѣсь можно упомянуть о тѣхъ менѣе значительныхъ самихъ по себѣ, но важныхъ именно для уразумѣнія развитія культуры процессахъ, которые совершаются при упраздненіи какого-нибудь устарѣвшаго несоотвѣтствующаго другимъ культурнымъ условіямъ религіознаго обычая; именно въ этомъ случаѣ условіемъ удачи является чрезвычайно бережное обращеніе съ народной душой или скорѣе форменный обманъ ея. Рядомъ съ принятымъ методомъ давать обычаю постепенно замирать, уклоняясь отъ его исполненія, является другая система не менѣе популярная: на мѣсто упраздняемаго ставить другое, хоть-бы внѣшнимъ образомъ на него похожее, въ дѣйствительности же даже и не соотвѣтствующее. Нигдѣ это не выступаетъ такъ ясно, какъ въ упраздненіи человѣческихъ жертвоприношеній и людоѣдства, къ которому стремились народы въ разныхъ странахъ свѣта и котораго достигли этимъ путемъ.

На Таити, какъ и на сосѣднихъ Маркизскихъ островахъ прежде происходили каннибальскіе пиры, обычный матеріалъ для которыхъ доставляли человѣческія жертвы; когда европейцы посѣтили впервые островъ, эти пиры уже прекратились; вождю передавался только глазъ человѣческой жертвы; онъ дѣлалъ видъ, что проглатываетъ его, а на самомъ дѣлѣ возвращалъ жрецу. Въ древней Греціи происходило много такихъ подтасовокъ. При Діонисіяхъ повидимому первоначально разрывали на части и съѣдали человѣка, позже раздирали и съѣдали сырыми только животныхъ: въ Спартѣ, на мѣсто человѣческихъ жертвъ Арею, закалывали собакъ.

И у римлянъ было преданіе, что Нума Помпилій принесъ Юпитеру въ жертву головки лука вмѣсто человѣческихъ головъ. Совершенно такимъ же путемъ въ настоящее время охотники за черепами въ Индонезіи замѣняютъ черепа, которыми раньше украшали дома, звѣриными головами и кукурузными головками.

Такъ же исчезли и другіе жестокіе обычаи: изъ кровавыхъ схватокъ, которыми сопровождалось похищеніе женщинъ, возникли притворные бои, за которые различные народы держатся съ величайшимъ упорствомъ; въ то время какъ въ древнемъ Римѣ престарѣлыхъ стариковъ сбрасывали съ моста въ Тибръ, чтобы освободиться отъ ненужныхъ ѣдоковъ, позже, въ опредѣленные дни, кидали соломенныя куклы; въ Японіи въ историческое время также были замѣнены куклами несчастные, которые должны были при погребеніи слѣдовать за усопшимъ въ могилу. Въ тропической Африкѣ долгое время практиковался родъ суда Божія, который состоялъ въ принятіи ядовитаго напитка и велъ, конечно, къ смерти обвиняемаго; въ устьи Конго обвиняемые передаютъ напитокъ рабу; въ Кассангѣ опасный напитокъ пьютъ собаки спорящихъ сторонъ, и хозяинъ собаки, которую скорѣе вырветъ, считается свободнымъ.

Вѣроятно, человѣчество до сихъ поръ не особенно замѣтно подвинулось бы, еслибы отдѣльные народы и племена не обмѣнивались взаимно своими маленькими пріобрѣтеніями и не обогащали постоянно заимствованіями своего скуднаго достоянія. Именно косность народной души, которая боится всего смѣлаго, неиспробованнаго, и оправдываетъ предположеніе, что каждый культурный народъ большую часть своихъ культурныхъ благъ и воззрѣній пріобрѣлъ изъ вторыхъ рукъ: примѣръ цѣлаго сосѣдняго народа, естественно, дѣйствуетъ сильнѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ самыя жаркія убѣжденія, представляемыя обществу его сочленомъ, мнѣнія котораго въ глазахъ соплеменниковъ не имѣютъ большого значенія. Старое изреченіе: „нѣсть пророка въ своемъ отечествѣ“ очень ясно освѣщаетъ эти отношенія.

заимствованія были бы еще многочисленнѣе, если бы не препятствовали слишкомъ усердному подражанію мелкіе племенные раздоры, которые у высшихъ культурныхъ народовъ развились въ національную гордость и національную ненависть.

Слово заимствованіе, конечно, такъ же не можетъ употребляться безъ критики, какъ и терминъ — умъ народа. Препятствія, которыя мѣшаютъ передачѣ достоянія культурныхъ пріобрѣтеній, заключаются не только въ одной естественной противоположности расъ и народовъ, но и различны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ простой формулѣ этотъ вопросъ можно выразить такъ: всякая новизна тѣмъ легче принимается, чѣмъ ближе къ ней принимающій ее народъ по своему собственному развитію или чѣмъ несомнѣннѣе представляется польза отъ новшества.

И при перенесеніи новаго почва должна быть до извѣстной степени подготовлена, чтобы принять сѣмена. Фактъ, что культурные народы легко воспринимаютъ самыя трудныя новыя идеи, зависитъ не только отъ болѣе общаго образованія, но прежде всего отъ того, что при чрезвычайномъ раздѣленіи труда достаточно, чтобы дѣло поняли и примѣнили немногіе. Если я говорю, напр., что такая-то идея англійскаго философа нашла сочувствіе въ Германіи, то я разумѣю подъ „Германіей" не нѣмецкій народъ, какъ цѣлое, даже не массу академически образованныхъ людей, но дюжину, сотню философовъ и литераторовъ; но эта ученая группа можетъ дать очень плохія свѣдѣнія, если отъ нея кто-нибудь пожелаетъ узнать о новѣйшемъ американскомъ электромоторѣ или объ изобрѣтеніи французскаго химика. У первобытныхъ народовъ цѣлое общество должно понять и одобрить что-нибудь новое прежде, чѣмъ это новое будетъ принято; есть культурныя блага, которыя совершаютъ свои странствованія съ удивительной быстротой, въ то время какъ другія подвигаются крайне медленно, и должны ждать общаго подъема культуры, чтобы проникнуть въ массу. Не придетъ этотъ подъемъ, и ихъ перенесеніе надолго пріостанавливается. Но и самое перенесеніе можетъ совершаться различно: это слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ отдѣльныхъ случаевъ. Переселеніе народовъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. когда замкнутая группа человѣчества снимается съ родной почвы, является здѣсь, какъ уже было сказано раньше, ни самымъ обыкновеннымъ, ни самымъ важнымъ примѣромъ и если,— что обыкновенно и бываетъ,—сильный, но бѣдный культурой народъ нападаетъ на народъ старой культуры и временно подчиняетъ его себѣ, то господствующая раса можетъ передать побѣжденнымъ не болѣе, какъ свой оригинальный складъ души и мелочи внѣшняго обихода, тогда какъ сама постепенно поглощается побѣжденными. Гораздо большее значеніе имѣютъ добровольныя или вынужденныя поселенія мелкихъ союзовъ въ чужой области. Въ этомъ случаѣ обыкновенно имѣетъ мѣсто притокъ обитателей съ высшей культурой; исключенія въ видѣ вторженія кочевого народа паріевъ цыганъ въ Европу или движеніе на югъ норвежскихъ лопарей,— почти не могутъ идти въ разсчетъ рядомъ съ настоящей колонизаціей. Повидимому Европа въ древности служила цѣлью грандіозныхъ переселеній народовъ и культуры, когда долихоцефальное первобытное населеніе было частью оттѣснено, частью пропитано вторгшимися брахоцефалами. Съ этимъ новымъ народнымъ элементомъ, колыбель котораго должна быть на Востокѣ, переселились въ нашу часть свѣта новыя культурныя блага, которыя отчасти, можетъ быть, возникли подъ вавилонскимъ вліяніемъ. При чемъ, это были, повидимому, не завоеванія, а скорѣе водворенія въ незанятыя или слабо населенныя земли, какъ позднѣе, при вторженіи славянъ, въ обезлюдѣвшую Восточную Германію.

Колонизація совершается различными способами: или народъ высылаетъ колонистовъ, чтобы освободиться отъ излишка населенія, и въ этомъ случаѣ метрополія и колонія остаются часто въ тѣсныхъ сношеніяхъ, или

же бѣглецы ищутъ новой родины, какъ французскіе réfugiés эпохи Людовика XIV, которымъ Пруссія обязана частью своей культуры. Случается и сознательное перенесеніе, родъ прививки культуры, причемъ отсталое государство приманками или силой старается залучить къ себѣ представителей болѣе культурныхъ народовъ. Монгольскіе императоры послѣ завоеванія Китая, насильственно переселили большія массы китайскихъ ремесленниковъ въ свою столицу; въ Суданѣ промышленныхъ обитателей борну и багирми переводятъ въ менѣе культурныя государства Вадаи и Даръ-Фуръ, чтобы поднять промышленность; нѣмцы призваны были, какъ носители культуры въ Семиградье, Банатъ и многія области Россіи; раньше, фламандскіе переселенцы подняли на высшую ступень культуры Восточную Германію. Какъ, съ другой стороны, господствующій народъ цѣлесообразной колонизаціей можетъ распространить свою культуру и языкъ — это лучше, чѣмъ кто-нибудь, понимали римляне, примѣромъ которыхъ до сихъ поръ еще не всегда пользуются, какъ слѣдуетъ, какъ это показываютъ колебанія прусскаго правительства въ польскомъ вопросѣ.

Избіеніе мексиканскихъ купцовъ разбойниками. По „Codex Mendoza".

Рядомъ съ прочнымъ водвореніемъ новаго народнаго элемента стоитъ какъ менѣе дѣйствительное средство культурнаго развитія, временное пребываніе чужеземцевъ на территоріи государства. Основанія могутъ быть различны: часто чужеземцы являются, какъ плѣнники — въ былыя времена тонганцы на Фиджи, германцы въ Римѣ, греки въ Египтѣ и Персіи, варяги, англо-саксы, армяне, каталонцы въ Византіи,— или въ качествѣ проповѣдниковъ, какъ жрецы Заратустры въ Арменіи въ эпоху Сассанидовъ и европейскіе миссіонеры во всѣхъ языческихъ странахъ міра. Цѣлыми толпами выселяются работоспособные элементы многихъ странъ на заработки; они не столько приносятъ культуру, сколько уносятъ запасъ новыхъ идей и новыхъ потребностей на свою болѣе бѣдную родину. Болѣе всего приводятъ людей въ соприкосновеніе обмѣнъ и торговля; опасности, которымъ подвергается купецъ, со своими соблазнительными товарами въ чужой странѣ (см. рис. выше) не могутъ на долго задержать торговлю; такъ называемая нѣмая торговля показываетъ намъ, что человѣкъ изобрѣлъ средства обмѣниваться культурными благами, не входя въ личное соприкосновеніе.

Сношенія могутъ возникнуть въ большихъ размѣрахъ, какъ это установилъ Пешель, только тамъ, гдѣ находятся вознаграждающія выгоды, другими словами, гдѣ чужой купецъ находитъ достаточную массу желаемыхъ благъ въ обмѣнъ за свой товаръ. Слишкомъ быстрый расцвѣтъ торговли не приноситъ пользы здоровому развитію культуры: болѣе примитивный изъ двухъ находящихся въ сношеніяхъ народовъ не въ состояніи воспринять притекающія къ нему впечатлѣнія и ввести ихъ съ пользою въ свое собственное культурное достояніе; внѣшнее обогащеніе, внутреннее обѣднѣніе являются печальнымъ слѣдствіемъ, повидимому, счастливаго случая, который доставляютъ странѣ особенно богатыя и привлекательныя блага того или другого рода. Совершенно иное представляютъ успѣхи, которые среди мелкихъ сношеній переходятъ отъ народа къ народу, отъ племени къ племени, подобно медленно растущимъ отросткамъ, и, наконецъ, охватываютъ большія пространства земли, безъ какихъ-либо крупныхъ со-

бытій, дающихъ историку возможность отмѣтить детали процесса. Отъ такого способа распространенія культуры за долгій періодъ времени не можетъ быть изъята ни одна страна.

Новшества, идущія извнѣ, встрѣчаютъ въ народномъ сознаніи такое же противленіе, какъ и всякій внутренній прогрессъ; но взаимно противодѣйствующія силы въ обществѣ подчиняются основному закону, которому подлежитъ вся органическая жизнь и на который указалъ уже Спенсеръ: онѣ уничтожаютъ одна другую не разомъ, но обнаруживаютъ себя въ результатахъ цѣлаго ряда ритмическихъ колебаній, въ которыхъ перевѣсъ поочередно склоняется то на ту, то на другую сторону. Такимъ образомъ и культура подвигается впередъ не какъ потокъ въ регулированномъ руслѣ, она движется подобно молніи, которая то прорѣзаетъ пространство въ одномъ направленіи, то сопротивленіемъ воздуха отклоняется въ другую сторону и при этомъ стремится къ опредѣленной цѣли. Обыкновенно новое, достигнувъ побѣды, проводится до крайности; потомъ накопляются силы, сопротивленіе и эволюція отклоняются въ противоположномъ направленіи, пока опять это теченіе идей въ свою очередь не дойдетъ до крайности. Пессимистическому наблюдателю можетъ показаться, что передъ нимъ происходитъ безконечная и безцѣльная игра и та утомительная правильность, съ которой во многихъ парламентахъ Европы чередуются либералы и консерваторы, явится маленькимъ образчикомъ исторіи всего человѣчества. Но съ болѣе широкой точки зрѣнія, повидимому, монотонное и спутанное движеніе пріобрѣтаетъ смыслъ и значеніе: творческія и консервирующія силы человѣчества находятся въ вѣчномъ противодѣйствіи другъ другу. Они нужны другъ другу и борьба ихъ есть необходимое средство развитія. Если бы не было творческихъ умовъ, масса людей коснѣла-бы въ вѣчномъ довольствѣ своимъ счастьемъ и, наконецъ, впала бы въ жалкое умственное убожество. Если бы не было охраняющихъ силъ, которыя окружаютъ оборонительной стѣной добытое благо и только медленно принимаютъ новое культурное достояніе, а излишекъ новаго и неиспробованнаго отвергаютъ—колесница культуры помчалась бы съ неистовой безразсудной стремительностью и, наконецъ, сорвавшись съ ровной дороги, разбилась-бы въ дребезги. Никогда цивилизація не развивалась и не будетъ развиваться иначе, какъ путемъ плодотворной борьбы стараго и новаго, творческаго и охраняющаго принциповъ; въ самомъ прогрессѣ раскрывается истинная жизнь человѣчества также, какъ въ непрерывномъ движеніи—жизнь всякаго одушевленнаго существа и даже всего міра.

Эти соображенія не всегда признаются и принимаются къ свѣдѣнію. Съ давнихъ поръ мудрецы и поэты старались нарисовать картину будущаго или идеальнаго состоянія человѣчества, но ихъ идеалы всегда не въ непрерывномъ движеніи къ высшимъ ступенямъ, а въ болѣе продолжительномъ и болѣе широкомъ развитіи состоянія счастья и покоя, въ возможно болѣе законченной, образцовой формѣ государства, которая не противится внѣшнимъ вліяніямъ и не желаетъ прогрессировать, обладая высшимъ достигнутымъ благополучіемъ. Платонъ запрещаетъ въ своемъ идеальномъ государствѣ гражданамъ путешествовать и широко проведеннымъ коммунизмомъ сковываетъ стремленія личности къ улучшенію, главный стимулъ всякаго прогресса. Коммунизмъ вообще излюбленный рецептъ спасителей міра; примѣненіе его должно сдѣлать ненужной непонятую „культурную борьбу“ въ обществѣ. Въ „Утопіи“ Томаса Мора жители каждыя 10 лѣтъ мѣняютъ свои дома; въ „Солнечномъ государствѣ“ Кампанеллы упразднены частная собственность, бракъ; на такомъ же фундаментѣ возникнетъ и будущее государство соціалъ-демократовъ, при описаніи котораго всегда идетъ рѣчь о возможно большемъ счастьѣ и справедливомъ распредѣленіи благъ, между тѣмъ какъ принципъ прогресса, который какъ свѣжая кровь жизни долженъ протекать чрезъ организмъ общества и предохранять его отъ гніенія,

забытъ или разсматривается какъ на половину излишній придатокъ. При этомъ всегда выступаетъ наивная и вредная идея: соціалъ-демократы стараются не о томъ, чтобы облагородить борьбу творческихъ и охранительныхъ силъ, но о томъ чтобы положить ей разъ навсегда конецъ, доставивши побѣду новому міросозерцанію и предоставивши на все будущее время неограниченную власть консервативнымъ началамъ. Напрасныя старанія! Маленькой группѣ, можетъ быть, удастся еще кое-какъ осуществить эти идеалы; но она тѣмъ самымъ откажется отъ своего мѣста среди дѣятельныхъ народовъ, которые побѣдоносно двигаютъ впередъ культуру, и эволюція въ концѣ концовъ безпощадно пройдетъ чрезъ остановившихся въ своемъ развитіи образцовыхъ людей *).

---

3. Народы первобытные и народы культурные.

Разсматривая современное человѣчество съ точки зрѣнія изслѣдователя культуры, мы останавливаемся предъ загадкой, которая, если мы ее не разрѣшимъ, можетъ понизить значительно цѣну нашихъ собственныхъ культурныхъ успѣховъ въ нашихъ глазахъ. Съ очень отдаленнаго времени человѣчество живетъ въ относительно ограниченной области; на продолженіи тысячелѣтій волны культуры то медленно, то съ бурной быстротой расходятся по земному шару; творческая сила отдѣльныхъ народовъ и индивидуумовъ за это время могла бы обнаруживаться въ томъ или иномъ направленіи. Однако, бокъ-о-бокъ съ странами самой высокой культуры, мы видимъ области, въ которыхъ живутъ бѣдныя, но довольныя своимъ жребіемъ племена, видимъ цѣлыя части свѣта, оставшіяся до самаго послѣдняго времени герметически замкнутыми отъ доступа высшей цивилизаціи. Даже внутри культурныхъ странъ встрѣчаются отдѣльныя группы, которыя упорно сопротивляются всякому побужденію къ прогрессу, какъ, напр., наши цыгане или бадьясы въ Бенгаліи. Историкъ можетъ, конечно, радоваться наличности такихъ отсталыхъ элементовъ, такъ какъ они представляютъ превосходный матеріалъ для изслѣдованія, но, разсматривая дѣло съ другой стороны, онъ долженъ остановиться предъ вопросомъ: что удерживаетъ народы, бѣдные культурой, на ихъ низкой ступени развитія; почему они не научатся примѣромъ другихъ, если природа страны не позволяетъ имъ развиваться собственными силами? Когда онъ увидитъ, что всѣ попытки цивилизовать дикихъ, каковы бы ни были наши намѣренія, непремѣнно ведутъ къ вреду благодѣтельствуемыхъ противъ воли, что цѣлыя племена вымираютъ или даютъ отвратительную каррикатуру на европейскую цивилизацію, вопросъ получитъ томительный и жгучій характеръ, и сомнѣніе относительно того, въ правѣ ли мы считать нашу европейскую культуру единственной, лучшей и предназначенной въ силу этого къ побѣдѣ, встанетъ несомнѣнно передъ нимъ. Можетъ быть, стремленіе впередъ, потребность искать счастія въ прогрессивной дѣятельности, а не въ бездѣятельномъ покоѣ, только свойство нашей расы, которое не представляетъ ничего завиднаго для народовъ другого типа и противъ котораго они совершенно справедливо возстаютъ? Флиндерсъ Петри высказывается прямо, что „наша культура одна изъ

---

*) Авторъ игнорируетъ здѣсь совершенно отличіе соціалъ-демократическихъ теорій отъ построеній прежнихъ утопистовъ, къ которымъ новая школа относится крайне взыскательно до несправедливости. Соціалъ-демократія новое государство (Volks Staat) никогда не считала конечной формой общежитія, не нуждающейся въ дальнѣйшемъ прогрессѣ. Въ борьбѣ „творческихъ“ и „охранительныхъ“ силъ соціалъ-демократы всегда были сторонниками „мирной борьбы на законной почвѣ“, сходили же съ нея рѣдко и неохотно. Если въ ихъ программѣ дѣйствительно много консервативныхъ элементовъ, то съ точки зрѣнія автора это не должно бы служить имъ упрекомъ. *Ред.*

безчисленныхъ попытокъ построить жизнь,—и едва ли наиболѣе удачная". Основательное знакомство съ этимъ труднымъ вопросомъ можно пріобрѣсти только изслѣдовавъ сущность низшей и высшей культуры и различіе между ними, какъ это сдѣлалъ недавно въ своей превосходной работѣ Фиркандтъ. Основные пункты его изложенія сохранятъ свою цѣнность надолго, хотя по отдѣльнымъ вопросамъ возраженія напрашиваются сами собою.

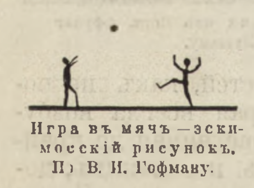
Важнѣйшее изъ возраженій должно быть направлено противъ основного воззрѣнія Фиркандта, по которому первобытные народы, какъ принято называть низшія расы, отличаются отъ культурныхъ тѣмъ, что у нихъ поступки опредѣляются исключительно наклонностями или вторичнымъ инстинктомъ и ихъ внѣшними проявленіями, — нравами и обычаями, въ то время, какъ культурные поступаютъ болѣе свободно и измѣряютъ мотивы дѣйствій своей собственной мѣркой. Само по себѣ это совершенно справедливо, но мы не должны забывать, что значительную долю превосходства и силы культурныхъ народовъ составляютъ огромныя массы сдѣлавшихся механическими ассоціацій дѣйствій. Наслѣдственныя предрасположенія укрѣпляются и обогащаются школьнымъ воспитаніемъ, главная задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы увеличить количество этихъ полезныхъ ассоціацій идей и дѣйствій. Не количество, стало быть, а сила вторичныхъ инстинктовъ характеризуетъ первобытнаго человѣка; непосредственно изъ этого слѣдуетъ выводъ, что именно сумма знанія и умѣнія, способность окинуть взглядомъ самыя разнообразнѣйшія возможности, свойства, присущія культурному человѣку, удерживаютъ его отъ односторонности мышленія и поведенія, неразрывно связанной съ тѣснымъ умственнымъ горизонтомъ. И въ самомъ дѣлѣ, ограниченное поле зрѣнія въ связи съ вытекающей отсюда односторонностью развитія является другимъ характерсвойствомъ низшихъ народовъ. Что у насъ препятствуетъ, если не возникновенію, то, по крайней мѣрѣ, укрѣпленію всякихъ крайностей, какъ не постоянная смѣна въ движеніи и направленіи силъ, которая всегда возбуждается и поддерживается внѣшними вліяніями; идея, доведенная до крайности, возбуждаетъ въ концѣ концовъ насмѣшку и отпоръ, и маятникъ, достигнувъ высшей точки размаха, неизбѣжно отклоняется назадъ. Иначе стоитъ дѣло въ душной атмосферѣ замкнутаго существованія; какъ растенія въ подвалахъ выпускаютъ вмѣсто правильно развитыхъ органовъ безобразные отростки, такъ и въ обычаяхъ первобытныхъ народовъ мы встрѣчаемъ уродливости, крайности, которыя выносятся безъ противорѣчія. Мечтателямъ, стремящимся улучшить міръ, можно бы посовѣтовать познакомиться поближе съ первобытными народами. Едва ли есть такая, граничащая съ невозможнымъ нелѣпость, которая не была бы осуществлена гдѣ-нибудь въ жизни первобытнаго народа и не держалась бы среди него тогда, какъ у культурныхъ народовъ она исчезла-бы въ силу своей собственной нелѣпости: крайній коммунизмъ и сосредоточеніе всѣхъ имущественныхъ правъ въ однѣхъ рукахъ, аскетизмъ и крайняя распущенность, де-

Маесаи — мужчина изъ Вост. Африки. По Лушану.

мократія, граничащая съ анархіей и самый суровый деспотизмъ, порабощеніе женщинъ и гинекократія, запутанная система препятствій для вступленія въ бракъ и свободная любовь уживаются рядомъ, не вліяя другъ на друга. Всего яснѣе и всего понятнѣе по своему существу эти уродливости обнаруживаются въ украшеніяхъ и костюмѣ. У культурныхъ народовъ мода также не лишена уродливыхъ капризовъ, изъ которыхъ многіе — среди народныхъ костюмовъ — расцвѣтаютъ такъ-же пышно, роскошно, какъ и у первобытныхъ народовъ. Въ замкнутыхъ мѣстностяхъ эти уродливые эксцессы сохраняются долгое время, безъ измѣненій, какъ окаменѣлые; но въ концѣ концовъ измѣняющійся вкусъ сметаетъ безсмысленную груду мусора и въ крайнемъ случаѣ только послѣ долгой паузы мода можетъ разсчитывать на повтореніе, какъ это случилось съ криналиномъ, когда тираннія узкихъ платьевъ пала и вызвала противоположное явленіе. Первобытнымъ народамъ, напротивъ, ничто не мѣшаетъ доводить методическую безсмыслицу до предѣловъ возможнаго; изъ служащаго украшеніемъ штифтика, который прокалывается сквозь уши, развиваются огромные круги или подвѣски, которые разрываютъ и растягиваютъ ухо до плечъ (см. рис. на стр. 61); случайные недочеты зубовъ дѣлаются модой и лишаютъ цѣлыя поколѣнія лучшихъ зубовъ, не вызывая ни у кого вопроса: къ чему это? Въ проткнутыя губы вставляются клинья, которые достигаютъ иногда огромной величины (см. рисунокъ рядомъ). Обычай стремится закрѣпить нелѣпую моду побочными мотивами. У племени Белла-Беллъ на Ванкуверѣ губной клинъ, по словамъ Якобсена, является знакомъ достоинства и при каждомъ увеличеніи его размѣровъ устраивается роскошный пиръ. Кеннигамъ подслушалъ однажды споръ двухъ дамъ этого племени, изъ которыхъ одна, какъ къ послѣднему козырю, прибѣгла къ своему губному клину: Что ты такое? Есть ли у тебя такая толстая губа, какъ у меня? Раздавала ли ты столько подарковъ, какъ я? Ступай домой, и когда ты придешь назадъ съ такимъ же большимъ клиномъ, какъ у меня, тогда мы поговоримъ.“ Другая опустила голову и замолчала. Характерно, что эти уродливости быстро исчезаютъ, когда возникаетъ живое соприкосновеніе съ высшими формами культуры, и насмѣшка, какъ свѣжее дыханіе вѣтра, проникаетъ въ удушливую атмосферу. Нахтигаль наблюдалъ въ Суданѣ старую женщину, которая бросила губной клинъ, пыталась уничтожить отверстіе, сращивая расправленные края его и конфузливо закрывала рукой мѣсто, гдѣ когда-то съ такой гордостью носилось украшеніе. Гораздо знаменательнѣе то явленіе, что каннибализмъ, процвѣтающій у столькихъ первобытныхъ народовъ и достигавшій часто до отвратительныхъ эксцессовъ, начинаетъ исчезать при постоянномъ общеніи съ культурными народами даже безъ прямого принужденія.

Женщина племени вавира. По Штюльману.

Игра въ мячъ — эскимосскій рисунокъ. По В. И. Гофману.

Очень хорошо выяснилъ Фиркантъ другую противоположность между первобытными и культурными народами — различіе характера труда. У первыхъ мы встрѣчаемъ безпорядочное и не хозяйственное расходованіе энергіи, у другихъ организованное, экономичное. Ферреро указываетъ на то, что пресловутая „лѣность“ нецивилизованнаго человѣка обусловливается не тѣмъ, что устаютъ мускулы, а тѣмъ, что у него не хватаетъ силы воли для того, чтобы принудить тѣло къ правильной работѣ.

И первобытный человѣкъ по-своему работаетъ; иногда, принимая во вниманіе его ничтожныя вспомогательныя орудія, онъ дѣлаетъ чудеса, но онъ дѣлаетъ экономически полезное только тогда, когда принужденъ къ тому, а въ остальномъ работа для него скорѣе игра, чѣмъ обязанность. Онъ не имѣетъ понятія объ экономичномъ употребленіи своихъ силъ и въ этомъ смыслѣ въ самомъ дѣлѣ остается на ступени, черезъ которую европейскій культурный человѣкъ переступаетъ еще въ дѣтствѣ и черезъ которую ему необходимо переступить, если хочетъ устоять въ борьбѣ за существованіе. Фактъ, что дѣти первобытныхъ народовъ быстрѣе развиваются, скорѣе утрачиваютъ дѣтскую наивность, противорѣчитъ вышесказанному только повидимому: медленный ростъ европейскаго ребенка доказываетъ скорѣе,

Женщины Хопи — мелющія муку и пекущія хлѣбъ. — Сѣв. Америка.

что его мозгъ долженъ развиваться для другихъ, болѣе трудныхъ задачъ, что здѣсь, въ новомъ индивидуумѣ, обнаруживаютъ себя наслѣдственныя способности трудолюбивыхъ поколѣній.

Если въ характерѣ негра исчезаетъ очень рано все дѣтское, то съ другой стороны и часто повторяющаяся фраза, что негровъ слѣдуетъ считать большими дѣтьми, заключаетъ въ себѣ крупное зерно истины. Въ извѣстномъ возрастѣ европеецъ и негръ стоятъ почти на равной ступени; но потомъ развитіе африканца прекращается, а у европейца продолжаютъ развиваться и психическія силы, и способность къ правильному труду. Первобытный человѣкъ не только не хочетъ долго и прилежно работать; онъ этого и не можетъ. Никакой правильной работы — говоритъ Іостъ относительно аборигеновъ Гвіаны, — индѣецъ не хочетъ исполнять и не исполняетъ и едва ли, думаю, въ состояніи исполнять. Если его будутъ принуждать къ ней плетью, онъ умретъ, какъ у насъ умерла-бы кошка, если бы ее запрягли въ собачью телѣжку". Вымираніе антильскихъ индѣйцевъ, которыхъ испанцы принуждали къ работамъ, вполнѣ подтверждаетъ этотъ взглядъ: испанская жестокость, на которую падаетъ извѣстная доля отвѣт-

ственности за это преступленіе, была вызвана главнымъ образомъ пассивнымъ сопротивленіемъ несчастныхъ. Но тотъ же сынъ пустыни, котораго работа убиваетъ, можетъ съ невѣроятной выносливостью плясать или играть по цѣлымъ ночамъ (см. рис. на стр. 62); онъ терпѣливо по недѣлямъ вырѣзываетъ украшенія или покрываетъ рѣзьбой оружіе и тратитъ больше размышленій на изобрѣтеніе новой игрушки, чѣмъ на улучшеніе своего экономическаго положенія. Тамъ, гдѣ нельзя уже обойтись безъ правильной работы, она, по крайней мѣрѣ по внѣшности, пріобрѣтаетъ характеръ игры: ритмически въ тактъ, какъ въ танцѣ, поднимаются руки, рабочія пѣсни своими веселыми звуками заставляютъ забывать серьезность и трудность работы, и въ концѣ концовъ, при общемъ возбужденіи, нерѣдко работа переходитъ въ веселый праздникъ. Скажемъ кстати, что способность къ правильной работѣ развивается прежде всего у женщинъ — несомнѣнно, подъ давленіемъ мужчинъ, которые однако только лишь усиливаютъ принудительную власть естественнаго экономическаго развитія (см. рис. на стр. 63).

Изъ способа работать вытекаютъ дальнѣйшія различія въ природѣ первобытныхъ и культурныхъ народовъ. Если сила въ малыхъ дозахъ расходуется постоянно, какъ у послѣднихъ, она только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ накопляться въ такихъ количествахъ, при которыхъ какой-нибудь внѣшній импульсъ могъ-бы вызвать бурный взрывъ энергіи. Напротивъ, у первобытнаго человѣка избытокъ энергіи—поскольку она не поглощена игрой и похожей на игру работой — „легко достигаетъ размѣровъ, при которыхъ развивается чувство скуки, и достаточно малѣйшаго внѣшняго возбужденія, чтобы вызвать совершенно непропорціональный возбужденію взрывъ“. Шалости нашихъ дѣтей, которыя проявляются въ необъяснимыхъ, повидимому, приступахъ упрямства, своеволія, страсти къ разрушенію или выражаются во взрывахъ бурной нѣжности, обнаруживаются у представителей первобытныхъ народовъ въ такихъ же, только болѣе опасныхъ формахъ проявленія силы; какъ результатъ дурного воспитанія или неукротимаго характера такіе бурные порывы въ нашей средѣ встрѣчаются иногда и у взрослыхъ, но подобные субъекты при ихъ антикультурной природѣ, обыкновенно, погибаютъ или въ крайнемъ случаѣ проводятъ жизнь въ борьбѣ и нуждѣ. Принуждая человѣка регулировать свои силы и постоянно соразмѣрять причину и дѣйствіе, культура такимъ образомъ пріучаетъ его на всякое внѣшнее возбужденіе отвѣчать только съ соотвѣтствующей ему силой и требуетъ, чтобы онъ въ поведеніи своемъ былъ на каждомъ поприщѣ ровенъ и гармониченъ. Необразованнаго, одностороние воспитаннаго человѣка, легко узнать по рѣзкимъ движеніямъ, раскатистому хохоту, слишкомъ громкому голосу, шумнымъ привѣтствіямъ и т. п.

Недостатокъ самообладанія, который позволяетъ до излишества пользоваться всѣми наслажденіями, разъ представился случай, приводитъ также къ тому, что скопившіяся непріятныя ощущенія разражаются дикимъ и гибельнымъ образомъ и нарушаютъ гармонію бытія. Всюду чувствуется недостатокъ въ задерживающихъ началахъ, въ тѣхъ невидимыхъ плотинахъ, которыми послѣ долгихъ усилій культурное человѣчество оградило потоки своихъ силъ, чтобы направлять ихъ къ опредѣленнымъ цѣлямъ.

Дикіе взрывы страсти внѣшнимъ образомъ стоятъ въ странномъ противорѣчіи съ обычнымъ беззаботнымъ настроеніемъ первобытныхъ народовъ; между тѣмъ въ дѣйствительности обѣ эти особенности немыслимы одна безъ другой. Какъ часто благодушный европейскій миссіонеръ превозноситъ въ пылкихъ выраженіяхъ неподдѣльную искренность и добродушіе оклеветанныхъ дикарей, а, можетъ быть, черезъ два дня по отсылкѣ своего восторженнаго письма подвергнется коварному нападенію и будетъ лишенъ жизни самымъ отвратительнымъ и жестокимъ образомъ. Сила, скопленная въ лѣнивомъ покоѣ, и потребность дѣятельности стремятся

обнаружиться, какъ у нашихъ уличныхъ мальчишекъ, въ дикомъ безчинствѣ, не останавливающемся передъ поступками, исполненными вопіющей неблагодарности. Люмгольдъ разсказываетъ слѣдующій характерный анекдотъ о жителяхъ Квинслэнда. „Одинъ поселенецъ М-ръ О'Коннoръ, поселился близъ Лоу Герберта. При всѣхъ работахъ онъ пользовался трудомъ чернокожихъ, съ которыми хорошо обращался и которымъ платилъ хлѣбомъ, мукой и мясомъ. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ „the blaks' protector“ (покровитель черныхъ), но чернокожіе, неспособные выносить слишкомъ большой доброты, плохо отблагодарили его: они дали волю своей жадности и задумали сдѣлать нападеніе на него и на все его имущество. Съ мечами и щитами бросились они къ дому, въ то время какъ колонистъ, догадавшись объ измѣнѣ, вошелъ внутрь, чтобы разрядить противъ нихъ свой револьверъ. Дикари, не боясь его нисколько, прятались за деревьями и кричали: „ну, стрѣляй, потомъ и до насъ дойдетъ чередъ“. Они въ самомъ дѣлѣ ворвались къ нему, умертвили его мечами, предали поруганію его тѣло и разграбили домъ, забрали бананы изъ сада и всѣхъ куръ, унесли въ лѣсъ въ безсознательномъ состояніи его бѣдную жену и умертвили ее тамъ. Это одинъ примѣръ изъ тысячи.

Шлемъ съ маской. Японія. По фотографіи.

И между культурными народами ни одинъ не можетъ считаться безусловно свободнымъ отъ этого „звѣря въ человѣкѣ“, который кажется мертвымъ въ обычное время, но вырывается во всей своей отвратительности и кровожадно ищетъ жертвъ во время возбужденія, когда обыкновенно послѣ продолжительной и вынужденной бездѣятельности массы, разряжаются накопившіяся темныя силы. Справедливость и благодарность и у насъ неизвѣстны этому звѣрю. Немало врачей было изрублено во время эпидемій, когда слѣпая ярость приводила въ возбужденіе массы. Печальная страница голландской исторіи — отвратительное убійство братьевъ де Виттовъ, является предостереженіемъ для всѣхъ, кто надѣется, что прогрессъ культуры обезпечиваетъ насъ отъ звѣрства возставшей черни. Кто обращается къ звѣрю, тотъ долженъ принять въ разсчетъ, что рано или поздно кулакъ того, въ чьихъ рукахъ власть, задушитъ его самого и вмѣстѣ съ нимъ кровавое чудовище, и судьбы народа будутъ предоставлены тогда полному произволу одного лица.

Изъ этого сопоставленія становится понятнымъ, какой смыслъ имѣютъ войны, которыя отъ времени до времени неотвратимо возникаютъ у первобытныхъ народовъ безразлично — есть-ли серьезный поводъ къ распрѣ или нѣтъ. Жажда наживы, само собою, здѣсь играетъ нѣкоторую роль (у народовъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени развитія, обыкновенно борьба за землю привлекаетъ къ оружію мужскую молодежь), но основнымъ мотивомъ у первобытныхъ народовъ все же остается стремленіе разрядить энергію; они не хотятъ затратить ее на полезную, правильную дѣятельность и не могутъ израсходовать ее всю на танцы и игры. Является потребность перебѣситься хорошенько и всѣ средства пускаются въ ходъ, чтобы довести чадъ возбужденія до высшей степени: воинственные танцы, устрашающая татуировка, фантастическіе костюмы, шумъ музыки, дикій вой и лязгъ оружія — и дикая жестокость почти всегда пятнаютъ славу побѣдителя.

Безсмысленное изступленіе страсти обращается при случаѣ противъ

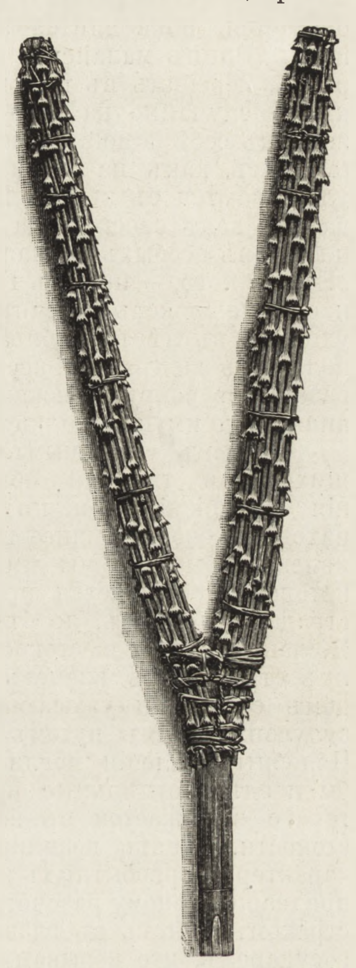
собственной личности. Невѣроятнымъ мученіямъ подвергаютъ себя люди на праздникахъ совершеннолѣтія, и въ особенности при погребеніи и поминкахъ. Печаль объ умершемъ, какъ и избытокъ силъ, находитъ себѣ выходъ не въ утѣшающей и отвлекающей вниманіе работѣ, а въ неистовыхъ и кровавыхъ безчинствахъ. На Таити, по словамъ Вильсона, обычнымъ выраженіемъ печали по усопшемъ было отрѣзываніе себѣ пальцевъ или нанесеніе кровавыхъ ранъ зубами морской собаки. Послѣдній способъ увѣчій былъ до такой степени всеобщимъ выраженіемъ чувства печали, что не только женщины царапали себѣ кожу на головѣ при вѣсти о какой-нибудь маленькой непріятности, постигшей одного изъ родственниковъ или въ случаѣ паденія и ушиба ребенка, но даже при нежданной большой радости зубъ морской собаки долженъ былъ возстановлять равновѣсіе чувствъ. Обычай отрѣзать палецъ въ знакъ печали встрѣчается во многихъ мѣстахъ. Женщины индѣйскаго племени боуровъ послѣ смерти каждаго родственника отрываютъ себѣ по суставу отъ одного изъ пальцевъ; у пожилыхъ женщинъ иногда при такихъ условіяхъ оказывается цѣлымъ всего одинъ палецъ. Обычай широко распространенъ затѣмъ въ Америкѣ и Полинезіи и сопровождается по большей части другими кровавыми траурными обычаями. Изъ примѣровъ, собранныхъ К. Т. Прейссомъ, можно возстановить картину явленій, имѣющихъ мѣсто при смерти вождя или князька у индѣйцевъ Вороновъ. „Когда мы прибыли, — разсказываетъ Беккворсъ,—всѣ хижины были разрушены. Мы ѣхали среди криковъ, визга, воя. У всѣхъ, кому возрасть позволялъ оцѣнить потерю, струилась кровь изъ каждой части тѣла, сотни пальцевъ были изуродованы, выдранные изъ головъ волосы во множествѣ лежали на дорогѣ. Потомъ по моему требованію десять тысячъ Вороновъ собрались въ одно мѣсто. Никакое воображеніе не въ силахъ представить картину такъ бурно проявляющейся въ вопляхъ печали. Никогда раньше мнѣ не приходилось видѣть, чтобы столько рѣзали и рубили человѣческаго мяса. Пальцы рѣзали, какъ прутья; кровь лилась, какъ вода. Многіе воины дѣлали два надрѣза почти вдоль всей руки, приподнимали на одномъ концѣ кожу надъ мясомъ, захватывали ее другой рукой и сдирали до плеча. Другіе вырѣзали на груди и плечахъ изображенія и такимъ-же способомъ сдирали кожу“.

Барабанъ, украшенный черепами у племени окваo. Западн. Африка. По фотографіи.

Дополненіемъ къ этимъ отвратительнымъ картинамъ является беззаботное легкомысліе, которое страннымъ образомъ связано съ этими взрывами дикой страсти и дѣлаетъ возможнымъ то, что женщина, предававшаяся надъ трупомъ мужа самымъ неистовымъ самоистязаніямъ, немного

спустя, довольная и счастливая, отдается другому: за взрывами слѣпой страсти неизбѣжно слѣдуетъ періодъ равнодушнаго усыпляющаго покоя. Съ извѣстной точки зрѣнія кровавые ужасы можно разсматривать именно, какъ попытки побѣдить эту беззаботную забывчивость: Ницше, съ свойственнымъ ему блескомъ, развилъ мысль, что человѣчество своею жестокостью выработало въ себѣ способность хранить воспоминанія. Къ сожалѣнію, кровавая практика едва ли когда нибудь бываетъ связана съ дѣйствительнымъ прогрессомъ; скорѣе она сочетается съ обѣдненіемъ и культурными потерями. Попытку заставить жестокіе инстинкты служить дѣлу правосудія, — наказывать для исправленія и устрашенія, — можно усмотрѣть лишь въ видѣ едва замѣтнаго зачатка у большей части народовъ, которые утопаютъ въ кровожадныхъ оргіяхъ; ее нельзя считать ни единственнымъ, ни важнѣйшимъ мотивомъ для возникновенія принципа наказанія. Кромѣ того сюда приводитъ еще одно замѣчательное обстоятельство, затрудняющее развитіе прогресса путемъ жестокости.

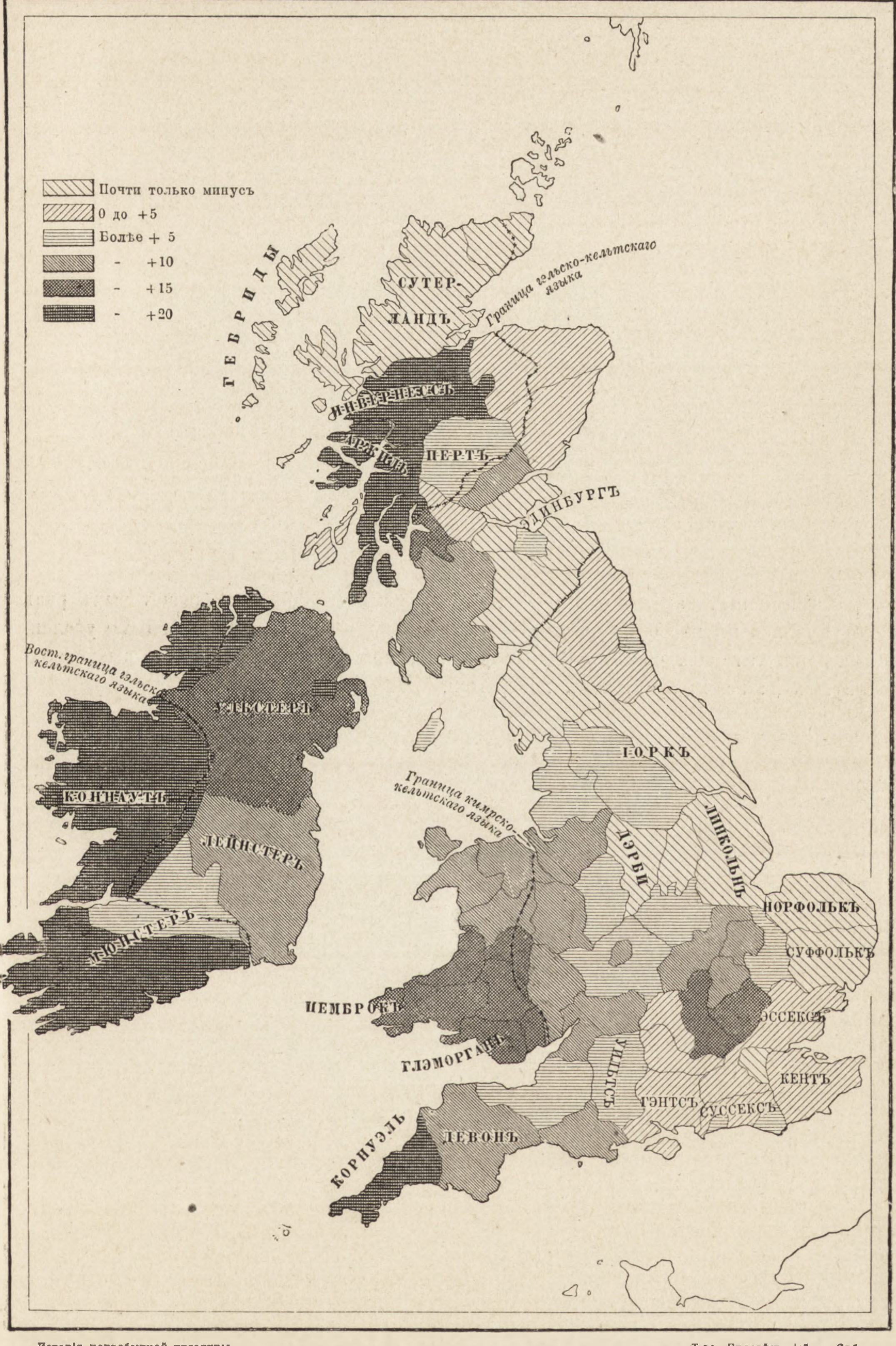

Вилка, служащая для поимки бѣгающихъ амо́къ. Ява. Этнографическая коллекція въ Стокгольмѣ.

Во всѣхъ разсказахъ о взрывахъ страстныхъ возбужденій поразительно мало говорится объ опредѣленныхъ личностяхъ и своеобразныхъ выраженіяхъ чувства, хотя подобные взрывы имѣютъ вполнѣ субъективный характеръ и въ своемъ полномъ проявленіи не могутъ быть предвидены. Вмѣсто того, мы слышимъ обыкновенно объ одинаковыхъ жестокостяхъ и неистовствахъ при одинаковыхъ поводахъ; получается впечатлѣніе, какъ будто въ этихъ, повидимому, чисто элементарныхъ и случайныхъ проявленіяхъ мы имѣемъ дѣло съ установленными обычаями и нравами. Это оригинальное противорѣчіе увеличиваетъ собою массу непримиримыхъ несообразностей въ характерѣ первобытныхъ народовъ. Даже необычное и субъективное, повторяясь часто, обращается въ привычку, которая всегда и вездѣ становится на мѣсто свободнаго соображенія и дѣйствія; привычка переходитъ въ обычай, который съ неограниченной властью царитъ и надъ тѣми, кто или вовсе не хотѣлъ бы подчиниться натиску страсти, или желалъ бы выразить ее иначе. Въ этихъ случаяхъ возникаютъ обычаи, которые не имѣютъ ничего общаго съ соображеніями разума и проистекаютъ изъ совершенно противоположнаго источника. Фактъ этотъ весьма замѣчателенъ! Нѣсколько примѣровъ помогутъ лучше объяснить это явленіе У малайцевъ практикуется обычай „бѣганья амо́къ", въ видѣ періодически-повторяющагося явленія. Между тѣмъ надо бы полагать, что случай подобнаго рода могъ только разъ имѣть мѣсто у слишкомъ раздраженной личности и едва ли могъ повторяться столь часто, чтобы возникла необходимость въ особомъ названіи и чтобы стражу пришлось снабжать специальными вилообразными орудіями для поимки „бѣгающихъ амо́къ" (см. рис. выше). Бѣганіе амо́къ проще всего объяснить, какъ взрывъ слѣпой и кровожадной мстительности. „Намѣреніе убійцы, — говоритъ Мецгеръ, — повидимому, заключается въ томъ, чтобы причинить вредъ одной или нѣсколькимъ опредѣленнымъ личностямъ. Но разъ его ярость прорвалась, онъ не довольствуется тѣмъ, что свирѣп-

ствуетъ противъ лицъ, намѣренно или случайно преграждающихъ ему путь къ его жертвѣ, но продолжаетъ неистовствовать, даже достигнувъ ближайшей цѣли. Если первый импульсъ, который, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ, всегда необходимъ для проявленія аффекта, случайно не данъ, взрыва страсти не произойдетъ. Но разъ взрывъ совершился, никакая властьне въ состояніи удержать убійцу: безъ малѣйшаго замедленія онъ бросается, пока длится это состояніе, на все, что встрѣчаетъ на своемъ пути. Одинъ малайскій вождь, возвращавшійся изъ Батавіи на свой корабль, перебилъ въ такомъ состояніи массу прохожихъ, только потому, что кто-то случайно на него плюнулъ изъ окна и успѣлъ благополучно сбѣжать къ себѣ домой. Въ настоящее время въ Индонезіи на „бѣганье амóкъ", смотрятъ, какъ на опасное, недозволяемое законами своеволіе и кое какъ улаживаются съ нимъ. Въ Ново-Помераніи же этотъ обычай разсматривается, какъ своего рода правовое учрежденіе, которое называется камара или — въ особыхъ случаяхъ, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь — винируа". „Если у кого, — пишетъ Галь, — похитили жену,—случай весьма нерѣдкій— и онъ не можетъ разсчитывать ни на чью помощь, онъ беретъ боевое копье, уходитъ въ лѣсъ и убиваетъ перваго встрѣчнаго. Его родственники продолжаютъ злодѣяніе и всеобщее избіеніе и ужасъ распространяется на далекое разстояніе вокругъ, пока нанесенная обида не будетъ смыта кровью виновнаго. Его имущество идетъ тогда на возмѣщеніе всего причиненнаго вреда".

Самымъ страшнымъ воплощеніемъ взрывовъ бѣшенства, обратившихся въ твердый обычай, являются человѣческія жертвоприношенія и избіенія при погребеніи усопшихъ. Что животное страданіе находитъ свое внѣшнее выраженіе въ бѣшеной жаждѣ разрушенія, это — явленіе обычное; мы имѣемъ достаточно случаевъ видѣть, какъ это неистовство обращается противъ собственнаго тѣла, чтобы заглушить одно страданіе другимъ, но бѣшенство обращается также и на внѣшній міръ. Желаніе путемъ жестокости заставить и другихъ принять участіе въ своихъ страданіяхъ влечетъ за собой неисчислимыя несчастія. Мы не будемъ со всѣми ужасающими подробностями разсказывать, какъ князья зулусовъ такимъ путемъ приводятъ собственный народъ на край гибели. Подобныя явленія могли бы возникать, какъ преходящія дѣйствія, если бы и здѣсь отдѣльные примѣры не обращались въ обычай, развитіе котораго выражается въ возрастающей на протяженіи долгаго времени жестокости. Фактъ возникновенія такихъ обычаевъ выясняетъ въ общемъ характеръ первобытныхъ народовъ; ихъ капризное, неподдающееся никакому предварительному разсчету поведеніе можно обуздать не добромъ, а только страхомъ, и тотъ въ глазахъ собственнаго народа является величайшимъ государемъ, кто взрывами неистовой силы воли способенъ запугать подобныхъ же себѣ по характеру, но болѣе слабыхъ. Справедлива старая пословица, что каждый народъ имѣетъ такихъ повелителей, какихъ заслуживаетъ. Это обнаруживается и у высоко-культурныхъ народовъ: французы, которымъ въ общемъ столь многимъ обязано человѣчество, въ своей цивилизаціи, чувствуютъ, соотвѣтственно своей отчасти беззаботной, способной къ вспышкамъ природѣ, инстинктивную потребность въ господствѣ, въ острасткѣ, которая ихъ самихъ оберегаетъ отъ послѣдствій ихъ характера и даетъ имъ возможность разряжать накопленную энергію въ воинственныхъ и громкихъ предпріятіяхъ противъ сосѣдей.

Многіе своеобразные обычаи возникли, стало быть, не на почвѣ временныхъ надобностей, а на почвѣ примѣра, даннаго безсмысленными проявленіями страстей. Можно ли допустить, чтобы нѣсколько человѣкъ одновременно выдумали предавать себя смерти посредствомъ вскрытія живота, т. е. самымъ нецѣлесообразнымъ и мучительнымъ образомъ. Но въ Японіи извѣстное харакири сдѣлалось въ концѣ концовъ единственнымъ приличнымъ способомъ покончить съ жизнью. Важный чиновникъ, которому

Исторія первобытной культуры. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Распространеніе брюнетовъ и темноглазыхъ въ Великобританіи и Ирландіи

По системѣ д-ра Бэддо (темная пигментація волосъ = +2, глазъ = +1, свѣтлая окраска = −1.)

Настоящая карта показываетъ, что остатки старѣйшихъ брюнетовыхъ расъ сохранились въ наиболѣе чистомъ видѣ въ неплодородныхъ или наиболѣе удаленныхъ отъ материка частяхъ Великобританіи, между тѣмъ какъ блондины господствуютъ на всемъ восточномъ побережьи.

вмѣсто казни предоставлено право самоубійства, намѣчалъ надрѣзомъ ножа ужасный родъ смерти, а затѣмъ служитель отрубалъ ему голову. Въ сущности и дуэль европейскихъ культурныхъ народовъ есть только закрѣпленное обычаемъ и урегулированное проявленіе страстной жажды разрушенія: ея грубое, животное происхожденіе только въ слабой степени замаскировано тонкостями кодексовъ чести и размѣренной торжественностью выполненія. И у первобытныхъ народовъ часто изъ случайныхъ поединковъ возникали прочные обычаи поединка. (См. рис. ниже).

Не безполезно будетъ обозрѣть всю группу явленій, о которыхъ теперь шла рѣчь. Взрывы страстной энергіи, обратившіеся въ обычаи, выступаютъ, какъ самостоятельныя формы, рядомъ съ правовыми обычаями, вытекающими изъ логическихъ соображеній и нравственныхъ чувствованій. Наиболѣе соотвѣтствуя низшимъ ступенямъ культуры, они теряются въ области болѣе высокой культуры, но держатся иногда прочно въ характерѣ народа опираясь на новые мотивы, которые становятся на мѣсто старыхъ. У сельскихъ жителей Европы можно еще собрать цѣлую коллекцію такихъ пережитковъ, начиная съ обычныхъ дракъ въ деревенскомъ кабакѣ до традиціоннаго и неизбѣжнаго плача невѣсты при прощаніи съ родителями, который входитъ въ составъ брачной церемоніи. Съ какой удивительной педантичностью соблюдаются эти вещи, покажутъ намъ извлеченія изъ обширнаго сборника свѣдѣній о брачныхъ обычаяхъ въ Албаніи, собранныхъ Гопчевичемъ. „Вечеромъ являются отецъ и братья. Дѣвушка должна тотчасъ броситься имъ въ ноги, плакать и испрашивать прощеніе за всѣ непріятности, которыя она причинила имъ со дня рожденія. Невѣсту поднимаютъ съ утѣшительными и успокоительными рѣчами. Обычай требуетъ при этомъ, чтобы въ отвѣтъ всѣ родственницы подняли вопль съ обязательными потоками слезъ, вздохами и всхлипываніями. Вой длится битый часъ. Лишь только часъ прошелъ, затихаютъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, вопли причитанья и крики, всѣ присутствующіе запускаютъ руки въ карманы, вынимаютъ носовые платки, сморкаются, осушаютъ слезы. Безъ всякаго перехода всѣ сразу веселѣютъ и запѣваютъ пѣсни“.

Споръ изъ-за убитой дичи. Эскимосскій рисун. По Гофману.

Все это замѣтимъ,—не случайный эпизодъ на отдѣльной свадьбѣ, не что-нибудь индивидуальное, а входитъ въ составъ брачнаго обряда и неизмѣнно всякій разъ повторяется.

Поведеніе нашихъ крестьянъ съ ихъ крѣпкой привязанностью къ обычаю и традиціи свидѣтельствуетъ, что масса у культурныхъ народовъ близко стоитъ къ первобытнымъ порядкамъ, и только въ одномъ слоѣ большей или меньшей плотности воплощается дѣйствительная культурная жизнь. Городской пролетаріатъ, конечно, по большей части освободился отъ гнета преданія, но такъ какъ ему недостаетъ умственной зрѣлости, какъ компенсаціи, то его еще меньше можно считать носителемъ прогресса: его массовыя скопленія народа скорѣе являются опасными для будущей культуры. Эта противоположность между различными слоями сказывается съ подавляющей силой тамъ, гдѣ общее образованіе народа стоитъ на низкой ступени. „Низшій классъ французскаго народа, — говоритъ графъ Гобино, — несомнѣнно имѣетъ только очень немного общихъ пунктовъ соприкосновенія съ его верхними слоями; цивилизація виситъ надъ бездной и глубокія, неподвижныя волны, которыя дремлютъ подъ кратеромъ, окажутся когда-нибудь несокрушимымъ орудіемъ разложенія“. Пророчество это страшно, но не совсѣмъ ясно; скорѣе можно допустить что низшіе слои, движимые болѣе инстинктами, чѣмъ разумомъ, стоятъ въ томъ же отношеніи къ общественному организму, какъ безсознательныя силы человѣческаго тѣла къ бодрствующему сознанію.

Большая масса, конечно, всегда останется опасной, разъ она будетъ

лишена радостей бытія и доведена до бурнаго взрыва ея энергіи. Односторонняя физическая работа не препятствуетъ, какъ показываетъ примѣръ первобытныхъ народовъ, значительному накопленію душевнаго напряженія и взрывовъ можно съ вѣроятностью ожидать каждый разъ, когда обычная повседневная дѣятельность прерывается.

Послѣ всего сказаннаго можно формулировать только одно основное различіе между низшей и высшей культурой: у первобытныхъ народовъ господствуетъ болѣе масса и традиція, у культурныхъ—личность и разумъ. Такъ какъ масса всегда консервативна, а отдѣльныя даровитыя личности, наоборотъ, являются носителями прогресса, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что первобытные народы будутъ всегда оставаться на одной ступени развитія, а народы культурные развиваться далѣе. Этимъ путемъ вопросъ о причинѣ явленія только отодвигается, но не рѣшается, а причина замѣчательнаго различія во всякомъ случаѣ должна быть. Чистая случайность такъ же мало имѣетъ значенія въ развитіи культуры, какъ и въ развитіи органической жизни вообще. Что же за причина здѣсь препятствуетъ прогрессу, а тамъ вызываетъ его и держитъ въ состояніи постояннаго возрастанія?

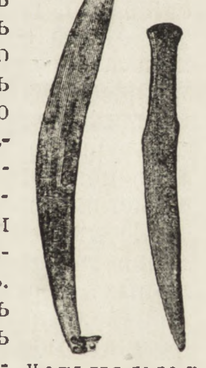
Прежде всего слѣдуетъ принять во вниманіе вліяніе климата и трудности борьбы за существованіе, вытекающія изъ почвы и положенія обитаемой мѣстности. Давно уже замѣчено, что высокая, находящая наслажденіе въ трудѣ культура развилась только въ умѣренныхъ широтахъ или на тропическихъ плоскогоріяхъ, тогда какъ на низменностяхъ жаркаго пояса и холодныхъ поясахъ по ту сторону полярнаго круга не могло возникнуть устойчиваго подъема культуры. Здѣсь мы находимъ указаніе, обѣщающее насъ привести къ рѣшенію хотя части нашей задачи. Что это указаніе еще недостаточно, доказывается сожительствомъ народовъ низшей и высшей культуры на территоріяхъ въ географическомъ смыслѣ равноцѣнныхъ. Защитники перенесенія культуры будутъ, наоборотъ, указывать на различную степень благосклонности судьбы — на то, напр., что къ народамъ, живущимъ на окраинахъ эйкумены, сѣмена высшей культуры доходятъ съ большимъ трудомъ, чѣмъ къ обитателямъ странъ, въ которыя съ давнихъ поръ стремилась торговля. И эта точка зрѣнія заслуживаетъ безусловнаго вниманія, но она также разъясняетъ только часть вопроса, такъ какъ есть, несомнѣнно, дикія племена которыя послѣ долгаго и тѣснаго соприкосновенія съ высшей культурой обнаружили едва замѣтный прогрессъ или даже изнемогли подъ гнетомъ новыхъ вліяній, тогда какъ другія оказывались въ большей или меньшей степени воспріимчивыми. Проще всего было бы, конечно, принять первичное предрасположеніе, которое одинъ народъ дѣлаетъ прогрессивнымъ, а другой осуждаетъ на застой. Но уже Вайцъ рѣшительно настаиваетъ на томъ, что различныя культурныя состоянія народовъ въ большей мѣрѣ зависятъ отъ перемѣны общаго жизненнаго положенія и судебъ ихъ, вообще болѣе отъ внѣшнихъ вліяній, нежели отъ ихъ прирожденныхъ духовныхъ дарованій“. Ввиду этого къ объясненію при помощи первоначальнаго различія въ способностяхъ, котораго доказать мы не можемъ, мы будемъ обращаться только лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда другія основанія нельзя будетъ использовать съ этой цѣлью. Что теперь первобытнымъ народамъ свойственно расположеніе къ застою, что они неспособны принять серьезнаго участія въ нашихъ успѣхахъ, конечно, вѣрно; но это предрасположеніе можетъ быть скорѣе пріобрѣтеннымъ, чѣмъ первичнымъ, такъ какъ первобытные народы все-таки стоятъ на извѣстной высотѣ, до которой имъ нѣкогда нужно было подняться.

Взглядъ на совокупность органической жизни земли, можетъ быть, болѣе приблизитъ насъ къ рѣшенію задачи. Есть животныя формы, которыя съ очень раннихъ періодовъ исторіи земли остаются неизмѣнными,

представители которыхъ изъ силурійской и тріасовой эпохъ нисколько не отличаются отъ современныхъ, и есть рядомъ съ ними другія, которыя постоянно развивались и преобразовывались, и современные типы которыхъ едва похожи на типы предковъ. Слѣдуетъ предположить, что первыя уже давно такъ хорошо приспособились къ наличнымъ условіямъ существованія, что дальнѣйшее дифференцированье прекратилось, въ то время, какъ другія,—допустимъ любую причину,—развивались и постепенно переживали и испытывали все лучшія и лучшія условія бытія. Возможно, что на этомъ пути окрѣпла затѣмъ вообще тенденція къ измѣненію формъ. Въ современномъ органическомъ мірѣ мы имѣемъ предъ собою очень древніе, но въ своемъ родѣ жизнеспособные роды рядомъ съ новыми образованіями, которыя возникали, можетъ быть, въ ближайшій предшествующій геологическій періодъ. И такъ передъ нами ряды представителей всѣхъ періодовъ исторіи земли, которые, каждый въ свое опредѣленное время, перестали измѣняться и благополучно существуютъ въ настоящее время.

Самоѣдскія рукавицы. Бременскій музей.

Это сравненіе нетрудно приложить къ отдѣльнымъ группамъ человѣчества. И между народами земли мы видимъ носителей допотопной культуры рядомъ со стоящими на высшей ступени представителями европейской цивилизаціи, видимъ первобытныхъ собирателей и охотниковъ рядомъ съ прилежными земледѣльцами, видимъ міровоззрѣнія доисторической поры и средневѣковья еще живущія въ головахъ современниковъ, добраться до которыхъ можно въ относительно короткое время при помощи нашихъ современныхъ путей сообщенія. Не могъ ли и въ настоящемъ случаѣ застой на той или другой ступени явиться результатомъ совершеннаго приспособленія, которое въ концѣ концовъ окончательно подавляетъ стремленія къ усовершенствованію?

Ножъ для льда у эскимосовъ. По Ф. Боасу.

Въ самомъ дѣлѣ, что сильнѣе всего отличаетъ отъ насъ первобытные народы, что безпокойно стремящемуся впередъ культурному человѣку кажется настолько завиднымъ? Что всѣ утопіи выдвигаютъ его предъ нами, какъ образецъ, какъ идеалъ? Это чувство спокойнаго, тупого, безсознательнаго довольства, беззаботной веселости, отъ котораго мы такъ далеки. А откуда вытекаетъ это чувство, какъ не изъ совершенной гармоніи съ средой? Что чувство удовлетворенія не имѣетъ ничего общаго съ полнотою знанія или имущественнаго обладанія, это истина, превосходныя доказательства которой съумѣетъ представить всякій школьникъ. Въ дѣйствительности довольство означаетъ ничто иное, какъ добровольное ограниченіе себя наличнымъ и ближайшимъ образомъ достижимымъ, суженіе горизонта или, — по правилу первобытныхъ народовъ, — отреченіе отъ его расширенія. Гиперборейцы также хорошо приспособились одеждой (см. верхній рисунокъ), утварью (см. нижній рисунокъ) и образомъ жизни къ своей родинѣ на сѣверѣ, какъ тропическіе индѣйцы къ влажно-жаркому климату своей родины: дальнѣйшій прогрессъ кажется тѣмъ и другимъ и ненужнымъ, и вообще немыслимымъ. Въ частной жизни мы видимъ эти контрасты между прогрессомъ и самоограниченіемъ даже среди нашего культурнаго міра: противъ прогрессизма, въ собственномъ смыслѣ слова, безъ устали занятаго новыми планами, взбирающагося вѣчно на крутыя вершины, стоитъ типическій филистеръ, который счастливъ, если съумѣлъ обезпечить себя на свой короткій жизненный путь постояннымъ повышеніемъ чиновъ и жалованья, который съ юныхъ лѣтъ опутывается паутиной опредѣленнаго міросозерцанія и въ узкомъ кругѣ ведетъ уравно-

вѣшенную гармоническую жизнь. Филистеръ, изучивъ то, что необходимо для выполненія его служебныхъ обязанностей, довольствуется этимъ знаніемъ на всю дальнѣйшую жизнь, не ощущая потребности воспринимать что-либо новое. Первобытные народы находятся въ такомъ же положеніи: время ихъ ученія далеко позади, они до извѣстной степени успокоились, имъ ничего не нужно больше; если у нихъ появляется что-нибудь новое, благодаря вліянію европейскихъ культурныхъ народовъ, то это представляется для нихъ чѣмъ-то въ родѣ нежданнаго и незаслуженнаго лотерейнаго выигрыша и приноситъ имъ такъ же мало пользы, какъ крупный выигрышъ бѣдняку, котораго онъ ставитъ въ совершенно непривычное положеніе и сбиваетъ съ толку.

Мы видѣли выше, что масса всегда консервативна, прогрессъ всегда индивидуаленъ. Слѣдовательно, можно сказать, что у первобытныхъ народовъ вліяніе массы сдѣлалось настолько подавляюще-могущественнымъ, что отдѣльныя личности не въ силахъ преодолѣть его за весьма немногими исключеніями. Масса всегда склонна входить въ компромиссъ съ существующимъ, она стремится къ состоянію равновѣсія и покоя, которое благопріятствуетъ ненарушимому теченію жизненнаго процесса. Склонный къ революціямъ пролетаріатъ фабричныхъ городовъ не говоритъ ничего противъ этого положенія: онъ представляетъ собою исключительное явленіе, которое подчиняется особымъ законамъ, и, кромѣ того, въ сущности только стремится перейти изъ вынужденнаго состоянія безпокойства и неустойчивости въ состояніе пріятнаго равновѣсія. Прогрессъ представляется пролетаріату, какъ переходъ къ застою. Въ этомъ смыслѣ и среди первобытныхъ народовъ совершаются многочисленныя измѣненія, разъ измѣняются внѣшнія жизненныя условія; но они всегда имѣютъ цѣлью достигнуть новаго приспособленія къ даннымъ условіямъ, а не открываютъ собою рядъ битвъ противъ силъ природы; они пассивны, а не активны. На этомъ наблюденіи покоится старое дѣленіе народовъ на пассивные и активные, которое рѣдко примѣняется, такъ какъ его трудно провести въ дѣйствительности, но которое имѣетъ глубокія внутреннія основанія.

Масса создаетъ для себя свои священные обычаи, свои суевѣрія, своихъ боговъ, которые всѣ бодрствуютъ надъ охраненіемъ преданія и враждебны чужому и новому. Древній обычай Тавриды приносить чужеземцевъ въ жертву богамъ, упраздненіе котораго подъ вліяніемъ греческой культуры служило предметомъ поэтическаго воспроизведенія въ древности и въ новое время, показываетъ съ необычайной ясностью міросозерцаніе племени, сознательно чуждающагося другихъ. Формы, подъ которыми отвращеніе къ необычному прикрывается за суевѣріями и религіей, часто бываютъ трогательны, но еще чаще отвратительны и смѣшны. Во многихъ горныхъ деревняхъ Н. Гвинеи невозможно, напр., нанять рабочихъ на расположенныя на берегу плантаціи, такъ какъ, по воззрѣніямъ горцевъ, зрѣлище моря для нихъ убійственно. Въ безводныхъ степяхъ Средне-Азіатскихъ плоскогорій трудно заботиться о чистотѣ и истому монголу едва-ли когда приходитъ мысль о томъ, чтобы умыться. Мало того: татарскія племена въ средніе вѣка не допускали бань въ силу религіознаго предубѣжденія, затѣмъ по монгольскимъ воззрѣніямъ, мытье одежды навлекаетъ бури. И теперь еще человѣкъ, у котораго нѣтъ насѣкомыхъ, считается у нихъ неугоднымъ Богу.

Застой первобытныхъ народовъ представляетъ такимъ образомъ собою систему; они крѣпко держатся за нее, такъ какъ въ связанномъ съ нимъ чувствѣ довольства находятъ больше счастья, чѣмъ во всякомъ прогрессѣ культуры. На чемъ же покоится это счастье? Когда культурный человѣкъ добивается облегченія для своего духа созданіемъ все новыхъ и новыхъ автоматически протекающихъ рядовъ мысли и дѣйствій и не видитъ конца этой работѣ, „дикарь“ достигаетъ той же цѣли проще: онъ

замыкаетъ свой горизонтъ, удобно устраивается въ данномъ пространствѣ и безъ всякой работы мысли примѣняетъ ко всѣмъ случаямъ жизни уже существующія формулы. Избытокъ силъ находитъ выходъ безъ всякой пользы для него—въ войнѣ и игрѣ (См рис. на стр. 73 и 76). Высшая отрада первобытнаго или даже полукультурнаго человѣка, это дремота, свободная отъ всякой мысли. „Кейфъ" турокъ, погруженіе въ ничто, высшимъ идеаломъ котораго является буддійская Нирвана, возможны только въ спертомъ воздухѣ узко ограниченнаго существованія, а не при рѣзкомъ вѣтрѣ культурнаго прогресса, который мощнымъ порывомъ надуваетъ парусъ смѣльчака, но не даетъ чувства безмятежнаго удовлетворенія.

Игра бао у племени суагели. По фотографіи.

Застой, какъ побѣда задерживающихъ силы надъ силами, устремляющимися впередъ, можетъ, разумѣется наступать на разныхъ ступеняхъ развитія. Раньше всего онъ долженъ явиться тамъ, гдѣ природа однообразна, но могущественна и неспособна ни возбуждать, ни поддерживать стремленій къ лучшему приспособленію, если опредѣленная гармонія уже найдена. Въ такомъ положеніи находятся карлики — обитатели дѣвственныхъ лѣсовъ Африки, лѣсные обитатели Цейлона, Бразиліи, огнеземельцы и гипербореи, бушмены Ю. Африки и австралійцы; кочевыя племена парій, встрѣчающіяся въ области высшей культуры, показываютъ насколько прочнымъ оказалось приспособленіе къ даннымъ условіямъ существованія у наиболѣе отсталыхъ, раньше всего пришедшихъ къ застою народовъ. Если, съ другой стороны, застой произошелъ позднѣе и оказывается не полнымъ, онъ не представляетъ собой окончательнаго отреченія отъ всякаго прогресса и можетъ быть легко устраненъ чужимъ вліяніемъ. И культурные народы нашего времени переживали такіе періоды покоя, у многихъ смѣна прогресса и застоя поддерживается болѣе постоянными толчками извнѣ, чѣмъ дѣйствіемъ внутреннихъ, творческихъ силъ.

Остается выяснить вопросъ, какія причины могутъ возбуждать извѣстные народы — не всегда, конечно, одинаковыя — къ прогрессивному развитію? Мы возвращаемся — и совершенно основательно — къ нашему первому вопросу о причинахъ, которыя ведутъ къ застою: счастье совершеннаго приспособленія, состояніе беззаботнаго довольства и сладкой дремоты такъ велико и такъ понятно каждому человѣку, что должны быть могущественныя встрѣчныя воздѣйствія для того, чтобы подавить или, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени ограничить стремленія къ нему. Но могучими воздѣйствіями могутъ быть не только тѣ, которыя каждую минуту съ подавляющей силой стоятъ передъ глазами, но и такія, которыя складываются изъ мелкихъ, но постоянно повторяющихся толчковъ и выростаютъ въ значительную силу. Именно съ этими послѣдними воз-

дѣйствіями, очевидно, имѣемъ мы дѣло въ данномъ случаѣ: будь причины постояннаго движенія впередъ предъ глазами, вопросъ былъ бы излишнимъ и рѣшался бы самъ собою.

Фактъ, что высшая культура связана съ опредѣленными климатическими поясами, даетъ ясное указаніе на то, гдѣ мы должны искать основныя причины прогресса. Если же мы подумаемъ о томъ, что постоянное взаимодѣйствіе движенія впередъ и косности составляетъ сущность культурной работы,то мы невольно вспомнимъ о смѣнѣ явленій въ природѣ умѣренныхъ поясовъ, которая вызываетъ чередованіе періодовъ избытка и нужды, жара и холода и не даетъ возможности народамъ, которые вынуждены считаться съ этими условіями, погружаться въ безпрерывную пріятную дремоту. То же вліяніе имѣли, повидимому, періодическіе разливы рѣкъ въ жизни двухъ древнѣйшихъ культурныхъ народовъ запада — вавилонянъ и египтянъ. Этимъ путемъ горизонтъ насильственно расширялся хотя бы временно: кто хотѣлъ жить, тотъ долженъ былъ заблаговременно позаботиться о томъ, чтобы обезпечить себя на времена нужды и опасностей. Въ то время, какъ предусмотрительная мысль о будущемъ прочно запечатлѣвалась въ сознаніи и становилась вторичнымъ инстинктомъ, естественный подборъ, заботился о томъ, чтобы неисправимо легкомысленные и беззаботные погибали. Такъ для культурныхъ народовъ работа обратилась, наконецъ, въ такую же потребность, какой для первобытныхъ является мечтательный покой; они не могутъ не идти впередъ, они не могутъ обрѣсти вновь чувство беззаботнаго довольства, если бы даже хотѣли: вынужденный покой причиняетъ имъ страданіе, и унаслѣдованное стремленіе къ дѣятельности будитъ ихъ какъ голосъ совѣсти въ минуты, когда ими овладѣваютъ силы застоя. Культурные народы нашли новый идеалъ счастья, а старый для нихъ утерянъ, сколько бы не восхвалялъ его въ восторженныхъ выраженіяхъ Руссо.

---

4. Регрессъ и гибель.

Люди, стѣсненные въ своихъ стремленіяхъ и въ своей дѣятельности природой и ближними, предаются охотно мечтамъ о „лучшемъ будущемъ“; они создаютъ себѣ въ воображеніи идеалы, которыхъ нѣкогда достигнетъ народъ, какъ цѣлое, и которые манятъ къ себѣ отдѣльную личность въ будущемъ. И въ области этихъ идеаловъ, оказывается знаменательный и привлекательный контрастъ между находящимися въ состояніи застоя и прогрессирующими группами человѣчества: народы, гармонически приспособившіеся къ средѣ, не въ состояніи представить себѣ ничего другого, какъ земныя условія и наслажденія въ потенцированной формѣ, — даже небесныя радости, которыя обѣщаетъ исламъ своимъ вѣрнымъ, соотвѣтствуютъ грёзамъ, которымъ предается восточный человѣкъ въ своемъ мечтательномъ бездѣльѣ. Для прогрессирующихъ народовъ, напротивъ, характерно то, что идеаломъ ихъ будущаго является освобожденіе отъ чувственныхъ удовольствій и широкой просторъ для ума чувствъ. Пока историческій горизонтъ остается ограниченнымъ, — а препятствія, не дающія возможности проникнуть взорамъ вдаль, устранятся только при помощи доисторическихъ изслѣдованій, — блаженную страну можно искать лишь по ту или другую сторону настоящаго, — въ будущемъ или въ прошедшемъ. Оцѣнка собственнаго положенія, которая должна рѣшить вопросъ, можетъ приводить къ очень различнымъ выводамъ,—въ зависимости отъ положенія вещей въ данную минуту или отъ темперамента наблюдателя. У культурныхъ народовъ въ этомъ случаѣ легко появляется самый рѣшительный пессимизмъ. Это доказываютъ обычныя похвалы

„доброму старому времени“, которыя затѣмъ въ свою очередь вызываютъ обыкновенно массу поверхностныхъ опровержeній. Греки, которые болѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ, заслуживали названіе культурнаго, возвели въ систему ученіе о возрастающемъ ухудшеніи міра, и исходъ изъ настоящаго положенія вещей установилъ послѣдовательность золотого, серебрянаго, мѣднаго и желѣзнаго вѣковъ. Христіанскіе народы заимствовали изъ религіозной сокровищницы древнихъ евреевъ идеалъ былого рая, дополненіемъ къ которому являлась картина будущаго небеснаго блаженства. Со всей серьезностью научной теоріи и въ послѣдній разъ, вѣроятно, ученіе о паденіи человѣчества выступило въ концѣ XVIII в., когда окрашенныя въ розовый цвѣтъ извѣстія о народахъ южнаго океана, казалось, доказывали, что въ самомъ дѣлѣ вдали отъ центровъ нашей культуры живутъ лучшіе и болѣе благородные люди, житейскія отношенія которыхъ явились вѣроятно результатомъ ихъ прекраснаго прошлаго. Такъ возникли воззрѣнія Руссо и, наконецъ, система де-Местра, который пытался воспользоваться воззрѣніями на міръ древнихъ грековъ, придавъ имъ новый обликъ. И при всемъ несовершенствѣ свѣдѣній о первобытныхъ народахъ это было возможно только

Развалины Боразина. По Свенъ Гедину.

потому, что тѣсная связь между внѣшнимъ и внутреннимъ прогрессомъ, между матерьяльной стороной культуры и ея духовными и моральными тенденціями игнорировались и особеннымъ почетомъ пользовалось дѣтское воззрѣніе, что подавленный несокрушимой жестокостью природы первобытный человѣкъ способенъ къ тѣмъ-же идеаламъ и чувствамъ, какъ и членъ культурнаго народа, которому побѣды предковъ надъ гнетомъ земного бытія дали въ наслѣдство другой умъ, другія силы, другія обязанности.

Доисторическія изслѣдованія и болѣе близкое знакомство съ природой первобытнаго человѣка отняли почву у мечтаній въ духѣ Руссо; о всеобщемъ упадкѣ хотя-бы только моральной культуры не можетъ быть рѣчи; невозможно и нежелательно также и добровольное „возвращеніе къ природѣ“. И, однако, эти идеи не настолько безпочвенны, чтобы изслѣдованіе вызвавшихъ ихъ причинъ, представлялось неважнымъ. Если культура и прогрессировала въ цѣломъ, то этого нельзя сказать о всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, изъ которыхъ многія, высохшія и искалѣченныя, безобразятъ дерево развитія: гдѣ нѣкогда, на привѣтливыхъ равнинахъ Вавилоніи поднимались богатые и цвѣтущіе города, въ настоящее время выступаютъ надъ засыпанной песками страной только безформенныя груды глины. Средняя Азія — страна, наполненная развалинами городовъ; исторія Египта, какъ и исторія Китайскаго народа, далеко не представляетъ картины прогресса непрерывающагося до нашихъ дней. Вопросъ, не наступитъ-ли когда нибудь и для носителя европейской культуры часъ утомленія, совершенно основателенъ; что касается отдѣльныхъ народовъ, то на него нужно отвѣтить удвердительно. Исторія даетъ намъ картину паденія

Греціи, разложенія Римской имперіи, паденія Испаніи послѣ Карла V, страшныхъ культурныхъ потерь Германіи послѣ Тридцатилѣтней войны, упадка цвѣтущихъ городовъ Фландріи. Для каждаго культурнаго народа, повидимому наступаетъ часъ, когда онъ видитъ себя обойденнымъ товарищами юности и, какъ старѣющая красавица, съ тоской разсматриваетъ въ зеркало морщины начинающейся дряхлости. Ни одинъ народъ не избавленъ отъ мрачныхъ дней упадка, когда расказы о „добромъ старомъ времени“ становится горькой истиной.

Игрушка (айегаунгъ) эскимосовъ. По фотографіи.

Но эта вѣчная фраза, которая не замолкаетъ даже въ дни цвѣтущаго подъема культуры и постоянно повторяется, мѣняя формы, научаетъ насъ еще коечему новому.

Всякій прогрессъ, можно сказать, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и потеря. Культура означаетъ не только борьбу противъ скупости и враждебности силъ природы; она есть одновременно и постоянная, истощающая борьба противъ собственнаго Я, противъ мрачныхъ и могущественныхъ силъ инстинктовъ человѣка. Кто старается охватить заботливымъ взглядомъ широкое поле пространства и времени, тотъ долженъ отказаться отъ удовлетворенія каждаго малѣйшаго желанія, каждой потребности, онъ долженъ купить свою силу, свою безопасность цѣною отказа отъ наслажденія минутой. Культурнымъ народамъ не хватаетъ прежде всего того счастья ограниченности, той простой гармоніи съ естественными потребностями, которыя дѣлаютъ столь легкой жизнь первобытнаго человѣка. Разумѣется, намъ представляется завиднымъ не положеніе первобытныхъ народовъ само по себѣ, а то отсутствіе потребностей и заботъ, которое выражается въ отсутствіи страха предъ будущимъ и замѣчательномъ пренебреженіи къ существованію и времени. Даже вспышки бѣшенаго возбужденія, которыми прерывается обычная дремота, могутъ казаться привлекательными культурному человѣку, у котораго благоустроенное полицейское государство заботливо ограничиваетъ мѣру страстныхъ возбужденій. Но это полицейское государство само является продуктомъ культуры, доказательствомъ того, что прогрессирующее человѣчество сознательно отказывается отъ части той свободы, которая кажется первобытному человѣку непремѣннѣйшимъ условіемъ его счастья. Раздѣленіе труда дѣлаетъ насъ частями машины и одновременно болѣе и болѣе отдаляетъ отъ основанія всякаго существованія — природы. Самый бѣдный бушменъ стоитъ у себя на родинѣ самостоятельнѣе на ногахъ, чѣмъ ученѣйшій европеецъ, котораго несчастная судьба выбросила на необитаемый островъ. Опытъ показалъ, что европейскій плѣнникъ или бѣглецъ, приставшій къ нецивилизованному племени, не въ состояніи передать своимъ новымъ товарищамъ ничего изъ своей культуры и скоро самъ опускается до нихъ; его познанія, соста-

Аинъ, стрѣляющій изъ лука. Японскій рисунокъ. По „Internationalen Archiv für Etnographie“.

вляющія всегда недостаточную часть большаго цѣлаго, теряютъ свою цѣну, — какъ обращается въ безполезную массу дерева и металла лучшее ружье новѣйшей конструкціи, если нельзя добыть подходящихъ къ нему патроновъ. Культурное достояніе первобытнаго человѣка, напротивъ, подобно его простому оружію, — его копьямъ, дубинамъ, лукамъ: оно не очень дѣйствительно, но всюду годно и его легко подновить и дополнить. Утрата этой способности первобытныхъ народовъ быть себѣ хозяевами болѣе всего уязвляетъ сердце человѣка. Мальчикъ, который съ пылающими щеками читаетъ приключенія индѣйцевъ или похожденія Робинзона, догадывается съ смутнымъ чувствомъ тревоги, что культура заставляетъ дорого оплачивать свои дары и что есть счастье, о которомъ онъ можетъ узнать, но котораго не можетъ достигнуть. Но дѣло не въ одной только потерѣ ощущенія счастья, но въ извѣстномъ смыслѣ и въ потерѣ силы. Расходуя нашу энергію постоянно на регулированную дѣятельность, мы уменьшаемъ вѣроятность тѣхъ бурныхъ взрывовъ, которые являются, конечно, опасностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и могущественнымъ средствомъ въ борьбѣ за существованіе. Кто въ извѣстный моментъ въ состояніи отбросить въ сторону всѣ сомнѣнія и колебанія, можетъ однимъ разомъ достигнуть великаго и опрокинуть препятствія, предъ которыми безсильно отступаетъ человѣкъ разсудка.

Воины племени дайяковъ, Борнео. По фотографіи.

Отсутствіе слѣпого порыва, по большей части, конечно, съ избыткомъ восполняется пріученной къ дѣятельности проницательной энергіей культурнаго человѣка и въ борьбѣ побѣда остается въ концѣ концовъ за нимъ, но чрезмѣрное развитіе разума, которое позволяетъ предвидѣть всѣ возможности и затрудняетъ выборъ, парализуетъ рѣшимость и скрываетъ изъ вида простое и правильное. Примѣры изъ новой исторіи показываютъ, что ученые рѣдко имѣютъ успѣхъ, какъ практическіе политики. Но классическимъ образцомъ „борьбы между умомъ и характеромъ“ является, какъ это остроумно показалъ Фиркантъ, шекспировскій Гамлетъ, „у котораго безпрестанное разсужденіе приводитъ въ концѣ концовъ къ полной атрофіи воли“. Въ этомъ явленіи заключается нѣчто большее, чѣмъ простая потеря, которая можетъ быть возмѣщена другими пріобрѣтеніями; въ немъ обнаруживается слабость, которая, какъ мы увидимъ ниже, можетъ сдѣлаться гибельной для самой культуры.

Связанныя съ прогрессирующей культурой потери въ счастьѣ объясняютъ пессимизмъ, который и проступаетъ въ ученіи о золотомъ вѣкѣ и земномъ раѣ, но они не даютъ возможности заглянуть въ условія, которыя могутъ причинить упадокъ или окончательную гибель культуры. Обращаясь къ этимъ вопросамъ, мы скоро убѣждаемся, что имѣемъ дѣло

съ нелегкой задачей. Руководствуясь старой пословицей: „Кто остановился, тотъ идетъ назадъ“,—можно говорить объ относительномъ регрессѣ культуръ въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ останавливается на извѣстной ступени въ то время, какъ сосѣди прогрессируютъ; почти всегда впрочемъ кажущійся регрессъ превращается въ дѣйствительный, такъ какъ настоящая культурная жизнь немыслима безъ прогресса, и силы для сохраненія существующаго всегда исчезаютъ. Упадокъ, въ собственномъ смыслѣ, наступаетъ въ двухъ различныхъ формахъ: или культура исчезаетъ, потому что народъ, съ которымъ она была связана, вымираетъ и гибнетъ, или она понижается, въ то время, какъ народъ, ее создавшій или обладавшій ею, въ другихъ отношеніяхъ сохраняетъ свои жизненныя силы и продолжаетъ влачить существованіе въ болѣе скромныхъ и убогихъ условіяхъ. Первая судьба постигаетъ въ собственномъ смыслѣ первобытныя племена, вторая — многолюдные народы съ высокой культурой.

Развалины построекъ на Стронгсъ-Айлендѣ. Южн. океанъ По Герисгейму.

Относительно вымиранія многочисленныхъ первобытныхъ народовъ, которые приходятъ въ соприкосновеніе съ нашей культурой, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Конечно было-бы слишкомъ ошибочно ставить насчетъ нашей цивилизаціи всѣ племена, которыя исчезли съ лица земли. Съ древнѣйшихъ временъ цѣлыя племена погибаютъ въ борьбѣ за существованіе или, какъ убогіе остатки, теряются въ другихъ. Въ Новой Зеландіи, повидимому, еще до появленія европейцевъ рядъ кровавыхъ войнъ значительно уменьшилъ населеніе; какъ дробились и совершенно уничтожались, вслѣдствіе постоянныхъ столкновеній, племена Африки, можетъ показать бѣглый взглядъ, брошенный на исторію земли темнокожихъ. Въ С. Америкѣ европейцы были еще свидѣтелями истребительныхъ войнъ, которыя прокезы вели противъ гуроновъ и племенъ алгонкиновъ. Далѣе караибы истребили аборигеновъ на Малыхъ Антильскихъ островахъ. Недаромъ большая часть первобытныхъ народовъ располагаетъ цѣлымъ арсеналомъ убійственныхъ орудій: воинъ является для нихъ идеаломъ человѣка. Регрессъ культуры, причины котораго нелегко выяснить, можно наблюдать и въ другихъ мѣстахъ. На многихъ островахъ Полинезіи, напр., обширныя развалины свидѣтельствуютъ о томъ, что раньше здѣсь была живая культурная дѣятельность и народонаселеніе было многочисленнѣе, чѣмъ теперь. Но вымираніе въ широкихъ размѣрахъ началось все же только съ появленіемъ европейцевъ. Извѣстія объ этомъ идутъ изъ всѣхъ частей свѣта: изъ Сибири, изъ Полинезіи съ материка Австраліи, изъ Ю. Африки и со всѣхъ концовъ Америки. Только отдѣльныя группы народовъ обнаруживаютъ большую силу сопротивленія — прежде всего негры и бо́льшая часть народовъ, которые на почвѣ собственной замѣчательной культуры выросли до огромныхъ размѣровъ, какъ индусы и китайцы.

Намъ, чьи колонизаторы и миссiонеры такъ охотно выступаютъ съ гордыми рѣчами о томъ, что они желаютъ принести несчастнымъ дикарямъ благодѣянiя культуры, дѣлается при этомъ тяжело и стыдно. Не мало усилiй было потрачено на то, чтобы открыть причину вымиранiя и вмѣстѣ съ тѣмъ найти лѣкарство противъ него. Трудъ далъ богатые результаты; число причинъ, на которыя возлагается съ извѣстнымъ основанiемъ отвѣтственность за вырожденiе первобытныхъ народовъ, слишкомъ велико: оно скорѣе сбиваетъ съ толку, чѣмъ разъясняетъ дѣло. Должна во всякомъ случаѣ быть одна основная причина, которую только дополняютъ другiя: въ самыхъ различныхъ краяхъ земли, при самыхъ разнообразныхъ формахъ отношенiя къ нимъ, первобытные народы исчезаютъ или, по крайней мѣрѣ, страшно уменьшаются численно, чтобы потомъ иногда, повидимому, до извѣстной степени возстановиться. Въ С. Америкѣ напр., убыль индѣйцевъ идетъ не такъ быстро, какъ можно было бы ожидать на основанiи старыхъ свѣдѣнiй, а мѣстами наблюдается даже приростъ.

Нерѣдко, къ сожалѣнiю, бывало и насильственное истребленiе. Въ Тасманiи была установлена цѣна за „поимку“ туземцевъ, и это было только началомъ истребительной войны, которая пошла затѣмъ въ высшей степени успѣшно. Когда же, наконецъ, рѣшено было дать остатку этихъ несчастныхъ новую родину, исчезъ уже безъ дальнѣйшихъ старанiй и этотъ остатокъ, а въ 1876 умерла послѣдняя тасманiйка, Труганини. Съ еще болѣе жестокой энергiей африканскiе буры предприняли борьбу противъ бушменовъ, которые, въ качествѣ неисправимыхъ хищниковъ скота, навлекли на себя смертельную ненависть колонистовъ: ихъ, почти безоружныхъ разстрѣляли сотнями, при помощи огнестрѣльнаго оружiя. Для очень многихъ колонистовъ охота на бушмена была такимъ-же дозволеннымъ и полезнымъ спортомъ, какъ охота на газелей или на страусовъ. Совершенно то же происходило въ Австралiи: фактъ, что въ дѣлѣ истребленiя принимала участiе и сформированная изъ туземцевъ „черная полицiя“ не дѣлаетъ мрачную картину болѣе привлекательной.

Къ намѣренному истребленiю слѣдуетъ присоединить опустошенiя, которыя производили между первобытными народами занесенныя заразныя болѣзни, какъ оспа, чахотка, сифилисъ и холера. Многiя инфекцiонныя болѣзни, которыя требуютъ немногихъ жертвъ у европейцевъ, въ странахъ, гдѣ онѣ не были извѣстны, проявляются часто въ самыхъ тяжелыхъ формахъ: таковы гриппъ, въ Ю. Америкѣ, корь, которая, напр., на островахъ Фиджи при первомъ появленiи унесла 40,000 жертвъ, коклюшъ, инфлюенца и диссентерiя. При незначительной численности большой части первобытныхъ народовъ подобныя эпидемiи должны были дѣйствовать губительно и нерѣдко превращали медленное вырожденiе во внезапное вымиранiе. Но ни войны, ни болѣзни не служили достаточнымъ объясненiемъ того оригинальнаго факта, что часто одно соприкосновенiе съ носителями европейской культуры вызываетъ убыль въ составѣ первобытнаго народа, если бы даже милостивая судьба предохранила его отъ всѣхъ тяжелыхъ осложненiй. Причина можетъ заключаться лишь въ томъ, что здѣсь устанавливается взаимодѣйствiе двухъ столь различныхъ мiровоззрѣнiй и формъ приспособленiя къ средѣ, что слабѣйшая сторона необходимо должна погибнуть. А такъ какъ все существованiе первобытнаго народа тѣснѣйшимъ образомъ связано съ гармоническимъ приспособленiемъ его къ условiямъ окружающей природы, то нарушенiе этой гармонiи наноситъ тяжелые смертельные удары жизненной силѣ народа: „дикарь“ — ближайшимъ образомъ, въ духовномъ отношенiи ставится въ необходимость отречься отъ того, что цѣнилъ выше всего, — отъ праздной свободы, отъ беззаботнаго наслажденiя жизнью, и смѣнить все это, подъ давленiемъ примѣра европейцевъ, на безконечный трудъ, цѣль котораго для него и непонятна, и непривлекательна; отъ него требуется „переоцѣнка всѣхъ цѣн-

ностей“ въ самомъ настоящемъ смыслѣ этого слова; то, чѣмъ онъ пренебрегалъ, что шло въ избыткѣ онъ вдругъ долженъ былъ цѣнить, бережливо расходовать и жертвовать для этого самыми любимыми наклонностями. Время, которое ему, какъ цыганамъ Ленау, казалось лучше всего употребленнымъ, когда оно было затрачено на сонъ, куреніе, игру на скрипкѣ, танцы (см. рис. на стр. 80) дѣлалось теперь драгоцѣнностью къ которой нужно относиться съ бережливымъ вниманіемъ; почва, которую онъ беззаботно попиралъ, какъ охотникъ, разомъ дѣлалась драгоцѣнной собственностью, каждую пядь которой нужно точно измѣрять и, наконецъ, человѣческая жизнь, съ которой онъ обращался такъ беззаботно, должна была стать для него святыней въ образѣ чужака и врага. Если къ этому присоединить еще необходимость добросовѣстнаго изученія завоеваній культуры, то обремененный духъ, не укрѣпленный работой предковъ, долженъ былъ погибнуть неизбѣжно.

Пляска женщинъ самоа. По фотографіи.

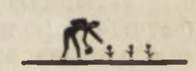
Въ то время какъ духовное вліяніе культуры дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ и экономическая жизнь первобытныхъ народовъ выбивается изъ своей обычной колеи. Самымъ значительнымъ признакомъ первобытнаго хозяйства является самоограниченіе; сношенія съ внѣшнимъ міромъ незначительны и не имѣютъ большой важности для основъ жизни: почва используется болѣе или менѣе въ зависимости отъ знаній племени, но никогда интенсивно; численность народа соотвѣтствуетъ возможности пропитаться. Извѣстный коммунизмъ, въ особенности, въ средствахъ пропитанія, господствуетъ во всей жизни и, стѣсняя конкуренцію и прогрессъ, чрезвычайно облегчаетъ существованіе отдѣльныхъ лицъ. Все это можетъ оказывать достаточное противодѣйствіе внѣшнимъ посягательствамъ, когда они не слишкомъ сильны; но когда сдвинутъ весь фундаментъ зданія, а это происходитъ непремѣнно при переносѣ нашей культуры, оно падаетъ неудержимо и погребаетъ подъ своими развалинами обитателей. Наша культура не можетъ замѣстить разрушенную: она даритъ частію слишкомъ много, частію слишкомъ мало; она даетъ много, когда внезапно парализуетъ ввозомъ своихъ продуктовъ промышленность, къ которой туземцы привыкли, которая соотвѣтствуетъ ихъ природѣ; она даетъ слишкомъ мало, оказываясь не въ силахъ сдѣлать дѣйствительными членами великой общины культурныхъ народовъ тѣхъ, кого она вырвала изъ гармоническихъ условій ихъ существованія. Наступающее съ неотразимостью явленій природы уничтоженіе туземнаго производства является особенно гибельнымъ.

Какъ стоитъ дѣло въ настоящее время въ Океаніи, показываютъ слѣдующія замѣчанія Паркинсона: „Въ Микронезіи и Полинезіи бо́льшая часть оригинальнаго вытѣснена уже современною культурою, но, къ сожалѣнію,

не всегда на мѣсто стараго становится нѣчто лучшее. Населеніе многихъ островныхъ группъ въ настоящее время уже не знаетъ орудій, которыми предки вырѣзали изящные орнаменты на оружіи и утвари, и, хотя инструменты изъ камня и раковинъ были вытѣснены желѣзными, какъ болѣе совершенными, однако, въ промышленности и искусствѣ нельзя указать ни малѣйшаго прогресса; напротивъ, всюду замѣчается, что вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ орудій, все болѣе и болѣе исчезаетъ былая старательность въ отдѣлкѣ различныхъ предметовъ, и нынѣшнія издѣлія далеко уступаютъ старымъ". Эти данныя важны также потому, что они показываютъ, какъ у людей теряется наслажденіе, связанное съ трудомъ и какъ безсильны оказываются серьезнымъ образомъ возмѣстить эту потерю блага той культуры, которая отняла у нихъ это наслажденіе. Если нынѣ океанійцы годами мучаются какъ поденщики на плантаціяхъ Квинслэнда или Самоа надъ убивающей умъ работой, чтобы привезти затѣмъ на свои острова разную европейскую дрянь въ видѣ платы за свой трудъ, то это оказывается — до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, — плохой замѣной ихъ прежней жизни при всѣхъ тогдашнихъ распряхъ и при кровавомъ гнетѣ суевѣрныхъ обычаевъ.

Эскимосы и стадо сѣв. оленей. По рис. эскимоса въ журналѣ U. S. National Museum.

Уже одного потрясенія первобытнаго хозяйства, которое приноситъ торговля, достаточно, чтобы толкнуть его по наклонной плоскости упадка. Сюда присоединяется тотъ фактъ, что у первобытныхъ народовъ,—часто незамѣтно для нихъ самихъ,—уходитъ съ водвореніемъ европейцевъ почва изъ подъ ногъ и обезземеленіе поддерживается различной оцѣнкой земли, по которой отличаются европейцы отъ туземцевъ. Такъ, лѣсная область, дающая первобытному народу кое-какую дичь, немного ягодъ и кореньевъ (см. рис. ниже), имѣетъ, соотвѣтственно съ этимъ, ничтожную цѣнность въ глазахъ владѣльца и отдается имъ за безцѣнокъ въ то время, какъ европеецъ уже мысленно видитъ на ея мѣстѣ богатые города и цвѣтущія нивы. И, однако, отданная за безцѣнокъ земля принадлежала къ области, къ которой дикое племя вполнѣ приспособилось со своими потребностями, и потеря ея, казавшаяся ничтожной, ощущается тяжело, такъ какъ не можетъ быть возмѣщена интенсивной эксплуатаціей остающейся земли. Въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ и все подъ новыми и новыми видами эти явленія разыгрываются въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ, съ увеличеніемъ населенія и съ возрастаніемъ цѣнности земли, индѣйцы оттѣсняются все дальше и дальше и они въ настоящее время населяютъ полосы земли, которыя съ европейской точки зрѣнія являются болѣе чѣмъ достаточными для небольшого числа людей, но тѣсны для индѣйцевъ съ ихъ совершенно отличнымъ образомъ жизни. Хотя со введеніемъ въ употребленіе лошади, степи сталидоступнѣе для населенія индѣйцевъ, однако безпощадное истребленіе степной дичи сокращаетъ и степные источники пропитанія. Ратцель правъ, говоря: „пресловутое вымираніе первобытныхъ народовъ сдѣлалось-бы гораздо понятнѣе, если-бы была понята та роль, которую сыграло при этомъ легко произведенное оттѣсненіе ихъ со старой удобной почвы".

Собиратель ягодъ. По рисунку эскимоса въ U. S. National Museum.

Даже тамъ, гдѣ земля и остается туземцамъ, она можетъ утратить для нихъ всякую дѣйствительную цѣнность, какъ показываетъ примѣръ прерій, въ которой истреблены буйволы и другіе звѣри. Вымираніе сибирскихъ карагасовъ[1] можетъ въ значительной степени быть отнесено насчетъ лѣсныхъ

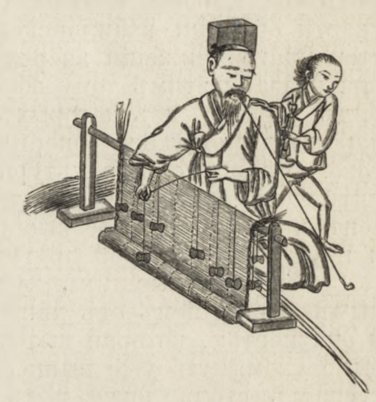
[1] Вымираніе карагасовъ происходитъ благодаря развитію пріисковъ, недостатку оленей, водкѣ и тяжести ясака. Лѣсные пожары въ этихъ ненаселенныхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ русскихъ колонистовъ до сихъ поръ, не могли имѣть большого значенія. *Ред.*

пожаровъ, производимыхъ русскими переселенцами; они уничтожаютъ пушного звѣря, на добычѣ котораго, главнымъ образомъ, покоится существованіе племени. Истребленіе тюленей въ одинаковой степени потрясло основы существованія обитателей побережій Аляски и огнеземельцевъ, а въ Южн. Африкѣ безсмысленное истребленіе многочисленной дичи европейскими колонистами имѣло печальныя послѣдствія для туземцевъ.

Экономическому упадку соотвѣтствуетъ разложеніе старинной мудрости — нравовъ и обычаевъ, которые, какъ прочный скелетъ, поддерживаютъ и двигаютъ соціальное тѣло. Странный и вмѣстѣ съ тѣмъ неоспоримый фактъ: нравы, которые въ изолированномъ обществѣ дѣйствуютъ съ тиранической, несокрушимой силой, падаютъ быстро и неудержимо, когда противъ нихъ начинаетъ дѣйствовать примѣръ и насмѣшка выше стоящихъ народовъ. Какъ неистребимые плевелы, съ величайшимъ упорствомъ удерживаются лишь низшія формы суевѣрія. Однако, на мѣсто разрушеннаго соціальнаго организма новаго какого либо не возникаетъ обыкновенно. Старые обычаи своимъ разложеніемъ вносятъ гниль въ народный организмъ, который въ силу этого образуетъ благопріятную почву для яда и губительнаго вліянія культуры. Слишкомъ свободныя воззрѣнія относительно половой морали, свойственныя большей части первобытныхъ народовъ и не приносящія большого вреда въ рамкахъ маленькаго общества, открываютъ дверь для отвратительной проституціи, которая сдѣлалась важнымъ промысломъ народа на многихъ полинезійскихъ островахъ, и у индѣйцевъ острова Ванкувера; традиціонный коммунизмъ переходитъ при соприкосновеніи съ европейцами въ недостойное попрошайничество или въ воровство, которое обращается въ привычку, такъ же, какъ ложь и обманъ. Мѣсто праздничныхъ пировъ, за которыми истреблялись большія количества слабо опьяняющихъ напитковъ, заступаетъ постоянное потребленіе водки, которое европейскій торговецъ обыкновенно всѣми силами поощряетъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ разрушительное дѣйствіе водки можетъ быть и преувеличено, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она со своимъ разрушающимъ вліяніемъ на потомство во многихъ странахъ несетъ значительную долю отвѣтственности за гибель туземцевъ.

Главную вину, однако, слѣдуетъ отнести насчетъ того, что первобытные народы оказываются выбитыми изъ обычныхъ условій существованія. Отсюда вытекаетъ безволіе, пресыщеніе жизнью, вліяніе котораго на цѣлые народы оказывается столь-же гибельнымъ, какъ и на отдѣльныя личности и приводятъ или къ медленному угасанію, или къ самоубійству. Пешель такимъ образомъ говоритъ объ этомъ фактѣ „Ни жестокость, ни гнетъ, никогда не истребляли какое бы то ни было человѣческое племя, даже новыя болѣзни, до оспы включительно, не уничтожали народовъ, — еще меньше повинна страсть къ водкѣ: болѣе своеобразный ангелъ смерти коснулся нѣкогда веселыхъ и счастливыхъ племенъ,— недовольство жизнью. Несчастные обитатели Антильскихъ острововъ принимаютъ ядъ или вѣшаются цѣлыми обществами по предварительному соглашенію. Миссіонеръ изъ Осайки сообщилъ испанскому историку Цуритѣ, что цѣлыя орды хонталовъ и міесовъ условились отказаться отъ общенія съ женами и вытравлять ядомъ еще неродившихся дѣтей. Истинная причина вымиранія столь многихъ цвѣтныхъ расъ заключается въ томъ, что у нихъ не выростаетъ уже новыхъ поколѣній. Вымираніе первобытныхъ народовъ означаетъ уничтоженіе мелкихъ вѣтвей первобытной культуры, для которой не остается условій произрастанія. Народъ и культура раздѣляютъ одну и ту-же участь, слѣды старыхъ состояній сохраняются въ мѣстныхъ названіяхъ, сагахъ, незначительныхъ обычаяхъ, остаткахъ народа въ формѣ метисовъ, которые, какъ французско-индѣйскіе охотники за пушниной въ Канадѣ,—сохраняютъ при новыхъ обстоятельствахъ кое-что изъ былой приспособленности къ природѣ родины. Совершенно другую картину представляютъ народы высшей культуры,

которые нѣкоторое время стояли во главѣ человѣчества на землѣ, а затѣмъ уступили мѣсто другимъ народамъ и, наконецъ безвозвратно упали съ своей высоты. Такъ какъ самый народъ обыкновенно продолжаетъ существовать, хотя-бы въ уменьшенномъ числѣ, то бо́льшая часть причинъ, которыя вызываютъ уничтоженіе первобытной культуры, здѣсь не примѣнимы. Если-же мы обратимъ вниманіе на то, что иногда народъ послѣ глубокаго упадка поднимается вновь, снова берется за брошенныя орудія и, если не вождемъ, то дѣятельнымъ сотрудникомъ, вступаетъ вновь въ ряды культурныхъ народовъ, то неизбѣжно возникаетъ вопросъ, дѣйствительно-ли сила, при помощи которой народъ служитъ прогрессу, есть прочная, отъ упражненія возрастающая способность или она постепенно растрачивается и только послѣ долгаго покоя, окунувшись въ грязь некультурности, возстановляется вновь.

Корейскіе ковровщики. По корейскому рис. въ Лейденскомъ музеѣ.

Фактъ, что извѣстный народъ безъ внѣшняго давленія можетъ остановиться въ своемъ развитіи и тѣмъ самымъ стать на путь регресса, неоспоримъ. Въ паденіи Вавилоніи виноваты, конечно, прежде всего завоевательныя войны, безконечныя опустошенія, которыя причиняли странѣ персы, римляне, арабы, монголы [1] и турки. Но по отношенію къ Египту нельзя принять того же объясненія. Здѣсь начал оконца представляетъ собой независимое отъ внѣшнихъ причинъ заключеніе того эволюціоннаго процесса, который возвелъ другіе средиземные народы отъ періода дикаго варварства на такую высоту цивилизаціи, съ которой цивилизація Египта не во всѣхъ отношеніяхъ могла сравниться. Египтяне не хотѣли учиться у чужеземцевъ; въ концѣ тысячелѣтней культурной работы они достигли цѣли, до которой первобытные народы доходили въ нѣсколько шаговъ — полной гармоніи съ родной почвой и климатомъ; они не ощущали потребности въ дальнѣйшемъ прогрессѣ и умышленно закрывали глаза на то, что греческіе идеалы завоевываютъ міръ. Древнія культуры аристократичны, „а все аристократичное, — сказалъ Гете, — замкнуто". Совершенно однородную картину представляетъ внутри народа аристократія, которая сначала господствуетъ въ силу превосходства ума и воли, но потомъ, вслѣдствіе своего самодовольнаго и замкнутаго характера, остается позади болѣе низкихъ слоевъ народа въ отношеніи духовной энергіи и богатства. Ницше облекъ это явленіе въ рѣзкую формулу: „власть притупляетъ". Образчиками добровольнаго отчужденія и замкнутости противъ внѣшнихъ вліяній могутъ считаться культурныя государства В. Азіи — Китай, Японія, Корея — особенно послѣднія, которыя систематически заграждали свои границы, въ то время какъ слишкомъ богатый населеніемъ Китай не могъ совершенно оградиться отъ вліянія внѣшнихъ торговыхъ сношеній. Замкнутость была мѣрой правительства, которое видѣло въ ней превосходное средство охранять народы отъ всякихъ волненій, но эта мѣра возможна была только благодаря природѣ народовъ съ древней культурой, при „успокаивающей привычкѣ къ культурѣ, которая считалась совершеннѣйшей", какъ говоритъ Ратцель въ своей „Политической Географіи". Люди упорно хранятъ разъ пріобрѣтенныя знанія, напр., искусство

[1] Здѣсь у автора несомнѣнная описка. Участіе тюрковъ въ войнахъ съ Месопотаміей допустимо, если считать скиѳовъ турками, что недоказано. О монголахъ же не можетъ быть и рѣчи. Первыя извѣстія о нихъ не старше XII-го вѣка по Р. Хр. встрѣчаются у ихъ сосѣдей китайцевъ.

Ред.

изготовленія ковровъ, фарфора (см. рис., помѣщен. на стр. 83), и оне развиваютъ ихъ далѣе. Полная гармонія достигнута; то, что приносятъ другіе, можетъ ее нарушить, но не усилить.

Отдѣльныя группы человѣчества, повидимому, въ самомъ дѣлѣ стремятся къ одной цѣли — придти въ гармонію съ природой своей родины и останавливаются въ развитіи, разъ эта цѣль достигнута, другими словами, каждый народъ можетъ извлечь изъ почвы своей страны извѣстную мѣру культурной силы, съ которой онъ движется впередъ и которая рано или поздно истощается. Застой и регрессъ являются, повидимому удѣломъ даже самаго одареннаго народа, пока онъ стоитъ одиноко или вслѣдствіе долгаго отчужденія утратилъ способность воспринимать новое извнѣ. Если культура Европы избѣжала этой участи, если она оказалась въ состояніи спасти обломки вавилонской и египетской мудрости и, наконецъ, отъ постепеннаго движенія впередъ перешла къ настоящему бурному натиску, то она обязана этимъ тому обстоятельству, что Европа распадается на цѣлый рядъ странъ, изъ которыхъ каждая создала своеобразный народъ и эти народы дѣйствуютъ, соперничая другъ съ другомъ и дополняя одинъ другого. Европейскій культурный концертъ звучитъ гармоничнѣе, чѣмъ политическій, хотя и не всегда въ немъ одни и тѣ-же инструменты даютъ тонъ и болѣе сильное выступленіе однихъ обусловливается часто паузами и неувѣренной игрой другихъ.

Регрессъ высшихъ культуръ обусловливается не только произвольнымъ отреченіемъ отъ движенія и возстановленіемъ чистой гармоніи; но и опасностью, которая вытекаетъ изъ самой культуры и о которой вскользь было упомянуто уже выше. Чрезмѣрное преобладаніе разума, которое наступаетъ столь легко подъ вліяніемъ высшей цивилизаціи, парализуетъ силу воли — важнѣйшую движущую силу культурнаго прогресса. Мы не хотимъ сказать этимъ, что не столько сильная, сколько слѣпая воля одна можетъ двигать культуру впередъ. Она можетъ проявляться въ дѣтской игрѣ, или въ дикомъ разрушеніи, не давая человѣчеству ничего; но она должна выказываться и тамъ, гдѣ долженъ имѣть мѣсто прогрессъ; безъ нея умъ безсиленъ, какъ самая остроумная машина безъ огня и пара. Со слабостью воли связано преобладаніе нравственныхъ и эстетическихъ чувствованій — имѣющихъ сами по себѣ право на существованіе — нѣжная чистота и цѣломудренность, которыя боязливо сторонятся отъ всякой грубости и заставляютъ забывать, что мы живемъ въ суровомъ мірѣ, надъ которымъ нельзя властвовать красивыми порывами и нѣжными чувствованіями. Вполнѣ естественно, что слишкомъ утонченный аристократъ культуры замыкается отъ внѣшняго міра, чтобы имѣть возможность осуществить свой жизненный идеалъ, и становится тѣмъ самымъ на путь регресса. Извѣстно, что среди буржуазіи, которая не пользуется посторонней поддержкой, какъ аристократія, относительно рѣдки фамиліи, имѣющія длинный рядъ высокообразованныхъ или даже ученыхъ предковъ; даже въ старыхъ нѣмецкихъ имперскихъ городахъ, въ которыхъ патриціи до сихъ поръ представляютъ силу, могущественныя фамиліи пресѣклись и только немногія имена былыхъ дней звучатъ еще донынѣ въ дѣйствительной жизни. На мѣсто вымершихъ или павшихъ въ ряды пролетаріата поднимаются по большей части выдѣлившіеся потомки крестьянъ или низшихъ слоевъ народа, которые посвящаютъ свои силы культурной работѣ. Въ старыхъ южно-нѣмецкихъ городахъ, которые, какъ протестантскіе острова, выступаютъ въ католической странѣ, регрессъ протестантскаго населенія обнаруживаетъ очень ясно тѣмъ, что старые роды гибнутъ, и на мѣсто ихъ становится новое поколѣніе изъ сосѣднихъ округовъ. Не нужно, конечно, забывать, что менѣе здоровая жизнь въ городахъ благопріятствуетъ этой смѣнѣ.

Но затрогивается ли при такихъ передвиженіяхъ внутри народа одна только высшая культура? Если мы видимъ, что въ Соединенныхъ Шта-

тахъ выплываетъ постепенно наверхъ, въ качествѣ судей, офицеровъ и чиновниковъ, масса потомковъ бывшихъ рабовъ и если въ руки ихъ попадетъ, наконецъ, президентское кресло, будетъ-ли это вполнѣ естественнымъ и желательнымъ стремленіемъ къ верху низшихъ слоевъ народа или въ этомъ проявляется нѣчто другое, вызывающее на размышленія, нѣчто опасное? Американцы европейскаго происхожденія выскажутся за второе рѣшеніе вопроса: явленіе означаетъ собою не только побѣду низшихъ классовъ ихъ племени, но и тріумфъ чуждой расы и вмѣстѣ съ тѣмъ — что мы должны допустить, зная характеръ и дарованія негровъ — чувствительный упадокъ культуры. То, что здѣсь можно предположить пока гипотетически, является уже фактомъ на островѣ Гаити, гдѣ негритянскій элементъ вытѣсняетъ всѣхъ другихъ конкуррентовъ и гдѣ теперь снова происходятъ оргіи кроваваго суевѣрія, какъ въ сердцѣ Африки. Эта побѣда негровъ основана частію на томъ, что число европейскаго населенія сокращается подъ вліяніемъ внутреннихъ раздоровъ и культура, носителями которой они были, исчезаетъ или превращается въ карикатуру. Въ средней и южной Америкѣ начинаетъ во многихъ мѣстахъ такимъ-же образомъ подниматься на поверхность подавленная индѣйская народность, отклоняя эти страны отъ путей европейскаго культурнаго развитія.

Не проливаютъ ли эти примѣры свѣтъ на европейскія отношенія? Съ теоретической точки зрѣнія на вопросъ нельзя отвѣчать безусловно отрицательно. Никто не сомнѣвается, что величайшіе изъ европейскихъ народовъ — продукты интенсивнаго скрещиванія, которое, маскируясь поверхностно всеобщимъ распространеніемъ арійскихъ языковъ, достаточно доказывается физическими различіями. Можно идти далѣе и прибавить, что не всѣ элементы этихъ скрещиваній обладаютъ равной силой ума и воли, равнымъ стремленіемъ къ прогрессу, короче, не всѣ одного культурнаго достоинства. Если окажется, что одна составная часть смѣси идетъ назадъ и численно, и по силѣ вліянія, а другія поднимаются, то это не останется безъ вліянія на культуру народа. Противъ логичности этого заключенія нельзя ничего возразить, но попытка изслѣдовать въ этомъ направленіи факты нелегка; прежде всего недостаточно удовлетворительны еще научные методы изслѣдованія, и не можетъ быть пока даже рѣчи о сравнительной статистикѣ культуры, которая считалась-бы съ расовыми признаками. Извѣстное перемѣщеніе (перебой) элементовъ народонаселенія должно, повидимому, имѣть мѣсто во всякомъ случаѣ: это доказывается тѣмъ, что во многихъ странахъ длинноголовые (долихоцефалы), преобладающіе въ старыхъ могильникахъ, убываютъ все болѣе и болѣе сравнительно съ короткоголовыми (брахицефалами) въ южн. Германіи и у западныхъ славянъ.

Такъ какъ чистыхъ арійцевъ не безъ основанія считаютъ долихоцефалами, которые постепенно смѣшались съ побѣжденными или оттѣсненными въ болѣе безплодныя полосы брахицефалами, то этотъ фактъ слѣдуетъ понимать, какъ отступленіе завоевательнаго народа арійцевъ передъ болѣе древними и, вѣроятно, менѣе способными обитателями средне-европейскихъ странъ. Вмѣстѣ съ короткоголовостью сильнѣе выступаетъ и черная окраска волосъ и глазъ. Едва-ли, впрочемъ, можно дѣлать изъ этихъ фактовъ обязательные для кого либо выводы: сначала еще нужно рѣшить вопросъ, не можетъ ли форма черепа измѣняться съ теченіемъ времени, независимо отъ смѣшенія — хотя это и невѣроятно; кромѣ того, рѣшеніе задачи затрудняется массой побочныхъ вопросовъ.

Мысль, что во многихъ частяхъ Европы наступило ухудшеніе расы, нигдѣ не высказывалась такъ давно и такъ рѣшительно, какъ во Франціи. Два обстоятельства благопріятствовали развитію этихъ идей: во-первыхъ, широкое развитіе антропологическихъ изслѣдованій, которыя своими точными измѣрительными методами такъ соотвѣтствуютъ французскому уму, и эти методы у нихъ впервые съ успѣхомъ примѣнены были къ сравни-

тельному изслѣдованію расъ, во-вторыхъ, гнетущее чувство, что французскій народъ приближается къ такому состоянію, когда цѣлью становится только уже сохраненіе существующаго, что онъ, повидимому, готовъ успокоиться и предоставить другимъ прогрессивную культурную работу вмѣстѣ съ чѣмъ, конечно и результаты культуры перейдутъ въ другія руки. Съ особенной ясностью и въ особенно угрожающей формѣ эта утрата руководящей роли въ дѣлѣ культурнаго развитія обнаруживается въ сокращеніи числа дѣтей: въ то время какъ въ сосѣднихъ государствахъ народонаселеніе возрастаетъ, во Франціи оно остается почти неизмѣннымъ и даже убывало-бы, если бы недостатокъ не восполнялся иммиграціей. Послѣдствія этого оказываются въ неспособности народа колонизировать новыя страны и прежде всего, что особенно огорчительно, въ слабости арміи по сравненію съ восточнымъ сосѣдомъ. По поводу этихъ вопросовъ изобрѣтено не мало остроумныхъ объясненій, и не мало предложено средствъ къ устраненію ихъ.

Группа французскихъ антропологовъ, во главѣ которой стоитъ Г. де-Лапужъ, пытается свести застой къ упомянутымъ выше передвиженіямъ расъ, къ побѣдѣ темныхъ брахицефаловъ надъ длинноголовыми блондинами-арійцами. Хотя аргументы въ пользу этого предположенія въ настоящее время еще недостаточны, хотя уже впередъ можно сказать, что едва-ли эту отсталость могла вызвать одна только эта причина — все-таки слѣдуетъ признать, что воззрѣнія французскихъ изслѣдователей и ихъ методы, примѣненные не безъ успѣха Отто Аммономъ въ южн. Германіи — во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія всѣхъ историковъ культуры.

Причины, которымъ можно приписать регрессъ долихоцефаловъ Лапужъ видѣлъ въ дѣятельности и энергіи расы, которая стояла во всѣхъ войнахъ во главѣ и, такимъ образомъ, постепенно болѣе и болѣе истреблялась; къ этому присоединяется то обстоятельство, что долихоцефалы съ большой любовью селятся въ городахъ, гдѣ открывается поле для ихъ дѣятельности и для ихъ идей, но гдѣ они подвергаются зато губительному вліянію городской жизни; брахицефалы же мирно обработываютъ поля и, не взирая на свою малую тенденцію къ сильному приросту, въ концѣ концовъ всюду становятся на мѣсто долихоцефаловъ (см. карту на стр. 81).

Въ Англіи, напротивъ, долихоцефалы побѣдили; отсюда происходитъ различіе въ развитіи двухъ когда-то чисто кельтскихъ странъ: „Борьба между долихоцефалами и брахицефалами — ключъ не только къ исторіи Франціи, но цѣлой Европы и даже Индіи. Въ Англіи, гдѣ короткоголовые сильно умножились къ концу доисторическаго періода, они теперь почти уничтожены; во Франціи они въ концѣ концовъ одержали побѣду, и только тонкій слой длинноголовыхъ, который ведетъ свое происхожденіе отъ аборигеновъ или пришельцевъ съ сѣвера, держится надъ огромной массой брахицефаловъ. Въ связи съ этимъ стоитъ возрастаніе англійскаго могущества, застой въ развитіи Франціи“ (см. прилагаемую карту „Распространенія брюнетовъ и черноглазыхъ въ Великобританіи и Ирландіи“). По воззрѣніямъ Лапужа побѣда брахицефаловъ, которая ведетъ къ застою, только преходящее торжество: „пока долихоцефалы вели борьбу на поляхъ сраженій, брахицефалы могли спокойно наблюдать, какъ они истребляли другъ друга. Теперь борьба переходитъ на экономическую почву и картина измѣняется. Не будучи пророкомъ, можно предсказать пораженіе брахицефаловъ и постепенное замѣщеніе ихъ долихоцефалами. Мирное вторженіе бельгійцевъ и нѣмцевъ, которыхъ привлекаетъ увеличивающееся запустѣніе нашей страны, является первымъ эпизодомъ этой борьбы“.

Приходится согласиться съ французскимъ изслѣдователемъ: въ среднюю и южную Европу въ самомъ дѣлѣ одни за другими вторгались сѣверные завоеватели и терялись въ первоначальномъ населеніи, пока не приливала новая волна: распространеніе арійскаго языка по Европѣ служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ этой доисторической завоевательной бури.

Какъ недостаточно и слабо обставлена гипотеза Лапужа въ остальномъ, едва-ли нужно указывать. Суммарнымъ раздѣленіемъ европейскаго человѣчества на короткоголовыхъ и длинноголовыхъ не достигли почти ничего; не хватаетъ также доказательствъ и въ пользу того, что короткоголовые вездѣ являются представителями застоя, длинноголовые — прогресса; ко всѣмъ народамъ земли это ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приложимо, какъ показываетъ незначительная наклонность длинноголовыхъ негровъ къ культурной работѣ.

Къ тому же и древнѣйшіе длинноголовые обитатели Англіи отнюдь не являются носителями высшей культуры, а также не могутъ быть отождествляемы съ арійцами, между тѣмъ какъ именно короткоголовые принесли въ з. Европу раннюю бронзовую культуру. Въ воззрѣніяхъ Лапужа и его сотрудниковъ есть доля правды, но пока еще невозможно извлечь ее и было-бы слишкомъ рано примѣнять эту систему къ другимъ культурнымъ народамъ — египтянамъ, вавилонянамъ или китайцамъ. Относительно вавилонянъ извѣстно, что именно древнѣйшій слой населенія, создавшій впервые цвѣтущую культуру въ Месопотаміи, былъ безусловно короткоголовый; здѣсь, можетъ быть, побѣда долихоцефаловъ нанесла ущербъ культурѣ. Заслуги Лапужа состоятъ во всякомъ случаѣ въ томъ, что онъ сдѣлалъ пригоднымъ для культурной исторіи важный фактъ антропологіи, тотъ фактъ, что смѣшеніе народовъ никогда не приводило къ полному слiянiю различныхъ типовъ, но, что рядомъ со смѣшанными формами упорно вновь появляются первоначальные элементы и даже, такъ какъ они плодовитѣе и стойче, чѣмъ метисы, со временемъ скорѣе увеличиваются въ числѣ, нежели уменьшаются.

Фигуры изъ турецкой игры въ тѣни. По Люшану.

Когда Лапужъ ссылается на то, что лучшіе, способнѣйшіе къ дѣятельности слои народа болѣе подвергаются эксплуатаціи и уничтоженію, то его слѣдуетъ признать безусловно правымъ, независимо отъ всѣхъ расовыхъ вопросовъ. Какъ народъ, вслѣдствіе исчезновенія своихъ дѣятельнѣйшихъ элементовъ, можетъ отстать и до извѣстной степени сдѣлаться анемичнымъ, показываетъ примѣръ Испаніи въ новѣйшее время: открытіе Америки, которое бросило за море всѣхъ предпріимчивыхъ людей, постоянныя войны, которыя также создавали гибельный для страны подборъ и инквизиція, которая уничтожала всѣхъ наиболѣе способныхъ къ духовной дѣятельности, привели къ тому, что весь народный организмъ до настоящаго времени хирѣетъ и, можетъ быть, только въ отдаленномъ будущемъ вернетъ себѣ силы, соотвѣтствующія его былому значенію и благопріятнымъ условіямъ географическаго положенія и почвы. Уже раньше однажды Испанія представляла картину полнаго безсилія, но по другимъ причинамъ: потерявшее жизненность выродившееся римское населеніе страны не могло въ эпоху переселенія народовъ проявить столько силы, чтобы заградить германскимъ ордамъ Пиренейскіе проходы и съ мрачной покорностью или въ чаду наслажденій покорялось судьбѣ. Не всегда также одинаковыя явленія бываютъ причиной упадка.

Обыкновенно, какъ показываетъ судьба римской Испаніи, внѣшнее нашествіе позаботилось о томъ, чтобы внутреннее разложеніе завершилось полнымъ упадкомъ. Народы, сохраняющіе еще стремленіе къ власти, обращаютъ въ прахъ истлѣвшее зданіе культуры и воздвигаютъ на развалинахъ царство грубой силы. Затѣмъ, въ зависимости отъ качества завоевателей, катастрофа или ведетъ къ продолжительному глубокому упадку культуры,

или къ нѣкоторому обновленію: гдѣ водворялись гунны и монголы, возникали лишь преходящія политическіе союзы; наоборотъ, германцы, завоевавшіе югъ Европы, дали западной культурѣ толчекъ къ возрожденію, благодаря тому, что они сообщили свои свѣжіе взгляды на жизнь изнѣженнымъ романскимъ народамъ. Степные народы, являющіеся всюду на границахъ своей страны завоевателями и основателями государствъ, все-таки приносятъ земледѣльцамъ, которые склонны къ политическому раздробленію, идею большого и стройно-организованнаго государства, въ рамкахъ котораго культурный прогрессъ можетъ осуществляться могущественнѣе, чѣмъ въ условіяхъ узкаго провинціализма мелкихъ государствъ. Конечно, если бури завоеваній съ сопровождающими ихъ потерями и разрушеніями повторяются очень часто, если оружіе владычествуетъ дольше, чѣмъ плугъ, за одной степенью упадка должна необходимо слѣдовать другая и чѣмъ больше культура зависитъ отъ интенсивной работы, какъ напримѣръ, въ живущей искусственнымъ орошеніемъ Западной Азіи, тѣмъ неизбѣжнѣе гибель. Какъ разъ въ Западной Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ послѣднее владычество завоевательнаго среднеазіатскаго народа, турокъ, осталось совершенно безполезнымъ для культуры. Гдѣ нѣкогда звучали безсмертные стихи Софокла, народъ забавляется теперь плоскими шутками турецкаго раєвщика при показываніи тѣневыхъ фигуръ (см. рис. на стр. 87), — мелкая, но удивительно характерная частность упадка культуры.

Другой родъ культурныхъ утратъ наблюдается, когда члены цивилизованнаго народа основываютъ новую родину, на чужой почвѣ, вдали отъ земли предковъ: почти всегда, — по крайней мѣрѣ первыя поколѣнія, оказываются ниже того уровня, на которомъ стоятъ оставшіеся на родинѣ современники, и подчасъ бываетъ трудно или даже прямо невозможно вернуть потерянное. Причина понятна. Обработка новой земли требуетъ всѣхъ наличныхъ силъ, — такъ что для ухода за духовнымъ достояніемъ и для передачи его едва можетъ быть сдѣлано самое необходимое. Даже при сильнѣйшемъ желаніи поддерживать сношеніе съ метрополіей отдаленіе отъ родины чрезвычайно затрудняетъ тѣсныя связи и обмѣнъ открытіями. Удивляются тому, что въ Германію доходитъ такъ мало признаковъ живой духовной дѣятельности нѣмцевъ, удалившихся въ преріи и лѣсныя дебри Америки послѣ событій 1848 года; между тѣмъ удивляться можно бы было скорѣе обратному. И говорящее по англійски населеніе Соединенныхъ Штатовъ начало лишь мало-по-малу участвовать въ высшей культурной работѣ, и во многихъ областяхъ знанія и искусства еще и до сихъ поръ наблюдается поразительная пустота.

Временныя культурныя потери такого рода не представляютъ собой большого несчастья; онѣ накопляютъ обыкновенно много скрытой энергіи и являются предвѣстникомъ болѣе энергичнаго развитія. Хуже обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ условія природы противодѣйствуютъ прогрессу. Въ большей части тропическихъ странъ Южной Америки, недоразвитость культуры у испанскихъ и португальскихъ колонистовъ представляется явленіемъ непроходящимъ: она касается не только внѣшнихъ проявленій, но связана съ упадкомъ воли и трудолюбія. Мы уже говорили выше о томъ, что помѣсь колонистовъ съ аборигенами индѣйцами только способствовала болѣе быстрому пониженію культуры.

Въ виду разсмотрѣнныхъ разнообразныхъ случаевъ и возможностей полезно еще разъ припомнить основную причину всякаго явно-обнаруживающагося регресса — тѣмъ болѣе, что въ цѣломъ онъ совпадаетъ съ причинами, которыя постоянно препятствуютъ прогрессу первобытныхъ народовъ. Когда народъ настолько приспособляется къ своей почвѣ и къ своему климату, что можетъ наслаждаться пріятнымъ существованіемъ, когда не дѣйствуютъ могущественныя возбужденія извнѣ, приносящія

иногда въ страну притокъ свѣжей крови, необходимо наступаетъ застой, который внѣшнія вліянія обыкновенно превращаютъ въ очевидный упадокъ.

Такова-ли же будетъ судьба народовъ Европы? Теоріи относительно прошедшаго нельзя цѣликомъ примѣнять къ будущему, и нельзя, напримѣръ, выставлять судьбу Вавилоніи, какъ предсказаніе для будущаго. Всѣ культурные народы древности страдали подъ проклятіемъ изолированности сначала вынужденной, потомъ добровольной. Ихъ страны были островами среди бурно-волнующагося моря варварства, которое всегда прорывало плотину и затопляло то тотъ, то другой островъ. Европейцы же овладѣли всей землей, поверхность которой не имѣетъ уже для нихъ невѣдомыхъ уголковъ, при своей огромной численности они утвердились въ самыхъ отдаленныхъ странахъ умѣренныхъ поясовъ и создали въ нихъ опорные пункты своей культуры. Между тѣмъ новая жизнь, какъ свидѣтельствуетъ исторія, можетъ выйти только изъ умѣренныхъ широтъ, различныя области которыхъ производятъ все новыя оригинальныя группы человѣчества. Способной къ соперничеству остается одна желтая раса, которая сравнялась съ европейцами стойкостью и численностью. Очень возможно, что въ будущемъ восточно-азіатская раса временно станетъ во главѣ человѣчества, чтобы потомъ опять уступить мѣсто Европѣ или ея колоніямъ. Негры, самые способные къ сопротивленію изъ тропическихъ народовъ, защищенные климатомъ родины отъ массовыхъ вторженій европейцевъ, вѣроятно, сохранятся рядомъ съ жалкими обитателями другихъ первобытныхъ народовъ, какъ третья раса, но ихъ, какъ обитателей тропиковъ, нельзя принимать въ разсчетъ въ борьбѣ за руководительство прогрессомъ культуры. Въ будущемъ маятникъ культуры будетъ качаться между бѣлой и желтой расами до тѣхъ поръ, пока человѣчество, наконецъ, не приспособится вполнѣ ко всему обитаемому пространству земли. Тогда наступитъ счастливое время, когда утопіи сдѣлаются дѣйствительностью, время, когда человѣчеству нечего будетъ больше изобрѣтать, когда ему не нужно будетъ новыхъ импульсовъ, и оно не будетъ ихъ искать; когда оно остановится, чтобы, наконецъ, основательно отдохнуть, и тогда можетъ быть начнется закатъ культуры.

II. Общество.

1. Начала общества.

Культура есть продуктъ силъ, дѣйствующихъ въ рамкахъ человѣческаго общества, подчиняющихся разнообразнымъ вліяніямъ извнѣ; кто хочетъ познать культуру, тотъ долженъ попытаться понять соціальное расчлененіе человѣчества.

Къ сожалѣнію, не взирая на массу вложенной работы, соціальныя проблемы — насколько дѣло касается исходныхъ моментовъ и первыхъ ступеней развитія — выяснены далеко неудовлетворительно; именно въ новѣйшее время воззрѣнія становятся въ такую рѣзкую противоположность другъ къ другу, что едва-ли можно составить спокойное и примиряющее рѣшеніе, а между тѣмъ слѣпо примыкать къ той или другой партіи никто не посовѣтуетъ. Изслѣдованіе затрудняется, во-первыхъ, безконечной массой фактовъ, которые можно группировать самымъ разнообразнымъ образомъ, затѣмъ невозможностью изучить подлинный доисторическій періодъ и его порядки: по основному вопросу приходится обращаться за помощью къ изслѣдованію современныхъ культурныхъ народовъ, которое всегда будетъ вызывать сомнѣнія своей односторонностью. Ко всему этому присоединяется неточность многихъ свѣдѣній, обусловленная тѣмъ, что соціальная организація низшихъ племенъ легко можетъ быть не понята наблюдателемъ. Однако какъ бы то ни было, благодаря труду многочисленныхъ изслѣдователей удалось сопоставить огромную массу провѣреннаго матеріала и при его помощи выяснить соціальныя отношенія большей части первобытныхъ народовъ, которыхъ дѣло ближайшимъ образомъ и касается. Къ сожалѣнію, трудно изложить кратко и ясно эти факты: соціологія (наука объ обществѣ), подъ давленіемъ своеобразнаго матеріала своего сдѣлалась до извѣстной степени сухой наукой, которая, хотя и представляетъ драгоцѣнные перлы для спеціалиста, но за то бѣдному профану можетъ внушить такой-же ужасъ, какъ и созерцаніе безконечно длинныхъ астрономическихъ таблицъ или сухой остовъ статистическихъ цифръ, метереологическихъ наблюденій или химическихъ формулъ.

Какъ просто и ясно представлялся ходъ развитія культуры раньше, когда лишь кое-какіе восточные обычаи сравнивались съ европейскими. Полигамическая семья, во главѣ которой стоялъ съ неограниченной властью отецъ, патріархъ, казалась исходнымъ пунктомъ и основаніемъ всѣхъ позднѣйшихъ формъ; современная европейская семья чисто моногамическая, также патріархальная, но съ болѣе широкими правами для женщины — являлась конечнымъ результатомъ; въ общемъ прогрессъ стремился къ тому, чтобы поднять достоинство и вліяніе женщины и представить ей косвенно возможность лучше развернуть свои умственныя и нравственныя силы. Рядомъ съ этой простой и великой эволюціей нѣко-

торые своеобразные обычаи, какъ напр., извѣстная поліандрія многихъ азіатскихъ народовъ, казались незначительными особенностями, которыя не стоили слишкомъ тщательныхъ изслѣдованій. Бахофенъ первый въ обширномъ трудѣ задумалъ потрясти основы современныхъ ему представленій и открылъ для наблюденій цѣлый новый міръ фактовъ, хотя въ общемъ его попытка не можетъ назваться удачной, такъ какъ онъ опирался почти исключительно на факты классической древности. Бахофену мы обязаны открытіемъ матріархальной семьи, опирающейся на материнское право, центромъ которой — въ чисто родственномъ смыслѣ — былъ не мужчина, а женщина, какъ мать рожденныхъ ею дѣтей. Дальнѣйшее изслѣдованіе, которому указалъ путь Морганъ, чрезвычайно обогатило новую область знанія: были изслѣдованы обычаи современныхъ первобытныхъ народовъ: но вмѣстѣ съ этимъ началась и борьба мнѣній, которая и до сихъ поръ не окончена относительно важнѣйшихъ пунктовъ. Прежде всего идетъ споръ по вопросу о томъ, царилъ ли на первобытныхъ ступеняхъ человѣческаго развитія внутри отдѣльныхъ группъ полный половой коммунизмъ (промискуитетъ, гетеризмъ) или же бракъ, какъ отношеніе опредѣленнаго мужчины къ опредѣленной женщинѣ, составлялъ основу общества, хотя въ неразвитой формѣ. Всякаго рода подобные вопросы, часто очень трудные для рѣшенія, запутывали проблему до крайней степени.

Вмѣсто того, чтобы блуждать въ этомъ лабиринтѣ, правильнѣе обратить вниманіе на крупныя черты, которыя опредѣляютъ строеніе человѣческаго общества, на данныя различія, благодаря которымъ даже первобытнѣйшая орда не является агломераціей вполнѣ равныхъ, равноцѣнныхъ и равноправныхъ индивидуумовъ, но самой природой расчленяется на дальнѣйшія группы и приводится къ раздѣленію труда, которое слѣдуетъ разсматривать, какъ неизмѣнное предварительное условіе всякаго культурнаго прогресса. Тогда, можетъ быть, удастся установить, что и соціальный строй человѣчества сводится къ первоначальнѣйшему изъ всѣхъ различій или, по крайней мѣрѣ, къ диффенцированіямъ, которыя изъ нихъ вытекаютъ.

Первое и важнѣйшее различіе, которое дѣлитъ человѣчество на двѣ большія, характерныя группы, представляетъ полъ. Мужчина и женщина въ процессѣ продолженія рода выполняютъ различныя задачи; въ этомъ смыслѣ они несутъ неодинаковое бремя. Отсюда вытекаетъ рядъ послѣдствій, отрицать которыя могутъ лишь не признающіе природы, односторонніе мечтатели — проповѣдники эмансипаціи.

Если къ индивидууму предъявляются особенныя требованія въ извѣстномъ направленіи, онъ можетъ удовлетворить имъ только ограничивши свою дѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно и свои способности, въ другихъ направленіяхъ; тогда другіе примутъ на себя эту оставленную имъ работу. На этомъ принципѣ покоится весь законъ дифференцированія и развитія труда. Такъ какъ женщина приняла на себя рожденіе и воспитаніе дѣтей, поставила себѣ, — не сознательно, конечно, а инстинктивно — огромную, неоцѣнимую по своему значенію задачу, то на мужскую часть общества само собою легъ цѣлый рядъ другихъ обязанностей. Женщина слабѣе мужчины и временами совершенно неспособна защищаться. Въ силу этого, не только въ человѣческомъ обществѣ, но даже у высшихъ животныхъ самецъ (мужчина) принимаетъ на себя защиту самки и дѣтей; онъ ими руководитъ и ихъ охраняетъ. Эта задача падаетъ на него и по другой причинѣ: преобладаніе у женщины половой жизни, слѣпыхъ силъ внутренней природы, необходимо приводитъ къ нѣкоторому ущербу чисто разумнаго знанія, къ преобладанію міра чувствъ надъ міромъ идей, что вполнѣ соотвѣтствуетъ задачамъ внутренней жизни общества, но нежелательно для борьбы за существованіе съ внѣшнимъ міромъ.

Это отношеніе измѣняется только въ томъ случаѣ, когда мужчина пользуется своимъ превосходствомъ для того, чтобъ свалить на женщину всѣ продуктивныя работы и въ силу этого самъ теряетъ способность къ труду. Фактъ, что и тогда руководящую роль сохраняютъ по большей части мужчины, доказываетъ съ особенной убѣдительностью, насколько глубоко вкорененъ въ характерѣ женщины столь полезный для существованія человѣчества инстинктъ подчиненія. Иногда, именно въ настоящее время, относительно дѣйствительныхъ фактовъ обманываетъ одно обстоятельство особаго рода: во всякое время были женоподобные мужчины, которые болѣе по внѣшнимъ признакамъ, чѣмъ по внутреннимъ свойствамъ принадлежали къ своему полу; у многихъ первобытныхъ народовъ, напр., у дайаковъ, часто встрѣчаются мужчины, похожіе на женщинъ и по женски одѣвающіеся; и, наоборотъ, нѣтъ недостатка въ женщинахъ, сложенныхъ по мужски, одаренныхъ въ большей или меньшей степени мужскими инстинктами съ преобладаніемъ разума надъ чувствомъ. Для прогресса культуры эти исключенія могутъ быть кое-гдѣ полезными и во всякомъ случаѣ онѣ возбуждаютъ большее вниманіе, чѣмъ милліоны хозяекъ и матерей, которыя остаются всецѣло въ своей женской сферѣ; если число такихъ амазонокъ слишкомъ увеличивается, можно ожидать быстраго вымиранія осчастливленныхъ ими народовъ.

Дѣвушка, растирающая зерно въ муку. Древне-египетская статуэтка изъ известковаго камня. Берлинскій музей.

Объ этихъ естественныхъ отношеніяхъ половъ забываютъ тѣ, которые изъ существованія такъ называемаго матріархата заключаютъ о быломъ господствѣ женщинъ. Въ дѣйствительности мужчины всегда — не говоря объ исключительныхъ случаяхъ — были вождями, тогда какъ на долю женщины выпадали заботы о домашней жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, слишкомъ часто — такъ какъ мужчина злоупотреблялъ своей силой, — несоразмѣрная доля работы (см. рис. выше). Привѣтствіе, съ которымъ въ Ново-Помераніи обращаются къ новорожденному, служитъ характернымъ выраженіемъ этого факта; дѣвочкѣ говорятъ: сажай овощи, рожай дѣтей, приноси жито, вози на рынокъ". Мальчикъ, наоборотъ, получаетъ привѣтствіе: „Презирай чужаковъ, щипли свою бороду, скрежещи зубами, украшай свою шею, носи свою палицу, когда проходишь лѣсомъ, будь воиномъ". Какимъ образомъ обремененіе женщины работой вытекаетъ, по крайней мѣрѣ отчасти, изъ экономической эволюціи — будетъ показано дальше.

Разница между мужчиной и женщиной есть важнѣйшая и неизгладимѣйшая изъ всѣхъ, которыя существуютъ въ обществѣ, но не единственная. Рядомъ съ ней выступаетъ различіе между отдѣльными членами извѣстной группы по возрасту. Оно является, конечно, не постояннымъ факторомъ, но измѣняется такъ медленно, что обнаруживаетъ свое вліяніе въ каждый отдѣльный моментъ; хотя особи выростаютъ и старѣютъ, противоположность между старыми и молодыми остается, какъ остается неизмѣннымъ общество, несмотря на смѣну индивидуумовъ. Рѣзкія различія между классами по возрасту, конечно, невозможны, но въ общемъ остаются всегда въ видѣ отдѣльныхъ наслоеній группы маленькихъ дѣтей, которыя еще не могутъ обойтись безъ группы родителей, группы подрастающей молодежи, лицъ, находящихся въ полномъ развитіи жизненныхъ силъ, и стариковъ; только у первобытныхъ народовъ стариковъ бываетъ очень мало — частью вслѣдствіе короткости жизненнаго періода, частью потому, что ста-

риковъ и старухъ устраняютъ насильственно. Раздѣленіе человѣчества на классы по возрасту имѣетъ огромное вліяніе на образованіе примитивной системы родства и на происхожденіе общества вообще.

Независимо отъ пола и возраста существуютъ различія по тѣлесной силѣ, здоровью, характеру, дарованіямъ, которыя у первобытныхъ народовъ выступаютъ не такъ рѣзко, какъ въ области высокой культуры, но все-таки оказываютъ замѣтное вліяніе на соціальное положеніе личности. Повсюду при этомъ замѣчается стремленіе дать случайнымъ различіямъ извѣстное постоянство тѣмъ, что значеніе и вліяніе родителей переходитъ на дѣтей и обезпечиваетъ имъ извѣстныя преимущества, хотя ихъ собственныя дарованія ихъ и не оправдываютъ. Еще въ большей степени это примѣнимо ко вторичнымъ общественнымъ градаціямъ, которыя вызываются собственностью всюду, гдѣ первобытный коммунизмъ не проявляется уже въ полной силѣ. Богатство есть средство господства, которое легче унаслѣдовать, чѣмъ личное вліяніе и которое обезпечиваетъ извѣстнымъ классамъ общества возможность такъ выдвинуться, что другимъ классамъ ихъ нелегко уже догнать. Замѣчательное статистическое изслѣдованіе о происхожденіи „великихъ людей“ Франціи, опубликованное Оденомъ, доказываетъ, по меньшей мѣрѣ, то обстоятельство, что талантливымъ личностямъ, изъ неудовлетворительно въ матеріальномъ отношеніи поставленныхъ классовъ народа, рѣдко и только при благопріятныхъ обстоятельствахъ удается вступить въ успѣшное соперничество съ членами „высшихъ сословій“.

Если такимъ образомъ уже внутри однороднаго въ другихъ отношеніяхъ общества возникаютъ почти сами собою разнообразнѣйшія дифференцированія, то противоположности выступаютъ чрезвычайно рѣзко тамъ, гдѣ послѣ войны и побѣды одинъ народъ покоряетъ другой или гдѣ отдѣльные плѣнники принимаются въ общественный организмъ и такимъ образомъ образуется господствующій классъ и служащій. Эти отношенія часто удерживаются съ величайшей устойчивостью въ формѣ рабства, крѣпостного права, феодальной зависимости, какъ въ Германіи, на востокъ отъ Эльбы,—въ преобладающемъ вліяніи аристократіи, которая въ другихъ мѣстахъ равна въ правахъ съ прочимъ народомъ; въ Индіи же, напримѣръ, отголоскомъ древнихъ установленій является система кастъ.

Современныя индійскія касты опредѣляются, конечно, и другими вліяніями, напр., различіями, которыя вытекаютъ изъ развитаго раздѣленія труда. Настоящимъ первобытнымъ народамъ насильственный трудъ представляется, какъ нѣчто до такой степени отвратительное, что только величайшая нужда можетъ ихъ принудить къ нему. Такимъ образомъ возникаетъ воззрѣніе, что всякій работникъ долженъ быть презрѣннѣйшей тварью. Такія понятія встрѣчаются даже между культурными народами, особенно въ южн. Европѣ, гдѣ климатъ не принуждаетъ человѣка къ дѣятельности. Удивительнымъ символомъ представленія, что ручной трудъ позоритъ человѣка, а воздержаніе отъ него облагораживаетъ, является отвратительный, распространенный по всей землѣ обычай „знатныхъ“ людей отращивать себѣ ногти на пальцахъ въ видѣ когтей и такимъ образомъ выставлять на показъ предъ цѣлымъ міромъ, что украшенный такимъ образомъ господинъ свободенъ отъ всякой грубой работы. Часто признакомъ знатности является чрезвычайная тучность, пріобрѣтаемая систематическимъ бездѣліемъ; какъ напр., въ Полинезіи и у южныхъ кафровъ. Къ этимъ вопросамъ мы еще вернемся. Различные роды занятій сами по себѣ не вездѣ пользуются одинаковымъ почетомъ; всякая грязная или въ нѣкоторомъ отношеніи противная работа по большей части презирается, такъ какъ ей отдаютъ свои силы люди, пользующіеся наименьшимъ уваженіемъ; въ остальныхъ причины пренебреженія очень разнообразны и часто совершенно случайны.

Естественныя и искусственныя различія въ состояніи были-бы разложить и раздробить общество, если-бы законъ симпатіи, соединяющій равнаго съ равнымъ, не связывалъ тѣмъ тѣснѣе отдѣльныя части социальнаго организма и въ то же время половая любовь не ставила бы обѣ сексуальныя группы въ постоянное соотношеніе, а привязанность между родителями, дѣтьми и родственниками не создавала бы смѣшанныя, но тѣсно объединенныя группы. Во взаимной симпатіи однородныхъ элементовъ, съ одной стороны, въ половой и родственной любви индивидовъ, съ другой — мы имѣемъ предъ собой два основныхъ фактора, которые ведутъ къ образованію крупныхъ общественныхъ союзовъ. Вопросъ заключается теперь въ томъ, за которымъ изъ этихъ факторовъ должны признать преобладающее значеніе. Можно ли, безъ дальнѣйшихъ разсужденій примкнуть къ воззрѣнію, которое видитъ въ семьѣ, какъ у бродячихъ народовъ, „ячейку“ человѣческаго общества? Само собой разумѣется, человѣчество немыслимо безъ соединенія мужчины и женщины, безъ воспитанія дѣтей до извѣстнаго возраста; но Эспинасъ основательно указалъ на то, что между высшими животными однобрачныя несклонны къ образованію большихъ группъ, такъ какъ ревность самца препятствуетъ всякому близкому сообществу. Взглядъ на современное положеніе вещей, даже у культурныхъ народовъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что замкнутая въ себѣ, самодовлѣющая брачная жизнь не благопріятствуетъ внѣшнимъ узамъ товарищества; въ то же время мы видимъ, что соціальныя тенденціи съ наибольшей живостью проявляются среди однородныхъ индивидуумовъ: юность тяготѣетъ къ юности, взрослые мужчины толпятся въ клубахъ или за своими привычными столами въ ресторанахъ, товарищи по профессіи образуютъ союзы и т. д. Женщины же, у которыхъ половая жизнь преобладаетъ, въ общемъ обнаруживаютъ мало наклонности къ соприкосновенію съ равными себѣ. Наблюденія надъ первобытными народами подтверждаютъ эти выводы: у народовъ, живущихъ разсѣянно, нѣтъ въ самомъ дѣлѣ ничего, кромѣ семьи, которая расширяется только путемъ нарастанія поколѣній или случайнымъ сожительствомъ съ другими. „У бушменовъ, — говоритъ Лихтенштейнъ, — отдѣльныя маленькія орды всегда образуются отдѣльными семьями; половое чувство, инстинктивная любовь къ дѣтямъ, привычная привязанность между родственниками суть единственныя узы, которыя ихъ сколько-нибудь соединяютъ“. Семьи могутъ достигать значительнаго количества членовъ, но высшіе соціальные союзы такимъ путемъ не возникаютъ.

Перуанскій глиняный сосудъ: сова — вѣроятно тотемическій символъ. Берлинскій музей.

Конечно, о семьѣ, какъ исходномъ пунктѣ развитія въ теченіе долгаго времени, еще не могло быть рѣчи. На основаніи многочисленныхъ слѣдовъ, которые, можетъ быть, съ излишней поспѣшностью всѣ истолковывались, какъ пережитки болѣе древнихъ періодовъ, предоставлялось возможнымъ дѣлать заключенія о первичномъ состояніи человѣческаго общества. Наиболѣе подходящимъ терминомъ для его обозначенія сочтенъ былъ родовой союзъ или союзъ родовъ. Доисторическая орда, согласно этому воззрѣнію, состояла изъ извѣстнаго количества кровныхъ родственниковъ — мужчинъ, женщинъ, дѣтей — взаимныя половыя отношенія которыхъ не были упорядочены, если только, какъ предполагаютъ крайніе представители его — не господствовала полная распущенность въ половыхъ сношеніяхъ. Отсюда вытекало конечно то, что новорожденный ребенокъ стоялъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ лишь къ своей матери, въ то время какъ объ отцѣ, въ смыслѣ непосредственнаго родства, не могло

быть и рѣчи. Защитникомъ матери и ребенка, былъ не отецъ, личность котораго обыкновенно нельзя было съ увѣренностью установить, но братъ матери. Если внутри увеличившагося численно родового союза возникали новыя дифференцированія, группы ближе примыкающихъ другъ къ другу лицъ, то естественными центрами такихъ группъ являлись матери, и группы эти, въ качествѣ матріархальныхъ семей, отдѣлялись одна отъ другой внутри орды. Только постепенно возникъ бракъ въ нашемъ смыслѣ; мужья и отцы вступали на мѣста братьевъ матери, и заключительной ступенью этого процесса явилась патріархальная семья — моногамическая или полигамическая, безразлично.

Какъ кажется, былъ періодъ въ наукѣ, когда „первобытный союзъ родовъ" признавался всѣми. Въ новѣйшее время критика Вестермарка, который, правда, не поставилъ ничего положительнаго на мѣсто отвергнутаго, подѣйствовала отрезвляющимъ образомъ и имѣла, по меньшей мѣрѣ, одинъ хорошій результатъ—разрушила мечту Моргана относительно всюду констатируемаго и однообразнаго развитія человѣческаго общества. Къ Вестермарку примыкаетъ затѣмъ интересная, но не вполнѣ удачная, попытка Гроссе доказать тѣсную связь между формами общества и хозяйственнымъ укладомъ. Оба воззрѣнія односторонни, и истина, какъ и всегда, находится въ серединѣ.

Но безусловная заслуга Гроссе заключается въ томъ, что онъ высказался рѣшительно противъ половыхъ отношеній, какъ фактора, обусловливающаго созданіе высшихъ формъ общества. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли уже выше, что взаимныя сношенія половъ составляютъ необходимое предварительное условіе соціальной жизни, но едва-ли являются причинами ея дальнѣйшаго формированія; наоборотъ какъ въ обществахъ животныхъ, такъ и у народовъ высокой культуры взаимная симпатія мужчинъ, прежде всего мужчинъ одного возраста, дѣлаетъ возможнымъ тѣсную и стойкую соціальную связь большихъ группъ. Развѣ не могло быть этого и у первобытныхъ народовъ? Страннымъ, но, при изложенныхъ обстоятельствахъ, вполнѣ объяснимымъ, является обстоятельство, что безчисленная масса явленій, побуждающихъ къ утвердительному рѣшенію этого вопроса, до сихъ поръ затрогивалась мимоходомъ или совсѣмъ оставлялась безъ вниманія. И, тѣмъ не менѣе, какъ это будетъ ясно изъ послѣдующаго изложенія, первобытное общество станетъ понятнымъ, насколько вообще пониманіе его возможно, только тогда, когда будетъ обращено вниманіе на соединеніе мужчинъ въ прочные союзы, въ возрастные классы, вмѣстѣ съ вытекающими изъ нихъ системами родства и перекрещивающимися съ ними групповыми союзами.

Эти перекрестныя линіи безусловно нельзя прослѣдить, не имѣя представленія о матріархально-тотемической семьѣ. Попробуемъ же, прежде всего, обрисовать эту высшую форму развитія, а потомъ, идя назадъ, разобраться въ путаницѣ, которая затрудняетъ обозрѣніе фактовъ, въ особенности у первобытныхъ народовъ. Такъ какъ тотемизмъ, со своими особенностями, въ наиболѣе ярко выраженномъ видѣ встрѣчается у индѣйцевъ Сѣверной Америки, то здѣсь слѣдуетъ вернуться къ этимъ классическимъ примѣрамъ, которые были раньше всѣхъ изучены Морганомъ и вполнѣ выяснены, если не со стороны своего происхожденія, то, по крайней мѣрѣ, со стороны своей сущности.

Народъ ирокезовъ, строй котораго Морганъ имѣлъ возможность изучить наиболѣе обстоятельно, распадается на извѣстное число племенъ, которыя до нѣкоторой степени связаны между собой въ политическомъ отношеніи, но въ остальномъ представляютъ вполнѣ самостоятельныя общественныя образованія. Племена слагаются не просто изъ семей, но изъ большихъ группъ родичей, организованныхъ матріархально и связанныхъ другъ съ другомъ путемъ постоянныхъ взаимныхъ брачныхъ союзовъ. Морганъ называетъ такую группу родомъ (gens), т. е. примѣняетъ къ ирокезскимъ отношеніямъ

терминъ, служившій для обозначенія аналогичныхъ отношеній у древнихъ римлянъ; gens соотвѣтствуетъ кельтскому klan, нѣмецкому Sippe, греческому genos; однимъ словомъ, представляетъ собою явленіе, которое въ болѣе или менѣе ясной формѣ имѣетъ мѣсто на всей землѣ у чрезвычайно многихъ племенъ, но уже исчезло у современныхъ культурныхъ народовъ Европы и потому кажется намъ чѣмъ то чуждымъ.

Своеобразный видъ придаютъ роду тѣсно связанные съ нимъ брачныя запрещенія и брачныя ограниченія. Предположимъ простѣйшій случай: племя состоитъ изъ двухъ родовъ, которые мы для краткости назовемъ А и В. Человѣкъ изъ рода А ни въ какомъ случаѣ не можетъ взять себѣ жену изъ своего рода, но долженъ взять дѣвушку изъ рода В; наоборотъ, мужчины изъ рода В женятся только на дѣвушкахъ, принадлежащихъ къ роду А. Каждое нарушеніе этого обычая разсматривается, какъ кровосмѣшеніе, и наказывается, по большей части, суровѣе, чѣмъ нарушеніе супружеской вѣрности. Такимъ образомъ, происходитъ постоянное смѣшеніе крови между отдѣльными родами, которые непосредственно связаны между собою и, однако, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень различны между собой.

Второй замѣчательной особенностью родового сообщества является матріархальная организація (точнѣе организація, основанная на правахъ матери); дѣти отъ даннаго брака принадлежатъ не роду отца, но роду матери и, такимъ образомъ, по чисто матріархальному обычаю, какъ уже было упомянуто выше, ближайшимъ родственникомъ и защитникомъ дѣтей является не отецъ, а дядя съ материнской стороны или, если таковаго нѣтъ, другой сородичъ матери. Если, такимъ образомъ, мужчина изъ рода А женится на дѣвушкѣ изъ рода В, то дѣти отъ этого брака принадлежатъ роду В, другими словами, родъ продолжается черезъ мать; онъ принимаетъ дѣтей принадлежащихъ ему женщинъ; мужчины же естественно чувствуютъ себя членами своего рода, хотя-бы они находились въ бракѣ съ женщинами другого рода. Семья постепенно разрушала чрезмѣрное вліяніе рода, но она не имѣла значенія и правъ рядомъ съ родовымъ сообществомъ; насколько тѣсны отношенія между дѣтьми и братомъ матери, настолько неустойчивы они между отцомъ и дѣтьми; у матріархально организованныхъ племенъ въ случаѣ ссоры между родами возможно было, что сынъ вступалъ въ борьбу съ отцомъ, но члены одного рода никогда не поднимали оружіе другъ противъ друга.

Внутри рода протекаетъ большая часть общественной жизни. Ирокезскій родъ имѣлъ право выбирать и смѣщать своихъ старшинъ и военныхъ начальниковъ, получать наслѣдство послѣ умершихъ членовъ своихъ, всѣмъ обществомъ вступался за интересы рода (кровавая месть) по отношенію къ чужакамъ, давалъ своимъ членамъ имена, принималъ въ свою среду постороннихъ, имѣлъ общее кладбище и совѣщался на особыхъ собраніяхъ о дѣлахъ сообщества. Тѣсная связь рода съ особеннымъ блескомъ выступаетъ въ институтѣ кровавой мести, слѣды котораго можно указать почти всюду; этотъ-же фактъ показываетъ, насколько личность отступаетъ на задній планъ передъ массой: если оказывался убитымъ членъ даннаго рода, родъ убійцы, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ мужскихъ представителей, платилъ за это своей кровью, независимо отъ того, падаетъ-ли месть на убійцу или на одного изъ его родичей. Кровавая месть часто сохранялась и при преобразованіи матріархальнаго рода въ патріархальный, какъ мѣстами и практикуется до сихъ поръ въ Европѣ, но свой источникъ она имѣетъ, несомнѣнно, въ матріархальномъ родѣ.

Родовой строй обладаетъ еще одной особенностью, которая почти всюду повторяется и составляетъ одну изъ интереснѣйшихъ проблемъ сравнительнаго изученія народовъ: каждый родъ имѣетъ особый знакъ, гербъ или символъ—свой тотемъ, какъ его называютъ ирокезы. Обыкновенно этимъ тотемомъ является животное (см. рис. на стр. 94), иногда растеніе,

рѣже какое-нибудь явленіе природы, звѣзда и т. п., иногда же и домашняя утварь или оружіе. Повидимому, тотемы, изображающіе животныхъ, не только наиболѣе употребительные, но и самые древніе; другіе могли возникнуть только при раздѣленіи древнихъ родовъ.

Это предположеніе подтверждается тѣмъ наблюденіемъ, что животное, служащее гербомъ, стоитъ всюду въ первобытныхъ условіяхъ въ какой-то таинственной связи съ родомъ; за нимъ не охотятся, его не ѣдятъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ оно является священнымъ и ему поклоняются. О перуанскихъ индѣйцахъ разсказывается, что члены рода ягуара при видѣ своего гербоваго звѣря ложились на землю и безъ сопротивленія предоставляли ему растерзать себя вмѣсто того, чтобы стрѣлять въ него или спасаться отъ него бѣгствомъ. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи эта странность объясняется. Животное тотемъ представляется въ ближайшемъ родствѣ съ родомъ: родъ волка, напримѣръ, произошелъ отъ волка, и его члены превращаются послѣ смерти въ волковъ; тотемизмъ сливается, такимъ образомъ, съ культомъ предковъ и пріобрѣтаетъ непреодолимую силу надъ идеями и поступками членовъ рода. Большая часть явленій животнаго культа восходитъ къ тотемическимъ представленіямъ; египтяне, напримѣръ, первоначально распадались на большое число тотемическихъ родовъ, культы которыхъ слились съ культомъ солнца и многочисленными священными животными; а равно и обычай сохранять мумію мертвыхъ животныхъ,—кошекъ, крокодиловъ и т. д. вытекаетъ отсюда же. Склонность первобытныхъ народовъ воспроизводить животныхъ (см. рис. на стр. 99) въ рисункахъ, орнаментахъ, татуировкѣ объясняется также въ значительной степени тотемическими воззрѣніями.

Выше, для упрощенія, мы предположили, что племя состоитъ изъ двухъ родовъ. Первоначально это и бывало часто на самомъ дѣлѣ, но изъ народовъ, тотемическое значеніе которыхъ мы знаемъ точнѣе, лишь немногіе сохранили эту простую форму; чаще племя состоитъ изъ большаго числа родовъ, какъ это можетъ показать нѣсколько примѣровъ.

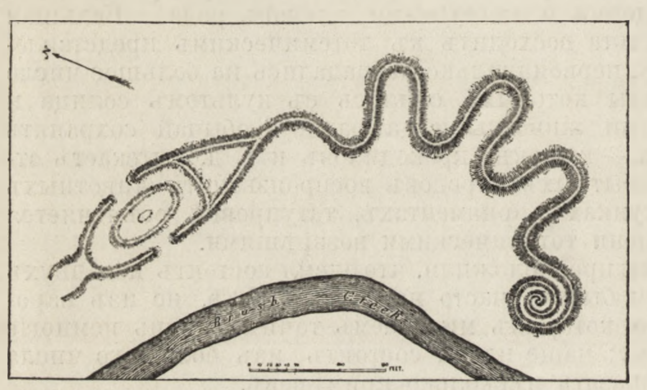
Ирокезское племя сенековъ имѣло тотемами медвѣдя, бобра, черепаху, оленя, бекаса, цаплю, сокола. Племя тускароровъ распадалось на роды медвѣдя, бобра, большой черепахи, угря, сѣраго волка, желтаго волка, маленькой черепахи и бекасовъ. У племени айова встрѣчаются орелъ, голубь, волкъ, медвѣдь, боберъ, буйволъ, змѣй (члены этого рода отличались особой прической), у племени оттава—заяцъ, карпъ и медвѣдь, у каддо—волкъ, пантера, медвѣдь, буйволъ, боберъ, енотъ и ворона. Въ то время, какъ у индѣйцевъ С. Америки тотемъ только въ исключительныхъ случаяхъ не бываетъ животнымъ, и тотемическая организація вообще производитъ впечатлѣніе первичной и строго установленной, въ Южн. и Ср. Америкѣ число тотемовъ гораздо больше, и ихъ обозначеніе гораздо разнообразнѣе. Уже у моки и другихъ индѣйцевъ Пуэбло рядомъ съ тотемами лягушки, попугая, медвѣдя, гремучей змѣи, ласточки встрѣчаются тотемы зерна и солнца. У ароваковъ Э имъ Турнъ указалъ не менѣе 47 родовъ, имена которыхъ онъ лишь частью могъ объяснить; между тотемами оказываются: олень, дерево урали, черная обезьяна, дерево хіама, снигирь, черепаха, пчела, крыса, пересмѣшникъ и т. п., а изъ новыхъ родовъ многіе просто называются по мѣсту жительства или происхожденія, имена-же другихъ указываютъ на смѣшеніе крови съ сосѣдними племенами. Среди іури Марціусъ нашелъ роды, которые называются именами какао, тростниковой пальмы, вѣтра и даже губного колышка.

Тотемизмъ въ Америкѣ, можетъ быть, яснѣе выработался и прочнѣе удержался, но онъ ни въ какомъ случаѣ не ограничивается этой страной. Очень интересныя формы, встрѣчающіяся у австралійскихъ негровъ, будутъ упомянуты въ другомъ мѣстѣ; тотемическія воззрѣнія живы еще между меланезійцами, аборигенами Индіи, негрскими племенами Южной Африки; въ

другихъ мѣстахъ сохранились, ясные слѣды ихъ. Вѣроятно, на тотемизмъ указываютъ многочисленныя, происходящія отъ названій звѣрей нѣмецкія личныя имена (Wolfgang, Wolfram, Bernhard), отъ животныхъ, посвященныхъ богамъ: волкъ и воронъ Водана, кабанъ Фро и кошка Фреи.

Какъ же возникали тотемическіе рода съ ихъ матріархальной организаціей и ихъ брачными законами? Что было ихъ предшествующей ступенью? Возникали-ли они, какъ утверждаютъ Морганъ и его сторонники, изъ связанныхъ кровнымъ родствомъ, практикующихъ свободную любовь ордъ, образовались ли они изъ сліянія нѣсколькихъ семей, какъ утверждаютъ противники Моргана, или, можетъ быть, существуетъ третье объясненіе ихъ происхожденія?

Прежде всего слѣдуетъ рѣшить вопросъ, существовало ли первоначально большое число родовъ, которые постепенно собрались въ небольшое количество крупныхъ группъ, или наоборотъ, изъ небольшого числа первоначально существовавшихъ родовъ выдѣлялись новыя подраздѣленія, давшія начало новымъ самостоятельнымъ родамъ. Во многихъ случаяхъ ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ почти невозможенъ; но тамъ, гдѣ еще можно констатировать эволюцію, слѣдуетъ принять всюду распаденіе большихъ группъ на мелкія, и этотъ процессъ можно принять за правило. Тлинкиты на сѣверо-западномъ берегу Америки распались на два основныхъ рода, — Волковъ и Вороновъ; и каждый раздѣлился на подроды — у Волковъ явились роды: Волкъ, Медвѣдь, Орелъ, Китъ, Морской попугай; у Вороновъ — Воронъ, Лягушка, Гусь, Морской левъ, Сова, Форель. И у ирокезовъ существуютъ большіе роды, которые Морганъ, по греческому образцу, назвалъ **фратріями**. Упомянутые выше тотемическіе роды Сенековъ образовали двѣ фратріи, изъ которыхъ первая обнимаетъ роды Медвѣдя, Волка, Бобра и Черепахи, вторая Оленя, Бекаса, Цапли и Сокола; у племени Каюга первая фратрія состояла изъ родовъ Медвѣдя, Волка, Черепахи, Бекаса, Угря, вторая изъ родовъ Оленя, Бобра и Сокола.

Планъ насыпи (mounds), имѣющей видъ змѣи — несомнѣнно тотемическій символъ — Огайо. По Цирусу Томасу.

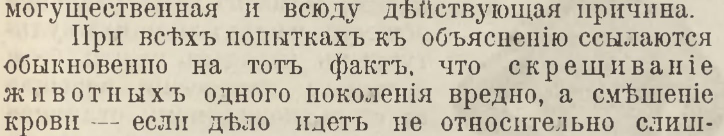
Это различіе между двумя столь близко родственными племенами заслуживаетъ вниманія, но этого примѣра недостаточно для того, чтобы поколебать взглядъ, на фратрію какъ на первичную, а на родъ — какъ вторичную форму родового строя; по крайней мѣрѣ, противъ этого мнѣнія, которое раздѣляютъ Морганъ, Колеръ и другіе, не можетъ быть сдѣлано ни одного серьезнаго возраженія, а въ подтвержденіе его служатъ наблюденія надъ отношеніями въ другихъ странахъ — въ Австраліи, Меланезіи. На Банксовыхъ островахъ и на части Ново-Гебридскихъ все населеніе — конечно, независимо отъ политическаго положенія — дѣлится на два рода (Veve), которые не имѣютъ никакихъ тотемическихъ символовъ; но по мѣстамъ распадаются на мелкія тотемическія группы. Veve означаетъ „дѣленіе“ и члены одной основной группы говорятъ о членахъ другой, какъ о людяхъ „другой стороны дома“. Въ Астраліи фратріи относятся къ родамъ такъ же, какъ у ирокезовъ; изъ запутанныхъ законовъ родства съ достаточной ясностью вытекаетъ, что фратрія должна разсматриваться, какъ мать тотемическихъ родовъ. Такимъ образомъ многочисленные роды, раздробленные

на подобіе нашихъ семействъ, моложе, чѣмъ большія материнскія группы, — запутанныя отношенія моложе простыхъ, хотя, конечно, этимъ еще не рѣшается вопросъ, — возникли-ли эти простыя формы изъ распаденія объединенныхъ родственными узами ордъ или нѣтъ?

При изученіи половыхъ отношеній первобытныхъ народовъ невольно возникаетъ дальнѣйшій вопросъ, какимъ образомъ человѣкъ приходитъ къ мысли, что близкое родство является препятствіемъ къ браку? И на него необходимо дать хоть приблизительный отвѣтъ, такъ какъ безъ него нельзя выяснить себѣ процесса эволюціи общественныхъ отношеній. Какъ бы высоко мы ни оцѣнивали могущество обычая, все же для той ненарушимой добросовѣстности, съ которой выполняются родовымъ обществомъ запретительныя постановленія, должна быть какая-нибудь иная побуждающая сила, чѣмъ стремленіе къ подражанію или страхъ божескаго и человѣческаго наказанія. По крайней мѣрѣ, первый толчекъ для этихъ установленій должна была дать какая-нибудь могущественная и всюду дѣйствующая причина.

Животный фетишъ цуни. С. Америка. По Кушингу.

При всѣхъ попыткахъ къ объясненію ссылаются обыкновенно на тотъ фактъ, что скрещиваніе животныхъ одного поколенія вредно, а смѣшеніе крови — если дѣло идетъ не относительно слишкомъ различныхъ расъ — выгодно для потомства. Въ недавнее время была сдѣлана попытка опровергнуть это наблюденіе, извѣстное всякому скотоводу, покоющееся, очевидно, на физіологическихъ законахъ, но эта попытка принадлежитъ къ категоріи тѣхъ крайнихъ проявленій критическаго отношенія, которыя отъ времени до времени поднимаются, какъ пузыри и потомъ лопаются, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда. Противъ того, что человѣчество съ своимъ уклоненіемъ отъ браковъ между родственниками стоитъ на вѣрномъ пути, спорить нельзя; вопросъ заключается лишь въ томъ, легли ли въ основу брачныхъ запрещеній результаты наблюденія, какъ думаетъ Морганъ, или же, какъ думаетъ Вестермаркъ, существуетъ первичный инстинктъ, который обыкновенно не позволяетъ дѣтямъ, воспитаннымъ вмѣстѣ, вступать въ половую любовь, или, наконецъ, обратившееся въ обычай похищеніе женщинъ закрѣпило склонность къ чужимъ женщинамъ и отвращеніе отъ своихъ, въ качествѣ постояннаго полезнаго инстинкта, какъ утверждаетъ Спенсеръ. Можетъ быть, слѣдовало бы припомнить и то общее культурное явленіе, которое обнаруживаетъ, въ пониженіи животныхъ инстинктовъ и въ особенности полового, и которое прежде всего должно было сдѣлать невозможными половыя отношенія между близкими родственниками, постоянно живущими вмѣстѣ; въ настоящее время у высшихъ культурныхъ народовъ въ самомъ дѣлѣ отвращеніе къ половымъ сношеніямъ между ближайшими родственниками обнаруживается съ силой вторичнаго инстинкта, хотя еще нѣтъ недостатка въ отвратительныхъ исключеніяхъ.

Животный фетишъ племени цуни. По Кушингу.

Вестермаркъ правъ въ томъ отношеніи, что тѣсное сожительство пробуждаетъ симпатію равнаго къ равному, но подавляетъ половыя желанія; въ тотемическомъ обществѣ дѣти, выросшія въ опредѣленномъ кланѣ, считаются братьями и сестрами, часто такъ и называются и не должны вступать въ браки другъ съ другомъ, между тѣмъ какъ съ членами другого клана, хотя находящимися въ самомъ близкомъ родствѣ, бракъ дозволяется. Но и здѣсь, повидимому, наблюдается сознательное уклоненіе отъ ближайшихъ кровныхъ родственниковъ, — по крайней мѣрѣ, въ Меланезіи. Кодрингтонъ относительно жителей Банковыхъ острововъ выражается на этотъ счетъ

вполнѣ опредѣленно: „Очевидно, что строго проводимый законъ экзогаміи допускаетъ браки между близкими родственниками, такъ какъ мужъ не принадлежитъ къ роду своихъ собственныхъ дѣтей или дѣтей своего брата. Но хотя прежде всего запрещенъ бракъ между „Согой“ — т. е. членами одного „веве“ и потомство принадлежитъ матери, кровное родство съ отцомъ и его ближайшими родственниками не остается безъ вниманія, и на браки близкихъ родственниковъ, хотя бы они и не были членами одного веве, смотрятъ неодобрительно. Въ Мота, напр., двоюродные братья и сестры считаются слишкомъ близкими родственниками, чтобы вступать въ бракъ... Если бы они это дѣлали, то заслужили бы порицаніе“. Можно, стало быть, допустить, что матріархальные брачные законы вытекаютъ изъ желанія отклонить бракъ между родственниками, но развились очень односторонне. Но такъ какъ родство по отцу здѣсь тоже принимается въ разсчетъ, то становится понятнымъ, какимъ образомъ матріархальное общество у всѣхъ высшихъ культурныхъ народовъ почти безъ большого потрясенія перешло въ столь, повидимому, отличное отъ него, патріархальное.

Татуированные мужчина и женщина плем. хайда, Сѣв. Америка. По Г. Маллэри.

Но если матріархальное или тотемическое группообразованіе покоится на ясно выраженномъ отвращеніи къ кровосмѣшенію, то воззрѣніе происхожденія этого строя изъ „гетеризма“ является сомнительнымъ. Какимъ образомъ вышло, что инстинктъ, совершенно неизвѣстный въ „первобытной семьѣ“, позднѣе становится средствомъ обособленій, которыя раздѣляли орду на различныя группы рѣзче, чѣмъ всѣ данныя природой отличія? И, однако, примѣры, собранные Леббокомъ и послѣ него особенно Липпертомъ и истолкованные въ качествѣ пережитковъ первоначальныхъ отношеній, повидимому, свидѣтельствуютъ въ пользу первичнаго полового коммунизма внутри первобытныхъ общественныхъ группъ, въ пользу свободной любви, которая не знаетъ другихъ границъ, кромѣ прихоти индивидуума. Изъ древней исторіи сохранился рядъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о строѣ, который близко подходитъ къ промискуитету; свободная любовь до брака до сихъ поръ еще наблюдается у многихъ первобытныхъ народовъ; многочисленные обычаи, повидимому, доказываютъ, что мужчины извѣстнаго племени имѣли нѣкоторое право на каждую женщину, по крайней мѣрѣ, до ея замужества, и на свадьбѣ невѣста въ видѣ выкупа дѣйствительно или символически предоставлялась гостямъ или ихъ представителю, князю, жрецу (jus primae noctis). Очень многочисленные примѣры этого рода безъ долгихъ разсужденій истолковывали какъ остатки общности женщинъ и на нихъ строили первобытную гетерическую семью. Противъ этого воззрѣнія можно спорить, но съ фактами слѣдуетъ считаться, и устранять ихъ намѣренно нѣтъ никакого основанія.

Да это и не нужно. Если мы присмотримся поближе къ этимъ остат-

камъ промискуитета то мы увидимъ, что здѣсь объединенъ очень неоднородный матеріалъ, который сначала слѣдуетъ основательно профильтровать, прежде чѣмъ сдѣлать его основой рискованныхъ заключеній. Гдѣ свободная любовь до брака принята въ патріархально-организованныхъ группахъ, тамъ она является лишь остаткомъ матріархальной эпохи, которая исчезаетъ съ ходомъ развитія и, какъ свои послѣдніе слѣды, оставляетъ циничные брачные обычаи; замѣтимъ мимоходомъ, что свободная любовь до брака до сихъ поръ еще въ ходу у многихъ культурныхъ народовъ Европы, — по крайней мѣрѣ, среди сельскаго населенія. Но въ матріархальныхъ обществахъ эта свободная любовь подлежитъ такимъ же законамъ и запрещеніямъ, какъ и бракъ; молодые люди одного рода вступаютъ въ общеніе не между собой, а съ членами другого рода, такъ что и въ этомъ случаѣ избѣгаютъ кровосмѣшенія. Связь между эндогаміей и экзогаміей такимъ образомъ не установлена, и можно сказать, по меньшей мѣрѣ, одно, что тотемическое матріархальное общество появилось не непосредственно, но что ему предшествовали болѣе простыя формы организаціи. Этимъ мы возвращаемся къ исходному пункту нашихъ разсужденій: предварительная ступень матріархальной группировки не неорганизованная орда, а союзъ мужской молодежи, основанный не на половой любви, а на симпатіи, и вытекающимъ отсюда первичнымъ дѣленіемъ орды будутъ классы по возрастамъ.

Это явленіе уже доказано, по крайней мѣрѣ, въ одной части свѣта, въ Австраліи, хотя, конечно, отсюда и нельзя вывести особенно смѣлыхъ заключеній. Кто занимается изученіемъ организаціи родства у австралійскихъ негровъ, тотъ, конечно, испытываетъ изумленіе предъ чрезвычайно запутаннымъ строеніемъ этихъ некультурныхъ группъ, особенно предъ замѣчательной системой, регулирующей брачную жизнь, предъ которой представленія о родствѣ культурныхъ народовъ и терминологія родства выступаютъ, какъ жалкіе остатки. Уже Морганъ призналъ, что запутанность такъ велика оттого, что здѣсь скрещиваются, и идутъ бокъ о бокъ, двѣ системы и, что изъ этихъ двухъ системъ — тотемической и системы возрастныхъ классовъ — послѣдняя примитивнѣе и древнѣе. Въ новѣйшее время много свѣта въ этомъ смыслѣ внесли изслѣдованія Кунова.

Такъ какъ отношенія въ племени камиларовъ изслѣдованы лучше всего, то строеніе этой группы, оставленной Морганомъ безъ вниманія, послужитъ къ выясненію замѣчательныхъ порядковъ, которые до сихъ поръ держатся, конечно, не у всѣхъ, но у многихъ австралійскихъ племенъ. Племя распадается прежде всего на орды, въ которыхъ имѣются представители всѣхъ тотемическихъ родовъ и классовъ по возрасту, и которыя, стало быть, не могутъ быть принимаемы въ разсчетъ для установленія системы родства. Въ материнско-правовомъ отношеніи камилары дѣлятся на двѣ большія фратріи, — изъ которыхъ каждая, совершенно такъ же, какъ у ирокезовъ, въ свою очередь обнимаетъ много родовъ, получившихъ свои имена отъ животныхъ, — по слѣдующей схемѣ:

1. Фратрія (Дильби).	1. Дули (Игуана). 2. Мурріира (Падимелонъ) 3. Муте Опоссумъ.	2. Фратрія Купатинъ.	4. Динунъ (Эму). 5. Бильба (Бандикутъ). 6. Нурай (Черная змѣя).

Исходящіе изъ этого дѣленія законы имѣютъ силу для фратріи, т. е. члены первой фратріи, къ какому бы роду они ни принадлежали, могутъ вступать въ бракъ только съ членами другой фратріи. И здѣсь, стало быть, слѣдуетъ предположить, что роды вышли изъ фратріи, а не фратріи возникли изъ слiянія родовъ.

Эта очень простая и ясная тотемическая организація общества тѣсно связана съ системой классовъ по возрасту, откуда выходитъ дальнѣйшее

и чрезвычайно тѣсное ограниченіе допустимости брачнаго союза: каждое поколѣніе рода образуетъ самостоятельную группу, члены которой могутъ вступать въ бракъ только съ членами соотвѣтствующаго поколѣнія въ другой фратріи; другими словами, племя распадается на опредѣленные возрастные классы, которые только брачатся между собой, но при этомъ сверхъ того ограниченія соблюдаются и законами матріархальнаго дѣленія. Названія классовъ повторяются въ каждомъ третьемъ поколѣніи, т. е. дѣды, (разумѣется въ системѣ матріархальнаго счисленія рода) принадлежатъ къ тому-же классу, какъ и ихъ внуки; но далѣе названія возрастныхъ классовъ очевидно, подъ вліяніемъ тотемическихъ различій въ первой фратріи уже не тѣ, что во второй. Чтобы сдѣлать возможнымъ одновременный обзоръ обѣихъ формъ организаціи сопоставлены онѣ въ слѣдующихъ таблицахъ.

			Мужч.	Женщ.
1. Фратрія.	1.	Классъ	Кубби.	Куббота.
	2.	Классъ	Мурри.	Мата
	1.	Классъ	Кубби.	Куббота и т. д.

			Мужч.	Женщ.
2. Фратрія.	1.	Классъ	Иппай.	Иппата.
	2.	Классъ	Кумбо.	Бута.
	1.	Классъ	Иппай.	Иппата и т. д.

Сообразно съ этимъ существовалъ законъ, что первый классъ первой фратріи могъ устраивать брачные союзы съ соотвѣтствующимъ классомъ второй, второй—только со вторымъ. Дѣти, происходящія отъ перваго класса — ближайшее поколѣніе — принадлежатъ ко второму классу; ихъ дѣти опять къ первому.

Если Кубби оралъ за себя Иппату, то дѣти, слѣдующія по матріархальнымъ законамъ за матерью, принадлежали ко второму классу второй фратріи, назывались Кумбо и Бута и съ своей стороны могли вступать въ бракъ лишь съ Мурри Мата. Ясно, что благодаря системѣ возрастныхъ классовъ предотвращались половыя сношенія между родственниками — именно между родителями или ихъ братьями и сестрами и дѣтьми, въ то время, какъ тотемическіе законы съ своей стороны дѣлали ихъ невозможными между дѣтьми одной и той же матери. И—такъ какъ мужчина долженъ былъ брать всегда жену только изъ другой фратріи и всѣ его дѣти принадлежали этой послѣдней фратріи — то эти законы не допускали браковъ между братьями и сестрами вообще.

Если предположеніе Моргана, что классовое дѣленіе древнѣе, окажется правильнымъ, то мы должны будемъ видѣть въ этомъ дѣленіи первую попытку регулировать половыя отношенія внутри орды или первобытной семьи. Но по мнѣнію Моргана, само классовое дѣленіе выросло изъ промискуитета, доказательствомъ чего служитъ существованіе т. н. группового брака у австралійцевъ, которому параллелью служитъ бракъ племени Пуналуа на Гавайскихъ о-вахъ и многія другія явленія. Послѣ того какъ противъ существованія дѣйствительнаго группового брака раздались вѣскія возраженія, за него особенно рѣшительно недавно высказался Колеръ, хотя и онъ долженъ былъ оговориться, что лишь у австралійцевъ сохранились слѣды его и обломки. Кромѣ того, онъ уклоняется отъ Моргана въ томъ, что считаетъ групповый бракъ результатомъ тотемическаго дѣленія. Мнѣнія на этотъ вопросъ, очевидно, еще не установились.

Групповый бракъ, котораго въ полной чистотѣ, дѣйствительно, нѣтъ нигдѣ, сводится къ тому, что всѣ мужчины даннаго тотемическаго рода или данной фратріи могутъ имѣть половыя сношенія со всѣми женщинами другой фратріи и до извѣстной степени состоять въ бракѣ съ ними, такъ что настоящій мужъ располагаетъ лишь правами перваго между равными.

Однако, обычай, въ силу котораго мужъ предоставляетъ свою жену нежена. тымъ братьямъ или другимъ членамъ рода, въ Австраліи по крайней мѣрѣ, сводится, повидимому, къ запутаннымъ брачнымъ ограниченіямъ, которыя часто дѣлали для мужчинъ затруднительнымъ найти жену. Что реальныя отношенія по мѣстамъ переходятъ въ формальную систему (бракъ Пиррауру), вполнѣ соотвѣтствуетъ природѣ первобытныхъ народовъ. Обычное въ Меланезіи обозначеніе всѣхъ годныхъ для замужества дѣвушекъ и женщинъ „женами" и соотвѣтственно всѣхъ мужчинъ фратріи „мужьями" вовсе не указываетъ на дѣйствительныя половыя отношенія между ними; или, по крайней мѣрѣ, относится, только къ „свободной любви", предшествующей браку, но ни въ какомъ случаѣ не указываетъ на общее обладаніе женщинами. Въ этомъ смыслѣ изъ названій родства выведено слишкомъ многое. Австраліецъ распространяетъ названіе „отецъ" и „мать" на цѣлый классъ, къ которому принадлежатъ родители, но разумѣется хорошо отличаетъ своихъ настоящихъ родителей отъ массы остальныхъ; онъ зналъ ихъ и въ болѣе древнее время, такъ что едва ли мы имѣемъ здѣсь остатокъ первобытныхъ отношеній.

Будутъ ли разрѣшены или нѣтъ всѣ спорные вопросы, относящіеся къ институтамъ возрастныхъ классовъ и групповыхъ браковъ, одно кажется достовѣрнымъ, что едва ли можно привести непосредственное доказательство въ пользу того, что они органически выросли изъ родового сообщества первобытныхъ временъ и связанной съ нимъ общности женщинъ. Поэтому да будетъ позволено повторить высказанное уже вначалѣ положеніе, что не въ половыхъ отношеніяхъ, а въ симпатіи однородныхъ индивидуумовъ, прежде всего мужской молодежи, слѣдуетъ искать толчекъ къ образованію болѣе крупныхъ общественныхъ союзовъ. Очевидно, слѣдуетъ различать много ступеней развитія: древнѣйшія формы, семья съ ея членами, какова она и теперь еще у бушменовъ, или толпа кровныхъ родственниковъ, которую Морганъ и его приверженцы ставятъ въ преддверіе человѣческой исторіи, должны были лишь впервые съ введеніемъ классовой системы и потомъ матріархальнаго тотемизма получить способность сливаться въ племена; матріархальное общество затѣмъ должно было преобразоваться въ патріархальное, послѣ чего сдѣлалось возможнымъ образованіе племенныхъ группъ и государствъ. При всемъ этомъ прогрессъ создалъ взаимное вліяніе и взаимныя симпатіи мужчинъ, какъ это можно заключить изъ возрастныхъ классовъ. Эта теорія не будетъ имѣть прочнаго основанія до тѣхъ поръ, пока не будутъ указаны, по крайней мѣрѣ, явные слѣды тѣхъ мужскихъ обществъ, на вліяніи которыхъ покоятся высшія общественныя системы. Указанія эти возможны: дѣло идетъ не о слѣдахъ только, но о многочисленныхъ фактахъ, которые до сихъ поръ оставались незамѣченными лишь потому, что борьба за или противъ родового сообщества первобытной эпохи отвлекала отъ нихъ взгляды. Одинъ I. Липпертъ указалъ на эти явленія, но не вывелъ изъ нихъ никакихъ заключеній.

Въ Австраліи нѣтъ недостатка въ примѣрахъ. Молодые люди отдѣляются отъ орды, располагаются около отдѣльныхъ очаговъ, живутъ, въ отдѣльныхъ хижинахъ, пока имъ, послѣ принятія въ среду взрослыхъ, не будетъ дозволено вступить въ бракъ. Бродячій образъ жизни затрудняетъ еще здѣсь тѣ прочныя учрежденія, которыя мы встрѣчаемъ въ сосѣднихъ съ Австраліей Меланезіи и Микронезіи и которыя сохранились на Малайскомъ архипелагѣ, въ Индіи, въ Африкѣ, въ Южн. Америкѣ и, отчасти въ видѣ остатковъ, въ другихъ мѣстахъ. Мы должны, слѣдовательно, разсматривать это явленіе, какъ форму жизни, чрезъ которую прошла большая часть народовъ, въ которой многіе еще остаются и которой другіе еще не достигли, хотя она, подъ вліяніемъ различныхъ экономическихъ условій можетъ принимать разнообразнѣйшія видоизмѣненія.

Внѣшнимъ, даже поверхностному наблюдателю доступнымъ признакомъ существованія мужского сообщества является чрезвычайно распространенный и, не взирая на всѣ побочныя цѣли, къ которымъ онъ здѣсь и тамъ приспособляется, въ высшей степени характерный домъ для мужчинъ или для юношей (см. рис. ниже). Этотъ домъ служитъ жильемъ и спальней для неженатыхъ юношей или для всѣхъ мужчинъ племени въ то время, какъ семьи живутъ въ отдѣльныхъ, по большей части очень маленькихъ, домахъ. Понятно само собою, что домъ для юношей превращается въ центръ мужской жизни вообще, дѣлается родомъ клуба и мѣстомъ совѣщаній для воиновъ, что тамъ принимаютъ чужеземцевъ, хранятъ утварь и драгоцѣнности. Иногда этотъ домъ дѣлается и центромъ культа предковъ; отсюда объясняются недоразумѣнія многихъ путешественниковъ, которые общинные дома неудачно называютъ храмами, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что дома юношей превращались въ настоящіе храмы и на самомъ дѣлѣ такимъ образомъ совершенно отклонялись отъ своего первоначальнаго назначенія. Насколько мало настоящій домъ юношей можетъ быть смѣшанъ со святилищемъ, показываетъ замѣчаніе Эдельфеста относительно „Эламо“ племени моту-моту на Н. Гвинеѣ, которое Чомерсъ принялъ за храмъ: „Было-бы хорошо, если бы эти названія подходили хоть отчасти къ предмету, но, къ сожалѣнію, нѣтъ и этого. Это просто родъ клуба, который предназначенъ исключительно для мужской части населенія, вертепъ, гдѣ ссоры и драки идутъ съ утра до вечера; много убійствъ ни въ чемъ неповинныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей подготовляется въ этомъ „священномъ домѣ“.

Домъ для мужчинъ въ Керепуно. По Финту.

Конечно, это очень непривлекательная картина, для которой намѣренно выбраны мрачныя краски. Болѣе благопріятное впечатлѣніе даетъ описаніе юношескихъ домовъ на Голлъ-Зундѣ въ юго-западной части новой Гвинеи, сдѣланное Семономъ. „Здѣсь, рядомъ съ низенькими прямоугольными домиками отдѣльныхъ семей, поднимаются болѣе крупныя, стоящія на высокихъ сваяхъ зданія: они называются „Мареа“ и служатъ жильемъ и спальней для неженатыхъ мужчинъ, клубомъ и мѣстомъ собраній для мужчинъ вообще, гостиницами для чужеземцевъ. Женщинамъ доступъ въ нихъ строго воспрещенъ; здѣсь хранятся оружіе и трофеи; колонны украшены красивой рѣзьбой: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я видѣлъ рѣзныя фигуры птицъ, ящерицъ и людей. Передъ „Мареа“ были платформы, на которыхъ туземцы кололи во время праздниковъ свиней, собакъ и пировали“.

Такіе типичные дома холостяковъ или общинныя помѣщенія (см. рис. выше) находятся почти всюду въ остальной Меланезіи, въ Микронезіи, часто въ Индійскомъ архипелагѣ, если они не уничтожились или не преобразовались подъ вліяніемъ высшихъ формъ культуры; тогда они превращаются въ мечети, совѣщательныя камеры, какъ на Филиппинахъ, гдѣ такъ называемые „Tribunales“, служатъ еще, по словамъ Ганса Мейера, гостиницами для путешественниковъ. Лучше всего первоначальное назначеніе удер-

жалось у баттаковъ на Суматрѣ; здѣсь „Бале“, или „Сопо“, домъ для мужчинъ и молодыхъ людей, служитъ и пунктомъ для совѣщаній и ночлежнымъ домомъ чужеземцевъ; по словамъ Вестенберга, прежде они во многихъ мѣстахъ служили крѣпостью для деревни, тогда какъ теперь эти строенія служатъ амбарами для риса. На рѣзной, покрытой фаллическими фигурами колоннѣ одного Бале Вестенбергъ видѣлъ написанными законы баттаковъ; что подобныя зданія служили и сокровищницей для князей упоминаетъ Модильяни, говоря о тоба-баттакахъ.

Обращаясь къ азіатскому материку, мы находимъ настоящіе дома для юношей у многихъ мало культурныхъ племенъ Индостана и Индо-Китая. У аборовъ въ Ассамѣ „Мосупъ“ служитъ жилищемъ неженатыхъ воиновъ и домомъ для совѣщаній; его стѣны покрыты черепами животныхъ и оружіемъ, часто крики пирующихъ наполняютъ зданіе. У племенъ нага дома для мужчинъ расположены при входѣ въ деревню, служатъ одновременно караульнями и такимъ образомъ приспособлены къ постоянному военному положенію страны. Между дравидскими народами нѣкоторые сохранили, по свидѣтельству Дальтона, дома для юношей между прочимъ, племена урау и малеры.

Естественно, что нѣтъ недостатка въ домахъ для мужчинъ и въ великомъ восточномъ районѣ распространенія Малайскаго племени — въ островномъ мірѣ Полинезіи, хотя здѣсь на многихъ островахъ, при открытіи ихъ европейцами, имѣли уже мѣсто всякаго рода преобразованія первоначальнаго обычая. На Нукагивѣ и въ Новой Зеландіи юноши спали въ общинномъ домѣ, который служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ гостиницей для чужестранцевъ и строился на общественный счетъ. Кукъ видѣлъ на Таити домъ въ 200 футовъ длины. Какъ тѣсно связано существованіе домовъ для молодежи съ древне-малайской жизнью, показываетъ, фактъ, что они встрѣчаются на сѣверной границѣ распространенія малайцевъ, у не-китайскаго населенія Формозы. Кизакъ Тамаи свидѣтельствуетъ, что юноши отъ 16 лѣтъ до женитьбы жили въ предназначенныхъ для нихъ домахъ, а, по Тайлору, эти зданія (палангханъ) служили одновременно думой, гостиницей и караульней.

Но домъ для мужчинъ ни въ какомъ случаѣ не является учрежденіемъ, которое ограничивается областью малайской расы. Уже Мартіусъ сдѣлалъ наблюденіе, что у бразильскаго индѣйскаго племени Мундруку способная къ военному дѣлу молодежь ночевала въ общемъ домѣ, вродѣ казармы. Этотъ единичный фактъ могъ еще возбуждать сомнѣнія, которыя были устранены лишь въ новѣйшее время наблюденіями Карла фонъ-денъ-Штейненъ. У бороро этотъ превосходный изслѣдователь нашелъ это учрежденіе въ его наиболѣе типичной формѣ. „Центромъ жизни бороро“, говоритъ онъ, „является Баито, домъ для мужчинъ и рядомъ съ невѣроятно шумной жизнью, которая здѣсь кипитъ день и ночь, семейные дома служатъ только пристанищемъ для женщинъ и дѣтей. Союзъ мужчинъ называется Аробе и имѣетъ цѣлью общую охоту. Въ пѣсняхъ, которыя здѣсь раздаются, можно сказать безъ преувеличенія, день и ночь, слово Аробе повторяется чуть не ежеминутно; пѣсни содержатъ перечисленіе животныхъ и вещей и за каждымъ словомъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ повторяется имя Аробе. Племя производитъ впечатлѣніе союза пѣвцовъ и охотниковъ, члены котораго обязываются не жениться раньше 40 лѣтъ и жить вмѣстѣ въ своемъ клубѣ. Старшіе члены, имѣющіе семьи, носятъ почетныя званія и должности въ этомъ учрежденіи и только незначительную часть времени проводятъ въ своихъ собственныхъ хижинахъ, они принимаютъ участіе въ охотничьихъ экскурсіяхъ или работаютъ въ домѣ, смотрятъ за порядкомъ, руководятъ пѣніемъ и въ опредѣленные дни принимаютъ участіе въ ѣдѣ, которую присылаютъ женщины. Каждый имѣетъ свое опредѣленное мѣсто: кто живетъ рядомъ съ

рѣкой, сидитъ въ углу, обращенномъ къ рѣкѣ — и каждый сообразно мѣстонахожденію дома ближайшихъ родственниковъ. Здѣсь, гдѣ индѣйцы были у себя дома, независимо отъ родовыхъ отношеній, господствуетъ примѣрный, даже по нашимъ понятіямъ, порядокъ. Кому нечего дѣлать, лѣнится въ волю, но кто находитъ занятіе около своего оружія и утвари, тотъ работаетъ неутомимо".

Между обитателями Африки учрежденіе домовъ для мужчинъ было нѣкогда, несомнѣнно, широко распространено, но по большей части извратилось, вѣроятно, вслѣдствіе экономической эволюціи; того, что еще сохранилось изъ остатковъ этихъ замѣчательныхъ учрежденій, достаточно для доказательства былого существованія ихъ. Ценкеръ нашелъ у племени унде въ глубинѣ восточнаго Камеруна большіе дома для мужчинъ рядомъ съ маленькими домиками для женщинъ. Большіе дома были любимымъ мѣстопребываніемъ и, повидимому, отчасти и спальнями мужчинъ, такъ какъ многіе изъ этихъ домовъ содержали до 30 постелей; здѣсь принимали посѣтителей; оружіе и черепа украшали стѣны, точь въ точь какъ въ Индо-Китаѣ и на Малайскомъ архипелагѣ. По свидѣтельству Фунда, который путешествовалъ въ этихъ странахъ, дома эти служили и мѣстами совѣщаній, и въ нихъ всегда поддерживался огонь. Подобныя же учрежденія видѣлъ Цинтграфъ у баньянговъ на сѣверѣ Камеруна. Можетъ быть, еще характернѣе домъ для юношей у вабондеевъ въ зап. Африкѣ, которые, по словамъ Баумана, содержатъ въ отдѣльныхъ хижинахъ мальчиковъ и дѣвочекъ. „Домъ для дѣвушекъ", повидимому, только подражаніе дому для юношей; онъ встрѣчается кое-гдѣ и въ другихъ мѣстахъ, но необязателенъ и этимъ уже свидѣтельствуетъ о своемъ второстепенномъ характерѣ. Подобныя отношенія господствуютъ у вапокомо на Танѣ (в. Африка). Въ бассейнѣ Конго также встрѣчаются дома для мальчиковъ и юношей. „Въ пяти- или шестилѣтнемъ возрастѣ, — говоритъ Бентлей,—мальчики оставляютъ своихъ матерей. Маленькіе мальчики, которые выходятъ изъ подъ родительскаго надзора, обращаются къ болѣе взрослымъ, которые выстроили уже себѣ хижину, и просятъ позволенія жить съ ними. Дома для мальчиковъ называются Мбонге. Я пришелъ однажды ночью послѣ утомительнаго путешествія въ одну деревню. Такъ какъ я въ ней никогда не бывалъ раньше и тревожить старшину въ такую позднюю ночь было неудобно, я пошелъ въ Мбонге и спросилъ мальчиковъ, могу ли я тамъ переночевать съ двумя моими служителями". Просьба Бентлея была уважена; онъ не говоритъ, однако, опредѣленно, что Мбонге служитъ, какъ у Малайцевъ, страннопріемнымъ покоемъ.

Общинный домъ; вправо отъ него — хижина для добраго генія. Острова Палау. (Океанія). По Присгейму.

Въ другихъ частяхъ Африки встрѣчаются дома для собраній, хижины Шаури или Палаверъ, въ которыхъ происходятъ попойки мужчинъ и исполняются разныя работы. Штульманъ упоминаетъ о такихъ же домахъ въ нѣмецкой восточной Африкѣ. Они, вѣроятно, развились такимъ же образомъ изъ домовъ для юношей, какъ и общинные дома Индонезіи.

Для обитателей Европы періодъ домовъ для мужчинъ отстоитъ слишкомъ далеко для того, чтобы мы могли надѣяться найти что нибудь, кромѣ остатковъ и слѣдовъ былыхъ порядковъ. Кто пожелалъ бы ихъ отъискать, можетъ найти много указаній въ извѣстіяхъ классической древности: таковы попойки гомерическихъ пировъ во дворахъ царей, общія трапезы спартанцевъ и многіе другіе обычаи этого консервативнѣйшаго изъ греческихъ племенъ. Индѣйскимъ арійцамъ, которые первоначально принадлежали къ культурному циклу Европы, еще въ ведаическую эпоху извѣстно Сабха,—собраніе мужчинъ, гдѣ головы ихъ разгорячались одновременно и игрою въ кости, и кутежомъ.

Если бы всѣ эти факты можно было разсматривать лишь какъ своеобразную форму домашней жизни, то ихъ съ культурно-исторической точки зрѣнія не стоило бы подвергать обстоятельному обсужденію. Но домъ для мужчинъ есть ничто иное какъ внѣшнее, легко распознаваемое выраженіе важнаго соціальнаго состоянія; въ немъ воплощается соединеніе мужчинъ въ общественный союзъ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ существовать и безъ устройства особаго дома. Трудно сказать, воспрепятствовалъ ли этотъ союзъ младшаго, неженатаго поколѣнія распаденію постепенно возраставшихъ ордъ на болѣе мелкіе союзы или же вызвалъ объединеніе обособленныхъ мелкихъ племенъ; вѣроятнѣе всего, что случалось, смотря по обстоятельствамъ, то одно, то другое. Изъ сочетанія обособленныхъ ордъ можно было бы превосходно объяснить происхожденіе фратрій, тотемическихъ родовъ и эксогамическихъ обычаевъ. Давши волю фантазіи, мы могли бы представить себѣ, какъ впервые когда-то молодежь двухъ сосѣднихъ ордъ, побуждаемая растущимъ отвращеніемъ отъ эндогамическихъ половыхъ соединеній, похитила себѣ дѣвушекъ изъ сосѣдняго племени, какъ они, при возникшихъ затѣмъ столкновеніяхъ, пріобрѣли нѣчто въ родѣ рыцарскаго уваженія другъ къ другу, наконецъ, соединились и вмѣсто настоящаго похищенія ввели притворную борьбу, а въ дѣйствительности обмѣнивались дѣвушками. Тогда выяснилось бы, почему въ дикой ордѣ братъ выступалъ естественнымъ защитникомъ своей сестры, и не терялъ своего вліянія и тогда, когда сестра послѣ нѣсколькихъ годовъ свободной любви вступала въ настоящій брачный союзъ; почему далѣе дѣвушка, которая не принимаетъ никакого участія въ союзѣ юношей не оставляетъ своего племени и вводитъ въ него дѣтей отъ брака. Все это возможно, но не подтверждается надежными доказательствами и едва-ли эволюція вездѣ имѣла приняла одинаковое теченіе. Происхожденіе мужскаго общества имѣетъ, несомнѣнно, и экономическія основы. Если эволюція не разъ пробивала себѣ и другіе пути, то въ большей части случаевъ достаточно ясно можно опредѣлить, что домъ мужчинъ принадлежитъ охотникамъ даннаго племени; тогда какъ на женщинахъ лежитъ собираніе растительной пищи. Но охотники являются одновременно и воинами — безпокойной и жаждущей битвъ частью населенія; а гдѣ преобладаетъ ихъ вліяніе и воинственные инстинкты выступаютъ рѣзко на первый планъ, тамъ грабежъ и война ставятся выше, чѣмъ производительная работа.

Происхожденіе возрастныхъ классовъ, которые въ австралійской общественной организаціи, въ видѣ архаическихъ остатковъ проникаютъ матріархальныя учрежденія, слѣдуетъ, повидимому, приписать вліянію союза мужчинъ, но это въ настоящее время представляется еще недостаточно яснымъ. Конечно, и теперь еще соединяются и живутъ въ домахъ для юношей молодые люди до вступленія въ бракъ, но, тамъ гдѣ въ бракъ вступаютъ

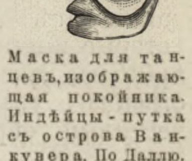
рапо, въ особые союзы соединяются только мальчики, а въ Новой Гвинеѣ только женатые мужчины допускаются въ общіе дома, холостымъ же доступъ туда закрытъ. Такія измѣненія обычны въ жизни народовъ и выступаютъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда обычай начинаетъ становиться излишнимъ или когда перемѣны въ общественномъ организмѣ выливаются въ предѣльныхъ формахъ своихъ. Естественное дѣленіе мужчинъ на три—четыре наслоенія: дѣтей, юношей, женатыхъ мужчинъ, къ которымъ присоединяются иногда и группы стариковъ, повидимому, всюду лежитъ въ основѣ общественнаго строя. Превосходный образчикъ представляетъ соціальная организація одного пастушескаго восточно-африканскаго народа массаи, подробно описанная впервые Томсономъ. Молодой массаи до 14 лѣтъ остается при родителяхъ, которые пользуются имъ, какъ подпаскомъ, потомъ онъ получаетъ оружіе и присоединяется къ холостой молодежи, которая вмѣстѣ съ молодыми дѣвушками ведетъ дикую охотничью и разбойничью жизнь подъ предводительствомъ ими самими избраннаго вождя. Въ бракъ вступаетъ массаи между 30 и 40 годами; при этомъ онъ переселяется въ крааль (поселеніе) женатыхъ людей и совершенно измѣняетъ свои привычки. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ передъ глазами одинъ надъ другимъ три рѣзко обособленныхъ возрастныхъ класса.

Пляска духовъ индѣйцевъ сіексовъ. По Дж. Мунею.

Нѣтъ, конечно, никакихъ препятствій къ тому, чтобы число возрастныхъ классовъ было больше и чтобъ рѣзкія раздѣлительныя линіи между ними сглаживались. У кафровъ, по извѣстіямъ Фрича, одновременно обрѣзанные мальчики образуютъ родъ братства и, если между ними оказывается сынъ вождя, то сверстники составляютъ его спеціальную свиту; у бечуановъ также обрѣзанные одновременно въ случаѣ призыва на войну содержатся вмѣстѣ и состоятъ подъ начальствомъ княжескаго сына, ихъ сверстника. Индѣйское племя манданoвъ распадается на шесть обществъ, которыя въ общемъ опредѣляются возрастомъ и въ которыя можно вписываться постепенно, переходя изъ одного класса въ другой. Это напоминаетъ клубы у меланезійцевъ, которые заслуживаютъ вниманія и сами по себѣ, но въ особенности, какъ переходная форма къ тайнымъ обществамъ.

Лучше всего извѣстенъ и всѣхъ типичнѣе клубъ Сукэ на Банковыхъ островахъ. Онъ имѣетъ особенные дома, въ то время какъ въ другихъ мѣстахъ жилище юношей и клубный домъ совпадаютъ, и возникновеніе клуба изъ общества мужчинъ представляется вполнѣ очевиднымъ. Клубъ Сукэ распадается на извѣстное число степеней, которыя могли первоначально соотвѣтствовать возрастнымъ классамъ, но въ которые теперь можно вписываться за извѣстную плату: здѣсь, слѣдовательно, уже опредѣлились рѣзко различія по общественному положенію и по имуществу. „Огромная масса туземцевъ", говоритъ Кодрингтонъ, „ни-

когда не поднимается выше средняго званія; многіе не достигаютъ даже его, но почти всѣ—за очень рѣдкими исключеніями—еще мальчиками принимаются въ общество. Мужчина, не вступившій въ клубъ, получаетъ насмѣшливое прозвище „луза“ по имени особаго рода летучей собаки, которая не живетъ вмѣстѣ съ другими. При вступленіи въ клубъ или возвышеніи въ новую степень уплачивается извѣстная сумма денегъ и устраивается, соотвѣтствующій степени, болѣе или менѣе роскошный пиръ... При отсутствіи у народа какихъ-либо собственныхъ политическихъ учрежденій, Сукэ образуетъ цѣнныя узы общественнаго единенія, такъ какъ въ немъ объединяется главнымъ образомъ взрослое мужское населеніе. Болѣе богатые и пожилые люди располагаютъ значительной властью и, между прочимъ, по своему усмотрѣнію, допускаютъ или не допускаютъ кандидатовъ на высшія степени“. Число степеней въ клубномъ домѣ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой очагъ, неодинаково на различныхъ островахъ. На Мота клубъ имѣетъ 18 степеней, а совершенно подобный ему Хуге—клубъ, на островахъ Торресовыхъ, всего семь. Различныя степени имѣютъ особые знаки и какой-нибудь священный предметъ составляетъ центръ мелкихъ подраздѣленій клуба. На Ново-Гебридскихъ островахъ клубнымъ помѣщеніемъ служитъ общинный домъ (Гамаль)“ — „Гамаль“ пишетъ Кутъ, — „обыкновенно имѣетъ въ длину 30—40 футовъ и дѣлится на маленькія отдѣленія, хотя никакихъ перегородокъ въ собственномъ смыслѣ нѣтъ, и на землѣ лежатъ только стволы пальмъ. Въ каждомъ отдѣленіи имѣется, три-четыре постели. Луки, весла и стрѣлы, висятъ надъ постелями; на стѣнѣ одно или два деревянныхъ блюда“. Финшъ описываетъ и клубный домъ въ Новой Ирландіи, который былъ недоступенъ для женщинъ и къ которому онѣ должны были приближаться нагнувшись или даже ползкомъ. Сомнительно, однако, чтобы здѣсь развилась настоящая клубная жизнь; домъ былъ вообще спальней для молодежи и чужестранцевъ.

Маска для танцевъ, изображающая покойника. Индѣйцы - путка съ острова Ванкувера. По Даллю.

Очень оригинальную форму клубовъ, которые, благодаря доступу женщинъ, еще далѣе отодвигаются отъ первоначальнаго сообщества мужчинъ, даетъ Полинезія. Доступъ женщины въ мужскіе дома и клубы представляетъ собой естественное явленіе всюду, гдѣ старая форма общества разрушается и теряетъ смыслъ. Въ Меланезіи женщины строго удерживаются въ отдаленіи отъ мужскихъ домовъ, у баттаковъ, гдѣ онѣ допускаются въ теченіе цѣлаго дня, а на островахъ Джильберта, гдѣ женщины вообще заняли видное положеніе, общинными домами пользуются въ одинаковой мѣрѣ мужчины и женщины. Сверхъ того, строгое отчужденіе женщинъ и дѣвушекъ отъ домовъ молодежи въ Меланезіи является вторичной формой развитія, которая тѣсно связана съ возникновеніемъ тайныхъ союзовъ. Что касается полинезійскихъ клубовъ, то прежде всего слѣдуетъ упомянуть замѣчательное общество Ареои на Таити. Ареои, по наиболѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ, распадаются на семь классовъ, изъ которыхъ высшаго могутъ достичь лишь немногіе, тогда какъ въ низшіе принимаются люди всякаго званія. Главной задачей общества являются, повидимому, сценическія представленія изъ жизни боговъ, несомнѣнно, отголосокъ танцевъ духовъ; въ тайныхъ союзахъ представляются и драматическія происшествія обыденной жизни, которымъ не чужда сатирическая нотка, нѣчто въ родѣ тенденціи къ исправленію нравовъ, которая напоминаетъ карательную власть тайныхъ союзовъ Меланезіи и Африки. Переходя съ мѣста на мѣсто, находя пріютъ въ спеціально устроенныхъ клубныхъ помѣщеніяхъ и предаваясь свободной любви, Ареои ведутъ какъ бы постоянно холостую жизнь въ то время, какъ ихъ жены совершенно такъ же ведутъ дѣвичій образъ жизни. Съ этимъ искусственно

установленнымъ родомъ жизни вполнѣ гармонируетъ тотъ фактъ, что ареои, за немногими исключеніями, убивали своихъ дѣтей тотчасъ по рожденіи,— обычай, который опирался, конечно, на вѣру въ особенную святость ареоевъ. Въ этомъ союзѣ такимъ образомъ первоначальное общество мужчинъ получило необычное развѣтвленіе, которое сохранило, однако, нѣкоторыя изъ своихъ лучшихъ качествъ, способствующихъ соціальному соединенію.

Расписанный черепъ дайака, Борнео. По Линчъ Роту.

Вильсонъ, который въ другихъ отношеніяхъ отзывается объ ареои неодобрительно, считаетъ должнымъ признать, что они своими путешествіями въ самыя отдаленныя области острова распространяютъ просвѣщеніе, болѣе утонченные нравы и склонность къ гостепріимству. Подобные союзы оказываются на Раратонга, на Маркизскихъ, на Гавайскихъ островахъ, хотя они не могутъ по своему значенію сравняться съ ареоями Таити. Нельзя не упомянуть замѣчательной параллели къ вышеуказаннымъ учрежденіямъ — улитао, на крайнемъ западѣ Океаніи на Разбойничьихъ островахъ. Это общество жило разсѣянно въ особенныхъ домахъ на всей группѣ острововъ; они пользовались большимъ уваженіемъ и имѣли значительное политическое и религіозное вліяніе, которое пришлось сломить силой, чтобы дать возможность христіанству утвердиться на этомъ архипелагѣ. Улитао также представляли собой товарищество холостяковъ, которые жили въ свободныхъ связяхъ съ дѣвушками высшихъ сословій, причемъ какъ сами они, такъ и эти дѣвушки, нисколько не теряли общественнаго уваженія. Улитао и ареоевъ, несмотря на ихъ далеко неблагочестивый образъ жизни, окружаетъ, какъ уже было выяснено выше, ореолъ святости, который имѣетъ, очевидно, совершенно особое происхожденіе. Изслѣдуя его, мы приходимъ къ новой формѣ развитія мужского сообщества — къ **тайнымъ союзамъ**, которые властвуютъ въ видѣ мрачной и таинственной силы надъ массой и прежде всего надъ женщинами. Мы можемъ съ полнѣйшей ясностью наблюдать ихъ расцвѣтъ и паденіе въ Меланезіи и западной Африкѣ.

Маска для танцевъ изъ Усеннділ. Вост. Африка. По Конмату.

Среди воинственнаго союза мужчинъ необходимо долженъ былъ возникнуть особый родъ **культа предковъ**, который при благопріятныхъ условіяхъ получаетъ преобладаніе надъ всѣми другими стремленіями и пріобрѣтаетъ рѣшающее значеніе по отношенію ко всему окружающему. Павшій въ бою воинъ не выходитъ изъ рядовъ своихъ товарищей: онъ носится, какъ духъ, надъ домомъ мужчинъ, онъ, какъ и раньше, предъявляетъ притязанія на свое мѣсто у очага, на свою долю за трапезой. Одной изъ обязанностей для оставшихся въ живыхъ товарищей является почитаніе памяти усопшаго; они должны сохранять съ любовью трупъ или часть послѣдняго, преимущественно черепъ, вырѣзать деревянную фигуру, въ которой могла бы поселиться его душа и танцами (см. рис. на стр. 108) развлекать или запугивать опаснаго гостя. Это относится главн. обр. къ духамъ самыхъ храбрыхъ и самыхъ страшныхъ покойниковъ; сношенія съ ними развились въ цѣлую систему. Нигдѣ однако не умѣютъ такъ

хорошо ладить съ тѣнями усопшихъ, какъ въ домахъ для мужчинъ; но женщины и дѣти боятся приближаться къ этимъ домамъ, гдѣ со стѣнъ скалятъ зубы черепа умершихъ, гдѣ таинственныя деревянныя фигуры грозно стоятъ вокругъ и отъ времени до времени барабанъ, флейта или гудокъ призываютъ обитателей къ грозному танцу. Отъ общества мужчинъ не ускользаетъ страхъ слабаго пола, и этотъ страхъ скоро становится однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій власти. Когда появляются въ маскахъ участники пляски духовъ (см .рис. на стр .108, 109, 110 и 112), непосвященные впадаютъ въ паническій страхъ, и воля страшныхъ чудовищъ становится закономъ, вслѣдствіе чего домъ мужчинъ внушаетъ неописуемый ужасъ. Постепенно изъ домовъ мужчинъ начали исключать рабовъ и людей низшаго званія, пока не возникало организованное вродѣ клуба тайное общество, которое, подобно средневѣковому тайному обществу (Feme) оказывало вліяніе на народъ и властвовало надъ нимъ. Таковъ приблизительно былъ вѣроятный ходъ развитія въ большинствѣ случаевъ.

Меланезія кишитъ тайными обществами, которыя функціонируютъ или рядомъ съ клубами, или становятся на ихъ мѣсто. Онѣ такъ же раздѣлены на степени и открываютъ для новичковъ свою дверь лишь послѣ взноса раковинными монетами и праздничнаго угощенія. Общество „Тамате" на Банковыхъ островахъ имѣетъ собственный клубный домъ—Салогаро, который въ обычное время служитъ членамъ для тѣхъ же цѣлей, что и дома для холостяковъ. „Но отъ времени до времени — говоритъ Кодрингтонъ — члены общества проявляли болѣе оживленную дѣятельность, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе, навербовать новыхъ членовъ, указать народу на свою важность и справить праздникъ. Они начинаютъ тогда приготовлять въ своей „ложѣ" новые костюмы и маски, и торжественные звуки „глине тамате" (своебразнаго, шипящаго инструмента) возвѣщаютъ всѣмъ непосвященнымъ, что скоро начнутся мистеріи. Страна становится тогда „замкнутой"; никто не долженъ по ней проѣзжать или выходить изъ нея, если не хочетъ подвергнуться опасности быть убитымъ таматами; эти послѣдніе позволяютъ себѣ величайшія вольности, тащатъ все, что имъ нужно, грабятъ сады и фруктовыя деревья для своего праздника; плохо приходится въ эту пору всякому, кто какимъ-нибудь образомъ проявитъ недостатокъ должнаго уваженія къ организаціи.

Духи въ своемъ облаченіи врываются въ деревню, прогоняютъ перепуганныхъ дѣтей и женщинъ и колотятъ всѣхъ, кто имъ попадется. Такимъ образомъ ясно выступаетъ невыгодное положеніе тѣхъ, кто не принадлежитъ къ обществу. Менѣе значительныя тайныя общества ведутъ себя не столь нагло".

Подобнымъ институтомъ является извѣстный „Дукъ-Дукъ" въ Новомъ Лауенбургѣ. Тайное общество и здѣсь располагаетъ собственнымъ домомъ, который закрытъ для непосвященныхъ, и устраиваетъ отъ времени до времени представленія замаскированныхъ танцоровъ. Такъ какъ здѣсь обыкновенно соединяются представители различныхъ областей, изъ которыхъ каждая выставляетъ одного или нѣсколькихъ плясуновъ, то число послѣднихъ очень велико. Клейншмидтъ видѣлъ, какъ сразу выступало до сорока человѣкъ. Пляски происходятъ ежедневно въ опредѣленное время; женщины допускаются присутствовать при нихъ; со зрителей взимается плата. По словамъ Гюбнера, праздникъ „Дукъ-Дукъ" устраивается еще въ томъ случаѣ, если кто-нибудь боленъ въ семьѣ вождя. Въ этомъ случаѣ главная цѣль заключается въ томъ, чтобы умилостивить или запугать привидѣнія или злыхъ духовъ, виновныхъ въ болѣзни. Фактъ, что танцоры „Дукъ-Дукъ" собираютъ (вѣроятно, съ кладбища), черепа умершихъ, и приносятъ ихъ въ дома потомковъ, выясняетъ вполнѣ происхожденіе этого учрежденія. Въ Новой Помераніи маски танцоровъ изготовляются прямо изъ череповъ тѣхъ умершихъ, духи которыхъ будто-бы выступаютъ

въ пляскахъ. Тайныхъ обществъ, посвящающихъ себя собиранію и раскрашиванію череповъ, въ восточной Меланезіи очень много.

Мимоходомъ можно упомянуть о тѣхъ ужасныхъ извращеніяхъ, которымъ часто подвергается исходящій изъ домовъ для мужчинъ культъ череповъ. Обладаніе многими черепами, въ которыхъ живетъ еще часть силы умершаго, и которые въ силу того хранятся, какъ драгоцѣнныя реликвіи, поднимаетъ значеніе дома для мужчинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлой деревни; почему же не присоединить къ собранію череповъ также черепа убитыхъ враговъ (см. рис. на стр. 110) частью, какъ трофеи, частью какъ талисманы, почему, наконецъ, охотѣ за черепами не сдѣлаться спортомъ, даже обязанностью всякаго, кто желалъ-бы вступить въ домъ для мужчинъ, жениться или сдѣлать какой-нибудь другой важный общественный шагъ? Что съ культомъ предковъ дѣйствительно тѣсно связана дикая охота за черепами индонезійскихъ и меланезійскихъ племенъ, показалъ уже Вилькенсъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она представляетъ собою такое же искаженіе союза мужчинъ, какъ и тайныя общества.

Танецъ племени бильхула. Сѣв.-зап. Америка. По фотографіи.

И на индонезійской почвѣ тайныя общества пустили глубокіе корни, особенно на Церамѣ, одномъ изъ Молуккскихъ острововъ. Но самымъ блестящимъ образомъ развертывается міръ привидѣній со всѣми своими особенностями и своимъ юридическимъ значеніемъ на западномъ берегу Африки, гдѣ отъ Сенегамбіи до Анголы живутъ своей мрачной жизнью тайныя общества и мѣстами практикуютъ настоящій терроръ (см. прилагаемую таблицу: „Маски"). Бастіанъ такъ рисуетъ появленіе духа Оро, который насылается союзомъ Огбони, въ области Іоруба—„Городъ Огбомошо дважды въ годъ предается во власть Оро. Послѣ обычнаго предупрежденія женщинамъ, начинается шумъ въ маленькихъ хижинахъ, которыя стоятъ внѣ городскихъ стѣнъ и къ которымъ нѣтъ другого доступа, какъ чрезъ усадьбу начальника. Въ теченіе цѣлой ночи путешествуютъ духи предковъ съ огромными бамбуковыми бичами, въ сопровожденіи другихъ болѣе или менѣе стереотипныхъ масокъ". У многихъ племенъ области Габунъ совершенно также выступаетъ лѣшій Нда, загоняетъ женщинъ въ хижины и вымогаетъ угощеніе ромомъ отъ деревенскихъ жителей. Въ случаѣ смерти знатнаго человѣка, Нда похищаетъ овецъ и козъ, которыя потомъ съѣдаются членами союза сообща, другими словами, онъ устраиваетъ принудительный погребальный пиръ для умиротворенія усопшаго. Запугиваніе женщинъ въ особенности практикуетъ духъ Мумбо-Джумбо мандинговъ; по временамъ онъ, переряженный, выбѣгаетъ изъ лѣса, нападаетъ на встрѣчныхъ женщинъ и бьетъ ихъ. Союзъ Эгбо въ Калабарѣ особенно замѣчателенъ своей системой классовъ, которая дѣ-

лаетъ его замѣчательной параллелью Меланезійской клубной системы и австралійскихъ возрастныхъ классовъ; и здѣсь члены постепенно восходятъ отъ класса къ классу и даже вождь племени безсиленъ, если онъ не занимаетъ соотвѣтствующаго мѣста въ союзѣ Эгбо. Главной задачей союза является отправленіе правосудія, въ особенности взысканіе долговъ, которое производится замаскированными сыщиками. У фулбэ, въ Сіера-Леонэ, союзъ Пурра, первоначально сходный съ тайными обществами, обратился въ родъ судейской коллегіи.

Если мы перенесемся мысленно изъ Африки на сѣверо-западный берегъ Америки, мы очутимся въ той же атмосферѣ соціальныхъ отношеній, которыя, какъ дикіе побѣги, вырастаютъ изъ союза мужчинъ, хотя климатъ и характеръ экономическихъ отношеній вызываютъ въ нихъ значительныя различія. Характерная черта тайныхъ обществъ квакіутлъ, въ силу которой только члены обществъ могутъ принимать участіе въ совѣщательномъ собраніи, даетъ возможность догадываться, что они произошли изъ общаго союза мужчинъ, тогда какъ другой обычай, по которому мѣсто въ обществѣ можно пріобрѣсти только по наслѣдству или черезъ бракъ, указываетъ уже положительно на новыя вліянія соціальной жизни. Раздѣленіе на классы существуетъ и здѣсь; въ остальномъ, преобладающее значеніе принадлежитъ торжественнымъ пляскамъ замаскированныхъ; судебная власть тайныхъ обществъ достаточно обезпечена совѣщательнымъ собраніемъ и имъ нѣтъ нужды прибѣгать къ запугиванію рабовъ и женщинъ подобно Мумбо-Джумбо.

Маска съ о-овъ Мортлокъ въ группѣ Каролинскихъ о-овъ. По В. Г. Даллю. См. текстъ, стр. 111.

Въ виду этихъ обычаевъ, распространенныхъ по всему лицу земли, кому не придетъ въ голову вопросъ — не принадлежатъ ли извѣстные обычаи европейскихъ народовъ — древніе и новые — къ тому же культурному наслоенію, какъ и греческія мистеріи или игры на овсяномъ полѣ въ Баваріи—этотъ единственный обычай древности столь рѣзко бросающійся въ глаза среди современной культуры? Возможно, что и эти нѣмецкія весеннія игры, во время которыхъ деревенскіе парни приносятъ изъ лѣса фантастически наряженнаго „троицкаго болвана“, являются отголоскомъ такихъ же обычаевъ. Въ сочиненіи Маннгарта о культѣ деревьевъ можно найти много поразительныхъ параллелей. Здѣсь для изслѣдованія открывается обширное, еще нетронутое поле.

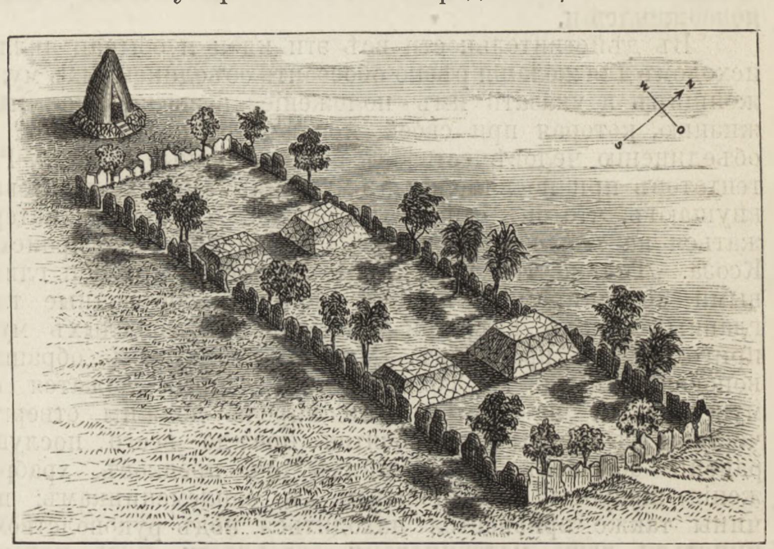
Клубы и тайныя общества выходятъ всегда изъ мужскихъ союзовъ. Это положеніе отнюдь не опровергается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подобнымъ же образомъ организуются и женскіе союзы. Здѣсь повліялъ примѣръ мужчинъ, или же выразилось стремленіе противопоставить терроризму мужскихъ союзовъ соотвѣтствующую женскую организацію. Повторяется и здѣсь старое положеніе, гласящее, что всякая женская эмансипація вытекаетъ всегда больше изъ стремленія къ подражанію мужчинамъ, чѣмъ изъ развитія чисто-женскихъ качествъ. Изъ небольшого числа, менѣе строгой организаціи и слабаго вліянія женскихъ обществъ очевидно, что мы имѣемъ въ нихъ дѣло съ явленіями вторичными, которыя до извѣстной степени почти неизбѣжно вытекаютъ изъ мужской организаціи, какъ возрастные классы австралійскихъ дѣвушекъ и женщинъ. У индѣйцевъ-манда́новъ, по словамъ принца фонъ Видъ, рядомъ съ шестью классами мужчинъ было только четыре класса женщинъ. Клубы и тайныя общества женщинъ устраиваются параллельно,

мужскимъ въ Меланезіи и Западной Африкѣ, а также и на Банковыхъ островахъ. Хотя,—пишетъ Кодрингтонъ,—„женщины безусловно исключены изъ клуба Сукэ, у нихъ есть также подобное учрежденіе, носящее совершенно безъ права то же названіе“. Онѣ получаютъ извѣстную степень посредствомъ денежныхъ взносовъ и угощенія и становятся, такимъ образомъ, тавине мотаръ, „женщины съ отличіемъ“. Такимъ же образомъ женщины объединяются въ общества и клубы на островахъ Палау. Клубы эти играютъ извѣстную роль во время праздниковъ, но не сравниваются по вліянію съ мужскими домами: женщины Жильбертовыхъ островов дошли даже до собственныхъ домовъ для собраній, которые меньше, чѣмъ мужскіе и въ которыхъ занимаются обычными женскими работами. Настоящія общества женщинъ, которыя до извѣстной степени сдерживаютъ необузданное поведеніе мужчинъ, возникли въ Западной Африкѣ. Въ области Габуна между женщинами племенъ мпонгвэ и бакала и образовался союзъ Ньембэ, который, по чисто-африканскому порядку имѣетъ хижину для фетиша, и всякаго рода колдовскими фокусами запугиваетъ своихъ противниковъ; женщины этихъ двухъ племенъ въ самомъ дѣлѣ пользуются лучшимъ положеніемъ, чѣмъ другія негритянки. Мужчинамъ доступъ къ фетишу строжайше воспрещается, и Дю-Шалью, попытавшійся проникнуть въ одну изъ этихъ хижинъ, подвергся нападенію цѣлой толпы разсвирѣпѣвшихъ женщинъ, которыя заставили его заплатить штрафъ.

Тайные союзы мужчинъ несомнѣнно отдѣлились отъ мужскихъ обществъ, но зародыши, изъ которыхъ они при благопріятныхъ условіяхъ выростаютъ, распространены чрезвычайно широко, какъ показываетъ намъ обзоръ церемоній при посвященіи мальчиковъ и юношей, церемоній, которыя означаютъ переходъ къ возмужалости, къ порѣ пріема въ союзъ взрослыхъ или въ классъ младшихъ воиновъ. Часто всѣ мужчины племени образуютъ родъ тайнаго союза, который имѣетъ нѣчто въ родѣ клубнаго дома или ложи; сюда относятся площади Нанга на островахъ Фиджи, гдѣ совершаются церемоніи пріема. Часть обрядовъ посвященія состоитъ въ испытаніи мужества и стойкости, которыя выродились въ утонченныя истязанія, вредящія здоровью и угрожающія жизни; главный смыслъ ихъ заключается въ томъ, чтобы принимать въ союзъ мужчинъ только храбрыхъ и здоровыхъ и, если не уничтожать, то отвергать слабыхъ. Мы теперь оставимъ въ сторонѣ такія испытанія мужества, а также обычай обрѣзанія, который въ различныхъ своихъ формахъ первоначальной цѣлью имѣлъ вѣроятно облегченіе половыхъ сношеній и только постепенно, какъ у евреевъ, сталъ совершаться подъ вліяніемъ вторичныхъ мотивовъ во время первыхъ дней дѣтской жизни; сюда не относится также оригинальный, особенно распространенный въ Австраліи обычай калѣчить извѣстное число мальчиковъ, чтобы предупредить нежелательный приростъ народонаселенія. Но самаго глубокаго вниманія заслуживаютъ тѣ воззрѣнія и обычаи, которые доказываютъ тѣсную связь посвященія мальчиковъ съ культомъ предковъ. Въ обычаѣ болѣе или менѣе ясно выступаетъ мысль, что дѣти могутъ умирать и возрождаться, что чужой духъ, очевидно, духъ одного изъ предковъ, овладѣваетъ новопосвященнымъ мальчикомъ и наполняетъ его новыми силами, которыя дѣлаютъ его способнымъ для вступленія въ мужское сообщество и для того, чтобы безопасно принимать участіе въ пляскахъ духовъ и церемоніяхъ. Какимъ образомъ могло возникнуть это воззрѣніе, въ основѣ котораго, можетъ быть, лежитъ эндоканибализмъ, пожираніе собственныхъ соплеменниковъ, мы здѣсь не будемъ изслѣдовать обстоятельно. Что оно существуетъ и пользуется вліяніемъ, легко показать на типичныхъ примѣрахъ.

У туземцевъ Либеріи, какъ подробно описываетъ Бюттикоферъ, дѣти воспитываются въ волшебномъ лѣсу, который у Вейса означается терминомъ берри или белли. Туда приводятъ мальчиковъ лѣтъ около 10; въ

теченіе цѣлаго года старики обучаютъ ихъ войнѣ и охотѣ, правовымъ обычаямъ племени и пріучаютъ къ голоду, жаждѣ и тѣлеснымъ страданіямъ. Женщинамъ и непосвященнымъ доступъ въ лѣсъ строжайше воспрещенъ, но мальчиковъ, которые отказываются итти въ волшебный лѣсъ уноситъ замаскированный „лѣшій“. Принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы какъ посвященнымъ, такъ и остальному народу вселить убѣжденіе, что новопосвященные при входѣ въ лѣсъ умираютъ и потомъ возрождаются къ новой жизни. „Гипнотизируются ли какъ-нибудь воспитанники“, прибавляетъ Бюттикоферъ, „ихъ воспитателями при вступленіи въ институтъ и потомъ дѣйствительно вѣрятъ въ свою смерть и въ свое возрожденіе или вслѣдствіе наложеннаго на нихъ строгаго обѣта только дѣлаютъ видъ, какъ будто они дѣйствительно умерли и потомъ возродились,—оставляю нерѣшеннымъ. Несомнѣнно только то, что мальчики и дѣвочки, послѣ такого возрожденія, ведутъ себя такъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ потеряли воспоминаніе о прошлой жизни, не признаютъ старыхъ знакомыхъ и должны снова учиться всему, что уже знали“. Дальше на югѣ, на берегахъ Лоанго и въ устьѣ Конго, этотъ обычай, повидимому, также господствуетъ; случается иногда, что и взрослые „убиваются“ и возрождаются; очевидно это искаженіе первоначальнаго обычая, если не воспоминаніе о системѣ возрастныхъ классовъ. „Того, кого фетишъ любитъ, онъ уводитъ въ лѣсъ“, — утверждаетъ Бастіанъ со словъ одного туземца, „и зарываетъ въ землю часто на многіе годы. Когда онъ вновь пробуждается къ жизни, онъ начинаетъ ѣсть и пить, какъ прежде, но его разсудокъ къ нему не возвращается, и служитель фетиша долженъ его воспитывать и наставлять при каждомъ движеніи, какъ крошечнаго ребенка... Когда его образованіе закончено, жрецъ приводитъ его обратно къ родителямъ. Послѣдніе рѣдко узнаютъ его прежде, чѣмъ воспитатель не убѣдитъ ихъ вернуть въ сознаніе мальчика воспоминаніе о былыхъ событіяхъ“. Дико-фантастической драмой является убіеніе и оживленіе ребенка у алфуровъ Церама. Въ глубинѣ дикой чащи находится храмъ, имя котораго Марель, напоминающее Марап и Боле, заставляетъ насъ видѣть преобразовавшійся домъ мужчинъ; сюда родители приводятъ трепещущую толпу дѣтей; жрецъ вводитъ ихъ въ темное помѣщеніе храма. Тотчасъ затѣмъ изъ храма несутся крики ужаса и страданія, и кровавыя копья зловѣще просовываются изнутри, сквозь плетеную стѣну зданія. Только чрезъ три мѣсяца возродившіеся мальчики возвращаются домой съ бѣлыми посохами въ рукахъ, но они разучились говорить, утратили всякое воспоминаніе о минувшемъ, и только послѣ долгаго обученія сознаніе къ нимъ возвращается.

Помѣщеніе тайнаго союза мужчинъ, называемое панга, на о-вахъ Фиджи. По А. Гюгелю. См. текстъ, стр. 114.

Въ области Финшгафена на Новой Гвинеѣ Шеллонгъ видѣлъ обрѣзанныхъ мальчиковъ, возвращавшихся съ закрытыми глазами въ деревню; ихъ серьезный и апатичный видъ привелъ его въ изумленіе,. Они открыли глаза только тогда, когда одинъ мужчина, ударяя сильно по землѣ стеблемъ пальмоваго листа нѣсколько разъ, потребовалъ этого, но и тогда они не обнаружили никакой радости, никакихъ признаковъ того, что вновь узнаютъ окружающее. Идея возрожденія здѣсь проведена не такъ послѣдовательно, но еще достаточно замѣтно. На материкѣ Австраліи долговременное обособленіе дѣтей отъ соплеменниковъ и въ особенности отъ женщинъ—комедія съ деревяннымъ гудкомъ, который безъ опасности для жизни не могутъ видѣть ни женщины, ни дѣти,—и многіе другіе обычаи доказываютъ, что и здѣсь въ основаніи обычаевъ лежитъ представленіе о новооживленіи.

Въ дѣйствительности всѣ эти идеи и обычаи являются всегда лишь исходомъ для желанія рѣзко обособить объединенныхъ мужчинъ отъ общества женщинъ и указать имъ положеніе, возвышающее ихъ надъ семейною жизнью, которая при своей исключительности могла бы препятствовать объединенію человѣчества въ болѣе крупные союзы. Ради этого и у готтентотовъ при посвященіи въ мужчины, юношѣ, по словамъ Петера Кольба, внушаютъ, что онъ отнынѣ не обязанъ слушаться матери и долженъ держаться на сторонѣ мужчинъ. Совершенно тоже происходитъ у каффровъ Ксоза. „Только что, намазанные жиромъ и красной глиной, одаренные новыми колесницами“, пишетъ Фричъ, „обрѣзанные тянутся вмѣстѣ въ главный крааль, гдѣ, при участіи всѣхъ взрослыхъ мужчинъ мѣстности, приготовленъ праздникъ. Мужчины еще разъ обращаютъ вниманіе новопосвященныхъ на обязанности, которыя ложатся на нихъ, какъ на мужчинъ, и на то, что они впредь должны отвергнуть, какъ ребячество. Къ первымъ относятся прежде всего послушаніе вождю, сохраненіе обычаевъ, перешедшихъ отъ предковъ, храбрость на полѣ сраженія, щедрость по отношенію къ соплеменникамъ; недостойнымъ мужчины также признается находиться подъ руководствомъ женщины, подчиняться даже материнскому авторитету, пить молоко, сосать козъ и дѣлать другія ребячества“.

По большей части изъ союза мужчинъ исходятъ многочисленныя, благодаря страху предъ существами сверхъестественными, пріобрѣвшія авторитетъ запрещенія, наиболѣе извѣстными изъ которыхъ являются полинезійскіе законы о табу. Утратившіе свое значеніе, приспособленные къ разнообразнымъ цѣлямъ законы эти образуютъ на первыхъ порахъ параллели къ тому систематичному запугиванію женщинъ и непосвященныхъ, которое исходитъ изъ тайныхъ союзовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они также даютъ начало закономѣрному порядку племенной жизни и связанной прочными формами юстиціи, подобно тому, какъ позднѣе законы табу укрѣпили идею личной собственности.

Возможность наблюдать и изучать дѣятельность мужскихъ союзовъ у многочисленныхъ современныхъ народовъ какъ въ ихъ простѣйшихъ формахъ, такъ и въ возникшихъ изъ нихъ производныхъ формахъ, является для насъ подаркомъ судьбы; но мы не должны все-таки при этомъ закрывать глаза на то, что дома союзовъ мужчинъ съ ихъ воззрѣніями и обычаями, являются остаткомъ отживающей формы существованія. Эта форма могла держаться при матріархатѣ, послѣ того, какъ первоначальная организація по классамъ была замѣнена организаціей по родамъ, но этой формѣ былъ нанесенъ окончательный ударъ патріархальной семьей. Преобладаніе мужскихъ союзовъ часто также является гибельнымъ для экономическаго переворота, который сопровождаетъ введеніе земледѣлія и нерѣдко связанъ съ умаленіемъ женскаго вліянія, такъ какъ въ первобытныхъ условіяхъ женщина воздѣлываетъ питательныя ра-

стенія, тогда какъ мужчина, въ качествѣ охотника и позднѣе скотовода, заботится о мясномъ продовольствіи. Подобное явленіе, повидимому, имѣло мѣсто у многихъ дикихъ племенъ Бразиліи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лишило прежняго обаянія, грозныя мужскія маскарадныя церемоніи. У большей части народцевъ, живущихъ по Шингу, Карлъ Фонъ-денъ Штейненъ нашелъ еще незыблемымъ уваженіе къ „дому флейтъ“ и пляскамъ замаскированныхъ мужчинъ; но женщины тапирапэ въ Гояцѣ, по свидѣтельству Эренрейха, вышли уже изъ этого состоянія благоговѣйнаго преклоненія передъ такими мистеріями. Переворотъ, по преданію, совершился благодаря тому, что нѣкогда всѣ женщины случайно, — вѣроятнѣе же съ намѣреніемъ, — посмотрѣли на содержимыя въ тайнѣ священныя танцовальныя маски, вслѣдствіе чего тайна разоблачилась, и внушаемые ею страхи разсѣялись. Нельзя же было перебить изъ принципа всѣхъ женщинъ племени и, такимъ образомъ, устранить послѣдствія женскаго любопытства. Въ другихъ мѣстахъ тайные союзы распались подъ вліяніемъ болѣе высокой культуры. Едва ли, напримѣръ, можно сомнѣваться въ томъ, что меланезійскіе клубы были первоначально тайными обществами, устрашающія церемоніи и обряды которыхъ потеряли весь свой престижъ въ глазахъ народа и стали практиковаться только для увеселенія и забавы зрителей, между тѣмъ какъ рядомъ съ ними возникли новые тайные союзы. На Флоридѣ было особенно плачевно паденіе союза Матамбала. „Ни одного праздника Матамбала“, пишетъ Кодрингтонъ, „не дѣлалось уже нѣсколько лѣтъ; все молодое поколѣніе знало, въ чемъ было дѣло, хотя старшіе не утратили еще своей вѣры и были убѣждены, что ихъ игры имѣютъ въ себѣ нѣчто сверхъестественное. Когда глава союза принялъ христіанство, всѣ безбоязненно подступили къ священному кругу, деревянные гудки обратились въ дѣтскія игрушки; старики сидѣли и плакали о потерѣ своего обаянія, своего могущества и привилегій“. И у эскимосовъ, гдѣ замаскированные танцоры (см. рис. рядомъ) еще иногда появляются, нѣтъ уже рѣчи о настоящихъ тайныхъ союзахъ.

Замаскированный эскимосъ. По Ф. Боасу, см. текстъ рядомъ.

Но если бы даже исчезли совершенно возрастные классы и союзы мужчинъ со всѣми ихъ развѣтвленіями, ихъ слѣды, несомнѣнно, остались бы. Въ виду этого возникаетъ невольно вопросъ, не восходятъ ли многіе изъ тѣхъ обычаевъ, которые разсматриваются, какъ пережитки доисторическаго полового коммунизма къ тѣмъ воззрѣніямъ, которыя должны были выработаться внутри группъ неженатыхъ мужчинъ и соотвѣтствующаго имъ возрастнаго класса женщинъ, независимо отъ одновременно существовавшей семейной жизни среди старшихъ. Въ этотъ вопросъ стоитъ вдуматься. Любовь и бракъ первоначально имѣли очень мало общаго между собой, — скорѣе экономическія соображенія и забота о дѣтяхъ создали тѣсный союзъ между лицами различныхъ половъ. Свободная, беззаботная любовная жизнь молодыхъ людей протекаетъ внѣ брака и къ женитьбѣ обыкновенно принуждаютъ только послѣдствія близкихъ отношеній. Домъ для юношей — тамъ, гдѣ онъ не закрытъ для женщинъ разными таинственными ухищреніями, является совершенно естественнымъ центромъ этой свободной любви; на Япѣ, напр., дѣвушки могутъ входить туда во всякое время, замужнія женщины только днемъ; а какое веселье идетъ

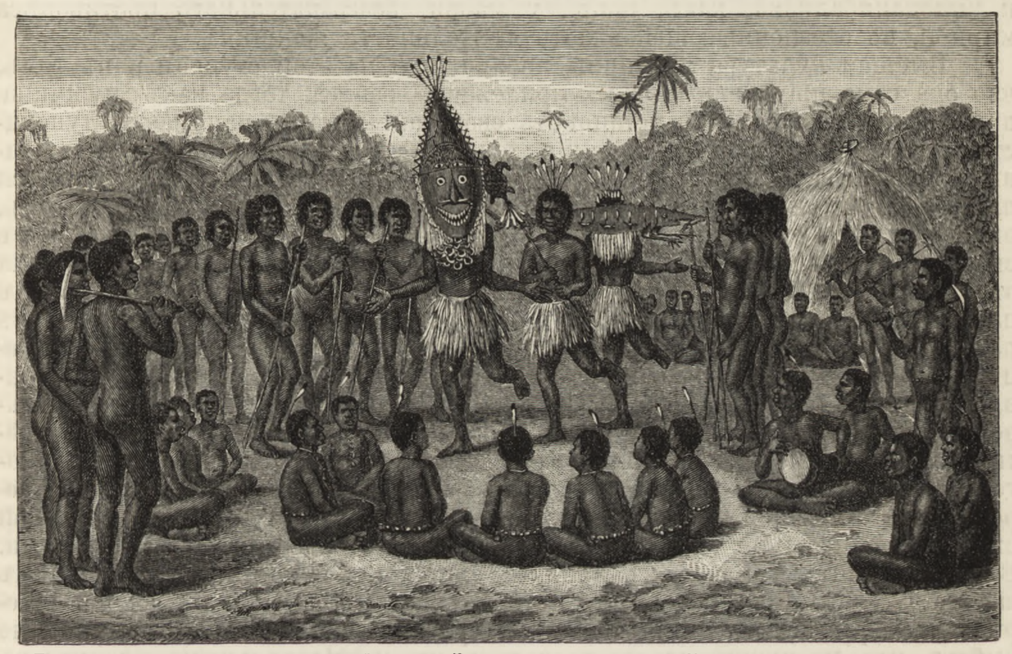
въ мужскомъ домѣ бороро, достаточно ясно изобразилъ Фонъ-денъ-Штейненъ. Дѣвушки, которыя на Каролинскихъ островахъ живутъ въ бай'ахъ мужчинъ, такъ называемыя арменголы, ходятъ иногда изъ одного мужского дома въ другой до тѣхъ поръ, пока не найдутъ себѣ мужа. Въ этихъ нравахъ, которые существуютъ рядомъ съ прочными брачными отношеніями, заключаются, можетъ быть, зачатки той идеи, что молодая дѣвушка собственно принадлежитъ всѣмъ молодымъ мужчинамъ племени, пока брачныя запрещенія не поставятъ границы, и что прежде, чѣмъ она вступитъ въ прочныя отношенія съ однимъ опредѣленнымъ мужчиной, она должна какимъ-нибудь образомъ вознаградить остальныхъ за потерю. себя Такимъ образомъ открывается средній путь, который выводитъ изъ старой дилеммы и устраняетъ многія одностороннія представленія; половой коммунизмъ, конечно, нѣкогда существовалъ во многихъ мѣстахъ, можетъ быть, временно и вездѣ; его можно указать даже теперь, но онъ распространяется не на всѣхъ членовъ общества, а только на младшихъ; это не ступень, предшествующая браку, но независимо существующее рядомъ съ нимъ параллельное явленіе.

Конечно, стремленія молодежи, находя поддержку въ ея тайныхъ союзахъ, клубахъ, костюмированныхъ танцахъ (см. рис. на стр. 119), легко могутъ стать антитезой брака и дѣйствовать на него разлагающимъ образомъ. Товарищескія отношенія молодыхъ людей прочнѣе, чѣмъ позднѣйшій брачный союзъ, и такъ какъ между нѣкоторыми изъ товарищей можетъ установиться нѣкоторый имущественный коммунизмъ, то и жена легко можетъ разсматриваться, какъ извѣстнаго рода общее достояніе, которое можетъ быть въ извѣстное время предоставлено въ распоряженіе друга. Возможно, что здѣсь лежатъ зачатки брака племенъ Пуналуа и Пиррауру (Ср. стр. 103). По крайней мѣрѣ получается впечатлѣніе, что нѣкогда это было свободнымъ обыкновеніемъ, которое, какъ это нерѣдко бываетъ, постепенно закрѣпилось и вылилось въ опредѣленныя формы. Въ этомъ смыслѣ обмѣнъ женами является предшествующимъ моментомъ первоначальнаго обычая, а предоставленіе жены гостю его искаженіемъ. Въ Африкѣ отдача жены „взаймы“ другу не рѣдкость. Этотъ обычай употребителенъ, по свидѣтельству Цукелли, на нижнемъ Конго, у мпонгье на Габунѣ, по Бертону и Геккарду. Фактъ, что въ Суданѣ купцы, отправляющіеся въ путешествіе, предоставляютъ свою жену временно другу и того же ожидаютъ съ его стороны, напоминаетъ извѣстные спартанскіе обычаи. У жителей Маршальскихъ острововъ Шамиссо первый указалъ на обычай обмѣна женами; давно этотъ обычай констатированъ былъ и на Каролинскихъ островахъ, былъ этотъ обычай, повидимому, въ употребленіи почти во всей Океаніи, но не перешелъ всюду въ прочный институтъ, какъ на Гаваіи и Маркизскихъ островахъ. Ближайшимъ другомъ женатаго человѣка естественно является его братъ, который и въ самомъ дѣлѣ чаще всего является вторымъ супругомъ или, по крайней мѣрѣ, согласно обычаю такъ называемаго левирата, женится на вдовѣ умершаго брата. Не слѣдуетъ также считать очень рискованнымъ предположеніе, что поліандрія многихъ народовъ можетъ быть сведена на циклъ воззрѣній первичнаго общества мужчинъ и разсматриваться, какъ остатокъ старыхъ отношеній, который, можетъ быть, вслѣдствіе экономическихъ мотивовъ держится съ особенной стойкостью. Многомужество съ этой точки зрѣнія является не неожиданнымъ исключеніемъ, а совершенно естественнымъ результатомъ опредѣленнаго развитія.

Ретроспективнымъ путемъ мы получили картину древнихъ общественныхъ формъ, которая, кажется, способна установить середину между рѣзкими противоположностями научныхъ воззрѣній. Семья, съ ея естественнымъ дополненіемъ, могла быть всегда первой основой образованія общества. Благодаря солидарности мужчинъ возникли потомъ болѣе крупные союзы, внутри которыхъ выработалась новая организація по возра-

стнымъ классамъ; свободная любовь и гетеризмъ получили при этомъ господство между младшими, брачная жизнь — между старшими классами. Семейная жизнь постепенно перешла въ патріархальную. Таково могло быть развитіе ея въ самыхъ общихъ чертахъ: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самыя разнообразныя вліянія то ускоряли прогрессъ, то стѣсняли его и благопріятствовали всякаго рода аномаліямъ.

Матріархальное общество противопоставляетъ принципъ кровнаго родства принципу возрастныхъ классовъ, разнузданному поведенію дѣвичьихъ домовъ и домовъ для юношей — урегулированную брачную жизнь и воспитаніе дѣтей въ предѣлахъ племени. Въ сущности, лишь такимъ образомъ пріобрѣтаетъ высшее значеніе древнѣйшая форма общества, имѣвшая мѣсто до образованія мужскихъ союзовъ съ однимъ важнымъ

Танецъ въ маскахъ у жителей о-овъ Торресъ, Австралія. По Гаддону, см. текстъ, стр. 118.

отличіемъ: на этотъ разъ семья собиралась около матери, а не около вождя. Это не значитъ, конечно, что одновременно женщина пріобрѣла болѣе почетное положеніе: пока остается на своей высотѣ сообщество мужчинъ, и семейная жизнь разсматривается, какъ вынужденный придатокъ веселаго житья среди пьянства, веселья, воинственныхъ подвиговъ, женщина остается безъ вліянія и силы, несмотря на свое „материнское право“. Только экономическія причины, какъ это блестяще доказалъ Ю. Липпертъ, дали женщинѣ возможность улучшить свое положеніе и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, даже достигнуть господства.

Уже на самыхъ первобытныхъ ступеняхъ хозяйства человѣка, какъ мы это яснѣе увидимъ послѣ, выступаетъ раздѣленіе труда въ томъ смыслѣ, что мужчина добываетъ по преимуществу животную пищу, а женщина растительную. Постепенно, независимо другъ отъ друга и, конечно, не вездѣ одинаково, развилось изъ женской дѣятельности воздѣлываніе полезныхъ растеній, изъ мужской — скотоводство. Земледѣліе женщинъ стало быть, если не старше, чѣмъ скотоводство мужчинъ, то во всякомъ случаѣ имѣетъ болѣе широкое, всеобщее распространеніе. Рядомъ съ пастушескими народами и народами сравнительно высшей культуры, у которыхъ скотоводство и земледѣліе существуютъ одновременно, стоитъ много

другихъ народовъ, которые занимаются ручнымъ земледѣліемъ и въ очень незначительномъ количествѣ воспитываютъ полезныхъ животныхъ: здѣсь женщина сдѣлала шагъ впередъ, который далъ ей преимущество предъ мужчиной, который остался на стадіи охотничьей жизни. Удачно воспользовавшись этимъ преимуществомъ, женщина пріобрѣла дѣйствительную силу, особенно тамъ, гдѣ дичи мало, и охотничья добыча незначительна. Сюда часто присоединялись у женщинъ промыслы: горшечный, ткацкій (см. рис. на стр. 121) и т. п., которые въ мѣстностяхъ, гдѣ уже дс нѣкоторой степени развилась торговля, обезпечили ей собственный доходъ. Мужчины, однако, умѣютъ отстоять свои права; мы уже видѣли, какъ они стремятся путемъ тайныхъ союзовъ стѣснить организацію женщинъ, и слѣдуетъ поразмыслить, не составляетъ ли чрезмѣрное развитіе воинственности и эндоканибализма, какъ, напр., у маори, безсознательнаго противовѣса мирной, но обезпечивающей власть дѣятельности женщинъ.

Высшая культура женщины проявляется на этой ступени и въ томъ, что она сама пріучаетъ себя къ прилежной работѣ, тогда какъ мужчина, пріобрѣвши возможность установить свой авторитетъ, начинаетъ тунеядствовать. Такимъ образомъ вліяніе женщины и матріархальной семьи поднимается болѣе и болѣе и нерѣдко доходитъ до того, что мужъ является лишь терпимымъ придаткомъ матріархальной семьи. У женщины свой домъ, она ведетъ свое хозяйство, и мужчина входитъ въ это хозяйство, какъ своего рода товарищъ по ѣдѣ, присоединяя свою охотничью добычу. Такія отношенія развились, по свидѣтельству Лоскиля, у многихъ индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки; но при этомъ, конечно, слѣдуетъ принять въ разсчетъ, что мужчины съ своей стороны имѣли свою организацію и всецѣло руководили дѣлами племени. Форменная гинекократія представляется явленіемъ рѣдкимъ. У Вабума на Конго Мензе нашелъ женщинъ-вождей и жрицъ, вліяніе которыхъ было достаточно велико, чтобы воспретить мужчинамъ многоженство, въ то время, какъ сами онѣ имѣли многочисленныхъ мужей; у жителей острова Юле близъ юго-восточнаго берега Н. Гвинеи могущество женщинъ, по словамъ д'Альберти, до такой степени значительно, что въ извѣстной степени доходить до гинекократіи. Въ этомъ смыслѣ Бахофенъ придалъ слишкомъ большую цѣну древнимъ сказаніямъ объ амазонкахъ, для которыхъ есть параллели въ южной Америкѣ и Африкѣ. Женщины-вожди, напротивъ, явленіе очень обычное, но выборъ ихъ не нужно всегда возводить къ матріархальнымъ идеямъ: въ патріархальной Европѣ мы до сихъ поръ видимъ женщинъ — государынь на тронѣ.

Въ общемъ, конечно, мужчина, при всей измѣнчивости условій, удерживаетъ свои преимущества, хотя бы иногда и потому только, что женщина, въ силу своей слабости и наложенныхъ на нее природой обязанностей, нуждается въ защитникѣ. Это преимущество обнаруживается прежде всего въ обычаяхъ, имѣющихъ мѣсто при сватовствѣ и бракѣ, въ которыхъ женщина почти всегда выступаетъ ближайшимъ образомъ какъ собственность родителей или ихъ замѣстителей, какъ будущее достояніе мужа, какъ предметъ состязанія, обмѣна, купли, который можетъ проявить свою волю только въ исключительныхъ случаяхъ и съ величайшими затрудненіями и опасностями. Бѣглый взглядъ на нѣкоторыя главныя формы заключенія брачнаго союза дастъ для этого достаточное доказательство.

На материкѣ Австраліи находятся еще въ полной силѣ старыя формы похищенія и вымѣна женъ. У кого нѣтъ родственницъ, которыхъ онъ могъ бы отдать въ обмѣнъ за дѣвушку другого племени, тотъ находится въ плачевномъ положеніи, и ему не остается другого выхода, какъ похитить дѣвушку сосѣдняго племени и бѣжать съ ней въ лѣсную чащу. Чету, обыкновенно, находятъ, и молодой человѣкъ, вооруженный однимъ лишь щитомъ, долженъ вступить въ борьбу съ мужчинами ограб-

леннаго племени, которые нападаютъ на него съ кольями и иногда убиваютъ; часто возникаетъ формальная война между двумя ордами, если старикамъ не удается добиться примиренія или если нѣтъ дѣвушки, которую можно отдать въ обмѣнъ за похищенную. У нѣкоторыхъ племенъ на Викторіи несчастный любовникъ долженъ былъ, по словамъ Бульмера, во всякомъ случаѣ, даже если никто не можетъ представить возраженій противъ союза, сражаться съ родственниками своей возлюбленной и такъ же, какъ и дѣвушка, терпѣть толчки и удары притворно раздраженныхъ родичей, пока не получитъ ихъ согласія.

Эти свадебныя битвы, которыя въ Австраліи имѣютъ еще совершенно серьезный характеръ, хотя безпорядочнаго похищенія женщинъ теперь уже не бываетъ и брачные законы всегда соблюдаются, сохранились съ замѣчательной стойкостью въ различныхъ странахъ свѣта въ видѣ символическихъ, притворныхъ дракъ. Обыкновенно жениху помогаютъ его сверстники и люди его „возрастнаго класса“. Невѣста, напротивъ, обязана сопротивляться: она упирается, плачетъ, зоветъ на помощь и должна всячески показывать, что не по своей волѣ слѣдуетъ за мужемъ. Мать дѣвушки въ большей части брачныхъ обычаевъ играетъ второстепенную роль, а по отношенію къ будущему у нея отнимается возможность всякаго вліянія на молодую чету широко распространеннымъ обычаемъ, въ силу котораго зять и теща не должны разговаривать, не должны даже видѣть другъ друга. Возникъ ли этотъ обычай изъ желанія предупредить кровосмѣшеніе, — что весьма вѣроятно, — или онъ является эпилогомъ притворнаго похищенія, онъ во всякомъ случаѣ препятствуетъ организаціи матріархальной семьи и создаетъ господство мужчинъ и внутри тѣхъ маленькихъ группъ, которыя въ предѣлахъ рода естественно образуются вокругъ матери. Съ какой послѣдовательностью онъ по мѣстамъ проводится, показываетъ слѣдующее замѣчаніе Кодрингтона: „На Банковыхъ островахъ ни одинъ мужчина не приближается къ тещѣ; отвращеніе взаимное; если оба случайно сходятся на дорогѣ, теща отходитъ въ сторону и стоитъ отвернувшись, пока не пройдетъ зять, или, если это возможно, послѣдній свертываетъ съ дороги. На Нануа Лава, близъ порта Паттерсонъ, зять не можетъ идти по берегу за тещей, теща за зятемъ раньше, чѣмъ не смоются слѣды прошедшаго впередъ зятя. Тестя и свекра не избѣгаютъ такимъ образомъ ни зять, ни невѣстка.

Дѣвушка-ткачиха. Рисунокъ ацтековъ. По У. Мэтьюсу. См. текстъ на стр. 120

Точно также обычай служить за невѣсту самъ по себѣ не доказываетъ особеннаго уваженія къ женскому достоинству; мужчины просто своей работой покупаютъ жену у ея родителей или рода и только косвенно то унизительное положеніе, въ которое становится такимъ образомъ искатель, поднимаетъ вліяніе женщины. Всего яснѣе это видно на примѣрѣ Ительменовъ въ Камчаткѣ. Штеллеръ говоритъ: „когда камчадалъ хочетъ жениться, онъ не можетъ получить жены иначе, какъ отработавши за нее отцу. Высмотрѣвъ себѣ дѣвушку, онъ идетъ въ ея домъ и, дѣлая видъ, какъ будто его тамъ давно знаютъ, принимается за домашнія работы и старается заслужить расположеніе невѣсты и ея родителей усердіемъ и исполненіемъ самыхъ тяжелыхъ и непріятныхъ работъ. Хотя уже въ первые дни невѣста и ея родители замѣчаютъ, кого онъ имѣетъ въ виду, такъ какъ онъ особенно ухаживаетъ за этой дѣвушкой и старается услужить ей, ночью онъ ложится спать какъ можно ближе къ ней, тѣмъ не менѣе его никто не спрашиваетъ до тѣхъ поръ, пока онъ двухъ-трехъ-четырехъ-лѣтней работой не сумѣетъ угодить не только родителямъ, но и невѣстѣ. Если онъ не понравится, его работа пропадаетъ даромъ, и онъ долженъ убираться безъ всякой отплаты или благодарности“.

Изъ похищенія, обмѣна и отработыванія развилась купля женщинъ

всюду, гдѣ могла быть рѣчь о частной собственности. Знаменательно то, что происхожденіе купли женъ также не имѣетъ никакого отношенія къ материнскому праву, и болѣе или менѣе угнетенное или почетное положеніе женщины зависитъ отъ побочныхъ обстоятельствъ. Объ униженіи человѣческаго достоинства, которое лежитъ въ самомъ фактѣ купли продажи, нечего и распространяться, поднятіе же значенія женщины заключается въ томъ, что дѣвушка становится цѣннымъ достояніемъ для родителей, и новорожденныхъ уже не убиваютъ безъ разбора, съ нею не такъ плохо обращаются, ее не такъ плохо содержатъ. По поводу обычая гиляковъ покупать женъ Шренкъ говоритъ: „Хотя для нашего чувства оскорбительно пренебреженіе человѣческаго достоинства и личныхъ правъ женщины, заключающееся въ томъ, что она противопоставляется мужчинѣ какъ товаръ, обычай этотъ все-таки оказываетъ моральное давленіе на мужчинъ. Прежде всего онъ принуждаетъ ихъ хлопотать и работать для пріобрѣтенія средствъ купить жену и основать собственное хозяйство, что препятствуетъ слишкомъ раннему заключенію браковъ. Далѣе, затрудняя многоженство, онъ способствуетъ установленію моногаміи. Наконецъ, этотъ обычай даетъ гарантію женщинѣ, что родители будутъ съ ней хорошо обращаться, такъ какъ хорошо выкормленную и хорошо содержимую дѣвушку можно легче и выгоднѣе продать и, кромѣ того, въ немъ заключается для нея извѣстная охрана противъ грубыхъ обидъ со стороны мужа, такъ какъ предметъ, съ трудомъ добытый и дорого купленный, у первобытныхъ народовъ обыкновенно выше цѣнится и больше бережется, чѣмъ полученный въ даръ или пріобрѣтенный дешево и безъ труда. Такимъ образомъ цѣна невѣсты у первобытныхъ народовъ образуетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ коррективъ къ неразвившемуся еще нравственному уваженію къ женщинѣ; чѣмъ цѣна выше, тѣмъ большее вліяніе она можетъ оказать и тѣмъ больше надежды встрѣтить лучшія брачныя и семейныя отношенія у даннаго народа“.

Покупка жены была первоначально извѣстна и народамъ высшей культуры: семиты и арійцы крѣпко придерживались ея еще въ историческую эпоху. Ея исчезновеніе не идетъ параллельно съ возникновеніемъ патріархальной семьи; это почти самостоятельное культурное явленіе, тѣсно связанное съ побѣдой моногаміи и слѣдуетъ всегда помнить, что преобразованіе родственныхъ отношеній по большей части косвенно и вездѣ не одинаково вліяетъ на подъемъ или на упадокъ женскаго вліянія. Борьба за освобожденіе женщины происходитъ главнымъ образомъ на почвѣ экономической и затѣмъ религіозной и вообще въ связи съ умственнымъ развитіемъ. Если, напр., женщинѣ удается овладѣть званіемъ жреца или колдуна, она пріобрѣтаетъ этимъ самымъ опасное оружіе, которымъ нерѣдко ловко пользуется, такъ какъ суевѣріе мужчинъ оказывается по большей части сильнѣе, чѣмъ ихъ властолюбіе и ихъ грубая сила.

Гдѣ, наоборотъ, преобладаніе чувственности низводитъ женщину до роли простого орудія наслажденія, ей трудно подняться. Пренебреженіе къ женщинѣ, сказывающееся съ особенной ясностью въ мусульманскомъ мірѣ въ предписаніи закрывать лицо (см. рисунокъ на стр. 123), коренящемся отчасти въ климатическихъ условіяхъ, усиленномъ магометанствомъ.

Если положеніе женщины не имѣетъ почти отношенія къ перемѣнамъ общественныхъ формъ, къ разложенію патріархально-родового строя и возникновенію патріархальной семьи, то еще менѣе оно можетъ быть ихъ причиной. Патріархатъ возникаетъ не ради интересовъ женщины, и не въ противоположность ея выгодамъ: онъ вырастаетъ изъ другихъ мотивовъ, которые находятся въ тѣсной связи съ расширеніемъ политическаго горизонта, съ увеличеніемъ численности народа, со стремленіемъ къ созданію болѣе крупныхъ общественныхъ союзовъ, для которыхъ родъ или племя въ своемъ первоначальномъ видѣ оказываются уже недостаточными.

Припомнимъ еще разъ организацію родового строя. Племя состоитъ изъ извѣстнаго числа родовъ, которые иногда соединены въ союзы родовъ (фратріи) или скорѣе вышли изъ нихъ и находятся въ тѣсной связи между собой благодаря взаимнымъ бракамъ. Въ собственномъ смыслѣ общественная жизнь развивается внѣ родовъ; на войнѣ способные носить оружіе товарищи образуютъ особыя части войска подъ предводительствомъ особыхъ вождей; по отношенію къ окружающему родъ замкнутъ, а внутри его личность совершенно исчезаетъ въ массѣ. Дѣла племени, которое по большей части представляетъ собою очень непрочную организацію, рѣшаются вождями родовъ, пока союзы мужчинъ не займутъ мѣсто рядомъ съ ними, образуя собранія взрослыхъ мужчинъ и воиновъ. Все это мыслимо лишь тогда, когда число членовъ рода не настолько возрасло еще, что надзоръ за ними становится уже невозможнымъ или когда соціальныя различія, возникновеніе профессій, накопленіе богатства и т. п. не нарушили очень чувствительно необходимаго равновѣсія между членами рода. Отсюда слѣдуетъ, что родовая организація у развивающихся народовъ представляетъ такое же преходящее явленіе, какъ и дѣленіе на возрастные классы. Родъ слишкомъ замкнутъ для того, чтобы дать просторъ общественнымъ разслоеніямъ; онъ слишкомъ великъ для того, чтобы при раздѣленіи труда вдаваться въ мелкія задачи и, съ другой стороны, слишкомъ малъ, слишкомъ мало доступенъ внѣшнимъ вліяніямъ, чтобы образовать основу большого политическаго союза; въ войнѣ и мирѣ удовлетворяетъ онъ лишь очень скромнымъ запросамъ. Кланы шотландскаго плоскогорія показали очень наглядно преимущества и невыгоды родового строя при своихъ возстаніяхъ въ пользу Стюартовъ, которыя, послѣ блестящихъ успѣховъ въ началѣ, всегда подавлялись англійскими войсками; при призывѣ къ оружію кланы выступали тотчасъ, какъ превосходные батальоны, которые шли полные преданностью своимъ вождямъ, но изъ нихъ было безусловно невозможно образовать войско въ смыслѣ новаго времени, сформировать отдѣльные роды оружія и организовать походы на большую ногу. Завоевательные народы въ силу этого охотно возвращались отъ родового строя къ старому учрежденію союза мужчинъ, какъ германцы въ эпоху переселенія народовъ, ядро войскъ которыхъ составляли дружины князей и вождей, храбрые рубаки, которые отдѣлялись отъ своихъ родовъ въ качествѣ вольницы и въ силу этого представляли вполнѣ подходящій матеріалъ въ рукахъ вождя. Такимъ образомъ желаніе личности освободиться отъ тягостнаго родового союза, противодѣйствовало могущественному стремленію народныхъ вождей произвольно распоряжаться силами массы и создавать новыя формы организаціи; родъ то несоразмѣрно увеличивавшійся благодаря приросту населенія, то уменьшавшійся вслѣдствіе потерь до жалкихъ остатковъ всегда падалъ подъ вліяніемъ этихъ силъ. Судя по тому, насколько еще доступны наблюденію переходныя формы, распаденіе слишкомъ разросшихся родовъ на подроды, во главѣ которыхъ становится **отецъ**, было самымъ обычнымъ процессомъ.

Женщина Аравійскаго племени, Египетъ.
По фотографіи. См. текстъ, стр. 122.

Въ этомъ смыслѣ характеристично то, что всюду, гдѣ можно встрѣтить роды съ патріархальной системой, число этихъ маленькихъ группъ чрезвычайно велико, тогда какъ у народовъ, живущихъ въ матріархальномъ строѣ, родовъ меньше, и ихъ часто можно свести не болѣе какъ къ двумъ первичнымъ родамъ. Такой относительно маленькій народъ, какъ аѳиняне состояли по своей политической организаціи изъ четырехъ племенъ, изъ которыхъ каждое распадалось на 4 фратріи и 30 филій; такъ что въ Аттикѣ было не менѣе 360 родовъ. Всѣ эти роды жили въ патріархальномъ строѣ. Дѣти принадлежали роду отца, но они сохранили въ остальномъ массу правовыхъ установленій и обычаевъ, которые являются совершенными параллеллями обычаевъ ирокезскихъ и меланезійскихъ родовъ. Родъ еще является замкнутымъ для своихъ членовъ; онъ имѣлъ право выбирать своихъ старшинъ имѣлъ общій культъ, общее кладбище и держался, хотя съ извѣстными исключеніями, обычая не заключать браковъ внутри рода. Но его сила уже угасала. Уже математически равное дѣленіе родовъ между филіями ясно показываетъ, что законодатели въ своихъ попыткахъ уравненія не встрѣтили рѣшительнаго сопротивленія со стороны старыхъ родственныхъ группъ, и ихъ можно было, какъ шахматныя фигуры, передвигать туда и сюда. Позднѣе же надъ родовой организаціей безъ труда поставлена было политическая, которая, наконецъ, совершенно поглотила старыя формы; мельчайшей государственной правовой единицей сталъ въ дѣйствительности уже не родъ, а моногамическая семья.

Подобно греческимъ, и римскіе роды были очень многочисленны и, само собой разумѣется, организованы уже патріархально. По словамъ преданія, Ромулъ соединилъ 100 латинскихъ родовъ, къ которымъ потомъ присоединились 100 самнитскихъ и наконецъ 100 изъ другихъ сосѣднихъ племенъ, такъ что римскій народъ распадался на три основныхъ племени и 300 родовыхъ союзовъ. Позднѣе и здѣсь процессъ преобразованія, начавшійся введеніемъ отцовскаго права, продолжался до тѣхъ поръ, пока родъ не сталъ представлять группу родственныхъ семей, носящихъ одно имя, которыя смотрѣли на себя, какъ на древне-римскую аристократію и по отношенію къ пришельцамъ высоко цѣнили свое родословное древо.

Подобныя же отношенія господствовали и въ Китаѣ. „Сотня семей“, или правильнѣе родовъ, о которыхъ по привычкѣ говорятъ до сихъ поръ, теперь, конечно, выросла до 3000, но уже число 100 позволяетъ предполагать, что отцовское право одержало побѣду въ очень давнее время. Въ настоящее время роды организованы строго патріархально, но экзогамія удержалась, и двѣ личности, носящія одинаковое родовое имя, не могутъ вступать въ бракъ. Замѣчательно, что здѣсь съ чисто-китайской косностью сохраняются и остатки возрастныхъ классовъ съ ихъ брачными ограничительными предписаніями, такъ напр., разрѣшается вступать въ бракъ съ родственницей того же поколѣнія, напр., съ двоюродной сестрой по матери (съ родней по отцу бракъ не допускается), но не съ ея дочерью. Женщина, какъ жена, стоитъ очень низко, какъ мать, пользуется величайшимъ уваженіемъ. Отецъ, напротивъ, неограниченный владыка надъ домомъ и дѣтьми, и его власть надъ потомствомъ не прекращается никогда, даже со смертью. Культъ предковъ долго поддерживаетъ память о немъ. Нигдѣ послушаніе дѣтей родителямъ не получило такого значенія основной добродѣтели народа, какъ въ Китаѣ, и если, съ одной стороны, это слѣпое почтеніе, перенесенное на все старое и традиціонное, ведетъ къ застою и косности, то, съ другой, оно является важнѣйшей причиной той несокрушимости, съ которой китайскій народъ выносилъ бури многихъ столѣтій.

Если китайцы, несмотря на переходъ къ патріархальному строю, удержали въ широкихъ размѣрахъ законы экзогаміи, то на долю мудрствующихъ индусовъ выпало довести, не взирая на патріархатъ, брачныя ограниченія до абсурда, сначала благодаря кастовому строю, къ которому мы обратимся

позднѣе, а потомъ благодаря закону, по которому невѣста не можетъ принадлежать по родовому имени ни къ роду отца жениха, ни къ роду его матери и вообще не должна быть съ ними въ родствѣ, не выходящемъ изъ рамокъ шести степеней. Второю характеристическою чертой общественной жизни индусовъ является пребываніе потомства въ одномъ и томъ же домѣ, которымъ пользуются сообща. Благодаря этому семья достигаетъ иногда огромныхъ размѣровъ,—размѣровъ рода, который только въ случаѣ нужды отдѣляетъ новыя вѣтви. Жилое помѣщеніе растетъ съ увеличеніемъ семьи посредствомъ пристроекъ, и обычай многосемейныхъ домовъ встрѣчается у многихъ народовъ. „Старѣйшина“, который является по большей части дѣйствительно старшимъ между мужчинами, стоитъ во главѣ семьи и управляетъ общимъ имуществомъ. Въ сущности мы видимъ здѣсь старый родовой строй въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, приспособленный къ большей численности населенія, но почти со всѣми его преимуществами и недостатками. И здѣсь родъ выступаетъ взамѣнъ личности и является опорой въ несчастіи и опасности, но зато здѣсь личность исчезаетъ въ массѣ и встрѣчаетъ препятствія для свободнаго проявленія своихъ силъ.

„Паленка“—домъ для нѣсколькихъ семей въ Кострикѣ, Центральная Америка. По Боваллiусау.

Параллели къ семьямъ и родамъ индусовъ представляютъ южно-славянскія задруги (Hauktommunion) въ то время, какъ у русскихъ чаще выступаетъ большая соціальная единица — цѣлая деревенская община (міръ) съ общиннымъ земельнымъ владѣніемъ. Первымъ расширеніемъ южно-славянской задруги является братство,—группа семей, соединенныхъ кровнымъ родствомъ, которая по большей части исключительно населяетъ одну или нѣсколько деревень, первоначально экзогамичная и по отношенію къ окружающимъ являющаяся столь же замкнутой, какъ и родъ. Изъ братства образуются племена.

У культурныхъ народовъ родовой строй всюду или исчезъ, или разлагается и, какъ уже сказано, по двумъ главнымъ причинамъ: индивидуумъ вырывается изъ подъ защищающей, но въ то же время и стѣсняющей его опеки, а диференцирующая, приводящая все въ возбужденіе дѣятельность прогрессирующаго общества, раздробляетъ тяжеловѣсныя, косныя массы родовыхъ союзовъ и допускаетъ только семью въ тѣсномъ смыслѣ слова и личность, освобожденную отъ всѣхъ сковывающихъ ее узъ. Полную энергію свою эти атомизирующія силы проявили въ вѣкъ пара и міроваго товарнаго обмѣна. Еще въ прошломъ столѣтіи въ маленькихъ государствахъ и имперскихъ городахъ Германіи родство было силой, съ которой приходилось считаться; такъ она самому бездарному глупцу изъ своей среды умѣла обезпечить хорошее мѣстечко. Нѣкоторыя профессорскія каѳедры были прямо наслѣдственными въ извѣстномъ семействѣ, и семейныя совѣщанія, которыя впрочемъ бываютъ и теперь, собирались во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Съ родовымъ началомъ тѣсно связана сила

родительскаго и родственнаго авторитета. которая особенно проявляется относительно достигшей брачнаго возраста дѣвушки и затрудняетъ или устраняетъ выборъ, необходимый для блага будущаго поколѣнія, но за то печется съ большимъ усердіемъ о матеріальныхъ интересахъ.

Освобожденіе личности и прежде всего женщины отъ слишкомъ обременительной опеки представляетъ собой культурный прогрессъ, который идетъ параллельно съ преобразованіемъ общества и частью независимо отъ него. Постепенно развивающееся сознаніе правъ женщины выражается, въ соціальномъ отношеніи, самымъ непосредственнымъ образомъ въ возникновеніи моногамическихъ браковъ, въ прекращеніи купли невѣсты; но этотъ прогрессъ осуществляется далеко не съ особенной правильностью, не всегда многоженство является спутникомъ самой низкой ступени развитія, а моногамія болѣе высокой культуры. Какъ разъ бѣднѣйшія племена часто склоняются къ моногаміи: такъ между прочимъ многочисленныя индѣйскія орды Калифорніи, которыя въ остальномъ представляютъ собой несчастнѣйшіе экземпляры индѣйской расы. племя ведда на Цейлонѣ, обитатели Андаманскихъ и Никобарскихъ острововъ и многіе другіе живутъ въ единобрачіи. Можетъ быть, именно скудость жизни, отсутствіе крупныхъ различій по положенію и имуществу создаютъ болѣе естественныя и сердечныя отношенія между мужчиной и женщиной, чѣмъ у народовъ, которые распадаются на рѣзко обособленные соціальные слои. И въ самомъ дѣлѣ, всюду вожди и богатые люди прежде другихъ начинаютъ пользоваться роскошью имѣть нѣсколько женъ. До чудовищныхъ размѣровъ доходитъ полигамія тамъ, гдѣ женщины приняли на себя главную массу производительной работы и представляютъ поэтому доходное имущество, въ которое съ выгодой вкладываются сбереженія: тысячи женъ, напр., наполнявшія ранѣе королевскій дворъ въ Угандѣ, не были безсмысленной роскошью, а очень полезнымъ имуществомъ князя, которое переходило отъ отца къ сыну, какъ всякія другія цѣнности.

То въ качествѣ остатка былой моногаміи, то въ качествѣ начала возвратнаго движенія представляется обыкновенно обычай давать не всѣмъ женамъ одинаковое положеніе, но считать одну изъ нихъ супругой, другимъ же предоставлять меньшія права. Полная побѣда моногаміи покоится главнымъ образомъ на растущемъ уваженіи къ личности, объ руку съ которымъ идетъ значительный внѣшній прогрессъ. Женщина получаетъ болѣе заботливое воспитаніе и пріобрѣтаетъ способность становиться дополненіемъ къ духовной природѣ мужчины. Она освобождается отъ чрезмѣрной работы и сохраняетъ болѣе продолжительное время свѣжесть молодости. Такъ какъ цѣломудріе до брака цѣнится и требуется, то женщина охраняется отъ слишкомъ раннихъ половыхъ сношеній, которыя вызываютъ вырожденіе. Но всегда,—и это надо подчеркивать вопреки всякимъ стремленіямъ къ эмансипаціи, — возвышеніе общественнаго положенія вѣрнѣе всего идетъ вслѣдъ за возрастающими способностями тѣхъ, которыя стремятся вверхъ; кто на дѣлѣ докажетъ, что онъ достоинъ лучшей участи, добьется въ концѣ концовъ признанія своихъ правъ, будь то отдѣльная личность или цѣлая группа человѣчества.

Съ прекращеніемъ купли невѣсты, на мѣсто которой становится приданое, всплываютъ на поверхности дѣйствовавшія скрытно силы, которыя стремятся поднять значеніе женщины. Вестермаркъ указалъ на тотъ фактъ, что отъ купли къ приданому прежде всѣхъ переходятъ высшіе и состоятельные классы. Такъ въ Индіи сначала двѣ высшихъ касты упразднили бракъ посредствомъ купли, а низшіе еще долго держались его; въ Римѣ плебеи доисторическаго времени сохраняли въ coemptio хотя внѣшность купли въ противоположность къ болѣе возвышенной confarreatio патриціевъ. Вообще фиктивная продажа удерживается часто съ большой стойкостью послѣ того, какъ уже исчезъ настоящій торгъ изъ-за невѣсты.

Обмѣнъ подарками между женихомъ и невѣстой или ихъ родителями образуетъ переходъ къ приданому. У народовъ высшей культуры эта эволюція осуществилась вездѣ, но у многихъ, ниже стоящихъ племенъ прогрессъ въ этомъ одномъ направленіи доведенъ до крайностей. Опасность, что продажа пріобрѣтетъ главное значеніе и былая купля женъ смѣнится своего

Танцовщица изъ племени Уладъ-Наилъ, Бискра въ Сѣв. Африкѣ. По фотографіи.
См. текстъ, стр. 128.

рода куплей мужей, близкая и уже въ древности, по свидѣтельству Эврипида, производила свое отравляющее дѣйствіе и ограничивала свободный выборъ.

Возвышеніе женщины въ соціальномъ и нравственномъ отношеніи совпадаетъ по большей части съ той утонченностью культурнаго развитія, которая частью подавляетъ всѣ низшіе „животныя“ стремленія, частью облагораживаетъ ихъ. Идеалъ моногамическаго брака — вѣрное сожительство двухъ супруговъ до гроба,—немыслимъ безъ смягченія чув-

ственныхъ инстинктовъ, вмѣсто которыхъ союзъ поддерживаетъ симпатію, которую мы признали уже настоящей, образующей общество силой. Только послѣ того, какъ любовь, проникнутая симпатіей, одержала побѣду въ бракѣ и семейной жизни, могъ безъ опасности для культуры распасться родовой строй, а моногамическая семья сдѣлаться общественной единицей прогрессивныхъ народовъ.

Въ замѣчательной противоположности съ этимъ ходомъ развитія стоитъ упорство, съ которымъ у культурныхъ народовъ держится проституція въ самыхъ низкихъ ея формахъ. Есть апостолы гуманности, которые именно нашу культуру хотятъ сдѣлать отвѣтственной за ремесленный развратъ, не думая, какъ онъ широко распространенъ и между нецивилизованными народами, и какъ далеко даже у насъ его корни уходятъ въ прошедшее. Свободная любовь молодежи у многихъ народовъ, которые однако высоко цѣнятъ супружескую вѣрность, представляетъ первую ступень той эволюціи, на которой уже обнаруживаются признаки будущаго зла. Очень обыкновеннымъ оказывается, что дѣвушка изъ подарковъ, которые она получаетъ отъ любовниковъ, составляетъ себѣ приличное приданое, не находя въ этомъ фактѣ ничего безчестнаго. Маленькое арабское племя Уладъ-Наиль въ сѣверной Сахарѣ, съ особеннымъ упорствомъ сохраняющее этотъ взглядъ, поставляетъ проститутокъ танцовщицъ на всю сѣверную Африку (см. рис. на стр. 127); такія дѣвушки, по возвращеніи домой, безъ труда выходятъ замужъ. Гдѣ цѣломудрію дѣвушки придается значеніе, опасность внѣбрачныхъ половыхъ сношеній до извѣстной степени предупреждается обычаемъ чрезвычайно раннихъ браковъ; если, напротивъ, не женатые мужчины остаются въ большемъ числѣ, то проституція является необходимостью, такъ какъ невозможно и опасно подавлять насильственно чувственность массы. Изъ падшихъ дѣвушекъ изъ разводокъ и вдовъ, изъ женщинъ презираемыхъ кастъ и т. д., рекрутируется всегда толпа продажныхъ женщинъ и на счетъ этихъ несчастныхъ, можно сказать, возвышаются ихъ замужнія сестры. И однако иногда именно классъ проститутокъ сохраняетъ нѣкоторую тѣнь свободной духовной жизни, сравнительно съ замужними женщинами, прозябающими въ тупой замкнутости; примѣромъ этому служатъ греческія гетеры и проститутки Восточной Азіи. Это очевидно, отголосокъ открыто-свободной любви древнихъ временъ, который въ современной Европѣ давно уже отзвучалъ. До извѣстной степени сюда относится и тотъ фактъ, что женщины, посвящающія себя художественной дѣятельности, у первобытныхъ и полукультурныхъ народовъ часто являются одновременно гетерами, какъ напр., пѣвицы, танцовщицы, актрисы (см. рис. на стр. 129). Устранять общественное проявленіе проституціи возможно не законами, а дальнѣйшимъ прогрессомъ культуры, которая внушаетъ отвращеніе къ грязному удовлетворенію чувственности и улучшеніемъ экономическихъ условій, которое давало бы всѣмъ возможность вступать своевременно въ бракъ и уменьшило бы число особенно склонныхъ къ разврату дегенератовъ.

Такимъ образомъ и развитіе женскаго вопроса подтверждаетъ въ сущности основной законъ общественнаго прогресса: не половая любовь создаетъ общественные союзы большого размѣра, но взаимная склонность равнаго къ равному, первой формой которой является братская привязанность. Не чувственность супруговъ, но симпатія, другими словами, побѣда духа надъ тѣломъ въ отношеніяхъ двухъ половъ, дѣлаетъ бракъ культурныхъ народовъ конечнымъ пунктомъ соціальнаго прогресса и твердой основой общественнаго строя.

---

2. Соціальныя разслоенія.

Всеобщее равенство, которое могло бы прекратить борьбу и движеніе, противно природѣ; человѣческое общество, которое желало бы написать на своемъ знамени безразличное равенство всѣхъ, дѣйствовало бы противъ законовъ, имѣющимъ несомнѣнно силу и для него, представляющаго собою только часть въ цѣлесообразномъ механизмѣ космоса. Если бы побѣда осталась за этой, столь заманчивой по внѣшности, теоріей, то весьма быстро наступило бы разложеніе принужденной къ неподвижности массы. И однако призывъ къ равенству, какъ его провозгласила французская революція, имѣетъ болѣе высокій смыслъ: хотя люди отъ природы распа-

Актрисы султана государства Соло, на о. Явѣ. По фотографіи. См. текстъ, стр. 128.

даются на группы; хотя каждый способный человѣкъ, пользующійся своими дарованіями, стремится въ сущности къ тому, чтобы создать новыя неравенства, тѣмъ не менѣе это стремленіе здорово только тогда, когда искусственныя границы не обращаются въ непреодолимыя стѣны, о которыя безсильно разбивается всякое стремленіе къ лучшему. Преграды являются неоцѣненнымъ пособіемъ культурнаго прогресса лишь до тѣхъ поръ, пока онѣ возбуждаютъ желаніе ихъ преодолѣть. Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ въ исторіи, что всѣ народы, стремящіеся впередъ, безустанно заняты разрушеніемъ сдѣлавшихся обременительными границъ между различными общественными слоями, чтобы создать на мѣсто ихъ новыя.

Болѣе удобно, хотя не безусловно болѣе правильно будетъ вести рѣчь объ искусственныхъ разграниченіяхъ, противопоставляя ихъ естественнымъ, такъ какъ искусственныя или, выражаясь точнѣе, второстепенныя общественныя различія можно всегда о т н е с т и к ъ е с т е с т в е н н ы м ъ п р е и м у щ е с т в а м ъ. Но эти естественныя преимущества или недостатки даютъ только первый толчекъ къ обособленію, которое потомъ поддерживается многими поколѣніями, независимо отъ унаслѣдованія первоначальныхъ качествъ. Если естественными различіями, проявившимися при возникно-

веніи общества, были различія пола, возраста и родства, то различія силы, дарованія все-таки выступятъ благодаря своей мощи, произведутъ новые соціальные союзы или разстроятъ старый порядокъ. Проявляется это весьма различнымъ образомъ: то цѣлый народъ пріобрѣтаетъ военныя преимущества и поднимается, какъ высшій классъ надъ покоренными племенами, то отдѣльныя личности въ народѣ возвышаются военными доблестями, религіознымъ значеніемъ, или страстью къ наживѣ; то, наконецъ, раздѣленіе труда приноситъ съ собою тотъ результатъ, что въ обществѣ, какъ въ успокаивающемся мутномъ потокѣ, низшій слой отдѣляется отъ верхняго.

Повидимому понятно само по себѣ что для каждаго человѣческаго общества, которое хочетъ съ успѣхомъ вести борьбу за существованіе, нужно имѣть вождя или старшину. Но нигдѣ такъ ясно, какъ въ этомъ случаѣ, не обнаруживается, что именно въ примитивныхъ условіяхъ и возникаютъ крайности, что иногда односторонне развиваются до предѣловъ возможнаго одни малообѣщающіе элементы и совершенно заглушаются сѣмена, обѣщающія богатые всходы.

Уже изъ условій жизни въ обществахъ животныхъ можно заключить, что всегда долженъ существовать вождь орды, но, конечно, не слѣдуетъ забывать, что тутъ все дѣло по большей части сводится къ различію половъ; самецъ ведетъ за собою свою дружину изъ самокъ, и такія выраженія какъ, напр., „царица пчелъ“ (матка) очень неудачны.

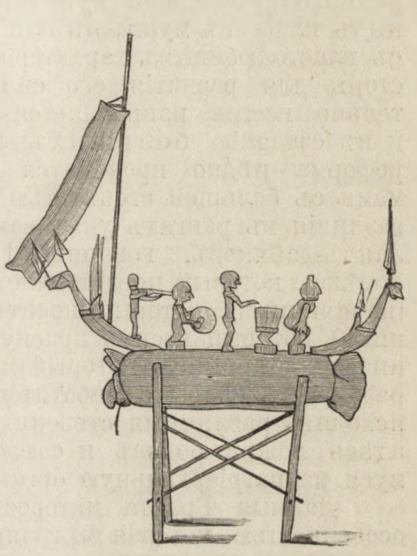
Руководительство женщинами и дѣтьми даже въ самыхъ маленькихъ человѣческихъ обществахъ естественно принадлежитъ мужчинамъ. Но мы говоримъ здѣсь о господствѣ надъ цѣлой ордой, а таковой въ видѣ прочно объединенной группы—у многихъ первобытныхъ народовъ или нѣтъ вовсе, или она возникаетъ временно въ минуты опасности. Такъ живутъ многія бразильскія племена и многіе австралійцы. „Въ вождѣ, говоритъ Люмгольцъ, племена тербертъ-ривера нуждаются очень мало, потому что они не ведутъ открытыхъ войнъ между собой, а истребляютъ врага хитростью. Рѣшеніе въ важнѣйшихъ случаяхъ находится въ рукахъ стариковъ. Племена акпоссо въ Того представляютъ примѣръ изъ другой области, сильно тронутой культурой. „Ни у отдѣльныхъ племенъ, ни даже въ отдѣльныхъ деревняхъ никакого главы не существуетъ“, пишетъ Пленъ, „и всюду господствуетъ полная анархія. Отдѣльные богатые люди и жрецы пользуются вліяніемъ; въ остальномъ каждый дѣлаетъ, что хочетъ“. Случаи, когда начальники существуютъ, но имѣютъ лишь почетное значеніе, обычны у очень многихъ первобытныхъ народовъ, въ средѣ мирнаго и обезпеченнаго племени. Съ другой стороны, въ первобытныхъ условіяхъ власть вождя можетъ развиться въ полный деспотизмъ, — власть которая не прекращается даже со смертью. Могила могущественнаго вождя (см. рис. на стр. 131) остается долгое время предметомъ благоговѣнія и страха.

Если положеніе вождя зависитъ отъ измѣняющихся случайныхъ условій, то едва ли слѣдуетъ удивляться тому, что общественныя преобразованія человѣчества не остаются безъ вліянія на власть, и ея происхожденія нельзя понять безъ ретроспективнаго обзора соціальныхъ перемѣнъ.

У бродячихъ, блуждающихъ группами народовъ вождей или нѣтъ вовсе, или они имѣютъ преходящее значеніе, и ихъ власть не наслѣдственна. О бушменахъ въ этомъ смыслѣ говоритъ Фричъ: „Весь образъ жизни не допускаетъ рѣзко очерченной государственной организаціи; если иногда извѣстное число семей собирается въ большую орду, а въ калахари и до сихъ поръ еще соединяются въ маленькія деревни, то это скорѣе случайное сожительство, которое не регулируется опредѣленными законами. Возможно, что одинъ изъ обитателей за свою популярность,

пріобрѣтаетъ званіе предводителя, но это званіе номинальное, и настоящихъ предводителей не замѣчается". Немного далѣе подвинулись впередъ австралійскія племена, или орды: они выбираютъ князя (рупулле), задача котораго состоитъ не только въ томъ, чтобы быть представителемъ орды, но и распредѣлителемъ добычи. Его положеніе не наслѣдственно и ограничено „совѣтомъ старцевъ".

Совершенно иныя условія тамъ, гдѣ родовой строй и союзъ мужчинъ существуетъ одновременно, какъ, напр., въ Меланезіи. Если здѣсь не можетъ быть уже рѣчи о примитивныхъ отношеніяхъ, то можно установить однако то, что роды и союзы мужчинъ первоначально не стояли подъ властью однихъ и тѣхъ же вождей, и вѣроятно между тѣми и другими вождями происходила борьба съ различнымъ исходомъ. Рядомъ оба эти рода властителей мы встрѣчаемъ на полуостровѣ Газелей въ Новой Помераніи, хотя побѣда неоспоримо склоняется на сторону родовыхъ вождей, которые называются „а гала на тутана" (большіе господа). „А гала, — говоритъ Галь, — есть глава рода; свое достоинство онъ наслѣдуетъ отъ дяди, который въ матріархальномъ строѣ стоитъ ближе всѣхъ къ племяннику. Ему должны подчиняться члены рода, онъ можетъ требовать отъ нихъ рукъ для обработки полей, постройки домовъ, рыбной ловли, но онъ обязанъ заботиться о продовольствіи племени. Кромѣ того, молодые люди должны отслуживать за купленныхъ для нихъ женъ. Онъ покупаетъ женъ, продаетъ дѣвушекъ для брака. Онъ управляетъ, имуществомъ рода, заключающимся въ Табу (деньги изъ раковинъ), и является представителемъ земельныхъ владѣній. Ему принадлежитъ право наказанія и даже смертной казни. За негодностью онъ можетъ быть смѣненъ и на его мѣсто ставится другой, наиболѣе близко къ нему стоящій по правамъ. Рядомъ съ а гала (большимъ господиномъ) является Лулай, военный предводитель, который, очевидно, есть ничто иное, какъ глава союза мужчинъ. Онъ пріобрѣтаетъ свое достоинство храбростью на войнѣ, требуетъ повиновенія отъ своей дружины, призывается въ спорныхъ случаяхъ, какъ судья, но въ общемъ уступаетъ „большому господину". Существуетъ даже обычай, въ силу котораго послѣдній соединяетъ со своимъ достоинствомъ достоинство перваго Лулая, и такимъ образомъ къ нему переходитъ предводительство на войнѣ. Здѣсь военный предводитель долженъ со временемъ совершенно исчезнуть передъ родовымъ вождемъ или его званіе должно перейти къ нему. Гдѣ, напротивъ, проявляется клубное устройство, какъ въ востосточой Меланезіи, торжествуютъ чаще предводители мужскихъ союзовъ, и достоинство родового главы обращается въ пустую форму. На Санта Аннѣ и Уги отдѣльнымъ храбрымъ воинамъ часто удается, по словамъ Гуппи, присвоить настоящее предводительство надъ обитателями какой-либо деревни.

Модель гробницы вождя въ Тиморлаутѣ на Молукскихъ о-вахъ. По Якобсену. См. текстъ, стр. 130.

Очень трудно въ деталяхъ показать эти преобразованія внутри примитивныхъ обществъ, но можно признать, что часто возникало соперничество между главой рода и военачальникомъ. Побѣда главы рода сопровождалась распаденіемъ племени; наоборотъ, побѣда предводителя союза мужчинъ вела за собой образованіе большихъ государ-

ственныхъ союзовъ. Замѣчательнымъ слѣдомъ этой эволюціи является, можетъ быть, то, что домъ мужчинъ превращается въ жилище князя, какъ это бываетъ нерѣдко на малайскомъ Архипелагѣ и въ Н. Зеландіи (см. рис. на стр. 133). И у индѣйцевъ С. Америки стоятъ другъ противъ друга „мирные вожди“, („сахемы“), главы родовъ и военные вожди. Послѣдніе были представителями государственнаго строя; напримѣръ союзъ ирокезовъ не имѣлъ въ мирное время верховнаго вождя, но, какъ нѣкогда римляне послѣ упраздненія царской власти, выбирали для войны двухъ предводителей, въ лицѣ которыхъ воплощалась идея союза. Внутри отдѣльныхъ племенъ наоборотъ, собраніе сахемовъ имѣло рѣшающее слово.

Пока главы родовъ стоятъ на первомъ планѣ, государственная жизнь сохраняетъ демократическій и мелочной характеръ; только побѣда всесторонняго преобладанія мужчинъ,—произойдетъ ли она отъ развитія возрастныхъ классовъ мужчинъ или отъ установленія патріархата, даетъ человѣку съ властолюбивымъ характеромъ, вождю по природѣ и склонностямъ, просторъ для развитія его силъ, развитія, которое болѣе или менѣе сознательно всегда направляется къ расширенію власти за предѣлы племени и къ созданію большихъ государственныхъ союзовъ. Но такая реформа рѣдко проводится послѣдовательно. Рядомъ съ новыми формами съ большой стойкостью удерживаются остатки стараго строя, только различія въ рангахъ указываютъ на различія во вліяніи. „Каждое племя ландъ-даяковъ, говоритъ Грантъ имѣетъ „орангъ-кайа“ (богатаго человѣка), который представляетъ собою вождя. Ниже его стоятъ „пангара“ (начальникъ), который носитъ бѣлую одежду, и „панглима“ (военачальникъ), который носитъ красную одежду. Каждый большой длинный домъ имѣетъ старшину, который живетъ въ средней части зданія, который разбираетъ споры и заботится о гостяхъ. Трудно выяснить, отчего происходятъ различныя степени достоинства, но слѣдуетъ предположить, что здѣсь вожди родовъ и союзовъ мужчинъ подчинены общему, опирающемуся на патріархальную организацію, верховному главѣ“.

Данныя Гранта интересны и въ другомъ отношеніи. Существенной особенностью, которая выдѣляетъ главу рода, является, повидимому, богатство — новый источникъ соціальнаго разслоенія, который долженъ служить къ возвышенію власти вождя; но при извѣстныхъ обстоятельствахъ богатство является само по себѣ совершенно достаточнымъ средствомъ для того, чтобы доставить честолюбцу рѣшающее вліяніе въ его средѣ. Власть вождя нуждается въ поддержкѣ именно между беззаботными дѣтьми природы, у которыхъ трудно искоренить чувство общаго равенства и на которыхъ производитъ впечатлѣніе только та власть, которая каждую минуту выступаетъ то съ милостью то съ угрозой передъ ними. Способы возвысить вліяніе вождя, конечно, достаточно разнообразны: самымъ излюбленнымъ является дикая жестокость, которая каждую минуту грозитъ гибелью и наполняетъ сердце подданныхъ боязливымъ благоговѣніемъ, пока не выродится въ цезарское безуміе. Образцами властителей этого рода являются два фиджійскихъ вождя, изъ которыхъ одинъ вырѣзывалъ куски мяса изъ тѣла несчастнаго, чтобы изжарить и съѣсть ихъ предъ его глазами, въ то время какъ другой приказалъ своей собственной женѣ собрать дрова разложить огонь, потомъ убилъ ее и изжарилъ себѣ на обѣдъ. Оба эти героическихъ подвига, по свидѣтельству Притчарда, совершены были, какъ сознались сами герои, лишь ради того, чтобы прославиться и внушить къ себѣ страхъ. Африканскіе вожди приближаются къ этимъ образцамъ если не утонченной жестокостью, то по крайней мѣрѣ бѣшеной кровожадностью, и для человѣчества служитъ печальнымъ признакомъ, что воспоминаніе о такихъ чудовищахъ держится крѣпче, чѣмъ о лучшихъ государяхъ. И итальянцы нашего времени могутъ больше разсказать о Неронѣ и Каллигулѣ, чѣмъ о Веспасіанѣ и Маркѣ Авре-

ліи. Смѣшивать доброту со слабостью и жестокость съ силой — очень древняя ошибка людей.

Гдѣ страхъ не внушаетъ повиновенія, остается убѣжденіе, примѣненіе высшей мудрости, которая доступна только тому, кто поднимается надъ массой. „Сила вождя, — говоритъ Брукъ о сѣверныхъ дайакахъ, — покоится на убѣжденіи и зависитъ отъ личной смѣтливости, но принудить свой народъ къ повиновенію онъ никоимъ образомъ не можетъ“.

Духовныя дарованія, къ сожалѣнію, не наслѣдственны, и замѣнить чѣмъ нибудь ихъ весьма желательно. Эта замѣна и представляется въ накопленіи богатствъ, которыя умный отецъ оставляетъ менѣе способному сыну въ качествѣ опоры его положенія. Одинъ только титулъ безъ де-

Домъ вождя тайпари, Новая Зеландія. По фотографіи. См. текстъ, стр. 132.

негъ производитъ мало впечатлѣнія. Нилакъ говоритъ относительно индѣйцевъ сѣверо-западной Америки: „Достоинство вождя до извѣстной степени наслѣдственно, но такъ какъ оно опирается на богатство, то каждый свободный человѣкъ, скопившій имущество, можетъ основаніемъ дома и устройствомъ празднествъ въ честь предковъ сдѣлаться представителемъ общины, попасть въ число второстепенныхъ вождей и сдѣлаться вліятельнымъ лицомъ въ деревнѣ. Знатное происхожденіе, богатство и вліятельныя семейныя связи представляются первыми условіями для всякаго, кто стремится къ высшему положенію. Чтобы сохранить уваженіе окружающихъ, нужно отъ времени до времени повторять праздники и раздачу подарковъ“. Послѣднее замѣчаніе показываетъ уже, что для вождя недостаточно заботливо беречь свои сокровища; онъ долженъ пользоваться ими для того, чтобы пріобрѣсть друзей и приверженцевъ, на которыхъ онъ въ сомнительныхъ обстоятельствахъ могъ бы опереться. Даже вождь бразильскаго лѣсного племени не долженъ, по свидѣтельству Карла Фонъ-денъ-Штейнена, скупиться, когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ его согражданами, а тѣмъ болѣе сосѣдними племенами. У ябимовъ Новой Гвинеи „скряга“, по словамъ Феттера, самое обидное ругательство для вождя. Тѣ же условія господствуютъ, по словамъ Эллиса, на Таити, гдѣ всѣ до-

ходы вождя тотчасъ же распредѣляются между его приверженцами. Но тамъ были по крайней мѣрѣ опредѣленные доходы и зачатки урегулированной податной системы. Многіе первобытные вожди не собираютъ съ своихъ поданныхъ вообще никакихъ даже самыхъ незначительныхъ доходовъ и поставлены въ необходимость пополнять свои кассы другимъ способомъ, если они достигли власти не богатствомъ,а инымъ путемъ. Здѣсь видны отголоски коммунизма и имъ объясняются вышеописанные порядки, хотя и у культурныхъ народовъ здравый взглядъ на цѣль и значеніе податной системы выработался не особенно давно. Тэнъ разсказываетъ, что не задолго до французской революціи мысли одного смѣльчака, утверждавшаго, что подати существуютъ для покрытія полезныхъ государственныхъ расходовъ, а не для безконтрольнаго расходованія государемъ, были приняты, какъ нѣчто неслыханное — дерзкое. Подати дѣйствительно у многихъ племенъ поступаютъ въ видѣ подарковъ, которыхъ не считаютъ, и возвращаются вождемъ частью или полностью въ видѣ добровольныхъ даровъ.

Въ общемъ родовые вожди едва ли располагаютъ правомъ податного обложенія, но произвольно распоряжаться общимъ достояніемъ рода могутъ. Военачальники обыкновенно получаютъ бóльшую долю военной и охотнической добычи, а также добровольные дары; когда въ лицѣ вождя сливаются оба достоинства, тамъ соединяются и обѣ формы финансоваго хозяйства. Правильное податное обложеніе начинаетъ вырабатываться только съ тѣхъ поръ, какъ власть племенного вождя поднимется надъ вождями родовъ и мужскихъ союзовъ, и особенно тогда когда цѣлыя племена подчинятся одному народу, хотя, конечно, податная система весьма часто проявляется здѣсь въ очень оригинальныхъ формахъ. Многимъ негрскимъ государствамъ, какъ, напр., Лунда на югѣ или государствамъ средняго Судана, принадлежатъ полупокоренныя области, которыя каждый годъ правильно подвергаются разграбленію, и жители которыхъ, сколько ихъ удается захватить, уводятся въ рабство. Иногда — какъ у племени ашанти, у восточно-африканскихъ племенъ и на Таити предпринимаются грабительскіе походы въ предѣлахъ собственной страны или конфискуется имущество произвольно обвиненныхъ. Судебные штрафы и платежи тяжущихся часто представляютъ собою не только выгоднѣйшій, но, можетъ быть, вообще первый правильный источникъ дохода вождей, которые всюду представляютъ родъ или племя въ его внѣшнихъ отношеніяхъ, разрѣшаютъ внутренніе раздоры. Ихъ, очевидно, должна была соблазнять мысль обратить штрафныя деньги въ свою собственную пользу, вмѣсто того, чтобы присоединять ихъ къ общему достоянію рода или племени. Этимъ путемъ естественно притекаютъ къ вождю и другіе сборы до тѣхъ поръ, пока то тутъ, то тамъ одностороннее развитіе не приведетъ къ тому, что все первоначально общее имущество начинаетъ разсматриваться, какъ достояніе вождя. Другой источникъ дохода, не вездѣ эксплуатируемый, представляетъ собою обложеніе торговли, которая въ концѣ концовъ, какъ это часто бываетъ въ Африкѣ, ведетъ къ формальной торговой монополіи вождя, пройдя очень быстро предварительную стадію добровольныхъ подарковъ со стороны купцовъ. Такъ съ теченіемъ времени богатства собираются въ рукахъ вождя.

Но и такой властитель, который не умѣетъ устрашать путемъ проявленія дикой энергіи и жестокости и не располагаетъ большими богатствами и доходами, имѣетъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ средство поднять свой авторитетъ, средство, которое часто дѣйствуетъ могущественнѣе, чѣмъ оба первыя, а въ соединеніи съ ними непреодолимо. Мы видѣли, какъ изъ сообщества мужчинъ выработалась должность военачальника, который иногда оставляетъ въ тѣни родовыхъ вождей и захватываетъ въ свои руки власть надъ племенемъ. Къ особенностямъ дома для мужчинъ

принадлежатъ сношенія съ умершими. Эти сношенія выражаются въ погребальныхъ церемоніяхъ и танцахъ и отчасти ведутъ къ образованію тѣхъ таинственныхъ обществъ, которыя пріобрѣтаютъ огромное вліяніе на соплеменниковъ и по большей части забираютъ въ свои руки отправленіе правосудія. Но какъ въ военачальникѣ сосредоточивается могущество мужского общества, такъ и чудный даръ—заклинать духовъ переходитъ къ нему же. Онъ одновременно властитель и жрецъ и удваиваетъ такимъ образомъ свое вліяніе, угрожая и тѣлу и душѣ подданныхъ. Такимъ путемъ и вождь можетъ естественно достигнуть извѣстной святости. На Ново-Гебридскихъ островахъ почти одна эта волшебная сила обезпечиваетъ значеніе власти и дѣлаетъ возможной ея наслѣдственность. „Сынъ",—говоритъ Кодрингтонъ „наслѣдуетъ собственно не достоинство вождя, но—если отецъ можетъ добиться этого, — то ему даетъ значеніе — именно ману своего отца, его волшебныя средства, магическія пѣсни, камни, утварь и его познанія относительно того, какъ обращаться съ духами. Если извѣстный человѣкъ не имѣетъ сына, онъ можетъ взять себѣ въ наслѣдники племянника. Если сынъ слишкомъ молодъ, вождю наслѣдуетъ его братъ; иногда, когда нѣтъ никакого наслѣдника, кто нибудь самъ объявляетъ себя вождемъ, или народъ выбираетъ себѣ начальника. Эти замѣчанія очень важны уже потому, что они показываютъ, какимъ образомъ, вѣроятно въ очень многихъ случаяхъ, возникла наслѣдственность власти вождя; волшебная власть въ глазахъ первобытныхъ народовъ — не чисто духовное качество; она связана съ извѣстными предметами, напр., изображеніями предковъ (см. рис. на стр. 136), или формулами, которыя также легко могутъ быть унаслѣдованы и переданы, какъ собранныя богатства. Существуетъ также вѣрованіе въ дѣйствительное переселеніе души въ другое тѣло, на что указываютъ нѣкоторые погребальные обряды, и это является еще новою опорой для наслѣдственной волшебной власти. На Ніассѣ думаютъ, что въ моментъ смерти душа, какъ дыханіе, удаляется изо рта и разсѣивается въ воздухѣ. „Если же", сообщаетъ Медильяни, „умираетъ деревенскій вождь, у котораго есть имущество и потомство, то изъ него выходитъ еще одинъ духъ, который можетъ переходить на его наслѣдниковъ. Этотъ наслѣдственный духъ называется Эхеха, находится во рту умирающаго и сынъ долженъ принять его въ собственный ротъ. Сына вождя, который не принялъ въ себя отцовскаго эхеха, никогда не назначатъ его преемникомъ; преемникомъ будетъ тотъ, кто его воспринялъ, если бы даже это былъ чужеземецъ. Только такимъ путемъ отъ отца къ сыну переходятъ его добродѣтели и его таланты".

Хижина султана Уссукумы, въ восточной Африкѣ. По Кольману. См. текстъ, стр. 134.

Если такимъ образомъ власть вождя возникаетъ изъ очень различныхъ источниковъ, если далѣе она укрѣпляется и передается благодаря многочисленнымъ условіямъ, которыя дѣйствуютъ то въ отдѣльности, то сообща, то становится понятнымъ и все чрезвычайное разнообразіе формъ, въ которыхъ могутъ проявляться властные инстинкты, колебанія между крайностями безначалія и деспотизма и соперничество между различными представителями достоинства вождя, противъ которыхъ или рядомъ съ которыми выступаетъ еще самостоятельно развивающаяся жреческая власть. У одного народа вліяніе вождя основано на чисто личныхъ достоинствахъ и о наслѣдственности званія не можетъ быть и рѣчи,—у другихъ мы видимъ воиновъ, склоняющихся передъ женщиной или малолѣтнимъ ребенкомъ, которымъ унаслѣдованныя богатства и волшебное искусство

замѣняютъ недостающія физическія силы. На мѣсто наслѣдственныхъ орудій волшебства выступаютъ въ болѣе цивилизованныхъ условіяхъ всякаго рода украшенія и оружіе, которыя также имѣютъ извѣстный священный ореолъ — скипетръ, который мы находимъ уже въ Африкѣ (см. рис. на стр. 137), короны, мантіи, аграфы и другія отличія (см. прилагаемую раскрашенную таблицу: „Мексиканскіе знаки достоинства").

При этомъ сопоставленіи слѣдуетъ еще разъ предостеречь противъ стремленія считать повсюду остаткомъ былыхъ матріархальныхъ порядковъ существованіе вождей-женщинъ, такъ какъ въ вопросѣ о наслѣдствѣ играетъ роль не близость родства, а обладаніе вещами и знаніями, которыя можно передать любому лицу, хотя, конечно, съ большой охотой ихъ передаютъ ближайшему родственнику. Нельзя, конечно, отрицать и того, что матріархальный строй общества болѣе благопріятствуетъ наслѣдованію женщины, нежели мужчины.

Изображеніе предка въ видѣ украшенія лодки, Соломоновы о-ва. Бременскій музей. См. текстъ, стр. 135.

Какъ власть вождя, точно такъ же и участіе подданныхъ въ управленіи колеблется между крайними противоположностями: гдѣ власть вождя вытекаетъ изъ общества мужчинъ и прежде всего воиновъ, тамъ первоначально собранію воиновъ принадлежало рѣшающее слово и домъ для мужчинъ является одновременно домомъ совѣта, думой народной общины, куда не имѣютъ доступа ни женщины, ни дѣти. Женскіе возрастные классы организуются подобнымъ же образомъ, а роды стоятъ подъ властью своихъ старѣйшинъ. Вообще въ примитивныхъ условіяхъ только отдѣльныя группы, орды или племена обнаруживаютъ стремленіе къ болѣе тѣсному сліянію и повиновенію власти одного вождя, цѣлое же сохраняетъ слабую связь. Если одному изъ родовыхъ главъ удастся стать во главѣ племени, устанавливается, обыкновенно, аристократическая форма правленія: не собраніе всѣхъ способныхъ носить оружіе уже имѣетъ рѣшающую власть, а совѣтъ родовыхъ старшинъ, который только въ особенно важныхъ случаяхъ обращается къ массѣ. Всего послѣдовательнѣе эта система была приведена у ирокезовъ, различныя племена и роды которыхъ вмѣстѣ выбирали пятьдесятъ родовыхъ старѣйшинъ, или сахемовъ, которые составляли верховный судъ ирокезскаго союза. У многихъ африканскихъ племенъ эволюція пошла дальше; вождь окруженъ здѣсь извѣстнымъ числомъ сановниковъ, власть которыхъ первоначально вытекала изъ власти родовыхъ старѣйшинъ, но они теперь образуютъ оригинально составленный дворъ, который то отодвигается на задній планъ передъ энергичнымъ вождемъ, то захватываетъ себѣ рѣшительное вліяніе и унижаетъ вождя до положенія безличнаго и безвольнаго существа. Замѣчательно то, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ противъ вождя обращается самое орудіе его могущества — его религіозное значеніе. Это можно превосходно прослѣдить на различныхъ переходныхъ формахъ. Уже въ Полинезіи особа вождя иногда до того священна, что онъ не долженъ ступать на землю, чтобы не сдѣлать ее недоступной для другихъ, и его должны носить на плечахъ его слуги; онъ не обращается самъ съ рѣчью къ подданнымъ, но поручаетъ это своимъ сановникамъ. И у тлинкитовъ на Аляскѣ вождь, по словамъ Боаса, не говоритъ самъ съ обыкновенными людьми, а сообщаетъ свои мысли черезъ раба. Въ Африкѣ вождь при пріемахъ сидитъ за занавѣской и вовсе не привѣтствуетъ чужестранцевъ или привѣтствуетъ

Мексиканскіе знаки достоинства.

a. Юноша, взявшій въ плѣнъ непріятеля и награжденный за то (изображеннымъ направо сверху) плащемъ.

b. Воинъ со знаками отличія: гербовымъ щитомъ и плащемъ (справа наверху) за взятіе въ плѣнъ двухъ непріятелей.

c. Украшеніе воина, взявшаго въ плѣнъ пять непріятелей; носитъ названіе: „квахій“.

d. Человѣкъ со знакомъ отличія особенно храбраго воина; носитъ названіе „тлакатекатль“.

Мечи обѣихъ фигуръ a, стоящей фигуры b и колѣнопреклоненной фигуры c замѣчательны тѣмъ, что древко усажено осколками обсидіана.

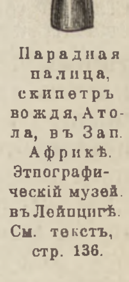
Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Мексиканскіе знаки достоинства.

По Г. Мэллери. (Рисунки изъ кодекса Мендозы въ „Antiquities of Mexico“ лорда Кинсборо.)

очень неохотно, и такъ какъ его лицезрѣніе можетъ быть опаснымъ для другихъ, точно такъ же и онъ самъ долженъ оберегать свою священную особу отъ всего, что можетъ ей угрожать или осквернять ее. Еще шагъ — и вождь начинаетъ жить, какъ нѣкогда микадо въ Японіи, въ качествѣ призрачнаго короля, спрятанный во дворцѣ, оберегаемый и охраняемый вѣрными придворными, которые держатъ въ своихъ рукахъ всю дѣйствующую власть. Въ Африкѣ не рѣдкость такіе безсильные властелины. Для японскихъ порядковъ оказываются даже дальнѣйшія параллели: свѣтскій властитель и во внѣшнихъ отношеніяхъ служитъ представителемъ безсильнаго духовнаго главы. „Царь евеевъ“, пишетъ Циндель, „вмѣстѣ съ тѣмъ и верховный жрецъ. Въ качествѣ таковаго онъ въ былыя времена былъ недоступенъ для своего народа. Только ночью онъ могъ оставлять свое жилище, чтобы выкупаться и. т. д. Только его замѣститель, такъ называемый „видимый царь“ съ тремя выборными старѣйшинами могли входить съ нимъ въ сношенія и то сидя на воловьей шкурѣ спиной къ нему. Онъ не долженъ видѣть ни европейца, ни лошади, не долженъ былъ приближаться къ морю — и потому ни на минуту не могъ оставлять своей резиденціи“. Да въ сущности нечего ходить такъ далеко, чтобы увидать подобные порядки. Средство раздробить власть государя на церемоніи, сдѣлать его особу недоступной и священной и воспрепятствовать всякимъ живымъ сношеніямъ съ его народомъ, слишкомъ удобно, чтобы имъ съ блестящимъ успѣхомъ не воспользовались европейскіе министры.

Институтъ африканскихъ придворныхъ чиновъ замѣчателенъ отчасти, какъ пріостановившійся въ своемъ развитіи переходъ къ новымъ формамъ организаціи. По мѣстамъ, повидимому, вождя еще въ самомъ дѣлѣ окружаютъ старшины родовъ и семей, князя; — такъ, по извѣстіямъ Ридса, у ашанти и у большей части кафрскихъ племенъ къ нимъ обыкновенно присоединяются взрослые члены царской семьи. Но на мѣсто этихъ первоначальныхъ представителей народа въ большинствѣ случаевъ уже успѣла протѣсниться новая придворная знать, которая, своимъ положеніемъ обязанная всецѣло произволу вождя, рекрутируется по большей части между рабами и слѣдовательно стоитъ внѣ всякой связи съ свободнымъ народомъ и его естественными вождями. Такимъ путемъ родовое правленіе разрушается и, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, открывается путь къ правильному раздѣленію труда: если былой совѣтъ старшинъ въ цѣломъ представлялъ мало дифференцированную массу, то теперь возникаютъ настоящія п р и д в о р н ы я д о л ж н о с т и, формальныя министерства, въ которыхъ иногда и старые военачальники, и главнокомандующіе дѣлаются военными министрами. При дворѣ Муата Казембе были: главнокомандующій войсками, смотритель дорогъ; при дворѣ князя Монбуту Мунса – завѣдующій оружіемъ, церемоніймейстеръ, завѣдующій столомъ, евнухъ и старшій толмачъ; у ашанти къ совѣту вождя принадлежитъ старшій палачъ, носитель гамака, въ Угандѣ — придворный поваръ и пивоваръ. Палачъ, какъ представитель юстиціи и грозный символъ верховной власти, является очень обыкновенно между придворными африканскихъ властителей. Въ странѣ Васиба на озерѣ Викторія Ніянца въ составъ придворныхъ сановниковъ входятъ смотритель за лодками, нѣчто въ родѣ адмирала, старшій пастухъ, придворный архитекторъ и придворный капельмейстеръ. Цѣлыя категоріи чиновниковъ служатъ въ финансовомъ управленіи; въ отдѣльныхъ случаяхъ можно видѣть настоящихъ казначеевъ и министровъ финансовъ, чаще надзирателей за торговлей и пошлинами, такъ, напр., мафукъ въ Лоанго, который взима-

Парадная палица, скипетръ вождя, Атола, въ Зап. Африкѣ. Этнографическій музей въ Лейпцигѣ. См. текстъ, стр. 136.

етъ налоги съ европейскихъ торговыхъ поселеній, — эта доходная должность передается царемъ тому, кто больше дастъ; наконецъ являются смотрители охоты, рыбной ловли и промысловъ, которые заботятся о томъ, чтобы часть добычи или дохода поступила въ царскую казну.

Здѣсь открывается уже перспектива новой эволюціи, которую въ ясно выраженныхъ признакахъ мы встрѣчаемъ въ государствахъ Судана; смотрители отдѣльныхъ спеціальностей, которые ближайшимъ образомъ въ интересахъ государя собираютъ налоги, дѣлаются настоящими представителями порученныхъ имъ группъ народа; они доводятъ до свѣдѣнія двора объ ихъ нуждахъ и являются посредниками въ сношеніяхъ государя съ опекаемыми. При дворѣ въ Якобѣ, когда эту мѣстность посѣтилъ Рольфсъ, былъ „князь кузнецовъ“ и „султанъ“ мясниковъ и портныхъ. Въ Дарфурѣ Нахтигаль видѣлъ между сановниками смотрителя, хранителей бубновъ, смотрителей кузнецовъ, кожевниковъ и работниковъ, приготовляющихъ ватные панцыри. Въ Катсенѣ среди придворныхъ имѣется министръ красиленъ, — т. е. одной изъ самыхъ могущественныхъ отраслей промышленности страны. Этой эволюціи благопріятствуетъ обычай ставить во главѣ чужестранцевъ, поселившихся въ странѣ въ качествѣ торговцевъ и промышленниковъ, надзирателемъ одного изъ членовъ короннаго совѣта, который является представителемъ пришельцевъ при дворѣ и получаетъ за это отъ нихъ подарки; даже люди, не принадлежащіе ни къ какому племени, имѣютъ въ Дарфурѣ своего адвоката при дворѣ короля.

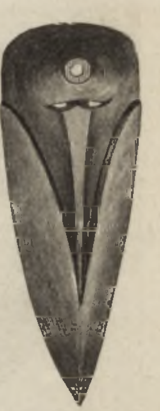
Во всемъ этомъ уже видно начало сословнаго представительства, и гдѣ намѣстники отдѣльныхъ областей принадлежатъ также къ царскому совѣту, тамъ уже возникаетъ родъ сейма, впрочемъ болѣе похожаго на сенатъ, чѣмъ на палату депутатовъ. Еще рельефнѣе выступаетъ это въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ-завоеватель развиваетъ въ покоренной странѣ нормальный феодальный порядокъ, который свойственнымъ ему образомъ вліяетъ на уменьшеніе верховной власти государя; англійскіе бароны, которые противъ своей воли заложили своей Magna Charta основаніе конституціоннаго государства новаго времени, нашли и находятъ единомышленниковъ въ Африкѣ и въ Восточной Азіи, — словомъ и всюду, прежде чѣмъ возникнетъ неограниченная власть государя или настоящее народное представительство, приходится выдерживать борьбу съ феодализмомъ.

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ во всякомъ случаѣ одно: политическая свобода непосредственно имѣетъ мало общаго съ культурой; идеалъ анархическихъ мечтателей воплотился во всей чистотѣ на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія общества; можетъ быть, именно временная потеря этой свободы служитъ для воспитанія человѣческаго рода и, только послѣ основательной очистки его, можно требовать утерянное съ полнымъ правомъ обратно, какъ нѣкогда это сдѣлали греки въ лучезарные дни своей юношеской силы и своего расцвѣта.

Мы видимъ, что хрупкая власть государя во многихъ случаяхъ пріобрѣтаетъ чрезвычайную силу благодаря связи съ сверхъестественными дѣятелями; уже родовой старшина, завѣдующій культомъ своихъ сородичей, можетъ этимъ путемъ достигнуть высшаго значенія; прежде всего домъ для мужчинъ съ своими масками и привидѣніями (см. рис. на стр. 139, 140) представляетъ для исходящей изъ него власти великолѣпное орудіе. Но тѣсная связь жречества съ властью вождя есть скорѣе исключеніе, чѣмъ правило, и вообще сословіе волхвовъ и жрецовъ развивается самостоятельно и въ высшей степени разнообразно; борьба между государствомъ и церковью, наполняющая позднѣе нѣмецкое средневѣковье, ведется съ перемѣннымъ успѣхомъ и у первобытныхъ племенъ.

Чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что жреческое сословіе отдѣлилось отъ вождей и сословіе правителей не смогло удержать за собой могучее орудіе власти, которое давало имъ религіозное вліяніе. Тотъ, кто въ жрецѣ перво-

бытныхъ народовъ видитъ только фигляра и обманщика, не найдетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Въ дѣйствительности волхвы и жрецы должны всюду, гдѣ высшее развитіе еще не измѣнило предъявляемыхъ къ нимъ требованій, обладать извѣстными качествами, которыя внушали бы къ нимъ довѣріе народа, качествами частью природными и, кромѣ того, искусственно развитыми: — какъ, напр., прежде всего способностью впадать въ экстазъ, а также другими патологическими особенностями, о которыхъ рѣчь будетъ впереди. Чтобы вождь могъ именно обладать такими качествами — мало вѣроятно, и онъ долженъ, хотя бы и съ неудовольствіемъ, видѣть, какъ волшебный жезлъ переходитъ въ руки другого, и у него обращается нерѣдко въ скипетръ племени вождя, если обѣ власти не могутъ мирно существовать рядомъ. Власть жреца становится наиболѣе значительной въ тѣхъ случаяхъ, когда она представляетъ собою наслѣдство союза мужчинъ и домъ молодежи преобразуетъ въ храмъ, боги и духи котораго находятся въ его распоряженіи. Но и тамъ, гдѣ жреческое сословіе является случайно и выростаетъ на подобіе сорной травы въ хлѣбномъ полѣ, оно можетъ пріобрѣсти рѣшительное вліяніе солидарностью и взаимной поддержкой.

Эскимосская маска, Принцъ Улльямъ-Зундъ. По В. Г. Даллю. См. текстъ, стр. 138.

Отношенія между жреческимъ сословіемъ и властью вождя развиваются очень разнообразно. Иногда достоинство жреца совпадаетъ съ достоинствомъ вождя, какъ у сѣверныхъ дайаковъ, строй которыхъ указываетъ не на древнѣйшую форму эволюціи, а на случайный возвратъ къ примитивнымъ отношеніямъ. „Монанги, или знахари береговыхъ дайаковъ“,—пишетъ Брукъ Лоу,—„стоятъ ближе всего по значенію къ „тца-румахамъ“, старшинамъ, и нерѣдко случается, что знахарь является даже старшиной деревни, въ которой живетъ. Этому ничто не препятствуетъ, если только знахарь пользуется популярностью; но чтобы сдѣлаться популярнымъ нужно быть испытаннымъ снотолкователемъ и могущественнымъ изгонятелемъ духовъ. Достоинство мананга наслѣдственно; оно не переходитъ непремѣнно отъ отца къ сыну, но остается обыкновенно въ семьѣ“. Въ другихъ мѣстахъ роды вождей и жрецовъ мирно уживаются вмѣстѣ, что иногда указываетъ на ихъ былую связь, — какъ это сообщаетъ Іеллинггаузъ о племени мундиколъ въ Средней Индіи. Здѣсь въ каждой деревнѣ есть два такихъ рода: паханъ, или жреческій родъ, и мунда, или родъ сельскаго старшины, изъ которыхъ и выбираются жрецъ глава общины. „Такъ какъ“ — говоритъ Іеллинггаузъ — „эти два рода разсматриваются, какъ близкіе братья и называются по имени одного и того же предка, можно предположить, что при основаніи деревни первые поселенцы, вѣроятно два брата, раздѣлили между собой должности, и потомки ихъ распались на родъ мунда и родъ паханъ“. Гдѣ между различными классами вождей господствуетъ соревнованіе и соперничество, жрецъ естественно является цѣннымъ союзникомъ. Въ сѣверо-западной Америкѣ, по свидѣтельству Ниблака, вождь жертвуетъ иногда часть своего достоянія, чтобы заручиться помощью знахаря, и обоимъ имъ удается предупредить козни стремящихся къ возвышенію соперниковъ. Если позволительно провести такую параллель, это напоминаетъ древнія времена германской императорской власти, когда епископы были еще простой опорой императорской власти противъ феодализма, пока позднѣйшая борьба съ Римомъ не испортила отношеній, одинаково полезныхъ для обѣихъ сторонъ.

Въ общемъ жреческое сословіе первобытныхъ народовъ стоитъ на низкой ступени развитія; но тѣмъ не менѣе въ немъ воплощаются обыкновенно все преданіе и все духовное достояніе племени. Въ то

время какъ молодежь вообще растетъ безъ всякаго обученія, готовящіеся на должность жрецовъ должны не только подвергать испытанію свои волшебныя силы, но и выдержать извѣстный подготовительный искусъ, въ теченіе котораго имъ передаются традиціи племени. Жрецъ есть въ то же время хранитель преданія, древнихъ, таинственныхъ обычаевъ, „добрыхъ нравовъ“, которые, конечно, часто бываютъ очень дурными; онъ уполномоченный представитель всѣхъ консервативныхъ началъ, и если весьма часто его вліяніе производитъ опасное и гибельное дѣйствіе на прогрессъ культуры, то все же онъ является носителемъ идеальныхъ стремленій и указываетъ путь къ развитію. Жрецъ является и защитникомъ нравственныхъ требованій и въ этомъ отношеніи онъ пріобрѣтаетъ высшее значеніе рядомъ съ властью вождя. Неумѣло, но все же уже замѣтно обнаруживается сознаніе этихъ высшихъ задачъ въ тѣхъ наставленіяхъ, которыя верховный жрецъ народа галла дѣлаетъ юношамъ, посвящаемымъ имъ въ жрецы. „Онъ наставляетъ“ — говоритъ Пауличке, — „своихъ учениковъ не стричь волосы, а давать имъ расти на свободѣ, жить по законамъ мѣстнаго вождя, т. е. каждое важное дѣло рѣшать только въ соединеніи съ народнымъ представительствомъ, не допускать произвольной власти, которая противорѣчитъ постановленіямъ предковъ“. Самымъ широкимъ образомъ пользовались политическимъ и нравственнымъ вліяніемъ жрецы дельфійскаго оракула: они сумѣли сдѣлаться центромъ греческой духовной жизни, регулировать съ глубокимъ пониманіемъ тѣ правительственныя столкновенія, изъ которыхъ наконецъ греческій республиканизмъ въ своей очищенной формѣ вышелъ побѣдителемъ надъ родовой раздробленностью и тираніей. И здѣсь, слѣдовательно, обнаруживается удивительная внутренняя эволюція, какъ параллель тому внѣшнему развитію, которое превратило волшебную хижину жреца-оракула (рис. на стр. 141) въ колонныя залы, въ храмахъ болѣе высокихъ религіозныхъ формъ.

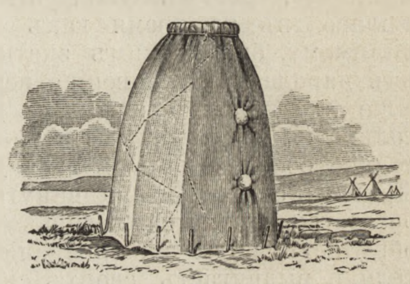

Маска, въ формѣ головы быка. Индія. По фотографіи. См. текстъ, стр. 138.

Подобно тому, какъ существуютъ женщины-вожди, существуютъ и женщины-жрецы. Иногда имъ удается пріобрѣсти значительное вліяніе и возвысить вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе пола въ племени, приблизительно такъ же, какъ этого достигли тайные союзы женщинъ въ Африкѣ.

Въ тѣсной связи съ этими тайными союзами находились вѣроятно и тѣ общества, которыя имѣютъ извѣстное сходство съ христіанскими орденами и особенно процвѣтаютъ на западномъ берегу Африки. Уже само по себѣ жречество стремится здѣсь къ извѣстной солидарности. „Между жрецами различныхъ фетишей, — говоритъ Герольдъ о положеніи вещей въ Того, — нѣтъ ни тѣни конкуренціи и нетерпимости, а, напротивъ, существуютъ лучшія товарищескія отношенія, какъ между добрыми сотрудниками. Эти чувства пріязни проявляются, когда жрецъ всевѣдущаго Афы отсылаетъ вопрошающаго къ жрецу фетиша Багба, когда тотъ проситъ о дождѣ, такъ какъ Афа самъ не посылаетъ дождя, или къ жрецу какого-нибудь другого фетиша, который какимъ-нибудь образомъ былъ оскорбленъ“. Въ западной же Африкѣ мы встрѣчаемъ и хорошо разработанное раздѣленіе труда въ области религіи. Между знахарями золотого берега жрецы боговъ, имѣющихъ собственные храмы, пользуются величайшимъ уваженіемъ, такъ какъ

они выполняютъ важнѣйшіе обряды культа и являются посредниками между народомъ и высшими силами. Меньшимъ значеніемъ пользуются „вонги“, которые, подобно сибирскимъ шаманамъ, барабаннымъ боемъ и танцами приводятъ себя въ изступленное состояніе и потомъ предсказываютъ будущее и лѣчатъ болѣзни. „Гбало“, или вѣщатели, продѣлываютъ настоящіе спиритическіе фокусы. Они утверждаютъ, что находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ духами. Наконецъ имѣется еще классъ людей, которые изготовляютъ волшебные шнурки и ведутъ выгодную торговлю ими. Если принять еще во вниманіе, что каждый фетишъ (рис. на стр. 143) имѣетъ свои особенныя добродѣтели, то предъ нами развернется такое разнообразіе жреческой жизни, которую не всегда можно встрѣтить и у культурныхъ народовъ.

Вожди и жрецы представляютъ собой обыкновенно единичныя явленія, которыя выступаютъ надъ массой, хотя жреческое сословіе очень склонно (какъ это обнаруживается у первобытныхъ народовъ и еще сильнѣе проступаетъ въ монастырской жизни буддійскихъ и христіанскихъ народовъ или въ католической іерархіи) соединяться въ замкнутыя группы. Въ тѣсной связи съ властью вождя стоятъ, напротивъ, тѣ высшіе слои народа, которые обыкновенно называютъ знатью: между тѣмъ знать только часть новой организаціи, которая становится въ извѣстный антагонизмъ къ возрастнымъ классамъ и родовому строю, раздѣляя народъ по происхожденію и по большей части также по имуществу на слои, которые соотвѣтствуютъ различнымъ рангамъ, разрушая кореннымъ образомъ прежнее равенство. Различныя условія оказываютъ вліяніе на эту эволюцію: возникновеніе крупныхъ имущественныхъ различій, обособленіе касты воиновъ, стремленіе вождей обезпечить себѣ преданную дружину, чиновничество, возникновеніе придворныхъ должностей и наконецъ пріемъ въ племя чужаковъ, считаемыхъ низшими по достоинству. Въ основѣ слѣдуетъ различать два пути происхожденія знати: или она образуется внутри опредѣленнаго общества, когда масса сама собой разслояется на лежащіе одинъ надъ другимъ слои, или она является результатомъ войны и завоеванія. Второй случай очень простъ, между тѣмъ какъ первый выступаетъ въ очень различныхъ формахъ. Пока матріархальные роды сохранялись въ своей первоначальной оригинальности, для соціальныхъ разслоеній не было простора; прежде чѣмъ могли наступить новыя обособленія, нужно было разбить крѣпко сплоченныя родовыя массы на мелкія части. Можно, конечно, родовыхъ старшинъ, окружающихъ князя или руководящихъ дѣлами племени безъ монархическаго главы считать извѣстнаго рода аристократіей, однако существеннымъ признакомъ вторичнаго соціальнаго разслоенія является наслѣдственность ранга, о которой въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ каждый способный членъ рода можетъ имѣть виды на высшее званіе. Но какъ скоро начинается распаденіе рода на патріархальныя семьи, облегчается и возникновеніе знати: она является почти сама собой. Это можно превосходно наблюдать въ Меланезіи, гдѣ вслѣдствіе малаго числа родовъ легко возникаютъ меньшія семейныя группы. „Внутри обоихъ родовъ (bebe),“ — говоритъ Кодрингтонъ,— „есть между островитянами Банковыхъ островов нѣкоторыя семьи, члены которыхъ отличаются извѣстной фамильною гордостью и стараются посредствомъ взаимныхъ браковъ поддерживать семейную связь“. И здѣсь мы уже видимъ, слѣдовательно, стремленіе къ эндогаміи въ обществѣ, которое въ остальной своей массѣ строго экзогамично. Эта характерная черта знати

Хижина для волхвованій у индѣйцевъ Гёдзнова залива. Сѣв. Америка. По В. Л. Тёрнеру. См. текстъ, стр. 140.

всего міра даетъ иногда удивительные плоды. Лучшія семьи, отдѣляющіяся отъ массы остальныхъ членовъ рода, послѣ паденія родового строя упорнѣе всего держатся родовыхъ традицій, которыя онѣ стараются приспособить къ новымъ условіямъ; внѣшнимъ образомъ это обнаруживается особенно въ томъ, что онѣ перенимаютъ тотемическіе гербы родовъ или создаютъ подобные имъ новые, какъ это теперь еще можно наблюдать во всякаго рода переходныхъ формахъ у береговыхъ племенъ сѣверо-западной Америки. Не менѣе дорожатъ онѣ заботливо составляемой генеалогіей, которая была необходима въ патріархальныхъ родахъ и перешла всюду къ знатнымъ семьямъ, тогда какъ народъ, въ своихъ низшихъ слояхъ, не знаетъ болѣе и не цѣнитъ сдѣлавшіеся лишними семейные списки.

Какъ изъ родовъ, такъ и изъ остатковъ возрастныхъ классовъ, изъ союза мужчинъ или изъ обществъ охотниковъ и воиновъ, возникъ родъ аристократіи, которая естественно выдѣляется изъ среды остальныхъ членовъ союза, вслѣдствіе какихъ-нибудь унаслѣдованныхъ преимуществъ, или, что, можетъ быть, бываетъ чаще, одна поддерживаетъ единство цѣлаго, въ то время какъ другіе его покидаютъ. Ареои на Таити, повидимому, были такимъ знатнымъ классомъ, который потомъ пополнялся изъ народа. Обыкновенно верхній слой народа возникаетъ изъ богатыхъ. Уже въ клубныхъ порядкахъ меланезійцевъ высшія степени пріобрѣтаются только цѣною крупныхъ денежныхъ жертвъ; въ сѣверо-западной Америкѣ только состоятельные могутъ достигать высшаго общественнаго положенія. Другимъ средствомъ выдвинуться, помогающимъ обыкновенно и пріобрѣсти богатство, является военная энергія, которая особенно тамъ всегда пріобрѣтаетъ виды на признаніе, гдѣ уже развилась власть единаго правителя и выдвигаетъ своихъ сильныхъ приверженцевъ. Примитивное государство, вырастающее на основѣ военной организаціи можетъ быть управляемо только въ феодальномъ смыслѣ, т. е. правитель, не имѣющій возможности лично управлять страной и вести ея хозяйство, долженъ раздѣлить ее между своей воинственной дружиной, на силѣ которой опирается его вліяніе; онъ долженъ сдѣлать своихъ приверженцевъ ленниками; такимъ путемъ возникла въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ низшая и средняя нѣмецкая знать — первоначально несвободные люди (milites) — князья въ качествѣ осѣдлыхъ ленниковъ образовали въ концѣ концовъ привиллегированный классъ. Рядомъ съ феодальной аристократіей легко образуется потомъ чиновничья и придворная и наконецъ оба класса сливаются иногда воедино. Въ Японіи воинственная земская аристократія даиміо, естественнымъ вождемъ которой былъ шогунъ (главнокомандующій), до сихъ поръ остается совершенно обособленной отъ придворной — куге, которая группируется вокругъ священной особы Микадо.

У нѣкоторыхъ сѣверныхъ племенъ галла можно еще хорошо прослѣдить происхожденіе феодальной аристократіи, которая просто является слѣдствіемъ деспотизма, заступившаго мѣсто республиканской или олигархической формы правленія. Первоначально народъ распадался на десять группъ (вѣроятно родовъ), главы которыхъ, по два въ каждой группѣ управляли въ теченіе сорокалѣтняго цикла страной. Съ возникновеніемъ княжеской власти мѣсто этихъ родовыхъ главъ заступила новая, чисто феодальная аристократія, которая состоитъ изъ испытанныхъ приверженцевъ князей и, благодаря тому, что и былые родовые старшины внесены въ число знатныхъ ленниковъ, пріобрѣла извѣстную историческую опору. Отчасти эта аристократія занимаетъ опредѣленныя придворныя должности и уподобляется такимъ образомъ государственному совѣту многихъ негрскихъ вождей или министерствамъ цивилизованныхъ государей. Аристократія, возникшая благодаря завоеванію, всегда носитъ черты феодализма, какъ, напр., нормандская въ Нормандіи и Англіи. Въ общемъ цѣлому народу рѣдко удается удержаться въ качествѣ высшаго слоя надъ покоренными массами, нужно

по меньшей мѣрѣ много упорной энергіи и благоразумія для того, чтобы предупредить или по крайней мѣрѣ ограничить переходъ менѣе достойныхъ собственныхъ членовъ въ низшіе слои и возвышеніе способныхъ элементовъ изъ низшихъ слоевъ въ верхніе. Надолго не удастся никогда положить оковы на преобразующія силы народной жизни и воспрепятствовать новымъ соціальнымъ разслоеніямъ.

Но всякая аристократія, не одна только феодальная, видитъ, что ея искусственно поддерживаемому могуществу угрожаютъ двѣ опасности: собственное вырожденіе и возвышеніе низшихъ классовъ. Замѣчательно, при этомъ то, что она вездѣ одинаковымъ образомъ защищается и пытается усугубить преграды, которыя отдѣляютъ ее отъ массы.

Богъ грома Вайя, фетишъ съ Невольничьяго берега. Бременскій музей. См. текстъ, стр. 141.

Даже внѣшнимъ образомъ аристократія отличается иногда отъ массы болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, болѣе высокимъ ростомъ и тѣлесной ловкостью. Если иногда это можно объяснить тѣмъ, что въ ней раса завоевателей передаетъ потомству наслѣдство своихъ тѣлесныхъ преимуществъ, то въ большинствѣ случаевъ это зависитъ отъ лучшаго питанія, меньшаго обремененія работой и склонности къ воинской дѣятельности. Пока ко всему этому аристократія сохраняетъ духовное превосходство, — а это ей удается легко вслѣдствіе освобожденія отъ тяжелаго физическаго труда, — пока ее одушевляетъ сильная жажда власти, положеніе ея нелегко потрясти. Но оказывается, что извѣстное принужденіе къ дѣятельности полезнѣе, чѣмъ полная свобода. Многіе отличительные признаки знатности рода, которой часто гордится аристократія, являются въ сущности ясными признаками начинающагося или уже наступившаго вырожденія—таковы напр., чрезмѣрная тучность, — результатъ лѣни и объѣденія. На многихъ островахъ Полинезіи, напр. на Гавайскихъ, вожди и знатныя лица были такъ толсты, что въ опасныя минуты, какъ напр. послѣ потеряннаго сраженія толщина для нихъ часто становилась гибельной. И воинственное племя зулусовъ съ гордостью взираетъ на своихъ откормленныхъ вождей. Часто упоминается въ кафрскихъ войнахъ нѣкій Огамъ, который могъ самостоятельно пройти лишь нѣсколько шаговъ. Благодаря этому качеству онъ много выигрывалъ въ глазахъ своихъ подданныхъ. Къ толщинѣ присоединяется еще одинъ некрасивый признакъ высшаго сословія — который съ удивительнымъ постоянствомъ является всюду, гдѣ высшіе слои воздерживаются отъ физической работы и отъ непосредственной воинской дѣятельности. Это — обычай ростить ногти на рукахъ въ видѣ когтей. Едва ли это дѣлается съ ясно сознаннымъ намѣреніемъ, но слѣдуетъ согласиться, что нѣтъ лучшаго показателя праздной жизни, чѣмъ эти когти, которые сломались или съ болью загнулись бы при первомъ крѣпкомъ обхватѣ молота или древка копья. Какъ широко распространена эта безобразная мода, можно судить по многимъ примѣрамъ. Такъ напр. между Ксоза-кафрами, по словамъ Кропфа, маленькія руки и большіе ногти служатъ признакомъ высшаго сословія; тоже и у зулусовъ, по извѣстіямъ Іеста. Относительно золотого берега одно старинное свѣдѣніе сообщаетъ, что: „вожди отпускаютъ иногда ногти до такой длины, что они равняются съ суставами пальцевъ; чѣмъ ногти длиннѣе, тѣмъ знатнѣе ихъ владѣлецъ, тѣмъ больше его уважаютъ. Эти ногти служатъ знатнымъ людямъ на мѣсто совка для того, чтобы брать золотой песокъ, причемъ каждый ноготь захватываетъ полъ унціи“. Тучные вожди на Гавайскихъ островахъ свои многочисленные часы досуга посвящаютъ уходу за когтеобразными ногтями, хотя, вѣроятно, не достигающими апогея безобразія этой моды какъ у китайскихъ

и индо-китайскихъ мандариновъ, которымъ нужны даже особые футляры для ихъ драгоцѣнныхъ ногтей. Въ Бразиліи фонъ Марціусъ нашелъ у многихъ индѣйскихъ племенъ чудовищные ногти на большомъ пальцѣ, служившіе отличіемъ вождямъ. Интересно въ психологическомъ отношеніи то, что и въ Европѣ въ извѣстныхъ кругахъ обычай этотъ, независимо отъ внѣшнихъ вліяній, все болѣе распространяется. Есть еще и много другихъ произвольно избранныхъ тѣлесныхъ отличій знати. Такъ, напр., татуировка, которая служитъ въ нѣкоторомъ родѣ гербомъ знатнымъ людямъ, какъ, напр., у маори и многихъ обитателей с. з. Америки. У гинуковъ искусственно приплюснутый черепъ, характеристичный признакъ народа, у дѣтей рабовъ не примѣняется. Это тщеславіе получаетъ свое возмездіе въ комичной формѣ: такъ какъ болѣе сѣверныя племена берега Британской Колумбіи и Аляски пополняютъ контингентъ своихъ рабовъ главнымъ образомъ изъ гинуковъ, то у нихъ и далѣе на сѣверѣ именно плоская голова считается признакомъ рабства.

Если вождямъ часто удается окружить себя ореоломъ мистической святости, то знать подражаетъ имъ и въ этомъ. По мѣстамъ возникаетъ формальная жреческая аристократія, какъ, напр., колѣно Левина у древняго народа израильскаго, или же высшіе классы образуютъ изъ нѣкоторыхъ своихъ представителей религіозно-воинственные союзы, какъ тампліеры и іоанниты, рыцари тевтонскаго ордена или орденовъ Сантъ-яго, алькантара и колотрава средне-вѣковой Испаніи. Въ первобытныхъ условіяхъ для этого довольствуются простыми средствами. Въ Полинезіи существуютъ обычаи табу, которые вытекаютъ изъ культа мертвыхъ въ союзахъ мужчинъ и дѣлаются всеобщимъ желаннымъ орудіемъ обособленія и гнета, такъ какъ они сообщаютъ вождямъ и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ таинственную силу, которой никто не можетъ сопротивляться. Знать охотно создаетъ и собственную миѳологію и ревниво заботится о томъ, чтобы даже на томъ свѣтѣ сохранить свои преимущества. По Перуанскому преданію въ началѣ съ неба упали три яйца: золотое, серебрянное и мѣдное; изъ перваго произошли князья, изъ второго знатные люди, изъ третьяго простой народъ. Корибы держались воззрѣнія, что послѣ смерти низшіе классы превращаются въ животныхъ и только высшіе продолжаютъ существовать, какъ антропоморфные духи. У племенъ майа знать удерживаетъ за собой привилегію обращенія въ птицъ съ пестрымъ, блестящимъ опереніемъ или въ млекопитающихъ, въ то время какъ масса должна продолжать существованіе въ видѣ горностаевъ, жуковъ и подобныхъ имъ низшихъ существъ. Еще радикальнѣе аристократы острова Тонга; они привили убѣжденіе, что только души знатныхъ людей будутъ продолжать существованіе на томъ свѣтѣ, а души людей низшихъ классовъ будутъ уничтожены. Понятно, что у аристократіи въ такомъ случаѣ и способъ погребенія совершенно иной. (См. рис. на стр. 145). И помимо этихъ удивительныхъ уродливыхъ явленій ясно, что высшіе слои вообще должны выполнять культъ предковъ съ большимъ усердіемъ, чѣмъ народная масса, что они должны сохранять воспоминаніе объ отдаленнѣйшихъ предкахъ и уже ради вопросовъ, вытекающихъ изъ законовъ о наслѣдствѣ, должны постоянно помнить о старинныхъ событіяхъ. Не стремясь къ этому сознательно, высшіе классы работаютъ этимъ путемъ для могущественнаго прогресса культуры—они расширяютъ горизонтъ времени, съ именами сохраняются и событія и ученія прошлаго, создается въ народѣ традиція, однимъ словомъ, полагается начало исторіи. Отсюда уже не трудно понять, какимъ образомъ желаніе подкрѣпить традицію какимъ-нибудь внѣшнимъ знакомъ должно вести къ дальнѣйшимъ культурнымъ успѣхамъ.

Мы сказали уже, что образованіе соціальныхъ слоевъ сдѣлалось возможнымъ лишь вслѣдствіе того, что родовой строй началъ разлагаться. Этимъ собственно уже сказано, что и далѣе соціальныя различія будутъ

дѣйствовать въ этомъ направленіи—будутъ преобразовывать родовую организацію и вводить новые нравы, часто прямо противоположные старымъ. Яснѣе всего это обнаруживается въ области брачныхъ законовъ и запрещеній; если въ періодъ господства матріархальнаго рода съ большой точностью соблюдалась экзогамія, если бракъ внутри своего рода считался преступленіемъ, то высшій классъ стремится совершенно естественно къ эндогаміи. Иначе и быть не можетъ. Его сила покоится на извѣстныхъ свойствахъ, которыя необходимо передать потомству, на воинственной энергіи и сильныхъ властныхъ инстинктахъ, а эти свойства, понятно, вѣрнѣе всего встрѣтить у ближайшихъ родственниковъ, членовъ патріархальнаго рода. Этимъ я не хочу сказать, что тотчасъ же должно, вслѣдствіе слишкомъ частыхъ браковъ между родственниками, наступить вырожденіе, хотя опасность уже близка, и иногда вредныя послѣдствія браковъ между родичами рѣзко выступаютъ. Если экзогамическіе брачные запреты падаютъ, то на ихъ мѣсто просто становится рядъ другихъ, которые покоятся на болѣе разумныхъ основаніяхъ, такъ какъ при этомъ принимается въ разсчетъ и родство по матери, и родство по отцу. Во всякомъ случаѣ неограниченная экзогамія, какъ показываетъ малое число дѣтей въ смѣшанныхъ европейско-нигритскихъ или арійско-семитическихъ бракахъ, вовсе не есть цѣль, достойная стремленій и попытка умѣренной эндогаміей сохранить хорошія качества расы не лишена разумности. „Смѣшеніе народовъ и племенъ“ — говоритъ генеалогъ О. Лоренцъ, „есть основаніе большихъ переворотовъ въ общественной и государственной жизни. Отсюда слѣдуетъ заключить, что есть извѣстныя границы, гдѣ увеличеніе числа предковъ (т. е. возможно интенсивное смѣшеніе различныхъ человѣческихъ группъ) грозитъ сдѣлаться вреднымъ и разлагающимъ для государства и общества, а уменьшеніе числа предковъ (т. е. эндогамія) можетъ явиться спасительнымъ моментомъ улучшенія государственныхъ и общественныхъ условій“. Указывая на смѣшеніе бѣлыхъ и негровъ, онъ продолжаетъ: „многіе думаютъ, что этимъ путемъ можно достигнуть того, что принято называть улучшеніемъ и прогрессомъ, но если для черной расы такимъ путемъ создаются лучшія условія, то нельзя утверждать, что то же имѣетъ мѣсто и для бѣлой. Она скорѣе поплатилась бы за увеличеніе числа предковъ своей культурой, которую она развила въ своемъ, однородномъ по происхожденію обществѣ“.

Рѣзные гробы для вождя и его жены. Конго. По Лемэру.

Если народъ раздѣляется на соціальные слои, или если изъ чуждыхъ элементовъ образуются новые классы народа, то особенное вниманіе будутъ возбуждать высшіе и низшіе слои; они до извѣстной степени взаимно зависятъ другъ отъ друга, тогда какъ средніе, если они не уничтожаются, вѣрнѣе всего сохраняютъ первоначальныя и нормальныя условія, и такъ какъ они лучше всего обезпечены отъ вырожденія, то и образуютъ настоящій запасъ народной силы.

Происхожденіе низшихъ слоевъ — крѣпостныхъ и рабовъ — еще тѣснѣе связано съ экономической эволюціей, чѣмъ происхожденіе высшихъ классовъ: въ крупныхъ размѣрахъ по крайней мѣрѣ рабство можетъ развиваться только въ тѣхъ странахъ, гдѣ процвѣтаетъ земледѣліе или развивается могущественная вывозная промышленность. Тѣмъ не менѣе рабство не безусловно связано съ земледѣліемъ; оно встрѣчается и у племенъ, которыя живутъ охотой и рыбной ловлей, напр., у приморскихъ обитателей сѣверной части Тихаго океана, какъ на американскомъ, такъ и на азіатскомъ берегахъ. Любопытныя данныя сообщаетъ Шренкъ относительно рабства у гиляковъ. Рабы никогда не бываютъ прирожденными гиляками:

опи выходятъ изъ сосѣднихъ аиновъ и гольдовъ, у которыхъ существуетъ дурной обычай продавать своихъ дѣтей. Рабовъ тамъ немного, они безправны, употребляются на всѣ тяжелыя работы и вступаютъ въ браки только въ своей средѣ; для гиляковъ всякая близость къ нимъ считается позоромъ. Только богатые люди могутъ позволять себѣ роскошь держать рабовъ. Совершенно такія же условія встрѣчаемъ мы у большей части индѣйскихъ племенъ сѣверо-западной Америки, особенно по берегамъ Аляски; только здѣсь, по словамъ Симпсона, уже треть населенія состоитъ изъ рабовъ, которые находятся еще въ худшемъ, если это возможно, положеніи, чѣмъ у гиляковъ. При извѣстныхъ празднествахъ ихъ приносили въ жертву, и вообще жизнь ихъ считалась ни во что. Такъ, напримѣръ, одинъ вождь, получивъ въ ссорѣ съ бѣлымъ два удара кулакомъ, приказалъ для своего утѣшенія и удовлетворенія за обиду, нанесенную ему бѣлымъ, застрѣлить раба, Есть особые каменные топоры, которые употребляются только при принесеніи въ жертву рабовъ (рис. стр. 147). Сѣверныя племена получаютъ своихъ рабовъ преимущественно путемъ торговаго обмѣна отъ чимшіановъ, которые въ свою очередь продаютъ военно-плѣнныхъ съ южныхъ береговъ.

На берегахъ Берингова моря также встрѣчается рабство при отсутствіи земледѣлія; но вообще слѣдуетъ сказать, что земледѣліе впервые создаетъ живую потребность въ подневольныхъ рабочихъ силахъ. Народы бродячіе не знаютъ рабства, оно совершенно чуждо чистымъ номадамъ и является у нихъ изрѣдка, какъ случайное заимствованіе у сосѣднихъ, иначе поставленныхъ экономически племенъ, — какъ, напр., въ сѣверо-восточной Африкѣ. Въ хозяйствѣ номадовъ сомаи и донакилей, говоритъ Пауличке, рабство невыгодно по той причинѣ, что страны, занятыя обѣими названными народнностями слишкомъ рѣдко населены, земледѣліе незначительно, и сверхъ того отдѣльныя личности, занимаясь скотоводствомъ, сравнительно легко пріобрѣтаютъ себѣ пропитаніе, но все-таки не въ состояніи прокормить значительное число рабовъ доходами отъ своихъ стадъ. У самали и афаровъ обладаніе рабами является поэтому чистой роскошью, которою могутъ позволить себѣ только богатые горожане, усвоившіе утонченныя формы жизни мусульманъ. И земледѣліе, конечно, не необходимо связано съ рабствомъ: ближайшимъ образомъ оно является формой женскаго хозяйства и не вездѣ перешло въ руки мужчинъ — даже между военно-плѣнными или купленными рабами. Подобно тому, какъ высшій слой образовался частью внутри племени, частью при столкновеніи двухъ народовъ, такъ и несвободные низшіе классы отложились двоякимъ образомъ: только второй способъ возникновенія, вѣроятно, вездѣ предшествовалъ первому и далъ первый толчекъ къ тому, чтобы и членовъ своего племени низводить до значенія одного изъ предметовъ частной собственности и обращаться съ ними, какъ съ военноплѣнными. Но уже мысль не избивать беззащитныхъ враговъ или, — чему особенно благопріятствовало возникновеніе союзовъ мужчинъ, — принимать ихъ на равныхъ правахъ въ свой родъ была-бы невозможна безъ извѣстной подготовительной работы исторіи, которую не трудно возстановить: прежде всего щадили и принимали въ качествѣ полезныхъ работницъ женщинъ въ родъ или семью, гдѣ онѣ при своей безправности были не болѣе, какъ рабыни; исходя изъ этого дошли и до того, что стали эксплуатировать также и рабочую силу мужчинъ вмѣсто того, чтобы въ слѣпой ярости уничтожать плѣнныхъ. Къ экономическому значенію этого переворота мы еще вернемся.

У бразильскихъ лѣсныхъ племенъ, поскольку они вообще стремятся имѣть рабовъ, —эволюція не перешла простѣйшей стадіи: только плѣнные дѣлаются рабами, но и они не составляютъ исключительнаго достоянія отдѣльныхъ лицъ. „Рабъ, — говоритъ ф. Марціусъ, — у всѣхъ этихъ народностей не только непосредственный слуга своего господина, но на его услуги

предъявляютъ притязаніе всѣ общины и, особенно, живущіе въ одной хижинѣ". Единственнымъ признакомъ дальнѣйшаго измѣненія условій является у нихъ право отца семейства продавать женъ и дѣтей, но оно рѣдко примѣняется. Военноплѣнные рабы рѣдко смѣшиваются или даже почти никогда не смѣшиваются со своими господами и брачутся между собой, обра зуянизшую касту, которая не можетъ носить ни оружія, ни племенныхъ отличій; по большей части это похищенныя дѣти, изъ которыхъ набираются крѣпостные, такъ какъ взрослыхъ мужчинъ щадятъ на войнѣ только въ исключительныхъ случаяхъ. При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что бразильскіе лѣсные народы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не только охотники, но занимаются также земледѣліемъ и рыбной ловлей.

Примѣръ бразильскихъ племенъ показываетъ уже, какъ легко подъ вліяніемъ военнаго рабства эти туземцы начинаютъ продавать другимъ народамъ и своихъ соплеменниковъ въ извѣстныхъ случаяхъ, хотя сами не употребляютъ ихъ въ качествѣ рабовъ. Во всѣхъ частяхъ свѣта мы находимъ у первобытныхъ народовъ вкоренившимся убѣжденіе, что несостоятельный должникъ долженъ отдать свою семью въ уплату за долги, что въ извѣстныхъ случаяхъ онъ самъ долженъ пойти въ рабство, и часто число рабовъ, вышедшихъ изъ несостоятельныхъ должниковъ, значительно больше числа бывшихъ военноплѣнныхъ. Исключеніе составляютъ галласы, обладающіе значительнымъ количествомъ рабовъ, но не знающіе долгового рабства.

Жертвенный топоръ съ каменнымъ лезвіемъ у индѣйскаго племени Нутка, Сѣв. Америка. Этнографическ. музей въ Лейпцигѣ. См. текстъ, стр. 146.

Нигдѣ рабство не развилось такъ сильно, не образовало такого существеннаго и обязательнаго элемента народной жизни, какъ у негрскихъ племенъ Африки. Причины, которыя вели здѣсь къ рабству, такъ многочисленны, какъ и подраздѣленія рабовъ на категоріи, положеніе и цѣнность которыхъ очень различны. Очень ясный обзоръ отношеній въ восточнс-африканской области Кильва, находящейся подъ вліяніемъ ислама, даетъ баронъ ф. Еберштейнъ; главнѣйшія изъ его данныхъ могутъ служить классическими образцами африканскихъ порядковъ.

По своему происхожденію рабы распадаются на различныя группы, изъ которыхъ первая обнимаетъ военноплѣнныхъ или инымъ образомъ похищенныхъ. Потомъ слѣдуютъ врачи, у которыхъ больные умерли при лѣченіи; ихъ прямо продаютъ въ возмѣщеніе за умершихъ. Дальше соблазнители замужнихъ женщинъ, которые по недостатку денежныхъ средствъ не могли заплатить наложенную на нихъ за это пеню. Наконецъ люди, которые въ голодное время добровольно отдались въ рабство состоятельному человѣку. Въ качествѣ послѣдней группы являются потомки рабовъ, вазалія, которые родились въ странѣ и отличаются отъ тѣхъ, которые приходятъ изъ глубины континента и называются вайоно.

Кромѣ того, рабы раздѣляются еще по занятіямъ. Здѣсь мы видимъ ватума ва шаури (рабовъ-совѣтниковъ), которые за ихъ вѣрность и мудрость возвысились до положенія друзей и совѣтниковъ своихъ господъ и являются посредниками между этими послѣдними и другими рабами; потомъ идутъ смотрители и гонцы. Масса остальныхъ распадается на двѣ крупныхъ группы — полевыхъ рабовъ и домашнихъ рабовъ. Женщина-рабыня, если она обладаетъ тѣлесными преимуществами, занимаетъ иногда положеніе наложницы хозяина (сурія), что однако не освобождаетъ ее отъ рабства; только съ рожденіемъ ребенка рабство ея прекращается.

Положеніе рабовъ въ общемъ недурно. За лѣнь, непослушаніе

и другіе проступки ихъ наказываютъ; но господинъ имѣетъ право лишить раба жизни только въ томъ случаѣ, если застанетъ въ нарушеніи супружеской вѣрности со своей женой; но и тогда часто грѣхъ прощается. Домашнихъ рабовъ хозяинъ одѣваетъ и кормитъ, полевые же рабы пять дней работаютъ на господина и два на себя; въ эти дни они должны кормиться за свой счетъ, другіе живутъ совершенно за свой счетъ, платятъ господину только опредѣленную годичную подать, но вмѣстѣ со своимъ имуществомъ, къ которому могутъ принадлежать также рабы, считаются собственностью господина. Рабы, которыхъ плохо кормятъ, съ которыми плохо обращаются, могутъ жаловаться совѣту старшинъ, который, признавая жалобу основательной, заставляетъ господина или удовлетворить, или продать жалобщика.

Замѣчательно, какъ здѣсь изъ рабовъ начинаетъ уже развиваться сословіе крѣпостныхъ, которое стоитъ уже въ довольно шаткой зависимости отъ господина. Въ другихъ мѣстахъ Африки этотъ процессъ пошелъ еще дальше и привелъ къ серьезному потрясенію сложившихся отношеній общественныхъ силъ, напр., въ береговой полосѣ Камеруна. „Рабство въ области Камеруна“,—пишетъ Конрау,—„очень мягко, особенно вблизи берега, гдѣ господа совершенно безсильны передъ рабами. Послѣдніе живутъ отдѣльно отъ свободныхъ въ особыхъ деревняхъ. Я имѣлъ случай наблюдать, какъ рабы племени макія въ Моконжѣ, претендующаго на большое могущество, не позволили своему господину вблизи ихъ деревни рубить пальмовыя вѣтви; соотвѣтствующій строительный матеріалъ пришлось привезти изъ другого округа, который принадлежалъ самому макія. Балюнги и басро признаются сами, что они безсильны предъ своими рабами и вполнѣ зависятъ отъ ихъ доброй воли. Здѣсь рабы — по большей части горцы изъ Бали, Бамума — физически и духовно превосходятъ своихъ господъ. У нихъ даже болѣе развитая нравственность, чѣмъ у этихъ послѣднихъ. При этомъ бываетъ, что уважаемый энергичный рабъ самъ покупаетъ себѣ рабовъ и властвуетъ надъ ними въ своей деревнѣ“. Племена внутри страны, напр. бали, вообще не держатъ рабовъ, но продаютъ своихъ плѣнныхъ на берегъ и обрабатываютъ свою землю сами.

Особенно мрачную тѣнь бросаетъ на рабство чрезвычайно распространенный обычай давать усопшему въ могилу раба и вообще приносить несчастныхъ высшимъ силамъ въ видѣ кровавой жертвы. Дѣянія эти могутъ частію восходить къ обычному умерщвленію плѣнниковъ и указываютъ отчасти на смягченіе нравовъ, но главнымъ образомъ они, повидимому, развились совмѣстно съ идеей жертвы умершимъ и выродились въ отвратительныя бойни, какъ, напр., въ негрскихъ государствахъ береговъ Гвинеи. Въ Дагомеѣ, послѣ того какъ наступилъ конецъ торговли рабами съ европейцами, ежегодные походы практически имѣли одну цѣль — добыть человѣческія жертвы для большихъ празднествъ и поминовенія усопшихъ. Къ счастію, въ большей части случаевъ владѣльцевъ удерживаетъ отъ жестокой операціи соображеніе, что каждый рабъ стоитъ значительную сумму денегъ подобно тому, какъ и вообще экономическое значеніе рабства вызываетъ сознаніе цѣны человѣческой жизни и человѣческаго достоинства. Это, слѣдовательно, тотъ же путь, на которомъ женщины, благодаря промежуточной ступени—куплѣ женъ, достигли бо́льшаго уваженія и лучшей участи.

Можетъ быть, еще рѣзче, чѣмъ въ рабствѣ, обособленіе отъ остальной массы народа, часто вслѣдствіе происхожденія, выступаетъ у тѣхъ народовъ-паріевъ, которые въ извѣстномъ смыслѣ замѣняютъ рабовъ, не теряя своей самостоятельности, такъ какъ они — хотя, очевидно, уже позже — отдѣлились отъ другихъ по своимъ занятіямъ и образуютъ уже переходъ къ кастовому строю. Отдѣльныя, обособляющія причины обыкновенно дѣйствуютъ одновременно или взаимно поддерживаютъ другъ друга, поэтому трудно разсматривать ихъ, какъ чистыя культурныя явленія. И образова-

ніе соціальныхъ слоевъ сообразно имущественному положенію, рѣзкое раздѣленіе на бѣдныхъ и богатыхъ, въ сущности даетъ себя чувствовать уже при возникновеніи классовъ благородныхъ и рабовъ, но какъ совершенно обособленное явленіе его трудно наблюдать. Можно удовольствоваться поэтому нѣсколькими общими замѣчаніями о вліяніи богатства на общество и борьбѣ противъ безмѣрнаго скопленія имуществъ.

Въ первобытныхъ условіяхъ нелегко собираніемъ богатствъ подняться надъ толпой и еще труднѣе передать это богатство по наслѣдству. Бродячимъ народамъ въ этомъ отношеніи ставитъ преграду невозможность возить за собой цѣнное имущество въ большихъ количествахъ, такъ что здѣсь можно говорить лишь о мелкихъ колебаніяхъ и различіяхъ въ размѣрахъ имущества. Но и у осѣдлыхъ племенъ коммунизмъ еще долго преобладаетъ и оказываетъ препятствіе именно тому процессу неравнаго распредѣленія имущества, въ которомъ богатство прежде всего обнаруживаетъ свое дифференцирующее дѣйствіе — земельная собственность лишь очень постепенно переходитъ изъ рукъ рода или племени въ руки отдѣльныхъ собственниковъ, и каждый членъ племени имѣетъ право на жизненные продукты, какъ и вообще на необходимѣйшія условія существованія, хотя бы даже они были произведены трудомъ одного человѣка. Очень увлекательно описываетъ такія условія Конрадъ Феттеръ у народа ябимовъ въ Новой Гвинеѣ, и они дѣйствительно типичны для многихъ первобытныхъ племенъ: „различія между богатымъ и бѣднымъ нѣтъ, нѣтъ и сословныхъ противоположностей. Никто не имѣетъ излишка въ то время, какъ его сосѣдъ нуждается. Нѣтъ потому и словъ для обозначенія богатаго и бѣднаго. Конечно, одинъ человѣкъ пользуется большимъ уваженіемъ, чѣмъ другой, его слово имѣетъ болѣе вѣса, черезъ его руки проходитъ больше цѣнностей, но никто не можетъ обогащаться, пользуясь отдѣльно своимъ имуществомъ. Если куплена свинья, то доля того, кто за нее заплатилъ главную часть стоимости, не больше доли того, кто заплатилъ бездѣлицу, ѣсть ее можетъ и тотъ, кто вовсе ничего не заплатилъ. Величайшая похвала для каждаго заключается въ томъ, что онъ все раздѣлилъ и самъ довольствуется незначительной долей. Охотникъ также не имѣетъ права распоряжаться убитымъ кабаномъ такъ, чтобы извлечь изъ него личную выгоду; кабанъ долженъ быть съѣденъ сообща. Такой коммунизмъ является врагомъ всякаго прогресса, всякаго стремленія къ лучшему положенію. У кого есть кое-что, заработанное у бѣлыхъ, тотъ не имѣетъ права неограниченнаго пользованія своимъ достояніемъ, а обязанъ сообщить о томъ, дабы избѣжать упрека въ эгоизмѣ или опасности быть испорченнымъ колдовствомъ“. Въ страхѣ передъ чарами колдуновъ проглядываетъ то великое орудіе, которое у низшихъ народовъ иногда благопріятствуетъ прогрессу культуры, обыкновенно же останавливаетъ его, колдовство — орудіе, которымъ пренебрегаютъ носители высшей культуры и отбрасываютъ его, какъ негодное, подобно тому, какъ выводится изъ употребленія отравленное оружіе.

Коммунистическіе нравы ябимовъ воспроизводятся у эскимосовъ, которые, по свидѣтельству Нансена, въ силу этого никогда не могутъ достигнуть дѣйствительнаго благосостоянія, въ то время какъ живущіе въ ихъ странахъ европейцы обогащаются. Упорнѣе всего держится всюду воззрѣніе, что пища и напитки не составляютъ частной собственности, и каждый нуждающійся можетъ садиться за столъ, и если на востокѣ или въ Испаніи до сихъ поръ присутствующіе хотя бы формально приглашаются къ обѣду, то здѣсь появляется послѣдній остатокъ этого коммунизма, поддерживаемый и въ данномъ случаѣ суевѣріемъ, такъ какъ желаютъ отвратить „злой глазъ“ голоднаго или недовольнаго зрителя. Слово „ѣсть“ въ большей части языковъ происходитъ отъ корней, означающихъ „дѣлить, раздѣлять“.

Раньше всего человѣкъ призналъ собственностью то, что находится въ тѣсной связи съ его собственнымъ существомъ, что до извѣстной степени составляетъ часть тѣла и благодаря досужей работѣ приспособлено ко вкусамъ и характеру отдѣльной личности: — таковы украшенія, оружіе, украшенные искусной рѣзьбой и раскрашенные сосуды, далѣе вообще рѣдкости всякаго рода, собранныя тѣмъ или другимъ лицомъ и сохраняемыя, какъ драгоцѣнное достояніе. Какъ и всегда, въ первобытныхъ отношеніяхъ, вѣра въ колдовство и сверхъестественныя силы дѣйствуютъ рѣшающимъ образомъ, и украшеніе легко становится талисманомъ, цѣнный предметъ — жилищемъ духа и фетишемъ. Лишь только имущество начинаетъ накопляться большими массами, возникаетъ извѣстное кругообращеніе цѣнностей внутри племени, такъ они служать сначала для уплаты штрафовъ, а впослѣдствіи стали употребляться какъ подарки и подачи или какъ жертвенные дары, пока, наконецъ, не начала развиваться идея денегъ (см. рис. рядомъ) и подъ вліяніемъ внѣшней торговли не достигла впервые своего полнаго значенія. Эта внѣшняя торговля представляетъ разумному и счастливому возможность собрать большія сокровища и даетъ такимъ образомъ основаніе для возникновенія новаго соціальнаго разслоенія.

Желѣзныя деньги племени фанъ Зап. Африки. По фотографіи. Смотр. текстъ выше.

Совершается все это не безъ сопротивленія и противодѣйствій, вначалѣ только наполовину сознательныхъ, но проявляющихъ себя очень замѣтно. На первыхъ порахъ, пока относительно владѣнія землей и средствами питанія и наслажденія еще царствуетъ неограниченный коммунизмъ и требованія къ жизни представляются почти одинаковыми, богатый едва ли можетъ съ помощью скопленнаго цѣннаго имущества создать для себя какое-нибудь частное удовольствіе, такъ какъ племя можетъ принять участіе во всѣхъ частныхъ пирахъ даже безъ приглашенія; имущему не остается ничего другого, какъ широкой щедростью составлять себѣ репутацію и пріобрѣтать приверженцевъ, которые могли бы стать въ спорныхъ случаяхъ на сторону богатаго, другими словами, онъ долженъ превратить свое богатство въ орудіе власти. Этимъ объясняется, почему въ первобытныхъ условіяхъ только въ рѣдкихъ случаяхъ можно найти самостоятельный классъ богатыхъ, и почти всегда богатство тѣсно связано или съ княжеской властью, или со знатностью рода. Такъ у древнихъ индусовъ изъ понятія „магованъ“ — богатый человѣкъ — позднѣе произошло понятіе: герой. Въ Арагоніи аристократія въ началѣ среднихъ вѣковъ появляется подъ именемъ ricus hombres — богатые люди, — что потомъ, когда высшій классъ началъ основывать свое значеніе на происхожденіи, а не на имуществѣ, пытались толковать символически. Вспомнимъ при этомъ также и кельнскіе „Richerzeche“. Хотя въ сѣверной части Новой Помераніи, рядомъ съ родовыми старѣйшинами и военачальниками занимаютъ мѣсто, какъ особая соціальная группа, и богатые (увіана), обладающіе большимъ количествомъ денегъ — раковинъ, но эта группа по большей части совпадаетъ съ группою предводителей.

Для того, чтобы богатство могло выдвинуть временно изъ массы не отдѣльную личность, а на продолжительное время цѣлую семью, оно должно быть наслѣдственнымъ, что однако не отвѣчаетъ ни интересамъ его владѣльца, ни интересамъ его наслѣдниковъ. Культурному уровню, благопріятствующему накопленію богатства, соотвѣтствуетъ почти всегда уже достаточно опредѣлившееся представленіе о загробной жизни, которое естественно опирается на земныя условія. Состоятельный человѣкъ совершенно естественно предполагаетъ, что и за гробомъ онъ будетъ находиться въ болѣе благопріятномъ положеніи, если ему будетъ предоставлено распоря-

женіе его сокровищами. Въ могилу умершаго съ добросовѣстностью, внушаемой страхомъ предъ привидѣніями, складывалось все его имущество или же оно дѣлалось негоднымъ для пользованія живыхъ людей. Такимъ образомъ уничтожалось неисчислимое множество цѣнностей, что сильно препятствовало возникновенію наслѣдственныхъ богатствъ. При этихъ условіяхъ было бы совершенно невозможно возникновеніе на имущественной основѣ устойчивой аристократіи, если бы не сохранялись источники богатства—благопріятныя торговыя сношенія и семейныя связи или земельная собственность, или, наконецъ, права на руководящее положеніе внутри племени. Такимъ образомъ богатство есть почти во всякомъ случаѣ нѣчто преходящее, и по природѣ своей первобытные народы склонны беззаботно обращаться съ нимъ: они больше любятъ проматывать его, чѣмъ пользоваться имъ для ясно намѣченныхъ цѣлей. Какъ ихъ ребяческое тщеславіе приводитъ къ тому, что изсякаютъ самые источники богатствъ, показываетъ Г. Спенсеръ на примѣрѣ каяновъ въ Саровакѣ, которые живутъ главнымъ образомъ сборомъ съѣдобныхъ ласточкиныхъ гнѣздъ и продажей ихъ китайцамъ. „Замѣчу, — пишетъ путешественникъ, — что эти люди такого высокаго о себѣ мнѣнія, что считаютъ себя стоящими выше всѣхъ, за исключеніемъ европейцевъ, и въ своей гордости начали буквально истреблять ласточекъ, которыя даютъ имъ богатство, говоря, что вождю приличествуетъ ѣсть драгоцѣнныя вещи, которыми онъ владѣетъ, не заботясь о послѣдствіяхъ“. Мы видимъ какъ и въ высококультурныхъ условіяхъ Европы путемъ дѣлежа наслѣдства, безумныхъ спекуляцій и т. д. исчезаютъ крупныя состоянія; рядомъ съ этимъ идетъ и вырожденіе, которому чисто имущественная аристократія подвержена еще болѣе, чѣмъ аристократія, опирающаяся на первоначальную воинскую энергію, и со своими эндогамическими обычаями старающаяся прежде всего о сохраненіи сильнѣйшей расы, тогда какъ денежной аристократіи чужды эти воззрѣнія или она усваиваетъ ихъ довольно туго. Такимъ образомъ купеческіе роды всюду обнаруживаютъ тенденцію къ вырожденію въ потомствѣ и какъ въ Европѣ, такъ и въ Китаѣ большія состоянія рѣдко сохраняются долго и проматываются стремящимися къ наслажденіямъ наслѣдниками.

Если мы бросимъ еще разъ взглядъ на обрисованныя до сихъ поръ соціальныя разслоенія, то окажется, что они относительно просты, и даже тамъ, гдѣ они перемѣшиваются, они легко могутъ быть сведены къ менѣе запутаннымъ формамъ: знатность и богатство соединяются для того, чтобы господствовать надъ массой; бѣдные и утѣсненные классы—будутъ ли они называться рабами или нѣтъ, падаютъ внизъ и образуютъ низшіе слои общества; между ними встрѣчаются обыкновенно, хотя не всегда, состоящія изъ свободныхъ, но не пользующихся особыми правами и не обладающихъ богатствомъ группы лицъ, ядро народа, вліяніе котораго даетъ формѣ правленія болѣе или менѣе демократическую окраску. Если культура идетъ впередъ, то и эта основная масса начинаетъ дѣлиться на слои, которые иногда совершенно разлагаютъ общество и уничтожаютъ единство мышленія и стремленій народа, чаще-же намѣчаются только слабыя, легко стирающіяся разграничительныя линіи. Факторомъ, который вызываетъ эти новыя разслоенія является все болѣе и болѣе растущее раздѣленіе труда—выраженіе, которое, конечно, какъ мимоходомъ было уже замѣчено, слѣдуетъ употреблять съ осторожностью, такъ какъ главной массы подлежащей исполненію работы нѣтъ вначалѣ на лицо и ее нельзя, подобно пирогу, раздѣлить предварительно на куски. Раздѣленіе труда возникаетъ только съ ходомъ дифференціаціи, вырабатывается болѣе и болѣе и потомъ, ставъ вначалѣ только возможнымъ, оно постепенно превращается въ необходимое условіе, трудовой дѣятельности.

По своему характеру первобытные народы вообще не склонны къ регулярному труду, не любятъ его; еще менѣе способны видѣть въ немъ

нѣчто облагораживающее и заслуживающее почтенія. Кто не принужденъ работать, тотъ не работаетъ, а дѣлаетъ это только бѣднякъ или рабъ. Здѣсь можно обойти молчаніемъ первое и естественное раздѣленіе труда между мужчиной и женщиной, которое только углубляетъ данныя уже различія, но не создаетъ никакихъ новыхъ. Часто презрѣніе къ продуктивной работѣ обусловливается тѣмъ, что постепенно работа женщинъ, не удовлетворяющая болѣе потребностямъ, переходитъ къ бѣднѣйшимъ мужчинамъ. Тотъ фактъ, что этотъ переходъ совершается по большей части черезъ рабство также не способствуетъ развитію уваженія къ труду. Когда, наконецъ, извѣстный малоцѣнимый трудъ цѣликомъ переходитъ къ культурно бѣдному племени паріевъ или къ освобожденнымъ рабамъ, къ чужеземнымъ элементамъ народа, начинаетъ развиваться настоящій кастовый строй, который въ концѣ концовъ, какъ, напр., это было въ Индіи, отравилъ всю народную жизнь. Какъ все это развивается и приходитъ во взаимодѣйствіе, можно показать на нѣсколькихъ примѣрахъ, такъ какъ и теперь еще легко распознать во многихъ случаяхъ первоначальные зачатки болѣе сложныхъ общественныхъ явленій.

Само по себѣ представляется совершенно естественнымъ, что у некультивированныхъ племенъ различіе способностей ведетъ къ тому, что одинъ съ особенной любовью предается одной дѣятельности, другой — другой и такимъ образомъ возникаютъ зародыши обособленія по профессіямъ. „Австралійскіе негры, — говоритъ по этому поводу Люмгольцъ, — въ общемъ очень способны къ ручному труду, но ихъ дарованія, весьма разнообразны: одинъ, напр., хорошо плететъ корзины, другой готовитъ лучшія рыболовныя сѣти или оружіе“. Если профессіи вырабатываются такимъ образомъ постепенно изъ общихъ занятій, состояніе общества въ цѣломъ мало измѣняется: наиболѣе ловкіе по большей части совершенно справедливо пользуются общей любовью и общимъ уваженіемъ. Но положеніе измѣняется тотчасъ же, какъ только мужчины начинаютъ заниматься какой-нибудь изъ развитыхъ женщинами профессій.

Важнѣйшимъ изъ этихъ занятій является земледѣліе, которое, какъ интенсивный трудъ, должно было перейти изъ рукъ женщинъ въ руки мужчинъ, обратившихъ обработку земли въ свое главное или исключительное занятіе. Такъ какъ въ случаѣ перехода обыкновенно разомъ большія группы народа обращаются къ новой дѣятельности, то предубѣжденіе противъ земледѣльческаго труда, быстро исчезаетъ, но все-таки упорно работающее, по большей части устраненное отъ высшей культуры сословіе крестьянъ проявляетъ тенденціи образовать низшій слой народа и всегда стоитъ предъ опасностью сдѣлаться предметомъ эксплуатаціи и притѣсненій со стороны высшихъ болѣе подвижныхъ группъ населенія. Старое отвращеніе къ тяжелой работѣ, которая во всякомъ случаѣ затрудняетъ развитіе высшей духовной жизни, обнаруживается у высшихъ классовъ до настоящаго времени въ формѣ высокомѣрнаго презрѣнія къ крестьянамъ и ремесленникамъ. Гдѣ царствуетъ рабство, земледѣліе является работой вдвойнѣ недостойной свободнаго человѣка; въ Лоанго прежде, по словамъ Пройара, занятіями приличными для мужчины считались только охота и рыбная ловля—древнѣйшіе виды дѣятельности его пола.

Презрительная кличка „бабья работа“ недолго остается за суровой работой земледѣльца. Ремесламъ, какъ болѣе легкимъ формамъ работы, труднѣе отъ нея отдѣлаться и нерѣдко здѣсь лежитъ причина нѣкотораго пренебреженія къ нимъ, которое развивающаяся культура преодолѣваетъ лишь послѣ долгой борьбы. Взглядъ на ткачество и горшечное дѣло (см. рис. ст. 153), какъ на занятія унизительныя, державшійся въ Германіи до конца среднихъ вѣковъ, объясняется тѣмъ, что этими ремеслами занимались первоначально женщины, — другихъ основательныхъ причинъ для такого презрѣнія нѣтъ. Болѣе комичный оборотъ приняло дѣло съ портными:

имъ удалось освободить свою профессію отъ репутаціи „позорнаго ремесла", но за то масса на протяженіи столѣтій безжалостно преслѣдовала ихъ шутками, въ которыхъ въ смѣшномъ видѣ выставлялась „бабья" природа героевъ ножницъ и утюга и осмѣивались ихъ тѣлесные недостатки.

Когда въ обществѣ широко распространялось и устанавливалось пренебрежительное отношеніе ко всѣмъ занимающимся трудными и, конечно отчасти подневольными работами, это отношеніе переходило въ отвращеніе, когда работа сама по себѣ непріятна, отвратительна, грязна: живодеры, заодно съ ними и кожевники являлись представителями профессій, которыхъ лучшіе классы старательно избѣгали. Гдѣ религія запрещаетъ употребленіе мяса, къ числу презираемыхъ ремесленниковъ присоединяются мясники, какъ это видно, по словамъ Рокхиля, въ Тибетѣ и вообще въ области распространенія буддизма. Въ другихъ мѣстахъ презрѣніе къ кожевенному ремеслу распространяется и на сѣдельниковъ. Здѣсь, можетъ быть, проявляютъ свое вліяніе и отголоски тотемическихъ воззрѣній. Отвращеніе отъ извѣстныхъ профессій развивается и другимъ путемъ: пока танцы и пѣніе служили къ собственному увеселенію, въ нихъ не было ничего отталкивающаго; когда же выступаютъ профессіональные пѣвцы, танцоры и шуты (см. рис. стр. 155), они дѣлаются, за немногими исключеніями, предметомъ общаго презрѣнія — главнымъ образомъ вслѣдствіе своей разнузданной жизни и разрыва тѣхъ, обезпечивающихъ защиту узъ, которыя ихъ соединяютъ съ родомъ. Въ Японіи и Восточной Азіи вообще эти люди принадлежатъ къ самымъ низшимъ слоямъ народонаселенія. Достаточно извѣстно и то, какъ трудно было и въ Европѣ актерамъ разсѣять предразсудки противъ ихъ профессіи, и достигли они этого главнымъ образомъ благодаря тому, что лучшимъ элементамъ изъ ихъ сословія удалось занять высокое положеніе на соціальной лѣстницѣ.

Корейскіе горшечники. По І. Д. Э. Шмельтцу.

Изъ презираемыхъ профессій легко возникаютъ особыя **наслѣдственныя касты**: сыновья людей, живущихъ презираемыми профессіями обыкновенно не могутъ проникнуть въ высшіе слои общества и волей-неволей должны продолжать дѣло своихъ отцовъ. Въ Германіи палачи до прошлаго столѣтія образовали особое сословіе, по необходимости строго эндогамическое: сословіе это могло пополняться изъ остального населенія, но его членамъ чрезвычайно рѣдко удавалось переходить въ сословія, пользующіяся лучшей репутаціей. Большимъ культурнымъ прогрессомъ для того времени было то, что въ концѣ XVIII вѣка нѣкоторымъ сыновьямъ палачей удалось завоевать себѣ право изучать медицину въ качествѣ врачей не профессіональныхъ. Палачи всегда занимались открыто врачебнымъ ремесломъ,—и получили разрѣшеніе заниматься врачеваніемъ, какъ „честной" профессіей. Но часто нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы изъ среды собственнаго народа выдѣлялись особыя группы, занимающіяся презираемыми профессіями; случай свалить непріятныя занятія на **чужестранцевъ** и такимъ образомъ соединить обособленіе по профессіямъ съ обособленіемъ расовымъ представляется нерѣдко и имъ всегда охотно пользуются.

Иногда такіе низшіе классы возникаютъ изъ бывшихъ **плѣнниковъ**. Съ опредѣленностью можно утверждать это относительно „ieta", которые образуютъ въ Японіи вмѣстѣ съ „хининами" (природными бездомными

японцами) восьмой классъ, — т. е. подонки населенія, образовавшіеся, по преданію, изъ корейскихъ плѣнныхъ. Эти несчастные, обязанные жить внѣ селеній, не имѣютъ права ступить на порогъ дома лицъ, стоящихъ выше ихъ, занимаются ремеслами живодеровъ, дубильщиковъ, кожевниковъ; на нихъ же лежитъ главнымъ образомъ обязанность убирать падаль. Наравнѣ съ ними стоитъ какъ уже сказано, только окончательно опустившаяся часть японцевъ Профессіональные нищіе, актеры и „проститутки“ входятъ уже въ составъ седьмого класса, у котораго іеtа уже находятся въ подчиненіи.

Обыкновенно инородцы, занимающіеся извѣстными профессіями, принадлежатъ къ первобытнымъ народамъ, оставшимся въ районѣ высшей культуры или протѣснившимся въ него; въ тѣхъ случаяхъ, когда они не живутъ воровствомъ и нищенствомъ, они волей неволей захватываютъ въ свои руки роды дѣятельности, которые имъ охотно предоставляетъ культурная раса. Въ этомъ смыслѣ, по объясненію Пауличке, въ странѣ Сомали эти народы паріи замѣняютъ отсутствующихъ рабовъ. Племя, тумалодовъ, по собщенію Гагенмахера, занимается кузнечнымъ ремесломъ, которое часто принадлежатъ къ презираемымъ профессіямъ. Йиберы добываютъ средства къ существованію ворожбой, а также въ качествѣ плясуновъ и охотниковъ, а по другимъ извѣстіямъ, дубильщиковъ, сѣдельниковъ и ковровщиковъ; Мидгены, наконецъ, бываютъ большею частью охотниками, живодерами или врачами. Фактъ, что здѣсь въ числѣ презираемыхъ ремеслъ является и охота, объясняется тѣмъ, что сомали, какъ истые кочевники, считаютъ достойнымъ человѣка занятіемъ одно только скотоводство. Въ другой части Африки--въ Сенегамбіи, народы—паріи играютъ также особенно важную роль: блуждающіе лаобе изготовляютъ главнымъ образомъ деревянную посуду но, по извѣстіямъ Теккари, занимаются также башмачнымъ и кузнечнымъ дѣломъ. По словамъ де-Крозаля, который ихъ точнѣе наблюдалъ въ недавнее время, они строятъ, по образцу бродячихъ охотничьихъ народовъ, на лѣсныхъ опушкахъ шалаши изъ вѣтвей; ихъ презираютъ, но они необходимы всему остальному населенію въ силу своей промышленной дѣятельности и склонности къ торговлѣ; они заключаютъ браки только въ своей сферѣ, занимаются, какъ наши цыгане, предсказаніями и, повидимому, сохраняютъ остатки собственнаго языка и первобытной религіи. Принадлежатъ ли сенегамбійскіе гріаты къ настоящимъ народамъ-паріямъ—пока еще не рѣшенный вопросъ. Они добываютъ себѣ пропитаніе какъ музыканты, пѣвцы хвалебныхъ пѣсенъ, танцоры и учителя танцевъ, но выступаютъ и въ качествѣ пословъ и посредниковъ—этому особенно способствуетъ ихъ умѣнье красно говоритъ и ихъ цыганскій образъ жизни: ихъ любятъ и принимаютъ охотно, но при всемъ томъ они представляютъ касту, которая остается въ общественномъ смыслѣ обособленной и въ сущности презираемой. Признакомъ ихъ презрѣннаго положенія является то, что ихъ хоронятъ не въ землѣ, а въ дуплахъ, но это объясняется скорѣе древнимъ племеннымъ обычаемъ: Лаба на всѣ свои разспросы по этому поводу получалъ одинъ отвѣтъ: „таковъ обычай страны“.

Самую благопріятную для себя питательную почву паріи нашли въ Индіи, гдѣ этотъ элементъ роскошно расцвѣтаетъ между настоящими кастами. Образованіе изъ кочующихъ, цыганскихъ народовъ Пэнджаба низшихъ кастъ ремесленниковъ такъ превосходно обрисовано Эмилемъ ф. Шлагинтвейтъ, что къ его словамъ едва-ли что можно прибавить. „Бродячія племена и низкія касты ремесленниковъ, говоритъ онъ, стоятъ въ тѣснѣйшей связи между собой; послѣднія произошли отъ первыхъ. Родъ, который двигается отъ одной лѣсной чащи къ другой, отъ деревни къ деревнѣ, охотится за шакаломъ, лисицей, червями и живетъ падалью, которую встрѣчаетъ на пути, довольствуется крышей изъ камыша вмѣсто хижины, заключаетъ браки не обращая вниманія на родство, за деньги про-

даетъ соплеменниковъ, ищетъ удобныхъ случаевъ для кражи, а не уклоняется отъ нея—такое населеніе, придерживающееся обычаевъ цыганъ, очень многочисленно въ Пенджабѣ. Слѣдующей ступенью является населеніе въ деревняхъ для занятія перенебрегаемыми работами: на этой ступени еще ѣдятъ падаль. По общественной лѣстницѣ поднимается выше тотъ, кто переходитъ отъ плетенія матовъ изъ травы къ выдѣлкѣ кожъ; отъ падали не отказывается еще и эта группа. Только кожевникъ, перешедшій отъ своего ремесла къ ткачеству, начинаетъ считаться индусомъ за равнаго и отказывается отъ отвратительнаго питанія червями и падалью. Такое превращеніе совершается въ Пэнджабѣ постоянно, на глазахъ каждаго поколѣнія". Настоящія бродячія племена, конечно, по большей части крѣпко держатся стараго образа жизни и только обломки ихъ встрѣчаются въ прогрессирующей культурѣ. Такъ напр. бельдары, которые занимаются земляными работами и причисляются — страннымъ образомъ—къ браминамъ, на томъ основаніи, что они необходимы при прорытьи священныхъ прудовъ и при устройствѣ купаленъ, и все же, несмотря на такое повышеніе въ рангѣ, остаются бездомными и бродягами. Изъ Пэнджаба вышли и наши цыгане, родичи которыхъ и теперь еще многочисленными, разрозненными толпами бродятъ по бассейну Инда, занимаются пляской на канатѣ, гаданіемъ, знахарствомъ и т. п., и, какъ настоящій бродячій первобытный народъ, живутъ лѣсными плодами и мелкой охотой.

Китайскіе актеры. По фотографіи. См. текстъ, стр. 153.

Вполнѣ понятно, что презираемый народъ занимается низменными ремеслами. Труднѣе рѣшить другой вопросъ; почему у столь многихъ народовъ кузнецъ занимаетъ обособленное положеніе, независимо отъ того, занимается ли онъ своимъ ремесломъ, какъ презираемый парій, остающійся чуждымъ массѣ племени, какъ въ большей части Судана, или, несмотря на почти повсюду присущую ему необычную внѣшность, стоитъ во главѣ другихъ ремесленниковъ, какъ, напр., въ Индонезіи (рис. стр. 157), причемъ нерѣдко принцы состязаются съ нимъ въ искусствѣ работать молотомъ. Уваженіе къ кузнечному ремеслу легко объясняется у воинственныхъ народовъ, у которыхъ желѣзное оружіе—драгоцѣннѣйшее имущество. Героическому духу древнихъ аріевъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и то, что въ древней Греціи кузнецъ Гефестъ причисленъ къ безсмертнымъ богамъ, а

мрачно-могущественная исполинская фигура кузнеца Виларда рѣзко выступаетъ изъ волнующагося тумана нѣмецкой героической саги[1]. Но откуда, съ другой стороны, взялось то презрѣніе, которое низводитъ обладающаго твердой рукой кузнеца до степени жалкаго придатка въ своемъ народѣ?

Одной достаточной для объясненія всѣхъ случаевъ, причины этого явленія указать нельзя; здѣсь дѣйствовали многія вмѣстѣ. Иногда достаточно одного того обстоятельства, что кузнецъ первый между соплеменниками занимается правильнымъ ремесломъ, отрекаясь отъ благородной праздности свободнаго человѣка, и этого бываетъ довольно, чтобы навлечь на трудолюбиваго человѣка болѣе или менѣе значительную мѣру пренебреженія. Съ другой стороны, кузнечному ремеслу посвящаютъ себя, дѣйствительно, племена-паріи, которыя хотя охотно принимаются какъ поселенцы въ странахъ, гдѣ обработка желѣза еще мало извѣстна, но и въ этомъ случаѣ они не избѣгаютъ презрительнаго отношенія къ нимъ. Тамъ, гдѣ выплавка желѣза изъ руды, по большей части, тѣсно связана съ кузнечнымъ ремесломъ и производится въ широкихъ размѣрахъ, тамъ, по справедливому замѣчанію Липперта, ремесло связано съ мѣстомъ дѣятельности, и само ремесло менѣе подвижно, нежели самъ народъ. Такимъ образомъ могло случиться, что чуждый народъ, вторгаясь въ страну, какъ завоеватель, вытѣснялъ ея населеніе, но кузнецовъ оставлялъ на мѣстѣ: ихъ щадили, какъ полезную касту, хотя, конечно, низводили до степени илотовъ. Это, повидимому, особенно часто случалось съ древними обитателями богатаго желѣзомъ Алтая[2]. Возможенъ и противоположный случай: на войнѣ щадятъ плѣнныхъ кузнецовъ, уводятъ ихъ съ собой, поселяютъ въ другомъ мѣстѣ, чтобы ввести тамъ ихъ искусство; и въ этомъ случаѣ часто можетъ сохраняться пренебреженіе къ бывшему плѣннику, чужаку. Въ Суданѣ и Сенегамбіи, въ мѣстности съ менѣе развитой промышленной дѣятельностою переселяютъ принудительно и другихъ ремесленниковъ; съ кузнецами, которые являются по большей части единственными ремесленниками, это случается чаще, чѣмъ съ ткачами и красильщиками. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на районъ распространенія кузнецовъ-паріевъ въ Африкѣ, чтобы убѣдиться, что главный источникъ презрѣнія лежитъ въ пренебреженіи къ физическому труду: оно встрѣчается только тамъ, гдѣ господствуетъ кочевая жизнь съ ея презрѣніемъ къ труду, а не въ земледѣльческихъ странахъ, жители которыхъ не видятъ въ работѣ никакого безчестья.

Было бы странно, если бы при всемъ этомъ мы не встрѣтили вліянія вѣры въ сверхъестественныя силы, которую мы уже часто встрѣчали въ качествѣ опоры первобытныхъ воззрѣній. Не только въ дѣятельности кузнеца, въ его умѣломъ обращеніи съ враждебной стихіей — огнемъ, въ сверканіи искръ, въ глухихъ ударахъ молота видится нѣчто таинственное. И самъ кузнецъ, который стоитъ не выше своихъ соплеменниковъ, склоненъ думать, что онъ можетъ чарами и таинственными пріемами разнаго рода противодѣйствовать несчастіямъ и поврежденіямъ, которымъ въ его ремеслѣ чаще приходится подвергаться работающему, чѣмъ въ большей части другихъ. Такимъ образомъ мало-по-малу онъ обратился въ спеціалиста по всякаго рода волшебству и лѣченію, въ деревенскаго совѣтчика въ серьезныхъ

---

[1]. На сѣверо-востокѣ Азіи кузнецъ и его ремесло пользуются во многихъ мѣстностяхъ высокимъ почетомъ. У чукчей кузнецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и мудрецомъ „Лицо у него было такое же умное, какъ у кузнеца“—встрѣчается сравненіе въ чукотскихъ сказаніяхъ (Богоразъ). По бурятскимъ преданіямъ кузнечному мастерству научили людей боги-небожители (тенгріи), У кузнецовъ есть свои геніи покровители ихъ ремесла. *Ред.*

[2]. Въ эту эпоху господствъ въ центральной Азіи племени Жуань-Жуань (манчжуро-тунгузскаго происхожденія) вождь начинавшихъ тогда играть политическую роль въ степяхъ племенъ Тукю (Тюрковъ) попробовалъ посватать себѣ дочь Жуань-жуаньскаго князя Анахуаня. Тотъ отвѣтилъ ему: „какъ ты, мой кузнецъ, смѣешь дѣлать мнѣ такое предложеніе“. *Ред.*

случаяхъ. При всемъ презрѣніи къ нему страхъ передъ тайными знаньями кузнеца является его лучшей защитой; онъ можетъ пріобрѣсти даже ореолъ святости и исполнять жреческія обязанности, какъ знаменитый кузнецъ Грэйна Гринъ, прибѣжище и утѣшеніе всѣхъ несчастныхъ любовниковъ въ Англіи и Шотландіи. И другіе ремесленники пріобрѣтаютъ подобнымъ образомъ привилегированное положеніе какъ цирюльники въ Индіи, строители священныхъ лодокъ на многихъ островахъ Полинезіи.

Разъ внутри общества образовались новые соціальные слои, состоящіе изъ разнаго рода ремесленниковъ, въ ремесленныхъ группахъ легко возникаетъ тяготѣніе къ болѣе тѣсному сліянію—особенно тамъ, гдѣ родовой строй не исключаетъ уже всѣхъ другихъ соединеній и не дѣлаетъ ихъ излишними. При обыкновенныхъ условіяхъ, гдѣ нѣтъ и расоваго обособленія, это сліяніе не представляется неизмѣннымъ; нужно совмѣстное дѣйствіе своеобразныхъ экономическихъ и религіозныхъ мотивовъ для того, чтобы образовались такія условія, какія рисуетъ Либрехтъ на среднемъ Конго. „Деревни туземцевъ“, — говоритъ бельгійскій наблюдатель, — „часто располагаются группами. Онѣ поддерживаютъ и до извѣстной степени пополняютъ другъ друга. Каждая группа имѣетъ болѣе или менѣе опредѣленную спеціальность: одна занимается рыбной ловлей, другая собираніемъ малафу, третья посвящаетъ себя торговлѣ и является посредницей, которая ввозитъ всѣ приходящіе со стороны продукты; ближайшая занимается преимущественно производствомъ желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій, приготовляетъ оружіе для войны и охоты и различную утварь. Ни одна не можетъ отказаться отъ своей спеціальности, не подвергаясь общему порицанію. Само собой разумѣется, что наиболѣе трудолюбивая группа является и наиболѣе богатой. И такъ какъ богатство поддерживается сильными, то въ деревняхъ образуются общества, которыя стремятся овладѣть всѣми продуктами труда. Для лучшаго достиженія этой цѣли устанавливается соглашеніе между вождями, жрецами, волхвами и самыми ловкими рабочими, и это общество, сильное само по себѣ, присваиваетъ себѣ священный характеръ. Счастье и ловкость работниковъ приписывается дѣйствію сверхъестественныхъ причинъ. Общество объявляетъ, что масса народная не можетъ заниматься такими работами безъ большой опасности и такимъ образомъ народъ насильственно лишаютъ возможности показать свою способность къ работѣ!“

Кузнецы на о. Явѣ. По фотографіи. См. текстъ, стр. 155.

Едва ли можно сомнѣваться, что здѣсь къ чисто экономической жизни примѣнена форма тайныхъ союзовъ, вышедшая изъ совершенно иного источника, и создались условія, которыя напоминаютъ средневѣковыя цеховыя ограниченія. Гдѣ нѣтъ подъ рукой этого могущественнаго пособія, эволюція даже въ цивилизованныхъ странахъ не идетъ далеко. Можетъ быть, первый толчекъ для такого сліянія ремесленниковъ дали выработавшіеся въ Африкѣ съ особенной законченностью базарные порядки, въ силу которыхъ продавцы одинаковыхъ товаровъ устраиваются

одинъ подлѣ другого, чтобы ихъ легче было найти покупателю. Гдѣ существуютъ базарныя правила, тамъ этотъ обычай обращается въ законъ, — напр., у народа ашанти, по словамъ Рамзая и Кюна. Въ Суданѣ это заходитъ часто такъ далеко, что ремесленники образуютъ общества, во главѣ которыхъ стоитъ старшій мастеръ, или смотритель, назначаемый не членами цеха, а княземъ; онъ обязанъ вносить подати съ даннаго цеха; въ большихъ городахъ члены отдѣльныхъ цеховъ занимаютъ особые кварталы, какъ, напр., въ Катсенѣ, по словамъ Барта сапожники, ткачи, сѣдельники, въ Кано кузнецы. Штандигеръ нашелъ въ Саріи кузнечный промыселъ въ рукахъ товарищества, „которое платило подати старшему мастеру; этотъ послѣдній изготовлялъ съ своими сыновьями, родственниками и товарищами болѣе тонкія кузнечныя работы; всѣ кузнецы жили вмѣстѣ въ опредѣленномъ кварталѣ. И на мусульманскихъ базарахъ товарищи по профессіи обыкновенно безъ всякаго принужденія селятся въ опредѣленныхъ улицахъ“.

Извѣстно что въ Германіи цехи первоначально были организованы не демократически и лишь постепенно пріобрѣли право избирать своихъ начальниковъ; первый цехъ, организованный базельскимъ епископомъ въ его городѣ, стоялъ подъ управленіемъ назначеннаго епископомъ старшаго мастера, который, въ свою очередь, находился подъ контролемъ одного изъ служащихъ епископа. Раньше всѣхъ самостоятельное положеніе пріобрѣли золотыхъ дѣлъ мастера; на другихъ ремеслахъ еще долго тяготѣли остатки подневольнаго положенія и даже клеймо безчестія. Само собой разумѣется, что общественные слои, образующіеся изъ ремесленниковъ въ качествѣ группъ, имѣющихъ значеніе общественнаго элемента, возникаютъ главнымъ образомъ только въ городахъ, и важность ихъ стоитъ въ извѣстномъ отношеніи къ числу и вліянію городовъ.

Уже при разсмотрѣніи вопроса о высшихъ сословіяхъ обнаружилось, что силы, созидающія и оживотворяющія народные организмы, обнаруживаютъ тенденцію объединять и упрощать перекрещивающіяся соціальныя разслоенія; тому же поучаетъ насъ обзоръ условій, въ силу которыхъ чуждые элементы становятся представителями низшихъ профессій и происходитъ совпаденіе обособленій расоваго и кастоваго. Но это упрощеніе имѣетъ свои границы, и извѣстная своей дурной славой индусская кастовая система лучше всего показываетъ, какъ человѣческій умъ, ставши на извѣстный путь идей, можетъ посредствомъ педантической разработки данныхъ зародышей создать далеко не похвальную путаницу и лишить даровитый народъ пониманія любви къ отечеству и здравой политики.

Арійскій народъ, вступившій тысячелѣтія тому назадъ въ качествѣ завоевательной расы въ индійскую равнину, дѣлился тогда уже на три класса: надъ массой свободнаго народа образовались жреческая и военная аристократіи. Уже отсюда можно заключить, что и древніе иранцы, ближайшіе родичи арійцевъ-индусовъ, имѣли эти три класса, подъ которыми позднѣе развился четвертый, низшій классъ ремесленниковъ. Но индійскіе арійцы, очутившись среди совершенно различныхъ по культурѣ племенъ и народовъ, не могли на долгое время обойтись однимъ четвертымъ классомъ, который бы обнималъ всѣхъ покоренныхъ аборигеновъ. Они рано обнаружили тенденцію отдѣлить отъ другихъ элементовъ въ качествѣ паріевъ тѣхъ изъ туземцевъ, которые оказались наиболѣе враждебными и не способными къ высшей культурѣ. Благодаря отсутствію вкуса къ историческимъ изысканіямъ у индусовъ они не создали сколько-нибудь удовлетворительной исторіи своей страны. Это лишаетъ насъ возможности прослѣдить, какимъ образомъ впослѣдствіи, то путемъ дѣленія главныхъ классовъ, то путемъ возвышенія низшихъ слоевъ и паденія высшихъ образовалось доходящее до безсмыслицы число кастъ. Часто высказываемое воззрѣніе, что буддизмъ разрушилъ кастовый строй, который началъ возрож-

даться уже послѣ того, какъ новое ученіе было вытѣснено, не выдерживаетъ критики уже въ виду того, что кастовый строй процвѣтаетъ и до сихъ поръ на буддійскомъ Цейлонѣ. Произрастанію этихъ сорныхъ травъ, какъ съ точки зрѣнія человѣческаго прогресса можно бы назвать касты, благопріятствовали главнымъ образомъ экономическіе мотивы раздѣленія труда и затѣмъ вліяніе педантическаго и въ то же время дико-фантастическаго міровоззрѣнія и религій; но общей основной чертой всегда оставалась расовая вражда между свѣтлокожими арійцами и темными аборигенами. При этомъ выискивалось и культивировалось все, что могло усилить рознь: экзогамическіе и эндогамическіе законы дѣйствовали рядомъ, старыя тотемическія запрещенія извѣстныхъ яствъ сдѣлались излюбленными средствами воспрепятствовать всякимъ близкимъ сношеніямъ между различными кастами и ихъ подраздѣленіями. Сама жреческая каста браминовъ распадалась на 35 подкастъ, между которыми не могло быть брачныхъ союзовъ; подкасты въ свою очередь дѣлились на трибы (готры), которыя подчинялись экзогамическимъ брачнымъ законамъ.

Крестьяне-индусы. По фотографіи. См. текстъ, стр. 158.

Несправедливо было бы, однако, видѣть въ кастовомъ строѣ только однѣ темныя стороны. Этотъ институтъ вызванъ отчаянной борьбой за сохраненіе благородныхъ расовыхъ инстинктовъ и высшей культуры, которую ведетъ на протяженіи тысячелѣтій арійское племя, заброшенное въ тропическій климатъ въ среду грубыхъ народовъ. Тотъ воспитательный элементъ, который заключается въ дѣленіи на касты, ощущается ясно еще и теперь; если запретительные брачные законы и другія ограниченія еще не пали, то только потому, что это зависитъ отъ поведенія и образа жизни касты, которая современемъ или пріобрѣтаетъ высшую цѣнность, или теряетъ уваженіе другихъ. Припомнимъ вышеприведенныя слова Шлагинтвейта, гдѣ указывается на восхожденіе паріевъ къ высшимъ ступенямъ кастовой лѣстницы.

Ясное изложеніе цейлонскихъ отношеній, которыя важны какъ параллели къ индусскимъ, мы находимъ у Эмиля Шмидта.

Высшій классъ сингалезовъ буддистовъ, у которыхъ, конечно, нѣтъ брамановъ, составляютъ Гойванеа, вѣроятно, чистые потомки арійскихъ за-

воевателей, каста земледѣльцевъ и воиновъ. За ними слѣдуютъ каста рыбаковъ, каста людей, выдѣлывающихъ пальмовое вино, затѣмъ распадающаяся на многочисленныя подраздѣленія каста ремесленниковъ, къ которой однако относятся не всѣ промышленники. Извѣстныя профессіи здѣсь считаются менѣе почетными или даже унизительными. Такъ, горшечники и цирюльники образуютъ отдѣльныя касты, которыя принадлежатъ къ болѣе уважаемымъ. Среднюю ступень между высшими и низшими классами занимаютъ стиральщики; изъ нихъ тѣ, которые моютъ только бѣлье высшихъ классовъ, причисляются къ послѣднимъ, другіе же принадлежатъ къ низшему слою. Меньшимъ уваженіемъ пользуются касты сборщиковъ корицы, сахаровары, пережигальщики извести, ткачи, косцы, носильщики паланкиновъ, плавильщики руды, палачи, носильщики покойниковъ и барабанщики; еще ниже стоятъ корзинщики, ковровщики, танцоры и подкасты стиральщиковъ, которые моютъ одежду этихъ низшихъ классовъ. Подонки народа образуютъ „родіи", которые соотвѣтствуютъ индійскимъ паріямъ. „Въ ту пору, когда европейское вліяніе, не потрясло еще общественныхъ воззрѣній и формъ, всякое соприкосновеніе съ ними считалось величайшимъ соціальнымъ оскверненіемъ; если они встрѣчали кого-нибудь, хотя бы даже изъ низшихъ классовъ, они должны были дѣлать большой обходъ, такъ какъ самый воздухъ, окружающій ихъ, дѣлался нечистымъ. Идя по пути, они должны были все время кричать, чтобы каждый встрѣчный имѣлъ возможность оставаться какъ можно дальше отъ нихъ, до тѣхъ поръ, пока они не отойдутъ на предписанное разстояніе отъ дороги, — хотя бы они при этомъ попали въ тину рисовыхъ полей или въ кровь исцарапались терніями джунгля. Они не только не смѣли войти въ домъ, но не могли даже подойти къ нему; издали они должны были останавливаться передъ храмомъ, если хотѣли молиться, издали стоять передъ зданіемъ суда, откуда имъ выкрикивались вопросы".

Индійскій кастовый строй представляетъ собою утонченное примѣненіе всѣхъ разобщающихъ ограниченій внутри народа, оказавшееся безсильнымъ сохранить чистоту расы и культуры. У культурныхъ народовъ Европы и отчасти Вост. Азіи возрастающая цивилизація уничтожила всякое расположеніе къ кастовому обособленію и оставила только самую послѣднюю и благородную форму соціальнаго разслоенія — по характерамъ и образованію, т. е. по качествамъ, которыя въ первобытныхъ условіяхъ имѣютъ значеніе побочнаго элемента. Китайскіе экзамены, чрезъ которые, какъ чрезъ все мельче и мельче дѣлающееся сито должно проходить мужское населеніе страны, могли бы можетъ быть въ этомъ смыслѣ служить образцомъ и для насъ, если бы способность и достоинства человѣка можно было дѣйствительно измѣрять экзаменами. Опытъ показываетъ однако, что европейскій, болѣе свободный образъ жизни, легче даетъ возможность подняться на верхъ цѣннымъ элементамъ народа, чѣмъ педантическая восточноазіатская экзаменаціонная система.

---

3. Начала государственнаго строя.

Государство есть высшая форма развитія соціальнаго организма — какъ обозначаетъ Шеффле органическую связь между обществомъ и имуществомъ, и не всѣ группы человѣчества достигли этой ступени. Конечно, какъ это часто бываетъ въ области народовѣдѣнія и обществовѣдѣнія, — нельзя провести рѣзкую границу между болѣе простыми формами общественности и государствомъ, но приблизительное положеніе этой границы все же можетъ быть намѣчено, если будетъ опредѣлено съ эволюціонной точки зрѣнія понятіе о государствѣ; существующими многочисленными,

утонченными, опредѣленіями того, что такое государство и къ чему оно стремится — мы пользоваться не будемъ.

Въ государства, несомнѣнно, превращались исподволь роды и возникшіе при посредствѣ союзовъ мужчинъ возрастные классы и союзы родовъ, другими словами, племена. Но племя еще не государство и никогда не можетъ имъ быть; слово „государство" обнимаетъ одновременно общее достояніе племени и его движимыя и недвижимыя имущества. Ни одно изъ этихъ благъ не имѣетъ большаго значенія, чѣмъ территорія или страна, среди которой проходитъ жизнь племени. Если общественное развитіе родовъ въ племена, племенъ въ народы можетъ считаться несомнѣнно важнѣйшимъ условіемъ образованія государства, то рядомъ съ этимъ процессомъ идетъ неизмѣнно и болѣе тѣсная связь населенія съ почвой въ экономическомъ и политическомъ смыслѣ и въ большей части случаевъ также расширеніе страны. Замѣчательно то, что этотъ фактъ вполнѣ оцѣнилъ впервые только Фр. Ратцель въ своей „Политической географіи", послѣ того какъ многія изъ величайшихъ умовъ, начиная съ Аристотеля, безплодно бились надъ проблемой государства. Это служитъ прекраснымъ доказательствомъ

Айны на ловлѣ моржей. Японскій рисунокъ См. текстъ стр. 163.

того, какимъ освѣжающимъ образомъ народовѣдѣніе, разсматриваемое съ чисто географической точки зрѣнія, со своими многочисленными, основанными на наблюданіяхъ, матеріалами можетъ дѣйствовать на старѣющія науки. „Когда мы говоримъ о государствѣ,—пишетъ Ратцель,—мы точно также какъ говоря о городѣ связываемъ съ этимъ представленіе о части человѣчества, о человѣческомъ созданіи и одновременно объ извѣстной части земной поверхности. Эти элементы связаны одинъ съ другимъ. Государство должно жить почвой. Только тѣ продукты оно крѣпко держитъ въ своихъ рукахъ, почвой которыхъ оно вполнѣ располагаетъ. Мы видимъ на всемъ протяженіи историческаго процесса, какъ всѣ политическія силы овладѣвая почвой становятся способными образовать государство... Такимъ образомъ государство является для насъ организмомъ, въ который входитъ опредѣленная часть земной поверхности; устройство государства складывается изъ свойствъ народа и свойствъ почвы". Уже изъ этого краткаго изложенія вытекаетъ, что государство стоитъ тѣмъ выше, чѣмъ тѣснѣе оно связано со своей землей и наоборотъ, должна быть стадія такой слабой связи, которая исключаетъ понятіе о государствѣ. „Закрѣпленіе земли" иногда происходитъ въ предѣлахъ самого народа, когда отдѣльныя лица получаютъ опредѣленныя личныя права землевладѣнія, когда происходитъ все большее и большее дѣленіе никому не принадлежащей или принадлежавшей всей общинѣ земли и когда точно опредѣляются границы остатковъ общинныхъ земель; иногда же закрѣпленіе земельныхъ участковъ проявляется на окраинахъ съ цѣлью утвержденія границъ, которыя защищаютъ общими силами и расширяются по мѣрѣ роста населенія и по мѣрѣ увеличенія народныхъ силъ, тамъ же,

гдѣ безраздѣльное право всѣхъ на землю, выступаетъ общее ручательство народа за имущественныя права каждой отдѣльной личности.

Для того, чтобы это преобразованіе сдѣлалось возможнымъ, нужно было, чтобъ на мѣсто родового и семейнаго сознанія выступило политическое сознаніе, которое можетъ возникнуть лишь тогда, когда маленькія группы, сливаясь, образуютъ большія общественныя организаціи, обединенныя и сдерживаемыя не столько родствомъ, сколько общностью языка и обычаевъ. Чѣмъ крѣпче становится племенное или народное единеніе, тѣмъ болѣе разлагается первоначальный родовой строй съ его узкимъ кругомъ интересовъ и симпатій, тѣмъ совершеннѣе можетъ вырабатываться настоящая государственная жизнь. Въ понятіе о государствѣ входитъ такимъ образомъ нѣкоторый минимумъ численности населенія, а вмѣстѣ съ нимъ обыкновенно и размѣра территоріи. Сліяніе въ большіе союзы совершается различно. Вундтъ указалъ на то, что государство можетъ образоваться или изъ семейнаго и родового союза путемъ увеличенія числа его членовъ, или изъ соединенія различныхъ элементовъ предъ общей опасностью; кажется однако, что чаще всего оба фактора дѣйствуютъ совмѣстно: извѣстная группа распадается на новыя, меньшія, которыя сначала относятся враждебно одна къ другой или по крайней мѣрѣ не имѣютъ никакихъ тѣсныхъ взаимныхъ сношеній, а потомъ, съ ростомъ культуры, сближаются и сливаются на основѣ родства языка въ большой народъ. Такъ, кажется, образовался аѳинскій народъ на почвѣ Аттики. Конечно, и несчастія, и потери людей благопріятствуютъ единенію. Фактъ, что сильныя муравьиныя семьи свирѣпо дерутся между собою, а слабыя обнаруживаютъ наклонность соединяться, отчасти наблюдается и въ исторіи человѣчества.

Въ вопросѣ о происхожденіи государства мы имѣемъ такимъ образомъ дѣло съ отношеніями человѣка къ территоріи, сначала, какъ къ общему достоянію, въ которомъ имѣетъ свою долю каждый членъ рода или племени, потомъ какъ къ предмету домогательствъ отдѣльныхъ личностей на опредѣленныя части территоріи, благодаря чему и вся община, какъ цѣлое, впервые плотно прикрѣпляется къ землѣ, наконецъ съ высшими формами организаціи въ ихъ внѣшнихъ и внутреннихъ отношеніяхъ, насколько онѣ обусловлены формами осѣдлости и пользованія почвой, такъ какъ эти послѣдніе факторы въ настоящемъ случаѣ важнѣе, чѣмъ общій уровень культуры народа.

Есть племена и народы, которые не стоятъ въ тѣсномъ соотношеніи съ почвой, — они живутъ на основахъ **симбіоза** внутри чуждыхъ народныхъ организмовъ и такимъ образомъ только косвенно связаны съ землей; они образуютъ въ такихъ случаяхъ, подобно представителямъ промышленныхъ профессій, особый соціальный слой внутри осѣдлаго общества; только при порседствѣ земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ они тѣснѣе привязываютсякъ землѣ. Такую роль могли играть низшія племена паріевъ, но также и высоко-культурные народы, какъ евреи и въ послѣднее время армяне; въ томъ же положеніи въ сущности оказываются и европейцы, которые въ качествѣ купцовъ и спекулянтовъ живутъ въ чужихъ странахъ.

Этими отношеніями объясняется, почему для образованія государствъ нуженъ извѣстный minimum народной численности, ниже котораго она не можетъ опускаться, но нѣтъ опредѣленнаго minimuma почвы: **государственная территорія нужна только для того, чтобы быть мѣстомъ жительства; область эксплуатаціи можетъ лежать и внѣ границъ территоріи.** Это имѣетъ мѣсто уже тамъ, гдѣ большая часть пропитанія добывается путемъ лова рыбы и морскихъ млекопитающихъ, иногда изъ отдаленныхъ рыболовныхъ мѣстностей (см. рис. стр. 161). Народы, живущіе вполнѣ паразитической жизнью, конечно, не могутъ образовать государства, такъ какъ имъ не хватаетъ территоріи, но торговые народы могутъ на крошечныхъ кусочкахъ земли образовать государства, которыя иногда, по крайней мѣрѣ, временно превосходятъ своимъ могуществомъ и богатствомъ

государства, обладающія обширными территоріями: финикіане, греки, венеціанцы, обитатели скалистыхъ вершинъ Орма или маленькаго острова Эшмы, Родоса и Готланда доказали, что цвѣтущая государственная жизнь можетъ развиваться и иногда держаться столѣтіями на узкой полосѣ земли. Живя торговыми сношеніями съ окружающимъ міромъ, эти государства оказываютъ болѣе сильное вліяніе на развитіе культуры, чѣмъ государства, сложившіяся въ замкнутыхъ, живущихъ своей изолированной жизнью странахъ.

На первобытныхъ ступеняхъ этимъ торговымъ государствамъ соотвѣтствуютъ племена, которыя живутъ войной и грабежомъ и у которыхъ опредѣленное мѣсто жительства, хотя бы оно и существовало, не совпадаетъ съ областью эксплуатаціи. Восточная Африка была въ теченіе полустолѣтія добычей такихъ народовъ, и даже мирные земледѣльцы, слѣдуя дурному примѣру, временно превращались въ страшныхъ разбойниковъ. Такимъ путемъ „Зулу" или „Вангони-обезьяны", становились грозою своихъ сосѣдей. На почвѣ разбоя легко образовались потомъ изъ отщепенцевъ осѣдлыхъ народовъ новыя группы въ родѣ американскихъ флибустьеровъ. Страшный народъ Джаггасовъ, который долгое время опустошалъ среднюю Африку, пополнялся вообще не своими потомками, а дѣтьми побѣжденныхъ племенъ, такъ что только одна политическая и военная связь объединяла собратьевъ по ремеслу, и для нихъ не имѣли значенія ни наслѣдственность расовыхъ свойствъ, ни владѣніе землей. Но тамъ, гдѣ, какъ это обыкновенно бываетъ, народъ живетъ произведеніями своей почвы, рано развивается пониманіе цѣнности земли и обладаніе ею закрѣпляется и обезпечивается отъ покушеній со стороны. Оригинально то, что иногда возрастающая культура вызываетъ ослабленіе этой оцѣнки, но это естественно: бродячій народъ, живущій дарами природы, эксплуатируетъ занятую имъ область въ пространственномъ отношеніи полнѣе, чѣмъ земледѣльческій, который сначала отводитъ подъ культуру только часть своей земли, а остальной развѣ только изрѣдка пользуется для охотничьихъ экскурсій. Такимъ образомъ объясняется, почему австралійцы строже понимаютъ владѣніе землей и значеніе опредѣленныхъ границъ, чѣмъ негръ, который охотно окружаетъ свои владѣнія дикими пограничными чащами, на которыя никто не предъявляетъ притязаній. Можно сказать, что культурная жизнь бродячихъ народовъ покрываетъ землю тонкимъ, но равномѣрно распредѣленнымъ слоемъ, тогда какъ на первыхъ ступеняхъ развитія земледѣлія культурный слой плотнѣе, но встрѣчается только мѣстами до тѣхъ поръ, пока съ ростомъ цивилизаціи вліяніе культуры опять не распространится на всю поверхность почвы.

Охота на кита. Эскимосскій рисунокъ. По В. І. Гофману. См. текстъ здѣсь.

У бродячихъ народовъ, конечно, чаще встрѣчается общее владѣніе землей цѣлымъ племенемъ или родомъ, чѣмъ личное. Но было бы большой ошибкой, если бы мы стали отрицать у австралійца всякое понятіе о личной земельной собственности; ему хорошо извѣстно это понятіе, хотя оно, повидимому, возникаетъ совершенно иначе, чѣмъ это можно бы предполагать съ точки зрѣнія культурнаго человѣка. Здѣсь предъ нами открывается перспектива отношеній, которыя имѣютъ большую важность, но, къ сожалѣнію, недостаточно изучены, благодаря скудости свѣдѣній и источниковъ, а между тѣмъ только при помощи обширнаго сравнительнаго матеріала можно заложить прочное основаніе для изученія этого вопроса. Нѣкоторыя представленія объ этихъ интересныхъ явленіяхъ у аборигеновъ Викторіи даютъ намъ сообщенія Бругъ Смита. „Члены племени,— говоритъ онъ, — имѣютъ земли, которыя они считаютъ своею собственностью; право на эти участки наслѣдуется изъ поколѣнія въ поколѣніе-

оно всѣми уважается и ревниво охраняется владѣльцами. Иногда на этихъ участкахъ производится охота, и тогда вся добыча достается собственникамъ. Отцы дѣлятъ землю между своими потомками, но нерѣдко встрѣчается и нѣсколько пайщиковъ въ опредѣленномъ участкѣ." Смитъ не могъ найти другого объясненія для возникновенія здѣсь частнаго землевладѣнія, кромѣ очень опредѣленнаго сообщенія Бульмера, что каждый считается собственникомъ участка, въ которомъ его мать находилась случайно при его рожденіи; какъ, между тѣмъ, рѣшаются иногда спорные вопросы, которые должны возникать въ такихъ случаяхъ, не могъ указать и Бульмеръ.

Къ счастію эти шаткія разъясненія освѣщаются и дополняются тѣмъ, что мы знаемъ объ обитателяхъ Новой Зеландіи. Коленсо, которому мы обязаны этими сообщеніями, раздѣляетъ земельныя права отдѣльныхъ лицъ на опредѣленныя и неопредѣленныя. Первыя пріобрѣтаются девятью различными способами, независимо отъ наслѣдованія и дара, которыя создаютъ переходъ наличныхъ правъ къ новымъ лицамъ. И въ Новой Зеландіи родившійся въ опредѣленномъ мѣстѣ пріобрѣтаетъ пожизненныя права на эту почву и потому именно, что при отдѣленіи пуповины здѣсь проливается его первая кровь. Притязанія, возникающія такимъ путемъ, представляютъ только частный случай другого общаго закона, что каждый становится собственникомъ той земли, на которую пролилась его кровь при борьбѣ или при какомъ нибудь другомъ случаѣ. Здѣсь опять является мистическій принципъ, какъ это неизмѣнно бываетъ у первобытныхъ народовъ, и данный случай примѣненія его не единственный. Территоріальныя притязанія предъявляются на ту землю, на которой погребены или убиты, или растерзаны близкіе родственники. Достаточно бываетъ даже того, что въ связи съ опредѣленной почвой было высказано противъ кого-нибудь пожеланіе,—напр., пусть ягоды этого кустарника будутъ сварены въ твоемъ черепѣ, чтобы лицо, противъ котораго обращено пожеланіе, предъявило притязанія на данную почву. Наконецъ участокъ, на которомъ погребенъ чей-нибудь послѣдъ, становится также его собственностью.

Рядомъ съ мистическими принципами у Маори, какъ народа, занимающагося культурой плодовъ, стоятъ уже и экономическія. Здѣсь человѣкъ дѣлается собственникомъ участка, который онъ обработалъ первый безъ противодѣйствія другого, или земля, на которой онъ, съ публично даннаго ему позволенія лица, владѣвшаго ею прежде, построилъ домъ. Неопредѣленныя права собственности на завоеванную область имѣетъ каждый участникъ въ походѣ и даже тотъ, кто поддерживалъ это предпріятіе поставкой провизіи или оружія; мужъ имѣетъ права на землю своей жены, пока дѣти еще не выросли и не могутъ потребовать на основаніи матріархальнаго права своей собственности; другія „неопредѣленныя права", повидимому, представляютъ собою ничто иное, какъ существующія въ Новой Зеландіи и другихъ мѣстахъ всюду притязанія отдѣльнаго лица на общее достояніе племени или рода. Уже изъ сказаннаго видно, какъ чудовищно могутъ переплетаться имущественныя права, и старое положеніе Аристотеля, что простое и ясное не бываетъ первымъ, а послѣднимъ, оказывается справедливымъ и здѣсь.

Замѣчательно то, что здѣсь дѣло идетъ о земельныхъ участкахъ безъ опредѣленныхъ границъ, которыя однако должны были-бы имѣть первостепенную важность. Нужно предположить, что земля сама по себѣ дѣлится на целкіе куски, и это предположеніе подкрѣпляется явленіями, существующими у многихъ первобытныхъ народовъ. Въ Африкѣ, напр. племенныя области распадаются на маленькіе участки, которые можетъ быть лучше всего было бы сравнить съ луговыми и лѣсными участками Германіи (Gaue). Имена этихъ участковъ древнѣе и болѣе извѣстны, чѣмъ имена горъ и рѣкъ, которыя по большей части называются по именамъ тѣхъ участковъ, въ которыхъ онѣ находятся.

Было-бы безплодной попыткой теперь-же установить, исходя изъ примѣра австралійцевъ, порядокъ эволюціи и поставить во главѣ мистическія, связанные главнымъ образомъ съ культомъ усопшихъ, притязанія отдѣльныхъ личностей на землю, а на второмъ планѣ экономическія и разсматривать мертвыхъ, какъ первыхъ собственниковъ земли. Къ этому можно прибавить, что широко распространенный обычай не зарывать умершихъ въ землю, а класть ихъ на деревьяхъ или подмосткахъ (см. ниже помѣщ. рис.), вѣроятно, имѣлъ цѣлью устранить тяжелыя притязанія на землю покойниковъ. Однако доказательства этого воззрѣнія недостаточны и объ единой, однообразной эволюціи, какъ предполагаетъ Морганъ, едвали здѣсь можетъ быть рѣчь. Кромѣ того, права владѣнія землею, основанныя на культѣ умершихъ, бывали часто смутны, недоказательны и не могли оказывать значительнаго вліянія на экономическій прогрессъ.

Гробъ въ видѣ лодки у индѣйцевъ сѣверо-западной Америки. По Ярро.

Во всякомъ случаѣ теорія, принимающая, что захватъ земли отдѣльными лицами начинается съ земледѣлія, будетъ несостоятельной и въ томъ случаѣ, если мы оставимъ совершенно въ сторонѣ мистическія основы владѣнія и будемъ имѣть въ виду только собственность, возникающую на экономической основѣ. И у народовъ, которые не знаютъ культуры полезныхъ животныхъ, существуютъ извѣстныя мѣстности, которыя эксплуатируются или отдѣльными лицами, или мелкими подраздѣленіями племени, рода; таковы въ сѣверозападной Америкѣ мѣста, гдѣ собираются яйца птицъ или опредѣленныя мѣста рыбной ловли, которыя переходятъ по наслѣдству. На Полинезійскомъ островѣ Науру богатое рыбой внутреннее озеро составляетъ собственность многихъ туземцевъ, которые точно разграничиваютъ свои участки. Можно было бы привести много, и другихъ подобныхъ примѣровъ.

При всемъ этомъ дѣло идетъ, конечно, въ меньшей степени о самой почвѣ, чѣмъ о томъ, что на ней можно получить, и только постепенно возникаетъ настоящая оцѣнка земли. Въ Полинезіи эта оцѣнка развивается очень различными путями. На вышеупомянутомъ, въ настоящее время принадлежащемъ нѣмцамъ, островѣ Науру начинаетъ очень интенсивнымъ путемъ изъ права собственности на фруктовыя деревья развиваться постепенно право собственности на землю. „Земля и почва, пишетъ Зенротъ, разсматриваются какъ res nullius (вещь, не принадлежащая никому); только тамъ, гдѣ кусокъ ея занятъ исключительно деревьями одного хозяина, этотъ послѣдній старается установить границы своихъ владѣній, чтобы воспрепятствовать другимъ сажать свои деревья въ промежуткахъ; въ другихъ случаяхъ притязанія предъявляются только на деревья, прежде всего на кокосовыя пальмы, изъ которыхъ каждая снабжена знакомъ соб-

ственника на корѣ. Такимъ образомъ выходитъ, что имущество отдѣльной личности можетъ быть разсѣяно по всему острову. Отсюда возникаютъ споры, которые отдаются на судъ окружного начальника". Эти еще очень простыя отношенія разнятся значительно отъ отношеній, имѣющихъ мѣсто на другихъ Полинезійскихъ островахъ, на которыхъ понятія о земельной собственности достигли высокаго развитія; но они имѣютъ для себя параллели въ оазисахъ Сахары, гдѣ земля по большей части находится въ рукахъ однихъ собственниковъ, а растущія на ней деревья въ другихъ. Подобные примѣры встрѣчаются въ разныхъ странахъ.

Въ самыхъ общихъ словахъ можно сказать, что право личной собственности на землю, на которую предъявляются притязанія, можетъ образоваться двоякимъ путемъ, смотря по тому, идетъ ли дѣло объ общемъ достояніи рода, которое дѣлится и переходитъ въ руки отдѣльныхъ личностей, или о землѣ, не имѣющей владѣльца. Можно намѣтить оба способа эволюціи. Какъ у бродячихъ племенъ счастливый охотникъ, который первый найдетъ дерево, обитаемое пчелами или приносящее съѣдобные плоды, и поставитъ свой знакъ на корѣ дерева, признается собственникомъ этого сокровища, такъ у земледѣльцевъ обыкновенно первый, обратившій кусокъ дѣвственной почвы въ пахотную, считается собственникомъ новой культурной земли, и общій коммунизмъ, который рядомъ съ этимъ еще можетъ быть очень могущественымъ, предъявляетъ право только лишь на жатву, которую принесетъ новая почва. Права собственности при этомъ сначала имѣютъ силу лишь пока почва обрабатывается; нужна высшая ступень осѣдлости и государственнаго порядка для того, чтобы земля стала наслѣдственнымъ достояніемъ. Первобытное хозяйство ужъ и безъ того состоитъ все въ новыхъ и новыхъ распашкахъ, тогда какъ старая почва бросается. У Галласовъ вождь, который считается собственникомъ невоздѣланной земли, долженъ сначала дать позволеніе на обработку ея и только потомъ земельный участокъ переходитъ въ наслѣдственную собственность.

Но право государя само, въ сущности, вытекаетъ изъ ограниченія древняго общаго права рода или племени: поднимаясь надъ соплеменниками и до извѣстной степени воплощая въ себѣ всѣхъ подданныхъ, государь достигаетъ одновременно и права исключительно распоряжаться землей; при этомъ эволюція естественно дѣлаетъ остановки на различныхъ ступеняхъ или можетъ быть доведена до самыхъ крайнихъ послѣдствій. Въ большей части случаевъ государь долженъ раздѣлять свое владѣніе между отдѣльными лицами, которыя такимъ же образомъ пріобрѣтаютъ извѣстныя права на опредѣленные участки, и вытекающія отсюда столкновенія и споры,—будутъ-ли они выражаться въ мелкихъ процессахъ и народныхъ волненіяхъ или на феодальный манеръ рѣшаться подъ звуки „рыцарскихъ дубинъ", — ведутъ въ концѣ концовъ почти вездѣ къ естественному рѣшенію: государь сохраняетъ за собой извѣстныя общія права, прежде всего право обложенія и за это принимаетъ на себя охрану страны отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ и управляетъ всей не раздѣленной еще землей, въ то время, какъ отдѣльныя лица, безпрепятственно пользуясь своей земельной собственностью, могутъ ее продавать, передавать по наслѣдству. Этотъ экономическій компромиссъ наступаетъ раньше, чѣмъ справедливое раздѣленіе политическаго вліянія; напримѣръ въ Полинезіи онъ осуществленъ былъ сначала на Гаваи, гдѣ властная натура Камеамеа I покончила со старыми запутанными отношеніями.

Если земледѣліе требуетъ всегда постояннаго или временнаго раздѣла земли между отдѣльными лицами, то скотоводство наоборотъ принуждаетъ къ сохраненію общихъ луговъ. Гдѣ соединены обѣ стороны, какъ у большей части среднеевропейскаго крестьянства, тамъ рядомъ съ отдѣльными участками, сохраняется общинное пастбище, нерѣдко и общинный лѣсъ, который главнымъ образомъ долженъ доставлять скоту подстилку.

Тамъ же гдѣ аристократіи удалось, какъ въ Англіи и Мекленбургѣ, присвоить себѣ это общее достояніе деревни, тамъ сильное и свободное крестьянское сословіе по большей части уничтожено или обращено въ жалкихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Желаніе поставить на мѣсто права общины права отдѣльной личности проявляетъ свое дѣйствіе всюду.

Прикрѣпленіе отдѣльнаго лица къ почвѣ, которое составляетъ предварительное условіе высшей государственной жизни и вслѣдствіи этого остается характернымъ признакомъ, по крайней мѣрѣ для настоящихъ продуктивныхъ сословій, не мыслимо безъ прочныхъ поселеній, происхожденіе которыхъ по большей части также связано съ формой хозяйства. Ни бродячій охотникъ и собиратель, ни кочевникъ не имѣютъ постоянныхъ жилищъ; примитивный земледѣлецъ также долженъ отъ времени до времени оставлять истощенную почву и строить новое жилище. Въ области номадизма немыслима въ силу этого никакая государственная жизнь, если только населеніе не скучивается въ мѣстахъ культа, какъ, напр., въ Меккѣ или въ годныхъ для земледѣлія оазисахъ, какъ въ Мединѣ, или, наконецъ, на узловыхъ пунктахъ торговыхъ путей, какъ въ Пальмирѣ, и не прикрѣпляется къ почвѣ, осѣдая въ городахъ и укрѣпленныхъ поселеніяхъ.

Деревня Ніома въ Узинджѣ, вост. Африка. По Штульману. См. текстъ выше.

Въ городахъ также бьется пульсъ государственной жизни. Исторія всемірной Магометанской монархіи развивается въ первой стадіи своей между Меккой и Мединой, во второй — между Дамаскомъ и Куфой, въ то время, какъ кочевая Аравія только временно принимаетъ участіе въ великомъ процессѣ образованія государства. Сказочный расцвѣтъ Пальмиры—повелители которой подчинили себѣ бедуиновъ Сирійской пустыни, прекращается съ разрушеніемъ городовъ.

Прежде всего, какъ на самую первоначальную форму прочнаго поселенія, слѣдуетъ обратить вниманіе на тѣ „деревни-дома“, въ которыхъ вмѣстѣ живутъ всѣ члены рода и которыя съ возрастаніемъ населенія увеличиваются пристройками. Тотъ замѣчательный фактъ, что подобныя массовыя жилища чаще всего встрѣчаются въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ наиболѣе характерно выступаютъ дома для мужчинъ, указываетъ, въ связи съ всякаго рода переходными формами, на то, что здѣсь эти деревни-дома первоначально были домами для мужчинъ, которые мало-помалу отобраны были родами и превращены въ общія жилища для всѣхъ. Бродячіе народы такихъ коллективныхъ жилищъ не знаютъ.

Какъ бы то ни было, сначала только родовые и кровные родственники работали объ руку при возникновеніи прочныхъ поселеній и образовывали деревенскія общины, которыя часто являются и маленькими самостоятельными государствами, если только къ нимъ можно примѣнять это громкое названіе. Въ Новой Помераніи каждый родъ живетъ въ своей деревнѣ и рас-

полагаетъ прилегающимъ земельнымъ участкомъ, хотя вслѣдствіе допущенія чуждыхъ элементовъ первоначальныя отношенія уже нѣсколько измѣнились, и политическая точка зрѣнія становится на мѣсто родственныхъ соображеній. До такихъ родовыхъ и деревенскихъ государствъ, которыя почти независимы другъ отъ друга, достигла и государственная эволюція на островахъ Палау. У малайцевъ въ древности, повидимому, также „зуку", или роды образовали политическую единицу, съ той разницей, что по большей части многіе изъ родовъ жили въ одномъ поселеніи и сложилась уже связывающая ихъ племенная организація. Вообще родовой строй, какъ было уже упомянуто выше, не благопріятствуетъ возникновенію высшихъ государственныхъ порядковъ и въ силу этого ростъ государства всегда идетъ рука объ руку съ раздробленіемъ и преобразованіемъ родоваго союза и съ появленіемъ патріархальной семьи. Чисто родовая организація можетъ даже настолько получить преобладаніе надъ политическими интересами, что первоначально связанное поселеніе распадается на враждебные лагери, которые тѣснятъ другъ друга, а иногда и самымъ свирѣпымъ образомъ борятся другъ съ другомъ. У Берберовъ Сѣверной Африки это явленіе выступаетъ съ извѣстной правильностью; тоже самое и у нѣкоторыхъ Бирманско-Индѣйскихъ пограничныхъ племенъ.

На распаденіе родового могущества извѣстное вліяніе производитъ, конечно, примѣръ племенъ и государствъ, которыя возникли изъ развалинъ и обломковъ другихъ обществъ,—другими словами такихъ, члены которыхъ первоначально состояли изъ изгнанниковъ, преступниковъ и вольноотпущенныхъ рабовъ. Такимъ, согласно преданію, былъ вначалѣ Римъ; возможно, что въ преданіи есть доля истины и что отсюда и произошли тѣ черты государственнаго дѣятеля, которыя заключаются въ природѣ римлянина. Возникновеніе подобныхъ государствъ не представляетъ невозможнаго и въ наше время.

Полакъ сообщаетъ объ одномъ ново-зеландскомъ племени, которое образовалось изъ бывшихъ рабовъ и сначала жило на деревьяхъ, пока не усилилось настолько, чтобы овладѣть землей. Въ Гинтерландѣ Того, въ недавнее время, близъ Велты возникло селеніе Бомбата, жители котораго состоятъ исключительно изъ бѣглыхъ рабовъ, принадлежавшихъ первоначально различнымъ племенамъ. Чаще всего встрѣчаются, можетъ быть, такія государства въ области племенъ Галласовъ и Сомали въ Восточной Африкѣ: таково государство Кабьюна, которое было основано, по словамъ Чекки, однимъ изгнаннымъ изъ сосѣдняго государства претендентомъ на тронъ и, благодаря притоку рабовъ, авантюристовъ и преступниковъ, достигло страшной силы. Его главный городъ быстро расцвѣлъ, вслѣдствіе благопріятнаго торговаго положенія. Таково королевство Гоша при устьѣ Джубы, гдѣ каждый бѣглый рабъ принимался въ среду свободныхъ людей. Но въ другихъ случаяхъ населеніе не стѣсняется предпринимать войны или куплей пріобрѣтать рабовъ для обработки полей. Такъ какъ бѣглецами главнымъ образомъ оказываются мужчины, то ослабленная родовымъ строемъ объединяющая сила мужскихъ сообществъ пріобрѣтаетъ здѣсь рѣшительное значеніе.

Для каждаго государства является существеннымъ вопросомъ — военная или мирная сторона его существованія пріобрѣтаетъ рѣшающее вліяніе на образованіе государственныхъ формъ? Уже раньше было упомянуто, что первичная верховная власть можетъ вытекать изъ двухъ источниковъ: изъ родового строя или изъ союза воинственныхъ мужчинъ и, соотвѣтственно этому, главную задачу вождя составляетъ или рѣшеніе внутреннихъ спорныхъ вопросовъ, или борьба съ окружающими. Этимъ, повидимому, различаются и функціи древне-германскихъ королей и герцоговъ, которыя часто стоятъ въ рѣшительномъ антагонизмѣ между собою; въ сущности таже противоположность дѣйствовала и въ исторіи Рима: на мѣсто наслѣдственныхъ и

умѣренно-воинственныхъ царей становятся консулы въ качествѣ ежегодно избираемыхъ военачальниковъ, кругъ дѣятельности которыхъ лежалъ главнымъ образомъ внѣ государства, во враждебныхъ странахъ, которыя стремились покорить. Такія же условія существовали и въ древней Спартѣ.

На ростъ государства съ точки зрѣнія географа и народовѣда впервые пролилъ свѣтъ Фр. Ратцель въ своей „Политической географіи". Онъ выдвигаетъ положеніе, что каждому политическому расширенію предшествуетъ расширеніе географическаго горизонта, и что новопріобрѣтенныя пространства только посредствомъ культуры удерживаются и сливаются государственнымъ образомъ съ первоначальной территоріей; торговля и распространеніе религіозныхъ идей прокладываютъ дорогу для политическихъ силъ, а культура даетъ государству возможность постоянно увеличиваться и вынуждаетъ народъ заботиться о расширеніи границъ страны для новыхъ поселеній и проявленія власти. Чѣмъ ниже культура, тѣмъ меньше замѣчается тенденція къ постоянному пріобрѣтенію новыхъ земель, которыхъ нѣтъ средствъ ни захватить, ни удержать. Только культура представляетъ возможность охватывать обширныя пространства, но одной ея недостаточно для образованія великихъ государствъ. Часто только энергія и подвижность кочевниковъ — бедуиновъ (см. рис. на стр. 170), фульба или тюрковъ — вынуждаетъ культурныхъ, но раздробленныхъ на мелкія государства земледѣльцевъ къ политическому слиянію.

Какъ проявляетъ воинственная энергія свою образующую государство силу, мы можемъ убѣдиться изъ исторіи большей части европейскихъ государствъ, въ которыхъ политическое единство исходитъ отъ воинственныхъ племенъ, закаленныхъ климатомъ и судьбой, — напр., отъ кастильцевъ въ Испаніи, отъ піемонтцевъ въ Италіи, отъ бранденбургцевъ въ Германіи и норманскихъ варяговъ въ Россіи [1].

Границы для распространенія предѣловъ даннаго государства ставитъ сопротивленіе другихъ странъ и результатомъ является выравниваніе, которое, наконецъ, какъ въ Европѣ, приводитъ къ „политическому равновѣсію" міровыя государства. Римляне прежде всего обязаны ихъ колосальнымъ расширеніемъ тому обстоятельству, что у нихъ не было равносильныхъ соперниковъ, и только невозможность охватить политически отдаленнѣйшія территоріи поставила границы ихъ росту. При этомъ очень замѣчательной представляется борьба культурныхъ государствъ, жители которыхъ вмѣстѣ съ прежней грубостью утратили и часть воинственной энергіи, противъ менѣе культурныхъ, но исполненныхъ воинственными инстинктами народовъ: почти всегда цивилизованному государству, которое бываетъ богаче, удается привлечь часть противниковъ на службу себѣ или призвать наемниковъ изъ отдаленныхъ странъ, которые оберегаютъ и расширяютъ границы. Торговыя государства, какъ Венеція и Карфагенъ, такимъ образомъ сохраняли свое могущество въ теченіе столѣтій, Римъ долгое время пользовался германцами противъ германцевъ. Благодаря своей ловкости и чужой военной силѣ Византія достойнымъ удивленія образомъ поддерживала противъ всѣхъ нападеній персовъ, болгаръ, рабовъ и западныхъ крестоносцевъ, свое, со всѣхъ сторонъ угрожаемое и часто близкое къ гибели государственное зданіе, пока оно не погибло подъ напоромъ оттоманской бури. Этотъ фактъ и служитъ новымъ доказательствомъ старой истины, что въ сущности духъ управляетъ міромъ, укрощаетъ и направляетъ къ своей пользѣ враждебно мятущіяся силы.

---

[1] Послѣдній примѣръ врядъ ли удаченъ. Варяжскій или Великокняжескій періодъ русской исторіи скорѣе можно характеризовать развитіемъ партикуляризма. „Собираніе земли" начинается съ возвышенія подмосковной Россіи, отсюда начинается объединительная работа, завершившаяся въ эпоху монгольскаго нашествія, когда князья наши утратили уже и самое воспоминаніе о своемъ варяжскомъ происхожденіи. *Ред.*

Внѣшнему росту государствъ соотвѣтствуютъ внутреннія преобразованія и борьба. Государство—организмъ очень сложный и въ то же время слишкомъ крѣпко связанный, чтобы для него могли быть достаточными полусознательныя сумерки первобытныхъ порядковъ; нуженъ мозгъ, который бы съ ясностью видѣлъ всѣ потребности, нужны нервы и органы, способные служить подъ руководствомъ мозга. Управляютъ всегда въ дѣйствительности немногія; большія массы принимаютъ непосредственное участіе въ управленіи только въ государствахъ-карликахъ,—напр., въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ маленькихъ кантоновъ Швейцаріи. Всѣ конституціонныя боренія идутъ не изъ-за того, чтобы масса господствовала надъ собой самой, — хотя повидимому онѣ преслѣдуютъ эту цѣль и стремятся приблизиться къ ней; онѣ — результатъ возрастающаго дифференцированія культуры и въ то же время растущей цивилизаціи, что дѣлаетъ для отдѣльнаго правителя невозможнымъ осмотрѣться среди всѣхъ потребностей и желаній, которыя порождаетъ эволюція государства, и принуждаетъ его чаще привлекать къ управленію какимъ бы то ни было образомъ представителей этихъ потребностей. При всякой внутренней политикѣ вопросы экономическіе и культурные скрываются за всякой борьбой изъ-за правъ государя и народа. Чѣмъ многообразнѣе становятся культура и интересы отдѣльныхъ лицъ, тѣмъ больше личность пріобрѣтаетъ возможность ясно сознавать и высказывать свои интересы, тѣмъ вѣрнѣе она обезпечиваетъ себѣ временемъ косвенное участіе въ управленіи государствомъ. Самое управленіе всегда клонится къ тому, чтобы совѣтъ свѣдующихъ людей съ монархомъ во главѣ, или безъ него, руководилъ общественными дѣлами, и вопросъ, какъ этотъ совѣтъ будетъ образованъ, представляется второстепеннымъ сравнительно съ другимъ: будетъ ли онъ хорошъ и дѣятеленъ. Если дѣйствительно проницательный государь призываетъ по собственному выбору лучшихъ людей страны въ свой совѣтъ и предоставляетъ имъ должное вліяніе, результатъ можетъ оказаться лучше, чѣмъ если бы при всеобщемъ голосованіи грубая масса послала къ власти своихъ довѣренныхъ людей. Тотъ фактъ, что во всѣхъ дѣйствительно культурныхъ, развивающихся прогрессивно государствахъ вырабатывается дѣйствительное народное представительство, зависитъ отъ возрастающей куль-

Бедуины береговъ Іордана за обѣдомъ. По фотографіи.
См. текстъ на стр. 169.

туры массъ, отъ осложненія потребностей внутренней жизни, въ которыхъ даже проницательнѣйшій государь не можетъ разобраться ни лично, ни съ помощью совѣтниковъ, выбранныхъ по его усмотрѣнію. Эти потребности онъ только въ томъ случаѣ имѣетъ возможность узнать, когда живое эхо народной жизни непрестанно доносится съ государственныхъ низовъ къ мѣсту дѣятельности общаго органа мышленія.

Гдѣ культура развивается медленно или — по крайней мѣрѣ въ массахъ—стоитъ на одной точкѣ, оказываются достаточными простыя формы государственнаго устройства; отсюда вытекаетъ само собою, что всѣ первобытныя формы правленія въ собственныхъ интересахъ склоняются къ тому, чтобы стѣснить ростъ культуры, или по крайней мѣрѣ не поддерживать духовнаго развитія народа. Во всякомъ случаѣ, каждое правительство, какъ бы оно ни сложилось, можетъ быть плохимъ или хорошимъ; при единовластіи и его умѣренныхъ видоизмѣненіяхъ въ этомъ отношеніи рѣшающее значеніе имѣютъ характеръ и дарованія государя, но и демократія, которую такъ часто представляютъ идеаломъ развитія и которая при благопріятныхъ обстоятельствахъ дѣйствительно производитъ великое, не можетъ оказать препятствія тому, чтобы отдѣльныя личности управляли по усмотрѣнію. Она кромѣ того благопріятствуетъ тому, что при ней выдвигаются натуры неудовлетворенныя, безплодные критики и проныры, которые задерживаютъ полезную дѣятельность своимъ вмѣшательствомъ.

Формы государственнаго устройства—во всякомъ случаѣ вопросъ второстепенный, и мечтатели, ожидающіе спасенія отъ всѣхъ золъ, отъ политическихъ принциповъ, основныхъ государственныхъ законовъ и превозглашенія правъ человѣка, до сихъ поръ горько разочаровывались; формы государственнаго устройства слѣдуютъ за прогрессомъ, но не создаютъ его. Рискованность всѣхъ одностороннихъ теорій выступаетъ на свѣтъ еще болѣе, если мы обратимъ вниманіе на дѣйствительныя отношенія и увидимъ, что государства распадаются на болѣе мелкія организаціи, форма правленія которыхъ часто совершенно иная, чѣмъ форма правленія цѣлаго государства: есть автократически управляемыя государства, въ которыхъ города и деревни пользуются почти республиканскимъ самоуправленіемъ и есть республики, вродѣ Франціи, гдѣ доведенная до крайности централизація кладетъ отпечатокъ автократіи на мелкія проявленія внутренней жизни государства.

Конституціонные вопросы высшихъ культурныхъ народовъ въ зародышахъ можно распознать уже у первобытныхъ племенъ, и обломки первоначальныхъ установленій ихъ часто еще глубоко врѣзываются въ культурный міръ. Въ самыхъ маленькихъ общественныхъ группахъ самыхъ дикихъ народовъ демократически-коммунистическій идеалъ нерѣдко оказывается почти осуществленнымъ. Можно даже указать, что, при ближайшемъ знакомствѣ съ первобытными племенами, эти идеалы всякій разъ пріобрѣтаютъ новую силу среди цивилизованныхъ народовъ; идеи Руссо въ болѣе новое время связаны очень тѣсно съ экспедиціями въ южныя моря и образцами обнаруженныхъ тамъ отношеній. Совѣтъ старшинъ, который съ приростомъ численности народа замѣняетъ собою народное собраніе,—есть ступень, предшествующая парламентарной жизни, воплощающейся въ палатѣ пэровъ, въ верхней и нижней палатахъ; въ другихъ мѣстахъ пользующееся преобладающимъ вліяніемъ собраніе воиновъ напоминаетъ настоящее народное представительство. Въ африканскихъ придворныхъ совѣтахъ, которые по большей части выбираются самимъ государемъ, мы видимъ первообразы министерствъ, раздѣленіе труда въ области исполнительной власти, которая такимъ образомъ можетъ управлять и безъ обращенія къ народу; въ то же время здѣсь очень часто встрѣчаются зародыши настоящихъ профессіональныхъ организацій, къ которымъ, можетъ быть, нѣкогда

возвратятся и европейскіе культурные народы, если одностороннее проведеніе территоріальной системы выборовъ сдѣлается невыносимымъ. Вмѣсто министерствъ единовластіе во многихъ странахъ, при увеличеніи численности народа и роста культуры могло бы облегчить себѣ дѣло управленія и удержаться посредствомъ особеннаго рода децентрализаціи, которая называется феодализмомъ. Въ концѣ концовъ однако же почти вездѣ имѣла мѣсто борьба между феодализмомъ и единодержавіемъ начинавшимъ опираться на подчиненныхъ ему чиновниковъ и борьба эта кончилась или распаденіемъ на мелкія государства, или побѣдой „просвѣщеннаго абсолютизма“, за которой, при возрастающей культурѣ, обыкновенно слѣдовалъ конституціонализмъ.

Ко всѣмъ этимъ преобразованіямъ присоединяется вліяніе общественныхъ слоевъ, которые частію временно присваиваютъ себѣ всю власть, частію послѣ трудной борьбы достигаютъ возможности возвышать свой голосъ въ политическихъ дѣлахъ. Но и мистическія претензіи, на которыя такъ охотно опирается верховная власть у первобытныхъ народовъ, даютъ себя знать до настоящаго времени въ формулѣ „Божіею Милостію“, не говоря уже о государствахъ съ церковнымъ управленіемъ, какъ бывшая Папская область, орденъ іезуитовъ въ Парагваѣ, или о исламистскихъ государствахъ, основанныхъ на религіи, вродѣ Вагабитовъ въ Аравіи и государства Махди въ Суданѣ. Какъ рядомъ съ этимъ богатство открыто или подъ прикрытіемъ пріобрѣтаетъ рѣшающее значеніе и, именно при демократическомъ государственномъ строѣ, выказываютъ свою силу самымъ отвратительнымъ образомъ, — мы достаточно ясно видимъ на плутократіи Соединенныхъ Штатовъ или Капланда.

Если бы въ конституціонныхъ распряхъ дѣло шло объ удовлетвореніи властныхъ инстинктовъ или о чисто правовыхъ вопросахъ, едва ли бы онѣ велись съ тѣмъ ожесточеніемъ, которое для нихъ столь характерно. Въ дѣйствительности государство есть центральная экономическая сила, и кто обладаетъ ею, располагаетъ и народнымъ богатствомъ и ставитъ цѣли, на которыя должны быть употреблены общественные доходы. Нуженъ высокій уровень культурности и много здраваго смысла правителю, чтобы не злоупотреблять этой силой для личной пользы, и гдѣ этихъ гарантій нѣтъ, тамъ никакая форма правленія не можетъ предупредить расточенія народнаго достоянія, а демократія, которая въ такомъ случаѣ лишь увеличиваетъ число расхитителей и отъ времени до времени ихъ съ избыткомъ возмѣщаетъ новыми голодными, дѣйствуетъ даже гибельнѣе, чѣмъ всякая другая форма правленія. Большая часть республикъ Южной Америки несетъ гнетъ этого проклятія, противъ котораго нѣтъ никакихъ средствъ, кромѣ общаго умственнаго и нравственнаго подъема народа. И въ этомъ случаѣ крайности сходятся: какъ вождь сначала употреблялъ свои подарки и подати не для общихъ цѣлей племени и государства, а на то, чтобы щедростью создать для себя приверженцевъ и друзей, такъ выродившемуся парламентаризму государственныя средства служатъ для того, чтобы награждать членовъ своей партіи и увеличить ихъ число и могущество. Подпорки бюрократіи, которые необходимо вырабатываются въ болѣе развитыхъ государствахъ, поддерживаютъ еще кое-какъ колебающееся зданіе, и ихъ щадятъ ради того, что чиновничьи должности составляютъ важную часть тѣхъ мѣстъ, гдѣ можно поживиться. Характернымъ для такихъ условій является чрезмѣрное увеличеніе казенныхъ мѣстъ и синекуръ.

Такъ падаютъ на первобытныхъ ступеняхъ существованія государства съ „лучшими формами строя“ и никакія теоріи, никакіе бумажные законы не въ силахъ остановить паденія, пока народъ не откажется отъ варварства. Культура сама повторяетъ только въ очищенной формѣ условія древнихъ временъ, такъ какъ государства создаютъ люди, и никакая народная или государственная власть не можетъ сдѣлать надолго изъ жи-

вого народа однообразную массу, изъ которой законодатель могъ бы создавать фантастическія формы, представляющіяся ему—при бѣгломъ взлядѣ на маленькую часть мірового цѣлаго—высшей цѣлью стремленій, но которыя въ круговоротѣ силъ, управляющихъ нашей планетой, должны быстро разрушиться, какъ безжизненныя игрушки педантической мысли.

4. Нравы и обычаи.

Попытка сравнить общество съ организмомъ можетъ быть проведена только отчасти и не всегда умѣстна, но во многихъ случахъ она помогаетъ освѣтить запутанныя отношенія. Если мы попытаемся разсматривать человѣческое общество, какъ единый организмъ, составленный изъ индивидуумовъ, какъ изъ клѣточекъ, какъ своеобразное живое существо съ такой продолжительностью жизни, которая во всякомъ случаѣ чрезвычайно далеко превосходитъ предѣлы бытія каждой изъ отдѣльныхъ личностей, ее образующихъ, то этотъ долговѣчный организмъ долженъ особеннымъ, болѣе медленнымъ образомъ реагировать на воздѣйствія окружающаго міра и стремиться самостоятельно выработать для себя образъ и форму въ періодъ роста и существованія.

Часть этого внѣшняго образа обнаружило передъ нами изученіе формъ общества и ихъ развитія. Внѣшнему виду соотвѣтствуетъ и внутренняя структура. Крупный, медленно измѣняющійся и перемѣщающійся организмъ извѣстной народности не ощущаетъ вліянія случайныхъ, смѣняющихся пертурбацій повседневной жизни, пока онѣ не сдѣлаются особенно сильными; для этого онъ слишкомъ массивенъ и тяжеловѣсенъ. Реагируетъ, сопротивляется или приспособляется къ этимъ мелкимъ воздѣйствіямъ отдѣльный индивидуумъ. Но значительные, постоянно и правильно дѣйствующіе агенты будятъ присущія общественному организму силы, которыя, какъ все относящееся къ культурѣ, уже способны въ качествѣ духовнаго достоянія своевременно реагировать на соотвѣтствующія явленія и вліянія, подобно тому какъ слухъ и въ ночной тишинѣ способенъ воспринимать звуки или нервы кожи сообщать мозгу всякія осязательныя ощущенія и различія температуры. Эти существенныя характерныя черты общества мы называемъ нравами и обычаями; и они измѣняются, но они болѣе устойчивы, чѣмъ отдѣльный человѣкъ, въ нихъ торжествуетъ безсмертное существо общества надъ смертнымъ индивидуумомъ.

Нравы можно назвать остовомъ общества или еще лучше сравнить ихъ съ твердой скорлупой, которая окружаетъ тѣло ракообразныхъ и другихъ черепокожныхъ и даетъ мягкой массѣ одновременно и защиту, и опору. Но если тѣло растетъ или стремится принять новый видъ, твердая скорлупа дѣлается препятствіемъ для развитія, ощущается чувство болѣзненнаго стѣсненія, которое и становится все болѣе и болѣе общимъ, пока твердая скорлупа не лопнетъ. Однако уже тотчасъ за этимъ образуется новая оболочка, болѣе удобная. Главной причиной косности первобытныхъ народовъ является то, что они не въ силахъ преодолѣть сопротивленіе этой скорлупы. „Кафръ держится старыхъ обычаевъ, которые мучатъ его, какъ цѣпи“, весьма мѣтко замѣчаетъ Макдональдъ. Исторія культурныхъ народовъ въ значительной степени есть ничто иное, какъ исторія борьбы между окостенѣвшими обычаями народовъ и носителями умственнаго прогресса, которые стремятся создать новыя формы бытія—другими словами, здѣсь выступаетъ антагонизмъ прогрессивныхъ и консервативныхъ силъ, который присущъ всякой новой и растущей культурѣ.

Въ нравахъ воплощаются охранительныя силы, и онѣ находятъ здѣсь свое прекраснѣйшее и въ то-же время ужаснѣйшее выраженіе. Въ нравахъ и обычаяхъ выступаетъ все, что есть въ прошломъ, въ преданіи, дружелюбно успокаивающаго почтеннаго, святого; всѣ тѣ потери скромнаго

счастья и тихаго довольства, которыя намъ причиняетъ прогрессъ культуры, становятся яснѣе, ощутительнѣе, когда мы углубимся въ воспоминанія о старыхъ, добрыхъ исчезающихъ нравахъ. Но этотъ привѣтливый образъ омрачится, когда мы вспомнимъ о тѣхъ кровавыхъ жертвахъ, которыя были принесены желѣзному гнету окостенѣвшихъ, ставшихъ безжизненными обычаевъ и нравовъ, а также и о дымѣ костровъ сожженныхъ мучениковъ прогресса, которые заплатили кровью за попытки освободить свой народъ отъ устарѣвшихъ цѣпей умственнаго и нравственнаго гнета. Борьба личности противъ стародавняго обычая—это борьба карлика съ великаномъ; бренный индивидуумъ борется противъ огромнаго, обладающаго громадной живучестью существа, которому онъ самъ обязанъ и своимъ бытіемъ, и своими силами, и много борцовъ должно присоединиться къ инициатору, прежде чѣмъ будетъ достигнута побѣда.

Не всегда, конечно, происходитъ борьба, чаще удается обмануть сильное, долговѣчное, но тяжеловѣсное и слѣпое существо, массу, сохранивъ сдѣлавшіяся для него дорогими внѣшнія формы существованія, но наполнить ихъ новымъ содержаніемъ и вмѣсто привычныхъ обычаевъ подставить похожіе, но глубоко отличные по своему внутреннему смыслу. И такой способъ дѣйствій является часто повторяющимся при движеніи впередъ прогресса.

Маска племени Цуньи Сѣв. Америка. По Стивенсону. См. текстъ ниже.

Борьба противъ безполезнаго, сдѣлавшагося вреднымъ преданія была-бы легче, если бы оно не было такъ часто окружено ореоломъ святости и нерушимости, который пугаетъ дерзкихъ или предаетъ ихъ гнѣву народа, который въ нападеніи на своихъ боговъ и духовъ предковъ видитъ нападеніе на себя самого. Человѣчеству представляется божественной его собственная постоянная форма бытія, эта безсмертная сторона бренной жизни людей. Кто нарушаетъ обычай, тотъ угрожаетъ и наноситъ вредъ этой святынѣ, которая подъ разнообразными формами почитается всѣми, и на него обращаются гнѣвъ и ненависть ближнихъ. Какъ это сопротивленіе, черпающее свои силы въ мистическихъ воззрѣніяхъ, можетъ подняться до степени терроризма, намъ показали уже тайные союзы съ ихъ маскарадами (см. вышепомѣщ. рис.).

Итакъ, нравы представляютъ собой воздѣйствія общества на внѣшнія вліянія или внутреннія событія или же наличныя схемы, которымъ отдѣльная личность или общество живущихъ въ данное время, въ подходящихъ случаяхъ пользуются безъ дальнѣйшаго разсужденія: онѣ входятъ въ составъ культурнаго достоянія, ставшаго автоматическимъ и онѣ такъ тѣсно связаны съ сущностью общественныхъ формъ, что ихъ лучше всего разсматривать вмѣстѣ съ этими послѣдними. Самыя общественныя формы можно не безъ основанія разсматривать, какъ отдѣлъ обширной области нравовъ и обычаевъ; сюда же въ сущности относится значительная часть религіи, искусства; да и вся человѣческая дѣятельность воплощается во внѣшнихъ формахъ, которыя также представляютъ собой ничто иное, какъ обычаи и, какъ эти послѣдніе, или окостенѣваютъ или преобразуются.

Здѣсь лучше ограничить область наблюденія и разсматривать только тѣ группы обычаевъ, которыя соотвѣтствуютъ постоянно повторяющимся явленіямъ и столкновеніямъ въ жизни человѣчества и примѣняются, какъ прочныя формулы всякій разъ при всякомъ подходящемъ случаѣ. Даже въ этомъ случаѣ масса ихъ окажется столь значительной, а разнообразіе настолько пестрымъ, что возможенъ только общій обзоръ главныхъ формъ.

Изслѣдовать причины обычаевъ трудно, такъ какъ у большей части

народовъ имѣется множество обычаевъ, смыслъ которыхъ давно забытъ и замѣняется нелѣпыми объясненіями. Одна основная черта проходитъ черезъ исторію человѣческихъ нравовъ и обычаевъ, которая въ нѣмецкомъ языкѣ выражается уже производствомъ слова „нравственной“ (sittlich) отъ слова Sitte обычай. Такъ какъ всѣ обычаи, по своимъ источникамъ и результатамъ, чрезъ интересы преходящей отдѣльной личности входятъ въ соотношеніе съ благомъ цѣлаго, то они составляютъ часть морали каждаго народа и расширяютъ, какъ всякая мораль съ прогрессомъ культуры, болѣе и болѣе свою область. Они возникаютъ въ тѣсныхъ рамкахъ первобытнаго общества въ то время, какъ въ отношеніяхъ его къ окружающему еще господствуетъ постоянное, хаотическое, боевое положеніе. Лишь только, хотя бы на время, выработаются мирныя сношенія съ сосѣдними обществами или орда раздѣлится подъ вліяніемъ экономическихъ условій, не доходя до полнаго отчужденія, твердыя формы обычая регулируютъ немедленно новыя отношенія и даютъ имъ устойчивость и продолжительность. Обычаи до извѣстной степени представляютъ собою общую питательную почву, изъ которой вырастаютъ формы государства, права, религіи и законы морали.

Мы сравнили выше нравы и обычаи съ твердой скорлупой, которая покрываетъ общественное тѣло, поддерживая и защищая его какъ панцырь около мягкаго тѣла моллюска. Такой панцырь въ зависимости отъ питанія и другихъ особенностей природы существа можетъ быть не только слабѣе или крѣпче; онъ можетъ быть простъ и соотвѣтствовать прямымъ цѣлямъ или диковинно и фантастически сформированъ и окрашенъ. И обычаи имѣютъ тенденцію при благопріятныхъ условіяхъ р о с к о ш н о р а з р а с т а т ь с я и выпускать оригинальные и лишніе отпрыски, особенно въ изолированныхъ условіяхъ существованія, тогда какъ подъ вліяніемъ дѣятельной и сознательной жизни они упрощаются. Лишь только сила, затрачиваемая на сохраненіе обычныхъ формъ этикета, находитъ лучшее примѣненіе, пустыя раздутыя формы его исчезаютъ и сохраняются однѣ упрощенныя правила, дѣйствительно облегчающія сношенія. Въ силу этого народами, у которыхъ обрядности разрастаются съ наибольшей пышностью, являются не культурные или прогрессирующіе, а первобытные и рядомъ съ ними бывшія когда-то культурными, впавшіе въ застой и сохраняющіе энергію лишь для выработки формализма, какъ китайцы.

При р а з д ѣ л е н і и о б ы ч а е в ъ на группы, необходимыя для упрощенія обзора, рекомендуется переходить отъ простого къ сложному. Слѣдуетъ, стало быть, прежде всего указать обычаи, которые соотвѣтствуютъ явленіямъ повседневной жизни, прежде всего привѣтствія при встрѣчѣ, обычаи при ѣдѣ и питьѣ и т. п. Потомъ будетъ слѣдовать важная группа обычаевъ, которые относятся къ болѣе рѣдкимъ, но также повторяющимся явленіямъ жизни—рожденію, возмужалости, сватовству, свадьбѣ, смерти и погребенію, которые по большей части имѣютъ торжественный характеръ, къ нимъ естественно примыкаютъ обычаи и празднества, которые имѣютъ отношеніе къ жизни природы и хозяйству, повороту солнца и началу весны, посѣву, жатвѣ, рыбной ловлѣ, охотѣ и скотоводству. Наконецъ найдутъ свое мѣсто обычаи международныхъ сношеній, если только здѣсь можно примѣнить этотъ громкій терминъ — предписанія для посольствъ, торговыхъ союзовъ, заключеніе войны и мира и другіе сюда относящіеся. Уже этотъ обзоръ показываетъ, что многихъ изъ этихъ обычаевъ лучше коснуться въ связи съ другими вопросами, а здѣсь удовольствоваться бѣглыми указаніями.

Прежде всего нашего вниманія заслуживаютъ ф о р м ы п р и в ѣ т с т в і я и вѣжливости, употребляемыя въ повседневной жизни, а также формы обращенія съ высокопоставленными людьми. Ихъ можно раздѣлить на п р и в ѣ т с т в е н н ы я д в и ж е н і я и п о з ы, съ одной стороны (см. рис. на стр. 176),

и привѣтственныя выраженія, съ другой, хотя оба рода привѣтствій употребляются обыкновенно вмѣстѣ. Многія привѣтствія коротки и просты, другія длинны и состоятъ изъ многихъ отдѣльныхъ дѣйствій и формулъ, такъ что можно было бы сдѣлать предметомъ отдѣльнаго изученія безцѣльное и чрезмѣрное размноженіе привѣтственныхъ обычаевъ. Какое различіе между сухимъ „добрый день“ европейца, связаннымъ развѣ только со снятіемъ шляпы, и безконечными церемоніями недовѣрчиваго тубу, какъ его рисуетъ Нахтигаль. Его сообщеніе можно привести какъ доказательство того, что сложные обычаи первобытныхъ народовъ невозможно излагать въ дальнѣйшемъ съ такой подробностью. Нахтигаль, въ караванѣ котораго находился одинъ тубу, по имени Колокёми, разсказываетъ, какъ приблизился къ нему другой тубу, и произошла церемонія привѣтствій между двумя соплеменниками, которые не знали другъ друга. „Такъ какъ онъ (чужакъ) былъ одинъ, разсказываетъ Нахтигаль, то Колокеми, успокоившись, сдѣлалъ необходимый для привѣтствія туалетъ, т. е. позаботился, чтобы изъ всего лица остались видны только одни глаза, а все остальное закуталъ матеріей чалмы, взялъ копье, стрѣлы и вышелъ навстрѣчу къ чужаку, который, держа верблюда на длинномъ поводу, теперь также передвинулъ черезъ носъ кверху свое покрывало. На разстояніи шести шаговъ они согнулись одинъ передъ другимъ, держа въ одной рукѣ опущенное къ землѣ копье, въ другой стрѣлы, и совершили торжественный актъ многословнаго привѣтствія. Колокеми началъ съ вопроса о здоровьѣ чужака, говоря попеременно то „Лахайкенаго“, то „Лаханикуни“ или „Киллахани“, а тотъ отвѣчалъ „лаха“ или „килха“. Послѣ того, какъ эти вопросы и отвѣты были повторены разъ двѣнадцать, Колокеми громко закричалъ: „Ихилла“, чужакъ отвѣчалъ тѣмъ же. Затѣмъ послѣдовало взаимное повтореніе этого привѣтствія, которое своей продолжительностью встревожило насъ. Звуча сначала во всю силу мужского голоса, слово „Ихилла“ падало постепенно въ нисходящей гаммѣ до глухого неразборчиваго бормотанья и все это продѣлывалось съ такой серьезностью, что непосвященный могъ бы вообразить, что онъ присутствуетъ при какой-то важной церемоніи, а не при простомъ обмѣнѣ привѣтствій. Когда они дошли до самыхъ низкихъ звуковъ своего горла и голосъ началъ замирать въ тихомъ рокотаньи, одинъ изъ двухъ снова испустилъ громкое, высокое „Лаха“ и „Ихилла“ опять прошло черезъ всю гамму звуковъ. При этомъ пріятели, казалось, не обращали ни малѣйшаго вниманія другъ на друга, рѣдко взглядывали одинъ на другого и какъ будто намѣренно обращали взоръ въ даль, или смотрѣли передъ собою въ землю. Послѣ нѣкотораго времени начались безконечныя варіаціи вопроса „какъ поживаешь“, прерывавшіяся отвѣтомъ

Привѣтственный поклонъ у японцевъ. По фотографіи. См. текстъ на стр. 175

„хорошо“ или „мирно“ и только къ концу привѣтственнаго акта къ стереотипнымъ вопросамъ и отвѣтамъ примѣшались новые вопросы относительно того, откуда и куда совершается путешествіе того и другого, о дѣлахъ страны, о состояніи ближайшихъ колодцевъ. Потомъ опять вернулись къ „ихилла“, но его повторенія становились все короче, пока, наконецъ, перевѣсъ не получилъ обычный разговоръ, и привѣтственныя формулы прекратились“.

Къ счастію, такія чудовищныя привѣтствія составляютъ исключеніе, но недовѣріе, которое высказывается въ этой длинной церемоніи, типично для многихъ привѣтственныхъ актовъ первобытныхъ народовъ, и оно проявляется не только относительно незнакомыхъ, но и относительно друзей, которые долгое время не видались. Въ послѣднемъ случаѣ обнаруживается страхъ предъ привидѣніями: злой духъ могъ принять видъ друга или другъ могъ погибнуть и явиться какъ привидѣніе. Эта опасность предупреждается по большей части обычаемъ, предписывающимъ прибывшему молча сѣсть въ нѣкоторомъ отдаленіи и только постепенно приближаться и, наконецъ, вступать въ разговоръ. У бразильскихъ лѣсныхъ племенъ, напротивъ, гости съ криками и шумомъ оружія врываются въ деревню хозяевъ, которые ихъ также встрѣчаютъ вооруженные и съ криками, пока изъ криковъ не выясняется, что это не какіе-нибудь необыкновенные духи хотятъ пробраться въ домъ, а обыкновенные люди, посѣтители. Многіе сдѣлавшіеся непонятными, привѣтственные обычаи и формулы можно объяснить этимъ же воззрѣніемъ; по словамъ Ледерери, у сіуксовъ каждый гость, будь онъ врагъ или другъ, сначала заковывается въ цѣпи; напротивъ, другіе обычаи, хотя и позволяютъ предполагать подобное же, скорѣе представляютъ остатокъ первобытнаго воззрѣнія, что у чужака нѣтъ ни рода ни племени и его лучше всего убивать. Сюда относятся замѣчательныя „привѣтственныя дуэли“ эскимосовъ, о которыхъ разсказываетъ Боасъ. „Если какой-нибудь неизвѣстный чужестранецъ приходитъ въ деревню, его встрѣчаютъ съ великимъ торжествомъ. Жители выстраиваются въ рядъ, и одинъ стоитъ передъ фронтомъ. Чужакъ приближается къ нему медленно со скрещенными руками и склоненной на правую сторону головой. Обыватель деревни ударяетъ его изо всей силы по щекѣ и въ свою очередь сгибаетъ голову, чтобы принять ударъ чужеземца. Во время этой церемоніи остальные мужчины танцуютъ и пляшутъ. Такъ продолжается пока одинъ изъ борцовъ, обезсилѣвъ, не упадетъ на землю... Эти поединки бываютъ иногда опасны, такъ какъ побѣдитель имѣетъ право умертвить противника; но обыкновенно они кончаются миромъ“.

Тайлоръ и Лингъ Ротъ уже предприняли классификацію формъ привѣтствій, но она еще нуждается въ дополненіи. Въ сущности это есть языкъ жестовъ и минъ, которые должны рѣзко выражать опредѣленное настроеніе и въ большинствѣ случаевъ дополняется словами и звуками. Къ первой группѣ мы должны отнести привѣтствія, которыя выражаютъ расположеніе и дружественное единеніе — прежде всего наиболѣе извѣстныя и распространенныя рукопожатія и потрясаніе рукъ. Въ Западной Африкѣ къ нему часто присоединяется щелканье пальцами. Символомъ интимнѣйшей дружбы является объятіе, служащее въ средней Азіи и Австраліи любимѣйшей формой привѣтствія. Поцѣлуй, излюбленный преимущественно въ сферѣ европейской культуры, выражаетъ почти физическое расположеніе, и имѣетъ свои параллели въ треніи носовъ у океанійцевъ, которое означаетъ едва ли что-нибудь другое, какъ не обнюхиваніе, въ то время, какъ поцѣлуй является облагороженной формой облизыванія. На Фиджи, по извѣстіямъ Ст. Джонсона, берутъ руку привѣтствуемаго и обнюхиваютъ ее. Другой формой нѣжнаго прикосновенія является поглаживаніе друга, которое встрѣчается у айновъ рядомъ съ другими формами. На большомъ разстояніи мѣсто прикосновеній засту-

паютъ дружескіе кивки, хлопанье въ ладоши и т. п. Нельзя однако раздѣлять вмѣстѣ съ Гаррикомъ Мэллери всѣ привѣтствія на двѣ категоріи привѣтствія посредствомъ прикосновенія и безъ него.

Гдѣ общество распадается на различные слои, часто дружескія привѣтствія оказываются уже недостаточными: чувства, которыя стремится выразить въ своемъ привѣтствіи низшій высшему, уже не дружба и благорасположеніе, а смиреніе, преданность и уваженіе. Простѣйшая и наиболѣе излюбленная форма,—сокращаніе своей фигуры согнутіемъ спины, колѣнопреклоненіемъ, присѣданіемъ и паденіемъ въ ноги. По большей части эта форма до извѣстной степени встрѣчается во всякомъ привѣтствіи. Очень обычны символическія дѣйствія, которыя должны указывать на безоружность, бѣдность, слабость и униженіе. Восточный человѣкъ изображаетъ изъ себя безоружнаго, скрещивая руки на груди или поднимая ихъ раскрытыми вверхъ; кафръ выражаетъ свое униженіе и безпомощность тѣмъ, что посыпаетъ себѣ голову пылью или пачкается грязью. Такъ какъ богатая и хорошая одежда указываетъ на знатность, а частичная нагота на бѣдность и низшее соціальное положеніе, то многія формы привѣтствій вытекаютъ изъ частичнаго обнаженія тѣла: европеецъ снимаетъ шляпу, западно - африканскій негръ обнажаетъ плечи и верхнюю часть тѣла; азіатъ снимаетъ обувь. Иногда это воззрѣніе приходитъ въ противорѣчіе съ требованіями приличія, которыя предписываютъ закутываніе. Въ такихъ случаяхъ это послѣднее является составной частью привѣтствія, какъ въ привѣтственныхъ церемоніяхъ тубу. Это уже переходъ къ другимъ формамъ привѣтствія, при которыхъ привѣтствуемый разсматривается, какъ нѣчто священное, недоступное, которое можно осквернить даже взглядомъ. Отсюда вытекаетъ обычай при встрѣчѣ съ высокопоставленными лицами сходить съ дороги прятать или отворачивать лицо, или склонять голову къ землѣ, или поворачиваться спиной (рис. стр. 178). Формой привѣтствія выражаются и отношенія данниковъ къ своимъ сюзеренамъ, подносятся настоящіе или символическіе дары; при привѣтствованіи древне-персидскихъ великихъ царей всегда нужно было, по словамъ Геродота, подносить подарки; при случайныхъ встрѣчахъ крестьянинъ не могъ поднести ничего другого, какъ пригоршню воды.

Поклонъ женщинъ племени Фульбе, Суданъ. По Пассаржу. См. текстъ ниже.

Третья группа привѣтствій отмѣчена мистическимъ характеромъ, и цѣль ихъ—оборона отъ злыхъ духовъ, которые именно при радостной встрѣчѣ могутъ вмѣшиваться и причинять вредъ. Всего яснѣе это повѣрье проявляется въ плевкахъ или вытираніяхъ слюной, которымъ вслѣдствіе какой-то своеобразной связи идей приписываютъ цѣлебную силу. Относится ли къ умиротворенію демоническихъ враговъ обычай плакать при дружественной встрѣчѣ, или онъ имѣетъ психологическія основанія,

остается нерѣшеннымъ; этотъ обычай существуетъ на Андаманскихъ островахъ, въ Австраліи, на Новой Зеландіи и другихъ странахъ Южнаго Океана. Привѣтственнымъ жестамъ соотвѣтствуютъ привѣтственныя слова. И они выражаютъ дружеское расположеніе, уваженіе, преданность; чаще всего они представляютъ параллель къ вышеупомянутой третьей группѣ и состоятъ изъ благопожеланій, на которыя получается соотвѣтственный отвѣтъ. Это мы видимъ чаще всего въ прощальныхъ привѣтствіяхъ. Благодаря большей выразительности устной рѣчи по сравненію съ мимикой, соотвѣтствующія словесныя формулы содержатъ и болѣе подробно выраженныя мысли, что особенно сказывается въ вопросахъ о здоровьѣ, выраженіяхъ удовольствія отъ встрѣчи, на которые должны слѣдовать обычные отвѣты и встрѣчные вопросы. На привѣтственныхъ жестахъ и словахъ легче всего можно наблюдать характерную черту всѣхъ формъ и обычаевъ обращенія къ людямъ, именно стремленіе сокращать формы и изъ настоящихъ дѣйствій дѣлать символы, смыслъ которыхъ часто очень скоро забывается Какъ изъ нашей первоначальной формулы по нѣмецки: „Ich wünsche dir einen guten Morgen" („желаю тебѣ добраго утра") въ устахъ многихъ получается совершенно безсмысленное „Morgen" („утро"), такъ въ другихъ случаяхъ посыпаніе пылью выражается простымъ прикосновеніемъ къ землѣ и т. д. Естественно, что сокращать начинаютъ вышестоящіе, и это сокращеніе соотвѣтствуетъ подъему низшихъ классовъ, т. е. важному культурному движенію, когда они и принимаютъ эти сокращенныя формы.

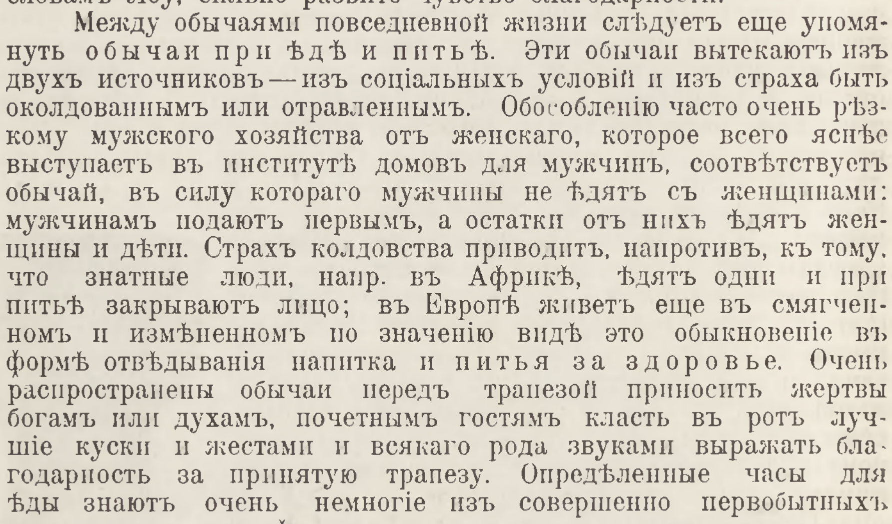

Горшокъ для варки пищи у племени Бали. Камерунъ. По фотографіи.

Привѣтственныя формулы переходятъ сами собой въ благодарственныя, такъ какъ тѣ и другія часто сходны, и многія привѣтствія состоятъ изъ выраженій благодарности за полученное пожеланіе. Благодарственныя жесты и слова болѣе соотвѣтствуютъ второй и третьей группамъ привѣтствій, выражаютъ преданность и добрыя пожеланія.

Ихъ можно было въ достаточной степени характеризовать однимъ этимъ замѣчаніемъ, если бы здѣсь не представлялось наиболѣе умѣстнымъ упомянуть, что благодарность, какъ выраженная въ словахъ форма сношеній, не составляетъ общаго достоянія человѣчества, хотя чувство благодарности нигдѣ не можетъ быть совершенно неизвѣстнымъ. Люмгольцъ рѣшительно утверждаетъ относительно австралійцевъ Квинслэнда, что среди нихъ не можетъ быть рѣчи о благодарности за полученное благодѣяніе, и у амурскихъ гиляковъ Шренкъ не нашелъ ни слова „благодарю", ни какихъ-либо выраженій благодарности [1]. Число этихъ примѣровъ можно было бы значительно увеличить; но они не покажуться намъ странными если мы примемъ во вниманіе общественные порядки, изъ которыхъ они вытекаютъ. Въ первобытномъ обществѣ, въ которомъ все общее и каждый самъ по себѣ имѣетъ безъ всякихъ околичностей долю въ добычѣ другого, благодарность излишня и безсмысленна. Все, что уступается изъ скудной первобытной собственности, или вымѣнивается, или дается съ опредѣленнымъ намѣреніемъ, или дарится изъ тщеславія, не вызываетъ первоначально ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ благодарности: если она пробуждается, то

[1] У болѣе развитого, полукультурнаго народа, имѣющаго свою литературу, у монголовъ, также нѣтъ слова, соотвѣтствующаго глаголамъ, выражающимъ благодарность, хотя система привѣтствій имѣется весьма сложная. То же мы замѣчаемъ и у многихъ другихъ сибирскихъ инородцевъ. Это подало нѣкоторымъ поводъ утверждать, что и самое чувство благодарности неизвѣстно этимъ народамъ. У монголовъ вмѣсто прямой благодарности въ этихъ случаяхъ отвѣчаютъ благопожеланіями. Ред.

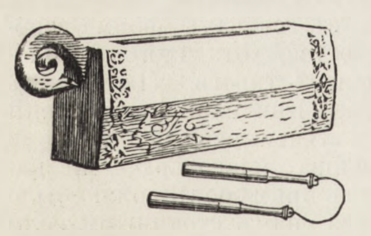
проявляется скорѣе въ общемъ отношеніи, чѣмъ въ опредѣленныхъ жестахъ и формулахъ. И у низшихъ классовъ культурныхъ народовъ часто наблюдается рядомъ съ готовностью къ взаимной помощи и даже самопожертвованію чрезвычайно мало выраженій формальной благодарности. Эта послѣдняя развивается, напротивъ, какъ важная форма обращенія, у отдѣльныхъ менѣе культурныхъ народовъ часто до излишества, какъ, напр., у нѣкоторыхъ западно-африканскихъ племенъ. И у даяковъ, по словамъ Лоу, сильно развито чувство благодарности.

Ложка изъ тыквы съ деревяннымъ рѣзнымъ черенкомъ. Изъ Вадумбо, Вост. Африка. См. текстъ рядомъ.

Между обычаями повседневной жизни слѣдуетъ еще упомянуть обычаи при ѣдѣ и питьѣ. Эти обычаи вытекаютъ изъ двухъ источниковъ — изъ соціальныхъ условій и изъ страха быть околдованнымъ или отравленнымъ. Обособленію часто очень рѣзкому мужского хозяйства отъ женскаго, которое всего яснѣе выступаетъ въ институтѣ домовъ для мужчинъ, соотвѣтствуетъ обычай, въ силу котораго мужчины не ѣдятъ съ женщинами: мужчинамъ подаютъ первымъ, а остатки отъ нихъ ѣдятъ женщины и дѣти. Страхъ колдовства приводитъ, напротивъ, къ тому, что знатные люди, напр. въ Африкѣ, ѣдятъ одни и при питьѣ закрываютъ лицо; въ Европѣ живетъ еще въ смягченномъ и измѣненномъ по значенію видѣ это обыкновеніе въ формѣ отвѣдыванія напитка и питья за здоровье. Очень распространены обычаи передъ трапезой приносить жертвы богамъ или духамъ, почетнымъ гостямъ класть въ ротъ лучшіе куски и жестами и всякаго рода звуками выражать благодарность за принятую трапезу. Опредѣленные часы для ѣды знаютъ очень немногіе изъ совершенно первобытныхъ народовъ, которые ѣдятъ, когда можно — „что попало въ руки — то въ ротъ“. Вообще же обыкновенно практикуется естественный порядокъ: утромъ легкій завтракъ, обѣдъ въ полдень и ужинъ вечеромъ, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ наблюдаются большія различія — напр., выпускается полдневная ѣда.

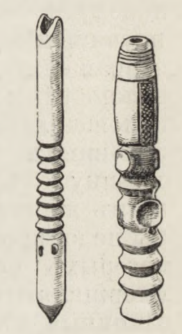
Безконечное количество обычаевъ, предписаній, запрещеній относятся къ другимъ мелкимъ явленіямъ жизни; они составляютъ своего рода народную философію и удивительное преддверіе науки, которая изслѣдуетъ причины явленій и изъ ихъ познанія стремится извлечь законы. Первобытный человѣкъ, подавленный страхомъ передъ безчисленными невѣдомыми опасностями, пробирается впередъ ощупью, шагъ за шагомъ, съ тревогой присматриваясь къ разнымъ знаменіямъ, предвѣщающимъ удачу или неудачу; каждый дѣйствительный или кажущійся опытъ врѣзывается въ его память до тѣхъ поръ, пока масса правилъ и предписаній не начнетъ удручать его. Въ опасныхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ часто предписанія выростаютъ до чудовищныхъ размѣровъ; воинъ, больной, беременная женщина должны мучительно остерегаться каждаго своего дѣйствія, чтобы не нарушить какого-либо предписанія и тѣмъ самымъ не навлечь на себя бѣду. Борьба, которую ведетъ личность противъ стѣсняющихъ ее узъ общества, направляется по большей части противъ этого запутаннаго комплекса окостенѣвшихъ и сдѣлавшихся безсмысленными правилъ. Но какъ стойки эти правила, показываетъ тотъ фактъ, что ихъ любятъ и ихъ держатся въ массѣ культурныхъ народовъ; стоитъ только припомнить тѣ суевѣрія, которыя связаны съ прибылью и убылью луны, предписаніемъ не смотрѣть на беременную женщину, съ рождественскими и пасхальными обычаями и цѣлой, такъ называемой, „бабьей философіей“. При этомъ обыкновенно дѣло идетъ

Деревянный барабанъ. Изъ Саравака, Сѣв. Борнео. По Лингъ Роту.

о мелкихъ и мелочныхъ правилахъ, которымъ слѣдуютъ почти неукоснительно.

Съ значеніемъ явленій вырастаютъ и формы; обычаи, сопровождающіе крупные, поворотные моменты бытія, рожденіе, возмужаніе, бракъ и смерть, обращаются въ организуемые на большую ногу праздники, изъ которыхъ каждый распадается на многочисленные, точно регулированные моменты. Траурные обычаи, сопровождающіе погребеніе, также легко пріобрѣтаютъ устойчивый характеръ. Путемъ преобразованія первоначально цѣлесообразныхъ обычаевъ развиваются тризны, траурные танцы и раздача подарковъ. Въ шумной музыкѣ (см. рис. на стр. 180 и ниже) и танцахъ никогда не бываетъ недостатка на праздникахъ. Празднество можно опредѣлить, какъ крупное и регулированное массовое выраженіе чувства. Выработанная, неизмѣнная и въ то же время имѣющая видъ бурнаго взрыва форма этого выраженія особенно соотвѣтствуетъ неровной, колеблющейся между апатіей и рѣзкими вспышками энергіи, душевной жизни низшихъ расъ. Вслѣдствіе этой существенной черты многія празднества принимаютъ разрушительный, противный культурѣ характеръ, въ особенности празднества въ честь усопшихъ, при которыхъ дремлющая въ каждомъ человѣкѣ страсть къ разрушенію возбуждается для ослабленія скорби.

Деревянныя дудки племени Ленду. Центральная Африка. По Штульману См. текстъ выше.

Обычаи и предписанія, которыя группируются около рожденія ребенка, чрезвычайно разнообразны и получаютъ силу одновременно съ началомъ беременности. По существу, не говоря, конечно, о рѣдкихъ случаяхъ, когда потомство нежелательно, они имѣютъ цѣлью благо ребенка и представляютъ родъ первобытной гигіены, которая идетъ большей частью отъ ложныхъ предположеній къ ложнымъ выводамъ. Мать обыкновенно должна воздерживаться отъ извѣстныхъ кушаній, съ другой стороны, придается большое значеніе тому, чтобы удовлетворять ея часто странныя прихоти; множество мистическихъ операцій имѣютъ цѣль заранѣе опредѣлить полъ ребенка или заблаговременно обезпечить благополучный ходъ родовъ. Отецъ ребенка также долженъ подчиняться извѣстнымъ правиламъ.

Къ этой группѣ гигіеническихъ предписаній присоединяются часто другіе, источникъ которыхъ коренится въ страхѣ передъ смертью. Мать и ребенокъ находятся въ моментъ родовъ несомнѣнно въ опасности, въ одинаковомъ положеніи съ тяжело больными. Какъ серьезно больного удаляютъ изъ жилья, чтобы его духъ не остался въ домѣ и не сталъ тревожить живыхъ, такъ часто и родильницу заставляютъ искать прибѣжище гдѣ-нибудь на сторонѣ. Вслѣдствіе суевѣрныхъ представленій, пишетъ Шренкъ, которыя у гиляковъ и у всѣхъ народовъ главнымъ образомъ связаны съ рожденіемъ и смертью людей, женщина, въ тотъ моментъ, когда она больше всего нуждается въ уходѣ и бережномъ обращеніи — во время родовъ и въ слѣдующіе за ними дни—удаляется безжалостно, не взирая на вѣтеръ и непогоду, изъ дома. Этому безчеловѣчному обычаю Шренкъ основательно приписываетъ отчасти медленный приростъ населенія гиляковъ. У очень многихъ народовъ умѣреннаго и тропическаго поясовъ, гдѣ актъ рожденія совершается въ лѣсу или на морскомъ берегу, послѣдствія менѣе серьезны. Къ этому же роду предписаній относятъ подобныя имъ по своимъ послѣдствіямъ другія, исходящія изъ представленій о томъ, что мать и ребенокъ сначала бываютъ нечисты. Обычай древнихъ индусовъ устраивать особый родильный домъ въ нѣкоторомъ отдаленіи относится къ тому же порядку воззрѣній. Отдѣльныя хижины такого рода встрѣчаются у народовъ всѣхъ частей свѣта; соотвѣтственно этому многочисленны и тѣ церемоніи, при помощи которыхъ очищаются мать и ребенокъ прежде, чѣмъ они могутъ пріити въ соприкосновеніе съ родичами.

Между очистительными актами, которые по существу представляютъ собою символическія выраженія очищенія тѣла, крещеніе новорожденныхъ пріобрѣло важность потому, что принято европейскими культурными народами въ серію религіозныхъ дѣйствій, которыми санкціонируется вступленіе въ христіанское общество и съ крещеніемъ же связано нареченіе имени. Однако очищеніе водою сильно распространено и у нехристіанскихъ народовъ. Такимъ же образомъ и другія дѣйствія, которыя первоначально преслѣдовали интересы здоровья, могли получить мистическое толкованіе, какъ это показалъ на цѣломъ рядѣ обычаевъ Плоссъ. Онъ называетъ слѣдующіе обычаи: мазаніе ребенка масломъ или саломъ, очищеніе тѣла ребенка солью, окуриваніе табакомъ, который у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ служитъ универсальнымъ лѣкарствомъ и въ торжественной формѣ предоставляется новорожденному, наконецъ, помазаніе слюной.

Плоссъ изслѣдовалъ и другіе обычаи при родахъ съ цѣлью раскрыть ихъ цѣль и причины. Въ числѣ мотивовъ онъ перечисляетъ радость по поводу появленія на свѣтъ новаго отпрыска, торжественное признаніе и посвященіе ребенка, какъ члена семьи, призывъ охраняющихъ силъ для отвращенія несчастія и для испрошенія счастья въ будущемъ. Отъ той важности, которая приписывается увеличенію народа, и отъ общественнаго положенія семьи новорожденнаго зависитъ, выростутъ ли на почвѣ этихъ основныхъ воззрѣній сложныя группы обычаевъ или нѣтъ? Принятіе въ общину слѣдуетъ не сейчасъ, и къ естественнымъ опасностямъ, угрожающимъ жизни ребенка, присоединяются соціальныя: на близнецовъ смотрятъ съ недовѣріемъ, и по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ устраняется; дѣти, у которыхъ необычнымъ порядкомъ рѣжутся зубы, считаются опасными и умерщвляются; той же участи въ другихъ мѣстахъ подвергаются всѣ незаконныя дѣти, альбиносы или метисы.

Можетъ быть, самымъ оригинальнымъ изъ обычаевъ, связанныхъ съ родами, является обычай Кувады, или родовъ мужчины, который въ своихъ крайнихъ формахъ является смѣшной и неразрѣшимой загадкой, а въ дѣйствительности составляетъ только странный выродокъ широко распространенныхъ воззрѣній, получившій новую мотивировку благодаря вторичнымъ мотивамъ. Въ самой Европѣ, у басковъ, держится еще обычай, въ силу котораго мужъ послѣ рожденія ребенка ложится и принимаетъ поздравленія друзей, въ то время какъ жена, какъ ни въ чемъ не бывало, принимается вновь за хозяйство. Въ объясненіяхъ оригинальнаго явленія нѣтъ недостатка; была даже попытка совершенно отрицать самый фактъ.

Кувада служитъ какъ разъ превосходнымъ примѣромъ того, что подобные факты не поддаются обыкновенно объясненіямъ, которыми пытаются истолковать всевозможные случаи. Необходимо дѣлать различіе между первичной причиной, которая можетъ быть безразлична по природѣ, и мотивами, поддерживающими или совершенно замѣняющими первую причину, и отъ нихъ въ свою очередь отдѣлить позднѣйшіе, часто въ высокой степени нелѣпыя объясненія ставшихъ непонятными обычаевъ. Первой причиной участія мужчины въ родахъ слѣдуетъ считать воззрѣнія, по которымъ обоимъ родителямъ, и прежде всего матери, предписываютъ опредѣленныя правила поведенія и діэту. Если принять далѣе въ разсчетъ тѣ воззрѣнія, въ силу которыхъ родильница удаляется изъ жилища, то станетъ понятнымъ тотъ путь, которымъ отецъ дошелъ до того, что въ концѣ концовъ сдѣлался единственнымъ исполнителемъ тѣхъ охранительныхъ и этическихъ предписаній, которыхъ не могла осуществить мать въ своемъ неудобномъ мѣстопребываніи. Вспомогательнымъ мотивомъ могло иногда являться желанье ввести въ заблужденіе угрожающихъ родительницѣ невидимыхъ враговъ, положивши на постель вмѣсто нея мужа.

Важное соціологическое значеніе кувада пріобрѣтаетъ, какъ показалъ

Бастіанъ, въ тотъ періодъ, когда матріархатъ начинаетъ переходить въ патріархатъ; другими словами, когда возникаетъ вопросъ, къ отцовской или къ материнской семьѣ должны принадлежать дѣти; торжественными родами отецъ доказываетъ, что новорожденный составляетъ часть его самого и потому принадлежитъ ему. Разъ укоренившійся обычай долго держится послѣ того, когда были забыты всѣ причины его вызвавшія и постепенно обращается въ безразличный обычай (привычку).

Вскорѣ за рожденіемъ слѣдуетъ нареченіе имени. У культурныхъ народовъ Европы встрѣчаются обыкновенно два имени, изъ которыхъ одно является именемъ отца или при незаконныхъ рожденіяхъ — именемъ матери, а другое или многія другія предоставляются выбору родителей. У первобытныхъ народовъ такъ же часто встрѣчается по нѣскольку именъ, но въ остальныхъ отношеніяхъ порядки такъ принципіально различны, что ихъ нужно подвергнуть ближайшему разсмотрѣнію.

Прогрессъ культуры, который обозначается введеніемъ имени, имѣетъ неизмѣримую важность: въ немъ впервые проявляется сознаніе, что отдѣльная личность стоитъ рядомъ съ обществомъ, какъ самостоятельное и самознающее существо, однимъ словомъ какъ индивидуумъ, а все болѣе и болѣе опредѣляющееся обособленіе индивидуума отъ народной массы мы признаемъ основной чертой всякаго культурнаго развитія. Этотъ прогрессъ осуществился когда-то очень давно; народовъ, не знающихъ личныхъ именъ, нѣтъ болѣе; этотъ шагъ впередъ тѣсно связанъ съ возникновеніемъ языка. Какъ всѣ нововведенія, и это едва ли совершилось легко и безъ сопротивленія; собственное имя было прежде всего нѣчто серьезное, признакъ горделиваго самопризнанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно заключало въ себѣ мистическую силу. И теперь еще многимъ первобытнымъ народамъ собственное имя человѣка не представляется само собою понятнымъ и по существу безразличнымъ аттрибутомъ, но частью его существа, даже его жизненной силы. Кто знаетъ имя человѣка, тотъ обладаетъ властью надъ нимъ; опасны прежде всего имена мертвыхъ; они вызываютъ усопшихъ на землю и они побуждаютъ этихъ послѣднихъ, потревоженныхъ въ своемъ покоѣ, къ мстительнымъ дѣяніямъ. И живые не любятъ, чтобы ихъ имя часто называлось; сверхъестественныя силы и знающіе тайны чародѣйства враги всегда на сторожѣ и готовы злоупотреблять этой неосторожностью. Изъ этого мистическаго воззрѣнія вытекаютъ соотвѣтствующіе обычаи всякаго рода, хотя, конечно, о твердомъ принципѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи; что одному первобытному народу кажется въ высшей степени важнымъ, тѣмъ другой часто пренебрегаетъ. Съ именами дѣтей происходитъ въ извѣстномъ смыслѣ то же самое, что съ игрушками; тѣ же самыя куклы, съ которыми безпечно играютъ дѣти одного племени (см. рис. выше), считаются у другого за сверхъестественные предметы, которые имъ никогда не дадутъ въ руки. Въ этихъ противоположеніяхъ сказывается односторонность развитія [1].

Куклы акуднирміутовъ-эскимосовъ. По Ф. Боасу.

[1] Мистическое значеніе имени вообще не только человѣка, но и вещей, представляетъ крайнѣ любопытное явленіе, заставляющее насъ присоединить здѣсь къ сказанному нѣсколько фактовъ изъ русскихъ источниковъ, которыми очень мало пользуется авторъ. У якутовъ для каждой вещи имѣются двоякія названія: домашнія и дорожныя; въ дорогѣ среди новой обстановки, враждебныхъ и незнакомыхъ, невѣдомыхъ силъ якутъ остерегается называть вещи обыкновенными именами—топоръ, напр., называется дятломъ и т. д. Во время экспедицій по Сибири и Монголіи на вопросы, какъ называется та или иная рѣка, гора или другое урочище, туземецъ часто отвѣчаетъ—погоди, когда отъѣдемъ на два дня отъ этого мѣста, тогда скажу. Часто, чтобы отдѣлаться отъ такихъ вопросовъ.

Само по себѣ наиболѣе естественно желаніе дать ребенку высокопарное или ласкательное имя, но иногда это естественное стремленье преодолѣвается страхомъ раздражить этимъ духовъ и боговъ и выбираютъ презрительныя и ненавистныя клички, напр. въ Сіамѣ обычны для дѣтей въ первые годы жизни презрительныя названія: собака, свинья, піявка. Этимъ же соображеніямъ соотвѣтствуетъ широко распространенный обычай при опредѣленныхъ обстоятельствахъ мѣнять имя грудному младенцу, давать временное предварительное имя, а настоящее въ первой порѣ зрѣлости.

Унаслѣдованіе именъ часто встрѣчаетъ препятствія, есть первобытные народы, которые обыкновенно называютъ дѣтей именемъ дѣда или ближайшаго умершаго родственника; другіе, какъ большая часть меланезійцевъ, избѣгаютъ не только именъ усопшихъ — особенно людей вліятельныхъ — но даже выбрасываютъ соотвѣтствующія слова изъ языка, который вслѣдствіе этого постепенно измѣняется въ отношеніи лексическаго состава. И при жизни считается величайшимъ неприличіемъ спросить объ имени. Но гдѣ, какъ у многихъ племенъ Африки, ребенку дается все же имя умершаго, то при этомъ разыгрывается настоящая комедія, цѣлью которой является запугать усопшихъ и отвратить ихъ отъ вредныхъ шутокъ. У макалака, одинъ изъ членовъ семьи, мужчина или женщина, смотря по полу ребенка, разыгрываетъ роль духа умершаго, „мотсимо". При громкихъ крикахъ мотсимо ловятъ и приводятъ его въ хижину новорожденнаго; здѣсь мотсимо моетъ руки, принимаетъ немного пищи и питья и получаетъ подарки отъ женщинъ, которыя танцуютъ вокругъ него; теперь уже примиренный духъ удаляется, и дитя можетъ безъ опасности носить его имя.

Выдѣленіе собственныхъ именъ въ особую группу отъ остального лексикона, повторенія однихъ и тѣхъ же именъ встрѣчается не вездѣ; причина этого, по крайней мѣрѣ отчасти, заключается въ страхѣ передъ именами умершихъ. Такимъ образомъ, у многихъ первобытныхъ народовъ имена оказываются, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, болѣе индивидуальными и болѣе осмысленными, чѣмъ у культурныхъ народовъ, хотя оригинальности отдѣльныхъ названій соотвѣтствуетъ, по большей части, менѣе глубокое содержаніе: имена часто выбираютъ при рожденіи, руководствуясь случайными, ничего не говорящими обстоятельствами: у калмыковъ, напр., отецъ выходитъ изъ палатки и называетъ ребенка по первому попавшемуся на глаза предмету.

Нѣкоторыя изъ этихъ именъ во всякомъ случаѣ являются достойными замѣчанія начатками историческаго преданія, когда въ нихъ закрѣпляется извѣстное важное событіе, напр. голодъ, война, странствованіе и т. п. У многихъ первобытныхъ народовъ появленіе европейцевъ подало поводъ къ нареченію дѣтей соотвѣтствующими именами. Обычай называть дѣтей именами растеній и животныхъ имѣетъ въ свою очередь важное значеніе въ другомъ смыслѣ: повидимому, онъ имѣетъ связь съ происхожденіемъ тотемизма. Далѣе подъ именами мы встрѣчаемъ продукты трезвой, чуждой фантазіи мысли, краткія и мѣткія выраженія народныхъ идеаловъ. Въ другихъ случаяхъ, дѣти просто считаются и называются соотвѣтственно старшинству рожденія — у римлянъ встрѣчаются имена Quintus, Sextus и т. д.

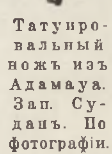
вожакъ изобрѣтаетъ самъ какое-нибудь ничего незначащее названіе—бѣлая гора, веселая рѣка, лысая гора и т. д. Невѣстка у сибирскихъ тюрковъ не смѣетъ произносить имени свекора и старшихъ родственниковъ. Редакторъ этого перевода во многихъ мѣстахъ Сибири извѣстенъ только подъ псевдонимами. Имени медвѣдя не любятъ произносить инородцы, его чаще называютъ дѣдушкой, дядей, чернымъ звѣремъ. Точно также избѣгаютъ произносить у насъ имя дьявола. Нарѣченіе имени новорожденному первымъ встрѣчнымъ, первымъ вошедшимъ въ юрту, домъ и т. д. очень распространено у сибирскихъ инородцевъ. Оно сохранилось и въ Россіи въ приглашеніи „встрѣчнаго кума" въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣти не живутъ. Во многихъ мѣстахъ запрещается давать дѣтямъ имена князей. Имя китайскаго императора держится въ секретѣ. Имена, подъ которыми они извѣстны, не ихъ личныя имена, а названія царствованій. *Ред.*

Въ зап. Африкѣ дѣтямъ даютъ имя по дню недѣли, въ который ребенокъ родился, въ германскихъ именахъ отражается воинственность расы и жажда побѣдъ, въ греческихъ одновременно съ этимъ и склонность къ красивой рѣчи и жизнерадостному настроенію. У первобытныхъ народовъ дитя, какъ по здравому смыслу и должно быть, почти всегда имѣетъ одно имя; если принимается новое, старое слагается. Масса прозваній, которыми надѣляются дѣти въ Европѣ есть въ сущности нелѣпость, которая, конечно, объяснима исторически. Фамильныя имена и у многихъ культурныхъ народовъ имѣютъ относительно позднее происхожденіе и своей замѣчательной запутанностью указываютъ на то, что они обязаны своимъ происхожденіемъ не внутренней естественной эволюціи, но внѣшней необходимости. По существу, конечно, у первобытныхъ народовъ каждое дитя имѣетъ фамильное, точнѣе, родовое имя, но у нихъ не принято соединять его съ личнымъ именемъ: называется ли, напр. чайда, принадлежащій къ роду волка, волкомъ или нѣтъ, это дѣло второстепенное. Превращеніе матріархальнаго рода въ патріархальную семью не остается безъ вліянія на проименованіе, возникаетъ обычай присоединять къ собственному имени имя отца или, какъ у семитовъ, въ видѣ безконечной цѣпи имена всѣхъ предковъ.

Татуировальная игла племени Бакуба, Конго. По фотографіи.

Съ особенной ясностью и послѣдовательностью воплотили римляне въ нареченіе имени матріархальныя и патріархальныя отношенія: въ словахъ Публій, Корнелій, Сципіонъ мы имѣемъ во-первыхъ личное имя, во-вторыхъ имя рода, въ-третьихъ имя отцовской семьи, которая представляетъ подраздѣленіе рода, рядомъ съ этимъ могутъ присоединяться другія прозванія, которыя указываютъ на общественныя заслуги, какъ въ данномъ случаѣ Африканскій. Въ цѣломъ получается родовой списокъ и кратчайшій историческій документъ. Чрезвычайно мало индивидуализированы были, напротивъ, римскія женскія имена, которыя, напоминая о матріархальномъ строѣ, по большей части состояли просто изъ родового имени взятаго въ женскомъ родѣ—Корнелія, Тулія.

Если имена рода и отца позволяютъ намъ бросить взглядъ на великій и продолжительный періодъ жизни общества и потому употребляются въ той или иной формѣ у всѣхъ культурныхъ народовъ, то слѣдуетъ обратить вниманіе и на другой пріемъ, который получаетъ центръ тяжести въ подрастающемъ, подающемъ надежды поколѣніи и отъ него заимствуетъ ближайшее опредѣленіе имени родителей. Обычай называть родителей послѣ того, какъ у нихъ родилось дитя, по дѣтямъ (отецъ или мать NN) имѣетъ немалое распространеніе, особенно въ культурной области малайско-полинезійской. Даже у арабовъ мы находимъ слѣды этого обычая.

Татуировальный ножъ изъ Адамауа. Зап. Суданъ. По фотографіи.

Ввиду большой важности, даже опасности, связываемой съ именемъ, можно предположить, что оно не можетъ быть нарекаемо безъ соблюденія прочно установленныхъ обычаевъ и правилъ, какъ оно и оказывается на самомъ дѣлѣ. Мы уже упоминали о церемоніяхъ крещенія и очищенія, къ которымъ по мѣстамъ присоединяется и церемонія обрѣзанія; хотя послѣдняя собственно принадлежитъ къ обычаямъ, связаннымъ съ возмужалостью, но обыкновенно соединяется съ нареченіемъ имени. Не всегда только родители даютъ имя; иногда къ торжественному акту привлекается глава рода, жрецъ, собирается извѣстное число свидѣтелей, которыхъ конечно не отпускаютъ безъ угощенія и подарковъ. Выборъ имени часто предоставляютъ также колдуну, а другихъ племенъ,—у коряковъ, хондовъ, кафровъ и черемисовъ предоставляютъ искать имя самому ребенку, перебираютъ рядъ именъ и останавливаются на томъ, при которомъ ребенокъ начинаетъ кричать или производить

опредѣленныя движенія. Обыкновенно одновременно съ нареченіемъ имени ребенка его въ первый разъ кормятъ, и собравшіеся не пропускаютъ случая хорошо попировать. Гдѣ держатся развившіяся формы культа, тамъ нарѣченіе имени становится религіознымъ празднествомъ.

Тотчасъ послѣ рожденія или нѣсколько позднѣе ребенокъ получаетъ тѣ тѣлесныя отмѣтки, по которымъ онъ узнается, какъ членъ опредѣленнаго племени, и которыя почти исчезли у культурныхъ народовъ,—таковы проколы въ ушахъ, носу, губахъ или щекахъ, которые позднѣе должны служить для принятія украшеній, татуированные (см. рис. на стр. 185) и нарѣзанные племенные знаки. И эти процессы сопряжены съ празднествами. Другіе способы сдѣлать субъекта болѣе красивымъ, какъ выбиваніе или заостреніе зубовъ, могли выполняться конечно, позднѣе и чаще причисляются къ той группѣ праздничныхъ и мистическихъ установленій, которыя обозначаютъ слѣдующій важный моментъ естественнаго развитія человѣка, время возмужанія.

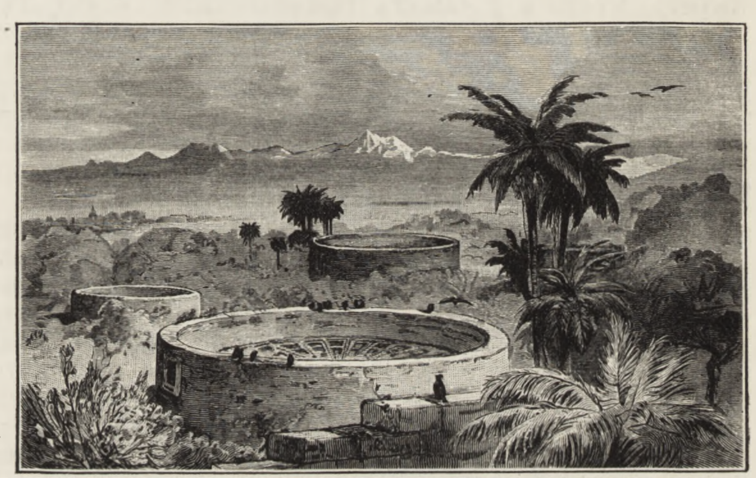
О посвященіхъ мальчиковъ, которыя знаменуютъ мистическимъ образомъ переходъ мальчика въ классъ мужчинъ, было сообщено въ другомъ мѣстѣ. Мысли, что достигшіе половой зрѣлости мальчики становятся одаренными новымъ духомъ, что они даже умерщвляются и возрождаются, выражается въ долгомъ обособленіи молодыхъ людей, въ нареченіи новыхъ именъ и таинственныхъ торжественныхъ празднествахъ. При этомъ представляется поводъ испытать мужество и стойкость юноши всякаго рода мученіями и застращиваніями, положить племенные знаки, предупредить изуродованіями половыхъ органовъ, которое производится у всѣхъ или отдѣльныхъ личностей, слишкомъ сильный приростъ племени и т. д. Въ самомъ ужасномъ видѣ выработалось истязаніе молодыхъ воиновъ у индѣйцевъ-мандановъ въ С.-Америкѣ. Посвященіе дѣвушекъ всегда проходитъ менѣе замѣтно и просто. Однако у многихъ южно-американскихъ индѣйскихъ племенъ и тутъ не обходится безъ мучительныхъ испытаній, а продолжительное, длящееся года заключеніе дѣвушекъ встрѣчается въ С.-Америкѣ и въ Новой Британіи. Къ обрядамъ признанія зрѣлости принадлежитъ въ качествѣ единственнаго упорядоченнаго установленія испытанія въ знаніи разнаго рода искусствъ, преданій и т. д., которыя преподаются возмужалой молодежи, обученіе которой по большей части производится стариками и старухами или жрецами-волшебниками. Это первые зародыши школъ.

Если съ дѣвушками мягко обращаются въ періодъ зрѣлости, то онѣ зато до начала старости подчинены извѣстнымъ обычаямъ, примыкающимъ къ менструаціямъ. Менструирующая женщина считается по большей части нечистой и отдѣляется отъ остального народа, подобно родильницѣ; при возвращеніи она должна подвергнуться опредѣленнымъ очищеніямъ. По мѣстамъ, напр. на Нукуорѣ, для менструирующихъ устраиваются особые дома.

Если въ торжествахъ, связанныхъ съ рожденіемъ и совершеннолѣтіемъ, мы имѣемъ дѣло съ торжественнымъ признаніемъ чисто-естественныхъ явленій, то обычаи, связанные съ заключеніемъ брака, имѣютъ другой характеръ, опредѣляемый преимущественно соціальными вліяніями. Само по себѣ, конечно, соединеніе двухъ лицъ различныхъ половъ представляетъ явленіе совершенно естественное и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высокой степени важное для продолженія народнаго существованія; но намъ нужно только вспомнить первобытныя формы свободныхъ половыхъ отношеній свободнаго брака для того, чтобы оцѣнить бракъ, какъ преимущественно соціальное явленіе, которое не всегда совпадаетъ съ началомъ половой жизни; скорѣй только установленіе брака ведетъ къ тому, что по крайней мѣрѣ въ принципѣ возникаетъ борьба противъ половой разнузданности. Эта разнузданность однако является необходимымъ спутникомъ матріархальнаго строя, на мѣсто котораго одновременно съ возрастающей важностью

брака становится патріархальная семья. Свободныя половыя отношенія между членами различныхъ родовъ остаются безъ послѣдствій до тѣхъ поръ, пока дѣти принадлежатъ къ материнскому роду и могутъ пользоваться защитой этой прочной организаціи безъ содѣйствія отца. Но если охрана и воспитаніе дѣтей падаетъ на долю отцовской семьи, то прочный и постоянный союзъ родителей является необходимымъ для общества, и бракъ становится въ высокой степени важнымъ и подлежащимъ контролю общества договоромъ. Этимъ объясняется, почему торжественныя праздничные свадебные обряды не только не сокращаются съ ростомъ культуры, какъ торжества похоронныя, а скорѣе развиваются.

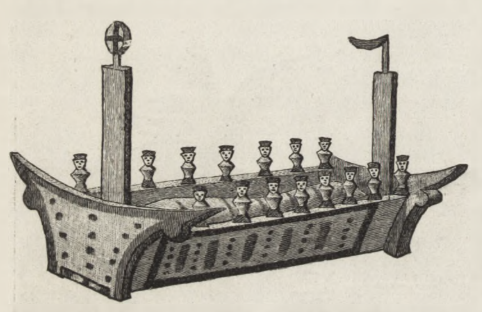
Мы коснемся здѣсь только церемоній, которыя являются внѣшнимъ выраженіемъ соціальныхъ условій, и въ которыхъ отражается вся исторія брака. Прежде всего въ свадебныхъ обычаяхъ оставили слѣдъ своего существованія древнія формы брака похищеніемъ и куплей. Дѣйствительное похищеніе невѣсты и серьезная борьба ея съ родичами встрѣчается только въ исключительныхъ случаяхъ, прежде всего въ Австраліи, гдѣ однако первоначальный дикій безпорядокъ уступилъ уже мѣсто нѣкоторымъ твердымъ правиламъ. Здѣсь, какъ упомянуто выше, несчастнымъ, у которыхъ нѣтъ родственницы для обмѣна, не остается ничего другого, какъ похитить дѣвушку. Похититель долженъ потомъ, вооруженный однимъ щитомъ явиться къ родственникамъ, которые бросаютъ въ него копьями, иногда дѣйствительно ранятъ и убиваютъ его. Въ другихъ частяхъ Австраліи, притворное похищеніе сдѣлалось простой свадебной церемоніей „Лагерь туземцевъ“, — пишетъ Люмгольцъ изъ Сѣвернаго Квинслэнда, — „готовъ былъ уже сняться, когда я вдругъ увидѣлъ стараго мужчину, приближающагося къ женщинѣ; онъ схватилъ ее за лѣвый локоть и закричалъ „іонгуль нгейпа!“ (она моя!). Она отталкивала его ногами, кричала, но онъ тащилъ ее, не взирая на сопротивленіе и вопли, еще на разстояніи мили мы могли слышать ея страшный визгъ. Я спросилъ въ шутку моихъ людей, не хотятъ ли они помочь ей, но они разсмѣялись и сказали, что объ этомъ бракѣ давно уже говорили, а это только общественное оглашеніе и единственная свадебная церемонія. Въ большей части случаевъ и самое похищеніе считается шуткой, которую разыгрываютъ съ шумнымъ весельемъ. Наконецъ, оно въ измѣненномъ видѣ остается только какъ не понятый обычай, оффиціальнаго плача у нѣмецкихъ дѣвушекъ, которыя для того должны держать въ рукѣ платокъ.

„Пашни молчанія“ парсовъ. Индія. По Ярро. См. текстъ стр. 190.

Отъ брака посредствомъ купли, который сначала представляется торжественнымъ заключеніемъ договора, исходитъ большое число брачныхъ церемоній. Родители по полученіи платы передаютъ невѣсту жениху въ присутствіи свидѣтелей; тамъ, гдѣ имѣются развитой религіозный культъ, это дѣлается въ присутствіи и при содѣйствіи жреца, потомъ, въ еще болѣе торжественной формѣ, въ храмѣ или иномъ святилищѣ. Число произне-

сенныхъ при этомъ формулъ и символическихъ обрядовыхъ дѣйствій велико и разнообразно. Чаще всего, конечно, существуетъ третья группа символовъ, которая касается исключительно будущихъ супруговъ и должна знаменовать смыслъ ихъ соединенія и длительнаго сожительства. Сюда относятся обмываніе одежды, совмѣстныя ѣда и питье. Тотъ фактъ, что кушанье готовитъ и подаетъ мужчинѣ женщина указываетъ на старыя условія отдѣльнаго хозяйства; женщина дѣлаетъ символически мужчину участникомъ въ пользованіи ея пищевыми запасами и рабочей силой.

Высшимъ формамъ развитія соотвѣтствуетъ тотъ фактъ, что женщина, пришедшая со стороны, торжественно представляется домовымъ или деревенскимъ богамъ и потомъ уже принимается въ общину. Остаткомъ этого обычая у христіанскихъ народовъ является обыкновеніе обводить невѣсту вокругъ очага, древняго сѣдалища домашнихъ боговъ. При этомъ можно указать еще на то, что индивидуальный свободный выборъ супруги имѣетъ мѣсто и у самыхъ примитивныхъ, и самыхъ культурныхъ народовъ, въ то время какъ у другихъ относительно выбора сказывается такое рѣшительное вліяніе рода или семьи, что о свободномъ выборѣ не можетъ быть и рѣчи. Гдѣ сила семейной жизни увеличивается особыми вліяніями, большимъ богатствомъ, высокимъ общественнымъ положеніемъ, свободный выборъ является ограниченнымъ и у представителя европейской культуры. Семья, какъ постоянное явленіе, воплощается въ домашнихъ богахъ и къ нимъ прежде всего приводится невѣста.

Идолъ въ формѣ лодки. Съ Никобарскихъ о-овъ. По Свобода. См. текстъ стр. 190.

Если въ остальныхъ отношеніяхъ бракъ и представляетъ собою менѣе серьезное событіе, чѣмъ окруженное опасностями для жизни рожденіе, все же оно не кажется первобытнымъ народамъ актомъ, совершенно безобиднымъ. Тутъ играетъ роль соображеніе, что дѣло идетъ о введеніи въ родъ или семью новаго члена, къ которому, можетъ быть, съ неудовольствіемъ отнесутся родовые боги. а еще болѣе и другой мотивъ, заключающійся въ томъ, что прочное соединеніе женщины съ мужчиной наноситъ ущербъ остальнымъ соплеменникамъ, которые прежде, въ пору свободной юношеской любви, не знали никакихъ преградъ для половыхъ сношеній. Дѣйствительно или символически вознагражденіемъ за эту потерю являются разные циническіе брачные обычаи и заодно принимаются мѣры къ тому, чтобы отвратить невидимыя силы, которыя неособенно охотно смотрятъ на брачный союзъ. Отсюда объясняется часто употребительный постъ жениха и невѣсты или молодыхъ, и прежде всего обычай, въ силу котораго половое общеніе наступаетъ не тотчасъ, а послѣ болѣе или менѣе долгаго промежутка, за время котораго о бракѣ могли бы забыть всѣ завистливые духи. Масса второстепенныхъ брачныхъ обычаевъ, сводятся къ мѣрамъ обороны или умиротворенія враждебныхъ силъ, т. е. къ группѣ явленій, о которыхъ лучше поговорить при изложеніи вопросовъ о происхожденіи религіи.

Проще, чѣмъ брачныя церемоніи, совершается разводъ. По большей части для того, чтобы совершить полное разлученіе достаточно того, чтобы женщина убѣжала или мужъ ее выгналъ. Еще мусульманское право довольствуется одной формулой развода, которую можно произнести въ любую минуту. При бракѣ посредствомъ купли дѣло не такъ просто; здѣсь мужъ можетъ требовать весь калымъ или часть его, а у народовъ высшей культуры забота о судьбѣ дѣтей, которыя на всю жизнь привязываются къ отцовской семьѣ, заставляетъ представителей общества затруднять по воз-

можности разводъ и позволять его только по основательнымъ побужденіямъ. Все же и здѣсь собственно разводные обычаи и формулы просты, такъ какъ здѣсь нѣтъ повода къ торжественнымъ формальностямъ.

Самымъ насильственнымъ и разрушительнымъ образомъ врывается въ жизнь общества прекращеніе существованія, смерть; общество, проникнутое чувствомъ непреходимости, которое внушаетъ принадлежность къ постоянному изъ поколѣнія въ поколѣніе непрерывно продолжающемуся союзу, съ трудомъ выноситъ исчезновеніе отдѣльныхъ членовъ цѣлаго. Какъ изъ этого источника вытекаетъ полнота экономической, художественной и религіозной дѣятельности, которая дѣйствуетъ то закрѣпляющимъ и возбуждающимъ, то разрушающимъ образомъ на жизнь человѣчества, будетъ указано въ связи съ другими явленіями. Здѣсь можно упомянуть мимоходомъ о плачѣ по усопшемъ, который связанъ часто съ пораненіями и изуродованіями и также легко вырождается въ чисто условный обрядъ и выполняется тогда особыми лицами (плакальщицами). Больше значеніе имѣютъ погребальные обряды, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Трупъ усопшаго, который недавно еще полный жизни находился среди своихъ, а теперь предается быстрому разложенію, становится сверхъестественнымъ существомъ, отъ котораго то стараются освободиться различными путями (причемъ обнаруживаются и разнообразіе въ воззрѣніяхъ на покойника), то сохраняютъ его, какъ драгоцѣнную реликвію, полному уничтоженію которой нужно противодѣйствовать всякими способами. Усопшаго, духъ котораго еще живъ, стараются или совершенно устранить, или умилостивить и привязать къ себѣ. Тѣсной связи между уровнемъ культуры и погребальными обрядами нѣтъ; различные обычаи часто встрѣчаются у одного и того же народа. Самыя низшія на нашъ взглядъ формы погребенія имѣютъ часто мѣсто у высоко-культурныхъ народовъ, между тѣмъ какъ у низшихъ расъ часто встрѣчаются очень развитыя формы погребенія. Одно, конечно, представляется несомнѣннымъ, что необходима извѣстная духовная и матеріальная культура для того, чтобы сдѣлались возможными погребальныя церемоніи въ большихъ размѣрахъ. Въ остальныхъ же отношеніяхъ замѣчается извѣстная прихотливость въ распространеніи различныхъ, часто даже встрѣчающихся рядомъ обычаевъ, которые побуждаютъ дать простой обзоръ отдѣльныхъ формъ, какъ это превосходно исполнилъ уже по отношенію индѣйскимъ погребальнымъ обрядамъ американскій этнологъ Ярроу. Можетъ быть, низшимъ и, если вѣрить Штейнмецу, первоначально повсюду распространеннымъ способомъ обращенія съ трупомъ является экономическое пользованіе имъ; онъ просто съѣдается, если не самими родственниками, то другими, которымъ онъ представляется въ обмѣнъ за другой трупъ. Во внутренней Африкѣ такіе нравы держатся еще до сихъ поръ и во всякомъ случаѣ могло быть, что очень распространенный обычай пожирать павшихъ враговъ можно разсматривать лишь, какъ смягченный остатокъ былого общаго пожиранія труповъ. Вполнѣ этотъ взглядъ еще не доказанъ, но если онъ имѣетъ основаніе, то это безсмысленное и безчувственное пожираніе трупа стоитъ ниже тѣхъ, если не древнѣйшихъ, то съ точки зрѣнія нравственнаго прогресса, первобытнѣйшихъ ступеней развитія нравовъ, образцы которыхъ можно встрѣтить теперь.

Высшей по сравненію съ первой формой надо считать ту, при которой трупъ просто выносится и предоставляется на съѣденіе звѣрямъ, какъ у восточно-американскихъ народовъ, напр., у массаи.[1] Въ этомъ образѣ дѣйствій лежитъ извѣстнаго рода безчувственность, которая возможна только у народовъ съ очень бѣдной культурой. Но въ нѣсколько

[1] Такой способъ погребенія покойниковъ распространенъ у Халхасскихъ монголовъ и Уржеховъ; но для ламъ уже примѣняется сожиганіе; шамановъ не бросаютъ на землю, а укладываютъ на помостѣ.

утонченной формѣ этого обычая держатся представители въ нравственномъ отношеніи, очень высокаго культа огня: у парсовъ, выбрасываютъ трупы на „башни молчанія“, въ добычу хищнымъ птицамъ (см. рис. на 187 стр.). Одна такая башня, очень похожая на римскую арену, содержитъ кости многихъ поколѣній и учрежденіе это съ точки зрѣнія гигіены очень практично. Идея ученія Заратустры о чистотѣ, не позволяющая осквернять трупомъ ни землю, ни воду, ни огонь, въ этомъ случаѣ оказала весьма благотворное вліяніе. Весьма вѣроятно, тѣмъ не менѣе, что парсійскій способъ погребенія древнѣе, чѣмъ культъ огня и, со времени знакомства съ нимъ, только приспособленъ былъ къ его цѣлямъ. По древнѣйшимъ источникамъ, умершихъ просто бросали въ поле, гдѣ ихъ пожирали хищные звѣри, а у бактрійцевъ—особыя считавшіяся священными собаки. Послѣдній примѣръ бросаетъ лучъ свѣта на происхожденіе тотемическихъ воззрѣній. И въ области буддизма, въ Тибетѣ, въ Бутанѣ, существуетъ обычай изрѣзывать весь трупъ за исключеніемъ головы и бросать его хищнымъ птицамъ или выставлять его на горныхъ вершинахъ. Вмѣстѣ съ тибетской формой буддизма, этотъ обычай потомъ распространился по всей Монголіи, жители которой сначала практиковали погребеніе.[1]

Деревянный гробъ. Изъ Борумъ Эсгей, Данія. По Бойе.

Другой, очень простой, способъ освободиться отъ трупа представляетъ бросаніе его въ воду, гдѣ его или уноситъ теченіемъ, или съѣдаетъ рыба; къ этому способу охотно прибѣгаютъ съ рабами и съ людьми низшихъ классовъ—въ Меланезіи и сѣверной Африкѣ. Культурные народы твердо держатся этого обычая, съ возрастаніемъ культуры характернымъ образомъ облагораживая его: умершій кладется на плотъ или въ лодку, снабжается пищей и питьемъ и пускается по волнамъ. У германскихъ приморскихъ народовъ, лодка еще и сжигалась, такъ что соединялись бросаніе въ воду и сжиганіе трупа. При дальнѣйшемъ прогрессѣ культуры, который привелъ народы въ тѣснѣйшее соприкосновеніе, бросаніе въ воду прекратилось, такъ какъ отсылать своихъ умершихъ такимъ образомъ другимъ племенамъ стало неудобно. Въ качествѣ воспоминанія стараго обычая удержался долгое время обычай укладывать умершихъ въ лодки и лодкообразныя колоды или приготовлять маленькія модели погребальныхъ кораблей (см. рис. на стр. 188); возможно, что и гробы европейскихъ культурныхъ народовъ, которые были въ употребленіи уже въ доисторическія времена, являются остаткомъ погребальныхъ кораблей (см. рис. рядомъ).

Всего основательнѣе уничтоженіе трупа достигается, конечно, огнемъ — форма погребенія, которую и съ точки зрѣнія гигіены слѣдуетъ считать наилучшей. Конечно, эта точка зрѣнія не имѣетъ ничего общаго съ тѣми первичными идеями, которыя привели къ трупосожженію. Здѣсь дѣйствовалъ, какъ и въ большей части другихъ похоронныхъ обычаевъ страхъ передъ привидѣніями. Прежде всего заботились о томъ,

[1] Это еще не доказано. Вѣроятно, рядомъ съ погребеніемъ высокихъ особъ, сжиганіемъ ламъ, практиковался и простой способъ вывоза покойника въ степь.—Могильниковъ, кладбищъ, которыя можно бы счесть несомнѣнно монгольскими, никто еще не видалъ.

чтобы сдѣлать умершихъ совершенно безвредными или умилостивить и привлечь ихъ на свою сторону, какъ друзей-помощниковъ. Древнѣйшей формой трупосожженія могла быть та, при которой сжигалась хижина умершаго, заключавшая въ себѣ его трупъ. Интересны идеи относительно трупосожженія у индійцевъ Бонака, какъ ихъ описываетъ Адамъ Джонстонъ. „Первые индійцы",—говоритъ онъ,—„были койоты (волки прерій). Когда одинъ изъ нихъ умеръ, его тѣло наполнилось маленькими животными или духами, какъ они думали. Послѣ того, какъ они нѣкоторое время ползали по трупу, они принимали всевозможные образы: зайца, антилопы и т. д. Индійцы замѣтили, что многіе изъ нихъ получили крылья и нѣкоторое время носились въ воздухѣ и потомъ улетѣли на луну. Старые койоты или индійцы, боясь, что такимъ образомъ земля обезлюдѣетъ, рѣшили положить этому конецъ и постановили сжигать тѣла, если кто-нибудь изъ нихъ умретъ. Съ тѣхъ поръ они сжигаютъ своихъ мертвыхъ". Это преданіе превосходно раскрываетъ передъ нами образъ мыслей первобытныхъ народовъ и объясняетъ, указывая на недовѣріе къ оживляющимъ трупъ организмамъ, почему прилагаются такія заботы къ тому, чтобы мертвыхъ или тотчасъ уничтожить, или всяческими средствами предохранить отъ разложенія. Въ червяхъ и насѣкомыхъ воплощается часть души усопшаго, какъ и въ хищныхъ звѣряхъ, которые пожираютъ трупъ.

Могилы въ видѣ нишъ въ Панамѣ. По фотографіи.

Воззрѣніе, въ силу котораго мертвый представляетъ собой опасное существо — возникшее, можетъ быть, подъ вліяніемъ опыта съ трупнымъ ядомъ — можетъ пріобрѣсти смягченное выраженіе, причемъ однако не измѣняются первоначальные погребальные обычаи. Тибетецъ, бросающій своего отца на съѣденіе звѣрямъ, сохраняетъ, какъ святыню голову, народы классической древности охотно сожигаютъ своихъ умершихъ, но заботливо собираютъ пепелъ и вѣрятъ, что духи усопшихъ живутъ около нихъ, какъ покровительствующія божества. Вслѣдствіе этого раздѣленіе способовъ погребенія по внѣшнимъ формамъ, хотя оно и полезно для общаго обзора, всегда будетъ поверхностно и неудовлетворительно.

Это мнѣніе подтвердится, если мы обратимся къ формамъ погребенія, которыя восходятъ къ погребенію тѣла въ землѣ, въ пещерахъ, въ разсѣлинахъ скалъ, и въ своихъ первоначальныхъ формахъ не имѣютъ другой цѣли, кромѣ устраненія умершаго. Отголоски погребенія въ пещерахъ сохраняются еще до сихъ поръ въ видѣ замурованныхъ могильныхъ нишей у испанцевъ и у ихъ потомковъ въ Америкѣ (см. рис. выше). Надгробные памятники изъ камня, которые ставимъ мы нынѣ, происходятъ отъ каменныхъ насыпей, которыя набрасывались первоначально съ цѣлью удержать умершаго въ могилѣ и предупредить его блужданіе въ видѣ призрака. Къ этимъ надгробнымъ каменнымъ памятникамъ мы еще вернемся, когда будемъ говорить о жилищахъ. При погребеніи въ землѣ вообще замѣтна связь между формою жилища

и формою могилъ. Полуподземнымъ или совершенно подземнымъ жилищамъ часто соотвѣтствуютъ могилы въ землѣ, которыя сначала были ничѣмъ инымъ, какъ жилищами, которыя оставляли умершимъ. Погребеніе умершаго въ его собственной хижинѣ—широко распространенный обычай, но тутъ опять оказывается психологически мотивированное различіе: живые или оставляютъ хижину, или продолжаютъ въ ней жить дальше, до извѣстной степени въ сосѣдствѣ съ умершими. Желаніе одновременно перенести душу или силы умершаго на потомство ведетъ въ Меланезіи и сосѣднихъ странахъ къ отвратительнымъ обычаямъ. Самые употребительные состоятъ въ томъ, что собираютъ жидкость, вытекающую изъ разлагающагося трупа или трубкой вытягиваютъ ее изъ гроба и ею мажутся или даже пьютъ ее.

Гробница у Лонгкипутовъ, сѣв. Борнео. По Кюкенталю. Останки умершаго лежатъ на верху колонны, завернутые въ плетеный матъ.

Что общеніе съ трупомъ не можетъ быть полезно для здоровья—замѣчено въ различныхъ мѣстахъ. На Таити оказалось преданіе, что въ былое время умершихъ сохраняли въ хижинахъ, потомъ оставили этотъ обычай и стали строить особые домики для мертвыхъ, въ которые клали трупъ и отъ времени до времени снабжали его пищей. Это было уже **надземное** погребеніе. Въ самыхъ характерныхъ своихъ формахъ обычай класть умершихъ высоко надъ поверхностью земли (см. рис. рядомъ), на деревьяхъ или подмостахъ вытекаетъ изъ желанія сохранить трупъ отъ хищныхъ животныхъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ полнаго уничтоженія его не желаютъ. Въ силу этого надземное погребеніе особенно часто соединяется съ мумификаціей трупа. Гдѣ же трупъ погребается надъ землей въ домѣ, палаткѣ и т. п., тамъ очевидно стараются, какъ въ упомянутомъ случаѣ на Таити, воспроизвести обыкновенное жилище. Загражденіе большими камнями или засыпаніе землей, конечно, хорошо защищаетъ жилище мертваго отъ разрушенія. Здѣсь опять является переходъ къ погребенію въ землѣ. Погребеніе въ пустыхъ деревьяхъ, какъ оно удержалось у гріотовъ въ Сенегамбіи, является воспоминаніемъ о прежней формѣ жилищъ.

Мумифицированіе трупа имѣетъ цѣлью предупредить разложеніе тѣла или его части и для этого частью примѣняются тѣ же средства, что въ хозяйствѣ для сохраненія мяса:—сушеніе, копченіе, соленіе, частью другія: обработка смолами и другими ароматическими веществами. Такъ какъ мумификація цѣлаго тѣла очень затруднительна, то по большей части удаляютъ внутренности, иногда соскабливаютъ даже мясо съ костей и оставляютъ надъ ними только кожу, которая потомъ легко высыхаетъ. У древне-перуанскихъ прибрежныхъ племенъ былъ обычай сохранять только кожу и наб-

вать ее пепломъ, подобные набитые трупы извѣстны были и на Самоа. Мумифицированные трупы можно было держать и дома и класть въ любомъ мѣстѣ. Въ Перу они сохранялись иногда въ большихъ горшкахъ или даже серебряныхъ и золотыхъ сосудахъ, чаще же ихъ уносили въ пещеры или въ искусственно устроенныя помѣщенія—домики или, наконецъ, выставляли на платформахъ и деревьяхъ. Скелетированіемъ можно назвать обычай сохранять только кости въ то время, какъ мясо или устраняютъ, или даютъ ему разложиться, погребая тѣло [1]. Въ области Табу есть, по извѣстію Гаральса, племена, которыя производятъ скелетированіе при помощи муравьевъ и потомъ сохраняютъ кости въ коробкахъ.

Чрезвычайное разнообразіе погребальныхъ обычаевъ увеличивается значительно благодаря двумъ обстоятельствамъ; во-первыхъ соціальные классы, различные роды и лица разнаго возраста одного народа погребаются различно, затѣмъ даже и съ отдѣльными частями тѣла покойника поступаютъ различно: голова отдѣляется отъ тѣла, мумифицируется, или сохраняется въ видѣ очищенаго отъ мяса черепа, такъ какъ предполагается, что въ немъ остается жить душа умершаго. Часто и черепъ уничтожается, но особеннымъ образомъ. Напримѣръ, у калифорнійскихъ индійцевъ Ахомави погребаютъ безголовый трупъ, потомъ устраиваютъ надъ могилой костеръ, кладутъ на него черепъ и сожигаютъ. Кости усопшихъ сохраняются, какъ реликвіи, и передѣлываются въ амулеты, сосуды и т. п.; изъ череповъ приготовляютъ чаши для питья, изъ трубчатыхъ костей—флейты. На островахъ Св. Пасхи изъ костей искусныхъ рыбаковъ приготовляютъ самыя лучшія удочки. Если у народовъ, поднявшихся нравственно выше, является опасеніе профанировать такимъ образомъ останки родителей и родственниковъ, то относительно убитыхъ враговъ обычай все еще сохраняется, и это потомъ, вслѣдствіе измѣненія основного взгляда на такое отношеніе къ останкамъ умершихъ, служитъ источникомъ для неутолимой жажды мести. Другой фазисъ обычаевъ погребенія наступаетъ тогда, когда урнамъ, сохраняющимъ пепелъ усопшихъ, придается видъ человѣка или головы его (см. рис. выше), и эти сосуды должны представлять умершаго.

Урна въ формѣ головы, Арканзасъ въ Сѣв. Америкѣ. По Ф. С. Delленбаугу.

Если мы, вмѣсто изложенной выше, пожелаемъ сдѣлать опытъ иной классификаціи погребальныхъ обычаевъ, то можно раздѣлить могилы на одиночныя и сборныя. Очень естественно, хотя не вездѣ принято обыкновеніе собирать останки умершихъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, особенно въ пещерахъ, или дѣлать могилы рядомъ одну возлѣ другой и при этомъ отгораживать отъ остальной земли заборомъ мѣсто, заключающее въ себѣ

[1] Примѣры такихъ повторныхъ погребеній, хотя извѣстны, но недостаточно изучены. Въ китайскихъ источникахъ IX в. есть свѣдѣнія о народѣ Хакасъ, предкахъ енисейскихъ киргизовъ, гласящее, что они хоронятъ, а потомъ черезъ шесть мѣсяцевъ погребаютъ покойниковъ. Новѣйшія раскопки въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи выяснили, что сперва дѣйствительно давали тѣлу разложиться, очищали его отъ мяса и потомъ погребали. Рядомъ съ этимъ и въ туркестанскихъ раскопкахъ находили кости людей, уложенныхъ въ ящики такого размѣра, куда цѣлый трупъ не могъ войти. Старые путешественники утверждаютъ, что юкатры возили во время перекочевокъ кости шамановъ съ собой. Это же двойное погребеніе даетъ ключъ къ объясненію находокъ окрашенныхъ костей въ могилахъ. *Ред.*

нѣчто таинственное и страшное. Въ извѣстной связи съ этимъ обычаемъ стоитъ другой, который также даетъ замѣчательный мотивъ для классификаціи: есть народы, которые своихъ умершихъ погребаютъ только разъ и окончательно, а есть другіе, которые совершаютъ погребеніе два раза. Послѣдній способъ погребенія имѣетъ цѣлью, какъ было упомянуто выше, выждать сначала естественное распаденіе мягкихъ частей, чтобы потомъ очистить кости и для нихъ приготовить мѣсто вѣчнаго успокоенія въ большихъ общихъ могильныхъ пещерахъ или камерахъ. Единичные случаи этого способа погребенія встрѣчаются въ различныхъ странахъ, но своего наибольшаго развитія онъ достигаетъ у малайскихъ племенъ и ихъ родичей, а также въ Индонезіи и на островахъ Великаго океана.

Климатъ и географическое положеніе имѣютъ большое вліяніе на формы погребенія. Въ сухихъ пустынныхъ полосахъ, какъ въ Египтѣ или на перуанскомъ берегу, природа сама даетъ указаніе на мумификацію трупа. У моря и на рѣкахъ самымъ естественнымъ является погребеніе въ водѣ, въ странахъ, богатыхъ пещерами, употребляются подземные корридоры. Кромѣ того, могилы пріобрѣтаютъ важное соціальное значеніе: гробницы знатныхъ покойниковъ, а потомъ и большія общія могилы часто становятся сборными пунктами и святилищами цѣлаго народа и образуютъ кристаллизаціонное ядро болѣе прочныхъ общественныхъ установленій.

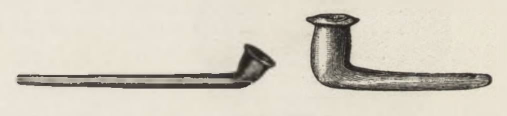

Знакъ мира у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. По Маллори. См. текстъ стр. 195.

Праздники въ честь умершихъ и погребальные обычаи составляютъ по существу часть культа предковъ и въ своихъ незамѣтныхъ переходахъ отъ чувства страха къ почтенію, отъ кровавыхъ жертвъ къ веселымъ и беззаботнымъ пирамъ даютъ рядъ превосходныхъ примѣровъ, выясняющихъ смѣну мотивовъ при упорной привязанности къ внѣшней формѣ. То же самое примѣнимо и къ другимъ народнымъ празднествамъ. Почти всѣ земледѣльческія племена имѣютъ праздникъ жатвы, но не всѣ придаютъ имъ одинъ и тотъ же смыслъ. Являясь безсмысленными оргіями обжорства и пьянства на примитивныхъ ступеняхъ, они постепенно переходятъ въ попытки посредствомъ торжественныхъ чествованій обезпечить себѣ расположеніе невидимыхъ силъ на будущее время и, наконецъ, при высшей культурѣ, превращаются въ благородное ликованіе по случаю благодѣяній божественныхъ силъ. Такъ же преобразовались праздники солнечнаго поворота, которые особенно свойственны сѣвернымъ народамъ; послѣднимъ и благороднѣйшимъ выраженіемъ ихъ развитія является праздникъ Рождества.

Неизмѣримое значеніе для человѣческой культуры пріобрѣтаютъ обычаи и обряды, когда они начинаютъ регулировать отношенія отдѣльныхъ, самостоятельныхъ, общественныхъ группъ племенъ, и народовъ. Съ трудомъ могли бы случайныя дружественныя соприкосновенія двухъ родовъ пріобрѣсти устойчивость или возобновляться послѣ перваго враждебнаго конфликта, за которымъ, конечно,. дѣло не остановилось бы, если бы склонность первобытнаго человѣка къ формализму и вѣрность, съ которой онъ держится выработанныхъ формъ, не вызывали возникновенія

прочныхъ обыкновеній. Этими обыкновеніями постоянно и руководствуются до тѣхъ поръ, пока внутреннія отношенія не сдѣлаютъ излишними внѣшнихъ формъ, пока, наконецъ, дружественныя отношенія не сдѣлаются правиломъ, а враждебныя исключеніемъ. Дѣйствіе окрѣпшихъ нравственныхъ силъ распространяется потомъ и на болѣе широкіе круги. На радушіе и защиту пріобрѣтаютъ возможность разсчитывать не только члены двухъ сосѣднихъ народностей, но и всякій иностранецъ, вступающій на почву племени, тогда какъ согласно первобытнымъ воззрѣніямъ, которыя по мѣстамъ господствуютъ и теперь, всякій чужакъ стоитъ внѣ закона. Раздѣляя международные обычаи на двѣ категоріи—обычаи, регулирующіе мирныя сношенія и обычаи, вводящіе въ опредѣленныя рамки войну, мы должны считать первые древнѣйшими. Мирныя сношенія должны представлять собой нѣчто обычное, раньше, чѣмъ возникла мысль о томъ, что и войну изъ грубаго насилія, грабежа и убійства слѣдуетъ сдѣлать регулированнымъ и, слѣдовательно, болѣе благороднымъ исходомъ энергіи.

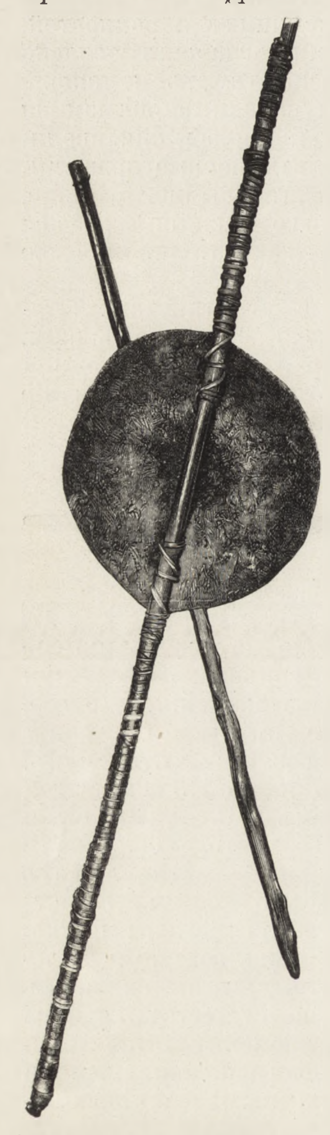
Просты по своему происхожденію и понятны по формѣ дѣйствія, которыя должны символически выражать миръ и дружественныя намѣренія, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они воспроизводятся въ одной и той же формѣ во всѣхъ частяхъ свѣта; сюда относятся складываніе оружія, воздѣваніе раскрытыхъ рукъ (рис. на стр. 194), маханіе зелеными вѣтвями и бѣлыми платками; гдѣ возможно устное соглашеніе, не бываетъ недостатка въ опредѣленныхъ формулахъ и обрядахъ. Общая трапеза, питье, куреніе (трубка мира) укрѣпляли мирныя соглашенія (см. рис. на стр. 194).

Каменныя табачныя трубки у индѣйцевъ Виргиніи.

Право посольства развивается рано естественными, но различными путями. Прежде всего похищеніе женщинъ повело къ тому, что послѣ умиротворенія воинскаго пыла, при участіи похищенныхъ женщинъ, возникали новыя отношенія. Другое, къ сожалѣнію менѣе ясно распознаваемое соглашеніе, происходитъ, повидимому, между двумя группами молодыхъ людей различныхъ племенъ, которые всегда стремятся искать новыхъ знакомствъ и, послѣ воинственныхъ столкновеній, предаваться мирнымъ пиршествамъ. Съ этимъ были тѣсно связаны тотемическія отношенія, которыя и безъ того связывали между собой племена. Въ качествѣ пословъ по большей части служатъ опредѣленныя лица; тамъ, гдѣ имѣютъ мѣсто болѣе постоянныя сношенія, часто родственныя или дружественныя связи между отдѣльными членами племени дѣлаютъ возможной общую взаимную симпатію. Этому положенію вещей особенно благопріятствуетъ ростъ культуры въ связи съ распаденіемъ общинной собственности; гдѣ къ тому же существуютъ дома для мужчинъ, тамъ путешественникъ - гость цѣлаго племени или по крайней мѣрѣ мужской молодежи; но гдѣ наступило полное распаденіе племени на семьи, тамъ чужеземецъ долженъ искать гостепріимнаго человѣка, который бы его принялъ, защитилъ и позаботился о его нуждахъ. И онъ старается добиться этого скорѣе, такъ какъ иначе его легко можетъ постигнуть злая участь. И на этотъ случай существуютъ опредѣленные обряды: если чужестранцу удалось попасть въ домъ или къ очагу туземца или прикоснуться къ его платью, онъ обезпеченъ. Благодаря своеобразному обороту мысли, онъ достигаетъ своей цѣли и тѣмъ, что наноситъ туземцу какой нибудь незначительный ущербъ, напр., разбиваетъ сосудъ; теперь виновникъ становится отвѣтственнымъ передъ потерпѣвшимъ и избавляется отъ покушеній на свою личность со стороны остальныхъ жителей мѣстности. Изъ подарковъ, принятіе которыхъ въ связи съ отдариваніемъ усиливаетъ защиту, у Сомали возникаетъ правильная подать, которую долженъ платить человѣкъ, пользующійся покровительствомъ; понятно, что

вождь мѣстности, какъ могущественнѣйшій человѣкъ разыскивается предпочтительно чужестранцами, но въ концѣ концовъ онъ обращаетъ покровительство иностранцамъ въ свою монополію, и притекающіе подарки становятся важной статьей дохода. Такія отношенія особенно распространены въ Африкѣ.

Боевая палка и щитъ племени Вататуру, Вост. Африка. Этнографическій музей въ Лейпцигѣ.

Уваженіе къ посламъ не составляетъ исключительнаго свойства народовъ высшей культуры. Очень замѣчателенъ въ этомъ смыслѣ церемоніалъ австралійцевъ, какъ его описываетъ Бругъ Смитъ". Если одно племя стало лагеремъ, — говоритъ онъ,—никакому другому племени не позволяется приближаться къ стоянкѣ безъ предупрежденія. Идетъ ли дѣло о войнѣ или о мирѣ, племя, ждущее встрѣчи, должно возвѣстить о своемъ прибытіи въ надлежащей формѣ. Въ совѣтѣ по всѣмъ правиламъ, при помощи старыхъ людей выбирается вождями посолъ (we-arr-garr), обязанность котораго заключается въ томъ, чтобы пойти въ лагерь и сообщить о намѣреніяхъ посѣтителей. Молодымъ людямъ ни въ какомъ случаѣ не позволяется принимать участіе въ такихъ важныхъ совѣщаніяхъ, каковы напримѣръ, касающіяся посѣщеній или пріема чужого племени. При особенно торжественныхъ обстоятельствахъ избираются два посла, въ менѣе важныхъ случаяхъ одинъ. Посолъ долженъ имѣть отличительный знакъ, который ему обезпечиваетъ безопасность, при проходѣ черезъ территорію чужого племени. Знакъ этотъ—кусокъ дерева въ восемь-девять дюймовъ длиной, иногда круглый, иногда плоскій, рѣдко болѣе дюйма въ толщину. На деревѣ пишутъ іероглифы, значеніе которыхъ понятно всѣмъ—они даютъ всѣмъ знать о характерѣ посольства. Если посольство имѣетъ дружественныя цѣли, палка бываетъ выкрашена красной охрой; если враждебныя, имѣющія цѣлью требовать удовлетворенія за сдѣланную несправедливость или объявить войну, посольскій знакъ окрашивается по большей части бѣлой глиной..." Какъ бы ни были непріятны новости, личность посла остается неприкосновенной; его терпѣливо выслушиваютъ и гостепріимно принимаютъ. Если посольству нуженъ отвѣтъ, онъ сообщается, и посолъ подъ охраною провожается до границы области, въ которую онъ вступилъ. Въ Австраліи посолъ каждый разъ назначается новый. Напротивъ, въ Полинезіи, гдѣ для этихъ цѣлей оказался полезнымъ обычай табу, существовали профессіональные священные (табуированные) послы или эту функцію исполняли старыя женщины, на обязанности которыхъ лежало посредничество въ мѣновой торговлѣ.

Подобно мирнымъ сношеніямъ, и **война** пріобрѣтаетъ опредѣленныя формы. „Какъ хроническое зло, ее обращаютъ въ прочный институтъ", замѣчаетъ Ратцель о войнѣ у полинезійцевъ; о ней возвѣщаютъ или черезъ спеціальныхъ пословъ, или символическими знаками, которые вносятъ въ предѣлы враждебной области. Изъ суевѣрнаго страха избѣгаютъ ночныхъ сраженій, и такимъ образомъ невольно кладутъ начало пра-

вильныхъ перемирій и, наконецъ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ формъ, заключаютъ миръ.

Самая война не остается внѣ дѣйствія того преобразованія мотивовъ, которое такъ характерно для всѣхъ человѣческихъ обычаевъ и установленій. Можетъ быть древнѣйшей формой ея является хищническій набѣгъ для того, чтобы добыть себѣ трупы убитыхъ враговъ, представляющихъ собой вкусную пищу; слѣдующая за ней — война, имѣющая цѣлью дать просторъ избытку бурныхъ силъ, для удовлетворенія которыхъ потомъ постепенно подбираютъ мотивы кровавой мести или вообще мести за злодѣяніе, требующее возмездія. Тамъ, гдѣ имѣются на лицо постоянные поводы для военныхъ осложненій — напр., кровавая месть или охота за головами — военное положеніе является нормальнымъ, а мирное — исключеніемъ. Такія отношенія только тогда не становятся гибельными, когда война сама принимаетъ достаточно безвредную форму: нейтрализаціей опредѣленныхъ мѣстъ, дорогъ или дней создаются и въ воинской жизни мирные оазисы.

Для насъ, видящихъ въ войнѣ лишь печальную крайность, къ которой приходится прибѣгать для достиженія извѣстныхъ цѣлей въ жизни народа, совершенно понятна тенденція современныхъ войнъ — какъ можно скорѣе сойтись съ врагомъ и уничтожить его, а также и связанное съ этимъ преобладаніе генеральныхъ сраженій, быстро рѣшающихъ судьбу кампаній. Но уже кабинетныя войны XVIII в., состоявшія болѣе изъ маршей и маневровъ, чѣмъ изъ большихъ сраженій, даютъ понять, какъ частыя войны изъ-за мелочныхъ поводовъ вмѣсто стремленія къ мщенію и уничтожающимъ ударамъ вызываютъ желаніе утомить и истощить врага. У первобытныхъ народовъ эта тактика усиливается до чрезвычайности: цѣлые годы тянутся войны, въ которыхъ ничтожное число людей теряетъ жизнь. Рядомъ съ этимъ идутъ соглашенія съ другими племенами, помощью которыхъ желаютъ воспользоваться или предупредить враждебное нападеніе. Первобытная основная идея — что цѣлью является не уничтоженіе враждебнаго племени, а месть за смерть одного или нѣсколькихъ соплеменниковъ — находитъ выраженіе въ обычныхъ поединкахъ, которые часто принимаютъ торжественный характеръ. Еще во времена Гомера поединки вождей составляли рѣшающій моментъ битвы, а массовыя схватки не имѣли значенія. При медленномъ ходѣ войнъ, во время которыхъ не прекращаются повседневныя занятія и прежде всего хозяйственныя операціи, представляются случаи къ нападенію на земледѣльческихъ рабочихъ, пастуховъ, убійству женщинъ или отдѣльныхъ путниковъ, оставившихъ безопасное селеніе; конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда удается одержать рѣшительную побѣду, безпощадное истребленіе враговъ являлось правиломъ.

Хотя и при помощи всякаго рода обходовъ, но все-таки возрастающая культура безспорно вноситъ смягченіе военныхъ обычаевъ. Первобытные народы едва ли знаютъ настоящую боевую цѣну войны, и никакія соображенія не удерживаютъ ихъ отъ безпощаднаго опустошенія и истребленія. Гдѣ имѣется въ наличности и бережется цѣнное имущество, тамъ грубая страсть къ разрушенію уступаетъ мѣсто болѣе разумнымъ соображеніямъ. Номадъ не будетъ истреблять драгоцѣнныя стада своего врага, а угонитъ ихъ, и другому остается всегда перспектива при перемѣнѣ счастья вновь пріобрѣсти ихъ. Земледѣлецъ надѣется увеличить свою землю и будетъ охотно уничтожать зрѣющіе посѣвы своего врага, но пощадитъ плодовыя деревья, которыя пригодятся ему самому; самая личность врага, котораго онъ можетъ взять въ плѣнъ и эксплоатировать, какъ раба, или дорого продать, для него уже имѣетъ цѣну, — онъ уже не смотритъ на него, какъ на вредную вещь, которую во что бы то ни стало нужно уничтожить. Лѣсныя племена Индіи до сихъ поръ еще пользуются на войнѣ отравленными стрѣлами, но когда они предпринимаютъ набѣгъ, чтобы добыть рабовъ, они оставляютъ

это губительное оружіе дома. Здѣсь заключается, можетъ-быть, первое, чисто практическое побужденіе, которое заставило всѣ культурные народы отказаться отъ неблагородныхъ средствъ борьбы. Первоначальный мотивъ упалъ съ исчезновеніемъ рабства, но его мѣсто заняли новые и лучшіе. Война, составлявшая ранѣе существенный элементъ народной жизни, регулирована опредѣленными законами, ограничена и по возможности возвышена до степени дѣйствія чисто государственнаго, которое не касается непосредственно права собственности и экономической жизни отдѣльной личности. Именно здѣсь обычай проявляется во всемъ своемъ могуществѣ. То, что удерживаетъ побѣдоносный культурный народъ отъ окончательнаго уничтоженія врага убійствомъ и грабежомъ, есть страхъ не предъ отдѣльнымъ мстителемъ, а передъ тѣмъ великимъ существомъ, часть котораго составляетъ каждый народъ, которое создало свои органы въ международномъ правѣ, передъ лицомъ всего человѣчества.

III. Хозяйство.

I. Задачи и начала человѣческаго хозяйства.

Культура существуетъ только до тѣхъ поръ, пока живутъ люди, въ духѣ которыхъ она проявляется. Она можетъ, конечно остановиться и въ формѣ писаннаго преданія или въ несокрушимыхъ памятникахъ существовать цѣлыя тысячелѣтія, какъ бы во снѣ, но для того, чтобы пробудить ее снова, нужны люди, нужна живая кровь и юношеская сила. Этихъ людей и эту новую жизнь не создаетъ изъ ничего какой либо новый актъ творенія. Если носители древней цивилизаціи падаютъ и вымираютъ, гдѣ-нибудь должно изъ рода въ родъ продолжаться человѣчество, должны загораться новые очаги жизни около угасающихъ, если сама цивилизація должна сохраняться или пробуждаться съ новой силой. Культура живетъ только среди живыхъ.

Но жить—значитъ постоянно обновляться. Въ непрерывномъ обмѣнѣ вещества притягиваются, видоизмѣняются, отталкиваются, и, пока продолжается эта игра, сохраняютъ существованіе организма. Какъ нѣжный образъ радуги сіяетъ на небѣ только тогда, когда дождевыя капли падаютъ все новыми и новыми массами, и какъ она блѣднѣетъ и исчезаетъ съ убылью и прекращеніемъ дождя, такъ тускнетъ и жизнь, когда задерживается и останавливается обмѣнъ веществъ. Все живое нуждается въ питаніи, чтобы имѣть возможность существовать, и первой, естественной и неистребимой потребностью каждаго организма является позывъ къ пищѣ. Человѣкъ не свободенъ отъ дѣйствія этого закона; даже тогда, когда онъ своимъ мышленіемъ и своей дѣятельностью достигаетъ наиболѣе великаго, онъ долженъ признаться, что необходимость питать жизненное пламя доставкой вещества было и остается первымъ и сильнѣйшимъ стимуломъ для всякаго усовершенствованія.

Дѣятельность, вытекающую непосредственно изъ потребности питанія и служащую для удовлетворенія послѣдней, мы называемъ общеупотребительнымъ терминомъ **хозяйство**. Недостаточно однако обозначить общеизвѣстнымъ терминомъ сложное и необозримое по своимъ послѣдствіямъ явленіе; его прежде всего нужно отграничить и точнѣе опредѣлить.

Прежде всего нужно принять во вниманіе, что для сохраненія жизни на землѣ нужно еще нѣчто другое, кромѣ обмѣна веществъ. Каждому живому существу постоянно угрожаютъ опасности, оно окружено врагами, силы природы могутъ уничтожить его бытіе. Борьба за питаніе между обладающими высшей организаціей существами, которыя обречены на взаимную распрю или истребленіе низшихъ формъ жизни, стремится сократить продолжительность жизни отдѣльнаго существа. **Борьба противъ этихъ опасностей** есть необходимое условіе существованія.

Но и помимо этого продолжительность жизни индивидовъ не неограничена; они подобны быстро смѣняющимся каплямъ дождя или брызгами водопада, который, повидимому, остается неизмѣннымъ и однако, безпрерывно измѣняется въ своихъ составныхъ частяхъ. Какъ единичная особь постоянно по-

требляетъ вещество, чтобы жить, такъ потребляютъ ее особи болѣе долговѣчныя, коллективныя формы существованія, какъ напр. формы рода, расы, народа для того, чтобы освѣжать и обновлять себя, для того, чтобы вести жизнь въ высшемъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ, продолженіе рода является дальнѣйшей великой потребностью всякой жизни. Но эти три задачи, которыя долженъ разрѣшить индивидуумъ внутри своего общественнаго союза — питаніе, защита и воспроизведеніе себѣ подобныхъ, такъ тѣсно сплетаются одна съ другой, что обособить ихъ едва ли возможно.

И однако это раздѣленіе мы должны сдѣлать, если мы хотимъ ясно представить себѣ человѣческія отношенія, и его можно выполнить: защита и продолженіе рода, можно сказать, представляютъ собой цѣли существованія общественныхъ формъ человѣчества, точнѣе, формы общества вызваны наличностью этихъ потребностей защиты и продолженія рода, хозяйство-же, напротивъ, всегда—прямо и косвенно—служитъ цѣлямъ питанія.

Такое рѣзкое разграниченіе можетъ съ перваго раза показаться страннымъ. Насъ могутъ спросить, развѣ ремесло ткача не имѣетъ никакого отношенія къ хозяйству, хотя человѣкъ при помощи его не доставляетъ ничего для питанія, а производитъ средства защиты противъ непогоды? Развѣ не хозяйственную дѣятельность выполняетъ купецъ, который покупаетъ ткани, перевозитъ ихъ въ отдаленныя страны и продаетъ тамъ? Развѣ сама умственная работа при извѣстныхъ обстоятельствахъ не является хозяйственной функціей?

Этотъ вопросъ легко выяснить: въ приведенныхъ случаяхъ дѣло идетъ не о дѣятельности самой по себѣ, но о ея субъективной цѣли. Только въ самыхъ примитивныхъ условіяхъ, какъ это покажетъ разсмотрѣніе вопроса о бродячихъ народахъ-собирателяхъ, каждый работоспособный человѣкъ принимаетъ на самомъ дѣлѣ непосредственное участіе въ добываніи пищи; на всѣхъ высшихъ ступеняхъ жизни, наоборотъ, прежде всего для потребностей защиты, а въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія и для другихъ надобностей является необходимость посвятить всю рабочую силу опредѣленнаго числа лицъ для особыхъ функцій, и эти люди уже не будутъ имѣть возможности заниматься добываніемъ продуктовъ, служащихъ только для питанія. О томъ же, чтобы эти люди не умерли съ голода, озаботится само общество, въ которомъ съ раздѣленіемъ труда возникаетъ и развитіе соотвѣтствующаго раздѣленія потребленія. Только при этомъ условіи возможно работу ремесленниковъ считать хозяйственной, въ силу того, что они имѣютъ возможность косвеннымъ путемъ пріобрѣтать себѣ право на соотвѣтствующую долю въ суммѣ пищевыхъ веществъ, произведенныхъ трудомъ остальныхъ членовъ общества. Купецъ, торгующій продуктами ремесленной дѣятельности, является вставнымъ посредствующимъ звеномъ, которое становится необходимымъ вслѣдствіе общественныхъ союзовъ, но самъ онъ трудится въ своей спеціальности тоже для того, чтобы также пріобрѣсти свою долю средствъ къ жизни. Въ этомъ смыслѣ хозяйственной является дѣятельность и умственнаго работника, въ томъ случаѣ, когда онъ продажей продуктовъ своего труда стремится поддержать свое существованіе. Само собою разумѣется, что, при высшей культурѣ, „хлѣбъ насущный", о которомъ такъ просто учитъ молиться основатель нашей религіи, обращается въ „хлѣбъ въ широчайшемъ смыслѣ слова", но элементарный первоначальный смыслъ явленія не маскируется этимъ.

Итакъ въ основѣ хозяйство, имѣетъ цѣлью удовлетвореніе первыхъ потребностей жизни, т. е. питанія. Если же къ хозяйству присоединяютъ и такіе виды дѣятельности, которые удовлетворяютъ потребности въ защитѣ, то это имѣетъ смыслъ въ томъ отношеніи, что, напримѣръ, въ холод-

Исторія первобытной культуры. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Гиляки (Сибирь) въ зимней одеждѣ.

По *Шренку.*

ныхъ поясахъ одежда (см. прилагаемую раскрашенную таблицу „Гиляки, въ зимней одеждѣ, Сибирь“) и жилище являются потребностями, необходимыми для жизни. Слово „потребность“, вызываетъ картину новѣйшихъ моментовъ эволюціи: съ культурой растутъ эти потребности какъ дѣйствительныя, такъ и воображаемыя, растетъ вмѣстѣ съ ними и объемъ хозяйства. Культура въ этомъ смыслѣ есть развитіе прихотей какъ индивидуума, такъ и общества. Чтобы поддержать и охранить искру жизни, имъ нужна доставка все болѣе и болѣе многочисленныхъ и весьма утонченныхъ веществъ, нужны вслѣдствіе этого и все новыя орудія и силы. Къ этому присоединяется то обстоятельство, что удовлетвореніе естественныхъ потребностей вызываетъ чувство наслажденія, которое въ глазахъ индивидуума легко превращается въ главную и даже самостоятельную цѣль и обнаруживаетъ способность утончаться до чрезвычайной степени. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о гастрономіи; только спартанскими средствами возможно устранить тѣ прихоти, которыя вызываются простымъ потребленіемъ вкусныхъ пищевыхъ веществъ.

Тканье одѣялъ у племени Наваки, Сѣв. Америка. По Стивенсону. См. текстъ, стр. 200.

На этомъ пути потребности выростаютъ чрезмѣрно быстро, такъ какъ тѣло приспособляется къ новымъ требованіямъ такъ же, какъ привыкаетъ къ болѣе богатой одеждѣ и лучшимъ условіямъ жилища. Для представителя современныхъ состоятельныхъ классовъ едва ли было бы возможно существовать въ условіяхъ, которыя были общими для всей Европы въ ранній періодъ средневѣковья. Такимъ образомъ, выходитъ, что съ ростомъ культуры увеличивается число потребностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ до огромныхъ размѣровъ раздвигается и кругъ хозяйственной дѣятельности. Не смотря на это хозяйство всегда останется необходимымъ постулатомъ всякаго человѣческаго существованія и хозяйственный трудъ первымъ и необходимѣйшимъ изъ всѣхъ. И ничто такъ не возбуждаетъ и не потрясаетъ отдѣльную личность и большія группы человѣчества племя, народъ, какъ поврежденіе или разрушеніе экономическаго фундамента.

Но всегда ли сознаетъ этотъ фактъ болѣе культивированная часть человѣчества? Очевидно нѣтъ. Если мы пересмотримъ документы, которые касаются прошлой и настоящей жизни культурныхъ народовъ, если мы присмотримся къ тѣмъ наброскамъ, которые нѣсколько смѣло называютъ „Всемірной исторіей“, мы сдѣлаемъ то любопытное открытіе, что объ экономическихъ вопросахъ, какъ причинахъ историческихъ событій говорятъ, обыкновенно очень мало; упадокъ или расцвѣтъ экономической жизни, кажутся слѣдствіями борьбы, которая ведется для совершенно иныхъ цѣлей.

Кто сталъ бы смотрѣть на событія глазами многихъ старыхъ историковъ, тому земля могла бы представляться сценой, на которой выступаютъ

другъ противъ друга короли и герои въ величественныхъ позахъ съ громкими словами на устахъ, въ то время какъ народъ, о благѣ и скорбяхъ котораго идетъ дѣло, только платитъ и проливаетъ кровь и, самое большее, иногда въ особенно эффектныхъ мѣстахъ выражаетъ рукоплесканіями свое сочувствіе. Даже тамъ, гдѣ дѣло идетъ о проявленіяхъ простого экономическаго эгоизма, выставляется идеальная вывѣска: Португальцы, искавшіе путь въ богатую Индію и ревностно охранявшіе свою монополію торговли и эксплуатаціи этой страны, весьма желали увѣрить весь міръ въ томъ, что ихъ главная цѣль—борьба съ невѣрными; они далеко не одни выступали съ этимъ мудрымъ лицемѣріемъ. Только въ новѣйшее время взоры историковъ отвратились отъ этой обманчивой мишуры и направились къ выясненію экономической основы явленій политической и даже духовной жизни. Теперь всемірная исторія пріобрѣтаетъ другой видъ; великіе люди, которые, казалось, произвольно направляли судьбы народовъ, отступили назадъ и во многихъ случаяхъ являлись только выразителями мыслей массъ, крупныя и растущія потребности которыхъ опредѣляютъ ходъ событій, въ то время какъ случайныя вмѣшательства отдѣльныхъ личностей производятъ только мелкія отклоненія и замедленія. Побѣду экономической и культурной исторіи надъ чисто политической обезпечили прежде всего работы Карла Лампрехта.

Новая историческая школа знаменуетъ собой крупный шагъ въ развитіи человѣческаго сознанія. Но здѣсь невольно возникаетъ вопросъ, безусловно заслуживающій разсмотрѣнія: какіе мотивы могли вызвать странную тенденцію не только у историковъ, но и у правителей и самихъ народовъ, прикрывать основные экономическіе мотивы и подчеркивать старательно вмѣсто нихъ вопросы права и даже религіозные? Не походитъ ли это на то, что люди стыдятся извлекать мечъ ради чисто экономическихъ вопросовъ? Если это такъ, то какъ могло произойти это чувство стыда и какія основанія оно имѣетъ для себя?

Это одинъ изъ моментовъ человѣческаго самовоспитанія, которое вытекаетъ изъ подавленія чисто чувственныхъ, инстинктивныхъ стремленій, сравнительно съ моральными эстетическими и умственными мотивами и соотвѣтствуетъ тому пути, по которому направляется человѣческое развитіе. Самая рѣшительная борьба происходила, какъ мы видѣли, въ области половой жизни: одинъ изъ сильнѣйшихъ и необходимѣйшихъ и по своимъ конечнымъ цѣлямъ, ни въ какомъ случаѣ не подлежащихъ порицанію инстинктовъ, не долженъ былъ въ культурномъ мірѣ проявляться въ своихъ наиболѣе естественныхъ и грубыхъ формахъ и могъ разсчитывать лишь на то, что его будутъ терпѣть лишь въ скрытомъ и облагороженномъ видѣ. Но осторожность и рѣшительность, съ которой оттѣснялись проявленія полового чувства, покоятся на томъ обстоятельствѣ, что чистое само по себѣ и благородное стремленіе къ продолженію рода возбуждается и награждается приманками и наслажденіями низшаго сорта, которыя становятся скоро цѣлью сами по себѣ и гибельнымъ образомъ отклоняютъ личность отъ ея обязанностей передъ обществомъ и отъ высшей культурной работы. Культурный человѣкъ не можетъ простосердечно и искренно наслаждаться чувственными удовольствіями: его не покидаетъ сознаніе болѣе благородныхъ цѣлей и низшіе инстинкты, пріобрѣтая временную власть надъ нимъ, кажутся ему постыдными; горькой цѣной этого раздвоенія покупаемъ мы наши лучшія блага.

То, что сказано о продолженіи рода, то хотя и въ болѣе мягкой формѣ, можно примѣнить и къ питанію. И здѣсь дѣло идетъ о естественномъ, необходимомъ стремленіи, удовлетвореніе котораго связано съ чувствомъ удовольствія; удовольствіе это является важнѣйшимъ для животнаго и первобытно наивнаго человѣка и можетъ дѣйствовать такъ же губительно, какъ необузданныя половыя наслажденія; непривлекательная фигура кутилы и

мота, который среди дѣятельнаго и полнаго стремленій міра гоняеся за ничтожными вкусовыми наслажденіями, служитъ показателемъ того, какъ опасно такое наслажденіе и какъ гибельно оно вліяетъ на культуру, которая живетъ дѣйствительной жизнью лишь при постоянномъ движеніи впередъ. Быть безполезнымъ бражникомъ считается за честь только тамъ, гдѣ угасло наслажденіе настоящей культурной работой. Соотвѣтственно этимъ воззрѣніямъ отдѣльная личность обнаруживаетъ наклонность прикрывать и скрашивать экономическіе интересы, сводящіеся къ питанію; такимъ образомъ каждый годъ заключаются безчисленные „браки по разсчету", т. е. браки, основанные на чисто экономическихъ, точнѣе финансовыхъ соображеніяхъ, но относительно рѣдко кто-нибудь откровенно признается, что женится только изъ-за денегъ; равнымъ образомъ рѣдко кто сознается, что чувственные мотивы были единственными причинами даннаго брака.

Среди большихъ народныхъ группъ господствуютъ тѣ-же тенденціи. Кто борется или только дѣлаетъ видъ, что борется, за идеальныя цѣли, считаетъ себя болѣе правымъ, нежели тотъ, кто подчиняется чисто матеріальнымъ мотивамъ. Даже чисто завоевательныя войны, какъ войны Александра Македонскаго и Наполеона I, осуждаются менѣе, чѣмъ борьба за экономическіе интересы: здѣсь возбуждаются другія, болѣе идеальныя страсти, чѣмъ въ борьбѣ за хлѣбъ насущный и за богатство. Между безчисленными воззваніями, которыя обращаются уже къ выступающему войску, едва-ли когда нибудь прорвется признаніе, что начинающаяся война будетъ вестись за чисто земныя блага. Самый избитый идеальный предлогъ будетъ усерднѣе подчеркиваться, чѣмъ вызывающія на самомъ дѣлѣ на распрю экономическія силы; однимъ словомъ, людямъ пріятнѣе слыть карателями зла и цензорами, чѣмъ разбойниками. Если иногда эгоизмъ начинаетъ слишкомъ ясно выступать изъ-подъ культурнаго флера, его прикрывающаго, какъ при войнѣ англичанъ съ Китаемъ изъ-за опіума или въ войнѣ противъ буровъ въ южной Африкѣ, возмущеніе зрителей оказывается всеобщимъ, и, можетъ быть, часть инстинктивнаго отвращенія народовъ къ торговымъ государствамъ, отъ котораго страдали Англія и Карфагенъ, слѣдуетъ приписать тому, что они менѣе расположены и могутъ скрывать свои экономическіе мотивы, чѣмъ другіе. По отношенію къ этому, слѣдуетъ признать крупнымъ шагомъ впередъ то, что рано или поздно блестящая и обманчивая поверхность, которая прикрываетъ своекорыстныя стремленія, снимается, и разоблачаются махинаціи лицемѣрія. Здѣсь выгода въ двоякомъ смыслѣ. Если уже само по себѣ каждое новое открытіе слѣдуетъ привѣтствовать, какъ чистую выгоду, то въ настоящемъ случаѣ сама культура отклоняется отъ ложнаго пути, благодаря раскрытію матеріальнаго содержанія якобы идеальныхъ стремленій; благодаря этому народы, можетъ быть, постепенно научатся обсуждать экономическіе вопросы спокойно, умѣренно и разумно, не прикрываясь фарисейскими фразами; рядомъ съ этимъ и идеальныя цѣли будутъ тѣмъ прочнѣе держаться предъ глазами и тѣмъ чаще преслѣдоваться, чѣмъ меньше борьба за пропитаніе будетъ смѣшиваться съ благородной борьбой духовныхъ силъ.

Было бы однако ошибкой считать то чувство стыда, которое испытываетъ человѣчество предъ экономическими вопросами и которое такъ часто является причиной поддѣльнаго блеска, за заблужденіе само по себѣ и вступать съ нимъ въ безпощадную борьбу: это хорошее и справедливое чувство, и его здоровое зерно является причиной того, что оно остается всегда живымъ и дѣйствительнымъ, несмотря на всѣ злоупотребленія.

Этотъ вопросъ имѣетъ еще и другую сторону. Если мы примемъ во вниманіе, что питаніе является основой всякаго существованія, и стало быть, всей народной жизни, всей культуры вообще, то предъ нами легко выяснится огромная важность экономическихъ вопросовъ; каждое эконо-

мическое явленіе имѣетъ свои послѣдствія въ духовной области. Народъ воплощаетъ въ себѣ безчисленное множество частью ему одному присущихъ матеріальныхъ, моральныхъ и умственныхъ благъ, и всякая опасность, угрожающая его экономическому бытію, ставитъ на карту всѣ эти блага. Экономическая борьба становится борьбой народовъ и расъ. Насколько неотдѣлимы въ такихъ случаяхъ духовные и матеріальные мотивы, можетъ быть, показываетъ лучше всего враждебное отношеніе, въ какомъ стоятъ на протяженіи историческаго процесса къ евреямъ многіе народы, а въ послѣднее время и часть нѣмцевъ. Конечно, прежде всего дѣло идетъ здѣсь объ экономическомъ вопросѣ, объ отпорѣ безспорно паразитическимъ тенденціямъ еврейскаго племени со всѣми ихъ въ экономическомъ смыслѣ серьезными послѣдствіями, но рядомъ съ этимъ нерасположеніе возбуждается и живо поддерживается образомъ мыслей и характеромъ еврейства ихъ склонностью къ разлагающей критикѣ, своеобразными. нравственными правовыми воззрѣніями и т. д.

Можно идти еще дальше и прибавить, что возможна борьба за чисто духовные интересы, которая только своими послѣдствіями, а не своими причинами переходитъ въ область экономики. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать на Германію, которая цѣной невыразимыхъ страданій въ тридцатилѣтнюю войну добилась религіозной и умственной свободы. Это не значитъ еще однако, что и самыя религіозныя идеи не могутъ быть сведены къ основнымъ экономическимъ причинамъ—какое духовное благо не стоитъ въ какой-нибудь связи съ хозяйствомъ? Почва, климатъ, образъ жизни германскихъ племенъ, конечно, прежде всего выработали характеръ, который заставилъ ихъ требовать духовной свободы. Объ этихъ косвенныхъ связяхъ каждой національности съ экономикой, этихъ самихъ по себѣ понятныхъ условіяхъ человѣческаго существованія, въ данномъ случаѣ нѣтъ надобности и упоминать.

Рѣзче и несомнѣннѣе выступаютъ экономическіе вопросы тамъ, гдѣ враждуютъ группы одного и того же народа. Здѣсь всѣхъ объединяютъ общія черты національнаго характера, благо котораго для всѣхъ дорого, хотя взгляды на лучшій путь къ благосостоянію могутъ быть различны. То, что вызываетъ раздоръ внутри одной общественной группы или одного народа, сводится почти всегда къ различнымъ воззрѣніямъ на справедливое распредѣленіе благъ. Даже въ основѣ борьбы отдѣльныхъ слоевъ народа за политическія права лежитъ желаніе отодвинутыхъ на задній планъ, добиться права на участіе въ распоряженіи благами и управленіи общимъ достояніемъ. Если, несмотря на это, обыкновенно стыдятся показать открыто экономическое ядро вопроса, то это довольно понятно; но вслѣдствіе того, что здѣсь отношенія мельче, это ведетъ къ лицемѣрію еще болѣе подозрительному, чѣмъ то, которое выступаетъ при столкновеніяхъ народовъ, и порой стоитъ не мало труда распознать настоящую суть дѣла. Можно напр., быть хорошо знакомымъ съ англійской исторіей и не знать, что за партіей тори стоитъ крупное землевладѣніе, а за вигами—промышленный и торговый классъ и что въ борьбѣ этихъ партій воплощается постепенное превращеніе Англіи изъ земледѣльческаго государства въ торговое и промышленное. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда партія открыто стремится къ экономическимъ цѣлямъ, она охотно прикрываетъ ихъ идеальнымъ политическимъ плащемъ: соціалистическая партія нѣмецкихъ рабочихъ любитъ представляться въ то же время и демократической, хотя соціализмъ и демократія не имѣютъ сами по себѣ ничего общаго. Честнѣе и достойнѣе во всякомъ случаѣ, какъ это сдѣлали въ настоящее время „аграріи", открыто признаться въ экономическихъ притязаніяхъ и этимъ заставить противниковъ показать себя въ своемъ настоящемъ видѣ. Нужно только при этомъ сознавать, что на экономикѣ покоится культура, а настоящая культурная работа, въ которой должны

принимать участіе безъ различій всѣ, совершается въ духовной области и должна стоять въ сторонѣ отъ пререканій экономическихъ партій.

Въ общемъ, набросанная выше картина развитія обнаруживаетъ еще разъ то ритмическое колебаніе, которое характеристично для прогресса культуры вообще: за чрезмѣрнымъ подчеркиваніемъ духовныхъ и идеальныхъ благъ слѣдуетъ, какъ односторонняя реакція, побѣда реализма, который ставитъ жизнь вновь на его первоначальную здоровую почву, чтобы потомъ опять, лишь только реализмъ начнетъ вырождаться въ пошлую погоню за наслажденіями, уступить мѣсто новому натиску духовныхъ силъ. Незамѣтно, но несомнѣнно, при этой смѣнѣ поднимается уровень культуры.

Однако и помимо этихъ взаимодѣйствій значеніе экономики для народной жизни должно измѣняться съ ростомъ культуры. Оно незначительно на самыхъ низкихъ ступеняхъ, выростаетъ на среднихъ и отступаетъ на второй планъ на самыхъ высшихъ, гдѣ оно должно удерживать свое мѣсто рядомъ съ духовными стремленіями. Малое значеніе экономики для самыхъ первобытныхъ народовъ привело даже выдающихся экономистовъ къ тому, что они отказываютъ этимъ народамъ въ экономическомъ сознаніи вообще. По Карлу Бюхеру, они стоятъ на ступени индивидуальныхъ поисковъ за пищей, т. е. каждый отдѣльный человѣкъ заботится ближайшимъ образомъ о себѣ, не заботясь о горѣ и радостяхъ своихъ ближнихъ, и первичную человѣческую группу соединяютъ не экономическія, а чисто общественныя узы. Въ сущности, это сводится къ старому воззрѣнію, что развитіе народнаго хозяйства начинается хозяйствомъ индивидуальнымъ, и какъ зданіе складывается изъ отдѣльныхъ камней, такъ и хозяйство народа складывается постепенно изъ хозяйства его членовъ, изъ которыхъ каждый строитъ свое собственное зданіе.

Это воззрѣніе должно показаться сомнительнымъ каждому, кто приметъ во вниманіе отношенія отдѣльной личности къ своимъ соплеменникамъ и соотечественникамъ, не только живымъ, но прежде всего предкамъ и потомству. Уже давно человѣческое общество и каждая изъ его естественныхъ группъ были сравниваемы съ водопадомъ или струей фонтана, которая, повидимому, сохраняетъ всегда свою форму, а въ дѣйствительности создается только постоянной смѣной появляющихся и исчезающихъ водяныхъ капель. Совершенно такъ же отдѣльный человѣкъ играетъ такую роль въ долговѣчной организаціи, какъ маленькая, текучая, преходящая капля въ фонтанѣ; онъ составляетъ звено безконечной цѣпи, отъ которой онъ зависитъ такъ же, если не сильнѣе, нежели отъ своихъ живыхъ соплеменниковъ; наслѣдствомъ отъ прошлыхъ поколѣній является даже все то, что онъ приноситъ съ собой. Замѣчательно то, что нѣтъ въ языкѣ обозначенія для такой группы человѣчества, которая включаетъ въ себя не только живыхъ, но и предковъ. Если я нѣкогда рѣшился предложить для нея терминъ „постоянная группа“ или „постоянное общество“, то лишь за недостаткомъ лучшаго, болѣе мѣткаго выраженія, которое, можно надѣяться, со временемъ будетъ найдено[1]. Въ краткихъ словахъ мысль наша можетъ быть выражена такъ: и въ экономическомъ отношеніи человѣкъ никогда и нигдѣ не является изолированнымъ существомъ; но всегда членомъ постоянной группы. Даже тотъ, кто вполнѣ отдѣляется отъ человѣческаго общества и живетъ, какъ отшельникъ или какъ Робинзонъ, — онъ работаетъ за счетъ наслѣдства отъ предковъ, которое проявляется въ его физической природѣ, его наклонностяхъ, его знаніи. Кто же остается вѣрнымъ своему обществу или присоединяется къ новому,

[1] Въ сферѣ религіозной жизни такимъ терминомъ служитъ „церковь“ — общество вѣрующихъ какъ живыхъ, такъ и умершихъ — Огюстъ Контъ, пытавшійся создать религію человѣчества, которое онъ назвалъ Etre supreme, разсматривалъ его, какъ единую совокупность людей прошлаго, настоящаго и будущаго. *Ред.*

тотъ пользуется всей суммой экономическихъ знаній, которыми располагаютъ его товарищи, хотя бы эти знанія въ глазахъ культурнаго человѣка были малы до смѣшного и частью даже сомнительны. Слѣдовательно, экономическая солидарность имѣется на самыхъ низшихъ изъ доступныхъ наблюденію ступеняхъ развитія; удерживаетъ ли отдѣльная личность исключительно для себя пищу, которую она добываетъ на основаніи общихъ знаній или часть ихъ отдаетъ, вымѣниваетъ, это по сравненію съ основнымъ фактомъ имѣетъ мало значенія. Не можетъ быть, конечно, и рѣчи о томъ, что первобытный человѣкъ сознательно выполняетъ тѣ обязанности, которыя налагаетъ на него принадлежность къ извѣстной постоянной группѣ; естественные инстинкты пекутся о томъ, чтобы онъ продолжалъ родъ и снабжалъ потомство необходимымъ количествомъ пищи, защитой, уходомъ и обученіемъ. Если бы этого не было, человѣчество давно исчезло бы съ лица земли.

Горшокъ для варки пищи у племени кала, Зап. Суданъ. По Пассаржу.

Пропитаніе, эта главная цѣль всякаго хозяйства, является только на низшихъ ступеняхъ развитія относительно простымъ понятіемъ и то въ сущности только повидимому. Вернемся для изслѣдованія этого вопроса назадъ къ животному міру.

Стадо антилопъ, которое пасется въ богатой травами степи, кажется превосходнымъ примѣромъ простого приискиванія пищи: каждое животное непосредственно принимаетъ питательное вещество, которое ему предлагаетъ природа, не затрачивая силъ ни на что другое, кромѣ передвиженія съ мѣста на мѣсто, жеванія и глотанія. Самые первобытные народы, кажется, мало поднимаются надъ этой ступенью, такъ что въ самомъ дѣлѣ можетъ показаться неумѣстнымъ примѣнять выраженіе „хозяйство“ къ дѣятельности, посвященной потребностямъ минуты.

Кладовая у эскимосовъ. По Ф. Боасу. См. текстъ, стр. 208.

Въ дѣйствительности же то, что дѣлаетъ стадо антилопъ, вовсе не простой, а очень сложный процессъ. То, что передъ нами выступаетъ, какъ нѣчто живое и, повидимому, понятное само собой, есть результатъ безконечной эволюціи. Тѣло антилопы самымъ точнымъ образомъ приспособлено къ той пищѣ, которую она находитъ въ степи; оно снабжено лучшими средствами для того, чтобы воспринимать ее, размельчать и переваривать. Каждое животное далѣе распознаетъ вѣрнымъ инстинктомъ, какія вещества ему полезны, какія нѣтъ, и стадо наконецъ знаетъ изъ поколѣній въ поколѣніе пастбища, на которыхъ находятся эти вещества, знаетъ водопой въ степи и, можетъ быть, тѣ привлекательныя мѣста, гдѣ выступаетъ на поверхность солончаковая почва. Все это далеко не такъ просто; стоитъ только сравнить „экономическую“ жизнь этого стада антилопъ съ семействомъ львовъ, которое, можетъ быть, живетъ въ той же степи, чтобы оцѣнить многочисленность формъ возможнаго развитія.

Мы давно уже знаемъ, что у человѣка мѣсто физическаго приспособленія заступаетъ духовное. Перенесемъ это положеніе въ область питанія и окажется, что физическія свойства человѣка только въ незначительной степени могутъ измѣняться подъ вліяніемъ питанія, что, напротивъ, онъ научается, благодаря своей духовной силѣ преобразовывать питательныя вещества и дѣлать ихъ для себя пригодными (см. рис.) и здѣсь не человѣкъ приспособляется къ веществу, а приспособляетъ вещество къ своей при-

родѣ. Въ то время, какъ животныя, принужденныя пользоваться новымъ родомъ пищи, постепенно приспособляются къ новымъ условіямъ строеніемъ своего тѣла, человѣкъ расширяетъ кругъ своихъ источниковъ питанія, преобразуя неудобоваримыя вещества въ съѣдобныя и добываетъ путемъ изобрѣтеннаго имъ увеличенія своего вооруженія и снаряженія питательныя средства, которыя при иныхъ условіяхъ были бы ему недоступны. Безсознательный прогрессъ организма замѣняетъ онъ здѣсь сознательнымъ прогрессомъ общества; ведя борьбу за существованіе, онъ организуетъ не свое тѣло, а вещи, лежащія внѣ его. Эта дѣятельность, поскольку она касается пропитанія, есть именно то, что мы называемъ хозяйствомъ.

Въ виду сказаннаго мы должны остерегать себя отъ взгляда на хозяйство, даже самыхъ первобытныхъ человѣческихъ группъ, какъ на нѣчто крайне простое и неимѣющее значенія. Представляетъ большой интересъ выясненіе главныхъ направленій, по которымъ идетъ развитіе экономической дѣятельности человѣка; здѣсь обнаруживается — безъ необходимости подчеркивать это въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ — старая истина, что человѣческія стремленія представляютъ собой параллель къ воздѣйствіямъ, при помощи которыхъ темныя, но цѣлесообразныя указанія природы питаютъ живые организмы и охраняютъ ихъ или, подъ видомъ непреодолимаго инстинкта, побуждаютъ ихъ самихъ къ цѣлесообразной дѣятельности.

Здѣсь полезно упомянуть, что въ хозяйственной области человѣчество не отдѣляется рѣзко отъ животнаго міра. Многія животныя характеризуются хозяйственной дѣятельностью—муравьи, пчелы или хомяки, собираютъ въ своей норѣ запасъ на зиму. Существуютъ примитивныя человѣческія группы, собственная хозяйственная дѣятельность которыхъ бѣдна, сравнительно со многими животными и выгодно отличается отъ послѣднихъ только тѣмъ, что она не чисто инстинктивна, но сознательно направлена къ данной цѣли и потому способна къ болѣе быстрому и высокому развитію, если къ тому явятся соотвѣтствующіе стимулы.

Хозяйство немыслимо безъ заботы о настоящемъ и будущемъ. Пасущееся на травѣ стадо въ этомъ смыслѣ не ведетъ никакого хозяйства: организмъ каждаго отдѣльнаго животнаго собираетъ, проявляя хозяйственную безсознательную дѣятельность, запасъ вещества, обрабатываетъ добытыя питательныя массы и отдѣляетъ нужное отъ ненужнаго. Совершенно также и человѣкъ, пока онъ просто потребляетъ случайно найденную пищу, не ведетъ хозяйственной дѣятельности въ собственномъ смыслѣ; но если онъ преобразуетъ предварительно вещества, напр., разбиваетъ камнями скорлупу кокосоваго орѣха или мозговыя кости, если далѣе онъ откладываетъ часть съѣстного про запасъ или беретъ его съ собой домой для своихъ дѣтей, то здѣсь мы видимъ уже зачатки будущей хозяйственной дѣятельности. Итакъ мы будемъ называть работу, которая служитъ не преходящему капризу, а будущему, трудомъ, а всякій актъ сбереганія, который, имѣетъ также въ виду будущее благо, воздержаніемъ. Въ сферѣ этихъ двухъ принциповъ — труда и воздержанія—и развивается хозяйство. Безусловно правильнѣе сдѣлать обзоръ хозяйственной дѣятельности, исходя изъ этой широкой точки зрѣнія, чѣмъ разсматривать главнымъ образомъ матеріальную сторону вопроса; при такомъ взглядѣ сами собой являются двѣ крупныхъ группы хозяйственной дѣятельности.

Трудъ необходимъ для удовлетворенія жизненныхъ потребностей семьи или племени, такъ какъ всегда приходится заботиться объ особяхъ, которыя сами не могутъ работать; часто работа состоитъ въ борьбѣ противъ враговъ—людей, звѣрей, которые или угрожаютъ непосредственно, людямъ, или оспариваютъ источникъ пропитанія. Если борьба дѣлается сущностью хозяйства и ведется активно, возникаетъ разбойничье хозяйство, которому предаются съ особенной любовью многія группы человѣчества.

Работа и борьба требуютъ силъ и знаній, которыя нужно развивать и упражнять. Частью увеличивая свои силы орудіями, оружіемъ и машинами, частью научаясь бережливо и цѣлесообразно расходовать ихъ, человѣкъ открываетъ себѣ новые пути къ безграничному прогрессу. Одновременно достигается путемъ передачи пріобрѣтенныхъ знаній и навыковъ самый могущественный изъ всѣхъ способъ сбереженія силы.

На воздержаніи основана вторая крупная сторона экономической жизни, которая разнообразно развивается рядомъ и совмѣстно съ формами общественности и по существу сводится къ тому, что индивидуумъ отказывается отъ исключительнаго и немедленнаго удовлетворенія и выходитъ изъ предѣловъ потребностей настоящаго и своего собственнаго я. Изъ желанія сохранить пищевыя вещества для будущаго (см. рис. на стр. 206) вытекаетъ рядъ въ высшей степени важныхъ дѣятельностей, которыя посвящены консервированію пищевыхъ веществъ. Прежде всего съ ростомъ культуры обнаруживается необходимость регулировать потребленіе путемъ хорошаго и справедливаго раздѣленія личныхъ жизненныхъ потребностей, съ одной стороны, и путемъ ограниченія безсмысленнаго потребленія съ другой. Но и безъ расточенія пищевыхъ веществъ можетъ случиться, что численность населенія растетъ быстрѣе, чѣмъ увеличеніе средствъ содержанія; здѣсь можетъ помочь только ограниченіе роста народной массы, какъ особый родъ воздержанія. И дѣйствительно возникаютъ различныя средства для достиженія этой цѣли, что и образуетъ значительную и обширную главу въ ученіи о хозяйствѣ человѣчества.

Этотъ схематическій обзоръ необходимо развить въ отдѣльныхъ пунктахъ, чтобы получить живую картину отношеній.

Всякая дѣятельность, которая прямо или косвенно служитъ хозяйственнымъ цѣлямъ, называется трудомъ. Но, всѣ, повидимому, столь простыя и ясныя, идеи культурнаго міра, когда мы принимаемся за изслѣдованіе ихъ развитія, чѣмъ дальше мы идемъ въ глубь прошлаго, тѣмъ все болѣе искажаются, пока наконецъ мы совсѣмъ не запутываемся въ своихъ представленіяхъ относительно ихъ сущности. Точно также и трудъ въ своихъ первобытныхъ зачаткахъ является вещью удивительно двойственной по природѣ. Онъ соединяется съ такими родами дѣятельности, которыя на высшихъ ступеняхъ развитія считаются почти прямо противоположными нашему понятію о трудѣ. Геніальному Карлу Бюхеру удалось разобраться въ этомъ вопросѣ. Его результаты будутъ использованы въ дальнѣйшемъ, частію въ болѣе расширенномъ, частію въ сокращенномъ видѣ.

Работа въ томъ видѣ, какъ ее знаютъ культурные народы — ввидѣ правильной и цѣлесообразной дѣятельности, у первобытныхъ народовъ практикуется въ незначительныхъ размѣрахъ или по крайней мѣрѣ является часто въ формѣ капризной произвольно - прерываемой траты энергіи; у большой части животныхъ о работѣ въ собственномъ смыслѣ слова не можетъ быть и рѣчи. И однако должно же быть нѣчто въ этомъ хаосѣ, изъ чего развиваются высшія формы дѣятельности.

Въ дѣйствительности ни одно живое существо не оказывается совершенно бездѣятельнымъ и не можетъ имъ быть. Жизнь въ то же время есть необходимое движеніе, такъ какъ это требуется обмѣномъ веществъ. То, что не обнаруживаетъ активнаго движенія ни внутри своихъ органовъ, ни внѣ — мертво. Въ растительномъ мірѣ жизненныя движенія большею частью совершаются внутри организма, напротивъ, животныя, которыя разыскиваютъ себѣ пищу, отвѣчаютъ на внѣшнія возбужденія движеніями, во внѣшнемъ мірѣ. Эта дѣятельность по отношенію ко внѣшнему міру образуетъ, независимо отъ цѣли и результатовъ, необходимое условіе бытія: животное, которое добываетъ себѣ пищу при помощи передвиженій, въ тѣсной клѣткѣ погибаетъ даже при обильномъ питаніи. О физіоло-

гическихъ причинахъ явленія, мы здѣсь не будемъ говорить, но самый фактъ нельзя отвергать.

Изъ общей **необходимости движенія** вырастаетъ, безъ сомнѣнія, и работа. Но необходимо ли, чтобы существующая потребность въ движеніи всегда находила исходъ въ цѣлесообразныхъ дѣйствіяхъ? Когда проявляютъ свое вліяніе голодъ или опасность, тогда, конечно, въ данномъ направленіи примѣняются силы и ихъ избытокъ, но какъ скоро прекращается это давленіе—онѣ текутъ свободно, ничѣмъ не связанныя, и потребность въ движеніи превращается не въ трудъ, а въ **игру**. Тамъ, гдѣ стараются сначала невинными упражненіями пріобрѣсти силу, игра становится всецѣло на мѣсто цѣлесообразной дѣятельности; почти всѣ молодыя животныя упражняютъ свои силы въ игрѣ, совершенно такъ же, какъ наши дѣти, и если первобытные народы называются большими дѣтьми, то главнымъ основаніемъ такого воззрѣнія является ихъ любовь къ играмъ (см. рис. рядомъ) и ихъ отвращеніемъ къ правильной работѣ. Съ особенной страстью и затратой силъ предаются они танцамъ, хотя никогда не считаютъ ихъ работой, этотъ фактъ выдвинулъ и разъяснилъ Ферреро. Но танцы состоятъ, что очень важно, изъ ритмическихъ повтореній простыхъ движеній тѣла.

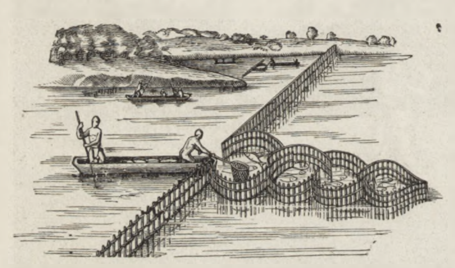

Индѣйцы-Меномини, играющіе въ мячъ, Сѣв. Америка. По В. І. Гофману.

Страсть къ утомительнымъ танцамъ показываетъ ясно, что отвращеніе къ работѣ вызывается не **физическимъ**, а **духовнымъ** принужденіемъ. Каждая цѣлесообразная работа требуетъ въ извѣстной мѣрѣ внимательности и духовнаго напряженія, которыя утомляютъ непривычнаго, и дѣтей культурныхъ народовъ должно пріучать работать, въ то время какъ играютъ они добровольно и часто съ большимъ усердіемъ. Танцы со своими монотонными и безцѣльными движеніями или вовсе не требуютъ духовнаго напряженія, или очень мало.

Страхъ предъ работой пересиливается давленіемъ нужды и надеждой на наслажденіе. Способность сосредоточивать вниманіе на очень отдаленномъ наслажденіи и ради его работать и терпѣть лишенія является крупнымъ преимуществомъ культурныхъ народовъ сравнительно съ некультурными племенами. Побѣда эта облегчается своебразнымъ процессомъ, разъясненіе котораго составляетъ особую заслугу Бюхера: Работа часто въ началѣ выступаетъ въ формѣ игры, другими словами, путемъ преобразованія работы въ родъ ритмической игры, духовное напряженіе работника до такой степени смягчается, что ее становится въ силахъ производить даже не воспитанный упражненіемъ умъ.

О значенiи ритма мы будемъ говорить въ отдѣлѣ искусства, которое есть ничто иное, какъ облагороженная игра. Здѣсь достаточно указать на факты и привести взглядъ Бюхера, что ритмическая работа потому меньше утомляетъ, что здѣсь расходованiе силы производится въ регулированной и соразмѣрной формѣ. Сущность ритма работы Бюхеръ обрисовываеть весьма удачно: „Что регулированный на основанiи прочнаго отношенiя мѣры ходъ равномѣрно текущихъ работъ имѣетъ въ самомъ дѣлѣ тенденцiю формироваться ритмически, лучше всего видно на многочисленныхъ дѣйствiяхъ, при которыхъ соприкосновенiе орудiя съ матерiаломъ даетъ звукъ и гдѣ мы изъ звучныхъ, черезъ равные промежутки слѣдующихъ одинъ за другимъ ударовъ или толчковъ, заключаемъ о равной энергiи производящей ихъ силы и о равной мѣрѣ времени сопровождающаго ихъ движенiя. Кузнецъ, слесарь, жестяникъ, котельщикъ въ тактъ опускаютъ молотъ на металлъ, столяръ черезъ равные промежутки времени производитъ движенiя пилой, рубанкомъ, гладилкой. Кто не знаетъ однороднаго звука сапожнаго молотка, льняной мялки, ткацкаго челнока, плотничьяго топора, трамбовки, рѣзца каменщика?“ Бюхеръ говоритъ затѣмъ о работахъ, которыя, дифференцируясь въ напряженiи и продолжительности, производятъ опредѣленнаго ритма звуки, своего рода мелодiи. „Естественно, продолжаетъ онъ, ритмъ звуковъ въ этихъ случаяхъ не представляетъ чего-либо самостоятельнаго; онъ обусловливается ритмомъ работы. Онъ не только поддерживаетъ постоянно одну и ту же мѣру времени для движенiй, онъ производитъ одновременно, благодаря присущему ему музыкальному элементу, и возбуждающее влiянiе, ставитъ работу подъ контроль всѣхъ тѣхъ, кто можетъ воспринять эти звуки. Поэтому можно сказать, что ритмъ звуковъ облегчаетъ работу и ускоряетъ ее.“ Возбуждающее влiянiе музыки, о которомъ говоритъ здѣсь Бюхеръ и которое понимаетъ каждый, у кого зудитъ въ ногахъ при звукахъ вальса, основывается также на ритмѣ, который легче и вѣрнѣе всего доходитъ до сознанiя черезъ слухъ. Совершенно однороднымъ, хотя менѣе рѣшительнымъ образомъ можетъ привлекать къ подражанiю и видъ ритмическихъ движенiй тѣла. Здѣсь заключается новое важное преимущество звукового ритма, который легче узнается и ведетъ къ тому, что люди стараются производить ритмическiе звуки въ качествѣ мѣрила времени и силъ и возбуждающаго средства даже при такихъ работахъ, которыя производятъ мало шума. Такъ возникаютъ рабочiя пѣсни. Было бы, конечно, большой ошибкой выводить отсюда тотчасъ же заключенiе, что поэзiя рождается вмѣстѣ съ работой и изъ нея. Поэзiя, какъ мы увидимъ, есть ритмическая игра, и если она привлекается для облегченiя работы, то она въ этомъ случаѣ раздѣляетъ судьбу родственныхъ искусствъ—музыки и танцевъ. О рабочихъ танцахъ, въ самомъ дѣлѣ, можно говорить такъ же, какъ о рабочихъ пѣсняхъ; гдѣ позволяетъ родъ работы, у первобытныхъ народовъ она производится охотно въ видѣ движенiй, сходныхъ съ танцами, по большей части, конечно, съ музыкальнымъ акомпаниментомъ, который точно регулируетъ тактъ. Шаденбергъ наблюдалъ, что въ южномъ Минданао даже обработка полей производится при танцовальномъ ритмѣ.

Затоны для рыбы у индѣйцевъ Виргинiи, Сѣв. Америка. По Гаррiоту. См. текстъ на стр. 212.

Рабочiя пѣсни являются тамъ, гдѣ извѣстное число людей занято однообразной работой, и прежде всего тамъ, гдѣ необходима работа, соразмѣрная съ тактомъ. Самыми обычными являются пѣсни гребцовъ, но онѣ составляютъ только часть огромной массы. Содержанiе пѣсенъ, котораго

здѣсь мы не касаемся, часто чрезвычайно бѣдно и состоитъ изъ ряда возгласовъ или безсмысленныхъ словъ. „Не испуская протяжныхъ звуковъ,— пишетъ Штульманъ объ обитателяхъ области Букова на озерѣ Викторіи,— мужчины почти не могутъ исполнять никакой работы. Одинъ запѣваетъ, другіе отвѣчаютъ по большей части отдѣльнымъ протяжнымъ звукомъ. Часто запѣвъ состоитъ изъ настоящей импровизаціи, тогда какъ хоръ отвѣчаетъ на нее постояннымъ припѣвомъ". Еще чаще, однако, рабочія пѣсни и мелодіи дѣлаются духовнымъ достояніемъ культуры и поются при соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ всегда одинаково. На островахъ Товарищества есть, по словамъ Эллиса, пѣсни рыбаковъ, пѣсни лодочниковъ, другія поются при рубкѣ деревьевъ, при спускѣ судна. Нильскіе рыбаки для каждой отдѣльной работы своего промысла имѣютъ спеціальныя пѣсни, которыя мѣняются еще по времени дня. Въ пользу того, что и нѣмецкіе судорабочіе и родственные имъ ремесленники располагали такимъ же пѣсеннымъ богатствомъ, могутъ говорить пѣсни инскихъ и дунайскихъ бурлаковъ взодчиковъ.

Не одна, конечно, власть ритма побуждаетъ производить работу въ формѣ игры, по меньшей мѣрѣ столь же вліянія оказываетъ иллюзія свободы и беззаботности, которая окружаетъ работу въ видѣ игры, пока наконецъ не возникаетъ привычка къ правильной работѣ, и элементъ игры, какъ дополненіе къ работѣ, не исчезнетъ. Рабочія пѣсни являются документами, свидѣтельствующими о полусознательномъ самовоспитаніи человѣчества [1].

Переходъ отъ дѣятельности въ томъ видѣ, какъ ее проявляетъ первобытный человѣкъ, къ строгопрогрессивной работѣ культурныхъ народовъ въ самомъ дѣлѣ очень тяжелъ и можетъ быть постепено осуществленъ только въ широкихъ рамкахъ „постоянной группы". Жизнь отдѣльной личности слишкомъ коротка для этого огромнаго приспособленія къ новымъ условіямъ. И, однако, несправедливо было бы считать первобытнаго человѣка празднолюбцемъ; и онъ превращаетъ часть своихъ силъ, иногда даже очень значительную, въ дѣятельность, только дѣятельность эта тратится охотнѣе на игрушки, на изготовленіе украшеній, и лишена всякой правильности, такъ какъ продолжительное напряженіе вниманія для него невозможно. „Дайакъ", говоритъ Макъ Доугалль объ обитателяхъ Борнео, „не лѣнивъ. Онъ, конечно, не будетъ работать такъ, какъ работаемъ мы, но у него всегда есть какое-нибудь дѣло—онъ покрываетъ рѣзьбой орудія, изготовляетъ домашнюю посуду. Женщины работаютъ очень усердно". Только культурные народы вызвали въ себѣ потребность большую часть необходимаго движенія производить въ видѣ работы, находить даже въ ней радость и успокоеніе. („Евангеліе труда").

Всякая хозяйственная работа имѣетъ основной цѣлью расширить базисъ существованія. Для первобытнаго человѣка, точнѣе для того, кто живетъ не въ очень благопріятныхъ условіяхъ, этотъ базисъ довольно узокъ.

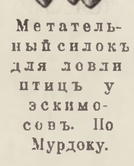
Мы не будемъ здѣсь поднимать вѣчнаго спора о томъ, питался ли въ самомъ началѣ человѣкъ только растительной пищей, именно плодами, или онъ уже въ очень раннія времена сталъ всеяднымъ животнымъ: уже изъ одного бѣглаго взгляда на строеніе тѣла человѣка видно, что ни по своему природному вооруженію, ни по свойствамъ своей зубной системы онъ не былъ приспособленъ къ борьбѣ съ крупными теплокровными животными, разрыванію и пожиранію ихъ мяса. Лишь послѣ изобрѣтенія оружія и открытія способовъ добыванія огня развился изъ него настоящій охотникъ. Изъ первобытнаго хозяйничанья, заключавшагося въ безпрерывной перемѣнѣ мѣста въ поискахъ за пищей, уже въ раннюю пору начинаютъ развиваться болѣе совершенныя формы. И на эту постоянную

[1] Прекраснымъ примѣромъ можетъ служить русская „дубинушка",— въ ней не только слова и ритмъ, но и самый мотивъ измѣняется сообразно характеру работы. Ред.

смѣну мѣстъ тоже нельзя смотрѣть, какъ на безсмысленное блужданіе, — ею руководятъ личный опытъ и преданія; передвиженія эти могутъ распространяться на большій раіонъ въ видахъ открытія ранѣе неизвѣстныхъ пищевыхъ продуктовъ и новыхъ мѣстонахожденій уже извѣстныхъ для систематическаго использованія ихъ впослѣдствіи.

Изобрѣтенія оружія и способовъ ловли (см. рис. на стр. 210), а также приспособленій для вскапыванія корней (см. рис. на стр. 214) и лазанія по деревьямъ способствуютъ увеличенію количества пищевыхъ продуктовъ. Воздѣлываніе питательныхъ растеній, разведеніе молочнаго и убойнаго домашняго скота представляютъ собою лишь дальнѣйшіе успѣхи на этомъ пути, и путь этотъ ведетъ къ болѣе интенсивному пользованію мѣстностью, причемъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ брать въ соображеніе не только сушу, но и море и всѣ населенныя рыбами воды.

Другой рядъ хозяйственныхъ занятій имѣетъ своею цѣлью улучшеніе качествъ питательныхъ продуктовъ, улучшеніе ихъ питательности и полезности. Это производится механически, — посредствомъ разминанія, битья (см. рис. на стр. 215) растиранія или химически подвергая продукты разложенію, провяливанію и главнымъ образомъ при помощи высокой температуры. Значеніе огня въ человѣческой культурѣ неизмѣримо важно; но первое и самое прочное примѣненіе его мы видимъ въ удаленіи изъ пищи неудобоваримыхъ ингредіентовъ и въ сообщеніи ей привлекательности, улучшая ея вкусъ.

Метательный силокъ для ловли птицъ у эскимосовъ. По Мурдоку.

Въ рѣзкомъ противорѣчіи съ расширеніемъ области условій возможности существованія путемъ производительнаго труда стоитъ грабительское хозяйство, которое стремится за счетъ чужого труда улучшить свою жизнь. Этотъ видъ хозяйства достигаетъ своей цѣли войной и насиліемъ. Впрочемъ было бы ошибкой смотрѣть на войну только какъ на внѣшнія проявленія грабительскаго хозяйства. Война только средство достиженія цѣли, которое примѣняется лишь только тамъ, гдѣ подвергающіеся ограбленію оказываютъ сопротивленіе. Можно почти съ такой основательностью считать воинственность средствомъ охраны продуктивнаго хозяйства, потому что и самые миролюбивые народы должны въ борьбѣ за существованіе вести войну съ животными и съ людьми. Въ этомъ смыслѣ двумъ видамъ оружія, оборонительнаго и наступательнаго (см. рис. на стр. 216), соотвѣтствуетъ и двоякій характеръ войнъ. Цѣликомъ какая-либо группа людей посвящаетъ себя войнѣ только въ исключительныхъ случаяхъ. Чаще всего у каждаго пола свое хозяйство—женщины заняты продуктивнымъ трудомъ, мужчины войной. При этомъ грабительское хозяйство, какъ и всякое другое, имѣетъ свои фазы развитія, и каждой фазѣ соотвѣтствуетъ свой способъ веденія войны и свои системы грабежа, причемъ измѣняется и характеръ искомой добычи и методъ ея добыванія. Воины первобытнаго, людоѣдскаго племени убиваютъ врага съ цѣлью съѣсть его. Совсѣмъ иныя картины видимъ, когда передъ нами вооруженный номадъ грабитъ чужой скотъ, когда земледѣлецъ старается захватить въ плѣнъ невольниковъ для обработки своихъ полей — или когда воинственный торговецъ старается сдѣлать монополію изъ своихъ барышей и съ этой цѣлью другихъ поставить въ экономическую зависимость отъ себя. Можно представить себѣ грабительское хозяйство и безъ насилія: такой народъ, какъ цыгане, добрую половину своихъ средствъ къ существованію добываетъ воровствомъ. Съ грабительскимъ хозяйствомъ можно сравнить мѣстами паразитное добываніе средствъ существованія евреями, армянами

и т. д. [1]. Перломъ этой системы въ высоко культурныхъ обществахъ являются представители биржевой спекуляціи. Какъ рядомъ съ продуктивными племенами существуютъ и племена грабителей, такъ и внутри всякой общественной организаціи имѣются адепты грабительскаго хозяйства, которые однако, же, въ рѣдкихъ случаяхъ рѣшаются заниматься открыто своимъ ремесломъ.

Въ цѣломъ хищническое хозяйство всегда будетъ играть второстепенную роль въ развитіи человѣчества уже по тому одному, что оно неизбѣжно предполагаетъ существованіе продуктивныхъ формъ хозяйства; но оно въ то же время показываетъ, что распространеніе главныхъ продуктовъ питанія, выработанныхъ производительными племенами, совершается едва ли гдѣ безпрепятственно, такъ какъ почти всюду найдутся жадные до чужого добра сосѣди. Однако же препятствія, которыя возникаютъ для экономическаго прогресса и основательнаго использованія естественныхъ богатствъ внутри обществъ часто бываютъ могущественнѣе и гибельнѣе, чѣмъ хищническія нападенія извнѣ.

Ни одинъ народъ на землѣ не пользуется всѣми годными для употребленія веществами дѣйствительно такъ, какъ онъ бы могъ дѣлать это на основаніи чисто экономическихъ соображеній. Оригинальное зрѣлище представляетъ тотъ фактъ, что даже у высоко развитыхъ народовъ мертвые даннаго племени требуютъ и получаютъ самыя крупныя жертвы трудомъ и питательными веществами, что ради нихъ отрекаются отъ удовлетворенія важнѣйшихъ жизненныхъ потребностей. Экономическое вліяніе страха, предъ мертвыми и культа ихъ въ первобытныхъ условіяхъ неизмѣримо и оно всего сильнѣе, конечно, тамъ, гдѣ культурное достояніе уже значительно, очищеніе же и одухотвореніе вѣры въ безсмертіе еще не совершилось. Здѣсь невозможно изложить безконечную массу отдѣльныхъ примѣровъ, но главныя явленія, въ которыхъ культъ усопшихъ вліяетъ гибельно на экономическое благосостояніе живущихъ, намѣтить легко.

Страхъ и благоговѣніе передъ мертвыми можетъ разрушать цѣнности двоякимъ образомъ, иногда стѣсняя, съ одной стороны, хозяйственную работу, уничтожая рабочую силу, съ другой — осуждая на гибель питательныя и другія годныя къ употребленію вещества. Уже безконечные вопли объ усопшихъ, траурныя увѣчья и т. д. дѣйствуютъ неблагопріятно на хозяйственную работу, но еще страшнѣе жертвы работоспособными людьми, которыхъ часто повелительно требуетъ культъ усопшихъ. Массовыя жертвоприношенія не встрѣчаются на самыхъ примитивныхъ ступеняхъ развитія; чаще именно при извѣстной степени выработки воззрѣній о загробной жизни и мірѣ боговъ прибѣгаютъ къ этимъ чудовищнымъ избіеніямъ. У народовъ низшаго культурнаго уровня взамѣнъ этого вѣра въ колдовство приводитъ къ мысли, что ни одинъ смертный случай не можетъ происходить отъ естественныхъ причинъ, а виновникомъ несчастія является человѣкъ изъ своего или чужого племени, который и долженъ за это быть наказанъ смертью. Кромѣ того, и сами покойники причиняли вредъ тѣмъ, что истлѣвшія тѣла часто погребали подъ почвой обитаемыхъ хижинъ или гдѣ-нибудь по близости.

Очень важнымъ измѣненіемъ взгляда на опасность отъ покойниковъ является желаніе по возможности пышно и привлекательно устроить для усопшихъ мѣсто ихъ успокоенія, чтобы они въ гнѣвѣ не возвращались въ старыя жилища; такимъ образомъ возникаетъ своеобразное явленіе—усыпальницы мертвецовъ становятся больше и красивѣе, чѣмъ дома живыхъ. Цѣлыя племена первобытной германской эпохи трудились надъ тѣмъ, чтобы устроить для умершаго вождя, обитавшаго при жизни въ бѣдной деревян-

[1] Гораздо научнѣе и корректнѣе было бы оставить въ покоѣ національности, а перечислить профессіи, имѣющія паразитный характеръ. Ред.

ной хижинѣ, гигантскую могилу изъ исполинскихъ камней и насыпать надъ ней высоко поднимающійся курганъ; американскіе моунды (см. рис. на стр. 217) долгое время считали постройками погибшихъ культурныхъ народовъ, тогда какъ они теперь считаются могилами предковъ нынѣшнихъ индѣйскихъ племенъ; высоко надъ дворцами фараоновъ поднимаются пирамиды, въ которыхъ покоились въ хорошо укрытыхъ палатахъ умершіе властители.

Еще болѣе вреднымъ, чѣмъ растрата рабочей силы, оказывается уничтоженіе экономическихъ благъ, которое вытекаетъ изъ страха передъ мертвыми. Для насъ, культурныхъ людей, нѣтъ ничего естественнѣе того, что наслѣдники вступаютъ во владѣніе имуществомъ умершихъ и живущіе отчасти почерпаютъ свою любовь къ труду въ желаніи оставить дѣтямъ имущество, которое облегчило бы имъ борьбу за существованіе. Но къ этому симпатичному воззрѣнію человѣчество приходитъ постепенно. Первобытнымъ народамъ, наоборотъ, кажется вполнѣ понятнымъ, что умершій, который продолжаетъ существовать въ видѣ призрака, не отказывается отъ притязаній на свое имущество и страшной местью грозитъ каждому, кто попытается прикоснуться къ его собственности. Ему благоразумно оставляютъ его собственность, не пользуясь ею и препровождая въ загробную жизнь путемъ сожиганія или зарыванія въ землю вмѣстѣ съ трупомъ. Но умершій не отказывается и отъ другихъ притязаній къ обществу. Онъ попрежнему требуетъ своей доли въ пищѣ и наслажденіяхъ другихъ, запрещаетъ пользоваться плодовыми деревьями, коровами и т. д., которыя ему принадлежали. Гдѣ экономическій базисъ племени или семьи и безъ того слабъ, эти требованія могутъ быть очень обременительными и опасными. Въ другихъ мѣстахъ, напр., на Малайскомъ архипелагѣ въ честь усопшихъ и для умилостивленія ихъ устраиваются разорительныя празднества, которыя часто пускаютъ по міру цѣлыя семьи.

Рядомъ, въ связи съ другими воззрѣніями, проявляется экономическій вредъ культа усопшихъ и въ запретахъ извѣстныхъ видовъ пищи. Преимущественно у первобытныхъ народовъ оно, повидимому, въ высокой степени произвольно ограничиваетъ выборъ питательныхъ веществъ и является сильнымъ препятствіемъ экономическому прогрессу. Масса этихъ запрещеній стоитъ въ тѣсной связи со страхомъ передъ мертвыми и вытекающими изъ него общественными формами; нѣкоторыя изъ нихъ, напр., тотемизмъ, были уже подробно обрисованы. Мысль, что предокъ или вообще любой покойникъ извѣстнаго племени воплощается въ опредѣленномъ животномъ или исключительно въ одномъ какомъ-либо растеніи, препятствуетъ сильнѣе всего хозяйственной эксплоатаціи этихъ предметовъ. Туземцы южной Африки считаютъ не только змѣй, но и похожихъ на нихъ рыбъ воплотившимися душами предковъ и не употребляютъ ихъ въ пищу. Есть, конечно, и исключенія: айно и пріамурскіе народы особенно цѣнятъ мясо медвѣдя, которому они воздаютъ родъ поклоненія (см. рис. на стр. 218 и таблицу „Праздникъ медвѣдя у гиляковъ“).

Палка для вскапыванія корней у бушменовъ. По фотографіи. См. текстъ на стр. 212.

Другая группа запрещеній, касающихся пищи, не зависитъ отъ культа усопшихъ, но принадлежитъ къ другой области ограниченій хозяйства. У многихъ высококультурныхъ народовъ рогатый скотъ, который работаетъ въ плугѣ, выдѣляется изъ ряда убойныхъ животныхъ на томъ основаніи, что это другъ и товарищъ человѣка, которому нельзя платить такой черной неблагодарностью за помощь. Сюда относится и отвращеніе большей части культурныхъ народовъ къ мясу лошади и собаки, хотя яснаго сознанія относительно причинъ названныхъ запрещеній уже нѣтъ. Высшую побѣду

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

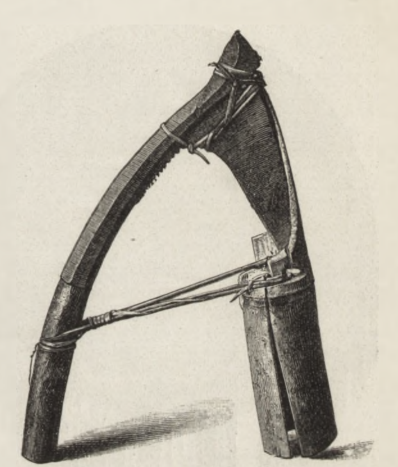
Медвѣжій праздникъ у гиляковъ (Сибирь).

Объясненіе къ рисунку: „Медвѣжій праздникъ у гиляковъ“ (Сибирь).

Шкура торжественно приносимаго въ жертву медвѣдя вѣшается внутри дома, гдѣ собираются гости и съ различными церемоніями угощаются мясомъ жертвеннаго звѣря. Праздникъ длится въ теченіе многихъ дней.

торжествуетъ этическій законъ относительно пищи въ уничтоженіи каннибализма. Вопросъ о каннибализмѣ не выясненъ до сихъ поръ ни съ экономической, ни съ этической стороны. Странное впечатлѣніе производитъ тотъ фактъ, что въ то время, какъ у высшихъ животныхъ пожираніе себѣ подобныхъ совершается только въ исключительныхъ случаяхъ, существуютъ группы человѣчества, которыя часть своего экономическаго бытія основываютъ на каннибализмѣ, и еще болѣе встрѣчается такихъ, которыя при случаѣ не брезгаютъ человѣческимъ мясомъ. Большая часть изслѣдователей, близко занимавшихся вопросомъ, склоняются къ воззрѣнію, что каннибализмъ возникаетъ лишь какъ добавочное явленіе; фактъ, что пожираются по большей части убитые враги, позволяетъ предполагать грубое извращеніе мстительности, которая находитъ свое удовлетвореніе въ полномъ уничтоженіи врага.

Въ новѣйшее время, напр., Штейнмецъ на основаніи обстоятельнаго изслѣдованія пришелъ къ другому результату, который, конечно, еще и подлежитъ многимъ сомнѣніямъ, но заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Онъ указываетъ на чрезвычайную распространенность у первобытныхъ народовъ эндоканнибализма, т. е. пожираніе собственныхъ мертвыхъ или убиваемыхъ по причинѣ болѣзни, дряхлости, преступленія соплеменниковъ и считаютъ его первичнымъ общимъ всему человѣчеству обычаемъ; у племенъ, которыя пожираютъ только трупы убитыхъ враговъ, наступаетъ, стало быть, нѣкоторое смягченіе. У культурныхъ народовъ онъ совершенно упраздняется изъ нравственныхъ соображеній.

Колотушка для саго на Хальмакерѣ. Молукскіе о-ва. См. текстъ на стр. 212.

Но и независимо отъ этой теоріи очевидно, что человѣческое мясо по мѣстамъ представляетъ не малую долю питательнаго матеріала и съ исчезновеніемъ каннибализма ухудшаются условія существованія. Относительно обитателей Квинслэнда Люмгольцъ разсказываетъ: „Около рѣки Гербертъ устраиваются настоящія экспедиціи для добыванія человѣческаго мяса. Для такихъ цѣлей собирается небольшая кучка самыхъ отважныхъ людей, которые пользуются громаднымъ уваженіемъ за свое мужество. Ихъ собирается немного потому, что такія нападенія дѣлаются только на небольшія, состоящія изъ 4—6 индивидуумовъ семьи. На основаніи этого обитателей сѣвернаго Квинслэнда слѣдуетъ считать каннибалами, и мои люди не дѣлали изъ этого никакой тайны,—напротивъ, они выбирали преимущественно эту тему для разговоровъ и это меня одновременно и раздражало, и возбуждало во мнѣ отвращеніе“.

Въ бассейнѣ Конго каннибальское питаніе развивается до отвратительныхъ размѣровъ: рядомъ съ племенами, которыя покупаютъ рабовъ, какъ убойный скотъ, встрѣчаются другія, которыя, очевидно, подъ вліяніемъ зарождающихся нравственныхъ побужденій, обмѣниваются взаимно умершими, чтобы не пожирать самимъ своихъ родственниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не терять даромъ драгоцѣннаго пищевого вещества. И племя огове покупаетъ, по свидѣтельству Пэйоръ Дидло, у сосѣднихъ племенъ ихъ покойниковъ на съѣденіе. Для этихъ своеобразныхъ экономистовъ наши кладбища должны казаться настоящимъ памятникомъ нехозяйственной расточительности.

И по многимъ другимъ соображеніямъ культурные народы были принуждены сокращать первоначальную карту кушаній человѣчества: сильное

вліяніе оказывало чувство чистоты и красоты и гигіеническія соображенія. Пристрастіе къ гнилому мясу, которое, можетъ быть, восходитъ къ времени, предшествующему открытію огня, исчезъ у культурныхъ расъ; очень распространенное пожираніе извѣстныхъ сортовъ почвы также теряетъ сторонниковъ, насѣкомыя и черви всякаго рода внушаютъ отвращеніе.

Вмѣстѣ съ этимъ человѣчество вступило на путь, который могъ бы повести къ безсмысленнымъ преувеличиваніямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда къ экономическимъ мотивамъ примѣшиваются идеи о сохраненіи чистоты съ точки зрѣнія религіи. Индусъ, который бросаетъ свой рисъ потому, что на него пала тѣнь европейца, или польскій еврей, который свой, можетъ быть, очень нечисто приготовленный обѣдъ считаетъ болѣе чистымъ, чѣмъ самый опрятный христіанскій, представляютъ собой примѣры такого искаженія самихъ по себѣ благородныхъ и связанныхъ съ нравственнымъ прогрессомъ представленій.

Кожаный щитъ апаховъ, Мехико. Этнографическій музей въ Лейпцигѣ. См. текстъ на стр. 212.

Эти исключенія не измѣняютъ, однако, того, что съ возрастаніемъ культуры человѣкъ увеличиваетъ число своихъ источниковъ питанія и научается лучше пользоваться наличными питательными веществами. Это относится ко всѣмъ полезнымъ растеніямъ, животнымъ, минераламъ, ко всѣмъ силамъ природы, которыя человѣческій умъ какимъ бы то ни было образомъ привлекаетъ къ служенію экономическимъ цѣлямъ. Основательная эксплоатація начинается уже на первобытныхъ ступеняхъ развитія, но только одностороннимъ образомъ: есть страны, которыя обладаютъ настоящей культурой бамбука, гдѣ почти всѣ мелкіе хозяйственные вопросы разрѣшаются при помощи бамбука, побѣги котораго служатъ питательнымъ веществомъ, тонкія вѣтви копьями, луками и другими орудіями, изъ толстыхъ стволовъ котораго выдѣлываютъ сосуды (см. рис. на стр. 219). Изъ бамбука строятъ дома и изгороди. Въ полярныхъ странахъ вся сила человѣческаго ума уходитъ на использованіе тѣла животнаго; изъ его костей, жилъ, зубовъ (см. рис. на стр. 220) шкуры, роговъ выдѣлываются почти всѣ предметы культурнаго достоянія, въ то время какъ мясо и сало [1] служатъ для пищи.

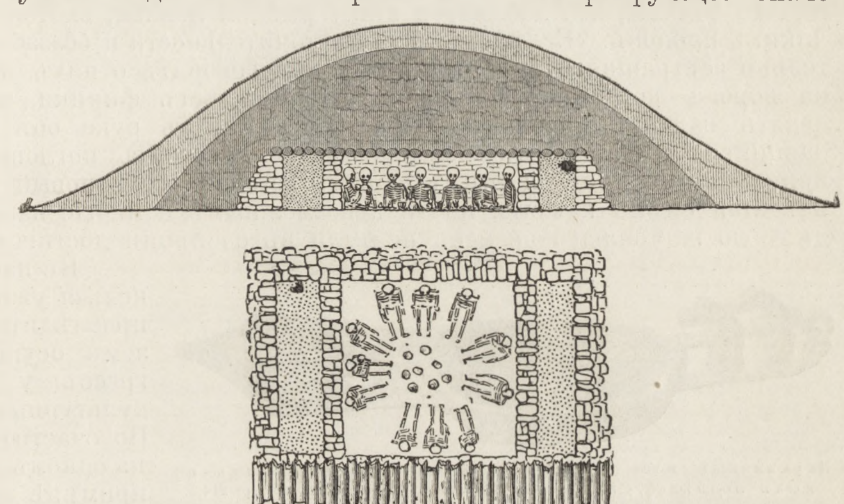
Экономическій прогрессъ расширяетъ основу существованія и другимъ способомъ. Мы вернемся къ тому, какую огромную важность для народной жизни и культуры имѣетъ урегулированіе потребленія, хоть естественныя условія сами по себѣ такому регулированію неблагопріятны. Только въ опредѣленные моменты времени поспѣваютъ плоды деревьевъ и полей, являются перелетныя птицы или мечущія икру рыбы, и измѣняющееся состояніе погоды увеличиваетъ въ соединеніи со многими другими обстоятельствами неравномѣрность питанія, которая первобытными народами ощущается и выражается въ ихъ жизни въ рѣзкой формѣ: за періодами изобилія, которые знаменуются дикимъ обжорствомъ, слѣдуютъ періоды голода и отчаянія. Мы увидимъ, что выходъ изъ этого печальнаго положенія затрудняется отчасти слабохарактерностью; но всякій моральный

---

[1] Не только мясо и сало; но и кишки и кожа (моржовая), а также содержимое желудка, гдѣ попадаются полупереваренные остатки морскихъ водорослей.

подъемъ остается безслѣднымъ, если одновременно не откроются средства сохранять питательныя вещества отъ порчи и уничтоженія звѣрями, чѣмъ, по крайней мѣрѣ, является возможность устранять хоть нѣкоторые періоды голода.

И здѣсь можно различать средства чисто механическія и химическія. Достаточно устроить особыя кладовыя, которыя недоступны мышамъ и другимъ вреднымъ животнымъ, провѣтривать или закупоривать пищевыя вещества, удалять сырость и т. д., чтобы достигнуть цѣли. Простое высушиваніе достаточно для того, чтобы сдѣлать удобнымъ для храненія мясо и фрукты; при попыткѣ сушить надъ огнемъ открыто было консервирующее значеніе копченія. Догадка о томъ, что и посредствомъ жаренія мясо можно сдѣлать болѣе удобнымъ для храненія и что ради этого впервые былъ примѣненъ огонь, была высказана Карломъ фонъ - денъ Штейненъ. Полярные народы, конечно рано открыли, что пищевыя вещества въ замороженномъ состояніи долго могутъ оставаться свѣжими, другіе, которымъ благопріятствовали обстоятельства, ознакомились съ выгодами соленія. Культурные народы открыли еще множество консервирующихъ средствъ и развили искусство сохраненія продуктовъ. До извѣстной степени сюда же относится обычай слегка испортившееся вещество переводить въ удобно сохраняемый видъ,—напр., изъ молока дѣлать сыръ. Многіе африканскіе народы только потому иногда пьютъ въ огромныхъ количествахъ пиво, что во время жатвы масса зерна, если оно до потребленія не испортилось, частью можетъ быть обращено въ пиво: кромѣ того, это пиво такъ богато питательными веществами, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ временно можетъ замѣнять всякую другую пищу.

Надгробный холмъ (маундъ) въ Иллинойсѣ (Сѣв. Америка) — въ разрѣзѣ видъ его внутренности сверху По Цирусу Томасъ. См. текстъ на стр. 214.

Но что значатъ лучшіе способы сохраненія, пока человѣчество не научится преодолѣвать желаніе данной минуты, пока забота о будущемъ не сдѣлается сильнѣе удовольствія безсмысленнаго потребленія и расточительности? Побѣда надъ самимъ собой, которой постепенно добились предки современныхъ народовъ, есть одинъ изъ величайшихъ тріумфовъ человѣческаго рода, подвигъ, который смѣло можно поставить рядомъ съ миѳическими подвигами Геракла.

Однако крупныя группы человѣчества едва сдѣлали въ этомъ направленіи лишь первый шагъ,—таковы, напр, многіе австралійскіе негры, которые, по свидѣтельству Ховитта, берегутъ пищевыя вещества до большихъ праздниковъ, чтобы тѣмъ безсмысленнѣе ихъ растратить — характерное свидѣтельство, того, что и здѣсь игры и празднества являются болѣе вліятельными стимулами, нежели разумныя экономическія соображенія, которыя только исподволь пріобрѣтаютъ перевѣсъ. Даже у многихъ культурныхъ

народовъ старый инстинктъ мотовства и разрушенія настолько живучъ, что и воспитаніемъ можно въ достаточной степени устранить его только лишь къ нѣкоторой части подрастающаго поколѣнія, а значительный процентъ его никогда не научается настоящему самообладанію. Не одни только кочевые народы, которые живутъ „изъ руки въ ротъ“, но и земледѣльческія племена безсмысленной невоздержанностью наносятъ вредъ своему экономическому благосостоянію. Относительно бари, живущихъ въ долинѣ верхняго Нила, Вита Гассанъ говоритъ: „Когда бари собралъ свою жатву, онъ платитъ подать правительству и въ короткое время — въ два, въ три мѣсяца — пожираетъ то, что осталось; когда у него нѣтъ ничего больше, онъ добываетъ пищу рыбной ловлей, охотой и собираніемъ дикихъ плодовъ. Вслѣдствіе ихъ расточительности и беззаботности относительно завтрашняго дня, мѣстные арабы говорятъ о нихъ, что они похожи на ворона, который три мѣсяца въ годъ ѣстъ финики, а въ остальные девять падаль. Голодовка и обжорство идутъ рука объ руку. Наголодавшійся человѣкъ въ безмѣрныхъ количествахъ поглощаетъ внезапно привалившую пищу и этимъ самымъ готовитъ себѣ новый голодъ. Выйти изъ этой смѣны кажется почти невозможнымъ, и многіе народы въ самомъ дѣлѣ до настоящаго времени не были въ состояніи достигнуть этого.

Деревянный ковшъ гиляковъ съ изображеніемъ священныхъ медвѣдей, Сибирь. По Якобсону. См. текстъ на стр. 214.

Въ настоящее время нельзя уже съ точностью прослѣдить, какимъ образомъ осуществился прогрессъ у современныхъ культурныхъ народовъ. По счастію мы еще нынѣ на одномъ классическомъ примѣрѣ можемъ наблюдать, какими странными обходами идетъ экономическая эволюція и какъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, явленіе, которое возникло совершенно изъ другихъ побужденій, начинаетъ болѣе или менѣе сознательно оказывать услуги въ области экономическихъ отношеній, пока не выработается достаточная сама по себѣ нравственная сдержка. Мы говоримъ о замѣчательныхъ законахъ табу, которые часто ошибочно разсматриваются, какъ чисто экономическія мѣропріятія, тогда какъ они выросли на другой почвѣ.

На островѣ Полинезіи и Меланезіи распространенъ обычай, въ силу котораго при угрожающей голодовкѣ или передъ празднествами, для которыхъ требуются большія массы пищи, старшины налагаютъ табу на извѣстныя питательныя вещества и такимъ образомъ выводятъ ихъ изъ круга потребляемыхъ. Ни одинъ туземецъ не рѣшится ѣсть табуированную пищу. Регинальдъ Гизъ сообщаетъ относительно полуострова Гудъ въ Новой Гвинеѣ, что здѣсь передъ праздникомъ Кепа налагается табу почти все съѣстное—сначала на молодые кокосовые орѣхи, которые при другихъ условіяхъ съѣдаются незрѣлыми, затѣмъ за нѣсколько недѣль бананы, пока при началѣ празднества запрещеніе не снимается. Если угрожаетъ голодъ, собираются вліятельнѣйшіе люди мѣстности и по ихъ желанію князь налагаетъ табу также на молодые кокосовые орѣхи для того, чтобы, на случай нужды, пища имѣлась въ запасѣ. Относительно другой части южной Новой Гвинеи Коплэнгъ Кингъ разсказываетъ, что здѣсь женщины налагаютъ табу на свои насажденія, — это дѣлается извѣстнымъ въ деревнѣ благодаря опредѣленнымъ знакамъ и публичнымъ оповѣщеніямъ, и мужчины не рѣшаются грабить жатвы. На Новой Зеландіи корнеплоды (kumera) табуировались до сбора почти всегда. Знаки табу служили впослѣдствіи, какъ личные знаки собственности на фруктовыя деревья, поля и т. д. и можно по крайней мѣрѣ предполагать, что часть орнаментики, которой снабжаютъ мно-

гіе первобытные народы свое оружіе и орудія, ведутъ свое начало изъ подобныхъ же мотивовъ.

Все это чисто экономическіе и частно-правовые результаты законовъ табу. Но почему этимъ законамъ подчиняются и при томъ съ такой добросовѣстностью, которая можетъ возбудить зависть въ любомъ европейскомъ законодателѣ? Штрафы въ обыкновенномъ смыслѣ налагаются въ исключительныхъ случаяхъ за нарушеніе табу и едва ли они были бы досттаочны для полнаго прекращенія кражъ и грабежей. Здѣсь должны дѣйствовать чрезвычайно сильныя вліянія, такъ какъ ими оказалось возможнымъ разрѣшить исполинскую задачу — совершенно подавить экономическое легкомысліе.

Какія это силы, показываетъ обзоръ эволюціи и побочныхъ формъ табу, которыя можно наблюдать еще до настоящаго времени. Табу касается первоначально не предметовъ, а лицъ, которыя только переносятъ его съ себя на другихъ лицъ или на любой предметъ — иногда однимъ случайнымъ прикосновеніемъ. На многихъ полинезійскихъ островахъ табу князей такъ могущественно и до извѣстной степени заразительно, что они не могутъ прикасаться къ землѣ ногами, потому что иначе она табуируется и дѣлается изъятой изъ пользованія: поэтому при походахъ они переносятся служителями. Далѣе самое могущественное табу свойственно всѣмъ лицамъ и вещамъ, которыя имѣютъ связь къ трупамъ, которые стоятъ вообще въ какомъ нибудь отношеніи къ мертвымъ, и здѣсь заключается корень всего обычая, о которомъ, конечно, на основаніи позднѣйшихъ формъ развитія едва можно догадаться: страхъ предъ мертвецомъ препятствуетъ нарушенію табу и принуждаетъ къ воздержанію самаго легкомысленнаго человѣка. Вожди, у которыхъ духи предковъ могущественнѣе, чѣмъ у простыхъ людей, которыхъ иногда почитаютъ, какъ живущихъ Атуа (духовъ), могутъ поэтому налагать табу по усмотрѣнію и встрѣчаютъ полное повиновеніе своимъ приказаніямъ. Благодаря этому они получаютъ возможность примѣнять свое могущественное оружіе и въ чисто экономическихъ видахъ и достигать разомъ того, чего не могли бы никогда добиться ни штрафами, ни убѣжденіями. Одновременно табу, примѣненное владѣльцами для охраны своей собственности, оказываетъ сильное вліяніе на укрѣпленіе частной собственности вообще противъ почти безграничнаго первобытнаго коммунизма. Одинаковымъ образомъ въ Африкѣ дѣйствуютъ фетишистскія воззрѣнія. По извѣстіямъ Конрауса, въ области Камеруна воровство преобладаемъ тамъ, гдѣ слаба вѣра въ фетишизмъ.

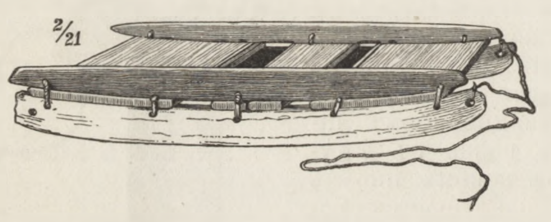
Бамбуковая коробка племени Бали, Зондскіе о-ва. Этнографическій музей въ Лейпцигѣ. См. текстъ на стр. 216.

Разсмотримъ подробнѣе вопросъ о табу: это хорошій образецъ того, какъ обычай по внѣшности остается однимъ и тѣмъ же, тогда какъ его внутренняя сущность совершенно измѣняется и какъ такимъ путемъ относительно быстро совершается прогрессъ. Естественно, что и познаніе экономической пользы можетъ вести непосредственно къ цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ — даже при самыхъ первобытныхъ условіяхъ. Это, кажется, можно сказать объ австралійскихъ неграхъ, которыхъ вообще привыкли выставлять, какъ образчики хозяйственной безпечности. „У нихъ былъ обычай“ — говоритъ Бругъ Смитъ, — „сжигать въ лѣсахъ старую траву, листья и упавшія сучья, чтобы дать ростъ новой травѣ для травоядныхъ, млекопитающихъ; они щадили частью молодыхъ животныхъ, чтобы

обезпечить естественный приростъ; и если они не занимались никакой культурой въ обычномъ смыслѣ, то заботились о томъ, чтобы не вредить плодовымъ деревьямъ".

Въ обрисованныхъ стремленіяхъ дѣло идетъ о разумномъ использованіи источниковъ пропитанія и правильномъ распредѣленіи пользованія благами по извѣстнымъ періодамъ. Съ ростомъ культуры выдвигается другой вопросъ, который слабо сознается на первобытныхъ ступеняхъ развитія—вопросъ о справедливомъ и цѣлесообразномъ распредѣленіи экономическихъ благъ между отдѣльными членами общины. Новая политическая экономія съ такимъ исключительнымъ предпочтеніемъ отдается этому вопросу, что едва ли кто рѣшится повѣрить въ существованіе большихъ группъ человѣчества, для которыхъ онъ почти не существуетъ.

И, однако, это такъ. Коммунизмъ, который столь многимъ кажется высшимъ, идеальнымъ расцвѣтомъ культурнаго развитія, наоборотъ, давно пережитъ передовыми группами человѣчества, тогда какъ другія коснѣютъ въ немъ и сейчасъ. Экономическій коммунизмъ, т. е. прежде всего общее участіе въ наличномъ количествѣ пищи, особенность большей части первобытныхъ народовъ и понятіе „богатство", которое встрѣчается и у нихъ, означаетъ не большую и не лучшую долю въ питьѣ и пищѣ; но обладаніе украшеніями, оружіемъ, орудіями, женщинами, и т. д. и скорѣе политическое вліяніе, чѣмъ экономическія преимущества. Въ главѣ „объ обществѣ" мы уже коснулись этихъ порядковъ (стр. 149); говоря о деньгахъ, мы вернемся еще разъ къ нимъ.

Эскимосскія салазки съ полозьями изъ моржевыхъ бивней. По Мурдоку. См. текстъ на стр. 216.

Крупныя преимущества доисторическаго коммунизма для здоровья народнаго организма неоспоримы, особенно если рядомъ съ нимъ понятіе о частномъ имуществѣ выработано достаточно для того, чтобы вызвать необходимую для всякаго прогресса соціальную конкурренцію. Но съ возвышеніемъ культуры различныя непреодолимыя вліянія дѣйствуютъ все рѣшительнѣе, разрушая общую гарантію за общее пропитаніе. Самымъ могучимъ рычагомъ является раздѣленіе труда, которое даетъ возможность опредѣлить различную цѣнность силъ и труда и сообразно съ этимъ вызываетъ и различную высоту заработной платы. Въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ введеніе денегъ, какъ общаго мѣрила цѣнности — деньги закрываютъ отъ глазъ мѣру потребительной стоимости предметовъ первой необходимости. Далѣе съ культурой увеличивается число и разнообразіе возможныхъ наслажденій, и люди, пользующіеся достаткомъ, монополизируютъ болѣе тонкія наслажденія для себя: гдѣ рабъ и господинъ питаются еще одной и той же пищей и живутъ подъ одной кровлей, въ сущности сохраняется еще частица коммунизма, который уничтожается окончательно только въ болѣе крупныхъ культурныхъ городахъ. Состояніе становится болѣзненнымъ, когда возросшія потребности одной части народа лишаютъ другую необходимаго пропитанія. Практическое народное хозяйство будетъ всегда работать въ томъ направленіи, чтобы обезпечить всѣмъ членамъ общества удовлетвореніе minimum'a экономическихъ потребностей, можетъ быть, даже немного болѣе; но все остальное, что лежитъ за этими предѣлами, должно быть распредѣляемо неравномѣрно, служить поощреніемъ соревнованія въ трудѣ въ цѣляхъ прогресса. И — слѣдуетъ замѣтить, — что даже самыя ничтожныя прихоти въ родѣ, напр., всѣми любимаго табака (см. рис. на стр. 221) возбуждаютъ искусственно нѣкоторое извѣстное трудолюбіе даже у первобытныхъ народовъ.

Экономiя пищевыхъ средствъ и полезныхъ веществъ вообще идетъ рядомъ съ экономiей силъ. Ничего нѣтъ болѣе характеристичнаго для первобытнаго хозяйства, какъ беззаботная трата силъ и долгая, истощающая работа, которая примѣняется для незначительныхъ цѣлей, напримѣръ, на выдалбливанiе древеснаго ствола для лодки или на шлифованiе каменнаго топора. Такъ какъ правильному распредѣленiю труда соотвѣтствуетъ и регулированный отдыхъ, то и самый сонъ первобытныхъ народовъ отличается отъ сна народовъ культурныхъ. Миссiонеры жалуются, какъ это видно изъ донесенiя Макъ-Грегора, что туземцы Новой Гвинеи цѣлую ночь пляшутъ, а потому раннимъ утромъ неспособны уже воспринимать поученiе. У негровъ также ночныя пляски настолько распространены, что В. Ридъ въ отчаянiи восклицаетъ: „спятъ ли негры вообще, исключая дождливыхъ дней,—это вопросъ, который подлежитъ серьезному изслѣдованью". Очень типична картинка ночной жизни индѣйцевъ Гвiяны у Имъ-Турна. „Когда день склоняется къ вечеру и женщины наготовили уже на ночь достаточно дровъ, они бросаются на свои гамаки и начинается общая болтовня. До поздней ночи мужчины разсказываютъ безконечныя исторiи, соединяя ихъ иногда съ монотоннымъ пѣнiемъ, часто съ изумительной затратой увлеченiя и мимики. Дѣти и молодые люди вносятъ свою долю шума, обходя дома съ рожками и дудками. Немного ночного покоя можно найти въ индѣйскомъ поселенiи. Эти люди засыпаютъ, какъ собаки, легко и не надолго, но зато очень часто — все равно днемъ ли, ночью ли, — когда вздумается. Мужчинамъ, которые днемъ спятъ отъ времени до времени, не нужно ночного покоя, а на женщинъ не обращаютъ никакого вниманiя". Изъ этого описанiя вытекаетъ, что безпрерывное бодрствованiе днемъ и крѣпкiй, длящiйся многiе часы ночной сонъ являются лишь завоеванiями культуры.

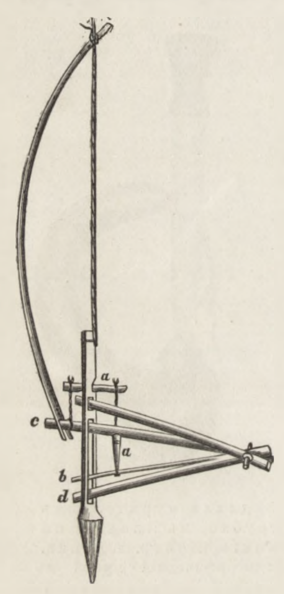
Водяная курительная трубка въ Изанги на Конго, Центр. Африка. Этнографическiй музей въ Лейпцигѣ. См. текстъ на стр. 220.

Никакое регулированiе труда не могло вызвать значительнаго движенiя впередъ, пока человѣчество не научилось увеличивать свои силы соотвѣтствующими машинами и орудiями и прежде всего привлекать къ себѣ на пользу внѣшнiя силы, — все равно будутъ ли это силы животныхъ или безконечно могущественныя силы природы. Но каждое увеличенiе силы есть вмѣстѣ съ тѣмъ и сбереженiе ея, которое оказывается благопрiятнымъ для умственной работы, предоставляя для нея свободное время; машины составляютъ дальнѣйшiй шагъ на томъ пути, на которомъ мѣсто сознательной дѣятельности, выработанной упражненiемъ, заступаетъ дѣятельность механическая и производитъ избытокъ свободныхъ духовныхъ силъ (срв. стр. 9). Другiя однородныя съ машинами орудiя, первыми образчиками которыхъ могутъ служить ловушки для звѣрей (см. рис. на стр. 222 и 230) облегчаютъ трудъ человѣка особеннымъ образомъ: они позволяютъ ему проявить дѣйствiе своей силы въ такихъ пунктахъ, гдѣ самого его нѣтъ. Въ связи съ этимъ нужно еще упомянуть объ одномъ крупномъ сбереженiи силы, которое достигается путемъ передачи экономическихъ завоеванiй изъ поколѣнiя въ поколѣнiе; каждое поколѣнiе человѣчества наслѣдуетъ сумму знанiй и опыта, которыхъ ему не нужно добиваться самому.

Никакой прогрессъ не въ силахъ, однако, воспрепятствовать тому, чтобы численность извѣстнаго народа увеличивалась быстрѣе, чѣмъ количество и обилiе источниковъ питанiя. Можетъ быть, предъ цѣлымъ человѣчествомъ встанетъ эта проблема, когда вся земля образуетъ единую хозяйственную область, а дѣйствiе разрушительныхъ факторовъ, — како-

вы войны, эпидеміи, несчастные случаи, нецѣлесообразный образъ жизни— будетъ ограничено до послѣдней степени. Европейская культура цвѣла уже долгое время раньше, чѣмъ перенаселеніе сдѣлалось предметомъ научнаго разсмотрѣнія; постоянныя войны, убійственныя эпидеміи препятствовали накопленію большихъ человѣческихъ массъ, а обычныя голодовки приписывались болѣе загражденію границъ и недостатку дешевыхъ перевозочныхъ средствъ, т. е. плохому распредѣленію суммы пищевыхъ веществъ, чѣмъ ихъ дѣйствительному недостатку сравнительно съ численностью европейскаго населенія. Раньше всего узнали о грозящей опасности въ относительно свободной отъ войнъ Англіи, гдѣ Мальтусъ и его школа серьезно взглянули въ глаза грозной проблемѣ.

Глубоко ошибся бы тотъ, кто вообразилъ бы, что вопросъ выяснился только для бодрыхъ духомъ культурныхъ народовъ Европы: міръ, который намъ только исподволь начинаетъ казаться слишкомъ маленькимъ, давно уже сдѣлался тѣснымъ для многихъ первобытныхъ народовъ: каждый первобытный народъ въ своемъ питаніи почти исключительно зависитъ отъ территоріи, на которой онъ живетъ и которой владѣетъ; сосѣди или враждебно настроены, или сами имѣютъ ровно столько, сколько нужно для пропитанія, а торговля, зачатки которой есть вездѣ, имѣетъ цѣлью чаще обмѣнъ украшеніями, оружіемъ и тому подобными предметами, чѣмъ пищевыми веществами. На континентѣ извѣстное племя можетъ по крайней мѣрѣ войной расширять область своего жительства и источники своего пропитанія, но жители, обитающіе въ оазисахъ среди пустыни или на маленькихъ островахъ океана, скоро приближаются къ тѣмъ предѣламъ плотности населенія, которые при данныхъ условіяхъ являются допустимыми. Нужда тотчасъ вызываетъ встрѣчныя мѣропріятія, которыя потомъ закрѣпляются и костенѣютъ въ видѣ ряда часто непонятныхъ и ложно толкуемыхъ обычаевъ.

Капканъ у саравакoвъ, Сѣв. Борнео. По Лингъ Роту.

У бродячихъ народовъ къ этому присоединяется то обстоятельство, что они могутъ влачить существованіе только при постоянномъ передвиженіи съ мѣста на мѣсто, и для нихъ всѣ члены племени, которые недостаточно подвижны—дѣти, старики, больные являются бременемъ, которое выносимо лишь до извѣстной степени. Всякій излишекъ безпощадно устраняется; стариковъ и больныхъ убиваютъ или выгоняютъ и иногда изъ этихъ жалкихъ изгнанниковъ образуются цѣлыя селенія; также широко распространенъ обычай истреблять излишнихъ дѣтей. Примѣняются не только дѣтоубійство и искусственные выкидыши, но и оплодотвореніе, совершенно въ Мальтусовскомъ духѣ, предупреждается при помощи различныхъ мѣропріятій. Особенно замѣчательную группу составляютъ обычаи, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ преслѣдующимъ другія цѣли обрѣзаніемъ, при помощи изуродованія половыхъ органовъ, понижать или вовсе уничтожать производительную способность мужчины [1]. Изъ

---

[1] Здѣсь авторъ измѣняетъ отчасти своему основному взгляду, приписывая только экономическіе стимулы деформированію половыхъ органовъ у нѣкоторыхъ народовъ. Существуетъ весьма правдоподобное мнѣніе, что первымъ поводомъ къ изуродованію мужчинъ съ цѣлью лишенія ихъ половой способности была борьба изъ за самокъ: старшіе самцы продѣлывали разныя операціи надъ молодыми и подростками съ цѣлью избавиться отъ конкуррентовъ. Можетъ быть, и обрѣзаніе есть символическій остатокъ этого обыкновенія, первоначальный смыслъ котораго утратился. Не здѣсь ли лежитъ и разгадка до-

этихъ же ли мотивовъ вытекаютъ извѣстные противуестественные пороки гипербореевъ азіатскаго сѣверо-востока, трудно сказать, такъ какъ здѣсь примѣшивается много другихъ вопросовъ.

У культурныхъ народовъ часто обнаруживается тенденція ограничивать число дѣтей,—но это не среди болѣе бѣдныхъ классовъ народа, а среди состоятельныхъ; не нужда, а повышенныя потребности комфорта создаютъ здѣсь явленіе, которое всегда знаменуетъ начинающійся застой развитія, такъ какъ цѣлью его является гармонія [1], а не прогрессъ.

Въ хозяйствѣ дѣйствуетъ такимъ образомъ безконечная сумма силъ, цѣлесообразно утилизируется постепенно необозримое количество вещества,—и, однако, основныячерты картины ясны и просты. Въ этомъ смыслѣ можно уже до извѣстной степени говорить о хозяйствѣ человѣчества. Но человѣческій родъ распадается на многіе народы и племена и населяетъ самыя различныя области земного шара, и если мы подойдемъ поближе къ этимъ единичнымъ формамъ быта, то на мѣсто крупныхъ чертъ окажется самое пестрое разнообразіе смѣшенія: каждый народъ, каждая страна, каждая ступень культуры имѣетъ свой собственный родъ хозяйства, и великая цѣль существованія достигается самыми разнообразными способами,

---

2. Формы хозяйства.

Познать первичную форму человѣческаго хозяйства — поскольку при постоянномъ ходѣ эволюціи о ней вообще можно говорить—и вмѣстѣ съ тѣмъ исходный пунктъ всѣхъ дальнѣйшихъ образованій, было бы чрезвычайно важно, но получить относительно этихъ вопросовъ удовлетворительныя свѣдѣнія врядъ ли возможно. Само по себѣ, кажется очень просто—сравнить примитивнѣйшія формы современнаго человѣческаго хозяйства съ многочисленными слѣдами хозяйства доисторическаго и добыть путемъ такого сравненія картину, которая по крайней мѣрѣ приблизительно можетъ соотвѣтствовать истинѣ, но въ этомъ случаѣ слѣдуетъ очень и очень остерегаться поспѣшныхъ заключеній.

Вопросъ о первичной формѣ хозяйства неразрывно связанъ съ вопросомъ о прародинѣ человѣка, и, пока неразрѣшенъ этотъ послѣдній, останется загадкой и первый. При этомъ недостаточно назвать мѣсто родины человѣка, нужно сдѣлать заключеніе о географическихъ и климатическихъ условіяхъ этой мѣстности въ весьма отдаленную эпоху — конца третичнаго періода, къ которому восходятъ первые достовѣрные слѣды человѣка.

А съ тѣхъ поръ много разъ основательно измѣнялись отношенія суши и воды, равнинъ и горъ, и прежде всего климатъ. Выставлять же доисторическаго обитателя полу-обледенѣлой Европы или жителя совре-

---

вольно темнаго вопроса о брачныхъ запретахъ?—Самцы крали себѣ самокъ чужеродокъ, чтобы избавиться отъ преслѣдованій за покушенія вступить въ длительную связь съ женщиной своего рода. Чужая женщина была добычей похитившаго, и онъ могъ имѣть на нее преимущественное право. Похищеніе, кромѣ того, свидѣтельствовало о смѣлости и мужествѣ похитителя. Борьба изъ за самокъ внутри племенъ должна была имѣть крайне свирѣпый характеръ, и экзогамія могла быть средствомъ для уменьшенія кровопролитія. Это впрочемъ пока только догадка. Ред.

[1] Терминъ гармонія въ смыслѣ полнаго согласнаго отправленія функцій даннаго общества употребленъ здѣсь едва ли удачно. Прогрессъ человѣческій есть особый видъ органической эволюціи—иначе сказать всемірнаго явленія, поэтому застой развитія не можетъ быть спутникомъ гармоніи. Казалось бы умѣстнѣе употребить здѣсь терминъ уравновѣшеніе или неподвижность. Ред.

менныхъ тропическихъ лѣсовъ и степей, какъ типъ, на которомъ можно было бы изучать древнѣйшіе способы хозяйства человѣчества,— просто безсмысленно.

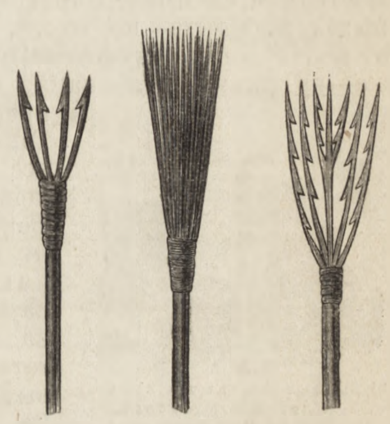
Вопросъ о томъ, питался ли первобытный человѣкъ растительной, смѣшанной или чисто животной пищей, еще болѣе затрудняетъ разрѣшеніе проблемы, хотя и можно съ нѣкоторымъ основаніемъ предполагать, что человѣкъ уже въ очень ранній періодъ развитія зналъ оба способа питанія и въ силу этого могъ приспособляться къ самымъ различнымъ условіямъ. Въ настоящее время существуютъ типы хозяйства, которые основаны почти исключительно на растительномъ питаніи, и другіе — почти также исключительно созданные животной пищей; однако, вѣроятно, ни тѣ ни другіе не соотвѣтствуютъ первичной формѣ хозяйства. Отсталыми племенами очень заманчиво было бы воспользоваться какъ живыми свидѣтельствами о первобытныхъ условіяхъ хозяйства, и попытка такого рода имѣла бы нѣкоторыя основанія, но при этомъ не слѣдуетъ забывать того, что эти первобытные народцы живутъ не въ самыхъ плодородныхъ, наиболѣе пригодныхъ для человѣческаго существованія странахъ, которыми давно уже завладѣли болѣе подвинувшіеся впередъ народы, но на бѣднѣйшихъ полосахъ земли, куда ихъ оттѣснили или которыми никто не интересуется.

По сравненію съ доисторическими обитателями благословенныхъ странъ они показались бы жалкими нищими, даже въ томъ случаѣ, если бы въ общемъ были равны имъ по духовной культурѣ. При этомъ даже между самыми первобытными изъ живущихъ племенъ можно наблюдать значительныя экономическія различія, въ зависимости отъ источниковъ пропитанія, которые они преимущественно эксплоатируютъ.

Въ виду того, что попытка возстановить ясную картину первобытнаго состоянія была бы безплодной, постараемся охарактеризовать главныя формы человѣческаго хозяйства, доступныя обозрѣнію въ настоящее время. Первый шагъ къ ясному представленію о нихъ составляетъ классификація матерьяла. Но эта классификація не такъ легка, какъ кажется тому, кто помнитъ обычное дѣленіе народовъ на охотниковъ, номадовъ и земледѣльцевъ. Карлъ Бюхеръ совершенно основательно установилъ, что общепринятое дѣленіе народовъ на охотниковъ, рыболововъ и пастуховъ имѣетъ смыслъ только при особыхъ климатическихъ условіяхъ, которыя едва ли допускаютъ другой родъ добыванія пищи. Въ степяхъ, гдѣ земледѣліе невозможно, конечно, могутъ существовать только охотники и пастухи. Въ полярныхъ странахъ только охотники, на берегахъ Огненной земли—рыбаки. Однако и здѣсь каждый изъ нихъ будетъ старательно эксплоатировать доступное ему небольшое количество растительной пищи. А гдѣ страна заключаетъ въ себѣ различные источники пропитанія, односторонность хозяйства исчезаетъ очень скоро даже при крайней бѣдности культуры. Такимъ образомъ старое дѣленіе сохраняетъ извѣстную цѣну, но оказывается непригоднымъ для группированія человѣчества въ большомъ масштабѣ. Самое слово культура (обработка, усовершенствованіе) обозначаетъ то осмотрительное пользованіе природой, которое проявляется въ воздѣлываніи питательныхъ растеній и въ воспитаніи домашнихъ животныхъ, но не составляетъ еще общаго достоянія современнаго человѣчества. Всѣхъ людей, населяющихъ землю, безъ труда можно раздѣлить на двѣ большихъ группы. Одна обнимаетъ тѣхъ, которые исключительно пользуются добровольными дарами природы, только присваивая ихъ; къ другой группѣ принадлежатъ всѣ народы, занимающіеся земледѣліемъ и скотоводствомъ. Промышленная обработка веществъ, отступающая на задній планъ передъ добываніемъ пищи, а также торговля и обмѣнъ не должны при этомъ приниматься въ расчетъ, такъ какъ нѣтъ народа, у котораго совершенно отсутствовали бы эти явленія.

Дѣленіе человѣчества на народы, присваивающіе и культивирующіе, недостаточно рѣзко, но довольно удовлетворительно; при этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе то, что первоначальная форма хозяйства—присвоеніе—на высшихъ ступеняхъ развитія не исчезаетъ, а только отступаетъ на задній планъ, сохраняясь въ пережиткахъ. У стоящихъ низко въ экономическомъ смыслѣ обитателей Никобарскихъ острововъ рыболовство составляетъ главный источникъ пропитанія. Относящіяся къ нему орудія—ему необходимы (см. рис. ниже); но и рыболовъ, вытаскивающій въ воскресный вечеръ пару пискарей изъ рѣки Шпрее, занимается въ это время среди обстановки большого города присвояющимъ хозяйствомъ въ самомъ первобытномъ видѣ.

Этимъ, однако, не исчерпывается возможность другихъ классификацій. Все человѣчество можно раздѣлить въ совершенно другомъ направленіи, при чемъ проведенная грань раздѣла въ нѣкоторомъ направленіи пересѣчетъ экономическія разслоенія. Эта черта то широко раздвигается, то суживается до размѣровъ едва замѣтной разграничительной линіи,—мы имѣемъ здѣсь въ виду различіе между мужскимъ и женскимъ хозяйствомъ. Въ самой первоначальной формѣ и всего яснѣе оно выступаетъ въ томъ, что мужчина добываетъ животную пищу, а женщина растительную; но не изъ предпочтенія даннаго сорта пищи съ той или другой стороны, а потому, что охота связана съ бо́льшимъ напряженіемъ силы и требуетъ болѣе мужества, нежели собираніе растительныхъ продуктовъ. Потому и тутъ нельзя провести рѣзкой границы: женщина всегда воспользуется случаемъ вмѣстѣ съ растительными продуктами подобрать и попадающихся съѣдобныхъ маленькихъ животныхъ, червей, раковинъ, добыча которыхъ для нея незатруднительна; мужчина тоже, разумѣется, не оставитъ необобраннымъ плодовое дерево, которое попадется ему во время его охотничьихъ скитаній: отсюда постепенно развиваются, однако, прочныя формы хозяйства, которыя пріобрѣтаютъ связь съ общественными порядками. Мужчины, соединяясь въ группы, монополизируютъ охоту и ея продукты, женщины, благодаря опыту и своей изобрѣтательности, умножаютъ свои источники пропитанія и дѣлаютъ свою стряпню вкуснѣе, вслѣдствіе чего и мужчина передаетъ женщинѣ охотничью добычу и за это раздѣляетъ съ ней ея трапезу. Такимъ образомъ совершается соединеніе обѣихъ формъ хозяйства, и въ то время, какъ очаги мужскихъ домовъ пустѣютъ, около домашнихъ очаговъ женщинъ собираются цѣлые кланы и наконецъ семьи, прочнымъ основаніемъ которыхъ служитъ бракъ.

Вилы для ловли рыбы на Никобарскихъ о-ахъ. См. текстъ выше.

Такая схематическая картина можетъ, конечно, выяснить процессъ только въ самыхъ общихъ чертахъ, и приписывать происхожденіе брака экономическимъ мотивамъ было бы преувеличеніемъ; противъ этого свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что бракъ существуетъ и у полярныхъ народовъ, у которыхъ нѣтъ отдѣльнаго женскаго хозяйства съ преобладаніемъ растительной пищи.

Между народами, ведущими присвояющее хозяйство, должно господствовать значительное различіе по роду пищевыхъ богатствъ занимаемыхъ странъ, а отъ рода и обилія пищи зависитъ въ значительной степени сила и внутренняя крѣпость народа и даже его общественный строй. Равномѣрнаго, гармоничнаго пользованія важнѣйшими источниками пропитанія нѣтъ нигдѣ, и нерѣдко хозяйство основано почти исклю-

тельно на охотѣ за извѣстными животными, на рыболовствѣ или собиранiи раковинъ или на обилiи опредѣленныхъ дикихъ растенiй. Въ качествѣ недальновидной, тѣсно примыкающей къ жизни природы формы существованiя, присвоющее хозяйство зависитъ въ значительной степени отъ смѣны временъ года; за мѣсяцами богатаго лова рыбы или охоты слѣдуютъ мѣсяцы, въ теченiе которыхъ менѣе цѣнныя растительныя вещества и черви даютъ возможность продлить жизнь до поры новаго избытка пищи; въ перiоды нужды приходится довольствоваться выкапыванiемъ съѣдобныхъ корней (см. рис. ниже). Такимъ образомъ въ неровномъ, колеблющемся между крайностями характерѣ первобытнаго человѣка отражается, какъ это было выяснено въ другомъ мѣстѣ, его хозяйство, и оба явленiя обусловливаютъ одно другое.

И въ другомъ смыслѣ культура народа связана съ его питанiемъ. Постоянно занимаясь приготовленiемъ пищи въ особенности изъ животныхъ, добытыхъ на охотѣ, человѣкъ приходитъ постепенно къ мысли о пользованiи отбросами пищи—кожей, костями, жилами—у растенiй же—крѣпкими волокнами, скорлупами, листьями, шипами и зернами, и превращать эти вещи въ украшенiя и орудiя. Такимъ образомъ питанiе оказываетъ влiянiе на все культурное достоянiе и даетъ ему опредѣленное направленiе со стороны содержанiя и формы.

Анны, выкапывающiе коренья. Японскiй рисунокъ. По Макъ Ритчи.

Первыми представителями чисто примитивнаго, присвояющаго хозяйства могутъ быть названы двѣ группы африканскихъ народовъ, принадлежащiя къ малорослымъ, свѣтлокожимъ обитателямъ материка, такъ называемымъ карликовымъ народамъ. Народы эти находятся, очевидно, въ близкомъ антропологическомъ родствѣ, но живутъ въ различныхъ географическихъ условiяхъ; одни — карликовыя лѣсныя племена внутренней Африки другiе живущiе въ степяхъ южной Африки,—бушмены. О примитивномъ хозяйствѣ, конечно, и у нихъ не можетъ быть и рѣчи, но они являются типами полнаго приспособленiя одной и той же расы къ двумъ совершенно различнымъ странамъ и по своей культурѣ могутъ быть причислены, несомнѣнно, къ наиболѣе отсталымъ народамъ земли. Замѣчательно, что именно низкая ступень культурнаго развитiя дѣлаетъ ихъ болѣе похожими, другъ, на друга, чѣмъ можно было бы ожидать.

Объ экономической жизни лѣсныхъ пигмеевъ Штульманъ говоритъ слѣдующее: „культурная ступень, на которой стоятъ африканскiе пигмеи,—это ступень бродячихъ охотниковъ. У нихъ нѣтъ нигдѣ осѣдлости, нигдѣ они не занимаются земледѣлiемъ и блуждаютъ по лѣсу, съ одного мѣста на другое. На благопрiятныхъ мѣстахъ они устраиваются на недѣли, иногда на мѣсяцы, но бросаютъ ихъ тотчасъ, какъ только дичь въ окрестностяхъ оскудѣетъ. Охотничья добыча составляетъ для нихъ главное средство существованiя. Но такъ какъ они не могли бы существовать исключительно одной мясной пищей, то они вынуждены собирать въ лѣсу плоды и грибы.“ Здѣсь мы имѣемъ характерную черту низшаго присваивающаго хозяйства—его бродячiй характеръ, объясняющiйся скудостью средствъ пропитанiя. Даже самая маленькая группа относящихся сюда народовъ должна эксплоатировать большую страну, чтобы имѣть средства къ жизни, и, такъ какъ они принуждены скитаться, то объ осѣдлости у нихъ не можетъ быть рѣчи. Эти скитанiя, естественно, имѣютъ по большей части опредѣленныя границы и являются скорѣе ритмическими колебанiями то въ одну, то въ другую сторону въ предѣлахъ территорiи племени.

Штульманъ называетъ пигмеевъ „кочующими охотниками“, но тер-

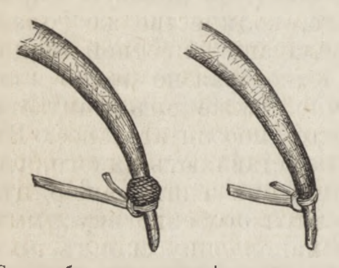
минъ этотъ выбранъ неудачно. Выраженіе „кочевники“ скорѣе можно примѣнить къ кочующимъ скотоводамъ, которые не имѣютъ ничего общаго по своему хозяйству съ африканскими карликами. Ихъ лучше было бы назвать „собирателями“, какъ предлагаетъ Эдуардъ Ганъ, или „народами бродячими“ [1]. Выраженіе, что карлики „принуждены“ собирать растительную пищу, также можетъ повести къ недоразумѣніямъ. Здѣсь дѣло идетъ просто о всюду встрѣчающемся двойномъ хозяйствѣ, только въ полярныхъ странахъ полный перевѣсъ оказывается на сторонѣ животнаго питанія. Для охоты карлики пользуются стрѣлами и лукомъ (см. рис. на стр. 228) различнаго рода ловушками и сѣтями. Единственнымъ домашнимъ животнымъ является собака. Несмотря на всю бѣдность своего существованія, карлики, въ своемъ культурномъ состояніи, проявляютъ признаки зависимости отъ болѣе культурныхъ сосѣдей и живутъ съ ними въ отношеніяхъ симбіоза — обстоятельство, къ которому мы еще возвратимся.

Если бѣдность животнаго царства лѣсовъ центральной Африки принуждаетъ племена пигмеевъ вести скитальческій образъ жизни, то въ южно-африканскихъ степяхъ, главной причиной бродячаго быта является прежде всего недостатокъ воды. Дичи было, по крайней мѣрѣ, прежде, въ Африканскихъ степяхъ довольно много, количество же полезныхъ растеній—скудно, чѣмъ и объясняется преобладаніе животной пищи. „Какъ почти всякая жидкость“, пишетъ Фричъ, — „которая не прямо ядовита, кажется бушмену годной для питья, точно также онъ считаетъ съѣдобнымъ все, что имѣетъ хотя мало мальски что-либо питательное. Въ особенности же изъ животнаго міра дѣти пустыни не оставляютъ ничего, что можно съѣсть. Если у нихъ нѣтъ крупной дичи, они ѣдятъ ящерицъ, змѣй, кузнечиковъ и термитовъ—послѣдніе считаются особенно вкуснымъ кушаньемъ. Бушменъ не различаетъ, свѣжъ или наполовину сгнилъ продуктъ, когда онъ подноситъ его ко рту; къ своимъ вкусовымъ нервамъ онъ относится съ полнѣйшимъ презрѣніемъ. Бушмены лишь слегка обжариваютъ мясо и глотаютъ его полусырымъ. Потрошить животныхъ и очищать кишки они считаютъ лишней работой“. Понятно, что охотничьи способности развиты у нихъ прекрасно. Бушмены ловко овладѣваютъ дичью съ помощью отравленныхъ стрѣлъ, сѣтей и ловушекъ. Преобладаніе охоты ведетъ за собою то, что женское отдѣльное хозяйство развивается не очень замѣтно. На долю женщинъ приходится добываніе воды, дровъ и скудной растительной пищи, и сума, которую онѣ постоянно носятъ съ собой, характеризуетъ ихъ, какъ собирательницъ.

Если мы пожелаемъ ознакомиться съ болѣе ясными примѣрами первобытнаго двоякаго хозяйства, то намъ слѣдуетъ обратиться къ другой странѣ — къ материку Австраліи. Изслѣдованіе тамошняго порядка вещей потому имѣетъ высокую цѣну для сравнительнаго хозяйствовѣдѣнія, что здѣсь большая страна, которая, не взирая на свою общую бѣдность, заключаетъ въ себѣ очень различно надѣленныя природой области, до прибытія европейцевъ была занята очень однороднымъ и въ культурномъ отношеніи малодифференцированнымъ населеніемъ. Австралійцы являются расой уединенной, но не загнанной въ безплодныя пустыни, какъ бушмены, и между ними есть племена, въ распоряженіи которыхъ находятся относительно богатые источники продовольствія растительнаго происхожденія. Въ связи съ этимъ послѣднимъ выступаетъ на первый планъ и экономическая дѣятельность женщинъ.

[1] Unstete Volker. Русскій терминъ — „бродячіе народы“, давно уже принятый въ законодательныхъ актахъ, несравненно лучше нѣмецкаго, такъ какъ опредѣляетъ извѣстную группу не отрицательнымъ, а положительнымъ признакомъ и кладетъ прочную грань между кочевниками и народами, промышляющими охотой. Терминъ Sammler также неудаченъ по нашему. Охота, рыбная ловля уже болѣе сложное дѣло, чѣмъ собираніе грибовъ, кореньевъ и ягодъ, оно требуетъ болѣе сложныхъ орудій, а иногда и организаціи людей. Ред.

„У австралійскихъ негровъ“,—говоритъ Люмгольцъ, который имѣетъ въ виду обитателей сѣвернаго Квинсленда,—„женщины заботятся главнымъ образомъ о повседневномъ запасѣ питательныхъ веществъ и часто предпринимаютъ для этого далекія путешествія. Въ общемъ положеніе женщины, какъ и у всѣхъ дикихъ народовъ, очень подчиненное. Она должна исполнять всѣ грубыя работы, выходить съ корзинкой и палкой на сборъ фруктовъ, вырывать корни и собирать личинки съ деревьевъ. Плоды она находитъ частью въ полѣ, частью на деревьяхъ, на которыя она лазаетъ хотя и не съ такой ловкостью, какъ мужчины. Упомянутая выше палка — единственное орудіе женщины, необходимое ей во всѣхъ ея странствованіяхъ. Она сдѣлана изъ прочнаго дерева, имѣетъ полтора—два метра длины и заострена на одномъ концѣ. Даже при празднествахъ и въ танцахъ замужняя женщина сохраняетъ при себѣ палку, какъ знакъ своего достоинства—кормилицы семьи. Часто она должна въ теченіе цѣлаго дня таскать за плечами своего маленькаго ребенка и снимаетъ его со спины только тогда, когда ей нужно копать или лѣзть на дерево. Когда она приходитъ домой ей предстоитъ много хлопотъ съ приготовленіемъ собранныхъ сокровищъ и вымачиваніемъ ядовитыхъ плодовъ. Вкладъ, который вноситъ въ домъ мужчина, состоитъ обыкновенно изъ меда, часто изъ яицъ, дичи, ящерицъ и т. д. Животную пищу онъ сохраняетъ преимущественно для себя, а женщина, по большей части, довольствуется растительной пищей, которую приготовляетъ для себя и для ребенка. Мужчина занимается охотой больше для развлеченія, чѣмъ для пользы семьи, о которой не особенно заботится, такъ какъ не сознаетъ обязанностей отца семейства. Онъ живетъ для своего удовольствія. Утромъ выходитъ только на охоту, если трава не очень влажна отъ росы, и часто приходитъ домой съ пустыми руками, съѣвши на мѣстѣ то, что ему удалось убить“. Въ дополненіе можно прибавить, что многіе мужчины пользуются славой и уваженіемъ за свое искусство добывать человѣческое мясо. Это—черта, которая не встрѣчается ни у бушменовъ, ни, насколько извѣстно, у пигмеевъ.

Способы натягиванія тетивы на луки въ средней Африкѣ. По Штульману.

Экономическая жизнь австралійскихъ негровъ регулируется временами года, и это болѣе тщательно прослѣдилъ Бульверъ у обитателей Викторіи. Весной и лѣтомъ черные изъ Гипсленда питались главнымъ образомъ растительными продуктами; весной было много, кромѣ того, дикой птицы, лѣтомъ орды переселялись на устья рѣкъ и озеръ, чтобы ловить рыбу: преимущественно угрей, которые въ это время встрѣчаются на извѣстныхъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ. Для разнообразія, при случаѣ, устраиваются охоты на валляби. Зимой, когда строились болѣе прочныя хижины и предпринимались болѣе отдаленныя экскурсіи, преобладала мясная пища: наконецъ осень, когда масса поспѣвшихъ фруктовъ облегчаетъ существованіе, была временемъ взаимныхъ посѣщеній, танцевъ и празднествъ. О настоящей осѣдлости не можетъ быть рѣчи даже у обитателей наиболѣе благопріятствуемыхъ природой уголковъ.

Этой неустойчивости существованія подчиняются, хотя въ различной степени, всѣ представители присваивающаго хозяйства. Въ хорошо одаренныхъ природой мѣстахъ это хозяйство ограничивается наличностью двухъ мѣстъ жительства, которыя обыкновенно раздѣляются, на зимнія и лѣтнія деревни, или изъ одного постояннаго жилища передвигаются лишь на короткое время въ легкія устраиваемыя примѣнительно къ потребностямъ рыбной ловли или охоты, жилища. Бродячая жизнь является безъ сомнѣнія большимъ препятствіемъ для культурнаго развитія независимо отъ

того, создается ли оно собственными силами народа или чужимъ вліяніемъ. Укрѣплявшаяся въ теченіе безчисленнаго ряда поколѣній привычка къ скитаніямъ дѣлается неискоренимой чертой характера. „Привычка постоянно мѣнять мѣсто жительства,“—говоритъ Вильгельми объ австралійцахъ,—„такъ велика, что они не могутъ отъ нея освободиться даже тогда, когда попадаютъ на такія мѣста, гдѣ могутъ быть щедро удовлетворены ихъ потребности. Ихъ захватываетъ своего рода любопытство посмотрѣть на ту или другую мѣстность, къ которой ихъ особенно влечетъ, и никакія убѣжденія не могутъ вызвать въ нихъ стремленія преодолѣть это желаніе; только современемъ и постепенно ослабляется въ нихъ эта неудержимая страсть“.

Неустойчивый характеръ является, слѣдовательно, результатомъ присваивающаго хозяйства на бѣдной почвѣ, и это, какъ кажется, единственный результатъ, который оказывается способнымъ переживать даже крупныя измѣненія во внѣшнихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ мы пріобрѣтаемъ ключъ къ пониманію большого числа загадочныхъ скитающихся народовъ, которые называются цыганскими, такъ какъ самые извѣстные представители ихъ цыгане.

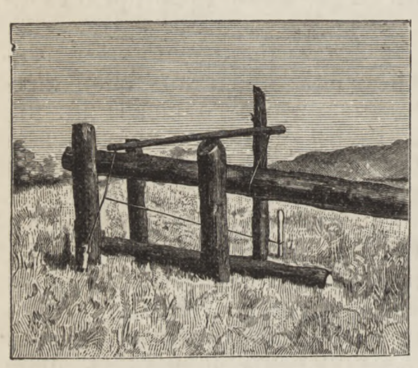
Эти народы суть — ничто иное, какъ представители бродячаго присваивающаго хозяйства, которые сохраняютъ среди представителей высшей культуры существенныя черты своего характера и своего образа жизни. Характерно, что они держатся по большей части въ степныхъ краяхъ или по близости отъ нихъ, напр., въ странѣ Галла и Сомали, Сенегамбіи и Сѣверозападной Индіи. Безъ сомнѣнія, ихъ побуждаетъ къ далекимъ странствованіямъ отчасти присущій имъ непосѣдливый нравъ, такимъ образомъ часть индійскихъ цыганъ въ средніе вѣка добрались черезъ Персію, Малую Азію и Балканскій полуостровъ до Европы. Ихъ первобытное, почти неспособное къ высшему развитію хозяйство, ихъ непостоянство и ихъ отвращеніе къ продолжительной правильной работѣ, остаются признаками цыганскихъ племенъ, благодаря чему они вынуждены пополнять свои средства пропитанія разнаго рода мелочными искусствами: гаданіемъ, знахарствомъ, лѣченіемъ животныхъ, танцами и музыкой, мелкимъ воровствомъ и всякаго рода предосудительными занятіями, какъ, напр., живодерствомъ, сводничествомъ, кое какими простыми ремеслами и торговлей. Уже карликовые обитатели центральной Африки живутъ по большей части вмѣстѣ съ негритосами-земледѣльцами, которые, обрабатывая дикіе участки, проникаютъ въ лѣсныя дебри. Карлики вымѣниваютъ свою охотничью добычу на полевые продукты негритосамъ и, охраняя селеніе послѣднихъ, являются полезными союзниками земледѣльцевъ.

Неистребимой въ силу своего соотвѣтствія съ ихъ родомъ хозяйства является у большей части цыганскихъ народовъ склонность къ воровству, на которое они не могутъ смотрѣть, какъ на преступленіе. Привыкнувъ за всѣмъ охотиться, собирать все съѣдобное, что имъ попадаетъ подъ руку, они считаютъ прекрасной добычей и чужихъ домашнихъ животныхъ и плоды. Ничто не способствовало такъ истребленію бушменовъ въ Южной Африкѣ, какъ ихъ неискоренимая привычка смотрѣть на скотъ бѣлыхъ колонистовъ, какъ на дичь. Тѣмъ не менѣе бродячія орды низшихъ расъ обнаруживаютъ замѣчательную устойчивость, и въ то время, какъ благородныя расы вымираютъ, эти паріи среди народовъ живутъ среди культуры, отъ опасностей которой ихъ защищаетъ первобытная своеобразность ихъ природы.

Рядомъ съ представителями бродячаго присваивающаго хозяйства стоитъ группа народовъ, которые знаютъ также присваивающую форму хозяйства, но живутъ въ болѣе богатыхъ странахъ и потому склонны къ полу-осѣдлому образу жизни. Изъ народовъ этого рода вышли высшіе культурные типы, въ то время, какъ обитатели бѣдныхъ странъ обнаруживаютъ тенденцію коснѣть на своей низкой ступени или, если

они загнаны въ неплодородныя страны, утрачивать уже пріобрѣтенные культурные успѣхи. Въ силу этого полу-осѣдлыя племена для уразумѣнія культурнаго развитія, гораздо важнѣе, чѣмъ бродячія. У первыхъ въ качествѣ работниковъ являются уже рабы, которыхъ нѣтъ у послѣднихъ; такъ какъ они имъ не нужны. Вмѣстѣ съ осѣдлостью возрастаетъ также и заботливость о будущемъ.

Представителями высшаго присваивающаго хозяйства можно назвать обитателей сѣверозападнаго берега Америки. „Рыбы и ягоды“,—говоритъ Ниблакъ,—„составляютъ источникъ жизни для индѣйцевъ этой страны. Около лѣтняго лагеря всегда можно видѣть куски камбалы или лосося, висящіе въ трубахъ домовъ или высушиваемые на станкахъ на открытомъ воздухѣ. Лѣтомъ оказывается избытокъ всякаго рода пищи: но индѣйцы стараются приготовить запасы на зиму“. Кромѣ мяса, рыбъ заготовляется на зиму икра. Изъ массы ягодъ, корней и растеній, которые приноситъ лѣто, часть также высушивается; другимъ растительнымъ пищевымъ веществомъ является морская трава, которая прессуется и въ видѣ лепешекъ надолго сохраняется годной къ употребленію, а также заболонь нѣкоторыхъ деревьевъ. Въ охотѣ сѣверозападные американцы менѣе искусны, чѣмъ въ рыбной ловлѣ. Впрочемъ, они умѣютъ ставить капканъ, и мясо оленя встрѣчается у нихъ между пищевыми веществами и очень цѣнится зимой, когда запасы приходятъ къ концу. Морскія млекопитающія: тюлени, морскіе львы и киты, конечно, составляютъ любимую добычу. И здѣсь мужчины являются рыболовами и охотниками, а женщины собираютъ растенія.

Западня для крупной дичи у индѣйцевъ племени Меномини, Сѣв. Америка. По Б. I. Гофману. См. текстъ на стр. 221.

Замѣчательно, что единственнымъ растеніемъ, которое выдѣлываютъ нѣкоторыя изъ сѣвероамериканскихъ племенъ, оказывается не съѣдобная, а похожая на табакъ наркотическая трава, которую не курятъ, а жуютъ. Единственное домашнее животное, собака, приносила мало пользы владѣльцу; примѣняясь рѣдко къ охотѣ и не обладая выдающимися качествами, она все-таки считалась очень цѣннымъ животнымъ. Вышесказанное уже даетъ намъ нѣкоторыя указанія на то, какимъ образомъ происходятъ усовершенствованія въ хозяйствѣ. Стоя на точкѣ зрѣнія теоріи чистой полезности, здѣсь можно объяснить лишь весьма немногое. Относительно же только что упомянутыхъ сѣверозападныхъ американскихъ индѣйцевъ намъ достаточно указать на то, что вскорѣ послѣ введенія въ этой мѣстности культуры картофеля мѣстные аборигены принялись за разведеніе его въ обширныхъ размѣрахъ. Этотъ фактъ ясно доказываетъ что уже всѣмъ своимъ образомъ жизни они были подготовлены къ воспріятію болѣе высокихъ формъ хозяйственной культуры.

Народы присваивающаго хозяйства живутъ, пока это возможно, смѣшанной пищей просто уже потому, что они не легко выпускаютъ изъ рукъ что-нибудь съѣдобное. Въ остальныхъ отношеніяхъ они приспособляются къ природѣ, и ихъ питаніе всегда бываетъ одностороннимъ тамъ, гдѣ природа сама благопріятствуетъ одностороннему развитію. Отсюда выясняется, что въ существѣ только немногія изъ первобытныхъ племенъ живутъ почти исключительно растительной пищей: потому что тамъ, гдѣ много растительной пищи, нѣтъ недостатка и въ разнаго рода животныхъ. Растительная пища преобладаетъ обыкновенно въ извѣстныя времена года; такъ, напр., во время созрѣванія дикаго риса

у индѣйскихъ племенъ сѣверозападной Америки или ягодъ и другихъ дикихъ плодовъ, какъ у большей части сибирскихъ инородцевъ. У древнихъ обитателей Европы желуди дуба и орѣшки бука составляли важную часть зимняго питанія.

Преимущественно растительную пищу употребляли, повидимому, сѣвероафриканскіе лотофаги, лотосоѣды, о которыхъ разсказываетъ Геродотъ. Еще и теперь корни и плоды лотоса составляютъ важную отрасль питанія у обитателей верхняго Нила, какъ раньше было это у бóльшей части обитателей Египта и Индіи. Могло быть, что озера и болота мѣстами давали богатую лотосовую пищу, въ то время, какъ остальная страна была бѣдна растеніями, а, слѣдовательно, и животными, и лотофаги тогда въ самомъ дѣлѣ представляли собой народъ, питающійся исключительно растительной пищей.

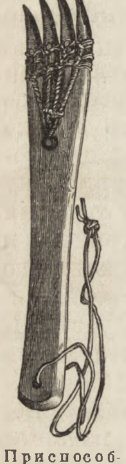
Гораздо многочисленнѣе народы, которые живутъ исключительно мясной пищей; представителей ихъ мы находимъ въ полярныхъ странахъ; растительный міръ этихъ странъ настолько бѣденъ, что только извѣстныя животныя, какъ-то: олени и муфлонъ могутъ имъ существовать, а человѣкъ можетъ изъ него получать только скудную прибавку къ своей кухнѣ, скорѣе лакомства. Напротивъ, крупныя млекопитающія превосходно живутъ въ прибрежныхъ водахъ полярныхъ странъ, и потому хозяйство полярныхъ народовъ, лучшимъ образцомъ котораго можетъ служить эскимосское, основано на охотѣ за этими животными. И здѣсь, конечно, возможно различіе: жители богатыхъ странъ полуосѣдлы и стоятъ по культурѣ выше, чѣмъ другіе, которыхъ нужда заставляетъ постоянно и безъ всяко.. правильности мѣнять мѣсто жительства.

Эскимосъ круглый годъ охотится за тюленями, измѣняя только способы охоты. Зимой онъ подкарауливаетъ ихъ около отдушинъ, которыя животныя пробиваютъ себѣ во льду, или приманиваетъ ихъ, царапая по льду особымъ инструментомъ (см. рис. на стр. 232), лѣтомъ подкрадывается онъ къ дремлющему на берегу животному или охотится за нимъ, сидя въ легкой кожаной байдарѣ. Лѣтомъ онъ бьетъ и сухопутныхъ млекопитающихъ: оленя и мускуснаго быка, на которыхъ нападаетъ тогда, когда они переплываютъ чрезъ водныя пространства, или загоняетъ ихъ въ воду и тамъ убиваетъ. Для ловли водяныхъ птицъ у эскимосовъ имѣются остроумные приборы.

Въ растительной пищѣ у нихъ нѣтъ безусловнаго недостатка. Мурдокъ говоритъ про эскимосовъ мыса Бардуа, что они ѣдятъ ивовыя почки. Противный обычай съѣдать содержимое желудка и даже кишекъ оленя позволяетъ заключать о наклонности къ растительной пищѣ. Объ отдѣльной растительной кухнѣ женщинъ, конечно, не можетъ быть рѣчи, но раздѣленіе труда проводится въ томъ смыслѣ, что мужчинѣ предоставляется охота, а женщинѣ приготовленіе кушанья и домашнее хозяйство.

Сдѣлавъ обзоръ различныхъ формъ присваивающаго хозяйства, мы можемъ представить себѣ и болѣе древнее доисторическое состояніе Европы. Народы дилювіальной эпохи, жившіе по краямъ громадныхъ ледниковъ, должны были, по способу своего хозяйства, походить на современныхъ эскимосовъ, и это доказываютъ находки при Шуссенквелле, въ Вюртембергѣ. Древніе обитатели этой страны были такимъ же охотничьимъ народомъ, какъ и эскимосы, съ тою разницею, что они промышляли главнымъ образомъ оленя, который и доставлялъ имъ все необходимое для жизненнаго обихода. Подъ болѣе мягкимъ небомъ къ этому присоединялась растительная пища, какъ это доказываютъ находки желудей, буковыхъ орѣшковъ, ягодъ терновника и т. п. Съ хозяйствомъ первобытныхъ береговыхъ народовъ мы знакомимся по кухоннымъ остаткамъ (Kjokkenmöddingern), которые чаще всего встрѣчаются въ Даніи. Эти кучи, заключающія въ себѣ остатки пищи цѣлыхъ поколѣній, состоятъ главнымъ

образомъ изъ скорлупъ съѣдобныхъ раковинъ, рыбьихъ костей и костей водныхъ птицъ, оленя, козули, кабана и т. д. Очевидно, тогда пользовались всѣми средствами добыванія пищи. На питаніе рыбой указываютъ, кромѣ того, остатки крюковъ для удочекъ (см. рис. на стр. 233), которые встрѣчаются также и въ доисторическихъ могилахъ. Растительная пища могла употребляться только въ маломъ количествѣ. Объ этомъ можно заключать изъ отсутствія ясныхъ ея слѣдовъ. Собака, отъ которой не найдено было никакихъ остатковъ при Шуссенквелле, у датскаго берегового народа оказывается на лицо, и ея мясо, повидимому, было любимѣйшимъ кушаньемъ. Можно признать, что собака была самымъ раннимъ домашнимъ животнымъ человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ она является характернымъ животнымъ народовъ, стоящихъ на уровнѣ чисто присваивающаго хозяйства.

Приспособленіе для царапанья льда съ цѣлью приманиванія тюленей. По Мурдоху. См. текстъ на стр. 231.

На высшихъ ступеняхъ этой формы хозяйства достигается уже извѣстное гармоническое общественное состояніе, которое у болѣе развившихся народовъ испытываетъ сильное потрясеніе подъ вліяніемъ результатовъ культуры, пока не наступитъ новое уравненіе интересовъ. Широкій коммунизмъ относительно пищевыхъ веществъ, свойственный всѣмъ представителямъ присваивающаго хозяйства, препятствуютъ рѣзкому обнаруживанію соціальныхъ различій и даетъ относительно прочный фундаментъ существованія. Особенно благопріятно было справедливое и цѣлесообразвые раздѣленіе труда между двумя полами. На долю мужчины выпадаютъ наиболѣе тяжелыя и опасныя задачи — охота и рыбная ловля, на долго женщины — болѣе легкія и болѣе соотвѣтствующія ея природѣ — собираніе растительной пищи и присмотръ за домомъ. При тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, которыя благопріятствовали огрубѣнію мужского характера, положеніе женщины должно было быть все-таки очень тяжелымъ, какъ мы это часто встрѣчаемъ въ Австраліи. Въ общемъ, однако, она и тамъ пользуется большимъ уваженіемъ, чѣмъ у земледѣльцевъ, гдѣ она обращается или въ орудіе труда, или въ товаръ. Замѣчательно, что у жалкихъ бушменовъ господствуетъ болѣе благородный родъ любви, чѣмъ у кафровъ или негритосовъ—земледѣльцевъ Центральной Африки.

Какъ ни плохо используется почва представителями собирающаго хозяйства, она все же составляетъ основу существованія, и обладаніе ею поэтому цѣнно. Отсюда происходитъ то, что война, поскольку она вытекаетъ изъ экономическихъ причинъ именно на этой низкой ступени культуры, начинается изъ-за обладанія мѣстами охоты и рыбной ловли, въ то время, какъ хищническое хозяйство болѣе культурныхъ народовъ вмѣстѣ съ землей основывается одновременно на скопленномъ достояніи и на стремленіи къ политическому преобладанію. Въ этомъ отношеніи условія присваивающаго хозяйства въ общемъ понятны и разумно обоснованы. Успѣхи умственной и нравственной культуры возможны при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ,- и многія племена, стоящія на этой ступени, по собственной инціативѣ отреклись вполнѣ или отчасти отъ каннибализма и выработали заслуживающія вниманія религіозныя системы. Промышленность и торговля обнаруживаютъ способность къ значительному развитію, гдѣ позволяютъ обстоятельства.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что народы съ исключительно присваивающимъ хозяйствомъ въ общихъ чертахъ можно считать самымъ низшимъ слоемъ современнаго человѣчества, но это воззрѣніе нельзя провести въ частностяхъ; есть земледѣльцы и скотоводы, которые по своему духовному развитію стоятъ ниже лучшихъ представителей собирающаго хозяйства, и, кромѣ того, довольно часто случается, что какое-нибудь племя, достигнувъ уже извѣстнаго уровня экономической культуры, падаетъ

снова въ ряды первобытныхъ народовъ собирателей и бродячихъ обитателей лѣсовъ и степей.

Традиціонное воззрѣніе поучаетъ, что изъ охотничьей жизни развивается пастушечья, а изъ этой послѣдней земледѣліе, и такимъ образомъ представляется возможнымъ наблюдать правильное восхождение изъ низшихъ формъ къ высшимъ. Вмѣсто того, чтобы по пунктамъ опровергать это воззрѣніе, спросимъ, какъ оно могло вообще возникнуть, такъ какъ оно противорѣчитъ всѣмъ фактамъ народовѣдѣнія. Прежде всего кочевникъ-скотоводъ является представителемъ такой формы хозяйства, которая въ такой же мѣрѣ мало возможна во всѣхъ странахъ земли, какъ и широкая культура полезныхъ растеній. Блуждающій пастухъ эксплоатируетъ со своими стадами преимущественно богатыя травами степи, которыхъ избѣгаетъ земледѣлецъ; земледѣлецъ, напротивъ, преимущественно расчищаетъ лѣса, неблагопріятные для скотоводства, и удаляется одинаково какъ отъ очень сухихъ и жаркихъ мѣстностей, такъ и очень холодныхъ. Есть, конечно, страны, гдѣ могутъ существовать и тѣ и другіе, но эти страны обнимаютъ незначительную часть населенной земли.

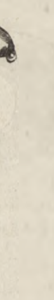
Крючки изъ раковины для удочекъ; лѣвый крючокъ не оконченъ. Найдены въ курганахъ Калифорніи. По Гольмсу. См. текстъ на стр. 232

Взглядъ на условія жизни въ Америкѣ долженъ былъ прежде всего опровергнуть старое воззрѣніе. До прибытія европейцевъ здѣсь нигдѣ не было значительнаго скотоводства, не говоря уже о настоящемъ номадизмѣ. Зато было распространено воздѣлываніе полезныхъ растеній, между прочимъ у племенъ, которыя несомнѣнно перешли къ нему прямо отъ присваивающаго хозяйства, и здѣсь земледѣліе несомнѣнно древнѣе скотоводства. Можно было бы пойти дальше и доказать, что воспитаніе домашнихъ животныхъ вообще вызвано прежде всего развивающейся склонностью къ осѣдлости, которая явилась вмѣстѣ съ земледѣліемъ, такъ какъ только тогда явилась возможность разводить и воспитывать пойманныхъ животныхъ. Всѣ данныя приводятъ насъ къ заключенію, что земледѣліе не могло произойти изъ пастушества, и вопросъ о томъ, которая изъ этихъ двухъ формъ хозяйства древнѣе, можетъ разсматриваться лишь по отношенію къ каждоду примѣру въ отдѣльности и остается пока открытымъ.

Прежняя классификація имѣла во всякомъ случаѣ преимущество удивительной простоты; въ дѣйствительности же картина отношеній весьма многообразна и, хотя основаніе прежней группировки понятно, но вслѣдствіе переходовъ и уклоненій число группъ чрезвычайно велико. Прежде всего слѣдуетъ принять во вниманіе то, что различныя формы присваивающаго хозяйства не исчезаютъ, но сначала преобладаютъ, а потомъ постепенно вытѣсняются другими, что онѣ могутъ вступать въ соединеніе то съ земледѣліемъ, то со скотоводствомъ, то съ тѣмъ и другимъ, и, наконецъ, — что воздѣлываніе полезныхъ растеній и воспитаніе скота могутъ существовать рядомъ въ очень разнообразныхъ комбинаціяхъ. Появленіе промышленности и торговли, которыя возможны во всѣхъ группахъ, дѣлаютъ картину еще болѣе разнообразной и менѣе доступной обозрѣнію, а потому изъ этого можно только вывести заключеніе, что каждый народъ имѣетъ свою собственную смѣшанную форму хозяйства. Обслѣдованіе различныхъ группъ въ отдѣльности при задачѣ начертать сжатую общую картину невозможно, приходится и въ этомъ случаѣ довольствоваться указаніемъ на главныя черты. Прежде всего слѣдуетъ остановиться на воздѣлываніи растеній.

Кому обязано человѣчество громаднымъ успѣхомъ культуры, который заключается въ переходѣ отъ собиранія къ воздѣлыванію, отъ хозяйства присваивающаго къ хозяйству производящему?

Ближе всего подумать о тѣхъ, на комъ лежало въ первобытныя времена собиранiе растительной пищи — о женщинахъ, и предположенiе это сдѣлается почти достовѣрностью, когда мы и дальше увидимъ, что женщины обрабатываютъ землю, а мужчины только исподволь начинаютъ посвящать себя этой, сначала ими презираемой, дѣятельности. Липпертъ первый ясно это понялъ. Въ новѣйшее время къ такому же результату пришелъ Карлъ фонъ денъ Штейненъ путемъ наблюденiя индѣйцевъ Шингу. Мужчины здѣсь рыбаки и охотники, женщины — земледѣльцы. „Мужчины и женщины“,— пишетъ фонъ денъ Штейненъ,— „представляютъ оба извѣстную социальную единицу или опредѣленную сумму спецiальныхъ знаний. Относительная осѣдлость, которая связана съ жизнью рыбака, сначала только упрочивается и дѣлается болѣе постоянной, когда женщины научатся сажать растенiя, дѣлать горшки и приготовлять муку. Хотя земледѣлiе Шингу уже достигло извѣстной степени совершенства, однако, по нѣкоторымъ мелкимъ чертамъ можно узнать, откуда оно произошло, по крайней мѣрѣ у этого племени. Находимыя по близости полезныя растенiя сажали въ землю, и каждое племя производило опыты на своей собственной почвѣ. Черезъ женщинъ, которыя и въ военное время и въ мирное переходили къ другимъ племенамъ, эти растенiя распространялись“. Послѣднее замѣчанiе указываетъ на то, что разъ достигнутый культурный успѣхъ быстро захватываетъ широкiе круги.

Лопата племени Гауса, Суданъ. По Пассаржу. См. текстъ на стр. 235.

О дальнѣйшемъ развитiи культуры нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Можно было бы замѣтить только, что самая трудная задача въ этомъ случаѣ должна находиться не тамъ, гдѣ ее прежде всего можно было бы искать, т. е. главный вопросъ заключается не въ самомъ изобрѣтенiи земледѣлiя. Что растенiя вырастаютъ изъ сѣмянъ и что можно разводить полезныя растенiя по близости деревни или лагеря — это настолько очевидно, что къ такому заключенiю должно было придти всякое первобытное племя, которое, изо дня въ день блуждая по лѣсу, видитъ созрѣвшiя сѣмена и молодыя растенiя во всѣхъ стадiяхъ ихъ развитiя. Грей разсказываетъ объ австралiйцахъ, напримѣръ, что они особенно берегутъ полезныя растенiя и даже выработали зачатки настоящаго воздѣлыванiя. Главная трудность заключается въ самовоспитанiи, которое можно разсматривать какъ предварительное условiе новой формы хозяйства. И здѣсь, слѣдовательно мы видимъ духовную основу въ чисто матерiальныхъ процессахъ. При попыткахъ доброжелательныхъ европейцевъ привить земледѣлiе первобытнымъ племенамъ всегда оказывалось, что злѣйшими врагами новой культуры были именно тѣ, которыхъ хотѣли ею облагодѣтельствовать. Или сѣмена и корни, предназначенные для посѣва, отправлялись не въ землю, а непосредственно въ желудокъ, или, если поле было поставлено подъ наблюденiе понимающихъ дѣло людей, молодыя растенiя срывались и пожирались полузрѣлыми, и ни малѣйшаго запаса не оставалось для слѣдующаго посѣва. Какимъ же образомъ слабая женщина некультурнаго племени могла защитить немногiя ростенiя, которыя она сажала для опыта, отъ обжорства мужчинъ и шалостей дѣтей? Попытки, вѣроятно, повторялись тысячи разъ, прежде чѣмъ онѣ увѣнчались успѣхомъ.

Можно предположить, что здѣсь дѣйствуютъ мистическiя идеи, такъ могущественно выступавшiя когда-то въ законахъ Табу, но исчезнувшiя впослѣдствiи, когда утратился ихъ смыслъ и значенiе. Еще до сихъ поръ, даже у насъ, сохранилось глубокое уваженiе къ главному пищевому веществу, которое производитъ земледѣлiе, и строгая кара ожидаетъ того, кто относится къ нему пренебрежительно или безцѣльно расточаетъ его. Можетъ быть, мертвые, на могилахъ которыхъ сажаютъ фруктовыя деревья, были

первыми владѣльцами воздѣланныхъ полезныхъ растеній, какъ они во многихъ мѣстахъ были первыми обитателями каменныхъ построекъ. Другимъ средствомъ охраны насажденій былъ обычай устраивать ихъ вдали отъ поселеній, посреди лѣсовъ, какъ это и теперь еще дѣлаютъ многіе первобытные народы.

Переходъ отъ чисто присваивающаго хозяйства къ отчасти производящему, вездѣ, гдѣ онъ совершается, въ средѣ самого народа, безъ внѣшняго побужденія, не носитъ характера крупнаго событія, но происходитъ постепенно, видоизмѣняя отдѣльныя формы. Рѣзкаго разграниченія и здѣсь искать не приходится. Еще другое обстоятельство содѣйствуетъ тому, что собственно соціальное вліяніе производящаго хозяйства, осѣдлость и право частной собственности на землю развиваются медленно. Воздѣлываніе растеній въ первобытной формѣ носитъ характеръ чисто хищнической культуры. На вновь воздѣланной, очищенной огнемъ и удобренной золою сожженныхъ деревьевъ почвѣ полезныя растенія произрастаютъ года два превосходно, потомъ почва истощается, и дѣлаются необходимыми новыя расчистки. На неплодородныхъ почвахъ это неизбѣжно ведетъ къ перемѣнѣ мѣстожительства, которая, хотя и совершается черезъ большіе промежутки времени, однако все-таки сообщаетъ жизни неустойчивый характеръ. Но и тамъ, гдѣ поселеніе остается на своемъ мѣстѣ, для его процвѣтанія необходимо, чтобы большая часть территоріи, принадлежащая племени представляла собой дикую заросль или, послѣ короткаго пользованія отдѣльными его частями, опять превращалось въ дикое поле. Невоздѣланная земля, естественно, является общимъ достояніемъ. Хотя отдѣльной личности ничто не препятствуетъ посредствомъ расчистки создать для себя участокъ, который временно будетъ ея собственностью, но на долгое время онъ не можетъ выдѣлить его изъ общаго достоянія, такъ какъ почва скоро истощается. Если такимъ образомъ, съ одной стороны, затрудняется возникновеніе частной земельной собственности, то съ другой,—благодаря большой площади некультивированной земли, охотничье и собирательное хозяйство является важнымъ, иногда преобладающимъ источникомъ народнаго продовольствія.

Рубильный снарядъ племени Вакинго (Африка), употребляемый для снимания съ дерева банановъ и другихъ плодовъ. Этнографическій музей въ Лейпцигѣ. См. текстъ рядомъ.

Подобныя условія господствовали въ Германіи еще въ началѣ среднихъ вѣковъ; и теперь еще многія общины владѣютъ мѣстами какъ остатками древней „альменды“. Въ русскихъ деревенскихъ общинахъ поземельный коммунизмъ, несовмѣстимый съ интенсивной эксплоатаціей почвы, сохранился еще до сихъ поръ [1]. Есть, конечно, и первобытные народы, у которыхъ вся земля подѣлена между отдѣльными семьями, напримѣръ, на югѣ новой Гвинеи. Это образчики тѣхъ единичныхъ крайностей, благодаря которымъ такъ трудно представить себѣ общую картину эволюціи хозяйства.

Дальнѣйшій прогрессъ дѣлается возможнымъ благодаря тому что *предупреждается истощеніе почвы*. Въ этомъ смыслѣ введеніе удобренія и плодосмѣнной системы является гораздо болѣе важнымъ факторомъ, чѣмъ усовершенствованіе земледѣльческихъ орудій (см. рис. на стр. 234, 235 и 238), которыя въ новѣйшее время преувеличенно считаются главнымъ показателемъ высшей культуры.

---

[1] Нельзя строго осуждать нѣмецкаго писателя за его категорическій приговоръ по вопросу, еще окончательно невыясненному, когда и въ Россіи отъ лицъ, близко знакомыхъ съ нашей деревней, мы слышимъ часто такія же сужденія. Ред.

Унавоженіе въ большомъ масштабѣ становится возможнымъ только тогда, когда къ воздѣлыванію полезныхъ растеній присоединяется скотоводство, такъ какъ при пользованіи животными, какъ рабочей силой, мѣсто мотыги (см. рис. ниже) при обработкѣ земли заступаетъ плугъ, допускающій болѣе основательное и широкое использованіе почвы; появляется и цѣлый рядъ отличительныхъ признаковъ различныхъ способовъ культуры, дающихъ поводъ къ различнымъ наименованіямъ хозяйства. Если Эдуардъ Ганъ обозначаетъ низшую форму терминомъ обработка земли мотыгой, а высшую словомъ земледѣліе, то онъ въ этомъ случаѣ придерживается, конечно, болѣе внѣшнихъ признаковъ, но этими обозначеніями можно удовлетвориться, если не упускать изъ вида и остальныхъ признаковъ.

Обработка мотыгой, которая въ своихъ древнѣйшихъ формахъ служила, повидимому, больше для производства корнеплодовъ, чѣмъ для хлѣбныхъ растеній, изобрѣтена, какъ сказано, женщинами и оставалась долгое время ихъ монополіей, въ то время, какъ мужчины вращались еще въ сферѣ присваивающаго хозяйства. Слѣдствія этихъ условій весьма различны, являясь то благопріятными для положенія женщины, то, — и гораздо чаще, — крайне неблагопріятными. Лучше всего условія складываются для нея тогда, когда доходъ мужского хозяйства довольно значителенъ для того, чтобы стоять рядомъ съ обработкой земли мотыгой въ качествѣ равноцѣннаго; тогда образуется настоящее двойное хозяйство, которое въ связи съ матріархальнымъ родовымъ строемъ создаетъ для женщинъ самостоятельное положеніе. Мужчина тогда предоставляетъ женщинѣ свою охотничью добычу и получаетъ отъ нея приготовленную, смѣшанную пищу, часть которой естественно падаетъ и на ея долю; онъ живетъ гостемъ въ ея хижинѣ, въ то время какъ неженатые мужчины живутъ въ домѣ для юношей. Въ такихъ условіяхъ мы встрѣчаемъ часто, что каждая женщина племени имѣетъ собственный домъ, который является центромъ ея собственнаго маленькаго хозяйства, хотя бы у мужа были и другія жены. Такимъ образомъ, какъ это мы видимъ у сакалавовъ на Мадагаскарѣ, мужчина можетъ являться простымъ прихлебывателемъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ никакой доли въ имуществѣ жены. „Между супругами у сакалавовъ“, — говоритъ Нильсенъ Люндъ, — „господствуетъ въ строжайшемъ смыслѣ слова отдѣльное пользованіе имуществомъ. Все, чѣмъ владѣла женщина раньше въ видѣ рабовъ, скота и другого имущества, остается за ней и послѣ замужества, и она очень заботится о томъ, чтобъ достояніе ея не убывало. Мужчина, съ своей стороны, обязанъ доставлять содержаніе своей женѣ и терпѣливо выносить ея брань, если не удовлетворяетъ ея требованій“. Швейнфуртъ при покупкѣ этнографическихъ предметовъ у племени Монбуту каждую минуту слышалъ замѣчаніе: „спроси у моей жены, это принадлежитъ ей“. У обитателей Угуга, по словамъ Гётли, всѣ предметы домашняго хозяйства находятся въ двойномъ количествѣ — одни для мужчинъ, другіе для женщинъ.

Тибетская мотыга. Берлинскій музей народовѣдѣнія. См. текстъ выше.

Въ общемъ, однако, эта благопріятная для женщины эволюція является исключеніемъ. Воздѣлываніе полезныхъ растеній увеличиваетъ источникъ пропитанія, но оно дѣйствуетъ разрушительно на присваивающее хозяйство: расчистка лѣсныхъ дебрей уменьшаетъ добычу охотника и одновременно благопріятствуетъ приросту поселеній, который ставить количество дичи все въ болѣе и болѣе невыгодное отношеніе къ числу охотниковъ. Часто лѣсныя дебри расчищаются, и мужское хозяйство этимъ самымъ уничтожается. Если бы мужчины были слабѣе женщинъ, то это имѣло бы гибельное послѣдствіе для нихъ самихъ; въ дѣйствительности же получается противоположный результатъ: хозяйство падаетъ на женщину, и въ то время, какъ мужчины забавляются или по большей мѣрѣ исполняютъ легкія ручныя работы и ведутъ ненужныя войны, женщины опускаются до положенія рабочаго животнаго и рабы. Болѣе слабый полъ, главной задачей котораго должна бы быть забота о продолженіи и сохраненіи рода, сгибается подъ тяжестью чрезмѣрной и слишкомъ тяжелой работы. Можетъ быть, индѣйцы Сапони припоминали происхожденіе всей этой эволюціи, когда утверждали, что работа пришла въ міръ чрезъ грѣхъ женщинъ и по справедливости должна быть имъ предоставлена.

Замѣчательно то, что хищническое хозяйство мужчинъ прокладываетъ путь къ устраненію этого ненормальнаго условія. Если мужчина считалъ для себя лично недостойнымъ взяться за мотыгу и вмѣстѣ съ женой обрабатывать поле, то онъ давалъ ей въ качествѣ помощника рабовъ изъ чужихъ племенъ, которыхъ онъ приводилъ домой въ качествѣ военной добычи. То же самое могло случиться и съ нимъ самимъ при перемѣнѣ военнаго счастья. Наконецъ, и свободный человѣкъ въ крайности принимался за мотыгу.

Такъ совершился переворотъ, который въ концѣ концовъ ведетъ къ тому, что вся тяжелая полевая работа падаетъ на мужчину, и женщина снова посвящаетъ себя преимущественно домашнему хозяйству и воспитанію дѣтей. Съ преобразованіемъ мотыжной обработки въ плуговую эти процессы не имѣютъ непосредственной связи. Работа рабовъ и мужчинъ встрѣчается и у представителей мотыжной обработки, но введеніе скотоводства и плуга полагаетъ конецъ тяжелой работѣ женщины. Однако, и другія причины могутъ благопріятствовать перевороту. Повсюду, напр., мужчины имѣютъ сильную склонность къ наркотическимъ веществамъ и другимъ средствамъ развлеченія, напр., табаку, бетелю, орѣхамъ кола и т. п., которые почти всѣ происходятъ изъ растительнаго міра и, конечно, такъ же хорошо могутъ добываться путемъ правильнаго воздѣлыванія, какъ и растенія пищевыя. Этотъ ростъ культуры, кажется, сначала вели мужчины, подражая женщинамъ, такъ какъ они, очевидно, считали неправильнымъ, чтобы женщины занимались этими драгоцѣнными и даже священными растеніями.

Все сказанное выше можно пояснить нѣсколькими примѣрами, изъ которыхъ видны будутъ способы первобытной обработки. Картину періода, въ которой охотничье хозяйство мужчинъ стоитъ въ качествѣ равноправнаго рядомъ съ женскимъ хозяйствомъ — мотыжной обработкой у индѣйцевъ Гвіаны, даетъ Имъ-Турнъ. „Охота“, — говоритъ онъ, — „важнѣйшее занятіе въ жизни индѣйца. При очень простомъ образѣ жизни, который ведутъ эти люди, средства питанія слѣдуетъ признать самой важной заботой ихъ. Что касается одежды и крова, то это дается имъ легко; только о пищѣ приходится заботиться безпрестанно. Женщины, которымъ мужчины помогаютъ очень мало, добываютъ часть ея, воздѣлывая извѣстныя растенія, особенно кассаву, а мужчины вносятъ свою долю продуктами охоты. Послѣднее такъ для нихъ важно, что положеніе индѣйца въ деревнѣ опредѣляется его удачей на охотѣ. Земледѣліе находится въ самой примитивной формѣ. Мѣста, гдѣ индѣйцы разводятъ свои растенія, только за

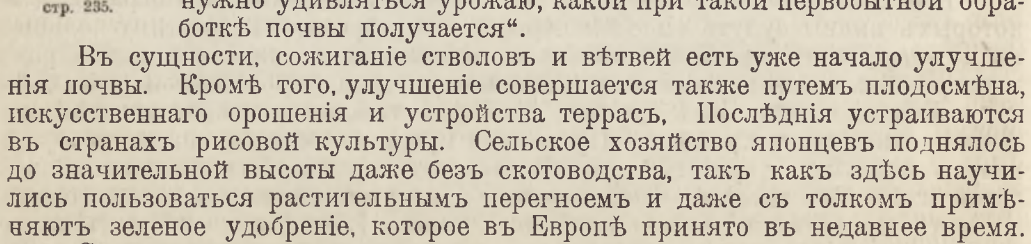
неимѣніемъ иного термина можно назвать полями. Кто въ первый разъ видитъ поле индѣйца, среди лѣсной чащи, скорѣе сочтетъ его за когда-то вспаханный участокъ, который снова сплошь заросъ дикими растеніями. Кассава и другія растенія теряются среди кустарниковъ, вырастающихъ около пней вырубленныхъ деревьевъ, стволы и вѣтви которыхъ лежатъ тамъ, гдѣ упали. Часто бываетъ невозможно распознать узенькую тропинку, которая идетъ черезъ поле, извиваясь между упавшими деревьями и посѣвомъ кассавы". Мужчины расчищаютъ лѣсъ огнемъ, вся остальная работа падаетъ на женщинъ. При этомъ слѣдуетъ припомнить еще, что сжиганіе лѣса для охотничьихъ цѣлей есть исконный принадлежащій мужчинамъ трудъ, который здѣсь примѣняется къ другой цѣли.

Грабли изъ Уссандау, Вост. Африка. По Вертеру. См. текстъ на стр. 235.

О рабочей тяготѣ, которая падаетъ на женщину у восточно-африканскихъ негровъ, Макдональдъ говоритъ: „въ африканской деревнѣ работа исполняется преимущественно женщинами. Онѣ вскапываютъ мотыгой поле, сѣютъ сѣмена и собираютъ жатву; на нихъ, кромѣ того, падаетъ вся работа по устройству дома, размолу муки, варкѣ пива, стряпнѣ, мытью бѣлья, — вообще почти всѣ заботы о матеріальныхъ интересахъ общины. Мужчины пасутъ скотъ, охотятся, ведутъ войну и, что очень замѣчательно, выполняютъ всю швейную работу по изготовленію одежды для себя и для женщинъ".

У папуасовъ въ заливѣ Гильвема, въ западной части Новой Гвинеи, мужчины уже принимаютъ большое участіе въ полевой работѣ, чрезвычайно примитивную форму которой описываетъ Ванъ Гассельтъ. „Если папуасъ",—пишетъ онъ,— „хочетъ заложить плантацію, онъ ищетъ кусокъ земли, который кажется ему для нея годнымъ, стоящія на немъ деревья срубаются, крупные стволы и вѣтви сжигаются, а пни и корни оставляютъ въ почвѣ, затѣмъ ставится прочная изгородь, и воздѣлываніе начинается. Въ то время, какъ мужчины идутъ впередъ и заостренными палками дѣлаютъ въ землѣ на равномъ разстояніи одна отъ другой ямки, слѣдующія за ними женщины бросаютъ сѣмена, покрываютъ ихъ снова землей и плантація готова. Когда посадка окончена, очищаютъ поле отъ сорныхъ травъ и охраняютъ отъ нападенія птицъ и кабановъ, пока не придетъ время жатвы. Иногда съ плантаціи получается еще второй сборъ того или другого растенія; затѣмъ почва истощается и плантація опять запускается подъ лѣсъ, а подъ поле расчищается новый участокъ. Объ окапываніи и унавоженіи, конечно, нѣтъ и рѣчи. Упавшіе листья и вѣтви образуютъ слой перегноя, который и принимаетъ посѣвъ. И нужно удивляться урожаю, какой при такой первобытной обработкѣ почвы получается".

Въ сущности, сожиганіе стволовъ и вѣтвей есть уже начало улучшенія почвы. Кромѣ того, улучшеніе совершается также путемъ плодосмѣна, искусственнаго орошенія и устройства террасъ. Послѣднія устраиваются въ странахъ рисовой культуры. Сельское хозяйство японцевъ поднялось до значительной высоты даже безъ скотоводства, такъ какъ здѣсь научились пользоваться растительнымъ перегноемъ и даже съ толкомъ примѣняютъ зеленое удобреніе, которое въ Европѣ принято въ недавнее время.

Съ какимъ трудомъ приготовляютъ для обработки неблагодарную почву въ Полинезіи, показываетъ сообщеніе Паркинсона относительно Онтонкъ Явы. „Очень затруднительно",—пишетъ онъ,— „воздѣлываніе одного сорта таро. Если нужно заготовить мѣсто для посадки, то во внутренней части острова выкапывается обыкновенно на глубину до 4 метровъ коралловая

почва. Длина такого рва, колеблется между 20 и 30 метрами при 10—15 метрахъ ширины. Выкопанный матеріалъ складывается по бокамъ и такимъ образомъ поднимается валъ почти въ метръ. На этомъ валу изъ опавшихъ кокосовыхъ листьевъ и другихъ растительныхъ остатковъ образуется со временемъ слой гумуса. Слой этотъ изъ года въ годъ обогащается вновь поступающимъ матеріаломъ. Этотъ слой гумуса, перемѣшанный съ пескомъ, образуетъ поле для растенія, которое приноситъ клубни величиною въ кулакъ". Здѣсь несомнѣнно излишекъ затраты работы и терпѣнія, для безусловно незначительныхъ результатовъ. Понятно, что земледѣліе въ большихъ размѣрахъ должно было развиться сначала въ наиболѣе благопріятныхъ странахъ, гдѣ природа сама принимаетъ на себя удобреніе земли, какъ на берегахъ Нила и Евфрата.

Хищническое хозяйство первобытныхъ земледѣльцевъ подвергается, сильнымъ вліяніямъ со стороны новыхъ условій. Война уже заключается не только въ избіеніи и пожарахъ, но даетъ матеріалъ для грабежа. Сначала забираютъ самихъ людей и прежде всего женщинъ, которыя представляютъ живой капиталъ, потомъ запасы жатвы и, наконецъ, всякаго рода другое имущество, которое племена, сдѣлавшіяся осѣдлыми, собираютъ въ своихъ хижинахъ. Въ общемъ, однако, съ развитіемъ земледѣлія вездѣ замѣчается стремленіе воздерживаться отъ войнъ, такъ какъ въ этихъ случаяхъ возможныя потери всегда значительнѣе, чѣмъ возможныя выгоды. Сама земля теперь цѣнится выше и можетъ цѣликомъ или частью сдѣлаться добычей побѣдителя. Порабощать цѣлые народы и принуждать къ продуктивной работѣ на службѣ господствующаго народа становится весьма выгоднымъ; но это порабощеніе обыкновенно налагаютъ не земледѣльческіе народы, а пастушескіе. У земледѣльцевъ получаютъ перевѣсъ добродѣтели женщины, бережливость, прилежаніе, терпѣніе и постепенно опредѣляютъ характеръ народа; у пастуховъ, напротивъ, вырабатываются мужскія качества, энергія, отвага и властолюбіе. Если женщина изобрѣла земледѣліе, то мужчина считается укротителемъ животнаго. Такимъ образомъ первыми пастухами были мужчины, а первыми земледѣльцами женщины.

Путь, которымъ прирученіе животныхъ развилось до той степени, на которой мы его встрѣчаемъ у современныхъ культурныхъ народовъ, былъ, конечно, труднѣе, чѣмъ тотъ, по которому женщина дошла до воздѣлыванія растеній. Если бы можно было довольствоватся теоріями, то дѣло было бы легко объяснить: мужчины, занимаясь охотой въ тѣ времена, когда имѣлся на лицо избытокъ дичи, могли прійти къ мысли убивать не всю дичь, но огораживать часть охотничьяго участка и тамъ сохранять извѣстное количество животныхъ до наступленія нужды въ мясѣ. Съ теченіемъ времени узнали, какіе роды животныхъ всего лучше пригодны для содержанія въ загороди, увидѣли, какъ животное въ загороди умножалось и молодые уже привыкали къ своему мѣсту настолько, что достаточно было просто караулить ихъ. Въ концѣ концовъ дошли до того, что стали воспитывать цѣлыя стада скота и такимъ образомъ косвенно эксплуатировать питательныя вещества, непригодныя для самаго человѣка.

Можно предположить, что эволюція отчасти такъ происходила и въ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ она имѣла тѣ предшествующіе моменты, которые и теперь еще наблюдаются у первобытныхъ народовъ и при прирученіи домашнихъ животныхъ оказывается примѣнимымъ старый законъ, что человѣкъ сначала стремится не къ полезному, а къ пріятному. Раньше полезныхъ животныхъ были приручены другія, которыя были чѣмъ-то вродѣ игрушекъ или въ лучшемъ случаѣ имѣли извѣстное мистическое значеніе (см. рис. на стр. 241), а о полезныхъ качествахъ и способностяхъ нѣкоторыхъ животныхъ узнали гораздо позже. Мысль, что полезныя животныя только потому раньше другихъ сдѣлались товарищами человѣка, что ихъ располагалъ къ этому ихъ характеръ и что люди только впослѣдствіи надумали

извлекать изъ нихъ практическую пользу, напрашивается сама собой и во многихъ случаяхъ имѣетъ свое оправданіе. Обобщать фактовъ, однако, отнюдь не слѣдуетъ, такъ какъ укрощеніе каждой отдѣльной породы животныхъ является самостоятельной проблемой; по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, когда уже сдѣлались извѣстными нѣкоторыя полезныя животныя, стало возможнымъ цѣлесообразное воспитаніе новыхъ животныхъ породъ.

Однако, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ объ экономической сторонѣ разведенія животныхъ, то эти вопросы могутъ пока остаться въ сторонѣ. Насколько чисто-пастушескіе народы имѣютъ понятіе о цѣлесообразномъ и основательномъ использованіи скота, мы покажемъ нѣсколькими примѣрами, которые одновременно будутъ служить образцами примитивнаго пастушескаго хозяйства.

Орнаментъ оамоуковой коробки племени Ваніиндо, Вост. Африки.

Въ большинствѣ случаевъ животныя, въ особенности коровы, оцѣниваются не по отношенію къ ихъ полезности, а просто какъ цѣнное имущество, отъ котораго отказываются неохотно и только въ крайней нуждѣ. Какъ у арійскихъ индусовъ древности всѣ помышленія, вся борьба и вся радость, вращались вокругъ обладанія коровами, такъ бываетъ и теперь еще у многихъ первобытныхъ народовъ. Потому обладаніе стадами скота обусловливается въ большинствѣ случаевъ не предпочтеніемъ мясной пищи, а развитіемъ молочнаго хозяйства, а также дружелюбнымъ отношеніемъ къ животнымъ, имѣющимъ вліяніе и на самый характеръ народа. Древнимъ охотничьимъ народамъ подобныя чувства неизвѣстны. Нерѣдко приходится видѣть, что индѣйцы въ Сѣверной Америкѣ не воспитываютъ, даже не убиваютъ данный имъ правительствомъ скотъ, а охотятся на него. И при этомъ часто происходятъ возмутительныя сцены.

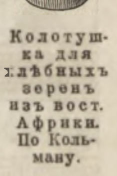
Добываніе молока отнюдь не представляетъ собою естественнаго результата скотоводства, но только съ трудомъ достигнутый культурный результатъ, который во всѣхъ отношеніяхъ недостаточно распространенъ. Весь восточно-азіатскій культурный міръ вообще не знаетъ молочнаго хозяйства, ни японцы, ни китайцы, которые употребляютъ коровъ въ качествѣ рабочихъ животныхъ, не пользуются ихъ молокомъ. Въ средней Азіи лошадиное молоко является главнымъ питательнымъ веществомъ, въ то время, какъ въ Европѣ доеніе кобылъ не практикуется. Племя динка, въ области верхняго Нила, владѣетъ большими стадами коровъ и пользуется ихъ молокомъ, но динка пренебрегаетъ молокомъ козъ, которыхъ также разводятъ стадами. Хорошаго дохода отъ молочнаго хозяйства, можно ожидать только тамъ, гдѣ отъ постояннаго доенія у коровъ развилось усиленное отдѣленіе молока, и уже этотъ фактъ доказываетъ, что развитіе этой формы хозяйства вовсе не вытекало естественнымъ образомъ изъ скотоводства.

Дальнѣйшее пользованіе молочными продуктами также извѣстно далеко не повсюду; рядомъ со многими пастушескими народами, которые приготовляютъ масло (см. рис. на стр. 242), есть много другихъ, и не подозрѣвающихъ о такомъ употребленіи молока; умѣнье дѣлать сыръ распространено еще очень мало [1].

---

[1] По крайней мѣрѣ у всѣхъ кочевниковъ, начиная отъ Черноморско-Каспійскаго побережья до Сунгари, сыръ — главный пищевой консервъ. *Ред.*

Взамѣнъ этого въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стада животныхъ эксплоатируются въ такой формѣ, которая совершенно неизвѣстна европейскимъ культурнымъ народамъ. Въ Африкѣ кровь, которую отъ времени до времени выпускаютъ изъ живыхъ коровъ, составляетъ лакомое кушанье, коровьей мочей чистятъ сосуды, пометъ употребляютъ, какъ цементъ, при постройкѣ хижинъ и, если намъ не въ диковину видѣть рогатый скотъ въ упряжкѣ, то въ Южной Африкѣ напр. его употребляютъ для верховой ѣзды, и даже нѣмецкимъ охраннымъ войскамъ въ юго-восточной Африкѣ предоставлены для этой цѣли волы. Кромѣ того волъ у нѣкоторыхъ народовъ, какъ напр. у кафровъ, служитъ вьючнымъ животнымъ. Въ пользу того мнѣнія, что въ основѣ всего хозяйства лежитъ не цѣлесообразность, а прихоть и случайность, говоритъ то обстоятельство, что нигдѣ на всемъ свѣтѣ, даже у народовъ съ высоко развитой культурой, вполнѣ не используются качества и сила такъ давно уже прирученнаго рогатаго скота. Скотоводство, повидимому, нигдѣ не является исключительнымъ источникомъ пропитанія. Всюду съ нимъ связаны какія-либо формы присвояющаго хозяйства, чаще всего полевое хозяйство, которое, главнымъ образомъ, лежитъ на женщинахъ. Что скотоводство создано мужчинами, доказываетъ то обстоятельство, что они ревниво устраняютъ женщинъ отъ всѣхъ связанныхъ со скотоводствомъ работъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, при помощи здраваго смысла и при болѣе справедливомъ раздѣленіи труда, болѣе тяжелый земледѣльческій трудъ не переходитъ на сторону мужчинъ, тогда какъ женщинамъ предоставляются болѣе легкія, связанныя со скотоводствомъ занятія—доеніе коровъ. Въ Африкѣ скотоводство и по сіе время составляетъ строго охраняемую монополію мужчинъ; арійцы же давно уже перешли эту ступень, что доказываетъ древне-германское слово duhitar (Dochter) т. е, доильщица.

Колотушка для хлѣбныхъ зеренъ изъ вост. Африки. По Кольману.

Примѣры глубокаго вліянія, которое разведеніе рогатаго скота оказываетъ на образъ жизни и воззрѣнія народа, могла бы дать древняя исторія многихъ арійскихъ и семитическихъ племенъ. Въ настоящее время наиболѣе рельефные типы представляетъ Африка. „Разведеніе рогатаго скота“ — говоритъ Кропфъ, о кафрахъ Ксоза — „преобладающая страсть ихъ, культъ и главное препятствіе къ улучшенію ихъ полевого хозяйства. Они съ такой любовью относятся къ скоту, что ихъ фантазія день и ночь занята имъ. Они воспѣваютъ и хвалятъ его качества, сравниваютъ ихъ съ высшими идеями разумныхъ людей и съ еще болѣе высокими силами. Они думаютъ, что особая интимная связь между ними и ихъ скотомъ поддерживается и послѣ смерти. Ревъ рогатаго скота, его мощь и страсть къ борьбѣ, его побѣды и пораженія въ бою служатъ для нихъ добрыми или дурными предзнаменованіями. Быкъ и корова—у нихъ почетные титулы для сильныхъ и щедрыхъ людей. Быкъ раньше былъ исключительной собственностью вождя и воплощалъ его могущество и силу. Корова представляетъ собой богатство, счастье и щедрость. Каждое племя имѣетъ племенного быка, въ честь котораго оно и носитъ его имя. Каждый знатный человѣкъ также имѣетъ такого быка, которому онъ даетъ различные почетные титулы, котораго щадятъ во время войны, котораго не убиваютъ к въ случаѣ взятія въ плѣнъ выдаютъ обратно. Болѣзнь и смерть любимаго быка вызываютъ такіе же жалобы и вопли, какъ болѣзнь и смерть человѣка... И такъ же, какъ по смерти человѣка, кафры часто покидаютъ то мѣсто, гдѣ умеръ любимый быкъ. Чтобы пріобрѣсти скотину, кафръ готовъ на все: если у него нѣтъ ея, онъ бѣгаетъ безъ устали цѣлые мѣсяцы, чтобы выклянчить ее у богатыхъ или пытается ее украсть“.

Въ довершеніе всего сказаннаго замѣтимъ, что главная часть пищи

кафровъ доставляется не стадами, а земледѣліемъ; такъ что экономическая польза скота не согласуется съ оказываемымъ ему почетомъ. Кафръ еще иногда отваживается убить скотину, но есть африканскія, пастушескія племена, которыя этого отнюдь не допускаютъ и выражаютъ свою страсть къ обладанію рогатымъ скотомъ еще болѣе страннымъ образомъ, чѣмъ кафры. „Всѣ помыслы и стремленія Динка,“—пишетъ Швейнфрутъ—„направлены къ обладанію рогатымъ скотомъ и его пріобрѣтенію; эти животныя буквально служатъ предметотъ религіознаго культа, и все, что исходитъ отъ нихъ, считается чистымъ и благороднымъ: пометъ, превращенный въ пепелъ, служитъ подстилкой для спанья или для того, чтобы краситься въ бѣлую краску. Урина употребляется, какъ вода, для умыванья и взамѣнъ очень рѣдкой во всѣхъ этихъ частяхъ Африки поваренной соли. Рогатый скотъ никогда не убиваютъ, за больной скотиной заботливо ухаживаютъ въ спеціально для этого устроенныхъ большихъ хижинахъ; только павшихъ и случайно погибшихъ животныхъ употребляютъ въ пищу. Трудно описать горесть и печаль, которыя испытываетъ тотъ, у кого смерть или жестокосердые чужестранцы похитили его скотину. Въ такомъ состояніи Динка готовъ купить возвращеніе потеряннаго добра цѣною самыхъ тяжелыхъ жертвъ. Корова ему дороже жены и ребенка. Павшая корова, однако, не зарывается безполезно, для этого негръ недостаточно сентименталенъ; посторонніе же радуются этому случаю, и сосѣди устраиваютъ пиръ, который составляетъ эпоху въ однообразной жизни Динка. Тотъ же, кого близко касается это несчастіе, слишкомъ потрясенъ потерей, чтобы рѣшиться положить руку на дорогіе останки. Нерѣдко такіе люди проводятъ много дней погруженные въ глубокую печаль. Несчастіе такое кажется имъ невыносимымъ“.

Айны съ ручными совами. Японскій рисунокъ. По Д. Макъ Ритчи.

Болѣе всего отличается въ этомъ отношеніи племя Тода въ Индіи. Тода питаются исключительно молокомъ своихъ коровъ и никогда не ѣдятъ мяса. Особенно красивыхъ коровъ они содержатъ въ качествѣ священныхъ животныхъ въ отгороженныхъ мѣстахъ. Эти характерныя черты свойственны всѣмъ пастушескимъ народамъ, хотя и не въ такой крайней степени. Относительно монголовъ Пржевальскій утверждаетъ, что они посвящаютъ все свое вниманіе заботѣ о стадѣ, собственное же благо и благо своей семьи оставляютъ на второмъ планѣ [1].

Благодаря скотоводству становится возможнымъ использованіе странъ, которыя непригодны для земледѣлія, и такимъ образомъ пасту-

[1] Монголъ, конечно, заботится о своихъ стадахъ, такъ какъ въ нихъ все его имущество, все его „благо“ но по отношенію къ домашнимъ животнымъ никакъ нельзя поставить ни съ кафрами, ни съ тода. Насъ не одинъ разъ поражало грубое обращеніе съ лошадью: жестокіе побои, стертыя спины, заѣзженные до истощенія верховые кони, бросанье больного истощеннаго скота на произволъ судьбы, служатъ плохимъ подтвержденіемъ мнѣнія Пржевальскаго, вообще крайне поверхностнаго наблюдателя жизни народовъ. Это не было его любимымъ занятіемъ. Есть особыя, привилегированныя животныя, какъ у монголовъ такъ и у урянховъ и тюрковъ Сибири. Ихъ монголы называютъ сэтертей, енисейскіе тюрки—изыхъ, соіооты—идыхъ. Это животныя посвящены богу, духу мѣстности и т. д. Ихъ легко отличить отъ другихъ по цвѣтнымъ лентамъ, вплетеннымъ въ гриву; женщина не можетъ прикасаться къ нимъ. Это пока единственный остатокъ древняго дѣленія мужского и женскаго труда. Посвященіе животнаго богу сопряжено съ различными церемоніями, и бережное отношеніе къ нему вытекаетъ изъ религіознаго чувства.

Ред.

шескіе народы также выполняютъ великую задачу въ человѣческой культурѣ. Однако высшее развитіе остается для номадовъ недоступнымъ, такъ какъ они по необходимости должны переходить съ мѣста на мѣсто и не могутъ стремиться къ скопленію культурнаго достоянія, и потому что ихъ образъ жизни развиваетъ у нихъ воинственныя наклонности, а не способность къ труду. Хищническое хозяйство является для нихъ пріятнымъ побочнымъ занятіемъ, которое дѣлаетъ ихъ могучимъ ферментомъ жизни народовъ. Между пастухами идетъ непрерывная война и разбой, такъ какъ стада сосѣдняго племени служатъ имъ соблазнительной приманкой. Не разъ также натискъ арабскихъ, турецкихъ и монгольскихъ пастушескихъ ордъ потрясалъ до основанія культуры западной Азіи и Европы, Индіи и Китая.

Дальнѣйшей характерный чертой пастушескихъ народовъ является то, что земледѣліе, которое отчасти ведется женщинами, отчасти, можетъ быть и мужчинами, въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ никакой связи со скотоводствомъ. Кафры не стремятся примѣнять силу своихъ быковъ къ земледѣлію, и въ то время какъ они пытаются увеличить производительность своего поля пепельнымъ удобреніемъ, они оставляютъ огромныя массы коровьяго навоза, который скопляется въ хлѣвахъ и гніетъ безъ пользы. Только изобрѣтеніе плуга и примѣненіе скотскаго навоза создаютъ гармоническую форму хозяйства, которая лежитъ въ основѣ высшихъ культуръ древняго міра и для насъ представляется единственно возможнымъ идеаломъ хозяйства. Во всякомъ случаѣ эта форма очень стара. По всей вѣроятности, она возникла тамъ, гдѣ соприкасались туранское мотыжное земледѣліе и семитическое скотоводство, а именно въ Вавилонской низменности, и, можетъ быть, Эдуардъ Ганъ, правъ, предполагая, что при разведеніи и при использованіи рогатаго скота играли нѣкоторую роль различныя мистическія соображенія. Отвергать подобныя мысли можетъ только наивный культурный человѣкъ, который всегда легковѣрно кладетъ въ основу всѣхъ вещей принципъ практической пользы, потому что послѣдній ему самому кажется самымъ правильнымъ и естественнымъ.

осудъ для масла у вассиндія, вост. Африка. По Кольману. См. текстъ стр. 240.

Смѣшанная форма хозяйства, соединяющая въ себѣ земледѣліе и скотоводство, должна потому уже считаться важнѣйшимъ основаніемъ нашей культуры, что она впервые сдѣлала возможной полную осѣдлость. Съ тѣхъ поръ какъ опредѣленный кусокъ почвы постоянно питаетъ своего владѣльца и его потомство дикое поле не является уже необходимой частью общиннаго или племенного владѣнія, и это владѣніе само раздѣляется между отдѣльными семьями. Такимъ путемъ семья, вмѣсто рода, дѣлается единицей, изъ которой слагается каждой народъ. Старыя условія однако не вполнѣ изчезаютъ, и мѣсто рода заступаетъ община. Часть былого коммунистическаго достоянія остается обыкновенно общей собственностью, служитъ выгономъ и доставляетъ необходимое топливо и подстилку, а своими ягодами, грибами, дичью даетъ бѣднѣйшимъ жителямъ возможность поддерживать остатки стараго, собирающаго хозяйства. Такое общинное владѣніе не есть необходимое условіе новой культурной формы, такъ какъ теперь стало возможнымъ дѣлить на мелкія части все нужное для хозяйства, — поля, луга и лѣсъ, между отдѣльными лицами.

Къ сожалѣнію, именно общинная земля чаще всего становилась причиной экономическаго бѣдствія. Во времена феодализма во многихъ государствахъ Европы деревни получили тѣмъ или инымъ путемъ „господъ“, которые въ качествѣ землевладѣльцевъ требовали доли въ общинномъ владѣніи, но потомъ постепенно сумѣли пріучить народъ къ мысли, что эта, еще нераздѣленная земля, принадлежитъ по праву имъ, какъ естествен-

нымъ представителямъ и повелителямъ общины. Въ весьма грубой формѣ эта мысль перешла въ дѣло впервые въ Англіи. Лорды обнесли заборами общинную землю и обратили ее по большой части въ пастбище для овецъ; этимъ путемъ они сдѣлали невозможнымъ скотоводство для крестьянъ. Безъ скота же крестьянинъ не могъ держать землю въ такомъ состояніи, при которомъ она давала бы доходъ; нѣкогда столь достаточные и сильные поселяне, которые еще во времена Кромвеля рѣшали участь парламентскихъ сраженій, хотя и тогда уже число ихъ значительно уменьшилось, окончательно обѣднѣли, и Англія наполнилась толпами нищихъ и бродягъ, которымъ нельзя было противопоставить ничего, кромѣ драконовскихъ законовъ о бѣдныхъ. Въ Германіи этому печальному примѣру особенно слѣдовало мекленбургское дворянство, и въ самомъ дѣлѣ Мекленбургъ съ своей феодальной крупной земельной собственностью, со своими бѣдными сельскими поденщиками и со своей огромой эмиграціей можетъ служить примѣромъ регрессирующей эволюціи, которая, для блага меньшества безпощадно истребила добрую часть старыхъ культурныхъ пріобрѣтеній. Въ другихъ мѣстахъ наступившая съ приростомъ населенія чрезмѣрная дробность сельскаго земледѣлія спустила доходъ крестьянскаго хозяйства ниже необходимаго уровня. Въ этомъ случаѣ, люди помогаютъ себѣ примѣненіемъ рабочей силы къ другимъ цѣлямъ — кустарной промышленности, торговлѣ, или же происходитъ временное выселеніе отдѣльныхъ членовъ семьи, уходящихъ на заработки.

Связанная съ скотоводствомъ, плуговая обработка почвы является не самой интенсивной формой сельскаго хозяйства. Самое крайнее использованіе почвы достигается садоводствомъ, то есть собственно доведенной до высшей степени развитія мотыжной обработкой, каковая практикуется во многихъ мѣстностяхъ Китая. Скотоводство здѣсь весьма незначительно. Для пропитанія скота нужно отводить слишкомъ большое количество годной для воздѣлыванія земли; здѣсь для удобренія земли служатъ продукты обмѣна веществъ самого человѣка въ соединеніи съ другими отбросами, и такимъ именно образомъ, при громадномъ населеніи Китая, достигается возможность вести садовую культуру на почвѣ, истощенной уже тысячелѣтіями. Здѣсь господствуетъ полнѣйшая гармонія по отношенію къ потребленію и обмѣну, крайній предѣлъ достижимаго бережнымъ отношеніемъ къ дарамъ природы. Дальнѣйшаго прогресса европейская культура могла достигнуть только научнымъ изслѣдованіемъ веществъ, питающихъ растенія, и это изслѣдованіе привело ко введенію минеральнаго удобренія. Чрезвычайно густое населеніе Европы, кромѣ міровой торговли, которая доставляетъ избытки земледѣльческихъ продуктовъ въ страны, занимающіяся преимущественно, фабрично-заводской промышленностью, обязано своимъ пропитаніемъ интенсивному земледѣлію, которое извлекаетъ часто изъ весьма отдаленныхъ рудниковъ вещества для новаго оплодотворенія истощенной почвы или эксплоатируетъ древнія залежи гуано по берегамъ тропическихъ странъ. Образецъ примѣненія этихъ залежей дало земледѣліе древнихъ перуанцевъ, которые употребляли гуано своихъ прибрежныхъ областей въ качествѣ удобренія, а вмѣстѣ съ нимъ и отбросы ловимой ими въ большомъ количествѣ рыбы, въ то время какъ пометомъ своего домашняго животнаго, ламы, они пользовались какъ топливомъ.

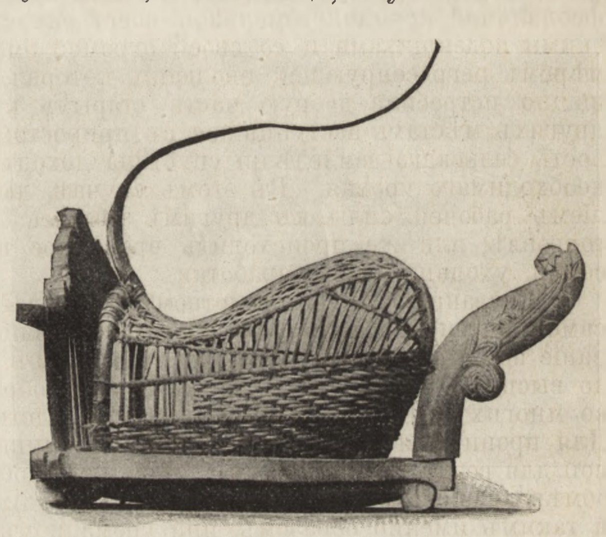
---

3. Культурныя растенія и домашнія животныя.

Тому, кто въ мрачную минуту броситъ взглядъ на борющееся съ нуждою и горемъ человѣчество, оно должно представиться въ видѣ преслѣдуемаго охотникомъ звѣря, который прилагаетъ всѣ свои силы и всю

свою хитрость къ тому, чтобы ускользнуть отъ преслѣдователей, а вся культурная работа покажется ему поочередной смѣной военныхъ хитростей и бѣгства. Но въ этой трагической картинѣ видна лишь доля истины. Гдѣ же могла бы явиться въ качествѣ наставницы съ болѣе жесткими и суровыми чертами нужда, какъ не въ хозяйствѣ, которое имѣетъ цѣлью удовлетворять ближайшей настоятельной потребности существованія? Однако, несмотря на это мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, какъ часто праздная забава ведетъ къ полезнымъ открытіямъ, какъ излишекъ силъ посвящается не на продуктивную работу, а на украшеніе жизни и только постепенно переходитъ на службу сознательнаго прогресса. Здѣсь человѣческій умъ является силой, которая произвольно влечетъ на свой путь дары и силу природы, играетъ ими, преобразуетъ ихъ, и наконецъ, научается пользоваться ими. Конечно, картина эта показываетъ намъ только одну сторону жизни, но она является необходимымъ дополненіемъ другой, рисующей только одну темную сторону существованія.

Растенія и животныя,— которыхъ человѣкъ собираетъ вокругъ себя, на которыхъ онъ по своей волѣ вліяетъ, умножаетъ, воспитываетъ, — входятъ, повидимому цѣликомъ, въ область чисто экономической культуры. Ихъ воспитаніе, повидимому, начинается вслѣдствіе практическихъ соображеній, ихъ цѣнность опредѣляется по степени приносимой ими пользы. Но одного взгляда на грядку цвѣтущихъ растеній или на клѣтку, въ которой весело распѣваетъ какая-нибудь пестрая птичка, достаточно для предостереженія отъ такихъ слишкомъ поспѣшныхъ выводовъ. Впрочемъ, эти исключенія принадлежатъ, какъ кажется къ тѣмъ развлеченіямъ, которыя создала для себя высшая культура въ сознаніи своей царственной власти; кто научился воспитывать полезныхъ животныхъ и полезныя растенія, тотъ можетъ въ свободныя минуты пользоваться своимъ умѣньемъ и для удовольствія.

Клѣтка для птицъ у баттковъ, Суматра, Бременскій музей.

И высшая культура какъ будто и въ самомъ дѣлѣ является настоящей виновницей этихъ, въ экономическомъ отношеніи безполезныхъ, опытовъ разведенія и прирученія, измѣняя и преобразуя путемъ цѣлесообразной дѣятельности окружающую природу. Человѣчество не могло быстро разрушить въ себѣ самомъ исконное чувство удовольствія при видѣ зелени лѣса и веселой жизни дикихъ животныхъ, и оно стремится къ тому, чтобы вновь возсоздать хоть остатокъ того, что окружало его прежде. До извѣстной степени этимъ чувствомъ живетъ человѣкъ въ большихъ городахъ, когда онъ воспитываетъ передъ своимъ окномъ, выходящимъ на тѣсный, какъ колодецъ, дворъ своей квартиры въ казармообразномъ домѣ, нѣсколько жалкихъ растеній и вѣшаетъ клѣтку съ канарейкой.

Но если мы попытаемся опредѣлить ту границу культуры, съ которой начинаются эти забавы, то, погружаясь все глубже и глубже, всетаки не дойдемъ до нея. Это подтверждается прежде всего на прирученныхъ животныхъ: есть много народовъ съ присваивающимъ хозяйствомъ, которые не разводятъ никакихъ полезныхъ животныхъ, но любятъ имѣть въ своихъ жи-

лицахъ, или около нихъ, разнаго рода прирученныхъ звѣрьковъ и ухаживатъ за ними, не извлекая изъ нихъ никакой существенной пользы (см. рис. на стр. 245). Что касается растеній, то воздѣлываніе декоративныхъ растеній и цвѣтовъ, конечно, у бѣдныхъ культурой народовъ принадлежитъ къ исключеніямъ, но зато на первый планъ выступаетъ другая группа растеній, экономическая польза которыхъ по меньшей мѣрѣ сомнительна. Это растенія, которыя доставляютъ наркотическія, или одуряющія вещества. Чрезвычайному значенію табака, кофе, чая, какао, вина и опіума (см. рис. на стр. 246), для торговли европейскихъ и азіатскихъ культурныхъ народовъ соотвѣтствуетъ важность употребленія бетеля (см. рис. на стр. 247) въ области малайской и полинезійской, орѣха кола—въ Суданѣ, кавы—въ Полинезіи и снова табака—у очень многихъ первобытныхъ народовъ. На воздѣлываніе этихъ предметовъ наслажденія затрачивается такое количество труда, какое часто не примѣняется къ культурѣ дѣйствительно полезныхъ растеній и чисто-разумныя экономическія соображенія не имѣютъ рѣшающаго значенія ни въ производствѣ, ни при потребленіи.

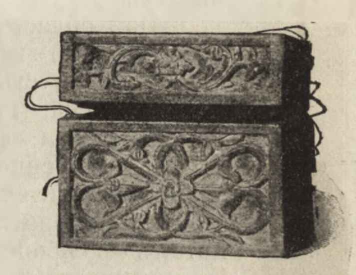
Китаецъ-курильщикъ опіума. По фотографіи

Воздѣлываніе растеній, во всякомъ случаѣ, съ самаго начала относится главнымъ образомъ къ области хозяйства, въ силу того, что человѣкъ не столь рано и не такъ легко сталъ въ такія пріязненныя отношенія къ растеніямъ, какъ къ животнымъ; эстетическое н а с л а ж д е н і е растеніями является только результатомъ высшаго развитія. Характерно, что въ искусствѣ первобытныхъ народовъ растительныя формы выступаютъ рѣже, чѣмъ фигуры животнаго или человѣка. То растеніе, о которомъ первобытный человѣкъ началъ заботиться, должно было представлять для него какую-либо пользу, быть продуктомъ, годнымъ для потребленія, или служить для промышленныхъ цѣлей. Религіозно-мистическіе мотивы вначалѣ рѣдко принимаются въ разсчетъ; въ крайнемъ случаѣ за ними слѣдуетъ признать лишь косвенное вліяніе.

Переходъ отъ простого использованія растеній къ ихъ п р а в и л ь н о м у в о з д ѣ л ы в а н і ю происходитъ, конечно, не вдругъ; развитіе культуры растеній въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ останавливаться на самыхъ различныхъ ступеняхъ. За простымъ сохраненіемъ плодовыхъ растеній и случайными посѣвами, получающимися изъ оброненныхъ сѣмянъ, слѣдуетъ сознательное разведеніе на соотвѣтствующей почвѣ. Дальнѣйшій прогрессъ, представляетъ подготовка почвы и вторичная стадія въ тѣхъ случаяхъ, когда ростъ посѣянныхъ растеній ускоряется полкой, поливкой, окучиваніемъ, подрѣзываніемъ и все то, что такъ или иначе способствуетъ развитію растенія, пока люди въ концѣ концовъ не научатся цѣлесообразно работать для облагороженія растеній. Въ виду имѣется главнымъ образомъ облегчить растенію борьбу за существованіе и создать для него возможно благопріятныя условія произрастанія; такимъ образомъ становится возможнымъ чрезвычайно расширить естественные предѣлы распространенія культурныхъ растеній. Дико растущее растеніе должно обладать способностью—въ зависимости отъ условій своей родины—переносить зимніе морозы или лѣтнія жары; оно должно приспособляться къ этимъ условіямъ, чтобы не

погибнуть въ борьбѣ съ растущими на той же почвѣ растеніями; оно должно затѣмъ разсѣвать массами свои сѣмена, чтобы сдѣлать возможнымъ сохраненіе своего рода или вида; культурныя растенія не связаны болѣе этими условіями и могутъ произрастать въ странахъ, которыя недоступны для ихъ дикихъ родичей. Сѣмена и клубни, которые могутъ замерзнуть зимой, сѣютъ и сажаютъ по окончаніи зимнихъ холодовъ; мѣстныя сорныя растенія, которыя могутъ заглушить чужеземное, удаляютъ мотыгой; на сухую почву проводятъ воду; тощую почву дѣлаютъ плодородной путемъ удобренія. Въ настоящее время растенія болѣе жаркихъ поясовъ производятъ также и умѣренныя страны. Отчасти и въ этомъ заключаются преимущества, которыя сдѣлали эти страны средоточіемъ человѣческой культуры.

Однако-же рядомъ съ увеличеніемъ возможности распространенія рѣшительнымъ образомъ выступаютъ препятствія, обусловливаемыя консервативными сторонами характера человѣка. Каждое культурное растеніе требуетъ своего спеціальнаго способа воздѣлыванія, который пріобрѣтается и сохраняется въ памяти путемъ долгаго опыта и упражненія, а первобытному человѣку новые опыты легко могутъ принести при его неумѣньи вредъ, вмѣсто пользы. Мы чаще встрѣчаемъ стремленіе эксплоатировать до послѣдней степени растенія уже извѣстныя, чѣмъ искать новыхъ видовъ. Эта эксплоатація задрудняется далѣе поверхностной классификаціей растеній, напр., хлѣбныя, прядильныя, красильныя и т. д. Кокосовая пальма, напр., даетъ, кромѣ пищевого вещества, волокна для веревокъ, матовъ и щетокъ, части скорлупы кокосоваго плода служатъ сосудами (см. рис. на стр. 248), листья—матеріаломъ для крышъ, а древесные стволы употребляются для различныхъ цѣлей. Бамбукъ находитъ себѣ еще болѣе широкое примѣненіе. Даже отъ банановъ получаютъ, кромѣ плодовъ, драгоцѣнное волокнистое вещество. Такимъ образомъ культурныя растенія становятся во взаимодѣйствіе съ культурой цѣлыхъ народовъ и странъ и кладутъ на нее отпечатокъ своихъ свойствъ.

Ящикъ для бетеля въ Горомѣ, Молукскіе о-ва.
Музей народовѣдѣнія въ Берлинѣ.

Культура въ свою очередь остается не безъ вліянія на растенія, которыя, благодаря уходу и воспитанію, лучше приспособляются къ намѣченнымъ для нихъ задачамъ. Плоды садовыхъ фруктовыхъ деревьевъ отличаются отъ дикихъ; многія изъ нихъ лишаются даже сѣмянъ, и такимъ образомъ они, подобно кастрированнымъ животнымъ, ради навязанныхъ имъ насильственно цѣлей, жертвуютъ способностью къ продолженію рода — по крайней мѣрѣ, насколько это зависитъ отъ сѣмени; почти всѣ введенныя въ культурную жизнь растенія испытываютъ болѣе или менѣе важныя измѣненія. Въ воздѣланной культурной странѣ въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ проявляется дѣйствіе человѣческаго разума, и онъ не только измѣняетъ произвольно время и мѣсто произрастанія, но и самую внутреннюю природу растеній: они становятся созданіями, лишенными самостоятельности, неспособными произрастать безъ его помощи.

Культурныя растенія можно разсматривать съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Въ этомъ случаѣ на первый планъ должны выступать вопросы не ботаническіе или ботанико-географическіе, не вопросы исторіи развитія, а, соотвѣтственно направленію всей книги, вопросы культурно-историческіе; кромѣ того—намъ нѣтъ ни возможности, ни необходимости перечислять всѣ культурныя растенія; мы имѣемъ въ виду изложить краткія свѣдѣнія о тѣхъ полезныхъ растеніяхъ, которыя наиболѣе важны и наиболѣе характерны для культуры большихъ человѣческихъ группъ.

Не всѣ населенныя и способныя къ воздѣлыванію страны способны

производить всѣ важныя полезныя растенія, не вездѣ также, гдѣ существуютъ дикія формы культурныхъ растеній, дѣлаются попытки воздѣлывать ихъ; но существуютъ опредѣленныя области, изъ которыхъ однѣ распространялись во всѣ стороны цѣлые ряды культурныхъ растеній, а другія же — только воспринимали готовое и едва ли вносили что-либо новое. И это очень естественно: гдѣ съ давнихъ поръ извѣстно воздѣлываніе растеній, тамъ легко производятся новые опыты и почти всегда съ успѣхомъ, такъ какъ здѣсь не приходится бороться съ предубѣжденіями; тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ предварительныхъ условій, опыты производить трудно, Такимъ образомъ существуютъ страны, обитатели которыхъ являются передовыми борцами въ великой борьбѣ аклиматизаціи растеній; впрочемъ обмѣнъ завоеваніями совершился уже въ столь раннія времена, что первоначальную родину многихъ растеній трудно назвать.

Изъ областей Стараго Свѣта наиболѣе самостоятельно развился восточно-азіатскій культурный міръ. Отрѣзанный отъ запада пустынями, по которымъ бродили безпокойныя кочевыя племена, граничащій на сѣверѣ съ бѣдными культурой первобытными областями Сибири, на востокѣ съ мало оживленнымъ въ древности Океаномъ, Китай — ядро восточной Азіи — только относительно поздно завоевалъ югъ своей нынѣшней территоріи и вошелъ въ соприкосновеніе сначала съ индійской, а потомъ съ европейской культурой. Восточная Азія и Западъ имѣли въ древности только одно общее растительное достояніе—пшеницу. Если китайцы въ самомъ дѣлѣ проникли на свою, настоящую территорію изъ оазисовъ средней Азіи, то слѣдуетъ предположить, что тогда уже они переносили съ собой пшеницу, какъ драгоцѣнное достояніе. Еще теперь сѣверный Китай—страна преимущественно пшеничной культуры, тогда какъ на югѣ на первомъ планѣ стоитъ рисъ. Если пшеница указываетъ на связь китайцевъ съ западно-азіатской культурой, то воздѣлываніе риса перешло къ нимъ, можетъ быть, изъ Индіи, хотя установить съ увѣренностью, гдѣ началось его воздѣлываніе, трудно. Такъ какъ центръ китайской культуры долгое время находился на сѣверѣ, гдѣ рисъ воздѣлывается, какъ мы сказали, въ небольшихъ размѣрахъ, то предположеніе относительно связи съ Индіей, которая знала культуру риса, повидимому, уже во время поселенія въ ней арійцевъ, имѣетъ нѣкоторое основаніе. Однако, такъ какъ китайскія преданія позволяютъ заключать о глубокой давности воздѣлыванія риса, то возможно, что постороннее вліяніе имѣло, можетъ быть, какое нибудь очень древнее культурное теченіе, о которомъ ничего точнаго сказать нельзя.

Сосудъ изъ скорлупы кокосовыхъ орѣховъ на Малабарскомъ берегу. См. стр. 247.

Хозяйственная самобытность Китая выступаетъ яснѣе всего въ его фруктовыхъ деревьяхъ, которыя относительно поздно стали извѣстны въ остальномъ мірѣ. Раньше всего получилъ распространеніе персикъ, который уже въ началѣ нашей эры проникъ черезъ Персію въ Италію и появился почти одновременно съ абрикосомъ; позже всего проникъ въ Европу апельсинъ, который только въ концѣ XVII вѣка распространился по всѣмъ болѣе теплымъ странамъ. Какъ самое типичное бобовое растеніе азіаты воздѣлывали сою, какъ лакомство—чай (см. рис. на стр. 249), который, какъ большая часть веществъ, служащихъ для удовольствія, сообщаетъ культурѣ еще болѣе своеобразный отпечатокъ, чѣмъ питательныя полезныя вещества.

Восточная Азія принадлежитъ главнымъ образомъ къ умѣренному поясу; ближайшая же къ ней культурная область Индія—къ тропическому. Древнѣйшая исторія культуры этихъ странъ еще очень темна; весьма вѣроятно однако, что до-арійское населеніе Индіи уже занималось

воздѣлываніемъ полезныхъ растеній, когда арійскіе номады ворвались въ страну съ сѣверо-запада. Часть полезныхъ растеній Индіи перенесена была потомъ въ Европу и Западную Азію—арбузъ, огурецъ, сахарный тростникъ. Рисъ, какъ уже сказано выше, повидимому, индійское культурное растеніе; къ нему присоединяются нѣсколько видовъ хлѣбныхъ растеній — Eleusina и Amarantus, далѣе многія бобовыя, затѣмъ прежде всего бананы, которые въ культивированныхъ формахъ сдѣлались однимъ изъ важнѣйшихъ полезныхъ растеній тропическихъ странъ. Индіи принадлежитъ открытіе воздѣлыванія хлопчатника въ Азіи; американскіе же культурные народы пришли самостоятельно къ культурѣ этого прядильнаго растенія. Наконецъ, въ Индіи впервые развилась культура многихъ фруктовыхъ деревьевъ, оттуда же вѣроятно происходитъ бутылочная тыква, разнообразныя примѣненія которой кладутъ такой отпечатокъ самобытности на домашній обиходъ многихъ тропическихъ народовъ.

Чайное дерево. По фотографіи. См. текстъ на стр. 248.

Отношеніе культуры Индіи къ сосѣдней области тропической культуры — островамъ Зондскаго архипелага — неясно. Принимая во вниманіе вѣковое вліяніе индійской культуры и религіи на эти острова, мы могли бы разсматривать Индонезію, какъ простой придатокъ къ Индостану. Но такому взгляду противорѣчатъ многія данныя. Зондскіе острова сами являются исходной точкой культуры, которая уже рано распространилась на всѣ океанійскіе острова до Гавайскихъ—до Новой Зеландіи и она мало похожа на индійскую. Мы находимъ здѣсь, какъ оригинальныя хлѣбныя растенія таро (Arum esculentum) — главный продуктъ полинезійскаго земледѣлія, корни ямса (Dioscorea) и хлѣбное дерево (Artocarpus incisa); въ числѣ масличныхъ растеній — сезамъ, который по всей вѣроятности сталъ воздѣлываться впервые на Зондскихъ островахъ, какъ лакомство — орѣхи бетеля, который весьма распространенъ и въ Индіи, но въ древности особенное пристрастіе чувствовали къ нему обитатели Индонезіи. Можетъ быть, къ этому списку слѣдуетъ присоединить и кокосовую пальму, которая для малайско-полинезійской расы имѣетъ во всякомъ случаѣ величайшее значеніе и основательно ею используется. Менѣе характерными въ культурномъ смыслѣ, но важными, какъ полезныя растенія, являются бамбукъ и саговая пальма. Индонезія обладаетъ совершенно оригинальной группой полезныхъ растеній, которыя при большой подвижности малайской расы давно уже распространились въ отдаленныя страны. Это новое

прибавленіе къ остаткамъ очень старой, хотя и не вполнѣ развившейся, но заслуживающей вниманія культуры Зондскаго Архипелага.

Родина западно-азіатской и европейской культуры — вавилонская низменность съ прилегающими къ ней горными странами — является естественно исходнымъ пунктомъ многочисленныхъ полезныхъ растеній, между которыми пшеница вслѣдствіе своего очень древняго появленія въ Китаѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Изъ западно-азіатской культурной области происходитъ, повидимому, и ячмень, въ то время, какъ горныя страны на сѣверѣ этой области—плоскогорія Арменіи, Курдистана и т. д.—являются родиной многочисленныхъ плодовыхъ деревьевъ и прежде всего опьяняющей и воспѣтой поэтами виноградной лозы, которая кладетъ такой же своеобразный отпечатокъ на западную культуру, какъ чай на восточную. Древне-вавилонскими культурными растеніями являются и финиковая пальма, миндальное и гранатное деревья, изъ полевыхъ растеній чечевица и конскій бобъ.

Европа большую часть своихъ съѣдобныхъ растеній заимствовала изъ западной Азіи, но сѣверъ вслѣдствіе своего болѣе суроваго климата развивался самостоятельнѣе. Нѣжные злаки юга онъ замѣнилъ рожью и овсомъ, которые оба имѣютъ несомнѣнно европейское происхожденіе; яблоки и вишня заступили мѣсто граната и финика, въ качествѣ масляничнаго растенія культивируется туземный родъ капусты (сурѣпица); вообще культура многочисленныхъ разновидностей капусты возникла, повидимому, въ Европѣ.

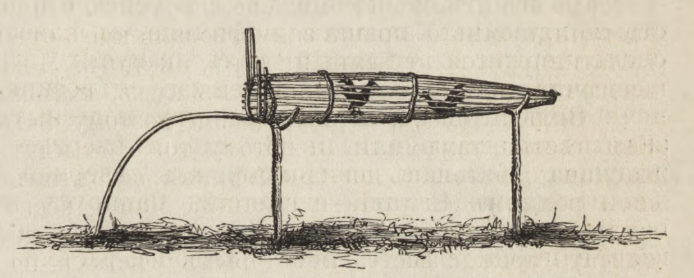
Вкладъ Египта въ культуру полезныхъ растеній незначителенъ. Неизвѣстно, тамъ или въ Вавилоніи впервые начали воздѣлывать ленъ; маслина произошла, повидимому, изъ сѣверной Африки, но не играла большой роли въ Египтѣ—египетскій папирусъ также не можетъ считаться культурнымъ растеніемъ. Исконной собственностью Египта слѣдуетъ считать прежде всего просо — хлѣбное растеніе, которое нѣкогда и въ хозяйствѣ европейскихъ народовъ имѣло болѣе важное значеніе, чѣмъ теперь; что касается сортовъ проса изъ внутренней Африки, то ихъ происхожденіе изъ Египта не доказано. Причина этой поразительной бѣдности Египта въ культурныхъ растеніяхъ заключается въ томъ, что Нильская долина производитъ очень мало дикорастущихъ растеній, которыя были бы годны для культуры и въ силу этого страна была предоставлена вліяніямъ извнѣ. Возможно, что и облагороженіемъ фиги мы обязаны Египту, но вѣроятнѣе, что толчекъ къ культурѣ этого растенія данъ былъ съ востока.

Рядомъ со Старымъ Свѣтомъ, какъ совершенно самостоятельная область выступаетъ Америка. Обособленные отъ остальнаго человѣчества культурные народы Америки воспитали массу своеобразныхъ, частью въ высокой степени цѣнныхъ растеній, которыя послѣ открытія этой части свѣта съ изумительной быстротой распространились въ отдаленныя страны и совершенно преобразовали формы хозяйства этихъ странъ. Поразительна быстрота, съ которой американскія культурныя растенія съ побережья Западной Африки проникли въ глубь материка и вытѣснили совершенно болѣе древніе мѣстные виды плодовъ. „Главныя средства питанія туземцевъ нынѣ всѣ американскаго происхожденія,“ —говоритъ Г. Уардъ о неграхъ нижняго Конго, и прежде всего главное характерное для американскаго культурнаго міра средство наслажденія табакъ прошло тріумфальнымъ шествіемъ черезъ всю землю и въ короткое время настолько натурализировалось, что его можно считать туземнымъ растеніемъ въ Африкѣ и Меланезіи. Изъ продуктовъ Америки огромное значеніе для умѣренныхъ странъ Стараго Свѣта пріобрѣли картофель и маисъ, послѣдній не произрастаетъ въ сѣверной Европѣ, но массами воздѣлывается до тропиковъ и имѣетъ значеніе, можетъ быть, для еще большаго района; маньокъ быстро распространился по средней Африкѣ, бататы теперь воздѣлываются въ большей части тропическихъ странъ, изъ фруктовыхъ деревьевъ и растеній далеко распро-

странились уже папайа, ананасъ, фиговый кактусъ, томаты и **какао**. О томъ, что въ Мексикѣ и Перу усердно воздѣлывали хлопчатникъ, мы уже говорили. Возможно, что и **кокосовая пальма** родилась въ Америкѣ; въ послѣднее время въ пользу этого предположенія привелъ въ высшей степени важные аргументы А. Оппель.

Въ области европейской, а также отчасти и восточно-азіатской культуры человѣкъ достигъ уже того, что вся растительность страны находится подъ его контролемъ; мѣстами, ради практическихъ цѣлей, мѣстами изъ эстетическихъ соображеній, онъ оказываетъ на нее свое вліяніе. Лѣса составлены почти всюду изъ данныхъ, опредѣленныхъ породъ, поля и нивы засѣяны приспособленными къ нимъ сортами травянистыхъ растеній, въ садахъ и паркахъ растутъ декоративныя растенія, нерѣдко вывезенныя изъ отдаленныхъ странъ. Только мелкія породы туземныхъ растеній, превосходно приспособленныя къ мѣстнымъ почвамъ и климатамъ, въ качествѣ „сорныхъ травъ“ все еще борятся за свои старыя права на родную почву и мѣстечко на солнышкѣ.

Рядомъ съ завоеваніемъ растительнаго міра можно поставить и покореніе животныхъ. Даже можно сказать, что вторая побѣда была полнѣе первой. Цѣлыя породы животныхъ были безвозвратно истреблены оружіемъ человѣка, другія должны были склонить выю подъ ярмо его, третьихъ онъ терпитъ, какъ безобидныхъ или служащихъ для забавы. Впрочемъ, если по отношенію къ завоеваніямъ въ мірѣ растительномъ теорія, приписывающая всѣ успѣхи человѣка въ этой области однимъ утилитарнымъ побужденіямъ, оказалась весьма шаткой, то къ изслѣдованію вопроса о прирученіи животныхъ она совершенно неприложима. Именно у самыхъ первобытныхъ племенъ мы и встрѣчаемъ въ прирученномъ состояніи животныхъ, не приносящихъ хозяевамъ никакой пользы. И на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія мы видимъ, что полезныя свойства и продукты домашнихъ животныхъ утилизируются по большей части настолько несовершенно, что невольно возникаетъ вопросъ, ради какой цѣли здѣсь люди затрачивали столько труда на прирученіе дикихъ звѣрей? Нѣсколько примѣровъ помогутъ намъ освѣтить этотъ вопросъ.

Курятникъ въ Атекинди. По Штульману. См. стр. 252.

По словамъ Карла фонъ-денъ-Штейнена у индѣйцевъ шингу не было домашнихъ животныхъ въ общепринятомъ значеніи этого слова, даже собаки не было у нихъ. Они очень любили яркооперенныхъ птицъ, попугаевъ, арара, иногда выдергивали у нихъ перья, взятыхъ съ гнѣзда и выращенныхъ пускали гулять по деревнѣ на волѣ; или же для общей забавы держали бразиліанскаго орла Harpia destructor или другихъ хищныхъ птицъ въ громадныхъ клѣткахъ; подвѣшивали къ гамакамъ за хвостъ ящерицъ и дальше этого они не шли въ своихъ попыткахъ пользоваться животными. Если можно было около поселка развести дикорастущія съѣдобныя растенія, то объ обезпеченіи себя животной пищей никто и не думалъ. То же самое можно сказать и о большинствѣ дикихъ бразильскихъ индійцевъ, хотя иногда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, у нихъ встрѣчается стремленіе извлечь изъ своихъ домашнихъ животныхъ болѣе пользы; но о попыткахъ размноженія такихъ животныхъ въ неволѣ тамъ нѣтъ и помину. Въ сущности эти звѣри — живыя игрушки для своихъ хозяевъ. Марціусъ разсказываетъ, что „въ хижинахъ индійцевъ встрѣчаешь столько же обезьянъ, сколько и людей.

Маленькія обезьяны замѣняютъ индіанкамъ постельныхъ собачекъ,—въ холодныя ночи онѣ какъ котята ищутъ тепленькаго мѣстечка около хозяекъ"...

Въ хижинахъ видны ара, туканы, попугаи разныхъ сортовъ на насѣстяхъ, на привязяхъ или свободно гуляющіе и лазающіе повсюду среди людей. Индійцы любятъ жить въ обществѣ животныхъ. У каждаго изъ членовъ семьи есть свои любимцы среди этихъ домашнихъ обезьянъ, пестренькихъ птичекъ, маленькихъ тихоходовъ и муравьѣдовъ. Скупой на слова отецъ семейства молча наслаждается возней и суматохой своего звѣринца. Болтливая мать вмѣстѣ съ дѣтьми-подростками цѣлыми часами старательно обучаетъ попугаевъ словамъ своего языка, малыши шалятъ и играютъ то съ тѣмъ, то съ другимъ звѣрькомъ, который попадется имъ подъ руку. Ничего нѣтъ удивительнаго послѣ этого, что и животныя домашнія европейскаго происхожденія, распространенныя среди индійцевъ, служатъ имъ только для забавы или-же ихъ цѣнятъ просто какъ рѣдкости, не имѣя ни малѣйшаго понятія о той пользѣ, которую они могутъ приносить. Это особенно ясно видно на курахъ: ихъ вымѣниваютъ у бѣлыхъ,—какъ сообщаетъ Эренрейхъ,—и онѣ служатъ туземцамъ вмѣсто денегъ; но ни самихъ куръ, ни яицъ индійцы не ѣдятъ никогда. Часто и домашнихъ птицъ разводятъ, повидимому, безъ всякихъ утилитарныхъ цѣлей (см. рис. на стр. 25): туземцы Хайнана заимствовали куръ отъ китайцевъ и разводятъ ихъ очень усердно, но не ѣдятъ ни куръ, ни яицъ. У вакамбо, въ вост. Африкѣ, существуетъ предубѣжденіе противъ куръ, такъ какъ онѣ принадлежатъ къ нечистымъ птицамъ, коршунамъ, и поэтому ѣсть ихъ нельзя. Яйца признаются за экскременты и потому тоже не идутъ въ пищу. Подобно предыдущему Кольманъ внутри Африки встрѣтилъ случаи, гдѣ куръ держатъ для цѣлей предсказанія и гаданій. Чаще всего въ роли подобныхъ существъ фигурируетъ голубь; православный русскій [1] не ѣстъ голубей также, какъ и персіанинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, запрещено трогать голубей; къ такимъ принадлежатъ Кааба въ Меккѣ и площадь Св. Марка въ Венеціи, гдѣ голуби живутъ цѣлыми стаями. Съ другой стороны, какъ это доказалъ Шрадеръ, по древне-греческимъ воззрѣніямъ голубь является птицей смерти.

Любовь къ прирученнымъ животнымъ свойственна не однимъ только обитателямъ Южной Америки. Можно указать, слѣдуя Зенфту, на островитянъ науру въ Океаніи. По его словамъ поразительна любовь канаковъ острова Науру къ птичкѣ фрегатъ и къ одной породѣ куликовъ, которыхъ они приручаютъ и держатъ въ громадныхъ количествахъ, устраивая спеціально для нихъ при домахъ гнѣзда.

Ручныя птицы садятся въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и никогда не мѣняютъ разъ выбраннаго мѣста, точно также они не допускаютъ, чтобы сосѣдъ хоть на вершокъ передвинулся ближе къ рядомъ сидящему. На всемъ островѣ Зенфтъ не видалъ ни одной хижины безъ птицъ. Онѣ гораздо болѣе связаны съ данной хижиной, чѣмъ содержимые въ нашихъ домахъ канарейки и снигири. При развитіи культуры любовь къ животнымъ не уменьшается, хотя, конечно, между ними дѣлается выборъ, при чемъ принимается въ разсчетъ также и польза и удовольствіе, которыя они могутъ доставить. Напримѣръ, въ Германіи держали ручныхъ аистовъ и журавлей для охраны домашней птицы, но несомнѣнно эта должность поручена была имъ не съ перваго знакомства, а впослѣдствіи. Повидимому, забава всегда была впереди дѣла. Это съ особенной рельефностью сказывается на исторіи прирученія собаки, самаго древняго и самаго преданнаго спутника человѣка.

Много спорили о томъ, ради чего первоначально человѣкъ выбралъ

---

[1] Только великороссъ, у малороссовъ борщъ съ голубями—лакомое кушанье. *Ред.*

себѣ въ товарищи собаку? Ради ея мяса или въ качествѣ помощника на охотѣ; нуженъ-ли ему былъ сторожъ для дома или даже духовидецъ, прогоняющій нечистую силу своимъ лаемъ, интересовался-ли человѣкъ собакой, какъ упряжнымъ животнымъ, истребителемъ отбросовъ и нечистотъ? Кто обратитъ вниманіе на вышеприведенные примѣры безкорыстнаго прирученія животныхъ, тотъ въ этомъ спорѣ врядъ-ли примкнетъ къ какой либо сторонѣ и скорѣе будетъ разсматривать всѣ эти способы пользованія собакой какъ явленія вторичнаго происхожденія. Собака попала къ человѣку, очевидно, такимъ же путемъ, какъ и всѣ якобы домашнія животныя индійцевъ и огнеземельцевъ,—она была поймана щенкомъ и служила сначала просто предметомъ развлеченія. Необыкновенная плодовитостъ собаки обусловила возможность размноженія ея въ неволѣ и всѣ нынѣ существующія расы собакъ,—результатъ воспитанія въ неволѣ, хотя настоящіе родоначальники ихъ волкъ и шакалъ. Извлекать практическую пользу изъ этихъ новыхъ домашнихъ животныхъ научились уже мало по малу впослѣдствіи и то довольно несовершеннымъ образомъ. Многіе народы ѣдятъ мясо собакъ, — одно изъ южно-африканскихъ племенъ разводитъ собакъ на пищу вмѣсто того, чтобы воровать коровъ у Зулусовъ, другіе же безусловно брезгаютъ этимъ кушаньемъ. У однихъ охотничьихъ племенъ выработались отличныя промысловыя собаки, у другихъ собаки для охоты совершенно непригодны. Возможность существованія эскимосовъ и другихъ гипербореевъ въ значительной мѣрѣ обусловлена способностью ихъ собакъ служить упряжнымъ животнымъ; въ Амурской области собака служитъ и вьючнымъ животнымъ. Полудикія собаки на Востокѣ являются уборщиками нечистотъ. Каждой фазѣ развитія человѣка соотвѣтствуютъ свои породы собакъ: у осѣдлаго земледѣльца собака сторожитъ домъ или амбаръ съ хлѣбомъ, пастуху она помогаетъ собирать стадо, плантатору — при помощи бульдоговъ, разыскиватъ бѣглецовъ изъ своего двуногаго стада—черныхъ рабовъ, а въ Альпійскихъ горахъ собака-же разыскиваетъ заблудившихся людей, она-же на полѣ сраженія разыскиваетъ раненыхъ и даетъ знать объ этомъ. Способность лаять — свойство, пріобрѣтенное собакой въ рукахъ человѣка, для дикихъ оно совершенно безполезно, и задичавшія собаки скоро перестаютъ лаять.

Сани съ собачьей упряжкой у аиновъ. Японскій рисунокъ. По Д. Макъ Ритчи.

Итакъ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, что разведеніе собакъ съ самаго начала, имѣло заранѣе въ виду какія нибудь опредѣленныя намѣренія и еще менѣе какія нибудь хозяйственныя задачи въ тѣсномъ смыслѣ. Въ сущности и утвержденіе, что молодыхъ животныхъ люди приручали ради забавы, указываетъ на нѣчто, вызванное требованіями необходимости. Здѣсь говорило въ человѣкѣ то же самое чувство, которое сдѣлало возможнымъ возникновеніе и развитіе человѣческаго общества и которое зародилось въ человѣкѣ вмѣстѣ съ нимъ самимъ — это чувство симпатіи, или, если угодно, стремленіе къ общенію. Стремленіе найти отраженіе себя въ существахъ, съ которыми мы вмѣстѣ живемъ, присуще

всѣмъ намъ и этого отклика себѣ ищемъ не только въ подобныхъ намъ, въ людяхъ. И между культурными одинокій или разбитый горемъ человѣкъ обращаетъ нерѣдко свою симпатію на какое нибудь животное, въ привязанности котораго онъ находитъ утѣшеніе для себя. Примитивныя расы не такъ рѣзко ощущаютъ разницу между человѣкомъ и животнымъ, они часто смотрятъ на звѣрей, какъ на существа, совершенно подобныя людямъ; нѣкоторые полагаютъ, что послѣ смерти они будутъ продолжать жизнь въ видѣ животныхъ, другіе думаютъ, что ихъ дальніе предки были животными. Здѣсь, стало быть, открытъ свободный доступъ мистическимъ соображеніямъ и не мудрено приписать имъ крупное значеніе въ дѣлѣ о прирученіи животныхъ, какъ это дѣлаетъ Эдуардъ Ганъ, пытаясь свести вопросъ о прирученіи коровы къ первобытнымъ религіознымъ обрядамъ. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія объясненія правильны; но въ общемъ наблюденія надъ первобытными народами современности не даютъ права намъ утверждать, что прежде всего подвергались прирученію „священныя животныя“: ихъ щадятъ, не нападаютъ на нихъ, но близкихъ сношеній съ ними избѣгаютъ. Что касается нынѣ существующихъ, домашнихъ животныхъ, то почти всѣ они сначала были изловлены маленькими и были товарищами и живыми игрушками дѣтей и кореннымъ мотивомъ, вызвавшимъ разсматриваемое нами явленіе, было и остается чувство симпатіи.

Разумѣется, съ тѣхъ поръ какъ домашнихъ животныхъ стали разводить цѣлыми стадами на убой, чувство симпатіи къ прежнимъ друзьямъ и товарищамъ должно было притупиться и заглохнуть, но однако оно при подходящихъ условіяхъ и теперь заявляетъ о себѣ, проявляясь съ силой, возбуждающей удивленіе. Мы уже упоминали о томъ, что существуютъ пастушескія племена, которыя никогда не бьютъ свой рогатый скотъ. Если, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ случаевъ играетъ роль скупость, то съ другой стороны извѣстно также, что благодаря состраданію и привязанности къ любимому четвероногому у людей не хватало силы поднять на него руку. Культурные народы Европы и отчасти Азіи считаютъ мясо благороднѣйшаго изъ домашнихъ животныхъ, лошади, „поганымъ“ и его употребляютъ въ пищу только самые низшіе слои населенія. Въ Германію этотъ запретъ на конину проникъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, она была отмѣнена папскими буллами, хотя въ христіанскомъ ученіи нѣтъ никакихъ постановленій насчетъ выбора пищи. Объясненіе, что убой лошади для пищи напоминаетъ языческія жертвоприношенія можетъ быть принято только съ оговоркой. Вѣрнѣе-же, что въ данномъ случаѣ древній запретъ, существовавшій на югѣ, былъ перенесенъ на сѣверъ.

Еще характернѣе отношеніе многихъ, совершенно независимыхъ другъ отъ друга, народовъ къ рогатому скоту, употребляемому для запряжки или для обработки полей: всюду господствуетъ убѣжденіе, что несправедливо какъ бы въ награду за труды убивать и ѣсть мясо этого сотрудника человѣка. Изреченіе Пиѳагора—„не поднимай руки на вола-пахаря“—въ сжатой формѣ выражаетъ широко распространенное народное воззрѣніе. Въ древности въ Италіи постановленіемъ закона убіеніе рабочаго вола—(Socius hominum in vustico opere et Cereris minister — товарища земледѣльца и служителя — какъ его называетъ Варронъ) запрещено было подъ угрозой смертной казни или изгнанія. Во Франціи—по Эліану—существовали такія же постановленія, въ Аттикѣ насчетъ рабочаго вола постановлено было, что по крайней мѣрѣ въ жертву его приносить ни въ какомъ случаѣ не дозволяется. Точно также въ культурномъ мірѣ восточной Азіи рабочій волъ пользуется неприкосновенностью: по сообщенію Бастіана въ Бирмѣ законъ угрожаетъ смертью за убіеніе вола, въ Китаѣ, если не законъ, то общераспространенный древній обычай смотритъ столь же строго на такой поступокъ. И профессія мясника не пользуется ни уваженіемъ, ни симпатіей; большинство мясниковъ не изъ китайцевъ, а изъ монголовъ.

Аналогичное вышеприведенному воззрѣніе запрещаетъ убивать молочныхъ коровъ. Кромѣ другихъ многочисленныхъ источниковъ, Порфирій утверждаетъ, что египтяне и финикіяне приносили въ жертву и ѣли мясо быковъ, но они скорѣе рѣшились бы ѣсть человѣческое мясо, чѣмъ коровье. У арійцевъ Индіи почитаніе и охраненіе коровы развилось до каррикатурныхъ размѣровъ и доведено было до самыхъ крайнихъ послѣдствій, что вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру народа, одновременно обладающаго и широкой фантазіей, и наклонностью къ педантизму. Во владѣніи Сикхосъ установлена была смертная казнь за убійство коровы и многочисленныя яростныя возстанія доказали магометанскимъ и европейскимъ завоевателямъ, что въ этомъ отношеніи съ индусами шутить нельзя. Сообразно

Рабочіе слоны въ Индіи. По фотографіи. См. текстъ на стр. 256.

теченію идей другого порядка киргизы и многіе русскіе не употребляютъ въ пищу телятъ, чтобы не истреблять подрастающаго поколѣнія [1].

Изъ подобныхъ мотивовъ вѣроятно вышло и запрещеніе у обитателей Молекула на Новыхъ Гебридахъ употреблять въ пищу не только самихъ птицъ, но и яйца, какъ объ этомъ сообщаетъ Соммервиль.

По отношенію къ лошади и коровѣ совершенно ясно видно, что бережное отношеніе къ этимъ животнымъ вызывается извѣстнаго рода почтеніемъ и симпатіей; но и другія домашнія животныя также все таки не совсѣмъ лишены вниманія и пріязни человѣка. Напримѣръ, домашній пѣтухъ, какъ вѣстникъ утра и предсказатель погоды, во многихъ случаяхъ и строже всего у древнихъ иранцевъ былъ исключенъ изъ числа животныхъ, дозволенныхъ для убиванія на пищу. Мясо кошки, вѣроятно,

---

[1] Монголы, буряты не убиваютъ для себя и ни въ какомъ случаѣ не продадутъ на убой молодого животнаго, хотя не только свѣтскія лица, но и буддійскіе ламы поѣдаютъ барановъ во множествѣ. Здѣсь нѣкотораго рода компромиссъ между строгими требованіями буддійскаго ученія и запросами жизни. Убить взрослаго барана вынуждаетъ необходимость, но ягненка, еще не успѣвшаго воспользоваться жизнью—грѣшно.

Ред.

очень вкусно, но неписанный законъ безусловно запрещаетъ его употребленіе. И кроликовъ въ Германіи разводятъ во многихъ мѣстностяхъ, но вовсе не имѣя ввиду цѣлей пользоваться ихъ мясомъ. Весьма интересно явленіе, что боязнь прикоснуться къ запрещенной пищѣ сопровождается инстинктивнымъ отвращеніемъ къ ней, основныя причины котораго не сознаются отдѣльными субъектами; но для насъ въ настоящую минуту это явленіе имѣетъ значеніе безусловно второстепенное.

Въ тѣсной связи съ попытками извлечь практическую пользу изъ домашнихъ животныхъ находится культивированіе опредѣленныхъ, избранныхъ формъ ихъ. Это достигается отчасти непосредственнымъ воздѣйствіемъ на нихъ, отчасти путемъ охраненія и поддержки естественно-возникающихъ варіацій. Развитіе молочности является прямымъ результатомъ регулярнаго доенія; развитіе у нѣкоторыхъ животныхъ, въ особенности у свиньи, наклонности къ чрезмѣрному отложенію жира — результатъ подбора; способность собаки къ выучкѣ—результатъ долголѣтняго воспитанія. Внимательно слѣдя за размноженіемъ животныхъ, можно случайно появившіяся уклоненія закрѣпить подборомъ, и образовать новыя породы; напримѣръ, изъ неуклюжаго первобытнаго коня вывести быстраго бѣгуна. Повидимому прирученіе способствуетъ развитію новыхъ варіацій и всего яснѣе это подтверждается на измѣненіи окраски шерсти и оперенія. Окраска дикихъ животныхъ обыкновенно однообразна и приноровлена къ окружающимъ условіямъ,—въ сущности это „охранная окраска“ и точно также замѣчаемъ мы, что одичавшія домашнія животныя постепенно пріобрѣтаютъ однообразное окрашиваніе. Въ домашнемъ состояніи, наоборотъ, является стремленіе къ разнообразію въ окраскѣ или къ албинизму; сравненіе дикаго гуся съ домашнимъ и простой взглядъ на причудливое разнообразіе окраски шерсти у нашихъ собакъ и лошадей, достаточно подтверждаютъ это замѣчаніе. Въ домашнемъ состояніи для животнаго уже нѣтъ необходимости въ строгомъ приспособленіи къ условіямъ почвы, питанію, и, очевидно, въ этомъ и лежитъ причина вышеозначеннаго явленія. Это приводитъ къ мысли, что какъ и въ жизни человѣка, такъ и при домашнемъ содержаніи скота освободившіяся отъ работы силы начинаютъ искать исхода и проявляютъ себя причудливо, какъ бы играя.

Возникаютъ отклоненія и въ другихъ отношеніяхъ: сокращаются лицевыя кости черепа (голова мопса), шерсть начинаетъ курчавиться и т. д. и эти измѣненія весьма часто закрѣпляются подборомъ. Оказалось, что наибольшей способностью къ образованію такихъ варіацій обладаютъ голуби. Можно сказать, что животное тогда только становится дѣйствительно домашнимъ, когда воздѣйствія, произведенныя на него новыми условіями жизни отпечатлѣются въ измѣненіи строенія его тѣла. Нѣкоторыя домашнія животныя, какъ, напримѣръ, олень, очень мало способны измѣняться въ домашнемъ состояніи. Сверхъ того, не можетъ быть рѣчи о планомѣрномъ подборѣ у тѣхъ прирученныхъ животныхъ, которыя, какъ, напримѣръ, слоны вообще не размножаются въ неволѣ, хотя прирученіе послѣднихъ, благодаря ихъ высокимъ умственнымъ способностямъ по большей части удается прекрасно (см. рис. на стр. 255). На размноженіе домашнихъ животныхъ вліяетъ человѣкъ и другимъ способомъ, путемъ кастраціи, чѣмъ онъ уменьшаетъ излишнее число производителей. Первоначальные мотивы этого несовсѣмъ симпатичнаго обычая еще неразъяснены; не безъ затрудненій производились они въ началѣ; но такъ какъ холощеные самцы пріобрѣтали наклонность къ ожирѣнію, то это оказалось выгоднымъ при разведеніи животныхъ для убоя. Скорѣе впрочемъ можно признать, что пробужденіе дикихъ инстинктовъ у молодыхъ самцовъ при наступленіи половой зрѣлости грозило потерей всѣхъ хлопотъ и трудовъ, потраченныхъ на прирученіе, что и старались предотвратить своевременной кастраціей. Во всякомъ случаѣ это очень древній обычай.

При описанiи культурныхъ растенiй мы обращались къ каждой отдѣльной культурной странѣ съ вопросомъ, какими дарами своей флоры она облагодѣтельствовала человѣчество? И этотъ прiемъ оказался весьма полезнымъ въ данномъ случаѣ; но по отношенiю къ домашнимъ животнымъ, нельзя рекомендовать того же самаго; потому что указать культурныя страны, служившiя первоначальными центрами прирученiя того или иного животнаго гораздо труднѣе. И на это имѣется очень основательная причина: на примѣрѣ бразильскихъ индiйцевъ было уже доказано, что не передовыя прогрессивныя племена съ особенной любовью занимались прирученiемъ дикихъ животныхъ, а наоборотъ мало развитыя стоящiя на низкой степени усвоенiя хозяйственной культуры, которыя кромѣ прирученiя животныхъ, не оставили почти никакихъ слѣдовъ въ исторiи культуры. Поэтому лучше будетъ ограничиться здѣсь только наиболѣе важными домашними животными и сообщить наиболѣе важныя данныя для характеристики каждаго изъ нихъ.

Арабская лошадь въ Шоа, Абиссинiя. По фотографiи. См. текстъ на стр. 258

Среди домашнихъ животныхъ, размножающихся въ неволѣ, которыхъ окончательно покорилъ себѣ человѣкъ благодаря своему умственному превосходству, первымъ по времени прирученiя несомнѣнно была собака. Характерно, что она до сихъ поръ сохранила свои дружескiя отношенiя къ человѣку, съ которыхъ вѣроятно и началась первоначальная связь между звѣремъ и человѣкомъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ изъ своего высокаго положенiя спускается она до уровня только практически полезнаго упряжнаго или убойнаго скота. Вѣроятно начало прирученiя собаки, или правильнѣе, ея дикихъ предковъ исходило не изъ одного центра; по крайней мѣрѣ американская собака, должно быть, имѣетъ самостоятельное происхожденiе. Европейскiя и другiя расы и въ позднѣйшiя времена несомнѣнно могли скрещиваться съ волками и лисицами. Во всякомъ случаѣ въ настоящее время мы можемъ считать собаку всемiрнымъ культурнымъ достоянiемъ человѣчества; нѣкоторыя мелкiя племена Африки, Бразилiи, не имѣющiя собакъ, представляютъ ничтожное и по всей вѣроятности часто случайное исключенiе. Собаки сопровождали человѣка и въ ледяныя тундры сѣвера и на острова Полинезiи и въ Австралiю. На каждой культурной ступени развитiя собака была приспособлена къ особымъ надобностямъ, никогда не измѣняя своему главному назначенiю—друга и товарища человѣка.

Вмѣстѣ съ своими хозяевами она сумѣла приспособиться ко всевозможнымъ климатамъ и условіямъ жизни, а по нуждѣ эти потомки волковъ и шакаловъ превращались даже и въ вегетеріанцевъ. Чисто хозяйственное значеніе пріобрѣтаетъ собака только тамъ, гдѣ она служитъ упряжнымъ животнымъ, какъ въ полярныхъ странахъ; роль же ея какъ сотрудника человѣка на охотѣ или сторожа около стадъ далеко не такъ важна, какъ обыкновенно объ этомъ думаютъ.

Совсѣмъ иное положеніе рогатаго скота. Хотя, какъ мы уже видѣли и онъ ни въ какомъ случаѣ не лишенъ симпатіи человѣка; но онъ всюду и по преимуществу является утилитарнымъ животнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова, хотя пользуются имъ для различныхъ цѣлей, и только въ исключительныхъ случаяхъ или пожалуй нигдѣ не берутъ отъ рогатаго скота все, что онъ могъ дать. Обыкновенно въ одномъ мѣстѣ пользуются главнымъ образомъ физической силой рогатаго скота для запряжки, верховой ѣзды или вьюка, въ другомъ используютъ молочные продукты и наконецъ въ третьемъ главными статьями являются мясо и кожа.

Рогатый домашній скотъ—дитя стараго континента; но здѣсь онъ разводится съ давнихъ поръ какъ культивированная форма bos primigenius Bojanus. Возможно, что вмѣстѣ съ пшеницей рогатый скотъ представляетъ собой древнѣйшее общее культурное достояніе западной и восточной Азіи[1].

Какъ бы то ни было корова является древнѣйшимъ животнымъ прирученнымъ для утилитарно-хозяйственныхъ цѣлей, и этотъ первый опытъ проложилъ путь къ одомашненію другихъ животныхъ. „Это событіе (прирученіе коровы) является настолько важнымъ первообразомъ и основой нашей хозяйственной культуры“,—говоритъ Эдуардъ Ганъ,—„что остальныя, прирученныя животныя являются только свитой, слѣдующей за рогатымъ скотомъ“. Въ то время какъ корова стала вполнѣ домашнимъ животнымъ, она уже сдѣлалась крупнѣе, пріобрѣла большій вѣсъ, въ ней развилась наклонность къ образованію уклоненій въ окраскѣ шерсти и строеніи черепа, что въ свою очередь дало почву для развитія разнообразныхъ породъ. Въ Европѣ различаютъ три основныхъ древнихъ расы, очевидно возникшія подъ вліяніемъ различныхъ географическихъ условій: степной рогатый скотъ, расу, свойственную низменностямъ, и Альпійскую; въ сущности во всякой значительной области земной поверхности, гдѣ издавна разводится рогатый скотъ, имѣется и своя особая порода.

Исходной точкой прирученія коровы можно считать западную Азію. Отсюда она проникла въ Египетъ и далѣе до южной оконечности Африки и въ Европу, и вмѣстѣ съ переселеніями Арійскихъ племенъ попала въ Индію. Въ древней, доарійской и Индонезійской культурѣ повидимому рогатый скотъ былъ неизвѣстенъ. Онъ не проникъ вслѣдъ за человѣкомъ въ Океанію и въ Америку, его завезли европейцы. Можно бы предположить, что въ Индонезіи первоначально былъ прирученъ вмѣсто коровы буйволъ, нынѣ играющій тамъ такую важную хозяйственную роль; но повидимому онъ тамъ былъ покоренъ въ сравнительно позднее время и его прирученіе было не болѣе какъ простымъ повтореніемъ пріемовъ прирученія коровы. То же самое можно сказать и о прирученіи бантенга (bos sondaicus), распространеннаго въ Индонезіи и дальней Индіи гаяала (bos frontalis) въ Ассамѣ, ставшаго домашнимъ животнымъ, а также и яка (bos grunniens) въ Тибетѣ.

---

[1] Здѣсь у автора недомолвка, могущая дать поводъ думать, что и рогатый скотъ восточной Азіи происходитъ отъ Bos primigenius, чего, конечно, онъ не хотѣлъ сказать. Большинство восточныхъ породъ рогатаго скота имѣетъ своимъ родоначальникомъ бантенга-Bos sondaicus. Происшедшія отъ него варіаціи охватываютъ, кромѣ юга и востока Азіи, также Африку и даже мѣстами встрѣчаются въ Европѣ—кое-гдѣ въ Альпійской области и на Балканскомъ полуостровѣ, можетъ быть, и въ Россіи (красный польскій скотъ). Bos sondaicus далъ гораздо болѣе многочисленное и разнообразное потомство нежели B. primigenius Bojanus.

Редакція.

Лошадь является послѣднимъ представителемъ тѣхъ животныхъ, которыя распространились даже въ Новомъ Свѣтѣ, но дикія или, можетъ быть, задичалыя родичей имѣютъ только въ средней Азіи и вполнѣ подчинились вліянію человѣка, при чемъ разложились въ цѣлую серію разнообразнѣйшихъ породъ. Замѣчательная склонность животныхъ превращаться въ карликовъ на мелкихъ островахъ проявляется па лошадяхъ въ одной изъ рѣзко бросающихся въ глаза формъ; многочисленныя породы крошечныхъ пони и лошадокъ-карликовъ почти всѣ островного происхожденія. Страною, гдѣ въ первый разъ былъ прирученъ конь по всѣмъ видимостямъ, было высокое плоскогорье Азіи, гдѣ и до сихъ поръ лошадь является поставщицей и молока, и мяса. Обыкновеніе ѣздить на лошади верхомъ вѣроятно возникло много позднѣе первоначальнаго ея прирученія и, надобно полагать, также среди кочевниковъ Азіатскаго плоскогорья а они, при своихъ наѣздахъ въ плодородныя страны восточной и западной Азіи обучили новому искусству обитателей этихъ мѣстностей. Въ культурныхъ областяхъ мы прежде всего встрѣчаемъ лошадь въ качествѣ упряжнаго животнаго. У грековъ гомеровскихъ временъ, египтянъ и ассиріанъ, а также и китайцевъ и древнихъ индусовъ кони впрягаются въ боевую колесницу и на нихъ выступаютъ въ бой передовые бойцы. Конь сдѣлался любимымъ домашнимъ животнымъ культурныхъ странъ западной Азіи и Европы, хотя человѣкъ главнымъ образомъ пользуется только физической силой своего любимца. Молокомъ пользуются только въ рѣдкихъ случаяхъ, а мясомъ, какъ, напримѣръ, въ Римской кампаньи, пользуются только потому, что жаль бросить остатки такого цѣннаго животнаго. Въ тропической Африкѣ лошадь мало привилась благодаря неблагопріятнымъ климатическимъ условіямъ мѣстности; но зато распространеніе лошади въ Америкѣ вызвало крайне интересный въ этнологическомъ смыслѣ переворотъ, гдѣ изъ бродячихъ степныхъ племенъ туземцы превратились въ крайнѣ подвижныхъ наѣздниковъ, у которыхъ проявляется уже возбуждающая опасеніе наклонность промышлять грабежемъ и разбоемъ. Къ такимъ племенамъ принадлежатъ обитатели Патагоніи, которые питаются лошадинымъ мясомъ, а также и нѣкоторыя туземныя племена Сѣверной Америки, какъ, напримѣръ, кейовеги, апахи и команчи.

Вьючные верблюды изъ Бруссы, Малая Азія. По фотографіи.
См. текстъ на стр. 259.

Возможно, что оселъ былъ прирученъ раньше лошади и вѣроятно прежде всего въ культурной области западной Азіи. Въ качествѣ убойнаго скота оселъ повидимому нигдѣ и никогда не имѣлъ сколько нибудь замѣтнаго значенія. Всюду, гдѣ имъ пользовались, онъ исполнялъ обязанности упряжнаго и вьючнаго животнаго и можно насчитать не мало странъ, гдѣ онъ, какъ переносчикъ и перевозчикъ тяжестей занимаетъ первое мѣсто. Въ Египтѣ онъ появился гораздо раньше лошади,—изображенія его видны уже на памятникахъ XI-ой династіи, изображеніе-же лошади начинаетъ встрѣчаться только съ XVIII. Для сѣвера Европы

оселъ имѣетъ мало значенія,—болѣе важную роль, повидимому, обѣщаетъ ему восточная Африка.

Скрещиваніе осла съ лошадью даетъ двѣ помѣси — мула и лошака, которые до извѣстной степени унаслѣдуютъ полезныя качества обоихъ родителей; но только въ немногихъ культурныхъ странахъ, какъ, напр., въ южной Европѣ, сдѣлались эти бастарды необходимой принадлежностью хозяйства.

Верблюдъ—типичное животное степей и прирученъ былъ вѣроятно степными кочевниками. Такъ какъ на центрально-азіатскомъ плоскогорьи до сихъ поръ встрѣчаются дикіе верблюды, то вѣроятно и прародину ихъ надобно искать тамъ же. Верблюды распадаются на двѣ группы: двугорбыхъ—(бактрійскихъ) и одногорбыхъ—(дромедаровъ). Изъ Азіатскаго нагорья верблюдъ вѣроятно проникъ въ Персію, Сирію и Аравію; въ сравнительно позднюю эпоху, около Р. Х. распространился верблюдъ черезъ Египетъ по Сахарѣ и сосѣднимъ странамъ; въ новѣйшее время сдѣланы были опыты переселенія верблюда въ австралійскія степи, и результаты получились благопріятные. Приспособленный къ жизни въ пустынѣ верблюдъ самъ по себѣ не имѣетъ большого значенія для обитателей культурныхъ странъ; но зато косвенно, какъ „корабль пустыни“, при помощи котораго только и возможно совершать караванное движеніе черезъ безплодныя пространства, онъ становится необходимымъ участникомъ міровой торговли (см. рис. на стр. 259). Для большинства племенъ, имѣющихъ верблюдовъ, они являются основой хозяйства: въ качествѣ вьючнаго животнаго верблюды даютъ возможность хозяевамъ передвигаться съ мѣста на мѣсто, шерсть даетъ матеріалъ для одежды, кожа служитъ для изготовленія посуды и утвари, а мясо высоко цѣнится, какъ лакомое блюдо.

Изъ мелкихъ четвероногихъ ближе всего стоятъ къ человѣку козы и овцы. Тѣ и другія настоящія горныя животныя и прародина ихъ несомнѣнно западная Азія. По мнѣнію Гана коза болѣе древнее домашнее животное, чѣмъ овца. Хотя въ западной Азіи козья шерсть подвергается обработкѣ, а мясо весьма цѣнится многими народами, однако у культурныхъ народовъ козы держатся главнымъ образомъ для молока. Овца-же цѣнится какъ поставщица руна и мяса, и ради каждой изъ этихъ цѣлей она подвергалась уже значительнымъ воздѣйствіямъ культуры. Овечье руно, вмѣстѣ съ бѣлымъ цвѣтомъ шерсти возникло впервые послѣ прирученія, какъ результатъ той склонности къ варіаціямъ среди домашнихъ животныхъ, о которой мы говорили выше; въ другихъ мѣстахъ такимъ-же путемъ развились жировыя отложенія хвоста у овцы—курдюкъ—который доставляетъ сало для всякихъ хозяйственныхъ потребностей кочевникамъ центральной Азіи.

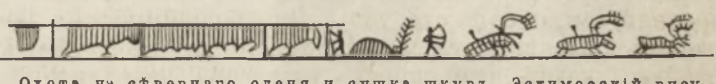
Утилизація овечьей шерсти оказала значительное вліяніе на характеръ сѣверной культуры, отодвинувъ на второй планъ потребность въ мѣховомъ платьѣ, и такимъ образомъ произвела коренной переворотъ въ вопросѣ объ одеждѣ.

Свинья—также произведеніе Западной Азіи, хотя и въ Китаѣ она появилась уже въ очень раннюю эпоху. Все-таки должно сказать, что въ древнемъ Вавилонѣ повидимому свиньи не было, въ ведахъ и въ аветѣ о ней также не упоминается. Свиньи повсюду разводятся почти исключительно для убоя на мясо, щетина-же и кожа являются второстепенными продуктами. Положеніе свиньи среди домашнихъ животныхъ представляетъ ту оригинальную особенность, что она была изгнана изъ многихъ странъ, гдѣ была прежде сильно распространена, благодаря запрещенію употреблять ее въ пищу, первоначальные мотивы котораго до сихъ поръ еще не выяснены. Нельзя отрицать, что нечистоплотность, прожорливость, не брезгающая самыми отвратительными отбросами, могли вызвать или по крайней мѣрѣ благопріятствовать исключенію этого щетиннаго звѣря изъ числа

пригодныхъ въ снѣдь человѣку; хотя, можетъ быть, первоначально въ ограниченной сферѣ этотъ запретъ обусловленъ былъ тотемическими соображеніями и только впослѣдствіи формально былъ введенъ въ общій кодексъ запретнаго. Съ другой стороны свиньи, перешедшія вмѣстѣ съ человѣкомъ въ Полинезію, также и частью встрѣчающіяся въ Африкѣ являются главнымъ источникомъ мясной пищи; результаты прирученія сказываются въ потерѣ щетины, свѣтлой окраскѣ шерсти и наклонности къ ожирѣнію.

Перечисленныя до сихъ поръ животныя имѣютъ обширную область распространенія, между тѣмъ какъ сѣверный олень является домашнимъ, или правильнѣе, табуннымъ животнымъ обитателей полярной области. Несмотря на прирученіе онъ очень мало отличается отъ своихъ дикихъ товарищей. Прирученіе повидимому началось въ сравнительно недавнее время, на что указываетъ и упомянутое уже нами сходство съ живущими на волѣ. Эскимосы только охотятся за оленемъ, а не приручаютъ его (см. рис. ниже).

Олень употребляется для запряжки, вьюка, даже для верховой ѣзды, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ молоко и мясо. Все это придаетъ оленю громадное значеніе среди полярныхъ народовъ и оленеводы во всемъ своемъ жизненномъ обиходѣ должны сообразоваться съ нравами и привычками своего скота. Оленя пробовали переселить въ Исландію; но тамъ онъ одичалъ,—въ Норвегіи же онъ, въ послѣднее время, вмѣстѣ съ лопарями подвигается къ югу.

Охота на сѣвернаго оленя и сушка шкуръ. Эскимосскій рисунокъ. По В. I. Гофману.

Единственные изъ прирученныхъ въ Америкѣ большихъ млекопитающихъ, лама и пако (альпано) также не распространились далѣе узкой области своего первоначальнаго мѣстообитанія, перуанскихъ кольдирьеровъ, гдѣ до сихъ поръ еще сохранились сородичи ламы. Если, послѣ открытія Америки лама не была водворена въ Европѣ то главными причинами здѣсь были сравнительно незначительная полезность этого животнаго, а также то обстоятельство, что она приспособлена исключительно для жизни въ высокихъ горныхъ странахъ. По своей продуктивности, какъ животное, дающее шерсть и служащее для перевозки, лама стоитъ гораздо ниже четвероногихъ спутниковъ человѣка въ Старомъ Свѣтѣ. Молокомъ ламы не пользуются, мясо не считается вкуснымъ.

Изъ другихъ домашнихъ четвероногихъ нѣкоторое значеніе для культуры имѣетъ кошка. Она повидимому впервые приручена въ Египтѣ; но не ради той сравнительно небольшой пользы, которую она приноситъ истребленіемъ мелкихъ грызуновъ, а изъ симпатіи и религіозныхъ побужденій. Хотя война кошки съ мышами и придаетъ ей нѣкоторое хозяйственное значеніе у европейскихъ народовъ; но, чаще ее, какъ и собаку, держатъ въ домахъ какъ живую игрушку и пріятнаго товарища.

Число прирученныхъ породъ птицъ довольно значительно. И среди нихъ большинство разводится не для пищи только, а многихъ изъ нихъ, также какъ и у первобытныхъ народовъ, человѣкъ держалъ около себя въ качествѣ предметовъ роскоши и для удовольствія. Подобно тому, какъ четвероногіе даютъ хозяевамъ процентъ съ капитала ввидѣ молока, такъ птицы даютъ прибыль, неся яйца; здѣсь работаетъ своего рода первобытная химическая фабрика,—человѣкъ изъ негодныхъ для пищи и невкусныхъ продуктовъ при помощи домашнихъ животныхъ добываетъ вещества, удобоваримыя и пріятныя на вкусъ; — однако, было уже упомянуто, что предразсудокъ противъ употребленія въ пищу яицъ имѣетъ довольно широкое распространеніе. Крупное хозяйственное значеніе имѣютъ

немногія домашнія птицы,—таковы куры, гуси, утки, голуби и во всякомъ случаѣ домашняя птица древнихъ мексиканцевъ—индѣйка. Разведеніе страусовъ, перья которыхъ имѣютъ немаловажное значеніе для торговли, получило нѣкоторое развитіе только въ новѣйшее время. Примѣненіе соколовъ и другихъ хищниковъ для охоты за птицами у культурныхъ народовъ не имѣло прочнаго значенія и временно представляло собой только одинъ изъ видовъ моднаго спорта; но у азіатскихъ номадовъ оно играло не маловажную роль (см. рис. ниже).

Куры—уроженки Индіи. Какъ со многими другими домашними животными, такъ и здѣсь не хозяйственное значеніе мяса и яицъ первоначально способствовало широкому распространенію куръ: болѣе всего цѣнились особенныя качества пѣтуховъ—ихъ страсть драться между собой и возвѣщать наступленіе утра. Еще и понынѣ въ Индонезіи пѣтушьи бои — любимое зрѣлище, которому отдаются со страстнымъ увлеченіемъ; пѣтушьи бои были извѣстны въ древности въ Греціи такъ же, какъ и въ наше время въ Испаніи. Крики пѣтуха въ извѣстные часы ночи сдѣлали его въ глазахъ людей не только „указателемъ времени", но и чѣмъ-то священнымъ, мистическимъ въ качествѣ предвозвѣстника восхода солнца. Только мало по малу взяли верхъ прозаическія, хозяйственныя качества пѣтуха, такъ какъ куриныя яйца представляютъ значительный вкладъ въ пищевой инвентарь культурныхъ народовъ.

Киргизъ съ охотничьимъ соколомъ. По Верещагину.

Гусь — несомнѣнно пріобрѣтеніе европейской культуры; хотя здѣсь требуется нѣкоторая оговорка, такъ какъ въ Китаѣ существуетъ прирученная форма гуся, родственная нашему. Подобнымъ образомъ, вѣроятно, и утка была приручена самостоятельно и въ Европѣ и въ Китаѣ. Китайская домашняя утка своимъ мясомъ, а также яйцами пріобрѣла важное значеніе въ хозяйственной жизни страны и до нѣкоторой степени замѣняетъ мѣсто курицы. Достойно замѣчанія, что въ густо населенныхъ странахъ, но изобильно снабженныхъ водою, на первый планъ выступаетъ разведеніе водоплавающихъ птицъ.

Чѣмъ ниже мы спускаемся по лѣстницѣ животнаго міра, тѣмъ менѣе находимъ мы тамъ домашнихъ животныхъ, тѣмъ менѣе замѣтно воздѣйствіе человѣка на тѣхъ немногихъ изъ нихъ, которыми онъ сумѣлъ воспользоваться. Здѣсь исчезаетъ связующая нить симпатіи, облегчающая болѣе тѣсныя сношенія. Полуприрученныя, тщательно оберегаемыя и прокармливаемыя человѣкомъ змѣи встрѣчаются во многихъ мѣстахъ; но здѣсь всегда уже главную роль играютъ мистическія соображенія. Разведеніе рыбъ существуетъ только у культурныхъ народовъ и первыми знатоками въ этомъ дѣлѣ являются китайцы. Они здѣсь побили рекордъ другихъ, выведя изъ нѣкоторыхъ породъ карповыхъ рыбъ тѣ варіаціи въ окраскѣ и формѣ, которыя являются характерной принадлежностью домашнихъ животныхъ. Золотыя рыбки съ ихъ отливающей золотомъ чешуей и много-

численныя варіаціи этой рыбки, съ укороченной мопсообразной головой, съ сидящими на лбу глазами, съ ненормально длинными плавниками — все это результатъ кропотливыхъ трудовъ китайцевъ по рыбоводству.

Въ качествѣ представителей домашнихъ животныхъ мы должны упомянуть о двухъ насѣкомыхъ, имѣющихъ громадное хозяйственное значеніе — пчелѣ и шелкопрядѣ. Теперь намъ трудно даже оцѣнить то громадное значеніе пчелинаго меда въ то время, когда сахаръ былъ дорогъ и рѣдокъ; припомнимъ также, что одинъ изъ древнѣйшихъ хмельныхъ напитковъ приготовлялся изъ меда и носилъ то же названіе. Разведеніе пчелъ, вплоть до нашихъ дней состоящее лишь въ томъ, что для пчелъ устраивали помѣщенія и отъ времени до времени прикармливали ихъ, несомнѣнно возникло въ глубокой древности и вѣроятно независимо въ разныхъ мѣстахъ. Разведеніе шелковичныхъ червей составляетъ заслугу китайцевъ и повидимому шелкопрядъ подъ вліяніемъ ухода человѣка, подвергся гораздо большимъ измѣненіямъ, чѣмъ пчела. Шелководство и понынѣ составляетъ одну изъ основныхъ статей китайской промышленности; для успѣха этой промышленности въ другихъ странахъ необходимо прежде всего развести тутовыя деревья, служащія пищей для шелковичныхъ гусеницъ.

Трудно сказать, увеличится-ли болѣе или менѣе значительно въ будущемъ число домашнихъ животныхъ? Во всѣ уголки земного шара теперь проникаетъ европеецъ, приспособляетъ природу къ своимъ надобностямъ, ввозитъ съ собой домашнихъ животныхъ, которыя по его наблюденіямъ наиболѣе пригодны съ хозяйственной точки зрѣнія, — что же касается до туземныхъ животныхъ, то они нерѣдко успѣваютъ погибнуть прежде, нежели кому нибудь придетъ въ голову мысль заняться ихъ прирученіемъ. Съ другой стороны въ настоящее время, при сознательномъ отношеніи къ уходу за животными и пониманіи задачъ животноводства дѣло можетъ быть поставлено на твердую почву, обѣщающую болѣе удачные результаты, чѣмъ прежніе.

Самую большую опасность представляетъ для домашнихъ животныхъ замѣна ихъ механическими двигателями и прежде всѣхъ она отразится на лошади; можно сказать, что и теперь она существуетъ только благодаря благоволѣнію человѣка, и она исчезнетъ, если самое могучее изъ земныхъ созданій броситъ ее на произволъ судьбы.

---

4. Промышленность и торговля.

Потребность питанія въ условіяхъ первобытной жизни, является не только самой настоятельной, но и единственной, требующей болѣе или менѣе регулярнаго труда. Все прочее дѣлается при случаѣ, единичными попытками. Если же требуется совершить какую нибудь большую работу, напримѣръ, построить домъ, корабль, очистить лѣсной участокъ подъ пашню, то для этого соединяется цѣлая общественная группа и выполняетъ назначенное сообща; совмѣстная работа сопровождается угощеніемъ и праздникомъ. Такія совмѣстныя работы Бухеръ предлагаетъ назвать „выпрошенными“ или „работами по просьбѣ“ (Bittarbeit)[1]. Подобнаго вида дѣятельность нельзя назвать промышленной, такъ какъ промышленность не мыслима безъ раздѣленія труда. Она возникаетъ тогда, когда часть населенія беретъ на себя удовлетвореніе какой-либо потребности цѣлой группы и за это, въ свою очередь, пользуется отъ нея пищей и дру-

[1] У русскихъ такая работа называется „помочью“, толокой, у южныхъ славянъ терминологія богаче—для каждаго вида помощи въ работѣ имѣется свое названіе.
Ред.

гими необходимыми вещами. Когда этотъ взаимный обмѣнъ принимаетъ твердо установленную форму, возникаетъ торговля. Промышленность и торговля не обусловливаютъ другъ друга; но онѣ настолько связаны другъ съ другомъ, что ихъ удобнѣе разсматривать совмѣстно съ болѣе общей точки зрѣнія.

Терминъ раздѣленіе труда очень удобенъ; но пользоваться имъ нужно съ нѣкоторой осторожностью. Въ противномъ случаѣ можно прійти къ мысли, что трудъ представляетъ собою нѣчто данное, предназначенное для выполненія и мало по малу распредѣляемое между отдѣльными лицами или группами лицъ. На дѣлѣ однако же мы видимъ, что съ ростомъ культуры возникаютъ все новые и новые виды дѣятельности, которые и берутъ на себя тѣ или другія лица, безъ какого-либо участія всего общества. Руководясь гипотезой, что въ первобытномъ обществѣ каждый дѣлалъ для себя все самъ, невозможно составить себѣ вѣрнаго представленія о ходѣ развитія человѣчества. Во всякомъ случаѣ уже на самыхъ первоначальныхъ ступеняхъ культурнаго развитія, для изслѣдованія которыхъ мы въ настоящее время не имѣемъ еще достаточныхъ пособій—и тамъ замѣчаемъ мы рѣзко выраженное раздѣленіе труда между мужчиной и женщиной и развитіе промышленной дѣятельности съ самаго начала имѣетъ въ основѣ вышеупомянутое дѣленіе. Когда изъ какого-нибудь досужаго времяпровожденія разовьется ремесло, всегда оно становится занятіемъ одного изъ половъ. И во многихъ случаяхъ задачей культуры слѣдуетъ поставить не закрѣпленіе, но уничтоженіе такого дѣленія въ интересахъ дальнѣйшаго развитія прогресса. Подобное явленіе мы уже видѣли въ преобразованіи земледѣлія, когда эта тяжелая работа начала постепенно переходить въ руки мужчинъ, какъ наиболѣе приспособленныхъ къ такому занятію.

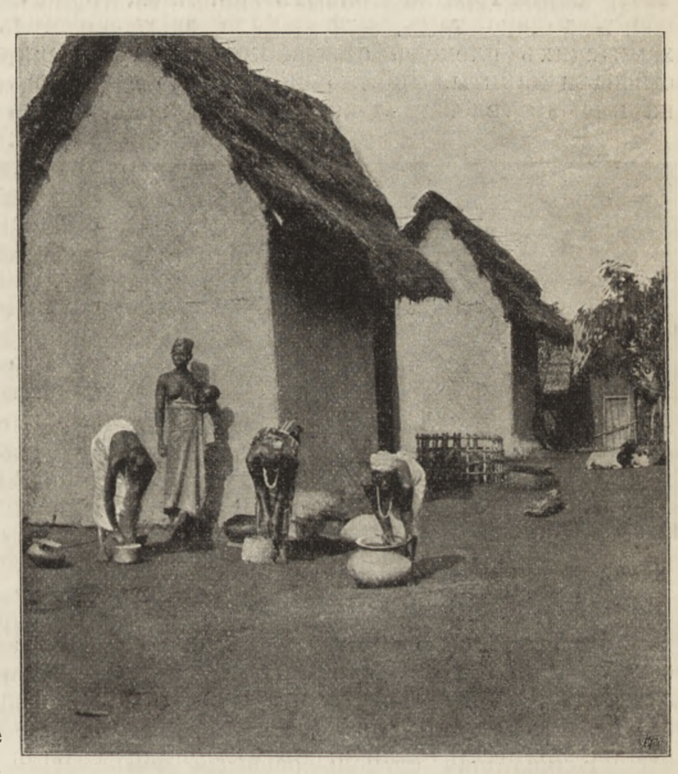

Горшечники племени Сандэ, Центральная Африка. По Лемэру.

Ближайшая ступень развитія обыкновенно не представляетъ перехода къ раздѣленію труда внутри даннаго поселка или рода. Человѣческія общежитія, которыя здѣсь имѣются въ виду, обыкновенно слишкомъ мелки для того, чтобы вызвать рѣзкія раздѣленія и слишкомъ тѣсны и однородны, чтобы вызвать обособленіе по профессіямъ. Гораздо чаще случается, что цѣлая деревня займется однимъ какимъ-нибудь ремесломъ и войдетъ въ обмѣнъ съ другими. Такой порядокъ вещей поддерживается внѣшними обстоятельствами. Цѣлыя серіи ремеслъ могутъ возникнуть только тамъ, гдѣ существуютъ для этого благопріятныя условія: гончарное дѣло въ большихъ размѣрахъ можетъ развиться около залежей гончарной глины (см. рис. выше), кузнечное ремесло, — гдѣ имѣются руда и древесный уголь, судостроеніе возможно только тамъ, гдѣ растетъ нужный для этого лѣсъ по близости водяного пути. Такъ возникаютъ часто обширныя области, гдѣ обитатели политически, а иногда даже по языку чужды другъ другу, но въ экономическомъ отношеніи образуютъ нѣчто единое, взаимно дополняющее. Здѣсь мы на примѣрѣ примитивныхъ обществъ видимъ подтвержденіе взгляда, что экономическія связи обыкновенно возникаютъ ранѣе, чѣмъ политическіе союзы. Группы же, сами по себѣ, въ зависимости отъ уровня общественнаго развитія могутъ быть **кланами**, **семействами** или

родами. Поэтому выраженіе — родовая промышленность неудовлетворительно и его лучше бы замѣнить словомъ групповая промышленность.

Раздѣленіе труда между полами, о которомъ слѣдуетъ сказать вкратцѣ здѣсь, начинается прямо съ дѣятельности по добыванію и приготовленію пищи. Мы видимъ повсюду, что женское кулинарное искусство превращается въ особое, весьма цѣнимое мастерство; между тѣмъ, какъ мужчина при приготовленіи охотничьей добычи въ пищу довольствуется поджариваніемъ мяса на рожнѣ или печеніемъ его въ горячей золѣ— растительные продукты, съ которыми по большей части имѣетъ дѣло женщина, далеко не во всѣхъ случаяхъ годятся для ѣды въ сыромъ видѣ, большею же частью они требуютъ обработки горячей водой или парами. Изъ приготовленія жаркого въ земляныхъ ямахъ при помощи раскаленныхъ камней развивается первобытная форма варки пищи: раскаленные камни кладутся въ плетеный и долбленный деревянный сосудъ и вода доводится до кипѣнія, тѣмъ же способомъ варятъ въ шкурахъ убитыхъ животныхъ мясо, коренья и плоды. Женщина съ любовью занимается кулинарнымъ искусствомъ, такъ что къ ней же переходитъ и приготовленіе въ пищу убитыхъ мужчинами на охотѣ звѣрей и въ концѣ концовъ ея пылающій очагъ становится центромъ домашней жизни. Отсюда уже недалеко до мысли при помощи своего мастерства извлекать выгоду на сторонѣ и мы дѣйствительно встрѣчаемъ нерѣдко въ Африкѣ женщинъ съ готовыми явствами на базарахъ или на улицахъ въ ожиданіи покупателей. Пивовареніе тамъ также въ рукахъ женщинъ, и мы нерѣдко встрѣчаемся съ зачатками торговли хмельными напитками, гдѣ къ тому представляется подходящій случай.

Горшечницы на Золотомъ Берегу, Зап. Африка. По фотографіи.

Крайне важное изобрѣтеніе женщины, которое можно поставить рядомъ съ ея открытіемъ ручной обработки земли, гончарное искусство также слѣдуетъ разсматривать какъ результатъ ея занятій по кухонной части около очага. Въ рѣдкихъ случаяхъ можно съ такою ясностью прослѣдить исторію развитія какого-либо мастерства, какъ гончарнаго. И этимъ мы обязаны не наличности какихъ-либо историческихъ традицій какой либо культурной страны о развитіи гончарнаго дѣла; съ этой стороны намъ здѣсь нѣтъ помощи. Наоборотъ, среди первобытныхъ племенъ мы видимъ первыхъ горшечниковъ; въ этомъ примѣрѣ врядъ ли можетъ быть поднятъ вопросъ о распространеніи изобрѣтенія изъ какого либо центра. Здѣсь мы видимъ примѣръ открытія, которое должно было явиться почти

какъ неизбѣжное послѣдствіе предшествующихъ обстоятельствъ и потому возникало въ разныхъ мѣстностяхъ самостоятельно. О технической сторонѣ этого ремесла здѣсь нѣтъ надобности распространяться; но врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что женщины, занимаясь приготовленіемъ пищи неизбѣжно приходили къ мысли приставлять къ огню свои плетеные и обмазанные глиной горшки и чашки, чтобы дать имъ затвердѣть, а отсюда и приготовленію глиняной посуды. У всѣхъ примитивныхъ народовъ мы видимъ гончарное дѣло въ рукахъ женщинъ (см. рис. ниже) и только подъ вліяніемъ болѣе высокихъ культурныхъ формъ оно становится ремесломъ мужчинъ. Эти отношенія мы видимъ въ Африкѣ. Повсюду въ этой части свѣта горшки дѣлаютъ женщины; горшечниковъ мужчинъ мы врѣчаемъ только тамъ, гдѣ вліяла азіатская культура, какъ напримѣръ у хамитскихъ племенъ сѣвера и у поколѣній Вагума, на которыхъ воздѣйствовали хамиты. Пріятно видѣть, что даже и въ черной Африкѣ мужчины начинаютъ увлекаться керамикой и лѣпятъ себѣ изъ глины трубочки для табаку: новый примѣръ того, что не настоятельная нужда, а просто привычка къ извѣстному удовольствію преодолѣваетъ у мужчинъ презрительное отчужденіе отъ женскаго труда. Разумѣется, что развитіе гончарнаго дѣла хотя оно и составляетъ спеціальное занятіе женщинъ, въ многихъ случаяхъ должно было локализироваться въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, такъ какъ горшечная глина встрѣчается не вездѣ; часто также не всѣ женщины въ данной мѣстности занимаются лѣпкой горшковъ, а только наиболѣе искусныя въ этомъ дѣлѣ.

Полировка горшковъ у племени цуньи, Сѣв. Америка. По Стивенсону. См. текстъ выше.

Во всей Меланезіи гончарное провзводство считается женской работой, которая приняла уже вполнѣ характеръ промышленный и въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ подходящихъ условій для этого производства, ведется оживленная торговля горшками. По мало достовѣрному сказанію обитательницы Малаки (Фидж. архипл.) стали лѣпить горшки, слѣдуя примѣру особой породы осъ, дѣлавшихъ себѣ на стѣнахъ гнѣзда изъ глины. Также и въ Америкѣ гончарство оказывается женскимъ ремесломъ, такъ какъ напримѣръ у гуроновъ мужчины изъ глины лѣпятъ себѣ только трубки; то же самое и у индійцевъ въ Пуэбло. Особенно поучительны по своей простотѣ факты, которые замѣчены Карломъ фонъ-денъ-Штейненомъ у индійцевъ области Шингу.

Здѣсь нашлись племена, которыя приготовляли только тыквенную посуду и мѣняли ее другимъ племенамъ на глиняные горшки. Горшки дѣлаютъ тамъ только женщины и, по формѣ издѣлія они похожи на тыквы. Не безъ основанія указывали на то, что у примитивныхъ народовъ однообразіе формъ глиняныхъ сосудовъ обусловливается недостаткомъ фантазіи у женщинъ. Въ этомъ отношеніи поразительный примѣръ представляетъ сравненіе между изукрашенными рѣзьбой деревянными подѣлками мужчинъ и гладкими, лишенными всякой орнаментировки гончарными издѣліями женщинъ у меланезійцевъ. Во всякомъ случаѣ это однако не повсемѣстное явленіе, какъ это доказываютъ уже упомянутыя керамическія издѣлія индіанокъ въ Гвіанѣ, обнаруживающія не малую долю художественнаго чутья и фантазіи.

Съ особенной ясностью видно на африканскихъ примѣрахъ, какъ изъ гончарства возникаетъ новое, особое занятіе. Тамъ плетеныя корзины обмазываютъ глиною, чтобы сдѣлать ихъ плотнѣе; то же самое дѣлаютъ и съ плетеными хижинами, похожими на пчелиные ульи, а затѣмъ ужъ вмѣсто плетенаго и обмазаннаго улья лѣпятъ такую хижину прямо изъ одной глины. Такъ какъ женщины навыкли къ обращенію съ глиной, то и при постройкѣ жилищъ они играютъ немаловажную роль; но особаго ремесла изъ этого занятія не возникаетъ.

Совершенно инымъ путемъ развиваются мужскія профессіи и едва ли нужно напоминать, что ихъ первыя ремесленныя работы вызваны охотой и войной. Изготовленіе оружія изъ дерева или камня никогда не было женскимъ занятіемъ, тѣмъ болѣе, что всякій толковый человѣкъ умѣлъ дѣлать его самъ, пока не выдѣлились постепенно нѣкоторыя отдѣльныя личности, превосходившія въ этомъ остальныхъ. Выдѣлка деревяннаго оружія приводитъ къ развитію обработки дерева вообще и этимъ повсюду занимаются мужчины, что до нѣкоторой степени становится параллелью къ женской гончарной работѣ. Въ обработкѣ дерева впервые воплощается стремленіе къ изящному, такъ какъ по крайней мѣрѣ наиболѣе нравящееся оружіе любятъ украшать, и для того, чтобы не смѣшивать съ другимъ, снабжаютъ особенными значками. Также тамъ, гдѣ дѣлаютъ лодки изъ дерева, мужчины сваливаютъ на землю гигантскіе древесные стволы и обдѣлываютъ при помощи огня и топора.

Скребокъ для кожъ у племени ваквате, вост. Африка. По фотографіи.

Крупная дичь, кромѣ съѣдобнаго, даетъ также шкуры, обработку которыхъ впервые беретъ на себя мужчина. Какъ кажется, вмѣстѣ съ плетеніемъ женщины изобрѣли и приготовленіе матеріи изъ древесной коры, хотя это еще не совсѣмъ рѣшенный вопросъ. Въ Полинезіи приготовленіемъ матерій изъ древесной коры занимаются женщины, и тамъ, за недостаткомъ крупныхъ звѣрей и кожъ, корьевныя матеріи идутъ на одежду и мужчинамъ.

Свѣдѣнія о другихъ странахъ, гдѣ приготовляютъ матеріи изъ корья по крайней мѣрѣ не исключаютъ возможности предполагать, что и тамъ первоначально это занятіе входило въ циклъ исключительно женскихъ работъ. Изъ кожевеннаго мастерства постепенно выдѣляются другіе виды промышленности, какъ, напримѣръ, шорниковъ, чеботарей, а кое гдѣ и портныхъ. Въ восточной Африкѣ, по увѣренію Макдональда, шитьемъ занимаются мужчины. Въ южной Африкѣ можно прослѣдить, что это не совсѣмъ то приличное для мужчинъ занятіе, которое дало поводъ въ Германіи къ цѣлому ряду насмѣшекъ надъ почтеннымъ ремесломъ швеца, начинается со сшиванья мелкихъ шкурокъ въ плащъ (каролу), а потомъ послѣ проникновенія въ страну европейскихъ тканей закрѣпляетъ за мужчинами и заправскую портняжную работу. Этой работой однако занимаются почти исключительно старые люди. Это явленіе весьма замѣчательно, и оно, повторяясь многократно въ другихъ случаяхъ, выясняетъ намъ, что нерѣдко старые, неспособные къ охотничьему промыслу люди, начинаютъ заниматься какимъ-нибудь рукомесломъ для снисканія себѣ пропитанія, и это въ свою очередь вліяетъ на общепринятые взгляды и на общественныя обыкновенія.

Есть много ремеслъ, общихъ обоимъ поламъ, какъ, напримѣръ, пле-

теніе, изъ котораго развивается ткачество. Однако все же замѣчается стремленіе, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ группахъ человѣчества, сдѣлать то или иное занятіе, достояніемъ одного пола или же происходитъ такое раздѣленіе, какъ, напримѣръ, у каффровъ, гдѣ тонкія и изящныя ткацкія работы исполняются мужчинами, а простыя, грубыя поручаются женщинамъ. Пряденіе и ткачество во всей Индонезіи считаются женскими работами, а въ западной Африкѣ женщины только прядутъ,—другими словами, воздѣланный ихъ руками хлопокъ перерабатываютъ въ нитки для дальнѣйшаго употребленія—мужчины же превращаютъ нити въ ткань.

Часто также женщины плетутъ корзины, а мужчины циновки, и изъ послѣдняго занятія возникаетъ цѣлая отрасль промышленности, что мы видимъ, напримѣръ, въ Суданѣ. Простое, не требующее предварительныхъ затратъ, ремесло рогожника является удѣломъ бѣдняковъ, для которыхъ оно является единственнымъ средствомъ существованія, и потому конечно уваженіемъ не пользуется. Плетеніе можетъ, смотря по обстоятельствамъ, подвергнуться и дальнѣйшимъ расчлененіямъ, — въ Кореѣ даже существуетъ особая вѣтвь этой промышленности — плетеніе фальшивыхъ косъ [1].

Корейскія женщины, плетущія привязаныя косы. Корейскій рисунокъ. По Шмельцу.

Вышеприведенный примѣръ указываетъ, какъ внутри отдѣльнаго сообщества изъ раздѣленія труда вытекаетъ цѣлое производство съ раздѣленіемъ труда; хотя въ первобытныхъ условіяхъ преобразованіе въ этомъ направленіи можетъ двигаться черепашьимъ шагомъ,—зато раздѣленіе ремеслъ по мѣстностямъ и общественнымъ группамъ пріобрѣтаетъ громадное значеніе. Цѣлыя общины или группы населенія отчасти, а иногда и цѣликомъ удовлетворяютъ своимъ жизненнымъ потребностямъ, занимаясь какимъ нибудь ремесломъ, и устанавливаютъ правильный обмѣнъ продуктовъ со своими сосѣдями. Послѣдніе доставляютъ имъ продукты другого ремесла или сырые матеріалы. Нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ различныхъ областей земного шара, пояснятъ намъ вышесказанное.

Въ Гвіанѣ почти каждое племя занимается особымъ ремесломъ. „Между береговыми племенами виррау далеко превосходятъ остальныхъ въ искусствѣ изготовленія лодокъ и снабжаютъ ими своихъ сосѣдей“... Такимъ же образомъ внутри страны вапіаны дѣлаютъ лодки на всю округу. У манузи есть два продукта, которые высоко цѣнятся всѣми племенами:— одинъ изъ нихъ урали — ядъ для стрѣлъ, бросаемыхъ лукомъ и для духовыхъ трубокъ, другой—громадные склады гамаковъ, приготовляемыхъ изъ хлопчатой бумаги. Хотя теперь такіе гамаки дѣлаютъ и настоящіе караибы, но главными поставщиками до сихъ поръ остаются манузи. Арекуны воздѣлываютъ хлопчатникъ, превращаютъ въ пряжу большую часть хлопка и продаютъ ее; манузи и другіе пріобрѣтаютъ эти нитки для гамаковъ и для другихъ надобностей. Тарума и вайоваи монополизировали окончательно поставку терокъ, которыми индѣйцы протираютъ кассаву [2]. Оба эти племени также считаются лучшими дрессировщиками собакъ для охоты... Только аковаи, насколько мнѣ извѣстно, ничѣмъ

[1] Эта спеціальность существуетъ не въ одной Кореѣ, а и во всей монгольской Азіи, гдѣ мужчины носятъ косы; не говоря уже о собственномъ Китаѣ, ее мы встрѣчаемъ и въ Манчжуріи и въ Монголіи. *Ред.*

[2] Продуктъ, состоящій изъ крахмала съ примѣсью, получаемый изъ растенія Manihoca utillissima. Для полученія чистаго крахмала кассаву обрабатываютъ въ теплой водѣ особыми терками, о которыхъ говорится въ текстѣ. *Ред.*

 Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Алжирская негритянка за прялкой.

По фотографіи.

не обмѣниваются съ сосѣдними племенами. Аковаевъ боятся другія индійскія племена и избѣгаютъ встрѣчаться съ ними (Имъ-Турнъ). Тѣ же самыя хозяйственныя отношенія, можетъ быть, въ менѣе развитой формѣ, встрѣчаемъ мы въ Австраліи. Такъ на рѣкѣ Муррей однѣ племена вымѣниваютъ куски діорита на копья, другія за угрей добываютъ себѣ съѣдобныя коренья. Копья и палицы вымѣниваютъ на рогожки, сѣти, одѣяла; по Говиту, на щитъ вымѣниваются пояса, а племена, живущія на сѣверной оконечности мыса Іоркъ, получаютъ отъ острововъ Торрессова пролива луки, стрѣлы и барабаны. Одинъ народецъ во внутренней Австраліи въ уплату за операцію выбиванія зубовъ получалъ плату въ видѣ личныхъ услугъ какой нибудь работой.

Во многихъ мѣстностяхъ Африки, въ особенности среди осѣдлыхъ племенъ западной части континента существуетъ такое же раздѣленіе труда; только здѣсь въ большинствѣ случаевъ отдѣльныя деревни занимаются каждая особымъ ремесломъ. Здѣсь центральное мѣсто занимаетъ производство желѣза. Кузнецы повсюду мужчины, женщины допускаются только къ промывкѣ желѣзистыхъ песковъ, въ золотоносныхъ пескахъ онѣ же занимаются отмучиваніемъ розсыпей. Часто встрѣчаются также поселки, гдѣ процвѣтаетъ ткацкое дѣло (см. рис. выше).

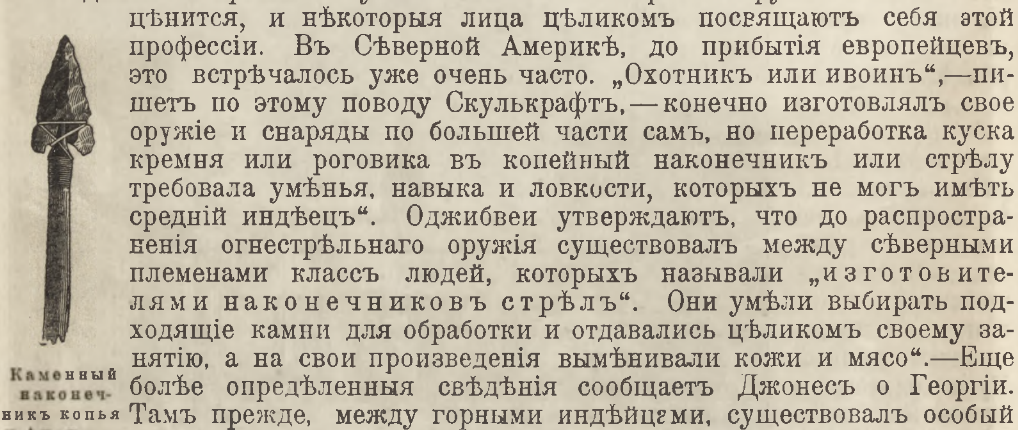
Ткачи на Золотомъ Берегу, Зап. Африка. По фотографіи.

Очень характерны для Африки мѣстности, гдѣ обрабатывается соль. Преобладаніе растительныхъ продуктовъ въ питаніи негровъ вызываетъ усиленную потребность въ соли, и умѣнье добывать ея суррогаты изъ золы нѣкоторыхъ растеній является однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ знаній африканскихъ женщинъ. Тамъ же, гдѣ соль содержится въ почвѣ или въ водѣ и конечно на берегахъ моря, развивается солевареніе уже ввидѣ доходнаго промысла. Въ этихъ случаяхъ дѣло всегда находится въ рукахъ мужчинъ. Подобные-же порядки существовали вѣроятно и въ Европѣ въ доисторическую эпоху; на тѣхъ немногихъ мѣстахъ въ Богеміи, гдѣ изъ почвы можно извлекать соль, мы постоянно встрѣчаемъ старыя поселенія и Галльштадъ въ Зальцкамергутѣ былъ по всей вѣроятности крупнымъ культурнымъ центромъ. По Тациту изъ за соляныхъ источниковъ велись упорныя войны между гормундурами и хаттами.

Территоріальная и племенная промышленности, которыя предполагаютъ значительное развитіе торговаго обмѣна, особенно хорошо развиваются на материкахъ, гдѣ возможно установленіе сношеній по всѣмъ на-

правленіямъ; но рядомъ съ этимъ также и внутри кровныхъ, племенныхъ группъ развиваются опредѣленныя профессіональныя группы, которыя можно разсматривать, какъ зачатки ремесленныхъ организацій. Впрочемъ оба эти пути промышленной дѣятельности не мѣшаютъ другъ другу: и при территоріальномъ развитіи промышленности бываютъ случаи, когда только одна часть общины, чаще всего нѣсколько семей, занимается ремесломъ, большинство же обрабатываетъ почву, промышляетъ звѣря или же только въ одно какое нибудь время года занимается ремесломъ.

Ремеслами главнымъ образомъ занимаются непригодные для войны и охоты старики и инвалиды, они передаютъ свои знанія потомкамъ и такимъ образомъ кладутъ основу для образованія класса ремесленниковъ. Характерно, что прежде другихъ, въ особую профессію выдѣляется изготовленіе оружія. Въ дометаллическую эпоху мастеръ обдѣлываетъ камень, въ позднѣйшія времена куетъ желѣзо. Мастерство оружейника высоко цѣнится, и нѣкоторыя лица цѣликомъ посвящаютъ себя этой профессіи. Въ Сѣверной Америкѣ, до прибытія европейцевъ, это встрѣчалось уже очень часто. „Охотникъ или воинъ",—пишетъ по этому поводу Скулькрафтъ,—конечно изготовлялъ свое оружіе и снаряды по большей части самъ, но переработка куска кремня или роговика въ копейный наконечникъ или стрѣлу требовала умѣнья, навыка и ловкости, которыхъ не могъ имѣть средній индѣецъ". Оджибвеи утверждаютъ, что до распространенія огнестрѣльнаго оружія существовалъ между сѣверными племенами классъ людей, которыхъ называли „изготовителями наконечниковъ стрѣлъ". Они умѣли выбирать подходящіе камни для обработки и отдавались цѣликомъ своему занятію, а на свои произведенія вымѣнивали кожи и мясо".—Еще болѣе опредѣленныя свѣдѣнія сообщаетъ Джонесъ о Георгіи. Тамъ прежде, между горными индѣйцами, существовалъ особый классъ людей, занимавшійся исключительно приготовленіемъ наконечниковъ копій. Наготовивши достаточный запасъ такого товара, они спускались къ морскому берегу и тамъ, переходя съ мѣста на мѣсто, вымѣнивали свои издѣлія на такія вещи, которыхъ нельзя было достать въ горахъ. Въ военныхъ экспедиціяхъ они никогда не участвовали и даже имѣли свободный доступъ къ тѣмъ племенамъ, которыя враждовали съ ихъ собственнымъ племенемъ. Ихъ профессія считалась почетной,—здѣсь мы встрѣчаемъ примѣръ исключительно благопріятнаго положенія ремесленниковъ. Рядомъ съ этимъ является уже начало цеховой обособленности, поддерживаемое разными придуманными таинственными обрядами. Кэтлинъ описываетъ, какъ при участіи двоихъ мастеровъ молотками отбиваютъ каменныя стрѣлы у апаховъ (см. рис. выше), при этомъ прибавляетъ, что оба работника поютъ пѣсню и удары молота слѣдуютъ одинъ за другимъ въ тактъ пѣсни; въ работѣ особенное значеніе имѣютъ короткіе и быстрые удары, при которыхъ молотокъ отскакиваетъ назадъ; въ нихъ, по мнѣнію индѣйцевъ, заключается великая волшебная сила и весь таинственный характеръ работъ. У каждаго племени имѣются свои мастерскія для изготовленія стрѣлъ и только немногіе посвященные могутъ устраивать такія мастерскія для своего племени". Кромѣ обыкновенныхъ мастеровъ, существовали еще и особенные, привилегированные. Коль познакомился съ однимъ такимъ мастеромъ у оджибвеевъ. Онъ дѣлалъ стрѣлы съ украшеніями изъ камешковъ, работалъ медленно и бралъ неимовѣрно дорогія цѣны за издѣлія.

Каменный наконечникъ копья у Апаховъ, Сѣв. Америка. По В. І. Гофману.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ раздѣленіе труда внутри племени достигаетъ значительнаго развитія. У индѣйцевъ, на мысѣ Флетри, въ штатѣ Вашингтонъ, Свэнъ нашелъ цѣлый рядъ ремесленниковъ-спеціалистовъ:

одни изготовляли снаряды для китоваго промысла, другіе выдѣлывали кожи, третьи строили суда. Вообще рѣдкій изъ нихъ не зналъ какого нибудь особаго ремесла, относящагося къ китобойному, рыболовному дѣлу или какому либо иному промыслу. Далѣе на сѣверѣ встрѣчаемъ мы тѣ же самыя отношенія. „Многіе мужчины и женщины—какъ сообщаетъ Ниблекъ,—изучаютъ какое нибудь ремесло, занимаются имъ и продаютъ свои издѣлія въ часы досуга. Нѣкоторые изъ мужчинъ искусны въ постройкѣ домовъ и лодокъ, плетеніи корзинъ, обработкѣ дерева, металловъ, рѣзьбѣ по дереву, камнѣ, рогу, кости, изготовленіи металлической посуды, укра-

Базаръ въ Кайруанѣ, Тунисъ. По фотографіи. См текстъ на 273 стр.

шеній, домашнихъ вещей и получаютъ аккуратно плату за свои работы. Среди такихъ мастеровыхъ нужно прежде всего упомянуть о рѣзчикахъ по дереву, которые занимаются вырѣзкой гербовъ (тотемовъ) и изготовленіемъ надгробныхъ памятниковъ. Другіе слывутъ хорошими охотниками за какимъ нибудь звѣремъ или опытными рыболовами. Нѣкоторыя женщины хорошо плетутъ корзины, вырѣзываютъ посуду изъ дерева, ткутъ одежду и циновки изъ кедровой коры или изъ шерсти или же шьютъ костюмы для танцевъ и разныхъ церемоній. Вообще-же мужчины-рѣзчики, а женщины-ткачихи. Здѣсь также изъ работъ женщинъ возникло нѣсколько спеціальныхъ профессій и, какъ результатъ этого, необычно высокое и независимое положеніе женщинъ. Здѣсь мы видимъ замѣчательный контрастъ по сравненію съ приниженнымъ положеніемъ женщинъ, занимающихся земледѣліемъ. Это различіе заключается несомнѣнно въ томъ, что ремесленная работа на половину является результатомъ досуга, земледѣліе-же, доставляющее жизненные припасы, предметы первой необходи-

мости—занятіе обязательное и нужныя для него работы должны быть выполнены во что-бы то ни стало.

На многихъ островахъ Полинезіи, гдѣ территоріальное раздѣленіе труда возможно только въ очень ограниченныхъ предѣлахъ, развились настоящія ремесленныя касты. Дѣленіе членовъ па различныя ранги и степени и наслѣдственность профессій напоминаютъ уже общественныя отношенія Индіи. Рядомъ съ этимъ существовали такія занятія, которыя практиковались цѣликомъ всей общественной группой, племенемъ или родомъ.

По разсказамъ мореплавателей на островахъ Тонга женщины приготовляли матеріи изъ древесной коры, циновки, гребни, нитки и т. п., а мужчины веревки и оружіе. Сверхъ всего этого существовали и такія виды промышленности, которые представляли собою спеціальныя, профессіональныя занятія отдѣльныхъ лицъ. Къ такимъ принадлежали строители судовъ и они-же были работниками по кости, строители каменныхъ надгробныхъ куполовъ, плетельщики сѣтей, строители домовъ, татуировщики, рѣзчики палицъ, капатчики, цирюльники и повара. Порядокъ перечисленія ремеслъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и степень уваженія къ каждой изъ профессій; первыя изъ вышепереименованныхъ цѣнились больше послѣдующихъ. Существовало также и нѣкоторое ранговое различіе въ женскихъ занятіяхъ: знатныя женщины любили дѣлать гребешки,—а пряденіе нитокъ, наоборотъ, служило занятіемъ женщинъ низшихъ классовъ населенія.

Раньше уже было отмѣчено, что въ Африкѣ ремесленники пользуются уваженіемъ отчасти потому, что они группируются около вождя племени, имѣютъ свою организацію, находящуюся подъ контролемъ придворныхъ его. Параллельно этому существуетъ другое своеобразное явленіе: тамъ, гдѣ бродячія племена берутся за какія нибудь несложныя ремесла и входятъ въ постоянныя связи съ осѣдлыми жителями, уваженіе къ такому занятію падаетъ. Весьма характерно, что ремесленники — паріи въ Африкѣ, встрѣчаются въ пустынной полосѣ сѣвера и востока континента или вблизи ея; въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ сказано было уже, проживаютъ кочевники хамиты и семиты, играющіе роль привилегированныхъ лицъ и отъявленные ненавистники усидчивой и прилежной работы. У настоящихъ негровъ такое презрѣніе къ труду встрѣчается рѣдко; кузнецы, занимающіе незавидное положеніе у кочевниковъ, пользуются у негровъ высокимъ уваженіемъ и мастера при помощи разныхъ мистическихъ обрядовъ еще болѣе усиливаютъ свое значеніе въ обществѣ. — „У евге-негровъ въ странѣ Того“, — по словамъ Шписа, — „изученіе кузнечнаго ремесла запрещено всѣмъ, кто не состоитъ членомъ семьи какого нибудь кузнеца. Если кто нибудь изъ членовъ семьи, гдѣ предки не были кузнецами, возьмется за изученіе этого ремесла и устроитъ себѣ кузницу, то добра такой узурпаторъ не дождется: по мнѣнію евге-негровъ его постигнетъ смерть за работой. Почему-же? А потому, что молотъ кузнеца—божество, и оно не потерпитъ, чтобы какой нибудь пришлецъ осмѣлился взяться не за свое дѣло. Божество накажетъ его болѣзнью или предастъ смерти. Если кто изъ дѣтей кузнеца хорошо понимаетъ работу и дѣлаетъ успѣхи въ ней—про него говорятъ, что молотъ околдовалъ его. Это служитъ молодому кузнецу аттестатомъ, и онъ смѣло можетъ идти по стопамъ отца, а отецъ подъ старость спокойно передастъ свою мастерскую сыну“.

Всюду, гдѣ значительное число работниковъ одинаковыхъ профессій живутъ вмѣстѣ, возникаетъ мысль о болѣе тѣсномъ сближеніи ихъ между собою. Развитіе этой мысли облегчается тѣмъ, что даже и у сравнительно развитыхъ народовъ часто сохраняются остатки семейной или родовой промышленности, такъ что люди, занятые одной профессіей, оказываются родственниками между собой. Не меньшее значеніе имѣютъ

для развитія союза рыночный и торговый обмѣнъ, потому что почти повсюду вошло въ обычай у товарищей по ремеслу становится всѣмъ на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ и ждать покупателей съ готовымъ товаромъ въ рукахъ. Если въ концѣ концовъ такимъ образомъ установятся опредѣленныя торговыя мѣста, гдѣ, какъ на базарахъ Востока, производится торговля періодически, то и ремесленники обыкновенно пристраиваются тамъ же со своими товарами. Власти въ такихъ случаяхъ назначаютъ смотрителей или старостъ, первоначальная обязанность которыхъ состоитъ во взиманіи пошлины, впослѣдствіи же они превращаются въ представителей ремесла передъ правительствомъ. Такимъ образомъ первоначально организовалось ремесло и въ Германіи; но въ дальнѣйшемъ, окрѣпнувъ, оно достигло извѣстной доли самоуправленія.

Продавцы горшечнаго товара въ Ніангве, Конго. По Глэву.

Классическую страну гильдій и цеховъ представляетъ собой Китай. Можетъ быть, и здѣсь первый толчекъ къ образованію такихъ организацій былъ данъ сверху; но въ настоящее время склонность китайцевъ къ объединенію какихъ бы то ни было группъ, имѣющихъ общіе интересы, настолько вошла въ плоть и кровь народа, что громадное число государственныхъ учрежденій покоится на этихъ свободныхъ союзахъ, и безъ нихъ немыслимо ни существованіе Китайскаго государства, ни его народа. Тамъ всѣ объединяются между собой: и купцы, и ремесленники, и поденщики; даже мошенники и нищіе образуютъ союзы.

И политическое недовольство всегда выражается тамъ въ формѣ образованія тайныхъ сообществъ; въ новѣйшее время эти союзы, носившіе названія „секты лотоса“, „боксеровъ“, общества „большого ножа“ и тому подобныя, вызвали глубокія потрясенія въ странѣ. Внутри этихъ обществъ господствуетъ строгая дисциплина; она поддерживается штрафами, бойкотомъ и тому подобными мѣрами. Они же улаживаютъ несогласія, устанавливаютъ цѣны на товары, устраняютъ опасности взаимнаго соперничества, поддерживаютъ обнищавшихъ и больныхъ, путемъ дружныхъ протестовъ вразумляютъ алчныхъ чиновниковъ. Если Китай не погибъ до сихъ поръ подъ гнетомъ убогаго, подъяческаго управленія, то этимъ онъ обязанъ не чему иному, какъ тому своеобразному, несокрушимому самоуправленію народа, центръ тяжести котораго лежитъ въ тѣсной солидарности лицъ, принадлежащихъ къ данной профессіи. Торговля, или обмѣнъ ремесленныхъ и сельскохозяйственныхъ продуктовъ представляетъ собою естественное послѣдствіе продуктивнаго труда человѣка, и она подлежитъ тѣмъ же законамъ естественнаго развитія, которые обусловили вначалѣ раздѣленіе труда

на мужской и женскій и потомъ вызвали возникновеніе отдѣльныхъ спеціальныхъ профессій. И торговля вначалѣ дѣлится на мужскую и женскую, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока въ обществѣ не выдѣлится спеціальный классъ торговцевъ. Переходная ступень замкнутыхъ профессіональныхъ корпорацій возрождается наново въ торговлѣ, такъ какъ очень часто извѣстное племя или группа забираетъ въ свои руки барыши торговаго посредничества и, при помощи одной этой дѣятельности, получаетъ возможность обезпечить свое существованіе.

Хотя торговля мужская и женская не слишкомъ рѣзко разграничены между собой и не исключаютъ возможности многообразныхъ переходныхъ ступеней, все таки въ общемъ можно и ту и другую съ достаточной легкостью охарактеризовать особо: мужская торговля всегда ведется на широкую ногу, носитъ до нѣкоторой степени воинственный характеръ—ради нея предпринимаются экспедиціи къ далекимъ племенамъ, въ дальнія страны; женская торговля не выходитъ изъ предѣловъ довольно тѣснаго района и при своемъ развитіи переходитъ въ торговлю рыночную. Развитіе обоихъ видовъ торговли можно прослѣдить съ достаточной обстоятельностью.

Внѣшняя торговля мужчинъ имѣетъ свою характерную, предварительную стадію. Существуютъ сокровища природы, добыть которыя страстно желаютъ даже самые примитивные народы, хотя и здѣсь, какъ это наблюдается и въ другихъ случаяхъ, предметомъ вожделѣнія являются гораздо рѣже питательныя вещества и другіе продукты первой необходимости, чѣмъ лакомства и украшенія, словомъ—прихоти. Слава объ этихъ сокровищахъ расходится далеко, и разныя племена обширной области знаютъ точно, гдѣ можно достать эти рѣдкости; неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого является желаніе сдѣлаться участниками въ пользованіи этими драгоцѣнностями. Изъ этого однако же не возникаетъ прямого обмѣна, такъ какъ необходимыя для этого промежуточныя стадіи еще не развились. Гораздо чаще отдаленные народы сооружаютъ для этого цѣлыя вооруженныя экспедиціи къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находятся желаемыя вещи. Добравшись до цѣли, они сами добываютъ, обрабатываютъ, что имъ нужно и потомъ, нагруженные сокровищами, прокладываютъ и нерѣдко пробиваютъ силою себѣ путь къ возврату на родину.

Въ Австраліи встрѣчаются превосходные примѣры этой предварительной стадіи развитія торговли. Наибольшее значеніе имѣютъ тамъ тѣ мѣстности, гдѣ находится драгоцѣнная красная земля, которой окрашиваютъ свое тѣло туземцы въ торжественныхъ случаяхъ. Такое мѣсто было въ Гейвардовыхъ горахъ, и имъ владѣло одно племя. Оно допускало туда и другихъ, но на особыхъ условіяхъ, какъ сообщаетъ Іессонъ; во-первыхъ—болѣе троихъ человѣкъ сразу не могло участвовать въ такой экспедиціи, во-вторыхъ—изъ поисковъ участники должны были вернуться къ опредѣленному сроку. Но миролюбивымъ образомъ дѣло кончалось не всегда и не вездѣ. Экспедиціи къ мѣстонахожденію красной земли, ежегодно отправлявшіяся отъ одного отдѣла племени Діэри, состояли изъ отрядовъ отъ 70 до 80 вооруженныхъ людей. Если другіе пробовали мѣшать имъ, то они прокладывали себѣ дорогу силою. Экспедиція за охрой Янтрувумунта къ Куперъ-Крику должна была пройти 300 миль въ оба конца по враждебной области и при этомъ дорогой ей самой приходилось добывать себѣ пищу. Въ эту же экспедицію было посѣщено мѣсто, гдѣ находился сбросъ песчаника, и оттуда были добыты плитки для растиранія сѣмянъ дикихъ травъ. Еще серьезнѣе была экспедиція въ страну, гдѣ находилось растеніе, листья и вѣтви котораго обладали наркотическими свойствами и употреблялись для жеванія. Странники должны были пройти путь 200 миль; при возвращеніи ихъ встрѣтили съ большой помпой.

О подобныхъ явленіяхъ у эскимосовъ Баффинова залива разсказываетъ Боосъ (Boas). Его данныя особенно важны тѣмъ, что они указы-

ваютъ, какимъ путемъ и при такихъ условіяхъ зарождается настоящая торговля. „Два предмета—по его словамъ—даютъ поводъ къ дальнимъ странствіямъ, иногда длящимся цѣлые годы. Эти предметы—наплавной лѣсъ и мыльный камень (агальматолитъ). Берега Девисова и Кумберландскаго проливовъ почти совершенно лишены наплавного лѣса, и поэтому туземцы вынуждены отправляться въ дальнія страны за поисками этого необходимаго матеріала. Тудьякьдюкъ особенно часто составлялъ цѣль ихъ путешествій. Они направлялись на своихъ байдарахъ къ югу и, собравъ лѣсъ, часть его передѣлывали немедленно на лодочныя распорки, санные полозья и увозили съ собою домой. Другую часть дерева они брали для луковъ, хотя они ихъ мастерски умѣли изготовлять изъ оленьяго рога. Часть этой лѣсной коммерціи, повидимому, находилась въ рукахъ нугуміютовъ, которые собирали лѣсъ въ Тудьякдьюкъ и доставляли его на сѣверъ. Другой важный предметъ торговли представляетъ мыльный камень, изъ котораго дѣлаютъ лампы и горшки. Онъ встрѣчается въ немногихъ мѣстахъ и очень рѣдко въ такихъ большихъ кускахъ, изъ которыхъ можно изготовлять указанные выше предметы.

Изъ мѣстностей, которыя посѣщаютъ туземцы ради добыванія мыльнаго камня можно назвать—Каутакъ, къ югу отъ Науятелинга, Оармакджуинъ, (Экстерскій заливъ) и заливъ Комитета. Пришельцы изъ разныхъ мѣстъ добываютъ камень изъ утесовъ сами или же покупаютъ его, вымѣнивая на разную мелочь". Послѣднее показаніе не совсѣмъ ясно, можно однако же признать, что въ немъ идетъ рѣчь о вознагражденіи владѣльца за пользованіе его каменоломнями. Точно также золотоносные пріиски въ Западной Африкѣ разрабатываются почти всѣми окрестными неграми, за что сами владѣльцы получаютъ весьма небольшое вознагражденіе. Въ другихъ случаяхъ такія мѣстности считаются общимъ достояніемъ, нейтральной землей, примѣромъ чего могутъ служить ломки камня для дѣланія трубокъ въ вершинахъ Миссури, куда безпрепятственно ходили за матеріаломъ индѣйцы изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей.

Если же какое-нибудь племя обладаетъ мѣстонахожденіемъ какого-нибудь цѣннаго матераіла и не дозволяетъ другимъ пользоваться имъ, то для послѣднихъ остаются только два способа получить желаемое, — или силою брать то, чего имъ не даютъ, примѣромъ чего можетъ послужить свѣдѣніе, сообщаемое Эрманомъ о кровавыхъ схваткахъ въ Сѣверозападной Америкѣ около мѣсторожденій вивіанита (голубой желѣзной руды), желѣзной охры и другихъ рудъ, которыя добываются съ бою, или же доступъ къ нимъ получаютъ за подарки владѣльцамъ мѣстности. Въ томъ случаѣ, когда пришельцы не въ состояніи ублаготворить владѣльцевъ желательныхъ предметовъ какими-нибудь произведеніями своей родины, имъ остается, для того, чтобы добыть желаемое, заняться серьезно какимъ-нибудь мастерствомъ и усовершенствоваться въ немъ настолько, чтобы при обмѣнѣ выгода оставалась на ихъ сторонѣ. Разумѣется, здѣсь о настоящемъ торговомъ обмѣнѣ, который невозможенъ безъ таксированія стоимости, еще не можетъ быть рѣчи,—приношенія и предлагаются, и принимаются, какъ подарокъ. И на самомъ дѣлѣ здѣсь не происходитъ обмѣна полезностей, а покупается позволеніе воспользоваться нѣкоторыми природными богатствами на территоріи чужого племени. Здѣсь такимъ образомъ въ одномъ случаѣ выступаютъ грабительскіе инстинкты, въ другихъ—благожелательныя влеченія, такъ какъ подарокъ — знакъ симпатіи, которая и характеризуетъ собою первые начатки мирныхъ торговыхъ сношеній. Древніе финикійскіе торговцы, являвшіеся то дорогими гостями въ дружественныхъ гаваняхъ, то дерзкими морскими разбойниками, похищавшими людей и имущество, служатъ прекрасными образцами примитивныхъ способовъ торговли, и у нихъ было не мало родственныхъ имъ по душѣ преемниковъ. Ихъ и подобныхъ имъ имѣлъ въ виду Гете когда сказалъ, что:

Война, торговля и разбой
Нераздѣлимы межъ собой.

Итакъ, торговля начинается съ обмѣна подарками, т. е., повидимому, самымъ не коммерческимъ способомъ; но объясняется это тѣмъ, что, за исключеніемъ военнаго времени, повсюду взаимныя дружественныя посѣщенія считаются обыкновенно самымъ излюбленнымъ препровожденіемъ времени. Гощеніе же и подарки стоятъ между собой въ такой тѣсной связи, что они, въ меньшихъ размѣрахъ, въ культурномъ обществѣ до сихъ поръ сопровождаютъ другъ друга; кто пользуется гостепріимствомъ друга или родственника въ отдаленной странѣ, тотъ считаетъ себя обязаннымъ привезти ему небольшой подарокъ съ своей родины или выразить свою благодарность посылкой „гостинца“. [1]

Любовь первобытныхъ народовъ ѣздить по гостямъ доказывается многочисленными свидѣтельствами. Штеллеръ говоритъ о камчадалахъ: „такъ какъ они считаются другъ другу родственниками, то они цѣлыми обществами ѣздятъ по гостямъ всю зиму, истребляя запасы. Въ началѣ зимы они отъ устьевъ поднимаются вверхъ по рѣчкамъ; съ марта мѣсяца начинается шествіе внизъ по рѣкѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, и во время этихъ скитаній не пропускаютъ ни одного жилого мѣста безъ гощенія и спускаются къ морю, когда начинается весенній ходъ рыбы“. Эскимосы особенно много разъѣзжаютъ зимою, когда стоитъ ледъ; дня почти не проходитъ безъ того, чтобы гдѣ-нибудь не собралась компанія гостей; ихъ тамъ любезно принимаютъ и угощаютъ, какъ тѣхъ, которые пріѣхали по торговымъ дѣламъ, такъ и простыхъ посѣтителей. Зимнія посѣщенія обыкновенно длятся не долго, зато лѣтомъ и весной семьи гостятъ другъ у друга по мѣсяцамъ, и никакія разстоянія не удерживаютъ ихъ отъ такихъ поѣздокъ. Общія игры, гимнастическія упражненія (см. рис. на стр. 277) помогаютъ коротать время. Такую же любовь къ поѣздкамъ въ гости наблюдалъ Соммервиль у Ново-Гебридскихъ туземцевъ. Соммервиль говоритъ: „туземцы очень любятъ путешествовать и на довольно далекія разстоянія, цѣль путешествія—побывать въ гостяхъ у сосѣдняго, дружественнаго племени на ихъ собственныхъ или на другихъ островахъ. Они часто не знаютъ языка тѣхъ племенъ къ которымъ ѣздятъ въ гости. Иногда они остаются въ гостяхъ болѣе мѣсяца, какъ будто по случаю противныхъ вѣтровъ. При возвращеніи судна изъ гостей, а также при прибытіи друзей издалека, даютъ знать объ этомъ трубя въ раковины“. На примѣрѣ племени Анагали-Нагасъ, обитающаго въ горахъ Ассама, лучше всего можно показать, что вышеописанная система гощеній служитъ основою развитія торговыхъ сношеній. Это племя политически раздроблено на отдѣльныя, мелкія общины, постоянно враждующія между собой, кромѣ того онѣ питаютъ страсть къ охотѣ за черепами. Казалось бы, что такой народъ очень мало пригоденъ для заведенія и поддержки оживленныхъ торговыхъ сношеній. Несмотря на все это, мужское населеніе этого народа съ большимъ рвеніемъ и успѣхомъ занимается торговлей. „Трудности торговыхъ сношеній—по замѣчанію Пена—устраняются при помощи широко развитой системы гощеній. Анагами изъ какой-нибудь деревни всегда имѣетъ хоть одинъ домъ въ другой, гдѣ онъ найдетъ и кровъ, и пищу, и убѣжище отъ убійцъ. Между деревней пришельца и домомъ, гдѣ послѣдній находитъ пріютъ, установленъ родъ союза гостепріимства. Самая ярая ненависть не позволитъ себѣ нарушить этотъ обычай. Въ торговыхъ дѣлахъ надувательства у нихъ не полагается: обыкновенно и продавецъ, и покупатель сразу назначаютъ крайнюю цѣну, въ большинствѣ случаевъ настоящую, и затѣмъ или сдѣлка совершается или она считается несостоявшейся“.

---

[1] Въ русскомъ языкѣ уже само названіе указываетъ на первичное значеніе такихъ даровъ. *Ред.*

Не напоминаетъ ли намъ эта упрощенная система торговли обычаи древнегреческіе? Доведенное до громадныхъ размѣровъ древнегреческое, гостепріимство, почти совершенно непонятное для современнаго культурнаго человѣка, находитъ свое истолкованіе въ вышеприведенномъ примѣрѣ; и такой торговый народъ, какъ греки, имѣлъ полное основаніе обычай гостепріимства отдать подъ охрану могущественнѣйшаго изъ своихъ боговъ, Зевса Громовержца. Но главная роль въ этомъ всемъ, могъ бы я сказать въ видѣ возраженія Шрадеру, принадлежитъ родственнымъ чувствамъ и симпатіи; они то и побуждаютъ совершать путешествія ради свиданія; также и взаимный обмѣнъ подарковъ первоначально является лишь свидѣтельствомъ симпатіи, и онъ чуждъ заранѣе обдуманнаго разсчета; такъ въ сущности было во времена Гомера. Но однако уже и въ эту пору устами самого пѣвца въ весьма наивной формѣ даетъ себя знать духъ практической разсчетливости: описавъ встрѣчу на полѣ битвы двухъ героевъ, Діомеда и Главка, связанныхъ узами гостепріимства, и разсказавъ, какъ они въ знакъ дружбы обмѣнялись доспѣхами далеко не равной цѣнности, онъ восклицаетъ, отчасти изумляясь отчасти порицая, одного изъ героевъ—одинъ доспѣхъ стоилъ сто быковъ, а другой—девять! Гость являясь къ своему другу, разсчитывалъ найдти у него хлѣбъ-соль и привѣтъ не за подарки или привезенные съ собой товары—и безъ нихъ онъ встрѣченъ былъ бы вполнѣ радушно: онъ приносилъ съ собой самые желанные дары для людей, жившихъ въ ту эпоху, когда сношенія производились медленно, а новости были большой рѣдкостью, — онъ разсказывалъ, что дѣлается новаго въ далекихъ странахъ, разсказывалъ новыя сказки, пѣлъ новыя пѣсни и оставлялъ послѣ себя у хозяевъ цѣлый рядъ пріятныхъ воспоминаній. Замѣна этихъ столь симпатичныхъ, человѣчныхъ и прекрасныхъ способовъ общенія дѣловыми сношеніями торговаго класса и наемными помѣщеніями въ гостиницахъ является одною изъ тѣхъ невозвратныхъ жертвъ, которыми куплена наша культура.

Гимнастическія упражненія у эскимосовъ. Эскимосскій рисунокъ. По Гофману.

И теперь еще въ некультурныхъ уголкахъ земного шара торговля ведется и возникаетъ на базисѣ взаимныхъ подарковъ. Каждый изъ африканскихъ князьковъ дождется сначала подарка отъ купца, прежде чѣмъ дозволитъ ему дальнѣйшее пребываніе въ своихъ владѣніяхъ. Весьма охотно самой покупкѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ придается характеръ обмѣна подарками,—это придаетъ коммерческой сдѣлкѣ нѣкоторое подобіе изъявленія симпатіи. И это, по свидѣтельству Босмана, практиковалось прежде у племенъ Габунъ. Какъ торговля даже въ широкихъ размѣрахъ ведется въ формѣ подарковъ, мы можемъ узнать изъ показаній Эмина-паши о торговлѣ арабовъ съ племенемъ Вагума въ центральной Африкѣ. Онъ пишетъ, что „какъ въ Уніоро такъ и въ Угандо существуетъ обычай, по которому всякій вновь прибывшій купецъ около половины своихъ товаровъ и прежде всего пороха, свинца, дроби и оружія, преподноситъ въ даръ королю, а тотъ предоставляетъ чужеземцу готовый домъ съ садомъ, доставляетъ скотъ, фрукты и овощи, а при отъѣздѣ купцу дается отдарокъ въ видѣ слоновой кости, цѣнность котораго въ три, а иногда въ пять разъ выше первоначальнаго подарка. Обѣ стороны не въ убыткѣ: арабу капиталъ возвращается съ прибылью, а королю слоновая кость ровно ничего не стоитъ, такъ какъ вѣрноподданные доставляютъ ее своему повелителю даромъ“.

Также и у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ сохранился отчасти способъ торговли, который можно назвать обмѣнно-подарочнымъ. О племе-

нахъ, живущихъ къ юго-западу отъ нижняго теченія Миссиссипи, Брэкенриджъ сообщаетъ: „ихъ способъ торговли совершенно первобытный. Торга и споровъ о цѣнахъ не бываетъ. Какой-нибудь народецъ или племя подходитъ къ какому-нибудь поселку и около него разбиваетъ свой лагерь. Послѣ обмѣна тысячей церемоній варварскаго этикета и комплиментовъ, въ которыхъ столько же искренности, сколько въ тѣхъ, которыми обмѣниваются культурные люди, одна изъ сторонъ передаетъ, другой въ видѣ подарка всѣ тѣ вещи, которыя желаетъ сбыть съ рукъ. Другая сторона коротко и ясно отвѣчаетъ на это присылкой такихъ предметовъ, которыя ей не очень нужны. Торгъ заканчивается разными играми, состязаніями и танцами. Способъ торговли бѣлыхъ возбуждаетъ въ нихъ презрѣніе. Они говорятъ, что только скаредныя и низкія души могутъ заниматься усчитываніемъ да взвѣшиваніемъ всякихъ мелочей. Цѣна назначается главой племени вмѣстѣ съ собраніемъ его совѣтниковъ, и его народъ, а также и продавцы должны подчиниться такому рѣшенію". Здѣсь стало-быть передъ нами примѣръ взаимнаго даренія между двумя племенами, совершенно подобный тому, который Тацитъ описываетъ у германцевъ. Этотъ обычай существовалъ въ болѣе позднее время, по крайней мѣрѣ послы иностранныхъ державъ заваливались подарками: въ Россіи, въ средніе вѣка, по Брюкнеру, такіе подарки составляли одну изъ главныхъ статей государственныхъ расходовъ.

Такъ какъ при первобытныхъ отношеніяхъ не можетъ быть и рѣчи о мѣрѣ цѣнностей, то кромѣ обмѣна подарковъ существуютъ и другіе способы отплаты за одолженія. Когда обитатели острова Тонга вели торговлю съ фиджійцами, они обыкновенно привозили туда съ собой въ отдарокъ за фиджійскіе товары, матеріи, оружіе, китовый усъ и т. д., но опи также вмѣсто всего этого отплачивали помогая друзьямъ на войнѣ или привозили съ собой женщинъ и предоставляли ихъ въ распоряженіе фиджійцевъ.

Обмѣнно-подарочная торговля весьма способна къ дальнѣйшему развитію; нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы два племени обмѣнивались между собою только своими собственными продуктами; они могутъ полученные продукты передавать дальше, нисколько не подрывая этимъ обычаевъ взаимнаго гощенія и обмѣнно-подарочной торговли. У сѣверо-американскихъ индѣйцевъ эта система очень развита. Индѣйцы Вороны ежегодно посѣщаютъ своихъ сосѣдей Мандановъ, Минетари и Ахмахамаховъ и вымѣниваютъ у нихъ на лошадей кожаныя палатки и другіе европейскіе товары и, главнымъ образомъ, оружіе. Къ Воронамъ ѣздятъ въ свою очередь племя Змѣи и другія, которыя вымѣниваютъ у первыхъ европейскіе товары на лошадей и муловъ и, такимъ образомъ, являются торговыми посредниками между весьма отдаленными другъ отъ друга племенами. Долгое время обмѣнно-подарочная торговля, конечно, держаться не можетъ, такъ какъ при ней слишкомъ великъ соблазнъ къ злоупотребленію довѣріемъ и въ дѣйствительности плутоватые торговцы часто очень непригляднымъ образомъ извлекаютъ изъ нея барыши для себя. Экономическій упадокъ тунгусовъ частью обусловливается тѣмъ, что находящіеся среди нихъ торговцы якуты, живутъ на широкую ногу, пользуются широко удовольствіями за счетъ хозяевъ, а при окончательномъ разсчетѣ безсовѣстно обсчитываютъ ихъ.

Читатель, внимательно разсмотрѣвшій приведенные выше примѣры, замѣтитъ безъ труда, что первобытная обмѣно-подарочная торговля ведется двоякимъ способомъ: то осѣдлыя племена поднимаются съ мѣста и ѣздятъ другъ къ другу въ гости, и среди праздниковъ и танцевъ, которые и составляли первоначально главную цѣль посѣщеній, устраиваютъ торгъ; то отдѣльныя лица разыскиваютъ среди чужого племени своихъ пріятелей и, при сей вѣрной оказіи, мѣняются кое-чѣмъ другъ съ другомъ. Въ

обоихъ случаяхъ чужестранцамъ долженъ быть обезпеченъ миръ и безопасность; но эта цѣль не всегда можетъ быть достигнута одинаковыми средствами. Иногда торговца какого бы то ни было племени защищаетъ отъ враждебнаго отношенія общепризнанный обычай настолько прочно, что онъ можетъ безъ опасенія посѣщать деревни племени, съ которыми его сородичи находятся въ войнѣ. Такіе порядки существуютъ въ Гвіанѣ. Имъ-Турнъ пишетъ: „у каждаго племени свое особое ремесло, и его соплеменники постоянно заходятъ къ другимъ племенамъ, даже враждебнымъ, для промѣна своихъ издѣлій, на изготовленныя послѣдними. Эти индѣйцы торгаши могутъ, не боясь обидъ, странствовать по враждебной территоріи. Когда я жилъ среди Макузи, часто мнѣ случалось видѣть, какъ цѣлая группа индѣйцевъ бѣжала сломя голову къ моему дому, въ стѣнѣ котораго было продѣлано окошко и затѣмъ наблюдать какъ они, затаивъ дыханіе въ настроеніи, гдѣ къ веселью примѣшивалась нѣкоторая доля боязни, указывали мнѣ на группу своихъ непріятелей Арекуно, которые пришли сюда вымѣнивать духовыя трубки и принадлежности къ нимъ, шарики изъ хлопчатой бумаги. Это были торговцы, которые разносили по странѣ различныя новости“.

Пряха племени навахо, Сѣв. Америка. По В. Г. Даллю. См. текстъ на стр. 280.

Подобной безопасностью торговецъ пользуется, конечно, не вездѣ, и если народной ненависти нѣтъ противъ него, то онъ самъ по себѣ со своимъ товаромъ представляетъ заманчивую добычу. Бываетъ также, что совершенно чужой человѣкъ, которому не можетъ быть никакого дѣла до мѣстныхъ распрей, какъ торговецъ, пользуется особою пріязнью. Многіе Европейскіе торговцы обязаны своимъ успѣхомъ тому, что держались въ сторонѣ отъ мѣстной политики. Кабеца-де-Вакка, отправившійся въ 1528 г. въ качествѣ торговца къ индѣйцамъ Черрука, прожилъ тамъ шесть лѣтъ какъ желанный гость, путешествуя отъ одного племени къ другому въ качествѣ торговаго посредника. Гдѣ нѣтъ такихъ посредниковъ, гдѣ нѣтъ такой широко развитой системы гостепріимства, которую мы видѣли у Нага, тамъ обыкновенно существуютъ особыя лица, которыя въ качествѣ посланниковъ и торговцевъ пользуются свободнымъ доступомъ во враждебную страну; въ этой роли мы встрѣчаемъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. „Путешествія и гощенія—пишетъ Ковальдъ о южномъ берегѣ Новой Гвинеи — встрѣчаются постоянно среди различныхъ племенъ, находящихся въ дружественныхъ отношеніяхъ между собою, но въ далекія страны они ѣздить не любятъ; повидимому ни честолюбіе, ни любопытство не могутъ вызвать въ нихъ желанія ознакомиться съ дальними племенами. Однако же въ любой деревнѣ есть обыкновенно нѣсколько человѣкъ, которые уходятъ дальше другихъ и вѣчно странствуютъ. Эти люди не имѣютъ постояннаго пристанища и могутъ заходить въ деревни, враждебныя ихъ роду“. Женщины, которыхъ защищаютъ родственныя связи въ двухъ враждебныхъ племенахъ, берутъ на себя веденіе сношеній въ военное время; но и онѣ не пользуются полной безопасностью.

На материкѣ Австраліи совершенно оригинальнымъ образомъ устанавливается своего рода родство или гостепріимство между нѣкоторыми лица-

ми, которыя служатъ въ этихъ случаяхъ торговыми посредниками, что мы видимъ у Нарипіери. Таплинъ говоритъ, что „когда у кого-нибудь родится ребенокъ, пупочный шнурокъ сохраняется, и его завертываютъ въ пучекъ перьевъ. Это называется калдуке. Его отдаютъ отцу одного или нѣкоторыхъ дѣтей изъ другого племени, и эти дѣти становятся ньіа-ньіампе по отношенію къ тому ребенку, отъ котораго взятъ калдуке, и онъ самъ по отношенію къ дѣтямъ, у отца которыхъ находится калдуке, становится ньіа-ньіампе. Это названіе нѣсколько напоминаетъ фиджійское ньяна, обозначающее сестеръ и братьевъ, а также и такихъ родственниковъ, съ которыми нельзя вступать въ брачныя отношенія. Со времени передачи калдуке, ни одинъ изъ дѣтей не можетъ ни говорить, ни притрагиваться къ своему ньіа-ньіампе, не можетъ даже близко подходить къ нему, тѣ же самыя предосторожности обязанъ соблюдать и тотъ, отъ кого взято калдуке... Лица, состоящія въ такихъ взаимоотношеніяхъ другъ къ другу, достигнувъ совершеннолѣтія, становятся торговыми агентами своихъ племенъ. Такъ напримѣръ, туземецъ изъ рода Мунду, сидящаго на рѣкѣ Муррей, имѣющій ньіа-ньіампе въ родѣ, живущемъ выше по рѣкѣ, становится для послѣдняго поставщикомъ издѣлій рода Мунду, а выше обитающее по рѣкѣ чрезъ ньіа-ньіампо въ обмѣнъ или отдарокъ предоставляетъ племени Мунду свои произведенія“. Особенными удобствами эта система во всякомъ случаѣ не отличается, такъ какъ агенты обоихъ родовъ не могутъ лично сговориться между собой и должны прибѣгать къ помощи посредника. Какъ кажется, отношенія ньіа-ньіампе, заключаются и между взрослыми людьми, но только на опредѣленный срокъ.

Здѣсь, въ видѣ дополненія, можно упомянуть объ одной своеобразной формѣ обмѣнно-подарочной торговли, которая ни къ одной изъ вышеупомянутыхъ цѣликомъ не подходитъ. „Когда туземецъ,—разсказываетъ Говиттъ объ австралійскомъ племени Діера—уходитъ на нѣкоторое разстояніе отъ своего стойбища къ какой-нибудь ордѣ или группѣ своего племени, или къ сосѣднему племени, то одинъ изъ сородичей или членовъ лагеря становится ючиномъ отправляющагося. Для этого пришиваютъ уходящему на затылкѣ шнурокъ изъ человѣческихъ волосъ или изъ туземнаго льна. Это должно напоминать ему объ обѣщаніи принести подарки. Онъ обязанъ доставить подарки своему ючину, а этотъ во время отсутствія собираетъ дома подарки для ушедшаго... Эта процедура устраивается ради производства обмѣна“. Если, напримѣръ, кто-нибудь увидитъ расписной бумерангъ у другого и пожелаетъ имѣть его, то говоритъ владѣльцу: „Если ты хочешь быть моимъ ючиномъ то отдай мнѣ твой бумерангъ, а я отдарю тебя за это другой вещью. Если они сговорятся, то становятся ючинами по отношенію другъ къ другу, одинъ изъ нихъ отправляется въ другой лагерь своего племени или вообще куда-нибудь, собираетъ вещи, которыя уговорился достать, передаетъ ихъ своему ючину, и совершается обмѣнъ. Повидимому, здѣсь, въ область внутренняго обмѣна вторгаются формы торговли внѣшней и дѣлаютъ возможнымъ правильный торговый обмѣнъ между членами одного рода или стойбища т. е. въ той области, гдѣ признается вообще только коммунизмъ и дареніе.

Антитезою внѣшней, дальней торговли могла бы послужить торговля внутри небольшой общественной группы, рода, класса или общины. Если путешествія мужчинъ для гощенія и обмѣна, какъ это было отмѣчено выше, представляютъ собою явленіе совершенно отличное отъ мелочной торговли женщинъ, то и источники этого различія слѣдуетъ искать въ тѣсной области этого внутренняго обмѣна. Женщины очень любятъ изъ избытка продуктовъ своеи мелкой домашней промышленности, пряденія (см. рис. на стр. 279), ткачества, гончарства извлекать доходъ посредствомъ торговли. Впрочемъ, на самомъ дѣлѣ, въ предѣлахъ маленькой группы, связанной симпатіей, коммерческій обмѣнъ развивается только въ очень позднюю пору, а часто

и совсѣмъ не развивается. И женская торговля возникаетъ также изъ междугрупповыхъ сношеній, но только она не выходитъ изъ очень тѣсныхъ границъ. Поэтому, несмотря на рѣзкую противоположность мужской и женской торговли въ ихъ крайнихъ проявленіяхъ, строгое раздѣленіе провести между ними невозможно.

Во всякомъ случаѣ, не безполезно будетъ здѣсь же привести нѣсколько примѣровъ примитивной внутренней торговли, хотя, приглядѣвшись внимательно къ нимъ, ихъ и торговлей-то признать довольно трудно, такъ какъ основа ихъ лежитъ внѣ области хозяйственныхъ соображеній. Насчетъ возникновенія такой торговли насъ могутъ просвѣтить отношенія, существующія на океаническомъ островѣ Науру. Тамъ, по сообщенію Зенфта, всякій самъ потребляетъ собранные пищевые продукты, только пойманная рыба идетъ въ обмѣнъ. Обмѣнной торговлей эту своеобразную процедуру назвать совершенно невозможно! Вѣроятнѣе всего, что здѣсь главную роль играетъ весьма распространенное убѣжденіе, что души покойниковъ переселяются въ рыбъ, а у этихъ душъ весьма легко можетъ явиться желаніе отмстить тому, кто вытащилъ рыбу изъ воды, послѣ того какъ виновникъ этого несчастья съѣстъ ее самъ, и напустить на него болѣзнь. [1] Такой обмѣнъ въ сущности не что иное, какъ почти всюду повторяющійся наивный пріемъ перехитрить разгнѣванныхъ демоновъ и отвести отъ себя ихъ месть [1]. Можетъ быть, и внутренняя торговля на островахъ Палау вышла изъ подобныхъ же соображеній; но въ настоящее время она какимъ-то удивительнымъ образомъ ведется при соціальномъ строѣ, съ наличностью частной собственности и денежнаго обмѣна. „Скопленіе денегъ — пишетъ Кубари—возможно было бы только подъ условіемъ нарушенія нравственно-обязательныхъ правилъ и исключенія изъ общественнаго союза; но оно становится невозможнымъ, потому что никто не можетъ жить исключительно для себя и производить вещи только для себя, никто не можетъ быть поставщикомъ для самого себя. Вещи, сдѣланныя мной самимъ, я не могу употреблять для себя, а долженъ ихъ продать, я долженъ для себя купить ихъ у другого и заплатить за нихъ. Здѣсь тоже, во избѣжаніе злоупотребленій и барышничества цѣны на вещи предварительно таксируются, онѣ постоянны и извѣстны всякому. Такимъ образомъ, здѣсь внутренняя торговля стоитъ въ тѣсной связи съ денежнымъ обращеніемъ.

Арабскіе кондитеры Туниса. По фотографіи. См. текстъ на стр. 284.

---

[1] Очевидно при этомъ полагаютъ, что если рыбу съѣстъ не тотъ, кто ее поймалъ, то духъ предка, попавшій въ желудокъ человѣка, который его не вытаскивалъ изъ воды, не будетъ питать злобы противъ послѣдняго.

Ред.

Женская торговля и рыночная торговля — почти синонимы и у культурныхъ народовъ; стоитъ только зайдти въ базарный день на рынокъ въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ, и станетъ ясно съ перваго взгляда, что большая часть торговли тамъ въ рукахъ женщинъ, а мѣстами онѣ даже становятся монополистками, хозяйками торга. Въ Никарагуа, въ старину мужчинъ продавцовъ за появленіе на рынокъ съ товаромъ наказывали палочными ударами. Также, по указаніямъ ф. деръ Декена и Волькена, на рынокъ могутъ являться только женщины, а мужчинамъ доступъ туда запрещенъ. И въ южной части Новой Гвинеи базары, на которыхъ лѣсныя и прибрежныя племена сбываютъ свои продукты, находятся въ рукахъ женщинъ. Даже и тамъ, гдѣ на рынки допускаются и мужчины, обыкновенно послѣднихъ гораздо меньше чѣмъ женщинъ.

Вторая характерная черта рыночной торговли заключается въ томъ, что тамъ обмѣниваются главнымъ образомъ съѣстные продукты, тогда какъ во внѣшней, чужестранной торговлѣ мужчинъ предметами сбыта служатъ вещи, служащія для удовольствія, украшенія и тому подобное. Женщины же, какъ первыя воздѣлывательницы земли, конечно, охотно мѣняли избытокъ своихъ, уже пріѣвшихся питательныхъ продуктовъ, на другія питательныя вещества. Замѣчено вообще, что всего легче подобная торговля устанавливается тамъ, гдѣ земледѣльцы живутъ въ сосѣдствѣ съ рыболовами; односторонность занятій, а также часто и обиліе продуктовъ труда сами собой наталкиваютъ на мысль о взаимномъ дополненіи потребностей другъ друга. Это стремленіе къ обмѣну бываетъ настолько сильно, что и между воюющими и недовѣряющими другъ другу племенами можетъ возникнуть рыночная торговля, которая въ такихъ обстоятельствахъ часто принимаетъ форму такъ называемой нѣмой торговли. Эта торговля можетъ во многихъ случаяхъ послужить первой пробой для установленія сношеній; но признать ее общей первоначальной формой торговыхъ сношеній было бы рискованно. Во всякомъ случаѣ, она встрѣчается настолько часто и въ столь различныхъ мѣстностяхъ, что заслуживаетъ величайшаго вниманія, такъ какъ здѣсь мы видимъ примѣръ, какъ въ совершенно различныхъ условіяхъ, независимо, изъ одинаковыхъ предварительныхъ процессовъ мышленія, возникаютъ одинаковыя явленія.

По стариннымъ, но достойнымъ вѣроятія свѣдѣніямъ, нѣмую торговлю вели уже финикіяне на берегахъ Африки и совершенно такую-же форму обмѣна мы можемъ видѣть въ Африкѣ и теперь. Торговля заключается въ томъ, что одна изъ обмѣнивающихся сторонъ приноситъ свои товары на условленное мѣсто и удаляется; затѣмъ является другая сторона и на мѣсто оставленныхъ товаровъ оставляетъ свои, а первыя беретъ. Первые тогда являются на мѣсто, гдѣ оставили свои товары и берутъ новые. Личныя встрѣчи и переговоры здѣсь не допускаются; но поторговаться можно и при этихъ условіяхъ, и партія, недовольная вещами, предложенными для обмѣна, не беретъ ихъ и снова уходитъ и ждетъ, не сдѣлаютъ ли съ другой стороны надбавки.

Нѣмая торговля, повидимому, чаще всего возникаетъ тамъ, гдѣ культурный народъ желаетъ вступить въ сношенія съ первобытнымъ и не внушающимъ къ себѣ довѣрія племенемъ; но мыслимы также и случаи противоположнаго характера: по сообщенію Казати карлики тропическихъ лѣсовъ внутренней Африки, живущіе невдалекѣ отъ негровъ земледѣльцевъ, по ночамъ обираютъ на огородахъ банановые плоды и вмѣсто нихъ развѣшиваютъ на стволахъ куски мяса.

Какъ уже было сказано, сомнительно, чтобы всякая рыночная торговля начиналась съ такими предосторожностями, какъ бы крадучись, изподтишка; но при всякихъ такихъ вопросахъ нужно подумать и о томъ, что хотя жители одной мѣстности весьма часто дѣлятся на многочисленныя, нерѣдко враждебныя группы, — однако же, принимая во вниманіе,

что, по большей части, эти расчлененія образовывались изъ первоначальной однородной массы, а потому и впослѣдствіи могли сохранить нѣкоторую связь между собой; эта связь и должна была облегчить возникновеніе рыночнаго обмѣна.

Классическая страна базаровъ—Африка. Только изрѣдка встрѣчаются тамъ племена, чуждающіяся рынка. Для большинства же это не только необходимый элементъ экономической жизни, но и одно изъ необходимѣйшихъ средствъ общенія, источникъ развлеченія и радостей существованія. По показаніямъ Варда, въ области Конго всѣ, даже и люди, не имѣющіе дѣла на базарахъ, которые тамъ устраиваются черезъ каждые четыре, а гдѣ и черезъ восемь дней на опредѣленныхъ мѣстахъ, считаютъ своею обязанностью бывать тамъ; а такъ какъ почти каждый день, гдѣ-нибудь бываетъ базаръ, то и населеніе находится въ постоянномъ движеніи. Хотя и мужчины бываютъ на базарахъ, но главная масса состоитъ изъ женщинъ; мужчинамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ пускаютъ на рынокъ, дозволяется торговать только нѣкоторыми товарами.

Первые рынки, согласно исторіи развитія обмѣна, устраиваются не внутри какой-нибудь области, но на границѣ ея или территоріи распространенія племени. Внутри страны обывателямъ нечѣмъ было бы обмѣниваться между собой, а чужіе люди, иноземцы, не очень любятъ заходить далеко въ глубь чужихъ владѣній. И понынѣ базары въ Конго устраиваются преимущественно на свободной землѣ, гдѣ-нибудь на холмѣ или подъ деревьями; подобныя же явленія видимъ мы въ южномъ Китаѣ и въ Тонкинѣ, гдѣ рынки съ ихъ лавочками устраиваются обыкновенно на большихъ улицахъ; но оживляются эти улицы людьми только въ опредѣленные дни открытія рынка, въ остальное же время тамъ, кромѣ подонковъ населенія, никого и не встрѣтишь. Тамъ города въ сущности—только укрѣпленные пункты, убѣжища на случаи нужды и бѣды, большинство же населенія предпочитаетъ селиться по деревнямъ. И у Галла рынки наиболѣе удобнымъ считаютъ устраивать въ мѣстахъ между поселками. И тамъ, гдѣ эта система уже оставлена, гдѣ рынки устраиваютъ въ населенныхъ мѣстахъ, или гдѣ, какъ это часто бывало, изъ рынка выросъ цѣлый городъ, предпочитаютъ большіе базары, ярмарки, устраивать внѣ городскихъ стѣнъ, а въ чертѣ городской осѣдлости ютится только мелочная торговля для ежедневныхъ потребностей, обороты которой не достигаютъ сколько-нибудь значительнаго размѣра. Конечно, рыночная торговля можетъ развиваться только при условіи безопасности участниковъ ея отъ всякихъ враждебныхъ покушеній и если на самомъ рынкѣ соблюдается извѣстный, установленный порядокъ. Въ Центральной Африкѣ верховный надзоръ за рынкомъ обыкновенно беретъ на себя мѣстный князь или же передаетъ эту обязанность какому-нибудь старому колдуну, которому нерѣдко удается пріобрѣсти большій авторитетъ, чѣмъ самому владѣтелю мѣстности. Обыкновенно запрещается выходить на рынокъ съ оружіемъ, только базарные сторожа, помощники базарнаго старосты, имѣютъ право носить оружіе во время службы, и они, въ случаѣ необходимости, пускаютъ его въ ходъ безъ всякихъ стѣсненій. Въ нижнемъ Конго за грабежъ и насиліе на базарѣ виновныхъ тутъ же на площади закапываютъ по горло въ землю и раздробляютъ черепъ. Въ другихъ мѣстахъ оружіе казненныхъ нарушителей мира и порядка закапываютъ на базарѣ, оставляя кончики его на виду, какъ предостереженіе для другихъ. Въ Суданѣ, гдѣ государственная жизнь урегулирована, на всякомъ базарѣ имѣется особо назначенный базарный староста; онъ живетъ обыкновенно въ домѣ, находящемся на базарѣ и

Метательный дискъ изъ раковинъ изъ доисторической могилы въ Нагивинѣ, Сѣв. Америка. По Гольмсу.

разбираетъ въ качествѣ третейскаго судьи возникающія на мѣстѣ недоразумѣнія и претензіи. Во внутренней Либеріи Андерсонъ былъ свидѣтелемъ того, какъ базарный староста, передъ открытіемъ торга, обратился съ рѣчью къ присутствующимъ, которыхъ было не менѣе шести или семи тысячъ, и увѣщевалъ ихъ поддерживать миръ и порядокъ, и во избѣжаніе пьяныхъ скандаловъ, запретилъ продавать пальмовое вино. Конечно, часто бываютъ случаи, гдѣ наблюденіе за порядкомъ на рынкѣ является второстепенной задачей старосты, а главная обязанность его заключается въ сборѣ базарныхъ пошлинъ. Владѣтельныя особы въ странѣ Конго уже давно пришли къ заключенію, что имъ за поддержаніе порядка и защиту обижаемыхъ слѣдуетъ брать нѣкоторое вознагражденіе; въ Арувими они берутъ за это одну двадцатую стоимости всѣхъ привезенныхъ на рынокъ товаровъ, а Ніангво отъ одной десятой даже до одной шестой.

Въ Суданѣ есть рынки съ постоянными постройками, состоящими изъ домовъ и лавокъ, которыя въ базарные дни занимаются торговцами. Здѣсь мы видимъ уже переходъ къ постояннымъ рынкамъ, вродѣ восточныхъ базаровъ и суку [1]; но происхожденіе ихъ изъ временныхъ рынковъ вполнѣ ясно обнаруживается изъ всей обстановки дѣла. Въ нихъ мы встрѣчаемъ, рядомъ съ ремесленниками и купцами, постоянно живущими на рынкѣ въ домахъ и лавкахъ, полубродячихъ и бродячихъ. Эти постоянные рынки часто становятся центрами осѣдлыхъ поселеній, изъ которыхъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ превращаются въ города. Однимъ изъ такихъ примѣровъ можетъ служить Тимбукту, который прежде былъ только временнымъ рынкомъ для обмѣна товаровъ между обитателями пустыни и неграми земледѣльцами. Въ извѣстномъ смыслѣ то же самое можно сказать о Меккѣ, которая изъ священнаго города превратилась въ важный торговый пунктъ и сдѣлалась, наконецъ, городомъ, имѣющимъ громадное значеніе для всей Аравіи.

Связующимъ звеномъ между мѣстной и дальней торговлей можно признать посредническую торговлю, которая дѣлаетъ возможной отправку товаровъ въ дальнія страны, устраняя необходимость для каждаго отдѣльнаго лица дѣлать далекія путешествія для сбыта предметовъ своего торга. Путемъ перепродажи отъ одного народа другому вещи переходили въ отдаленнѣйшія страны. Такимъ путемъ въ старину раковины каури (Cypraea moneta) съ береговъ Индійскаго океана попадали на берега Балтики, а океаническія раковины — къ индѣйцамъ Сѣверной Америки, обитавшимъ въ глубинѣ континента, (см. изображ. стр. 283). Въ условіяхъ первобытной жизни, конечно, посредническая торговля не ставила себѣ цѣлью установленіе обмѣна съ отдаленнѣйшими странами. Если народъ становится монополистомъ по доставкѣ извѣстныхъ продуктовъ или по торговлѣ съ какой-либо страной—онъ пріобрѣтаетъ возможность „строить цѣны“ и при этомъ обогащаться. Гдѣ обмѣнъ сильно развитъ, какъ, напримѣръ, въ Западной Африкѣ, многія прибрежныя племена забросили всякій производительный трудъ и живутъ исключительно однимъ торговымъ посредничествомъ, которое съ хозяйственной точки зрѣнія совершенно не нужно и даже вредно.

Идея посреднической торговли довольно проста и не чужда даже очень мало развитымъ народностямъ. Выше было уже упомянуто, что Австралійское племя Діери дѣлаетъ дальнія экскурсіи для добыванія вѣтвей смолистаго растенія, листья котораго служатъ для жеванія. Этотъ продуктъ продается другимъ племенамъ, а отсюда уже одинъ шагъ къ дальнѣйшему распространенію товара, который былъ вымѣнянъ у сосѣдей. Въ Гвіанѣ очень сильно распространенъ этотъ видъ посреднической торговли. О индѣйцахъ Воропахахъ на западѣ Соединенныхъ Штатовъ Америки и ихъ по-

[1] Авторъ называетъ постоянные рынки базарами. У насъ съ этимъ терминомъ не связывается такого понятія. Базары бываютъ и постоянные и періодическіе и случайные. Поэтому мы остановились на терминѣ постоянный рынокъ. *Ред.*

средническоіі дѣятельности нами уже было сказано; но на западѣ же Чилкаты старались всѣми силами оттереть отъ морского берега обитающія внутри континента племена, чтобы сохранить за собой монополію транзитной торговли. При всемъ вышеописанномъ посредническая торговля можетъ вестись при помощи дальнихъ экспедицій или путемъ образованія рынковъ. Другими словами, посредничающая народность можетъ превратиться въ подвижную группу странствующихъ торговцевъ, которые наблюдаютъ за обѣими сторонами, между которыми посредничаютъ, и держатъ въ своихъ рукахъ транспортировку товаровъ, или же, найдя благопріятную мѣстность, для сокращенія расходовъ по поѣздкамъ взадъ и впередъ, устраиваютъ на своей территоріи рынокъ, который посѣщается обѣими обмѣнивающимися сторонами. Эта послѣдняя форма, процвѣтающая въ Африкѣ, самая невыгодная съ хозяйственной точки зрѣнія и для эксплоатируемыхъ сторонъ менѣе безопасна, чѣмъ какая-либо. Примѣромъ перваго

Китайскій паланкинъ и джинрикша. По фотографіи.

способа торговли были Чинуки въ С.-З. Америкѣ, предпринимавшіе дальнія поѣздки на югъ и на сѣверъ съ цѣлью торговаго посредничества. Въ Африкѣ Гаусса можно назвать съ полнымъ правомъ неутомимыми путешественниками, которые и во время пути продолжаютъ заниматься ремесленными работами; за ними слѣдуютъ обитатели береговъ большихъ рѣкъ, каковы, напримѣръ, Коканда, плавающіе по Нигеру, Баянзи на среднемъ Конго и Бассомбо на Кванго.

Рядомъ съ племенами могутъ существовать и отдѣльныя личности и небольшія группы торговыхъ монополистовъ. У Гуроновъ существовалъ обычай, по которому семейство, впервые завязавшее торговыя сношенія съ какой-либо мѣстностью, пользовалось исключительнымъ правомъ веденія ихъ; вѣроятно, этотъ обычай находился въ связи съ возникновеніемъ торговли при поѣздкахъ въ гости; такую торговлю могъ вести только тотъ, кто имѣлъ друзей въ той странѣ, куда отправлялся для сбыта товаровъ.

Монополія посреднической торговли сохраняется на продолжительное время только въ исключительныхъ случаяхъ. Мало-по-малу образуется купеческое сословіе, которое даетъ дальнѣйшее развитіе дальней торговлѣ и вызываетъ къ жизни урегулированный денежный обмѣнъ и обмѣнъ при участіи кредита. Въ небезопасныхъ мѣстностяхъ торговцы

путешествуютъ цѣлыми группами въ караванахъ, которые нерѣдко совершаютъ свои походы взадъ и впередъ, съ нѣкоторой періодической правильностью. Однако же въ дѣлѣ развитія этого способа путей сообщенія не одни экономическія соображенія играли роль; это намъ доказываютъ путешествія богомольцевъ, которыя въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ совершаются мусульманами. Можно думать, что нерѣдко эти караваны богомольцевъ и указывали пути для торговыхъ сношеній и даже при этомъ принимали участіе въ самомъ обмѣнѣ товаровъ. Осѣдлые народы и города, черезъ которые двигалась торговля, должны были отказаться отъ безплодной попытки завладѣть посреднической торговлей; они вознаграждали за это себя повышеніемъ пошлинъ, дорожныхъ, мостовыхъ и другихъ сборовъ; эти сборы не всегда взимаются товарами или золотомъ; караваны, которые проходили черезъ Угого въ восточной Африкѣ, должны были за пропускъ черезъ страну иногда помогать при постройкѣ крѣпостей, въ другихъ случаяхъ, въ качествѣ союзниковъ, помогать туземцамъ въ мелкихъ набѣгахъ.

Сигнальный барабанъ устьевъ Рому, Нов. Гвинея. По Кригеру.

Неприкосновенность путешествующихъ торговцевъ была однимъ изъ благъ первобытныхъ временъ, которое вмѣстѣ съ ростомъ культуры почти совершенно утратилось. Купцы—излюбленная добыча всякихъ морскихъ и сухопутныхъ грабителей, и потому безопасность торговыхъ путей должна быть постоянной задачей всякаго правительства. Разумѣется, торговая профессія очень легко иногда принимаетъ на половину воинственный, на половину разбойничій характеръ. Наклонность получить выгоду при помощи насилія тамъ, гдѣ ни обмѣнъ, ни переговоры не достигаютъ желанной цѣли, съ особенной ясностью обнаруживается въ политикѣ торговыхъ государствъ, которыя въ существѣ дѣла представляютъ изъ себя не что иное, какъ организованныя въ громаднѣйшихъ размѣрахъ торговыя компаніи. Въ древней Мексикѣ купеческое сословіе было наполовину политическимъ учрежденіемъ, и, повидимому, купцы образовались тамъ изъ обѣднѣвшаго благороднаго сословія; они служили также и развѣдчиками и нерѣдко, достаточно ознакомившись съ новой страной, превращались въ воиновъ для завоеванія и колонизаціи ея. Если странствованіе первобытныхъ племенъ направляется въ тѣ страны, откуда можно добыть различныя экономическія блага, необходимыя для ихъ несложной жизни, то и купецъ культурной націи также, разумѣется, направляется въ такія мѣстности, которыя имѣютъ и производятъ желательныя для него блага. Пешель говоритъ: „мы научаемся цѣнить рѣдкости и драгоцѣнности трехъ царствъ природы потому, что онѣ являются привлекательной цѣлью для заведенія сношеній и, такимъ образомъ, становятся средствомъ для распространенія цивилизаціи, и мы знаемъ, что страны, обладающія такими сокровищами, ранѣе другихъ вступили въ кругъ высшей цивилизаціи и что этимъ во многихъ случаяхъ опредѣлялось направленіе движенія человѣческой культуры. Культурные народы, въ обмѣнъ за сокровища почвы и климата отдаленныхъ странъ, даютъ плоды своего болѣе высокаго развитія и регулированнаго труда, а именно,—продукты своей промышленности, которые, благо-

даря высоко развитому раздѣленію занятій, приготовляются фабричнымъ способомъ и обходятся дешево. Превращеніе промышленности изъ домашней и ремесленной въ крупную находится въ тѣсной связи съ развитіемъ торговли, и онѣ обѣ находятся въ зависимости другъ отъ друга. Въ тѣ страны, въ которыхъ нѣтъ ни природныхъ сокровицъ, ни культуры, облагораживающей сырые матеріалы, торговля не заглядываетъ.

Сухопутная торговля немыслима безъ дорогъ, и даже въ пустыняхъ, гдѣ нѣтъ возможности проводить дороги, должны по крайней мѣрѣ существовать извѣстные маяки, опредѣляющіе направленіе пути, пока, вслѣдствіе развившихся учащенныхъ сношеній, не образуются прочные слѣды установившейся дороги. Характеръ дороги опредѣляется исключительно средствами передвиженія; тамъ, гдѣ переносчикомъ тяжести, какъ напримѣръ въ большей части Африки, является человѣкъ, достаточно узкой тропинки; появленіе экипажей требуетъ болѣе широкихъ и болѣе ровныхъ дорогъ (смотри изобр. на стр. 285). Конечно, не одна только торговля была виновницей улучшеній въ этой отрасли техники: какъ чисто соціальное чувство симпатіи и родства въ значительной мѣрѣ способствовало установленію сношеній, такъ то же самое чувство въ облагороженной формѣ явилось и здѣсь движущей силой, заявивъ потребность въ болѣе удобныхъ и быстрыхъ путяхъ сообщенія между отдѣльными группами человѣчества.

Такой же двойственный характеръ носятъ и другія учрежденія, служащія для облегченія сношеній. То, что мы теперь называемъ почтой, одинаково служитъ какъ цѣлямъ торговаго обмѣна, такъ и другимъ чисто соціабельнымъ потребностямъ; обѣ эти цѣли имѣли одинаковое значеніе и при устройствѣ, и при дальнѣйшемъ усовершенствованіи этого учрежденія. Умѣнье переговариваться другъ съ другомъ посредствомъ сигналовъ извѣстно всѣмъ первобытнымъ народамъ. Въ степяхъ Австраліи, гдѣ очень рѣдко дуютъ вѣтры, для сигналовъ часто служитъ дымъ; въ другихъ мѣстахъ для переговоровъ примѣняется барабанный бой (смотри изобр. на стр. 286); въ третьихъ — сигнальныя вѣхи. Все это—зачатки телеграфа. Въ то же время посылаютъ письма и черезъ пословъ, пока, наконецъ, при установленіи правильной торговли купцы не превращаются и въ пословъ, и въ почтальоновъ. Наконецъ, при болѣе высокомъ развитіи культуры, государство, какъ самая сильная общественная организація, беретъ эту отрасль въ свои руки. На мѣсто пословъ или путешественниковъ, которымъ приходится пройти весь путь отъ отправителя до адресата, выступаетъ цѣлая система связанныхъ между собой промежуточныхъ передаточныхъ учрежденій. Какъ кажется, персы первые завели такое учрежденіе на широкую ногу, но только для надобностей правительства, т. е. чисто для цѣлей общенія. Какимъ образомъ война можетъ служить къ облегченію и увеличенію сношеній, показываютъ намъ грандіозныя постройки дорогъ Наполеономъ I-мъ: такъ, напримѣръ, въ сѣверозападной Германіи имъ впервые были построены дороги, пригодныя для обширныхъ передвиженій.

Желѣзный денежный знакъ у племени банза, Цен. Африка. По Тоннеру.

Кто ясно понялъ смыслъ сліянія коммерческихъ и общественныхъ учрежденій во всѣхъ явленіяхъ, относящихся къ области сношеній, тому не покажется страннымъ, что главное вспомогательное средство торговли— деньги развились также изъ двухъ источниковъ. То, что у современныхъ культурныхъ народовъ называется деньгами, служитъ одновременно и задачамъ общественности, и торговымъ цѣлямъ. У первобытныхъ народовъ можно различить двѣ формы денегъ, изъ которыхъ каждая служитъ одной изъ двухъ цѣлей.

Изъ общаго имущества какой-нибудь орды или племени прежде всего выдѣляются вещи, стоящія въ особенно тѣсныхъ отношеніяхъ къ отдѣль-

ному человѣку, къ его тѣлу, образуя примитивную собственность индивидуума; точно также каждый человѣкъ образуетъ около себя извѣстную сферу своего личнаго вліянія: онъ видоизмѣняетъ по своему вкусу произведенія природы и накладываетъ тѣмъ на нихъ печать своей личности, они въ извѣстной мѣрѣ какъ бы уже принадлежатъ ему, пріобрѣли извѣстный индивидуальный характеръ и потому изъяты изъ общаго пользованія. Оба способа воздѣйствія прежде всего отражаются на украшеніяхъ тѣла. Можно сказать, что украшенія были первою частною собственностью человѣка и дали первый толчекъ къ дальнѣйшему накопленію личнаго имущества. Они—какъ ни тѣсна въ этомъ смыслѣ связь между человѣкомъ и его украшеніемъ—все-таки составляютъ имущество движимое; съ нихъ можно дѣлать копіи, и они теряютъ свой строго индивидуальный характеръ, они могутъ перейти въ руки желающаго путемъ даренія, обмѣна и ограбленія. Въ такомъ двоякомъ значеніи украшеній и лежитъ зародышъ древнѣйшей **общественной** формы денегъ.

Различные виды меланезійскихъ денегъ изъ раковинъ. По Финнису.

Весьма естественна мысль, посредствомъ даренія украшенія или какого другого объекта частной собственности умилостивить злобу врага, задобрить того, отъ кого ждешь милости или большой услуги, за которую нельзя отплатить равноцѣнной услугой. Такъ возникаетъ важный обычай покупки невѣстъ, а также и еще болѣе важный—освобождаться отъ кары за проступки и преступленія предложеніемъ даровъ. Въ такихъ случаяхъ весьма скоро по-своему проявляютъ свою силу обычаи и привычка, признавъ, что только лишь опредѣленныя, пользующіяся общимъ предпочтеніемъ украшенія и другія цѣнности могутъ быть предлагаемы въ уплату пени. Такимъ образомъ создается нѣкоторое платежное средство, которое можно назвать деньгами для соціальныхъ цѣлей, — или же, такъ какъ эти деньги имѣютъ значеніе только въ предѣлахъ даннаго племени и внѣ его теряютъ свое значеніе, то мы позволимъ себѣ предложить для обозначенія ихъ названіе **внутреннія деньги** (Binnengeld). Вообще эти деньги изготовляются тѣмъ народомъ, у котораго онѣ обращаются (см. изображ. на стр. 287 и 288); но это можетъ быть и какой-нибудь сырой матеріалъ, и даже деньги могутъ быть взяты отъ чужого народа, и отъ этого нисколько не нарушается характеръ внутреннихъ денегъ (обращеніе только внутри даннаго племени). Напримѣръ, несомнѣнно, что деньги-бусы на островѣ Палау въ прежнее время ввозимы были туда просто какъ товаръ, теперь же это—типичныя внутреннія деньги, которыя признаются таковыми только на этомъ островѣ и нигдѣ на свѣтѣ, кромѣ этого острова, на нихъ ничего не купишь.

Введеніе внутреннихъ денегъ мало-по-малу оказываетъ свое вліяніе на общество и кореннымъ образомъ измѣняетъ его структуру. Создается **идея богатства**. Деньги являются новой силой рядомъ съ прежними источниками вліянія—происхожденіемъ и личными способностями. При этомъ деньги своимъ вмѣшательствомъ то поднимаютъ прежніе источники власти до недосягаемой высоты, то ограничиваютъ и умаляютъ ихъ. Накопленію денегъ нѣтъ предѣловъ, хотя вначалѣ нѣтъ недостатка и въ полусознательныхъ стремленіяхъ ограничить это накопленіе. Такъ, напримѣръ, благодаря обычаю, передача богатства по наслѣдству была невозможна; обычай требовалъ, чтобы имущество умершаго было роздано въ подарокъ или уничтожено. Такимъ образомъ, древній первобытный коммунизмъ часто

является очень стойкимъ противовѣсомъ къ накопленію чрезмѣрныхъ богатствъ.

Изъ уплаты пеней развиваются налоги, такимъ образомъ возникаетъ финансовое хозяйство цѣлаго общества или, скорѣе, его вождей. Первоначально предводители, къ какому бы классу общества они ни принадлежали, не получали даней, а самое большее подарки и крупную долю въ общей военной добычѣ. И теперь многіе африканскіе вожди не собираютъ никакихъ налоговъ, а предпринимаютъ настоящія путешествія для сборовъ подаянія или грабятъ своихъ собственныхъ подданныхъ. Повсюду денежные штрафы являются первымъ и излюбленнымъ средствомъ для увеличенія доходовъ, и возможность пользованія этимъ средствомъ обусловлена наличностью денегъ, которыя и являются лучшимъ средствомъ при опредѣленіи мѣры взысканія.

Изъ предыдущаго видно, что внутреннія деньги возникаютъ въ большинствѣ случаевъ изъ украшеній, и въ дѣйствительности классическіе типы внутреннихъ денегъ первоначально служили для украшенія. Между ними первое мѣсто занимаютъ монеты-раковины, являющіяся въ крайне разнообразныхъ и интересныхъ формахъ. Мѣстами, гдѣ онѣ считаются цѣнными предметами не у одного какого-нибудь племени, но у многихъ, расширяется ихъ роль: онѣ становятся торговыми денежными знаками, которые можно разсматривать какъ аналоги разныхъ видовъ европейскихъ денегъ. Такое важное значеніе пріобрѣла въ отдаленнѣйшихъ областяхъ раковина каури (Cypraea moneta). Съ давнихъ временъ эта раковина, которая вывозится почти исключительно съ Маледовскихъ острововъ, распространилась въ даль и въ ширь какъ украшеніе и также довольно рано въ качествѣ монеты. Она была извѣстна даже на Балтійскомъ побережьи, какъ это доказано многочисленными могильными раскопками. Въ Бенгаліи Дальней Индіи, Китаѣ и на Филиппинахъ каури была долгое время самой излюбленной формой денегъ, пока наконецъ въ Китаѣ снизки раковинъ не были замѣнены снизками изъ латунныхъ монетъ (Кашъ, Сапеке)[1]. Взамѣнъ этого каури завоевала большую область распространенія въ Африкѣ, въ Гвинеѣ и въ Суданѣ, куда она впервые занесена была арабами, а потомъ, въ громадныхъ массахъ, европейскими купцами. Рядомъ съ мальдивской раковиной ввезена была въ Гвинею съ береговъ В. Африки родственная ей форма Cypraea annulus. Раковины, сообразно своему первоначальному назначенію, продаются нанизанными на нитки или коробками опредѣленной емкости. Во многихъ мѣстностяхъ Африки каури и понынѣ служитъ только украшеніемъ, но въ качествѣ денегъ не употребляется.

Орудіе для ловли раковинъ. Сѣверо-западная Америка. По фотографіи. См. текстъ, стр. 289.

Очень любопытны служащія въ одно и то же время и украшеніями и денежными знаками деньги-раковины, обращающіяся на островахъ Новой Помераніи и прилегающихъ къ нимъ: это нанизанные на нитки искусно выточенные и отшлифованные маленькіе диски, изготовленіе которыхъ требуетъ не мало кропотливаго труда (см. изобр. на стр. 288). Такія деньги на Нейлауэнбургѣ называются диварра и служатъ главнымъ образомъ для общественныхъ цѣлей, а также для купли-продажи въ предѣлахъ своего племени, но въ чужеземной торговлѣ онѣ не употребляются. Меланезія—классическая страна украшеній

[1] Въ Россіи эта монета извѣстна больше подъ названіемъ чохъ или зоска. Она готовится изъ желтой и изъ красной мѣди и имѣетъ въ срединѣ квадратный вырѣзъ. Стоимость чоха на русскія деньги приблизительно $1/8$ копейки. *Ред.*

играющихъ роль денегъ: для этой цѣли тамъ употребляются браслеты, кривые кабаньи клыки, собачьи зубы и т. п. Это одновременно и внутреннія деньги и любимыя украшенія; но и здѣсь не всякое украшеніе можетъ употребляться въ качествѣ денегъ.

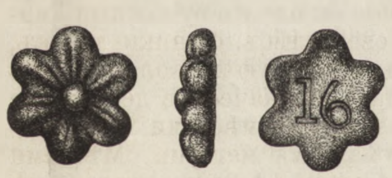
Въ Африкѣ циркулировали прежде въ Анголѣ и Фернандо — мѣстныя деньги-раковины. Еще болѣе многочисленны были формы раковинъ-денегъ въ Америкѣ. Раковинныя деньги представлялъ собой и знаменитый поясъ вампумъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, хотя онъ, какъ извѣстно, употреблялся и для другихъ цѣлей. Такъ напримѣръ, нашивая на поясъ украшенія изъ раковинныхъ дисковъ дошли до изобрѣтенія чего-то вродѣ пиктографическаго письма, и вампумъ сталъ историческимъ документомъ племени, а также и вѣрительной грамотой пословъ; но при этомъ для объясненія содержанія необходимо было участіе знающаго дешифровщика. Въ сѣверозападной Америкѣ ходили какъ деньги раковины Dentalium и Haliotis, добывавшіяся въ приморскихъ мѣстностяхъ. Были также свои деньги-раковины въ Калифорніи, спорадически встрѣчались онѣ въ Юкатанѣ и Венецуэлѣ. См. стр. 289.

Китайскія фарфоровыя монеты.
По Шпегелю.

При торговыхъ сношеніяхъ съ цивилизованными народами украшенія изъ раковинъ замѣняются стеклянными бусами и, если ихъ ввозится не слишкомъ много, и онѣ не скоро выходятъ изъ моды, то нерѣдко функціонируютъ въ качествѣ денегъ. Особеннымъ предпочтеніемъ пользуются старинныя бусы, указывающія на прежнія торговыя сношенія, а послѣ исполняющія только функцію внутреннихъ денегъ. На островѣ Палау курсируютъ старыя бусы, повидимому, отчасти венеціанской работы. Въ старинныхъ золотоносныхъ округахъ Африки какъ на западѣ, такъ и на юго-востокѣ ходятъ какъ деньги бусы „аггры“ [1], которыя, очевидно, проникли туда въ прошломъ XVIII столѣтіи при покупкѣ золота.

Независимо отъ внутреннихъ денегъ развиваются внѣшнія или коммерческія деньги, какъ естественное вспомогательное средство при обмѣнѣ товаровъ до тѣхъ поръ, пока торговля ограничивается небольшимъ числомъ продуктовъ и потребности въ деньгахъ не ощущается, такъ какъ стоимость товаровъ легко опредѣляется безъ особаго мѣрила. Если напримѣръ, одно племя носитъ на рынокъ зерно, другое рыбу, то будетъ вполнѣ достаточно простого обмѣна продукта на продуктъ. Если на рынкѣ много хлѣба и мало рыбы, соотвѣтственно будутъ давать за одну рыбу больше хлѣба, чѣмъ въ обратномъ случаѣ. Если же выборъ товаровъ будетъ разнообразенъ, то обмѣнъ станетъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ, и сдѣлка будетъ требовать болѣе и болѣе времени, потому что рѣдко потребности продавца и покупателя совпадаютъ съ предлагаемыми ими для обмѣна товарами. Вотъ продавецъ зерна, которому нужна хлопчатобумажная ткань; находится желающій купить зерно, но онъ продаетъ луковицы; чтобы заключить сдѣлку, продавецъ луковицъ долженъ найдти третье

Китайскія свинцовыя монеты.
По Шпегелю.

---

[1] Аггры—особый видъ стеклянныхъ бусъ, который смѣшивали прежде съ древнеегипетскими и финикійскими; но Тишлеръ доказалъ, что онѣ отличаются по техникѣ отъ первыхъ и напоминаютъ собою бусы, приготовленіе которыхъ развилось въ XV ст. въ Венеціи и представляли собою подражаніе старинныхъ бусъ millefiore. Кромѣ Африки, не говоря уже о Европѣ, эти бусы встрѣчаются въ Америкѣ и на о-вахъ Тихаго Океана. (См. Нидерм. „Доист. Человѣкъ“, стр. 351, прим.) *Ред.*

лицо, которое согласилось бы за луковицы вымѣнять хлопчатобумажную ткань, что, въ свою очередь, можетъ стоить долгихъ поисковъ. Ясно, что устранить эти неудобства можно тогда, когда въ качествѣ общаго орудія обмѣна выдѣлится какой-нибудь товаръ, который всякій будетъ охотно принимать и отдавать. Предположимъ, что въ приведенномъ нами примѣрѣ такимъ товаромъ будетъ соль, тогда владѣльцу луковицъ достаточно будетъ вымѣнять ихъ на соль, и на соль же, которая во всякомъ случаѣ будетъ принята въ уплату, вымѣнять зерно, и это онъ можетъ сдѣлать нисколько не сообразуясь съ тѣмъ, что желалъ бы пріобрѣсти за свой хлѣбъ его владѣлецъ. Этимъ путемъ, конечно, еще не получатся настоящія деньги въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаемъ мы, такъ какъ коммерческія или внѣшнія деньги еще слишкомъ ясно сохраняютъ въ себѣ свойства товара, чтобы онѣ могли служить при всякихъ обстоятельствахъ измѣрителемъ стоимости и, сверхъ того, въ предѣлахъ общественной группы, исполнять функцію общественныхъ денегъ. Мы видимъ также повсюду, что внѣшнія деньги культурныхъ народовъ развились изъ внутреннихъ, приспособленныхъ для цѣлей внѣшней торговли. На примѣрѣ раковинъ каури мы уже видѣли, какъ изъ предмета, служившаго для украшенія, выработалось орудіе обмѣна, исполняющаго всѣ функціи настоящихъ денегъ. Золото и серебро также первоначально пріобрѣли значеніе всеобщаго мѣрила цѣнности только потому, что они въ высшей степени удобны для приготовленія украшеній и парадной утвари.

У различныхъ народовъ внѣшними, или коммерческими деньгами служатъ самые разнообразные предметы, такъ какъ всякій товаръ, способный долго выдерживать циркуляцію, можетъ играть роль измѣрителя цѣнности и орудія обмѣна. Конечно, вещи, которыя скоро портятся и имѣютъ малый спросъ, для этого не годятся; также и предметы, которые поступаютъ на рынокъ въ видѣ крупныхъ, недѣлимыхъ предметовъ, могутъ быть примѣняемы только въ оптовой торговлѣ. Въ дѣйствительности въ Африкѣ мы встрѣчаемъ крупныя деньги (напр, слоновую кость, оружіе, золото, невольниковъ) рядомъ съ мелкими. Въ качествѣ коммерческихъ денегъ чаще всего встрѣчаемъ мы соль, хлопчато-бумажныя матеріи, желѣзные прутья или крюки, мѣдь, зерновой хлѣбъ, финики, табакъ, а въ странахъ, куда ввозятся товары изъ Европы,—мѣдную проволоку, ромъ и порохъ. Иногда бываетъ, что товаръ не ходитъ въ качествѣ денегъ, но все-таки остается измѣрителемъ цѣнности, какъ напр., мѣстами на западныхъ берегахъ Африки—желѣзо и хлопчато-бумажныя матеріи. Мѣстами же настоящія деньги сохраняютъ свою первобытную форму, когда онѣ были только товаромъ: примѣромъ могутъ служить старинныя латунныя китайскія монеты, сохранившія форму ножей. Эти фиктивные измѣрители цѣнности приводятъ насъ къ вопросу о символическихъ деньгахъ, которыя желаютъ, какъ плодъ высшей культуры, противопоставить денежнымъ знакамъ первобытныхъ народовъ. Въ дѣйствительности такія деньги появились уже давно: онѣ образовались изъ украшеній и бездѣлушекъ и на половину представляли собой воображаемую или условную цѣнность, потому что не имѣли утилитарнаго значенія. За хлѣбъ, напримѣръ, всегда можно получить соотвѣтствующій эквивалентъ въ обмѣнъ; но само собой понятно, что если на тотъ-же самый хлѣбъ пожелаютъ вымѣнять раковины каури или золото, то тутъ все дѣло покоится на условномъ соглашеніи. Нѣкоторые сорта внутреннихъ денегъ имѣютъ мистическій характеръ и въ этомъ смыслѣ имѣютъ для владѣльца извѣстную цѣнность, которой посторонній человѣкъ ни понять, ни признать не можетъ. Попытка замѣнить наличныя деньги символическими знаками во всякомъ случаѣ можетъ быть предпринята только при высокомъ развитіи культуры; такъ напримѣръ, въ средневѣковой Россіи деньгами служила пушнина, которая свозилась въ царскую казну, штемпелевалась тамъ, а взамѣнъ ея пускались

въ обращеніе въ качествѣ денегъ кусочки кожи (ушки). Громадный опытъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ владыками гигантской монгольской монархіи, когда они, вмѣсто золота и серебра, свезеннаго въ громадныхъ массахъ въ столицу хана, по примѣру китайцевъ, выпустили бумажныя деньги; но эта операція, конечно, не могла принести прочныхъ результатовъ. Вполнѣ символическими являются многія китайскія фарфоровыя и лакированныя деньги, (см. изображ. стр. 290); къ этой же категоріи принадлежатъ и свинцовыя китайскія деньги.

Особую группу образуютъ „живыя деньги“, скотъ и „рабы“, которые имѣютъ большое приложеніе какъ въ качествѣ цѣннаго товара, такъ и въ роли измѣрителей цѣнностей. Такъ какъ у классическихъ народовъ вначалѣ деньгами служилъ скотъ, и они отъ него перешли къ металлическимъ деньгамъ, то и теперь еще, благодаря одностороннему пониманію этого явленія, къ сожалѣнію, весьма распространено заблужденіе, что скотъ повсемѣстно былъ естественной и старѣйшей формой денегъ. Въ дѣйствительности же скотъ только тамъ можетъ исполнять эту функцію, гдѣ его много, и гдѣ имѣются обширныя пастбища; но и тамъ онъ можетъ быть только крупной денежной единицей, рядомъ съ которой необходимо должна циркулировать мелкая размѣнная. Въ древней Элладѣ, дѣйствительно, существовали желѣзныя деньги; онѣ дольше всего удержались въ Спартѣ, такъ какъ онѣ преднамѣренно были обращены во внутреннія и символическія деньги. Въ Италіи рядомъ со скотомъ существовали и мѣдныя деньги. Рабы могутъ служить деньгами только у рабовладѣльческихъ народовъ. Главное отличіе живыхъ денегъ отъ остальныхъ заключается въ томъ, что онѣ сами собой приносятъ проценты: молоко, шерсть, молодыхъ животныхъ; рабочая сила животныхъ и людей представляетъ собой доходъ, превышающій издержки содержанія; другими словами, здѣсь передъ нами капиталъ, дающій проценты. При этомъ мы вовсе не говоримъ, что живой имущественный инвентарь впервые далъ идею о процентѣ на капиталъ. И въ мѣстностяхъ, гдѣ господствуютъ первобытныя, настоящія внутреннія деньги, вовсе не такъ рѣдко встрѣчаемся мы съ идеей, что за размѣнъ денегъ, за ссуду ихъ, какъ и за всякую другую чрезвычайную услугу слѣдуетъ вознаграждать. На островахъ Палау, кто размѣниваетъ крупныя деньги, тотъ долженъ платить за промѣнъ; и во всей Меланезіи извѣстна и въ большемъ ходу ссуда денегъ за высокіе проценты. Вообще вліяніе денегъ гораздо сильнѣе на соціальныя отношенія, чѣмъ на торговый обмѣнъ; прежде всего, крупная торговля можетъ производиться и безъ денегъ, великія торговыя націи древности, финикіяне и карѳагеняне, не выработали обширной денежной системы, но придерживались мѣновой торговли; и римляне думали также, что по крайней мѣрѣ золото, которое было главнымъ орудіемъ обмѣна, лучше хранить какъ товаръ, а не чеканить изъ него монету. Даже и развитой обмѣнъ въ кредитъ мыслимъ безъ денегъ, и въ международномъ обмѣнѣ благъ металлическія деньги обращаются въ товаръ. Монета полное свое значеніе пріобрѣтаетъ всегда только въ предѣлахъ какого-нибудь сообщества. Другими словами, монета гораздо болѣе сходна съ внутренними, чѣмъ съ внѣшними деньгами; размѣнную монету нарочно чеканятъ изъ малоцѣннаго металла для того, чтобы она не попала во внѣшнюю торговлю.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что стадіи натуральнаго, денежнаго и кредитнаго хозяйства, которыя, по общепринятымъ, впервые высказаннымъ Бруно Гильдебрандтомъ, воззрѣніямъ, послѣдовательно должно пройти человѣчество, имѣютъ весьма условное значеніе. Есть первобытные народы, какъ обитатели острововъ Палау, Новой Помераніи, которые имѣютъ въ своемъ родѣ широко развитую денежную систему. Съ другой стороны, во многихъ европейскихъ колоніяхъ, за недостаткомъ чеканенной монеты, въ теченіе продолжительнаго времени снова господствовало натуральное

хозяйство, и при этомъ не замѣчалось попятнаго движенія культуры; но о многочисленныхъ примитивныхъ народахъ можно утвердительно сказать, что они не по нашему понимаютъ задачу веденія хозяйства. По сравненію со схемой Бруно Гильдебрандта и еще болѣе старой Листа, по которой человѣчество должно было проходить черезъ стадіи охотничьяго, пастушескаго, земледѣльческаго, земледѣльческо-мануфактурнаго и земледѣльческо-мануфактурно-торговаго быта, большой шагъ впередъ представляетъ система Карла Бюхера. По его воззрѣніямъ первую ступень образуетъ замкнутое хозяйство (производство для себя, хозяйство безъ обмѣна) вторую—государственное хозяйство—производство по заказу, непосредственный обмѣнъ и третья—народное хозяйство (товарное производство, обмѣнъ благъ). Однако и эта схема неудовлетворительна по сравненію съ разнообразіемъ формъ хозяйственнаго быта. Какъ и во всѣхъ сферахъ бытія человѣка, такъ и у первобытныхъ народовъ, и больше всего у изолированныхъ, мало подвергавшихся постороннимъ вліяніямъ, преобладаетъ наклонность къ односторонности. Часто развивается сѣмя какого-либо предначертанія или стремленія у первобытнаго народа въ такое могучее растеніе, подобное которому врядъ ли встрѣтишь у культурныхъ народовъ, зато другіе зачатки слабы и хилы. Не абсолютное превосходство во всѣхъ областяхъ а также, и во всѣхъ отрасляхъ хозяйства подняло высоко культурное человѣчество надъ первобытнымъ, но гармоническое развитіе всѣхъ силъ и знаній. Передъ безконечнымъ разнообразіемъ хозяйственныхъ формъ быта первобытныхъ народовъ культурное хозяйство является представленіемъ сравнительно однороднымъ, которое охватываетъ при этомъ всякія возможности и примиряетъ ихъ.

IV. Матеріальная культура.

I. Утилизація и покореніе силъ и произведеній природы.

При всякихъ изслѣдованіяхъ матеріальнаго достоянія культуры, прежде всего слѣдуетъ обращаться къ изученію человѣческаго тѣла. Образующія его вещества, собранныя воедино, видоизмѣненныя и ставшія частью самого человѣка путемъ таинственной творческой дѣятельности внутреннихъ силъ, являются первыми элементами изъ внѣшняго міра въ человѣческомъ существѣ и удаляются изъ него по завершеніи жизненнаго круговорота. Отсюда уже одинъ только шагъ къ воздѣйствію на внѣшній міръ, къ сознательной утилизаціи доступныхъ человѣку веществъ и агентовъ въ цѣляхъ облегченія борьбы за существованіе, къ образованію внѣ себя извѣстной сферы дѣятельности, въ предѣлахъ которой всюду отражается его преобразующая и творческая сила, гдѣ на всемъ окружающемъ видны слѣды присутствія его.

Въ основѣ всякое живое созданіе безсознательно или сознательно создаетъ вокругъ себя извѣстную сферу вліянія, и человѣкъ въ этомъ случаѣ отличается отъ прочихъ только по степени, а не по сущности своего воздѣйствія. Несмотря на это разница неизмѣримо громадна.

Человѣкъ — существо, у котораго вся развивающая и приспособляющая дѣятельность коренится въ сознаніи. Онъ предпринимаетъ ее съ цѣлью покорить міръ разумомъ, и поэтому ни внѣшняя обстановка, ни произведенныя имъ самимъ измѣненія въ ней на долгое время не могутъ удовлетворить его,—онъ постоянно стремится къ новымъ цѣлямъ. Умственныя силы его растутъ вмѣстѣ съ его дѣятельностью, онъ провидитъ возможности дѣльнѣйшихъ усовершенствованій и не прилаживается къ внѣшнему міру, а гнетъ, ломаетъ, расчленяетъ его съ цѣлью перестройки сообразно своему идеалу. „Человѣкъ укрощаетъ природу, властныя силы ея онъ превращаетъ въ послушныхъ агентовъ своихъ“, — говоритъ Элизэ Реклю. Все это, конечно, относится только къ вождямъ движенія. Какъ отдѣльная личность имѣетъ свой собственный органъ мысли, такъ и у человѣчества, во всей его совокупности, есть свой мозгъ, который является мыслящей и творческой силой всей массы, средній же человѣкъ любитъ жить въ гармоніи съ окружающимъ, идти съ нимъ въ ногу, не ищетъ идейной борьбы, а спокойнаго и безмятежнаго существованія ради размноженія и сохраненія человѣческаго рода.

Всякая матеріальная культура—результатъ умственной работы и тѣсно связана съ послѣдней. Зависимость первой отъ второй во многихъ случаяхъ настолько тѣсна, что строгое раздѣленіе ихъ было бы безсмысленнымъ. Художественныя произведенія живописца или ваятеля, несомнѣнно, образцы матеріальнаго искусства, но матеріалъ здѣсь имѣетъ гораздо болѣе второстепенное значеніе, нежели при выдѣлкѣ ножа или весла.

Матеріальной культурой въ строгомъ смыслѣ, прежде всего, должно быть названо только то, что по своей основѣ и цѣлямъ имѣетъ въ виду физи-

ческую природу человѣка; къ ней принадлежитъ все то, что имѣетъ цѣлью укрѣпить физическія силы организма или облегчить его функціи. При такомъ взглядѣ на дѣло педантическое раздѣленіе продуктовъ матеріальной культуры на оружіе, инструменты, утварь и т. д. является совершенно излишнимъ, такъ какъ дѣятельность органовъ человѣческаго тѣла можетъ быть усилена или облегчена многоразличными способами. И какъ сами эти органы служатъ разнымъ цѣлямъ, а въ особенности рука, которая должна исполнять безчисленное множество разнообразныхъ дѣйствій, такъ и вспомогательныя орудія, или короче—„проэкціи нашихъ органовъ“, нерѣдко при случаѣ, а также и постоянно служатъ не для одной, а для многихъ цѣлей. Всѣ выводы дарвинизма относительно приспособленія и отбора, не имѣющіе вовсе, или только въ ограниченныхъ размѣрахъ, приложеніе къ строенію человѣческаго тѣла, взамѣнъ этого господствуютъ безгранично въ области матеріальной культуры. Творческія силы организма животнаго измѣняютъ тѣло, приспособляя его къ новымъ потребностямъ; сознаніе человѣка, обладающее болѣе широкой сферой вліянія, выступающей далеко за предѣлы организма, при возникновеніи новыхъ обстоятельствъ, измѣняетъ окружающее или въ свободной игрѣ силъ передѣлываетъ старыя формы въ новыя. Подобно тому, какъ палеонтологія и сравнительная анатомія даютъ намъ возможность прослѣдить цѣлыя послѣдовательныя серіи развитія въ измѣненіяхъ строенія животныхъ, такъ и въ исторіи матеріальныхъ пріобрѣтеній человѣчества мы видимъ ряды постепеннаго развитія и измѣненія вещнаго инвентаря человѣчества и его добавочной части, служащей для украшенія: мы видимъ, какъ изъ лука развился музыкальный инструментъ, изъ неуклюжей дубины — свистящій бумерангъ; въ орнаментикѣ изображенія человѣка превращаются въ узоры, напоминающіе растительныя формы, фигуры животныхъ сводятся къ комбинаціямъ геометрическихъ линій. Какъ въ зоологіи мы видимъ совершенно лишніе остатки органовъ, когда-то имѣвшихъ цѣлесообразное назначеніе, такъ и въ предметахъ матеріальной культуры встрѣчается не мало подобныхъ рудиментовъ, которые иногда сразу освѣщаютъ весь генезисъ даннаго предмета. Въ этомъ отношеніи духовная культура не отличается отъ матеріальной, которая является не чѣмъ инымъ, какъ воздѣйствіемъ психической жизни на внѣшній міръ.

Дѣвушка, играющая на панголо. Новая Померанія, Меланезія. По Финшу.

Признавъ, что ближайшая цѣль матеріальной культуры состоитъ въ увеличеніи силы органовъ человѣческаго тѣла и ихъ работоспособности или облегченіи ихъ дѣятельности и замѣнѣ траты силъ человѣка силами внѣшней природы, мы, хотя и не можемъ еще вполнѣ просто и наглядно представить себѣ находящееся передъ нами громадное сооруженіе, но зато облегчимъ себѣ пониманіе сущности дѣла, такъ какъ предъ нами ясно обнаружится фундаментъ зданія, на которомъ покоится вся дальнѣйшая надстройка. Инструменты, оружіе, защитныя прикрышки и средства передвиженія тѣла — вотъ основныя отправныя точки дальнѣйшаго развитія. Отдѣльные органы человѣческаго тѣла гармонически приспособлены другъ къ другу и ко всему организму. Въ общемъ и въ цѣломъ они удовлетворяютъ своему назначенію; но они недостаточно дифференцированы для того, чтобы исправно служить все новымъ безпрерывно возникающимъ надобностямъ. Они и не могутъ подвергаться дальнѣйшему дифференцированію безъ опасности нарушить общую гармонію организма. Кисть руки,

напримѣръ, снабженная пальцами съ острыми ногтями, была бы полезна въ нѣкоторыхъ случаяхъ; но въ массѣ другихъ она оказалась бы никуда негодной.

Умъ человѣческій какъ бы мимоходомъ открываетъ способы увеличивать силы органовъ, уменьшать напряженіе ихъ при дѣятельности, концентрировать энергію на одной задачѣ или же вмѣсто силъ организма привлекать къ работѣ тѣ силы природы, которыми онъ умѣетъ управлять. Разумъ облегчаетъ свою собственную работу, превращая нѣкоторые сознательные процессы въ механическіе рефлекторные, не требующіе затраты умственной энергіи; то же самое дѣлаетъ онъ для сбереженія физическихъ силъ организма, изобрѣтая рабочіе инструменты и механизмы.

Примѣненіе тѣхъ же основныхъ законовъ механики, которымъ слѣдовали творческія силы при созиданіи тѣла человѣка, видимъ мы и въ приспособленіяхъ, служащихъ для увеличенія силы органовъ тѣла,—въ инструментахъ и разныхъ видахъ оружія. Палка удлиняетъ руку и соотвѣтственно длинѣ увеличиваетъ живую силу удара, зажатый въ кулакѣ камень жестче кулака и вѣсъ камня усиливаетъ ударъ. Палка въ соединеніи съ камнемъ образуютъ тяжеловѣсный молотъ. Молотомъ, конечно, нельзя схватить что-нибудь и держать, какъ рукой; но разрушительная сила его неизмѣримо значительнѣе голаго кулака. Собственная кожа для человѣка, существа живущаго въ разныхъ климатахъ, далеко не вездѣ можетъ служить достаточной защитой. Одежда покрываетъ поверхъ самородной кожи тѣло человѣка новой, и эта послѣдняя, глядя по надобности, можетъ быть сдѣлана болѣе или менѣе теплой. Домъ также, отгораживая отъ внѣшняго міра извѣстную площадь, служитъ общей защитной прикрышкой для нѣсколькихъ человѣкъ, подъ которой воздухъ спокойнѣе, теплѣе и менѣе отражаетъ въ себѣ перемѣны температуры. Многія вспомогательныя средства, какъ напримѣръ, усиленіе зрѣнія при помощи теле- и микроскоповъ стали доступны только для высоко культурныхъ народовъ [1] и нѣкоторыя, какъ напримѣръ, искусство летать или подвигаться по воздуху до сихъ поръ еще составляютъ не вполнѣ рѣшенную задачу. Впрочемъ, общее теченіе идетъ безостановочно впередъ черезъ всѣ достигнутые культурные результаты и попытки новыхъ пріобрѣтеній.

Мужской кафтанъ эскимосовъ. По Мурдоку.

Есть вещи, которыми занимается человѣкъ въ теченіе извѣстнаго времени, но затѣмъ оставляетъ ихъ, чтобы обратиться къ другимъ видамъ дѣятельности. При такихъ условіяхъ смѣны занятій ни одно изъ нихъ не можетъ оказать прочнаго воздѣйствія на средній организмъ, хотя на отдѣльныхъ личностяхъ и могутъ оказаться результаты односторонней дѣятельности.

Главная задача всѣхъ снарядовъ и инструментовъ заключается въ доставленіи человѣку возможности совершать своими силами такія дѣйствія, которыя онъ одними своими органами не въ состояніи выполнить, несмотря на какія бы то ни было старанія и упражненія; и только пониманіе законовъ механики даетъ возможность людямъ концентрировать свои силы для совершенія работъ, подобныхъ тѣмъ, при которыхъ теперь мы прибѣгаемъ къ примѣненію рычаговъ, винтовъ, системъ блоковъ и т. д. Въ древнемъ Египтѣ для передвиженія и поднятія большихъ тяжестей

---

[1] Если не для усиленія, то для „охраны“ зрѣнія приспособленія извѣстны уже довольно давно и распространены среди малокультурныхъ народовъ; таковы наглазники изъ волосяной сѣтки, очки изъ рога, мамонтовой кости, состоящія изъ двухъ дисковъ съ узкимъ прорѣзомъ, давно извѣстныя обитателямъ полярныхъ странъ. *Ред.*

требовалась громадная масса тяжкаго труда многихъ людей, — теперь же, не прибѣгая къ услугамъ пара или силы текучей воды, только при помощи цѣлесообразно устроенныхъ машинъ, такія работы можетъ выполнять одинъ человѣкъ.

Всякій усовершенствованный инструментъ, всякая новая машина знаменуетъ собою сбереженіе, которое освобождаетъ силы для дальнѣйшаго усовершенствованія и навсегда останется прибавкой въ фондѣ сбереженныхъ силъ для грядущихъ открытій и изобрѣтеній.

Приращеніе же и сбереженіе силъ можетъ возрастать безпредѣльно въ тѣхъ случаяхъ, когда свободныя силы природы завербованы на службу людямъ. Въ этой борьбѣ первые рѣшительные успѣхи были достигнуты культурными народами, но большая часть работы принадлежитъ еще будущему. Безъ знанія законовъ природы возможно только случайное открытіе и частичное использованіе новыхъ источниковъ силы. Такъ, солнечная теплота, которой пользуются даже звѣри для просушки своей намокшей шкуры, была использована человѣкомъ для сушки и вяленія на солнцѣ съѣстныхъ припасовъ и отбѣлки тканей. Пользованіе вѣтромъ гораздо болѣе ограничено: многіе первобытные народы не имѣютъ понятія о парусѣ, а вѣтряная мельница изобрѣтена была уже культурными народами; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень многія примитивныя племена умѣютъ вызывать искусственно движеніе воздуха посредствомъ опахала и раздувальнаго мѣха. Чрезвычайно благопріятнымъ обстоятельствомъ въ исторіи культуры является весьма раннее открытіе способовъ вызывать и пользоваться однимъ изъ многосторонне дѣйствующихъ явленій природы—огнемъ; но до оцѣнки значенія этого пріобрѣтенія человѣчество дошло только въ медленной постепенности своего развитія.

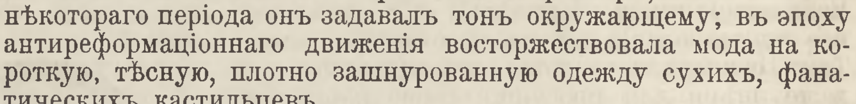

Вѣеръ племени Самоа. Временскій музей. См. текстъ на данной стр.

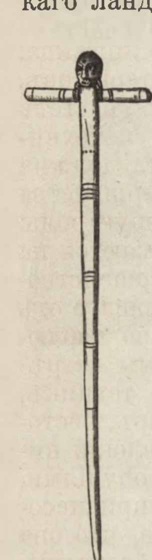
При помощи такихъ приспособленій и пользованіи вспомогательными силами, человѣку удается, наконецъ, кореннымъ образомъ измѣнить пригодную для обитанія часть земной поверхности. Человѣкъ является рѣшающей инстанціей какъ въ борьбѣ за существованіе животныхъ между собой, такъ и растеній. Онъ терпитъ рядомъ съ собой только тѣхъ, кто ему нравится или приноситъ пользу и ихъ онъ побѣдоносно защищаетъ отъ враговъ. На самой землѣ, которая не даетъ человѣку защиты отъ непогоды, онъ строитъ свои хижины и дома, уравниваетъ полосы земли, чтобы ходить и ѣздить по нимъ, перебрасываетъ мосты черезъ рѣки, осушаетъ болота, измѣняетъ теченіе рѣкъ и создаетъ искусственные водные пути. Свободныя силы природы ведутъ упорную и неустанную борьбу съ человѣкомъ и, даже подпавъ подъ власть его, ежеминутно грозятъ возмущеніемъ. При непрекращающемся господствѣ этихъ силъ отдѣльная личность, по своей безпомощности, неминуемо пала бы въ борьбѣ, если-бъ она не была частицей всего человѣчества, непрерывно продолжающаго свое существованіе въ потомкахъ, которымъ оно передаетъ запасъ силъ и знаній, умѣній и навыковъ, накопленныхъ въ теченіе безчисленнаго ряда поколѣній.

При всемъ этомъ, однако, отдѣльныя группы человѣчества съ ихъ своеобразными особенностями не исчезаютъ въ общей массѣ человѣчества. Если культурное достояніе представляетъ часть самого человѣка, эманацію его психическихъ силъ, то въ немъ точно также отражается и характеръ народовъ и племенъ, и каждый отдѣльный человѣкъ имѣетъ около себя

извѣстную сферу вліянія, въ которой его индивидуальность господствуетъ безраздѣльно. Также и культурное достояніе отдѣльнаго народа не можетъ быть опредѣлено только тѣми цѣлями и потребностями, которымъ оно служитъ; оно вмѣстѣ съ тѣмъ и отраженіе психической жизни отдѣльной группы человѣчества. Неуклюжая массивная утварь и одежда говорятъ намъ о мощномъ, но тяжеломъ на подъемъ племени; веселый, общительный и легкомысленный народъ угадываемъ мы въ его пристрастіи къ яркимъ краскамъ и блестящимъ украшеніемъ. Указанныя различія выступаютъ рѣзче всего въ одеждѣ, и именно, при болѣе высокой культурѣ и растущихъ взаимныхъ сношеніяхъ, такія мелкія черточки обращаются въ многозначительные символы: въ свободномъ, широкомъ костюмѣ нѣмецкаго ландскнехта ясно отпечатлѣлся германскій характеръ, и въ теченіе

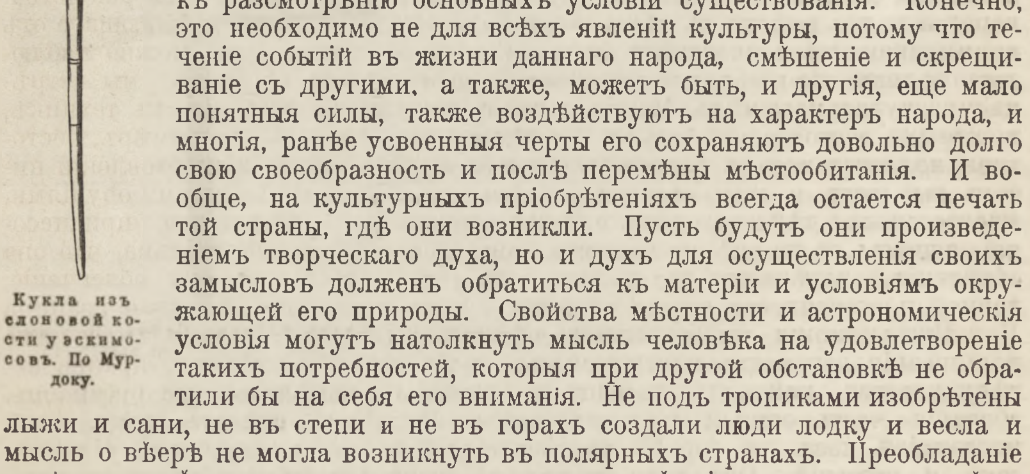

нѣкотораго періода онъ задавалъ тонъ окружающему; въ эпоху антиреформаціоннаго движенія восторжествовала мода на короткую, тѣсную, плотно зашнурованную одежду сухихъ, фанатическихъ кастильцевъ.

Кукла изъ слоновой кости у эскимосовъ. По Мурдоку.

Добрая половина того, что мы называемъ характеромъ, существенными признаками какого-либо народа, обусловлена свойствами данной мѣстности и климатомъ ея, и потому намъ, для уразумѣнія нѣкоторыхъ оригинальныхъ особенностей культурнаго достоянія данной группы людей, придется обратиться къ разсмотрѣнію основныхъ условій существованія. Конечно,

это необходимо не для всѣхъ явленій культуры, потому что теченіе событій въ жизни даннаго народа, смѣшеніе и скрещиваніе съ другими, а также, можетъ быть, и другія, еще мало понятныя силы, также воздѣйствуютъ на характеръ народа, и многія, ранѣе усвоенныя черты его сохраняютъ довольно долго свою своеобразность и послѣ перемѣны мѣстообитанія. И вообще, на культурныхъ пріобрѣтеніяхъ всегда остается печать той страны, гдѣ они возникли. Пусть будутъ они произведеніемъ творческаго духа, но и духъ для осуществленія своихъ замысловъ долженъ обратиться къ матеріи и условіямъ окружающей его природы. Свойства мѣстности и астрономическія условія могутъ натолкнуть мысль человѣка на удовлетвореніе такихъ потребностей, которыя при другой обстановкѣ не обратили бы на себя его вниманія. Не подъ тропиками изобрѣтены лыжи и сани, не въ степи и не въ горахъ создали люди лодку и весла и мысль о вѣерѣ не могла возникнуть въ полярныхъ странахъ. Преобладаніе извѣстныхъ формъ посуды, инструментовъ и одѣянія также даетъ извѣстное направленіе всей культурѣ, и оно еще болѣе подчеркивается характеромъ и свойствами естественныхъ произведеній, сырыхъ матеріаловъ, которые даетъ страна. Уже на самыхъ начальныхъ ступеняхъ развитія можно по характеру культуры раздѣлить нѣкоторыя племена на категоріи, смотря по матеріалу, употребляемому ими для цѣлей своей культуры, — одни для своихъ надобностей пользуются преимущественно продуктами животнаго міра, примѣръ—обитатели полярной области, другіе эксплоатируютъ, главнымъ образомъ, растительный міръ, какъ малайцы и обитатели Западной Африки; можно также найдти племена, богатые и бѣдные камнемъ.

Развитію этихъ различій способствуетъ и свойственная первобытнымъ племенамъ наклонность къ односторонности, которая выражается въ предпочтеніи одного какого-нибудь матеріала для обработки даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда и другіе, пригодные для изготовленія нужныхъ вещей продукты, имѣются въ изобиліи. Эскимосы, напримѣръ, пользуются для своихъ подѣлокъ преимущественно рогомъ, шкурами, зубами (см. рис. на данн. стр.), костямии жилами убитыхъ звѣрей; у сосѣдей эскимосовъ, сѣверозападныхъ американскихъ индѣйцевъ нѣтъ недостатка въ такихъ же матеріалахъ, но

индѣйцы всецѣло заняты использованіемъ кедровника,[1] густо растущаго по берегамъ. Якобсенъ говоритъ, что кедровникъ имѣетъ такое же значеніе для индѣйцевъ сѣверо-запада Америки, какъ кокосовая пальма для многихъ первобытныхъ народовъ южнаго полушарія. Изъ кедра индѣецъ строитъ свой домъ, дѣлаетъ принадлежности своего тотема, изъ него же искусно вырѣзаетъ свои маски для танцевъ, мастеритъ свои ящики, кастаньеты и весла, отопляетъ свою хижину кедровыми дровами, а изъ коры этого дерева онъ плететъ изящныя рогожки, покрывала, корзины и посуду, въ кедровую же кору пеленаютъ младенца, когда онъ еще лежитъ въ люлькѣ. У многихъ индѣйскихъ племенъ головные и шейные обручи, а также браслеты дѣлаются изъ кедровой коры; изъ нея же вьются всякія веревки и шнуры, начиная отъ лесы для удочки и кончая крѣпкими бичевками для китоваго гарпуна. Наконецъ, изъ кедроваго дерева изготовляются гробы, въ которыхъ укладываютъ и ставятъ на землю останки умершаго индѣйца.

По мѣрѣ того, какъ расширяется кругъ используемыхъ матеріаловъ, и культурный инвентарь становится пестрѣе и разнообразнѣе, растетъ также, но по мѣрѣ усовершенствованія рабочихъ инструментовъ, и техническая сноровка; ранѣе же прилежная и продолжительная работа должна была выполнять недостатки устройства инструментовъ. Несовершенства техники придаютъ культурнымъ пріобрѣтеніямъ особую своеобразную роль: недостатки въ инструментахъ и въ способахъ производства отражаются на самомъ организмѣ человѣка, переутомляя и изнуряя его, а усовершенствованія и успѣхи техники, облегчая работу, предохраняютъ работающаго отъ преждевременнаго истощенія силъ. Иногда и теперь еще можно наблюдать явленія чрезмѣрнаго обремененія нѣкоторымъ органовъ: мы встрѣчаемъ у первобытныхъ народовъ такое примѣненіе зубовъ въ техникѣ, которое у насъ было бы безусловно немыслимо. Кранцъ, напримѣръ, обстоятельно описываетъ какъ эскимосы, при выдѣлкѣ кожи и изготовленіи нитокъ изъ жилъ, пользуются зубами, какъ скребками и рѣжущими орудіями. Работа, для достиженія какого-нибудь ничтожнаго результата, при несовершенныхъ инструментахъ, часто бываетъ настолько значительна, что она истощаетъ силы человѣка, вмѣсто того, чтобы доставить ему облегченіе. Рундалль сообщаетъ, что „постройка домовъ у сіиновъ (западная граница Бирмы) представляетъ безконечно мучительный трудъ, потому что у нихъ крайне мало рабочихъ инструментовъ, а тѣ, которые имѣются, крайне неудовлетворительны: у нихъ нѣтъ ни пилъ, ни напилковъ, ни рубанковъ, у нихъ есть топоръ, но и отъ него мало толку. Чтобы сдѣлать доску, сіинъ сваливаетъ дерево, причемъ примѣняются и рубка, и обжиганіе. Изъ цѣлаго ствола онъ вытесываетъ всего одну доску и надобно изумляться, какъ онъ только своимъ дряннымъ топоришкомъ и ножомъ ухитряется выстрогать совершенно гладкую тесину. Изготовленіе досокъ у сіиновъ требуетъ такой громадной затраты труда, что крайняя дороговизна ихъ становится совершенно понятной“. Убогіе рабочіе инструменты объясняютъ намъ сообщеніе Крашенинникова о томъ, что камчадалъ на изготовленіе лодки затрачивалъ три года, а на столовую чашку—годъ. Безразсчетная трата силъ и матеріала составляютъ характерный признакъ первобытнаго производства. Насколько живо чувствуютъ эти недостатки дѣеспособныя первобытныя племена, указываетъ то рвеніе, съ которыми обитатели Полинезіи принялись обзаводиться желѣзомъ. И, несомнѣнно, въ ближайшемъ будущемъ это вызвало бы коренное измѣненіе культурнаго инвентаря, если-бъ въ то же самое время, благодаря наплыву европейцевъ, не была расшатана и почти уничтожена туземная культура. Примитивные народы всегда умѣли цѣнить по достоинству усовершенствованные рабочіе инструменты, и однимъ изъ бесчисленныхъ примѣровъ этого можетъ служить свидѣ-

[1] Въ подлинникѣ Zeder (Taxodium).

тельство Миклухи-Маклая, который въ заливѣ Астролябіи наблюдалъ, какъ папуасы съ величайшимъ вниманіемъ подбирали осколки разбитыхъ стеклянныхъ бутылокъ для того, чтобы пользоваться ими для гравировки разныхъ украшеній на деревянныхъ вещахъ. Онъ также имѣлъ возможность наблюдать, какъ при новыхъ инструментахъ измѣнялся орнаментъ и отдѣлка его становилась тоньше.

Значеніе инструментовъ настолько неизмѣримо громадно, что только на самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія благосостояніе людей зависитъ лишь отъ щедротъ природы. Умственно развитой народъ сумѣетъ и при скромныхъ рессурсахъ удовлетворить свои потребности при помощи цѣлесообразныхъ приспособленій; отсталому народу, при его неумѣлости, недостаткѣ цѣлесообразныхъ пособій, не въ помощь природныя богатства потому, что онъ не въ состояніи ихъ переработать. Однако же, однѣ умственныя силы не могутъ замѣнить всего: народъ, вытѣсненный изъ страны съ благопріятными условіями существованія обыкновенно лишается нѣкоторой части своего культурнаго достоянія и при всякой напряженной борьбѣ за существованіе неизмѣнно утрачиваются нѣкоторыя культурныя блага. Такія утраты могли бы имѣть роковое значеніе, если-бъ въ то же время, путемъ общенія народовъ между собой, не распространялись и не передавались и новыя знанія, и новые техническіе пріемы и, если бы на новомъ мѣстѣ жительства не сохраняли свою силу ранѣе развившіяся потребности, настойчиво требующія замѣны потерянныхъ благъ тѣмъ или инымъ способомъ. Способы замѣны утраченнаго новымъ полны захватывающаго интереса, раскрывая передъ нами интеллектуальную мощь человѣческаго духа, и всякій фактъ, относящійся къ этой области, имѣетъ капитальное значеніе. Превосходный примѣръ измѣненія культуры, подъ вліяніемъ новыхъ жизненныхъ условій, представляетъ исторія маріори обитателей острова Чатама, лежащаго къ востоку отъ Новой Зеландіи.

Каменная палица у маріоря, Чатамскіе о-ва, Полинезія.

Почти что совершенно вымершіе теперь маріори по всѣмъ признакамъ были ближайшими сородичами маори, малайско-полинезійскаго племени, живущаго въ Новой Зеландіи. Многочисленные остатки прошлаго и воспоминанія указываютъ, что у обоихъ племенъ была общая культура. Переселеніе на островъ Чатамъ, хотя условія жизни на немъ мало благопріятны, несмотря на это, по словамъ Шенда, лучшаго знатока этого вымирающаго племени, вызвало полное преобразованіе какъ матеріальной, такъ и духовной культуры маріори. Земледѣліе, главное средство существованія маори, на Чатамѣ оказалось невозможнымъ,—по крайней мѣрѣ, культурныя растенія, требующія теплаго климата, которыя переселенцы привезли съ собой, не могли развиваться на Чатамѣ. Преданіе помнитъ о рядѣ неудачныхъ попытокъ разводить на новомъ мѣстѣ кумару (ямсъ). Взамѣнъ этого, главнымъ источникомъ питанія стало рыболовство; но въ этомъ случаѣ переселенцы не подражали маори, которые по преимуществу ловятъ рыбу крючьями, а предпочли сѣти, такъ что на Чатамѣ костяныя удочки теперь совершенно вышли изъ употребленія.

Сначала, по прибытіи на Чатамъ, моріори одѣвались въ ткани, приготовлявшіяся изъ волоконъ новозеландскаго льна (Phormium tenax); но обиліе тюленей на новомъ мѣстѣ жительства, побудило колонистовъ обратиться къ болѣе легкому способу добывать себѣ одежду и притомъ болѣе теплую, а льняныя ткани стали употреблять только знатные люди для парадныхъ костюмовъ. Тыквенныя бутылки, (калебасы), очень распространенныя у маори, тоже пришлось бросить, такъ какъ тыквы не вызрѣвали на Чатамѣ, а посуду для воды изготовлять изъ свернутыхъ листьевъ Phormium. Деревьевъ для постройки лодокъ также не оказалось на новыхъ

мѣстахъ, и маріори начали строить изъ стволовъ водорослей и Phormium плоты, которые поднимали до 70 человѣкъ. Однако, какъ будто всѣхъ этихъ пертурбацій въ жизни народа было мало, и къ этому присоединились еще удивительныя метаморфозы въ самомъ характерѣ народа. Маори, новозеландскій воинственный народъ, къ тому же у нихъ трупы убитыхъ враговъ считались самымъ лакомымъ блюдомъ, а ихъ сородичи маріори превратились въ сторонниковъ идеи вѣчнаго міра. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, какъ это утверждаютъ маріори, вождь ихъ Нукуку, вскорѣ послѣ переселенія на Чатамъ, запретилъ имъ вести войну и пожирать людей, можетъ быть, также, и даже вѣроятнѣе, что этотъ переворотъ былъ вызванъ измѣненіемъ жизненныхъ условій; какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, достовѣрно то, что у обитателей Чатама не бываетъ крупныхъ враждебныхъ столкновеній. Въ видѣ выродившагося почти въ шуточную забаву сохранилось воспоминаніе о прежнихъ битвахъ въ дракѣ на палкахъ: противники выходили другъ противъ друга съ безобиднымъ оружіемъ и расходились послѣ перваго серьезнаго удара или послѣ первой капли крови.

Народъ, въ сущности, былъ почти безоруженъ; старыя каменныя палицы, какъ ненужныя вещи, валялись на берегахъ моря кое-гдѣ сохранялись, какъ святыня, копья и употреблялись при религіозныхъ церемоніяхъ.

Метательный ножъ у Мозванди, Область Конго. По Тоннеру. См. стр. 302.

Долгое время спустя послѣ открытія острова, идиллія эта была разрушена совершенно особымъ образомъ, благодаря появленію европейцевъ, но не ими самими. До одного маорійскаго племени Новой Зеландіи дошли слухи объ островѣ Чатамѣ, и оно наняло европейское судно для перевозки всего племени, пожелавшаго переселиться туда. Воинственные колонизаторы заняли страну, обратили старожиловъ въ рабовъ и вторично, хотя уже въ значительно измѣненномъ видѣ, внесли на островъ Чатамъ свою новозеландскую культуру: маори на этотъ разъ захватили съ собой маисъ и картофель, которые въ промежутокъ времени двухъ колонизацій успѣли распространить между маори европейцы, и эти растенія привились на Чатамскихъ островахъ; съ тѣхъ поръ земледѣліе тамъ не прекращалось. Маріори, подъ властью новыхъ господъ, стали быстро уменьшаться въ числѣ, часть ихъ пошла на закуску новоприбывшимъ, и вмѣстѣ съ вымиравшимъ народомъ угасла его оригинальная, такимъ необычнымъ образомъ развившаяся культура.

Дифференціаціи представляютъ самое выдающееся отличіе культуры высокоразвитыхъ народовъ отъ первобытной: чтобы удовлетворять все вновь и вновь возникающимъ заданіямъ, непрерывно появляются новые инструменты, снаряды и вліяніе раздѣленія труда, этого могучаго двигателя культуры, отражается, какъ въ зеркалѣ, въ самихъ пріобрѣтеніяхъ культурныхъ благъ; на низшихъ ступеняхъ развитія очень часто одинъ и тотъ же инструментъ служитъ для различныхъ цѣлей, пока наконецъ новыя надобности не вызовутъ изобрѣтенія новыхъ орудій. Впрочемъ вышеуказанный порядокъ вещей не можетъ служить общей схемой развитія. Именно у изолированныхъ племенъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, часто при досугѣ фантазія разыгрывается чрезъ мѣру и загромождаетъ культурный инвентарь народа разнообразными до причудливости и крайне непрактичными вещами; между тѣмъ, какъ болѣе развитые народы, при ясномъ пониманіи намѣченныхъ цѣлей, достигаютъ ихъ болѣе простыми средствами. Полукультура вообще болѣе склонна къ фантастическимъ

затѣямъ, чѣмъ развитая культура. Мы видимъ, стало быть, что рядомъ съ дифференціацией идетъ и упрощеніе, что, можетъ быть, замѣтнѣе всего обнаруживается на костюмахъ, въ которыхъ все болѣе и болѣе избѣгаютъ вычурныхъ придатковъ и постепенно переходятъ къ покрою платья, гладко облегающаго тѣло; но это стремленіе къ упрощенію можно показать и на другихъ примѣрахъ, стоитъ только сравнить средневѣковаго рыцаря, увѣшаннаго всякими смертоносными орудіями и съ головы до ногъ, закованнаго въ желѣзо, со снаряженіемъ современнаго солдата, и вопросъ рѣшится самъ собой. Въ этихъ контрастахъ эволюціи снова обнаруживается зависимость матеріальной культуры отъ разума, и послѣдній, созрѣвая, развивается все роскошнѣе и роскошнѣе, но въ то же время онъ становится яснѣе, вѣрнѣе опредѣляетъ размѣры своихъ силъ и внѣшнихъ явленій. Эта зависимость и является факторомъ, безпрерывно вліяющимъ на ростъ матеріальной культуры. Кто полагаетъ, что матеріальная культура просто-напросто представляетъ собою своего рода равнодѣйствующую параллелограмма силъ, составляющія которой—намѣченныя практическія цѣли и имѣющіяся въ наличности средства, и изъ этого попробуетъ создать схему развитія человѣчества, тотъ никогда не станетъ на вѣрный путь, и передъ нимъ все снова и снова будутъ выступать непонятныя загадки. Въ дѣйствительности не можетъ быть ни одного чисто умственнаго пріобрѣтенія или движенія, которое не оставило бы замѣтнаго слѣда въ культурѣ. Подъ вліяніемъ однихъ практическихъ стимуловъ матеріальная культура должна была бы развиваться спокойно и непрерывно, но этого на дѣлѣ не бываетъ: подобно духовной культурѣ, она скачками, и часто неожиданно, какъ бы въ свободной игрѣ силъ, двигаетъ впередъ дѣло своего развитія. Тѣ же пріостановки въ развитіи и уклоненія отъ прямого пути, которыя столь характерны для духовнаго процесса и играютъ такую же роль и въ развитіи матеріальной культуры; но здѣсь ко всему прочему присоединяется еще вѣсомый матеріальный субстратъ, сообщающій послѣдней извѣстную долю инертности и стойкости.

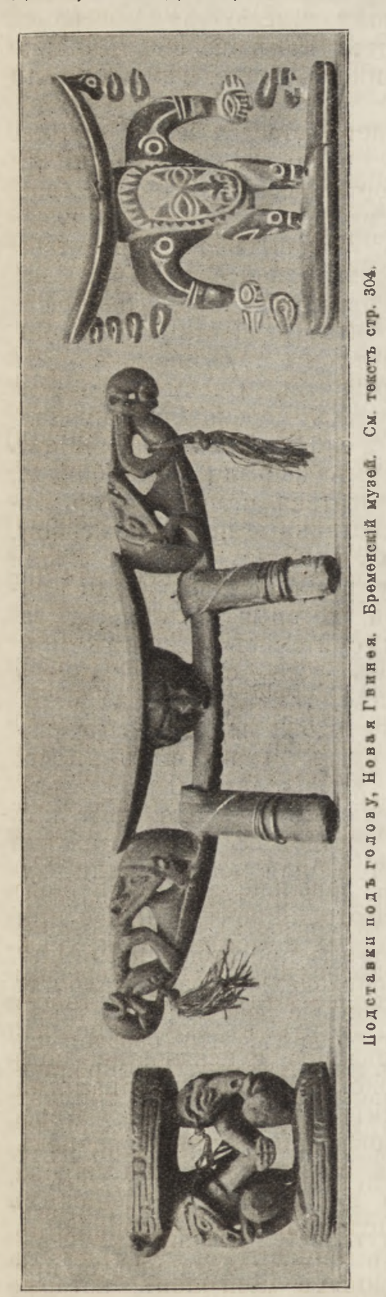

Глиняные сосуды племени Балюба Конго. По фотографіи. См. текстъ, стр. 303.

Стойкость матеріальнаго достоянія культуры, несомнѣнно, сообщаетъ ему извѣстную силу, которая хотя и не можетъ устоять противъ вѣчно и безпрерывно возобновляющихся духовныхъ силъ цѣлаго общества, но съ отдѣльными личностями борется съ успѣхомъ. Современное и завѣщанное преданіемъ являются образцами для новосозидаемаго, благоговѣніе передъ предками, сознаніе безсилія индивида передъ неумирающимъ, незыблемымъ существомъ цѣлаго народа вызываютъ къ нему своего рода религіозное почтеніе, связанное съ боязнью, и эта боязнь вызываетъ враждебное отношеніе ко всякимъ попыткамъ нововведеній. Здѣсь снова мы встрѣчаемся съ консервативнымъ принципомъ, который, въ благопріятныхъ условіяхъ, сдерживаетъ бурные порывы прогресса, при неблагопріятныхъ ведетъ къ застою окостенѣнію; въ матеріальной культурѣ такое состояніе выражается неизмѣняемостью формъ ея въ теченіе долгаго періода. Все это мы встрѣчаемъ почти у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Юнодъ-фонъ деръ Баронга говоритъ, что „ихъ политическая, общественная и религіозная система—основныя причины ихъ косности. Умершіе начальники становятся богами ихъ. То, что они сдѣлали, должны дѣлать впредь и другіе; ихъ поведеніе,—неизмѣнный образецъ для другихъ, преданія, перешедшія отъ предковъ къ

потомкамъ—наиболѣе понятная часть религіи и морали народа. Обычаи незапамятной древности—для нихъ законъ. Никто и не думаетъ отступать отъ него. Дѣлать что-нибудь иначе, чѣмъ прочіе, запрещено. Это сочли бы нарушеніемъ благоговѣнія къ божественнымъ предкамъ и преступленіемъ. Въ странѣ шосеновъ, напр., запретили одному миссіонеру выстроить четырехугольный домъ. Это была дерзость, бунтъ. Какъ онъ смѣлъ только подумать о томъ, чтобы жить въ домѣ, построенномъ иначе, чѣмъ строили дѣды, прадѣды".

Матеріальная обстановка, которая очень часто остается безъ перемѣнъ въ теченіе періода, превышающаго среднюю продолжительность жизни отдѣльнаго субъекта, съ особенной неподатливостью сопротивляется своевольнымъ перемѣнамъ. Нужны въ большинствѣ случаевъ бьющіе въ глаза примѣры сосѣдей или соблазнъ предстоящихъ торговыхъ выгодъ, чтобы преодолѣть инерцію унаслѣдованнаго. Тѣсная связь консервативнаго настроенія съ возникновеніемъ религіи является причиною того, что жрецы и въ вопросахъ о матеріальной культурѣ становятся ревностными охранителями старины, и поэтому въ предметахъ культа мы такъ часто видимъ сохранившіеся пережитки низшихъ ступеней развитія. Очень часто уже послѣ распространенія металловъ при жертвенныхъ церемоніяхъ продолжаютъ пользоваться каменными ножами, при религіозныхъ церемоніяхъ надѣваютъ архаическіе костюмы, которые совсѣмъ исчезли изъ обихода, и въ ритуальныхъ кушаньяхъ любятъ придерживаться старины, — примѣромъ чего могутъ служить хотя бы еврейскіе пасхальные прѣсные хлѣбцы, а также и нѣкоторыя мучныя блюда у древнихъ римлянъ. Долгое время спустя послѣ того какъ начали чеканить монету, римляне продолжали приносить въ жертву богамъ грубые слитки мѣди, которые въ старину замѣняли деньги. У египтянъ плоды сикоморы считались лучшимъ приношеніемъ богамъ даже въ то время, какъ уже стали извѣстны лучшіе пищевые продукты. Первыя и наиболѣе дѣйствующія на окружающихъ возраженія противъ новаго и чужеземнаго и неизвѣстнаго раздаются со стороны духовенства, хотя часто по существу въ нихъ ничего нѣтъ, кромѣ неосмысленныхъ предразсудковъ. О гилякахъ Шренкъ разсказываетъ, что они питали суевѣрное отвращеніе къ жаренію мяса или рыбы, такъ что часто стоило большого труда преодолѣть его. „Каждый разъ" — разсказываетъ путешественникъ — „когда для меня жарили кусокъ мяса, какъ только масло или сало начинало кипѣть на сковородѣ, Гиляки принимались кричать учь, учь! (мерзость, мерзость), и порой стоило не малыхъ хлопотъ добиться возможности докончить приготовленіе пищи". Вѣроятно, шипѣніе масла, неизвѣстно отчего происходящее, возбуждало ихъ страхъ и было источникомъ ихъ суевѣрія. Недовѣріе возбуждаютъ также иногда и чужестранные продукты. Эрманъ сообщаетъ, что береговымъ племенамъ Аляски шаманы запрещали собирать и передѣлывать выброшенные на берегъ волнами моря металлическія части судовъ. Эти тормозы мистическаго характера только мѣшаютъ дальнѣйшему развитію матеріальной культуры, но не имѣютъ глубокаго вліянія на сущность ея; но нѣтъ недостатка въ примѣрахъ осязательнаго воздѣйствія вѣры въ духовъ и религіозныхъ понятій на форму и матеріалъ культурныхъ предметовъ. Выдѣлки украшеній и утвари изъ человѣческихъ костей всегда въ послѣднемъ счетѣ сводится къ мистическимъ представленіямъ; хотя иногда при этомъ одни мотивы замѣняются другими и первоначальныя побужденія заслоняются новыми. На островѣ Пасхи, напримѣръ, изготовляли рыболовные крючки изъ костей умершихъ знаменитыхъ рыболововъ, очевидно въ томъ убѣжденіи, что сила умершаго сохраняется и въ останкахъ его. Въ Новой Зеландіи также изготовляли земледѣльческія орудія и удочки изъ костей покойниковъ; но здѣсь подобное отношеніе считалось смертельнымъ оскорбленіемъ для живыхъ сородичей умершаго. Точно также,

повидимому, и приготовленіе чашъ изъ черепа не было символическимъ способомъ удовлетворенія мести, какъ въ примѣрѣ съ чашей Албоина Лонгобардскаго, наоборотъ, такая чаша считалась священнымъ сосудомъ, обладающимъ таинственною силою. Подобнымъ образомъ также могъ измѣниться первоначальный смыслъ употребленія другихъ частей тѣла человѣка, кожи волосъ, зубовъ и т. д. Вліяніе мистическихъ идей на внѣшній видъ сосудовъ всего яснѣе выражается къ орнаментировкѣ; но въ дальнѣйшемъ развитіи это можетъ привести къ обыкновенію дѣлать изъ нѣкоторыхъ предметовъ, барабановъ, стульевъ, сосудовъ изображенія предковъ и тотемическихъ животныхъ, причемъ вещь, предназначавшаяся первоначально для практической цѣли, принимаетъ совершенно неподходящую для нея форму. Здѣсь мы переходимъ въ область эстетическихъ вліяній, которыя отражаются даже на самыхъ прозаическихъ предметахъ повседневнаго употребленія. Какъ только минуетъ гнетъ нужды, заставляющій довольствоваться самыми простыми, безпритязательными приспособленіями, духъ человѣка начинаетъ интересоваться даже и этими вещами, развлекаясь передѣлываетъ и видоизмѣненіемъ ихъ. У домашнихъ животныхъ, съ которыхъ заботы человѣка сняли большую часть бремени борьбы за существованіе, освободившіяся силы обращаются на измѣненіе самого тѣла и прихотливо обнаруживаютъ себя въ перемѣнѣ цвѣта, развитіи курчавости шерсти и измѣненіи въ строеніи костей. Расширенный организмъ человѣка, такъ мы позволимъ себѣ назвать его матеріальную культуру, слѣдуетъ тѣмъ же законамъ. Всѣ орудія, принадлежности одежды и инструменты, которые должны не только удовлетворять прямому своему назначенію, но и вмѣстѣ съ тѣмъ служить для парада, быть вывѣской богатства и могущества, подвергаются переработкѣ художественно творческихъ силъ и, то облагораживаясь, превращаются въ воплощеніе и полетъ художественной фантазіи, то въ дикую безобразную каррикатуру. Изъ дубины или посоха выходитъ богатоизукрашенный скипетръ, изъ головной гребенки — корона, изъ простого африканскаго метательнаго ножа — своеобразный инструментъ съ цѣлымъ рядомъ зубцовъ и выступовъ, изъ простой головной подставки [1] — богато и искусно украшенная рѣзьбою мебель. Возникаютъ даже вещи, не имѣющія никакого практическаго значенія, какъ напримѣръ, державное яблоко нѣмецкаго императора и наши

Подставки подъ голову, Новая Гвинея. Бременскій музей. См. текстъ стр. 304.

[1] Эти подставки замѣняютъ собою подушку, на которую человѣкъ ложится затылкомъ. Это приспособленіе широко распространено по всему Старому Свѣту. Оно даже необходимо въ тѣхъ странахъ, гдѣ женщины носятъ сложныя прически, напр. въ Монголіи.

дорогія настольныя украшенія и другіе показные предметы. Картины въ рамахъ, которыя можно встрѣтить почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ въ Европѣ, удовлетворяютъ эстетической потребности, но въ извѣстномъ смыслѣ принадлежатъ къ домашней утвари. Матеріальная культура, такъ же, какъ и тѣло человѣка, среди довольства и покоя, наклонна къ ненормальному переразвитію, которое стѣсняетъ свободу движеній и силу сопротивленія неблагопріятнымъ вліяніямъ. Отъ этой опасности не избавлены ни дѣятельные энергичные народы, ни сторонники душеспасительнаго житія и идеальной нравственности. Сознательное отрицаніе роскоши и вообще всего, что не имѣетъ прямого практическаго назначенія, характерно для многихъ воинственныхъ племенъ. Спартанцевъ всегда приводятъ какъ классическій примѣръ этого рода самообузданія; этотъ жизненный режимъ могъ быть созданъ и отдѣльною личностью, могъ возникнуть также подъ давленіемъ обстоятельствъ, такъ что законодателю оставалось только выразить уже существующее въ формѣ точныхъ предписаній. Гдѣ воинственные вкусы древнихъ временъ превращаются въ страстную погоню за торговыми и промышленными барышами, какъ напр. у англосаксовъ, тамъ иногда еще болѣе крѣпнетъ и развивается наклонность къ сухой разсчетливости и практичности, которая превращается, наконецъ, въ характерную черту народнаго характера, — merry old England (веселая старая Англія) существовала только тогда, когда не было денегъ и потомъ потонула въ могучемъ потокѣ предпріимчивой, дѣловой практики. Это отреченіе отъ всѣхъ искусственныхъ прихотей культуры не всегда дѣлается по свободному выбору и формируетъ характеръ народа, но результаты въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ-же. Арабъ пустыни, превосходно приспособившійся къ своей безплодной странѣ и къ бродячей жизни, призналъ бѣдность добродѣтелью и съ презрѣніемъ смотрѣлъ сверху внизъ на изнѣженныхъ обитателей богатыхъ странъ. Потомъ, когда, наконецъ, онъ созналъ свои силы, онъ навязалъ покоренному имъ Востоку свою умѣренность и черствость. Эти свойства сохранились у араба, несмотря на противодѣйствіе богатыхъ фантазіей обитателей Персіи и Индіи. Побѣдоносное нашествіе безпритязательныхъ и суровыхъ сыновъ Центрально-Азіатскаго нагорья еще болѣе усилили исконныя черты араба. Въ исламѣ эта черствость идетъ навстрѣчу аскетизму, который еще въ болѣе древнія времена въ Индіи и Христіанскомъ Востокѣ старался воплотить въ себѣ жизненный идеалъ. Всѣ народы съ идеальными стремленіями въ довольно ранній періодъ своего существованія пришли къ убѣжденію, что слишкомъ большое пристастіе къ радостямъ бытія, поскольку онѣ даются и усиливаются успѣхами матеріальной культуры, отзывается пагубно на высшихъ интересахъ человѣческаго развитія, хотя всегда, лишь только отдѣльныя личности или опредѣленныя группы ихъ, стремились воплотить въ жизни полный идеалъ самоотреченія. Эти стремленія и развивались, и искажались подъ мистическимъ воздѣйствіемъ аскетизма съ его экстазомъ и галлюцинаціями, которые мы встрѣчаемъ даже у самыхъ примитивныхъ племенъ. Тамъ, гдѣ самоотреченіе и аскетизмъ находятъ большое число приверженцевъ, тамъ эти явленія не остаются безъ вліянія на самый характеръ народа, примѣры чему мы можемъ видѣть въ Индіи и въ тѣхъ европейскихъ государствахъ, гдѣ развилось значительное число монаховъ и монахинь. Китай, покровительствуя развитію буддійскихъ монастырей, сумѣлъ въ корень измѣнить характеръ когда-то воинственныхъ монголовъ, которые теперь стали однимъ изъ самыхъ миролюбивыхъ и инертныхъ народовъ. Иногда страстный послѣдователь аскетическаго міросозерцанія какъ-бы мимоходомъ можетъ привлечь на свою сторону массу и при этомъ сильно повліять на положеніе матеріальной культуры. Въ малыхъ размѣрахъ это удалось сдѣлать Саванароллѣ во Флоренціи, когда по его побужденію тамъ была собрана цѣлая гора украшеній, предметовъ роскоши и вмѣстѣ съ

тѣмъ драгоцѣнныхъ памятниковъ искусства, и все это было предано огню для вящшаго прославленія имени Божія. Такъ и на сравнительно высокихъ ступеняхъ культуры возрождается снова потребность къ разрушенію, которая у низшихъ племенъ является средствомъ заглушить страхъ передъ привидѣніями и повторяется при похоронахъ каждаго покойника.

Несмотря на всѣ разрушенія, остается еще значительная часть памятниковъ культуры, которые по самому свойству своего матеріальнаго субстрата обладаютъ долговѣчностью, что дѣлаетъ ихъ матеріализированной частицей человѣческой памяти и необходимымъ пособіемъ при историческихъ изслѣдованіяхъ. Какъ остатки скелетовъ давно вымершихъ животныхъ говорятъ намъ о существованіи нынѣ погребеннаго первобытнаго міра, такъ и остатки скелета мощнаго тѣла культуры, если можно такъ назвать каменныя и металлическія орудія и другіе трудно разрушаемые предметы, являются свидѣтелями сѣдой старины, изъ которой до насъ не дошло ни письменныхъ, ни устныхъ преданій. И въ современномъ быту духовная жизнь тѣсно связана съ матеріальной: расширенная область вліянія, которую путемъ культурной работы создаетъ вокругъ себя духъ человѣка, столь же необходима для него, какъ само тѣло; посредствомъ нея онъ воспринимаетъ впечатлѣніе, при помощи ея дѣйствуетъ, внѣ этой сферы онъ немыслимъ.

---

2. Техника.

Матеріальная культура возникаетъ изъ переработки веществъ, созданныхъ природой. Во время этихъ процессовъ матерія и духъ соединяются между собою, и новое созданіе является частью самого человѣка, его не было бы безъ человѣка, въ человѣкѣ обрѣтаетъ оно свою цѣль и назначеніе. Само преобразованіе вещества совершается при помощи органовъ человѣческаго тѣла или ихъ вспомогательныхъ орудій — инструментовъ. Интеллектуальный элементъ въ этомъ процессѣ, передаваемый по наслѣдству изъ рода въ родъ и дающій возможность человѣку создавать все новыя и новыя, но по существу своему одинаковыя вещи [1], мы называемъ техникой. Кто владѣетъ ею — соединяетъ въ себѣ и знаніе, и возможность прилагать его. Ею расширенный человѣческій организмъ, какъ мы называемъ инвентарь матеріальной культуры, непрерывно обновляется и увеличивается.

Если же падаетъ техника, то мало-по-малу исчезаетъ вмѣстѣ съ этимъ и часть культурнаго достоянія, основаннаго на знаніи техники.

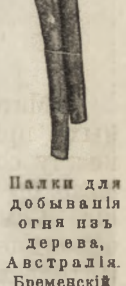
Сокровища техническихъ знаній и умѣній, созданныхъ и сохраненныхъ человѣчествомъ, настолько громадны, что даже обстоятельное описаніе одной сравнительно мало производительной техники первобытныхъ народовъ потребовало бы весьма обширнаго труда. Но въ задачу общаго изслѣдованія культуры не можетъ входить такое детальное описаніе частностей. Ея задача не описаніе существующаго и законченнаго, но возникающаго и развивающагося, некульминаціонные пункты и полный расцвѣтъ, но корни и зародыши. Такъ напримѣръ, если мы остановимся на одной изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ отраслей техники человѣчества, добываніи огня, то насъ должны интересовать не наилучшіе способы вызывать горѣніе, но тотъ путь, которымъ люди дошли до умѣнья зажигать огонь по своему желанію, когда понадобится, намъ важны примитивные инструменты и приспо-

[1] Конечно, внѣшнее разнообразіе созданныхъ человѣчествомъ вещей безконечно; но авторъ имѣетъ въ виду здѣсь подчеркнуть общую, основную цѣль всѣхъ этихъ изобрѣтеній—облегченіе существованія человѣка, независимо отъ того, какими средствами и на сколько удачно достигается намѣченная цѣль. *Ред.*

собленiя, которые даютъ намъ возможность догадываться о томъ, какъ совершался процессъ эволюцiи.

Явленiя свѣта и теплоты. сопровождающiя быстрое окисленiе горючихъ веществъ, въ настоящее время людьми считается за нѣчто обычное, само по себѣ понятное. Огонь долгое время считали основной стихiей и мало заботились о томъ, что на свѣтѣ существуютъ и другiе источники тепла и свѣта. Электрическiй свѣтъ молнiи извѣстенъ людямъ съ незапамятныхъ временъ, но только лишь культурнымъ народамъ новѣйшаго времени удалось покорить и этотъ источникъ свѣта и примѣнить его къ освѣщенiю домовъ и улицъ. Естественную теплоту глубокихъ слоевъ земли вообще еще не пытались утилизировать, развѣ только въ видѣ горячихъ ключей, выходящихъ на дневную поверхность. Для древнѣйшей исторiи человѣчества имѣетъ значенiе только огонь отъ сжиганiя горючихъ матерiаловъ.

Было не мало уже споровъ по поводу вѣроятнѣйшаго пути къ изобрѣтенiю способа добывать огонь. Этотъ, какъ и другiе вопросы, гдѣ въ лучшемъ случаѣ возможно лишь вѣроятное рѣшенiе, въ послѣднее время все-таки настолько подвинулся, что теперь въ немъ уже нѣтъ мѣста для чисто фантастическихъ гипотезъ. Мысль Куна о томъ, что человѣкъ, наблюдая, какъ во время бури загорались отъ взаимнаго тренiя вѣтви, пришелъ къ мысли вытирать деревесный огонь, можетъ быть такъ же оставлена безъ вниманiя, какъ и гипотеза Пешеля о „Прометеѣ ледниковой эпохи“, который, путемъ размышленiй объ этой задачѣ, рядомъ цѣлесообразныхъ опытовъ отрылъ тайну дѣлать огонь.

Палки для добыванiя огня изъ дерева, Австралiя. Бременскiй музей. См. текстъ, стр. 308.

Нерѣшеннымъ остаются и вопросы, пользовался ли человѣкъ огнемъ ранѣе, нежели выучился самъ добывать его, что въ новѣйшее время поддерживалъ Карлъ-фонъ-денъ-Штейненъ, или же только послѣ открытiя способа дѣлать огонь и когда важность его стала понятна для всѣхъ? Нужно признать, что хотя и не часто, но все-таки случаются лѣсные пожары безъ всякаго участiя человѣка. Точно также можно думать,-что и кромѣ страха передъ этимъ явленiемъ, человѣкъ могъ подмѣтить и оцѣнить его полезныя стороны. Пожаръ гонитъ дичь и можетъ дать случай для прибыльной охоты; при осмотрѣ пожарища тлѣющiя головни даютъ возможность ознакомиться съ согрѣвающими свойствами огня, можно также было на опытѣ убѣдиться въ томъ, что подъ дѣйствiемъ умѣреннаго огня нѣкоторые фрукты и мясо животныхъ становится и мягче и вкуснѣе. Обычай нѣкоторыхъ, племенъ брать съ собой въ дорогу тлѣющiй кусокъ дерева вмѣсто того, чтобы разводить наново огонь, конечно, нельзя считать безусловно остаткомъ нѣкогда общераспространеннаго обыкновенiя, такъ какъ въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ топливомъ, этотъ прiемъ является вполнѣ практичнымъ. Австралiйскiе негры въ Квинслендѣ, когда уходятъ недалеко отъ стоянки, часто берутъ съ собой огонь, чтобы поскорѣе разложить небольшой костеръ, хотя они сами умѣютъ добывать огонь; то же самое дѣлаютъ гвiанскiе индѣйцы и другiя племена Южной Америки. Если признать, что огнемъ пользовались раньше, чѣмъ умѣли добывать его, то объяснятся очень легко съ давнихъ поръ извѣстныя сноровки разводить огонь отъ всякой случайной искорки, но безусловнымъ доказательствомъ это соображенiе служить не можетъ.

Во всякомъ случаѣ огонь сталъ извѣстенъ очень давно, и мнѣнiе о томъ, что въ отдаленное отъ насъ время существовали племена, не знавшiя огня, врядъ ли найдетъ сторонниковъ. Доисторическiя находки удостовѣряютъ, что уже въ ледниковыя времена человѣкъ грѣлся около пламени костра и зажигалъ его по ночамъ.

Открытiе огня не было какимъ-нибудь внезапнымъ, загадочнымъ событiемъ, еще менѣе того—дѣломъ случая;—оно было результатомъ

труда и побочнымъ результатомъ при рѣшеніи другой задачи: не объ огнѣ шло дѣло, но когда онъ получился, его значеніе было скоро оцѣнено. Огонь получался при обработкѣ дерева, а также и при обдѣлкѣ камня и только въ новѣйшее время стали исчезать признаки его первоначальныхъ способовъ добыванія. Нынѣшніе химическіе способы вызывать пламя, распространившіеся по всему свѣту, не имѣютъ и столѣтней давности. Пробуравливаніе дерева привело къ открытію огня сверленіемъ, выглаживаніе дерева создало снарядъ для добыванія огня треніемъ, деревянная пила изъ твердаго дерева превратилась въ огневую пилу, оббивка и дробленіе камней повели къ изобрѣтенію различныхъ формъ огнива. При всѣхъ такихъ процессахъ обнаруживалось развитіе теплоты и появленіе блестящихъ искръ, а получающаяся при сверленіи дерева труха даетъ подходящій матеріалъ для воспламененія горючаго. Воспламенитель—необходимое дополненіе всякаго огнедобывающаго снаряда, и можно сказать, что при каменныхъ приспособленіяхъ для добыванія огня самое важное — подобрать подходящій воспламенитель (трутъ), такъ какъ всякій ребенокъ знаетъ, что осколки кремня даютъ искры.

Индѣецъ цуньи, работающій каменнымъ сверломъ, Сѣв. Америка. По Стевенсону.

Подробное излѣдованіе огнетворныхъ снарядовъ составляетъ по преимуществу заслугу Вальтера Гауха (Hough). Огнесверлящіе снаряды по ихъ сложности онъ дѣлитъ на три группы—первая изъ нихъ охватываетъ снаряды, состоящіе изъ двухъ досокъ, какія мы и теперь еще часто встрѣчаемъ у первобытныхъ народовъ (см. рис., стр. 307); это почти точь-въ-точь такой же инструментъ, какой употребляется для сверленія дыръ въ деревѣ и камнѣ. Кусокъ дерева, который можно назвать сверлильной доской, имѣетъ небольшое углубленіе, въ которое вставляется острый стержень, и другой доски, а сверху ладонями обѣихъ рукъ придается стержню вращательное движеніе; труха отъ сверленія дерева собирается въ углубленіе, нагрѣвается и, наконецъ, загорается отъ тренія. Вращеніе должно сопровождаться давленіемъ сверху внизъ и должно идти по возможности безпрерывно. Для оказанія давленія и чтобы верхняя доска не соскакивала, на верхній конецъ ея надавливаютъ подбородкомъ, который для защиты прикрывается лоскуткомъ кожи. Обыкновенно при этомъ выбираются опредѣленныя породы деревьевъ, чаще всего выбираютъ одинъ кусокъ изъ твердаго, другой изъ мягкаго дерева. Отъ болѣе или менѣе удачнаго выбора матеріала зависитъ и быстрота хода операціи; часто для нея требуется не мало времени, одинъ апахъ, напримѣръ, въ присутствіи капитана Бурка добылъ огонь въ восемь секундъ, а, по показаніямъ Батеи кейовея долженъ былъ тратить на это нѣсколько минутъ. При высверливаніи огня никогда не показывается пламя, только труха начинаетъ тлѣть и къ ней необходимо прибавить какой-нибудь воспламенитель и раздувать его,—только послѣ этого вспыхиваетъ пламя. Различные огнесверлящіе снаряды, какъ уже было сказано, схожи со сверлами или, вѣрнѣе, первые являются варіаціями послѣднихъ (см. рис. стр, 307, 308, 309 и 310)

Большое распространеніе имѣетъ остроумно усовершенствованный огнесверлящій снарядъ: въ немъ вращательное движеніе производится не руками, а при помощи обвивающаго сверло шнура, за концы котораго попеременно тянутъ въ противоположныя стороны. Сверло придерживаетъ и давитъ на него сверху помощникъ, при чемъ онъ пользуется кускомъ выдолбленнаго дерева, которое можно назвать колпачкомъ сверла; голая рука не вынесла бы тренія головки сверла и не могла-бы дать ему возможности быстро двигаться. Такимъ способомъ добываютъ огонь эскимосы, нѣкоторыя племена американскихъ индѣйцевъ и также даяковъ. Эскимосы даже усовершенствовали этотъ аппаратъ въ томъ отношеніи, что съ нимъ можетъ управиться одинъ человѣкъ; это достигается приданіемъ сверлу такихъ размѣровъ, которые даютъ возможность поддерживать колпачекъ сверла ртомъ; также и концы шнура часто прикрѣпляются не къ двумъ, а къ одной рукояткѣ; это даетъ возможность дѣйствовать на сверло одной рукой, а другой поддерживать просверливаемую доску.

Въ видѣ одиночныхъ примѣровъ встрѣчаются усовершенствованное огневое сверло съ засовомъ, устроеннымъ какъ у волчка; при этомъ для давленія сверху надѣвается грузъ, чаще всего просверленный насквозь камень.

Пила для добыванія огня. Сѣв. Борнео. По Лингъ Роту.

Подобнымъ же образомъ изъ техники обработки дерева, или точнѣе изъ обработки бамбука развилась огневая пила, которая распространена по всей Индіи и Индонезіи вплоть до Австраліи.

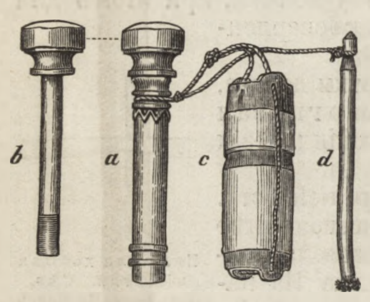
Употребляемый на Борнео аппаратъ (см. изображеніе стр. 309), состоящій изъ двухъ частей—пилы и колодки, всего точнѣе описанъ Скертли: „Пилу изображаетъ осколокъ ствола бамбука около 9 дюймовъ длины и $1^1/_2$ дюйма ширины. На наружной сторонѣ дѣлается тонкій надрѣзъ настолько глубокій, чтобы онъ могъ прохватить въ срединѣ осколокъ дерева насквозь. Снаружи наскабливаютъ тонкихъ стружекъ и закладываютъ ихъ на внутреннюю вогнутую сторону. Стружки эти должны служить воспламенителемъ. Съ внутренней стороны задираютъ драницы, болѣе крупныя, но не отрываютъ ихъ совсѣмъ, а только перегибаютъ назадъ, чтобы придерживать мелкія стружки. Колодка дѣлается изъ такого же куска бамбука, но только подлиннѣе, и одинъ изъ краевъ его заточенъ. При употребленіи инструмента садятся на землю, ставятъ колодку наискось, берутъ обѣими руками пилу за конецъ, кривой стороной внизъ. Нарѣзъ пилы накладываютъ на колодку и двигаютъ взадъ и впередъ, сильно надавливая пилой на колодку. Приблизительно послѣ десятка ходовъ, мелкія стружки начинаютъ куриться, пила движется все скорѣе и скорѣе, и стружки начинаютъ тлѣть. Тутъ снимаютъ пилу, начинаютъ дуть по прорѣзу, стружка сначала сильно дымитъ, потомъ вспыхиваетъ. Вся процедура занимаетъ менѣе минуты времени“. Иногда части снаряда мѣняются ролями: косо сточенная колодка дѣйствуетъ какъ пила, а желобокъ со стружками становится неподвижно. Вѣроятно, и въ этомъ случаѣ натолкнулись на подобное изобрѣтеніе при обработкѣ дерева, хотя именно здѣсь-то и возможно предположеніе, что прямое наблюденіе натолкнуло на изобрѣтеніе; по крайней мѣрѣ Горидей утверждаетъ, что въ бамбуковой чащѣ во время сильной бури бываютъ пожары отъ того, что сухіе стволы бамбука сильно трутся другъ о друга. Съ другой стороны, Плейтъ утвеждаетъ, что древнимъ способомъ добыванія огня въ Индонезіи должно считать соудареніе бамбука и камня.

Проще гораздо, чѣмъ пилой, добываютъ огонь во многихъ мѣстностяхъ Австраліи и Полинезіи: кусокъ твердаго дерева двигаютъ по желобку изъ мягкаго дерева, пока не затлѣетъ вытертая при этомъ движеніи древесная труха. Самоанцы тратятъ на эту работу не болѣе сорока секундъ.

Если добываніе огня треніемъ произошло изъ обработы дерева, то обивка и обтесываніе камня повели къ изобрѣтенію снарядовъ для высѣканія огня, на этотъ способъ и значительную древность его даютъ указанія названія многихъ камней у различныхъ народовъ, каковы напр. пиритъ Feuerstein [1]. Простѣйшій способъ высѣканія огня—битье камня о камень, причемъ вылетаютъ искры и падаютъ на какой-либо воспламенитель. трутъ, загорающійся отъ искры.

Единственное серьезное усовершенствованіе въ этомъ способѣ заключается въ замѣнѣ одного изъ камней желѣзомъ или сталью, которыя даютъ гораздо больше искръ.

Въ этой послѣдней формѣ ударный инструментъ для добыванія огня былъ принятъ почти всѣми культурными народами и отчасти сохранился до настоящаго времени. Здѣсь неудачно ищущій новыхъ задачъ изобрѣтательный духъ культурныхъ народовъ, не найдя способовъ усовершенствовать ударный снарядъ, обратился къ измѣненію внѣшняго вида предмета и его аксессуаровъ, сумочекъ, кошельковъ и кармашковъ. Несмотря на тождество принципа у всѣхъ высѣкающихъ огонь орудій формы ихъ чрезвычайно разнообразны, иногда очень нарядны и достигаютъ высокой цѣнности. И въ огнивахъ примитивныхъ народовъ замѣчаются особенности уже потому, что не вездѣ употребляютъ одни и тѣ же породы камней и берутъ также двѣ разныхъ породы, напр., у эскимосовъ высѣкаютъ кремнемъ огонь изъ сѣрнаго колчедана. Разумѣется, для такой цѣли нужны очень твердые камни; такъ напр., разные виды кварца, кремень и съ ними сѣрные и желѣзные колчеданы пользуются всеобщимъ предпочтеніемъ.

Аппаратъ для добыванія огня у саравакозъ, Борнео. *a* цилиндръ со стержнемъ, *b* стержень, вынутый изъ цилиндра, *c* сосудъ, содержащій трутъ, *d* палка для чистки цилиндра. По Лингъ Роту.

У нѣкоторыхъ изъ дайакскихъ и бирманскихъ племенъ имѣется оригинальный снарядъ для добыванія огня посредствомъ сжатія воздуха — огневой насосъ.

По устройству онъ напоминаетъ наши дѣтскіе духовые пистолетики, только въ немъ сжатый воздухъ не служитъ для выталкиванія пробки, но для того чтобы нагрѣть до горѣнія трутъ. Въ полый цилиндръ металлическій, запаянный на глухо съ одного конца входитъ плотно поршень, въ нижнемъ концѣ котораго имѣется заполненная трутомъ ямка. При сжатіи воздухъ настолько разогрѣвается, что трутъ начинаетъ тлѣть, послѣ этого поршень вытягиваютъ назадъ и при помощи цѣлесообразныхъ пріемовъ доводятъ до полнаго воспламененія. Изобрѣтеніе это находится въ связи съ техническими пріемами, весьма распространенными на Борнео, при изготовленіи духовыхъ трубокъ, гдѣ, какъ извѣстно, главную работу представляетъ удаленіе мягкой сердцевины изъ древеснаго ствола. На Борнео рядомъ съ огневымъ насосомъ въ ходу и огнёвое сверло и огневая пила, какъ и вообще у многихъ народовъ имѣются одновременно разные снаряды для добыванія огня. Химическіе способы добывать огонь извѣстны только культурнымъ народамъ, оптическіе методы добыванія огня при помощи стеколъ и зеркалъ до сихъ поръ не имѣютъ еще серьезнаго примѣненія.

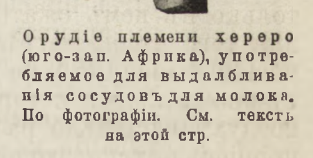
Если умѣнье добывать огонь обязано своимъ порожденіемъ технической обработкѣ камня и дерева, то оно блестящимъ образомъ отблагодарило своихъ родителей, вызвавъ въ свою очередь цѣлый рядъ новыхъ внуковъ этой техники. О косвенныхъ услугахъ огня, въ качествѣ освѣтителя,

---

[1] Въ русскомъ языкѣ мы не помнимъ соотвѣтствующихъ названій,—только въ старыхъ пѣсняхъ упоминается нерѣдко „бѣлъ горючь камень.“ Ред.

средства устрашенія дикихъ звѣрей, и вспомогательнаго агента при хозяйственныхъ работахъ человѣка, здѣсь не должно быть рѣчи; для техники огонь прежде всего является источникомъ теплоты, которая примѣняется при сушкѣ и провяливаніи пищевыхъ веществъ, сырого дерева, листьевъ и т. д., замѣняя при этомъ солнечную теплоту, а отчасти также открывая и новые способы измѣненія продуктовъ природы. Нагрѣваніе посредствомъ солнца не можетъ превзойдти извѣстныхъ, весьма тѣсныхъ предѣловъ, тогда какъ посредствомъ огня можно довести температуру до желаемой высоты. Конечно, только при высшей культурѣ можно было вполнѣ увѣренно пользоваться для борьбы за существованіе этимъ опаснымъ средствомъ, такъ какъ большинство первобытныхъ народовъ не умѣетъ владѣть имъ какъ слѣдуетъ.

Почти повсюду извѣстно изъ опыта, что подъ вліяніемъ теплоты дерево пріобрѣтаетъ гибкость. Бумерангъ австралійца пріобрѣтаетъ свою искривленную форму послѣ того, какъ его сначала вымочатъ въ водѣ, а потомъ положатъ въ горячую золу и уже послѣ этого сгибаютъ. Точно также всѣ кажется знаютъ, что отъ огня дерево становится тверже. Въ Меланезіи-же процвѣтаетъ выжиганіе рисунковъ по дереву: тамъ или обугливаютъ вещь снаружи и вырѣзываютъ на ней украшенія или-же выжигаютъ ихъ кускомъ горящей скорлупы кокосоваго орѣха; въ Африкѣ также извѣстно это искусство. И во многихъ другихъ случаяхъ огонь различными способами облегчаетъ кропотливую обработку дерева;—обжигая стволъ дерева у корня, человѣкъ сваливаетъ его на землю, выжигая огнемъ стволъ дерева, изготовляетъ лодку-однодеревку. При обработкѣ камня огонь не оказываетъ такихъ важныхъ услугъ; но уже давно было извѣстно, что отъ жара камень трескается; даже и австралійцы знаютъ, что если раскалить утесъ огнемъ и потомъ облить водою, то онъ расщепляется, и при этомъ получаются осколки, годные для изготовленія ножей и наконечниковъ копій. Тамъ, гдѣ первобытнымъ людямъ извѣстно горное дѣло, рванье камней накаливаніемъ всюду считается наиболѣе предпочтительнымъ способомъ. Дознавъ, что многія пластическія горныя породы твердѣютъ подъ дѣйствіемъ огня, человѣкъ нашелъ для этого открытія широкое примѣненіе въ гончарномъ дѣлѣ и въ изготовленіи кирпичей; на примѣненіи сказаннаго при обработкѣ металловъ, которая возможна только при помощи огня, мы остановимся подробнѣе впослѣдствіи.

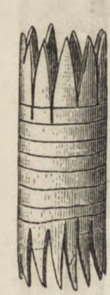
Орудіе племени хереро (юго-зап. Африка), употребляемое для выдалбливанія сосудовъ для молока. По фотографіи. См. текстъ на этой стр.

Технику добыванія огня, въ виду ея важности, нужно было поставить на первомъ мѣстѣ; но уже вѣроятная исторія этого важнаго открытія показываетъ, что существовала болѣе древняя техника. Мы не остановимся на такихъ примѣрахъ какъ гнѣзда птицъ, постройки бобровъ и въ особенности на работахъ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, обнаруживающихъ техническую сноровку, которая только въ исключительныхъ случаяхъ могла послужить образцомъ для техники человѣка; но какъ параллель къ послѣдней можетъ быть указана съ полнымъ правомъ. Какъ указано было выше къ изобрѣтенію огнедобывающихъ снарядовъ впервые указала дорогу обработка дерева. Всѣ примитивныя работы по дереву главнымъ образомъ заключались въ вытесываніи и выдалбливаніи изъ даннаго матеріала желаемыхъ формъ при помощи подходящихъ инструментовъ (см. изобр. стр. 311). Это скорѣе работа скульптора надъ мраморомъ, а не столяра или

плотника, который пригоняетъ одинъ къ другому куски дерева, соединяетъ и скрѣпляетъ ихъ между собою; только одни эскимосы сдѣлали нѣкоторые успѣхи въ столярной работѣ, потому что вынуждены были довольствоваться мелкимъ наплавнымъ лѣсомъ. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо соединить между собой разнородныя вещи, напр. прикрѣпить каменную стрѣлку къ древку зубы или кости къ деревянной рукояткѣ, въ рѣдкихъ случаяхъ пытаются вогнать, всадить инородный предметъ въ дерево, и прибѣгаютъ къ смолѣ, воску, другимъ мягкимъ веществамъ или привязыванію ниткой.

Эскимоска, растягивающая шкуры. По Мурдоку.

Обработка шкуръ—одно изъ очень древнихъ, хотя врядъ ли самое древнее мастерство человѣка. Здѣсь мы разумѣемъ не дубленіе, не химическую и механическую выдѣлку кожи, которая высушенную жесткую и ломкую кожу превращаетъ въ гибкую и мягкую. Само собою разумѣется, что въ большинствѣ случаевъ обработываются шкуры крупныхъ млекопитающихъ; но гиперборейцы умѣютъ изготовлять одежду изъ птичьихъ шкурокъ и изъ кожи рыбы. Гиляки, напримѣръ, мнутъ и размягчаютъ кожу лосося, толкутъ ее въ деревянной ступкѣ, чтобы отдѣлить чешую, затѣмъ осторожно соскабливаютъ остатки жира и мяса и сшиваютъ вмѣстѣ отдѣльные куски для изготовленія цѣлаго костюма. Полярные народы, которые, благодаря условіямъ мѣстообитанія, вынуждены возможно тщательно использовать продукты животнаго міра, сшиваютъ кишки морскихъ животныхъ, изготовляютъ матеріалъ для шитья одежды.

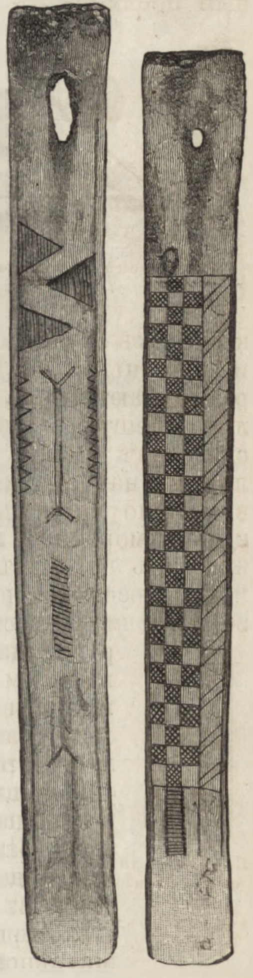

Гребень для скобленія кожъ у эскимосовъ. По Мурдоку.

Главная операція при примитивной обработкѣ кожи заключается въ растягиваніи ея, разглаживаніи морщинъ, образовавшихся отъ сушки, затѣмъ въ соскребаніи остатковъ мяса и жира, а иногда верхней кожицы и мездры, въ проминкѣ и выколачиваніи. См. изобр. рядомъ. Когда нужно снять шерсть, присоединяется еще одна процедура. Всѣ эти работы совершаются то при помощи самыхъ простыхъ, то очень сложныхъ и остроумно придуманныхъ приспособленій. Калифорнійцы, напримѣръ, шерсть просто выдергиваютъ руками, большинство же другихъ народовъ предварительно кладетъ кожу для размягченія въ воду, а эскимосы въ мочу. Индѣйцы племени Ворона употребляютъ для квашенія кожъ смѣсь воды съ золой. Механическая обработка заключается въ скатываніи кожи въ трубку руками, выколачиваніи, оскребаніи и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. у эскимосовъ, въ жеваніи. „При примитивной обработкѣ кожъ главное—мускульная сила человѣка“—по мѣткому опредѣленію Массона. Культурные народы примѣняютъ также всѣ эти пріемы кромѣ жеванія, но они присоединяютъ къ этому еще химическую обработку. Начатки химической выдѣлки кожи мы видимъ у многихъ первобытныхъ народовъ въ натираніи обработываемаго матеріала жирными веществами, чтобы сообщить ему мягкость и гибкость, какъ это въ усовершенствованномъ видѣ употребляется и у насъ при приготовленіи нѣкоторыхъ сортовъ кожи, напр. замши. Ваганды въ Африкѣ употребляютъ для этого масло, эскимосы ворвань, жители Азіатскаго плоскогорья кислое молоко, многіе туземцы Сѣверной Америки, какъ напр. сіуксы, модокъ, пани и ирокезы—мозги убитыхъ звѣрей [1]. Многіе американскіе

[1] Миддендорфъ, а также и другіе упоминаютъ о выдѣлкѣ кожъ путемъ намазыванія ихъ разложившейся печенью. Покойный академикъ уже послѣ своего путешествія упоминаетъ, что въ одной статьѣ, въ „Технологическомъ Журналѣ“ Динглера, этотъ способъ признается однимъ изъ лучшихъ. *Ред.*

индѣйцы послѣ выдѣлки „дымятъ“ кожу, послѣ чего она пріобрѣтаетъ то драгоцѣнное свойство, что она и пропитанная насквозь сыростью сохраняетъ свою мягкость и гибкость.

Дубильныя вещества растительнаго происхожденія, которыя, проникая въ кожу, обволакиваютъ ея волокна и связываютъ ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предохраняютъ отъ гніенія, менѣе извѣстны первобытнымъ народамъ, хотя все-таки кое гдѣ употребляются. Нѣкоторыя африканскія племена, какъ напр. Бонго, по сообщенію фонъ-Гейлинга, дубящія кожи корой сикоморы и одной изъ породъ акаціи, несомнѣнно, заимствовали это знаніе отъ сосѣднихъ культурныхъ народовъ. Въ культурныхъ странахъ средиземно-морскаго побережья выдѣлка кожъ извѣстна съ глубокой древности, какъ это намъ доказываютъ изображенія въ древнемъ Египтѣ, а также высокая репутація въ древнемъ мірѣ вавилонскихъ кожъ, перешедшая потомъ къ персидскимъ. Вмѣстѣ съ выдѣлкой часто связана и окраска ихъ. Въ средніе вѣка центромъ этой промышленности была Кордова (Corduan), потомъ она развилась въ Марокко (Maroqin) и въ концѣ концовъ проникла въ западный Суданъ, гдѣ Гаусса и Мандинго славятся изготовленіемъ кожъ.

Костяные ножи эскимосовъ для скобленія кожъ. По Мурдоку.

Уже Готфридъ Семперъ указалъ на тѣсную связь между обработкой кожъ животныхъ и коры деревьевъ для изготовленія матеріала для одежды. Здѣсь не одна только внѣшняя связь: при уменьшеніи пригоднаго для изготовленія одежды звѣря въ данной мѣстности естественно могла явиться мысль о замѣнѣ кожанаго костюма изготовленнымъ изъ древесной коры, особенно если еще при этомъ оказывалась возможность приспособить инструменты, служившіе для выдѣлки кожи, къ обработкѣ древесной коры. Сдираніе коры съ дерева аналогично сниманію кожи съ животнаго. И отъ древесной коры нужно отдѣлить грубые жесткіе слои, мять и выколачивать ее для приданія ей гибкости и мягкости. Способъ изготовленія матеріи мбугу изъ древесной коры у ваганда въ Африкѣ описывали многіе и между прочимъ Штульманъ. Онъ сообщаетъ слѣдующее: „Промятый и выколоченный лубокъ фиговаго дерева растягиваютъ на землѣ и бьютъ по нему колотушкой, отчего получается рубчатость. Получающіяся при этомъ пробоины закрываются четырехугольными лоскутками, срѣзанными съ краевъ, и зашиваются банановыми мочалками. Потомъ матеріи окрашиваютъ. Подобнымъ же образомъ изготовляется лубковая ткань и у нѣкоторыхъ племенъ Борнео. Вайтхедъ сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: „Мурты сдираютъ полосами очень плотную и гибкую кожу съ дерева. Затѣмъ по ней колотятъ тяжелымъ деревяннымъ инструментомъ, у котораго на одной, плоской сторонѣ вырѣзана крестообразная линія съ зубцами какъ на пилѣ. Этимъ выколачиваніемъ разрушаются жесткія волокна коры и получается очень гибкая, хотя и не прочная матерія; въ ней много дыръ и разрывовъ, которые заштопываютъ поперечно идущими полосками той-же матеріи“. Другіе наблюдатели упоминаютъ о томъ, что кору размягчаютъ, прежде нежели начать выколачивать ее. Какъ кажется, высшаго своего развитія эта техника достигла въ Полинезіи, гдѣ обрабатываютъ на ткани кору бумажнаго тутовника (Broussonetia papirifera), а также хлѣбнаго дерева и нѣкоторыхъ породъ фиговыхъ деревьевъ. По

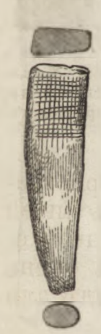
даннымъ Меренгаута (Moerenhouts), кору сперва вымачиваютъ, затѣмъ соскабливаютъ зеленый слой и снова вымачиваютъ. Затѣмъ все уносятъ въ особо назначенные для изготовленія тапы (лубковой матеріи) дома, гдѣ ихъ раскладываютъ на столики и выколачиваютъ инструментомъ, по формѣ напоминающимъ палицу. При помощи этого молотка или разведеннаго въ водѣ клея соединяютъ отдѣльные лоскутки вмѣстѣ. Затѣмъ матерія покрывается гумми изъ коры растенія Aleuritestriloba, чѣмъ ей сообщается прочность и непромокаемость; матерія нерѣдко потомъ окрашивалась и покрывалась рисунками. Какъ указываютъ эти описанія, повсюду, гдѣ изготовляютъ лубковыя матеріи, существуютъ одинаковыя колотушки (см. рисун. стр. 314 и 315), являющіяся характернымъ инструментомъ особой ступени культурнаго развитія.

Айны (вост. Азія), занятые выдѣлкой древесной коры. Японскій рисунокъ въ Бременскомъ музеѣ. См. текстъ, стр. 313 и 314.

Усердіе, которое человѣкъ съ давнихъ поръ прилагалъ къ обработкѣ кожъ и древесной коры, совершенно понятно: здѣсь идетъ рѣчь объ усиленіи недостаточной защиты тѣла человѣка одной собственной его кожей при помощи искусственныхъ покрововъ, какъ въ формѣ облегающаго тѣло платья, такъ и въ формѣ крыши или стѣны хижины и шатра.

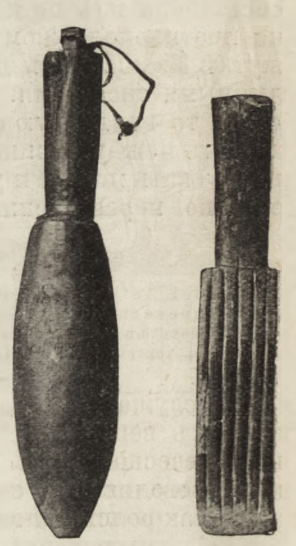
Но кожа въ то же время сосудъ и, въ качествѣ таковаго, прототипъ разныхъ видовъ посуды, служащей для сохраненія и для перевозки разныхъ твердыхъ и жидкихъ веществъ; эта посуда тоже изготовляется иногда изъ кожи или изъ древесной коры. Однако, уже въ первобытныя времена люди не довольствовались для своихъ надобностей кожами звѣрей и корою деревьевъ: родственное предыдущимъ мастерство плетенія плоскихъ полосъ и сосудовъ изъ гибкихъ вѣтвей уходитъ повидимому далеко въ глубь временъ. Корень всей этой техники можно видѣть въ обычаѣ первобытныхъ дикарей сплетать изъ сучьевъ деревьевъ и стеблей соломы покрышки, защищающія до нѣкоторой степени отъ дождя. Плетеніе плоскихъ полосъ и сосудовъ повело къ развитію двоякаго рода производительности: изъ защитныхъ покрышекъ развились производства циновокъ и корзинокъ. Эти разные виды работъ обусловили развитіе различныхъ техническихъ пріемовъ, которые однако же въ большинствѣ случаевъ очень просты. Въ основѣ всякаго искусства плетенія лежитъ узнанное изъ опыта явленіе, заключающееся въ томъ, что узкія полоски, вѣтви и нити, перевитыя нѣсколько разъ въ перекрестъ между собой, благодаря тренію и присущей имъ эластичности, плотно скрѣпляются другъ съ другомъ и что плетеніе должно быть тѣмъ плотнѣе, чѣмъ тоньше и менѣе эластичнѣе нити, которыя нужно сплетать. Главная задача, стало быть, здѣсь заключается въ продѣваніи между собою сплетаемыхъ нитей, гдѣ поочередно одна придерживаетъ другую. Для этой цѣли почти повсюду употребляется особая игла для плетенія [1], въ нѣкоторомъ родѣ удлиненіе слишкомъ толстой и слишкомъ мягкой самородной иглы—пальца. Снарядъ этотъ имѣетъ на одномъ концѣ плоское остріе, а на другомъ снабженъ приспособленіемъ для закрѣпленія полосъ и нитокъ. Самыми

Колотушка изъ слоновой кости для выдѣлки древесной коры у вавамбо. Вост. Африка. По Штульману.

[1] Flechtnadel.—Въ русскомъ языкѣ она носитъ много названій смотря по производству—вязальная игла, крючекъ, спичка, кочедыкъ при плетеніи лаптей и т. д. Это заставляетъ насъ вмѣсто термина дать описательный переводъ этого снаряда. *Ред.*

слабыми мѣстами во всякой плетенной работѣ являются края, которые обыкновенно въ виду этого разными способами стараются закрѣпить, придать имъ большую прочность. Если техника этой работы по принципу проста, то гибкость и податливость матеріала даетъ возможность въ отдѣльныхъ случаяхъ до безконечности разнообразить выполненіе работы и такимъ образомъ даетъ творческой фонтазіи широкое и благопріятное поприще для приложенія. Простое крестообразное плетеніе видоизмѣняется уже тѣмъ, что поперечныя полосы (утокъ) переплетаютъ вертикально продольныя (основу) не по одиночкѣ, а по двѣ, по три за разъ; рядомъ съ этимъ производятся и измѣненія въ направленіи переплетовъ, сдвиганіе полосокъ. Если-же поперемѣнно прилагаются оба эти пріема, то получается цѣлая масса варіантовъ. Безъ затрудненій научаются въ одномъ издѣліи примѣнять разнообразные матеріалы или же окрашивать полосы въ разные цвѣта, что при искусномъ выполненіи работы сообщаетъ ей изящный видъ. При этомъ искусство доходитъ до того, что достигается возможность выплетать фигуры людей и животныхъ. Вмѣсто того, чтобы выплетать вещь всю цѣликомъ, предпочитаютъ при производствѣ шляпъ, корзинокъ и тому подобнаго изготовлять отдѣльныя полоски и потомъ сшивать ихъ, и этимъ путемъ также достигается возможность придавать издѣліямъ самыя разнообразныя формы (см. рис. стр. 316).

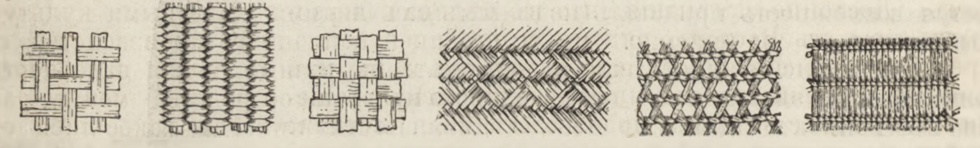

Колотушки для выдѣлки древесной коры у Хальмагера, Молуккскіе о-ва. По фотографіи. Смотри текстъ, стр. 314.

Приготовленіе плотныхъ полосъ матеріи изъ тонкихъ и не эластичныхъ нитей, помимо превращенія въ войлокъ, возможно только двумя путями: отдѣльныя нити должны быть очень плотно переплетены между собой, что при помощи только однихъ рукъ и иглы для плетенія крайне трудно, или же, при каждомъ перекрещиваніи нитей, онѣ должны въ углахъ быть связаны узлами. Изъ этой техники образовался особый родъ прочныхъ, но состоящихъ изъ широкихъ сквозныхъ петлей тканей — **сѣти** (см. изобр. на стр. 317), которыя, благодаря своему многообразному примѣненію для хозяйственныхъ цѣлей, главнымъ же образомъ для охоты и рыбной ловли, распространились по всему свѣту. Искусство плетенія сѣтей распространено несравненно шире, нежели другой способъ превращенія тонкихъ нитей въ плотную матерію—ткачество. Для обоихъ видовъ производства необходимо предварительно имѣть прочныя тонкія нити, природа же въ очень рѣдкихъ случаяхъ дастъ готовыми эти матеріалы въ пригодномъ видѣ для вышеозначенныхъ цѣлей.

Итакъ плетенію сѣтей и тканью обыкновенно предшествуетъ простая техника **пряденія**. Вычесываніемъ, выщипываніемъ, надавливаніемъ получаются волокнистыя вещества отъ животныхъ и растеній и затѣмъ при помощи вытягиванія и крученія обращаются въ крѣпкія нитки и веревки. Все это у первобытныхъ народовъ дѣлалось при помощи руки и простыхъ инструментовъ и прежде всего веретена, этого повсюду встрѣчающагося остатка доисторическихъ временъ. Культурные народы впрочемъ уже довольно рано сумѣли, изобрѣтя прялку съ колесомъ, примѣнить къ пряденію силу ногъ и соединить вытягиваніе нити съ болѣе быстрымъ и регулярнымъ вращательнымъ движеніемъ.

Хотя сѣть очень полезна во многихъ случаяхъ—она мало пригодна для защиты тѣла отъ холода. Переплести тонкія нити въ тонкую однородную поверхность смогло только ткацкое искусство, которое можно назвать усовершенствованнымъ плетеніемъ и оно дѣйствительно цѣлымъ

рядомъ незамѣтныхъ переходовъ связано съ этой болѣе древней техникой (см рис. ниже). Принципъ ткачества очень простъ. При тканьѣ, какъ и при плетеніи, передъ работникомъ рядъ вытянутыхъ нитей или полосъ; ихъ, чтобы онѣ не путались, не сдвигались съ мѣста, на одномъ или на обоихъ концахъ прикрѣпляютъ къ поперечной доскѣ, поперечному бруску или какому-либо другому приспособленію. Этотъ рядъ нитокъ называется основой. Задача состоитъ въ томъ, чтобы поперечныя нити проходилу поочередно сверху и снизу продольныхъ нитокъ основы переплетаясь. При плетеніи работникъ выполняетъ эту операцію при помощи своей иглы, но при переплетеніи тонкихъ нитокъ это потребовало бы слишкомъ много времени и большого напряженія вниманія. Весь секретъ ткачества заключается въ раздѣленіи нитокъ основы на двѣ группы, изъ которыхъ одна составлена изъ четныхъ, другая изъ нечетныхъ; и хотя вмѣстѣ съ тѣмъ на противоположномъ концѣ онѣ опять сходятся вмѣстѣ, но въ промежуткѣ каждая изъ двухъ группъ собрана отдѣльно, что достигается различными способами. Можно, напримѣръ, попеременно раздвигать то въ одну, то въ другую сторону четную и нечетную группу нитокъ, а въ промежутокъ между, при помощи иглы для плетенія или ея замѣстителя (челнока) пропускать поперечную нить (утóкъ); при этомъ получается плотная крестообразно переплетенная матерія, и прочность ея увеличивается по срав-

Корзинное плетеніе у различныхъ первобытныхъ народовъ. По Хольмсу. См. текстъ, стр. 315 и 316

ненію съ плетеніемъ тѣмъ, что здѣсь утокъ состоитъ не изъ отдѣльныхъ нитей, а одна и та же нить оборачивается взадъ и впередъ и, такимъ образомъ, закрѣпляетъ края. Приспособленіе, служащее для перемѣны нитей двухъ группъ основы, причемъ одинъ рядъ нитей проходитъ въ промежуткахъ между другими,—самая остроумная и наиболѣе затруднительная для описанія часть ткацкаго станка. Обыкновенно этой цѣли достигаютъ тѣмъ, что нити основы каждой группы пропускаютъ черезъ глазокъ (O'se) (колечко) и затѣмъ подвѣшиваютъ колечки эти на нитяхъ къ двумъ рамамъ, изъ которыхъ въ кольца одной пропущены нечетныя, въ другой четныя нити [1]. Вмѣсто того, чтобы передвигать ремизки руками, переставляютъ ихъ при помощи ногъ: привязываютъ однимъ концомъ къ ремизкамъ веревки и другимъ, какъ это дѣлается въ Западной Африкѣ, къ большимъ пальцамъ ногъ или устраиваютъ поднимающіяся или опускающіяся подпорки. Челноки съ уткомъ во всѣхъ первобытныхъ станкахъ пропускаются въ уголъ между двумя группами нитей (зевъ) рукою.

На самыхъ примитивныхъ станкахъ, какіе мы встрѣчаемъ на Каролинскихъ островахъ, у аиновъ, (см. изобр. на стр. 317) и въ Конго, въ Африкѣ, перерабатываются волокна въ томъ видѣ, какъ ихъ даетъ природа, въ особенности тонкія пальмовыя, ананасныя, банано-

---

[1] Этотъ приборъ называется по-русски ремизки или (народное названіе) нитченки, нити. Посредствомъ блока, черезъ который перекинуты шнурки, соединяющіе обѣ ремизки (нитченки), можно приподнимать то четную, то нечетную группу нитей. Если мы приподнимемъ одну ремизку, положимъ, нечетную, то, понятно само собой, и нечетныя нити приподнимутся вверхъ, а четныя останутся на мѣстѣ, и между тѣми и другими образуется двугранный уголъ. Въ этотъ уголъ пропускается нитка утка, послѣ чего поднявъ четную ремизку и опустивъ нечетную, мы заплетемъ утокъ и затѣмъ, пропустивъ снова уточную нитку, и сдѣлавъ опять перестановку ремизокъ, замкнемъ и вторую уточную нить и т. д. На станкахъ для перемѣны ремизокъ имѣется приспособленіе вродѣ педалей, которое даетъ возможность опускать и поднимать ремизки, надавливая на педали ногой. *Рсд.*

выя, кактусовыя и проскурняковыя. Хлопокъ, который, прежде чѣмъ ткаться, долженъ быть спряденъ, поэтому одному уже не могъ послужить толчкомъ къ изобрѣтенію ткацкаго станка, точно также какъ и шерсть, которая предполагаетъ уже наличность домашнихъ животныхъ. Здѣсь кстати будетъ упомянуто, что на Аляскѣ изъ шерсти дикаго козла и древесныхъ волоконъ ткутъ узорныя одѣяла, а живущіе къ западу тиннеги, употребляютъ для этого тоненькіе ремешки изъ шкурокъ кроликовъ. Древнѣйшій способъ превращенія шерсти въ матерію — валянье, которое и понынѣ практикуется азіатскими кочевниками въ качествѣ національной индустріи [1]. Волокна шерсти животныхъ имѣютъ наклонность сцѣпляться между собою и прилипать другъ къ другу, если ихъ смочить и подвергнуть прессованію. Войлокъ нечто иное какъ рядъ перепутанныхъ волоконъ, которыя хотя и обладаютъ нѣкоторой упругостью, но, благодаря чешуйчатому покрову крѣпко захватываютъ другъ друга и въ сухомъ состояніи сохраняютъ свое строеніе и приданную имъ форму [2]. Въ существѣ дѣла здѣсь ничего не нужно кромѣ простой механической силы и можно обойтись безъ какихъ-либо сложныхъ снарядовъ, вродѣ ткацкаго станка. Вѣроятно, изготовленіе бумаги было отпрыскомъ войлочнаго производства,—для этого открытія достаточно было сдѣлать пробу замѣнить шерсть животныхъ растительнымъ волокномъ. Достойно замѣчанія, что въ бѣдныхъ дикими животными культурныхъ странахъ Востока, рядомъ со столицей войлочнаго производства, съ древнихъ временъ бумага шла на платье и на разныя другія надобности.

Плетенье сѣтей у эскимосовъ. Эскимосскій рисунокъ. По Гофману. См. екстъ, стр. 315.

Въ высшей степени интересно прослѣдить такое родство между различными техническими производствами. Почти никогда какое-либо открытіе не является чѣмъ-нибудь самостоятельнымъ, у него всегда есть предшественники, которыми оно обусловлено: случается такъ, что старая техника совершенствуется, расширяетъ область своего приложенія и при этомъ достигаетъ совершенно новыхъ результатовъ; бываетъ и такъ, что приспособленія, предназначенныя для какой-либо цѣли, не даютъ хорошихъ результатовъ, но зато неожиданно оказываются весьма пригодными въ другой отрасли техники. Примѣромъ того, какъ иногда одновременно достигаются оба результата на одномъ дѣлѣ, то есть, улучшеніе несовершенной утвари и въ то же время открытіе новой отрасли техники, можетъ служить первобытное гончарное производство, которое мы можемъ прослѣдить, хотя и не съ полной точностью, но все-таки достаточно подробно.

Ткацкій станокъ аиновъ. Японскій рисунокъ. См. текстъ, стр 316.

[1] Авторъ умалчиваетъ о томъ, что въ Россіи это производство представляетъ не малую статью торговли не только на внутреннемъ, но и на внѣшнемъ рынкѣ и достигло значительной степени совершенства. *Ред.*

[2] Здѣсь можетъ быть не лишне сообщить объ одномъ, хотя, можетъ быть, не очень древнемъ, но примитивномъ способѣ изготовленія войлока у кочевниковъ Азіатскаго плоскогорія. На парусѣ раскладываютъ ровнымъ слоемъ шерсть, смачиваютъ ее и затѣмъ накатываютъ на стержень, длиною около сажени и обвязываютъ снаружи бичевкой; затѣмъ на концахъ стержня надѣваются деревянныя гайки, къ которымъ прикрѣплены длинныя веревки, стержень съ навитой на него шерстью можетъ свободно вращаться въ гайкахъ. Валяльщикъ беретъ концы веревокъ, привязываетъ ихъ къ сѣдлу съ двухъ сторонъ, садится верхомъ и ѣздитъ взадъ и впередъ по полю, выбирая мѣсто поровнѣе; вращеніе стержня сжимаетъ, спрессовываетъ волокна шерсти, и получается въ концѣ концовъ войлокъ, но довольно невысокаго качества. *Ред.*

Уже въ весьма раннюю эпоху ощущалась надобность имѣть возможность хранить и переносить съ мѣста на мѣсто воду; эта возможность была первой попыткой освободиться отъ гнета условій окружающей природы. Уже строеніе человѣческаго тѣла вызывало потребность имѣть сосудъ для питья, такъ какъ имѣвшійся для этой надобности органъ — рука, былъ очень неудобенъ для такого примѣненія и ее замѣняли раковиной, яичной скорлупой, скорлупой плодовъ и, на что мы имѣемъ многочисленныя указанія изъ прошлаго, черепомъ человѣка. Эти маленькія вспомогательныя приспособленія, разумѣется, не давали возможности переносить съ одного мѣста на другое большія количества воды.

Гдѣ охота или скотоводство доставляютъ хорошій доходъ, тамъ снятыя съ животнаго кожи даютъ чрезвычайно удобные сосуды для воды, которые тамъ съ древнихъ временъ и понынѣ еще сохранили свое значеніе, а тамъ, гдѣ хорошо растутъ и вызрѣваютъ тыквы-горлянки, сама природа даетъ отличную утварь для храненія жидкостей.

Водоносы въ Бомбеѣ, Индія. По фотографіи. См. текстъ, стр. 318.

При недостаткѣ всѣхъ такихъ удобствъ, прибѣгаютъ къ мало приспособленному для этого дѣла искусству плетенія и, дѣйствительно, многіе народы доходятъ до того, что плетутъ изъ травы корзины, не пропускающія воды. Отсюда весьма просто было придти къ мысли покрывать эти корзинки глиной, чтобы онѣ лучше держали воду. При описаніи постройки жилищъ, мы увидимъ, что глина была въ большомъ употребленіи въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было какую-нибудь плетеную вещь сдѣлать непроницаемой для воды и воздуха. Точно также стали покрывать тыквенные сосуды и твердую скорлупу плодовъ глиной и обжигать, чтобы кипятить въ нихъ воду прямо на огнѣ, вмѣсто кропотливой процедуры согрѣванія ея раскаленными камнями. Такимъ путемъ открыты были основы гончарнаго дѣла. Могло пройти не мало времени съ тѣхъ поръ, какъ было замѣчено, что на огнѣ глиняная обмазка сосуда твердѣетъ, прежде чѣмъ явилась мысль воспользоваться этимъ наблюденіемъ для дальнѣйшихъ приложеній; но, что въ дѣйствительности развитіе гончарнаго дѣла шло такимъ путемъ, намъ доказываютъ формы доисторическихъ глиняныхъ сосудовъ: съ одной стороны, видно, что они формовались въ плетеныхъ корзинахъ (см. изображ. на стр. 119), съ другой—они являются копіями естественныхъ сосудовъ для воды. И корзинообразные глиняные сосуды представляютъ собою сознательное подражаніе сосудамъ плетеннымъ.

Вмѣсто того, чтобы обмазывать глиною корзину и сжигать ее вмѣстѣ съ глиною, при чемъ портится плетеный сосудъ [1], теперь по большей

[1] Въ Вост. Сибири, въ Енисейской губерніи и прилегающихъ мѣстностяхъ Томской, намъ случалось у кизильцевъ, сагайцевъ и черневыхъ татаръ видѣть остатки этой перво-

части лѣпятъ сосудъ прямо изъ глины руками. Вопросъ о томъ, можно ли считать древнѣйшимъ способъ формованія горшковъ посредствомъ накладыванія другъ на друга валиковъ изъ глины и скрѣпленія ихъ посредствомъ сглаживанія въ настоящее время врядъ-ли можетъ быть рѣшенъ. Имъ-Турнъ, имѣвшій случай подробно наблюдать приготовленіе горшковъ этимъ способомъ у индіанокъ Гвіаны, даетъ болѣе точное описаніе его: „Плоскій кружокъ изъ глины, дно изготовляемаго горшка, кладется на деревянную дощечку. Остатокъ глины раскатывается въ цилиндрическіе валики, толщиною въ мужской палецъ, однимъ изъ этихъ валиковъ охватываютъ круглое дно сосуда. Этотъ валикъ, работая и большимъ, и указательнымъ пальцами, скрѣпляютъ съ дномъ, выравниваютъ, выглаживаютъ и съ большой аккуратностью придаютъ ему форму правильнаго круга. Затѣмъ накладываютъ второй валикъ, съ которымъ дѣлаютъ то же, что и съ первымъ. Такимъ образомъ, постепенно растутъ стѣнки сосуда и, хотя онѣ выравниваются только при помощи пальцевъ, но сохраняютъ совершенно правильную круговую форму". Послѣ этого сосудъ раковинками и гладкими камешками чистится, шлифуется и просушивается на солнцѣ; затѣмъ его расписываютъ и обжигаютъ на медленномъ огнѣ.

Древній сосудъ съ узоромъ, изображающимъ ткань.

Гончарное дѣло можетъ совершенствоваться различными способами, и нѣкоторые изъ нихъ въ разныхъ мѣстностяхъ были введены довольно рано. Прежде всего растираніемъ глины съ водою и отмучиваніемъ можно удалить негодныя примѣси и получить болѣе однородный и чистый матеріалъ.[1] Затѣмъ оказывается, что не всякая глина одинаково измѣняется при обжиганіи; одни сорта при сильномъ огнѣ уплотняются, твердѣютъ какъ стекло, абсолютно не проницаемы для жидкости, — другіе же пріобрѣтаютъ пористое строеніе, и въ такихъ сосудахъ, хотя и медленно, просачивается сквозь стѣнки вода. Эта проницаемость для воды въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ недостатка превращается въ преимущество, потому что просочившаяся на внѣшнюю поверхность сырость, испаряясь, охлаждаетъ жидкость въ сосудѣ. И мы видимъ, что, какъ въ южной Европѣ, такъ и на Востокѣ, подобные сосуды (терракотовые) съ давнихъ временъ употребляются для охлажденія жидкостей. При варкѣ пищи такіе сосуды также не представляютъ неудобствъ, потому что остатки пищи извнутри и сажа снаружи закупориваютъ поры. Однако же имѣются случаи, гдѣ непроницаемые сосуды безусловно необходимы, какъ, напримѣръ, при храненіи вина и вообще тогда, когда жидкость должна храниться въ сосудахъ долгое время. Самый простой способъ для достиженія этой цѣли состоялъ въ покрытіи сосуда снаружи сажей. Это легче всего было сдѣлать, пропитывая сосудъ передъ обжигомъ масломъ, смолой или обмазывая его какими либо другими аналогичными веществами — техническій пріемъ, примѣненіе котораго мы видимъ

Глиняная корзинка у Цуньи, Сѣв. Америка. По Стивенсону. См. текстъ, стр. 318.

бытной техники на устройствѣ очаговъ и каминовъ. Иногда берутъ дуплистый стволъ дерева, ставятъ его въ юрту вмѣсто камина и обмазываютъ внутри и снаружи глиной; въ другихъ случаяхъ сплетаютъ подобіе камина изъ тальниковыхъ прутьевъ такъ, какъ плетутъ въ деревняхъ плетни и обмазываютъ глиной. Рядомъ съ этимъ налицо дальнѣйшая стадія развитія гончарной техники—камины сбитые изъ одной глины. *Ред.*

[1] Въ первобытной керамикѣ, при несовершенствѣ обжига, не дорожили чистотой глины,—наоборотъ примѣшивали къ ней песокъ, дресву, гравій, находя, что въ такой смѣси стѣнки сосуда держатся крѣпче. Неоднородность состава, изломъ съ инородными ингредіентами—одинъ изъ признаковъ первобытной керамической техники. *Ред.*

на многихъ древне-греческихъ глиняныхъ сосудахъ. Замѣчено также было, что часто, при обжиганіи нечистыхъ сортовъ глины, сосуды покрывались стеклообразной массой, если въ смѣсь входили вещества, сплавляющіяся вмѣстѣ на огнѣ. Такимъ путемъ была открыта глазурь; но она неизвѣстна большинству примитивныхъ народовъ, занимающихся гончарнымъ дѣломъ.

Гончарный кругъ также изобрѣтенъ культурными народами. Мысль, вмѣсто того, чтобы горшечнику во время формовки сосуда самому ходить вокругъ него, лучше заставить вертѣться столъ, на которомъ стоитъ горшокъ, по мнѣнію Липперта, впервые была осуществлена въ Египтѣ. Основной принципъ вездѣ одинъ и тотъ же: равномѣрное вращеніе позволяетъ вести формовку и скоро, и правильно; въ добавокъ къ этому явилась возможность человѣку полнѣе воспользоваться своими силами: не трудно было придти къ мысли вращать снарядъ ногами при помощи педалей, какъ въ прялкѣ, а руки занять только формовкой. Кромѣ того, достигнуто было совсѣмъ инымъ путемъ другое усовершенствованіе: перуанцы выдавливали формы своихъ сосудовъ въ глинѣ и составляли свои громадные сосуды, которыхъ они не обжигали, изъ двухъ половинокъ. Этотъ техническій пріемъ встрѣчается спорадически и въ другихъ мѣстахъ, и, хотя онъ не подвинулъ впередъ керамику, зато онъ имѣетъ громадное значеніе, какъ первообразъ техники металлолитейнаго дѣла. Эти необожженные перуанскіе горшки пригодны только въ сухомъ климатѣ и то лишь для немногихъ надобностей; но они напоминаютъ намъ, что рядомъ съ керамикой, которая кромѣ сосудовъ изготовляла бусы, грузила для сѣтей, напрясла для веретенъ и тому подобное, существовала простая лѣпка глины, которая пріобрѣла громадное значеніе въ странахъ съ сухимъ климатомъ и въ особенности для постройки домовъ. Обожженный кирпичъ, этотъ искусственный камень,—прямой потомокъ сырцоваго кирпича, высушеннаго на солнышкѣ. Нигдѣ съ такой силой не выступаетъ передъ нами великое значеніе обѣихъ отраслей обработки глины, какъ въ Вавилонѣ, почти не имѣвшемъ натуральнаго камня. Культурные обитатели его свои колоссальныя зданія возводили изъ сырцоваго кирпича и въ то же время результаты своей духовной дѣятельности запечатлѣли для потомства на обожженныхъ глиняныхъ плиткахъ и цилиндрахъ. Въ сѣверной Африкѣ оба вида техники идутъ рука объ руку: обитатели оазисовъ строятъ дома изъ сырцоваго кирпича; но уже въ степномъ городкѣ, Кайруанѣ, мы видимъ множество кирпичныхъ мастерскихъ, — дома и стѣны тамъ сложены изъ обожженнаго кирпича.

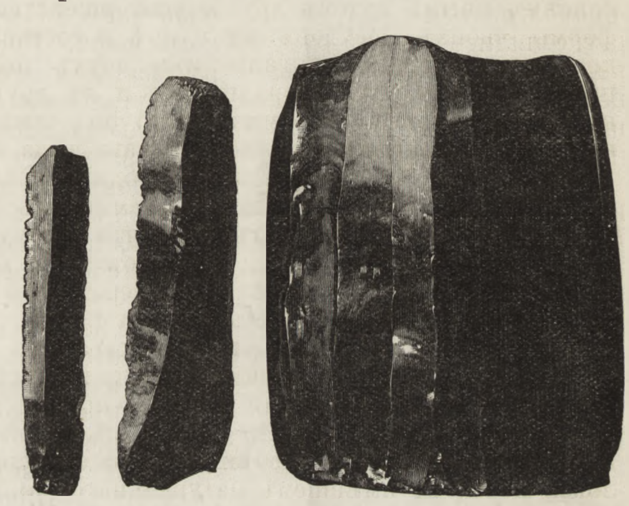

Каменная лампа у эскимосовъ. По Мурдоку. Смотри текстъ, стр. 321.

Хотя керамика занимается превращеніемъ мягкой горной породы въ камень, но въ основѣ она сама представляетъ собой своеобразную вѣтвь обработки камня, древнѣйшей и важнѣйшей для доисторическаго человѣка отрасли техники, и въ то же время ни одно мастерство не потеряло такъ много своего значенія какъ она отъ успѣховъ культуры. Хотя камень, конечно, и теперь составляетъ необходимый сырой матеріалъ матеріальной культуры, но онъ идетъ больше всего на монументальныя сооруженія, что же касается обыденной жизни средняго человѣка, то тамъ онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто металламъ и другимъ замѣстителямъ.

Техника обработки камня охватывала уже и въ доисторическія времена обширную область. Насколько сходны были между собой сорта сырыхъ матеріаловъ и однообразны цѣли, для которыхъ производилась обработка матеріала, настолько-же въ разныхъ условіяхъ была не одинакова сама обработка. Точно также ошибочно было бы смотрѣть на эпоху каменной культуры, какъ на всеобщую низшую стадію развитія, которую любой народъ долженъ былъ пережить почти одинаковымъ образомъ. Есть страны на землѣ, гдѣ почти не встрѣчается подходящихъ для пользованія

каменныхъ породъ; есть наоборотъ и другія, изобильныя самыми разнообразными и пригодными для всевозможныхъ цѣлей образцами. Въ первомъ случаѣ, о настоящемъ каменномъ вѣкѣ врядъ-ли можно серьезно говорить; во второмъ же, употребленіе камней кладетъ особый отпечатокъ на культуру, и камень стойко держится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣ введенія металловъ.

Три свойства камней, гдѣ каждое въ отдѣльности, гдѣ всѣ вмѣстѣ, опредѣляютъ пригодность этихъ матеріаловъ въ первобытной культурѣ,— эти свойства твердость, вѣсъ и способность къ обдѣлкѣ, которая зависитъ отъ твердости и вязкости строенія. Твердость мало полезна, если она соединена съ хрупкостью, такъ какъ при этомъ однимъ сильнымъ ударомъ можно разбить вдребезги съ тяжкимъ трудомъ изготовленный предметъ. Въ силу этого недостатка, обыкновенный кристаллическій кварцъ почти совсѣмъ не употреблялся на выработку каменныхъ орудій, а, состоящій изъ той же кремневой кислоты, аморфный кремень былъ повсемѣстно излюбленнымъ матеріаломъ каменной культуры. Нефритъ также своимъ распространеніемъ обязанъ твердости, соединенной съ вязкостью [1]. Значительная твердость однако и въ соединеніи съ хрупкостью, если только она не чрезмѣрна, является желаннымъ качествомъ, если можно отъ куска горной породы отбивать пластинки, съ острыми краями (lames), вродѣ ножевыхъ клинковъ. Изъ обсидіана, натуральнаго стекла, въ древней Мексикѣ изготовляли бритвы, а также наконечники стрѣлъ и иные острые, хотя и не очень прочные, инструменты. Мягкія и вязкія породы легче обрабатывать и придавать вещи желаемую форму; но годятся они только для немногихъ цѣлей. Ни агальматолитъ, изъ котораго эскимосы вырѣзываютъ лампы и посуду, ни песчанникъ, идущій на такія же подѣлки (см. изобр. на стр. 320), ни мягкій черный сланецъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, изъ котораго дѣлаютъ фигурки и ключи [2], не годятся на инструменты; да и самые пріемы обдѣлки такихъ камней имѣютъ больше сходства съ работами по рогу и дереву, чѣмъ съ работами по камню. По счастью самые твердые камни не настолько жестки, не настолько постоянны въ своихъ свойствахъ, какъ это можетъ казаться: многіе свѣже-выломанные камни содержатъ въ себѣ воду, въ этомъ состояніи они мягче, и ихъ много легче обрабатывать, чѣмъ когда они полежатъ нѣсколько времени на воздухѣ, причемъ вода улетучивается. Изъ этого слѣдуетъ, что и мастерскія для выдѣлки каменнаго оружія и инструментовъ нужно было устраивать вблизи каменоломенъ.

Нуклеусъ (ядрище) изъ обсидіана и ножъ изъ него. Мексика. По фотографіи.

---

[1] Также и красотѣ многихъ изъ его разновидностей, почему онъ и употребляется на украшенія. Въ Китаѣ онъ не потерялъ своей популярности и донынѣ. Изъ него выдѣлываютъ вещи, являющіяся чудесами искусства рѣзьбы по камню. Городъ Хотанъ въ старину назывался Юй-тянъ. Юй—по китайски нефритъ. Этимъ камнемъ уплачивали хотанцы дань Китаю. Въ историческія времена существовало повѣрье, можетъ быть, сохранившееся кое гдѣ и теперь, что нефритовая чаша трескается, если въ нее налить отравленный напитокъ. Поэтому владыки Востока предпочитали нефритовую столовую посуду всякой другой. *Ред.*

[2] Издѣліями изъ чернаго сланца славятся острова Шарлоты. *Ред.*

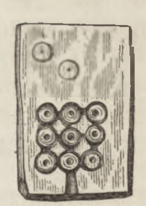
Если мы прослѣдимъ самую совершенную обработку камня, какая практиковалась въ неолитическій періодъ въ разныхъ странахъ Европы, и переходы отъ простой оббивки къ болѣе тонкимъ пріемамъ, вплоть до полировки готовыхъ вещей, то, какъ доказываютъ намъ это находки изъ болѣе древнихъ эпохъ, мы будемъ имѣть передъ собой всю исторію техники каменныхъ орудій. Находки орудій древнѣйшихъ эпохъ даютъ намъ инструменты и оружія, оббитые самымъ грубымъ образомъ при помощи другого камня. При этомъ утилизировались для разныхъ цѣлей, сообразно ихъ формѣ, и осколки, которые при этомъ всегда нѣсколько подправлялись. Умѣнье посредствомъ искусныхъ ударовъ и надавливанія отдѣлять отъ массы осколки желаемой формы, которымъ и у современныхъ народовъ, употребляющихъ каменныя орудія, владѣетъ не всякій, требовало для своего постепеннаго усовершенствованія очень долгаго періода времени. Прежде всего выучились отдѣлять отъ куска камня продолговатыя пластинки съ острыми ребрами, которыя употреблялись какъ ножи. При этомъ обыкновенно на томъ концѣ, на который надавливали или куда направляли ударъ, всегда оставалось утолщеніе — ударный бугорокъ (Schlagmarke). Этимъ признакомъ настоящія орудія отличаются отъ поддѣльныхъ, изготовляемыхъ изъ обсидіана. Впослѣдствіи при помощи снарядовъ изъ дерева и рога стали отдѣлять крошечные осколочки и при этомъ обрабатывались не только лезвія ножей, но и вся поверхность клинка (ретушъ). Этимъ способомъ умѣли выдѣлывать большіе прочные топоры съ острымъ лезвіемъ. Даже и мечи умѣли изготовлять изъ обсидіана, причемъ извѣстное число клиночковъ вставлялось въ деревянную рукоятку (см. объясненіе раскрашенной таблицы „мексиканскіе знаки достоинства“.

Человѣкъ, сверлящій раковину-тридакну (*a*) Берлингафенъ на Нов. Гвинеѣ; (*b*) сверло; (*c*) постепенное расширеніе просверливаемаго отверстія. По Люшану. Ср. текстъ, стр. 323.

При обработкѣ оббивкой все-таки не получаются гладкія поверхности. Для сглаживанія ихъ обратились къ полировкѣ, которая въ Европѣ началась только вмѣстѣ съ неолитическимъ временемъ; въ Америкѣ же она была извѣстна раньше. Трудно сказать, какимъ путемъ дошли до изобрѣтенія полировки, т. е. до примѣненія къ выглаживанію камня воды съ пескомъ. Предположеніе Гернеса, что отшлифованные водой камни послужили указаніемъ на шлифовку камней руками, не доказано и для объясненія требуетъ цѣлаго ряда логическихъ предпосылокъ. Полировка увеличиваетъ практическую пригодность орудій, а можетъ быть, и эстетическія соображенія, — привлекательный видъ гладкихъ поверхностей, — содѣйствовали ея распространенію.

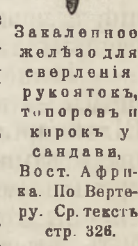
Можетъ быть, полировка дала начало двумъ другимъ изобрѣтеніямъ — каменной пилѣ и каменному сверлу. Въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи находятъ топоры, которые были получены распилкою крупныхъ камней, найдены также и пилы изъ оленьихъ роговъ, усаженныхъ кремневыми зубцами; такъ какъ камни такими пилами могли быть распилены только при помощи воды и песка, то и изобрѣтеніе ихъ могло быть вызвано полировальной техникой. При сверленіи, попытки котораго въ Европѣ начались довольно поздно, главная работа падаетъ на воду и песокъ, такъ какъ роль бурава, дѣлавшагося изъ полой кости или рога оленя, заключается только въ передачѣ силы мускуловъ человѣка песчинкамъ. Сверхъ того, какъ кажется, въ Европѣ къ

сверленію примѣнялся (срв. текстъ, стр. 308) коловоротъ, употреблявшійся при добываніи огня и уже описанный выше. Переходъ отъ сверлъ для дерева къ снарядамъ для сверленія камня образуютъ сверла для продыравливанья раковинъ (см. изображеніе на стр. 322) или роговъ. Вообще же продыравливаніе камней не имѣетъ такого громаднаго значенія, какое можно приписать ему съ перваго взгляда: въ маленькихъ топорахъ просверленное отверстіе уменьшаетъ ихъ прочность, массивные же экземпляры, которые можно просверливать безъ вреда, очень трудно оттачивать. Этими недостатками, а не недостаткомъ сношеній или природными условіями мѣстности, объясняется и современное спорадическое распространеніе техники сверленія. Въ Полинезіи сверленіе камней не извѣстно; въ Новой Гвинеѣ оно примѣняется, но не къ топорамъ, а для просверливанія тяжелыхъ каменныхъ набалдашниковъ для кистеней, но топоровъ съ просверленнымъ обухомъ не знаютъ и прикрѣпляютъ шлифованные топоры къ рукояткамъ другимъ способомъ. Въ Новой Зеландіи тоже сверлятъ камни для надѣванія ихъ на шнуры; но точно также и тамъ нѣтъ топоровъ со втулкой.

Форма изъ сосновой коры для литья оловянной посуды у остяковъ, Сибирь. По Мартину. См. текстъ этой стр. внизу.

Побѣдоносными замѣстителями камня выступили металлы, и съ этой поры весь періодъ развитія человѣчества называется эпохой металловъ, хотя и теперь еще есть племена, которыя обходятся безъ нихъ. Съ новымъ матеріаломъ возникаетъ и новая техника, хотя и здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, исторія не знаетъ внезапныхъ переворотовъ и сознательнаго отрицанія старыхъ пріемовъ. Первоначальный способъ обработки металловъ тѣсно связанъ съ техникой обработки камня и только постепенно узнаются и используются преимущества металловъ. Прежде всего замѣчается, что металлы отъ огня становятся гибче, мягче и переходятъ въ жидкое состояніе, а при остываніи снова превращаются въ твердую массу,—другими словами, ихъ можно расплавлять и выливать. Металлы уже были въ употребленіи прежде, чѣмъ было сдѣлано это капитальное открытіе. Индѣйцы Сѣв. Америки умѣли пользоваться самородной мѣдью, встрѣчавшейся на Верхнемъ Озерѣ и выковывали изъ нея разнообразную утварь, эскимосы подобнымъ же образомъ обрабатывали метеорическое желѣзо; но оба эти примѣра примѣненія металловъ не имѣли большого значенія для культуры. Въ Европѣ и въ Азіи, какъ кажется, нѣтъ примѣровъ такой обработки, такъ какъ мѣдная культура здѣсь, повидимому, исходила изъ одного первоначальнаго центра, острова Кипра, имя котораго слышится въ названіи металла cuprum.

Повсюду, гдѣ употребляются металлы, практикуется и искусство размягчать ихъ посредствомъ огня, и это совпаденіе имѣетъ свой особый источникъ. Металлы, получившіе важное значеніе въ культурѣ, за исключеніемъ золота, не игравшаго почти никакой роли въ первобытныя времена, въ чистомъ видѣ встрѣчаются только лишь въ исключительныхъ случаяхъ, а нѣкоторые почти никогда не встрѣчаются. Ихъ, наоборотъ, находятъ въ природѣ чаще всего ввидѣ соединеній съ кислородомъ, сѣрой и фосфоромъ, ввидѣ рѣдко обращающихъ на себя вниманіе своимъ внѣшнимъ видомъ рудъ, изъ которыхъ металлы нужно еще извлекать; изъ кислородныхъ соединеній металловъ, напримѣръ, изъ оловянной руды; изъ большинства желѣзныхъ рудъ можно выдѣлить металлы, нагрѣвая руду вмѣстѣ съ древеснымъ углемъ. Уголь соединяется съ кислородомъ и перегораетъ въ угольную кислоту. Не мудрено догадаться, какъ случай могъ навести на открытіе добычи металла изъ легкоплавныхъ рудъ

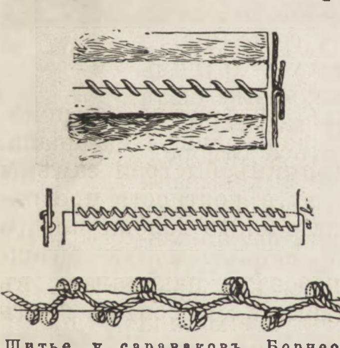

Закаленное желѣзо для сверленія рукоятокъ, топоровъ и кирокъ у сандави, Вост. Африка. По Вертеру. Ср. текстъ стр. 326.

и какъ уже послѣ этого стали испытывать огнемъ всякіе камни, въ которыхъ можно было заподозрить присутствіе металла. Точно также легко объяснить, почему олово и мѣдь были первыми и преобладающими культурными металлами. Ихъ руды, хотя между мѣдными не всѣ, но нѣкоторыя, не требуютъ очень высокой температуры для выплавки [1] и при томъ, мѣстами встрѣчаются въ большихъ массахъ, что облегчало открытіе.

Олово и мѣдь въ отдѣльности обладаютъ многими неудобными свойствами; но ихъ способность легко сплавляться вмѣстѣ и давать бронзу, сплавъ, пригодный для самыхъ разнообразныхъ надобностей ведетъ къ результатамъ громаднѣйшей важности. Бронза тверже мѣди и олова и отличается отъ первой громадными преимуществами,—она легко отливается въ формы, мало покрывается ржавчиной и имѣетъ пріятный для глазъ цвѣтъ. Отъ камней она отличается вязкостью и извѣстной неразрушимостью. Изломанная на куски она не пропадаетъ даромъ, какъ куски раздробленнаго камня, потому что ее можно снова расплавить и отлить въ форму. Только по твердости она уступаетъ многимъ горнымъ породамъ.

Раздувательный мѣхъ у Дурру; Адамауа, Зап. Суданъ. По Пассаржу.

Съ открытіемъ металловъ расширилась дѣеспособность человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и бремя лежащаго на немъ труда: новое вспомогательное средство не было такъ широко распространено, не встрѣчалось въ такихъ громадныхъ количествахъ, какъ дерево и камень: его нужно было разыскивать, трудиться для выработки его и потомъ уже пускать въ дѣло. Обработкѣ металловъ предшествуетъ новая цѣлая группа техническихъ пріемовъ, совокупность которыхъ мы называемъ горнымъ дѣломъ. Также и здѣсь новое примыкаетъ къ старому, такъ какъ и въ каменномъ вѣкѣ добываніе нужныхъ камней часто требовало предварительныхъ горныхъ работъ, на что указываютъ намъ остатки первобытныхъ мѣловыхъ каменоломенъ въ Англіи.

Шитье у саравановъ. Борнео. По Лингъ Роту. См. текстъ, стр. 326.

Въ крупныхъ размѣрахъ начало развиваться горное дѣло только тогда, когда началась добыча металлоносныхъ рудъ. Оно состояло и состоитъ не въ однихъ только поискахъ рудныхъ жилъ и штоковъ въ твердыхъ горныхъ породахъ посредствомъ проложенія штоленъ и шахтъ, такъ какъ рядомъ съ этими пріемами съ давнихъ временъ практикуется, въ качествѣ особой отрасли горной промышленности, добываніе металловъ изъ розсыпей. Розсыпями называются залежи рудъ и металловъ въ рѣчныхъ пескахъ или другихъ осадкахъ, куда металлы, послѣ вывѣтриванія и разрушенія содержавшихъ ихъ горныхъ породъ, были унесены въ другое мѣсто теченіемъ воды. Благодаря значительной тяжести металлическія частицы осаждаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ особенно обильно. Въ такихъ мѣстахъ, при промывкѣ водой и другихъ вспомогательныхъ средствахъ, массы песка и земли устраняются, и металлъ выдѣляется безъ особыхъ затрудненій. Значительная часть золота и теперь вырабатывается подобнымъ способомъ. Для примитивной культуры имѣло громадную важность нахожденіе оловяннаго камня, единственной, имѣю-

[1] По остаткамъ первобытныхъ копей въ Сибири видно, что тамъ разрабатывались главнымъ образомъ поверхностно лежащіе выходы рудъ, состоявшіе изъ болѣе или менѣе простыхъ окисленныхъ металловъ; но доходя до глубоко лежащихъ сѣрнистыхъ и другихъ тугоплавкихъ рудъ, работа останавливалась. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ мѣдныхъ рудъ отличаются яркой окраской, что должно было сначала привлекать любопытство, а потомъ и облегчать нахожденіе рудъ. *Ред.*

щей практическое значеніе, оловянной руды, въ розсыпяхъ, и безъ сомнѣнія изъ такихъ рыхлыхъ отложеній и было въ первый разъ оно добыто. Кое гдѣ у первобытныхъ племенъ и желѣзо добывается промывкою; что же касается мѣди, то она добывается исключительно при помощи горныхъ работъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; слѣды древнихъ мѣдныхъ рудниковъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ Альпахъ и въ западной Сибири[1].

Бронзу можно обрабатывать и ковкой, и литьемъ. Въ обоихъ способахъ опыты прежней техники могли оказать нѣкоторую помощь, а также пріемы, созданные для другихъ техническихъ цѣлей, могли дать намеки для примѣненія ихъ къ новому дѣлу; формы изготовлялись изъ глины и мягкаго камня, даже изъ древесной коры, ковка привела къ расплющиванію металла и вытягиванію его въ проволоку, — одно напоминало о пряденіи, другое объ обработкѣ кожъ древеснаго луба и растительныхъ волоконъ. Извѣстны примѣры, гдѣ дыры на бронзовыхъ сосудахъ зачинивались кускомъ листовой бронзы, пришитымъ посредствомъ проволоки, подобно тому какъ дыры на платьѣ штопаютъ заплатой. Листовая бронза встрѣчается въ употребленіи въ доисторической Европѣ для увеличенія крѣпости кожи на панцыряхъ, шлемахъ и поножахъ, хотя и не очень часто по причинѣ большой дороговизны матеріала.

Окрашиванье матерій краской индиго въ Гаруа, Зап. Суданъ. По Пассаржу.

Эта дороговизна бронзы и была одной изъ причинъ быстрой замѣны ея другимъ болѣе дешевымъ металломъ. Не лишено вѣроятности предположеніе о томъ, что уже тогда производились сознательные поиски новаго металла, и нѣкоторыя желѣзныя руды, имѣющія металловидную внѣшность, какъ красный и бурый желѣзняки, пробовали накаливать въ мѣдноплавильныхъ печахъ. И антимоній на Кавказѣ, вѣроятно, былъ открытъ такимъ же путемъ. У желѣза тотъ недостатокъ, что оно быстро ржавѣетъ; но онъ искупается важными преимуществами, — желѣзо можно и плавить, и сваривать, оно тверже бронзы и при переработкѣ въ сталь можетъ сдѣлаться еще тверже; руды его настолько широко распространены, что обработку его можно почти повсюду вести самостоятельно и такимъ образомъ избавить себя отъ необходимости подчиняться условіямъ доставки извнѣ, какъ это было въ бронзовую эпоху. При такихъ условіяхъ и могла распространяться по всей Африкѣ обработка желѣза между различными племенами, изъ которыхъ нельзя ни одного назвать учителемъ или иниціаторомъ этого дѣла: обработка желѣза при удобораспространимости носитъ гораздо болѣе подвижной характеръ, чѣмъ бронза, которая благодаря рѣд-

---

[1] Въ нихъ нѣтъ недостатка и въ Восточной Сибири: югъ Енисейской губерніи богатъ остатками такихъ выработокъ. Ихъ начали разрабатывать русскіе въ XVIII ст., но потомъ забросили; принимались за ихъ разработку и въ семидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія; но безъ большого успѣха, хотя по новѣйшимъ геологическимъ развѣдкамъ они признаны стоющими разработки. Югъ Енисейской губерніи классическая мѣстность памятниковъ бронзовой культуры. *Ред*

кости крупныхъ мѣстонахожденій олова, приготоявлялась лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ и была гораздо сильнѣе прикрѣплена къ мѣсту.

Возстановленіе желѣза изъ руды требуетъ высокой температуры и особо устроенныхъ плавильныхъ печей. Подобную печь, крайне простого устройства, видѣлъ Брукъ-Лоу у кайяновъ на Борнео. Онъ сообщаетъ, что „обыкновенно во всякой деревнѣ кайяновъ есть площадь, на которой помѣщается желѣзоплавильня, въ которой участвуетъ вся община. Простая, прикрытая крышей печь состоитъ изъ выкопанной въ землѣ ямы, фута три глубиною и фута четыре въ діаметрѣ. Передъ плавкой рудѣ даютъ проржавѣть и измельчаютъ ее. Когда угли въ печи разгорятся, насыпаютъ слои приготовленной руды въ перемежку со слоями угля. Вентиляція производится десятью или двѣнадцатью трубами, которыя вертикально установлены вокругъ печи. Діаметръ каждой трубы около семи дюймовъ, соотвѣтственные поршни обвернуты сукномъ или древесной корой. Къ поршневымъ стержнямъ придѣланы длинныя коромысла, которыя перекинуты черезъ перекладины крыши кузницы и имѣютъ противовѣсы на другомъ концѣ. Коромысло приводитъ въ движеніе поршни, отчего образуется непрерывный токъ воздуха, который изъ каждой трубки проходитъ въ печь черезъ глиняное сопло, лежащее подъ землей и выходящее устьемъ въ печь. При выходахъ 70% металла изъ руды не употребляется никакихъ плавней (флюссовъ). Для полученія по желанію болѣе мягкаго или болѣе твердаго желѣза употребляютъ разные сорта древеснаго горючаго. Вентиляторы или мѣхи, описанные здѣсь, въ упрощенной формѣ употребляются и при ковкѣ желѣза, — они характерны для Африки и для Малайской области. Вообще-же кузнецы у примитивныхъ народовъ предпочитаютъ обрабатывать желѣзо каменными молотами и на каменныхъ наковальняхъ, можетъ быть потому, что не умѣютъ наваривать желѣзо сталью. Желѣзо, добываемое такимъ способомъ, выходитъ хорошаго качества, потому что температура, при которой возстановляется руда сравнительно низкая и вмѣсто хрупкаго желѣза, добываемаго при высокой температурѣ нашихъ доменныхъ печей, получается тягучее и хорошо свариваемое.

Металлическіе инструменты были одной изъ главныхъ причинъ постоянно возростающей дифференціаціи техники, къ чему прогрессирующая культура стремится сама по себѣ. Раздѣленіе труда создавало путемъ дробленія старыхъ профессій новыя, которыя вырабатывали новые виды свойственной имъ техники: изъ первобытныхъ добывателей желѣза вышли горнорабочіе, металло-техники, кузнецы, слесаря, работа по дереву расчленилась на плотничную и столярную, изъ первобытныхъ „кожемякъ“ образовались кожевники, сапожники, шорники, и всѣ они усовершенствовали свои способы обработки матеріаловъ, главнымъ образомъ при помощи металлическихъ инструментовъ. (См. стр. 323 внизу). Сверхъ того нѣкоторыя подобныя занятія, какъ напримѣръ, портняжество, красильное дѣло, выдѣлились въ самостоятельныя ремесленныя профессіи.

Нѣмецкое обозначеніе изготовителя платья, портного, Schneider, отъ глагола schneiden неудачно передаетъ сущность его профессіи, которая заключаются не въ разрѣзываніи, а въ соединеніи, сшиваніи, отдѣльныхъ частей [1].

Въ этомъ смыслѣ ремесло это уходитъ далеко въ глубь доисторическихъ временъ; оно состоитъ въ соединеніи двухъ полосъ матеріи посредствомъ одной нитки, которая прошиваетъ оба полотнища, попемѣнно проходя то по верхней, то по нижней поверхности, сшиваемыхъ матерій (См. изобр. на стр. 324). Шитье основано на томъ же принципѣ, какъ и пле-

[1] Въ русскомъ языкѣ есть два обозначенія для этой профессіи и оба болѣе удачны, чѣмъ нѣмецкое: портной отъ стариннаго слова порты—одежда и швецъ, т. е. тотъ, кто шьетъ, занимается шитьемъ.

теніе и должно быть не многимъ моложе послѣдняго. Для созданія новой техники достаточно вмѣсто вязальной иглы или крючка (кочедыка) взять острое шило, вмѣсто переплетаемыхъ полосокъ звѣриныя жилы или растительныя волокна, и новый видъ ремесла готовъ. Нѣтъ того народа, который не умѣлъ бы шить; вездѣ имѣются какія нибудь иглы,—гдѣ изъ шиповъ терновника или дерева, гдѣ изъ рога, кости или металла. Сама техника шитья до изобрѣтенія швейной машины мало подвинулась впередъ.

Гораздо болѣе важныя перемѣны въ разныя времена происходили въ красильномъ искусствѣ. Должно быть, оно началось съ раскраски тѣла человѣка и потомъ мало по малу стало примѣняться къ другимъ предметамъ, послѣ чего конечно должна была выработаться нѣкоторая техника раскрашиванія. Здѣсь пока рѣчь идетъ не о настоящей окраскѣ кожи или нитокъ для тканья, но лишь о механическомъ переносѣ красящаго вещества на какую нибудь поверхность посредствомъ втиранія сухимъ путемъ или намазыванія въ смѣси съ водою. Первый способъ примѣняется при раскраскѣ кожи, естественныя жировыя выдѣленія которой закрѣпляютъ пульверизованныя красящія вещества, безразлично будетъ ли это любимая краска, красная охра (муміи) или другая какая красящая земля — мѣлъ, желтая охра, вивіанитъ, а также толченый уголь или превращенное въ порошокъ красное дерево. Многія первобытныя племена научились уже втирать краску, замѣшанную на маслѣ, салѣ или смолѣ. Техника раскраски тѣла примѣняется въ началѣ безъ большихъ измѣненій и при расцвѣчиваніи и украшеніи тканей и другихъ матерій; и по настоящее время держится еще способъ расцвѣчиванія матеріи раскраской.

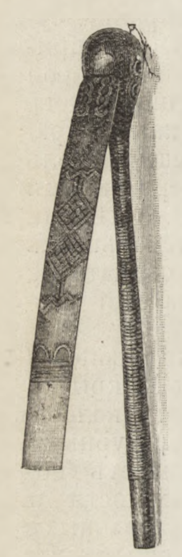
Между тѣмъ еще довольно рано открыты были красильныя свойства разныхъ растительныхъ соковъ и постепенно дошли опытомъ до открытія, что ткань изъ нитокъ, крашенныхъ въ пряжѣ, прочнѣе держитъ колера, чѣмъ разрисованная. Такимъ образомъ у нѣкоторыхъ полукультурныхъ народовъ развилось красильное искусство, которое хоть и не имѣетъ понятія о протравахъ, примѣняемыхъ въ европейской промышленности и другихъ ухищреніяхъ, но при употребленіи нѣкоторыхъ растительныхъ красокъ, главнымъ образомъ, индиго, достигаетъ прекрасныхъ результатовъ. Особенно процвѣтаетъ это искусство въ Малайскомъ архипелагѣ, гдѣ даже умѣютъ изготовлять узорныя ткани. Иногда навязываютъ повязки на извѣстныхъ разстояніяхъ, въ которыя не проходитъ краска, и при снятіи повязокъ оказываются на ткани неокрашенныя мѣста; въ другихъ случаяхъ пашиваютъ кусочки сукна, подъ которыми матерія остается неокрашенной, наконецъ, наводятъ на матеріи узоры воскомъ и послѣ окраски удаляютъ воскъ. Въ Суданѣ также знакомы съ разными тонкостями красильнаго искусства, но здѣсь предпочитаютъ раскрашивать нити и узоры выводить при тканьѣ или-же послѣ тканья покрываютъ матерію пестрыми вышивками.

---

3. Вооруженіе.

Если матеріалъ и техника даютъ намъ возможность опредѣлить внѣшній видъ оружія, инструментовъ и утвари, то рѣшающимъ моментомъ въ каждомъ данномъ случаѣ является все-таки назначеніе даннаго предмета — матеріалъ это тѣло, цѣль, для которой онъ предназначается — душа его. Съ ростомъ культуры возрастаетъ и могущество души: сырой матеріалъ подвергается все болѣе и болѣе полнымъ превращеніямъ, становится все болѣе и болѣе податливымъ; техника преодолѣваетъ все новыя и новыя трудности и все полнѣе и побѣдоноснѣе достигается цѣль. Только при пониманіи назначенія возможно расположить мате-

ріалъ въ естественныя группы и составить себѣ ясное представленіе о немъ. Порядокъ становится тѣмъ менѣе совершеннымъ, чѣмъ первобытнѣе культура, и болѣе правильнымъ по мѣрѣ роста раздѣленія труда, которое подчиняетъ себѣ и матеріальную культуру. Но въ другомъ отношеніи зависимость утвари отъ матеріала и способовъ обработки неодинакова. Ножикъ, напримѣръ, долженъ обладать цѣлымъ рядомъ свойствъ, для полученія которыхъ пригодны немногія вещества и, сверхъ того, нужна особая обработка ихъ,—совсѣмъ другое дѣло—посуда для храненія засушенныхъ плодовъ: ее можно сдѣлать изъ дерева, камня, рога, матеріаловъ для плетенія и цѣлаго ряда другихъ веществъ, можно выдолбить, выковать, вырѣзать, сплести, отлить, и пригодность ея нисколько отъ этого не пострадаетъ. Тамъ, гдѣ духъ человѣка вполнѣ овладѣваетъ веществомъ, у него является капризное желаніе изъ одного матеріала дѣлать имитацію другого; но здѣсь онъ уже переходитъ предѣлы своего могущества, и мизерныя выдумки его рукъ кажутся дѣтскими бездѣлушками по сравненію съ мощными созданіями природы. И въ ремеслѣ, и въ искусствѣ матерія и духъ должны гармонировать другъ съ другомъ.

Топоръ у бассонговъ, Конго. Этнографическій музей въ Лейпцигѣ. Ср. текстъ, стр. 330

Можетъ показаться неумѣстнымъ, послѣ рѣчи о техникѣ, начинать обзоръ матеріальной культуры человѣчества съ вооруженія. Даже и тотъ, кто не вѣритъ въ возможность вѣчнаго мира, долженъ признать, что обузданіе слѣпой страсти къ разрушенію, дикарской любви къ дракамъ и обращеніе избытка силъ на творческую работу или на облагороженную форму борьбы на умственной почвѣ, являются залогомъ всей будущности человѣчества. Однако же въ ученіи о культурной эволюціи обыкновенно слѣдуетъ начинать съ того, что раньше появилось; но не потому, чтобы все ранѣе явившееся признавалось самымъ важнымъ и самымъ долговѣчнымъ; но, наоборотъ, по той причинѣ, что при дальнѣйшемъ развитіи культуры все старинное, первоначальное будетъ брошено и расчленено. Можно однако для оправданія такого способа обращенія съ вопросомъ привести и положительные мотивы. Конечно, роль культуры—созиданіе, но прежде чѣмъ она можетъ приступить къ нему и во время творческой и строительской дѣятельности своей, она должна разрушать; въ этомъ смыслѣ она является продолженіемъ творчества природы, которое индусъ, глубоко познавшій сущность этого процесса, воплотилъ въ трехъ образахъ—творца, хранителя и разрушителя. Собственное тѣло человѣка созидается изъ обломковъ уничтоженныхъ существъ, — они должны были умереть, чтобы онъ могъ жить; возможно ли, чтобы расширившееся во внѣшній міръ на извѣстную область вліяніе тѣла, которое сознательно создаетъ вокругъ себя человѣка, образовалось инымъ путемъ?

Всякому созиданію предшествуетъ разрушеніе, само созиданіе есть уже уничтоженіе предшествовавшей связи, разложеніе и раздробленіе. Если изъ камня оббиваютъ и вышлировываютъ топоръ, то прежняя форма камня должна исчезнуть, — какъ около поселка охотничьяго племени валяются кости убитыхъ животныхъ, такъ около доисторической мастерской каменныхъ орудій всюду встрѣчаются осколки камней. Всякая деревянная подѣлка получается изъ срубленнаго дерева, всякій костяной или роговой инструментъ—результатъ смерти животнаго. Даже самые металлы могутъ повѣдать намъ о раздробленіи древнихъ скалъ и о массахъ пылающаго дерева, отъ жара котораго они выдѣлились. Итакъ, всякій инструментъ можно назвать — боевымъ оружіемъ и всякое оружіе—рабочимъ инструментомъ.

Человѣкъ, конечно, не довольствуется только одной, обозначенной

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Палеолитическія древности.

См. по поводу этой таблицы главы: „Техника“, „Оружіе“, „Орудія и утварь“.

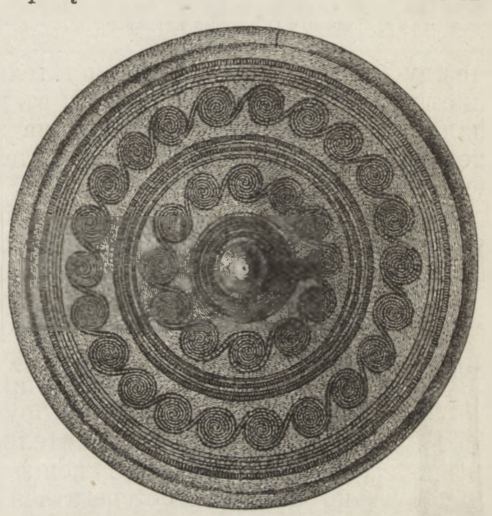
Объясненіе таблицы, помѣщенной на оборотѣ.

---

1. Мамонтъ.
2. Каменное орудіе въ формѣ наконечника копья, изъ дилювія Сентъ-Ашёль близъ Аміена. Видъ съ плоской стороны. 1/3 естеств. вел.
3. Овальный каменный топоръ изъ дилювія Аббевиля. Видъ съ плоской стороны. 1/3 естеств. вел.
4. 5. Два каменныхъ ножа изъ Таубаха близъ Веймара.
   4. Верхняя сторона.
   5. Нижняя сторона.
6. Оббитая кость зубра изъ дилювіальнаго наноса Таубаха близъ Веймара. Снизу въ серединѣ знакъ отъ удара.
7. 8. Орудія, вырѣзанныя изъ рога сѣвернаго оленя. Мѣстонахожд. — Шуссенскій источникъ.
   7. Кинжалъ. 1/4 естеств. вел.
   8. Шило. 1/4 естеств. вел.
9. Въ двухъ мѣстахъ просверленный кусокъ рога молодого сѣвернаго оленя. Мѣстонахожденіе — Шуссенскій источникъ. 1/6 естеств. величины.
10. Правая вѣнечная пластина стараго сѣвернаго оленя съ отпиленнымъ боковымъ отросткомъ, Мѣстонахожденіе — Шуссенскій источникъ. 1/12 естеств. вел.
11. Правый роговой стволъ сѣвернаго оленя съ нарѣзанными знаками. Мѣстонахожденіе — Шуссенскій источн. 1/6 естеств. вел.
12. Черепъ сѣвернаго оленя, изъ котораго изготовленъ сосудъ для питья. Мѣстонахожд. — Голефельсъ. 1/3 естеств. вел.
13. 14. Костяныя находки изъ пещеры Голефельса.
   13. Просверленный для подвѣшиванія лошадиный зубъ. 1/3 естеств. вел.
   14. Просверленная для подвѣшиванія челюсть дикой кошки. 1/3 ест. вел.
15. Топоръ изъ Сентъ-Ашёля близъ Амьена. По Брока древнѣйшій типъ дилювіальныхъ каменныхъ орудій.
16. Наконечникъ копья изъ Солютрэ, обтесанный съ обѣихъ сторонъ. По Брока новѣйшій типъ каменныхъ орудій диллювіальной эпохи.
17. 18. Гарпуны изъ оленьяго рога, изъ Мадлены. 1/4 ест. вел.
19. Наконечникъ стрѣлы изъ Горжъ д'Анферъ. 1/4 естест. вел.
20—22. Рѣзные рисунки на кости сѣвернаго оленя изъ пещеръ Дордоньи.
   20. Рыба.
   21. Человѣкъ съ лошадьми.
   22. Дикія лошади.
23. 24. Кремневыя орудія жителей Тасманіи.
25—27. Костяныя и каменныя орудія эскимосовъ Аляски.
   25. Скребокъ съ рукояткой.
   26. Инструментъ для выпрямленія стержней стрѣлъ
   27. Костяной крючекъ для вязанія сѣтей.

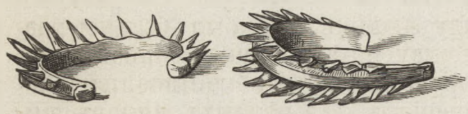
(1 по соч. Креднера „Элементы геологіи“ [Credners „Elemente der Geologie“], 2—22, 25—27 по соч. Ранке „Человѣкъ“, 23—24 по „Journal of the Anthropological Institute“ XXXIII, 1893.)

сферой отношеній и выступаетъ за предѣлы ея. Онъ обращаетъ свое оружіе не только противъ угрожающихъ ему враговъ изъ міра животныхъ, онъ разрушаетъ не только созданія природы, чтобы изъ нихъ возсоздать нѣчто новое, но обращаетъ свою истребительную дѣятельность и противъ себѣ подобныхъ. Глубоко заложенное въ натурѣ человѣка, необходимое для его существованія, стремленіе къ разрушенію — воистину первородный грѣхъ его, безъ этой темной, демонической стороны, антитезы его свѣтлой потребности къ творчеству, онъ не былъ бы человѣкомъ. Изъ неоглядной глубины, гдѣ течетъ источникъ страсти къ разрушенію, черпаетъ онъ горькій напитокъ страданія, и онъ долженъ отвѣдать его, чтобы познать сущность бытія своего; но оттуда-же онъ беретъ и силу для борьбы, безъ которой онъ давнымъ давно уже былъ бы истребленъ опасными врагами. Все воспитаніе, какое даетъ ему природа и онъ самъ себѣ, привычка собирать добычу и разрушать, чтобы жить и творить, — все это толкаетъ человѣка на борьбу съ человѣкомъ. Въ своемъ сородичѣ человѣкъ видитъ самаго опаснаго противника, низложить котораго гораздо болѣе славный подвигъ, чѣмъ самая удачная охота за дикимъ звѣремъ; на врага изъ человѣческаго рода изготовляется самое страшное и самое парадное оружіе. Не трудно для народа, сильно предающагося воинственнымъ инстинктамъ, дойти до полнаго забвенія великой задачи—борьбы съ природой и уйти цѣликомъ въ работу разрушенія. Хотя при такой дѣятельности могутъ со временемъ вырабатываться могучіе характеры; но зато для коренныхъ задачъ культуры такое направленіе имѣетъ роковое значеніе. И все-таки, при всѣмъ нашемъ отвращеніи къ такимъ явленіямъ вырожденія, мы должны помнить, что страсть къ разрушенію не что либо чуждое человѣческой природѣ. Смирный, скромный трудолюбивый народъ, отвыкшій отъ оружія и покорно склоняющій его передъ всякимъ завоевателемъ, подчиняющійся безъ протеста капризамъ деспота, пожалуй, представляетъ гораздо менѣе отрадное зрѣлище, чѣмъ воинственное племя, любящее борьбу и разрушеніе. У смирнаго народа нѣтъ чего то истинно человѣческаго, именно глубины и величія, а этого недостатка не можетъ искупить никакой комфортъ и спокойствіе мирнаго житія.

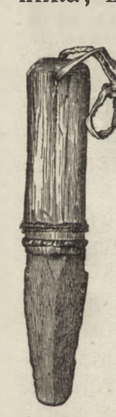

Доисторическій бронзовый щитъ съ остріемъ, Данія. По Бойе.

Инструментъ и оружіе въ своихъ первобытныхъ формахъ настолько схожи другъ съ другомъ, такъ часто одно служитъ вмѣсто другого, что вопросъ о ихъ сравнительной древности совершенно праздный. Нуаре, считающій, вопреки даннымъ лингвистики, непонятнымъ мнѣніе тѣхъ, которые приписываютъ болѣе глубокую древность оружію, въ сущности замѣняетъ одно одностороннее возрѣніе другимъ. Строгое раздѣленіе этихъ двухъ группъ снарядовъ является однимъ изъ результатовъ культуры. Въ минуты крайней нужды, ставящей насъ въ положеніе подобное дикарскому, это раздѣленіе предметовъ по назначенію забываемся: неожиданно аттакованный врасплохъ хватается за молотокъ, за косу и даже за стулъ, и солдатъ на бивуакѣ пользуется своей саблей для самыхъ разнообразныхъ, мирныхъ цѣлей. Ходъ развитія оружія и инструмента идутъ рука объ руку; изъ заостренной палки для выкапыванья съѣдобныхъ кореньевъ одинаково

вырабатываются колющія оружія, заступъ и плугъ; палица, древнѣйшее военное оружіе, при небольшихъ измѣненіяхъ переходитъ въ балду для раздробленія комковъ земли и въ колотушку для выколачиванія древесной коры; и топоръ (см. изобр., стр. 328) только у культурныхъ народовъ и то въ недавнее время окончательно превратился изъ боевого оружія въ инструментъ, служащій исключительно для мирныхъ цѣлей. Это исчезновеніе рѣзкихъ граней, обнаруживаемое наукой о культурѣ, приводитъ въ отчаяніе педантическихъ изслѣдователей, видящихъ все спасеніе въ тщательномъ расчлененіи жизни и доставляетъ отраду тѣмъ, кто со спокойнымъ и внимательнымъ взглядомъ стремится прослѣдить возникновеніе и развитіе вещей.

Желѣзное боевое кольцо у Дуру; Адамауа, Зап. Суданъ. По Пассаржу.

Мы не будемъ все-таки чуждаться и этихъ неясно рисующихся разграничительныхъ линій въ тѣхъ случаяхъ, когда вещи, несомнѣнно принадлежащія къ вооруженію, для болѣе удобнаго разсмотрѣнія, выгоднѣе будетъ выдѣлить въ отдѣльныя группы. Гдѣ найти границу между бѣлымъ оружіемъ и метательнымъ, когда копье употребляется и въ плотной схваткѣ, и для метанія въ даль, маленькой восточно-африканской палицей разбиваютъ черепа, и она же, брошенная опытной рукой, крутясь, летитъ по воздуху. Къ какой категоріи причислимъ мы оружія двоякаго употребленія, которыхъ не мало у первобытныхъ народовъ? У древнихъ перуанцевъ была булава, служившая въ то же время колющимъ оружіемъ, у индѣйцевъ мандановъ и тинеговъ есть лукъ, употребляемый и какъ пика; видимъ мы также, что на Борнео встрѣчаются духовыя трубки со штыкомъ, можетъ быть, прототипомъ нашего штыка. Даже между оборонительнымъ и наступательнымъ оружіемъ нѣтъ твердой границы, такъ какъ у нѣкоторыхъ щитовъ имѣется на наружной сторонѣ остроконечный шишакъ; и на дѣлѣ мы видимъ, что почти всякое наступательное оружіе служитъ для отбоя ударовъ, то есть въ качествѣ оборонительнаго орудія. Все это конечно не препятствуетъ расположенію оружія въ удобо обозрѣваемыя группы, но слѣдуетъ остерегаться переоцѣнки значенія выводовъ, полученныхъ такимъ путемъ.

Ножъ изъ шифера у эскимосовъ. По Мурдоку.

Естественная группировка оружія заключается въ дѣленіи его на наступательное и оборонительное; первое увеличиваетъ силу руки или расширяетъ сферу ея дѣйствія, второе — способность сопротивленія кожи и костей. Оба вида оружія стоятъ въ очень опредѣленныхъ отношеніяхъ между собой: оборонительное оружіе есть слѣдствіе наличности орудій нападенія, и первое должно сообразоваться со вторымъ; не будь наступательнаго оружія, кто сталъ бы изготовлять щиты и панцыри. Усовершенствуется наступательное оружіе, должно улучшаться и оборонительное, если только не приходится отказаться отъ него по непригодности. Разсмотрѣніе оборонительнаго оружія такимъ образомъ должно стоять на второмъ мѣстѣ.

Наступательное оружіе также можно распредѣлить съ двухъ точекъ зрѣнія, которыя взаимно соприкасаются и сливаются между собою. Одни изъ нихъ представляютъ собою прямое удлиненіе руки, другія дѣйствуютъ вдали, а также и по эффекту, который они производятъ. Въ первомъ случаѣ оружіе раздѣляется на рукопашное и дальнобойное, во второмъ на колющее и бьющее, при чемъ еще и бьющее оружіе можно раздѣлить на тупое и рѣжущее. При помощи этихъ двухъ видовъ группировки можно довольно точно опредѣлить любую форму оружія: стрѣла—оружіе дальнобойное и колющее, метательный ножъ — рѣжущее, дальнобойное; кинжалъ—рукопашное, колющее, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ эту категорію

подойдетъ наручникъ (Schlagring). Между дальнобойными оружіями также можно различить простыя—бросаемыя прямо рукой, какъ булава и метательный ножъ и сложныя, при которыхъ сила руки увеличивается и направляется посредствомъ извѣстнаго механизма. Къ послѣднимъ относятся лукъ со стрѣлами, метательная дощечка, копья, пращи, пращные каменья, наконецъ, метательныя и стрѣляющія машины, усовершенствованныя формы которыхъ представляютъ ружья и пушки. Метательное оружіе, которое не наноситъ ранъ, представляетъ собою арканъ (лассо), но это скорѣе ловушка, чѣмъ настоящее оружіе.

Картина выйдетъ еще разнообразнѣе, если мы примемъ во вниманіе различіе между оружіемъ военнымъ и охотничьимъ. Борьба съ дикими звѣрями не такъ упорна, какъ война между людьми, но за то богаче разными мелкими ухищреніями и разница между двумя видами борьбы обнаруживается и въ вооруженіи: охотничье оружіе вообще легче военнаго, но разнообразнѣе по остроумнымъ приспособленіямъ для разныхъ видовъ животныхъ. Охотникъ гораздо чаще прибѣгаетъ къ разнымъ хитрымъ ловушкамъ и западнямъ, нежели военный.

Доисторическая рукоятка меча изъ Конгеве, Данія. По Бойе.

Въ сущности немного основныхъ формъ оружія, встрѣчающихся повсюду. Самое простое колющее оружіе, ножъ (см. изобр., стр. 330) или кинжалъ до сихъ поръ сохраняетъ свое двойное назначеніе инструмента и оружія, что доказываетъ столь любимая рѣзьба ножемъ. При наличности дифференцированныхъ формъ первую роль играетъ природа инструмента; существующіе въ Африкѣ двойные кинжалы или индійскія формы, гдѣ при надавливаніи на рукоятку выскакиваютъ трехлезвейныя смертоносныя орудія, скорѣе можно счесть за игрушки, чѣмъ за настоящее боевое оружіе. Много больше обдумыванія употреблено было на рѣшеніе задачи, какъ сдѣлать, чтобы можно было безопасно носить при себѣ ножикъ, который въ развитой своей формѣ всегда состоитъ изъ рукоятки и клинка. Вѣроятно ножны существовали раньше, чѣмъ появилось металлическое оружіе; но только послѣ этого изобрѣтеніе ноженъ было достаточно оцѣнено. Ножъ можно затыкать за кушакъ или за поясъ, носить въ сумкѣ, въ карманѣ, если нѣтъ для этого особыхъ ноженъ или на перевязи черезъ плечо. Особенную манеру носить ножъ встрѣчаемъ мы у нѣкоторыхъ племенъ Сахары, которыя рукоятку ножа дѣлаютъ ввидѣ браслета и носятъ оружіе это на плечевомъ сочлененіи.

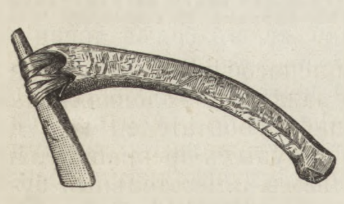
Ножъ въ качествѣ инструмента служитъ для рѣзанія и для долбленія; но ввидѣ оружія имъ почти исключительно пользуются для колющихъ ударовъ. Только большіе и массивные ножи области Конго можно употреблять какъ рубящее оружіе, и потому они образуютъ уже переходъ къ мечамъ, которые въ сущности не что иное какъ громадные ножи. Настоящій мечъ—дитя металлической эпохи, у котораго, однако же, въ болѣе древнія времена было много предшественниковъ. Между послѣдними слѣдуетъ указать на тупыя бьющія оружія,—булавы, которыя нерѣдко переходятъ въ тонкія остроребрыя и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Австраліи превращаются въ деревянные мечи.—Въ Океаніи подобное оружіе усаживаютъ зубами акулы, въ древней Мексикѣ инкрустировали ихъ острыми осколками обсидіана, а у нѣкоторыхъ южно-американскихъ племенъ острыми рыбьими челюстями, причемъ получалось бьющее и рвущее оружіе, которое несомнѣнно можно сопричислить къ категоріи мечей. Мечевидныя каменныя шлифованныя палицы были распространены на Новой Зеландіи и на островѣ Чатамѣ. Открытіе металловъ не сразу вызвало всеобщее требованіе на мечи, такъ по крайней мѣрѣ было въ бронзовую эпоху въ Европѣ, потому что тогда только самые богатые люди могли имѣть такое значительное количество металла, чтобы завести себѣ массивное бронзовое оружіе. Имѣю-

щіеся у насъ образцы мечей съ разукрашенными эфесами были скорѣе парадными оружіемъ, знакомъ власти, чѣмъ обычнымъ спутникомъ воина въ битвахъ. Только въ обильномъ мѣдью Кипрѣ, который, по изслѣдованіямъ Онефальшъ-Рихтера, можно назвать родиной мечей, въ раннюю эпоху уже изготовлялось тамъ массами это оружіе и оттуда распространялось по всему свѣту. Только въ эпоху желѣза мечъ распространяется повсюду; но онъ навсегда остался почтеннымъ оружіемъ, гордостью и отличіемъ свободнаго воина. Ножи не всегда возможно строго отдѣлить отъ мечей. Любимое оружіе малайцевъ, крисъ, конечно слѣдуетъ считать ножемъ, но параллельно съ нимъ мы встрѣчаемъ настоящіе мечи, кривыя сабли и бьющія орудія самыхъ причудливыхъ формъ. Кривой мечъ, господствующій въ средѣ арабской культуры, распространился въ разныхъ причудливыхъ формахъ вплоть до области Конго, классической страны массивныхъ ножей. Нѣтъ также недостатка въ попыткахъ рубящему и бьющему оружію придать нѣчто вродѣ колющаго копейнаго жала; индусы и китайцы особенно усердно изощряли свою фантазію на подобныхъ попыткахъ. Въ этомъ надобно видѣть результатъ невоинственнаго характера народа, который думаетъ подѣйствовать на непріятеля замысловатостью и страшнымъ видомъ своихъ орудій войны, болѣе чѣмъ простымъ и цѣлесообразнымъ вооруженіемъ въ умѣлыхъ и сильныхъ рукахъ. У этихъ старыхъ культурныхъ народовъ военное искусство на половину уже потеряло свое практическое значеніе и стоитъ на пути къ превращенію въ забаву.

Щитъ на палкѣ и боевая палка племени Туру, Вост. Африка. По Вертеру. См. текстъ на этой стр.

Показавъ, что ножъ является прототипомъ цѣлой обширной группы видовъ оружія, мы съ неменьшимъ правомъ можемъ сказать то же самое о другомъ первобытномъ оружіи, которое въ простѣйшей формѣ своей представляетъ дубинку; но уже и въ этомъ примитивномъ оружіи обнаруживается наклонность къ дифференцированію, такъ какъ мы уже можемъ указать разницу между простой палкой, служащей лишь для удлиненія рычага руки, и массивной палицей, въ которой концентрируется дикая разрушительная энергія кулака. Палка легко превращается въ пику и становится колющимъ оружіемъ (см. изоб. на этой стр.) и пріобрѣтаетъ такимъ образомъ свойственный ей оригинальный видъ; палица-же, какъ тупое бьющее оружіе, въ своемъ назначеніи гораздо менѣе зависитъ отъ своей внѣшности и часто подвергается различнымъ капризнымъ видоизмѣненіямъ разыгравшейся творческой фантазіи; это особенно рѣзко бросается въ глаза на причудливыхъ палицахъ фиджійцевъ. Вообще-же палицы сохраняютъ болѣе или менѣе дубинообразную форму благодаря тому, что головка ихъ дѣлается обыкновенно изъ суковатой части дерева. По сравненію съ гигантскими палицами фиджійцевъ, метательныя дубины обитателей Восточной Африки или маленькія искусно обдѣланныя деревянныя булавы индѣйцевъ Гвіаны кажутся карликами.

Эскимоскій топоръ съ костянымъ клинкомъ. По Мурдоку.

Дальнѣйшее дифференцированіе вызвано было желаніемъ сдѣлать болѣе дѣйствительнымъ тупой ударъ палицы. Этого можно было достигнуть увеличеніемъ тяжести ударной части, снабдивъ ее головкой изъ просверленнаго камня. Каменные молотки и топоры были очень распространены и могли подать мысль къ такому усовершенствованію. Главными областями

распространенія деревянныхъ палицъ съ грузомъ ввидѣ просверленныхъ каменныхъ набалдашниковъ, часто имѣющихъ звѣздообразную форму являются Южная Америка, особенно древнее Перу и Новая Гвинея съ прилегающими островами. Повидимому фиджійская только изъ дерева изготовленная булава совершенно исчезла на этихъ островахъ и о ней осталось только одно воспоминаніе. Перуанская булава, повидимому, развилась изъ „копалки", такъ какъ она служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и колющимъ оружіемъ и она вполнѣ схожа съ африканской „копалкой", съ грузомъ изъ просверленнаго камня.

Не имѣетъ большого значенія, признаемъ ли мы топоръ, состоящій изъ палки, остраго камня или кости, какъ точно также и молотокъ за дальнѣйшее развитіе палицы, или нѣтъ. Топоръ и молотокъ, все равно какъ и ножъ, были первоначально и рабочими инструментами, и оружіемъ; но уже и тогда видоизмѣнялись для приспособленій къ различнымъ надобностямъ. Топоръ, какъ ударное и метательное оружіе, употреблялся германцами во время великаго переселенія народовъ (франциска у франковъ) и даже употреблялся въ средневѣковыхъ битвахъ рыцарей; метательный молотъ, томагавкъ сѣв.-американскихъ индѣйцевъ сохранился и до настоящаго времени, хотя изъ каменнаго онъ превратился уже въ металлическій.

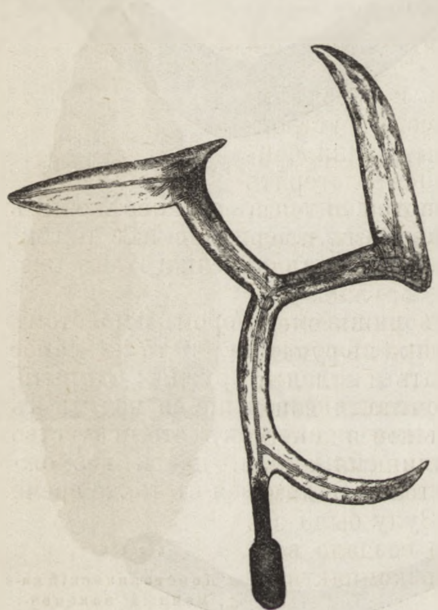
Австралійскій бумерангъ. По фотографіи.

Мы видимъ, что рядомъ съ рукопашными оружіями, топоромъ и молотомъ встрѣчаются такъ-же точно дальнобойныя приспособленія, и то же самое повторяется съ большинствомъ примитивныхъ видовъ оружія. Открытіе способности бросать предметы въ даль и усовершенствованіе ея ведутъ къ очень важнымъ и разнообразнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ это искусство знаменуетъ собою расширеніе сферы дѣйствія силы тѣла, даетъ возможность защищаться и нападать на разстояніи, не увеличивая въ то же время опасности потерпѣть самому, и вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ оружія растетъ и сфера воздѣйствія на разстояніи. Древнѣйшія дальнобойныя орудія были конечно тѣ же самыя, которыя мы иногда встрѣчаемъ и теперь, то есть камень и палка. Бросаніе камней не могло значительно усовершенствоваться, пока не была изобрѣтена праща. Простой древесный сукъ, наоборотъ, все болѣе и болѣе приспособлялся къ новой задачѣ. Возникли метательныя булавы, короткія палки съ головками на концѣ, что мы встрѣчаемъ у каффровъ и вообще у обитателей юга и востока Африки. Какъ и палицы, эти виды оружія изъ тупыхъ превращаются въ остроконечные и рѣжущіе. Подобно боевымъ дубинамъ, и метательныя булавы превращаются иногда въ колющія и рубящія: въ новой Британіи бросаютъ тяжелыя деревянныя палки, заостренныя съ обоихъ концовъ, и по дѣйствію своему онѣ являются колющимъ оружіемъ. Прежде были очень сильно распространены и отчасти сохранились и теперь деревянныя метательныя орудія съ заостренными краями, наиболѣе знакомой формой которыхъ служитъ бумерангъ (см. верхн. изобр. на этой стр.). Преимущества остраго края въ деревянныхъ метательныхъ приспособленіяхъ передъ тупыми заключаются не въ болѣе разрушительномъ ударѣ, въ этомъ отношеніи и ударъ брошенной булавы до-

Метательные куски дерева для охоты за кроликами племени Вальги, Сѣв. Америка. По Стивенсону.

статочно силенъ, а тѣмъ, что оно легче преодолѣваетъ сопротивленіе воз духа, летитъ быстрѣе и дальше. Австралійцы изучили очень точно осо бенности полета своихъ метательныхъ орудій и воспользовались этимъ для выработки своего бумеранга: при извѣстнаго рода ударахъ снарядъ, дости гнувъ цѣли, возвращается назадъ къ метальщику; дѣлаютъ также и удары о землю, при которыхъ оружіе отскакиваетъ назадъ. Бумерангъ—оружіе по преимуществу охотничье, хотя оно употребляется и на войнѣ. Въ та кихъ странахъ, какъ древній Египетъ, въ нынѣшнемъ восточномъ Суданѣ и. т. д. менѣе прилежно изучали искусство метанія орудій, почему и для приданія большей силы удара дѣлали метательное оружіе болѣе тяжелымъ Согнутый кусокъ дерева имѣетъ громадное примѣненіе въ качествѣ охот ничьяго оружія, оно попадается въ Америкѣ, и у древнихъ грековъ было подобное оружіе, носившее названіе лагобалонъ (см. изобр. на стр. 333 внизу) употреблявшееся при охотѣ на зайцевъ. Послѣ изобрѣтенія обработки желѣза метательный деревянный снарядъ претерпѣлъ своеобразное измѣненіе, превратившись въ метательный ножъ. Врядъ ли найдется другое оружіе, которое представляло-бы столько разнообразныхъ и даже уродливыхъ варіацій. Оно то служитъ главнымъ оружіемъ народа, какъ у южныхъ, языческихъ банерми, то превращается просто въ парадное украшеніе, символъ достоинства вождя Еще и теперь можно прослѣдить тотъ путь, по которому изъ копировки простыхъ формъ деревянныхъ, метательныхъ орудій развились такія зубастыя чудовища, какія мы видимъ у Сандеги въ центральномъ Убанго и въ южномъ Адамауа. (см. изобр., стр. 337).

Метательный ножъ племени баназ, Центр. Африка. По Тонперу. Ср. текстъ на этой стр. рядомъ.

Къ группѣ простыхъ, дальнобойныхъ орудій принадлежатъ нѣкоторые мало распространенные метательные снаряды, какъ, напримѣръ, усаженные со всѣхъ сторонъ остріями неуклюжія деревяшки, встрѣчающіяся въ Онтонъ-Явѣ или метательные диски древнихъ грековъ. Послѣдніе впрочемъ служили больше для гимнастическихъ упражненій, нежели для спеціально военныхъ цѣлей. Своеобразный летательный дискъ съ давнихъ временъ извѣстенъ въ Индостанѣ. Онъ состоитъ изъ кружечка съ острыми внѣшними краями и отверстіемъ въ середкѣ. Черезъ это отверстіе кружечекъ надѣвается на палецъ, приводится въ быстрое вращательное движеніе и потомъ сбрасывается. Оружіемъ, которое индусъ носитъ на своемъ остроконечномъ тюрбанѣ, можно прохватить насквозь горло человѣку. Встрѣчаются также и метательные ножи въ качествѣ колющаго оружія; но такое примѣненіе ножей встрѣчается въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Самое простое и всѣмъ извѣстное колющее и метательное оружіе—копье, и оно же является главной статьей вооруженія человѣка. Наиболѣе вѣроятная генеалогія производитъ его отъ „копалки". Ее у первобытныхъ народовъ мы видимъ въ рукахъ женщинъ, копье-же было всегда военнымъ и охотничьимъ оружіемъ мужчинъ. Заостренная палка предполагаетъ уже существованіе рѣжущихъ орудій и дальнѣйшее усовершенствованіе заключается въ примѣненіи самого рѣжущаго оружія въ качествѣ наконечника копья: заостренная обивкою трубчатая кость прикрѣпляется очень легко; въ дѣйствительности мы теперь еще видимъ примѣры такого употребленія

человѣческихъ костей въ Австраліи и Меланезіи; тамъ-же употребляются для этого крѣпкія рыбьи кости, зубы, рога, оббитые камни или куски особенно твердаго дерева; остріе вставляется въ надколотое древко и укрѣпляется посредствомъ стягиванья древка шнуромъ или-же при помощи клейкихъ веществъ; такъ продолжалось до тѣхъ поръ пока впослѣдствіи въ металлическую эпоху, не были изобрѣтены наконечники со втулками или съ остроконечнымъ хвостикомъ, который вколачивается въ древко. Уже каменные наконечники старались дѣлать съ зазубринами (ершами), причемъ извлеченіе оружія изъ раны становилось затруднительнымъ и опаснымъ, также обдѣлывали деревянные наконечники, а при выработкѣ металлическихъ наконечниковъ открылся полный просторъ для развитія фантазіи въ этомъ направленіи. Формы наконечниковъ стрѣлъ развивались въ томъ-же направленіи. Были также въ металлическія эпохи попытки соединять въ копьѣ колющее оружіе съ рубящимъ, примѣрами чего могутъ служить европейскія и азіатскія алебарды.

Доисторическій каменный наконечникъ копья, Конго. По Стэпіеру. Ср. текстъ на этой стр.

Повидимому, всякое оружіе обращалось и передѣлывалось въ метательное, если только его тяжесть и устройство давали къ тому возможность. Выгоды дальнобойнаго оружія настолько были велики, что рискъ потерять его при употребленіи принимался во вниманіе только тогда когда шла рѣчь о дорогомъ или труднозамѣнимомъ предметѣ. Очень обширная группа копій употреблялась одновременно какъ колющее и какъ метательное оружіе. Для прикалыванія исключительно употреблялись лишь очень длинныя и очень тяжелыя копья, которыя однако въ рукахъ человѣка, въ извѣстной мѣрѣ, могли угрожать и отдаленному врагу. Повидимому, такія копья предпочитали воинственные народы, и эти копья имѣютъ большое значеніе въ исторіи войнъ: стоитъ только указать на длинныя копья македонской фаланги и нѣмецкихъ ландскнехтовъ. Однимъ изъ главныхъ военныхъ правилъ храбрыхъ Зулу было запрещеніе употреблять пику для метанія; это создало возможность соединять ихъ боевые отряды въ компактныя массы для аттаки сомкнутымъ строемъ.

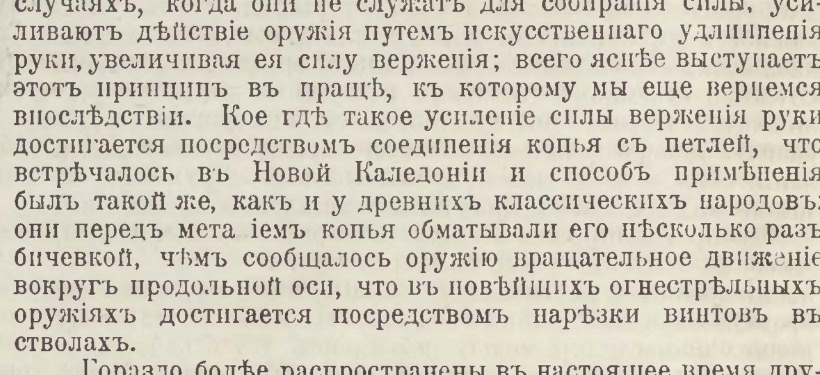
Боевыя копья какъ метательныя, такъ и ручныя или же служащія для обѣихъ цѣлей, въ большинствѣ случаевъ очень сходны между собой, между тѣмъ какъ въ охотничьихъ копьяхъ, которыя должны служить для разнообразнѣйшихъ цѣлей, встрѣчается больше варіантовъ. Это обиліе формъ отчасти объясняется тѣмъ, что охотнику недостаточно поразить добычу, но нужно еще сумѣть удержать ее. Самое простое приспособленіе — привязать къ копью веревку; такимъ способомъ Апфуру въ области Огове достаютъ убитыхъ острогою рыбъ, то есть точно такъ же, какъ въ болѣе крупномъ китобойномъ промыслѣ одолѣваютъ кита съ помощью гарпуна съ длинной бичевкой. Простымъ прикрѣпленіемъ веревки къ рукояткѣ гарпуна, безъ сомнѣнія, нельзя было удовольствоваться тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ у эскимосовъ, охота съ горпуномъ составляетъ ежедневное занятіе,— можно всегда ожидать, что рукоятка гарпуна сломается, и это особенно легко можетъ случиться съ гарпуномъ эскимоса, который рукоятку оружія долженъ кропотливо мастерить изъ кусковъ наплавного лѣса. Но малопригодность оружія навела полярныхъ обитателей на превосходное изобрѣтеніе сложнаго гарпуна. Къ свободно соединенному съ древкомъ наконечнику гарпуна прикрѣплена бичевка, и при ударѣ древко само отпадаетъ отъ наконечника, но оно не можетъ ни изломаться, ни потеряться: можно наконецъ привязать къ наконечнику другую веревку, другой конецъ которой будетъ

у охотника, или-же прикрѣпить надутый пузырь къ веревкѣ древка. Принципъ гарпуна съ отдѣляющимся наконечникомъ извѣстенъ кое гдѣ и въ другихъ мѣстностяхъ: по сообщеніямъ Крюйта, его примѣняютъ позо-альфуры на Целебесѣ, тоже встрѣчается сложный гарпунъ на Никобарскихъ островахъ и на западномъ берегу Африки (см. рис. на этой стр.) Сама форма наконечника приспособляется для цѣлей охоты и рыбной ловли различнымъ образомъ. Для охоты за рыбой стараются увеличить число остріевъ наконечника остроги от двузубой остроги перешли къ трехъ и четырехъ-зубой, а потомъ къ цѣлымъ щеткамъ изъ зубовъ, чтобы закалывать однимъ ударомъ цѣлую кучу мелкой рыбешки (см. изображ. стр. 225). Иногда трехзубая острога дѣлается такъ, что колетъ только средній зубъ, два же боковые должны ущемлять рыбу. Наиболѣе остроумныя формы такихъ приспособленій также изобрѣтены эскимосами. До нѣкоторой степени родственнымъ подобнымъ приспособленіямъ можно счесть одно военное орудіе вродѣ ухвата: у нѣкоторыхъ ново-гвинейскихъ племенъ назначеніе его—ловить бѣгущаго, причемъ снарядъ этотъ долженъ одновременно накинуть на шею преслѣдуемаго удавку и проткнуть ему глотку; но это уже скорѣе образецъ звѣрской фантазіи, чѣмъ вещь практическаго значенія.

Индонезійскіе наконечники стрѣлъ. По Плейту. См. тек. на этой стр.

Палицы, топоры, ножи бросаютъ прямо рукой, и только въ исторіи развитія копья встрѣчаемся мы съ метательными снарядами или приспособленіями, назначенными для увеличенія силы руки. Эти снаряды въ тѣхъ случаяхъ, когда они не служатъ для собиранія силы, усиливаютъ дѣйствіе оружія путемъ искусственнаго удлиненія руки, увеличивая ея силу верженія; всего яснѣе выступаетъ этотъ принципъ въ працѣ, къ которому мы еще вернемся впослѣдствіи. Кое гдѣ такое усиленіе силы верженія руки достигается посредствомъ соединенія копья съ петлей, что встрѣчалось въ Новой Каледоніи и способъ примѣненія былъ такой же, какъ и у древнихъ классическихъ народовъ: они передъ метаніемъ копья обматывали его нѣсколько разъ бичевкой, чѣмъ сообщалось оружію вращательное движеніе вокругъ продольной оси, что въ новѣйшихъ огнестрѣльныхъ оружіяхъ достигается посредствомъ нарѣзки винтовъ въ стволахъ.

Гораздо болѣе распространены въ настоящее время другіе метательные снаряды, какъ-то: **метательныя дощечки, жезлы, пращи и трости**. Весьма возможно, что ф. Люшанъ правъ, усматривая начало этихъ изобрѣтеній въ открытіи, сдѣланномъ среди дѣтскихъ игръ: дѣти, играя, пробовали насаживать на палку какіе-нибудь плоды (яблоки, груши и тому подобное), или шарики изъ глины и убѣдились, что при помощи палки можно кидать гораздо дальше, чѣмъ просто рукой. Для примѣненія этого принципа къ копью нужно было сдѣлать выступъ на палкѣ и на него насаживать конецъ копья и такимъ образомъ палкою съ рычагомъ съ большей силою метать оружіе. Выступъ можно было замѣнить углубленіемъ въ метательной палкѣ; сообразно этимъ двумъ приспособленіямъ и развились два типа метательныхъ снарядовъ для копій, которые никогда не встрѣчаются вмѣстѣ, хотя и были найдены на Уналашкѣ нѣкоторыя переходныя формы, снабженныя и выступами, и отверстіями. Метательныя палки и доски австралійскаго континента всѣ принадлежатъ къ типу снарядовъ съ выступомъ или зубкомъ; они въ свою очередь рас-

Индонезійскіе наконечники стрѣлъ. По Плейту. См. текстъ этой стр..

падаются на двѣ группы: со вставнымъ зубцомъ и съ выступомъ изъ одного куска дерева съ самимъ снарядомъ; кромѣ того они отличаются другъ отъ друга по ширинѣ: одни изъ нихъ представляютъ собою настоящія метательныя дощечки, другіе нельзя назвать иначе, какъ метательными тростями; есть также отличія и въ рукояткахъ: однѣ изукрашены грубыми рѣзными изображеніями, другія состоятъ только изъ необдѣланнаго толстаго куска дерева на концѣ.

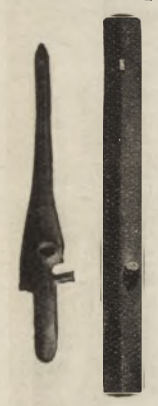
Совершенно иной видъ представляютъ собою копьеметатели на сѣверо-восточномъ берегу Новой Гвинеи. Они состоятъ изъ трубки, зубцовъ или выступовъ у нихъ не имѣется, ихъ замѣняетъ продольный прорѣзъ, въ который вставляется копье; въ самой трубкѣ кромѣ того помѣщается деревянный придатокъ, который, по опытамъ ф. Люшана, имѣетъ цѣлью воспрепятствовать соскальзыванію внизъ копья; при этомъ четыре пальца руки при метаніи охватываютъ трубку, а большой палецъ съ другой стороны нажимаетъ на подставку. Копьеметательный снарядъ, употребляемый на Каролинскихъ островахъ, по описаніямъ, совершенно подобенъ новогвинейскому, но только безъ подставки. Австралійская метательная доска, кромѣ метанія дротика, служитъ еще для цѣлаго ряда другихъ надобностей— Спенсеръ и Гилленъ утверждаютъ, что „амера (метательная доска) едва ли не самая полезная утварь у туземцевъ. Она служитъ не только какъ метательное приспособленіе, но и для храненія разныхъ предметовъ; въ ней хранятъ кровь, красную охру, каолинъ и тому подобное и носятъ все это съ собой для употребленія при какой-нибудь церемоніи; еще большую важность имѣетъ кремневый зубецъ при метательной дощечкѣ, насаженный на одномъ изъ концовъ снаряда, такъ какъ онъ служитъ туземцамъ главнымъ рѣжущимъ инструментомъ, при помощи котораго они выдѣлываютъ и деревянное оружіе, и разную утварь. Употребляется это приспособленіе и для добыванія огня и даже какъ музыкальный инструментъ, но сами мы не видали такого примѣненія метательной доски“.

Гарпунъ у никобаровъ, Бенгальскій заливъ. По В. Свобода. См. текстъ, стр. 336.

Вторая обширная область копьеметательныхъ снарядовъ Америка, и прежде всего въ ней слѣдуетъ отмѣтить метательную доску древнихъ мексиканцевъ (atlatl), которая въ историческія времена служила, главнымъ образомъ, для цѣлей охоты и рыбной ловли. Зелеръ, тщательно изучившій этотъ снарядъ, приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: „Метательная доска была извѣстна какъ древнимъ мексиканцамъ, такъ и микстакскимъ и запотекскимъ племенамъ и юкатанскимъ майя, хотя она имѣла весьма ограниченное примѣненіе на войнѣ. Являясь принадлежностью вооруженія древнѣйшихъ и наиболѣе чтимыхъ боговъ, она наводитъ на мысль о томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ наслѣдствомъ доисторическихъ эпохъ, когда, вѣроятно, этотъ снарядъ былъ во всеобщемъ употребленіи. Изъ иллюстрированныхъ рукописей видно, что по формѣ снарядъ представлялъ узкую и короткую доску съ желобкомъ посрединѣ и съ крючкомъ или зубцомъ на верхнемъ концѣ, къ которому прилегалъ конецъ копья.... Для маневрированія доской на нижней сторонѣ ея придѣлывалась рукоятка. Въ болѣе простыхъ формахъ рукоятка эта состояла изъ куска дерева, прикрѣпленнаго поперекъ доски, въ болѣе тщательно отдѣланныхъ образцахъ, и, повидимому, наиболѣе распространенныхъ, рукоятка дѣлалась изъ отполированной раковины и прикрѣплялась подъ доской, при чемъ ей придавалась форма иногда въ видѣ простого, иногда въ видѣ двойного полукольца. Метатель копья продѣвалъ въ это кольцо указательный и средній палецъ правой руки, и въ то же время четвертымъ и, несомнѣнно, пятымъ паль-

цемъ прихватывалъ верхнюю сторону доски и придерживалъ дротикъ вплоть до того момента, когда нужно было его бросить.... Верхній конецъ доски украшался перьями, пучками волосъ и ремешками, а около рукоятки, въ которую продѣвались указательный и средній пальцы, нерѣдко подкладывалась полоска сырой или выдѣланной кожи".

Мексиканская метательная дощечка образуетъ связь между двумя областями, въ которыхъ и понынѣ сохранилось это оружіе. Одна изъ этихъ мѣстностей—страна эскимосовъ, которые, при ихъ своеобразныхъ способахъ охоты, крайнѣ нуждаются въ снарядахъ, увеличивающихъ силу верженія руки. Только при помощи метательной дощечки, съ неустойчиваго каяка можно легкому копью съ костянымъ наконечникомъ сообщить при бросаніи достаточное количество живой силы. Характерной чертой эскимосскихъ метательныхъ дощечекъ служитъ сильно развитая рукоятка, дѣйствіе которой усиливается посредствомъ боковыхъ зарубокъ, углубленій, дыръ для пальцевъ или насаженныхъ штифтиковъ. Доска всегда имѣетъ желобокъ, въ который вкладывается копье и зубецъ, въ который оно упирается. Въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ, какъ утверждаетъ Норденшельдъ, встрѣчается метательная дощечка и у азіатскихъ эскимосовъ на берегу Берингова пролива.

Метательныя дощечки эскимосовъ, Аляска. Бременскій музей. Смотри текстъ, стр. 338.

Вторая американская область распространенія метательной дощечки лежитъ на югѣ. Она тянется съ большими перерывами, какъ это показалъ Улэ, отъ Колумбіи вплоть до южной Бразиліи. Здѣсь встрѣчаются метательные снаряды въ формѣ дощечекъ, тростей и желобковъ. Карлъ фонъ денъ Штейненъ нашелъ замѣчательный снарядъ у нѣкоторыхъ племенъ индѣйцевъ Шингу; онъ служитъ для метанія не остроконечнаго, а тупого копья, у котораго вмѣсто наконечника насаженъ тяжелый камень. Ф. д. Штейненъ пишетъ, что „распространенная у Шингу форма метательнаго снаряда состоитъ изъ гладкой тонкой палки, около 70-ти сантиметровъ, изъ твердаго, пальмоваго дерева; у одного конца она расширяется, переходя въ пластинку съ отверстіемъ, образующую рукоятку, на другомъ же концѣ имѣется крючекъ. Дротикъ насаживается на крючекъ, сквозь отверстіе въ плоской рукояткѣ продѣвается палецъ, а другіе пальцы придерживаютъ стрѣлу, которая плотно прилегаетъ къ заднему концу снаряда; сильнымъ и широкимъ размахомъ снарядъ описываетъ дугу, направленную впередъ и вверхъ и при этомъ движеніи стрѣла или дротикъ вылетаетъ. Наконечники стрѣлъ бываютъ и каменные, и деревянные. Метательная дощечка служитъ здѣсь не охотничьимъ, а боевымъ оружіемъ, но, вѣроятно, скоро выйдетъ изъ употребленія. Стрѣлы бросаютъ при помощи ремня. Удлиненіе руки и въ этомъ случаѣ увеличиваетъ силу верженія, но здѣсь, какъ и при многихъ другихъ метательныхъ оружіяхъ, дѣйствіе усиливается разбѣгомъ или прыжкомъ во время метанія снаряда. Сама по себѣ праща очень простое, мало способное къ дальнѣйшему усовершенствованію оружіе. У чукчей она состоитъ изъ круглаго куска кожи, къ которому прикрѣплены два ремня и въ одномъ изъ нихъ оставленъ прорѣзъ для продѣванія указательнаго пальца; другой ремень просто прихватываютъ рукой. Въ лоскутокъ кожи вкладываютъ камень, приводятъ снарядъ въ быстрое круговращательное движеніе и, въ благопріятный моментъ, выпускаютъ не надѣтый на палецъ ремень, и камень летитъ къ назначенной цѣли. Въ другихъ пращахъ вмѣсто прорѣза въ ремнѣ просто прикрѣпляютъ иногда къ концу его кисточку, какъ, напримѣръ, въ Новой Каледоніи, или же вмѣсто круглаго куска кожи выдѣлываютъ нѣчто вродѣ чашечки или кармашка. Вмѣсто кожи примѣняютъ къ дѣлу веревки изъ шерсти, хлопчатой бумаги, волокна древеснаго луба и листьевъ пандануса. Оружіе это очень распространено,

хотя, какъ и въ другихъ видахъ оружія, встрѣчаются загадочные перерывы въ его распространеніи. Оно, напримѣръ, извѣстно въ Меланезіи, но совершенно отсутствуетъ въ Австраліи; точно также оно въ большомъ употребленіи въ сѣверной Африкѣ, а у настоящихъ негровъ встрѣчается рѣдко и нигдѣ у нихъ не считается національнымъ оружіемъ. Также и во времена классической древности существовали извѣстныя области, доставлявшія превосходныхъ пращниковъ, какъ напримѣръ, Балеарскіе острова и Курдистанъ. Въ ту пору натуральные пращные камни замѣнялись металлическими снарядами и, вмѣсто колчана, какъ у стрѣлковъ изъ лука, у пращниковъ, въ видѣ вспомогательнаго приспособленія, имѣлась сумка для метательныхъ камней, которая, впрочемъ, кое гдѣ встрѣчается и теперь; на Каролинскихъ островахъ она имѣетъ видъ сѣтчатой сумочки.

Замѣчательную промежуточную форму между метательной доской и пращью мы встрѣчаемъ въ оружіи, бывшемъ въ употребленіи у новозеландцевъ. При помощи палки, къ которой прикрѣплялась веревка, метали простое деревянное копье; оно удерживалось на палкѣ веревочной петлей, которая распускалась въ моментъ бросанія. Метательный снарядъ назывался котаха, а копье—копере.

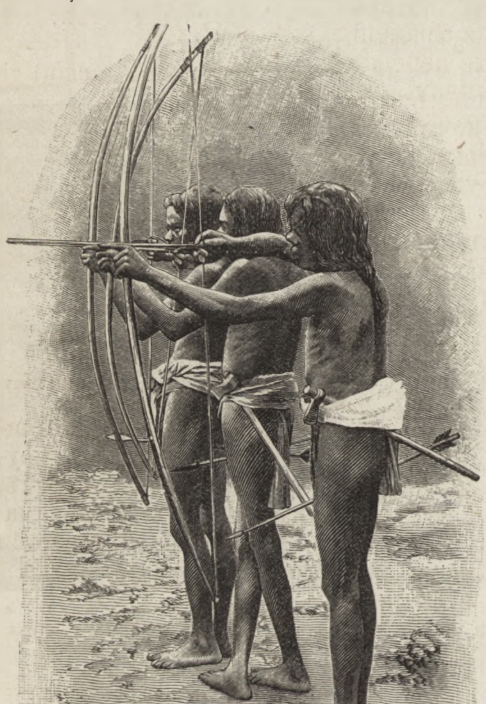

Древнеассирійскіе стрѣлки. По Journal of the Antropological Institute. См. текстъ, стр. 341.

Отсутствіе пращи во многихъ мѣстностяхъ Пешель справедливо приписываетъ отсутствію пригодныхъ для метанія каменьевъ; но это объясненіе никакъ нельзя признать полнымъ. Основной причиной всякихъ перерывовъ и пробѣловъ слѣдуетъ признать общую склонность всѣхъ первобытныхъ народовъ направлять всѣ свои усилія въ одну сторону и оставлять безъ вниманія другія возможныя для использованія явленія. Главная причина здѣсь въ томъ, что для примѣненія къ дѣлу всѣхъ встрѣчающихся возможностей требуется такая масса труда, которая превосходитъ и умственные, и физическіе рессурсы дикарей. Самое пользованіе оружіемъ требуетъ постояннаго упражненія и извѣстной опытности, которая пріобрѣтается не сразу и пріобрѣтенная должна поддерживаться постояннымъ примѣненіемъ и въ долговѣчной общественной организаціи передаваться отъ поколѣнія къ поколѣнію. Благодаря этому оружіе чужого народа усваивается съ трудомъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно имѣетъ за собой большія преимущества: кто привыкъ охотиться съ духовой трубкой, всегда обратится къ ней даже и въ томъ случаѣ, когда ему подарятъ пращу и самымъ обстоятельнымъ образомъ разъяснятъ ея дѣйствіе. Даже и тамъ, гдѣ въ употребленіи самыя разнообразныя формы оружія, всегда встрѣчаются мало употребительныя, такъ какъ почти невозможно достигнуть умѣнія одинаково хорошо владѣть всѣми видами оружія. Въ сущности и культурные народы не могутъ многаго ждать отъ отдѣльной личности, но ихъ выручаетъ великій принципъ раздѣленія труда: европейское войско составлено не изъ такихъ солдатъ, которые одинаково умѣютъ обращаться съ саблей, пикой, ружьемъ и пушкой и въ равной мѣрѣ способны биться въ пѣшемъ и конномъ строю, но изъ людей, вооруженныхъ спеціальными видами оружія и обученныхъ владѣть имъ. Только собранные воедино они представляютъ собою разнообразнѣйшимъ образомъ вооруженное и снаряженное цѣлое.

Связь между пращью, арканомъ и боласомъ (метательными шарами), какъ кажется, заключается только въ одномъ внѣшнемъ сходствѣ, потому что нельзя доказать происхожденія одной формы изъ другой; что же

касается простого аркана и осложненнаго придачею деревянныхъ и металлическихъ шаровъ, то между ними можно предполагать генетическую связь. Липпертъ склоненъ оба эти вида оружія признать за изобрѣтенія пастушескихъ народовъ, потому что на древнеегипетскихъ изображеніяхъ видно, что эти приспособленія употреблялись для ловли пасущихся на волѣ домашнихъ животныхъ. Можно предполагать, что вообще эти приспособленія были гораздо болѣе распространены у пастушескихъ народовъ въ древности, нежели теперь [1]. Въ главной области своего распространія, въ степяхъ Патагоніи, арканъ и боласъ служатъ охотничьимъ оружіемъ и съ очень давнихъ временъ, какъ это доказываютъ доисторическія находки каменныхъ шаровъ. Прирученіе лошадей и рогатаго скота ни въ какомъ случаѣ не могло служить поводомъ къ изобрѣтенію этого оружія.

Стрѣляющіе ведда, Цейлонъ. По Гейгеру. См. текстъ, стр. 343.

Совершенно одиноко, повидимому, среди разныхъ видовъ оружія стоитъ духовая трубка. Аналогичныхъ ей формъ нѣтъ въ этой области кромѣ ружей и пушекъ культурныхъ народовъ, представляющихъ собою усовершенствованныя духовыя трубки. Родственныя формы послѣдней, наоборотъ, встрѣчаются въ музыкальныхъ инструментахъ и приспособленіяхъ. О зажигательномъ насосѣ мы уже упоминали (см. на стр. 315). Послѣ первыхъ удачныхъ попытокъ просверлить насквозь сукъ или стволъ, не разрушивъ его, человѣкъ стоялъ уже очень близко къ изобрѣтенію духовой трубки. Совершенно инстинктивно являлась мысль продуть такую трубку, чтобы удалить остатки сердцевины, при чемъ нельзя было не замѣтить, что плотно застрявшіе въ скважинѣ остатки сердцевины вылетаютъ при продуваніи съ нѣкоторой силой. Во всякомъ случаѣ, самая лучшая духовая трубка не имѣетъ настолько значительной силы верженія, которая могла бы сдѣлать ея стрѣлку опаснымъ оружіемъ. Только открытіе стрѣльнаго яда придало слабому, бесшумно летающему снаряду его грозный характеръ и явилось причиной его распространенія въ обширныхъ областяхъ земного шара и, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ первобытныхъ тропическихъ лѣсовъ. Это — настоящее оружіе лѣсной тропической чащи: гдѣ нѣтъ достаточно простора, чтобы натянуть лукъ или метнуть дротикъ, тамъ сквозь густую заросль прокладываетъ себѣ дорогу смертоносная духовая стрѣлка, не знаю-

[1] Арканъ вообще, если судить по примѣрамъ классической страны кочевого быта, Средней Азіи, мало-по-малу выходитъ изъ употребленія и замѣняется упрощеннымъ орудіемъ урукомъ, урганомъ, по-русски укрюкомъ. Онъ состоитъ изъ длинной гибкой жерди, доходящей до 15 ф. длины, на тонкомъ концѣ ея находится широкая петля, иногда отъ этой петли вдоль жерди идетъ веревка, конецъ которой всадникъ держитъ въ рукахъ. Этотъ снарядъ употребляется исключительно для ловли домашнихъ животныхъ. Верхомъ на лошади человѣкъ гонится за лошадью, которую ему нужно поймать, держа въ обѣихъ рукахъ урганъ. Привычная къ ловлѣ лошадь сама преслѣдуетъ намѣченное для ловли животное, стараясь приблизиться на такое разстояніе, съ котораго всадникъ можетъ накинуть урганъ на шею лошади. Это приспособленіе очень громоздкое, кромѣ того крайне

щая промаха. Одна изъ главныхъ областей распространенія духовной трубки— Индонезія и, по преимуществу, островъ Борнео, другая — восточная часть Южной Америки. На Борнео приготовляютъ духовыя трубки изъ твердаго дерева и сверлятъ ихъ при помощи желѣзнаго стрежня, на концѣ котораго насаженъ острый кремневый наконечникъ, и потомъ шлифуютъ жерло трубки, пропуская въ него волокна ротанга и двигая ихъ взадъ впередъ внутри трубки. Затѣмъ оружію придаютъ желаемую внѣшнюю форму. Духовыя стрѣлки обыкновенно дѣлаютъ изъ твердаго дерева, также изъ бамбука и рыбьихъ костей, на концѣ заостряются и вставляются во втулку изъ какихъ-нибудь мягкихъ матеріаловъ, которая плотно входитъ въ отверстіе трубки. Для храненія ядовитыхъ стрѣлъ употребляются особые деревянные колчаны съ крючкомъ для привѣшиванія его къ поясу. Часто къ верхнему концу трубки придѣлывается желѣзный ножъ въ видѣ штыка, такъ что духовая трубка можетъ служить порой и въ качествѣ колющаго оружія.

Древнеегипетскій стрѣлокъ.
См. текстъ, стр. 344.

Южноамериканскія трубки никогда не имѣютъ такихъ придатковъ, но нерѣдко достигаютъ очень большой длины. Въ Гвіанѣ индѣецъ, кромѣ колчана, носитъ съ собой еще корзинку съ хлопчатой бумагой или другимъ волокнистымъ веществомъ для того, чтобы передъ выстрѣломъ обматывать ею задній конецъ трубки. Почти всѣ духовыя трубки изъ мѣстности Арекуна, гдѣ и растетъ Arundinaria Schombrugii, изъ котораго исключительно изготовляется это оружіе. Высушенная трубка вставляется снова въ просверленный пальмовый стволъ, мундштукъ опутывается нитками, а на другомъ концѣ, чтобы онъ не замарался о землю и грязь, и чтобы не попала въ стволъ нечистота, придѣлывается раструбъ изъ пальмовыхъ листьевъ. Иногда на концѣ насаживаются для прицѣла два зуба пекари. Колчаны для стрѣлъ плетеныя, а стрѣлы изготовляются изъ срединнаго нерва пальмоваго листа.

Скиѳъ, натягивающій тетиву.
По Анучину. См. текстъ, стр. 344.

Всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнные виды оружія, какъ это доказалъ Каппъ, соотвѣтствуютъ органамъ человѣческаго тѣла и служатъ для усиленія ихъ и являются ихъ продолженіемъ. Въ этомъ смыслѣ и духовую трубку можно назвать удлиненіемъ рта человѣка. Этого нельзя сказать о самомъ распространенномъ изъ дальнобойныхъ оружій, о лукѣ и стрѣлахъ, хотя среди органической природы имѣются примѣры примѣненія упругости для цѣлей верженія; нѣкоторыя растенія выбрасываютъ свои сѣмена, когда лопается коробочка, среди нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ есть стрѣляющія, и снарядъ для верженія также дѣйствуетъ силою упругости. Однако же ученіе о проэкціонномъ значеніи органовъ указываетъ только,

утомительна погоня для лошади, несущей всадника; иногда приходится перемѣнить нѣсколько лошадей, прежде чѣмъ удастся на шею лошади накинуть петлю. Несмотря на это, въ центральной Монголіи арканъ совершенно исчезъ, нѣтъ его и у бурятъ. Изъ монгольскихъ племенъ онъ сохранился только у калмыковъ; такъ что это скорѣе тюркскій, чѣмъ монгольскій снарядъ. Онъ встрѣчается рядомъ съ урганомъ у киргизовъ и туркменъ, у всѣхъ кочевниковъ тюрковъ южной Сибири, у сойотъ и у хотонцевъ, также у нѣкоторыхъ сѣверныхъ оленеводовъ. Причина вытѣсненія аркана урганомъ заключается въ трудности выучиться владѣть первымъ. Калмыки, сойоты, хотонцы пользуются ременнымъ арканомъ, южные тюрки и киргизы предпочитаютъ болѣе тяжелый волосяной. *Ред.*

что для механическихъ открытій человѣчества имѣются аналогичные примѣры въ области безсознательнаго творчества природы, но ни въ какомъ случаѣ не желаетъ этимъ сказать, что всякое изобрѣтеніе человѣческое имѣетъ свой прототипъ среди твореній безсознательной природы или является простымъ подражаніемъ послѣднимъ. Любая пригнутая и потомъ отпущенная вѣтка дерева, отбрасывающая съ листьевъ капли росы или сбрасывающая спящихъ на нихъ насѣкомыхъ, могла повести къ открытію того явленія, что всякое упругое тѣло при устраненіи дѣйствующей на него давящей или растягивающей силы, приходя въ первоначальное положеніе, съ силою сбрасываетъ находящіеся на немъ неприкрѣпленные предметы. Простѣйшимъ изобрѣтеніемъ, основаннымъ на этомъ открытіи, могла быть метательная упругая палка для бросанія камней и въ дѣйствительности древніе культурные народы этотъ принципъ поло-

Лукъ. Метательная палица. Арканъ.

Ассирійская охота. По Journal of the Antropological Institute. См. текстъ, стр. 346.

жили въ основу устройства своихъ осадныхъ машинъ [1]. Слѣдовъ существованія эластической метательной палки мы не можемъ констатировать; но могло случиться, что она скоро вышла изъ употребленія благодаря изобрѣтенію гораздо болѣе совершеннаго оружія—лука.

Лукъ состоитъ изъ двухъ существенныхъ частей—упругой дуги и тетивы. Быть можетъ, Л. Фробеніусъ правъ, по крайней мѣрѣ относительно малайскаго лука, предполагая, что прототипомъ его былъ бамбуковый стволъ, отъ котораго съ одного конца была полоской содрана верхняя кожица, служившая согнутому стволу тетивой. Это былъ, такъ сказать, самородный лукъ, сдѣланный изъ одного куска дерева. Немного нужно было для того, чтобы въ случаѣ разрыва тетивы догадаться замѣнить ее полоской, снятой съ другого ствола бамбука и закрѣпить ее узлами на обоихъ концахъ лука. Этотъ предполагаемый путь къ изобрѣтенію вѣроятнѣе, нежели другая гипотеза, предполагающая, что ранѣе изобрѣтенныя ловушки для дичи или первобытные струнные инструменты, существовавшіе прежде лука, довели человѣка до мысли о томъ, что соединеніе лука съ тетивой можетъ дать

[1] Этотъ способъ былъ, безъ сомнѣнія, самымъ употребительнымъ для осадныхъ и метательныхъ машинъ; но примѣнялся также и противовѣсъ при неравноплечемъ рычагѣ. *Ред.*

весьма пригодную комбинацію для созданія дальнобойнаго оружія. Сверхъ того, если-бъ лукъ былъ изобрѣтенъ первоначально въ одной только мѣстности, то распространеніе его повсюду было бы дѣломъ чрезвычайно трудно осуществимымъ; наоборотъ, мы должны признать, и это видно будетъ изъ разсмотрѣнія формъ лука, что имѣются по крайней мѣрѣ два основныхъ типа ихъ, которые, по всѣмъ вѣроятіямъ, изобрѣтены были самостоятельно въ разныхъ пунктахъ.

Если мы всѣ сложные инструменты и всѣ виды оружія раздѣлимъ на три группы, изъ которыхъ къ первой причислимъ всѣ приспособленія, которыя только увеличиваютъ силу членовъ тѣла человѣка, какъ напр., праща и метательная доска, ко второй—дающія возможность собирать силу съ тѣмъ, чтобы ее истратить мгновенно, что мы видѣли въ огневомъ насосѣ, а къ третьей—тѣ, которыя вмѣсто силы человѣка заставляютъ работать силы природы, примѣромъ чего могутъ служить наше огнестрѣльное оружіе и паровыя машины, то лукъ, безусловно, нужно будетъ отнести ко второй категоріи. Натягиваніе лука представляетъ собою накопленіе силы, которая разряжается въ выстрѣлѣ. Сила, сообщающая скорость полету стрѣлы, не равна силѣ мускуловъ руки, она во много разъ больше послѣдней; это видно уже изъ того, что стрѣла, брошенная прямо рукой по силѣ и дальности полета никоимъ образомъ не можетъ конкуррировать со стрѣлой, пущенной изъ лука. Въ усовершенствованныхъ арбалетахъ, гдѣ тетива натягивается при помощи рычага, принципъ собиранія силы достигаетъ самаго высокаго развитія. Здѣсь другая рука, придерживающая лукъ, замѣнена деревянной рукояткой, и это даетъ возможность использовать для натягиванія тетивы силу обѣихъ рукъ. На практикѣ длина руки кладетъ извѣстный предѣлъ удлиненію лука и увеличенію вѣса стрѣлы и, потому въ нѣкоторыхъ случаяхъ натягиваютъ лукъ ногами, чтобы увеличить разстояніе между лукомъ и тѣломъ человѣка, и при этомъ является возможность оттягивать тетиву обѣими руками. Ксенофонтъ встрѣтилъ въ Арменіи столь громадныя стрѣлы, что его воины принимали ихъ за метательныя копья; по свидѣтельству Эмиля Шмидта, веддахи и понынѣ, хотя только на охотѣ за птицами, пользуются своими луками такимъ же образомъ.

Наконечникъ копья у племени индѣйцевъ менобини, Сѣв. Америка. По Гофману. См. текстъ, стр. 346.

Кромѣ этого своеобразнаго способа натягиванія лука эта операція и при обыкновенномъ способѣ стрѣльбы можетъ производиться различнымъ образомъ. Морзе сдѣлалъ попытку описать различные способы натягиванія лука и раздѣлилъ ихъ на пять категорій, а въ послѣднее время Ф. фонъ Люшанъ прибавилъ къ нимъ еще шестую. Примитивный методъ, по Морзе, заключается въ томъ, что стрѣла на тетивѣ прихватывается большимъ и указательнымъ пальцами и въ то же время ими оттягивается тетива; это—наименѣе практичный способъ и примѣняется очень немногими народами какъ напр. айно (см. нижній рис. на стр. 76), индѣйцами демерара и ута. При позднѣйшемъ способѣ, который распространенъ у цуньи и нѣкоторыхъ другихъ индѣйскихъ племенъ, стрѣла придерживается такъ же, какъ и въ первобытномъ, но въ натягиваніи стрѣлы принимаютъ участіе средній и безымянный пальцы. При третьемъ способѣ тетива оттягивается среднимъ и указательнымъ пальцами, при чемъ на стрѣлу, у которой на нижнемъ концѣ имѣется выемка, слегка надавливаютъ большимъ пальцемъ. Большинство сѣвероамериканскихъ индѣйскихъ племенъ, веддахи и сіамцы придерживаются этого способа, который даетъ возможность развивать значительное количество силы (см. рис. на стр. 340). Если натягивать лукъ при по-

Трехгранные желѣзные наконечники изъ западно-сибирскихъ кургановъ. Бременскій музей. См. текстъ, стр. 347.

мощи трехъ длинныхъ пальцевъ, ставя стрѣлу между среднимъ и указательнымъ пальцами, то получится четвертый способъ, который Морзе называетъ средиземноморскимъ, потому что онъ былъ въ употребленіи у египтянъ, ассиріянъ, грековъ и вообще у всѣхъ обитателей побережья Средиземнаго моря. См. рис. на стр. 341. Пятый способъ, монгольскій, состоитъ въ томъ, что большой палецъ оттягиваетъ тетиву, указательный палецъ придерживаетъ стрѣлу, которая приходится, такимъ образомъ, въ углу между большимъ и указательнымъ пальцами. Вуты, во внутреннихъ частяхъ Камеруна, примѣняютъ шестой, очень оригинальный способъ, при которомъ тетива оттягивается не прямо рукой, а посредствомъ особаго кольца.

Если техника стрѣльбы выполняется разнообразными способами, то обзоръ формъ лука представляетъ еще большее число варіацій, и здѣсь, несмотря на всю его простоту, мы имѣемъ дѣло съ очень измѣнчивымъ оружіемъ. Основная мысль повсюду одна и та же, но практическое осуществленіе ея представляетъ громадное разнообразіе. Частью разнообразіе это находится въ зависимости отъ матеріаловъ, имѣющихся въ данномъ районѣ распространенія оружія. Даже тамъ, гдѣ господствуетъ простой деревянный лукъ, онъ не имѣетъ однообразной формы, такъ какъ употребляемыя для него породы дерева неодинаковы, и величина лука, а также и форма кривизны дуги отчасти зависятъ отъ свойствъ дерева, изъ котораго онъ сдѣланъ. Обращаясь къ безлѣснымъ странамъ, напримѣръ, къ степямъ Азіатскаго плоскогорья или къ полярнымъ странамъ, мы замѣтимъ, что тамъ простая форма лука, выдѣланнаго изъ вѣтви или ствола дерева, исчезаетъ; вмѣсто него выступаютъ луки сложной конструкціи и болѣе сильные, изготовляемые изъ рога или пластинокъ дерева, а также изъ того и другого матеріала, и эти формы вмѣстѣ со степными народами занесены были въ такія области, гдѣ въ сущности такія комбинаціи матеріаловъ для изготовленія луковъ были совершенно не нужны. Рядомъ съ этимъ на форму лука и въ особенности на размѣры его вліяютъ и другія обстоятельства, но эти вліянія не всегда возможно выяснить; такъ, напримѣръ, Ратцель показалъ, что самые большіе луки въ Африкѣ встрѣчаются въ степныхъ областяхъ, а маленькіе — въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, а Германъ Мейеръ о Южной Америкѣ утверждаетъ совершенно противоположное. Несомнѣнно, что наѣздническіе народы предпочитаютъ маленькіе луки [1].

Подушка, защищающая отъ отдающаго удара тетивы. Восточ. Африка. По фотографіи. См. текстъ, стр. 349.

Инымъ образомъ опредѣляется внѣшняя форма лука по отношенію къ тетивѣ. На гладкомъ концѣ лука тетива, хотя бы и очень крѣпко привязаная, не можетъ держаться, если для нея не будутъ устроены точки опоры. Иногда довольствуются для этого небольшими зарубками или же обертываютъ лукъ шероховатой кожей или корой дерева; это приспособленіе удовлетворяетъ также и другимъ цѣлямъ. Нерѣдко дѣлаются выступы и пуговки на концахъ лука для прикрѣпленія тетивы; ихъ или прямо вырѣзываютъ изъ одного куска дерева съ лукомъ или же придѣлываютъ ихъ впослѣдствіи (ср. изобр. на стр. 228).

[1] Изъ этого правила громадное исключеніе опять таки представляетъ Средняя Азія: монгольскій и тюркскій луки, хотя и не достигаютъ размѣровъ луковъ веддаховъ Цейлона, все таки очень длинны, а монголы и ихъ сосѣди тюрки, несомнѣнно, народы наѣздническіе. Мы затрудняемся объяснить, почему короткій лукъ такъ неудобенъ для наѣздниковъ, которые носятъ длинныя копья. Стрѣльбѣ длинный лукъ могъ бы помѣшать только въ томъ случаѣ, если бъ лукъ, какъ это бываетъ часто, наѣздники держали вертикально, но наѣздникъ такъ же легко можетъ держать лукъ горизонтально и даже наклонно. На монгольскихъ стрѣльбищахъ, насколько намъ случалось ихъ видѣть, обычный способъ держанія лука при стрѣльбѣ горизонтальный. Американскіе индѣйцы были народомъ пѣшимъ, а лукъ у нихъ короче монгольскаго. *Ред.*

Различными способами рѣшается задача, какъ держать лукъ всегда въ готовности для употребленія, такъ какъ при храненіи его съ туго натянутой тетивой упругость мало-по-малу теряется. Въ громадныхъ южно-американскихъ и меланезійскихъ лукахъ нѣтъ надобности туго стягивать лукъ тетивой, въ маленькихъ лукахъ нужно приспособиться такъ, чтобы можно было быстро надѣвать и снимать тетиву или же придавать луку форму круто согнутой дуги [1]. Гораздо труднѣе объяснить существованіе желобка на внутренней сторонѣ лука, что мы неизмѣнно встрѣчаемъ въ одной группѣ луковъ, и тамъ нерѣдко она служитъ для вкладыванія стрѣлы, которая при этомъ находится всегда подъ рукой вмѣстѣ съ лукомъ. Л. Фробеніусъ возводитъ—и, можетъ быть, совершенно правильно — происхожденіе этой бороздки къ первообразной формѣ лука, когда тетивой служила содранная съ того же лука полоса наружныхъ покрововъ дерева и на томъ мѣстѣ, гдѣ прилегала эта полоска, должно было естественно образоваться углубленіе.

Тетивы бываютъ изъ бамбуковой ленты, изъ скрученныхъ растительныхъ волоконъ или жилъ животныхъ [2]. Тетива часто прикрѣпляется къ луку цѣлымъ рядомъ искусно сдѣланныхъ переплетеній и узловъ, такъ что большая часть поверхности лука покрыта ими; приспособленіе при придерживаніи стрѣлы, встрѣчается только спорадически.

Самострѣлъ и стрѣлы у никобаровъ, Бенгальскій заливъ. По В. Свобода. См. текстъ, стр. 351.

Формы лука можно безъ труда разбить на цѣлый рядъ группъ, потому что во всякой сколько-нибудь обширной области развились свои особенности, но всѣ эти варьяціи, по Бальфуру, раздѣляются на три категоріи: простыхъ деревянныхъ луковъ, роговыхъ и сложныхъ. Изъ всѣхъ трехъ классовъ наименьшее значеніе имѣетъ роговой лукъ; два остальныхъ типа распредѣляются такъ: въ Азіи и Сѣверной Америкѣ господствуетъ сложный лукъ, въ средней и южной Африкѣ, Меланезіи и Южной Америкѣ—простой лукъ. Переходную форму представляетъ сдѣланный изъ одного куска дерева лукъ съ двойнымъ искривленіемъ; онъ въ одиночку встрѣчается въ сѣверовосточной Африкѣ и доходитъ вплоть до Гвинейскаго берега. У сложныхъ луковъ обычно встрѣчается тетива изъ животныхъ продуктовъ, при простыхъ лукахъ, въ громадномъ большинствѣ, но не безъ исключеній, изъ растительныхъ. Также и Остяки пользующіеся сложнымъ лукомъ, теперь замѣнили тетиву изъ животныхъ продуктовъ пеньковой, которую они сверхъ того обвиваютъ берестой.

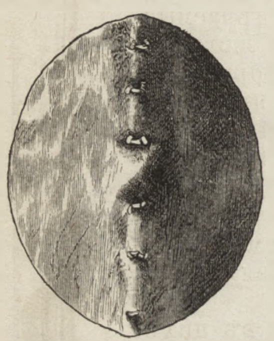
Какъ вести дальнѣйшую группировку простыхъ луковъ въ цѣляхъ

---

[1] Монгольскій и онъ же китайскій лукъ, состоящій изъ дерева и рога, обыкновенно держатъ безъ тетивы, при чемъ концы его отгибаются въ силу упругости на противоположную сторону. Для опытнаго стрѣлка натягиваніе тетивы—дѣло двухъ-трехъ минутъ. При такомъ способѣ храненія лукъ сохраняетъ свою упругость долгіе годы. *Ред.*

[2] Также изъ кожаныхъ ремней, кишекъ. У китайскихъ луковъ часто тетива плотно обвертывается скрученнымъ шелкомъ. *Ред.*

использовать этотъ сюжетъ для сравнительнаго народовѣдѣнія и сравнительной исторіи народовъ;—это самымъ блистательнымъ образомъ указали для Африки Фридрихъ Ратцель и впослѣдствіи Германъ Мейеръ для Южной Америки. Изученіемъ сложнаго лука въ новѣйшее время занялся фонъ-Люшанъ. Вмѣстѣ съ нимъ можно признать, что луки, обвитые оболочкой, которая увеличиваетъ силу лука и предохраняетъ отъ разрушенія, слѣдуетъ причислить къ сложнымъ лукамъ; такъ же слѣдуетъ смотрѣть на луки, у которыхъ спинка обклеивается жилами или обтягивается бичевой. У всѣхъ сложныхъ луковъ, когда съ нихъ снята тетива, является рефлексъ, то есть, перегибъ въ противоположную сторону. Такіе луки обыкновенно дѣлаются или изъ пластинокъ дерева, какъ японскіе, или же дуга изъ дерева подкладывается снизу рогомъ а сверху обматывается жилами, увеличивая тѣмъ силу лука; таковы луки тюркскіе, китайскіе, индійскіе и персидскіе [1]. Отдѣльныя части скрѣпляются другъ съ другомъ посредствомъ склеиванія или другимъ какимъ-либо способомъ. По мнѣнію Ф. фонъ-Люшана, сложный лукъ возникъ не въ разныхъ мѣстахъ путемъ самостоятельнаго творчества, но былъ изобрѣтеніемъ какого-нибудь тюркскаго племени, можетъ быть, суммерійскими народами Вавилоніи, отъ которыхъ онъ перешелъ въ Азію (см. рис. на стр. 342), Европу и сѣверную Африку. По Мурдоку, эскимосскіе луки раздѣляются на три группы, которыя однако-жъ немногимъ отличаются другъ отъ друга; у нихъ встрѣчаются и простые луки; но обыкновенно у нихъ на спинѣ наложены ребрышки и накладки изъ дерева или кости для увеличенія упругости оружія, и кромѣ того принято оплетать оружіе жилами, ремешками и т. д.

Кожаный щитъ изъ Краку, вост. Африка. По Кольману. См. текстъ, стр. 352.

Въ основѣ своей лукъ, только снарядъ для метанія и стрѣльбы, а настоящимъ оружіемъ служитъ стрѣла, которая по способу дѣйствія является дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ дротика или облегченной формой послѣдняго. Имѣя меньшій вѣсъ, стрѣла восполняетъ этотъ недостатокъ силою верженія лука. Простѣйшая форма стрѣлы — заостренная палочка (см. верхнее изобр. на стр. 343), но и она, подобно копью, дифференцируется мало-по-малу въ сложную форму, состоящую изъ древка и наконечника; часто къ этому присоединяется опереніе нижняго конца, которое дѣйствуетъ какъ руль и увеличиваетъ мѣткость стрѣльбы. Точно также почти у всѣхъ стрѣлъ на нижнемъ концѣ есть вырѣзъ для тетивы, и его принято обтягивать и стягивать чѣмъ-нибудь, чтобы предохранить древко отъ дальнѣйшаго разщепленія. Наконечники дѣлаются изъ самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ, часто изъ твердаго дерева, и вставляются въ трубчатое древко, также изъ рыбьихъ костей, рога и кости, осколковъ камней и, наконецъ, изъ металла. Тамъ, куда культура занесла съ собой стеклянную посуду, острые осколки стекла считаются отличнымъ матеріаломъ для наконечниковъ стрѣлъ. Такъ какъ стрѣлы выпускаются цѣлыми массами и нерѣдко теряются, то при выборѣ матеріала для наконечниковъ рѣшающее значеніе имѣетъ стоимость матеріала, и дорогіе наконечники ни въ какомъ случаѣ нельзя считать подходящими. По этой причинѣ, долго спустя послѣ введенія металловъ, въ Европѣ употреблялись кремневые наконечники стрѣлъ, и въ настоящее время у примитивныхъ племенъ металлическія стрѣлы составляютъ большую рѣдкость [2].

---

[1] Таковы и монгольскіе луки, но въ нихъ вмѣсто жилъ часто обклеиваютъ лукъ сверху хорошо вываренной берестой. *Ред.*

[2] Среди археологическихъ находокъ Сибири желѣзныя стрѣлы разныхъ типовъ встрѣчаются массами, бронзовыя же гораздо рѣже, хотя въ Енисейской губерніи бронзовые ножи, топоры, кинжалы, котлы чашки и т. п. находятся въ большомъ изобиліи. Въ не-

Какъ охотничьи копья отличаются большимъ разнообразіемъ, чѣмъ боевыя, такъ и въ охотничьихъ стрѣлахъ мы встрѣчаемъ большее количество варіацій, чѣмъ въ боевыхъ. Самымъ большимъ распространеніемъ пользуются, вѣроятно, тупыя стрѣлы и стрѣлы съ утолщенной головкой, употребляемыя для охоты за цѣннымъ пушнымъ звѣремъ и за птицами съ красивымъ опереніемъ; въ Сибири инородцы для охоты за соболемъ и лисицей употребляютъ стрѣлы съ двумя лезвіями [1], по перу охотятся со стрѣлами имѣющими колбообразное утолщеніе на концѣ, снабженное нѣсколькими короткими остріями. Металлическіе треугольные наконечники съ вершиною къ древку и отточеннымъ основаніемъ вверху встрѣчаются въ различныхъ мѣстностяхъ; ихъ находятъ и въ области Конго, и при археологическихъ раскопкахъ въ западной Сибири; тамъ же встрѣчаются и замѣчательныя трехлопастныя или трехкрылыя стрѣлы (см. нижн. изобр. стр 343), цѣль которыхъ не совсѣмъ ясна [2]. Въ Южной Америкѣ въ большомъ ходу деревянные наконечники стрѣлъ, дѣлаемые изъ узловой части сука, гдѣ отъ него отходятъ побѣги, которые коротко обрѣзываются такъ, что наконечникъ имѣетъ форму миніатюрной мутовки. Наконечники съ четырьмя остріями для битья рыбы, по Ванъ-Гассельту, употребляются въ Новой Гвинеѣ. Шаденберъ упоминаетъ о трехраздѣльномъ наконечникѣ стрѣлы для свиней у негритосовъ. Въ Гвіанѣ употребляютъ для охоты на рыбу разнообразныхъ формъ стрѣлы съ выпадающимъ наконечникомъ, который связывается съ древкомъ шнуркомъ и напоминаетъ о гарпунѣ полярныхъ странъ; Ветеръ нашелъ такія стрѣлы у вассандауй въ восточной Африкѣ.

Боевыя стрѣлы вообще проще охотничьихъ; но въ нихъ обыкновенно дѣлаютъ наконечники съ „ершами“ (Widerhacken— обращенныя назадъ зазубрины), чтобы сдѣлать стрѣлы опаснѣе; этотъ пріемъ особенно часто примѣняется при деревянныхъ стрѣлахъ и доводится до излишества. Тамъ, гдѣ дѣлаются гладкія стрѣлы или только съ одной выемкой, имѣется обыкновеніе прибѣгать для усиленія дѣйствія оружія къ варварскому, брошенному культурными народами пріему веденія войны, отравленію стрѣлъ. Есть много различныхъ не одинаково дѣйствующихъ ядовитыхъ веществъ, дѣлающихъ изъ легкой стрѣлки безусловно смертельное оружіе. Сравнительно рѣдко прибѣгаютъ къ трупному яду, дѣйствіе котораго при антигигіенической обстановкѣ жизни дикарей легко можно было извѣдать; но онъ дѣйствуетъ слишкомъ медленно для того, чтобы быть пригоднымъ на охотѣ, для которой онъ, вѣроятно, и былъ первоначально изобрѣтенъ. Трупному яду всегда предпочитаютъ болѣе быстро дѣйствующіе на сердце или на двигательные нервы, при которыхъ добыча не можетъ ни убѣжать, ни скрыться, ни потеряться. Змѣиный ядъ обладаетъ такими свойствами, а потому змѣиная голова и зубы считаются наиболѣе надежнымъ ингредіэнтомъ при варкѣ ядовитаго снадобья, хотя трудно думать, чтобы при этихъ условіяхъ на самомъ дѣлѣ

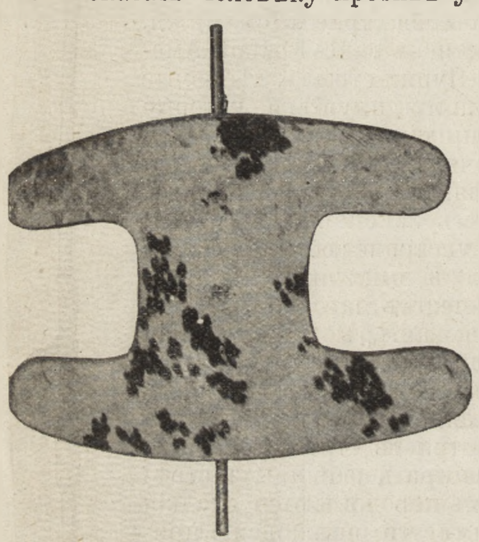
Отражающій щитъ изъ Нгурамана, Вост. Африка. По Кильману. См. текстъ, стр. 352.

тронутыхъ могилахъ бронзоваго вѣка вмѣсто бронзовыхъ стрѣлъ чаще встрѣчаются костяные наконечники, нежели бронзовые. Здѣсь—та же причина, какъ и въ Европѣ— сравнительная дороговизна мѣди *Ред.*

[1] Сколько намъ извѣстно, такого дорогого звѣря, какъ соболь, предпочитаютъ добывать сѣтями, выкуривая изъ норъ; стрѣлы же употребляются за неимѣніемъ лучшаго способа охоты. Вообще лукъ и стрѣлы представляютъ теперь въ Сибири пережитокъ прошлаго. *Ред.*

[2] Мы думаемъ, что цѣль та же, что и у трехграннаго наконечника — нанести болѣе опасную, треугольную рану. Въ желѣзной стрѣлѣ грани замѣняются широкими, но тонкими лопастями для уменьшенія вѣса наконечника. *Ред.*

извлекался змѣиный ядъ; скорѣе всего сила яда заключается въ сокѣ ядовитыхъ растеній, также входящихъ въ составъ смѣси. Стрихнинъ, аконитъ, молочайный сокъ—самые распространенные растительные яды; между ними впрочемъ встрѣчается и табачный сокъ. Уже Пешель указалъ на то, что нѣтъ той части свѣта, въ которой не былъ бы извѣстенъ стрѣльный ядъ, разумѣется, за исключеніемъ тѣхъ странъ, въ которыхъ неизвѣстны ни лукъ, ни стрѣлы; существуютъ указанія и на то, что онъ примѣнялся у нѣкоторыхъ народовъ Европы. Здѣсь, въ уничтоженіи этого злодѣйскаго обычая одинъ изъ рѣдкихъ примѣроръ того, что не одно только чувство общественности направляетъ человѣка на правый путь нравственнаго развитія, но что онъ идетъ дальше этого по пути облагороженія своей природы, такъ какъ грубый инстинктъ самосохраненія, несомнѣнно, ничего не могъ сказать человѣку противъ употребленія яда.

Мѣховой щитъ бечуановъ, южн. Африка. Этнографическій музей въ Лейпцигѣ. См. текстъ стр. 352.

Ядовитыя духовыя трубки вызвали изобрѣтеніе колчана; то же самое понадобилось и для ядовитыхъ стрѣлъ. Помимо этого необходимость имѣть съ собой запасъ стрѣлъ наводила на мысль о хранилищѣ для нихъ, которое можно было бы носить съ собою на поясѣ или за плечами. У многихъ азіатскихъ народовъ колчаны настолько громадны, что въ нихъ можно засунуть и маленькій лукъ [1], что особенно удобно для наѣзднических племенъ. Въ Бразиліи соотвѣтствующія гигантскимъ лукамъ длинныя стрѣлы носятъ въ рукахъ.

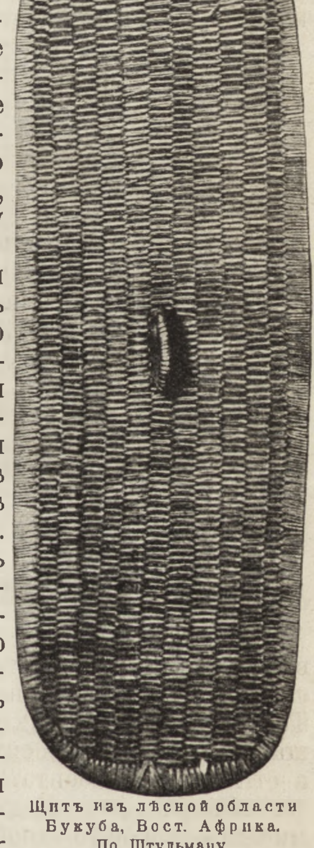
Кромѣ вышеупомянутыхъ, есть и другіе вспомогательные снаряды для стрѣльбы изъ лука, какъ напримѣръ, упомянутыя выше кольца для натягиванія тетивы у вутовъ (см. стр. 344). Народы, которые, по терминологіи Морзе, патягиваютъ лукъ по средиземноморскому способу, для защиты руки отъ обратнаго движенія тетивы употребляютъ перчатки, слѣдующіе монгольской методѣ пользованіи лукомъ носятъ перстень на большомъ пальцѣ. Такъ же и въ Африкѣ, повидимому, встрѣчаются спорадически защитныя кольца, о чемъ относительно Бабъ-эль-Мандеба свидѣтельствуетъ Марно, а относительно обитателей Бенуэ—Флегель.

Графъ фонъ-Цехъ упоминаетъ, что у логаба, во внутреннемъ Того, имѣется какое-то двойное кольцо, употребленіе котораго при стрѣльбѣ онъ однако же не описалъ съ достаточной подробностью. Онъ пишетъ: „На правой рукѣ логаба имѣютъ обыкновеніе носить особое приспособленіе для натягиванія лука, которое въ то же время служитъ и въ качествѣ звенящаго колокольчика; этотъ снарядъ состоитъ изъ широкаго желѣзнаго кольца, которое надѣвается на большой палецъ и маленькаго колечка, которое, какъ наперстокъ, надѣвается на указательный“.

Также нуждается въ защитѣ и рука, придерживающая лукъ, такъ какъ спущенная тетива при возвратномъ движеніи можетъ нанести болѣзненную рану. На Соломоновыхъ островахъ для этого обертываютъ руку

[1] Большіе колчаны нужны были потому что при большихъ лукахъ были большія стрѣлы, и ихъ брали съ собой много: по Бичурину (Свѣд. о Народахъ Средн. Азіи), 12 стрѣлъ составляли один ъ выпускъ стрѣлъ. Кромѣ того, у обитателей высокой Азіи, какъ и у скифовъ, кромѣ колчана имѣлся еще кореть-налучье. Носилось и то, и другое на поясѣ. Китайцы же носятъ колчанъ на спинѣ. *Ред.*

полосками древеснаго луба, подобнымъ же образомъ, по показанiямъ Эренрейха, защищаютъ руку ботокуды; въ западной Африкѣ употребляютъ для этой цѣли наручни изъ твердой кожи или слоновой кости и особенно стойкiй кожаный защитный снарядъ отъ ударовъ тетивы употребляютъ вути и восточно-африканскiя племена (см. изобр. на стр. 344). Вернеръ упоминаетъ о большихъ призматическихъ, полыхъ, пустотѣлыхъ приспособленiяхъ изъ восточной Африки и указываетъ на то, что при круто согнутыхъ лукахъ защитныя приспособленiя для руки не нужны, потому что въ этомъ случаѣ тетива никогда не доходитъ до лука. Объ упомянутыхъ уже ботокудахъ принцъ Максимилiанъ ф. Видъ сообщаетъ, что они примѣняютъ интересный защитный снарядъ, возникшiй подъ европейскимъ влiянiемъ. „При стрѣльбѣ изъ лука", — пишетъ онъ, — „ботокудъ обвиваетъ лѣвое предплечiе шнуркомъ для защиты отъ возможности пораненiя при обратномъ движенiи тетивы. Пурисы не имѣютъ этого обыкновенiя. Вмѣсто прежняго шнурка опутываютъ руку лесой отъ удочки, такъ что одинъ и тотъ же предметъ служитъ и для охоты, и для рыбной ловли. Удочки вымѣниваютъ они у португальцевъ".

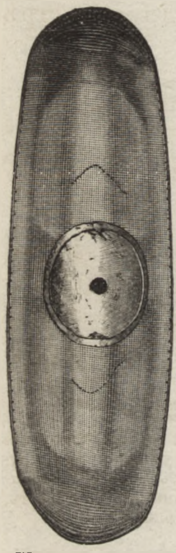

Щитъ изъ лѣсной области Букуба, Вост. Африка. По Штульману. См. текстъ, стр. 353.

Если лукъ въ настоящее время вытѣсняется огнестрѣльнымъ оружiемъ, то здѣсь нельзя видѣть чего-либо иного, кромѣ совершенно естественнаго явленiя эволюцiи или борьбы за существованiе, которая между произведенiями матерiальной культуры ведется тѣмъ же порядкомъ, какъ и между организмами; но уже давно возбуждало недоумѣнiе, что и безъ этой неравной борьбы, лукъ, несмотря на всѣ свои блестящiя преимущества, не могъ завоевать себѣ всеобщаго господства среди примитивныхъ народовъ. Конечно, мы уже имѣли случай убѣдиться, что онъ такъ же, какъ и другiе виды оружiя и снарядовъ, распространенъ только спорадически въ разныхъ областяхъ; знаемъ мы также, что основная причина этого явленiя заключается въ неспособности человѣка одновременно культивировать съ одинаковымъ успѣхомъ различныя искусства; знали мы также, что этотъ недостатокъ разносторонности преодолѣвается и у культурныхъ народовъ только при помощи раздѣленiя труда, а не особымъ разнообразiемъ способностей отдѣльныхъ индивидуумовъ. Однако же и здѣсь, рядомъ съ общей, основной, и сразу неуловимой причиной явленiя должны были существовать и второстепенныя, мысль о которыхъ привлекала вниманiе дѣятелей сравнительной этнологiи. Пешель былъ первымъ, который старался выяснить загадочный фактъ отсутствiя лука въ Полинезiи.

Пробѣлъ этотъ на самомъ дѣлѣ очень знаменателенъ; за исключенiемъ материка Австралiи, по обѣимъ сторонамъ Тихаго океана, гдѣ только живутъ люди, мы встрѣчаемъ лукъ: онъ встрѣчается и въ Меланезiи, и въ Восточной Азiи, и точно также въ Сѣверной и Южной Америкѣ. Былъ онъ когда-то и въ Полинезiи, гдѣ сохранились кое-какiе остатки его. Стало быть, онъ былъ заброшенъ не случайно, несмотря на то, что въ Полинезiи войны очень нерѣдко встрѣчаются, и оружiе тамъ также было въ изобилiи. Пешель усматриваетъ причину этого въ томъ, что лукъ, по существу, оружiе охотничье, и онъ могъ сохраниться только тамъ, гдѣ была

въ наличности крупная дичь. „Лукъ и стрѣла должны исчезнуть тамъ, гдѣ охота теряетъ значеніе главнаго жизненнаго промысла, и гдѣ она невозможна по природнымъ условіямъ. Если же мы изъ Новой Гвинеи будемъ подвигаться на востокъ, на сѣверъ, сѣверо-востокъ и юго-востокъ, то замѣтимъ повсюду прекращеніе охотничьяго промысла, потому что на островахъ нѣтъ другихъ млекопитающихъ, кромѣ летучихъ мышей, прирученныхъ свиней, собакъ и крысъ". На Вестъ-Индскихъ островахъ, гдѣ сохранили лукъ только недавно переселившіеся съ материка карибы, одинаковыя обстоятельства привели къ сходнымъ результатамъ. Точно также, гдѣ охота сокращается не вслѣдствіе недостатка дичи, а въ силу прогрессивнаго измѣненія хозяйства, лукъ выходитъ изъ употребленія, и на мѣсто нападенія вразсыпную, употребляемаго стрѣлками, вырабатывается свойственная болѣе многочисленнымъ народамъ метода борьбы сомкнутыми массами, съ рукопашнымъ оружіемъ въ рукахъ, на близкомъ разстояніи.

Щитъ племени могванди, Конго. По Тоннеру.

Эти мысли имѣютъ серьезное значеніе и, несомнѣнно, содержатъ въ себѣ зерно истины, хотя, конечно, подтвержденіе встрѣчаютъ они далеко не во всѣхъ случаяхъ. Ратцель, который основывался, главнымъ образомъ, на африканскихъ примѣрахъ, приходитъ къ заключеніямъ, сходнымъ съ только что изложенными, но вводитъ въ нихъ еще нѣкоторый психологическій моментъ. Онъ говоритъ, что „многіе африканскіе народы мало пользуются лукомъ, повидимому, потому, что считаютъ его оружіемъ низкостоящихъ, порабощенныхъ народовъ и считаютъ менѣе благороднымъ. И обитаютъ поэтому эти низшія племена въ мѣстахъ наименѣе благопріятныхъ для жизни — лѣсной чащѣ, горахъ и степяхъ". Какъ мы уже сказали, этимъ соображеніямъ нельзя придать всеобщаго значенія. Древніе культурные народы, египтяне, ассиріяне, китайцы не пренебрегали лукомъ, а бродячіе австралійцы, живущіе въ мѣстности довольно обильной дичью, не знаютъ лука за ничтожнымъ исключеніемъ пограничной полосы съ меланезійцами. У культурныхъ народовъ и здѣсь является на помощь принципъ раздѣленія труда, дающій имъ возможность формировать спеціальныя, стрѣлковыя части войскъ, что совершенно невозможно для первобытныхъ народовъ. Тамъ каждое племя выступаетъ со своимъ національнымъ оружіемъ, и, вѣроятно, есть еще много мотивовъ, гораздо менѣе важныхъ, чѣмъ приводимые Пешелемъ и Ратцелемъ, которые могутъ заставить ввести или вывести изъ употребленія лукъ и стрѣлы.

Гораздо ранѣе, чѣмъ порохъ пріобрѣлъ преобладающее значеніе при веденіи войнъ, появился опасный соперникъ лука, который, повидимому, знаменовалъ собою значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ оружейной техники, но не имѣлъ такого широкаго распространенія, какъ ружье, и даже не могъ совершенно вытѣснить употребленіе лука у культурныхъ народовъ. Мысль замѣнить при стрѣльбѣ изъ лука вытянутую руку деревянной рукояткой, которая кромѣ того давала бы возможность продолжительное время держать оружіе въ состояніи напряженія, готовымъ къ выстрѣлу, была осуществлена какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Возникшій такимъ образомъ самострѣлъ (арбалетъ) давалъ возможность при натягиваніи тетивы пускать въ дѣло обѣ руки, а въ случаѣ надобности примѣнять и рычагъ и такимъ образомъ зарядить оружіе гораздо большимъ количествомъ потенціальной энергіи, чѣмъ при простомъ лукѣ. Равнымъ образомъ, не было уже надобности стрѣлкѣ, помѣщавшейся въ желобкѣ самострѣла, придавать длину, равную разстоянію между натянутой тетивой и лукомъ, что было необходимо при простомъ лукѣ. Стрѣлки могли быть короче и легче, что давало возможность имѣть большій запасъ ихъ при себѣ. Всѣ эти пре-

имущества особенно ярко выступали въ европейскомъ самострѣлѣ, что же касается до китайскаго, при которомъ можно стрѣлять и пулями, то несмотря на остроумное приспособленіе, превращающее самострѣлъ въ многозарядное оружіе, подобное магазинному ружью, онъ, какъ и большинство китайскихъ формъ оружія, малопрактиченъ.

Въ Европѣ старый простой лукъ еще долго боролся съ новымъ оружіемъ, несмотря на то, что, въ виду, яко бы, страшной истребительной силы самострѣла, послѣдній въ началѣ запрещенъ былъ для употребленія въ битвахъ. Кромѣ войны съ невѣрными, побѣда стараго лука обнаружилась блистательнымъ образомъ въ англо-французской войнѣ, въ битвѣ при Азинкурѣ; тамъ скорострѣльная пальба англійскихъ лучниковъ, прикрытыхъ брустверомъ, рѣшила участь сраженія въ борьбѣ съ самострѣлами французскаго рыцарства [1]. Большая простота устройства и сподручность до сихъ поръ остаются главными преимуществами лука передъ самострѣломъ (арбалетомъ), и этимъ объясняется также, почему первобытные народы не изобрѣли его самостоятельно и не дѣлали серьезныхъ попытокъ усвоить его. Въ видѣ исключительнаго примѣра встрѣчается нѣчто вродѣ самострѣла у фановъ въ области Габунъ и Іяунда, во внутреннемъ Камерунѣ; но въ этомъ оружіи нѣтъ приспособленія для удержанія натянутой тетивы, ни для спуска ея. Въ этомъ примѣрѣ, какъ и на Никобарскихъ островахъ (см. рис. на стр. 345), гдѣ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыхъ изъ нихъ существуетъ настоящій арбалетъ, мы, вѣроятно, имѣемъ передъ собой неумѣлое воспроизведеніе европейскихъ или китайскихъ прототиповъ. Тамъ, гдѣ въ дальней Индіи мы встрѣчаемъ это оружіе, также можно предполагать китайское вліяніе.

Панцырь изъ двойной буйволовой кожи у вавира и другихъ лѣсныхъ племенъ, Конго. По Штульману. См. текстъ, стр. 354.

Самострѣлъ образуетъ уже переходъ къ ружью, такъ какъ и въ немъ сконцентрированная энергія моментально разряжается посредствомъ толчка. Громадное преимущество огнестрѣльнаго оружія заключается въ томъ, что въ послѣднемъ дѣйствуетъ не постепенная и утомительная концентрація затрачиваемаго напряженія руки человѣка, а громадная сила расширенія газовъ, обнаруживающаяся при внезапномъ химическомъ разложеніи. Весьма возможно, что изобрѣтеніе огнестрѣльнаго пороха идетъ изъ Восточной Азіи. Тамъ же, по всей вѣроятности, самостоятельно были изобрѣтены пушки: оттуда, можетъ быть, это изобрѣтеніе было весьма рано перенесено въ Европу; но нуженъ былъ долгій промежутокъ времени для того, чтобы новое вещество въ корень измѣнило все существо военнаго дѣла. Въ цвѣтущія времена рыцарства извѣстны были уже и порохъ, и пушки, но ни то, ни другое не обнаруживало серьезнаго вліянія ни на боевую тактику, ни на вооруженіе. Нужно было затратить громадную массу труда и размышленія, чтобы довести новое вооруженіе до того положенія, въ которомъ оно находится теперь.

Кто окинетъ взглядомъ всю массу оружія человѣчества, зубчатыя копья, тяжелыя палицы, рубящіе мечи, острые кинжалы, усаженныя зазубринами, пропитанныя ядами стрѣлы, метательные камни, бумеранги, метательные ножи, того при видѣ всѣхъ этихъ разрушительныхъ орудій, направленныхъ противъ такого беззащитнаго существа, какъ человѣкъ,

[1] При Азинкурѣ самострѣлами дѣйствовали не французскіе рыцари, а наемные генуэзскіе стрѣлки. День былъ дождливый и намокшія шелковыя тетивы генуэзскихъ стрѣлковъ дѣйствовали плохо, а французскіе рыцари пробовали идти въ аттаку, топча стоявшихъ впереди генуэзцевъ, но были отбиты. Лукъ и стрѣлы въ Европѣ были преимущественно оружіемъ простыхъ солдатъ, а не рыцарскимъ. *Ред.*

такъ мало приспособленнаго, повидимому, къ кровавой борьбѣ, легко можетъ охватить ужасъ. Но тотъ же самый разумъ, который вручаетъ человѣку смертоносныя орудія, которымъ позавидовали бы всѣ чудовища сказочнаго міра, занятъ и изготовленіемъ оборонительныхъ приспособленій, дающихъ возможность съ удвоенной силой отражать звѣрскую атаку; мягкую и легко разрушаемую кожу прикрываетъ чешуйчатый панцырь, противъ оружія нападающаго поднимается выпуклый щитъ (см. стр. 346), кости головы защищены металлическимъ шлемомъ и т. д., пока оборонительное оружіе не сравняется по своимъ качествамъ съ наступательнымъ. По разнообразію оборонительное оружіе не можетъ соперничать съ наступательнымъ, такъ какъ большую часть защиты беретъ на себя бодрствующее сознаніе самого человѣка, которое управляетъ его тѣломъ, указываетъ, какъ избѣгать летящаго противъ тѣла оружія или отбивать его, какъ пользоваться благопріятными свойстваго почвы для прикрытія себя или для отраженія нападающаго натискомъ и дать ему отпоръ.

Щитъ съ перваго взгляда кажется менѣе простымъ оборонительнымъ орудіемъ, нежели доспѣхъ; послѣдній облегаетъ тѣло, какъ одежда, тогда какъ щитъ является до нѣкоторой степени свободно движущимся продолженіемъ руки человѣка. Это послѣднее представленіе подходитъ только къ развитой формѣ щита; но несовмѣстимость подобнаго взгляда съ исторіей развитія этого оружія можетъ быть во многихъ случаяхъ обнаружена съ достаточной достовѣрностью. Стоитъ только расположить коллекцію восточно-африканскихъ щитовъ въ извѣстномъ порядкѣ, чтобы сразу догадаться, что самой совершенной формой его является громадный зулусскій кожаный щитъ, который развился изъ простой боевой дубины, служащей какъ для нанесенія, такъ и для отбиванія ударовъ, а дубина была несомнѣннымъ прототипомъ всѣхъ видовъ оборонительнаго и наступательнаго оружія. Впервые описанный Швейнфуртомъ щитъ динка, употребляемый при дракѣ палками и булавами, самъ представляетъ не что иное, какъ палку съ утолщеніемъ и вырѣзанной на задней сторонѣ рукояткой. Передъ нами палка для отбиванія ударовъ, только снабженная прикрывающей кулакъ рукояткой. Еще первобытнѣе щитъ вашаши: вмѣсто кропотливо вырѣзанной деревянной рукоятки, какъ у динко, вашаши надѣваютъ на палку прорѣзанный въ двухъ мѣстахъ кусокъ толстой кожи на то мѣсто, за которое берутся рукой (см. изобр. на стр. 347). Комбинаціей этихъ двухъ приспособленій является щитъ манду. Изъ этихъ начатковъ развился цѣлый рядъ формъ щитовъ, которые состоятъ изъ кусковъ кожи разныхъ величинъ (см. изобр. на стр. 348), сквозь которыя продѣта палка, служащая рукояткой щита. Также и массаи, какъ кажется, сохранили кожаные щиты рядомъ съ деревянными, которые своей раскраской съ наружной стороны напоминаютъ прототипы.

Стало быть, въ этомъ примѣрѣ, какъ и во многихъ другихъ, щитъ ведетъ свое происхожденіе отъ наступательнаго оружія и этимъ объясняется и его болѣе раннее появленіе и большая распространенность, нежели панцыря. Додуматься до устройства панцыря, въ особенности полуголымъ обитателямъ тропическаго пояса, было не легко.

Щитъ по формѣ своей представляетъ всегда плоскую поверхность, прикрывающую часть или все тѣло воина, хотя размѣры этого оружія колеблются отъ карликовыхъ формъ, едва прикрывающихъ руку и локоть, подобно щитамъ сомали, закрывающимъ только кулакъ, до снарядовъ гигантскихъ размѣровъ, за которыми цѣликомъ прячется воинъ. Для изготовленія этихъ искусственныхъ прикрышекъ употребляются тѣ же матеріалы, какъ и для другихъ аналогичныхъ цѣлей, какъ, напримѣръ, кожа, дерево, плетеніе и металлъ, поскольку они обладаютъ плотностью и твердостью. Грубая кожа въ этомъ случаѣ пригоднѣе выдѣланной, грубое корзинное плетеніе лучше образцовыхъ произведеній текстильнаго искусства. Само собою разумѣется, что охотничьи или пастушескія племена предпочтутъ

кожаные щиты, народы, у которыхъ преобладаетъ земледѣльческое хозяйство, пользованіе продуктами растительнаго міра и обработка ихъ, щиты будутъ плетеные (см. изобр. на стр. 349) и деревянные. Переходныя и смѣшанныя формы очень многочисленны; у народовъ Уганда и въ сосѣднихъ областяхъ господствуютъ щиты изъ дерева съ покрышкой изъ плетенки, щиты Массаи, какъ уже было упомянуто, дѣлаются и изъ дерева, и изъ кожи и т. д.

Щитъ, въ своей простѣйшей формѣ, состоитъ изъ двухъ частей: изъ щитовой покрышки и рукоятки, которая можетъ служить и посохомъ. Двойная рукоятка, соединяющая руку крѣпче со щитомъ, которая стала извѣстна въ древней Греціи съ VI-го в. до Р. Х., встрѣчается нынѣ у первобытныхъ народовъ только въ видѣ исключенія. Такъ какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находится рукоятка, всегда имѣется нѣкоторая выпуклость, то здѣсь образуется шишакъ щита, который образуетъ центръ послѣдняго и вмѣстѣ съ тѣмъ то мѣсто, гдѣ щитъ оказывается всего крѣпче. Отсюда уже недалеко до мысли увеличить сопротивленіе щита еще болѣе путемъ утолщенія покрышекъ его или набивки на него какихъ-нибудь предметовъ. Изготовленіе щитового шишака изъ металла примѣнялось часто, особенно въ виду того, что щиты, изготовленные сплошь изъ металла, по своей тяжеловѣсности были неcподручны. Еще въ послѣднее время обитатели Конго и племена Галла, послѣ проникновенія къ нимъ кремневыхъ ружей, укрѣпляли свои щиты желѣзными шишаками, и они съ успѣхомъ выдерживали удары пуль изъ гладкоствольнаго оружія (см. изобр. на стр. 350).

Въ распространеніи щита также встрѣчаются пробѣлы, интересные тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, среди первобытныхъ народовъ существуетъ въ этомъ отношеніи извѣстнаго рода чередованіе; — гдѣ встрѣчаютъ щитъ, тамъ неизвѣстенъ панцырь и наоборотъ. „Закона“ изъ этихъ данныхъ однако вывести нельзя, такъ какъ имѣется цѣлый рядъ народовъ у которыхъ нѣтъ ни того, ни другого.

То, что мы называемъ панцыремъ, или кирасой, какъ и всѣ высокоразвитыя формы культурнаго достоянія, образуются столь постепенно изъ такихъ простыхъ зачатковъ, что рѣшительно нельзя указать, гдѣ проходитъ демаркаціонная линія между недоразвитымъ и законченнымъ. Весьма нерѣдко бывало, что какое-нибудь служащее украшеніемъ ручное или ножное кольцо на рукѣ или ногѣ, башнеобразныя, взбитыя прически, пышное одѣяніе, свѣшивающіяся съ шеи украшенія изъ раковинъ или военно-охотничьи трофеи отражали смертельный ударъ или ослабляли силу стрѣлы, прежде чѣмъ изъ такихъ примѣровъ и случаевъ люди научились сознательно пользоваться защитными свойствами подобныхъ вещей. И кто можетъ сказать теперь, какія изъ столь многочисленныхъ оборонительныхъ снаряженій ведутъ свое начало отъ любви къ украшеніямъ и какія изъ потребностей въ защитѣ? Можетъ вѣдь также какая-нибудь такая привѣска служить оборонительнымъ цѣлямъ въ двоякомъ смыслѣ, массою своей она отражаетъ силу вражескаго удара и въ то же время, въ качествѣ амулета, въ глазахъ вѣрующаго, во сто разъ надежнѣе защищаетъ тѣло владѣльца отъ всякаго повреждения. Соединеніе сверхъестественной защиты съ обыкновенной совершается и другимъ способомъ: Клозе, описывая кавалеристовъ султана Помби во внутреннемъ Того, упоминаетъ, что ихъ ватные военные камзолы покрыты были, какъ панцыремъ, красными и черными мѣшечками-амулетами съ изреченіями изъ корана. Сплошные ряды снизокъ изъ раковинъ каури видимъ мы въ Восточной Африкѣ, подобное этому въ Сѣверной Америкѣ представляетъ поясъ вампумъ, который служитъ у индѣйцевъ одновременно и священнымъ амулетомъ, и оборонительнымъ оружіемъ.

Заправскій панцырь также представляетъ собою плоскую поверхность, но онъ долженъ быть податливѣе щита. Панцыри также изготовляютъ

изъ кожи, дерева, волокнистыхъ веществъ и металла, и панцырь прилегаетъ къ тѣлу, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ лучшую защиту даетъ свободный, широкій доспѣхъ, при которомъ остается разстояніе между нимъ и тѣломъ, такъ какъ попадающій снарядъ долженъ при этомъ кромѣ панцыря преодолѣть еще сопротивленіе воздуха, находящагося между кожей и кирасой, который ослабляетъ ударъ, какъ подушка [1]. Самые простые панцыри кожаные (см. изобр. на стр. 351), для нихъ выбираютъ наиболѣе толстую и жесткую кожу, какъ дѣлаютъ сѣверо-американскіе индѣйцы. Чукчи любятъ отчасти ради украшенія, отчасти ради защиты покрывать свои кожаные панцыри мѣдными, съ квадратнымъ прорѣзомъ въ срединѣ, китайскими монетами (чохами); но они дѣлаютъ и болѣе усовершенствованное вооруженіе изъ нашитыхъ другъ на друга полосокъ кожи, а также изъ длинныхъ пластинъ китоваго уса, которыя просверливаются и скрѣпляются между собою шнурами. По мнѣнію Гау, кожаные доспѣхи дѣлаются чукчами только изъ подражанія восточно-азіатскимъ металлическимъ панцырямъ. Изготовлять панцыри изъ крупныхъ кусковъ дерева невыгодно по многимъ причинамъ. Приготовляя панцырь изъ маленькихъ деревянныхъ планокъ, скрѣпляя ихъ шнурами, можно устранить до значительной степени ломкость матеріала, и такой панцырь, обладая извѣстной гибкостью, удобнѣе прилегаетъ къ тѣлу. Такимъ способомъ создались панцыри изъ дощечекъ или палочекъ, столь характерные для береговъ Берингова моря. Это же снаряженіе, какъ указываютъ нѣкоторыя украшенія, послужило прототипомъ для японскихъ кирасъ изъ лакированныхъ полосокъ кожи. Вмѣсто дерева полярные обитатели употребляютъ моржевые клыки и кость. Область распространенія панцырей изъ деревянныхъ дощечекъ идетъ отъ Аляски до ирокезовъ и далѣе къ индѣйцамъ Виргиніи; такую же почти область захватываетъ панцырь изъ палочекъ, но онъ спускается дальше къ югу.

Упругая масса спрессованныхъ волоконъ представляетъ прекрасный матеріалъ для изготовленія панцырей. Въ одной изъ главныхъ областей культуры хлопка, въ среднемъ и западномъ Суданѣ, пріобрѣли право гражданства ваточные панцыри, которые обыкновенно носятъ отборные кавалеристы; эти туго набитые ватою кафтаны, конечно, очень обременительны при жаркой погодѣ; тѣмъ болѣе, что тотъ же панцырь прикрываетъ и лошадь. Подобные же ваточные панцыри, толщиною до двухъ пальцевъ, вдобавокъ еще, для большей непроницаемости, покрытые металлическими пластинками, носили нѣкогда знатные мексиканцы и майя. Гдѣ главнымъ источникомъ существованія служитъ кокосовая пальма, тамъ она же доставляетъ и матеріалъ для кирасъ. Панцырь, плетеный изъ кокосовыхъ шнуровъ, имѣетъ свой районъ распространенія, простирающійся отъ Тиморлаута черезъ острова Ару и Новую Гвинею вплоть до Микронезіи. На Жильбертовыхъ островахъ, гдѣ, благодаря употребленію копій съ зубцами изъ острыхъ зубовъ акулы, необходима надежная защита тѣла, кокосовый плетеный панцырь доведенъ до весьма высокой степени

[1] Это объясненіе врядъ ли допустимо. Свободный доспѣхъ не гуттаперчевая подушка, надутая воздухомъ, и давленіе воздуха подъ кирасой и извнѣ совершенно одинаково; для снаряда, рѣшительно все равно, преодолѣть ли сопротивленіе внѣшняго слоя воздуха въ нѣсколько сантиметровъ или находящагося подъ кирасой. Свободная кираса можетъ ослабить ударъ по другой причинѣ: снарядъ, ударяя въ свободно висящій предметъ, какъ катящійся по билліарду шаръ, тратитъ часть своей живой силы на сообщеніе ея удобоподвижному предмету, другому билліардному шару; тоже и съ свободно висящей пластинкой панцыря, такъ что извѣстная часть энергіи уходитъ непроизводительно. При плотно прилегающей къ тѣлу кирасѣ снарядъ долженъ преодолѣть только сопротивленіе ея самой, и сила не тратится на сообщеніе движенія кирасѣ. Баллистическій маятникъ, прикрѣпленный только однимъ концомъ къ свободновращающейся оси, не разрушается попадающимъ въ него снарядомъ, если же укрѣпить маятникъ неподвижно, то вся живая сила пойдетъ на разрушеніе препятствія. *Ред.*

совершенства: кромѣ покрышекъ для спины и груди, что и составляетъ основныя части панцыря, здѣсь имѣются рукава и панталоны, а также наплечники и большія наставки на нихъ; онѣ не прикрываютъ голову, а потому ихъ нельзя считать шлемами, но только придатками панцыря.

Тамъ, гдѣ извѣстны металлы, однимъ изъ первыхъ примѣненій ихъ является покрытіе ими нѣкоторыхъ частей панцыря ради болѣе надежной защиты тѣла. Нововведеніе и останавливается на этомъ въ началѣ, пока металлъ еще слишкомъ дорогъ, а кузнецъ недостаточно искусенъ въ своемъ дѣлѣ. При попыткахъ изготовленія металлическихъ панцырей часто прибѣгаютъ къ выработкѣ отдѣльныхъ пластинокъ, которыя потомъ соединяютъ вмѣстѣ, какъ въ деревянныхъ панцыряхъ, или же пластинки накладываются одна на другую, какъ чешуя лежитъ на рыбѣ или черепица на крышѣ. Также пользуются способностью металловъ вытягиваться въ тонкую проволоку и изготовляютъ кольчужный панцырь изъ плотно сплетенныхъ колечекъ или цѣпочекъ, что уже напоминаетъ о текстильномъ производствѣ. Искусство изготовленія панцырей достигло наибольшаго совершенства у арійскихъ народовъ Европы, и многія изъ ихъ великихъ побѣдъ въ древности были одержаны благодаря совершенству арійскаго оружія, подобно тому, какъ въ настоящее время они утвердили свое господство при помощи ружей и пушекъ.

Побѣды при Платеѣ и на Мараѳонскомъ полѣ были бы немыслимы, если бы безчисленнымъ, но легко вооруженнымъ азіатцомъ не противостала съ неодолимой силой тяжело вооруженная армія греческихъ латниковъ.

Частью вооруженія, имѣющей свою самостоятельную исторію развитія, является защищающій голову воина шлемъ, гораздо болѣе необходимый для культурныхъ народовъ, нежели для первобытныхъ, потому что у первыхъ кости черепа и волосы тоньше, нежели у дикарей; европеецъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ тягаться въ этомъ отношеніи съ австралійскимъ негромъ, ломающимъ древесный сукъ объ голову и считающій эту часть тѣла наиболѣе прочной [1] и наименѣе чувствительной. У первобытныхъ народовъ, которые въ своихъ битвахъ рѣдко сходятся вплотную, не обращаютъ особаго вниманія на защиту головы; всякихъ сортовъ фантастическія прически и украшенія въ волосахъ — вотъ единственные предшественники шлема у нихъ, тамъ же, гдѣ встрѣчаются шлемообразныя формы покрышекъ головы, мы имѣемъ дѣло съ подражаніемъ европейскимъ и инымъ образцамъ.

Деревянные шлемы и маски встрѣчаются въ качествѣ забрала въ Сѣверной Америкѣ на западномъ берегу, но только съ открытіемъ металловъ начинается усовершенствованіе защиты головы; вмѣсто шкуръ животныхъ и головъ, которыми ранѣе довольствовались за неимѣніемъ лучшаго, появляется металлическій шлемъ съ назатыльникомъ, нащечниками и забраломъ и, наконецъ, въ рыцарскомъ вооруженіи поздней эпохи среднихъ вѣковъ шлемъ сливается съ остальнымъ доспѣхомъ. Подобнымъ же образомъ поножи и наколѣнники въ началѣ являются отдѣльными частями; но потомъ соединяются съ кирасой и, наконецъ, всего воина отъ головы до пятъ покрываетъ одинъ сплошной доспѣхъ, состоящій изъ связанныхъ между собою и приспособленныхъ одна къ другой частей; но такой доспѣхъ, какъ часто это бываетъ со многими законченными произведеніями, во всемъ своемъ блескѣ появляется слишкомъ поздно. Въ ту пору, когда нѣмецкіе и итальянскіе оружейники достигли идеальнаго

---

[1] Это соображеніе очень рисковано: чтобы сравненіе имѣло силу, надобно сравнить черепъ негра съ тѣмъ арійскимъ черепомъ, на которомъ былъ тяжелый шлемъ. Вспомнимъ еще и нашихъ кулачныхъ бойцовъ, пускающихъ свою голову въ ходъ въ качествѣ тарана. Во всякомъ случаѣ, сила сопротивленія негрскаго черепа не настолько превосходитъ прочность европейскаго, чтобы можно было считать эту разницу настолько значительной, какъ думаетъ авторъ. *Ред.*

совершенства въ выработкѣ металлическихъ доспѣховъ, на поляхъ битвъ давно уже гремѣли пушки, сдѣлавшія всякія кирасы безполезными. Только военные корабли носятъ теперь колоссальныя брони, которыя ведутъ отчаянную борьбу противъ пушекъ. Здѣсь снова мы встрѣчаемъ старую, давно знакомую картину, въ которой оружіе наступательное и оборонительное въ борьбѣ между собой, то взаимно вызываютъ другъ друга на изобрѣтеніе новыхъ приспособленій, то отбрасываютъ и уничтожаютъ ихъ.

4. Инструменты и утварь.

За разрушеніемъ слѣдуетъ созиданіе, война смѣняется мирнымъ трудомъ, затѣмъ наступаетъ время удовольствія и покоя; вмѣсто дикаго громыханія оружія, слышатся звуки ритмическихъ ударовъ молотка, постукиваніе ткацкаго станка, позвякиваніе ступки, звонъ столовой посуды и бокаловъ съ вкусными вещами, вызывающими благодушное настроеніе. Человѣчество не только разрушаетъ и уничтожаетъ, оно и создаетъ новое изъ обломковъ стараго, созидаетъ для себя особый міръ, въ которомъ оно по-своему работаетъ и наслаждается. Вспомогательныя средства, которыя служатъ человѣку отчасти для разрушенія, но главнымъ образомъ, для созиданія, усиливая дѣеспособность органовъ человѣка, называютъ инструментами. Гораздо болѣе обширное понятіе утварь охватываетъ собою также и вещи, изготовляемые при помощи инструментовъ, но главнымъ образомъ, все то, что служитъ увеличенію удобствъ жизни, пассивныя блага, если можно такъ выразиться. Впрочемъ, между инструментами и утварью также нельзя провести рѣзкой границы. Если мы отдѣляемъ отъ инструментовъ и утвари одежду, постройки и перевозочныя средства и разсматриваетъ ихъ отдѣльно, то главнымъ образомъ, по издавна укоренившейся привычки, а не ради коренного различія между двумя категоріями предметовъ [1]. Это раздѣленіе имѣетъ и практическое значеніе, облегчая обзоръ разнообразной массы продуктовъ матеріальной культуры, которая, если даже изъ нея исключить оружіе, все-таки будетъ неизмѣримо громадна.

Матеріалъ, техника и назначеніе, обусловливая взаимно другъ друга, опредѣляютъ форму и стиль предметовъ культуры. Къ этому присоединяется еще и стремленіе къ подражанію предметамъ природы; явленія этой категоріи, въ своемъ развитіи, слѣдуютъ своимъ особымъ законамъ. Если мы вспомнимъ, что всѣ виды утвари—только дальнѣйшее развитіе органовъ человѣческаго тѣла, то ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что у людей явилось стремленіе, разныя приспособленія для увеличенія дѣеспособности тѣхъ или другихъ органовъ, устраивать по образцу этихъ послѣднихъ и смотрѣть на части человѣческаго тѣла, какъ на образцы для техники и искусства; однако же эта страсть къ подражанію проявляется не часто, а у первобытныхъ народовъ почти никогда. Сосуды, имитирующіе горсть руки, молотки по образу и подобію кулака, клейма, имѣющія форму пятки не встрѣчаются у дикарей, а въ тѣхъ случаяхъ, когда подобныя вещи попадаются среди предметовъ художественной промышленности, онѣ являются результатомъ игры причудливой фантазіи. Здѣсь мы видимъ подтвержденіе того, что человѣкъ всего менѣе обращаетъ вниманіе на самого себя и весьма поздно достигаетъ возможности составить себѣ ясное представленіе о частяхъ своего тѣла. Самое большее вліяніе на человѣка имѣютъ

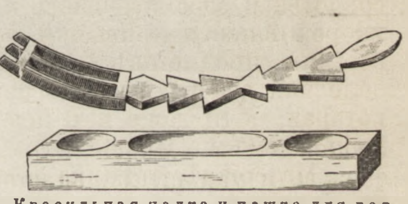
[1] Не во всѣхъ языкахъ, не у всѣхъ народовъ строго отдѣляются эти два разряда предметовъ. Напримѣръ, по-русски большую часть домашней утвари называютъ посудой, и точно также посудой называются разные виды судовъ, служащихъ для перевозки грузовъ по водѣ. *Ред.*

окружающія его произведенія природы, и онъ сознательно уже подражаетъ тѣмъ изъ нихъ, которые въ своемъ естественномъ видѣ служили уже ему въ видѣ домашней утвари. Тыквенныя бутылки, скорлупы кокосоваго орѣха, раковины (см. приложенный рисунокъ) являются въ видѣ воспроизведеній изъ глины, бамбуковый стебель сталъ прототипомъ простой полой трубки и колчана для стрѣлъ и лишь тогда, когда воображеніе и художественныя склонности человѣка окрѣпнутъ и разовьются, онъ начинаетъ сознательно искать въ природѣ аналогій для своего творчества. У примитивныхъ народовъ подобное воздѣйствіе природы встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ это можно было бы предположить съ перваго взгляда. На первыхъ ступеняхъ развитія слишкомъ еще трудна была борьба мастера съ неподатливостью, жесткостью и хрупкостью сырого матеріала для того, чтобы онъ могъ покуситься воспроизвести своими руками въ привлекательныхъ формахъ предметы природы, и даже орнаментика, развивающаяся совершенно особымъ путемъ, почти не вноситъ ничего стилизированнаго въ свои украшенія. Орнаментика природы, какъ, напримѣръ, расположеніе сучьевъ деревьевъ, жилокъ листьевъ, пестрыя пятна разнообразныхъ горныхъ породъ и камней, полосатая окраска шкуры животныхъ, вызываютъ подражаніе только въ исключительныхъ случаяхъ.

Ложка изъ раковины; изъ могильныхъ раскопокъ, близъ Нашвиля, Сѣв. Америка. По Хольмсу.

Назначеніемъ утвари прежде всего опредѣляются ея существенные признаки; при первоначальныхъ попыткахъ, впрочемъ, это только идеалъ, къ осуществленію котораго стремится мастеръ, и онъ только приблизительно въ результатѣ своихъ стараній достигаетъ желаемаго. Однако же группировка утвари сообразно ея цѣлямъ встрѣчаетъ большія затрудненія: съ одной стороны, мы имѣемъ массу инструментовъ и приспособленій, изъ которыхъ каждое удовлетворяетъ цѣлому ряду потребностей, съ другой, мы также видимъ, какъ одна и та же цѣль достигается при помощи самыхъ разнообразныхъ средствъ. Первый случай встрѣчается чаще всего у первобытныхъ племенъ, второй, среди культурныхъ народовъ, гдѣ вмѣстѣ съ успѣхами техники невозбранно увеличивается число приспособленій для удовлетворенія извѣстной надобности.

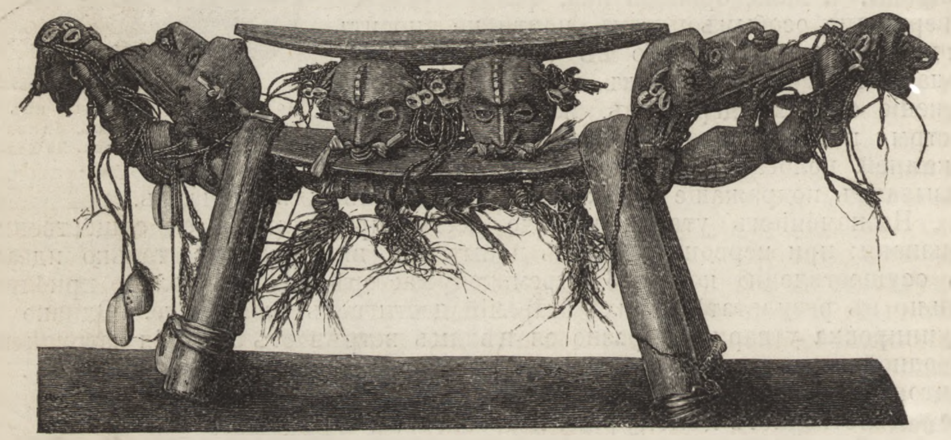
Красильная палка и чашка для разведенія красокъ у индѣйцевъ неноготъ, Сѣв. Америка. По Тёрнеру. См. текстъ, стр. 358.

Самые простые инструменты — вмѣстѣ съ тѣмъ и самые распространенные, такъ какъ первѣйшая цѣль ихъ—увеличить силу органовъ человѣка и прежде всего руки, которая служитъ для самыхъ разнообразныхъ дѣйствій и только при развитой культурѣ подвергается спеціальному обученію для особыхъ цѣлей.

Не безъ основанія можно сравнивать утварь человѣка съ породами животныхъ, которыя съ незапамятныхъ временъ развивались и размножались на земномъ шарѣ и смѣняли другъ друга; точно также многіе первобытные инструменты, вродѣ молотка и ножа, и до сихъ поръ, въ усовершенствованныхъ формахъ, не вышли изъ употребленія; первобытные образцы благополучно продолжаютъ свое существованіе въ своихъ потомкахъ, потому что цѣль, которой они служатъ, хотя простая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и непреходящая; служащіе другимъ цѣлямъ или совсѣмъ исчезли, или сохраняются, подобно нѣкоторымъ своеобразнымъ животнымъ, лишь въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ міра, пока высоко вздымающіяся волны культуры не смоютъ ихъ съ лица земли и въ этихъ убѣжищахъ.

Третья категорія состоитъ изъ предметовъ, создавшихся ради приспосо-

лепія къ особеннымъ условіямъ почвы и климата данной области. Эти вещи не распространяются за предѣлы одной климатической области, но зато внутри ея онѣ продолжаютъ существовать безъ всякихъ помѣхъ. Эти три группы соотвѣтствуютъ троякаго рода цѣлямъ: первая группа имѣетъ всеобщее и непреходящее значеніе, вторая соотвѣтствуетъ измѣнчивости нравовъ и обычаевъ, третья имѣетъ мѣстное, но непреходящее значеніе. Ко второй группѣ относятся и всѣ тѣ предметы, которые имѣли значеніе въ первобытной культурѣ, но потомъ стали достояніемъ отсталой, заштатной техники, какъ напримѣръ, снаряды для высверливанія и вытиранія огня, огневые насосы, колотушки для выбивки древеснаго луба, а также и различныя средства для украшенія человѣческаго тѣла и измѣненія его, вродѣ татуировочныхъ снарядовъ, щипчиковъ для выщипыванія бороды, инструментовъ для протыканія ушей, губъ, носовъ и раскрашиванія тѣла (см. рис. на стр. 357) и, наконецъ, всякая утварь, служившая для религіозно-мистическихъ цѣлей, знаки общественныхъ ранговъ и орудія варварскаго судо-

Изголовье въ Зап. Нов. Гвинеѣ. По Люшану. См. текстъ, стр. 360.

производства. Многія изъ этой группы вещей принадлежатъ къ разряду одеждъ и украшеній, на которыя имѣетъ неограниченное вліяніе измѣнчивость вкуса.

Важнѣе для культурнаго развитія третья группа, ограниченная извѣстными территоріальными границами и распадающаяся снова на болѣе мелкія подгруппы. Существуютъ виды утвари, спеціально вызванныя климатическими и почвенными условіями мѣстности, какъ напримѣръ, сани и лыжи въ полярныхъ странахъ, которыя уже въ силу этого не могутъ получить большого распространенія внѣ своего района; но къ нимъ мы еще вернемся впослѣдствіи при разборѣ вопроса о способахъ перевозки. Существуютъ и другіе снаряды, вызванные условіями почвы, которые могутъ переходить въ новыя страны вмѣстѣ съ человѣкомъ или акклиматизироваться въ другихъ странахъ при распространеніи. Такимъ путемъ трубка для куренія табака, которая первоначально была извѣстна только въ одной мѣстности С. Америки, распространилась по всему свѣту, между тѣмъ, какъ другія прихоти человѣка вмѣстѣ съ принадлежащей имъ утварью неизмѣнно остаются въ предѣлахъ строго ограниченнаго района. Нѣкоторая часть утвари, имѣющей только мѣстное значеніе не можетъ быть строго причислена къ какой-либо категоріи. Въ этомъ случаѣ опять-таки необходимо вспомнить объ одной изъ основныхъ чертъ характера человѣка, той самой, которая дала намъ ключъ къ объясненію спорадическаго распространенія разныхъ формъ оружія. Эта важная особенность заключается въ томъ, что человѣкъ можетъ осилить и усвоить только ограниченное число

идей даже уже воплотившихся въ тѣхъ предметахъ матеріальной культуры, которые мы называемъ оружіемъ и инструментами.

„Снѣжные очки“ эскимосовъ и гипербореевъ вообще представляютъ собою настоящую полярную утварь, цѣль которой защищать глаза отъ ослѣпительнаго блеска снѣга. Очки эти изготовляются изъ дерева, рѣже изъ моржоваго зуба или кости и въ видѣ очень короткой полумаски прикрываютъ глаза; носятся эти очки на переносьи и подвязываются ремешками за ушами. Обыкновенно отверстія для глазъ въ очкахъ дѣлаются въ видѣ узкой щели, иногда въ видѣ нѣсколько расширеннаго отверстія или же, наконецъ, въ видѣ поперечныхъ щелей; въ видѣ исключенія попадаются очки, составленные изъ двухъ наглазниковъ, соединенныхъ между собою на переносьи посредствомъ особой скрѣпы. Въ Сибири есть еще особаго вида очки. Стеллеръ пишетъ объ обитателяхъ Камчатки, что „многіе, для сбереженія своихъ глазъ носятъ на глазахъ родъ сѣтки изъ конскаго волоса или бересты, русскіе называютъ ихъ наглазниками и заимствовали ихъ отъ бурятъ, тунгусовъ и якутовъ, которые носятъ наглазники серебряные и мѣдные, подложенные сукномъ“.

Подпорка подъ затылокъ у племени бонго, Конго. Этнографическій музей въ Лейпцигѣ. См. текстъ, стр. 360.

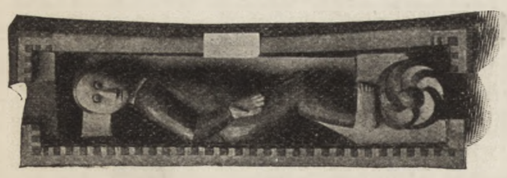
Для другой области, страны Сомали, характерной принадлежностью служатъ щипцы, которые постоянно носятъ при себѣ, для вытаскиванія занозъ изъ ногъ, что въ сухой степной мѣстности, поросшей колючими кустарниками, приходится дѣлать почти ежеминутно. Особенно многочисленны различныя снасти для рыбной ловли и охоты, употребляемыя для добычи какихъ-нибудь, имѣющихъ только мѣстное распространеніе животныхъ и снаряды для обработки продуктовъ малораспространенныхъ растеній.

Снарядъ для добыванія саго, естественно, можетъ имѣть приложеніе только въ области распространенія саговой пальмы, другими словами, его распространеніе начинается въ странахъ, лежащихъ къ востоку отъ Индонезіи и захватываетъ часть Меланезіи. Своеобразный ножикъ для надрѣзыванія пальмы, съ цѣлью добыванія сока для пальмоваго вина, встрѣчается только въ одной опредѣленной области подъ тропиками, терки для маніока также встрѣчаются только въ жаркомъ поясѣ земли. Всѣ эти вещи, какъ бы онѣ полезны ни были, имѣютъ мало шансовъ для распространенія среди культурныхъ народовъ, главными мѣстами жительства которыхъ, повидимому, навсегда останутся умѣренные поясы нашей планеты.

Подпорка подъ затылокъ въ Замбези, Южн. Африка. Этнографическій музей въ Лейпцигѣ. См. текстъ, стр. 360.

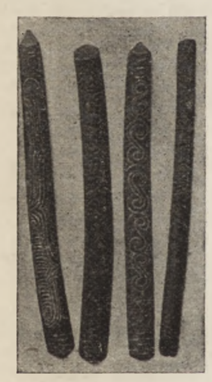
Другіе снаряды и прежде, и теперь встрѣчаются только спорадически хотя, повидимому, въ этомъ явленіи мѣстныя условія не оказываютъ прямого вліянія. Прежде всего утварь, широко распространенная среди первобытныхъ и полукультурныхъ народовъ, не встрѣчается въ инвентарѣ культурной Европы, какъ кажется, потому, что нѣкоторые вкусы и привычки, стоящіе въ весьма косвенной связи съ климатическими особенностями, противятся такимъ заимствованіямъ; примѣромъ этого могутъ служить затылочныя или головныя подставки, мебель вродѣ скамеечки, которая служитъ при спаньѣ на землѣ для поддержки головы; подставка ставится подъ затылокъ такъ, что голова лежитъ выше остального тѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ головная прическа не мнется и не путается. Европейцы не спятъ на полу, что отчасти обусловлено прохладностью климата и сверхъ того у нихъ нѣтъ обыкновенія устраивать себѣ такія прически, къ которымъ по цѣлымъ недѣлямъ не прикасается ни гребенка, ни щетка.

Головныя подставки очень разнообразны и нерѣдко украшаются красивой рѣзьбой. Между ними можно отличить два типа, — одинъ продолговатый, вродѣ скамеечки (см. рис. на стр. 358), простѣйшая форма которой состоитъ изъ круглаго, стоящаго на четырехъ подставкахъ обрубка, другой — изъ круглой гораздо меньшаго размѣра скамеечки, которая, несмотря на это, удовлетворяетъ своему назначенію (см. рис. на стр. 359). Во всякомъ случаѣ, можно указать еще и на третью форму, японскую, массивную, напоминающую продолговотую подушку, которую въ еще болѣе упрощенной формѣ, изрѣдка встрѣчаютъ въ Полинезіи.

Изголовье у зулусовъ, южн. Африка. Бременскій музей.

Распространеніе каждой изъ основныхъ формъ въ отдѣльности соотвѣтствуетъ границамъ обширныхъ этнографическихъ районовъ. Въ Новой Гвинеѣ мы встрѣчаемъ первый типъ рядомъ со вторымъ (см. рис. на стр. 358), въ Южной Африкѣ каффры употребляютъ продолговатыя подставки, дальше на сѣверъ предпочитаются круглыя. Всего богаче изукрашены подставки новогвинейскія (см. рис на стр. 358), полинезійскія же гораздо проще, что повторяется почти на всѣхъ предметахъ матеріальной культуры обѣихъ странъ.

Многимъ изъ утварей культурныхъ народовъ соотвѣтствуютъ орудія примитивныхъ племенъ, имѣющихъ совершенно самостоятельное происхожденіе, такъ какъ установить между ними какую-либо связь невозможно. Къ такимъ вещамъ принадлежатъ деревянныя трехзубыя вилки фиджійцевъ, которыя употреблялись только въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось ѣсть человѣческое мясо; можетъ быть, это изобрѣтеніе явилось изъ боязни притрогиваться руками къ такому кушанью; это могло бы напомнить нѣкоторые запреты табу, столь распространенные на Тихомъ океанѣ, но никакъ не простое стремленіе къ опрятности и благовоспитанности, которое является впервые у культурныхъ народовъ сильнымъ противовѣсомъ безшабашной распущенности. Постоянно встрѣчаются въ отдѣльныхъ случаяхъ различныя приспособленія для поддержанія чистоты, какъ, напримѣръ, зубныя щетки и гребни, а также и такія, которыхъ мы не встрѣчаемъ у культурныхъ европейскихъ народовъ, какъ, напримѣръ, ложечки для ушей[1] и носа. Китайскія палочки для принятія пищи распространились среди другихъ восточно-азіатскихъ народовъ; но встрѣчаются въ отдѣльныхъ случаяхъ и въ Новой Гвинеѣ. Совершенно изолировано стоятъ айносскія пластинки для придерживанія бороды при питьѣ, не дающія послѣдней попасть въ сосудъ, такъ какъ борода не должна соприкасаться съ жидкостью (см. прилагаемый здѣсь рисунокъ).

Пластинки, употребляемыя айнами при питьѣ. Восточн Азія. Бременскій музей.

Другія утвари при ростѣ культуры исчезаютъ, благодаря миновенію въ нихъ надобности, подобно тому, какъ въ настоящее время, при современномъ ружьѣ, становятся излишними вспомогательные снаряды, какъ напр., пороховница, шомполъ и пистоны. Подобныя вспомогательныя приспособленія имѣются у мамбутту въ видѣ оригинальныхъ приставныхъ костылей вмѣсто спинки къ стулу, которая у насъ совершенно сливается съ послѣднимъ. Гораздо большее распространеніе имѣютъ подставки для горшковъ, совершенно необходимыя тамъ, гдѣ, въ видѣ подраженія естественнымъ

[1] Въ Россіи хотя мало распространенъ, но все-таки существуетъ инструментъ, называемый уховерткой, служащій для удаленія лишнихъ выдѣленій наружнаго, ушного канала. *Ред.*

сосудамъ изъ скорлупы плодовъ и тыквъ, дѣлаютъ глиняные сосуды съ круглымъ дномъ.

Эти подставки состоятъ изъ деревянныхъ или плетеныхъ колецъ и обращаются иногда въ красивые треугольники; употребляютъ иногда также плетеныя сѣтки или же обвязываютъ сосудъ веревкой для привѣшиванiя и переноски. Къ этимъ подставкамъ близко стоятъ другiя, которыя употребляются для поддержки горшка при варкѣ въ немъ пищи на открытомъ огнѣ.

Во многихъ видахъ утвари практическая цѣль, ради которой они употребляются при случаѣ и культурными народами, была не первоначальная, но вторичная, и у первобытныхъ народовъ смотрѣли на нихъ иначе. Къ подобнымъ предметамъ принадлежатъ также ходули, употребляемыя иногда въ Европѣ и въ Восточной Азiи при переходахъ черезъ болота.[1] У первобытныхъ народовъ главное примѣненiе ходулей—во время танцевъ, гдѣ участники надѣваютъ маски и посредствомъ деревянныхъ наставокъ увеличиваютъ до громадныхъ размѣровъ свой ростъ. Танцы въ маскахъ, какъ это можно видѣть изъ другихъ мѣстъ нашей книги, относятся цѣликомъ къ области мистическихъ представленiй, а также классоваго и кастоваго устройства общества. Гдѣ эти обычаи выходятъ изъ употребленiя, тамъ, какъ это мы видимъ на Маркизскихъ островахъ, ходули сохраняютъ, какъ предметъ забавы. Даже и соломинки, черезъ которыя наши столичные гурманы, тянутъ разные изысканные напитки, имѣютъ свои прототипы въ глотательныхъ трубочкахъ (см. рис. рядомъ на стр. 361), которыя, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, имѣютъ мистическiй смыслъ. Конечно, квинсландецъ, высасывающiй птичьи яйца при помощи трубочки, эскимосъ, втягивающiй въ себя также посредствомъ трубочки растаявшую подъ снѣгомъ отъ весенняго тепла воду (см. изобр. на стр. 362), не соединяютъ съ этими операцiями никакихъ возвышенныхъ идей; зато, по указанiямъ Мориса, у западныхъ Тиннеговъ, гдѣ дѣвушки, достигшiя половой зрѣлости, должны извѣстный перiодъ времени прожить отдѣльно отъ другихъ, въ это время онѣ должны обязательно принимать питье, только всасывая его черезъ трубку. Здѣсь уже можно съ увѣренностью сказать, что въ основѣ этого обыкновенiя лежитъ какое-нибудь мистическое соображенiе. Въ Новой Зеландiи лица, подвергшiяся табу, ухитряются безъ помощи особыхъ снарядовъ пить, не прикасаясь губами къ краямъ сосуда. Они высоко поднимаютъ сосудъ и выливаютъ изъ него питье себѣ прямо въ ротъ.

Трубки для всасыванiя напитковъ у племени ваганда, Восточ. Африка.—По Штульману.

Большое число разныхъ видовъ утвари мѣстнаго происхожденiя мы встрѣчаемъ въ той группѣ ихъ, которая стоитъ въ связи съ прихотями, предметами наслажденiя разныхъ народовъ. Спорадическое распространенiе ихъ обусловливается прерывистымъ распространенiемъ средствъ наслажденiя; но и само распространенiе уже представляетъ задачу, которую рѣшить не такъ-то легко. Почему жеванiе бетеля и питье кавы имѣютъ такiе ограниченные предѣлы распространенiя, и почему эти предѣлы нисколько не расширяются? Почему семитическiе народы питаютъ отвращенiе къ алкоголю, которое Магометъ, слѣдуя склонностямъ своего народа, освятилъ предписанiемъ закона, и, рядомъ съ этимъ, тѣ же семиты являются

[1] Широко распространенное примѣненiе имѣютъ ходули въ ландахъ, песчанистомъ побережьи Францiи, около устьевъ Гаронны. Тамъ пастухи и пастушки, наблюдая за стадами, ходятъ по пескамъ на ходуляхъ. *Ред.*

страстными любителями табаку и кофе? Какая причина тому, что всю Европу можно раздѣлить на три области — чайную, кофейную и шоколадную? Почему Восточная Азія такъ пристрастна къ опіуму, который никакъ не можетъ завоевать правъ гражданства въ Европѣ, и отчего употребленіе конопли, какъ опьяняющаго средства рѣзко ограничено одной областью? Привычка къ національному средству наслажденія, ведущая къ наслѣдственной склонности такъ же недостаточна для объясненія этихъ явленій, какъ и ссылки на климатъ и на старое правило, гласящее, что лучшее врагъ хорошаго, а потому алкоголь вытѣсняетъ опіумъ и каву. Въ послѣднемъ счетѣ здѣсь обнаруживаютъ себя какія-либо тонкія душевныя настроенія, несомнѣнно въ основѣ своей созданныя окружающей обстановкой. Несомнѣнно, что въ борьбѣ за существованіе многіе источники наслажденія выходятъ изъ употребленія, какъ, напримѣръ, напитокъ сомма у восточныхъ арійцевъ; это точно такъ же неоспоримо, какъ и всемірное распространеніе новыхъ прихотей, примѣромъ чего можетъ служить табакъ.

При всемъ этомъ однако существуютъ приспособленія для употребленія табаку чисто мѣстнаго характера. Нюханье табаку гораздо менѣе популярно, нежели куреніе, и табачныя коробки, очень изящныя въ Африкѣ, имѣютъ очень ограниченный районъ распространенія. Еще тѣснѣе область употребленія южно-американской трубочки для нюханья табаку, при помощи которой нюхальщикъ самъ себѣ или двое другъ другу вдуваютъ пульверизированный табакъ.

Трубка для всасыванія напитковъ у эскимосовъ. По Боасу. См. текстъ, стр. 361.

Приспособленія для приготовленія и употребленія наркотиковъ, имѣющихъ ограниченный районъ распространенія, о которыхъ сказано выше, можно встрѣтить только въ предѣлахъ распространенія соотвѣтствующихъ веществъ. Громадные сосуды, въ которыхъ вмѣстѣ съ водой бродитъ пережеванный корень Piper methysticum, не встрѣчаются нигдѣ, кромѣ Полинезіи и Меланезіи; бамбуковыя, тыквенныя или деревянныя коробки, въ которыхъ любитель жеванія бетеля неизбѣжно носитъ и известь, принадлежатъ къ области распространенія индійской и малайской расъ; трубка для куренія опіума, со всѣми принадлежностями, трубочками, стаканчиками, щипчиками, лампочками и т. д., распространена лишь въ Восточной Азіи; трубки для конопляпаго экстракта (гашиша), преимущественно встрѣчаются въ Аравіи и центральной Африкѣ. И пивной фильтръ—чисто африканская посуда, произведеніе классической страны просяного пива.

Курительная трубка, наоборотъ, становится теперь почти универсальнымъ снарядомъ и распространилась самостоятельно во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ обитатели познакомились съ табакомъ чрезъ европейцевъ. Простыя „натуральныя трубки“ полые стебли банана съ остаткомъ торчащаго листового влагалища или выкопанная въ землѣ ямка, въ которой жгутъ табакъ и черезъ отверстіе втягиваютъ въ себя дымъ, встрѣчаются въ Африкѣ рядомъ съ художественно выдѣланными образцами. Во многихъ случаяхъ мы видимъ, что фантазія человѣка избирала трубку въ качествѣ предмета, достойнаго украшенія потому, что эта вещь не служитъ для какихъ-нибудь прозаическихъ цѣлей, а для удовольствія и потому возбуждаетъ охоту къ художественному творчеству; но для фантазіи есть свой предѣлъ, такъ какъ разъ созданная форма имѣетъ стремленіе къ сохраненію, окаменѣнію, становится традиціонной, такъ что даже и теперь, какъ утверждаетъ Вардъ, у каждаго изъ племенъ Конго уже имѣется своя, такъ сказать, національная трубка. Это, конечно, не мѣшаетъ многимъ формамъ подвергаться разнообразнѣйшимъ измѣненіямъ, на что намъ ясно указываютъ великолѣпныя трубки бали во внутреннемъ Камерунѣ и, можетъ быть, еще болѣе трубки Тлинкитовъ изъ Аляски (см. оба изобр. на стр. 363).

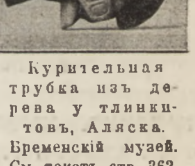
Трубки имѣютъ громадное значеніе для того, кто интересуется раз-

витіемъ стиля, такъ какъ—за исключеніемъ Америки—мы здѣсь имѣемъ дѣло со сравнительно новыми формами, еще находящимися въ періодѣ своего образованія, которыя легко можно прослѣдить. Между прочимъ, большая часть трубокъ состоитъ изъ двухъ или трехъ частей, самой трубки, чубука и мундштука. Трубка дѣлается обыкновенно изъ глины, но у извѣстныхъ уже намъ тлинкитовъ также изъ дерева и сланца, а въ Африкѣ также и изъ желѣза. Знаменитыя трубки мира американскихъ индѣйцевъ дѣлались изъ мягкаго камня, который добывался въ каменныхъ осыпяхъ, а также и изъ глины [1].

Курительная трубка, несмотря на свое широкое распространеніе, служитъ для такого наслажденія человѣка, къ которому невозможно присоединить какое-нибудь прогрессивное стремленіе, а потому и самъ снарядъ въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія очень мало обѣщаетъ въ будущемъ. Трубкѣ и аналогичнымъ съ нею вещамъ противопоставляются другія, въ первоначальныхъ образцахъ которыхъ, хотя и въ самомъ несовершенномъ и мало пригодномъ видѣ, воплощенъ великій принципъ, къ которому человѣчество постоянно будетъ обращаться. Во главѣ такихъ, незамысловатыхъ, но имѣющихъ большую будущность приспособленій стоитъ заступъ, который и понынѣ является главнымъ орудіемъ въ рукахъ бродячихъ народовъ, которымъ они работаютъ и теперь такъ же, какъ нѣкогда, въ первобытныя времена, работало все человѣчество.

Курительная трубка изъ шифора у тлинкитовъ, Аляска.

Людвигъ Нуарэ въ своей глубокомысленной книгѣ объ орудіяхъ, опираясь на изслѣдованія Гейгера пытался показать, что понятія о рытьѣ, копаніи, царапаніи дали первый толчекъ къ возникновенію первыхъ корней словъ. Гейгеръ заключилъ изъ этого, что барахтающіяся, скребущія и копающія землю животныя были первыми представленіями, выраженными въ звукахъ. Нуарэ съ большою основательностью относитъ эти исконные звуковые символы къ дѣятельности самого человѣка, къ древнѣйшему совмѣстному труду примитивныхъ человѣческихъ группъ.

Курительная трубка изъ дерева у тлинкитовъ, Аляска. Бременскій музей. См. текстъ, стр. 362.

Однако же, идя дальше и считая этой первоначальной работой выкапываніе въ землѣ норъ для устройства жилища, а прототипомъ орудій заостренный камень, онъ впадаетъ въ односторонность настолько явную, что она обнаруживается сразу при бѣгломъ взглядѣ на жизнь и бытъ примитивныхъ народовъ нашего времени. Нужно повторять и повторять безпрестанно, что остатки доисторическаго быта, дошедшіе до насъ и состоящіе въ большинствѣ случаевъ изъ несокрушимыхъ каменныхъ орудій, даютъ намъ совершенно превратное представленіе о первобытной культурѣ. Камень, въ большинствѣ случаевъ, служилъ для усиленія дѣйствія деревяннаго инструмента, а послѣдній могъ существовать и безъ придачи къ нему камня, и такія деревянныя орудія, несомнѣнно, существовали; но они не могли сохраняться, какъ камни, въ теченіе цѣлаго ряда тысячелѣтій. Только благодаря этому неправильному взгляду Нуарэ при-

[1] Большимъ разнообразіемъ отличаются трубки Восточной Азіи: трубки китайскія вообще металлическія, съ головкой величиною съ наперстокъ, длиннымъ чубукомъ, у богатыхъ лакированнымъ, съ каменнымъ мундштукомъ изъ халцедона, нефрита, роговика и т. д. Въ Китайскій Туркестанъ уже проникаетъ кальянъ южной и западной Азіи. Далѣе на сѣверъ полное преобладаніе деревянной трубки, начиная отъ кривого, просверленнаго или прожженнаго кривого сука вплоть до искусно вырѣзанной, покрытой инкрустаціями изъ камешковъ сибирской трубки „кабанки“. Чѣмъ ближе къ Ледовитому морю, тѣмъ чаще попадаются трубки изъ моржоваго зуба. Искусно вырѣзанныя изъ моржоваго зуба и мамонтовой кости трубки съ изображеніями медвѣдей, моржей и т. д. уже напоминаютъ образцы западнаго континента. *Ред.*

зналъ первоорудіемъ не палку съ заостреннымъ концомъ, а заостренный каменный двоеручный клинъ. Первая ошибка повлекла за собой вторую: ковырянье земли при помощи заостреннаго камня ради устройства помѣстительнаго подземнаго жилья, конечно, могло имѣть мѣсто въ отдѣльныхъ случаяхъ, но первоначальной цѣлью копанія земли была элементарная потребность въ пищѣ, и это опять-таки подтверждаютъ примѣры современныхъ дикарей: тамъ, гдѣ никому и на мысль не приходитъ заняться устройствомъ подземной норы, самымъ ревностнымъ образомъ ковыряютъ землю заостреннымъ деревяннымъ коломъ, для добычи корней, луковицъ, клубней и животныхъ, прячущихся въ землѣ. Заостренная палка была, безъ сомнѣнія, самымъ простымъ и самымъ древнимъ приспособленіемъ для усиленія работы руки при копаніи. Теоретически,

Кабильскій земледѣлецъ, сѣв. Африка. По фотографіи См. текстъ. стр. 365.

конечно, ничего нельзя возразить противъ предположенія, что заостренный камень служилъ орудіемъ для копанія земли и въ дѣйствительности, вѣроятно, бывало много случаевъ такого примѣненія и позднѣе; но настоящимъ орудіемъ, сознательно приспособленнымъ для опредѣленныхъ цѣлей, была копалка. Что это было не случайнымъ явленіемъ — доказываетъ ежедневный опытъ; всякій, кому нужно выкопать растеніе безъ помощи садовыхъ инструментовъ, всегда заостренную палку предпочтетъ камню.

И теперь еще мы имѣемъ не мало случаевъ наблюдать примѣненіе первобытнаго заступа — копалки. Мы уже раньше указывали, что копалка была первымъ рабочимъ инструментомъ женщины; при помощи его она добывала растительные пищевые продукты или мелкихъ животныхъ въ то время, какъ мужчина съ охотничьимъ оружіемъ въ рукахъ добывалъ свою долю съѣстного. По сообщеніямъ Спенсера и Гиллерса, у туземцевъ внутренней Австраліи женщины имѣютъ только два домашнихъ орудія, — одно нѣчто — вродѣ легкаго деревяннаго корыта, а другое женское орудіе—обыкновенно называемое „палкой для ямса“,—палка для копанія (копалка) или точнѣе—пика для копанія. Обычная форма такого орудія — простая палка, заостренная съ одного или съ обоихъ концовъ, такой длины, при которой такую палку удобно носить съ собою и ковырять ей землю. При работѣ женщина обыкновенно правой рукой держитъ палку около острія, и въ то время, какъ она ковыряетъ остріемъ,

отгребаетъ лѣвой рукой землю и съ поразительной быстротой углубляетъ ямку. Въ мѣстностяхъ, заросшихъ кустарниковой чащей, гдѣ часто встрѣчаются „медовые муравьи“, весьма лакомое кушанье туземцевъ, можно видѣть, какъ десятина за десятиной взрывается песчаная почва копалкой женщинъ, ищущихъ насѣкомыхъ, такъ что наконецъ вся эта изрытая мѣстность принимаетъ видъ золотоносной розсыпи, долгое время основательно разрабатывавшейся пріискателями. Очень часто, когда яма настолько углубилась, что становится неудобнымъ отбрасывать рукой, берутъ „пити“, маленькое корытце и имъ вычерпываютъ разрыхленную землю. Женщины въ поискахъ насѣкомыхъ копаютъ вглубь и останавливаются не ранѣе, чѣмъ дойдутъ до глубины семи футовъ. Ребятишки, конечно, держатся около женщинъ и начинаютъ подражать работѣ матери, какъ только выучатся сами передвигаться съ мѣста на мѣсто. Въ заросляхъ, гдѣ мать копается въ землѣ, разыскивая насѣкомыхъ и ящерицъ, часто рядомъ виденъ и малышъ со своей крошечной копалкой за работой, и здѣсь ребенокъ получаетъ первыя свѣдѣнія въ техникѣ дѣла, которое, если дитя женскаго пола, должно сдѣлаться главнымъ занятіемъ его жизни. Совершенно такимъ же образомъ вскапываютъ землю герео и бушмены. Послѣдніе усовершенствовали копалку, насадивъ на нее для усиленія давленія продырявленный камень, а тиннеги С. Америки придали ей форму буквы Т, что даетъ возможность, въ случаѣ надобности, дѣйствовать на орудіе обѣими руками, какъ заступомъ. Настоящій переходъ къ заступу представляетъ копалка маори, у которыхъ передъ остріемъ имѣется отходящій въ сторону сукъ, дающій возможность нажимать на него ногою при копаніи.

Ножъ изъ обсидіана Мехико. По фотографіи.

Новозеландская копалка употреблялась не только для выкапыванія изъ земли корней дикорастущихъ травъ,—она была уже настоящимъ земледѣльческимъ орудіемъ,—а потому на ней отразился характеръ переходной эпохи, гдѣ одинъ и тотъ же предметъ долженъ былъ служить для старыхъ и новыхъ цѣлей. Такъ какъ можно считать достовѣрнымъ, что земледѣліе, какъ естественное развитіе предыдущей собирательской дѣятельности женщинъ, было ихъ изобрѣтеніемъ, то и первобытное орудіе, копалка, бывшее отличительной принадлежностью женщинъ, стало орудіемъ и для воздѣлыванія земли и до сихъ поръ, служа для новыхъ цѣлей, какъ это видно во многихъ мѣстностяхъ, сохранило свою первоначальную форму. На Новыхъ Гебридахъ, внутри болѣе крупныхъ острововъ, гдѣ существуетъ до сихъ поръ лишь добывающее хозяйство, копалка служитъ только для извлеченія изъ земли корней и личинокъ, но на прибрежныхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ уже разведеніе полезныхъ растеній, женщины, по показаніямъ Соммервиля, тою же копалкой подготовляютъ землю для посѣвовъ и посадокъ.

При нѣсколько болѣе развитой культурѣ сначала копалка вытѣсняется мотыкой (см. изобр. на стр. 47), орудіемъ, въ основаніи дѣйствія котораго лежитъ иной принципъ; но впослѣдствіи первоначальное земледѣльческое орудіе, въ измѣненной формѣ снова входитъ въ честь и придаетъ особенную характерную физіономію цѣлой эпохѣ развитія: въ формѣ плуга, состоявшаго первоначально изъ заостреннаго куска дерева, которое приводилось въ движеніе тягой человѣка или животнаго, при чемъ удерживалось въ вертикальномъ положеніи рукой человѣка, (см. рис. на стр. 364) воскресаетъ первобытная копалка. Даже паровой плугъ съ колоссальной силой разворачивающій пласты почвы—не болѣе, какъ знатный потомокъ того незамысловатаго орудія, которымъ австраліянки вскапываютъ скудную почву своей родины въ поискахъ за съѣдобными кореньями и насѣкомыми.

Также и лопатку можно признать за видоизмѣненную копалку съ широкимъ лезвіемъ вмѣсто заостреннаго конца, бурящаго землю. Вспо-

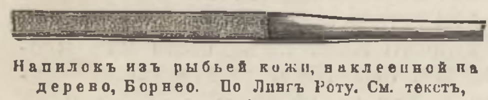
мнимъ, какъ изъ заостренной палки развился цѣлый арсеналъ разнообразныхъ оружій и, прежде всего, палицъ и копій съ ихъ многочисленными варіаціями и мы должны будемъ признать, что это почти дѣтское орудіе является почтеннымъ родоначальникомъ почти необозримо-разнообразнаго потомства новыхъ и важныхъ изобрѣтеній.

Другой источникъ безпредѣльнаго развитія исходитъ отъ каменнаго осколка съ острыми краями, который можно считать прототипомъ ножа. Первоначально онъ служилъ для разрушенія. Это орудіе, дѣйствіе котораго основано на крайне простомъ и потому повсюду примѣнимомъ принципѣ. Зубы (рѣзцы и клыки), ногти пальцевъ уже представляютъ приложеніе этого принципа, состоящаго въ расщепленіи и разрѣзываніи какого-либо тѣла при помощи заостреннаго клина. Если древнѣйшее орудіе человѣка, заостренная палка, является простѣйшимъ колющимъ снарядомъ, то острореберая пластинка является такимъ же первообразомъ рѣжущаго приспособленія. Кромѣ осколковъ твердаго камня, къ услугамъ человѣка были, въ качествѣ ножей, скорлупы раковинъ, кости, обломки рога, зубы животныхъ. При чрезвычайной важности ножа для всѣхъ видовъ дѣятельности человѣка, наличность такого прекраснаго матеріала для изготовленія этого инструмента, какъ обсидіанъ (см. стр. 365) въ древней Мексикѣ, наложила особый оригинальный отпечатокъ на всю культуру страны.

Тяпка у сараваковъ, Борнео. По Лингъ Роту.

Какъ и всѣ инструменты, которые берутся прямо въ руку, ножикъ въ своей простѣйшей формѣ имѣетъ, самое меньшее, два края изъ которыхъ одинъ острый, служитъ лезвіемъ, которое должно дѣйствовать на обрабатываемый матеріалъ, другой, тупой, прилегаетъ къ держащей инструментъ рукѣ. Отсюда близокъ переходъ къ тому, чтобы получше приспособить оба края инструмента для работы, работающій край выгладить и заострить, а на прилегающемъ къ рукѣ сбить острые уголки и зазубрины, оставляя его все-таки нѣсколько шероховатымъ, чтобы инструментъ крѣпко держался въ рукѣ. По этому образцу изготовлялось много кремневыхъ ножей. Мало-по-малу оба края развиваются самостоятельно, образуется постепенно рукоятка, дающая возможность удобнѣе и крѣпче держать ножъ въ рукѣ. Обыкновенно же инструментъ проходитъ еще цѣлый рядъ видоизмѣненій, прежде чѣмъ изъ него выработается форма ножа, вполнѣ соотвѣтствующая предназначенной цѣли. Въ началѣ усовершенствуется только сторона ножа прилегающая къ рукѣ; развиваясь она придаетъ всему инструменту видъ нашего карманнаго складного ножа съ тою, конечно разницею, что здѣсь наружу выступаетъ острый край. И въ настоящее время существуютъ еще ножи подобной формы. Таковы, напримѣръ, у эскимосовъ ножи „уля“ или женскіе ножи, обстоятельное описаніе которыхъ даетъ Мазонъ. Очень умѣстно будетъ здѣсь сообщить нѣкоторыя изъ его данныхъ, такъ какъ онѣ въ то же время указываютъ на тѣсную связь между этнографическими формами и условіями данной мѣстности и сверхъ того выясняютъ громадную важность подобнаго рода изысканій. „Женскій ножикъ“ — пишетъ Мазонъ — „имѣетъ громадное распространеніе отъ Лабрадора до Кадьяка. Нѣкоторыя мѣстности этой гиперборейской области уже давно находятся подъ вліяніемъ миссіонеровъ, торговцевъ и рыбопромышленниковъ, и весьма легко доказать вліяніе этихъ послѣднихъ на выработку формы женскаго ножа. Поперемѣнное же употребленіе для клинка шифера или кремня находится уже въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, смотря по тому, имѣется ли въ данной мѣстности та или другая порода

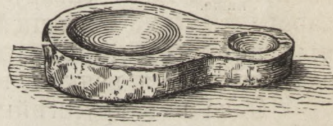

Напилокъ изъ рыбьей кожи, наклеенной на дерево, Борнео. По Лингъ Роту. См. текстъ, стр. 367.

камней. Хотя, въ подобныхъ случаяхъ всегда слѣдуетъ помнить о возможности торговаго обмѣна, однако же ножи эти встрѣчаются въ такомъ громадномъ количествѣ, что при распредѣленіи ихъ по матеріалу, изъ котораго они сдѣланы, не произойдетъ большой путаницы мѣстныхъ формъ. Если же подобный опытъ и окажется неудачнымъ, то изученіе рукоятокъ поможетъ изслѣдователю оріентироваться въ этомъ вопросѣ. Если рукоятка изъ отростковъ рога — значитъ мы находимся въ области сѣвернаго оленя или лося. Въ области Гудзонова залива часто рукоятки изготовляются изъ рога мускуснаго овцебыка, что бываетъ только тамъ, гдѣ этотъ звѣрь встрѣчается часто и наоборотъ, — роговыя рукоятки служатъ признакомъ существованія овцебыка. Рукоятки изъ моржоваго зуба указываютъ не только на присутствіе моржа въ мѣстности, но въ какомъ-нибудь обширномъ собраніи, какъ напримѣръ, въ Вашингтонскомъ музеѣ, можно по рукояткамъ опредѣлить и степень распространенія и большую или меньшую доступность моржей для промысла. Большое число деревянныхъ рукоятокъ изъ южной Аляски доказываетъ, что тамъ дерево встрѣчается чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ". Ножъ съ рукояткой на длинной сторонѣ (см. изобр. на стр. 366) встрѣчается иногда и у культурныхъ народовъ въ кухонныхъ ножахъ и мясорубахъ или инструментахъ для обработки кожи; но вообще они уступили мѣсто болѣе позднимъ формамъ, у которыхъ рукоятка прикрѣплена къ поперечной, короткой сторонѣ клинка, который на верхнемъ концѣ заостренъ такъ, что имъ можно и рѣзать, и колоть. Это видоизмѣненіе совершилось ранѣе металлической эпохи. Ножи съ такими рукоятками встрѣчаются и въ каменномъ вѣкѣ; но окончательную побѣду новая форма одержала надъ старой въ эпоху господства металловъ. Въ качествѣ орудія для мирныхъ цѣлей ножъ и въ металлическую эпоху остался однолезвейнымъ, такъ что, въ случаѣ надобности на обухъ можно нажимать и рукой, въ качествѣ же боевого оружія онъ чаще всего дѣлался обоюдоострымъ съ заостреннымъ концомъ.

Клещи, которыми тянутъ проволоку въ Букобѣ, Вост. Африка. По Штульману.

Скребокъ и ножъ настолько сходны въ первобытныхъ своихъ образцахъ между собою, что ихъ трудно различить. Скребокъ образуетъ цѣлую группу инструментовъ, нѣкогда безусловно необходимыхъ для всякаго, но теперь изъ нихъ остались очень немногіе, сохранившіеся только въ техникѣ нѣкоторыхъ старинныхъ ремеслъ. И чего только не приходилось дѣлать скребку и скобелю въ первобытныя времена! При выдѣлкѣ кожи для отдѣленія остатковъ мяса, для подготовленія овощей къ варкѣ, очистки костей, выглаживанія дерева и даже для удаленія грязи на своей собственной кожѣ — для всего этого требовалось приспособлять скребки и скобели.

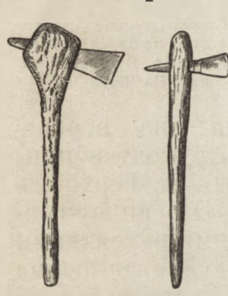

Жерновъ изъ Уро Бериджи, Адамау. Зап. Суданъ. По Пассаржу.

Другимъ сроднымъ ножу инструментомъ является долото, служащее по своей клиновидной формѣ для раскалыванія и расщепливанія; но оно является, по большей части, только вспомогательнымъ орудіемъ при работѣ топоромъ. Между остатками каменнаго вѣка въ Европѣ долото встрѣчается очень часто. Рядъ мелкихъ ножевыхъ остріевъ даетъ новое орудіе — каменную пилу, которая часто встрѣчается въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ; рядомъ съ этими пилами стоятъ натуральныя пилы современныхъ дикихъ народовъ, которыя очень часто дѣлаются изъ рыбьихъ челюстей, усаженныхъ зубами. Наконецъ, рядомъ съ пилами стоятъ рашпили и напилки, для которыхъ въ Полинезіи шероховатыя формы коралловъ, въ Индонезіи рыбьи кожи доставляютъ превосходный матеріалъ (см. изображеніе на стр. 366); тамъ, гдѣ они достигають достаточнаго совершенства ими часто замѣняютъ недостигающіе цѣли полировальные камни,

которыми при помощи воды и песка выглаживаютъ неровности оружія и утвари.

Всѣ инструменты, близко стоящіе къ ножамъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ примитивныхъ формахъ, имѣютъ ту общую черту, что въ до-металическія эпохи лучшіе образцы такихъ орудій изготовлялись изъ камня. Самая утонченная форма ножа — **ножницы**, появляющіяся только въ бронзовомъ вѣкѣ, вообще не могли развиться ранѣе изобрѣтенія способовъ пользованія металлами, такъ же какъ клещи и пинцеты (см. рис. на стр 367). Другіе матеріалы обнаруживаютъ свои отличительныя качества въ снарядахъ иного рода. Рогъ и кость обладаютъ большею вязкостью и эластичностью, выдерживаютъ болѣе тонкую обработку, нежели камень, и они являются господствующими матеріалами при изготовленіи иглъ и шильевъ, но послѣ открытія металловъ и они отодвигаются на задній планъ. Эластичность металлическихъ иголъ всего яснѣе даетъ знать о своемъ превосходствѣ въ фибулахъ, этихъ руководящихъ ископаемыхъ археологическихъ находокъ.

Съ древнѣйшихъ временъ камню выпало на долю **растирать, молоть и толочь**, и при этихъ работахъ онъ сохранилъ свое значеніе до сихъ поръ; и теперь есть еще каменныя чаши для растиранія, (см. нижн. рис. на стр. 367), все еще вращаются на мельницахъ каменные цилиндры, раздробляющіе между своими шероховатыми поверхностями зерно, не справляясь съ тѣмъ, кто двигаетъ ихъ теперь, вода, вѣтеръ или паръ вмѣсто рукъ человѣка, которыя и теперь въ Африкѣ исполняютъ эту работу [1]. Жернова африканскихъ Балту не продыравлены; только у культурныхъ народовъ имѣется это изобрѣтеніе; ихъ вращали сначала сами люди и только долгое время спустя примѣнили къ этой работѣ воду и вѣтеръ. Еще во многихъ нѣмецкихъ сагахъ слышатся отголоски боязни къ шумной, громыхающей водяной мельницѣ, гдѣ человѣкъ заставилъ вольные потоки горъ съ ихъ никсами и эльфами работать тяжелую работу, гдѣ гнѣздится всякая чертовщина.

Топоры изъ Гаруа, Адамуа, Зап. Суданъ. По Пассаржу. См. текстъ, ниже.

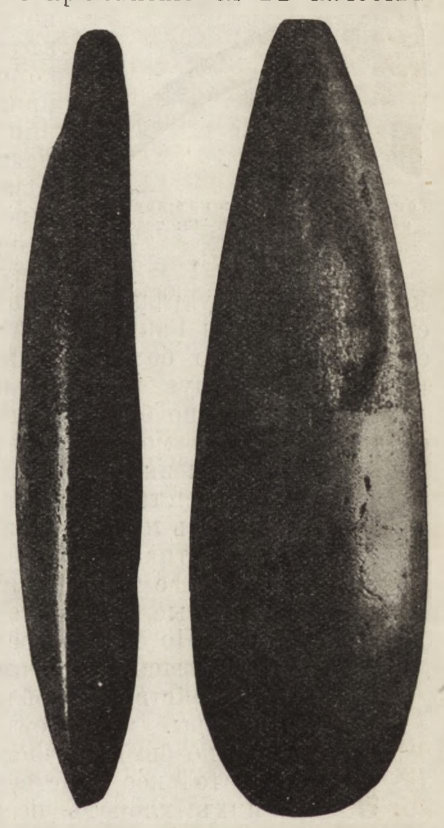
Одна изъ крупнѣйшихъ задачъ человѣчества, за которую оно бралось не одинъ уже разъ и рѣшало на разные лады, заключается въ томъ, какъ соединить дерево съ камнемъ для созданія орудій, обладающихъ значительной центробѣжной силой, которыя, смотря по породѣ камня и по назначенію ихъ мы называемъ **топорами, молотками и молоточками**. Одно изъ древнѣйшихъ открытій человѣка заключалось въ томъ, что, при удлиненіи рычага руки палкой, сила удара значительно увеличивается. Это наблюденіе естественно должно было возбудить мысль о томъ, нельзя ли, соединивъ палку съ каменнымъ орудіемъ, увеличить дѣйствіе послѣдняго. Выполненіе этого намѣренія было однако же сопряжено съ большими затрудненіями. Дѣло шло не о томъ, чтобы какъ-нибудь деревянную часть связать съ каменнымъ орудіемъ; здѣсь нужно было накрѣпко соединить одно съ другимъ, такъ чтобы можно было посредствомъ этого снаряда разбивать, раздроблять твердые матеріалы не нарушая связи между отдѣльными частями инструмента.

До нѣкоторой степени путь къ усовершенствованію былъ предуказанъ тѣмъ, что, еще до изобрѣтенія каменныхъ орудій, деревянныя мотыки уже должны были употребляться, хотя бы только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, также, какъ онѣ употребляются и понынѣ. Деревянную мотыку можно назвать усовершенствованной копалкой, при которой центробѣжная сила удлиненной руки примѣняется къ землекопной работѣ.

---

[1]. Ручной жерновъ сохранился не только въ Африкѣ, но и у сибирскихъ инородцевъ и монголовъ, а на Алтаѣ до сихъ поръ растираютъ зерно между двумя каменными плитами, на которыхъ процарапаны бороздки. *Ред.*

Вѣроятно, это открытіе, въ которомъ видна новая и плодотворная мысль, далось бы не такъ легко, если-бъ любой древесный сукъ, съ отходящей подъ угломъ второстепенной вѣтвью, не указывалъ прямо на прототипъ новаго орудія. И этотъ прототипъ надолго сохранился въ практическомъ примѣненіи, прибавились только нѣкоторые придатки для усиленія дѣйствія инструмента. Соединены были въ первобытномъ орудіи клинокъ и рукоятка самой природой, то есть, самымъ прочнымъ образомъ. Въ простѣйшемъ своемъ видѣ мотыга представляетъ хозяйственный инструментъ, для разрыхленія почвы, но мыслимо также и примѣненіе ея въ качествѣ орудія: выступающій сукъ или вмѣсто него вставленный клинокъ можно разсматривать, какъ первобытную копалку, а черенокъ, какъ удлиненіе руки. Новый инструментъ, благодаря развивающейся при немъ центробѣжной силѣ, увеличиваетъ успѣшность работы и вмѣстѣ съ этимъ даетъ большую свободу для движеній работника такъ-же и работницы, потому что мотыга безусловно принадлежитъ къ числу женскихъ рабочихъ инструментовъ и можетъ быть, съ достаточной вѣроятностью, причислена къ числу женскихъ изобрѣтеній. Въ руки мужчинъ перешла мотыга только послѣ того, когда выдающійся, ковыряющій землю крюкъ былъ замѣненъ рѣжущимъ каменнымъ орудіемъ, когда ее стали употреблять для рубки деревьевъ, и она сдѣлалась грознымъ орудіемъ на войнѣ, превратившись въ топоръ.

Каменный топоръ изъ Конго съ передней и съ боковой сторонъ. По Стэнlеру. См. текстъ рядомъ.

Въ наше время только въ небольшой части обитаемой земной поверхности люди пользуются каменными орудіями или, по крайней мѣрѣ, еще недавно употребляли ихъ (см. изобр. рядомъ); но уже послѣ бѣглаго обзора матеріала видно, что различные способы соединенія работающаго орудія съ рукояткой нельзя классифицировать по мѣстностямъ. Почти во всѣхъ мѣстностяхъ разные методы скрѣпленія испробованы самымъ основательнымъ образомъ, результатомъ чего и явился цѣлый рядъ разнообразныхъ типовъ скрѣпленія рукоятки съ инструментомъ. Число типовъ топора увеличилось еще благодаря разнообразію матеріаловъ для его изготовленія: кромѣ камня употреблялись для клинковъ раковины, щиты черепахъ и рога, а для рукоятокъ—кость и вѣтвистые рога животныхъ. Деревянныя мотыги, у которыхъ „деревянный клинокъ“ насаживается на деревянную рукоятку, еще и до сихъ поръ во всеобщемъ употребленіи въ Тибетѣ (ср. изобр. на стр. 236).

Самый простой способъ скрѣпленія, вмѣстѣ съ тѣмъ самый общеупотребительный, состоитъ въ накладываніи заостреннаго камня сверху на выступающій подъ угломъ сукъ деревянной мотыги и потомъ привязкѣ его такимъ образомъ, чтобы клинокъ выдавался за деревянную подставку. Топоръ этого типа и теперь въ большомъ употребленіи въ Новой Гвинеѣ; многіе простые доисторическіе каменные клинки въ Европѣ, должно быть, прикрѣплялись такимъ же образомъ. Одно небольшое усовершенствованіе, встрѣчающееся на Самоанскихъ топорахъ, состоитъ въ томъ, что передній конецъ мотыжнаго крюка, на который надкладывается клинокъ, дѣлается тоньше задняго, такъ

что топоръ находитъ точку опоры въ пяткѣ крюка. Мало употребителенъ, но все-таки встрѣчается способъ прикрѣпленія, при которомъ мотыжный крюкъ расщепляется или распиливается. Въ расщепъ вставляется клинокъ, плотно обматывается кругомъ и стягивается, но вообще камень бываетъ слишкомъ толстъ, а деревянныя щеки расщепа слишкомъ тонки, почему этотъ способъ прикрѣпленія топора оказывается неподходящимъ. Все таки и здѣсь видна попытка къ улучшенію, которая однако же осуществляется инымъ способомъ. Уже, вѣроятно, въ очень раннюю эпоху начали деревянный крюкъ замѣнять рогомъ оленя съ отросткомъ; но оба метода легко было соединить, вставляя въ деревянную рукоятку отростокъ рога оленя, который, по своей твердости и вязкости, былъ пригоднѣе дерева. Кромѣ того въ олений рогъ или въ кость удобнѣе было вставлять камень. Такимъ образомъ, въ доисторической Европѣ развились топоры, состоявшіе изъ трехъ частей,— деревянной рукоятки, костяной или роговой наставки, вставлявшейся въ просверленную рукоятку, и, наконецъ, каменнаго клинка топора, который также укрѣплялся въ наставкѣ. Въ совершенно другой мѣстности, чѣмъ Новая Гвинея, точно также пришли къ подобному усовершенствованію, только болѣе прямымъ путемъ: здѣсь и вставку изготовляютъ изъ дерева, слѣдуя въ остальномъ тому же принципу. Такъ какъ дерево для вставки можно брать по своему выбору какое угодно и приспособлять ее, то является возможность укрѣпить клинокъ совершенно плотно въ выдолбленномъ кускѣ дерева; главное же преимущество этого устройства заключается въ томъ, что наставку можно поворачивать и устанавливать клинокъ, по желанію, и горизонтально, и вертикально. Весь инструментъ становится благодаря этому удобнѣе и послушнѣе волѣ человѣка, чѣмъ ранѣе упомянутые, простые, каменные топоры.

Топоръ эскимосовъ изъ кости и камня. По Мурдоку. См. текстъ, стр. 369

Топоръ у цуньи. Сѣв. Америка. По Гольмсу.

Но задача соединенія прикрѣпленія камня къ дереву разрѣшалась и другимъ способомъ, примѣромъ котораго является устройство излюбленнаго оружія примитивныхъ народовъ — булавы. Отличіемъ булавы отъ простой палки служитъ утолщеніе бьющей части, что и придаетъ этому оружію его разрушительное дѣйствіе. Въ этотъ утолщенный конецъ безъ дальнихъ хлопотъ всаживаютъ продолговатый камень и такимъ образомъ получается новый видъ топора, при которомъ не только не нужно какихъ-либо вспомогательныхъ приспособленій, но даже и природный крюкъ примитивной мотыги становится излишнимъ. Преимущества этихъ булавовидныхъ топоровъ заключаются въ прочности и значительной живой силѣ удара; но они пригодны далеко не для многихъ цѣлей, потому что шишка ударнаго конца выступаетъ далеко впередъ всаженнаго въ нее клинка, что является помѣхой во многихъ работахъ, да и каменный клинокъ долженъ быть не очень тяжелъ и не очень тонокъ, а потому и размѣры его обыкновенно не велики. Этотъ недостатокъ пытаются устранить, соединяя въ одно оружіе булавовидный топоръ и сложный, при чемъ топорный клинокъ вставляютъ въ наставку и послѣднюю укрѣпляютъ въ шишкѣ булавы. Подобныя формы также встрѣчаются въ Новой Гвинеѣ, простыя формы булавовиднаго топора есть въ Меланезіи, на Огненной землѣ и также въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ.

Въ предшествовавшихъ примѣрахъ мы имѣли дѣло съ древкомъ, къ которому придавался клинокъ; но путемъ разныхъ косвенныхъ приспособленій дошли до другого рѣшенія задачи: нашли возможность проды-

рявливать клинокъ и въ отверстіе вставлять рукоятку. Этотъ, повидимому, столь хорошій способъ однако же не въ силѣ вытѣснить другихъ; онъ даже мѣстами, какъ, напримѣръ, въ Полинезіи неизвѣстенъ или совершенно забыть. Причина такого пренебреженія лежитъ не столько въ трудности самой работы продыравливанія камней, сколько въ ломкости и хрупкости большинства горныхъ породъ: тонкіе отшлифованные клинки вообще нельзя просверливать, да и кромѣ того и самые молотки и топоры со втулками на дѣлѣ совсѣмъ уже не такъ практичны, какъ можно было ожидать. Даже и тамъ, гдѣ практикуется просверливаніе камней эту технику прилагаютъ инымъ способомъ, нежели въ описанномъ выше случаѣ, причемъ достигается усовершенствованіе одного изъ видовъ топора. Въ Австраліи и понынѣ встрѣчаются топоры, въ которыхъ клинокъ вставленъ въ прорѣзъ древка или же ниже прикрѣпленъ къ концу древка клейкимъ веществомъ и привязанъ шнуркомъ такимъ образомъ, что изъ топора образуется въ нѣкоторомъ родѣ обоюдоострое оружіе (см. нижн. изобр. на стр. 370).

Каменная колотушка у эскимосовъ. По Мурдоку. См. текстъ ниже.

Въ такихъ случаяхъ часто встрѣчаются просверленные въ одномъ или въ двухъ мѣстахъ камни, и сквозь эти дыры продѣты нити для прикрѣпленія топора къ рукояткѣ; въ Австраліи, Новой Каледоніи и сѣверозападной Америкѣ такіе топоры встрѣчаются довольно часто. Для параллели съ выше приведенными можно указать на топоры эскимосовъ и чукчей (см. рис. выше), гдѣ просверливается не камень, а рукоятка, а на камнѣ съ наружной стороны имѣется выемка, въ которой плотно удерживается обвязка, соединяющая топоръ съ рукояткой.

Къ непросверленнымъ топорамъ съ рукояткой принадлежатъ топоры и молотки Сѣверной Америки (томагауки), въ которыхъ камень плотнымъ переплетеніемъ, оставляющимъ непокрытыми только внѣшніе концы орудія, или же лоскуткомъ кожи плотно притягивается къ рукояткѣ. Сверхъ того, по большей части, въ срединѣ клинка имѣется идущая кругомъ бороздка, въ которой плотно лежитъ перетяжка, скрѣпляющая каменное орудіе съ рукояткой. Эта круговая бороздка сближаетъ современные томагауки съ доисторическими орудіями того же типа, находимыми въ Америкѣ. Для послѣднихъ характернымъ признакомъ являются выступы, идущіе вдоль краевъ бороздки. У нѣкоторыхъ племенъ даяковъ для храненія топоровъ имѣется родъ футляра, въ которомъ спрятанъ клинокъ, а конецъ рукоятки торчитъ наружу.

Желѣзная кирка изъ Унганвези, вост. Африка. По Штульманну.

Второстепеннымъ значеніемъ каменныхъ топоровъ со втулкой объясняется, почему, послѣ введенія въ технику металловъ, въ доисторической Европѣ съ большой постепенностью сталъ распространяться этотъ способъ скрѣпленія клинка съ рукояткой, хотя для металлическихъ издѣлій онъ былъ самымъ практичнымъ.

То же самое явленіе встрѣчаемъ мы и въ современной Африкѣ, которая считается по преимуществу страной желѣзной культуры и интенсивнаго мотыжнаго земледѣлія, въ основѣ котораго лежитъ желѣзная мотыка (кирка). У африканскихъ мотыкъ очень рѣдко встрѣчается втулка; въ своей типичной формѣ она всего болѣе сходна съ булавовиднымъ топоромъ, и желѣзный клинокъ у нея вбитъ въ утолщенную часть рукоятки (см.

нижн. изобр. на стр. 371). То же самое можно сказать и о нѣкоторыхъ формахъ топоровъ. Наоборотъ, у дайаковъ мотыжные клинки съ полыми углубленіями, насаживаются на рукоятку при помощи деревянной вставки, и инструментъ ихъ напоминаетъ до нѣкоторой степени существовавшія въ доисторическія времена въ Европѣ.

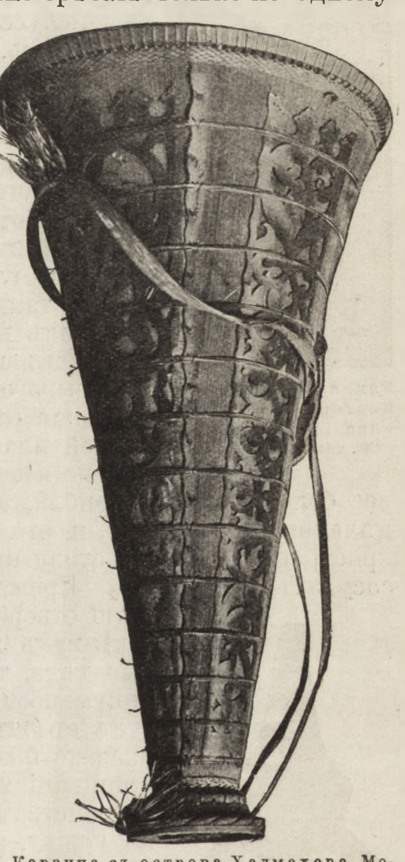

Доисторическое оружіе изъ Гульдбей, Данія.

Древне-европейскіе бронзовые топоры (см. изобр. рядомъ) даютъ возможность прекрасно прослѣдить ходъ прогрессивнаго развитія, которое—конечно только повидимому—привело къ изобрѣтенію топора со втулкой; на дѣлѣ-же въ бронзовомъ вѣкѣ такіе топоры появились весьма рано, но не получили широкаго распространенія, и еще въ каменномъ вѣкѣ были извѣстны молотки и топоры со сквозными отверстіями. Если вмѣсто топоровъ со сквознымъ обухомъ преобладали „кельты" и „пальштабы", впрочемъ, весьма цѣлесообразно выработанные, то причина этого лежитъ не въ недостаткахъ техники, а въ желаніи удержать любимый способъ насаживанія инструмента на рукояткѣ и прежде всего не мѣнять на новое старую мотыку съ крюкомъ. Такимъ образомъ выработались изящные бронзовые кельты съ конусообразными углубленіями на верхнемъ концѣ и ушкомъ сбоку. Несвѣдущій человѣкъ съ перваго взгляда могъ бы принять ихъ за какіе-нибудь причудливые сосуды для напитковъ тогда какъ на самомъ дѣлѣ они были назначены для насаживанія на деревянный клинъ, и при помощи ушка и веревки, прикрѣплялись къ рукояткѣ. Переходъ отъ каменнаго топора къ настоящему кельту представляетъ промежуточная форма пальштаба; края клинка превращаются въ лопасти, охватывающія расщепленный крюкъ съ внѣшней стороны; потомъ эти лопасти соединяются вмѣстѣ, образуя цѣлую замкнутую кривую бокаловидной формы, а задняя половина самого клинка отпадаетъ. При этомъ не нужно уже ни расщеплять крюка, ни привязывать къ нему топора, — его достаточно просто надѣть на крюкъ, какъ шляпу на голову. По большей части, у задняго отверстія полаго кельта имѣется еще кромѣ ушка отогнутый край, который также служитъ для закрѣпленія веревкой или ремнемъ. Этотъ способъ насадки орудія на рукоятку, какъ показываетъ громадное число бронзовыхъ кельтовъ, считался весьма практичнымъ. Мы встрѣчаемъ тотъ же способъ насадки на рукоятку и въ другихъ орудіяхъ, въ особенности въ копейныхъ наконечникахъ, у которыхъ имѣются на заднемъ концѣ хвостики для всаживанія въ древко или, какъ въ кельтахъ, трубки. На копьяхъ эти способы скрѣпленія доказали свое превосходство передъ другими, вошли во всеобщее употребленіе и сохранились до новѣйшихъ временъ. Что же касается кельтовъ, то съ введеніемъ обработки желѣза они мало-по-малу отступаютъ на второй планъ и исчезаютъ, замѣняясь желѣзнымъ топоромъ съ сквознымъ обухомъ для топорища.

При наступленіи эпохи обработки металловъ, рядомъ съ мотыкой,

важнѣйшимъ земледѣльческимъ орудіемъ многочисленныхъ народовъ, начинаютъ появляться и другія, которыя въ сущности принадлежатъ къ типу ножей; таковы крупные инструменты для срѣзанія и срубанія, косьбы и жнитва, очистки отъ кустарниковъ участка земли подъ обработку, проявляющіе особенное разнообразіе формъ въ Индонезіи, и для уборки посѣвовъ—другими словами, серпы и косы. Рядомъ съ зазубренными серпами встрѣчаются въ Малайскомъ Архипелагѣ крошечные серпики, прикрѣпленные къ пальцу, которыми можно срѣзать только по одному рисовому стеблю заразъ.

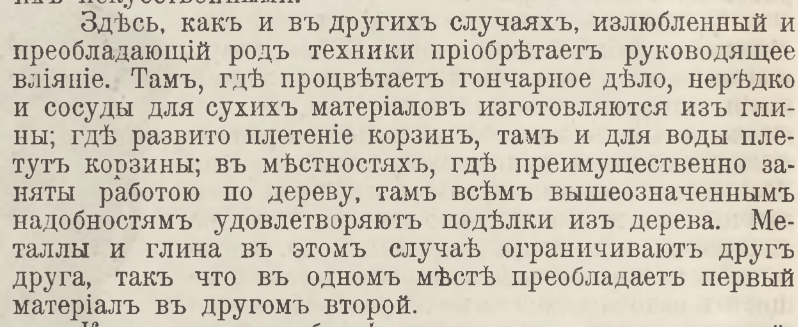
Противоположностью орудіямъ разрушенія и созиданія, въ видѣ особаго вида утвари, являются *сосуды*. Они назначены для принятія извѣстнаго содержимаго, которое долженъ вмѣщать въ себѣ сосудъ, и притомъ такъ, чтобы занять возможно меньше мѣста. Жидкости нельзя ни хранить, ни перемѣщать иначе, какъ въ сосудахъ, о полужидкихъ веществахъ, какъ жиръ, студень и др. можно сказать то же самое; для многихъ сухихъ веществъ, находящихся въ мелко раздробленномъ состояніи также нужно какое-нибудь вмѣстилище, болѣе или менѣе непроницаемое со всѣхъ сторонъ. Для сухихъ веществъ, какъ зерновой хлѣбъ, мука, нѣтъ надобности во вмѣстилищахъ, не пропускающихъ жидкость, и потому проще всего раздѣлить этотъ видъ утвари на сосуды для жидкостей и для сухихъ веществъ. Послѣдніе менѣе однообразные нежели первые потому, что чѣмъ крупнѣе матеріалъ, тѣмъ менѣе плотны могутъ быть стѣнки сосудовъ. Въ сѣтчатомъ мѣшкѣ нельзя переносить муку или сажу, тогда какъ для яблоковъ, напримѣръ, такой мѣшокъ былъ бы самымъ удобнымъ. Строгой границы и здѣсь провести невозможно уже потому, что, напримѣръ ни жидкостей, ни тонкоизмельченныхъ веществъ нельзя хранить во всякомъ сосудѣ, а состоящія изъ крупныхъ отдѣльныхъ предметовъ можно: воду нельзя носить въ корзинѣ для яблоковъ, а для орѣховъ годятся и корзинки и мѣшки и ящики такъ же, какъ стеклянныя чаши и глиняные горшки. Къ этому нужно прибавить, что и по матеріалу, изъ котораго изготовлены сосуды, нельзя опредѣлить ихъ пригодности для тѣхъ или иныхъ веществъ: есть непроницаемыя для жидкости корзины, есть и глиняные сосуды, пропускающіе воду; деревянные сосуды пригодны и для воды, а деревянные сундуки, только для твердыхъ веществъ.

Корзина съ острова Халмахера, Молукскіе о-ва. Этнографическій музей въ Берлинѣ. См. текстъ, стр. 377.

Изобрѣтать сосуды почти не было надобности, нужно было слѣдовать тѣмъ указаніямъ, которыя давала природа: защита нѣжной живой субстанціи посредствомъ оболочекъ, хотя бы тонкой кожицей, которыя, какъ стѣнки сосудовъ облегаютъ содержимое, является одной изъ великихъ потребностей всего живого и развивающагося; очень многія мягкотѣлыя прячутъ свое тѣло въ твердую известковую камеру, тѣло черепахи покрыто, какъ чашкою, щитомъ, кости черепа, какъ капсюль, охватываютъ мозгъ высшихъ животныхъ и человѣка. Не менѣе заботливо отъ всякихъ внѣшнихъ поврежденій охраняются твердыми оболочками сѣмена нѣкото-

рыхъ растеній, и стоитъ только раскрыть такую покрышку, чтобы получить естественный сосудъ. Въ качествѣ такихъ первообразовъ сосудовъ древнѣйшихъ образцовъ служили широкіе листья растеній; на самихъ листьяхъ видно было, что послѣ дождя въ ихъ углубленіяхъ можетъ держаться вода, и что, въ случаѣ нужды, можно въ такомъ импровизированномъ сосудѣ, приносить воду (ср. текстъ, стр. 300). Всѣмъ этимъ однако же нельзя было удовлетвориться и на первыхъ порахъ, а потому мало-помалу естественные сосуды стали обдѣлывать и замѣнять ихъ искусственными.

Глиняный сосудъ изъ Костари, Центр. Америка. Бременскій музей. См. текстъ на это стр.

Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, излюбленный и преобладающій родъ техники пріобрѣтаетъ руководящее вліяніе. Тамъ, гдѣ процвѣтаетъ гончарное дѣло, нерѣдко и сосуды для сухихъ матеріаловъ изготовляются изъ глины; гдѣ развито плетеніе корзинъ, тамъ и для воды плетутъ корзины; въ мѣстностяхъ, гдѣ преимущественно заняты работою по дереву, тамъ всѣмъ вышеозначеннымъ надобностямъ удовлетворяютъ подѣлки изъ дерева. Металлы и глина въ этомъ случаѣ ограничиваютъ другъ друга, такъ что въ одномъ мѣстѣ преобладаетъ первый матеріалъ въ другомъ второй.

Какъ и при выработкѣ другихъ видовъ утвари, свойства сырого матеріала и характеръ техники, первоначально имѣющіе рѣшающее вліяніе, постепенно отодвигаются на второй планъ передъ назначеніемъ издѣлія. Формы издѣлія, по мѣрѣ того какъ человѣкъ овладѣваетъ матеріаломъ, все болѣе и болѣе приближаются къ полному соотвѣтствію съ предопредѣленными задачами, и это прежде всего слѣдуетъ сказать о самыхъ распространенныхъ, изготовленныхъ изъ наиболѣе пластическаго матеріала сосудахъ глиняныхъ. Прежде всего является надобность, чтобы у сосуда было отверстіе для наливанія и выливанія жидкости, а такъ какъ жидкость не улетаетъ вверхъ, какъ газообразныя тѣла, то и отверстіе дѣлаютъ на верху сосуда. При этомъ необходимо, чтобы при спокойномъ положеніи сосудъ стоялъ всегда отверстіемъ къ верху, что, какъ уже указано было, достигается особыми подставками или подвѣшиваніемъ, вообще же, при помощи цѣлесообразнаго устройства дна, которое во многихъ случаяхъ превращается въ ножку, а потомъ одна ножка замѣняется нѣсколькими. Если даже до этого столь примитивнаго приспособленія доходятъ не сразу и не вездѣ, то здѣсь сказывается вліяніе образцовъ естественныхъ прототиповъ сосудовъ, съ которыхъ берутъ первые образцы, главнымъ образомъ, со скорлупъ плодовъ, у которыхъ почти всегда круглое дно. Въ сосудахъ, содержимое которыхъ должно быть легко доступно, назначенныхъ, напр., для принятія варки, и сервировки пищи, напитковъ, а также стирки и т. д., отверстіе должно быть широкое. Также бываетъ надобность предохранить жидкость отъ испаренія, засоренія насѣкомыми и пылью. Это достигается суженіемъ отверстія, которому для удобства выливанія часто придаютъ форму шейки и разнообразными способами удлиняютъ и изгибаютъ ее (см. изобр. на этой стр.) или же, наконецъ, прикрываютъ особой крышкой, которая, при узкогорлыхъ сосудахъ, замѣняется пробкой. Для дальнѣйшаго облегченія выливанія жидкости, краямъ сосуда или горлышку придаютъ форму носка или рыльца. Въ качествѣ дальнѣйшаго усовершенствованія у сосудовъ появляются рукоятки, точно также дѣлается приспособленіе въ видѣ ручки и на крышкѣ. До изобрѣтенія рукоятки, приспо-

Глиняный сосудъ съ Нижняго Конго. Этнографическій музей въ Лейпцигѣ. См. текстъ, стр. 373.

соблялись къ переноскѣ сосудовъ, обвязывая ихъ веревкой и для этой цѣли, въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходила обвязка, дѣлался желобокъ или отгибался край сосуда. Въ металлическихъ сосудахъ, какъ и въ нашихъ ведрахъ, этотъ шнуръ сохранился въ видѣ свитой изъ проволокъ дужки. Для ношенія тяжелыхъ сосудовъ приспособляютъ лямки или коромысла, которыя носятся на плечахъ, чѣмъ достигается равномѣрное распредѣленіе тяжести, а также и другія удобства.

Древне-перуанскій глиняный сосудъ съ раздвоеннымъ горлышкомъ. Бременскій музей. См. текстъ рядомъ.

Особый отдѣлъ сосудовъ составляютъ черпаки, которые предполагаютъ уже существованіе другихъ сосудовъ, изъ которыхъ нужно что-нибудь черпать. Въ сущности, къ нимъ же принадлежатъ и сосуды для питья, которые долго удерживаютъ формы естественныхъ сосудовъ, какъ, напримѣръ, простыхъ кокосовыхъ скорлупъ для питья кавы въ Полинезіи или распространенныхъ всюду подъ тропиками тыквенныхъ бокаловъ и фляжекъ. Есть еще одинъ натуральный сосудъ для пировъ, на который мы до сихъ поръ смотримъ сквозь призму страшныхъ разсказовъ древнихъ сагъ и, стало быть, при невѣрномъ освѣщеніи,— этотъ сосудъ—черепъ, который еще со временъ событія на пирѣ лангобардскаго царя Албоина, въ качествѣ отголоска нравовъ дикой эпохи, сталъ извѣстенъ всему свѣту. Кубокъ Албоина былъ сдѣланъ изъ черепа убитаго врага; это было торжество удовлетворенной жажды мести, освященной древнимъ обычаемъ предковъ; но самъ по себѣ черепъ былъ просто сосудомъ для питья, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было ни подходящихъ твердыхъ покрововъ плодовъ, ни раковинъ, мысль объ употребленіи черепа въ качествѣ посуды являлась сама собой. Не только чувство мести, но и благоговѣніе и просто суевѣріе могли закрѣпить на долгое время древній обычай: въ Тибетѣ, еще по сообщеніямъ Одорика, прежде изъ череповъ родственниковъ дѣлали кубки, въ средніе вѣка также дѣлали кубки изъ череповъ святыхъ, и въ буддійскомъ культѣ есть нѣчто подобное [1]. У современныхъ первобытныхъ народовъ чаши изъ череповъ—явленіе не рѣдкое; но если родство, чувство мести, или какія-нибудь суевѣрныя мистическія идеи примѣшиваются къ желанію имѣть хорошій сосудъ, то въ концѣ-концовъ, эти замысловатыя соображенія заступаютъ мѣсто послѣдняго. Чаши изъ черепа замѣчательны еще тѣмъ, что обыкновенно онѣ снабжаются какими-нибудь придатками, иногда подставкой, и представляютъ собой переходъ отъ сосудовъ натуральныхъ къ искусственнымъ.

Деревянный горшокъ для варки пищи у никобаровъ, Бенгальскій заливъ. По Свобода.

Оригинальнѣе сосудовъ для питья черпаки, имѣющіе, по большей части, формы ложекъ. Есть и другіе снаряды для вычерпыванія, не принадлежащіе къ отдѣлу посуды, такъ какъ въ основѣ ихъ устройства лежитъ другой принципъ, вытекающій изъ наблюденія, указывающаго, что пористыя вещества всасываютъ жидкость и затѣмъ при давленіи снова выпускаютъ ее. Въ маломъ видѣ этотъ опытъ продѣлываетъ всякій, кто кускомъ хлѣба собираетъ съ тарелки соусъ. Какъ на всемірно извѣстный примѣръ употребленія этого принципа для утоленія жажды, можно указать

---

[1] Черепа, дѣйствительно, употребляются въ буддійскомъ, ламаитскомъ культѣ, при, такъ наз., докшидскомъ богослуженіи, но это не черепа-святыхъ, а только черепа, отличающіеся нѣкоторыми особенностями, черепа-крестовики, въ которыхъ ясно видно скрещиваніе продольныхъ и трансверзальныхъ швовъ. Чаши изъ такихъ череповъ носятъ названіе „габалъ". *Ред.*

на губку, напитанную уксусомъ, приложенную къ губамъ распятаго на крестѣ Христа. Настоящіе употребляемые въ практикѣ снаряды, основанные на принципѣ всасыванія, встрѣчаются крайне рѣдко; но въ Африкѣ, у скотоводовъ юго-востока употребляются кисточки изъ одного вида ситовника, которыми они достаютъ молоко изъ большихъ сосудовъ. Австралійцы, приготовляющіе себѣ въ выдолбленныхъ въ камняхъ чашахъ, изъ меда съ водой, нѣчто вродѣ пунша, рвутъ пучки травы, опускаютъ ихъ въ чашу, чтобы потомъ высасывать изъ нихъ живительную влагу. Большая часть черпательныхъ снарядовъ представляетъ собою сосуды; но спеціальная цѣль, для которой они предназначаются, выработала для нихъ особой формы сосудецъ, такой вообще, который долженъ захватывать небольшое количество жидкости, долженъ быть не великъ и имѣть удлиненную и плоскую форму, если жидкость изъ него должна переходить прямо въ ротъ. Шейка, рыльце и дно здѣсь исчезаютъ или сливаются между собой, а дужка превращается въ плоскую рукоятку, въ черенокъ. Образовавшаяся, такимъ образомъ, утварь, ложка, должна обладать прочностью, такъ какъ черенокъ тонокъ и можетъ легко изломаться; поэтому ложки рѣдко изготовляютъ изъ глины, а чаще изъ дерева, рога и металла [1]. Ложки изъ бересты съ деревяннымъ черенкомъ встрѣчаются въ Восточной Сибири и у айно.

Вышитая кожаная сумка изъ Салаги, Золотой берегъ. По фотографіи.

Сосуды для варки пищи можно было дѣлать и изъ дерева, когда воду кипятили раскаленными камнями, и готовымъ образцомъ для такой посуды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ отрѣзокъ бамбуковаго ствола, открытый сверху, съ дномъ изъ узловой перегородки колѣнчатаго стебля. Вообще въ бамбуковомъ сосудѣ или въ сосудѣ изъ другого крѣпкаго дерева можно кипятить воду и прямо на огнѣ (см. рис. на стр. 375). Однако же, мало-по-малу, въ этой области исключительное господство пріобрѣла глина, и только въ новѣйшее время ея преобладаніе было нѣсколько ограничено металломъ. Характернымъ признакомъ сосудовъ для варенія и жаренія является отсутствіе подставки, которая мѣшаетъ болѣе тѣсному соприкосновенію сосуда съ огнемъ; рядомъ съ этимъ слѣдуетъ поставить отличительной чертой такихъ сосудовъ широкое отверстіе и отсутствіе тонкихъ украшеній, которыя по сосѣдству съ копотью были бы неумѣстны.

Корзины изъ Карагве, Вост. Африка. По Кольману.

Форма сосудовъ, предназначаемыхъ для храненія жидкостей, опредѣляется самой цѣлью ихъ, предохранять содержимое отъ вліянія воздуха и пыли. Для этого у нихъ дѣлаются узкія отверстія, плотно закупоривающіяся, что мы видимъ на нашихъ бутылкахъ. Часто эти сосуды настолько велики, что выливать изъ нихъ жидкость, наклоняя ихъ, очень затруднительно; въ такихъ случаяхъ дѣлается отверстіе около дна, чрезъ которое

[1] Китайскія ложки часто изготовляютъ изъ фарфора, но у нихъ нѣтъ черенка: онѣ по формѣ нѣсколько напоминаютъ башмачекъ. *Ред.*

можно доставать содержимое, если не имѣется для этого всасывающихъ и иныхъ приспособленій или особыхъ сосудовъ для черпанія. Среди натуральныхъ сосудовъ для жидкости самыми простѣйшими являются кожи животныхъ и кишки. При нихъ не нужно какихъ-нибудь искусственныхъ приспособленій для добыванія жидкостей, такъ какъ ихъ всегда можно выжать до суха.

Кишки представляютъ ближайшую параллель человѣчьей кожѣ, которая, какъ растяжимая оболочка, облегаетъ все внутреннее содержимое тѣла, какъ жидкое, такъ и твердое. Для хранилищъ твердыхъ веществъ можно подобрать другія параллели,—мѣшокъ, сумка (см. изобр. на стр. 376) и корзины (см. изобр. на стр. 373 и 376), при изготовленіи которыхъ необходимо участіе плетенія. Къ этому слѣдуетъ прибавить деревянныя подѣлки, которыя рѣдко изготовляются изъ одного сплошного куска и всегда почти снабжены крышкой, какъ, напримѣръ, коробки, сундуки и тому подобное [1].

Бронзовый японскій фонарь. Бременскій музей.

Къ сосудамъ слѣдуетъ причислить и лампу, которая въ первобытныя времена имѣетъ мало значенія, но, по мѣрѣ роста культуры, пріобрѣтаетъ громадную важность, дѣлая человѣка все болѣе и болѣе независимымъ отъ перемѣнъ дня и ночи. Не всѣ освѣтительные снаряды принадлежатъ къ типу лампъ: горючія вещества, обладающія достаточной твердостью, не нуждаются въ сосудѣ, имъ, кромѣ подставки, на которой они могли бы держаться, ничего не нужно; прежде употреблялась лучина, потомъ свѣчи, самое же простое освѣтительное приспособленіе, служившее вмѣстѣ съ тѣмъ и для отопленія, дрова, по нуждѣ можно разжечь и прямо на землѣ. Также и для маслянистыхъ сѣмянъ, которыя въ Индонезіи нанизываютъ на нитки и потомъ отрываютъ и зажигаютъ, конечно не нужно никакихъ сосудовъ. Вообще же, на землѣ найдется не мало народовъ, которые не имѣютъ понятія о лампѣ; наоборотъ, тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ, въ полярныхъ странахъ, имѣются только жидкіе освѣтительные матеріалы, лампа является предметомъ первой необходимости, служа, кромѣ освѣщенія, источникомъ тепла и кухоннымъ снарядомъ. Она имѣетъ многія общія свойства съ другими сосудами: у нея есть ножка или приспособленіе для подвѣшиванія, и вмѣсто рыльца у нея имѣется аналогичный ему выступъ, въ который вставляется свѣтильня, и кончикъ ея спускается вбокъ, чтобы онъ не попалъ въ масло или расплавленный жиръ и не потухъ; вмѣсто этого лампы также снабжаютъ крышками съ отверстіемъ.

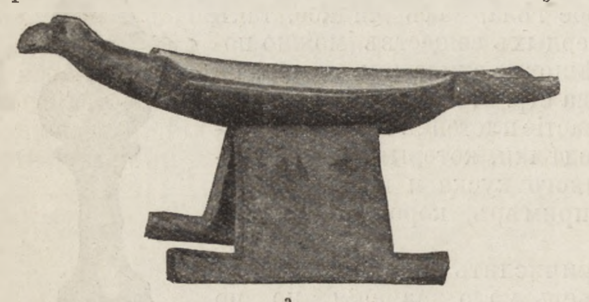

Табуретъ изъ Укерева, Викторія Ніанца, вост. Африка. Этнографическій музей въ Лейпцигѣ. См. текстъ стр. 379.

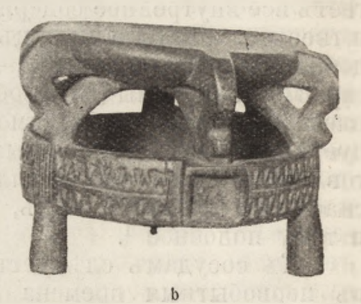
Крайне простыя эскимосскія лампы изготовляются изъ мыльнаго камня (агальматолита), а въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Суданѣ, употребляются глиняныя; въ Тибетѣ и, вообще, въ Восточной Азіи, рядомъ съ глиняными лампами

---

[1] Говоря о деревянныхъ сосудахъ, въ которыхъ грѣютъ воду, о сосудахъ изъ кишекъ и кожи, авторъ нигдѣ не упоминаетъ о сосудахъ берестяныхъ, туясахъ и буракахъ, между тѣмъ, по разнообразію своего примѣненія, березу можно назвать бамбукомъ или кокосовой пальмой сѣвера. Она служитъ строительнымъ и подѣлочнымъ матеріаломъ. Сокъ ея доставляетъ прохладительное питье весною, изъ нея добываютъ деготь, необходимый смазочный матеріалъ. Кора, кромѣ дегтя, идетъ на разнообразныя подѣлки. Цилиндрическіе

встрѣчаются и металлическія. Любовь къ хорошему освѣщенію всегда служитъ признакомъ культурности, что доказываетъ намъ пристрастіе восточно-азіатскихъ народовъ къ фонарямъ, т. е. свѣтильникамъ, которые для защиты отъ вѣтра окружаютъ просвѣчивающей бумагой. Рѣшительными и грандіозными усовершенствованіями въ дѣлѣ освѣщенія мы обязаны европейскимъ культурнымъ народамъ; но и у нихъ оно явилось лишь въ недавнее время. Хотя Карлъ V, французскій король (1364—80), обязалъ Парижанъ на ночь въ каждомъ домѣ у дверей выставлять зажженную

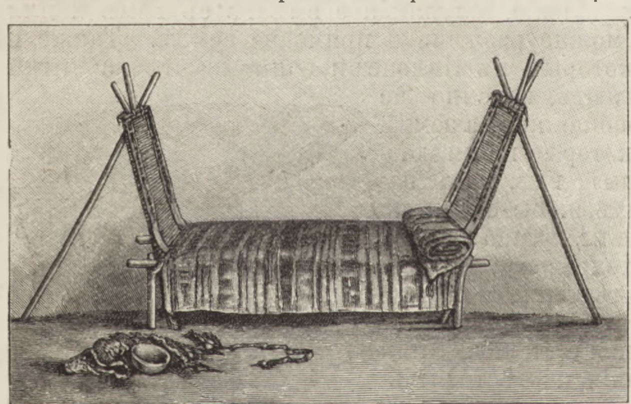

a b

a. Скамейка племени мехинаку, Бразилія; *b.* Скамейка ваніамвези, Вост. Африка. Этнографическій музей въ Лейпцигѣ.

свѣчу, но только черезъ 500 лѣтъ пришли къ мысли эти свѣтильники ставить въ фонари (reverbères) и поручили особымъ людямъ завѣдываніе ими. Лампа въ качествѣ освѣтителя была вытѣснена сальной свѣчей, и, только послѣ изобрѣтенія Арганда, она снова обратила на себя вниманіе. Новые освѣтительные матеріалы и приспособленія, керосинъ, свѣтильный газъ и электричество послѣ этого произвели полный переворотъ и возбудили оживленное движеніе въ той области техники, въ которой поразительнымъ образомъ царилъ долгое время застой.

Кровать племени арапагоэ, Сѣв. Америка. По Муней. См. текстъ, стр. 379 и 380.

Покровы тѣла, проекціями которыхъ, по терминологіи Каппа, являются сосуды, кромѣ задачи, въ качествѣ вмѣстилища, содержать и прикрывать собою внутреннія части организма, имѣютъ и другое назначеніе—защищать внутренніе органы отъ соприкосновенія съ внѣшними предметами или же настолько смягчать ихъ, чтобы при передачѣ по нервамъ результатовъ этихъ соприкосновеній, послѣдніе не вызывали въ мозгу впечатлѣній страданія. Понятно само собой, что и въ этомъ дѣлѣ человѣче-

---

сосуды изъ ея коры (бересты), высота которыхъ измѣняется отъ 4 сантиметровъ до метра, служатъ для разныхъ цѣлей: для кипяченія воды, храненія запасовъ и т. д. Распространенная повсюду, она широко примѣняется на Сѣверѣ. Тамъ, у остяковъ, изъ нея дѣлаютъ тарелки, блюда, чашечки. Проваренная въ водѣ, она служитъ для покрышки юртъ. Нерѣдко издѣлія эти покрыты интереснымъ сучковатымъ орнаментомъ. Интересно, что берестяные сосуды, подобно кожанымъ, не склеиваются, а шьются. Нитками служатъ или волосъ, или стебли вьющагося растенія Atragena alpina. Кромѣ того кора березы служитъ и для обуви — изъ нея дѣлаютъ лапти, ею же оплетаютъ глиняные горшки, чтобы они не бились. Выдѣлка сосудовъ изъ кожи также достигла большого совершенства у кочевниковъ Алтайскаго нагорья: изъ нея, кромѣ кожаныхъ мѣшковъ, изготовляются настоящія кожаныя бутылки и фляги съ пробками. *Ред.*

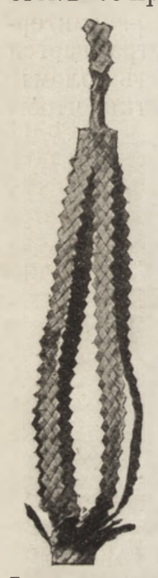
ская культура помогаетъ и дополняетъ то, что дается людямъ отъ природы. Продолжительное соприкосновенie тѣла человѣка съ чѣмъ-либо жесткимъ, какъ, напримѣръ, во время ночного отдыха, производитъ тягостное впечатлѣнie, которое усиливается еще болѣе давленieмъ тяжести самого тѣла. Поэтому шкуры животныхъ, циновки, пучки травы, служащie прослойками между тѣломъ человѣка и почвой, являются первой мебелью въ хижинѣ дикаря. Рядомъ съ этимъ заводится и головная подставка, чтобы голова не лежала слишкомъ низко, прямо на полу (см. изобр. на стр. 358—360). Впрочемъ, мы часто встрѣчаемъ у первобытныхъ народовъ стремленie устраивать себѣ ложе надъ землею, являющееся первымъ шагомъ къ приспособленiю домашней мебели къ сидѣнiю, что составляетъ характерную принадлежность обстановки культурныхъ народовъ. Дикарь устраивается обыкновенно на полу, европеецъ же на нѣкоторомъ разстоянiи надъ поломъ, онъ нагибается къ землѣ, можетъ быть, всего одинъ разъ въ сутки, чтобы поднять случайно упавшую вещь. И въ этомъ сказывается стремленie къ опрятности, желанie устранить себя отъ всего грязнаго, низкаго, что и составляетъ одну изъ существенныхъ сторонъ культуры. Поднятie постелей и сидѣнiй надъ землей (см. изобр. на стр. 377 и 378) у первобытныхъ народовъ имѣетъ ближайшею цѣлью избавиться отъ насѣкомыхъ и всякихъ гадовъ, которые кишатъ, особенно по ночамъ, на полу хижинъ, тѣмъ болѣе, что далеко не всѣ изъ нихъ безвредны. Привѣшиванie постели превосходно рѣшаетъ задачу устроить себѣ помѣщенie надъ землей. Такимъ образомъ, при помощи искусства плетенiя возникаетъ подвѣшенная циновка (гамакъ), которая сдѣлалась для большинства лѣсныхъ обитателей Бразилiи важнѣйшей утварью и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошимъ предметомъ для обмѣна, за который можно получить многiя желательныя вещи. Такая циновка встрѣчается и въ Новой Гвинеѣ. Является ли западноафриканская подвѣсная циновка, служащая для транспорта въ качествѣ носилокъ, произведенieмъ мѣстной культуры, или она занесена туда изъ Бразилiи португальцами — до сихъ поръ еще не рѣшено. Интересныя свѣдѣнiя о бразильскихъ гамакахъ сообщаетъ Карлъ фонъ-деръ-Штейненъ. Подвѣсныя циновки бакаири дѣлаются изъ хлопчатой бумажно-пряжи, изъ которой на крайне примитивномъ станкѣ выплетаютъ рѣдкую сѣтку. Циновки племенъ ну-аравановъ плетутся изъ волоконъ пальмы бурити; сверхъ того, имѣется много другихъ формъ, въ которыхъ употребляются и хлопчатая бумага, и пальмовыя волокна. Проще всѣхъ дѣтскiй гамакъ нагуква, состоящiй изъ связанныхъ по концамъ пучковъ стеблей травы. Нѣкоторыя племена Бразилiи не знаютъ гамаковъ и спятъ прямо на землѣ на подстилкѣ изъ пальмовыхъ листьевъ; но гамакъ распространяется быстро, благодаря взятымъ на войнѣ плѣнницамъ, которыя и вносятъ съ собой въ новыя мѣста искусство плетенiя циновокъ. Въ центральной Африкѣ кровать, т. е. ложе на подставкахъ, уже завоевала себѣ право гражданства у многихъ народовъ. Она состоитъ обыкновенно изъ рамы

Внутренность шалаша у якутовъ, Сибирь. См. текстъ, стр. 380.

на шести подставкахъ съ поперечными брусками или перетяжками. И въ Сѣверной Америкѣ встрѣчаются типичныя формы кровати (см. изобр. на стр. 378). Африка также является классической страной кreселъ и скамеекъ (см. изобр. на стр. 377 и 378), и наибольшее разнообразіе формъ ихъ мы встрѣчаемъ на западѣ, но они едва достигаютъ половины высоты нашихъ стульевъ.

Колыбель — особый видъ висячей постели, спеціально предназначенной для дѣтей, пользуется несравненно большимъ распространеніемъ, нежели гамакъ. Только у культурныхъ народовъ Европы и отчасти на востокѣ ее превратили въ стоячую постель, качающуюся на полозьяхъ. Первобытная колыбель была первоначально только снарядомъ для переноски дѣтей, какъ это, на основаніи обширнаго матеріала, доказали сперва Плоссъ, а потомъ Курутцъ. Въ этотъ снарядъ укладывали кругомъ обертывали свивальниками ребенка и носили на плечахъ, на лямкѣ. Во время остановокъ колыбель не ставили на полъ, а вѣшали на дерево или на какое-нибудь назначенное для подвѣшиванія приспособленіе въ жилицѣ. При этомъ, конечно, было замѣчено, что покачиваніе успокаиваетъ и усыпляетъ ребенка. Висячія колыбели сохранились до настоящаго времени въ Швеціи и Норвегіи [1].

Плетеное приспособленіе для вѣшанія предметовъ изъ Аллора, Зондскіе о-ва. Этнографическій музей въ Берлинѣ. См. текстъ, стр. 380.

Склонность развѣшивать предметы, вмѣсто того, чтобы ихъ класть въ шкафы, выдвижные ящики или разставлять на столахъ или полкахъ, служитъ типичной привычкой первобытныхъ народовъ и объясняется недостаткомъ настоящей мебели въ ихъ жилищахъ. Крыша жилища, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ и кладовой, гдѣ по розницѣ или въ связкахъ развѣшиваютъ жизненные припасы, оружіе и прочее имущество. Обыкновенно балки и стропила крыши даютъ достаточно мѣста для привѣшиванія къ нимъ разныхъ предметовъ, вплоть до кухонныхъ принадлежностей (см. изобр. на стр. 379) [2]; встрѣчаются также и особые снаряды для подвѣшиванія (см. изобр., стр. 380), соотвѣтствующіе отчасти вѣшалкамъ для платья у культурныхъ народовъ. У машукулумбе ставится передъ жилищемъ деревцо, вѣтви котораго обрубаются такъ, что остаются одни пеньки, на нихъ развѣшиваются тыквенныя бутылки и тому подобное. Снарядъ для подвѣшиванія, съ острова Онтонгъ-Ява, описалъ Паркинсонъ. На верхней балкѣ жилища прикрѣпляется снарядъ для привѣшиванія корзинокъ со съѣстными припасами. Размѣры его отъ 30 до 150 сантиметровъ въ длину; онъ дѣлается изъ прикорневой части мангроваго дерева. Дерево срубаютъ близъ того мѣста, откуда начинаютъ выступать боковые, воздушные корни, ихъ обрѣзаютъ, оставляя корешки отъ 30 до 40 сант. длиной, а срединный корень, идущій вертикально внизъ, обрѣзаютъ, какъ можно длиннѣе. Привѣшиваютъ этотъ снарядъ нижнимъ концомъ вертикальнаго корня вверхъ такъ, что остатки боковыхъ корней образуютъ цѣлый рядъ крюковъ, весьма удобныхъ для привѣшиванія къ нимъ корзинъ и другихъ предметовъ. По сообщенію Вертера, въ восточной Африкѣ у васандауи, наоборотъ, прислоняютъ стволы деревьевъ съ крюками изъ обрубленныхъ сучьевъ къ стѣнѣ жилища.

Домашняя и кухонная утварь пополняется обыкновенно различными

[1] И, конечно, почти во всей Россіи, за немногими исключеніями. *Ред.*

[2] Это изображеніе можетъ ввести въ заблужденіе читателя. Это ни въ какомъ случаѣ не типичная якутская юрта, а скорѣе круглая ураса тунгуса или карагасса. Она сложена изъ жердей и потому, если бы не внутренность юрты, ее бы можно признать за алтайскую. Принадлежностью всякой якутской юрты является стоящій въ углу камелекъ, у а г-на фонъ-Стенина очагъ въ срединѣ жилища. *Ред.*

вещами, служащими для различныхъ цѣлей и, между прочимъ, рядомъ съ упомянутыми уже выше ступками, для отдѣленія хлѣбныхъ зеренъ отъ шелухи, и пестами, какъ служащими для этой, такъ и для другихъ самостоятельныхъ цѣлей. Пріятное позвякиваніе ступокъ для очистки риса является характернымъ звукомъ среди другихъ въ индонезійской деревнѣ; маисовый пестъ, часто работающій въ ступкѣ, выдолбленной въ обломкѣ скалы, постукиваетъ въ африканскихъ и американскихъ поселкахъ. Маленькіе каменные пестики, разбивающіе скорлупу кокосовыхъ орѣховъ и корку плодовъ хлѣбнаго дерева, чаще всего приходится видѣть на Гавайскихъ островахъ. Въ Сѣверной Америкѣ большія каменныя ступки употребляются для толченія табачныхъ листьевъ, маленькія—для растиранія красокъ.

Что же собственно составляетъ обычную внутреннюю обстановку жилища первобытнаго человѣка? Мы видимъ тамъ оружіе, охотничьи и рыболовные снаряды, разнаго рода запасы, иногда складъ топлива и нерѣдко изображеніе предковъ, которые въ качествѣ деревянныхъ каріатидъ поддерживаютъ крышу жилища или же въ видѣ оскаленныхъ череповъ, сами лично присутствуютъ среди своихъ потомковъ. Повсюду подтверждается при этомъ то, что обстановка жилища бродячихъ племенъ и кочевниковъ проще и удобоподвижнѣе, нежели у осѣдлыхъ жителей. Эти послѣдніе свои сокровища иногда реализируютъ въ очень тяжеловѣсныхъ вещахъ, каковы, напримѣръ, каменные монолиты у каролинскихъ островитянъ и бронзовые, пушечные стволы у малайцевъ.

---

5. Украшенія и костюмъ.

Тѣло человѣка — это первая маленькая область, созданная изъ веществъ нашей земли, которая въ дѣйствительности управляется внутренней творческой волей и только повидимому или, отчасти, сознаніемъ. Да, только отчасти, потому что всякій впервые созданный трудами рукъ инструментъ своимъ возникновеніемъ больше обязанъ руководству бодрствующаго разума, чѣмъ дѣятельности сердца и другихъ внутреннихъ частей тѣла. Сами по себѣ мы гораздо меньше знаемъ свое тѣло, нежели многія насъ окружающія вещи, которыя мы измѣняемъ, разрушаемъ, снова возстановляемъ и, такимъ образомъ, получаемъ возможность изслѣдовать ихъ. Изъ всего состава нашего тѣла и другихъ живыхъ созданій, мы видимъ только наружную, внѣшнюю сторону, только поверхность. Эта поверхность тѣла является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и средой, соединяющей насъ съ внѣшнимъ міромъ, чрезъ нее мы познаемъ другихъ и, въ свою очередь, эта внѣшность наша въ своемъ своеобразіи, даетъ возможность живущимъ съ нами познавать насъ и отличать насъ отъ другихъ существъ. Эта наша внѣшняя оболочка говоритъ безсловеснымъ но вразумительнымъ языкомъ; она не только, какъ вѣрный стражъ, защищаетъ границы ввѣренной ей области, но и установляетъ обмѣнъ сношеній между нами и тѣмъ, что внѣ насъ. Человѣческое сознаніе, безпрерывно стремящееся къ завоеванію внѣшняго міра и старающееся, сообразно съ растущими запросами, передѣлывать окружающее, конечно, не могло поверхность своего тѣла, ближайшую область, подчиненную вліянію человѣка, оставить безъ измѣненія и воздѣйствія. И мы имѣемъ возможность здѣсь впервые и вполнѣ доказать, что вмѣсто видоизмѣненій тѣла и приспособленія его къ внѣшнимъ условіямъ, что мы замѣчаемъ постоянно въ мірѣ животныхъ, выступаетъ на сцену власть человѣка надъ природой. У животныхъ разнообразнѣйшіе виды окраски и новые внѣшніе придатки—разноцвѣтныя перья и окраска шерсти, гребни, наросты и бугорки—служатъ признаками породы или пола,

возбуждающими взаимное половое влеченіе, или же имѣютъ значеніе для самообороны и устрашенія враговъ. Что же касается человѣка, то его физическая природа способна къ подобнымъ измѣненіямъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій или внутреннихъ силъ организма, лишь въ крайне слабой степени. Послѣ новѣйшихъ крупныхъ варіацій въ цвѣтѣ волосъ и кожи, закончившихся, по всей вѣроятности, въ теченіе ледниковаго періода, онъ до сихъ поръ въ существенныхъ признакахъ своихъ нисколько не измѣнился. Во всѣхъ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, въ выработкѣ улучшенныхъ способовъ борьбы съ холодомъ и защиты отъ враговъ онъ черпалъ свои средства изъ матеріаловъ внѣшняго міра и, по своему желанію, то прилагалъ ихъ къ дѣлу, то отбрасывалъ въ сторону. Такимъ путемъ возникли одежда и украшенія тѣла; оба эти разряда предметовъ мы обозначимъ однимъ терминомъ костюмъ (Tracht).

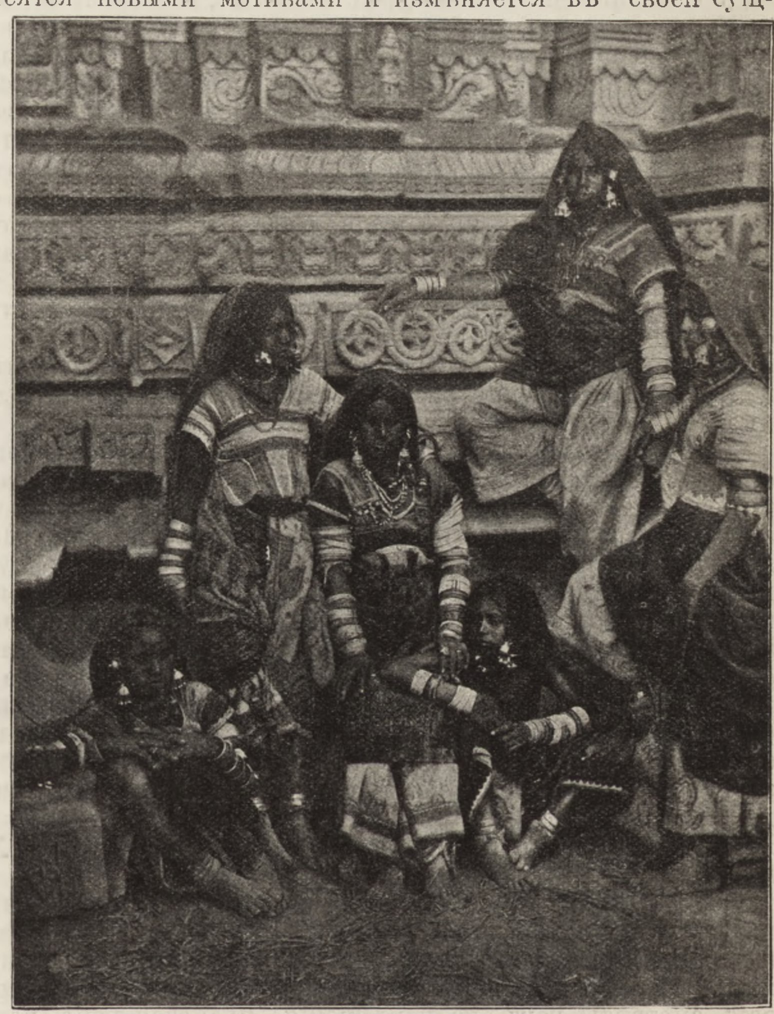
Въ этомъ широкомъ смыслѣ пониманія слова костюмъ нельзя считать его только защитной оболочкой и всѣ иныя его свойства и цѣли признавать только позднѣйшими добавленіями. Стоитъ только бросить взглядъ на многочисленныя тропическія первобытныя племена, костюмировка которыхъ часто пестра и разнообразна, но въ ней очень мало или совсѣмъ нѣтъ никакихъ приспособленій для защиты кожи, что и составляетъ собственно одежду въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но и у культурныхъ народовъ, несмотря на преобладаніе въ костюмѣ одежды, онъ такъ чутко отзывается на всѣ измѣненія и новшества, вносимыя развитіемъ жизни, что основная задача, защита тѣла отъ непогоды, является второстепенной и выполняется недостаточно и неудобнымъ образомъ.

Наружный видъ человѣка говоритъ намъ очень яснымъ языкомъ — стоитъ только сумѣть его понять. По нему мы можемъ узнать, молодъ человѣкъ или старъ, слабъ или силенъ, къ какому полу данный субъектъ принадлежитъ, негръ ли онъ, индѣецъ или европеецъ? Если по выраженію лица мы можемъ дѣлать заключеніе объ умѣ и характерѣ человѣка, то понятно, что и костюмъ, какъ дополненіе и преобразованіе внѣшности человѣка, также пытается сказать намъ что-либо подобнымъ языкомъ, большая часть котораго находится подъ властью человѣческаго сознанія. Въ костюмѣ также отражаются различія возраста и пола и рядомъ съ этимъ, иногда согласно намѣреніямъ хозяина, иногда непреднамѣренно, обнаруживаются особенности національныя, общественнаго положенія, богатства и образа мыслей. Есть крикливые костюмы и ничего не говорящіе, бываютъ лживые костюмы, точно такъ же, какъ и лживыя рѣчи.

Итакъ, костюмъ—только лишь довершаемое человѣкомъ развитіе зачатковъ, имѣющихся въ животномъ мірѣ, т. е., той пестрой массы половыхъ и видовыхъ признаковъ, которые такъ обильны среди такихъ подвижныхъ созданій, какъ птицы и насѣкомыя. Въ этихъ признакахъ одновременно выражается и своеобразіе данныхъ видовъ, и ихъ принадлежность къ извѣстной группѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, индивидуальныя отличія. Относительно сознательнаго стремленія человѣка къ подобной цѣли можно сказать, что оно обусловлено всѣмъ ходомъ его исторіи развитія. Липпертъ пишетъ по этому поводу слѣдующее: „Желаніе человѣка отмѣтить свою индивидуальность побуждало человѣка измѣнять свое тѣло... Здѣсь мы видимъ внѣшнее выраженіе того, что таинственнымъ образомъ произошло внутри самого человѣка, именно, развитіе самосознанія, подъемъ мысли до выработки понятія своего я, хотя, можетъ быть, слова для выраженія этого понятія еще не существуетъ“. При этомъ, между прочимъ, не слѣдуетъ забывать и того, что рядомъ со стремленіемъ къ индивидуализаціи въ человѣкѣ жило желаніе поставить на видъ свою принадлежность къ извѣстной группѣ: офицеръ, въ первый разъ надѣвшій форму, студентъ, прогуливающійся въ шапкѣ и лентѣ своей корпораціи, почерпаютъ сознаніе своего величія не только изъ увѣренности въ своихъ достоинствахъ, но и въ томъ, что они стали членами

извѣстной группы, пользующейся извѣстнымъ уваженіемъ или возбуждающей страхъ. Лица, вниманіе которыхъ они стараются, прежде всего, привлечь на себя, конечно, особы другого пола.

Вообще, конечно, происхожденіе украшеній нельзя объяснить предсуществованіемъ какой-нибудь ясно обдуманной цѣли; здѣсь идетъ рѣчь о проявленіи примитивнаго стремленія, которое у человѣка, какъ и всѣ его побужденія, только мало-по-малу подпадаетъ подъ контроль сознанія, подкрѣпляется новыми мотивами и измѣняется въ своей сущности. При всемъ этомъ стремленіе всегда сохраняетъ свою мощь въ видѣ смутнаго желанія обнаружить свою внутреннюю жизнь во внѣшнемъ мірѣ, быть чѣмъ-нибудь и имѣть значеніе среди другихъ. Это составляетъ корень всѣхъ попытокъ къ украшенію, поскольку онѣ относятся къ тѣлу самого человѣка. Одежда слѣдуетъ другимъ законамъ, къ которымъ мы еще вернемся.

Танцовщицы южной Индіи, Мадрасъ. По фотографіи.

Для упрощенія обзора разнообразныхъ видовъ украшеній рекомендуютъ распредѣлять ихъ по способу ихъ производства или по матеріалу, изъ котораго они сдѣланы, или же по частямъ тѣла, для которыхъ они предназначаются. Однако же прежде всего необходимъ обзоръ по мотивамъ, вызывающимъ созданіе того или другого украшенія. Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ уже о томъ, что воспринято и отчасти уже разъяснено сознаніемъ, и о новыхъ мотивахъ основныхъ стремленій, то намъ приходится встрѣчаться со стимулами вторичными. Основной дѣйствующей причиной остается и здѣсь присущее всякому живому существу безсознательное стремленіе къ самоопредѣленію, которое выражается во внѣшнемъ обликѣ растеній и животныхъ; но это стремленіе, такъ какъ у насъ рѣчь идетъ не о коренныхъ источникахъ жизни, мы должны уже принять, какъ нѣчто данное. Оно при способствующихъ тому условіяхъ, можетъ у человѣка, какъ и у животныхъ, подвергаться вырожденію

Подобно тому, какъ у домашнихъ животныхъ, для которыхъ борьба за существованіе значительно облегчена, большая обезпеченность и сбереженіе силъ выражается въ наклонности къ значительнымъ варіаціямъ въ тѣлесной структурѣ, такъ и у людей, свободныхъ отъ тягостей физической и умственной борьбы за существованіе, страсть къ украшеніямъ легко побѣждаетъ стремленія къ иной дѣятельности и создаетъ такія безумныя моды, которыя по своей причудливости. не по внѣшности только, могутъ быть сравниваемы съ тѣми уродливостями, какія встрѣчаются среди искусственно выведенныхъ расъ домашнихъ голубей и собакъ. Разумъ въ подобныхъ вопросахъ рѣшительно не причемъ. Дама изъ общества, отправляющаяся со своими безчисленными туалетами на морскія купанья и не менѣе полусутокъ проводящая передъ зеркаломъ, пшютъ, жадно хватающійся за всякую модную глупость, ежедневно ведущій переговоры со своимъ портнымъ, негритянскій царекъ, навьючивающей на себѣ цѣлыя массы украшеній, не скупящійся на время для оборудованія своей куафюры и не имѣющій понятія ни о какой работѣ — всѣ они мученики страсти наряжаться. Если-бъ они по счастливой случайности оказались людьми не глупыми, и имъ задали вопросъ, почему они живутъ такимъ образомъ, они не сумѣли бы дать настоящаго отвѣта. Они поступаютъ такъ не въ силу сознательнаго мотива, но ради смутно понимаемой цѣли, и цѣль эта—удовлетвореніе суетности, другими словами, желаніе посредствомъ своихъ нарядовъ себя и ту группу людей, къ которой они принадлежатъ, выставить въ наилучшемъ свѣтѣ.

Это самый первобытный способъ обратить на себя вниманіе и въ этомъ смыслѣ, въ своихъ зачаткахъ, имѣетъ значеніе, какъ первое обнаруженіе человѣческаго сознанія; такъ какъ развитой человѣкъ почтетъ за лучшее рекомендовать себя своими поступками и разумнымъ словомъ, нежели надѣтыми на себя украшеніями. Если у культурныхъ народовъ преобладаніе высшихъ стремленій ограничиваетъ и замѣняетъ страсть къ украшеніямъ другими средствами, то у первобытныхъ народовъ съ этимъ борется власть общества, желающая всѣ жизненныя явленія облечь въ опредѣленныя формы, отвергающая все непривычное, а также и неограниченную страсть къ нарядамъ; сильнѣйшаго развитія своего достигаютъ подобныя страсти среди культурныхъ народовъ въ тѣхъ слояхъ общества, которые, освободившись въ достаточной мѣрѣ отъ борьбы за существованіе, не принимаютъ участія въ умственномъ культурномъ движеніи; однимъ изъ лучшихъ примѣромъ этого состоянія можетъ служить жизнь французскаго придворнаго общества въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Тотъ, кто измѣритъ глубину страсти къ нарядамъ, врядъ ли рѣшится на попытку признать ее за явленіе вторичнаго порядка и свести къ выродившимся остаткамъ какихъ-либо дѣйствій, имѣвшихъ утилитарную цѣль. Скорѣе на подобные примѣры, которые также встрѣчаются, онъ будетъ смотрѣть, какъ на исключенія, происхожденіе которыхъ весьма не трудно объяснить. Человѣкъ и безъ того склоненъ свое культурное достояніе облекать въ опредѣленныя формы и, размалевывая и украшая его, запечатлѣвать на немъ извѣстную долю своей личности. Отсюда уже недалеко до мысли все, стоящее въ болѣе тѣсномъ соприкосновеніи съ тѣломъ человѣка, превратить въ украшеніе или пользоваться такими вещами, какъ украшеніемъ. Легко можетъ статься, что обычай раскрашивать тѣло сводится къ намазыванію тѣла глиной для защиты отъ холода и укусовъ насѣкомыхъ. Карлъ фонъ-денъ-Штейненъ, въ своей глубокомысленной книгѣ объ индѣйцахъ шингу показалъ, что даже и татуировка можетъ быть вызвана практическими соображеніями. „Для того, чтобы мальчики имѣли вѣрный глазъ и твердую руку при стрѣльбѣ — пишетъ онъ — ихъ лицо и верхнюю часть руки покрывали кровавыми надрѣзами... Вся процедура—

чистый боншатизмъ[1] и на нее смотрятъ, какъ на медицинскую операцію. Ясно, что во многихъ случаяхъ примѣненіе его можетъ ослабить напряженное состояніе и облегчить воспалительный процессъ. Не менѣе ясно и то, какъ напали на открытіе этого способа. Всякій человѣкъ, укушенный насѣкомымъ, начинаетъ отъ зуда чесать и расчесываетъ до крови укушенное мѣсто, при чемъ зудъ и боль утихаютъ, и съ вытекающей кровью удаляется изъ ранки все нечистое, что туда попало. Такъ же не трудно догадаться, ради чего въ рану втираютъ сажу или глину. Не для украшенія дѣлается это, но, смотря по надобности, для того, чтобы усилить или ослабить воспалительный процессъ или унять текущую кровь. Кровь останавливаютъ также и золой. Такимъ путемъ туземцы дошли до татуировки, не изобрѣтая ее. Я часто замѣчалъ окрашенныя сажей полосы на тѣлѣ туземцевъ, то есть настоящую, хотя и непреднамѣренную татуировку, у такихъ племенъ, которыя не имѣли понятія объ этомъ искусствѣ. О случайности, впрочемъ, здѣсь не можетъ быть рѣчи, такъ какъ царапаніе тѣла съ лѣчебною цѣлью повело за собой второстепенное открытіе, а именно, окрашиваніе тѣла. Цѣлесообразное примѣненіе окрашиванія является уже результатомъ болѣе позднихъ соображеній".

Точно также украшенія искусственными бородавками могло произойти отъ обычая пускать кровь; другіе виды украшенія могутъ вести свое происхожденіе отъ боевыхъ шрамовъ, полученныхъ на войнѣ, которые, какъ трофеи, служатъ предметомъ гордости и вызываютъ подражанія. Для удовлетворенія страсти къ украшеніямъ здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, нуженъ какой-либо поводъ, дающій исходъ стремленію и становящійся отправнымъ пунктомъ новаго начиненія. Въ дальнѣйшемъ развитіи этого обычая первый толчекъ не имѣетъ большого, значенія и имъ нельзя объяснить послѣдующихъ, оригинальныхъ проявленій самого стремленія къ украшеніямъ. Необходимо снова подчеркнуть, что очень легко принять эти поводы за первообразные источники и признать ихъ основными причинами явленія, которыя въ дѣйствительности основаны на глубоко лежащихъ въ природѣ вещей законахъ. Въ дѣйствительности эти поводы сами по себѣ не болѣе какъ совершенно безразличныя обстоятельства, которыя способствуютъ выдѣленію кристалла изъ раствора, не имѣющія ничего общаго ни съ растворителемъ, ни съ самимъ кристалломъ.

Въ общемъ, какъ кажется, подобные внѣшніе поводы встрѣчаются далеко не такъ часто, и мы укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Многія индѣйскія племена Южной Америки считаютъ, что обматываніе веревкой ручныхъ и ножныхъ мускуловъ увеличиваетъ ихъ силу, то же самое обыкновеніе встрѣтилъ Гильдебрандтъ въ Африкѣ; весьма возможно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и доказуемо, превращеніе этихъ обвязокъ въ украшенія. Въ разныхъ мѣстахъ наперстныя кольца, служащія теперь почти только для обрученія, возникли изъ колецъ, употреблявшихся при натягиваніи тетивы, что мы видимъ у амурскихъ народовъ. „Кромѣ практическаго употребленія—пишетъ Шренкъ—кольцо на большомъ пальцѣ (aam) употребляется въ видѣ особаго украшенія, какъ признакъ возмужалости, указывающій на то, что владѣлецъ можетъ стрѣлять изъ лука". У гиляковъ не встрѣтишь ни одного подростка безъ такого кольца, то же самое и у другихъ пріамурскихъ народовъ. Даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ лукъ замѣняется китайскимъ, фитильнымъ ружьемъ или якутско-русской винтовкой, какъ у манегровъ и

---

[1] Въ свое время, лѣтъ сорокъ тому назадъ, этотъ способъ лѣченія, названный по имени изобрѣтателя Бондшеда, примѣнявшійся, главнымъ образомъ, противъ ревматизмовъ, невралгій и параличей, надѣлалъ много шума. Этотъ методъ лѣченія состоялъ въ томъ, что посредствомъ особой машинки производились наколы на тѣлѣ и потомъ затирались кротоновымъ масломъ, отчего возникало мѣстное воспаленіе. Теперь объ этомъ методѣ лѣченія мало слышно, почему мы и нашли нужнымъ напомнить о немъ читателю.
Ред.

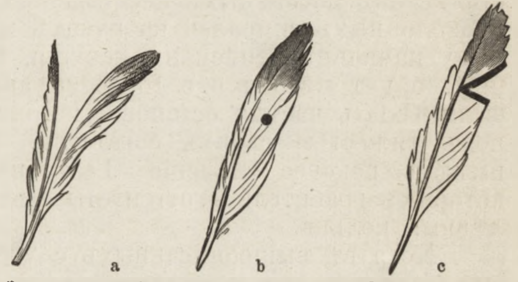
орочоновъ, все еще продолжаютъ носить кольцо на большомъ пальцѣ. Здѣсь не принимается въ разсчетъ пригодность этого кольца при дракѣ на кулачки, и оно становится только украшеніемъ.

Иногда и поясъ, служащій больше для поддержки одежды, чѣмъ въ качествѣ украшенія, предназначается для особыхъ спеціальныхъ цѣлей. По крайней мѣрѣ въ Австраліи и у южно-африканскихъ племенъ онъ служитъ часто „голоднымъ ремнемъ“: имъ туго стягиваются во время голодовокъ, чтобы угомонить протестующій желудокъ. По сообщенію Эренрейха, Ямади въ Бразиліи стягиваются туго широкимъ поясомъ изъ древесной коры, чтобы можно было сильнѣе дуть въ духовую трубку. О ножныхъ кольцахъ готтентотовъ Шпицъ думаетъ, что они первоначально употреблялись для защиты отъ укушеній змѣй. Далѣе слѣдуетъ упомянуть, что черненіе зубовъ въ Меланезійскомъ архипелагѣ и пограничныхъ областяхъ служило въ началѣ только предохранительнымъ средствомъ для зубовъ при жеваніи бетеля. Такимъ образомъ можно сопоставить массу мелкихъ случаевъ, которымъ противопоставляются многіе другіе, гдѣ украшенія и одежда служатъ для второстепенныхъ, утилитарныхъ цѣлей, въ особенности, для сохраненія драгоцѣнностей при ношеніи ихъ на платьѣ; Ради украшенія проколотое ухо можетъ также употребляться въ качествѣ кошелька, какъ и поясъ или браслетъ. Вообще же границы между украшеніемъ, съ одной стороны, и оружіемъ, съ другой, очень неопредѣленны и колеблются то въ ту, то въ другую сторону.

Между первыми практическими поводами къ украшенію тѣла слѣдуетъ строго выдѣлять постоянные мотивы, которые изъ безсознательныхъ побужденій переходятъ въ сознательныя цѣли. При этомъ или ясно выставляется сущность основного побужденія, или же установляются, вмѣсто старой, новыя причины явленія, которыя при этомъ подвигаютъ впередъ и преобразуютъ коренныя стремленія. Это происходитъ необходимо изъ того, что костюмъ прежде всего даетъ знать себя, какъ отличительный признакъ; затѣмъ онъ уже сознательно измѣняется и преобразуется для этой цѣли и прежде всего является отличительной примѣтой какой-либо общественной группы. Только о высококультурныхъ народахъ, которые общимъ имъ всѣмъ костюмомъ въ своей массѣ противополагаются остальнымъ, можно сказать, что у нихъ уже нѣтъ въ дѣйствительности собственныхъ національныхъ костюмовъ или лишь остатка ихъ. Всѣ же низко стоящіе народы стараются характеризовать свою индивидуальность при помощи причесокъ, татуировки, украшеній и одежды. Конечно, не одинъ только костюмъ служитъ для этой цѣли, такъ какъ и на оружіи, и на всемъ культурномъ достояніи народа отражается духъ народа; но все-таки человѣкъ всего тѣснѣе связанъ со своимъ костюмомъ. Громадное преимущество костюма передъ самородной одеждой животныхъ заключается въ томъ, что онъ можетъ измѣняться и, благодаря этому, соображаться со всякимъ шагомъ впередъ, съ метаморфозами человѣческаго духа и перемѣнами въ обществѣ. Но это преимущество не сознается мало культурными племенами, хотя, съ развитіемъ общественности и они начинаютъ цѣнить это свойство костюма. Только совершенно отсталыя группы человѣчества любятъ измѣнять самое тѣло свое и уродовать его, выцарапывая племенныя отмѣтки на кожѣ, прокалывая губы, носы, уши и деформируя дѣтскіе черепа. У культурныхъ же народовъ отъ всѣхъ этихъ привычекъ сохранились только самые слабые слѣды.

Съ отличительными знаками племени перемѣшиваются и перекрещиваются знаки принадлежности къ извѣстному рангу. Племенные знаки прямо обращаются въ сословные тамъ, гдѣ воинственный народъ господствуетъ надъ покореннымъ или гдѣ рабы даннаго народа набираются изъ другого племени. Кромѣ того здѣсь выступаетъ и коренное стремленіе къ индивидуализаціи самостоятельнымъ путемъ и опредѣляетъ извѣстные виды костюмовъ исключительною принадлежностью могуществен-

нѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ членовъ племени, воспрещая массѣ народа пользоваться тѣмъ, что предназначено только для привилегированныхъ лицъ. У овамба, въ области Габунъ, дозволяется татуироваться только лицамъ, отличившимися своею храбростью или снискавшимъ своимъ богатствомъ право на такую честь. По Рейхарту, у нихъ шкуры львовъ и пантеръ могли носить только знатные люди, а на нижнемъ Конго запрещено было невольникамъ носить шелкъ и украшенія изъ коралловъ. У культурныхъ народовъ исконное дѣленіе племени на роды и кланы мало-по-малу вытѣснилось сословнымъ дѣленіемъ. Костюмъ въ качествѣ отличительнаго признака сословія или класса достигъ громаднаго значенія въ средѣ чиновничьей іерархіи, которая въ Китаѣ и въ Европѣ очень ревниво относится къ внѣшнимъ знакамъ своего положенія и своихъ заслугъ. Гдѣ какая-нибудь группа въ обществѣ, какъ у насъ духовенство, предъявляетъ требованія на особо почтительное отношеніе къ себѣ, тамъ она немедленно подчеркиваетъ свои претензіи особымъ костюмомъ. Въ военномъ сословіи превращеніе безсознательнаго стремленія въ разумно-цѣлесообразную систему можно считать почти законченнымъ. Конечно, блестящая форма стремится вмѣстѣ съ тѣмъ и поднять мнѣніе носящаго ее о самомъ себѣ; но главная цѣль здѣсь— имѣть возможность съ перваго взгляда опредѣлить, въ какой части войскъ и въ какихъ чинахъ состоитъ данный индивидъ. Такимъ образомъ, эти примѣты являются весьма полезнымъ средствомъ для поддержанія порядка и дисциплины.

Знаки отличія у племени дакота, Сѣв. Америка a) много разъ былъ раненъ; b) убилъ одного врага: c) одному врагу перерѣзалъ горло и снялъ скальпъ. По Маллеру. См. текстъ, стр. 389.

Сословныя различія въ большинствѣ случаевъ совпадаютъ съ имущественными; тамъ же, гдѣ такого совпаденія нѣтъ, богатые образуютъ особую группу и, въ большинствѣ случаевъ, сохраняютъ возможность затмить другихъ роскошью своихъ украшеній. Здѣсь опять-таки—господствуетъ желаніе выдвинуть впередъ свою особу, потому что богачи въ рѣдкихъ случаяхъ образуютъ изъ себя настолько строго дисциплинированную организацію, чтобы была возможность ввести для всѣхъ однообразный костюмъ. Чаще между отдѣльными богатыми лицами мы видимъ стремленіе перещеголять другъ друга, которое на низшихъ ступеняхъ развитія старается побить конкуррента многочисленностью, на высшихъ—достоинствомъ своихъ украшеній. Богатый у примитивныхъ народовъ не рѣшается промѣнять національнаго костюма на чужой, онъ только пышнѣе разукраситъ его. И у насъ нравы народа налагаютъ осужденіе за выходящія изъ предѣловъ разумнаго фантастическія одѣянія, и это не разъ уже, къ своему вреду, испытывали изобрѣтатели парадоксальныхъ модъ; чисто фантастическій костюмъ производитъ впечатлѣніе чего то лживаго и необузданнаго, что можетъ нравиться въ маскарадѣ, но не въ обыденной жизни.

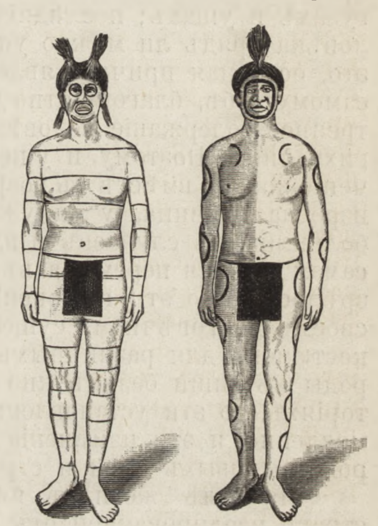
Въ другомъ мѣстѣ мы показали уже, что украшенія служили первой вывѣской богатства, было также указано, какъ изъ украшеній развились деньги. Все это было бы невозможно, если-бъ личная высокая оцѣнка украшеній владѣльцемъ не признавалась его соплеменниками. Сужденіе близкихъ—необходимый постулатъ. Если мы только желаемъ, чтобы костюмъ имѣлъ какой-либо смыслъ, если мы принимаемъ костюмъ за своего рода рѣчь, которая обращена къ окружающему, то говорящій безусловно разсчитываетъ на то, что другіе его поймутъ и, съ своей стороны, поддержатъ его.

Обычай овеществлять свое достояніе въ видѣ украшеній сохраняется долгое время и при прогрессивной культурѣ, и изъ этого, среди малоразвитыхъ народовъ, возникаетъ рядъ курьезныхъ явленій: негръ, главное богатство котораго заключается въ желѣзѣ и мѣди, долженъ таскать его съ собой, подобно индускѣ, которая свое богатство, состоящее въ серебряныхъ украшеніяхъ (см. изобр, на стр. 383), навьючиваетъ на себя, или мавританскому купцу, превращающему свои сбереженія въ кольца съ драгоцѣнными каменьями и носящему свое богатство на пальцахъ. Считая превращеніе своего достоянія въ украшенія и ношеніе ихъ на себѣ за лучшій способъ сохраненія ихъ, владѣльцы сознательно и добровольно обрекаютъ себя на цѣлый рядъ крупныхъ неудобствъ. Женщина у сомали, при бродячемъ образѣ жизни народа, должна быть ежеминутно готова къ походу, и она при самой напряженной работѣ, не снимаетъ своихъ украшеній даже ночью; она ложится спать въ полномъ парадѣ. Въ тропической Африкѣ женщины чуть не погибаютъ подъ тяжестью своихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ украшеній, которыя къ тому же, во имя ревности не по разуму, состоятъ изъ массивныхъ неснимаемыхъ шейныхъ колецъ или изъ плотныхъ проволочныхъ спиралей на рукахъ и ногахъ. Дельмаръ Морганъ видѣлъ жену начальника племени вавунія, которая несла на себѣ латунный шейный обручъ вѣсомъ отъ 16 до 20 англійскихъ фунтовъ. Она вынуждена была дѣлать частыя остановки и ложиться на отдыхъ, что-бы не сломиться подъ тяжестью своихъ богатствъ. Въ военное время такія украшенія имѣютъ роковое значеніе. Гальтонъ видѣлъ двухъ женщинъ гереро, у которыхъ грабители—готтентоты отрубили ноги, чтобы снять съ нихъ желѣзныя кольца.

Хотя въ вышеописанныхъ случаяхъ украшенія являются воплощеніемъ богатства, они все-таки не теряютъ своего главнаго назначенія служить признакомъ данной личности и поднимать ея значеніе въ обществѣ. Въ послѣднемъ смыслѣ украшенія соприкасаются съ другой, особенной группой отличій—военными и охотничьими трофеями, которые также часто считаются цѣнными вещами, хотя и безъ этого прибавочнаго значенія они окружаютъ ореоломъ славы личность владѣльца. Къ категоріи трофеевъ принадлежатъ ожерелья изъ зубовъ человѣка и хищныхъ животныхъ, клювовъ и когтей хищныхъ птицъ, а также и любая принадлежность костюма, сдѣланная изъ шкуры опаснаго животнаго. Всякое украшеніе, взятое у непріятеля, считается тоже трофеемъ. Часто изъ такихъ трофеевъ развиваются настоящіе знаки достоинства, которые понятны для всякаго свѣдущаго человѣка, и ни одинъ изъ непризнанныхъ не имѣетъ права носить ихъ. У сомали страусово перо на головѣ воина указываетъ, что владѣлецъ его сумѣлъ нанести смертельный ударъ врагу; у донкали къ этому присоединяются браслетъ изъ слоновой кости, палочка изъ слоновой кости въ ухѣ и щитъ, украшенный бѣлыми конскими волосами. Бѣлыя перья, бѣлая кость, бѣлый волосъ, бѣлый цвѣтъ повсюду заставляетъ подозрѣвать, что тутъ замѣшаны мистическія соображенія, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ часто сталкиваются между собою различныя представленія и дополняютъ другъ друга. Повсюду такіе воинскіе знаки отличія составляютъ предметъ честолюбія. У нага-анамитовъ воинъ, убившій врага, надѣваетъ на шею ожерелье изъ раковинъ каури и украшаетъ ихъ пучками волосъ съ головы убитаго; послѣ нѣсколькихъ такихъ подвиговъ онъ пріобрѣтаетъ право носить составленное изъ тѣхъ же матеріаловъ большое нагрудное украшеніе; въ меланезійскихъ и индонезійскихъ областяхъ, тамъ, гдѣ практикуется охота за черепами, также въ большомъ ходу такіе символы геройскихъ подвиговъ сомнительнаго качества. У разныхъ сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ, напримѣръ, у дакота, существуетъ цѣлая система знаковъ отличія, состоящихъ, по большей части, изъ окрашенныхъ въ разные цвѣта и подрѣзанныхъ различнымъ образомъ перьевъ; эти ме-

лочи должны указывать на отдѣльныя подробности каждаго изъ подвиговъ. Одинъ взглядъ на перо опредѣляетъ уже, застрѣлилъ ли герой непріятеля или другимъ способомъ отправилъ его на тотъ свѣтъ; видно также, былъ ли герой самъ раненъ, участвовалъ ли онъ въ убійствѣ съ другими, убилъ ли онъ воина, женщину или ребенка (см. изобр. на стр. 387). Рядомъ съ этимъ существуетъ обычай носить на поясѣ скальпъ, снятый съ головы врага, какъ несомнѣнное свидѣтельство совершеннаго подвига. Другіе знаки удачно выполненныхъ предпріятій отмѣчаются на тѣлѣ или на воинскомъ плащѣ и часто состоятъ изъ воспроизведенія въ картинѣ совершившагося событія и потому уже переходятъ въ другую область дѣятельности человѣка.

Кромѣ трофеевъ у индѣйцевъ имѣются символы неудачныхъ дѣяній и другіе, указывающіе на смерть сородича. Эти вещи составляютъ уже переходъ къ особому отдѣлу костюмовъ, которые обозначаютъ собою радостное или печальное настроеніе данной минуты. Вообще яркіе, новые и дорогіе костюмы отличаютъ радостное состояніе, а противоположные — горесть и отчаяніе. При возникновеніи траурныхъ костюмовъ, конечно могли дѣйствовать различныя вліянія второстепеннаго характера; но главнымъ мотивомъ всегда служило желаніе согласовать свою внѣшность съ господствующимъ въ данную минуту душевнымъ настроеніемъ; нельзя, повидимому, сомнѣватся въ томъ, что страхъ передъ мщеніемъ покойника, завидующаго своимъ разряженнымъ потомкамъ, возмущающагося недостаточно глубокимъ трауромъ, оказываетъ свое вліяніе на живущихъ, и что иногда траурная одежда служитъ для отвода глазъ покойника, не узнающаго въ необычномъ костюмѣ своихъ родственниковъ. Бѣлый и черный цвѣта костюма чаще всего употребляются для траурныхъ костюмовъ; бѣлой краской окрашиваютъ себя вдовы яунды въ Камерунской области, жители Новой Помераніи при смерти родственниковъ покрываютъ себя черной краской. Австралійскія вдовы обсыпаютъ себя бѣлой глиной, употребляемой на приготовленіе трубокъ. Противоположностью траурнымъ являются костюмы праздничные, въ которыхъ очень любятъ давать намеки на поводъ къ торжеству, а при религіозныхъ церемоніяхъ стараются выразить въ своемъ нарядѣ мистическія идеи.

Разрисовка тѣла у членовъ тайнаго союза индѣйцевъ сіа, Сѣв. Америка. См. текстъ, стр. 389 и 390.

Связь между украшеніями и мистикой очень тѣсна. Переходы отъ амулета къ украшенію и обратно составляютъ одно изъ обыкновеннѣйшихъ явленій даже и у культурныхъ народовъ. У мухамеданъ четки одно изъ любимыхъ украшеній, монеты же служатъ амулетами, какъ напримѣръ, талеры съ изображеніемъ святого Георгія у европейцевъ, индусовъ и арабовъ. Крестъ, носимый на шеѣ какъ украшеніе и какъ талисманъ извѣстенъ во всемъ христіанскомъ мірѣ. Мистическія вліянія на развитіе стремленій къ украшеніямъ легко сливаются съ другими побудительными мотивами. Сѣверо-американскій индѣецъ, татуирующій на кожѣ изображеніе своего тотема, стремится при этомъ обезпечить себѣ защиту могущественнаго существа и въ то же время ясно указать на свою принадлежность къ данной родовой группѣ; татуировка, стало быть, не простое украшеніе, а вмѣстѣ съ этимъ талисманъ и родовой знакъ. Тайныя общества любятъ свою принадлежность къ извѣстному рангу отмѣчать въ своей средѣ особыми знаками, а также изображать мистическія идеи въ рисункахъ (см. изобр.

стр. 389). Расписываніе воина, идущаго на врага, иногда, какъ напримѣръ, въ Новой Помераніи, считается предохранительнымъ средствомъ отъ пораненій. Между безчисленными видами амулетовъ многіе служатъ украшеніями, и точно также многія украшенія превращаются въ амулеты. Служа для защиты, эти мистическія принадлежности костюма въ то же время образуютъ переходъ къ оборонительному оружію, конечно, сверхестественному, но поэтому болѣе дѣйствительному и наиболѣе надежному для защиты тѣла.

Въ большинствѣ второстепенныхъ причинъ, вліяющихъ на костюмъ, лежитъ стремленіе къ косности; племенной знакъ, трофей и надежный амулетъ врядъ ли кто съ легкимъ сердцемъ промѣняетъ на какое-нибудь украшеніе. И въ дѣйствительности многія украшенія первобытныхъ народовъ крайне тѣсно связаны съ тѣломъ человѣка, напр., татуировка, вставки въ губахъ и ушахъ; послѣднія хотя и можно вынуть; но слѣды ихъ на тѣло человѣка врядъ ли можно уничтожить (см. изобр. на стр. 391). Несмотря на это, основная причина явленія, первоначальное стремленіе придать значеніе самому себѣ, благопріятно для измѣнчивости, коль скоро измѣняется внутреннее содержаніе человѣка, его сущность или его положеніе среди другихъ лицъ. Поэтому, и у первобытныхъ народовъ костюмъ измѣняется въ теченіе жизни вмѣстѣ съ возрастомъ: малолѣтняя дѣвочка одѣта иначе, чѣмъ взрослая дѣвица, у замужней женщины также особенный костюмъ; въ большинствѣ случаевъ и вдовій костюмъ имѣетъ свои отличія, а у мужчинъ самая важная перемѣна въ костюмѣ связывается съ наступленіемъ половой зрѣлости. Но эти измѣненія строго установлены, такъ какъ общество при своемъ долговѣчномъ существованіи имѣетъ возможность выработать серію костюмовъ для различныхъ возрастовъ своихъ членовъ. Если бы всѣ народы въ тиши безмятежно прозябали на своихъ наслѣдственныхъ территоріяхъ, то эти установленные костюмы могли бы измѣняться только крайне медленно, и эти измѣненія указывали бы на зарожденіе внутри этихъ народовъ новыхъ идей и стремленій.

На дѣлѣ же нѣтъ ни одной группы въ человѣчествѣ, настолько строго изолированной отъ соприкосновеній съ другими народами, чтобы тишь и гладь ея уравновѣшеннаго бытія не нарушалась — внезапнымъ, временнымъ, длительнымъ или повторнымъ вмѣшательствомъ чужихъ людей. Дѣло въ томъ, что на жизнь народовъ при появленіи иноземцевъ наиболѣе сильное вліяніе оказываютъ чаще не самыя глубокія, но самыя яркія впечатлѣнія. Если же часть духовнаго достоянія одного народа передается другому, то и внѣшняя сторона жизни пришельцевъ отчасти должна возбуждать подражаніе въ старожилахъ, а при подобныхъ обстоятельствахъ можетъ полностью или отчасти перениматься и новый костюмъ. Тамъ, гдѣ чужеземное вліяніе крайне сильно, гдѣ, другими словами, умственное превосходство пришельцевъ покоряетъ себѣ туземцевъ, тамъ и старый костюмъ поддавшагося чуждому умственному вліянію населенія вытѣсняется костюмомъ пришельцевъ. Это особенно рѣзко обнаруживается при столкновеніяхъ мало культурныхъ расъ съ европейцами. Тамъ вліяніе новыхъ костюмовъ прежде всего распространяется на классы общества, наиболѣе затронутые европейской культурой. Въ Японіи, которая въ теченіи нѣкотораго времени ревностно слѣдовала европейскимъ образцамъ, къ европейскому костюму обратились прежде всего образованные и знатные люди, что же касается до массы народа, то въ ней европейское платье и до сихъ поръ еще не получило правъ гражданства.

Нѣтъ необходимости въ значительномъ превосходствѣ одного народа надъ другимъ для того, чтобы вызвать подражаніе одного другому. Сосѣди древнихъ германцевъ невры и тревиры считали себя сородичами первыхъ и любили въ костюмѣ своемъ подражать этимъ грознымъ воинамъ; точно также воинственнымъ племенамъ Африки, массаямъ и

кафрамъ начали подражать другіе въ костюмѣ и вооруженіи. Но дѣло пошло дальше, и смирные земледѣльцы въ новомъ костюмѣ сами превратились въ зулусовъ, принялись за разбойничьи набѣги и, благодаря маскараду, получаютъ не мало добычи, какъ и заправскіе воины.

При принятіи новаго костюма, болѣе полнаго, который вводится благодаря практическимъ преимуществамъ, ради лучшей защиты тѣла, переходъ отъ стараго къ новому облегчается нерѣдко тѣмъ, что старое одѣяніе носится подъ новымъ. Іостъ наблюдалъ это у негритянокъ Суринама, другіе наблюдатели сообщаютъ то же самое объ обитателяхъ Каролинскихъ острововъ. Въ Египтѣ консервативное сословіе жрецовъ носило подъ роскошной одеждой архаическій поясъ стыдливости. Иногда знатныя лица народа, изъ тонкаго пониманія своего достоинства не считаютъ удобнымъ весь свой старый костюмъ замѣнить новымъ. Въ Африкѣ, гдѣ не мало найдется приверженцевъ этого похвальнаго образа мыслей, очень часто встрѣчаются среди начальниковъ племени настоящія вороны въ павлиньихъ перьяхъ. Между народами Европы національный костюмъ отчасти удержался въ форменной одеждѣ военныхъ и на дѣлѣ здѣсь слабая сторона дѣлаетъ попытки сохранить хоть частицу своего своеобразнаго костюма въ солдатской формѣ. Хотя въ Германіи образцомъ для военной формы была военная прусская экипировка и характерная каска съ шишакомъ вызвала подражаніе и въ иныхъ земляхъ, въ Швеціи, Испаніи и Португаліи, но баварцы еще довольно долго придерживались своего традиціоннаго шлема и другихъ особенностей. Вюртемберженецъ любуется на свой двубортный мундиръ, саксонецъ можетъ радоваться, глядя на ухарскіе кивера и зеленые мундиры своихъ артиллеристовъ. Уланскіе и гусарскіе мундиры напоминаютъ намъ о болѣе далекихъ временахъ и странахъ. Людей, носившихъ такіе костюмы, давно ужъ нѣтъ, въ старину ихъ вербовали въ Венгріи и Польшѣ[1].

Ухо съ серьгой, Восточ. Борнео. По Лингъ Роту. См. текстъ, стр. 390 и 397.

Вопреки всѣмъ консервативнымъ стремленіямъ, которыя особенно сильны тамъ, гдѣ сознательно воспитывается предпочтеніе ко всему своему народному и оригинальному, никакой народный костюмъ долго не можитъ оставаться безъ измѣненія, и всѣ попытки къ сохранеію его носятъ на себѣ печать чего-то искусственнаго. На самомъ дѣлѣ всѣ, такъ называемые, стародавніе костюмы различныхъ мѣстностей культурныхъ странъ, какъ напримѣръ, Германіи, далеко не могутъ претендовать на глубокую древность. Если мы костюмы обитателей Шпревальда отнесемъ къ эпохѣ реформаціи, которая въ послѣдній разъ основательно встряхнула умственную жизнь въ этомъ медвѣжьемъ углу, то это будетъ уже слишкомъ много. Объ оригинальномъ альтенбургскомъ нарядѣ, кототорый по виду, какъ будто бы сохранился съ незапамятныхъ временъ, на самомъ дѣлѣ, какъ это доказалъ М. Гейеръ, не старше 1800 года. Онъ сформировался послѣ того, какъ въ теченіе XVIII вѣка произошелъ послѣдній радикальный переворотъ въ костюмахъ. Господствующее въ настоящее время движеніе сохранить народный костюмъ объясняется ритмическими колебаніями въ развитіи культуры: когда маятникъ отклонится въ сторону космополитизма—народный костюмъ начинаетъ исчезать,

---

[1] Польская конфедератка и кунтушъ съ поперечными позументными полосами, несомнѣнно, восточнаго происхожденія, также и нѣкоторые русскіе кафтаны. На нѣкоторыхъ статуяхъ минской династіи мы видимъ шапки съ квадратнымъ верхомъ, а на каменныхъ изваяніяхъ въ Монголіи, впрочемъ, только сѣверозападной, мы видимъ кафтаны съ поперечными шнурами на груди. Высокая шапка съ квадратнымъ верхомъ уцѣлѣла среди качинскихъ татаръ Минусинскаго округа, Енисейской губерніи, а длинный кафтанъ съ поперечными позументными или басонными полосами носятъ до сихъ поръ въ Джунгарскомъ Алтаѣ усуни и киргизы. *Ред.*

если же, какъ напримѣръ, теперь, придаютъ большое значеніе охранительнымъ силамъ, стремящимся къ закрѣпленію особенностей мѣстныхъ группъ человѣчества, то снова съ любовью обращаются къ внѣшнимъ мѣстнымъ отличіямъ, которыя служатъ внѣшнимъ выраженіемъ создавшейся подъ вліяніемъ мѣстныхъ условіи внутренней жизни маленькой группы людей [1].

При всемъ этомъ народы европейской культуры мало-по-малу стремятся къ объединенію, которое находитъ свое выраженіе въ единообразномъ костюмѣ, передъ которымъ отличія въ костюмахъ у различныхъ общественныхъ классовъ, временно замѣняющихъ костюмы народные, не могутъ удержаться на долгое время. Все-таки возникаютъ особые костюмы горничныхъ, также и костюмы нѣкоторыхъ другихъ профессій, какъ напримѣръ, извозчичьи, посыльныхъ и т. п. Здѣсь ради практическихъ цѣлей создается своего рода форменная одежда. У прислуги нерѣдко форменной одеждой служитъ національный костюмъ, что мы видимъ въ горничныхъ изъ Даларне на улицахъ Стокгольма и на нянькахъ изъ Шпреевальда въ Берлинѣ. Въ общемъ, костюмы европейскихъ культурныхъ народовъ представляютъ нѣчто среднее между настроеніями отдѣльныхъ группъ, а такъ какъ настроенія быстро мѣняются и не всегда одна и та же группа задаетъ тонъ, то въ манерѣ одѣваться происходятъ безпрерывныя перемѣны, которыя изъ однаго центра распространяются вплоть до отдаленнѣйшихъ уголковъ культурнаго міра. Эти измѣненія моды, съ улучшеніемъ путей сообщенія, становятся всѣ быстрѣе и быстрѣе, хотя костюмъ въ существенныхъ своихъ частяхъ измѣняется вовсе не такъ быстро, какъ этого можно было бы ожидать по безпрерывнымъ метаморфозамъ въ мелочахъ: основные элементы корректнаго культурнаго костюма европейца, фракъ и цилиндръ появились уже болѣе столѣтія тому назадъ.

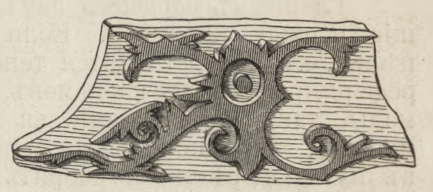
Пересмотрѣвъ костюмы за продолжительный періодъ времени, можно ясно опредѣлить духъ различныхъ историческихъ періодовъ и существенныя черты народа, законодателя модъ. Въ широкомъ свободномъ костюмѣ яркихъ цвѣтовъ нѣмецкаго ландскнехта временъ реформаціи ясно отразилось радостное настроеніе духовной свободы, которое вмѣстѣ съ костюмомъ распространилось по всей Европѣ. Послѣ этого вплоть до Людовика XIV, въ противоположность предыдущему, фанатическіе враги свободы кастильцы распространили въ Европѣ стянутыя чопорныя платья темныхъ цвѣтовъ антиреформаціонной эпохи. Съ Людовика XIV духовная гегемонія была

---

[1] Врядъ-ли достаточно полно очертилъ сущность современнаго настроенія нашъ авторъ. По его мнѣнію, наше время стремится къ поддержкѣ и обезпеченію существованія мѣстныхъ коллективныхъ индивидуальностей; но эта тенденція только и признается тѣми мелкими индивидуальностями и недостаточно сильными группами человѣчества, которымъ ежеминутно грозитъ насиліе. Пангерманизмъ, стремящійся къ міровой гегемоніи, колоніальная политика, мечты о срытіи Пекина и раздробленіи Китая, борьба нѣмцевъ съ венграми и чехами, грековъ съ болгарами, германизація Познани плохо вяжутся съ идеей о сохраненіи оригинальныхъ особенностей отдѣльныхъ группъ человѣчества. По мѣрѣ того, какъ развивается самосознаніе среди бѣднѣйшихъ слоевъ населенія въ старыхъ культурныхъ странахъ и растутъ запросы на свою долю на солнышкѣ, все болѣе и болѣе развивается стремленіе создать себѣ рабочія руки среди „низшихъ расъ“. Прежде „избытокъ“ населенія шелъ въ колоніи добывать себѣ на чужбинѣ болѣе выгодныя условія для приложенія своего труда. Теперь заводятся колоніи для помѣщенія капиталовъ. Настаютъ снова времена открытія Новаго Свѣта и жадной погони за міровымъ владычествомъ, наживой и истребленіемъ конкуррентовъ. У себя дома хранятъ всякую мелочь, но при этомъ имѣется въ виду, что все наше необыкновенно хорошо, а все чужое плохо и поэтому обнаруживаютъ то презрѣніе, то недовѣріе къ чужому костюму и обычаямъ. Пробужденіе Японіи заставило владыкъ міра прежде всего схватиться за свои карманы. Въ громадной массѣ брошюръ и статей о желтой опасности, за немногими исключеніями, нѣтъ ничего, кромѣ боязни просвѣщенія Азіи. Мысль не поднимается выше соображеній о томъ, кого лучше изничтожить — русскихъ ли, натравивъ на нихъ Китай и Японію, или японцевъ и Китай, натравивъ на нихъ русскихъ. Добросовѣстное отношеніе къ мелкимъ индивидуальностямъ возможно лишь при признаніи права каждой группы на самоопредѣленіе; но оно невозможно при стремленіи къ менторству и при дѣленіи всего человѣчества на геніальное и безтолковое. *Ред.*

обезпечена за Франціей, и Парижъ превратился въ Мекку модныхъ франтовъ. Современный костюмъ, при его простотѣ, скромныхъ краскахъ и при его рѣзко выраженномъ демократическомъ характерѣ, является созданіемъ Французской революціи съ ея девизомъ; свобода, равенство, братство; но мало-по-малу, трезвый и серьезный германскій духъ (какъ нѣмецкій, такъ и англійскій) хотя и различными путями, начинаетъ оказывать свое побѣдоносное вліяніе: здѣсь спортсменскій темпераментъ англичанъ становится лицомъ къ лицу съ нѣмецкимъ милитаризмомъ, который даже въ дамскіе костюмы вноситъ элементъ мужского, солдатскаго костюма.

У примитивныхъ народовъ тоже бываютъ перемѣны модъ, но только совершаются онѣ очень медленно, что въ достаточной мѣрѣ объясняется стойкостью татуировки и изуродованія частей тѣла. Показанія Висмана относительно обитателей южной части Конго, балуба, доказываютъ, что и въ довольно уединенныхъ уголкахъ земли татуировка не всегда остается неизмѣнной. „И татуировка"—пишетъ онъ—„не свободна отъ вліяній моды и у западныхъ балуба можно отличить три вида татуированія. У старыхъ людей преобладаютъ концентрическіе круги, точки, вертикальныя линіи и меандры. Въ возрастѣ отъ 25 до 45 лѣтъ было стремленіе украшать свою кожу искусно составленными узорами, между тѣмъ какъ юноши бена-ріамба заимствовали татуированные знаки у балуба и наносили ихъ только на лобъ. Дѣтей вообще не татуируютъ и, вѣроятно, въ скоромъ времени татуированный по настоящему балуба сдѣлается большой рѣдкостью и постепенно выведется". Гдѣ въ Африкѣ существуетъ большой ввозъ европейскихъ товаровъ, въ особенности бусъ, тамъ моды мѣняются часто за исключеніемъ только родовыхъ знаковъ. По Макдональду костюмы мѣняются у большинства племенъ южной и западной Африки черезъ каждые два года за исключеніемъ прически, которая почти не мѣняется среди всѣхъ этихъ превращеній. Въ другихъ частяхъ Африки, наоборотъ, наибольшій произволъ господствуетъ именно въ прическахъ, такъ что отдѣльная личность въ этой области можетъ дать полную волю своимъ вкусамъ.

Татуировальный штемпель сараваковъ, Сѣв. Америка. По Лингъ Роту. См. текстъ, стр. 393 и 400.

Ничто, за исключеніемъ международныхъ сношеній, такъ не способствуетъ въ Европѣ быстрой смѣнѣ модъ, какъ соціальныя различія и прежде всего контрастъ между богатствомъ и бѣдностью. На этомъ основаніи Рудольфъ Игерингъ и построилъ свою остроумную, хотя въ то же время и одностороннюю теорію моды. У высшихъ классовъ существуетъ постоянное стремленіе возвысить себя и по внѣшнему виду надъ бѣдными; но такъ какъ и представителей низшихъ классовъ народа нельзя силкомъ заставлять носить ту или иную одежду, такъ какъ костюмъ самъ по себѣ измѣняется довольно медленно, то высшіе классы вынуждены поддерживать свое превосходство мѣняя какъ можно чаще свое одѣяніе на новое, которое отъ предшествующихъ образцовъ будетъ отличаться лишь въ мелочахъ. Только человѣкъ, имѣющій возможность безпрерывно возобновлять свой гардеробъ, можетъ угоняться за капризами моды. Кто одѣтъ „по послѣдней модѣ", доказываетъ этимъ, хотя бы только самому себѣ, что онъ принадлежитъ къ лучшему обществу. Менѣе состоятельные классы слѣдуютъ примѣру богатыхъ, начинается настоящая погоня однихъ за другими и, по мѣрѣ возрастанія богатства народа, борьба становится все болѣе и болѣе жаркой, потому что и между богатыми также происходятъ тѣ же скачки съ препятствіями, гдѣ призами служатъ модныя новинки.

По счастью существуютъ и задерживающіе моменты. Эти быстрыя смѣны новинокъ ни въ какомъ случаѣ не соотвѣтствуютъ перемѣнамъ въ

настроеніи народа, не говоря уже о культурныхъ успѣхамъ внутри общества, которые достигаются гораздо медленнѣе. Благодаря этому именно лучшіе люди общества, которые обладаютъ настоящимъ пониманіемъ глубокихъ метаморфозъ въ человѣчествѣ, не находятъ для себя никакого интереса въ суетномъ пристрастіи къ новымъ моднымъ тряпкамъ. Сверхъ того далеко не всѣ богатые люди, а только часть ихъ принимаетъ участіе въ умственномъ прогрессѣ общества, и родовая аристократія, которая такъ же, какъ и умственная, не всегда щедро надѣлена земными благами, умѣетъ изысканной простотой гораздо успѣшнѣе охранить свою оригинальность, чѣмъ какіе бы то ни было рабы моднаго франтовства. Несомнѣнная заслуга этихъ задерживающихъ вліяній относительно мужского костюма заключается въ сообщеніи ему нѣкоторой устойчивости; хотя и въ этой области времена бываютъ перемѣнчивы. Конецъ XIX вѣка, столь оригинально охарактеризованный терминомъ fin de siécle, благодаря продолжительному мирному времени, снова выдвинулъ на первый планъ богатыхъ и досужихъ людей, и результатомъ этого явились быстро смѣняющіяся модныя затѣи и выдумки, доходящія до абсурда, отразившіяся также и на мужскомъ костюмѣ [1].

Главнымъ образомъ измѣненію моды поддаются украшенія и украшающіе одежду предметы. Если костюмъ измѣняется ради практическихъ цѣлей, къ чему стремятся теперь многочисленныя попытки къ созданію реформированныхъ костюмовъ, то такія новшества нельзя отнести на счетъ моды, такъ какъ вліяніе ея не идетъ далѣе эстетическихъ иллюзій. Въ музыкѣ, живописи, поэзіи можетъ быть рѣчь о модѣ, но кто иначе, какъ въ шутку, не рѣшится говорить о модныхъ пушкахъ или паровыхъ машинахъ. Эстетическое удовольствіе, доставленное самоукрашеніемъ со временемъ притупляется. Между тѣмъ наличность такого стремленія заявляетъ о себѣ, требуетъ удовлетворенія и новой пищи въ новыхъ средствахъ для украшенія. И эта потребность удовлетворяется постольку, поскольку дозволяютъ другія побочныя обстоятельства, обуздывающія силы общества, противящагося внезапнымъ перемѣнамъ, или же, что бываетъ при полнѣйшемъ усыпленіи духовной воспріимчивости и застоѣ въ развитіи,—сама потребность теряетъ свое значеніе.

Такъ какъ примитивный человѣкъ измѣняется медленнѣе, нежели культурный, то онъ и предпочитаетъ болѣе прочныя, трудно измѣнчивыя украшенія, состоящія въ измѣненіи поверхности его тѣла. Онъ, если можно такъ выразится, къ тому неизмѣнному языку, которымъ говоритъ его тѣло, добавляетъ свои собственные неразрушимые комментаріи. Самая простая попытка усовершенствовать свое тѣло, начавшаяся, конечно, съ простой забавы, а можетъ быть, здѣсь также играло роль гордое желаніе человѣка увеличить разницу между собою и животными, началась съ очищенія тѣла отъ волосъ тамъ, гдѣ они считаются излишними. Это весьма распространенное обыкновеніе, которое въ видѣ бритья общеизвѣстно и у культурныхъ народовъ. Достойная замѣчанія противоположность сказывается и здѣсь между первобытнымъ и культурнымъ человѣкомъ: первобытный человѣкъ старается уничтожить волосы на лицѣ и въ другихъ мѣстахъ, а второй только удаляетъ ихъ съ поверхности тѣла, и оставляетъ себѣ возможность, въ случаѣ, если ему захочется, снова отростить волоса. Тамъ, гдѣ существуетъ обычай очищать тѣло отъ

---

[1] Слѣдуя идеямъ нашего автора, можно замѣтить, что не одинъ внѣшній миръ, вооруженный миръ и богатство создали экстравагантныя моды. Измѣнилось и само настроеніе европейскаго общества. Реализмъ смѣнился декадентствомъ и символизмомъ, измѣнились и воззрѣнія, и нравы. Отъ позитивизма мы перепрыгнули къ Ницше, къ возрожденію идализма и мистицизма. Насколько глубоки эти перемѣны, оцѣнить еще нельзя; но нельзя и теперь объяснить ихъ однимъ только отсутствіемъ войнъ и увеличеніемъ капиталовъ. *Ред.*

волосъ, обыкновенно искореняются волосы на бородѣ и на прочихъ частяхъ тѣла, иногда на вѣкахъ и бровяхъ: но на головѣ ихъ обыкновенно сохраняютъ и орудуютъ надъ ними другими способами. Искусственное удаленiе волосъ съ тѣла облегчается тѣмъ, что у первобытныхъ народовъ вообще волосяная растительность слабо развита а волосатые народы, какъ напримѣръ айно, не имѣютъ обыкновенiя выщипывать волоса. Очень распространены особые пинцеты, для выщипыванiя волосъ, что представляетъ собою прiятное развлеченiе въ часы досуга. Съ какой заботливостью, хоть бы напримѣръ дайяки, занимаются этой дѣятельностью, можетъ дать понятiе описанiе Брукъ-Лоу: „Предразсудокъ относительно преимуществъ безволосаго лица настолько силенъ, что мнѣ никогда не удавалось видѣть морского дайака съ бородой или съ усами, хотя болѣе или менѣе внимательный наблюдатель не можетъ сомнѣваться въ томъ, что дайаки могли бы имѣть такiя же густыя бороды, какъ и малайцы... Полнѣйшее отсутствiе волосъ на лицѣ, подбородкѣ и подъ плечами могло бы ввести въ заблужденiе поверхностнаго наблюдателя и отнести такую аномалiю на счетъ природнаго недостатка, тогда какъ здѣсь мы видимъ результатъ систематическаго искорененiя волосъ. Куналъ, или ѣдкую известь, часто втираютъ въ тѣло, чтобы уничтожить жизнеспособность корней волосъ. Зеркальцо и пинцетъ для волосъ у туземца всегда подъ руками, и каждую свободную минуту онъ посвящаетъ добросовѣстному выщипыванiю отдѣльныхъ волосиковъ. При этой искоренительной работѣ нѣтъ пощады ни рѣсницамъ, ни бровямъ, такъ же какъ и у племенъ нижняго Конго, по сообщенiямъ Вардо“.

Негръ въ парикѣ—Уссога, вост. Африка. По Кольману.

Южноамериканскiе индѣйцы придаютъ большую роль выщипыванiю волосъ, то же самое у большинства племенъ Гвiаны и у племенъ, смежныхъ съ шингу, о которомъ даетъ болѣе точныя свѣдѣнiя Карлъ фонъ-денъ-Штейненъ. „Всѣ остальные волоса на тѣлѣ, кромѣ рѣсницъ и бровей, выбриваются или выщипываются при первомъ появленiи“—сообщаетъ онъ, описавъ тонзуру, часто встрѣчающуюся у бакари.—„Рѣсницы не выдергиваются сразу, какъ у юруновъ, но постепенно одна за другой удаляются у малолѣтнихъ... Я часто видѣлъ, какъ тамайяна занимался вырыванiемъ рѣдкихъ волосковъ изъ своей жиденькой бороды. Вооруженный зеркаломъ—онъ могъ отдаваться этой созерцательной работѣ съ полнымъ вниманiемъ въ теченiе многихъ часовъ; боли онъ, повидимому, не ощущалъ, а скорѣе удовольствiе прилежнаго человѣка, который любитъ свою бодрящую работу“. Объ источникѣ этого обычая ничего нельзя было разузнать; но, повидимому, онъ поддерживается цѣлымъ рядомъ второстепенныхъ мотивовъ, которые обстоятельно выясняетъ нашъ авторъ и между ними одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ желанiе имѣть совершенно гладкую кожу для раскраски.

Если выщипыванiе волосъ въ началѣ было забавой и потомъ, благодаря стремленiю къ украшенiямъ, приняло систематизированный видъ, то широко распространенный, въ особенности развившiй въ качествѣ отличительнаго пламеннoго знака обычай уродованiя зубовъ (см. изобр. на стр. 6) вѣроятно, возникъ вслѣдствiе другихъ, въ настоящее время трудноопредѣлимыхъ первоначальныхъ поводовъ. Часто встрѣчаемое заостренiе переднихъ зубовъ, можетъ быть, имѣетъ свой прототипъ въ зубахъ хищныхъ животныхъ, что становится весьма вѣроятнымъ, если допустить при этомъ влiянiе тотемиститеческихъ представленiй. Съ другой стороны, очень часто на

Малайскомъ архипелагѣ подпиливаютъ и укорачиваютъ одинъ изъ рѣзцовъ или выпиливаютъ треугольники въ среднихъ зубахъ и даже нѣкоторые зубы выбиваютъ вонъ. По большей части эти операціи производятся въ періодъ наступленія половой зрѣлости. Въ Африкѣ изуродованіе зубовъ принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ племеннымъ знакамъ и было бы крайне интересно на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, картографически распредѣлить племена по способамъ деформаціи зубовъ: нильскимъ племенамъ и многимъ восточно и средне-африканскимъ племенамъ, выбивающимъ нѣкоторые изъ зубовъ, противопологаются въ качествѣ другой крупной группы племена, заостряющія себѣ зубы, къ которымъ принадлежатъ ніамъ-ніамъ, бонго, и многія племена Конго и т. д. Основанія, которыя для объясненія какого-нибудь обычая даютъ самые первобытные народы, по большой части позднѣйшія выдумки крайне наивнаго свойства: обитатели Формозы утверждаютъ, напримѣръ, что выбиваніе переднихъ зубовъ облегчаетъ дыханіе; можетъ быть, также здѣсь вслѣдствіе привычки возникло эстетическое требованіе, но за перво причину явленія этого признать ни въ какомъ случаѣ нельзя.

Какъ кажется, одинъ изъ своеобразныхъ обычаевъ Вадаи (Суданъ) возникъ изъ чисто медицинскихъ соображеній. Нахтигалль описываетъ его такъ: „Главнѣйшее украшеніе воина составляетъ, такъ называемый, плодъ — думъ (mulga), утолщеніе кожи за ухомъ, образовавшееся вслѣдствіе частаго примѣненія сухихъ банокъ или рожковъ. По воззрѣніямъ обитателей Вадаи это служитъ признакомъ воинственности и безстрашія“.

Глубоко вкоренившаяся склонность человѣка считать все привычное хорошимъ и справедливымъ, а всякое выходящее изъ шаблона свободное проявленіе своей личности — явленіемъ противообщественнымъ и подавлять его, конечно, не могла создавать новые нравы и обычаи; но во всякомъ случаѣ при этомъ можно было нѣчто случайно возникшее принимать и сознательно поддерживать. Такимъ путемъ во многихъ случаяхъ вошло въ употребленіе деформированіе череповъ у новорожденныхъ, превратившееся потомъ въ отличительный родовой знакъ. Гдѣ дѣтей въ колыбеляхъ заставляли лежать на твердомъ изголовьѣ, гдѣ, кромѣ того, слишкомъ туго бинтовали головку ребенка или съ ранняго возраста заставляли носить тѣсныя шапки, тамъ всюду наблюдалось измѣненіе формы черепа подъ вліяніемъ давленія извнѣ. Одного такого повода бывало достаточно для многихъ народовъ, чтобы дать начало настоящей черепной пластикѣ, которая достигла удивительнаго развитія у древнихъ перуанцевъ. По изслѣдованіямъ Мортона, у нихъ существовало не менѣе четырехъ типовъ деформированныхъ череповъ. Деформація череповъ, которая въ болѣе мягкихъ формахъ стягиванія головки ребенка ночнымъ чепчикомъ и тому подобными пріемами существовала и въ Европѣ, неблагопріятнаго вліянія на духовное развитіе человѣка, повидимому, не имѣла.

Другая группа непреходящихъ деформацій тѣла человѣка соотвѣтствующая намѣренію прочнѣе связать украшенія съ самимъ тѣломъ, въ виду практической ея цѣли, имѣетъ только косвенное отношеніе къ стремленію человѣка охарактеризовать себя внѣшними признаками. Выдающіяся мясистыя и хрящеватыя части головы — уши, носъ и губы предпочтительно передъ всѣми другими подвергаются прободенію для вставокъ разныхъ предметовъ въ отверстія и привѣшиванія разныхъ украшеній. Самыя грубыя обезображенія встрѣчаются тамъ, гдѣ въ губы вставляютъ длинные колышки и диски (см. изобр. стр. 66 верх.). Въ юго-восточной Африкѣ губная вставка называется пелеле и у однихъ племенъ вставляется въ верхнюю, а у другихъ и въ обѣ губы. Лидеръ пишетъ, что „эти пелеле состоятъ изъ плоскихъ, круглыхъ, деревянныхъ, разукрашенныхъ дисковъ, плотно вдавленныхъ въ отверстіе верхней губы. Размѣры втискиваемыхъ въ губу

дисковъ постепенно увеличиваются, благодаря чему отверстіе достигаетъ необыкновенной величины, и лицо искажается самымъ отвратительнѣйшимъ образомъ. Старыя женщины, у которыхъ мускулы лица уже ослабли и не могутъ поддерживать губу съ дискомъ въ горизонтальномъ положеніи, вставка эта напоминаетъ собою замокъ, привѣшенный ко рту. При разговорѣ это губное украшеніе то поднимается, то опускается, что конечно не придаетъ рѣчи особой внятности." — Гдѣ, какъ у ботокудовъ южной бразиліи, въ нижнюю губу вставляется колышекъ, ослабленіе нижней губы наступаетъ скорѣе и въ болѣе значительной степени, а постоянно открытый ротъ пагубнымъ образомъ дѣйствуетъ на зубы. У эскимосовъ губныя вставки носятъ только мужчины, у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, только женщины, и для нихъ это украшеніе служитъ аттестатомъ половой зрѣлости, а размѣры вставокъ указываютъ на болѣе или менѣе высокое положеніе ея въ обществѣ и возрастъ. — „Съ каждымъ годомъ" — пишетъ по этому поводу Ниблокъ — „размѣръ губной вставки увеличивается, отчего въ преклонномъ возрастѣ губа отвѣшивается внизъ и оставляетъ на виду почернѣвшіе и искрошенные зубы. Для европейцевъ — это отвратительное зрѣлище, для туземцевъ красота, знакъ достоинства, половой зрѣлости и общественнаго положенія... Для индіанки явиться въ люди безъ губной вставки такой же скандалъ, какъ для европейской женщины явиться въ общество съ раскрытой грудью". Въ новѣйшее время въ Африкѣ это украшеніе близко къ исчезновенію, и въ видѣ переходной ступени къ этому вошли въ употребленіе маленькіе серебряные и мѣдные губные штифтики. Такіе штифтики съ давнихъ временъ были въ употребленіи у западныхъ эскимосовъ. Причиною исчезновенія этой, также и другихъ безобразныхъ принадлежностей костюма, слѣдуетъ признать преобладаніе вліянія иноземцевъ, и прежде всего европейцевъ, съ которыми мелкіе народцы съ своеобразными свычаями и обычаями тягаться не могутъ. Въ восточной Африкѣ носятъ губныя вставки маломочные народцы аборигены, которыхъ одолѣваютъ и притѣсняютъ болѣе сильныя и воинственныя племена; такимъ образомъ, это украшеніе является вывѣской слабости и подчиненнаго положенія и потому пользуется уже и теперь полнымъ пренебреженіемъ у подрастающаго поколѣнія. Для ношенія носовыхъ украшеній пользуются чаще всего носовой перегородкой (septum) и только въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ прободаютъ боковыя части носа. Сѣверозападные американскіе индѣйцы носили прежде въ продырявленной носовой перегородкѣ украшенія изъ мѣди, кости, дерева и раковины Haliotes, въ новѣйшее же время носятъ серебряныя кольца или нитки краснаго гаруса, на которыхъ навѣшаны зубы акулы. Въ Меланезіи также встрѣчается часто продырявливаніе носовой перегородки, въ Африкѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, встрѣчается прободеніе крыльевъ носа, что практикуется женщинами въ Индостанѣ. Индѣйцы въ Гвіанѣ продѣваютъ сквозь носовую перегордку штифтикъ, къ которому прикрѣпляются серебряныя подвѣски при чемъ карибы носятъ полулунныя подвѣски, а ваніаны круглыя. Эти подвѣски иногда настолько велики, что осчастливленный ими обладатель долженъ приподнимать ихъ кверху, когда захочетъ напиться воды. Подобныя же украшенія изъ золота встрѣчались раньше у обитателей Колумбіи и центральной Америки.

Черепаховый браслетъ изъ Нов. Гвинеи. Бременскій музей. См. текстъ, выше.

Излюбленной жертвой эстетическихъ злоупотребленій, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ признать уши и прежде всего ушныя мочки, способность которыхъ къ растяженію, повидимому считается безпредѣльной (см. изобр. на стр. 391 и ср. съ 65-ой). При терпѣніи и выдержкѣ доходятъ въ практикѣ до великихъ результатовъ. Рейхардъ пишетъ — „у ваніамвозе въ дѣтствѣ или, если это время пропущено, то и у взрослыхъ, про-

калываютъ ушную мочку желѣзной иголкой или шипомъ колючаго растенія, затѣмъ продѣваютъ сквозь отверстіе нитку, которую черезъ три дня замѣняютъ вставкой изъ стебля соломы. Черезъ два, три дня, при нормальномъ теченіи процесса заживленія, вставляютъ еще одну соломинку, пока, наконецъ, не очутится въ ушномъ прорѣзѣ пучекъ соломы толщиною въ палецъ. Затѣмъ послѣ заживанія раны, на что требуется около двухъ недѣль, замѣняютъ соломенный снопъ древяпной втулкой, на которую ежедневно навертываютъ слои ваты или древесной коры для дальнѣйшаго расширенія прорѣхи. Если желательно еще больше расширить отверстіе, вставляютъ въ него отрѣзокъ горлышка тыквенной бутылки, утолщающійся къ одному концу и постепенно вдвигаютъ толстый конецъ въ прорѣзъ. Плотно свернутыя упругія пальмовыя волокна, вставленныя въ отверстіе, дѣйствуютъ на него какъ пружина и растягиваютъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, въ эту дыру не войдетъ свободно предметъ величиною съ большіе карманные часы. Украшенный такимъ образомъ субъектъ можетъ съ удобствомъ свою ушную мочку надѣть на ухо“. Не въ одной только Африкѣ первобытные народы забавляли себя такими выдумками, даже господствующая культурная раса въ древнемъ Перу щеголяла громадными ушными вставками, за что и получила отъ испанцевъ прозвище Orejones—большеухіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новой Гвинеи полагаютъ, очевидно, что не украшенія, а только величина ушей должна производить чарующее впечатлѣніе на зрителя и съ этой цѣлью стараются елико возможно увеличить отверстіе и для этого вкладываютъ въ него упругіе свертки изъ тростника, стараясь придать прорѣзу кругообразную форму. У другихъ народовъ край уха продырявливается въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и въ эти скважины вдѣваютъ маленькіе снизки бусъ.

Шапка съ Борнео и кусокъ плетенья въ увелич. видѣ. По Лингъ Роту. См. текстъ, ниже.

Въ какой высокой степени способна кожа человѣка къ воспріятію неизмѣняющихся украшеній—достаточно показываютъ навсегда остающіеся рубцы и шрамы отъ случайныхъ и преднамѣренно нанесенныхъ ранъ. Не говоря уже о ранахъ, полученныхъ въ битвахъ, повидимому, медицина въ различныхъ случаяхъ, съ сознательной цѣлью практиковавшая свои способы лѣченія, могла послужить толчкомъ къ развитію пластики кожи. Рядомъ съ упомянутымъ уже южно-американскимъ способомъ царапанья до крови (см. стр. 381) широко у различныхъ народовъ распространено употребленіе и злоупотребленіе кровососныхъ банокъ и прижиганія, послѣ которыхъ остаются маленькіе шрамы, иногда настолько симметрично расположенные, что ихъ легко смѣшать съ татуировкой рубцами. Татуировка производится различными способами: татуируютъ отдѣльные лоскуточки кожи, на мѣстѣ которыхъ образуются послѣ заживленія наросты въ видѣ шишечекъ и пѣтушьихъ гребешковъ—шишечная татуировка; посредствомъ выцарапыванія и рѣже выжиганія разныхъ узоровъ на кожѣ получается рубцовая татуировка, которая при втираніи красокъ въ раны переходитъ въ разноцвѣтную татуировку; наконецъ, украшеніе тѣла наколами, при чемъ въ уколотыя мѣста втирается краска представляетъ собою татуировку въ тѣсномъ смыслѣ слова, дающую не пластическія, а живописныя изображенія (см. изображ. на стр. 184).

Шишечная и рубцовая татуировка особенно часто встрѣчаются въ Африкѣ. Багалы дѣлаютъ на лбу рядъ вертикальныхъ шрамовъ, которые иногда выступаютъ въ видѣ гребнеобразныхъ наростовъ (см. стр. 7); тонга и ааронга окружаютъ лицо двойнымъ рядомъ шишечекъ, изъ

которыхъ каждая не менѣе кукурузнаго зерна. У послѣднихъ двухъ шишекъ кожа оттягивается кверху посредствомъ особыхъ щипчиковъ и потомъ надрѣзывается. Въ грубѣйшей формѣ рубцовая татуировка практикуется въ Австраліи, а раньше была и въ Тасманіи. Грубые рубцы отъ нарѣзовъ каменнымъ ножомъ проходятъ по спинѣ и по груди и тщательное расположеніе линій встрѣчается только въ видѣ исключенія. Въ Африкѣ татуировка надрѣзами и прижиганіемъ распространена не менѣе, чѣмъ шишечная и мѣстами, какъ напримѣръ у Балуба, отличается изяществомъ и тщательностью исполненія. Вильгельмъ Іостъ совершенно справедливо замѣтилъ о темнокожихъ жителяхъ, что они предпочитаютъ рубцовую татуировку по той простой причинѣ, что красочная роспись на темной кожѣ не имѣетъ вида, а свѣтлокожіе рѣдко рубцуютъ себя, потому что на свѣтлой кожѣ шрамы не ясно выступаютъ. Въ видѣ переходной формы слѣдуетъ упомянуть о новозеландской татуировкѣ, въ которой соединяются вмѣстѣ рубцовка и втираніе красокъ, что и является прекрасной параллелью населенію страны, гдѣ свѣтлокожіе полинезійцы и темные меланезійцы слились между собой. Способъ наложенія татуировки слѣдующимъ образомъ описываетъ Диффенбахъ: „Татуировка наводится посредствомъ заостренной птичьей кости (uhi) или маленькаго рѣзца. Кандидатъ кладетъ свою голову на колѣни оператора, который ударомъ руки вгоняетъ рѣзецъ въ кожу. Передъ каждымъ ударомъ рѣзецъ обмачивается въ краску, изготовленную изъ угля сосны каури и при каждомъ ударѣ выступаетъ кровь. Татуировка губъ самая болѣзненная часть операціи“.

Головное украшеніе бакаири, Бразилія. Этнографическій музей въ Лейпцигѣ. См. текстъ ниже.

Эльдорадо татуировки уколами представляетъ островной міръ Тихаго океана, другими словами, восточная область распространенія малайско-полинезійской расы вмѣстѣ съ прилегающими странами, какъ напримѣръ, Японія, берега сѣверозападной Америки, Новая Гвинея и. т. д. Инструменты и здѣсь имѣютъ форму рѣзцовъ или маленькихъ топориковъ, но вмѣсто одного лезвія представляютъ собой нѣчто вродѣ зубчатаго гребешка и вводятся въ кожу посредствомъ особыхъ молоточковъ. „Заостренные, какъ зубцы гребешка, кости“— пишетъ Ландорфъ,—„вставлены подъ острымъ угломъ въ бамбуковую колодочку, по которой татуировщикъ съ такой осторожностью и такъ умѣло ударяетъ палочкой, что острія чуть чуть проникаютъ въ кожу. Когда проступитъ кровь и лимфа въ уколахъ, ихъ затираютъ водяной краской изъ угля, выжженнаго изъ плодовъ Aleurites beilobates, стертаго въ порошокъ. Послѣ этого происходитъ небольшое воспалительное состояніе на пораненныхъ мѣстахъ и образуется короста. Спустя нѣсколько дней короста спадаетъ, и на мѣстахъ уколовъ выступаютъ голубоватые или темносиніе рисунки“. На Новой Гвинеѣ для

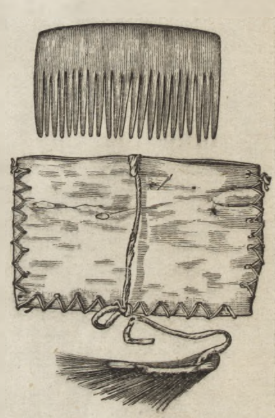
уколовъ пользуются вѣткой колючаго растенія, на которой оставляется одинъ шипъ, въ кожу шипъ запускается посредствомъ булавовиднаго ударника, бьющая часть котораго обертывается древеснымъ лубомъ. Японскіе татуировальные инструменты, которыми въ прежнее время мѣстные художники создавали поистинѣ настоящія чудеса татуировальнаго искусства, мало чѣмъ отличаются отъ полинезійскихъ, такъ же, какъ и отъ дайякскихъ. Дайякскіе татуировщики имѣютъ обыкновеніе, прежде чѣмъ наносить узоръ на тѣло, вырѣзывать его на деревѣ, (см. рис. на стр. 393) и затѣмъ, при помощи разныхъ красокъ, переводить его на кожу человѣка, съ чего и начинается настоящая процедура татуированія. Оригинальный способъ татуированія существуетъ у амурскихъ инородцевъ, состоящій въ томъ, что напитанную краскою нитку при помощи швейной иглы продѣваютъ сквозь кожу, какъ при вышиваньи. Очень можетъ быть, что эта процедура, выполняемая китайскими иголками и нитками, замѣнила болѣе раннюю и примитивную мѣстную татуировку. Сѣвероамериканскіе индѣйцы первоначально наводятъ на кожѣ узоръ углемъ и потомъ накалываютъ его иглою.

Мужская шляпа у бакуба, Конго. Этнографическій музей въ Лейпцигѣ.

Многочисленность явленій, въ связи съ которыми стоитъ татуированіе и въ дѣйствительности содѣйствующихъ поддержкѣ этого обычая, показываетъ намъ самымъ нагляднымъ образомъ, какъ темное инстинктивное стремленіе выставить на видъ самого себя, подъ вліяніемъ сознанія получаетъ иное объясненіе и обращается на другія цѣли и въ то же самое время ни одна изъ этихъ послѣднихъ не можетъ дать полнаго объясненія явленія. Хотя татуированіе въ громадномъ числѣ случаевъ служитъ отличительнымъ знакомъ семьи, клана племени, однако существуютъ племена, какъ напримѣръ, моту на Новой Гвинеѣ, гдѣ татуировка или вполнѣ предоставляется волѣ и вкусу татуируемаго или совсѣмъ не практикуется.

Часто татуировка является одной изъ необходимыхъ принадлежностей посвященія въ совершеннолѣтіе и въ то же время служитъ пробою мужества посвящаемаго, такъ какъ операція эта очень болѣзненна. Такъ какъ родовые знаки часто изображаютъ боговъ, покровителей или почитаемыхъ предковъ, то они легко превращаются въ охранные амулеты. Такъ же и изображеніе нѣкоторыхъ событій служитъ иногда темою для татуировки. Обыкновенно мужская и женская татуировки различны. Высокое положеніе въ обществѣ отмѣчается роскошной татуировкой, рабамъ же вообще татуироваться запрещено. Наконецъ, имѣется не мало примѣровъ, гдѣ татуировка подражаетъ украшеніямъ. Тликиты любятъ татуировкой изображать кольца, браслоты на рукахъ, на Каролинскихъ островахъ татуировка дѣвушки состоитъ въ изображеніи пояса стыдливости, также самоанская и бирманская татуировки верхней части ноги взяли образцы съ одежды, прикрывающей эти части тѣла. Татуировка рта у Линскихъ женщинъ, повидимому, подражаетъ усамъ мужчинъ. У яунда, которымъ кромѣ рубцовой татуировки знакомъ и способъ, напоминающій новозеландскій, Ценкеръ встрѣчалъ изображенія табачныхъ трубокъ нацарапанныя на щекахъ, при чемъ рисунокъ отъ угла рта доходитъ до уха (къ этому отдѣлу и предыдущему относится таблица съ изображеніемъ орнаментальной татуировки).

Насколько сильно распространено татуированіе среди европейскаго населенія — это поразительнымъ образомъ засвидѣтельствовано новѣйшими изслѣдованіями. Наименѣе образованные слои общества, однако же занимающіеся профессіональными работами, какъ напр. матросы, каменщики, любятъ отмѣчать на тѣлѣ неуничтожаемыми знаками принадлежность къ своей профессіи, а также и то, что ихъ занимаетъ, волнуетъ, и стараются такимъ способомъ закрѣпить какія-либо воспоминанія. Но главнымъ образомъ и здѣсь дѣло идетъ о нѣкоторомъ стадномъ влеченіи, о находящемся по большей части въ скрытомъ состояніи желаніи такъ или иначе выложить свою душу. Крестьянинъ съ достаточнымъ развитіемъ индивидуальности, прикрѣпленный обстоятельствами жизни къ извѣстному клочку земли, живущій особнякомъ отъ своихъ товарищей почти не знаетъ этой потребности. Зато тѣмъ большую важность имѣетъ она для тѣхъ группъ общества, которыя по своимъ умственнымъ и нравственнымъ недостаткамъ до нѣкоторой степени приближаются къ стадіи развитія некультурныхъ расъ, какъ напримѣръ, преступники и проститутки.

Эскимосскій гребень съ берестовыми футляромъ и щеткой для чистки. По Тернеру. См. текстъ, стр. 406.

Нѣкоторыя искаженія тѣла нельзя причислить къ аксессуарамъ костюма, но они, какъ и многія подобныя явленія, показываютъ намъ, насколько трудно разграничить различные способы, которые употребляетъ человѣкъ для обнаруженія своихъ внутреннихъ настроеній. Дѣло въ томъ, что всѣ они имѣютъ одинъ общій источникъ и варьяціи ихъ возникли параллельно медленному и постепенному развитію дифференціаціи самихъ внутреннихъ состояній человѣка. Траурныя пораненія и изуродованія, напримѣръ, не только полусознательныя выраженія скорби, но вмѣстѣ съ тѣмъ и добросовѣстное исполненіе своей обязанности, благоговѣніе предъ усопшимъ и въ этомъ смыслѣ своего рода знакъ отличія. Извѣстно вѣдь, что если бы какое-нибудь изъ бушменскихъ племенъ, признало своимъ родовымъ знакомъ отсѣченіе одного сустава пальца, то врядъ ли хоть одинъ изъ членовъ этого рода не согласился бы съ тѣмъ, что укороченный палецъ очень изященъ, а цѣльный — безобразенъ до отвращенія. Даже и въ совершенно случайныхъ измѣненіяхъ поверхности тѣла человѣка мысль его любитъ отыскивать извѣстное внутреннеес одержаніе и открываетъ тамъ нѣчто такое, что способно дать удовлетвореніе неумолкающей потребности индивида къ самохарактеристикѣ.

По сравненію съ неизгладимыми измѣненіями тѣла, съ точки зрѣнія культурнаго развитія, украшенія, не связанныя съ самимъ тѣломъ, представляютъ шагъ впередъ. Изъ этого однако же не слѣдуетъ, что снимаемыя украшенія появились позднѣе, нежели неотдѣлимые отъ тѣла способы характеристики своей личности. Здѣсь рѣшающимъ моментомъ является не большая или меньшая древность извѣстнаго обычая: нерѣдко зачатки высшаго развитія возникаютъ гораздо ранѣе, нежели какой-нибудь варварскій обычай. Критеріемъ должно служить преобладающее значеніе того или другого способа выдѣлять свою индивидуальность у народовъ, стоящихъ на разныхъ степеняхъ развитія культуры. Какъ разъ въ области украшеній соприкасаются между собой и начало, и конецъ развитія,—пренебреженіе къ украшеніямъ можетъ служить или признакомъ крайней невоспріимчивости, или большой зрѣлости характера.

Въ качествѣ простѣйшихъ украшеній, которыя можно снимать и измѣнять и такимъ образомъ сообразовать ихъ съ измѣненіями, происходящими во внутренней жизни человѣка, можно указать на раскрашиваніе тѣла и ношеніе бороды. Раскрашиванію тѣла несомнѣнно предшествовало

намазываніе его глиной или какой-нибудь другой липкой землей для защиты отъ укушеній насѣкомыхъ и отъ холода; это былъ первый, неумѣлый опытъ изобрѣтенія одежды. Весьма замѣчательно, что и нынѣ для раскрашиванія тѣла чаще всего употребляются минеральныя краски, добытыя изъ земли и прежде всего распространенныя по всему свѣту желтая, желѣзная охра, бѣлая глина, мѣлъ и красная охра въ смѣси съ водой или масломъ. Рѣже пользуются красками растительнаго происхожденія, какъ напр., индиго, красное дерево и особенно любимое въ Южной Америкѣ красное уруку, а также древесный уголь и кровь. Раскраска представляетъ болѣе удобный способъ для обозначенія различныхъ состояній человѣка, чѣмъ возникшее позднѣе татуированіе, потому что ее можно возобновлять и измѣнять, смотря по надобности. Стоитъ только внимательно перечитать у такихъ точныхъ наблюдателей, какъ Ротъ, Спенсеръ, Гилленъ и Мэтьюсъ, обширныя описанія обычаевъ австралійцевъ при посвященіи юноши въ совершеннолѣтіе, парадныхъ съѣздахъ и танцахъ чтобы убѣдиться, насколько въ раскраскѣ тѣла, при разныхъ важныхъ жизненныхъ явленіяхъ, обнаруживаются во внѣшности внутреннія влеченія, съ какой глубокой серьезной страстью люди стараются согласовать свой внѣшній видъ съ тѣмъ или инымъ настроеніемъ духа. Какъ только появится что-нибудь новое — оно тотчасъ же отмѣчается въ раскраскѣ тѣла, къ чему конечно присоединяются и разныя другія новшества въ украшеніяхъ себя. То же самое видимъ мы и у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ (см. прил. табл. „Раскраска“ лица у оджибвэ, въ Сѣв. Америкѣ). Этимъ способомъ раскрашиваніе даетъ возможность ясно и наглядно отмѣчать всѣ событія обыденной жизни. Хотя у насъ подобныя обнаруженія внутреннихъ состояній и подчеркиванія событій производятся инымъ способомъ, но они доказываютъ, что и мы не совсѣмъ утратили пониманіе значенія ихъ: это доказываютъ наши траурныя платья и черныя вуали, бальные туалеты, придворные костюмы и военная, парадная форма. Особенно женщины въ разныхъ случаяхъ стараются свои богатыя и приспособленныя къ разнымъ варьяціямъ костюмы согласовать съ извѣстными событіями и настроеніями. Въ женщинахъ и въ этомъ случаѣ обнаруживается своеобразная внутренняя близость къ натурѣ первобытныхъ народовъ и наклонность къ выраженію своихъ настроеній и влеченій внѣшнимъ образомъ. У мужчинъ же эти стремленія сдерживаются преобладающимъ вліяніемъ дѣятельности умственной.

Придворный костюмъ въ Діокіокартѣ на о. Явѣ. По фотографіи.

Побочныхъ цѣлей, достиженіемъ которыхъ оправдывается и закрѣпляется обычай татуировки, раскраска тѣла имѣетъ гораздо меньше. Самую большую роль въ этомъ случаѣ играетъ стремленіе къ защитѣ себя мистическими средствами, и здѣсь преобладаніе снова получаетъ мистическій бѣлый цвѣтъ. Однако же и при раскраскѣ, какъ это наблюдалъ Швейнфуртъ

Раскраска лица у оджибвэ въ Сѣверной Америкѣ.

Изображенныя здѣсь лица — члены большого врачебнаго общества Мидевивинъ (родъ тайнаго союза). Раскраска означаетъ, къ которой изъ четырехъ степеней ордена принадлежитъ каждый изъ нихъ, и бываетъ различна при извѣстныхъ торжествахъ и церемоніяхъ.

Исторія первобытной культуры. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Раскраска лица у оджибвэ въ Сѣверной Америкѣ.

По В. Гоффману.

у женщинъ момбуту, появляются совершенно произвольныя украшенія, не связуемыя ни съ какими посторонними стимулами, или самое большее съ какимъ-нибудь предметомъ, послужившимъ образцомъ для моды, что мы встрѣчаемъ повсюду въ украшеніяхъ и костюмахъ. Отчасти то же самое можно сказать и о прическахъ. Вообще обрѣзываніе или подвязываніе волосъ, обременяющихъ своею тяжестью голову имѣетъ практическую цѣль. Точно также и смазываніе волосъ глиной первоначальною цѣлью имѣло не украшеніе, а защиту отъ насѣкомыхъ; но и влеченіе къ украшеніямъ послѣ этихъ незначительныхъ толчковъ обнаруживаетъ свою силу и начинаетъ самымъ причудливымъ образомъ распоряжаться волосами, этимъ столь податливымъ и легко возобновляемымъ матеріаломъ. Однимъ изъ простѣйшихъ видоизмѣненій здѣсь является бриваніе нѣкоторыхъ частей волосъ. При этомъ иногда получается тонзура, весьма часто встрѣчающаяся у племенъ Южной Америки, или же увеличивается высота лба, нерѣдко также оголяютъ боковыя части головы и на срединѣ остается хохолъ или „оселедецъ". У японцевъ, китайцевъ и у правовѣрныхъ мусульманъ существуютъ разные методы бритья головы. Они стали знаками племени и вѣроисповѣданія, но всего болѣе въ пользу ихъ говорятъ соображенія гигіеническія. Окрашиваніе, или правильнѣе, обезцвѣчиваніе волосъ при помощи ѣдкихъ препаратовъ, вродѣ извести, въ особенности распространено среди меланезійцевъ, и оно очень нравилось древнимъ кельтамъ.

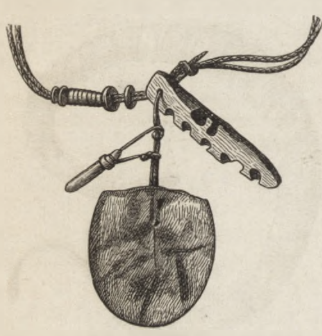

Поясъ съ раковинами племени а-луръ, Центр. Африка По Штульману.

Прически въ тѣсномъ смыслѣ этого слова находятся въ связи со свойствами самихъ волосъ. Курчавоволосые народы очень любятъ дѣлать изъ своей шапки волосъ плотную массу вродѣ войлока и, изрѣдка смазывая голову глиною, совершенно склеиваютъ ихъ. Изъ этой массы они мастерятъ разныя пластическія формы, создаютъ всевозможные придатки и доводятъ все это иногда до чудовищныхъ размѣровъ. Прямоволосыя племена не прилагаютъ столько искусства къ устройству своей прически. Только женщины, или вѣрнѣе главнымъ образомъ онѣ, изъ своихъ длинныхъ волосъ воздвигаютъ обширныя куафюры; при этомъ въ случаѣ надобности пускаются въ ходъ чужіе волосы, подушечки и валики. Все, что возможно было создать въ Европѣ по части причесокъ было достигнуто въ XVIII вѣкѣ. Вспособительными средствами при созданіи куафюръ являются маленькія, украшенныя перьями и другими матеріалами гребенки и шпильки. О бородѣ можно сказать лишь немногое: у первобытныхъ народовъ бороды очень рѣдки отъ природы, при томъ и послѣдніе волоски обыкновенно выщипываются; гдѣ принято носить бороду обыкновенно ограничиваются вплетаніемъ въ нее бусъ и другихъ мелкихъ украшеній. Парики и искусственныя бороды надѣваются только при нѣкоторыхъ праздникахъ и при танцахъ въ маскахъ. Парики въ единичныхъ случаяхъ служатъ принадлежностью настоящаго народнаго костюма; подъ парикомъ прикрываются свои собственные волосы. Эта мода долго держалась въ древнемъ Египтѣ и сохраняется въ настоящее время среди нѣкоторыхъ меланезійскихъ и африканскихъ племенъ. Въ качествѣ кратковременной моды, по крайней мѣрѣ у знатныхъ лицъ, парикъ былъ распространенъ и въ Европѣ.

Украшенія въ тѣсномъ смыслѣ слова, только внѣшнимъ образомъ и только временно соединяемыя съ тѣломъ, раздѣляются на различныя группы сообразно тѣмъ частямъ тѣла, которыя они украшаютъ. Поверхность туловища, какъ это видно и при надѣваніи одежды, при своей подвижности и постоянномъ движеніи мускуловъ не можетъ удерживать на себѣ наложен-

ныхъ безъ прикрѣпленія украшеній, даже при помощи клейкихъ веществъ. Какъ преодолѣваются подобныя трудности было упомянуто уже при описаніи прободенія ушей, губъ и носовъ. Вообще принято, украшая конечности, охватывать ихъ со всѣхъ сторонъ кольцами, а туловище поясами и шнурами (см. изобр. на стр. 397) Ихъ или обвязываютъ очень туго, чтобы они не спадали, иногда же болѣе или менѣе свободно, если они лежатъ на естественныхъ опорахъ, напр., на бедрахъ и плечахъ. Эти обвязки частью являются сами украшеніями, частью служатъ для прикрѣпленія къ нимъ украшеній. Такимъ образомъ появляются кольца для ручныхъ и ножныхъ пальцевъ, для рукъ и ногъ, шейные обручи, повязки и украшенные пояса. Только на головѣ, покрытой волосами, прикрѣпляютъ украшенія инымъ способомъ.

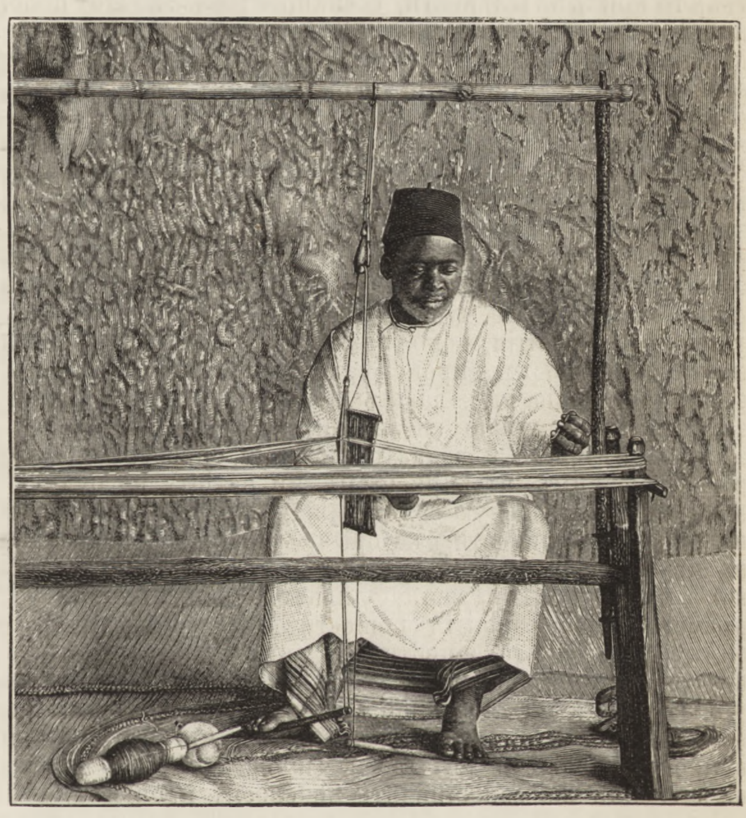
Своеобразнымъ способомъ прикрѣпленія объясняется особое пристрастіе къ ожерельямъ или мелкимъ предметамъ, нанизаннымъ на нитки, какъ, напримѣръ, плоды нѣкоторыхъ растеній, маленькія раковинки, зубы, глиняныя, каменныя, коралловыя, янтарныя бусы и. т. д. Ручныя и ножныя кольца плетутся, выдѣлываются изъ дерева, кости, скорлупъ раковинъ и тому подобныхъ матеріаловъ, тамъ же, гдѣ извѣстно употребленіе металловъ, предпочтеніе отдается послѣднимъ. Вліяніе особыхъ любительскихъ пристрастій и вкусовъ, въ угоду которымъ обходятъ съ пренебреженіемъ одни матеріалы, несмотря на ихъ эффектность, ради другихъ, менѣе бросающихся въ глаза, послѣ всего, что ранѣе было сказано объ этомъ, не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій; это явленіе особенно бросается въ глаза въ украшеніяхъ изъ перьевъ. Употребленіе отдѣльныхъ перьевъ въ качествѣ украшеній довольно широко распространено у многихъ народовъ (см. изобр. на стр. 398); но крупныя, изящныя издѣлія изъ перьевъ изготовляются или изготовлялись только въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Южной и Центральной Америки (см. изобр. на стр. 398), кое-гдѣ въ Африкѣ (см. изобр. на стр. 399), на Гавайскомъ архипелагѣ и на меланезійскомъ островѣ Санта Круцъ. Въ другихъ мѣстахъ старательно трудятся надъ нанизываніемъ невзрачныхъ раковинъ, цѣнность которыхъ вслѣдствіи этого поднялась выше настоящихъ денежныхъ знаковъ (см. изобр. на стр. 288). Употребляемыя для нанизыванія матеріалы, большею частью принадлежащіе къ категоріи волокнистыхъ веществъ, интересны въ томъ отношені, что повидимому они мѣстами употреблялись для прикрѣпленія украшеній раньше нежели для тканья. Петерикъ нашелъ, что Динка, на верхнемъ Нилѣ, не дѣлаютъ себѣ одежды изъ хлопчатой бумаги, и употребляютъ ее на нитки для нанизыванія бусъ; нѣчто подобное извѣстно и о верхнемъ Замбези, гдѣ воздѣлываніе хлопчатника началось только въ недавнее время.

Поясъ съ мѣховымъ карманомъ и кремнемъ съ огнивомъ, Вост. Африка. По Кольману. См. текстъ стр. 413.

Какъ только тѣло человѣка плотно прикроется настоящей одеждой, на немъ образуется вторая поверхность, во многихъ отношеніяхъ имѣющая другія свойства, чѣмъ первая; она сама до нѣкоторой степени можетъ служить для украшенія такъ же, какъ прежде служила кожа, и къ одеждѣ можно гораздо легче и удобнѣе прикрѣплять украшенія, чѣмъ къ кожѣ. На одежду можно нашивать украшенія нитками или при помощи иглы пришпиливать ихъ. Такимъ образомъ одежда и украшенія часто настолько тѣсно сближаются между собою, что является мысль считать ихъ за вещи однородныя и признать, что, какъ украшенія, такъ и искусственная оболочка тѣла, имѣютъ одинаковое происхожденіе. Однако же, при строгомъ разборѣ вопроса это заключеніе не выдержитъ критики.

Человѣку, не имѣющему ни шерсти, ни перьевъ для защиты отъ холода

и зноя, вѣтра и дождя, весьма естественно было придти къ мысли чѣмъ-нибудь защитить себя помимо имѣющейся у него собственной кожи. Можетъ быть, и сама нагота человѣческаго тѣла, произошла отъ того, что онъ сформировался со всѣми своими отличительными признаками въ тропическомъ климатѣ; но и обитатели тропическаго климата умѣютъ цѣнить всѣ преимущества искусственнаго прикрытія тѣла, что и доказывается быстрымъ распространеніемъ европейскихъ костюмовъ среди первобытныхъ народовъ. Б. Эренрейхъ говоритъ, что пумари на Амазонской рѣкѣ почти въ продолженіи цѣлаго года не знаютъ, какъ спастись отъ укусовъ насѣкомыхъ, и потому въ послѣднее время европейская рубаха и панталоны стали для нихъ предметами первой необходимости. Африканскіе путешественники не одинъ разъ заявляли о томъ, какъ часто внезапное пониженіе температуры вело къ пагубнымъ послѣдствіямъ для плохо одѣтыхъ негровъ. Если въ настоящее время часть человѣчества живетъ въ прохладномъ климатѣ, а въ диллювіальную эпоху приходилось переживать сильное охлажденіе мѣстности, обладавшей климатомъ теплыхъ странъ, то, при такихъ обстоятельствахъ, изобрѣтеніе искусственной прикрышки для тѣла должно было сдѣлаться жизненнымъ вопросомъ.

Негръ племени суаземъ за ткацкимъ станкомъ. По фотографіи. См. текстъ, стр. 413.

Можно, конечно, и безъ одежды найти самыми простыми способами кое-какую защиту для кожи. Буртонъ говоритъ о жителяхъ В. Африки, что „солнце, дымъ, огонь, а также жиръ и остатки насѣвшей на тѣлѣ старой грязи—любимѣйшіе виды одѣянія первобытныхъ туземцевъ“. И на самомъ дѣлѣ, нечистота кожи, которая можетъ быть преднамѣренно усилена смазкою масломъ, жиромъ и глиной—не совсѣмъ уже негодныя предохранительныя средства противъ холода и укушеній насѣкомыхъ. На азіатскомъ нагорьѣ живутъ народы, которые не моются ни разу въ жизни; у тинneговъ въ С. Америкѣ, по свидѣтельству Мориса, мытье тѣла введено было европейцами, да и до сихъ поръ оно заключается только въ ополаскиваніи рукъ. И тамъ, гдѣ наблюдается такая чистота, нерѣдко спѣшатъ послѣ омовенія дать тѣлу новую прикрышку. Жители Уніамвезе, напримѣръ, ежедневно моются уриной, какъ эскимосы, потомъ ополаскиваютъ себя теплой водой, затѣмъ натираются рициновымъ масломъ или масломъ земляного орѣха и въ концѣ концовъ посыпаютъ свое тѣло красной землей. Объ уходѣ за

волосами въ смыслѣ поддержки чистоты въ большинствѣ случаевъ мало что можно сказать, хотя гребни кое гдѣ встрѣчаются (см. изобр. на стр. 401).

Если не обращать вниманія на такую, связанную съ самимъ тѣломъ прикрышку, то, безъ сомнѣнія, найдется много народовъ, которые совершенно не знаютъ одежды. Но у этихъ то народовъ и можно будетъ познакомиться поближе съ тѣми мотивами, которые вызываютъ возникновеніе одежды. Уже при разсмотрѣніи вопроса объ украшеніяхъ оказалось, что хотя это явленіе вызвано глубокимъ инстинктивнымъ влеченіемъ; но и оно для проявленія себя нуждается въ мелкихъ, внѣшнихъ поводахъ. Указано было также, что какъ только это влеченіе выразитъ себя въ какой либо творческой дѣятельности, сознаніе тотчасъ же подсказываетъ человѣку новые резоны, оправдывающіе и узаконяющіе это инстинктивное влеченіе доводами „отъ здраваго разума". Одинъ взглядъ на существующія въ дѣйствительности отношенія укажетъ намъ, что и одежда создана была не одними насущными нуждами. Въ общемъ же дѣло здѣсь поставлено нѣсколько иначе, нежели съ украшеніями. Въ послѣднемъ случаѣ въ основѣ было примитивное влеченіе, которому на помощь выступили разныя практическія соображенія, взятыя изъ опыта. Въ вопросѣ же объ одеждѣ, при выполненіи практической цѣли, выступило на помощь ей иное инстинктивное влеченіе, или правильнѣе, иное инстинктивное чувство и это же чувство неоднократно давало первый толчокъ къ выполненію практической цѣли одежды. Это чувство само является однимъ изъ результатовъ общественнаго развитія,—оно называется половой нравственностью. Въ сущности же выводить происхожденіе одежды изъ одного чувства половой стыдливости значитъ давать неправильное освѣщеніе ясно поставленной задачѣ, и не нужно гигантскихъ усилій для того, чтобы многочисленными примѣрами и доказательствами опровергнуть это неудачное заключеніе. Прибавимъ, что при этомъ ни на іоту не будутъ поколеблены факты, доказывающіе тѣсную связь между первыми зачатками одежды и чувствомъ половой стыдливости, которыя, развиваясь параллельно и, вліяя другъ на друга, взаимно поддерживаютъ и усиливаютъ себя. Половая мораль, какъ раньше мы видѣли, является свидѣтельствомъ прогрессирующаго нравственнаго развитія общества и вообще побѣдою сознанія и духовной силы надъ чисто животными аппетитами; по этимъ причинамъ исторія первоначальнаго развитія одежды пріобрѣтаетъ громадное значеніе для умственной и нравственной культуры человѣческаго рода. Было бы гораздо меньше ученыхъ споровъ объ этихъ, въ сущности простыхъ и ясныхъ вопросахъ, если-бъ не было склонности сводить все къ единому разумному началу или же сопоставлять по своему произволу и выбору ряды различныхъ причинъ, вмѣсто того, чтобы ихъ связать въ своемъ умѣ и разъяснить ихъ сокровенныя воздѣйствія, то взаимно поддерживающія, то тормозящія другъ друга.

Кто не цѣпляется за отдѣльныя исключенія и сможетъ спокойно окинуть взглядомъ громадную картину жизни всего человѣчества, тотъ безъ сомнѣнія признаетъ за непреложный фактъ, что развитіе одежды начинается съ прикрытія половыхъ органовъ и что въ самыхъ примитивныхъ народахъ живетъ нѣкоторое чувство стыдливости въ этомъ отношеніи. Одежда и чувство стыдливости обусловливаютъ другъ друга, хотя, конечно, здѣсь дѣло не обходится безъ привходящихъ вліяній. Разумѣется, возможно предположить, что первоначально прикрытіе половыхъ органовъ у мужчинъ практиковалось ради защиты этихъ частей тѣла и не имѣло ничего общаго съ нравственными побужденіями. Съ другой стороны, можно констатировать, что даже въ тѣхъ многихъ случаяхъ, гдѣ половые органы прикрыты очень недостаточно все-таки весьма характернымъ образомъ проявляется чувство половой стыдливости. Вообще же можно сказать, что связь между обоими явленіями существуетъ повсюду. Есть мѣ-

стности, гдѣ все прикрытіе заключается въ обвязкѣ крайней плоти, какъ у обитателей Маркизскихъ острововъ, у эскимосовъ при купаньи или въ раковинной скорлупкѣ, какъ на островахъ Адмиралтейства; но и тамъ обнаженіе половыхъ частей въ присутствіи женщинъ считается верхомъ неприличія. Лабильярдье замѣтилъ, что туземцы острововъ Адмиралтейства отворачивались отъ него и спускали поясъ, когда снимали свои раковины для того, чтобы продать ихъ. Подобныхъ примѣровъ можно привести очень много. Можно указать еще и на то, что въ тѣхъ случаяхъ, когда снимается одежда, напримѣръ, при купаньи, у многихъ народовъ принимаютъ мѣры для того, чтобы обнаженныхъ тѣлъ не увидали лица другого пола. У маори, нравы которыхъ отъ соприкосновенія съ европейцами нисколько не улучшились, прежде мужчинамъ было строго запрещено подходить къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ купаются женщины. По Розенбергу на Ніанца люди, идущіе къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно купаются, должны были останавливаться и крикомъ давать знать о себѣ. Во многихъ областяхъ, заселенныхъ баттаками, всякій, кто пойдетъ на рѣчку и не будетъ кричать „боа“ и застанетъ въ рѣкѣ раздѣтыхъ женщинъ, обязанъ заплатить штрафъ отъ одного до двухъ таэлей. Кларкъ даже упоминаетъ о законѣ, по которому всякій, кто будетъ наблюдать за купающимися женщинами, приговаривается къ невольничеству. Въ качествѣ вспомогательнаго средства, которое мы встрѣчаемъ во всѣхъ заповѣдяхъ благонравія и которое у насъ очень охотно сопровождается угрозой адскихъ мукъ, выступаетъ опасеніе, что разсматриваніе голаго тѣла можетъ навлечь опасность. На новыхъ Гебридахъ, по показаніямъ Соммервиль, дѣвушки тщательно избѣгаютъ случая увидать голаго мужчину, потому что это можетъ причинить вредъ здоровью. Финчъ на Новой Гвинеѣ недалеко отъ Фридрихъ-Вильгельмсгафена наблюдалъ, какъ дѣвушки и женщины закрывали свое лицо, когда одинъ матросъ наскоро раздѣлся, чтобы выкупаться.

Остяцкіе мѣховые сапоги, Сибирь. Бременскій музей.

О всеобщемъ распространеніи особаго вида стыдливости по отношенію къ половымъ органамъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ и здѣсь должны встрѣчаться **крайности въ развитіи**, характерныя для всѣхъ первобытныхъ народовъ. Въ цѣломъ можно допустить, что чувство стыдливости, или въ болѣе общей формѣ, внѣшнее проявленіе отвращенія къ чувственности, развивается до нѣкоторой степени параллельно съ общественными институтами и прежде всего съ институтомъ брака; но, разумѣется, и здѣсь не остаются безъ вліянія и другія отношенія. Небольшія изолированныя племена, вродѣ большой семьи, вообще будутъ обладать болѣе свободными взглядами, нежели многочисленныя, находящіяся въ сношеніяхъ съ чужими народностями. Склонность мужчинъ къ ревности, сама по себѣ ничего не имѣющая общаго съ нравственными побужденіями, можетъ рѣшительнымъ образомъ вліять на женскій костюмъ, при чемъ супруга часто должна тщательно укутывать себя и отказываться отъ всякихъ проявленій кокетства. По сообщеніямъ Крашенинникова такъ относились къ своимъ женамъ ревнивые коряки, а вообще болѣе разсудительные камчадалы давали своимъ подругамъ полную свободу въ томъ, какъ держать себя и во что одѣваться. Если только къ этому данъ достаточный поводъ, то внѣшнія проявленія стыдливости, которыя нельзя смѣшивать съ нравственностью, могутъ развиться до самыхъ крайнихъ крайностей. Броунъ говоритъ, что не одинъ разъ бывали случаи,

когда новозеландки оканчивали жизнь самоубійствомъ, узнавъ, что мужчины ихъ видѣли голыми.

Весьма понятно, что чувства стыдливости развиваются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе костюмъ прикрываетъ тѣло и чѣмъ болѣе точно опредѣлены правила ношенія одежды; но строгой причинной связи между двумя этими явленіями нѣтъ. Очень недостаточно одѣтыя племена, какъ напр., утверждаетъ Веберъ о горныхъ обитателяхъ острова Флореса, имѣютъ очень развитое чувство стыдливости, другіе же, наоборотъ, прикрытые кругомъ и съ ногъ до головы, обнаруживаютъ замѣчательную невоспріимчивость въ этомъ отношеніи. Безцеремонность, которую обнаруживаютъ оба пола моясь въ одной банѣ, уже многократно возбуждала изумленіе посѣтителей-европейцевъ; но удивляться тутъ въ сущности нечему. Стоило бы только пересмотрѣть наши старинныя рѣзныя изображенія на металлѣ и деревѣ и пришлось бы сознаться, что и у насъ прежде допускались вещи, невозможныя для насъ по своей цинической наивности. Пристойность, достигаемая созданіемъ полнаго костюма, имѣетъ только внѣшнее значеніе, такъ какъ она не стоитъ въ тѣсной связи съ нравственной основой чувства стыдливости. Достойно замѣчанія, что въ Угандѣ, гдѣ нѣтъ недостатка ни въ шкурахъ, ни въ матеріяхъ изъ древесной коры, подъ строгимъ штрафомъ запрещено выходить на улицу безъ полнаго костюма, а дома у себя дѣвушки совершенно свободно расхаживаютъ безъ всякаго одѣянія.

Такъ какъ слово стыдливость употребляется преимущественно тогда, когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ между полами, то терминъ этотъ, вмѣстѣ съ наименованіемъ половыхъ частей срамными (pudenda), указываетъ на то, что чувство это всего сильнѣе проявляетъ себя въ области половой морали; но оно не представляетъ собою ничего загадочнаго, связаннаго исключительно съ этими спеціальными отношеніями. То, что мы называемъ стыдомъ, является чувствомъ чисто общественнымъ, это своего рода внѣшняя совѣсть, которой вполнѣ отвѣчаетъ извѣстное чувство въ области внутренней жизни человѣка. Угрызенія совѣсти можно испытывать и въ одиночествѣ; но имъ непремѣнно долженъ предшествовать извѣстный, хотя бы только косвенно относящійся къ данному лицу проступокъ противъ другихъ — все равно противъ людей или противъ высшихъ силъ. Въ настоящее время стыдъ заявляетъ себя иначе — это просто непріятное чувство сознавать себя нарушителемъ законовъ общества. Каковы эти законы — это совершенно безразлично — сила ощущенія стыда находится только въ зависимости отъ сознанія большей или меньшей фиктивной или реальной важности нарушенныхъ правилъ. При этомъ было бы крайней ошибкой признавать, что ощущеніе стыда — плодъ высокой культуры и отрицать его у неотесанныхъ дикарей: постоянно мы видимъ, что нигдѣ не имѣетъ общество большей власти надъ личностью, чѣмъ въ первобытныхъ обществахъ, такъ что тамъ за простое, чисто внѣшнее неумышленное отступленіе отъ установленнаго обыкновенія назначается тяжелое возмездіе. Среди нихъ сильное чувство общественности не терпитъ отступленій, а изгоняетъ и уничтожаетъ ихъ безъ всякой пощады.

Итакъ чувство стыда въ основѣ своей не что иное, какъ ощущеніе тоски. И европеецъ, который сдѣлаетъ проступокъ противъ общественныхъ правилъ, также вѣроятно не одинъ разъ убѣдится въ томъ, что, въ корнѣ его чувства стыда, лежитъ ощущеніе тоски отъ сознанія, что онъ сталъ „невозможнымъ“ въ обществѣ. Въ особенности грозитъ опасность впасть въ такое непріятное положеніе члену неподвижныхъ и чопорныхъ замкнутыхъ общественныхъ корпорацій, которыя, при всеобщей культурной общительности, можно счесть остаткомъ первобытныхъ эпохъ. И въ этомъ случаѣ нарушаемыя правила могутъ касаться какихъ-нибудь пустяковъ, не имѣетъ никакого смысла, но дѣйствіе ихъ отъ этого нисколько не ослабѣетъ. Свѣтлосѣрая лѣтняя пара сама по себѣ очень приличный костюмъ,

но если безпечный юноша, по незнанію обычаевъ, въ такомъ видѣ появится среди одѣтыхъ во фраки солидныхъ людей, то подъ осуждающими строгими взглядами собранія онъ на себѣ будетъ имѣть случай изучать вліяніе чувства стыда.

Тоскливое чувство, которое мы называемъ стыдомъ—могучее средство для воспитанія человѣчества, и оно прилагается при всякомъ прогрессивномъ общественномъ движеніи. Можно сказать даже, что безъ него никакой прогрессъ былъ бы немыслимъ. Если мы встрѣчаемъ начатки половой нравственности, а стало быть, обузданіе и упорядоченіе одного изъ сильнѣйшихъ инстинктовъ даже у самыхъ низко стоящихъ племенъ, то должны уже несомнѣнно существовать первые, хотя бы слабые и малозамѣтные слѣды половой стыдливости. Чувство же это, какъ и всякое другое внутреннее движеніе, неизбѣжно стремится выразить себя во внѣшнемъ мірѣ. Чѣмъ же мы проще, цѣлесообразнѣе можемъ помочь обузданію этого чувства, какъ не удаленіемъ съ глазъ самого орудія чувственности? Рѣдко теорія и опытъ бываютъ такъ согласны между собою, какъ въ этомъ случаѣ; такъ какъ изъ дальнѣйшихъ фактовъ, указывающихъ, что въ качествѣ общаго правила первый толчокъ къ развитію внѣшняго покрова тѣла даютъ прикрышки для половыхъ органовъ, то при нашихъ свѣдѣніяхъ о жизни первобытныхъ народовъ, безусловно нельзя отрицать у нихъ чувство стыда.

„По общему правилу“ прикрытіе стыда даетъ первый толчокъ, потомъ за прикрытіемъ половыхъ органовъ одѣваются и нижнія части тѣла, чѣмъ и до сихъ поръ довольствуются многіе народы. Если ради контроля мы попробуемъ поискать другую исходную точку возникновенія костюма, то результаты получатся крайне скудные. У обитателей болѣе холодныхъ мѣстностей, какъ напримѣръ, у огнеземельцевъ, желаніе укрыть себя чѣмъ-нибудь отъ холода могло повести къ возникновенію одежды, набрасываемой на плечи. Можетъ быть даже, что этотъ путь развитія одежды практиковался въ гораздо большемъ числѣ случаевъ, чѣмъ это при нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ можетъ быть прослѣжено, но опредѣленнаго по этому вопросу нельзя сказать ничего. Кажется, что въ Австраліи и Тасманіи обертка, въ которой женщина носила своихъ ребятъ была въ то же время и прототипомъ женскаго костюма, но это сѣмя не дало никакихъ дальнѣйшихъ ростковъ. Наконецъ, украшенія, хотя и содѣйствовали во многихъ отношеніяхъ развитію одежды, но на порогѣ къ развитію, насколько можно судить теперь, они не имѣли значенія.

Итакъ, въ концѣ концовъ прикрышка стыда была началомъ развитія полнаго прикрытія тѣла и кромѣ того внѣшнимъ выраженіемъ существовавшихъ половыхъ отношеній. Какое важное значеніе имѣла эта прикрышка стыда въ послѣднемъ смыслѣ, достаточно доказывается тѣмъ, что у самыхъ первобытныхъ народовъ разница между полами и отношенія между мужчиной и женщиной самымъ недвусмысленнымъ образомъ выражаются въ костюмѣ.

Здѣсь прежде всего намъ нужно указать на одно очень важное явленіе: у примитивныхъ и даже у тѣхъ обитателей жаркаго пояса, которыхъ коснулась культура, маленькихъ дѣтей до наступленія половой зрѣлости, водятъ совершенно голыми; при торжествѣ наступленія зрѣлости событіе это часто характеризуется внѣшнимъ образомъ надѣваніемъ перваго костюма. Смыслъ этого стариннаго обычая заключается въ томъ, что малолѣтки считаются какъ бы безполыми существами и законы благопристойности къ нимъ не относятся. Этотъ же обычай является сильнымъ возраженіемъ противъ гипотезы объ исключительно охранительномъ назначеніи прикрышки половыхъ органовъ, такъ какъ малолѣтніе въ ней нуждаются гораздо больше, нежели взрослые. Но при отсутствіи одежды выступаютъ на видъ и другія соціальныя явленія. Почти повсюду, гдѣ господствуетъ

свободная любовь между молодыми людьми, и дѣвушка всегда готова къ услугамъ желающихъ, женская молодежь не носитъ никакой одежды, развѣ только иногда крайне незначительную прикрышку, а замужнія женщины всегда закрываютъ себя тщательнѣе и часто сверхъ прочаго носятъ особую одежду для прикрытія груди. У мужчинъ, внутреннее состояніе которыхъ находится въ гораздо меньшей зависимости отъ половой жизни, чѣмъ у женщинъ, разница эта выражается и въ костюмѣ: въ общемъ мужчина менѣе прикрытъ костюмомъ, чѣмъ замужняя женщина. Не при вступленіи въ бракъ, а при исполненіи совершеннолѣтія онъ впервые надѣваетъ одежду или торжественно мѣняетъ свое дѣтское платье на костюмъ взрослаго. У многихъ первобытныхъ народовъ мужчины и дѣвушки не любятъ одѣваться, но замужняя женщина врядъ ли гдѣ-либо покажется безъ одежды или по крайней мѣрѣ безъ символическаго знака прикрышки половыхъ органовъ. Насколько укоренилось убѣжденіе въ томъ, что женщина должна быть болѣе прикрыта, чѣмъ мужчина, показываетъ намъ изумленіе, съ которымъ Геродотъ отнесся къ тому, что въ древнемъ Египтѣ мужчины носили двѣ одежды, а женщины только одну.

Такъ какъ при дальнѣйшемъ развитіи костюма начинаютъ оказывать вліяніе новые мотивы, то и у современныхъ первобытныхъ народовъ встрѣчаются примѣры, подобные приводимому Геродотомъ. Случается, что одежда становится украшеніемъ, цѣннымъ имуществомъ, и право носить его, въ качествѣ внѣшняго выраженія богатства и власти, становится прерогативою мужчинъ. Если, напримѣръ, въ Калифорніи у Винтуновъ старыя женщины всегда одѣты плохо, то это объясняется только ихъ безправнымъ положеніемъ и пренебрежительнымъ отношеніемъ къ нимъ. Обычай при встрѣчахъ и привѣтствіяхъ обнажать какую-нибудь часть тѣла, указываетъ намъ, что уже съ давнихъ временъ недостатокъ въ одеждѣ считался признакомъ бѣдности и сопутствующихъ ей свойствъ покорности, услужливости и кротости. Въ этомъ случаѣ обнаженность можетъ указывать и на преданность, что и выражается въ яванскомъ придворномъ костюмѣ (см. рис. на стр. 402). При этомъ все-таки остается въ своей силѣ правило, по которому частичное прикрытіе тѣла служитъ выраженіемъ благоговѣнія, а нагота — оскорбленіемъ добрыхъ нравовъ и выраженіемъ презрѣнія, и эта идея также доводится иногда до крайности. По Геллію, одной категоріи римскихъ жрецовъ запрещено было раздѣваться подъ открытымъ небомъ, чтобы Юпитеръ не узрѣлъ ихъ наготы, а въ старину они не смѣли снимать съ головы шапки даже у себя въ комнатѣ.

Привычки общества и у насъ могли выставить требованіе, чтобы никто не появился на глаза другимъ иначе, какъ прикрывъ большую часть своего тѣла, если не желаетъ вызвать соблазна, чѣмъ всегда сопровождается нарушеніе установленныхъ обществомъ обычаевъ. Точно также и у примитивныхъ народовъ, въ какой-нибудь моментъ, чувство приличія могло настоятельно потребовать прикрытія и другихъ частей тѣла, а не однихъ половыхъ органовъ, хотя послѣдніе только и являются дѣйствительными pudendae. У народовъ пустыни, имѣющихъ обыкновеніе для защиты лица отъ пыли, зноя и сухости воздуха прикрываться особымъ покрываломъ, это покрывало превратилось въ необходимую принадлежность корректнаго костюма и оно, вслѣдъ за исламомъ, распространилось и въ такихъ странахъ, гдѣ въ немъ нѣтъ никакой надобности. Туареги и другіе народы Сахары рѣшатся открыть свое лицо въ присутствіи чужеземца только при крайней необходимости. Въ области исламизма, наоборотъ, носительницей покрывала является женщина и въ дѣйствительности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, если можно такъ выразиться, чувство стыдливости сконцентрировано на лицѣ. Довольно часто приходится слышать комическіе разсказы о египтянкахъ, которыя при переходѣ черезъ рѣки, безъ всякаго стѣсненія завертываютъ себѣ подолы на голову, довольствуясь тѣмъ, что лицъ ихъ

никто не увидитъ. Между прочимъ однако же значенія подобныхъ наивностей, которыя въ сущности могутъ при случаѣ встрѣтиться гдѣ угодно, переоцѣнивать не слѣдуетъ. Даже ясно выраженное религіозное предписаніе ислама не могло во всѣхъ областяхъ распространенія этой религіи заставить женщинъ носить покрывало, — его не носятъ ни въ южной Аравіи, ни въ Африкѣ[1] за исключеніемъ сѣверной окраины пустыни, но нижняя часть тѣла всегда тщательно закрыта.

Видоизмѣненіемъ пояса стыдливости можно считать прикрытіе задней части тѣла, которое очень часто встрѣчается въ Африкѣ, иногда замѣняетъ свой прототипъ и часто очень строго предписывается для соблюденія обычаемъ. Фогель, напримѣръ, видѣлъ одну женщину Тубори, совершенно нагую; она была взята въ плѣнъ борнуанцами и не хотѣла встать съ мѣста, пока ей не дали зеленой вѣтки, которой она и прикрыла себя сзади. Преимущественное распространеніе этого вида одѣянія среди женщинъ, которыя во время полевыхъ работъ нагибаются впередъ, объясняютъ до нѣкоторой степени этотъ своеобразный обычай. Можетъ быть, здѣсь также играютъ роль и мотивы психологическаго характера: такъ какъ на спинѣ нѣтъ глазъ, то эта половина тѣла и не можетъ защитить себя своевременно отъ взоровъ непрошенныхъ наблюдателей. Вообще же тамъ, гдѣ половые органы ничѣмъ не прикрыты спереди, стараются выполнить завѣтъ стыдливости, придавая цѣлесообразное положеніе тѣлу.

Чтобы вполнѣ уразумѣть исторію возникновенія одежды, нужно также обратить вниманіе на нѣкоторые остатки, слѣды и намеки, которые во многихъ случаяхъ сохранились въ качествѣ документовъ исторіи развитія одежды или какъ руководящія указанія грядущихъ измѣненій. Набедренная повязка, къ которой обыкновенно прикрѣпляется поясъ стыдливости очень часто носится дѣтьми, но безъ лоскута. Точно также повязка, если она унизана бусами изъ раковинъ, можетъ служить и украшеніемъ (см. рис. на стр. 403). Съ другой стороны, къ поясу очень любятъ привѣшивать разные предметы, оружіе, огниво или прикрѣплять другимъ способомъ разныя вещицы, такъ что первоначальное назначеніе его сильно отодвигается на второй планъ. Тамъ, гдѣ одежду бросаютъ, часто сохраняется набедренная повязка, и она, смотря по обстоятельствамъ, можетъ иногда служить доказательствомъ нѣкогда существовавшаго болѣе полнаго одѣянія. Въ Африкѣ у многихъ племенъ замужнія женщины часто носятъ на шнурѣ родъ нагрудника изъ сукна, но такъ же часто видимъ мы, что у дѣвушекъ нагрудниковъ нѣтъ, но шнурокъ сохраняется. Довольно извѣстно, что при болѣе разностороннемъ развитіи костюма часто остается только намекъ на нѣкоторыя части его: стоитъ только вспомнить, что наши узенькіе хвостики фрака первоначально представляли собою отогнутыя назадъ полы длинныхъ кафтановъ. Точно также и цвѣтные воротники и рукавные обшлага нашихъ военныхъ произошли отъ цвѣтной подкладки которая выступала на лицевую сторону при заворотѣ рукавовъ и отгибаніи воротниковъ, — теперь же они замѣнены нашитыми сверху полосами цвѣтного сукна. Обратимъ также вниманіе на приставные воротники и манжеты, глядя на которые нельзя опредѣлить, насколько чисто остальное бѣлье.

Эти показные уборы напоминаютъ намъ о томъ, что одежда имѣетъ стремленіе къ сліянію съ украшеніями и беретъ на себя выполненіе нѣкоторой части задачи послѣднихъ. Благодаря этому она легко становится въ противорѣчіе со своей исконной спеціальной цѣлью. Между тѣмъ какъ ея первоначальной задачей было прикрытіе и окутываніе тѣла, ослабленіе возбуждающихъ проявленій чувственности и сокрытіе ихъ, — теперь одежда стремится привлечь на себя вниманіе и очень часто

[1] Нѣтъ также этого обычая во всемъ Затяньшаньскомъ Туркестанѣ. Его пытаются привить сарты, выходцы изъ Русскаго Туркестана, но безуспѣшно. *Ред.*

служитъ средствомъ для возбужденія чувственности. Эта смѣнная игра противорѣчій между обѣими цѣлями обнаруживается съ полной ясностью весьма пикантнымъ образомъ въ дальнѣйшемъ развитіи женскаго костюма. Эта пикантность усиливается еще тѣмъ, что эти противорѣчія соотвѣтствуютъ пріемамъ женской любовной тактики, съ ея перемѣнчивой манерой то привлекать, то отталкивать, то воспламенять, то обдавать холодомъ поклонника. Женщина должна своею внѣшностью болѣе говорить чѣмъ мужчина, и она всегда умѣла примирять между собою обѣ, какъ бы взаимно исключающія другъ друга задачи костюма.

При всемъ этомъ съ успѣхами культуры безпрерывно совершенствуется и практическая сторона костюма, заключающаяся въ защитѣ тѣла человѣка отъ вліянія непогоды. Здѣсь выступаютъ затрудненія двоякаго рода и въ то же время устанавливаютъ точку зрѣнія, дающую возможность обстоятельно разсмотрѣть вопросъ: первая задача, какъ укрѣпить на тѣлѣ человѣка матеріалъ для одежды такъ, чтобы она не сползала съ тѣла при самыхъ энергичныхъ движеніяхъ, вторая заключается въ выборѣ среди наличнаго матеріала наиболѣе подходящаго для изготовленія платья или въ изобрѣтеніи новаго, лучшаго.

При описаніи украшеній были обозначены части тѣла, для которыхъ онѣ предназначаются, и эти же части тѣла (бедра, плечи, голова) представляютъ собой точки опоры костюма. Не было такъ же упущено изъ вида, что руки и ноги, при плотной обвязкѣ также могутъ служить для подкрѣпленія частей костюма. Всѣ эти способы могутъ быть использованы и одновременно, и порознь. Можно изъ лоскутка ткани сдѣлать родъ фартука, прикрѣпивъ его къ набедренной повязкѣ, можно обернуть матерію вокругъ бедеръ, и она во многихъ случаяхъ будетъ держаться на нихъ и прикрывать вмѣстѣ съ тѣмъ нижнія части тѣла и верхнія части ногъ, можно наконецъ свернутую полосу матерію, обернувъ вокругъ бедеръ, пропустить между ногъ и туго стянуть (лангути индусовъ). Первобытные народы рѣдко пользуются плечами для прикрѣпленія одежды, потому что если такая одежда коротка, какъ напримѣръ, мантія Массаи — она плохо защищаетъ тѣло, а длинная одежда, по крайней мѣрѣ въ тропическомъ климатѣ, была бы помѣхой на работѣ и на охотѣ. Прежде всего женщины, вообще стремящіяся къ развитію костюма, изобрѣтаютъ новые способы для защиты тѣла, и во многихъ случаяхъ является возможность, какъ уже указано было выше, обертывая себя тканью, такъ одѣться, что будетъ закрыта грудь, концы спустятся внизъ, а плечи останутся свободными. Голова, если не говорить о легкихъ прикрышкахъ, начинаетъ служить для поддержки одежды лишь при полномъ прикрытіи тѣла. Тамъ же, гдѣ, какъ въ европейскомъ костюмѣ, платье плотно облегаетъ все тѣло, костюмъ держится на человѣкѣ самъ собою. Въ общемъ намъ теперь, по крайней мѣрѣ въ мужскомъ костюмѣ, удалось большую часть тяжести одежды перенести на плечи, какъ на части тѣла, наиболѣе приспособленныя для такой службы и устранить вредное для здоровья стягиваніе бедеръ; даже и панталоны поддерживаются теперь помочами, лежащими на плечахъ.

Постепенное увеличеніе количества оболочекъ тѣла происходитъ различными способами: иногда является надобность въ длинной одеждѣ, замѣняющей цѣлый костюмъ, защищающій сразу всѣ части тѣла, какъ войлочный кафтанъ монгольскихъ племенъ.[1] Въ другихъ случаяхъ самостоятель-

---

[1] Мы недоумѣваемъ, о какомъ войлочномъ кафтанѣ монгольскихъ племенъ, прикрывающемъ все тѣло, говоритъ авторъ? Длинный и негибкій войлочный кафтанъ былъ бы только обузой для кочевыхъ наѣздниковъ. О такой одеждѣ мы не слыхали нигдѣ въ Монголіи и не читывали о ней. Былъ войлочный кафтанчикъ у тюркскихъ племенъ Сибири—кисъ-тонъ, но это одежда короткая, при которой нужны и другія приспособленія. Нѣчто подобное имѣется у кавказскихъ горцевъ—это бурка; но это не кафтанъ, а безрукавный войлочный, косматый плащъ. Монгольскій войлокъ настолько плохъ, что годится только на потники подъ сѣдла, покрышки для юртъ и подстилки а не на одежду *Ред.*

ныя части костюма постепенно сливаются въ одну общую оболочку тѣла. У малайскихъ племенъ между саронгомъ, охватывающимъ бедра и коротенькой курточкой, прикрывающей грудь, часто остается обнаженная полоса тѣла; но за то прикрышка плечъ спускается очень низко вдоль спины и захватываетъ сѣдалищныя части тѣла. Здѣсь мы видимъ зачатокъ рубахи, главной и древнѣйшей составной части костюма европейца; вторая важная часть послѣдняго, панталоны, развилась на сѣверѣ изъ набедреннаго фартука. Народы классической древности не знали панталонъ, вмѣсто нихъ они поверхъ рубашки накидывали нѣчто вродѣ мантіи. Египтяне и ассиріяне, по Кречмеру, различались между собою тѣмъ, что первые носили набедренныя повязки, а у вторыхъ основою костюма была рубаха. И у грековъ поясъ стыдливости только впослѣдствіи вышелъ изъ употребленія, такъ какъ на изображеніяхъ Микенской эпохи часто встрѣчаются мужчины съ рельефно выдающейся набедренной повязкой и фартукомъ. Мильхгеферъ указываетъ, что такой поясъ можно распознать и на древнегреческихъ бронзахъ.

Опытъ распредѣленія костюмовъ на большія группы въ зависимости отъ климатическихъ условій былъ предпринятъ Герландомъ. Онъ различаетъ области бореальную, подтропическую и тропическую. „Тропическій костюмъ—пишетъ онъ—совмѣщаетъ въ себѣ абсолютную наготу и наготу большей части тѣла, при чемъ поясъ или набедренная повязка, иногда удлиняясь, обращается въ настоящую одежду; въ этомъ и состоитъ вся одежда. Иногда къ ней временно присоединяется что-нибудь набрасываемое на плечи, а также и разнообразные головные уборы. Здѣсь, стало быть, основная одежда—поясъ. Наоборотъ въ подтропическомъ костюмѣ преобладаетъ мантія, но большая часть тѣла остается не прикрытой. Мантія состоитъ по большей части изъ одежды, напоминающей рубаху болѣе или менѣе длинную безъ пояса или съ поясомъ; иногда она обращается въ костюмъ, прикрывающій все тѣло, въ такомъ случаѣ, такая широкая и свободная мантія, сообразно съ дневными и годовыми перемѣнами температуры, можетъ быть носима различными способами въ теплое и холодное время, — на распашку и плотно обернутая около тѣла. Впрочемъ и этотъ костюмъ стараются привести къ возможному минимиму. Бореальный костюмъ, въ противоположность предыдущимъ, плотно облегаетъ все тѣло, его не легко сбросить съ себя, и онъ тѣсно связанъ съ тѣломъ. Этотъ костюмъ принятъ культурными народами и современемъ покоритъ себѣ весь земной шаръ“.—Бореальный костюмъ Габерландъ раздѣляетъ въ свою очередь на бореальный и арктическій. Онъ самъ указываетъ на то, что тропическій костюмъ нѣкогда былъ самымъ распространеннымъ и вмѣстѣ самымъ древнимъ. Онъ утверждаетъ, кромѣ того, что элементы тропическаго костюма сохранились и въ настоящее время. Однимъ изъ примѣровъ такихъ пережитковъ могутъ служить не носящіе панталонъ горные обитатели Шотландіи, и про нихъ извѣстно, что даже и въ историческія времена ихъ костюмъ былъ гораздо скуднѣе, нежели теперь.

Совершенно удовлетворительно распредѣлить костюмы и по климатамъ во всякомъ случаѣ нельзя, такъ какъ мы уже видѣли, что развитіе одежды, какъ защитной оболочки тѣла, во всѣ времена совершалось подъ вліяніемъ многихъ побочныхъ причинъ. И самый матеріалъ для одежды не остается безъ вліянія на костюмъ: повсюду, гдѣ разныхъ матеріаловъ для одежды много или гдѣ ихъ легко можно изготовлять, тамъ и костюмъ богаче и разнообразнѣе (см. изобр. на стр. 405). Кромѣ того, и подъ тропиками будетъ развиваться болѣе полное прикрытіе тѣла по мѣрѣ того, какъ станутъ изготовлять все болѣе и болѣе тонкія ткани, въ умѣренномъ же климатѣ и въ холодномъ одежда должна сообразоваться съ временами года и, смотря по надобности, изготовляться то изъ болѣе солиднаго, то изъ болѣе легкаго матеріала.

Полярные народы, при постоянной борьбѣ съ неблагопріятнымъ климатомъ, и костюмъ носятъ наиболѣе полный, ближе всего подходящій къ идеалу полнаго прикрытія тѣла. Несомнѣнно большая часть усовершенствованій костюма была изобрѣтена въ странѣ сѣверныхъ морозовъ и даже культурные народы умѣреннаго и теплаго климатовъ постепенно передѣлывали свое, въ началѣ неудовлетворительное одѣяніе, по образу и подобію сѣверныхъ костюмовъ. Штаны—одѣяніе чисто сѣверное, льняная рубаха, замѣнившая въ качествѣ нижней одежды неудобную для этой цѣли шерстяную тунику, по мнѣнію Гена, заимствована у кельтовъ. Башмаки и сапоги, вытѣснившіе въ конецъ неудобныя сандаліи, изобрѣтены сѣверными варварами, какъ это доказалъ Пешель. Даже и выборъ головныхъ уборовъ у классическихъ народовъ былъ очень не великъ, и малокультурные народы впервые въ этомъ случаѣ, какъ и въ головныхъ прическахъ, попытались запечатлѣть свою оригинальность. Однообразіе древне-классическаго костюма въ большей мѣрѣ можно приписать недостатку развитія; но только не ему одному. Человѣкъ всегда отражаетъ самого себя въ своей внѣшней оболочкѣ и въ этихъ широкихъ, спокойныхъ линіяхъ внѣшняго покрова тѣла классическихъ народовъ, передъ нами воскресаетъ геній эпохи, которая въ своемъ свободномъ и гармоническомъ развертываніи силъ стала для потомковъ завѣтной мечтой и цѣлью страстныхъ стремленій.

---

6. Постройки.

Люди, обладающіе культурой, къ которымъ принадлежатъ и принадлежали въ теченіи тысячелѣтій всѣ члены этой группы существъ, не могутъ уже, подобно звѣрямъ, считаться созданіями одной только природы. Если можно назвать естественнымъ все, что создано инстинктивными стремленіями организующихъ творческихъ силъ, то, съ другой стороны, все, что произведено при участіи сознанія, должно быть признано искусственнымъ. Съ этой точки зрѣнія и все человѣчество на большую половину можно считать искусственнымъ созданіемъ его разума. Онъ задержалъ развитіе измѣненій тѣла и вмѣсто нихъ, для новаго, способнаго къ безпрерывнымъ измѣненіямъ организма—общества, создалъ матеріальную культуру и мало по малу забралъ въ свои руки всѣ дальнѣйшія работы человѣчества по приспособленію къ новымъ обстоятельствамъ. Вмѣстѣ съ этимъ всѣ вспомогательныя средства культуры сдѣлались условіями существованія человѣка. Безъ нихъ онъ немыслимъ и почти настолько же безпомощенъ, какъ искалѣченное животное. Онъ долженъ держаться подальше отъ великой борьбы столкновенія силъ и великихъ катаклизмовъ природы, ему нужно создавать для себя, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, извѣстные районы, въ которыхъ онъ могъ бы жить по своему. Это изолированіе человѣка отъ перемѣнчивыхъ вліяній внѣшняго міра въ извѣстной степени достигается одеждою, но въ гораздо большей мѣрѣ и съ болѣе древнихъ временъ умѣньемъ человѣка устраивать себѣ жилыя помѣщенія, изъ которыхъ онъ впослѣдствіи создаетъ для себя особый міръ, сообразно своимъ утонченнымъ потребностямъ. Вліяніе жилищъ на физическое состояніе человѣка, безъ сомнѣнія, очень значительно. Тѣ рѣзкія расовыя отличія, характеризующія самыя крупныя группы человѣчества и не измѣняющіяся ни отъ холоднаго, ни отъ знойнаго климата, повидимому возникли еще въ ту пору, когда человѣкъ былъ въ гораздо большей мѣрѣ доступенъ внѣшнимъ климатическимъ воздѣйствіямъ, когда онъ не пріучился еще ночь и часть дня проводить въ закрытомъ помѣщеніи, которое въ жаркій день даетъ прохладу, а ночью, при огнѣ, защищаетъ отъ холода.

Написать настоящую исторію жилищъ такъ же трудно, какъ и исторію

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Пещерныя жилища въ Клифъ-Паластъ-Каньонѣ (юго-западная часть Колорадо).

По Г. Норденшёльду.

матеріальной культуры вообще. Доисторическія изысканія даютъ намъ далеко неполную, а потому, волей-неволей, ложно освѣщенную картину прошлаго. Подобно тому какъ изъ доисторической утвари сохранились только каменныя орудія, а издѣлія изъ дерева и другихъ менѣе прочныхъ матеріаловъ исчезли безвозвратно, такъ и изъ построекъ дошли до насъ только храмы, башни (см. изобр. на стр. 417), могилы и памятники, сооруженные изъ тяжеловѣсныхъ камней; легкія-же сооруженія не оставили послѣ себя слѣдовъ. Кромѣ каменныхъ, уцѣлѣли отъ разрушительнаго вліянія времени только погруженныя въ озерахъ и болотахъ остатки жилищъ, преимущественно свайныхъ построекъ. Только въ томъ случаѣ, если бы какой-нибудь одаренный художественными способностями и вкусами современникъ забытой эпохи пришелъ къ мысли, ради глубокаго благоговѣнія передъ покойникомъ, соорудить ему погребальную урну, имѣющую видъ жилища, и этотъ памятникъ по счастливой случайности сохранился бы, передъ нами могъ бы открыться клочекъ картины погибшаго міра. Вообще же опять и здѣсь приходится заявить о безусловной необходимости прежде всего обратиться къ основательному обзору современныхъ первобытныхъ народовъ. Только тогда можно будетъ съ надеждой на успѣхъ до нѣкоторой степени ознакомиться съ ходомъ постепеннаго развитія жилищъ. Вѣдь теперь еще существуютъ нѣкоторые народы, у которыхъ строительное искусство находится въ зачаткѣ, и среди нихъ до настоящаго времени удержалось большое число крайне примитивныхъ формъ жилищъ.

Замѣтимъ однако же, что было бы ошибкой сосредоточивать все свое вниманіе только на жилищахъ. Перевѣсъ духовныхъ запросовъ въ человѣкѣ уже на первыхъ стадіяхъ развитія приводитъ къ тому, что не въ постройкахъ, созданныхъ для комфорта отдѣльныхъ и вообще живущихъ еще лицъ, а среди храмовъ и могилъ мы встрѣчаемъ наиболѣе мощныя, опредѣляющія стиль эпохи сооруженія (см. изображеніе на стр. 418). Прототипами обоихъ сооруженій являются жилища; но они потомъ развиваются самостоятельно, гораздо быстрѣе, нежели жилыя помѣщенія и доходятъ до грандіознаго. Въ концѣ концовъ по образцамъ храмовъ и памятниковъ начинаютъ строить дома для живыхъ людей и подъ этими вліяніями жилища усваиваютъ себѣ монументальный характеръ. У кулькурныхъ народовъ современности нѣтъ такихъ контрастовъ въ постройкахъ, такъ въ древнемъ Египтѣ между храмами и пирамидами съ одной стороны, и тростниковыми, также глиняными лачужками съ другой; но и теперь соборы и зданія общественныхъ учрежденій высоко вздымаются надъ рядами частныхъ домовъ.

Несомнѣнно существовала такая эпоха развитія человѣчества, во время которой не было и рѣчи о какихъ либо искусственныхъ постройкахъ. Это не теоретическое заключеніе, да и оно, при наличности построекъ у животныхъ, не могло бы имѣть обязательнаго значенія. Это выводъ, основанный на фактахъ изъ жизни и быта народовъ низшей ступени развитія. Вопросъ о томъ, не представляютъ ли жилища у людей, какъ и у животныхъ, проявленіе заботъ о потомствѣ, не можетъ быть съ увѣренностью рѣшенъ ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. Мы видѣли уже, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ женщина муки родовъ и послѣродовой періодъ переживаетъ внѣ своего жилища; но при этомъ возможно допустить, что обычай возникъ уже въ болѣе позднія времена. Самые примитивные народы выискиваютъ или устраиваютъ себѣ убѣжища, главнымъ образомъ, для ночного успокоенія и для защиты отъ непогоды.

Естественныя убѣжища встрѣчаются мѣстами; онѣ служатъ исходной точкой дальнѣйшаго развитія. Извѣстно, что въ землѣ существуютъ пещеры сквозныя и замкнутыя (см. таб. „Пещерныя жилища въ Клифъ-Паластъ, въ югозападной части Колорадо“), и археологическія изслѣдованія показали, насколько громадно было число пещерныхъ жилищъ въ Европѣ.

хотя, впрочемъ, взгляды на значеніе этого факта сильно расходятся. Съ одной стороны, французы цѣлый періодъ доисторической жизни назвали пещернымъ, съ другой стороны, съ полнымъ правомъ указываютъ на то, что не всѣ страны обладаютъ значительнымъ количествомъ пещеръ и для людей было бы въ высшей степени затруднительно пріурочивать свое мѣстообитаніе только къ тѣмъ странамъ, гдѣ существуютъ такія природныя убѣжища; иначе говоря, рядомъ съ пещерными существовали одновременно и другія жилища, которыя могли быть многочисленнѣе первыхъ, но не оставили послѣ себя слѣдовъ. Оскаръ Франсъ вообще склоненъ думать, что пещеры никогда не служили постоянными жилищами, а только лишь прибѣжищами во время холоднаго времени. Возможно также, что боязнь дикихъ звѣрей во время влажныхъ ледниковыхъ эпохъ заставляла людей предпочитать сырыя нездоровыя пещеры потому, что въ нихъ удобнѣе было защищаться и что ихъ покидали при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ однако цѣлыя серіи поколѣній упорно держались въ этихъ дешевыхъ квартирахъ: такъ, напримѣръ, во Франціи, на Везерѣ въ нижнихъ отложеніяхъ одной пещеры нашли остатки обитателей ледниковой эпохи, надъ ними слѣды неолитическаго человѣка и наконецъ вещи бронзоваго вѣка. Нерѣдко и новѣйшія обиталища стоятъ въ преемственной связи съ древнѣйшими. Кто изъ Гранады по живописной долинѣ Дарро направится въ Сіеру Неваду, тотъ тамъ встрѣтитъ цѣлый рядъ пещерныхъ жилищъ, которыя съ внѣшней стороны закрыты каменной стѣной, въ которой продѣланы окна и двери. Жилища такія встрѣчаются тамъ настолько часто, что самый невнимательный наблюдатель перестаетъ видѣть въ нихъ что-либо необыкновенное. Въ Тунисѣ (см. изоб. на стр. 419) и также во многихъ другихъ мѣстахъ часто встрѣчаются подобныя жилища. Гораздо чаще, послѣ того какъ въ пещерахъ перестанутъ жить, ихъ употребляютъ для погребенія покойниковъ, и этимъ, какъ мы увидимъ, совершается первый шагъ въ новомъ направленіи мысли человѣка.

Пещеры уже потому не могутъ быть типическими примѣрами жилищъ первобытной культуры, что въ равнинахъ онѣ вовсѣ не встрѣчаются и рѣдки даже во многихъ горныхъ мѣстностяхъ. Вѣроятно выкопанная въ землѣ яма, прикрытая сверху хворостомъ, на днѣ которой огонь не раздуваемый вѣтромъ, горѣлъ спокойно, была болѣе древнимъ жильемъ, нежели пещера. Весьма возможно, что и знаменитыя мѣста археологическихъ находокъ, около Шуссенквелле въ Виртембергѣ первоначально были такими жилыми ямами, которыя впослѣдствіи засорились отъ щебня и обваловъ.

Второй группой природныхъ убѣжищъ были густолиственныя деревья и кустарники, подъ защитою которыхъ люди спасались отъ жары и находили болѣе или менѣе достаточную защиту отъ дождя и бури. Отсюда одинъ шагъ къ тому, чтобы поплотнѣе сплести вѣтви надъ головой и съ подвѣтренной стороны для усиленія защиты, набросать нѣсколько густо покрытыхъ листьями вѣтвей. Южноафриканскіе бушмены, умѣющіе уже устраивать себѣ жилье, во время своихъ скитаній предпочитаютъ такія первобытныя стоянки или ищутъ убѣжища въ пещерахъ и расщелинахъ скалъ. Фричъ сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: „выбираютъ густой кустарникъ для защиты, обламываютъ лишнія вѣтви и сплетаютъ ихъ вмѣстѣ съ другими на подвѣтренной сторонѣ, пригибаютъ ихъ къ низу, затыкаютъ дыры и такимъ образомъ устраиваютъ низенькій шалашикъ, подъ которымъ можно кататься и валяться въ свое удовольствіе; наиболѣе удобными для такихъ сооруженій считаются кустарники трагокантуса. Такъ какъ бушмену по его росту и умѣнью свертываться въ клубочекъ нужно гораздо меньше мѣста, чѣмъ простому смертному, то онъ, раздвигая вѣтви и сучья, сможетъ устроить себѣ логовище и въ чащѣ кустарника. Онъ всегда предпочтетъ подобное ложе всякому другому, если

только имѣетъ основаніе скрывать свое присутствіе. Подобныя напоминающія птичьи гнѣзда, логовища изъ пригнутыхъ и переплетенныхъ вѣтвей, чрезъ которыя и чрезъ затычки просвѣтовъ, видно все насквозь, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, дали самое названіе этому племени. Многія бродячія племена лѣсовъ Бразиліи, какъ напримѣръ Мури, повидимому, такимъ же образомъ устраиваютъ себѣ прибѣжища. Разница только въ томъ, что въ своихъ гамакахъ они устраиваютъ себѣ какъ бы полъ, приподнятый надъ землею.

Въ качествѣ промежуточной стадіи между пещерами и сплетенными изъ вѣтвей деревьевъ шалашами можно поставить дупла деревьевъ, которыя въ особенно большомъ ходу были, въ качествѣ помѣщеній для жилья, у Тасманцевъ. Иногда они нарочно выжигали для этого дупла въ деревьяхъ или расширяли ихъ; кромѣ того эти вымершіе островитяне строили себѣ грубыя хижины; но, что достойно замѣчанія,—не изъ вѣтвей, а изъ коры деревьевъ. Всюду высшія формы развивались изъ несовершенныхъ начинаній. Кто желаетъ оглядѣть всю безконечно разнообразную массу жилищъ человѣка, тотъ не долженъ упрямо останавливаться на одной какой-нибудь точкѣ зрѣнія, потому что тогда многое знаменательное, скрытое ближайшими явленіями, ускользнетъ отъ его умственнаго взора. Нужно разсматривать предметы съ разныхъ сторонъ, и тогда выяснятся передъ нами различныя перспективы и окажется что эта безпорядочная масса можетъ быть въ однихъ случаяхъ лучше систематизирована въ одномъ, въ иныхъ—въ другомъ направленіи; такимъ путемъ мы дойдемъ въ результатѣ до полнаго пониманія великихъ законовъ, которыми обусловливается развитіе жилищъ человѣка такъ же, какъ и другихъ сторонъ его жизни. Не всегда эти законы можно формулировать въ краткихъ и ясныхъ выраженіяхъ, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ многіе изъ нихъ сталкиваются между собою и воздѣйствуютъ другъ на друга. Впрочемъ, мы уже изъ сдѣланныхъ до сихъ поръ разъясненій успѣли убѣдиться въ томъ, что исторія культуры—не задача для простыхъ математическихъ вычисленій, не матеріалъ для сухихъ абстракцій и слѣдовательно необходимо должна считаться со всѣми превращеніями и измѣнчивыми проявленіями человѣческаго духа. Поставленная ей задача заключается не въ томъ, чтобы изображать какъ растетъ и образуется нѣчто чуждое намъ, а въ томъ, чтобы изъяснить, какъ справляется съ новыми вопросами, вновь возникшими задачами и новыми трудностями на своемъ пути нашъ человѣческій родъ. На самую благопріятную для насъ точку зрѣнія въ занимающемъ насъ вопросѣ мы встанемъ тогда, когда мы будемъ имѣть

Замокъ Боябадъ въ Малой Азіи. По фотографіи. См. текстъ, стр. 415

въ виду главнѣйшую цѣль постройки всякихъ жилищъ, именно защиту человѣка отъ непогоды. Тогда окажется, что совершенное жилище должно предоставить человѣку троякаго рода защиту: оно должно имѣть крышу, не пропускающую ни палящихъ солнечныхъ лучей, ни дождя и задерживающую лучеиспусканіе теплоты въ атмосферу; оно должно имѣть боковыя стѣны, не дающія доступа вѣтрамъ и, наконецъ, полъ, изолирующій обитателей отъ сырости и холода поверхности земли. Эти требованія не всякимъ жилищемъ удовлетворяются въ одинаковой мѣрѣ, наоборотъ, въ однихъ принимается больше во вниманіе одно въ другихъ — другое требованіе, и на этомъ основаніи возможно построить, принимая во вниманіе троякій родъ службы жилища, первую классификацію первобытныхъ жилищъ, къ чему мы еще возвратимся потомъ.

Какъ и во всѣхъ произведеніяхъ матеріальной культуры, послѣ назначенія предмета, вторымъ опредѣляющимъ моментомъ является матеріалъ. Главнымъ образомъ, здѣсь требуются предметы плоскіе, существующіе въ природѣ или изготовляемые техникой; но въ большинствѣ случаевъ для такого матеріала требуется своего рода скелетъ, къ которому можно было бы прикрѣпить или приложить плоскія поверхности. Только въ исключительныхъ случаяхъ обѣ части жилища могутъ быть удовлетворительно устроены по одному способу и изъ одного и того же матеріала; лучше всего это достигается въ постройкахъ деревянныхъ, которыя состоятъ изъ деревянныхъ столбовъ, служащихъ опорою зданія и прикрытія изъ досокъ а также въ ульеобразныхъ жилищахъ простѣйшаго типа, которыя сооружаются изъ древесныхъ вѣтвей, воткнутыхъ въ землю, согнутыхъ и скрѣпленныхъ вмѣстѣ верхними концами.

Защита могилъ у индѣйцевъ меномини, Сѣв. Америка. По Гофману. См. текстъ, стр. 415.

Для постройки крышъ и стѣнъ природа даетъ тѣ же самые матеріалы, какъ и для болѣе тѣсной оболочки тѣла человѣка, одежды, именно кожи и древесную кору. Но при изготовленіи одежды эти сырые матеріалы скоро замѣняются искусственными плетенками и тканями; подобное этому видимъ мы и въ строительномъ искусствѣ. Переплетаніе кровельныхъ матеріаловъ часто начинается только лишь тогда, когда готовъ уже опорный остовъ зданія, а такъ какъ вообще защита нужна только съ одной внѣшней стороны зданія, то въ большинствѣ случаевъ бываетъ достаточно для покрышки крыши и стѣнъ чешуевиднаго наложенія маленькихъ кроющихъ поверхностей одну на другую, какъ напримѣръ, листьевъ, драницъ, пучковъ травы, кусковъ древесной коры и т. д. Этотъ способъ рекомендуетъ себя еще тѣмъ, что при немъ удобно скатывается внизъ дождевая вода (см. изобр. на стр. 420). Это примѣняется почти повсюду тамъ, гдѣ крыша дѣлается не изъ прочныхъ матеріаловъ. Стѣны же по преимуществу изготовляются изъ плетней, поперечныхъ перекладинъ изъ жердей, черешковъ пальмовыхъ листьевъ и тому подобнаго; стѣны не столько должны защищать отъ дождя сколько отъ вѣтра. При тонкихъ стѣнахъ это достигается лучше всего обмазкой ихъ глиной, и если ее, по способу, практикуемому въ Африкѣ, смѣшиваютъ съ коровьимъ навозомъ, то она скоро ссыхается и превращается въ плотную массу. Въ Гвіанѣ лѣсныя племена строютъ хижины съ тонкими стѣнами или только съ крышей; обитатели же травяныхъ степей, Макизи, Арекуна и Вапіана, гдѣ часто дуютъ вѣтры, при постройкѣ хижинъ дѣлаютъ толстыя стѣны изъ глины. Тамъ, гдѣ при постройкѣ употребляется глина, изъ нея же дѣлаютъ и полъ. Обмазываніе стѣнъ глиной ведетъ къ изобрѣтенію сырцоваго (просушеннаго на солнцѣ) кирпича; а такъ какъ гончарство извѣстно вездѣ, то отсюда

одинъ шагъ къ изготовленію обожженнаго кирпича. Все-таки въ сухихъ странахъ, которыя кромѣ того обыкновенно бѣдны топливомъ, довольствуются сырцовымъ кирпичемъ (см. изобр. стр. 421 и 439), изъ котораго воздвигнуты были тѣ гигантскія постройки въ Вавилонѣ, которыя теперь мало-по-малу превратились въ безформенныя кучи земли. Рядомъ съ этимъ совершенно особымъ путемъ развиваются постройки изъ натуральнаго камня. Полярные народы владѣютъ своеобразнымъ строительнымъ матеріаломъ, въ видѣ плотнаго снѣга ихъ родины: вырѣзывая толстыя плиты изъ него они устраиваютъ сводчатыя хижины (см. изобр. стр. 422), которыя въ этомъ единственномъ случаѣ являются прототипами построекъ изъ натуральнаго камня.

Сравнительно довольно поздно, только послѣ изобрѣтенія металлическихъ пилъ, явилась возможность легко и скоро изготовлять изъ древесныхъ стволовъ доски. Съ тѣхъ поръ и стали распространяться среди культурныхъ народовъ дома изъ однихъ только досокъ, которые кое гдѣ, какъ напримѣръ въ Скандинавіи, успѣшно конкуррируютъ съ каменными. Металлы уже въ древности употреблялись при постройкахъ храмовъ и при томъ въ такихъ количествахъ, что возбуждали алчность болѣе позднихъ поколѣній: въ Римѣ мѣдные позолоченные кирпичи съ храма Venus in Roma были перенесены на старую базилику Петра. Уже въ началѣ новаго времени мѣдныя балки изъ притвора захватилъ одинъ изъ папъ и перелилъ на пушки. Въ настоящее время металлы употребляются очень часто при постройкахъ для подпоръ и стропилъ зданій, но для крышъ ищетъ исключительно лишь листовое желѣзо.

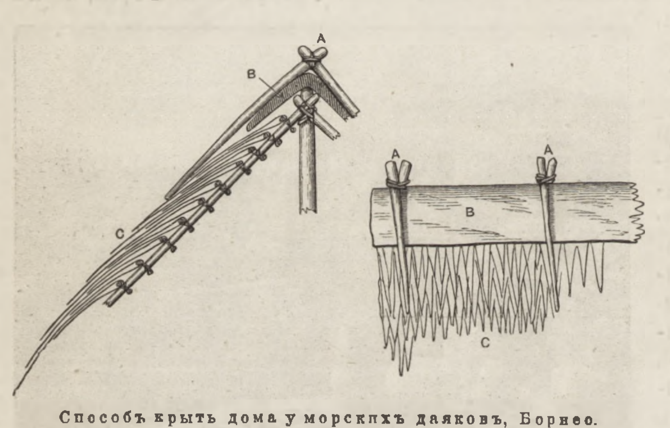

Пещерныя жилища близъ Габеса въ Тунисѣ. Сѣверная Африка. По фотографіи. См. текстъ, стр. 416.

Изъ послѣднихъ примѣровъ видно, что всякое зданіе состоитъ изъ подпоръ и крыши, т. е. кроющихъ и поддерживающихъ частей. Внутренняя конструкція представляетъ собою нѣчто вродѣ скелета теплокровныхъ животныхъ, на который налегаютъ въ видѣ защитныхъ оболочекъ мускулы и покровы ихъ — волоса и перья. Кто желаетъ изучить какое-нибудь животное, долженъ прежде всего ознакомиться съ его костякомъ, не довольствуясь только одними наблюденіями внѣшности, тѣ же самыя требованія слѣдуетъ соблюдать и при сравнительномъ изученіи формъ построекъ. Герману Фробеніусу принадлежитъ особая заслуга въ томъ, что онъ первый указалъ на важность конструктивныхъ частей зданія для сравнительно-этнологическаго изученія ихъ и въ то же время своими работами объ африканскихъ и океанійскихъ строительныхъ типахъ далъ образцы изслѣдованія всѣмъ своимъ преемникамъ въ этой области. Будемъ надѣяться, что на этомъ пути, который доступенъ только образованному архитектору-спеціалисту, въ то же время знакомому съ пріемами этнологическихъ изслѣдованій, удастся современемъ открыть новые горизонты въ подлежащихъ изученію вопросахъ, а пока мы имѣемъ еще очень мало дѣльныхъ работъ по этой отрасли.

Изученіе зданій въ связи съ вліяющими на нихъ климатическими условіями даетъ еще новую точку зрѣнія для обзора матеріала. Уже въ

имѣющихся для употребленія матеріалахъ замѣтны эти вліянія; но въ гораздо большей мѣрѣ обнаруживаются онѣ въ способахъ постройки и въ особенности въ отношеніяхъ между жилищемъ и почвой. Въ холодныхъ мѣстностяхъ человѣкъ роется въ глубь и въ полуподземныхъ или подземныхъ покояхъ находитъ защиту отъ морозовъ; дома тропическихъ народовъ наоборотъ приподнимаются на высокихъ сваяхъ надъ кишащей лихорадочными міазмами почвой. Обитатель тропическихъ первобытныхъ лѣсовъ часто строитъ себѣ только крышу и обходится безъ стѣнъ, тогда какъ пастухъ степей, гдѣ почти постоянно дуютъ бурные вѣтры, укрѣпляетъ стѣны. Культурные народы умѣреннаго пояса мало-по-малу научились приспособлять свои дома къ перемѣнамъ временъ года, многіе же другіе народы обходятся тѣмъ, что для зимы и лѣта строятъ отдѣльные дома, которые часто несходны между собою ни по матеріалу, ни по устройству. Сооруженная изъ камней или изъ глыбъ снѣга зимняя хижина эскимоса представляетъ собою совершенно иное сооруженіе, нежели его легкій лѣтній шатеръ.

Способъ крыть дома у морскихъ даяковъ, Борнео. По Лингъ Роту.

A палки съ навязанными веревками, B верхній брусъ на кровлѣ: C кровельный матеріалъ изъ пальмы нипа.

Эта смѣна лѣтнихъ и зимнихъ жилищъ находится въ зависимости отъ образа жизни обитателя, который, въ свою очередь, также оказываетъ сильное вліяніе на существенныя свойства жилища. Здѣсь рѣшительнымъ образомъ выступаетъ разница между осѣдлыми, полуосѣдлыми, чисто кочевыми и бродячими племенами. Бродячіе народы въ своихъ хижинахъ подолгу не живутъ и скоро бросаютъ ихъ, а потому и строятъ ихъ наскоро изъ попадающихъ подъ руку матеріаловъ (см. изобр. на стр. 423). Кочевые народы высшей стадіи развитія предпочитаютъ легкія жилища, которыя можно брать съ собой и быстро устанавливать, и жилищами, имъ служатъ разнообразныхъ формъ палатокъ (см. изобр. стр. 424. 428 и 429). Полной осѣдлости не знаютъ и первобытные земледѣльцы, и это является главной причиной поздняго введенія каменныхъ построекъ тамъ, гдѣ изъ этого матеріала уже давно строятъ могильные памятники и другія сооруженія, разсчитанныя на продолжительный срокъ существованія.

Уже при разсмотрѣніи соціальныхъ отношеній было указано, что это неполное прикрѣпленіе къ землѣ, кромѣ чисто хозяйственныхъ, обусловливается и другими причинами. Не одно только истощеніе почвы можетъ заставить подняться съ мѣста цѣлую деревню, покинуть свои хижины и переселиться въ другое мѣсто; также и смерть начальника можетъ на долгое время жилую мѣстность превратить въ необитаемую, равнымъ образомъ, благодаря страху передъ грядущей эпидеміей запустѣваютъ цвѣтущія поселенія. Простые капризы повелителей въ Африкѣ и на Востокѣ нерѣдко, какъ по мановенію волшебства, создавали города и на мѣстахъ многочисленныхъ поселеній оставляли бѣдныя деревушки или одинокія хижины. У арабовъ можно лучше всего ознакомиться съ тѣмъ, что строительное искусство даетъ намъ преходящаго или временнаго, такъ какъ у нихъ всегда сохраняются нѣкоторыя склонности къ кочевому образу жизни.

Здѣсь мы впрочемъ видимъ еще только часть вліяній на строительное

искусство, обусловливаемыхъ общественными отношеніями. Гораздо рѣшительнѣе сказывается въ архитектурѣ отдѣльныхъ народовъ, помимо имущественныхъ различій, которыя, конечно, и здѣсь не лишены значенія, вліяніе формъ общественныхъ связей, союзовъ семейныхъ и родовыхъ. Раздѣленіе общества на холостыхъ и женатыхъ и тѣсная связь между родами ясно сказываются въ характерныхъ формахъ устройства поселеній. Тамъ, гдѣ существуютъ отдѣльные дома мужчинъ или мужской молодежи, ихъ сразу можно отличить по величинѣ и другимъ особенностямъ отъ обитаемыхъ женщинами или семейными людьми. Въ домахъ мужчинъ часто не бываетъ стѣнъ, зато крыши захватываютъ громадныя площади; иногда же они состоятъ изъ одной простой платформы, что мѣстами встрѣчается въ южной части Новой Гвинеи. Если домъ юношей обращается въ мѣстную ратушу или храмъ, то постройка сохраняетъ свои особенности и даже развиваетъ ихъ далѣе въ своемъ оригинальномъ направленіи, такъ что иногда изъ одного источника выходятъ два различныхъ типа зданія. Съ другой стороны, расширяются и невзрачныя женскія хижины, по крайней мѣрѣ тогда, когда въ нихъ переселяются вступившіе въ бракъ мужчины или въ томъ случаѣ, когда каждый супругъ строитъ себѣ по образцу мужского дома, отдѣльное помѣщеніе, къ которому примыкается лачуга женщины. Гдѣ матріархальный родовой строй вытѣсняетъ организацію по поламъ и по возрастамъ, тамъ дома юношей уничтожаются, а рядомъ съ ними выступающіе дома для дѣвушекъ приходятъ въ упадокъ и превращаются въ ничтожный придатокъ къ деревнѣ, которая, главнымъ образомъ, составляется изъ бывшихъ женскихъ домовъ. Возможно также и сліяніе обѣихъ системъ общественныхъ союзовъ, и въ этихъ-то случаяхъ иногда вырастаютъ тѣ гигантскіе длинные дома, въ которыхъ живетъ сообща цѣлый родъ или племя. Нѣкоторые изъ этихъ домовъ, несомнѣнно, произошли отъ смыканія отдѣльныхъ жилищъ, или же они могли образоваться изъ прежнихъ мужскихъ домовъ путемъ разгораживанія ихъ на отдѣльныя клѣтки.

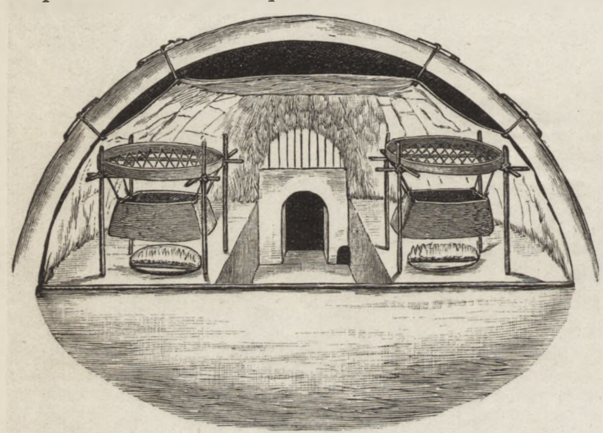

Мечеть изъ высушенныхъ на воздухѣ кирпичей въ Салага, внутренніи страны Золотаго Берега, зап. Африка. По фотографіи. См. текстъ, стр. 419.

Вмѣстѣ съ успѣхами культуры начинаютъ расчленяться и постройки; число домовъ, предназначаемыхъ для спеціальныхъ цѣлей растетъ, увеличивается и количество жилыхъ домовъ, и послѣдніе внутри начинатюъ разгораживать на отдѣльныя помѣщенія. Оба способа дифференціиціи мы встрѣчаемъ въ нѣмецкихъ крестьянскихъ дворахъ. Въ большинствѣ случаевъ, напримѣръ, во франконскихъ дворахъ, около жилого дома выстроены отдѣльныя службы, а въ нижне-саксонскихъ дворахъ и жилой домъ, и службы стоятъ подъ одной крышей. Оба вида дифференціаціи обыкновенно встрѣчаются рядомъ.

Всѣ эти многоразличныя, перекрещивающіяся другъ съ другомъ

вліянія въ концѣ концовъ создаютъ, то что называется стилемъ зданія; но ихъ еще недостаточно для объясненія оригинальныхъ чертъ стиля постройки. Нужно припомнить, что жилище—своего рода болѣе обширная одежда. Костюмъ будетъ совершенно невразумителенъ для насъ, если мы не примемъ во вниманіе того, что было сказано нами по вопросу о происхожденіи украшеній, которыя во многихъ отношеніяхъ характеризуютъ внѣшній видъ одѣянія; подобно этому и стиль построекъ даннаго народа нельзя будетъ понять принимая во вниманіе только цѣль постройки, матеріалъ и методъ конструкціи; стиль опредѣляется также и украшеніями дома, стиль также вытекаетъ изъ инстинктивной потребности къ самохарактеристикѣ, съ той только разницей, что онъ не столько характеризуетъ отдѣльную индивидуальность, сколько цѣлую народность. Способъ постройки есть также признакъ племени, утрата котораго указываетъ на глубокія превращенія въ самомъ психическомъ складѣ народа. И при перемѣнѣ строительнаго матеріала, по возможности, сохраняется усвоенный стиль, такъ какъ и онъ слѣдуетъ тѣмъ же законамъ, которые обнаруживаютъ свое дѣйствіе въ непрерывныхъ измѣненіяхъ всей матеріальной культуры.

Внутренность подснѣжнаго жилища эскимосовъ. По Боасу. См. текстъ, стр. 419.

Итакъ, повторимъ это, — въ существѣ дѣла, мы можемъ насчитать не менѣе семи или восьми направленій, по которымъ дѣйствуютъ на строительное искусство наиболѣе сильныя вліянія. Рядомъ съ цѣлью постройки, свойствами матеріала и способомъ постройки заявляютъ свои требованія условія климатическія и образъ жизни; затѣмъ въ разное время выступаютъ запросы, вызванные даннымъ состояніемъ общества, между которыми особое мѣсто занимаютъ религіозно-мистическія воззрѣнія; въ концѣ концовъ и стремленіе къ самохарактеристикѣ и самоукрашенію впервые дающее себя знать въ украшеніяхъ тѣла, требуетъ своей доли участія и вниманія, когда дѣло идетъ о постройкѣ дома. Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія можно получить представленіе о предметѣ; но такъ какъ между ними надобно сдѣлать какой-нибудь выборъ, то предпочтеніе нужно отдать первой изъ нихъ — назначенію постройки.

Указано было уже, что главная цѣль жилища — служить защитой отъ непогоды—достигается тремя способами: устройствомъ крыши, стѣнъ и пола. Почти что ни у одного примитивнаго народа не выполняются вмѣстѣ всѣ три эти условія; чаще ограничиваются однимъ изъ трехъ. Именно эти несовершенныя начинанія и достойны особаго вниманія, потому что въ нихъ мы можемъ въ отдѣльности разсмотрѣть и изучить каждый изъ этихъ пріемовъ, которые въ другихъ случаяхъ тѣсно связаны между собой.

Вглядываясь въ жизнь первобытныхъ народовъ, можно почти утверждать, что боковое прикрытіе, заслонъ отъ вѣтра, въ большей части случаевъ былъ первымъ зачаткомъ дальнѣйшаго строительства. Теоретически не многое можно возразить противъ этого, такъ какъ надобность въ защитѣ человѣка и его огня отъ бокового вѣтра вмѣстѣ съ хлещущимъ косымъ дождемъ чаще встрѣчается, чѣмъ отъ вертикально падающаго дождя. Сверхъ того косой заслонъ легче устраивается и потому, конечно, былъ однимъ изъ первыхъ искусственныхъ сооруженій этого рода. Доисторическія изысканія

не много дадутъ намъ для рѣшенія этого вопроса, такъ какъ сплетенные изъ прутьевъ или сдѣланные изъ древесной коры заслоны отъ вѣтра не могли сохраниться до нашего времени. Въ сущности тѣ стародавнія земляныя ямы, въ которыхъ французскіе палеархеологи желаютъ видѣть древнѣйшія жилища человѣка, гдѣ защита отъ бокового вѣтра достигалась устройствомъ помѣщенія для огня, ниже уровня земли, можно поставить рядомъ съ подвѣтренными заслонами, которые, вѣроятно, были уже извѣстны тогда, когда люди жили въ ямахъ.

Заслоны отъ вѣтра до сихъ поръ еще употребляются у бродячихъ негритосовъ Филиппинскихъ острововъ (см. изобр. на стр. 425). „Изготовленіе заслоновъ — пишетъ Шаденбергъ — составляетъ ихъ первую заботу, когда они найдутъ для себя мѣсто, пригодное для стоянки. Этой работой занимаются только женщины и малолѣтки. Устраиваются эти заслоны такъ: изъ расщепленнаго бамбуковаго ствола изготовляютъ раму около 2 метровъ высоты и $1^1/_2$ метра ширины. На эту раму накладываютъ вдоль и поперекъ планки, которыя плотно переплетаютъ и связываютъ между собою. Промежутки между этими бамбуковыми пластинами, достигающіе полутора дециметровъ закрываются черепицеобразно наложенными листьями. Въ срединѣ верхней части заслона упираютъ двухметровыя палки, и такимъ образомъ заслонъ устанавливается подъ угломъ въ 45^0. Для большаго комфорта полъ подъ заслономъ посыпается листьями“. И хижины австралійцевъ гораздо правильнѣе было бы называть заслонами. „Каждая семья — говоритъ объ этомъ Спенсеръ — состоящая изъ мужа, одной или нѣсколькихъ женъ и дѣтей и всегда сопровождаемая собаками, живетъ подъ „міа-міа“, представляющей собою не болѣе какъ наклонно стоящій съ подвѣтренной стороны плетень“. Совершенно такимъ же образомъ пользовались подвижными заслонами нѣкоторые индѣйцы южноамериканскихъ пампасовъ, устанавливая ихъ съ подвѣтренныхъ сторонъ, такія же приспособленія употребляютъ многія племена южной Калифорніи и другіе индѣйцы (см. изобр. на стр. 38). Тамъ, гдѣ крыша появляется отдѣльно, сама по себѣ, тамъ моделью для нея служитъ тѣнистое, густолиственное дерево, стволъ котораго даетъ образецъ для подпорки. Наблюдали у австралійцевъ, что они, вплетая вѣтви между сучьями дерева, устраивали нѣчто вродѣ настоящей хижины. Кромѣ того настоящая крыша встрѣчается чаще всего у лѣсныхъ племенъ тропическихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, именно у южно-американскихъ индѣйцевъ, но и здѣсь крыша часто превращается въ закрытое кругомъ помѣщеніе, представляющее собою лишь видоизмѣненіе или усовершенствованіе плетневыхъ заслоновъ.

Временное жилище семиноловъ, Сѣв. Америка. По Метьюсу. См. текстъ стр. 420.

Рѣдко встрѣчаются постройки, дающія защиту только снизу, то-есть, просто искусственные полы. Въ сущности къ нимъ принадлежатъ всякія возвышенія надъ почвою для предохраненія огня отъ сырости почвы, принадлежитъ и всякая циновка, растянутая на землѣ для подстилки человѣку. Постройками въ тѣсномъ смыслѣ этого слова могутъ считаться платформы изъ камня или дерева, очень распространенныя на островахъ Южнаго океана. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ замѣняютъ жилища, потому что онѣ предохраняютъ и отъ испареній земли и отъ внезапнаго навод-

ненія. Могутъ онѣ служить и укрѣпленіями противъ нападающихъ дикихъ животныхъ и людей.

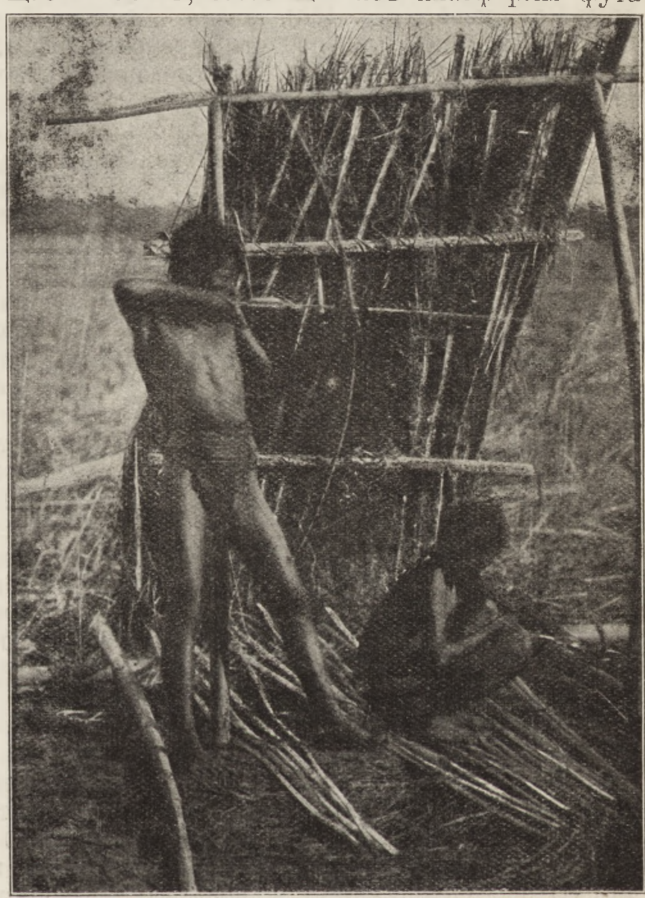
Легко представить себѣ, какъ изъ совокупнаго участія всѣхъ трехъ элементовъ развились разнообразнѣйшія формы зданій. Прежде всего нужно принять во вниманіе еще одинъ способъ постройки, который заключается не въ возведеніи надъ землей художественныхъ приспособленій для защиты, а въ углубленіи въ почву, при чемъ боковыя стѣны, по крайней мѣрѣ у первобытныхъ племенъ, цѣликомъ или отчасти замѣняются боками ямы. Углубленіе въ землю ради защиты больше всего свойственно народамъ холоднаго пояса, но оно не отсутствуетъ безусловно и въ жаркихъ странахъ. Въ сѣверной Европѣ жилища выросли изъ подъ земли постепенно. У франковъ, въ эпоху переселенія народовъ, женскій домъ (screona) былъ на половину подземный и въ немъ пряли и ткали; такое устройство сохранялось, конечно, потому, что въ данномъ случаѣ нужна была, по возможности, болѣе равномѣрная температура. Это былъ рудиментъ древняго зимняго жилища, а мужскія залы образовались, вѣроятно, изъ лѣтнихъ домовъ.

Палатка омаговъ, Сѣв. Америка. По Дорсею. Смотри текстъ, стр. 420.

Примѣромъ относительно развитой формы земляного жилища съ подземельемъ можетъ служить гиляцкая юрта, которую подробно описываетъ Шренкъ. „Земляная юрта, торифъ гиляковъ, устроена по образцу шатра; она—не что иное, какъ болѣе или менѣе просторная, на половину углубленная въ землю и перекрытая жердями палатка. При постройкѣ большой юрты такого типа выкапываютъ яму отъ 20 до 22 квадратныхъ футовъ отъ 3-хъ до 4-хъ футовъ глубиною. Стѣнки обыкновенно выглаживаются или, по крайней мѣрѣ, около верхняго края, обшиваются жердями. Вокругъ такой ямы изъ плотно составленныхъ тонкихъ жердей сооружается прямоугольная съ равномѣрными углами наклоненія пирамидообразная крыша. Эти жерди лежатъ на прямоугольникѣ изъ жердей, который поддерживается четырьмя столбами, врытыми въ землю. Остается незакрытымъ только одно отверстіе на верху крыши для прохода дыма. Снаружи, чтобы прекратить доступъ внѣшнему воздуху въ юрту, ее прикрываютъ сухой травой и землей. Если осенью выпадетъ снѣгъ, то извнѣ юрта имѣетъ видъ покрытаго снѣгомъ и почернѣвшаго отъ выходящаго на верхушкѣ дыма холма. Съ подвѣтренной или вообще защищенной отъ вѣтровъ стороны устраивается входъ въ юрту. Этотъ входъ не вводитъ насъ прямо въ жилище, а въ довольно длинныя, низенькія, сложенныя изъ тонкихъ жердей или сучьевъ и прикрытыя сухой травой сѣни. Въ этихъ сѣняхъ по обѣимъ сторонамъ разставляется коекакая домашняя утварь или устраивается лежбище для собакъ. Въ концѣ этихъ сѣней имѣется дверь, ходящая на петляхъ или отодвигающаяся въ сторону. Прямо за дверью идетъ нѣсколько ступеней, ведущихъ на дно юрты, которое состоитъ изъ твердо убитой земли. Въ юртѣ по обѣимъ боковымъ сторонамъ и на задней, между четырьмя опорными столбами и земляной стѣной, идутъ скамьи или нары для леженья и сидѣнья, фута въ полтора высотою

и около шести футовъ шириною. Прерываются они только въ заднихъ углахъ юрты. Эти углы какъ и передніе нѣсколько скруглены и служатъ для установки разной посуды, мѣшковъ, сундуковъ и тому подобнаго. Этимъ образуется хотя и неполная перегородка между боковыми и передней стѣнкой, которая считается самымъ почетнымъ мѣстомъ въ юртѣ. Надъ задними краями скамей, на высотѣ роста человѣка, между опорными столбами протянуты горизонтально жерди, гдѣ вѣшаютъ принадлежности одежды и другія вещи. Посрединѣ юрты, между тремя парами, футахъ въ трехъ отъ каждой изъ нихъ, помѣщается очагъ, состоящій изъ платформы фута четыре шириною при двойной длинѣ и высотѣ равной высотѣ скамеекъ. Форма его очень проста: онъ состоитъ изъ досчатой рамы, заполненной плотно утрамбованной землей... На верху, прямо надъ очагомъ, дымовое четырехугольное отверстіе, стороны котораго иногда параллельны сторонамъ очага, иногда расположены поперекъ него“. Это описаніе превосходно объясняетъ намъ, какъ изъ домашней утвари (очага) образуется приподнятый полъ, занимающій, въ жилищѣ такъ много мѣста, что отъ нижняго пола остается только проходъ. Настоящая жизнь развертывается, какъ на галлереѣ, на нарахъ и около очага.

Филиппинскій негритосъ, стрѣляющій изъ лука у защиты отъ вѣтра. По фотографіи. См. текстъ, стр. 423.

Рядомъ съ такой хорошо обставленной юртой встрѣчаются меньшаго размѣра и менѣе прочно устроенныя: временами даже и въ снѣгу устраиваютъ временныя жилища, которыя снодга очень напоминаютъ иобою комбинацію земляной норы съ заслономъ для защиты отъ вѣтра. Фонъ Шренкъ наблюдалъ, какъ гиляки въ дорогѣ выкопали въ снѣгу яму глубиною въ нѣсколько футовъ, устлали ее пихтовыми вѣтками, а на сѣверной сторонѣ поставили наклонно палки и прикрыли ихъ покрываломъ изъ рыбьихъ шкуръ для защиты отъ вѣтра.

Гораздо грубѣе гиляцкихъ зимнія жилища у нѣкоторыхъ калифорнскихъ племенъ. Туземцы, живущіе около озера Кламачь, выкапываютъ въ землѣ ямы отъ 2-хъ до 5 футовъ глубиною и обкладываютъ кругомъ стѣнки ямы крѣпкими столбами, которые настолько наклонены къ срединѣ ямы, чтобы осталось только одно отверстіе, могущее служить и входной дверью и дымовой трубой. Извнутри къ этому отверстію ведетъ лѣстница или бревно съ зарубками. Кровельныя балки снаружи обкладываются толстымъ слоемъ земли. У Хупа, въ сѣверной Калифорніи, эта постройка улучшена тѣмъ, что яма внутри обложена камнями, и вокругъ верхняго края сдѣлана на-

сыпь изъ щебня, къ которой прислонены дымовыя трубы. Другія племена области устраиваютъ четырехугольныя подземныя жилища, которыя уставляются по краю ямы столбами, выступающими изъ ямы; крыша поддерживается стропилами, входъ устраивается и черезъ крышу и сбоку.

Въ видѣ примѣра землянокъ въ тропическихъ странахъ слѣдуетъ упомянуть о вполнѣ или наполовину погруженныхъ въ землю тембахъ Восточной Африки, которыя въ послѣднее время подробно описалъ фонъ-Лушанъ. Повидимому, надземная, четырехугольная въ формѣ сундука, плетеная изъ прутьевъ и обмазанная глиною внутри и снаружи, темба представляетъ древнѣйшій типъ (см. изобр. стр. 426), который, только благодаря особымъ обстоятельствамъ, совсѣмъ или отчасти превратился въ подземное жилье. Крыша поддерживается горизонтальными жердями, которыя сами лежатъ на боковыхъ столбахъ, имѣющихъ на верхнемъ концѣ развилку. Дѣлается крыша изъ вѣтвей деревьевъ или пучковъ травы, скрѣпленныхъ между собою глиняной обмазкой. Надземныя тембы очень распространены въ нѣмецкой части Африки и представляютъ нерѣдко цѣлый комплексъ зданій вродѣ укрѣпленій (см. изоб. стр. 427). Къ сѣверу отъ Угого лежитъ цѣлый рядъ мелкихъ областей—Туру, Иранги, Уссандауи и т. д., въ которыхъ встрѣчаются полуподземныя тембы; онѣ отличаются отъ надземныхъ только тѣмъ, что боковыя стѣнки у нихъ гораздо ниже, чѣмъ у послѣднихъ, почему и земли выкапываютъ очень много, такъ что, несмотря на низкія стѣны надъ землею, въ нихъ можно достаточно свободно двигаться. Наконецъ, бываютъ тембы, совершенно ушедшія въ землю: крыша у нихъ на уровнѣ земли растянута надъ ямой, и попасть туда можно только по длинному косому ходу, проложенному въ землѣ. Это форма, особенно часто встрѣчающаяся въ Ираку, по даннымъ Баумана, развилась болѣе полно въ Уфіоми. Тамъ жилая темба также только на половину въ землѣ, но внутри ея опущена внизъ узкая шахта, метра въ два глубиной, откуда ведетъ постепенно поднимающійся ходъ, достигающій метровъ 20 длины и ведущій въ обширное подземелье. Это отдѣленіе устроено какъ темба и имѣетъ восходящую вверхъ шахту для воздуха. Выходящее на дневную поверхность отверстіе этой шахты тщательно маскируется камнями и кустарникомъ. Такія подземныя тембы служатъ убѣжищами во время войны, стало-быть, имѣютъ то же самое назначеніе, какъ и замѣчательныя доисторическія „подземныя стойла“ (Erdstalle), которыя можно и теперь еще видѣть въ Нижней Австріи и Баваріи. Естественно, что подобныя сооруженія могутъ развиваться только тамъ, гдѣ существуютъ подходящія для этого благопріятныя условія почвы; этимъ достаточно объясняется рѣдкость такихъ построекъ.

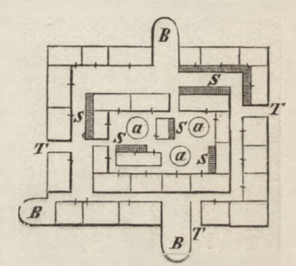

Хижина у массаевъ, вост. Африка. По Штульману. Срв. текстъ, стр. 426.

Преимущества подземныхъ построекъ для нѣкоторыхъ цѣлей передъ другими, были причиною того, что онѣ не были совсѣмъ брошены и въ культурной Европѣ. Ихъ устраиваютъ и до сихъ поръ въ видѣ погребовъ при домахъ. У тоа на Мадагаскарѣ подполья въ домахъ, можетъ быть, замѣняютъ собою помѣщенія, находившіяся въ свайныхъ постройкахъ подъ домами, которыя тоа, какъ племени малайской расы, безъ сомнѣнія, нѣкогда не были извѣстны. Въ большихъ европейскихъ городахъ недостатокъ мѣста заставилъ снова приняться за устройство жилыхъ подвальныхъ помѣщеній.

Вообще же число надземныхъ построекъ гораздо больше, и устройство ихъ гораздо разнообразнѣе, чѣмъ подземныхъ. Прослѣдить развитіе отдѣльныхъ формъ, въ виду цѣлой массы дѣйствующихъ вліяній, во многихъ случаяхъ было бы очень затруднительно. Къ этому нужно добавить, что многое съ виду бросающееся въ глаза, не имѣетъ того значенія, которое ему можно было бы приписать; рѣдко, напримѣръ, встрѣчаются такія рѣзко бросающіяся въ глаза различія, какъ между круглой и четырехугольной хижиной, но на дѣлѣ между ними нѣтъ рѣзкой границы, и переходы между обѣими крайними формами при одинаковыхъ методахъ постройки встрѣчаются довольно часто [1].

Подобнымъ же образомъ сливаются границы между крышей и боковой стѣнкой. Цѣлый рядъ простыхъ формъ хижинъ развился при увеличеніи размѣровъ заслона, вмѣстѣ съ чѣмъ ему приходилось до нѣкоторой степени замѣнять крышу; уже въ своемъ первообразномъ видѣ, по одному тому, что заслонъ ставится наклонно къ почвѣ, онъ уже доставляетъ нѣкоторую защиту отъ дождя. Палатка въ той формѣ, которую мы видимъ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ (см. изобр. на стр. 428) и у большинства гиппербореевъ, можно разсматривать, какъ круглый замкнутый заслонъ; наклонно стоящія стороны его образуютъ крышу, а отверстіе на верху — дымовую трубу; это отверстіе иногда закрывается. Эскимосская палатка—по описанію Мурдока—состоитъ изъ четырехъ или пяти жердей, длиною футовъ въ 12, наклонно стоящихъ къ землѣ, охватывающихъ собою кругъ около 12 ф. въ діаметрѣ и наверху связанныхъ. Покрышкою прежде служили оленьи или тюленьи шкуры, а теперь парусный холстъ. Его обматываютъ спирально вокругъ конуса съ такимъ разсчетомъ, чтобы оставалось открытымъ треугольное отверстіе для входа.

Планъ земляного жилища (тембы) у Самуи, восточ. Африка. По Штульману a круглыя хижины, B бастіоны, T ворота, S крытыя соломой веранды. См. текстъ, стр. 426.

Это дверное отверстіе закрытое просвѣчивающей кожей служитъ вмѣсто окна и на ночь занавѣшивается лоскутомъ матеріи. Палатка снаружи обмотана веревкой, а лежащіе на землѣ края палатки придавливаются камнями или другими тяжелыми предметами. Изъ этой круглой палатки весьма простымъ способомъ образуется четырехугольная, какія мы встрѣчаемъ у эскимосовъ Гудзонова залива. Тамъ для покрышки юртъ употребляютъ шкуры крупныхъ тюленей, ихъ идетъ отъ 10 до 15 штукъ на палатку, сшиваются эти шкуры длинными сторонами въ два большихъ покрывала. Остовъ юртъ составляется изъ четырехъ жердей, и онѣ попарно наклонены въ одну сторону, и связаны между собой, для чего ставится длинная жердь, служащая для поддержки верха палатки; сверхъ того приставляются другія подпорки такъ, что весь деревянный скелетъ составляется изъ одиннадцати жердей. Обѣ оболочки палатки прикрѣпляются такъ, чтобы онѣ соприкасались съ длинной жердью и косо спускались съ обѣихъ сторонъ. При сильномъ дождѣ на длинную жердь накидывается сверху еще кусокъ кожи; но все-таки оставляется отверстіе для выхода дыма отъ очага, находящагося посреди палатки.

Дальнѣйшее развитіе палатки, съ жердью для поддержки крыши, идетъ очень просто: ставится вмѣсто одного стропила для крыши нѣсколько параллельныхъ, на нѣкоторомъ разстояніи между собой и прикрываютъ ихъ всѣ одной общей оболочкой. Въ послѣднемъ случаѣ уже боковыя стѣнки не служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крышей, а образуется отдѣльная

[1] Однимъ изъ хорошихъ примѣровъ этого могутъ служить юрты сибирскихъ инородцевъ, гдѣ встрѣчается масса переходовъ отъ конической формы къ вертикальнымъ стѣнкамъ съ крышей, отъ квадрата къ продолговатому четырехугольнику, многоугольнику и кругу, отъ крыши въ видѣ двуграннаго угла къ многогранному и круглому куполу. *Ред*

крыша, благодаря чему палатка становится просторнѣе и уютнѣе. Западноазіатскіе кочевники преимущественно пользуются вышеописанной формой палатки, — курды, напримѣръ, къ этой палаткѣ прибавили плетеные изъ вѣтвей заслоны для прикрытія нижнихъ частей шатра, такъ какъ оболочка палатки по большей части не доходитъ до земли (см. изобр. стр. 429). И въ арабской палаткѣ (см. изобр. на 1740 стр.) полотно спускаютъ до земли только въ зимнее время, лѣтомъ же между полотномъ и землей остается неприкрытое пространство и заваливается заслонами изъ камыша или ситовника; такими же заслонами перегораживается палатка внутри на два отдѣленія.

„Въ качествѣ перехода отъ круглой палатки, къ палаткѣ съ крышей можетъ служить монгольская юрта (гыръ, аилъ) [1].

„Монгольская юрта состоитъ изъ двухъ отдѣловъ — стѣнъ и крыши. Крыша сама по себѣ можетъ замѣнять юрту, образуя круглую коническую палатку и ею пользуются во время продолжительныхъ путешествій, такъ какъ она много легче и скорѣе устанавливается нежели юрта со стѣнками. Такая палатка называется „обохой“, или „каткуръ“. Она состоитъ изъ верхняго кольца около 80 сант. діам. съ широкимъ и толстымъ ободкомъ, съ двумя перекрещивающимися дужками на верху. Въ ободѣ просверчены насквозь косвенно идущія дыры. Въ эти дыры вставляютъ жерди, длиною отъ трехъ до трехъ съ половиной метровъ, эти жерди заострены на одномъ концѣ, который и вставляется въ косопросверленныя дыры круга; такимъ образомъ само уже положеніе этихъ скважинъ придаетъ косвенное направленіе палкамъ, упирающимся нижними концами въ землю. Рядъ такихъ косо стоящихъ палокъ съ кругомъ на верху образуетъ коническій остовъ обохоя, который держится самъ собой, благодаря давленію верхняго круга. Впрочемъ для большей устойчивости привѣшиваютъ къ верхнему кругу на веревкѣ грузъ, тяжесть котораго передается нижнимъ концамъ жердей. Затѣмъ этотъ конусъ снаружи прикрывается кругомъ, отъ верхняго круга до полу кошмой, покрой которой такой же, какъ у женской юбки — узкій кругъ вверху и широкій внизу; къ бокамъ этой оболочки пришиты волосяныя веревки, которыми въ разныхъ мѣстахъ опоясываютъ обохой. Кругъ верхній, какъ видно изъ описанія, служитъ дымовымъ отверстіемъ, которое во время дождя прикрывается четырехугольнымъ кускомъ войлока. Если такую палатку поставить на вертикальную круглую стѣну, то мы получимъ полную юрту. Загороди изъ жердей, переплетенныя тальникомъ, извѣстны повсюду. Если взять длинныя и гибкія жерди, оплести ихъ тальникомъ

Лагерь утовъ въ Мидль-паркѣ, Скалистыя горы, Сѣв. Америка. По фотографіи. См. текстъ, стр. 420 и 427.

[1] Вмѣсто не совсѣмъ удобопонятнаго и слишкомъ бѣглаго описанія юрты, заимствованнаго авторомъ у Пржевальскаго, мы даемъ въ текстѣ наше, на основаніи личныхъ наблюденій и показаній другихъ путешественниковъ. *Ред.*

до извѣстной высоты, а затѣмъ верхушки ихъ согнуть и связать вмѣстѣ, а потомъ заплести до верху, то получится цѣльная юрта, но неудобопереносимая и въ малолѣсныхъ мѣстностяхъ и суровомъ климатѣ мало практичная. Удобопереносимая складная юрта получается такимъ образомъ: изъ узкихъ деревянныхъ полосокъ строится рѣшетка (ханъ); при этомъ каждую полоску просверливаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ на равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ, сквозь эти дырочки пропускаютъ ремни и закрѣпляютъ ихъ узлами. На каждую пластинку—они всѣ одинаковой длины—накладывается нѣсколько другихъ, при чемъ дыры какъ на нижней, такъ и на налегающихъ на нее пластинкахъ должны отстоять на одинаковомъ разстояніи отъ верха. Скрѣпивъ такимъ образомъ одну пластинку съ нѣсколькими, къ этимъ, нѣсколькимъ, прикрѣпляютъ по тому же способу другія. Такимъ образомъ составляется складная рѣшетка, въ которой скрѣпляющія ремни играютъ роль шарнировъ. Это доставляетъ много удобствъ для перевозки и позволяетъ рѣшетчатыя стѣны ставить круче, отчего увеличивается высота стѣнъ, или же ихъ растягиваютъ шире, отчего клѣтки изъ ромбовъ превратятся въ квадраты и при пониженіи высоты стѣнокъ дадутъ возможность охватить большую площадь земли.

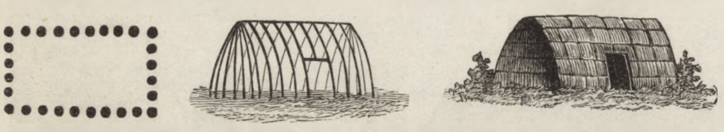

Палатки курдовъ близъ Тосіи, Малая Азія. По фотографіи. См. текстъ, стр. 120 и 128.

Для охвата извѣстной площади требуется отъ трехъ (minimum) до шести рѣшетокъ. Ихъ разставляютъ на землѣ, выравниваютъ и связываютъ ремнями или волосяными арканами въ переплетъ. Кругъ смыкается вставкою дверныхъ косяковъ, соединенныхъ между собою вверху (перекладина) и внизу (порогъ) поперечными брусками. Затѣмъ на длинной жерди поднимаютъ въ центрѣ юрты кругъ (тонъ) совершенно такой же, какъ и у обохоя, только у монгольской юрты онъ не цѣльный, а составленъ изъ двухъ скрѣпленныхъ по діаметру ремнями и арканами полукруговъ. Вставивъ въ отверстіе круга (тона) верхній конецъ жерди (уня), другой нижній, снабженный волосяной или ременной петелькой, надѣваютъ на верхушки рѣшетокъ. Когда остовъ готовъ, стѣны юрты одѣваютъ двумя войлоками, изъ которыхъ каждый охватываетъ полкруга; пришитыми веревочками войлокъ прикрѣпляется къ рѣшеткамъ и къ косякамъ. На куполъ юрты надѣвается юбка", какъ и на обохой, но состоящая изъ двухъ половинъ. Верхній кругъ, тонъ, во время дождя прикрывается войлокомъ. Юртъ съ деревяннымъ поломъ я не встрѣчалъ, хотя бывалъ и въ княжескихъ юртахъ. Обыкновенно на полу разстилаютъ подстилки изъ войлока, шкуръ барана и т. д. Самое почетное мѣсто въ юртѣ на противоположной къ восходу сторонѣ. На этомъ мѣстѣ устанавливается этажерка съ изображеніями буддъ, курильницами и чашечками съ жертвенными приношеніями изъ молока, масла, воды и хлѣбныхъ зеренъ. Лѣвая отъ входа сторона мужская, правая—женская, очагъ посрединѣ. На зиму юрту и внутри одѣваютъ войлокомъ, а вокругъ юрты обтягиваютъ широкую шерстяную полосу и, гдѣ возможно,

„около юрты выкладываютъ небольшую стѣнку изъ камней безъ цемента. „Размѣры переносныхъ юртъ — отъ 3-хъ метровъ высоты до четырехъ, „ширина отъ 3-хъ до 6-ти".

Превращеніе заслона въ палатку обусловливается прежде всего свойствами матеріала: гдѣ матеріаломъ служатъ большія плотныя поверхности, напримѣръ, древесная кора и кожи, тамъ развиваются палатки, для которыхъ впослѣдствіи оказываются весьма пригодными войлока и ткани. Тамъ же, гдѣ плетневые заслоны переходятъ въ замкнутыя жилища, развиваются иныя формы. Ближе всего подходятъ къ палаткамъ шалаши изъ прислоненныхъ другъ къ другу заслоновъ, образующихъ крышу (надъ землей, какъ, напр., во встрѣчающемся въ южной Африкѣ у мартузовъ тростниковомъ шалашѣ [1] (см. изобр. на стр. 430). Г. Фробеніусъ указываетъ на то, что отсутствіе гибкости въ трубчатыхъ растеніяхъ, обусловливающей устройство замкнутыхъ сооруженій съ кривыми поверхностями изъ такихъ матеріаловъ невозможно, и въ этихъ случаяхъ прямоугольный планъ постройки жилища является неизбѣжнымъ. Связки стеблей образуютъ боковыя стропила, крѣпкая связка служитъ матицей, все прикрывается травой и прикрѣпляется веревкой изъ луба. Подобныя же постройки существуютъ въ Меланезіи, гдѣ ихъ встрѣчалъ Турнеръ на Новыхъ Гебридахъ. Обыкновенно входъ дѣлается на узкой сторонѣ, что опять-таки напоминаетъ о болѣе или менѣе замкнутомъ помѣщеніи, составленномъ изъ заслоновъ.

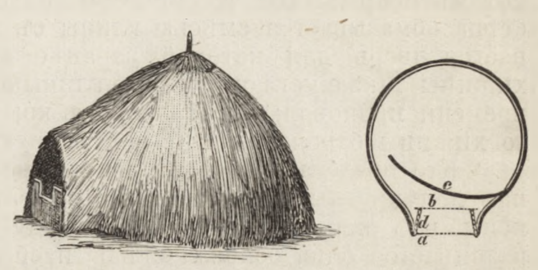
Хижина мартузовъ, Южн. Африка. Планъ, остовъ, оконченная хижина. По Голубу. См. текстъ, стр. 430.

Постройка изъ двухъ отдѣльныхъ плоскостей съ матицей на верху имѣетъ ту невыгоду, что въ большинствѣ случаевъ матица подъ дождемъ начинаетъ пропускать воду, и это требуетъ устройства особаго прикрытія. Отсюда прямой переходъ къ попыткѣ вмѣсто двухъ поверхностей, соорудить одну сплошную, другими словами, сплести сводъ и обойтись безъ матицы, а узкую открытую сторону, смотря по желанію, закрыть вертикальной плетеной стѣнкой, насколько нужно. Этотъ типъ сооруженій тоже часто встрѣчается въ Меланезіи.

Значительная часть обитателей Африки пошла еще дальше и выработала типъ вполнѣ замкнутой хижины со сводомъ въ формѣ полушара; первоначальный заслонъ отъ вѣтра превратился въ замкнутое круглое помѣщеніе, въ которомъ стѣны и крыша слились между собой, куда можно проникнуть только чрезъ небольшое, оставленное на какомъ-нибудь мѣстѣ незаплетенное отверстіе. Въ самой примитивной формѣ такія жилища встрѣчаются у африканскихъ лѣсныхъ карликовъ, а въ болѣе усовершенствованномъ или передѣланномъ видѣ у готтентотовъ и у большинства народовъ Банту. Первоначально всегда устраивается остовъ, кругъ изъ воткнутыхъ въ землю жердей, согнутыхъ и связанныхъ вершинами вмѣстѣ: затѣмъ жерди эти заплетаются поперекъ вѣтвями деревьевъ, прикрываются циновками изъ травы или изъ ситовника. Иногда сверхъ того хижина поддерживается еще вертикальными стойками, какъ объ этомъ сообщаетъ Фритчъ при описаніи хижинъ зулу: „Хижина опирается на одну, а при большихъ размѣрахъ и на нѣсколько вертикальныхъ подпорокъ, ставящихся близъ центра постройки. Въ жилищѣ Дингантса, начальника зулу,

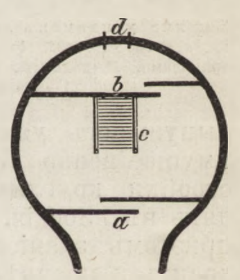
[1] Авторъ употребляетъ терминъ Zelte mit Satteldach; но сѣдло, сѣдлообразная сѣдловина всегда обозначаютъ какую-нибудь вогнутую поверхность, какой мы не видимъ нигдѣ въ хижинѣ мартузовъ, приводимой въ примѣръ, и поэтому рѣшили привести этотъ терминъ безъ перевода, въ примѣчаніи. *Ред.*

въ Ункундингклове, нужно было поставить три ряда такихъ подставокъ, а всего 20 штукъ. При постройкѣ хижины эти центральныя стойки и идущіе по периферіи круга жерди вкапываются въ землю, потомъ вершины периферическихъ жердей загибаются и прикрѣпляются веревкой къ срединнымъ. Такимъ образомъ, устраивается родъ корзины—хижины безъ оконъ и дымового отверстія; остовъ ея вкопанъ въ землю, а сверху она прикрыта камышемъ, прикрѣпленнымъ веревками. Дверью служитъ небольшое въ одинъ метръ отверстіе съ закругленнымъ верхомъ. Противъ входа находится очагъ хижины, который устраивается не въ срединѣ хижины, а ближе къ двери. Мѣсто очага всегда можно узнать по нѣсколько приподнятому надъ землей, сбитому изъ глины, круглому или овальному возвышенію". Дверью служитъ подвижной плетень и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него ставится еще другой заслонъ для защиты отъ вѣтра. У другихъ африканскихъ племенъ кромѣ двери устраиваются еще небольшія сводчатыя сѣни. (См. изобр. на стр. 431).

Хижина у племени вавира, Конго. По Шпульману. *a* калитка; *b* дверь; *c* стѣна; *d* столбы по бокамъ входа. См. текстъ стр. 431.

Ясно, что такое жилище хорошо защищаетъ отъ непогоды, но въ немъ мало свѣта и воздуха, и тамъ трудно стоять выпрямившись; въ маленькихъ круглыхъ хижинахъ, когда на очагѣ горитъ огонь, можно сидѣть согнувшись или на корточкахъ. Мы видѣли однако уже, что Зулу научились сооружать болѣе просторныя хижины, подпирая свои сплетенные своды стойками. Этимъ пріемомъ въ то же время открывается путь къ важнымъ видоизмѣненіямъ въ стилѣ постройки и къ устраненію главнаго недостатка полушарового зданія. Если шаровой сводъ поддерживается достаточнымъ числомъ стоекъ, то нѣтъ надобности начинать вести сводъ прямо съ земли, его можно превратить въ крышу, построенную изъ прочныхъ балокъ и придать ей коническую форму. Такъ возникаютъ постройки съ конической крышей, которая держится на стойкахъ, образующихъ болѣе или менѣе правильный кругъ, а иногда къ этимъ опорамъ присоединяется еще одна въ срединѣ, поддерживающая верхушку свода. Разстояніе между стойками также можно задѣлать плетнемъ или вывести глиняныя стѣны. Типичное жилище въ такомъ родѣ представляетъ собою хижина бушмена. Коническая, камышевая крыша лежитъ на двухъ кругахъ свай, изъ которыхъ внутренній, прокладкой въ клѣтку глины съ деревомъ, превращенъ въ плотную стѣну, а мѣсто между внутреннимъ и внѣшнимъ рядами стоекъ образуетъ внѣшній кругъ зданія, отдѣленный съ внѣшней стороны отъ незастроеннаго пространства невысокой глиняной стѣной. Преимущества такой постройки заключается въ ея значительной емкости; но возможностью посредствомъ пробоинъ въ боковыхъ стѣнахъ улучшить освѣщеніе и вентиляцію не пользуются, и во внутреннюю часть зданія ведетъ всего одна узкая и низкая дверь.

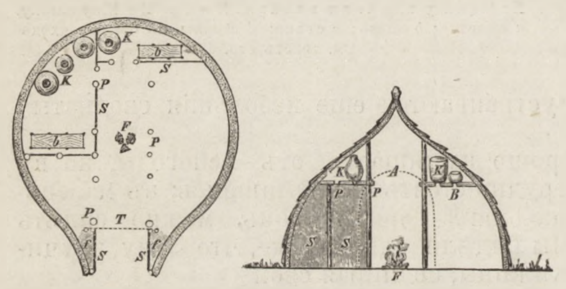

Планъ хижины у племени уніоро, Мбога, восточ. Африка. По Шпульману. *a* передняя часть дверей, *b* задняя части дверей, *c* кровать, *d* задняя калитка. См. текстъ стр. 431.

Жилища баронга сходны съ бушменскими, но это племя не строитъ себѣ внѣшней галлереи и ограничивается только боковой стѣной. Достойны вниманія свѣдѣнія Юнода о постройкѣ такихъ жилищъ. Начинаютъ работу съ устройства крыши, которая является первой и наиболѣе важной частью, характеризующей весь способъ постройки. Будущій домовладѣлецъ выкапы-

ваетъ неглубокую круглую яму въ землѣ, обставляетъ ее кругомъ жердями, наклоненными во внѣшнюю сторону, связываетъ ихъ внизу, въ срединѣ ямы въ конусъ; при помощи древесныхъ вѣтвей и древеснаго луба сплетаетъ онъ этотъ конусъ въ корзину. Этотъ остовъ крыши перевертывается вверхъ дномъ и переносится на мѣсто постройки дома. Здѣсь уже обозначенъ кругъ изъ свай и обложенъ стѣнкою изъ камыша. Крыша, которую къ мѣсту постройки несетъ вся деревня, насаживается на сваи и потомъ покрывается черепицеобразно связками травы. Затѣмъ камышевая стѣна обмазывается смѣсью глины съ пометомъ антилопы куду и навѣшивается дверь, для которой заранѣе оставляется въ стѣнѣ выемка. Полъ хижины также устланъ смѣсью глины съ навозомъ, настилку отъ времени до времени подновляютъ. Такъ какъ крыша не плотно соединена со стѣнами, то хижины баронга лучше вентилируются, чѣмъ зулусскія и бушменскія.

Кто представитъ себѣ происхожденіе построекъ съ боковыми стѣнками изъ полукруглыхъ хижинъ, тому безъ дальнѣйшихъ объясненій будутъ ясны всѣ переходныя формы между ними. Таковы зданія, у которыхъ развивается одна боковая стѣна и образуетъ на сторонѣ входа небольшія сводчатыя сѣни, а остальныя стороны свода спускаются прямо до земли. Хижины ваганда принадлежатъ къ этому типу. У балуба имѣются окружающія хижину стѣны, но онѣ совершенно скрыты крышей, спускающейся почти до земли. у ленду ставятся подпорныя сваи. но заостренная вверху крыша спускается кругомъ до земли (см. изобр. на стр. 432).

Хижина у племенъ ленду, въ Центральн. Африкѣ. См. текстъ стр. 432. *b*—постель, *F*—очагъ, *K*—корзины, съ припасами, *P*—подпо ы, *T*—двери, *f*—дрова, *S*—перегородки *A*—входъ, *D*—ьизъ крыши.

Круглая хижина съ боковой стѣной переходитъ въ квадратную или прямоугольную. Къ этому вынуждаетъ уже хрупкость нѣкоторыхъ строительныхъ матеріаловъ, преимущественно толстыхъ деревянныхъ стоекъ. которыя неудобны для постройки круглыхъ зданій. Такъ же легко, какъ круглыя стѣны переходятъ въ плоскія, коническія крыши превращаются въ пирамидальныя, и приэтомъ зданіе, безъ существеннаго измѣненія способа постройки, выходитъ и прочнѣе, и внушительнѣе.

Съ южно и средне-африканскими круглыми хижинами, снабженными боковыми стѣнками, очень сходны постройки обитателей верхняго Нила; но Г. Фробеніусъ показалъ, что принципъ конструкціи здѣсь другой. Главной опорой зданія здѣсь служитъ центральный столбъ, иногда просто дерево съ обрубленными сучьями. Крыша нижними краями лежитъ на кругѣ изъ вбитыхъ свай, но прямыя стѣнки не заполняютъ промежутковъ между сваями, а стоятъ совершенно отдѣльно позади ихъ, такъ что образуется нѣчто вродѣ узенькой веранды. Средняя колонна и обусловливаетъ заостренно-конусовидную форму крыши и часто выдается надъ травяной настилкой.

Хижины нѣкоторыхъ обитателей Южной Америки также бываютъ круглыми; но ихъ отличіе отъ африканскихъ заключается въ томъ, что все покрытіе покоится на двухъ столбахъ, которые поднимаются изъ средины внутренняго помѣщенія. Смыслъ этой подпоры станетъ понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что тамъ строятся не только круглыя, но продолговатыя зданія, крыши которыхъ имѣютъ конекъ, а два столба служатъ поддержкой балки конька.

Весьма наглядное описаніе постройки такой хижины у бакаири мы находимъ у Карла фонъ-денъ-Штейнена. „Можно подумать —пишетъ онъ— что вы попали въ громадный пчелиный улей, но по счастью безъ пчелъ.

Планъ постройки представляетъ почти правильный кругъ съ діаметромъ около 15 метровъ; двѣ громадныя стойки въ 9 метровъ высоты вздымаются къ верху, на разстояніи трехъ съ половиной метровъ одна отъ другой, и поддерживаютъ громадный соломенный куполъ, остовъ котораго составленъ изъ горизонтальныхъ бамбуковыхъ колецъ и стропилъ сходящихся у дымового отверстія. Все это закончено и блеститъ, какъ будто только что смазанное смолой. Стѣны, кругомъ поддерживающія куполъ, состоятъ изъ сплошного ряда свай, высотою въ $1^1/_2$ метра; въ этихъ стѣнахъ одно противъ другого два отверстія, слишкомъ низкія для моего роста". Здѣсь устройство зданія даетъ уже весьма цѣнныя указанія на возникновеніе типа подобныхъ сооруженій; но еще яснѣе обнаруживается это на разныхъ зданіяхъ малайской культурной области. Часто изображав-

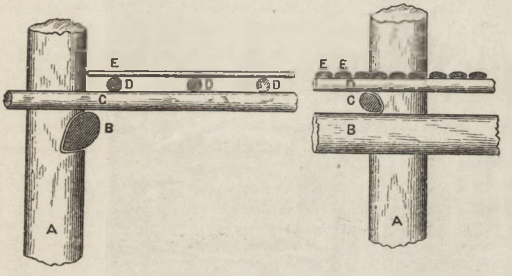
Хижины и идолы каяновъ, Сѣв. Борнео. См. текстъ, стр. 434.

шіеся дома мужчинъ въ Гумбольдтовомъ заливѣ, на Новой Гвинеѣ по первому взгляду имѣютъ большое сходство съ круглыми или, по крайней мѣрѣ, многоугольными африканскими постройками. Однако же одинъ изъ плановъ, сдѣланныхъ Финчемъ, указываетъ намъ, что здѣсь крыша покоится на четырехъ столбахъ, точно такъ же, какъ на прямоугольныхъ постройкахъ этой мѣстности и по нимъ можно прослѣдить, что многогранныя постройки развились изъ скашиванія угловъ построекъ.

Типичныя прямоугольныя постройки въ малайско-полинезійской области—въ своемъ родѣ тоже дальнѣйшее развитіе плетневыхъ заслоновъ отъ вѣтра; но здѣсь не стремились къ тому, чтобы весь домъ или даже крыша были цѣльные; здѣсь постройка составлялась изъ отдѣльныхъ плоскостей, подобно тому, какъ у насъ строятъ карточные домики. Вошедшая въ пословицу непрочность карточныхъ домиковъ заставляетъ предполагать, что въ такомъ способѣ постройки должны играть большую роль подпоры скрѣпы и связи. Объ одной изъ такихъ построекъ, состоящихъ изъ прислоненныхъ другъ къ другу щитовъ, представляющей двугранный уголъ съ закрытіемъ узкихъ сторонъ или безъ закрытія, уже было упомянуто (ср. стр. 430). Если подъ такую крышу въ четырехъ углахъ подвести четыре столба и ими сверхъ того скрѣпить боковыя стѣны, то получится домъ изъ циновокъ съ двускатной крышей—чрезвычайно распростра-

ненный видъ построекъ, который является источникомъ многихъ остроумныхъ способовъ строительства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ четыремъ стойкамъ на переднемъ и заднемъ концахъ зданія прибавляется еще двѣ для поддержки кровельнаго бревна. Во многихъ меланезійскихъ домахъ эти добавочные столбы составляютъ существенную часть постройки. Иногда къ этимъ двумъ столбамъ прибавляется еще нѣсколько для поддержки горизонтальныхъ боковыхъ балокъ крыши, параллельныхъ кровельному бревну. О вліяніи свайныхъ построекъ на описанные нами и другіе (См. изобр. стр. 433 и 434) типы будетъ сказано ниже.

Стиль только что описанныхъ нами построекъ можно назвать малайскимъ, или, слѣдуя Г. Фробеніусу, сѣверноокеанійскимъ. Эти зданія, съ прямоугольникомъ въ планѣ и стѣнами изъ щитовъ и рамъ, имѣютъ преимущество передъ африканскими хижинами въ томъ, что ихъ стѣны и крыши отличаются удобоподвижностью. Шарообразныя хижины должны представлять собою сплошное, замкнутое цѣлое для того, чтобы всѣ части его находились въ соотвѣтствіи между собою. Благодаря этому невозможно ни приспособить температуру внутри зданія къ внѣшней, раскрывая зданіе, ни пропустить въ него струю свѣжаго воздуха. Въ малайскомъ способѣ постройки, наоборотъ, въ остовѣ зданія заключается все. Иногда нѣкоторые дома мужской молодежи совсѣмъ не имѣютъ стѣнъ или имѣютъ только подвижныя стѣны, которыя приставляются лишь въ случаѣ надобности. На островахъ Баудвичъ, по Листеру, дома вовсе не имѣютъ стѣнъ и окружаются только невысокой изгородью. Дома на Юа (Валлійскіе острова), по Морвану, имѣютъ громадныя крыши, отстоящія недалеко отъ земли и поддерживающіяся бамбуковыми столбами. При массивности крыши такихъ подпоръ нужно много, и здѣсь четырехугольный планъ постройки не представляетъ какихъ либо особенныхъ удобствъ. По этой причинѣ здѣсь рядомъ съ четыреугольными зданіями нерѣдко встрѣчаются круглыя и многоугольныя. Съ боковъ дома обыкновенно открыты и только на ночь занавѣшиваются циновками, которыя для этого всегда имѣются подъ рукой. Этотъ способъ постройки господствуетъ и на Тонгариво; но тамъ обыкновенно стѣны прикрываются свертывающимися и спускающимися на роликахъ циновками.

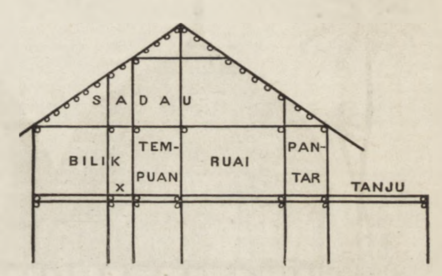

Устройство свайной постройки въ Саравагѣ, Сѣвер. Борнео. По Лингъ Роту. A главныя сваи, B балки, C крестовины, D Балки для настилки пола, E бамбуковыя палки. См. текстъ, стр. 434.

Вильке описываетъ дома съ большими крышами безъ стѣнъ на Жильбертовыхъ островахъ, а въ недавнее время тамошнія постройки описалъ Финчъ. Длина большого дома, на Жильбертовыхъ островахъ, достигаетъ отъ 7 до 9 метровъ, а ширина отъ 6-ти до 7-ми, при высотѣ около 4-хъ метровъ до верхняго кровельнаго бревна. Кровельное бревно (teran) прямое, его прикрываютъ циновками. Скаты крыши до половины спускаются прямо, потомъ отходятъ наклонно, иногда даже спускаются отвѣсно. Подпоры такой огромной крыши нельзя назвать сваями, по большей части ихъ замѣняютъ стволы пандана съ тремя или четырьмя корнями, служащими въ то же время подпорками; сваи же въ почву изъ коралловаго известняка забивать крайне трудно. Съ боковъ домъ открытъ; но въ случаѣ надобности ихъ можно завѣшивать циновками изъ кокосовыхъ листовъ. Подпоры крыши не выше одного метра, поэтому, входя въ домъ, нужно сильно нагибаться. Внутри дома проходитъ въ $1^1/_2$ метра высоты и одинъ метръ шириною платформа или приподнятый полъ на поперечныхъ балкахъ изъ пандановаго дерева, прикрытый горбылями изъ того-же дерева. Эти нары,

служащія для спанья и для установки утвари, занимаютъ около половины всего помѣщенія. Надъ этой платформой, на одинъ метръ выше, часто устраивается изъ пандановыхъ палокъ вторая, служащая полкой для храненія припасовъ и разнаго имущества. Достойно замѣчаніе, какъ здѣсь платформа древнихъ, свайныхъ построекъ превратилась просто въ домашнюю мебель оттого, что мѣстныя почвенныя условія не дозволяютъ вбивать сваи. Громадные общинные дома на Жильбертовыхъ островахъ частью устраиваются на каменныхъ столбахъ.

Прекрасную разновидность малайскихъ построекъ, возникшую при изобиліи лѣсного матеріала, мы встрѣчаемъ у новозелландскихъ маори. Г. Фробеніусъ считаетъ маорійскіе дома за дальнѣйшее развитіе туннелеобразной хижины подъ вліяніемъ сѣверноокеанійскаго стиля, а сами туннелеобразныя хижины ведутъ свое начало отъ австралійскихъ заслоновъ противъ вѣтра. Свайныя постройки и здѣсь не въ ходу; на сваяхъ устраиваютъ только кладовыя съ припасами съ цѣлью охранить ихъ отъ крысъ. Матеріалъ для построекъ, дерево и бамбукъ, иногда собирается въ теченіе цѣлаго года, затѣмъ на землѣ вычерчивается планъ зданія и обозначаются мѣста, гдѣ должны стоять коренные столбы, поддерживающіе кровельное бревно. Послѣднее выступаетъ на передней части зданія, гдѣ долженъ быть портикъ будущаго дома, этотъ портикъ футовъ на 10 выдается впередъ за главныя стойки и на внѣшнемъ краю подпирается еще одной подпорой. Боковыя подпорки крыши дѣлаются изъ широкихъ отрубковъ дерева, и промежутки между ними закрываются стѣнками изъ камыша или циновками изъ листьевъ новозеландскаго льна. Одна изъ камышевыхъ стѣнъ прикрываетъ домъ сзади, а другая, съ отверстіями для оконъ и дверей, ставится на лицевой сторонѣ дома. Крыша настолько далеко выдается за переднюю и боковыя стѣны, что образуется довольно обширная внѣшняя галлерея, которая съ наружной стороны отгорожена низкой оградой. Спереди крыша облицована широкими досками, точно также на право и на лѣво отъ портика въ боковыхъ углахъ стоятъ широкіе столбы, покрытые въ большинствѣ случаевъ изящной рѣзьбой. Всѣ скрѣпы дѣлаются изъ новозеландскаго льна, полъ—изъ утрамбованной глины (см. изобр. на стр. 133).

Поперечный разрѣзъ дома у морскихъ даяковъ, Сѣв. Борнео. По Лингъ Роту. *Садау* — чердакъ, *биликъ* — жилое помѣщеніе, *темпуанъ* — общій проходъ, *руай* — веранда, *пантаръ* — сѣни, *танджу* — некрытая платформа, x — очагъ. См. текстъ, стр. 438.

Въ Африкѣ небезызвѣстны „малайскія“ постройки, особенно на Западномъ берегу. Переходъ къ нимъ начинается уже въ томъ случаѣ, когда племена, живущія въ темныхъ и душныхъ полушаровидныхъ хижинахъ, пріобрѣтаютъ вкусъ къ постройкамъ тѣнистыхъ навѣсовъ на сваяхъ для народныхъ собраній и мастерскихъ, изъ которыхъ иногда возникаютъ зданія крупныхъ размѣровъ. Жилые дома, съ прямоугольникомъ въ планѣ, двускатной крышей (Satteldach) и плетеными стѣнками, усвоены многими народами и распространяются далеко въ глубь странъ Конго. У балоло, напримѣръ, хижины дѣлаются изъ шести щитовъ, которые удобно можно раздвигать и сдвигать; такого же типа постройки видимъ мы у манбутту. Послѣдніе такимъ образомъ сооружаютъ громадныя постройки, размѣры которыхъ, по Швейнфурту, достигаютъ 50-ти метровъ въ длину, 25-ти въ ширину и до 17-ти въ высоту. Цѣлые ряды вспомогательныхъ подпорокъ требуются для того, чтобы поддерживать эти гигантскія крыши; передняя сторона зданія остается открытой для пропуска свѣта. У Монбутту также громадное число подпорокъ въ постройкахъ и, можетъ быть благодаря примѣру негроидныхъ племенъ, у нихъ

кое-гдѣ строятъ обширныя зданія съ круговымъ или скругленнымъ основаніемъ.

Вообще большинство домовъ въ Малайской области принадлежитъ къ свайнымъ сооруженіямъ. Полъ такихъ построекъ приподнятъ на сваяхъ надъ почвой; но не всѣ свайныя постройки малайскаго типа и не всѣ дома этого типа непремѣнно должны быть свайными. Какъ уже упомянуто было, встрѣчаются и простыя платформы, и отдѣленныя отъ земли настилки, на которыхъ не строится никакихъ домовъ, и все-таки онѣ служатъ для житья. О цѣляхъ и смыслѣ свайныхъ построекъ было высказано много разныхъ мнѣній. Всѣ эти соображенія, взятыя вмѣстѣ, такъ какъ поднятіе пола жилища надъ почвой полезно во многихъ отношеніяхъ, частью согласны съ истиной. Уже защита отъ влажности почвы, отъ внезапныхъ наводненій во время ливней, отъ вредныхъ испареній почвы и низко летающихъ докучливыхъ насѣкомыхъ могли вызвать мысль о сооруженіи такихъ удивительныхъ построекъ. И при нападеніи хищныхъ животныхъ или враждебныхъ людей свайная постройка, особенно выведенная надъ водой, несравненно менѣе доступна для неожиданныхъ аттакъ, нежели стоящая на землѣ. Къ этому присоединяются и соображенія о различныхъ удобствахъ: нечистоты и разные отбросы не скопляются въ кучи около жилья, какъ это бываетъ при постройкахъ стоящихъ прямо на землѣ. Въ приподнятыхъ надъ землею постройкахъ все это выбрасывается черезъ люкъ. Въ надводныхъ свайныхъ постройкахъ уноситъ всѣ эти негодные остатки вода—въ надземныхъ свайныхъ сооруженіяхъ отбросы пожираютъ свиньи, для которыхъ мѣсто подъ домомъ служитъ любимымъ убѣжищемъ на ночь.

Хижины на Никобарскихъ островахъ, Бенгальскій заливъ. По Свобода. См. текстъ, стр. 438.

Врядъ ли можно съ достаточною достовѣрностью утверждать, что свайныя постройки развились изъ построекъ на деревьяхъ. Постройки на деревьяхъ, какихъ не мало въ Новой Гвинеѣ—насколько при современныхъ свѣдѣніяхъ мы можемъ объ этомъ судить—не жилища для постояннаго мѣстопребыванія, а укрѣпленія и убѣжища на случай опасности (см. прилож. табл. „Жилище на деревѣ въ Койяри—Ю.-В. Британская Новая Гвинея, по Кригеру“). Надземныя постоянныя жилища всегда ставятся на стойкахъ, и если иногда попадается настоящее подходящее дерево, которое попадетъ въ рядъ свай, то изъ этого никакъ нельзя еще выводить развитіе свайныхъ построекъ изъ домиковъ на деревьяхъ.

Между свайными постройками можно выдѣлить двѣ основныхъ формы: при первомъ типѣ на сваяхъ укрѣпляется платформа и на ней, какъ на землѣ, воздвигается домъ,—при второмъ же типѣ сваи, поддерживая платформу, подпираютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крышу дома. Конечно, возможенъ цѣлый рядъ промежуточныхъ формъ, и даже именно эти формы и соста-

Исторія первобытной культуры — Т-во Просвѣщеніе въ Спб

Домъ на деревѣ въ Кояри, британская юго-вост. Новая Гвинея.

По Кригеру.

вляютъ главную массу свайныхъ построекъ. Особенно часто встрѣчается второй типъ въ соединеніи съ выступающей впередъ платформой; иногда-же, какъ въ общинныхъ домахъ, въ заливѣ Гумбольдта, рядомъ со свайной постройкой стоитъ особая платформа. Теперь совершенно понятно, почему малайскій способъ постройки со своимъ прямоугольнымъ основаніемъ и четырьмя колоннами, благопріятствовалъ развитію свайныхъ построекъ. Онъ давалъ возможность на четырехъ главныхъ сваяхъ укрѣпить полъ, платформу, на какомъ угодно разстояніи надъ землей. Въ случаѣ же, если-бъ нужно было круглую африканскую хижину превратить въ свайную постройку, то пришлось бы для этого сперва соорудить платформу и на ней устроить искусственный полъ. Насколько легко наземныя жилища малайской области превращаются въ свайныя, настолько же незатруднительно отъ свай перейти къ постройкамъ на землѣ, если тому будутъ благопріятствовать обстоятельства. На Малайскомъ архипелагѣ, почти всюду, гдѣ голландцы водворили порядокъ, а главное, уничтожили варварскую охоту за черепами, свайныя постройки замѣнились домами, стоящими на землѣ. Почти то же самое вышло и въ Новой Гвинеѣ. Макъ Грегоръ сообщаетъ объ обитателяхъ деревни Тупуселейя, къ востоку отъ порта Моресби, что они, на нѣкоторомъ разстояніи отъ морского берега, внутри земли жили въ свайныхъ домахъ, теперь же, при охранѣ англійскаго управленія, они стали строить дома на землѣ, вблизи морского побережья.

Плавающій домъ въ Сіамѣ. По фотографіи. См. текстъ, стр. 440.

Къ первому типу свайныхъ построекъ, устраиваемыхъ на особыхъ платформахъ, принадлежатъ дома варраи въ Гвіанѣ, описанные Ричардомъ Шомбрукомъ. Подробнѣе изслѣдованное имъ поселеніе все построено на укрѣпленной на сваяхъ, отъ 5 до 16 ф. высоты, платформѣ, надъ водой. Вся постройка сдѣлана изъ стволовъ пальмы маникола. Жалкія хижины имѣли отъ 7 до 8 футовъ въ длину, внутри ихъ лежали кучи земли, служившія очагами.

Въ качествѣ связующаго звена между первой и второй группой можно привести въ примѣръ длинные дома сѣверныхъ Дайяковъ на Борнео. Брукъ-Лау, подробно описавшій ихъ, называетъ такой домъ или деревню „платформой на сваяхъ, длина которой обусловливается числомъ домовъ, на ней стоящихъ. Какъ видно изъ поперечнаго разрѣза, на передней сторонѣ тѣсно стоящихъ другъ съ другомъ хижинъ выступаетъ широкая, почти прикрытая спускающейся крышей веранда, которая дѣлится на четыре отдѣленія, носящія разныя названія. Собственно жилыя помѣ-

щепія занимаютъ не болѣе одной трети ширины платформы. Другой изслѣдователь описываетъ такой домъ слѣдующимъ образомъ: „Общій домъ, грубой постройки и громадныхъ размѣровъ достигаетъ въ длину 594 фут., а передняя площадка, она же и улица, шириною въ 21 футъ, проходитъ вдоль всей деревни. Заднее помѣщеніе разгорожено стѣнками изъ циновокъ на отдѣльныя квартиры для отдѣльныхъ семей, въ которыя ведутъ 45 особыхъ дверей изъ общаго крытаго помѣщенія. Постройка возвышается на 12 футовъ надъ почвой, а для входа служитъ стволъ дерева съ зарубками—очень крутая, затруднительная для подъема и ненадежная лѣстница. На передней сторонѣ кромѣ того имѣется терраса футовъ въ 50 шириною, которая отчасти идетъ вдоль лицевой стороны зданія; она какъ и всѣ полы вообще, дѣлается тамъ изъ бамбуковыхъ полубрусьевъ (см. изобр. на стр. 435).

Въ дайякскихъ домахъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая часть коренныхъ балокъ служитъ для поддержки крыши; дома суматранскихъ баттаковъ, хотя платформа у нихъ обыкновенно не ниже самого дома, повидимому, представляютъ самостоятельный видъ построекъ, своеобразной конструкціи. Если судить по рисункамъ и моделямъ, то окажется, что остовъ хижины, стѣны которой идутъ наклонно и поддерживаютъ массивную крышу, покоится на крышѣ платформы; на дѣлѣ же, какъ это доказываетъ настоящій баттакскій домикъ въ Бременскомъ музеѣ, устройство его нѣсколько иное. Шесть столбовъ поддерживаютъ платформу, изъ которыхъ четыре внѣшнихъ подходятъ подъ крышу и при этомъ, при помощи различныхъ поперечныхъ балокъ, сооружается четырехугольный остовъ зданія, на который и слѣдуетъ смотрѣть, какъ на основу дома и на подпору крыши. Этотъ скелетъ зданія однако же скрытъ внутри постройки и ничѣмъ не обнаруживаетъ себя во внѣшности зданія. Платформа со всѣхъ сторонъ выступаетъ за коренные опорные столбы. На краю поднимаются прикрѣпленныя къ прочнымъ продольнымъ доскамъ, наклонно идущія стѣны изъ циновокъ, которыя поддерживаются легкими, наклонно поставленными подпорками. Такимъ образомъ, крайне легкая постройка окружается какъ бы оболочкой или не прилегающей къ основѣ зданія мантіей, но эта основа вмѣстѣ съ тѣмъ должна служить связью и прочной опорой всего сооруженія. У крыши нѣтъ кровельнаго конька, передняя и задняя стороны зданія прикрыты особыми стѣнами изъ циновокъ. Признать такую постройку типичной врядъ ли возможно; многіе баттакскіе дома устраиваются не на деревянныхъ подпоркахъ, но на невысокихъ каменныхъ столбахъ, и въ такомъ случаѣ, само собою разумѣется, домъ долженъ имѣть самостоятельный остовъ, опирающійся на полъ платформы.

Въ свайныхъ постройкахъ на твердой землѣ, если столбы не слишкомъ высоки, подъ зданіемъ получается полезное пространство, которое нерѣдко служитъ скотнымъ дворомъ. У саи въ Дальней Индіи крыша дома доходитъ до земли и образуетъ настоящія стѣны скотнаго двора.

Уже не одинъ разъ нами было отмѣчено, что, для свайныхъ построекъ съ общимъ каркасомъ, наиболѣе удобнымъ является четырехугольный абрисъ зданія; но въ то же время было упомянуто, что четырехугольный планъ, при притупленіи угловъ можетъ превратиться въ многоугольный или даже круговой. Такимъ путемъ происходятъ многогранныя свайныя постройки въ извѣстныхъ уже намъ общественныхъ домахъ залива Гумбольдта, а также въ многосемейныхъ домахъ Метавейскихъ острововъ къ юго-западу отъ Суматры. Къ этой же серіи принадлежатъ и круглыя свайныя постройки встрѣчающіяся рядомъ съ таковыми же четырехугольными на Никобарскихъ островахъ (см. изобр. стр. 436). — „Эти хижины— пишетъ В. Свобода—строятся на 18-ти или 20-ти сваяхъ, ставящихся на периферіи зданія и доходящихъ до крыши. Эти периферическія сваи, съ установки которыхъ и начинается постройка дома, называются л е н п о. Онѣ

несутъ всю тяжесть краевъ крыши на себѣ и поддерживаютъ ихъ. При соприкосновеніи съ крышей столбы соединяются съ кровельными стропилами, которыя сгибаясь образуютъ выпуклый куполъ, у вершины котораго скрѣпляются между собою. Онѣ связаны ротангомъ и переплетены, причемъ болѣе толстые стебли служатъ для горизонтальныхъ, а тонкія—для вертикальныхъ переплетовъ. Внутренній рядъ свай, называемыхъ лейтъ, числомъ отъ 8-ми до 10 ти, долженъ поддерживать полъ хижины, покоющійся на поперечныхъ балкахъ. Ниже всего на внутреннихъ столбахъ лежатъ „женскія поперечныя балки“ эла-капъ, а надъ ними скрещиваются „мужскія балки“ эла-коинъ: на послѣднихъ и настилается полъ

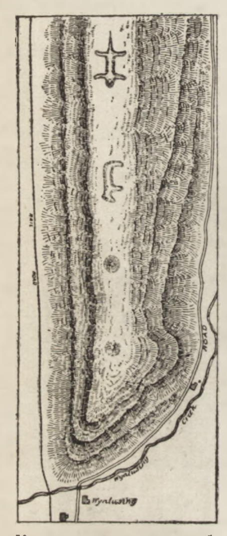
Арабскій домъ въ Блекрѣ, Алжирѣ. По фотографіи. См. тексть, стр. 443.

изъ тонкихъ брусковъ или изъ расколотыхъ стволовъ бамбука“. И здѣсь пространство между балками служитъ кладовой или скотнымъ дворомъ, гдѣ держатъ свиней, куръ, собакъ, для чего иногда здѣсь устраивается маленькая платформа.

Есть возможность устраивать дома надъ землей и на водѣ не прибѣгая къ забивкѣ свай. Каменные столбы баттакскихъ домовъ снова мы встрѣчаемъ въ большихъ размѣрахъ на Маріанскихъ островахъ, гдѣ они прежде служили для поддержки строившихся надъ ними помѣщеній членовъ различныхъ товариществъ. Послѣ того, какъ эти зданія пришли въ разрушеніе, о нихъ осталась память въ видѣ остатковъ столбовъ. Чаще еще въ Полинезіи употреблялись для фундаментовъ подъ постройки солидныя каменныя сооруженія, которыя въ видѣ громадныхъ террасъ во многихъ мѣстахъ, вѣроятно, сохранились и до сихъ поръ. На Маркизскихъ островахъ почти всѣ дома строились на четырехугольныхъ каменныхъ террасахъ, на другихъ островныхъ группахъ нижнія каменныя постройки служили фундаментами для мареасъ (названіе для обозначенія мѣстъ-собраній, жертвоприношеній, погребеній, общинныхъ домовъ и т. д.) и

храмовъ, которые, въ свою очередь, образовались изъ домовъ мужчинъ. Съ другой стороны, на этихъ террасахъ ставились каменныя изваянія, а подъ ними хоронили покойниковъ, что констатировалъ на островахъ Пасхи Томсонъ. Здѣсь уже обнаруживается связь между каменными постройками и могилами.

Вмѣсто надводныхъ свайныхъ построекъ встрѣчаются искусственные острова изъ хвороста и земли. Должно быть, по большей части, при устройствѣ такихъ островковъ, забивали сначала сваи и потомъ огороженное ими пространство заполняли твердыми предметами, что, конечно, возможно было дѣлать только въ стоячихъ и неглубокихъ водахъ. Громадное значеніе имѣли постройки этого типа для культуры на низкихъ, болотистыхъ, прибрежныхъ островахъ, служившихъ убѣжищемъ для бѣглецовъ и тамъ, такимъ путемъ, на шаткой почвѣ, постепенно развивались, громадные города. Венеція— одинъ изъ блистательныхъ примѣровъ развитія такихъ поселеній; но и нидерландская свобода на добрую половину обязана своимъ существованіемъ безопасному земноводному положенію своихъ городовъ; Амстердамъ возникъ на насыпяхъ и сваяхъ.

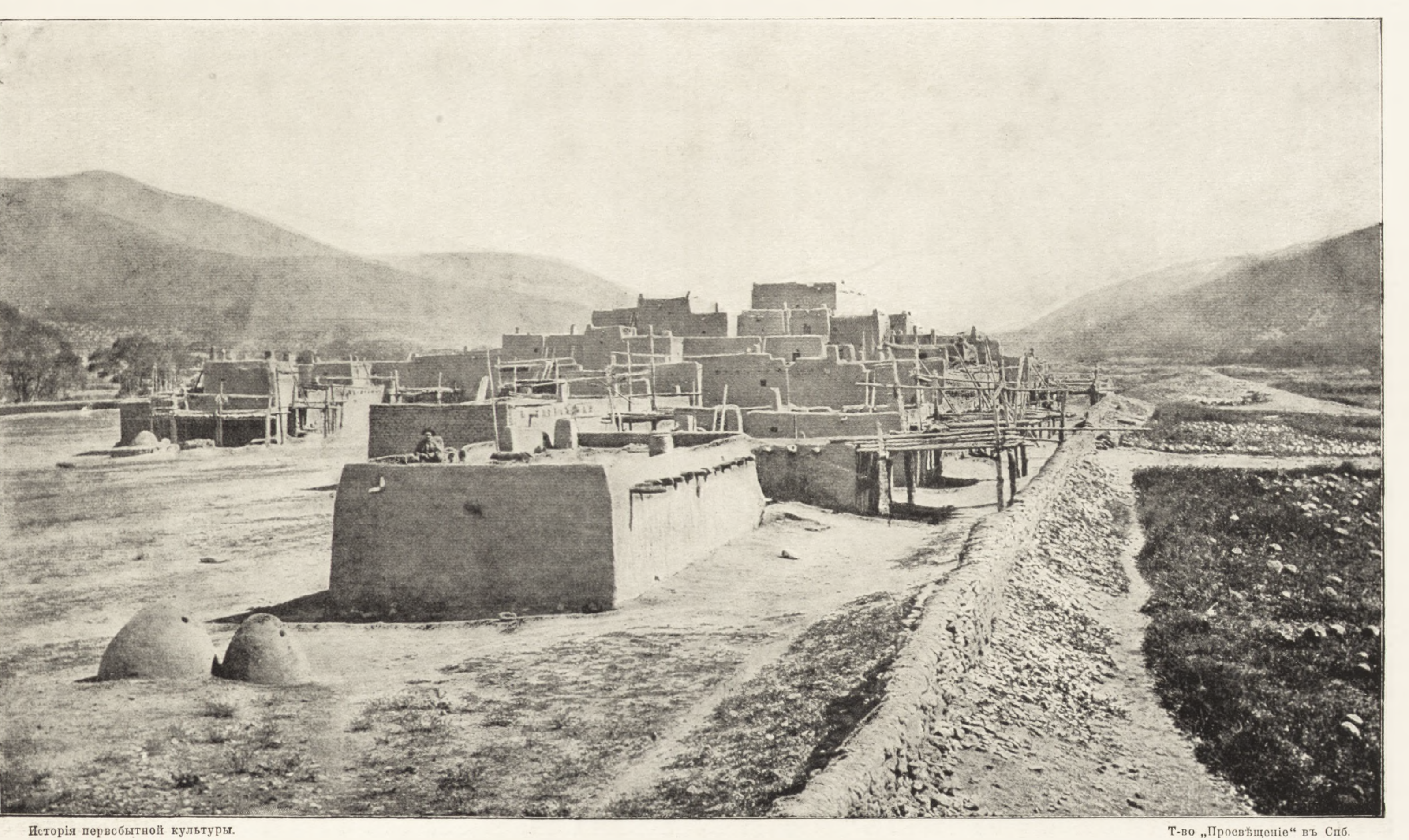
Курганъ съ изображеніемъ животныхъ и другихъ предметовъ въ Висконсинѣ, Сѣв. Америка. По Цирусъ Томасу. Смотри текстъ стр. 443.

Другими замѣстителями свайныхъ построекъ являются плавучіе дома, встрѣчающіеся часто въ Дальней Индіи, Малайскомъ архипелагѣ и южномъ Китаѣ (см. изобр. стр. 437). Гдѣ нѣтъ кораблей и подобныхъ имъ сооруженій, тамъ дома устраиваются на плотахъ. На Борнео плавающіе дома, подобно свайнымъ постройкамъ, снабжены нижнимъ строеніемъ изъ вертикальныхъ бревенъ, связанныхъ внизу поперечными балками. Между поперечными балками настилаются въ нѣсколько рядовъ крупные стволы бамбука; его подъемная способность настолько громадна, что домъ до уровня пола стоитъ надъ водой. Преимущества такого жилья въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ всѣ сношенія производятся по водѣ, достаточно ясны сами по себѣ. Въ Китаѣ, повидимому, часть избытка населенія вытѣснена съ твердой земли на воду. Это, конечно, должно было отразиться прежде всего на рыбакахъ, лодочникахъ и судовыхъ рабочихъ, которые еще до завоеванія южнаго Китая, ютились на побережныхъ свайныхъ постройкахъ.

Въ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ постройкахъ почти совершенно не употребляется камень. Онъ примѣняется здѣсь только для постройки террасъ и каменныхъ столбовъ, но и тѣ и другіе не болѣе, какъ средства для искусственнаго повышенія почвы. Крайне знаменательно, что пещеры, еще въ незапамятныя времена считавшіяся одними изъ любимѣйшихъ жилищъ, не натолкнули человѣка на очень простую и близкую къ осуществленію мысль—устроить изъ обломковъ скалъ искусственную пещеру, когда созданное природою жилье казалось неудобнымъ, мало помѣстительнымъ, или когда по другимъ причинамъ его нужно было оставить. Можетъ быть единственнымъ, достаточно убѣдительнымъ примѣромъ подобныхъ построекъ, служатъ сооруженія индѣйцевъ пуэбло въ югозападныхъ Соединенныхъ Штатахъ Америки, Аризонѣ, Новой Мексикѣ, южномъ Утахѣ и Колорадо.

Въ этой пустынной, прорѣзанной крутобокими, промытыми потоками долинами, каньонами, не мало естественныхъ пещеръ въ мягкихъ горныхъ породахъ, глинѣ и туффѣ. Люди, обитавшіе въ этой мѣстности, не преминули воспользоваться этими естественными убѣжищами и при помощи своихъ первобытныхъ инструментовъ расширили ихъ. Особенно многочисленны эти пещерныя жилища на верхнемъ теченіи рѣки Ріо Грандо дель

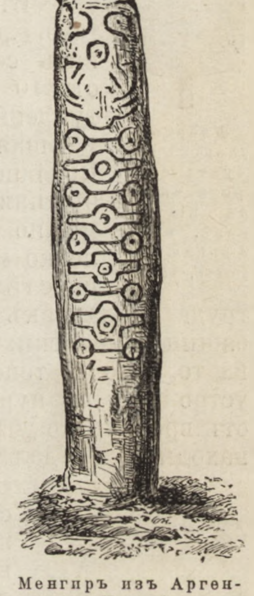

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Южный городъ Пуебло (Мексика).

По Г. П. Виншипу.

Норте, къ западу отъ Санта-Фэ. (Ср. табл. „Пещерныя жилища въ Клифъ Палассъ-Каньонѣ, въ югозападной части Колорадо". Но дѣло не остановилось на простой уборкѣ камней для расширенія помѣщенія: очень обширныя пещеры раздѣляли на отдѣльныя камеры, возводя стѣнки изъ камней, чѣмъ и было положено первое начало каменной архитектурѣ. При этомъ уже развились кое-какія техническія сноровки: мало-по-малу научились уменьшать каменной кладкой слишкомъ широкія отверстія пещеръ, возводить загражденія въ видѣ стѣнокъ тамъ, откуда можно было ожидать внезапнаго нападенія. Такъ постепенно дошли до умѣнья возводить самостоятельныя постройки и ничто не препятствовало уже устройству каменныхъ домовъ помимо пещеръ и гротовъ. Строительнымъ матеріаломъ служили пласты слоистаго песчаника, а цементомъ — глина; дерево также входило въ постройку и преимущественно употреблялось для кровель. Примитивная простота конструктивныхъ пріемовъ не дозволила строить обширныхъ помѣщеній, и въ дѣйствительности самыя крупныя комнаты тамъ имѣютъ всего отъ 2-хъ до 3-хъ метровъ въ длину, ширину и вышину. Если и встрѣчаются, несмотря на это, многокамерныя и многоэтажныя постройки, то лишь потому, что отдѣльные домики пристраивались къ стѣнкамъ другихъ съ боковъ и сверху. Замѣтимъ мимоходомъ, что по тому же методу строились и громадные южно-индійскіе храмы: подобно пчелинымъ сотамъ вокругъ первой камеры лѣпились другія, пока не достигли тѣхъ размѣровъ, какія эти сооруженія имѣютъ теперь. Въ Пуэбло камеры имѣли только одинъ входъ, дверь, на верху у нея была перекладина, внизу каменный порогъ. Въ нѣкоторыя же камеры можно было проникнуть только сверху, изъ второго этажа черезъ отверстіе въ потолкѣ. Иногда балки кровли выходили за стѣны зданія и служили подстилкою для балконовъ, черезъ которые попадали въ домъ. Кромѣ прямоугольныхъ камеръ были съ круговымъ планомъ; это, вѣроятно, были бани, и онѣ же служили для религіозныхъ цѣлей.

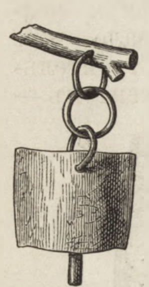

Менгиръ изъ Аргентины. По Амброзетти.

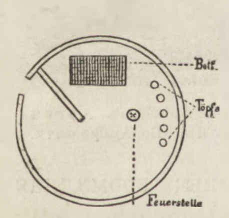
Сохранившіяся въ равнинахъ постройки древняго стиля въ области Пуэбло очень напоминаютъ „Клиппенбурги"; только въ первыхъ встрѣчается употребленіе глины; громадная равнина, извѣстная подъ именемъ casa grande, въ южной Аризонѣ, цѣликомъ составлена изъ большихъ глыбъ глины, по виду, какъ бы вырѣзанныхъ изъ плотно утрамбованной земли. Въ каменныхъ постройкахъ часто слои крупныхъ камней по желанію можно смѣнять мелкими. Обыкновенно каждое поселеніе (пуэбло) состоитъ изъ одного зданія, раздѣленнаго на отдѣльныя камеры, какъ и у современныхъ индѣйцевъ пуэбло, потомковъ доисторическихъ племенъ, обитателей клиппенбурговъ и каменныхъ домовъ. (См. табл. „Южная часть города Пуебло, Мексика". По Вайншипу).

Въ приведенномъ нами случаѣ каменныя постройки развились изъ пещерныхъ жилищъ; но въ Старомъ свѣтѣ, а также у культурныхъ народовъ Америки это превращеніе произошло въ большинствѣ случаевъ довольно интереснымъ, окольнымъ путемъ. Сравнительно не великъ ихъ окольный путь: искусственныя горы съ пещерами, какъ можно назвать эти каменныя зданія, служили первоначально для цѣлей обороны и потомъ по этому прототипу были выстроены жилые дома и храмы. Примѣръ индѣйцевъ пуэбло указываетъ уже намъ, что пещеры предпочтительно избирались для жилья ради большей безопасности отъ враждебныхъ нападеній и для той же цѣли замуровывалась часть входного отверстія и воздвигались

крутые валы. И на самомъ дѣлѣ пещера съ узкимъ входомъ, защищаемая съ успѣхомъ небольшимъ числомъ лицъ, въ мрачную пасть которой неохотно полѣзетъ первымъ и храбрый человѣкъ, представляетъ превосходную оборону противъ нападеній первобытныхъ воиновъ. Это, естественно, могло подать мысль сооружать на опасныхъ пунктахъ, въ видѣ убѣжищъ каменныя постройки съ пещерами. Хотя эти сооруженія и не могли вполнѣ замѣнить пещеръ, но за то имѣли и нѣкоторое преимущество въ томъ, что въ искусственныхъ сооруженіяхъ можно было при защитѣ отражать нападающаго сверху. Можетъ быть, такими цѣлями были вызваны постройки тѣхъ удивительныхъ башенъ, которыя мы встрѣчаемъ въ Сардиніи, Корсикѣ, Шотландіи и т. д. Достойно замѣчанія, что такія постройки обыкновенно встрѣчаются на морскихъ берегахъ, обитатели которыхъ особенно часто подвергались опасности отъ нападенія морскихъ разбойниковъ.

Дверной звонокъ изъ султанской резиденціи въ Кіатмаварѣ, вост. Африка. См. текстъ, стр. 447.

Въ одной только Сардиніи такихъ башенъ, называемыхъ тамъ „нургагенъ“, найдено было около 4000. Трудно представить себѣ, чтобы все это были только крѣпости. Высота ихъ отъ 10 до 12 метровъ, ширина отъ 6-ти до 18-ти, форма притупленно-коническая, внутри зданія имѣется лѣстница, поднимающаяся кверху. Выстроены эти башни изъ каменныхъ глыбъ. Помѣщенія, находящіяся въ нихъ, очень тѣсны, точно также и нижняя входная дверь настолько низка, что пролѣзть въ нее можно только низко нагнувшись или на четверенькахъ. Бѣглецы легко могли спасаться въ этомъ убѣжищѣ, между тѣмъ какъ преслѣдователямъ можно было прекратить туда доступъ безъ труда. Надальякъ сравниваетъ съ этими нургагенами танаіоты, сторожевыя башни Балеарскихъ острововъ, и кастеллами въ Истріи; Штуцъ же указалъ на то, что и теперь еще встрѣчаются въ Апуліи дома, очень схожіе по устройству съ нургагенами; здѣсь также обнаруживаются слѣды перехода отъ временнаго убѣжища къ постоянному жилищу. Подобныя же постройки находимъ мы далѣе въ доисторическихъ башняхъ въ Шотландіи (broughs). Это—коническія, сверху открытыя башни съ очень толстыми стѣнами, въ которыхъ оставлено нѣсколько маленькихъ камеръ съ выходомъ внутрь; внутри зданія лѣстница, выходящая наверхъ. Дверь пробита на высотѣ роста человѣка и попасть въ нее можно было только при помощи лѣстницы. Многія изъ этихъ башенъ служили убѣжищами и въ историческія времена.

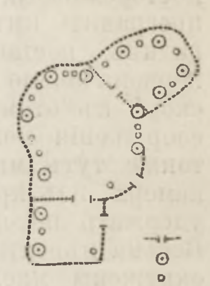
Планъ хижины въ Кассѣ, Адамауа, запад. Суданъ. По Пассаржу.

Наиболѣе характерною особенностью этихъ построекъ служитъ не ихъ башнеобразная форма, а необыкновенная толщина стѣнъ съ тѣсными помѣщеніями въ нихъ, съ узкимъ, легко защитимымъ входомъ. Мы узнаемъ стиль этихъ построекъ въ колоссальныхъ стѣнахъ Тиринскаго замка, изслѣдованіемъ котораго мы обязаны Шлиману. Цѣлые ряды корридоровъ и темныхъ крошечныхъ камеръ мы встрѣчаемъ въ этомъ удивительномъ зданіи, которое уже въ древности считалось работой ликійскихъ циклоповъ. Гернесъ, считающій, впрочемъ, камеры за могильные склепы, указалъ на то, что и финикійскіе города въ сѣверной Африкѣ имѣютъ такіе же корридоры и камеры. Весьма возможно, что въ обоихъ примѣрахъ мы видимъ лишь отголоски болѣе древняго стиля и что выработанныя въ стѣнахъ камеры первоначально служили не только для защиты, но и для другихъ цѣлей, примѣрно, для погребенія или, еще вѣроятнѣе для храненія запасовъ.

Возникновеніе каменныхъ домовъ изъ укрѣпленій могло происходить чаще, нежели мы это можемъ доказать; могло быть также нерѣдко, что прототипъ оказывалъ свое вліяніе и на выработку стиля каменныхъ построекъ; напри-

мѣръ, вѣроятно, что мощныя, боковыя террассы лѣстницъ египетскихъ храмовъ первоначально были святыми мѣстами и въ то же время убѣжищемъ и защитою для обитателей нѣкоторыхъ мѣстностей въ случаѣ нападенія. Во многихъ каменныхъ постройкахъ нѣтъ и слѣда подражанія пещерамъ; онѣ скорѣе напоминаютъ земляные валы и служатъ замѣною имъ. Изъ земляныхъ построекъ, вѣроятно, развились сооруженія изъ сырцоваго кирпича, господствовавшія въ Вавилонѣ и существующія понынѣ въ странахъ съ сухимъ климатомъ, какъ напримѣръ, въ сѣверной Африкѣ (см, изобр. стр. 439).

Однако же какъ ни значительно вліяніе каменныхъ крѣпостныхъ построекъ на развитіе архитектуры, его далеко превосходитъ вліяніе иное. Оно не имѣетъ ничего общаго съ какими-либо практическими заданіями, которыя мы, по старой привычкѣ, всюду стараемся выискивать. Сила этихъ вліяній доказываетъ еще разъ, что психическія силы—самыя могущественныя изъ всѣхъ и онѣ налагаютъ свою печать на всѣ созданія культуры. Почтеніе и страхъ передъ тяготѣющими надъ человѣческимъ сообществомъ силами нигдѣ не выступаютъ въ такой обнаженной и безпомощной формѣ, какъ въ культѣ предковъ, и этимъ психическимъ явленіемъ, безусловно, опредѣляется дальнѣйшій ходъ развитія строительнаго искусства.

. . . Колючая изгородь.
○ Хижины.
○ Хлѣбные амбары.
Планъ двора у вагума, близъ Кирали Бугвера, цент. Африка. По Штульману. См. тек., стр. 448.

Было уже упомянуто объ обычаѣ сожигать домъ покойника или только покидать его, а въ случаѣ смерти вождя или многихъ лицъ, умершихъ отъ невѣдомыхъ причинъ, переселяться на другое мѣсто. Замѣчено было также, что все это отзывается крайне неблагопріятно на выработкѣ серьезнаго строительнаго искусства. Для обитателей пещеръ этотъ обычай имѣетъ роковое значеніе, такъ какъ онъ заставляетъ живыхъ людей бросать насиженное мѣсто и предоставлять его мертвецамъ. Такъ какъ въ большинствѣ пещеръ надъ древнимъ культурнымъ слоемъ или въ немъ самомъ находили погребенныхъ людей, и вмѣстѣ съ похоронами пещера пустѣла, то этимъ фактически подтверждается, что жилище покидалось живыми людьми ради мертвецовъ. Этимъ же объясняется то, что многія пещеры были покинуты людьми въ весьма раннюю эпоху. Этимъ, вѣроятно, объясняется также обыкновеніе хоронить мертвецовъ въ пещерахъ. Этотъ обычай имѣлъ всеобщее распространеніе въ самую древнюю эпоху развитія культуры въ Египтѣ. При консервативномъ настроеніи древнихъ обитателей Нила за этотъ обычай держались въ Египтѣ очень стойко и до тѣхъ поръ, пока это было возможно. Наконецъ, онъ сталъ совершенно невозможнымъ, потому что всѣ пещеры переполнены были мертвецами, покой которыхъ не осмѣливались тревожить ради новыхъ пришельцевъ.

Въ виду всего этого въ Египтѣ, какъ и въ другихъ странахъ, гдѣ этому благопріятствуютъ естественныя условія, пытались сначала замѣнять естественныя пещеры искусственными. Прекрасный примѣръ въ этомъ смыслѣ былъ найденъ Ж. де-Байемъ въ долинѣ Пти-Моренѣ (департаментъ Марны): тамъ онъ нашелъ громадную мѣловую скалу, изрытую цѣлымъ рядомъ доисторическихъ погребальныхъ камеръ, а рядомъ съ ними и другія пещеры, повидимому, жилыя. Но подобный простой выходъ изъ затрудненія не вездѣ возможенъ, и долго имъ пользоваться нельзя. Въ такихъ крайнихъ случаяхъ, какъ это убѣдительно доказалъ де-Мортилье, оставался одинъ исходъ изъ затрудненія — сооружать погребальныя камеры изъ камней и, послѣ погребенія покойника, прикрывать все насыпью изъ земли. Такъ возникли различныя формы каменныхъ могилъ, дольмены, могилы гунновъ, могилы съ коридорами и многообразныя американскія „mounds“ (см. изобр. на стр. 440). Такимъ образомъ, погребеніе въ гор-

ныхъ пещерахъ отчасти свелось къ поселенію покойниковъ въ полуподземныхъ и подземныхъ обиталищахъ. Громадное предпочтеніе, которымъ пользовались въ доисторическія времени каменныя могилы, ради сооруженія которыхъ не отступали передъ гигантской работой перенесенія и установки громадныхъ камней, имѣло, несомнѣнно, своимъ источникомъ страхъ передъ мертвецами, только мало-по-малу замѣнившійся дружественнымь благоговѣніемъ. Этотъ страхъ передъ покойниками, какъ уже было раньше указано, не свойственъ примитивнымъ племенамъ, которыя сравнительно мало заботятся о своихъ умершихъ, и трупы ихъ иногда используютъ хозяйственнымъ образомъ въ качествѣ съѣстныхъ припасовъ. Покойниковъ начинаютъ бояться люди повышенной культуры, познавшіе сладость власти, вкусившіе отъ плодовъ собственности и увѣровавшіе въ то, что страсть къ пріобрѣтенію и могуществу не умолкаетъ и по смерти. На этой ступени развитія считаютъ цѣлесообразнымъ хоронить покойниковъ съ отданіемъ всякихъ почестей; но также и съ соблюденіемъ разныхъ мѣръ предосторожности, укладывая ихъ въ плотно замкнутыхъ помѣщеніяхъ, чтобы преградить имъ выходъ изъ могилы. Нагроможденіе кучъ камней на могилахъ, постановка монолитовъ (см. изображеніе на стр. 441) на нихъ первоначально могли имѣть значеніе знака памяти о покойникѣ; но весьма скоро къ этому присоединилось и то соображеніе, что эти тяжеловѣсныя сооруженія могутъ приперетъ умершаго въ его могилѣ. Не являлось ли также тутъ мысли строить искусственныя пещеры т. е. погребальныя камеры, изъ крупныхъ и тяжелыхъ каменныхъ глыбъ не только съ цѣлью удержать покойника въ могилѣ, но и обезопасить его отъ ограбленія? Весьма вѣроятно, что и круги изъ торчащихъ камней, кромлехи, которыми окружены многія доисторическія могилы, служили зачурованной гранью, изъ которой не долженъ былъ выходить безпокойный духъ покойника.

Дольменныя могилы изъ пяти большихъ гранитныхъ глыбъ, служащія семейными склепами и, теперь строятъ мадагаскарскіе Гофа и, по сообщеніямъ Кремаца, въ работѣ принимаютъ участіе всѣ обитатели данной общины. Доисторическіе дольмены распространены во всѣхъ частяхъ свѣта кромѣ Австраліи, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они встрѣчаются въ большемъ количествѣ, благодаря чему одно время приписывали ихъ устройство одной, опредѣленной расѣ. Отъ такого преувеличеннаго взгляда на дольмены теперь уже отказались; но въ извѣстныхъ предѣлахъ это воззрѣніе можетъ быть съ успѣхомъ поддерживаемо. Повидимому, и на дѣлѣ существованіе дольменовъ во Франціи, Испаніи и сѣверной Африкѣ могло быть вызвано передвиженіями одной опредѣленной расы, которую, по самому важному мѣстонахожденію ея остатковъ, принято называть кроманьонской. Она, можетъ быть, и была первой свѣтлокожей европейской группой племенъ, передвинувшейся на югъ.

Сѣверогерманскіе дольмены, гробницы гунновъ, обыкновенно строились изъ эрратическихъ камней, изъ которыхъ одни, вертикально стоящіе, служили стѣнами, а другіе плоско положенные, — крышею. Въ знаменитѣйшемъ памятникѣ каменномогильныхъ сооруженій, въ сѣверной Германіи, самомъ большомъ изъ „семикаменныхъ домовъ“ около Фаллингбостеля, въ Люнебургской степи, кроющая плита имѣетъ около 5 метровъ въ длину и $4^1/_2$ въ ширину. Она лежитъ на семи подставкахъ изъ трещиноватыхъ гранитныхъ блоковъ, отшлифованныхъ съ внутренней стороны. Камера внутри достигаетъ высоты полутора метровъ, при входѣ стоятъ два вертикальныхъ камня, нѣсколько другихъ, повидимому, составляли кругъ около памятника, надъ которымъ прежде былъ насыпанъ земляной курганъ.

Если въ прикрытую насыпной землей погребальную камеру ведетъ каменный крытый ходъ, то образуется могила съ коридоромъ. Насколько вѣрно предположеніе, что могилы этого типа подражали въ своемъ устройствѣ жилищамъ, которыя были сходны съ современными эскимосскими—въ

настоящее время рѣшить нельзя. По Боасу каменные дома Эскимосовъ устраиваются на склонѣ холма. Прежде всего прокладываютъ наклонно идущій кверху ходъ въ землѣ, длиною отъ 15 до 20 футовъ, и уставляютъ его большими каменными плитами, затѣмъ выкапываютъ землянку и выводятъ стѣны изъ каменныхъ плитъ и китовыхъ реберъ. Большое дугообразное ребро на передней открытой сторонѣ дома образуетъ окно и, въ то же время, подпорку для кровельныхъ стропилъ, которыя другими концами лежатъ на задней стѣнѣ и прикрываются шкурами. Окно затягивается полупрозрачной перепонкой кишокъ сивуча. Въ виду приведеннаго описанія нельзя сказать, чтобы такое жилище было очень похоже на могилы съ коридоромъ. Если бы такой домъ былъ обсыпанъ землею, то и тогда

Селеніе на Эргасъ-Дагѣ. Кавказъ. См. текстъ, смр. 449

онъ не имѣлъ бы полнаго сходства съ каменными могилами, потому что у него отсутствуетъ каменная крыша. Можно скорѣе принять, что и могильный коридоръ дѣлался потому, что склепъ служилъ долго мѣстомъ упокоенія цѣлой семьи и нѣсколькихъ поколѣній, почему его и нельзя было закрывать наглухо; въ Зеландіи, въ одной изъ такихъ каменныхъ могилъ, было найдено не менѣе пятидесяти скелетовъ. Несмотря на это нельзя отрицать, что остатки каменныхъ хижинъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ живутъ эскимосы, встрѣчаются въ Скандинавіи и, повидимому, онѣ въ дѣйствительности были жилыми помѣщеніями; но въ нихъ нигдѣ не находили каменныхъ крышъ, а потому и мнѣніе Нильсона, считавшаго каменныя могилы съ коридорами за жилища, которыя только впослѣдствіи обратились въ склепы, врядъ ли можетъ быть принято въ такой категорической формѣ.

Другой видъ каменныхъ могилъ — египетскія пирамиды, безъ сомнѣнія, образовался изъ кучъ камней, которыя встрѣчаются въ качествѣ могильныхъ памятниковъ чрезвычайно часто. И въ обычной своей формѣ она болѣе напоминаетъ груду нагроможденныхъ первобытныхъ матеріаловъ, нежели постройку, гдѣ всѣ части прочно связаны между собою. Дѣло въ томъ,

что древніе культурные народы лишь постепенно научались творить: пирамида такъ и осталась упорядоченной или отлившейся въ кристаллъ кучей камней.

Какъ и всѣ продукты матеріальной культуры, жилища или, говоря вообще, строительное искусство, вмѣстѣ съ развитіемъ общей культуры, обнаруживаетъ возрастающую наклонность къ дифференціаціи или приспособленію ко вновь поставленнымъ задачамъ. Сама по себѣ всякая жилая постройка, стоящая выше примитивныхъ, должна служить многимъ цѣлямъ, къ достиженію которыхъ она постепенно приближается: днемъ нужно имѣть помѣщеніе для пребыванія въ немъ и для работы, на ночь нужно мѣсто для спанья, нужно также помѣщеніе для запасовъ; если внутри дома находится очагъ, то тутъ же устраиваются кухня и сушильня. Многія изъ этихъ задачъ несовмѣстимы: кто хочетъ работать или варить пищу, тому нуженъ свѣтъ и свѣжій воздухъ для разведенія огня, кто ищетъ пристанища отъ дождя или холода, тотъ ищетъ плотно закрытаго мѣста. Въ послѣднемъ случаѣ останавливаются на очень примитивномъ компромиссѣ, прибѣгая къ уменьшенію величины неизбѣжно необходимыхъ отверстій въ домѣ, пока, наконецъ, не научатся закрывать или открывать ихъ при помощи ставней, занавѣсей и клапановъ.

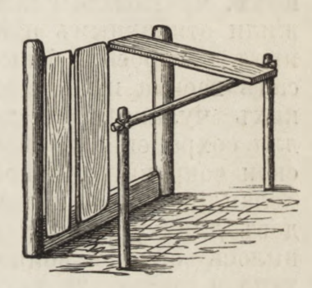
Небольшія дверныя отверстія представляютъ удобства и въ другихъ случаяхъ: затрудняется доступъ стаямъ докучливыхъ насѣкомыхъ, дикимъ звѣрямъ, разбойникамъ и ворамъ, а также и самымъ страшнымъ существамъ—злымъ духамъ. Еще лучше, если, кромѣ того, дверное отверстіе дѣлается настолько высоко надъ землей, что въ него можно попасть карабкаясь по стѣнѣ или при помощи лѣстницы, какъ это мы видимъ у баянзи и у другихъ племенъ района Конго. Висмангъ говоритъ, что высоко продѣланныя двери одновременно служатъ и окнами, и дымовыми отверстіями, при чемъ стремящійся наружу дымъ прогоняетъ насѣкомыхъ. Тотъ же авторъ сообщаетъ, говоря о жилищахъ бангоди и кассаи: „Достаточно имъ было скамейки или какого-нибудь возвышенія вродѣ стола около хижины, чтобы сдѣлать удобный входъ и выходъ изъ дома туземцамъ. И мужчины, и женщины съ поразительной ловкостью пролѣзали сквозь довольно узкія отверстія. Они при этомъ нагибались впередъ, просовывали вмѣстѣ одну руку и одну ногу въ отверстіе, а затѣмъ протискивалась быстро и остальная часть тѣла. Они обладали при этомъ такой изумительной сноровкой въ этомъ дѣлѣ, что пролѣзали чрезъ узкія отверстія на бѣгу“.

Окна въ жилищахъ первобытныхъ народовъ представляютъ большую рѣдкость. Чаще попадаются они тамъ, гдѣ обитатели умѣютъ приготовлять просвѣчивающія перепонки, то есть, у гиперборейцевъ, которые изъ тюленьихъ кишекъ и изъ рыбьихъ кожъ умѣютъ приготовлять матеріалъ пригодный для вставки въ окна. Въ этомъ отношеніи изобрѣтеніе и потомъ удешевленіе оконныхъ стеколъ, пропускающихъ свѣтъ и задерживающихъ теплоту, имѣло громадное значеніе для построекъ, образа жизни и культуры обитателей холодныхъ странъ.

Двери, стало быть, самое важное, а подчасъ и единственное отверстіе въ жилищѣ первобытныхъ людей. Надежные дверные запоры почти что неизвѣстны некультурнымъ народамъ, но у нихъ есть снаряды, играющіе роль нашихъ дверныхъ замковъ. Паркинсонъ пишетъ, что на островѣ Явѣ дверное отверстіе въ домахъ всегда занавѣшивается циновкой, замѣняющей дверь; весьма часто къ этимъ циновкамъ привѣшиваются погремушки изъ раковинъ, которыя при малѣйшемъ движеніи издаютъ шумъ, такъ что сквозь дверь никто не можетъ пройти незамѣченнымъ. Подобнымъ же образомъ устраиваются васандауи въ Восточной Африкѣ. Дверныя отверстія ихъ тембъ закрываются отодвигающейся циновкой которая въ три раза шире дверного отверстія и укрѣплена на двухъ сзади нея стоящихъ столбахъ; на этой плетенной выдвижной двери, по сообщенію Кильмейера,

прикрѣпленъ кругловатый желѣзный колокольчикъ, который звонитъ при передвиганіи двери (см. изобр. стр. 442).

Подобно тому, какъ постепенно изъ зіяющаго отверстія выростаетъ иногда весьма тщательно устроенная часть зданія, такъ изъ помѣщенія для раскладки огня внутри хижины развиваются разнообразныхъ формъ очаги. Огонь, горящій въ полѣ, прежде всего необходимо укрывать отъ вѣтра, поэтому и предпочитаютъ разводить его въ какомъ-нибудь естественномъ или искусственномъ углубленіи. Въ жилищѣ, гдѣ не бываетъ слишкомъ сильной тяги воздуха, представляющей нѣкоторую опасность, гдѣ, кромѣ того, за огнемъ тщательно наблюдаютъ, предпочитаютъ раскладывать его на нѣкоторой высотѣ отъ пола, на каменныхъ или сбитыхъ изъ глины подставкахъ. Можетъ быть, Юлій Липпертъ заходитъ слишкомъ далеко, приводя въ связь такое устройство очага съ очень распространеннымъ обыкновеніемъ погребать умершихъ въ домѣ подъ очагомъ; но у нѣкоторыхъ народовъ оба эти явленія могутъ находиться въ нѣкоторой связи между собою. У древнихъ культурныхъ народовъ Европы очагъ считался святыней и центромъ жизни семьи; также полно значенія превращеніе очаговъ въ храмахъ въ алтари. Несмотря на все это, однако же прямого вліянія обычая домашняго погребенія на святость очага нельзя признать уже потому, что народы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, всегда погребали своихъ умершихъ въ особо отведенныхъ для того мѣстахъ, вдали отъ домовъ.

Входъ въ деревню въ Унукумѣ, вост. Африка. По Кольману. См. текстъ, стр. 450.

Внутреннее помѣщеніе дома можетъ дифференцироваться или употребленіемъ внутреннихъ стѣнныхъ перегородокъ, или приподнятіемъ нѣкоторыхъ частей пола. Высокія ниши и нары, идущія сплошь вдоль стѣнъ принадлежатъ ко второй группѣ видоизмѣненій. Постановка стѣнъ дѣлается легче въ домахъ съ углами, въ нихъ перегородки съ капитальными стѣнами скрѣпляются прочнѣе, нежели въ круглыхъ постройкахъ. Чаще всего, особенно въ Африкѣ, встрѣчается раздѣленіе дома двумя перегородками на жилое помѣщеніе, кухню и спальню, которая обыкновенно помѣщается въ самомъ дальнемъ углу, отъ входной двери. Часто это дѣленіе обозначается только одной коротенькой перегородкой, идущей внутрь (см. изобр. на стр. 442). Строители свайныхъ построекъ, опытные въ устройствѣ половъ изъ досокъ и планокъ, нерѣдко, устраивая полати надъ поломъ, отгораживаютъ нѣкоторую площадь подъ крышей. Эти полати служатъ для храненія припасовъ, но иногда, какъ во многихъ домахъ юношей у баттаковъ, спальнями молодымъ людямъ. Далѣе обыкновенно не идетъ дифференціація дома у первобытныхъ народовъ; довольствуются вообще только назначеніемъ извѣстныхъ мѣстъ въ жилищѣ для людей и вещей. Если же при домѣ имѣется притворъ, портикъ или веранда, то и ихъ превращаютъ временно въ жилыя помѣщенія или въ кладовыя. Если является настоятельная надобность въ новомъ помѣщеніи, то прибѣгаютъ къ постройкѣ новаго зданія.

У многихъ народовъ съ давнихъ поръ существуетъ строительство двоякаго рода: построенный въ видѣ обширной залы **домъ мужчинъ** отличается по величинѣ, а иногда и по способу постройки, отъ домовъ женщинъ и семейныхъ людей. Такъ какъ, послѣ исчезновенія обществъ и союзовъ мужчинъ, дома ихъ превратились въ зданія для общественныхъ собраній и засѣданій, гостиницы и храмы, то прежняя разница остается и теперь, а мѣстами даже развивается дальше. Храмы могутъ развиться еще и другимъ путемъ. Около многихъ поселковъ въ центральной Африкѣ, Меланезіи и въ другихъ странахъ встрѣчаются невдалекѣ отъ жилыхъ

помѣщеній маленькія хижинки, по большей части, воспроизведенія настоящихъ жилищъ въ карликовыхъ размѣрахъ, Это домики для духовъ, которые воздвигнуты для покойниковъ вмѣсто нѣкогда имѣвшихся у нихъ домовъ; въ эти домики приносятъ иногда пищу умершимъ (ср. изобр. на стр. 106 и 167). Легко понять, что при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ эти домики могутъ превратиться въ капеллы и храмы.

Еще чаще чѣмъ домики для духовъ встрѣчаются въ Африкѣ и въ другихъ странахъ хлѣбные амбары и кладовыя очень различныхъ формъ и, по большей части, на сваяхъ для охраны отъ насѣкомыхъ и другихъ расхитителей. Такъ какъ здѣсь идетъ дѣло уже о выполненіи новой задачи, и хлѣбные амбары не такъ велики, какъ дома (см. изобр. стр. 443), то въ такихъ постройкахъ развивается особый стиль, имѣющій много общаго со стилемъ постройки жилищъ. Часто такіе склады устраиваются въ громадныхъ глиняныхъ горшкахъ, изготовленіе которыхъ требуетъ значительнаго умѣнья и сноровки. Не невозможно, что прототипы такихъ глиняныхъ кладовыхъ не остались безъ вліянія на развитіе въ Суданѣ замѣчательныхъ, круглыхъ, глиняныхъ домовъ. Эти послѣдніе, въ свою очередь, послужили отправнымъ пунктомъ для возникновенія болѣе обширныхъ глиняныхъ построекъ, башенъ и мечетей, о которыхъ Г. Фробеніусъ также написалъ весьма цѣнное изслѣдованіе. Въ Меланезіи и Индонезіи изъ маленькихъ чуланчиковъ для припасовъ развились болѣе обширныя постройки для сохраненія цѣнныхъ вещей, въ которыхъ нерѣдко вся деревня хранитъ свои сокровища, раковинныя деньги и другія драгоцѣнности. На Новой Зеландіи, кромѣ построенныхъ на сваяхъ и изукрашенныхъ рѣзьбой складовъ для кумера (ямса), бывали и другія свайныя сооруженія, гдѣ хранилось оружіе воиновъ; существовали такія же постройки для храненія льна а также для рыболовныхъ принадлежностей и матеріаловъ для изготовленія ихъ. Эти дома всегда помѣщались внутри линіи укрѣпленій деревни. Многія дайякскія племена, наоборотъ, строили свои хранилища цѣнностей въ чащѣ джунглей, главнымъ образомъ, для предохраненія ихъ отъ пожаровъ. Кромѣ надземныхъ хранилищъ существуютъ и подземныя, напримѣръ у сомали [1]; галлассы же любятъ пользоваться высокими деревьями для сохраненія своей собственности и многія восточно-африканскія племена сохраняютъ снопы хлѣба насаживая ихъ на высокія жерди (Ср. изобр. на стр. 167, средина задняго плана).

Часто встрѣчаются помѣщенія для кухни отдѣльно отъ домовъ, но это обыкновеніе врядъ ли возможно объяснить однимъ желаніемъ отдалить отъ себя стряню, сопровождающуюся всегда цѣлымъ рядомъ крайне грязныхъ процедуръ. Прежде всего, обращаясь къ Африкѣ, мы видимъ, напримѣръ, что тамъ, по показаніямъ Рамзейера, въ деревняхъ эвгенегровъ, никогда не стряпаютъ въ домахъ, а подъ навѣсомъ или въ кругломъ сараѣ, въ полѣ, гдѣ всѣми приспособленіями можетъ пользоваться не одно лицо, а многіе. Въ Новой Зеландіи отдѣленію кухни отъ дома, несомнѣнно, содѣйствовали мистическія соображенія; запутанныя постановленія табу въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, оказались разумными, поставивъ правиломъ, что въ домахъ можно только ѣсть, поэтому и обѣдаютъ у нихъ всегда на домовой верандѣ. Еще яснѣе эта мистическая струя обнаруживается у маріори острововъ Чатама. У нихъ, въ находящееся внѣ дома кухонное помѣщеніе, состоящее подъ управленіемъ женщинъ, никто изъ мужчинъ входить не можетъ. Здѣсь приходитъ на мысль соображеніе, что тамъ, гдѣ дома мужчинъ превратились въ общинные дома, оставшіяся въ излишкѣ дома женщинъ могли обратиться въ кухни; но достовѣрныхъ доказательствъ въ пользу этого соображенія пока еще не имѣется.

---

[1] Саянскіе и танвуольскіе сойоты прячутъ свой зерновой хлѣбъ въ подземныхъ ямахъ. *Ред.*

Купальни и бани у многихъ народовъ холоднаго климата строятся отдѣльно отъ жилыхъ домовъ. У эскимосовъ дома мужчинъ превратились въ бани и рядомъ съ этимъ—въ помѣщенія для торжественныхъ празднествъ и танцевъ. „Эти зданія (кассигитъ)—пишетъ Якобсонъ, — строятся иначе, нежели жилые дома, и служатъ купальнями и банями. Кассигуи или кассигитъ гораздо обширнѣе обыкновенныхъ домовъ и выстроены наполовину въ землѣ. Въ нихъ входятъ не черезъ дверь, находящуюся на дневной поверхности, а черезъ подземный ходъ, который, врѣзавшись въ землю, выходитъ въ громадный круглый погребъ, находящійся подъ поломъ верхняго помѣщенія. Черезъ круглый люкъ среди верхняго пола прибывшій выскакиваетъ въ верхній танцовальный залъ. Когда нужна баня, верхній полъ снимается, внизу раскладываютъ большой огонь и приносятъ деревянныя чаши со снѣгомъ; послѣ этого можно приниматься за мытье, состоящее, впрочемъ, главнымъ образомъ, въ натираніи тѣла снѣгомъ и обильной испаринѣ. Проще устраивались бани у многихъ племенъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ: часто въ какомъ-нибудь холмѣ выкапывалась пещера или устанавливалось нѣчто вродѣ палатки или вигвама, отъ поливанія водой раскаленныхъ камней выходилъ густой паръ и температура помѣщенія сильно повышалась. Юлій Липпертъ указываетъ на то, что сами естественныя условія мѣстности должны были привести обитателей къ изобрѣтенію паровой бани: дождикъ, падавшій чрезъ отверстіе на очагъ, образовывалъ на немъ или около него лужу, вода въ которой отъ паденія горячей золы, угольевъ или раскаленнаго очага начинала кипѣть, и помѣщеніе наполнялось парами. Впослѣдствіи же научились сами это случайное явленіе воспроизводить своими средствами въ особомъ помѣщеніи.

Также и для работы нерѣдко строятъ особые дома, къ чему вынуждаетъ недостатокъ свѣта въ хижинахъ. Петеръ Галль пишетъ изъ внутренняго Тога, что „для защиты отъ дождя и вѣтра жители Нконія спускаютъ, при постройкѣ домовъ, крыши настолько низко, что при входѣ въ домъ подъ ними надобно пролѣзать, сильно согнувшись. Дома, въ которыхъ занимаются ткачествомъ просторны, и иностранецъ радъ бы попасть туда на ночлегъ, еслибъ не было тамъ очень холодно“. Ткацкіе дома, гдѣ одновременно работаютъ нѣсколько ткачей встрѣчалъ также Рольфъ въ Джакоба. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ занимаются кузнечнымъ ремесломъ, часто деревенскіе ковали работаютъ подъ навѣсомъ на подпоркахъ. Многіе дома — мастерскія, какъ кажется, устроивались въ бывшихъ домахъ мужчинъ, послѣ того, какъ эти учрежденія пришли въ забвеніе. Эти постройки часто совсѣмъ не имѣли боковыхъ стѣнъ, что представляетъ большія удобства для занятій ремеслами. Еще и теперь можно наблюдать нѣкоторыя переходныя формы. Кэддингъ сообщаетъ, напримѣръ, что у тоба-баттаковъ у всякаго многосемейнаго дома имѣется „сопо“, которое вечеромъ служитъ мѣстомъ для собраній и ночлегомъ для молодыхъ людей, другими словами—мужскимъ домомъ, но днемъ здѣсь собираются для работы ткачихи. Во многихъ случаяхъ, наоборотъ, дома-мастерскія могли развиться изъ простыхъ навѣсовъ для тѣни, которые особенно часто встрѣчаются въ африканскихъ деревняхъ, рядомъ съ душными и темными жилыми хижинами. Скотные дворы въ качествѣ особыхъ построекъ рѣдко встрѣчаются у первобытныхъ народовъ. Скотъ или остается въ загонѣ на полѣ или помѣщается въ хижинѣ вмѣстѣ съ хозяевами, если не находится для него убѣжища подъ свѣшивающимися со стѣнъ крышами или—при свайныхъ постройкахъ—подъ домомъ между столбами. Чаще всего встрѣчаются курятники, по большей части въ видѣ плетушекъ, похожихъ на большія корзины (см. изобр. на стр. 251), которыя въ сущности не имѣютъ прямого отношенія къ строительному искусству.

Возможны различные способы распланировки поселка: иногда нѣсколько домовъ съ надворными службами образуютъ изъ себя отдѣльную деревню (см. изобр. на стр. 445) или, что встрѣчается чаще — изъ одного

двора выростаетъ цѣлая деревня. Дома могутъ размѣщаться очень тѣсно или даже сливаться въ одну постройку, вродѣ длинныхъ домовъ даїякскихъ поселеній, могутъ они и разбросаться самымъ неправильнымъ образомъ на значительномъ пространствѣ, какъ въ Меланезіи. Расположеніе домовъ въ двѣ линіи по обѣимъ сторонамъ деревенской улицы встрѣчается у обитателей залива Конг,о также и у баттаковъ. Бродячія племена также соблюдаютъ извѣстный порядокъ въ распредѣленіи своихъ жилищъ на временныхъ стойбищахъ, и мы видимъ это въ стоянкахъ туземцевъ Австраліи. Бругъ-Смитъ говоритъ, что „распланировка міамовъ опредѣляется извѣстными правилами. Туземцы не разсаживаются на стойбищѣ, какъ кому вздумается — въ этомъ дѣлѣ слѣдуютъ извѣстному порядку и методу. Если разсаживается въ данной мѣстности все племя цѣликомъ, то жилища лицъ, образующихъ маленькій поселокъ, дѣлятся на группы и каждая группа состоитъ изъ шести или большаго числа міамовъ. Каждый міамъ отстоитъ на 5 или 6 ярдовъ отъ сосѣднихъ, а одна группа міамовъ отъ другой располагается не ближе, чѣмъ на 20 ярдовъ". Скотоводы, кочевые или осѣдлые, любятъ разставлять свои жилища кругомъ скотскаго пригона, какъ кафры и родственныя имъ племена Южной Африки. У многихъ другихъ африканскихъ племенъ оставляется всегда свободная площадь — мѣсто для народныхъ собраній и цетральный пунктъ деревни. Только иногда впослѣдствіи такія площади превращаются въ рынки, такъ какъ негры вообще не любятъ пускать чужихъ внутрь укрѣпленія деревни, что весьма естественно при постоянныхъ раздорахъ.

Въ первобытныхъ деревенскихъ поселкахъ укрѣпленія, дѣйствительно, составляютъ весьма важную часть цѣлаго. Только бродячіе народы, считающіе себя внѣ опасности отъ враждебныхъ покушеній, обходятся безъ нихъ. Среди же воинственнаго населенія, какъ, напримѣръ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ у малайскихъ племенъ практикуется охота за черепами, на укрѣпленіе деревни обращается серьезное вниманіе. Выборъ мѣста для поселенія дѣлается съ большой осмотрительностью. Селятся или въ густыхъ заросляхъ первобытныхъ лѣсовъ, къ чему часто прибѣгаютъ въ Африкѣ, или на высокихъ мѣстахъ, какъ на Малайскомъ архипелагѣ и въ Новой Зеландіи. Въ Африкѣ очень хорошо умѣютъ пользоваться зарослями колючихъ кустарниковъ и тѣсно стоящими рядами деревьевъ для усиленія естественной защиты, доставляемой лѣсомъ. Узкія, извилистыя, сбивчивыя и запутанныя тропинки ведутъ чрезъ непролазную чащу къ деревнѣ, которая огорожена палисадами, и проникнуть въ нее можно только черезъ запирающіяся ворота (см. изобр. на стр. 447). Высокія глиняныя и каменныя стѣны встрѣчаются только въ частяхъ Африки, подвергшихся измаилитскому вліянію.

Образцомъ африканскихъ крѣпостей можетъ служить резиденція грознаго восточно-африканскаго завоевателя Мирамбо, обстоятельно описанная Висманномъ. „Фортъ былъ выстроенъ четыреугольникомъ на полого-поднимающейся возвышенности и каждая сторона его была длиною въ 300 метровъ. На востокѣ только пологій склонъ, метровъ въ 50 шириною, отдѣлялъ укрѣпленіе отъ обширнаго болота Муанга; со всѣхъ же другихъ сторонъ была плоская мѣстность, безъ всякихъ прикрытій на разстояніи не менѣе 500 метровъ. Во время высокаго стоянія водъ приблизиться къ крѣпости можно было только съ южной стороны. Прежде всего надобно было перейти черезъ валъ въ одинъ метръ высоты, гребень котораго сплошь заросъ молочайникомъ. Черезъ него можно было пробраться только съ топоромъ въ рукахъ. Земля для насыпанія вала была выкопана на внутренней сторонѣ вала, отчего тамъ образовался внутренній ровъ и сквозь валъ были пробиты въ плотной, неосыпавшейся глинѣ амбразуры для стрѣльбы. За рвомъ шелъ кругомъ шириною въ четыре метра валгангъ, укрѣпленный палисадомъ и обозначавшій вторую линію защиты. Въ деревню вели восемь

тщательно замаскированныхъ воротъ съ запорами изъ тяжелыхъ бревенъ на крючьяхъ. Тѣсно стоящія хижины отдѣльныхъ семей, распредѣленныя на группы, изъ которыхъ каждая была окружена палисадомъ, составляли кольцо около скотскаго пригона, находившагося въ центрѣ деревни. Центръ всего укрѣпленія составляла усадьба вождя, представлявшая собою хорошо укрѣпленный редутъ, изъ котораго надъ домами возвышалась сторожевая башня. Вдали отъ деревни были насажены колючіе кустарники съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ войны срѣзать ихъ и устраивать укрѣпленія вокругъ вала".

Иногда встрѣчаются палисады въ нѣсколько рядовъ и изъ нихъ послѣдній самый высокій. Точно также на внутренней сторонѣ палисадовъ устраиваются галлереи для защитниковъ. Несомнѣнно, введеніе огнестрѣльнаго оружія сильно содѣйствовало усиленію оборонительныхъ средствъ современныхъ укрѣпленій. То же самое было и въ Новой Зеландіи, гдѣ рука объ руку съ распространеніемъ огнестрѣльнаго оружія подвигалась впередъ передѣлка укрѣпленій. Это было особенно необходимо тамъ, такъ какъ раньше, до введенія ружей, маори не знали никакого дальнобойнаго оружія, кромѣ камня, бросаемаго рукой. Одно изъ старинныхъ укрѣпленій (па — укрѣпленный поселокъ) было описано подробно Кукомъ. Оно было окружено палисадомъ изъ крѣпкихъ столбовъ, вышиною въ 10 футовъ. На слабыхъ мѣстахъ, кромѣ того, впереди и сзади палисада выкапывались рвы. Внутреннее пространство было окружено валомъ и вторымъ рядомъ палисадовъ, а сзади второй линіи укрѣпленій ставились для защитниковъ подмостки въ 20 ф. высоты и въ 40 шириною; здѣсь же были сложены для воиновъ большія кучи камней. Подобный же помостъ прикрывалъ входъ въ па (крѣпость) и подступъ къ крутой тропинкѣ, ведущей въ крѣпостныя ворота. Описаніе новозеландской крѣпости было бы не полно, если бы мы не упомянули о высокихъ столбахъ съ вырѣзанными на нихъ страшными рожами. Столбы эти высоко поднимались надъ полями и должны были изображать духовъ—покровителей поселенія. И въ Африкѣ тоже не малую роль во всякомъ укрѣпленіи играютъ „фетиши", и эти защитники въ глазахъ туземнаго непріятеля могутъ показаться гораздо страшнѣе всякихъ колючихъ изгородей, волчьихъ ямъ и разсыпанныхъ по тропинкамъ острыхъ шиповъ и колючекъ.

---

7. Сношенія.

Къ числу предварительныхъ условій поступательнаго движенія культуры принадлежитъ также и возможность успѣшнаго движенія къ цѣли въ буквальномъ смыслѣ этого слова, или иначе — способность, въ случаѣ надобности, быстро переноситься на значительное разстояніе и передвигать съ одного мѣста на другое значительныя количества благъ. Но при гармонической выработкѣ всѣхъ многочисленныхъ способностей человѣка можно заранѣе предполагать, что ни строеніе тѣла его, ни его силы въ своемъ развитіи не могутъ сосредоточиться на одной какой-нибудь цѣли, хотя бы, напримѣръ, на усиленіи способности двигаться и переносить тяжести. Первоначально человѣкъ могъ передвигаться только по твердой землѣ, и онъ до нѣкоторой степени развилъ въ себѣ способность быстро бѣгать; но при борьбѣ съ нѣкоторыми незначительными препятствіями ему большую пользу приносило умѣнье лазить, чѣмъ прыгать. Возможности держаться на водѣ онъ достигъ только путемъ цѣлаго ряда упражненій. Вода никогда не будетъ его родной стихіей, а пути передвиженія по воздуху ему и понынѣ заказаны. Способность человѣка къ перенесенію тяжестей, по сравненію съ его четвероногими товарищами, ничтожна. Горизонтальная широкая спина ихъ уже однимъ видомъ своимъ указываетъ, что ей въ пору носить такой грузъ, котораго не поднимутъ плечи человѣка.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ не хватаетъ своихъ природныхъ силъ, можно при желаніи достигнуть цѣли двумя способами: можно или при помощи приспособленныхъ къ тому снарядовъ измѣнить работу своихъ силъ болѣе удобнымъ для данной задачи способомъ, или же заставить вмѣсто себя работать другія силы, все равно—силы ли животныхъ, или силы безсознательной природы. При передвиженіи тяжестей прибавляется еще новая возможность соединеніемъ силъ отдѣльныхъ людей выполнять крупную, невозможную для отдѣльнаго человѣка, работу. Первый способъ измѣненія дѣйствія собственныхъ силъ, или, выражаясь точнѣе, временного приспособленія своего тѣла для извѣстной работы, въ теченіе очень долгаго времени примѣняли только для переноски тяжестей;[1] лямки, ранцы, мѣшки, тачки—все принадлежитъ къ этой группѣ приспособленій. Изъ средствъ, дающихъ возможность въ извѣстныхъ случаяхъ совершать передвиженія или ускорять ихъ, извѣстны были только существующія и теперь у многихъ первобытныхъ народовъ веревочныя петли для влѣзанія на дерево, лыжи и коньки, пока въ новѣйшее время не былъ изобрѣтенъ велосипедъ и не показалъ, какихъ громадныхъ успѣховъ можно было достигнуть и въ этой отрасли. Въ сущности велосипедъ представляетъ собою только приспособленіе самого себя къ созданнымъ человѣкомъ же ровнымъ и гладкимъ дорогамъ, по которымъ въ теченіе тысячелѣтій передвигались упряжными животными экипажи. Человѣкъ въ концѣ-концовъ нашелъ возможность самого себя превратить въ самодвижущійся экипажъ, чѣмъ и увеличилъ свою способность къ передвиженію до необычайной степени. Вопросъ о воздухоплаваніи, надъ которымъ такъ усердно работаютъ, сводится въ послѣднемъ счетѣ къ тому, чтобы дать силамъ человѣка такое распредѣленіе, при которомъ онъ могъ бы подниматься на воздухъ и свободно передвигаться въ желательномъ направленіи. Передвиженіе на веслахъ также представляетъ собою одно изъ перераспредѣленій силъ человѣка; но здѣсь, кромѣ того, при помощи подходящихъ матеріаловъ для постройки судовъ и приспособленной формы используется и подъемная способность воды, сила природы. Гораздо болѣе грандіозная картина получается, когда вмѣсто своихъ собственныхъ силъ человѣкъ привлекаетъ къ работѣ силу животныхъ и энергію, присущую природѣ. Уже эксплоатируя силы животныхъ, человѣкъ часто прибѣгаетъ къ помощи машинъ; обращаясь къ силамъ природы, онъ во всѣхъ случаяхъ неизбѣжно долженъ дѣйствовать на нихъ посредствомъ новыхъ приспособленій и механизмовъ. При сухопутныхъ сношеніяхъ, кромѣ механизмовъ, нужно еще искусственное устраненіе неровностей и препятствій на путяхъ, проложеніе желѣзныхъ дорогъ, раздробленіе скалъ, прорытіе туннелей сквозь горы и устройство мостовъ черезъ рѣки. Принявъ во вниманіе сказанное, мы безъ всякихъ затрудненій опредѣлимъ тѣ отправные пункты, исходя изъ которыхъ мы можемъ удобно и скоро ознакомиться со способами сношеній и средствами перевозки, практикуемыми людьми.

Мазонъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ объ этихъ предметахъ причисляетъ къ нимъ и обувь; и на это имѣются нѣкоторыя основанія. Обувь, какъ и всякая иная оболочка тѣла, сама по себѣ, такая же часть одѣянія, какъ и всякая другая; но первая цѣль ея—защита подошвы отъ жестокости почвы, колючекъ, острыхъ краевъ растеній и т. д. Защита ноги обувью облегчаетъ ходьбу: обутый человѣкъ всегда ходитъ по полу, свойства котораго зависятъ отъ матеріала подошвъ; для обутаго земля всюду, смотря

[1] Авторъ здѣсь, очевидно, говоритъ объ измѣненіи работы силъ человѣка только въ сферѣ передвиженія, такъ какъ и при самыхъ первобытныхъ условіяхъ жизни встрѣчаются массами примѣры измѣненія дѣйствія силъ. Просимъ читателя обратиться за этими примѣрами къ главѣ, гдѣ трактуется объ инструментахъ и снарядахъ. Выкапывая палкой съѣдобный корень, выворачивая камень, обламывая сукъ дерева, бросая камень,—человѣкъ уже измѣняетъ извѣстнымъ образомъ работу своихъ силъ. *Ред.*

по подошвамъ, которыя онъ носитъ, становится кожанной, войлочной, деревянной и т. д. Мазонъ совершенно вѣрно указалъ на то, что тамъ гдѣ ни башмаковъ, ни сандалій не носятъ постоянно—ихъ надѣваютъ въ дальнюю дорогу, хотя на работѣ въ полѣ и дома ходятъ босикомъ.

Простѣйшая форма обуви—сандаліи. Чаще всего ихъ дѣлаютъ изъ сырой или выдѣланной кожи, но также плетутъ ихъ изъ древесной коры и другихъ матеріаловъ для плетенія,[1] что особенно часто практикуется тамъ, гдѣ мало крупныхъ звѣрей, какъ, напримѣръ, на мелкихъ островахъ Тихаго Океана, въ Новой Зеландіи, въ Японіи и въ древнемъ Перу. Сандаліи обыкновенно прикрѣпляются къ ногѣ спереди и сзади ремешками или веревочками, или же надъ подошвой дѣлается переплетъ, въ который всовывается нога и обувь прикрѣпляется особыми завязками. Въ индійскихъ и вообще восточныхъ сандаліяхъ на переднемъ концѣ есть вертикальный штифтикъ, который вкладывается между первымъ и вторымъ пальцами ноги.

Переходъ отъ сандалій къ башмакамъ легко прослѣдить по многочисленнымъ промежуточнымъ формамъ: есть формы сандалій, у которыхъ подошва много шире ступни ноги, такъ что края ея можно заворачивать вверхъ для прикрытія ноги съ боковъ. Легче и проще всего это дѣлается въ томъ случаѣ, когда сандалія дѣлается изъ тонкой и гибкой кожи, какъ, напримѣръ, въ сѣверо-американскихъ индѣйскихъ мокассинахъ (см. изобр., на стр. 455), гдѣ сандалія, дѣйствительно, превращается въ настоящій башмакъ. У гиперборейскихъ народовъ одежда ногъ сливается съ башмакомъ въ мѣховые сапоги. Гдѣ башмакъ развился изъ подошвы, тамъ на верхней прикрышкѣ всегда остается отверстіе, что-то недоконченное, какъ на туфляхъ—любимой обуви восточныхъ народовъ. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ ножные покровы животныхъ употребляются въ качествѣ обуви; но у канадскихъ индѣйцевъ встрѣчаются мокассины изъ медвѣжьихъ лапъ.

Корейцы на лыжахъ. Корейскій рисунокъ. По Шмельцу.

Если назначеніе башмаковъ и сандалій заключается въ предохраненіи ноги отъ жесткости почвы, то лыжи являются характернымъ и вполнѣ приспособленнымъ къ холодному климату средствомъ передвиженія. Между ними можно различить два типа: первый—деревянныя, длинныя, вродѣ полозьевъ—предназначаются главнымъ образомъ для быстраго бѣга по снѣгу,—второй—широкія плетенныя, главная цѣль ихъ не дозволять ногѣ погружаться въ снѣгъ, имѣть возможность спокойно ходить по сугробамъ. Къ первымъ принадлежатъ норвежскія и лыжи амурскихъ инородцевъ. У гиляковъ два сорта лыжъ — большія и маленькія; первыя служатъ только для дальнихъ переходовъ, но вообще однѣ отъ другихъ отличаются не многимъ. Шренкъ пишетъ объ этомъ слѣдующее: „И тѣ и другія дѣлаются изъ лиственницы, но большія значительно шире и длиннѣе маленькихъ и вплоть до слегка приподнимающагося передняго конца совершенно плоскія и ровныя. Подбиты онѣ тюленьей кожей такъ, чтобы шерсть лежала къ

---

[1] Эта форма сандалій отчасти подходитъ къ нашимъ березовымъ или липовымъ лаптямъ; очевидно, это одна изъ старинныхъ формъ русской обуви. Въ старинныхъ памятникахъ есть указанія на то, что по образцу лаптей изготовлялась и дорогая обувь—вспомнимъ „калику перехожую“, у которой были лапотки семи шелковъ. Въ древней и современной лѣсной Руси не было недостатка въ крупномъ звѣрѣ, но обувью народа былъ не сапогъ, а лапоть. Причиною была дешевизна матеріала, а также простота изготовленія и укоренившаяся привычка. Степные скифы уже давно ходили въ сапогахъ. *Ред.*

заднему концу. Мѣховая подкладка, гладко наклеенная подъ всей лыжей, оторачиваетъ верхнія края. Кромѣ того для прикрѣпленія кожи вдоль всего верхняго края лыжи накладываются полоски изъ рыбьихъ костей или выглаженнаго тщательно дерева и пришиваются деревянными шпильками". Снарядъ такой особенно удобенъ для перехода широкихъ снѣжныхъ пространствъ, но онъ не годится для подъема на горы, такъ какъ плохо держится на склонахъ, а въ лѣсистыхъ и неровныхъ мѣстахъ ему не достаетъ эластичности. Для подобныхъ цѣлей гораздо удобнѣе лыжи гольдовъ и тунгусовъ, изготовляемыя изъ тонкихъ и болѣе упругихъ дощечекъ.

Ко второму типу лыжъ принадлежатъ,—состоящія изъ кругловатыхъ или нѣсколько вытянутыхъ деревянныхъ ободковъ съ переплетами внутри. Одинъ изъ простыхъ образцовъ имѣется у индѣйцевъ кламатовъ; ихъ описалъ Мазонъ по экземпляру Вашингтонгскаго музея. Рама лыжи сдѣлана изъ деревяннаго обода и скрѣплена козлиной кожей, при чемъ концы обода не далеко заходятъ другъ за друга. Переплетъ состоитъ изъ одного сыромятнаго ремня, который въ разныхъ мѣстахъ оплетаетъ ободъ и закрѣпляется во многихъ мѣстахъ сзади, спереди и съ боковъ. У большинства лыжъ этого типа преобладаетъ овальная и иногда грушевидная форма, чѣмъ отчасти напоминаетъ форму ступни. Переплетъ, въ особенности на экземплярахъ изъ Аляски, въ срединѣ рѣже, чѣмъ на краяхъ; часто въ нихъ встрѣчаются деревянныя поперечины, которыя скрѣпляютъ ободъ и служатъ опорой ногѣ. Лыжи этого типа встрѣчаются въ Сѣверной Америкѣ и распространены по всему сѣверу Соединенныхъ Штатовъ; хотя однакоже, какъ указываетъ Морисъ, еще недавно были нѣкоторые роды тиннеговъ, которые не знали столь полезнаго снаряда. Въ сѣверной Японіи также имѣются лыжи, но принадлежащія къ первому типу.

Если глубокіе и рыхлые снѣга ослабляютъ способность человѣка къ передвиженію и это затрудненіе устраняется при помощи особаго приспособленія, то на льду затрудненіемъ для передвиженія является его чрезмѣрная гладкость и скользкость. Здѣсь снова являются два способа приспособленія къ обстоятельствамъ: можно воспользоваться гладкостью льда и при помощи особыхъ снарядовъ передвигаться по нему съ усиленной скоростью, или же нейтрализировать гладкость льда особо приспособленной обувью. Коньки, которые очень удачно разрѣшили задачу въ смыслѣ пользованія гладкостью льда для ускоренія передвиженій, изобрѣтены были культурными народами сѣвера и въ своей первоначальной формѣ состояли изъ гладкихъ костей, которыя подвязывались къ ступнѣ [1]. Гораздо болѣе распространены различные виды обуви для хожденія по льду—съ зубцами и крючками, предохраняющими отъ опасности поскользнуться. Въ Сибири и на Аляскѣ встрѣчаются четырехугольныя въ срединѣ продыравленныя пластинки изъ моржоваго зуба или мамонтова клыка съ зубцами. Эскимосы Гудзонова залива употребляютъ въ этихъ случаяхъ башмаки, на подошвѣ которыхъ искусно нашиты выступы изъ кожи.

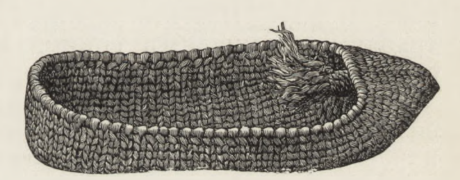
Человѣкъ однакоже не довольствуется возможностью двигаться самому,—онъ желаетъ передвигать другіе предметы. Въ самомъ первобытномъ хозяйствѣ является надобность снести къ стойбищу припасы, собранные за день, убитую дичь, собрать топливо, матеріалы для постройки жилья, и по мѣрѣ того, какъ развивается культура, все чаще и чаще является необходимость передвигать значительныя тяжести; и она возрастаетъ до грандіозныхъ размѣровъ, когда начинаетъ развиваться торговля.

Самый простой способъ переноски тяжелыхъ грузовъ и въ особенности состоящихъ изъ отдѣльныхъ предметовъ—взять ихъ просто въ охабку и не-

[1] Въ Берлинскомъ музеѣ Fur Volkstrachten есть двѣ пары коньковъ, сдѣланныхъ изъ конскихъ челюстей, и тутъ же маленькія саночки, тоже на полозьяхъ, изъ конскихъ челюстей. Вещи эти прусско-литовскаго происхожденія. *Ред.*

сти на рукахъ. Всегда такъ поступаютъ когда нужно на нѣсколько шаговъ перетащить камень, толстое бревно или дрова. Но этотъ способъ имѣетъ большіе недостатки: во-первыхъ, онъ не даетъ возможности приложить всю силу мускуловъ и сверхъ того стѣсняетъ движенія ногъ. Такъ какъ первобытнымъ народамъ чаще всего приходится переносить тяжести, состоящія изъ многихъ предметовъ, какъ, напримѣръ, кучи съѣдобныхъ кореньевъ, плодовъ, топлива, то первымъ шагомъ къ улучшенію техники дѣла является связываніе отдѣльныхъ вещей вмѣстѣ. Тогда изъ цѣлой массы отдѣльныхъ вещей образуется какъ бы единичный предметъ, который можно поднять рукой или, смотря по удобству, взвалить на плечи или на голову. Къ этому вскорѣ присоединяется изобрѣтеніе сѣтокъ для носки тяжестей, коробовъ и другихъ приспособленій для ношенія тяжестей, тщательное изученіе которыхъ также составляетъ заслугу Мазона. Посуду съ тяжестью можно прямо нести на себѣ или подложивши что-нибудь вродѣ подушки, для защиты плечъ или головы. Можно прикрѣпить тяжесть къ палкѣ и нести на одномъ плечѣ или на обоихъ, какъ на коромыслѣ. Можно также тяжесть носить на лямкахъ, помѣстивъ ее на наиболѣе приспособленную для переноски тяжестей часть тѣла.

Между послѣдними способами переноски особенно замѣчательны такіе, при которыхъ тяжесть, взваленную на спину, прикрѣпляютъ веревкой къ головной повязкѣ на лбу. Здѣсь для переноски груза одновременно пользуются и спиной и головой. Этотъ способъ широко распространенъ: его мы видимъ въ Японіи, Сѣверной Америкѣ и кое-гдѣ въ Европѣ. Чаще же всего тяжесть переносится на спинѣ при помощи прикрѣпленныхъ къ ней помочей или лямокъ, какъ въ кузовахъ у нѣмецкихъ крестьянъ.

Мокассинъ изъ пещеры въ Кентуки, Сѣвер. Америка. По Хольмсу. См. текстъ, стр. 453.

Если встрѣчается часто надобность въ палкѣ одному человѣку для переноски за плечами узла, посуды съ грузомъ, тюка, то еще болѣе необходима она, когда приходится нести что-нибудь двоимъ, если эта поклажа не бревно, не легкій челнокъ, которые сами по себѣ удобно укладываются на плечи. Если на такую палку навѣшиваютъ и гамаки и большія корзины, то и человѣка можно переносить такимъ же образомъ. Въ этомъ уже видѣнъ прообразъ африканскаго типои, который, впрочемъ, могъ быть занесенъ къ нимъ португальцами, а также почти исчезнувшихъ въ Европѣ носилокъ. Если взять два такихъ шеста, то между ними можно, надъ ними или подъ ними, укрѣпить сидѣнье и получится нѣчто вродѣ азіатскихъ переносныхъ креселъ; можно, конечно, точно также между шестами укрѣпить и небольшой домикъ съ сидѣньемъ надъ шестами или подъ шестами (см. изобр., на стр. 285), при чемъ можетъ понадобиться не менѣе четырехъ носильщиковъ. Интересно, что у культурныхъ народовъ такое приспособленіе всего долѣе сохранялось при переноски покойниковъ.

Почти во всѣхъ концахъ земли, гдѣ вообще встрѣчаются четвероногія животныя, люди давно уже познали, что эти сотоварищи ихъ гораздо способнѣе человѣка для переноски тяжестей. Гдѣ нѣтъ наиболѣе пригодныхъ для такой работы животныхъ, тамъ вмѣсто нихъ служатъ собаки и коровы въ качествѣ переносчиковъ грузовъ. Изобрѣтеніе телѣги произвело много перемѣнъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ къ тому времени уже существовали хорошія дороги; но въ горныхъ мѣстностяхъ и въ дикихъ лѣсныхъ заросляхъ вынуждены были пользоваться способностью животныхъ переносить тяжести на спинѣ. Въ большей части Африки до этого еще не дошли, и тамъ до сихъ поръ еще гуськомъ тянутся по караваннымъ тропинкамъ вереницы навьюченныхъ тяжестями носильщиковъ. На востокѣ Азіи и въ

особенности въ Японіи крайне мало пользуются силою животныхъ для перевозки грузовъ на вьюкахъ и тягою.

Отъ перевозки благороднѣйшаго груза—самого человѣка, многія животныя не избавились и до сихъ поръ. Слонъ, верблюдъ, быкъ, [1] оселъ и, главнымъ образомъ, конь—возятъ на своихъ выносливыхъ спинахъ хозяина съ мѣста на мѣсто, ускоряя передвиженіе и доставляя возможность дѣлать продолжительныя путешествія. Во многихъ мѣстностяхъ безъ коня было бы невозможно господство хищническихъ племенъ. Впрочемъ, умѣнье ѣздить верхомъ не составляетъ общаго достоянія человѣчества. Въ историческія времена [2] оно было перенесено изъ азіатскаго нагорья въ Европу, Индію и отчасти Африку, а отъ европейцевъ перешло и въ Новый Свѣтъ. Изъ центральной Азіи, вѣроятно, перешло и сѣдло, котораго не знали еще римляне республиканскаго періода; рядомъ съ этимъ, вѣроятно, изъ Азіи же перешли стремена [3] и усовершенствованная форма удилъ. Монгольскія и тибетскія сѣдла немногимъ отличаются отъ китайскихъ, а это послѣднее по своей формѣ близко къ европейскимъ. Первобытные способы взнуздыванія или осѣдлыванія сохранились только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только еще вводится верховая ѣзда, гдѣ еще не водворилось настоящее наѣздническое искусство съ его правилами и снаряженіемъ. Можетъ быть самыя первобытныя приспособленія встрѣчаются у негровъ-язычниковъ Борну. Нахтигаль пишетъ: „Туземцы не имѣютъ сѣделъ, но растравляютъ лошадямъ спину. Растравленныя мѣста отчасти заживаютъ, отчасти покрываются сухой коростой, которая при ѣздѣ на лошади отпадаетъ, отчего вскрываются новыя раны и со временемъ все мѣсто, которое обыкновенно занято сѣдломъ, покрывается сплошной рубцовой тканью и наростами. Никогда не видалъ я, чтобы послѣ этихъ варварскихъ операцій появлялись глубокіе нарывы и язвы,—лошади превосходно питались и нисколько не спадали съ тѣла. Узда и удила, какъ и сѣдло, не употребляются, такъ что для ѣзды не нужно никакой подготовки лошади. Всадникъ вскакиваетъ на коня, что дѣлается очень легко, такъ какъ лошади очень малы ростомъ, схватываетъ поводья недоуздка, замѣняющаго узду, и готово дѣло“.

Индонезія—одна изъ пограничныхъ областей распространенія верховой ѣзды. Фетъ сообщаетъ, что, „за исключеніемъ Явы, сѣдло мало гдѣ употребляется. Нѣкоторыя племена, какъ тиморцы, сумбанцы, бандырцы на Борнео, садятся прямо на неосѣдланную лошадь, не прибѣгая къ стременамъ, или же, какъ макассарцы подкладываютъ подушку или матрасикъ, не привязывая ихъ подпругой. У яванцевъ есть свои деревянныя сѣдла, но, благодаря сношеніямъ съ голландцами и англичанами, имъ небезызвѣстны и европейскія сѣдла“. Стремена на яванскихъ сѣдлахъ встрѣчаются только какъ исключеніе, узда дѣлается изъ ротанговой веревки, она же замѣняетъ и удила. На Явѣ и Целебесѣ удилами служатъ желѣзные, покрытые шипами стерженьки—настоящее орудіе пытки для лошади. Кромѣ того, на обоихъ концахъ стерженька прикрѣплены завязки, протянутыя черезъ голову лошади. Шпоры тамъ неизвѣстны.

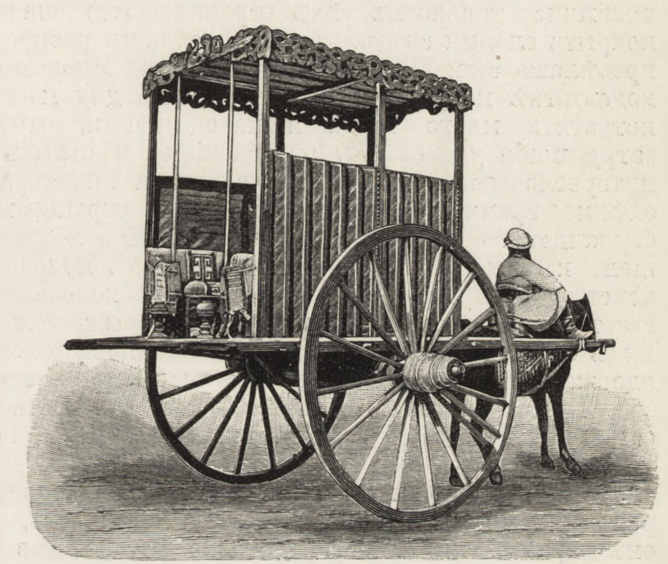
[1] У тунгусовъ и карагасовъ также и олень; у монголовъ, тибетцевъ и урянховъ—якъ.

[2] Конечно, если считать гомеровскія времена историческими. Въ „Иліадѣ“ Діомедъ и Одиссей пріѣзжаютъ верхомъ на похищенныхъ у Реза коняхъ; Аяксъ, прыгающій при защитѣ ахейскихъ кораблей съ одного судна на другое, сравнивается съ наѣздникомъ, перепрыгивающимъ съ одного коня на другого. Это указываетъ, что въ періодъ Троянскихъ войнъ верховая ѣзда была давно извѣстна. *Ред.*

[3] Относительно стремянъ русскій археологъ Оленинъ утверждалъ, что о стременахъ въ первый разъ упоминается въ стратегіи византійскаго императора Маврикія; но тамъ рекомендуютъ ихъ для перевозки раненыхъ съ поля сраженія. Для этой цѣли стремена прикрѣплялись не съ обѣихъ сторонъ сѣдла, а съ одной, при чемъ переднее дѣлалось короче. Это замѣчаніе во всякомъ случаѣ относится только ко введенію стремянъ въ употребленіе въ Европѣ. Время изобрѣтенія ихъ неопредѣлено. Въ исторіи архитектуры Фергюссона (Индѣйское искусство) изображенъ барельефъ со всадникомъ въ сѣдлѣ со стременами. Фергюссонъ относитъ его къ III-ему вѣку до нашей эры.

Чтобы дать возможность ѣздить верхомъ женщинамъ, старикамъ и больнымъ, устраиваютъ на спинѣ лошади подобіе стула и громоздятъ на спинѣ животнаго цѣлыя носилки съ подстилками. У слона сама ширина спины заставляетъ ставить на ней особыя приспособленія; но у туареговъ и верблюды носятъ корзины для женщинъ [1]. Въ Персіи можно встрѣтить лошадей съ маленькими носилками по бокамъ, на которыхъ подъ покрываломъ отъ нескромныхъ взглядовъ перевозятся красавицы гарема.

Изобрѣтеніе телѣгъ (см. изобр., на стр. 457) въ большинствѣ странъ дало возможность обходиться безъ такихъ неуклюжихъ приспособленій. Однако, невозможно допустить, чтобы такое изобрѣтеніе, требующее продолжительнаго и серьезнаго обдумыванія сразу, появилось въ своемъ настоящемъ видѣ; къ сожалѣнію, неизвѣстны первобытныя формы предшествовавшія настоящему экипажу. Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что сани являются одной изъ первобытныхъ формъ экипажа, благодаря особымъ обстоятельствамъ сохранившейся до настоящаго времени. Опытъ незапамятныхъ временъ показалъ уже, что нѣкоторые предметы легче всего передвигать, волоча ихъ по землѣ: крупную дичь, по мало-мальски ровной почвѣ, охотникъ, связавъ ей ноги, гораздо легче можетъ дотащить до жилья по землѣ, чѣмъ, взваливъ на плечи; еще болѣе удобствъ представляетъ этотъ способъ, когда приходится тащить жерди, сучья деревьевъ или бревна. Если попадется какой-нибудь подходящій предметъ для переноски, ну хоть густой, вѣтвистый сукъ хвойнаго дерева, который удобно тащить волокомъ, то почему же не положить на него другую тяжесть, не привязать чего-нибудь? Если при помощи какихъ-нибудь приспособленій припречь къ этому животное, то мы уже получимъ первобытный снарядъ для перевозки, который на ровномъ мѣстѣ дастъ возможность съ гораздо большими удобствами перевозить гораздо болѣе значительные грузы чѣмъ, вьючнымъ способомъ. Деревянныя волокуши этого рода можно найти и теперь; индѣйцы-манданъ пользуются ими лѣтомъ, зимой же употребляютъ сани, и въ обоихъ случаяхъ упряжными животными, по указаніямъ принца-фонъ-Видъ, служатъ собаки. Даже и колонисты, живущіе въ глубинѣ американскихъ первобытныхъ лѣсовъ, пользуются волокушами, чтобы перевозить тяжести по травянистымъ косогорамъ въ долины [2].

Повозка бухарскаго эмира, Центр. Азія. По Бамбери.

---

[1] Въ Монголіи съ боковъ у верблюда часто привѣшиваютъ сквозныя рѣшетчатые сундучки, въ которыхъ перевозятъ дѣтей. Такіе сундучки имѣютъ аршина два въ длину, аршинъ въ вышину при полутора аршинахъ ширины. Дѣти тамъ сидятъ, играютъ, ходятъ, цѣпляясь за рѣшетки. Иногда къ нимъ для забавы сажаютъ щенятъ. Знаменитые китайскіе ящики для преступниковъ съ прорѣзами для головы также, съ содержащимися въ нихъ людьми, вьючатся на верблюдахъ при пересылкѣ изъ одного мѣста въ другое. *Ред.*

[2] У насъ „волокуша“ въ большомъ употребленіи въ Сибири для переѣздовъ и перевозки матеріаловъ на пріискахъ. Простѣйшій типъ ея—двѣ палки съ поперечной.

Вообще такой способъ перевозки тяжестей сохраняется чаще всего тамъ, гдѣ приходится спускать тяжести сверху внизъ; извѣстны деревянныя санки на Мадерѣ, которыми пользуются для спортивныхъ цѣлей, катанья съ горъ. По сообщеніямъ Арнинга, на Гаваи также существуютъ горныя дороги, по которымъ ѣздятъ на санкахъ. Подобно другимъ культурнымъ остаткамъ, и волоченіе въ качествѣ способа передвиженія всего долѣе удерживается въ тѣхъ случаяхъ, когда религіозныя и мистическія идеи задерживаютъ всякія нововведенія, напримѣръ, въ погребальныхъ обрядахъ и обычаяхъ. Покойниковъ очень часто отвозили въ могилу не на колесномъ экипажѣ, а на дровняхъ. Также и старое нѣмецкое обыкновеніе тащить преступника на коровьей кожѣ къ мѣсту суда—несомнѣнный остатокъ обычая, имѣвшаго всеобщее распространеніе.

Помимо этихъ исключеній сани — усовершенствованная волокуша, сохранились только въ тѣхъ странахъ, гдѣ значительную часть года земля покрыта слоями снѣга. Главная область распространенія саней лежитъ въ предѣлахъ сѣвернаго полярнаго круга. Многимъ полярнымъ народамъ, при недостаткѣ подходящихъ матеріаловъ для постройки саней, нужно было потратить много труда и находчивости, чтобы устранить встрѣчаемыя затрудненія умѣлымъ употребленіемъ мѣстныхъ суррогатовъ. Одно очень интересное сообщеніе капитана Джона Спайсера доказываетъ, что и въ послѣднее время усовершествованія не прекращаются. Среди эскимосовъ Кумберландскаго пролива были два санныхъ мастера и одинъ изъ нихъ пришелъ къ мысли, что сани на широкихъ полозьяхъ будутъ лучше, нежели повсюду распространенныя съ узкими полозьями; такъ какъ другой мастеръ не соглашался съ этимъ, то и былъ устроенъ пробный бѣгъ на саняхъ обѣихъ системъ и въ концѣ-концовъ сани на широкихъ полозьяхъ одержали блистательную побѣду надъ приверженцомъ старой системы.

Простѣйшую, по крайней мѣрѣ въ техническомъ отношеніи, форму саней мы встрѣчаемъ у лапландцевъ. Онѣ сильно напоминаютъ форму усѣченной съ кормы лодки, съ широкимъ выдающимся килемъ. Другими словами — это сани съ однимъ полозомъ посрединѣ. У этихъ саней (кережки) крупный недостатокъ—неустойчивость, почему на неровной почвѣ онѣ крайне неудобны [1]. Гораздо устойчивѣе сани на двухъ полозьяхъ, распространенныя повсюду въ полярной области и въ основныхъ чертахъ сходныя между собою по устройству: два длинныхъ на переднихъ концахъ загнутыхъ полоза соединены между собой поперечными брусками, на которыхъ и устраивается сидѣнье, при чемъ наброшенной на сани шкурой и ограничиваются всѣ приспособленія для сѣдока. Многія сани у западныхъ эскимосовъ принадлежатъ къ этому типу, также и сани большинства канадскихъ индѣйцевъ. И въ этомъ случаѣ можно указать на нѣкоторыя отличія въ формахъ: у саней съ высокими полозьями поперечины идутъ горизонтальныя, при низкихъ полозьяхъ поперечины идутъ дугой, иначе лежащее на нихъ сѣденье будетъ слишкомъ низко. Усовершенствованныя сани имѣютъ, кромѣ того, боковыя перильца, которыя прямо

которыя можно положить и на плечи и на спину лошади, а концы останутся на землѣ. Болѣе усовершенствованный видъ — двѣ жерди, между которыми прибито поперекъ нѣсколько дощечекъ. Это въ сущности тѣ же грубыя носилки, у которыхъ одинъ конецъ волочится по землѣ. Къ доскамъ, соединяющимъ жерди, прикрѣпляется поклажа ремнями. Такія волокуши употребляются при перекочевкахъ алтайскими калмыками. Для перевозки тяжестей болѣе значительныхъ оглобли волокуши на заднемъ концѣ загибаются, какъ у санныхъ полозьевъ. Для переѣздовъ людямъ, не привыкшимъ къ верховой ѣздѣ, на пріискахъ устраиваютъ нѣчто вродѣ кабріолетныхъ кузововъ и прикрѣпляютъ ихъ между оглоблями волокуши; но отсюда еще далеко до колеснаго экипажа. Центръ тяжести изобрѣтенія здѣсь лежитъ въ устройствѣ для экипажнаго кузова или платформы вращающихся подставокъ. *Ред.*

[1] Неудобство это настолько велико, что для устраненія его сзади кережекъ привязываютъ оленя, который, натягивая поводъ, не даетъ санямъ опрокинуться. *Ред.*

прикрѣпляются къ полозьямъ или же вмѣсто боковыхъ перилецъ дѣлется спинка. Полозья дѣлаются изъ дерева, кости, по нуждѣ—и изъ смороженнаго моха, и они передъ каждой поѣздкой обливаются водою для обледенѣнія. Отдѣльно отъ двухполозныхъ и однополозныхъ саней стоитъ особая форма саней канадская—тобогганъ, у которой полозья замѣнены гладкой поверхностью, спереди загибающейся вверхъ и составленной изъ скрѣпленныхъ между собою дощечекъ. Сидѣнье, состоящее обыкновенно изъ одного мѣхового мѣшка, кладется прямо на доски саней. По Рею у центральныхъ эскимосовъ такія сани дѣлаются изъ нерпичьей кожи.

Упряжными животными въ полярныхъ саняхъ служатъ собаки или олени. Способъ запряжки собакъ у центральныхъ эскимосовъ Боасъ описываетъ такъ: „Собачья упряжь дѣлается изъ тюленьей иногда изъ оленьей шкуры. Двѣ полосы кожи пропускаются между переднихъ ногъ. Онѣ со-

Дорога черезъ болотистый лѣсъ на Борнео. По Кюкенталю. См. текстъ, стр. 463.

единены двумя ремнями, изъ которыхъ одинъ проходитъ черезъ грудь, другой черезъ затылокъ. Концы скрѣплены на спинѣ, откуда идутъ ремни къ санямъ. Каждая собака привязывается къ санямъ особой вожжей, отчего очень часто происходитъ путаница. Это неудобство избѣгается очень простымъ приспособленіемъ, которымъ пользуются гиляки. Они протягиваютъ одну длинную вожжу, на которой съ каждой стороны попарно прикрѣплены ошейники, а на переднемъ концѣ надѣтъ одинъ ошейникъ. Эта запряжка беретъ очень мало времени, и при тягѣ, такъ какъ вожжа одна, то не происходитъ и путаницы. Конечно, при такой запряжкѣ собаки должны очень скоро утомляться, такъ какъ большею частью въ тягѣ участвуетъ только шея. При русской запряжкѣ, гдѣ собаки попарно привязаны двойными ремнями къ вожжѣ, въ тягѣ участвуетъ грудь; но зато при этомъ собаки тоже часто путаются. При ѣздѣ на оленяхъ ихъ запрягаютъ парой и даже тройкой въ сани. У камчадаловъ, по даннымъ Крашенинникова, у каждаго оленя были свои постромки и, напримѣръ, у лѣваго оленя онѣ прикрѣплялись къ правой сторонѣ саней, у праваго—къ лѣвой. Узда соединена съ ремнемъ, который проходитъ черезъ переднюю часть головы оленя и снабженъ заостренной косточкой. При сильномъ натягиваніи ремня косточка давитъ на кожу оленя острымъ концомъ. Этимъ способомъ останавливаютъ оленей. Кучеръ (каюръ), кромѣ того,

имѣетъ въ рукахъ жердь, фута въ четыре длиной; на одномъ концѣ у нея острый шипъ, чтобы погонять оленей, на другомъ крючокъ, которымъ онъ поправляетъ приведенную въ безпорядокъ упряжь.

Другимъ способомъ запрягаютъ оленей въ большей части Сибири. Онъ подробно описанъ Финчемъ. „Хомутъ оленя, — пишетъ авторъ, — состоитъ изъ толстаго ремня, шириною въ два или три дюйма, лежащаго на затылкѣ и опускающагося на грудь къ переднимъ ногамъ, то есть между зашейкомъ и плечами. Къ хомуту прикрѣпляется постромка, которая проходитъ подъ брюхомъ между задними ногами къ верхнему краю санныхъ полозьевъ. Здѣсь съ каждой стороны прикрѣплено по деревянному или изъ моржоваго зуба аккуратно выдѣланному и украшенному узорами блоку съ двумя дырочками. Черезъ эти блоки справа налѣво пропускается постромка къ другому оленю, такъ что одинъ ремень служитъ сразу для двоихъ животныхъ. Если нужно запрячь болѣе двухъ оленей, то и ихъ постромки посредствомъ блоковъ соединяются съ главной... Къ упряжкѣ принадлежитъ также подпруга изъ воловьей кожи, шириною отъ 4-хъ до 6-ти дюймовъ, спускающаяся до бедеръ и скрѣпленная на брюхѣ узкимъ ремешкомъ. На этой подпругѣ нашиты по бокамъ мѣдныя колечки, сквозь которыя пропущены ремни, которыми каждая пара животныхъ соединяется вмѣстѣ, точно такъ же, какъ и уздами, прикрѣпленными къ основанію роговъ. Узды устроены тоже очень остроумно и совсѣмъ не похожи на наши. Онѣ состоятъ изъ двухъ костяныхъ пластинокъ, длиною отъ 3-хъ до 6-ти дюймовъ, и двухъ изогнутыхъ пластинокъ такой же длины изъ оленьяго рога. Костяныя пластинки соединены между собою красиво сплетенными изъ ремешковъ шнурами; этими же шнурами пластинки прикрѣпляются къ основанію роговъ. Далѣе особый ремень идетъ подъ горло а одна изъ изогнутыхъ пластинокъ, которая маленькимъ вращающимся блокомъ соединяется съ вожжей, прикрѣплена къ основанію лѣваго рога. При натягиваніи вожжи, почти всегда искусно сплетенной изъ коровьей кожи, кривая костяная пластинка надавливаетъ на щеку оленя и заставляетъ его поворачиваться“. И здѣсь также у погонщика имѣется въ рукахъ жердь, но уже отъ 12 до 16 фут. длиной; на одномъ концѣ у нея шаръ, на другомъ—острый желѣзный наконечникъ, чтобы погонять оленей.

Какимъ образомъ совершался переходъ отъ саней къ телѣгѣ—сказать очень трудно, такъ какъ совершился онъ въ глубокой древности, и существовавшія тогда переходныя формы не дошли до насъ. Сказать коротко—пропасть между скользящими санями и катящейся на колесахъ телѣгой до сихъ поръ еще не заполнена [1]. Взглядъ Тейлора, усматривающаго прототипъ колесъ въ каткахъ, подкладываемыхъ подъ сани, имѣетъ многое за себя; но опредѣленнаго на этотъ счетъ еще ничего сказать нельзя. Сверхъ того, между катками и телѣгой все-таки останется большой пробѣлъ, такъ какъ сущность изобрѣтенія телѣги заключается въ томъ, что ось катка или деревяннаго кружка продыравливается и образовавшееся, такимъ образомъ, колесо плотно сидитъ на оси, не теряя возможности свободно вращаться около своей оси. Эдуардъ Ганъ указываетъ на то, что прототипомъ колеса могло послужить продырявленное насквозь круглое напрясло веретена и присоединяетъ къ этой догадкѣ цѣлый рядъ рискованныхъ гипотезъ, изъ которыхъ выводитъ, что первоначально телѣга или колесница служила для религіозныхъ цѣлей. Можетъ быть, Ганъ въ этомъ направленіи заходитъ уже слишкомъ далеко; но, если кто будетъ сводить изобрѣтеніе телѣги къ однимъ практически разумнымъ соображеніямъ, тотъ уклонится

---

[1] Въ горахъ Швейцаріи встрѣчается гибридный типъ экипажа вмѣстѣ колеснаго и полозового, имѣются только заднія колеса, а передъ лежитъ на полозьяхъ. Его употребляютъ при спускѣ съ горъ.

не менѣе далеко отъ истины, чѣмъ и Ганъ, потому что вліянія мистико-фантастическихъ идей на развитіе отрицать невозможно.

Путемъ историко-этнологическихъ изысканій здѣсь также многаго не добьешься. Можно, во-первыхъ, установить, что въ историческія времена колесный экипажъ появился въ культурныхъ странахъ Стараго Свѣта, окружающихъ высокое Азіатское нагорье — въ Вавилонѣ, Китаѣ, Индіи и потомъ въ Египтѣ, куда онъ проникъ изъ Вавилоніи при посредствѣ кочевниковъ-семитовъ (гиксовъ). Такъ какъ во всѣхъ этихъ странахъ любимымъ упряжнымъ животнымъ была лошадь, а прирученіе ея началось, вѣроятно, въ нагорьѣ средней Азіи, то могло и изобрѣтеніе телѣги быть сдѣлано въ высокихъ степяхъ Азіи, а оттуда вмѣстѣ съ безпокой-

Висячій мостъ изъ ліанъ въ Камерунѣ. По фотографіи.

ными племенами перейти къ культурнымъ народамъ. Теоретически телѣга, при отсутствіи искусственно проложенныхъ дорогъ, если и могла приносить извѣстную пользу, то прежде всего въ степяхъ. На дѣлѣ же, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, ни въ монгольскомъ нагорьѣ, ни въ степяхъ телѣга не имѣетъ важнаго значенія, какъ это доказываютъ юмористическія описанія Обручева и другихъ путешественниковъ, испытавшихъ на себѣ всѣ прелести и удобства путешествія на такомъ варварскомъ экипажѣ[1]. Шрадеръ также склоненъ приписать изобрѣтеніе телѣги

[1] Несмотря на все наше уваженіе къ мнѣніямъ одного изъ лучшихъ изслѣдователей центральной Азіи, В. А. Обручева, мы не можемъ согласиться съ нимъ. Монгольская телѣга, какъ она ни плоха — все-таки имѣетъ важное значеніе для сѣверной горной Монголіи. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что монголы, вообще, не очень заботящіеся о путяхъ сообщенія, проложили массу экипажныхъ дорогъ по Гентею и Хангаю, вплоть до Кобдо. Причины этого весьма понятны: верблюдъ можетъ поднять грузъ не болѣе того, сколько быкъ, гораздо болѣе дешевое животное, можетъ свезти на телѣгѣ. Кромѣ того, въ сѣверной Монголіи, особенно въ горахъ, скорѣе можно найти хорошій кормъ для быка или лошади, нежели для верблюда. Принять надобно во вниманіе и то, что грузъ съ верблюда надобно ежедневно три раза снимать и навьючивать, а на телѣгѣ онъ, разъ укупоренный, лежитъ всю дорогу. Впрягая въ телѣгу лошадь, можно при одинаковомъ количествѣ животныхъ передвигать грузъ несравненно скорѣе, нежели на верблюдахъ. Мы уже не говоримъ о громадной разницѣ въ стоимости живого инвентаря. Монгольская телѣга, дѣйствительно, плоха—колеса ея не круги, а скорѣе многогранники; но для вопроса о происхожденіи телѣги она, по своей архаичности, не лишена интереса. Нашъ авторъ говоритъ объ экипажѣ, у котораго колесо со втулкой, свободно вращающейся на

индогерманцамъ, у которыхъ она является очень древнею культурною принадлежностью, точно такъ же, какъ и у коренныхъ обитателей степей — скиѳовъ.

Можетъ быть,—допустимо и такое предположеніе, что телѣга идетъ отъ тѣхъ древнѣйшихъ временъ, когда между народами западно- и восточно-азіатской культуры существовала нѣкоторая связь, и телѣга составляла вмѣстѣ съ пшеницей, коровой и лошадью часть того небольшого количества предметовъ, имѣвшихся какъ у западныхъ, такъ и восточныхъ культурныхъ племенъ. Довольно характерно, что древнѣйшая форма телѣги повсюду двухколесная; ее мы видимъ и въ боевыхъ колесницахъ и въ качествѣ особаго почетнаго признака достоинства князей, а также боговъ, какъ доказываетъ это Ганъ. Четырехколесный экипажъ появился довольно поздно, и онъ долго не могъ вытѣснить двухколеснаго, который достигъ особаго совершенства въ Вавилоніи; это предпочтеніе двухколеснаго экипажа объясняется, главнымъ образомъ, плохими дорогами. Двухколесная колесница ассиріянъ, при всей своей прочности, была настолько легка, что, неся на себѣ двоихъ воиновъ, она легко переходила черезъ разныя препятствія, которыя при четырехколесномъ экипажѣ представили бы серьезную задержку. Возможно, что четырехколесный экипажъ былъ изобрѣтенъ кочевниками, такъ какъ въ ихъ караванахъ онъ и былъ, повидимому, впервые встрѣченъ и только мало-по-малу былъ перенятъ культурными народами. Грекамъ онъ все еще казался чѣмъ-то необычайнымъ, но у персовъ онъ вошелъ во всеобщее употребленіе. У китайцевъ двухколеска до сихъ поръ самый общеупотребительный экипажъ, а въ Японіи онъ замѣненъ легкимъ, приводимымъ въ движеніе человѣкомъ, экипажемъ, напоминающимъ наши кабріолеты.

У древнихъ культурныхъ народовъ Америки, повидимому, телѣга была неизвѣстна. Маленькія глиняныя модели экипажей, найденныя Шарнэ при раскопкахъ въ Юкатанѣ, и другая маленькая глиняная телѣжка, изъ раскопокъ Педро Баутиста въ той же мѣстности—указываютъ, что, по крайней мѣрѣ, принципъ устройства колеснаго экипажа былъ извѣстенъ и примѣнялся при дѣланіи игрушекъ и тому подобнаго; но возможно также, что эти модели принадлежатъ къ эпохѣ завоеванія и сдѣланы по испанскимъ образцамъ.

Всякія сношенія на твердой землѣ уже предполагаютъ существованіе путей сообщенія — дорогъ, устройство которыхъ въ свою очередь зависитъ отъ способовъ перевозки. Для переноски тяжестей носильщиками достаточно узенькихъ, извилистыхъ, „негритянскихъ“, тропинокъ, по которымъ шагъ за шагомъ движется странникъ; для перевозки груза на вьюкахъ нужна уже болѣе широкая тропа, но на ней допустимы неровности и крутые подъемы. Для экипажей и въ особенности—назначенныхъ для перевозки грузовъ безусловно необходимы настоящія дороги, съ прочнымъ полотномъ при достаточной ширинѣ для разъѣздовъ при встрѣчахъ. Изъ всего этого видно уже, что объ устройствѣ дорогъ у первобытныхъ народовъ почти не можетъ быть рѣчи; но многіе культурные народы сдѣлали въ этомъ отношеніи крайне мало и даже забросили все то, что было сдѣлано раньше. Въ средніе вѣка прямо высказывались, что строить хорошія

оси, а въ монгольской телѣгѣ ось вращается вмѣстѣ съ колесами. Это тотъ же катокъ, о которомъ упоминаетъ Тейлоръ, но часть его утончена и служитъ осью, а по краямъ насажены обоймы, напоминающія кругъ. Кстати объ экипажахъ-жилищахъ, извѣстныхъ со временъ описанія массагетскихъ жилищъ Геродотомъ. Они сохранились еще въ XIII в. у половцевъ. Даосійскій монахъ Чанъ-Чунь, путешествовавшій къ Чингисхану въ Самаркандъ, встрѣтилъ такія жилища-телѣги на р. Толѣ, недалеко отъ нынѣшней Урги. Послѣдній архаическій остатокъ ихъ сохранился у кара-ногаевъ на Кавказѣ. Экземпляръ такого жилища имѣется въ русскомъ музеѣ Имп. А. III-го, доставленный К. А. Иллюстранцевымъ. Оно представляетъ собою двуколку съ длинными оглоблями, на платформѣ этой двуколки неподвижно установлена маленькая юрта, круглая, около 1 саж. въ діаметрѣ, куполъ ея наглухо скрѣпленъ со стѣнками. *Ред.*

дороги, значитъ, облегчать доступъ въ свою страну непріятелю. Всюду, гдѣ возможно было сообщеніе по водѣ—послѣднее предпочиталось передъ сухопутнымъ, и вслѣдствіе этого мало заботились объ устройствѣ сухопутныхъ дорогъ. Крупнымъ примѣромъ этого можетъ служить Китай. Не случайно римляне, обитатели крайне бѣднаго водными путями Апеннинскаго полуострова, сдѣлались лучшими въ свѣтѣ строителями сухопутныхъ путей сообщенія. Почти всюду улучшеніе путей сообщенія начинается съ устройства переходовъ черезъ ручьи и болотистыя мѣста, и въ болотистыхъ странахъ, дѣйствительно, вырабатываются до извѣстной степени практическіе пріемы устройства дорогъ. Лоу пишетъ относительно сѣвернаго Борнео, что тамъ „всѣ дороги у дайаковъ устраиваются изъ стволовъ деревьевъ, положенныхъ поперекъ на лежняхъ, при чемъ полотно поднимается фута на два

Плавательные пузыри изъ шкуръ въ сѣв. Индіи. По фотографіи. См. текстъ, стр. 464.

надъ почвой. Иногда употребляютъ толстые стволы, но обычная толщина три дюйма въ діаметрѣ. Кора на верхней сторонѣ и часть древесины стесывается такъ, что путникъ шагаетъ по ровной, но не скользкой поверхности. На широкихъ дорогахъ и тамъ, гдѣ много растетъ бамбука, по краямъ дороги кладутъ параллельно другъ другу стволы его, которые обозначаютъ ширину пути и служатъ въ то же время лежнями для поперечныхъ балокъ. Но бамбукъ гніетъ скорѣе, нежели другіе сорта деревъ, изъ которыхъ обыкновенно строятъ такія дороги. Пока дорога нова, онъ лучше деревянной настилки, но не проченъ и очень скоро портится; кромѣ того, поверхность бамбука очень скользка, что очень мѣшаетъ ходьбѣ въ дождливую погоду“ (см. изобр., на стр. 459). Въ другихъ странахъ, напримѣръ въ Меланезіи, во многихъ мѣстахъ очень употребительно мощеніе дорогъ камнями; участіе мистическихъ представленій въ этомъ обыкновеніи ясно обнаруживается тѣмъ, что на одномъ изъ Фиджійскихъ острововъ имѣется грандіозная мощенная дорога, которая не имѣетъ никакого практическаго значенія и считается дорогою боговъ или демоновъ.

Природа даетъ два прототипа мостовъ, которымъ подражаетъ человѣкъ: первый — лежащій поперекъ ручья или рѣчки стволъ дерева, дающій возможность по-суху перейти съ берега на берегъ, второй встрѣчаемъ мы въ тропическихъ странахъ, гдѣ плотно сплетенныя ліаны, пе-

ребрасываясь съ дерева на дерево, образуютъ колеблющіяся дуги надъ узкими потоками. Первый примѣръ прямо указывалъ на возможность, присоединивъ еще одно бревно и покрывъ ихъ поперекъ настилкой, устроить мостъ, годный даже для ѣзды въ экипажахъ. Второй примѣръ привелъ къ изобрѣтенію висячихъ мостовъ, очень распространенныхъ въ тропическихъ странахъ; иногда они достигаютъ значительной длины; но, конечно, по нимъ можно переходить только пѣшкомъ. Гартертъ описываетъ такіе мосты въ странахъ, населенныхъ гаусса. Они строились изъ ліанъ и крупныхъ черешковъ пальмовыхъ листьевъ и на подвѣсахъ изъ гибкихъ стеблей растеній, замѣнявшихъ канаты, прикрѣплялись къ большимъ деревьямъ—на обѣихъ сторонахъ рѣки. Очень остроумной конструкціи висячіе мосты нашелъ Джоржъ Уатъ въ Манипурѣ. Два или три ротанговыхъ ствола (одинъ изъ видовъ вьющихся пальмъ), отличающихся своей прочностью, достигающихъ отъ 300 до 400 футовъ длины, переносятся черезъ рѣку или черезъ пропасть,—ихъ протягиваютъ на обѣихъ сторонахъ черезъ каменныя глыбы или черезъ каменныя или деревянныя подпорки,—и укрѣпляются къ вбитымъ въ землю устоямъ. Они образуютъ основу моста и обкладываются древесной корой. Затѣмъ устанавливаютъ новыя подпорки, футовъ на шесть выше первыхъ, и черезъ нихъ протягиваютъ новую пару ротанговъ, которые должны служить перилами. Верхніе ротанги обматываются веревками, которыя спускаются ниже моста и настолько плотно прилегаютъ другъ къ другу, что образуется сплошной корридорообразный мѣшокъ, открытый сверху. Несмотря на то, что этотъ мостъ сильно качается, упасть съ него нельзя. Иногда, какъ, напримѣръ, по показаніямъ Доллфуса, у индѣйцевъ Гватемалы мостомъ служитъ просто веревка,—съ этой веревки спускается другая съ петлей, человѣкъ обвязываетъ ее вокругъ себя, а люди съ другой стороны рѣчки или оврага перетягиваютъ переправляющагося другой веревкой на свой берегъ. Нѣкоторые мосты изъ ліанъ подперты сваями, вбитыми въ рѣкѣ, и тогда выходитъ уже настоящій деревянный мостъ на подпоркахъ, какія, между прочимъ, видѣлъ Камеронъ въ южной части области Конго. Древніе культурные народы Америки и, главнымъ образомъ,—перуанцы строили вымощенныя камнемъ дороги и заботились о содержаніи ихъ, а черезъ долины и рѣки строили мосты, между которыми встрѣчались и каменные.

Первобытнымъ народамъ удалось только отчасти приспособить для сношеній твердую почву, но зато въ водѣ они нашли болѣе благодарную стихію. Она всякому, кто умѣлъ пользоваться ея свойствами, добровольно предоставляла на свою широкую спину нагружать громадные грузы для перевозки ихъ съ гораздо меньшею затратою силъ, чѣмъ при передвиженіяхъ по твердой землѣ. Многія вещества плаваютъ на водѣ сами по себѣ и при этомъ, держась на водѣ, могутъ нести на себѣ матеріалы съ большимъ удѣльнымъ вѣсомъ. Вообще же на водѣ могутъ плавать всякія вещества, если изъ нихъ приготовить замкнутую оболочку съ пустотой внутри (см. изобр., стр. 463); для этого достаточно даже и незамкнутаго сосуда съ тонкими стѣнками. Разумѣется, раньше всего убѣдились въ томъ, что нѣкоторыя вещи могутъ держаться на водѣ безъ всякихъ приспособленій, и это повело къ изобрѣтенію плотовъ и подобныхъ имъ сооруженій; открытіе же способности полыхъ предметовъ плавать на водѣ, сдѣланное позднѣе перваго, послужило отправнымъ пунктомъ судостроенія въ тѣсномъ смыслѣ слова; но и суда изготовлялись въ теченіе довольно долгаго времени только изъ матеріаловъ, способныхъ плавать на водѣ безъ всякихъ приспособленій. Однако и самыя простыя приспособленія для передвиженія по водѣ не составляютъ общаго достоянія всего человѣчества. Многіе обитатели степей и пустынь совершенно не знакомы съ ними; вѣроятно, что даже и нѣкоторые обитатели первобытныхъ лѣсовъ, какъ, напримѣръ, ботокуды, познакомились съ ними только впослѣдствіи.

Плотъ наипервобытнѣйшей конструкціи видѣлъ Финчь въ Новой Гвинеѣ близъ устья рѣки Зехштро; онъ состоялъ изъ толстыхъ древесныхъ корней, къ которымъ были привязаны съ разныхъ сторонъ крупные стволы бамбука; подъемная сила такихъ плотовъ все-таки была настолько значительна, что на нихъ туземцы сквозь прибой волнъ добирались до стоящихъ въ открытомъ морѣ пароходовъ. Тотъ же путешественникъ въ одномъ мѣстѣ, также на сѣверномъ берегу Новой Гвинеи, видѣлъ маленькіе плоты, связанные изъ черешковъ пальмовыхъ листьевъ. На такомъ плотикѣ можетъ, и то не безъ труда, держаться одинъ человѣкъ. Далѣе къ югу Финчь видѣлъ болѣе солидныя постройки тоже изъ деревьевъ (катамаранъ). Онѣ состояли изъ обтесанныхъ четыреугольникомъ брусьевъ длиною отъ 4-хъ до 5 метровъ, связанныхъ ліанами; ширина плота обыкновенно въ одинъ метръ и концы образуютъ притупленные треугольники. Такъ какъ даже при небольшомъ волненіи плотъ заливаетъ водой, то на немъ устраиваютъ сидѣнья, возвышающіяся надъ помостомъ плота; но, вообще, такой плотъ не можетъ поднять болѣе двухъ человѣкъ [1]. Подобные же

[1] Такъ какъ авторъ не говоритъ ничего о плотахъ въ той части Азіи, гдѣ протекаютъ Обь, Енисей, Лена, Селенга и Амуръ, то я считаю не лишнимъ описать нѣкоторыя изъ нихъ. У сойотъ на Верхнемъ Енисеѣ, въ китайскихъ предѣлахъ, встрѣчаются плоты весьма первобытнаго устройства. Берутся три толстыхъ жерди, длиною отъ полутора до двухъ метровъ длины, и связываются по угламъ арканами или жгутами изъ черемуховыхъ вѣтвей въ равносторонній треугольникъ. Скрѣпивъ остовъ, на него накладываютъ помостъ изъ жердей, который прикрѣпляютъ къ основному треугольнику; разумѣется, гдѣ возможно жерди замѣняются досками; на такомъ плоту могутъ помѣститься два человѣка; но чаще онъ служитъ только для одного. Для управленія плотомъ при переправахъ употребляются не весла, а гребки — можетъ быть, послѣ простой жерди, первобытнѣйшій типъ весла, хотя способъ употребленія совсѣмъ иной. Гребокъ состоитъ изъ жерди около двухъ съ половиною метровъ длиною; на тонкій конецъ жерди насаживается перпендикулярно къ ней прочный кусокъ коры или доска. Этотъ навигаціонный инструментъ совершенно тождественъ съ маленькими гребками, которыми сгребаютъ въ кучи снѣгъ зимою на дворахъ. Дѣйствуютъ этимъ водянымъ гребкомъ такъ: если нужно двинуться въ извѣстномъ направленіи, гребокъ берется обѣими руками и закидывается возможно дальше въ воду. Поперечная доска отъ размаха опускается въ воду и забрасывающій тянетъ ее къ себѣ, при чемъ и самъ плотъ, благодаря сопротивленію воды, движется по направленію къ заброшенному гребку. При этомъ много силы пропадаетъ даромъ. Гребокъ и плотъ движутся другъ другу навстрѣчу, а такъ какъ первый представляетъ все-таки меньшее сопротивленіе, чѣмъ плотъ съ человѣкомъ, а иногда и съ грузомъ, то закинувъ гребокъ положимъ на метръ отъ плота—мы его подвинемъ въ желанную сторону развѣ на одну треть метра. Другой способъ выгоднѣе: человѣкъ упираетъ въ воду гребокъ и отталкиваетъ его отъ себя, вмѣстѣ съ человѣкомъ отталкивается и плотъ; но при этомъ каждый толчекъ можетъ подвинуть плотъ въ сторону или впередъ на очень короткое разстояніе. Такіе плоты годятся только для переправы или небольшихъ переѣздовъ внизъ по рѣкѣ. При переправахъ черезъ рѣки такой плотъ привязываютъ веревкою къ хвосту лошади и сидящій на плоту человѣкъ вооружается длинной жердью и хлопаетъ ею по водѣ, направляя лошадь къ переправѣ. Болѣе усовершенствованный плотъ, на которомъ мнѣ пришлось проплыть верстъ около двухъ сотъ съ однимъ сойотомъ, былъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: срублено было семь сухихъ еловыхъ деревьевъ; изъ нихъ было вырублено семь бревенъ длиною въ 4½ метра, въ этихъ бревнахъ на 50 см. отъ толстыхъ концовъ были вырублены зарубки, въ эти зарубки была вбита отесанная черемуховая плаха — роньжа; затѣмъ плотъ былъ спущенъ на воду около берега. Заготовлено было потомъ шесть прочныхъ кольевъ изъ лиственницы и нарублены молодыя пихтовыя вѣтви; ихъ распаривали на огнѣ и потомъ свивали изъ нихъ кольца. Этими кольцами скручивались бревна въ такомъ порядкѣ 1-ое и 2-ое, 2-ое и 3-ье, 3-ье и 4-ое, всего 6 колецъ—такъ, что всѣ бревна были плотно связаны между собою. Кольца были согнуты съ такимъ разсчетомъ, чтобы отъ каждаго кольца, охватывавшаго пару бревенъ, оставались на верху плота концы; свивъ эти концы въ жгутъ, вставляли въ нихъ колья и, вращая ими, какъ рукояткой скручивали концы колецъ на сколько хватало силы, затѣмъ колья вколачивали впереди между бревнами наклонно къ заднему концу плота. При такомъ положеніи кольевъ они не могли задѣвать за камни и упираться въ дно, а только скользили по нему. На верху плота были положены два бруска, на которыхъ укрѣплена была наша поклажа. Для управленія движеніями плота у насъ были два сойотскихъ гребка: съ однимъ я стоялъ на кормовомъ, съ другимъ сойотъ на переднемъ концѣ плота. Прочность плотовъ такого устройства доказывается тѣмъ, что, несмотря на такого неопытнаго помощника въ работѣ, какъ я, плотъ благополучно и безъ поврежденій прошелъ по бурной и порожистой рѣкѣ.

Ред.

плоты существуютъ и на коромандельскомъ берегу Остъ-Индіи. Западный берегъ Америки, за исключеніемъ его сѣверной части, вплоть до эпохи открытія Новаго Свѣта, былъ классической страной примитивнаго судоходства. Даже на заливѣ С.-Франциско жили племена, не имѣвшія никакого понятія о лодкѣ. У нихъ были только одни сооруженія для передвиженія по водѣ — плоты длиною около 10 и шириною отъ трехъ до четырехъ футовъ, съуженные на концахъ и связанные изъ крѣпко стянутыхъ пучковъ ситовника. Ихъ напоминаютъ существующія и понынѣ плоты у шилуковъ, обитателей верхняго Нила и Бенгуэловъ, на югозападномъ берегу Африки. Далѣе къ югу плоты встрѣчались рядомъ съ лодками — однодеревками. У обитателей панамскаго перешейка были плоты изъ очень легкихъ и плотно связанныхъ стволовъ деревьевъ съ прикрѣпленными на нихъ сверху деревянными поперечинами. По западному побережью Южной Америки вплоть до мыса Горна плотъ былъ единственнымъ средствомъ передвиженія по водѣ; лишь у огнеземельцевъ встрѣчались легкія, но непрочныя лодки изъ древесной коры.

Въ Новой Зеландіи, гдѣ рядомъ съ деревянными лодками сохраняются кое-гдѣ небольшіе плоты, существовала замѣчательная переходная форма, дѣлавшаяся изъ ситовника и представлявшая нѣчто среднее между плотомъ и лодкой. У Полака читаемъ мы слѣдующее: „У аборигеновъ Новой Зеландіи были лодки, цѣликомъ дѣлавшіяся изъ ситовника (typha). Намъ удалось видѣть одну изъ такихъ лодокъ былого времени; она достигала 60 ф. длины и поднимала шестьдесятъ человѣкъ, но теперь онѣ совершенно вышли изъ употребленія (сообщеніе относится къ 1836 году). Онѣ отличались поразительной толщиной и изготовлялись изъ ситовника, за исключеніемъ дугъ остова лодки, и были сходны до мелочей съ лодками деревянными. Онѣ отличались необыкновенной легкостью, быстро ходили подъ веслами, несмотря на то, что на постройку такой лодки шло чрезвычайно много связокъ ситовника; но мало-по-малу ситовникъ пропитывался водою и глубоко погружался въ воду“. Маріори, ближайшіе сородичи новозеландцевъ, жившіе на островахъ Чатама, кромѣ ситовниковыхъ плотовъ, никакихъ судовъ не знали.

Лодка, руль и весла; Южная Африка. По Голубу.

Надутые кожаные мѣшки, плавающіе на водѣ и употребляемые для передвиженія по водѣ, можно также разсматривать, какъ промежуточную форму между плоскимъ плотомъ и судами съ пустотой внутри. На Ефратѣ такіе воздушные мѣшки для движенія по водѣ сохранились съ древнѣйшихъ временъ и понынѣ. Послѣ распространенія рогатаго скота степные обитатели штатовъ Ла-Платы начали употреблять въ качествѣ примитивныхъ лодокъ для переправы черезъ рѣки загнутыя по краямъ кверху кожи крупнаго скота [1].

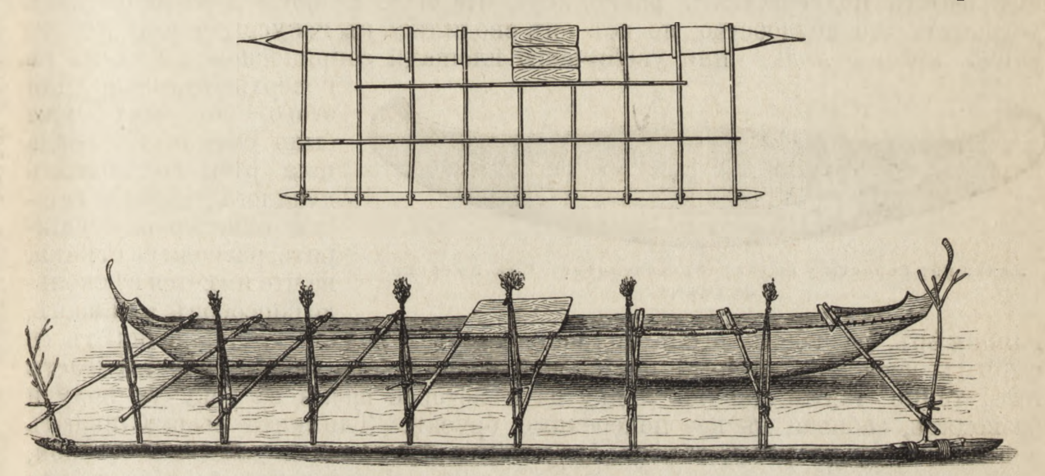
Настоящими **судами** называемъ мы сплошныя снизу и по бокамъ и полыя внутри сооруженія для ѣзды по водѣ, которыя держатся на ней

---

[1] Такія лодки изъ кожъ рогатаго скота дѣлаются слѣдущимъ образомъ: кожа хорошо размоченная развѣшивается на шестѣ или на доскѣ на крѣпкихъ подставкахъ и со всѣхъ сторонъ, какъ палатка, туго прибивается къ землѣ. Высохнувъ, кожа сохраняетъ свою форму съ узкимъ дномъ и расходящимися краями. Разумѣется, это снарядъ крайнѣ непрочный: кожа въ водѣ размокаетъ и теряетъ свою форму. Лодки полярныхъ народовъ потому и прочны, что натянуты на деревянный или костяной остовъ. Описываемыя авторомъ лодки въ Ла-Платѣ годятся лишь для кратковременнаго употребленія. *Ред.*

не столько благодаря матеріалу изъ котораго они сдѣланы, сколько воздуху, заполняющему внутренность постройки. При обозрѣніи всего громаднаго количества формъ судовъ у культурныхъ народовъ можно пользоваться различными отправными пунктами; для болѣе примитивныхъ формъ достаточно раздѣлить ихъ на двѣ группы: на суда, выдолбленныя изъ одного куска твердаго вещества — и, на составленныя изъ отдѣльныхъ плоскихъ частей, образующихъ вмѣстѣ оболочку съ пустотою внутри. Къ первымъ принадлежатъ однодеревки, ко вторымъ лодки изъ коры дерева, шкуръ и суда, составленныя изъ отдѣльныхъ деревянныхъ частей.

Несомнѣнно, не разъ случалось видѣть человѣку во время бури или наводненія носящіеся по волнамъ дуплистые стволы деревьевъ, можетъ при случаѣ приходилось и переправлятся въ нихъ черезъ воду, и, въ концѣ-концовъ, эти наблюденія могли привести къ мысли свалить дерево и сдѣлать изъ него лодку. Подобные наглядные примѣры природа давала почти повсюду на земномъ шарѣ, гдѣ только попадался для этого подходящей матеріалъ,

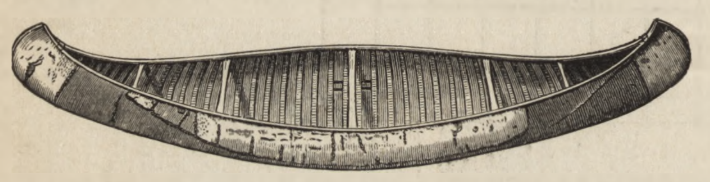
Лодка изъ Новой Британіи, Меланезія. Верхній рисунокъ—та же лодка сверху.

то есть пригодныя для обработки деревья. Рубка деревьевъ первобытными инструментами и при участіи огня представляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ. Это было одною изъ тѣхъ работъ, на которыхъ человѣкъ по преимуществу вырабатывалъ въ себѣ терпѣніе и настойчивость. Фонъ Гассельтъ, въ статьѣ своей о нуфорезахъ—народѣ, обитающемъ въ западной части Новой Гвинеи, кратко и точно описываетъ всю выдѣлку лодокъ однодеревокъ: „Выбранное для лодки дерево, чтобы его легче было свалить, у корня обжигается на сильномъ огнѣ. Сваленное, оно остается въ лѣсу, гдѣ ему и придаютъ обтесываніемъ форму лодки. Послѣ этого выжигаютъ и обугливаютъ то пространство, которое должно быть выдолблено, а дальнѣйшая работа производится долотомъ и ножомъ. Когда черновая работа окончена, лодку несутъ съ пѣснями, крикомъ и гамомъ на берегъ, гдѣ ее отдѣлываютъ. Затѣмъ ее погружаютъ на нѣсколько дней въ воду, послѣ чего укрѣпляютъ распорки и мачту и украшаютъ рѣзьбой“.

Простыя однодеревки безъ особой оснастки были очень широко распространены и въ сѣверной Европѣ. Многочисленныя доисторическія находки доказываютъ, что онѣ были повсюду во всеобщемъ употребленіи. Всего дольше сохранялись онѣ на континентальныхъ водахъ, какъ напримѣръ на озерахъ западной Пруссіи и на Хіемзее. Послѣдніе образцы ихъ служили моделями для цѣлаго ряда поколѣній живописцевъ. Однодеревки является также типичнымъ судномъ для малоразвитого судоходства Африки. Напримѣръ, Б. Голубъ въ странѣ Марутце не встрѣчалъ никакихъ лодокъ

кромѣ однодеревокъ (см, изобр., стр. 466). Самая большая изъ нихъ была $7^1/_2$ метровъ въ длину и 90 сантим. въ ширину, толщина боковъ была отъ 2-хъ до 3-хъ сантим.; флотилія, собранная въ Ней-Шешеке, имѣла отъ 100 до 110 большихъ, 30 среднихъ и 60 маленькихъ лодокъ. Какъ кажется, самыя лучшія однодеревки въ Африкѣ у дualловъ въ Камерунѣ; онѣ могутъ вмѣщать до 70 человѣкъ. Эти лодки шире другихъ, потому что хотя на деревѣ, выбранномъ на постройку лодки, верхнее отверстіе дѣлаютъ довольно узкимъ, но затѣмъ выдалбливаютъ внутренность и широко разводятъ тонкія стѣнки. Повидимому, однако же, самыя красивыя и лучшія по морскимъ свойствамъ однодеревки умѣютъ приготовлять изъ растущихъ на прибережьѣ гигантскихъ деревьевъ большіе знатоки работъ по дереву—индѣйцы сѣверо-запада Америки.

Однодеревка имѣетъ большіе недостатки,—она узка и почти всегда безъ киля и потому неустойчива, легко опрокидывается если ѣдущіе въ ней не сумѣютъ искуснымъ балансированіемъ и равномѣрнымъ движеніемъ веселъ поддерживать равновѣсіе. Не было недостатка въ попыткахъ устранить это неудобство; но всѣ онѣ сводились къ искусственному расширенію краевъ лодки или увеличенію площади соприкосновенія судна съ поверхностью воды. Для этого, о чемъ уже было упомянуто, когда шла рѣчь о лодкахъ дualловъ, можно готовую однодеревку уширить, разводя ея стѣнки, на что имѣется нѣсколько способовъ: въ Гвіанѣ, напримѣръ, разводятъ огонь подъ опрокинутой лодкой или наполняютъ ее сырымъ пескомъ, который постепенно размягчаетъ стѣнки и раздвигаетъ ихъ; точно также ставятъ лодку на нѣкоторое время въ текучую воду и разводятъ, забивая въ нее поперечные бруски. Тлинкиты выдалбливаютъ дерева до двухъ третей объема будущей лодки, затѣмъ наливаютъ водой, которую согрѣваютъ раскаленными камнями и раздвигаютъ бока ея, также вставляя поперечные бруски. Въ другихъ мѣстахъ для расширенія лодки прибѣгаютъ къ наставкѣ бортовъ (наводкѣ). Въ упомянутыхъ уже лодкахъ нуфорезовъ имѣются поперечные бруски, выступающіе за борта лодки съ обѣихъ сторонъ, и они такъ переплетены камышемъ, что съ боковъ образуются какъ бы опущенныя крылья, которыя не даютъ лодкѣ перевернуться.

Лодка изъ бересты у индѣйцевъ-кененотовъ, Сѣв. Америка. По Тёрнеру.

Чаще пробуютъ устранить недостатокъ устойчивости, ставя двѣ лодки параллельно и соединяя ихъ поперечинами (см. прилаг. таблицы: „Военный флотъ таитійцевъ при Опаро“); на этомъ помостѣ можно нагрузить товаръ и даже поставить небольшую хижину. Такой двойной лодкой былъ, вѣроятно, легендарный „Арава“, на которомъ часть полинезійскихъ эмигрантовъ переселилась въ Новую Зеландію, такъ какъ, вообще, такія „двойки“ представляютъ болѣе древній типъ судовъ, нѣкогда господствовавшій во всей малайско-полинезійской области, пока не былъ вытѣсненъ отводиной [1]. На устьяхъ Конго также употребляются двойныя лодки. Полусказочныя преданія сѣверо-запада Америки даютъ возможность предполагать, что такія же суда нѣкогда существовали и тамъ.

Лодки съ отводиной (Ausleger—балансомъ? [1])—типичныя суда Океаніи—представляетъ, вѣроятно, просто усовершенствованный типъ двойной лодки. Ея простѣйшая форма, какую мы встрѣчаемъ въ Бонгола, на Новой Гвинеѣ,

[1] Слово Ausleger мы, за неимѣніемъ въ русской морской техникѣ такого приспособленія, переводимъ при помощи термина изъ другой области. У саней имѣются отводы, мѣшающіе экипажу опрокинуться; то же самое значеніе имѣетъ и свободно лежащій на водѣ Ausleger, соединенный прочно съ судномъ. *Ред.*

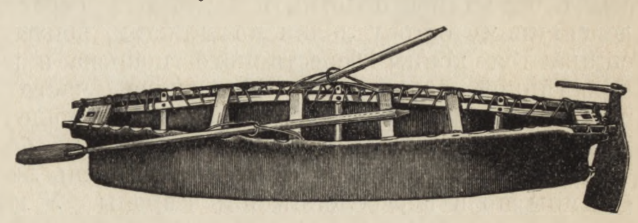
Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

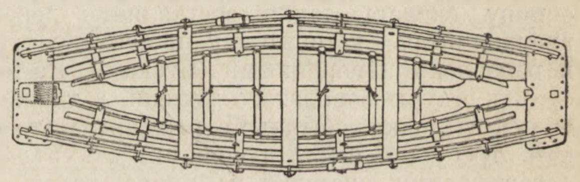
Военный флотъ таитійцевъ въ Опаро (Полинезія).

По Куку.

состоитъ изъ однодеревки и параллельно идущаго съ ней бревна, служащаго отводиной, которая, въ соединенiи съ судномъ поперечинами, мѣшаетъ послѣднему опрокидываться; но, несмотря на отводину, парусныя суда иногда все-таки ложатся на бокъ. Въ большинствѣ меланезiйскихъ и океанiйскихъ судовъ улучшено и устройство самаго судна. Однодеревка тамъ служитъ вмѣсто киля и надъ нимъ возвышаются боковыя планки. На Жильбертовыхъ островахъ, гдѣ нѣтъ подходящаго матерiала для однодеревокъ, выучились уже строить лодки изъ досокъ. На маленькихъ лодочкахъ, которыя, между прочимъ, встрѣчаются и на Цейлонѣ, все помѣщенiе заключается внутри самой лодки; на болѣе крупныхъ судахъ на поперечныхъ брусьяхъ устраиваютъ помостъ между лодкой и отводиной, гдѣ складываютъ товары, и иногда устраиваютъ маленькую избушку. При всемъ этомъ, устройство судна съ отводиной требуетъ значительнаго искусства: форма отводины и судна должны быть точно разсчитаны и приспособлены другъ къ другу. Для того, чтобы судно стояло прямо, необходимо равномѣрное распредѣленiе груза, а потому платформа и мачты должны быть установлены на соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Большое значенiе имѣетъ и соединенiе отводины съ судномъ, такъ какъ отъ этого зависитъ безопасность послѣдняго. Въ Меланезiи принято вбивать крестообразно колышки въ отводину и къ нимъ прикрѣплять поперечные бруски. По сообщенiямъ Финча, на Жильбертовыхъ островахъ поперечные бруски прикрѣпляютъ къ двумъ или тремъ вилообразнымъ древеснымъ сучкамъ и послѣднiе привязываются веревками къ отводинѣ.

Умiакъ (лодка женщинъ) у эскимосовъ. По Боасу

Остовъ умiака у эскимосовъ. По Боасу.

Вѣроятно, прежде лодки съ отводинами господствовали по всему индѣйскому и тихому океанамъ и двойныя лодки были типическими судами Малайской расы. Теперь же, безъ сомнѣнiя, слѣдуя индiйскимъ и восточноазiатскимъ образцамъ, во всей Индонезiи развилась постройка большихъ судовъ изъ досокъ; такъ что только лодки съ отводинами у береговыхъ жителей Цейлона и у сакалавовъ на Мадагаскарѣ свидѣтельствуютъ о быломъ громадномъ распространенiи этихъ своеобразныхъ судовъ. Въ Новой Зеландiи и двойныя лодки, и суда съ отводинами также вышли изъ употребленiя. Рядомъ съ лодками, развившимися изъ однодеревокъ, стоятъ лодки изъ коры и кожи, которыя, въ простѣйшей своей формѣ, также изготовлялись изъ одного куска матерiала. Употребляющiйся во внутренней Бразилiи способъ дѣланiя лодокъ изъ коры ятоба (Hymenaea) описанъ Карломъ фонъ денъ Штейненомъ: „Вокругъ дерева устанавливается помостъ на жердяхъ и ударами топора отмѣчается длинная прямоугольная полоса коры, которая потомъ осторожно снимается и кладется на низенькiя подставочки, подъ которыми разводится огонь, а сверху жгутъ сучья, отчего кора прiобрѣтаетъ гибкость; послѣ этого длинныя стороны полосы коры загибаются кверху, спереди устраивается острый носъ, сзади кора загибается внутрь, такъ что образуется поперечная стѣнка, вдающаяся острымъ угломъ внутрь лодки“.

Гораздо искуснѣе сдѣланны лодки изъ березовой коры у канадскихъ и проживающихъ въ сѣверной части Соединенныхъ Штатовъ Америки

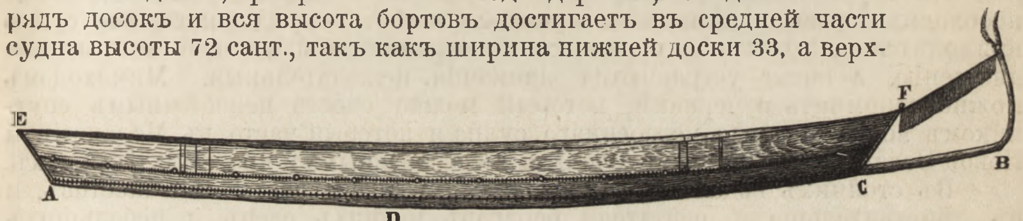
индѣйцевъ (см. изобр. на стр. 468). Не всѣ индѣйцы приготовляютъ себѣ лодки одинаковымъ образомъ, но намъ достаточно будетъ остановиться для примѣра на способахъ индѣйцевъ оджибвеевъ и меномини. Прежде всего съ большой березы снимаютъ насколько возможно большія полосы коры и тоненькими, длинными корешечками одной изъ породъ ели сшиваютъ одну полосу съ другой, пока не получится полоса такой величины, какая нужна для изготовленія проектируемой лодки. Затѣмъ изъ тонкихъ планокъ бѣлаго кедра выгибаютъ дуги, ребра будущей лодки и для удержанія ихъ въ согнутомъ положеніи скрѣпляютъ поперечными планками; къ этимъ ребрамъ прикрѣпляются продольные брусочки и такимъ образомъ составляется цѣльный скелетъ лодки. Этотъ скелетъ лодки ставятъ на растянутое по землѣ берестяное полотно и загибаютъ бересту кверху, прижимая ее къ деревянному остову лодки колышками, вбитыми въ землю. Послѣ этого сшиваются концы берестянного покрова и ребра лодки скрѣпляются съ берестянной оболочкой. Дно судна, часто подвергающееся опасности поврежденія, покрываютъ тоненькими дощечками. На внутреннихъ водахъ, обильныхъ быстринами и мелями, берестянныя лодки настолько доказали свою пригодность, что ими очень любятъ пользоваться не только туземцы но и переселенцы изъ Европы. У южнѣе живущихъ индѣйцевъ рядомъ съ берестянной лодкой выступаетъ соперницей однодеревка, успѣшно вытѣсняющая первую. У ирокезовъ уже получили преобладаніе деревянныя лодки.

Есть одинъ сортъ эскимосскихъ кожаныхъ лодокъ, называемый женской лодкой, „уміакъ“ (см. изобр., стр. 469 — по Боасу), очень похожій на лодку изъ древесной коры и несомнѣнно генетически связанный съ нею: кромѣ того, лодки сходныя съ уміаками встрѣчаются и у сибирскихъ инородцевъ, а у западныхъ эскимосовъ такія лодки употребляются и мужчинами для охоты на китовъ и для дальнихъ поѣздокъ. Остовъ этой лодки (см. изобр., 469 стр., внизу) составляется изъ наплавного дерева; главную основу скелета лодки составляетъ деревянный киль и отъ него идутъ вверхъ ребра, которые очень искусно скрѣплены продольными планками и разведены поперечными брусками. На обшивку лодки предпочтительно берутъ шкуры бородатаго тюленя, а также моржа или бѣлаго медвѣдя. На женскую лодку, обычныхъ размѣровъ, то есть футовъ 30 длиной и 6 шириной, требуется шесть тюленьихъ шкуръ; ихъ сшиваютъ, обтягиваютъ ими остовъ лодки снаружи и прикрѣпляютъ съ внутренней стороны лодки. Зимою кожи съ лодки снимаютъ и хранятъ въ домахъ.

Болѣе широкое распространеніе уміака и его сходство съ другими весельными лодками указываетъ намъ, что, по всей вѣроятности, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ болѣе древней формой судна, чѣмъ **каякъ**—это наиболѣе характерная для эскимосовъ форма судна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, превосходно приспособленная ко всѣмъ опасностямъ ледовитаго океана и жизненнымъ потребностямъ обитателей его побережья. Каякъ тоже кожаная лодка, но только закрытая со всѣхъ сторонъ, такъ какъ небольшое отверстіе на закрытой палубѣ, въ которое влѣзаетъ сѣдокъ, плотно закупоривается имъ самимъ. Форма каяковъ не вездѣ одинакова: на Аляскѣ многія формы напоминаютъ собою уміаки малаго размѣра съ тою только разницею, что у каяковъ верхъ лодки закрытъ шкурами и оставлено только круглое отверстіе для сѣдока. Гораздо чаще встрѣчаются сильно вытянутыя въ длину и узконосыя формы. По большей части, каякъ дѣлается для одного сѣдока, но на западномъ берегу Гренландіи встрѣчаются лодки для двоихъ или троихъ людей. Остовъ лодки и въ каякахъ изготовляется изъ дерева; поперечныя дуги—ребра лодки,—число которыхъ обыкновенно доходитъ до сорока, имѣютъ форму опрокинутой телѣжной дуги, отстоятъ на нѣсколько сантиметровъ другъ отъ друга и укрѣплены на прочныхъ продольныхъ подставкахъ, которыя и образуютъ дно лодки. Другіе продольные бруски

поддерживаютъ бока лодки и палубу. Для обшивки лодокъ и здѣсь употребляютъ шкуры бородатыхъ тюленей. Такъ какъ помѣщеніе внутри лодки занято сѣдокомъ, то снаружи дѣлается поясъ вокругъ сѣдока, къ которому прикрѣпляются необходимые снаряды, а иногда подставка, на которую кладется гарпунъ.

Лодки у культурныхъ народовъ изготовляются почти повсюду изъ дерева. Переходъ отъ однодеревки къ лодкѣ, составленной изъ отдѣльныхъ частей, мы видимъ уже въ Микронезіи и Меланезіи. Тамъ однодеревка составляетъ только нижнюю часть судна, и наведенные борта сильно повышаютъ лодку. Дальнѣйшій шагъ на этомъ пути мы видимъ у ваганда, плавающимъ по озеру Викторіи, во внутренней Африкѣ. Описаны были ихъ лодки съ достаточной подробностью Кольманномъ (см. изобр. лодки ваганда во внутренней Африкѣ на этой стр.). И здѣсь дно лодки образуетъ выдолбленный стволъ дерева, около 14 метровъ длиной и 60 сантим. шириной; чаще всего употребляется дерево мфула. На этотъ выдолбленный стволъ съ обѣихъ сторонъ по длинѣ насаживаютъ доски; впрочемъ, правильнѣе не цѣльныя доски, такъ какъ такихъ длинныхъ досокъ тамъ нѣтъ, а плотно скрѣпленныя между собой вытесанныя топоромъ, а не пилой—дощечки. На нижнія доски, прикрѣпленныя къ однодеревкѣ, наводится новый рядъ досокъ и вся высота бортовъ достигаетъ въ средней части судна высоты 72 сант., такъ какъ ширина нижней доски 33, а верх-

Лодка у племени ваганда, вост. Африка. A—B = 14 метр.; E—F = 13,40 метр.; D центръ тяжести лодки A—E и C—F брусокъ, соединяющій боковыя доски лодки. По Кольману. См. текстъ на этой стр.

ней 39 сант. Однодеревка съуживается къ переднему концу и вздымается вверхъ въ видѣ выгнутаго клюва, выступая значительно впередъ корпуса лодки. Всѣ части судна сшиты и скрѣплены между собой прутьями сквозь прожженныя раскаленнымъ желѣзнымъ шиломъ дырки: деревянные или желѣзные гвозди не употребляются нигдѣ. Спереди и назади, гдѣ сходятся боковыя доски, между ними вставляется трехгранная смычка, косвенно поднимающаяся впередъ. Наложенныя полоски дерева служатъ для уплотненія швовъ.

Къ однодеревкамъ съ наведенными бортами принадлежатъ и громадные военные корабли маори и таитянъ, изображенные на таблицѣ „Военный флотъ таитянъ“ (при стр. 468). Нижняя часть однодеревки, какъ и въ сѣвероамериканскихъ лодкахъ, обтесывалась на подобіе киля. Внутри изъ накрестъ положенныхъ планокъ настилался полъ. Поперечины, которыя служатъ для сидѣнья, разводили верхнія края наставныхъ бортовъ. Этотъ пріемъ извѣстенъ между прочимъ, и строителямъ судовъ у ваганда. Высоко приподнятая, выгнутая, выдающаяся спереди дуга также имѣется и на этихъ корабляхъ; но она не составляетъ съуженнаго продолженія однодеревки,—это, вѣроятно, бывало только въ старину,—а дѣлается изъ отдѣльнаго куска дерева и укрѣпляется не на носу, а на штернѣ. И дайяки умѣютъ при помощи наставныхъ бортовъ дѣлать изъ однодеревокъ помѣстительныя суда (см. изобр. на стр. 473); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они также умѣютъ дѣлать и лодки съ килемъ изъ досокъ. Доски имѣютъ выемки, плотно пригоняются одна къ другой и затѣмъ наглухо сшиваются ротанговыми бичевками.

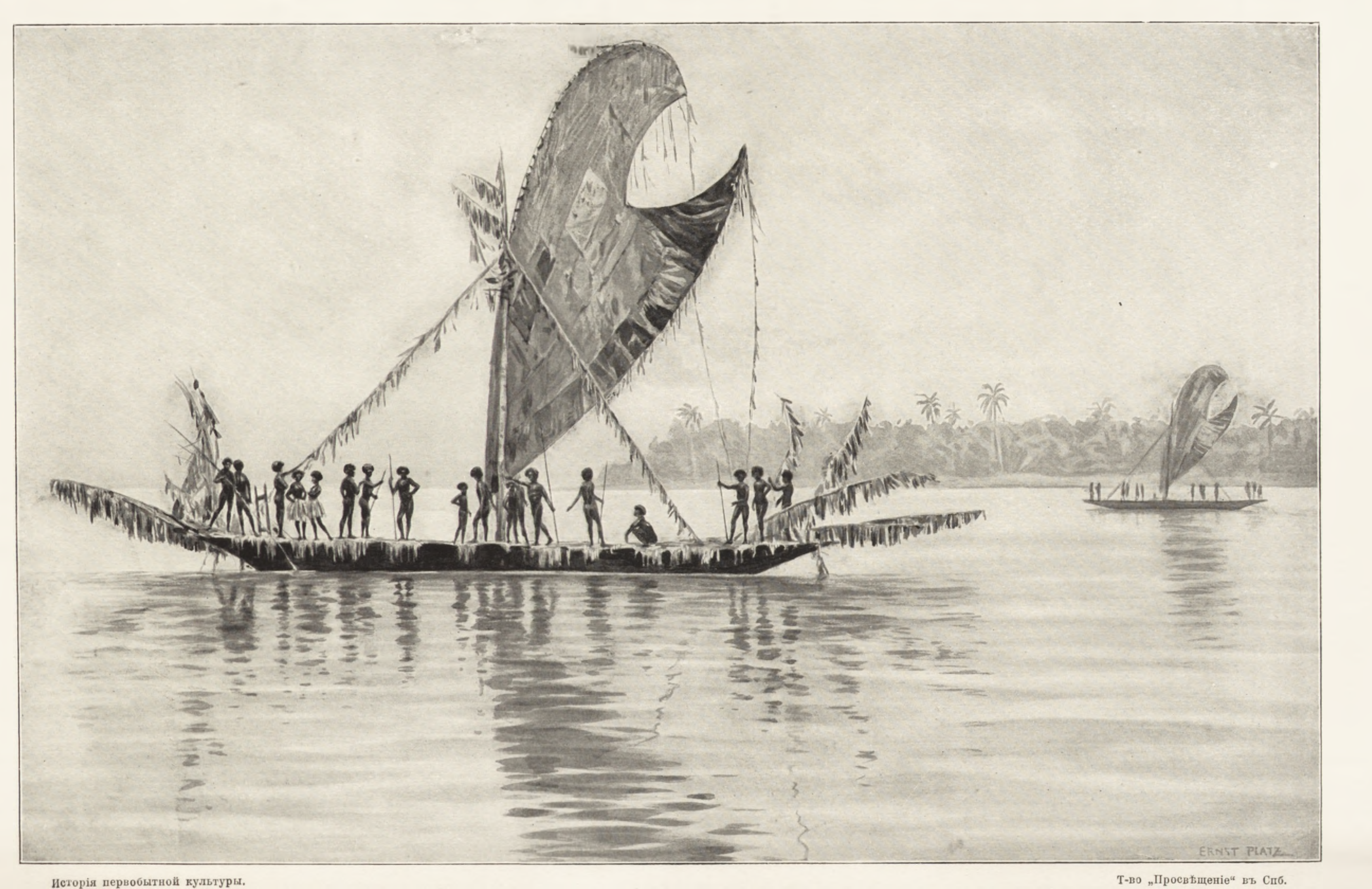
Находки остатковъ древнихъ кораблей указываютъ намъ, насколько въ сѣверной Европѣ уже въ доисторическія времена кораблестроеніе

ушло впередъ по сравненію съ тѣми методами постройки судовъ, исходной точкой которыхъ до сихъ поръ служитъ однодеревка. Успѣхи эти, конечно, были достигнуты не потому, что однодеревка вышла изъ употребленія—она продолжала существовать; но рядомъ съ этимъ люди уже умѣли строить корабли изъ досокъ и придавать имъ различныя формы, сообразно предполагаемымъ цѣлямъ постройки. Примѣромъ можетъ служить корабль желѣзнаго вѣка, найденный въ болотѣ около Фленсбурга въ 1859 году. Онъ имѣлъ 77 футовъ длины и 10 футовъ ширины въ срединѣ. У него былъ деревянный киль и по пяти дубовыхъ досокъ съ каждой стороны, скрѣпленныхъ желѣзными гвоздями; щели между досками были проконопачены шерстью и залиты смолой. Планки не вставлялись въ ребра судна; но у нихъ были выдѣланы изъ цѣльнаго дерева выступы, которые скрѣплялись еще веревками изъ луба. Палуба корабля была сдѣлана изъ поперечныхъ брусковъ и поддерживалась снизу вертикальными столбами; сверху палуба была прикрыта плетеной циновкой.

Въ этомъ кораблѣ сѣвернаго типа видны еще черты примитивной техники судостроенія, но въ существѣ дѣла онъ уже не принадлежитъ къ тѣмъ простымъ формамъ, съ которыми имѣетъ дѣло исторія первобытной культуры. Однако же, и при такой постановкѣ вопроса, намъ еще болѣе необходимо бросить взглядъ на приспособленія и сняряды, которыми судно приводится въ движеніе, придается и сохраняется извѣстное направленіе движенію, а также устраняются движенія нежелательныя. Мимоходомъ можно вспомнить о черпакѣ, который можно счесть неизбѣжнымъ спутникомъ всякаго плохо устроеннаго судна и который часто въ Меланезіи и Новой Зеландіи является въ очень цѣлесообразныхъ и красивыхъ формахъ.

Въ стоячихъ водахъ для передвиженія лодки достаточно шестовъ, и въ дѣйствительности обитатели береговъ мелкихъ озеръ и небольшихъ рѣчекъ, какъ, напримѣръ, дайяки на Борнео, довольствуются этимъ простымъ инструментомъ, но и въ другихъ же мѣстахъ онъ занимаетъ все-таки видное мѣсто рядомъ съ весломъ. За этими небольшими исключеніями, употребленіе весла извѣстно повсюду, гдѣ только существуетъ мало-мальски серьезное судоходство. Можно различить два типа веселъ: весло навѣсное, работая которымъ гребецъ сидитъ къ носу судна спиной, а весло лежитъ на борту лодки, надѣтое на кочетокъ (вертикальный стерженекъ) или продѣтое въ кольцо; другое весло короткое, которымъ гребецъ работаетъ, не прикасаясь имъ къ борту лодки[1], сидя лицомъ впередъ. Обыкновенно короткое весло цѣликомъ вытесывается изъ одного куска дерева и только въ исключительныхъ случаяхъ перо и рукоять составляются изъ отдѣльныхъ частей, что мы видимъ у береговыхъ обитателей области Огомаи въ Африкѣ и у островитянъ Жильбертова архипелага, которые прежде вмѣсто пера приставляли къ веслу щитокъ черепахи. Формы пера веселъ различны даже въ близкихъ между собою мѣстностяхъ, какъ это показалъ Пеквель Лёшъ на обитателяхъ западно-африканскаго побережья. Потомкомъ короткаго весла является двуперое весло эскимосовъ, которое они употребляютъ во-время своихъ поѣздокъ на каякахъ. Примѣненіе силы вѣтра къ движенію судовъ знаменуетъ собою могучій толчокъ впередъ въ дѣлѣ развитія судоходства. Парусъ, по всѣмъ видимостямъ, былъ изобрѣтенъ въ разныхъ мѣстахъ, но онъ не составляетъ всеобщаго достоянія и въ распространеніи его замѣчаются странные пробѣлы. Въ Новой Ирландіи, напримѣръ, его нѣтъ, между тѣмъ, онъ извѣстенъ во всей Меланезіи и Полинезіи. Онъ-то и былъ, безъ сомнѣнія, главнымъ виновникомъ разселенія Малайско-Полинезійской расы по необозримой островной области Великаго океана. Океанійскія суда вооружены, вообще, очень неслож-

[1] Такое весло называется въ Россіи кормовымъ; оно замѣняетъ на маленькихъ лодкахъ руль, а когда лодка двигается однимъ весломъ, гребецъ, онъ же и кормчій, одновременно подвигаетъ лодку впередъ и направляетъ ее. *Ред.*

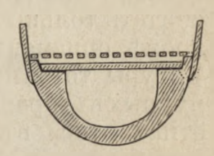

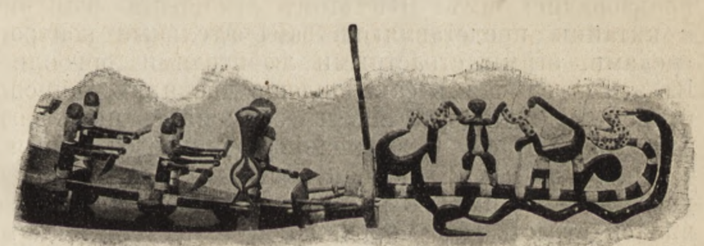
Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Разукрашенная лодка (британская Новая Гвинея).

ными парусами, какъ это, между прочимъ, видно изъ даннаго Финчемъ описанія судовъ Жильбертова архипелага. „Мачта,—пишетъ онъ,—иногда, за недостаткомъ достаточно высокихъ цѣльныхъ стволовъ деревьевъ, связывается изъ двухъ или даже трехъ частей. Она устанавливается посрединѣ судна въ сдѣланную для этой цѣли втулку. Вторая втулка дѣлается на концѣ лодки, въ нее вставляется мачта, несущая парусъ, который растягивается, кромѣ этой мачты, еще другою. Парусъ употребляется, такъ называемый, латинскій, имѣющій форму треугольника, и дѣлается изъ грубой циновки, плетенной изъ волоконъ пандануса. Канатъ для подъема паруса проходитъ сквозь дыру, продѣланную пониже верхушки мачты“. При длинѣ судна въ 7 метровъ высота мачты достигаютъ $4^1/_2$ метровъ.

Совершенно подобнымъ образомъ устроены суда обитателей Маршальскихъ островов, о которыхъ также пишетъ Финчъ: „Все что говорилось о способности ихъ судовъ ходить подъ парусами, сильно преувеличено; вообще, можно сказать, что по вѣтру они ходятъ, какъ и европейскія лодки, но гораздо ближе къ вѣтру, чѣмъ послѣднія. Четыре и самое большое семь миль въ часъ—вотъ все, что могутъ дать ихъ суда. Мачта не закрѣплена въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, и переносится то въ то, то въ другое углубленіе: то ближе къ подвѣтреной сторонѣ, то нѣсколько ближе къ носу, то къ кормѣ. Паруса у нихъ латинскіе, треугольные, и зарифлены быть не могутъ. При поворотахъ парусъ спускается и мачта переносится на другое мѣсто. Процедура эта требуетъ немало времени и не всегда удается привести ее къ желанному концу“. Въ западной части Океаніи паруса держатся на двухъ реяхъ, а собственно въ Полинезіи довольствуются одной реей. Въ Меланезіи, особенно на Новогвинейскомъ прибережьѣ формы парусовъ крайне разнообразны: рядомъ съ треугольными, четыреугольными, попадаются продолговатые, овальные и даже напоминающіе по формѣ раскрытую клешню рака (см. прилож. таблицу: „Разукрашенная лодка — Британская Новая Гвинея“). Новозеландскіе паруса, сплетенные изъ листьевъ раупо, всегда имѣли треугольную форму и сходны были съ восточно-океанійскими по способу прикрѣпленія: одна сторона треугольника прикрѣплялась къ мачтѣ, другая, верхняя, держалась на реѣ, а вершина треугольника приходилась у подножія мачты; канаты изъ ново-зеландскаго льна крѣпко держали всѣ снасти. Восточно-азіатскіе паруса четыреугольные, попадаются и въ Индонезіи, держатся они на двухъ реяхъ—верхней и нижней.

Разрѣзъ лодки у даяковъ, Борнео. По Лингъ Роту. См. текстъ, стр. 471

Рѣзной носъ лодки, по модели лодки изъ Камеруна. Бременскій музей. См. текстъ, стр. 474.

О рулѣ у первобытныхъ народовъ немного можно сказать. Въ маленькихъ судахъ обходятся безъ руля, въ большихъ его замѣняетъ весло, которымъ правитъ стоящій на штернѣ человѣкъ. Въ восточной части Новой Гвинеи на крупныхъ судахъ эти рули больше и тяжелѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; они ставятся на подпоркахъ и прикрѣпляются веревками.

Слѣдуетъ вспомнить еще о **якорѣ**; въ малайско-полинезійской области первобытнаго судоходства обыкновенно дѣло не обходится безъ него. Онъ состоитъ изъ тяжелаго камня, опутаннаго длинной веревкой, спускаемаго на дно. У маори имѣется два такихъ якоря: на каждомъ концѣ судна

по одному. Употребляются въ качествѣ якоря корзины, сплетенныя изъ новозеландскаго льна и наполненныя камнями [1].

Все, что, кромѣ описаннаго, встрѣчается на судахъ первобытныхъ народовъ, имѣетъ только косвенное отношеніе къ нашей задачѣ. Есть на судахъ очаги изъ каменныхъ плитъ или большіе глиняные горшки, на нихъ и въ нихъ разводится огонь для приготовленія пищи, имѣются также различные припасы. На платформахъ полинезійскихъ судовъ съ отводами строятся иногда крошечныя каморки для спанья; на всякомъ суднѣ также должны быть барабаны и трубы изъ раковинъ для того, чтобы ночью обмѣниваться сигналами. Наконецъ, нельзя забыть и о рѣзьбѣ, которой украшаютъ носы и другія части судовъ, (см. изобр. на стр. 473 и табл. „Военный флотъ таитянъ“ при стр. 468). Эти узоры и фигуры нельзя считать только произведеніями досужей творческой фантазіи,—они имѣютъ, кромѣ орнаментальнаго значенія — и болѣе серьезное: образы предковъ и фигуры тотемическихъ животныхъ смотрятъ на насъ изъ этой массы вычурныхъ украшеній и возвѣщаютъ намъ, что это утлое судно, рѣшившееся отправиться въ путь по волнамъ коварнаго океана, находится подъ защитою высшихъ силъ.

Въ заключеніе бросимъ еще разъ взглядъ на отношенія между человѣкомъ и водяной стихіей и прежде всего—моремъ, соединяющимъ различные народы между собою. Мы замѣчаемъ, во-первыхъ, что отношенія эти очень разнообразны, во-вторыхъ, что эти различія объясняются не разнообразіемъ естественныхъ условій, а глубоко лежащими отличіями въ характерѣ, настроеніяхъ и привычкахъ различныхъ народовъ, которыя только въ послѣднемъ счетѣ могутъ быть сведены къ воздѣйствіямъ природы. Достойно замѣчанія, что очень древніе культурные народы часто обращали очень мало вниманія на море и только иногда, какъ бы мимоходомъ, пользовались имъ. Въ этомъ отношеніи египтяне, вавилоняне, индусы и китайцы представляютъ замѣчательный контрастъ съ финикіянами и греками, этими страстными любителями торговли и дальнихъ странствій. Въ этихъ случаяхъ самодовленіе древнихъ, дошедшихъ до гармоническаго равновѣсія культуръ, вполнѣ объясняетъ намъ загадку. Но почему же на западномъ берегу Скандинавіи развивается племя отважныхъ мореплавателей, тогда какъ западная Шотландія, находящаяся въ такихъ же точно условіяхъ, не имѣетъ въ этомъ отношеніи никакого значенія? Откуда развилась страсть къ морскимъ путешествіямъ у малайско-полинезійскихъ народовъ, которые живутъ въ условіяхъ почти одинаковыхъ съ домосѣдами меланезійцами и негритосами. Здѣсь передъ нами опять одинъ изъ тѣхъ примѣровъ, гдѣ таинственнымъ образомъ возникшія силы духа и склонности выступаютъ съ полной очевидностью и направляютъ ходъ исторіи человѣчества.

---

[1] Первобытные якоря сохранились кое-гдѣ на быстрыхъ, большихъ рѣкахъ Сибири. Намъ случалось видѣть на Ангарѣ камни, по большей части всегда угловатые, къ которымъ были прикрѣплены веревками рогатые сучья лиственницы, самаго твердаго дерева изъ ростущихъ въ Сибири и не гніющаго въ водѣ. Иногда такой якорь такъ цѣпко держится своими рогульками за дно, что его невозможно вытащить назадъ. *Ред.*

V. Духовная культура.

1. Языкъ.

Между духовными и матеріальными пріобрѣтеніями человѣческой культуры нѣтъ никакихъ рѣзкихъ границъ. Съ перваго взгляда отдѣленіе матеріальныхъ, осязательныхъ, подчиненныхъ вліянію физическимъ законамъ благъ, которыя человѣкъ собираетъ вокругъ себя, отъ произведеній свободной дѣятельности мысли можетъ показаться очень нетруднымъ; но насколько эта задача легка въ началѣ, настолько же, при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи, она оказывается затруднительной и даже неразрѣшимой. Матеріальный субстратъ, которому человѣкъ придаетъ извѣстную форму, по отношенію къ умственной дѣятельности, руководящей работою человѣка, играетъ какъ-бы совершенно пассивную роль. Однако же, повидимому, столь безгранично свободная жизнь духа большую часть своихъ силъ и опредѣленности и, вообще, способностей къ ясному мышленію черпаетъ все-таки изъ тѣхъ же предметовъ внѣшняго міра, которые его окружаютъ, надъ которыми онъ работаетъ и учится работать. Здѣсь начало всѣхъ его идей, даже самыхъ отвлеченныхъ. Всякій новый образъ, созданный человѣкомъ изъ матеріаловъ внѣшняго міра, знаменуетъ собою новое завоеваніе духа, и всякая новая идея вызываетъ неизмѣнно новыя формы въ какой-либо области человѣческой дѣятельности.

Яснѣе всего это намъ показываетъ языкъ, который самъ въ нѣкоторомъ родѣ стоитъ на рубежѣ духовной культуры и матеріальной, что и придаетъ ему неизмѣримо-громадное значеніе для основательнаго уразумѣнія и той и другой. Своимъ вещественнымъ осуществленіемъ въ формѣ летучихъ звуковыхъ волнъ онъ на фактѣ доказываетъ намъ существованіе духовной жизни и ея высокое значеніе. Кромѣ того, на языкѣ мы видимъ, какъ среди матеріальной обстановки и подобно ей растетъ и крѣпнетъ духовная жизнь. Вопросы о томъ, создалъ ли духъ человѣка рѣчь самъ изъ себя или же онъ развивался вмѣстѣ съ рѣчью и пріобрѣлъ при этомъ способность къ мышленію высшаго порядка, былъ подвергнутъ самому основательному изслѣдованію, и теперь мы имѣемъ право утверждать, что изъ этихъ двухъ предположеній возможно только второе. Хотя Гердеръ смотрѣлъ на языкъ, какъ на даръ, данный свыше, однако, онъ же первый высказалъ, что языкъ и способность къ мышленію одно и то же. При отчетливомъ мышленіи мы не сопоставляемъ уже цѣлаго ряда картинъ и образовъ въ головѣ, а мысленно говоримъ звуковыми символами сами съ собой. Только при помощи рѣчи можемъ мы отъ конкретныхъ образовъ подняться до отвлеченныхъ понятій. Такъ какъ даръ рѣчи не свалился намъ съ неба, но развился изъ первоначальныхъ весьма слабыхъ зачатковъ, то онъ и не можетъ быть изъятъ изъ всеобщаго закона развитія, и исторія языка представляетъ собою часть исторіи человѣчества. Впрочемъ, не болѣе, какъ только часть. Въ дѣйствительности не одинъ только языкъ служилъ

средствомъ развитія и выработки духовныхъ способностей человѣка, но и всякая культурная дѣятельность вообще. Штейнталю мы обязаны тѣмъ, что онъ первый выяснилъ важное значеніе доисторическихъ народовъ для исторіи человѣческаго интеллекта, а стало быть—и языка. Если же языкъ составляетъ часть культурнаго достоянія человѣка, то и онъ подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ и остальныя пріобрѣтенія культуры: онъ живетъ въ живыхъ созданіяхъ и вмѣстѣ съ ними онъ часть души и тѣла живого человѣческаго общежитія и не зависитъ отъ кратковременной жизни отдѣльной личности. Языкъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ всякое иное достояніе культуры, является результатомъ жизни обществами. Переговоры людей между собой существовали раньше, чѣмъ человѣкъ пріучился думать словами. Всякая мысль въ основѣ своей—дѣйствіе общественное. Даже и одинокій философъ, рѣшающій загадку бытія, обращается къ слушателямъ, которые только въ будущемъ, можетъ быть черезъ сотню лѣтъ послѣ его смерти, будутъ внимать ему, или же онъ въ одно и то же время является и учителемъ и ученикомъ самого себя. Если-бъ человѣкъ не былъ существомъ общественнымъ, онъ не имѣлъ бы и дара рѣчи, или только ничтожные зачатки ея.

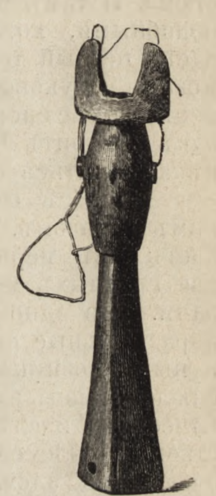
Общежитіе является необходимымъ предварительнымъ условіемъ какого бы то ни было обмѣна мыслей и впечатлѣній и, по сравненію съ коллективной жизнью, самый способъ объяснятся другъ съ другомъ звуками, производимыми гортанью и ртомъ, имѣетъ менѣе важное значеніе. Можно представить себѣ и звуковой способъ передачи мыслей при помощи искусственнаго приспособленія, т. е. какого-либо музыкальнаго инструмента. Передача сообщеній посредствомъ звуковъ барабана у многихъ африканскихъ и южно-американскихъ народовъ, несомнѣнно, представляетъ собою, какъ мы это увидимъ ниже, подобіе своего первообраза, т. е. человѣческой рѣчи; но нѣчто подобное могло бы образоваться совершенно самостоятельно. Въ Африкѣ, кромѣ того, встрѣчаются попытки переговариваться при помощи трубныхъ сигналовъ (см. изображеніе на стр. 477).

Можно воспользоваться и другими чувствами для передачи мыслей и впечатлѣній. На объясненіяхъ посредствомъ прикосновеній не стоитъ много останавливаться, такъ какъ для этого имѣются болѣе удобныя средства; хотя, напримѣръ, арабскіе торговцы, чтобы скрыть свои дѣла отъ постороннихъ, переговариваются между собой пожатіями рукъ, прикрывая ихъ одеждой [1]. Къ такимъ же пріемамъ прибѣгаютъ слѣпые и глухіе, какъ, напримѣръ, извѣстный поэтъ Іеронимъ Лормъ. По многимъ основаніямъ изъ всѣхъ чувствъ обоняніе и вкусъ оказываются наименѣе удобными посредниками для передачи впечатлѣній и свѣдѣній между людьми.

Между звуковымъ языкомъ и языкомъ наглядныхъ символовъ, возникшимъ изъ жестовъ, велась настоящая борьба за существованіе, не окончившаяся еще и понынѣ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что у первобытныхъ народовъ языкъ жестовъ чаще примѣняется, чѣмъ у насъ, и по разнообразію своему онъ гораздо богаче нашего. Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь рѣчь идетъ не о способахъ обмѣна мыслей посредствомъ наглядныхъ изображеній, но о высокоразвитыхъ начертательныхъ символахъ, воспринимаемыхъ зрѣніемъ. Можно даже сказать, что въ этомъ языкѣ, какъ и въ звуковомъ, есть свои „корни“, которые, въ извѣстной связи съ другими, измѣняютъ свое значеніе. У туземцевъ въ Австраліи символъ, обозначащій „бумерангъ“, опредѣляетъ не только это оружіе само по себѣ, но въ извѣстныхъ условіяхъ и понятія, относящіяся къ нему, напримѣръ, „бро-

[1] Этотъ способъ переговоровъ существуетъ и на русскихъ базарахъ и ярмаркахъ, особенно у скотогоновъ-прасоловъ: одинъ изъ торгующихся, обыкновенно продавецъ, прячетъ кисть правой руки въ рукавъ, а покупатель всовываетъ свою правую руку въ чужой рукавъ и отгибая одинъ, два или три пальца даетъ знать, сколько рублей или десятковъ рублей онъ проситъ уступить. *Ред.*

сить бумерангъ", „убить бумерангомъ", „дѣлать бумерангъ", „купить бумерангъ" и т. д. Признаки прогрессивнаго развитія этого языка австралійцевъ даютъ себя знать и съ другихъ сторонъ. У нихъ, напримѣръ, существуетъ символъ, обозначающей „птицу" вообще, и рядомъ съ нимъ другіе, обозначающіе каждую породу птицы въ отдѣльности. Кромѣ того, имѣются знаки для выраженія такихъ понятій, какъ „болѣзнь", „злоба", „забывчивость", „хорошо", „худо". Наконецъ, существуютъ также и символы для обозначенія степеней родства, что, какъ извѣстно, имѣетъ громадное значеніе у австралійцевъ. Очевидно, что при помощи такого языка можно вести разговоры и даже нельзя отрицать возможности выражать на немъ не только конкретныя, но и абстрактныя понятія. Въ виду вышесказаннаго можно подумать, что люди предпочли языку жестовъ языкъ фонетическій и довели послѣдній до высокой степени совершенства почти случайно; но на дѣлѣ оказывается, что не случайныя обстоятельства, а дѣйствительныя преимущества звуковой рѣчи обезпечили ей побѣду въ борьбѣ съ языкомъ жестовъ. Главное преимущество звуковой рѣчи въ томъ, что ею можно пользоваться на разстояніи, въ темнотѣ и въ тѣхъ случаяхъ, когда разговаривающіе раздѣлены между собой непрозрачной преградой. Хотя все-таки языкъ жестовъ очень удобенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно переговорить между собой не возбуждая чьего-либо вниманія, и поэтому онъ имѣетъ большое значеніе для охотничьихъ племенъ. И, дѣйствительно, народы –звѣропромышленники постоянно пользуются языкомъ жестовъ и разрабатываютъ его (см. изображ. на стр. 479 п.); но все-таки одного этого преимущества было недостаточно для того, чтобы упрочить побѣду этого способа обмѣна мыслей надъ звуковымъ. Можно еще добавить къ этому, что человѣкъ вообще склоненъ по природѣ выражать свои впечатлѣнія звуками и потому преимущественно пользовался этой естественной способностью и развивалъ ее. Сама эта склонность, какъ пытался доказать Гале, находится въ зависимости отъ весьма незамѣтныхъ особенностей строенія тѣла. Имѣется много весьма близко стоящихъ другъ къ другу животныхъ, которыя весьма неодинаково одарены голосовыми средствами и способностью подражать языку человѣка: есть попугаи, одаренные большой способностью подражать человѣческой рѣчи; но есть также много породъ попугаевъ, которые не въ состояніи выучиться произносить хотя бы одно слово. Обезьяны, самыя близкія къ человѣку созданія, обладаютъ гораздо бо́льшими способностями къ языку жестовъ, чѣмъ къ звуковой рѣчи. Съ другой стороны, мы имѣемъ указанія на то, что наклонность и способность человѣка производить звуки находится въ тѣсной связи съ другими, выработавшимися особенностями: вертикальнымъ положеніемъ тѣла, развитіемъ подбородка и т. д. Первый на связь этихъ признаковъ съ развитіемъ голосовой рѣчи указалъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, хотя, какъ послѣдователь научныхъ воззрѣній своего времени, онъ не могъ разъяснить этой связи при свѣтѣ теоріи развитія. Онъ говоритъ, что „вертикальное положеніе тѣла, невозможное для животныхъ, но присущее человѣку, способствуетъ развитію членораздѣльной рѣчи, и она создана имъ. Рѣчь раздается не для того, чтобы звуки ея пропадали и глохли, падая на землю, она должна слетать съ устъ прямо къ тому, для кого предназначается, выраженіе лица, взглядъ, жесты рукъ и все, чѣмъ человѣкъ выражаетъ свои внутреннія состоянія, должно сопровождать ее".

Сигнальный свистокъ у племени Бали, Камерунъ. Этнографическій музей въ Берлинѣ.

Мы уже знаемъ, что звуковая рѣчь достигла своего высокаго развитія, благодаря нѣкоторымъ второстепеннымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ и естественнымъ преимуществамъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не должны

упускать изъ вида, что рядомъ со звуковымъ языкомъ существовалъ языкъ жестовъ, который игралъ не ничтожную роль рядомъ съ первымъ. Взвѣсивъ эти обстоятельства, мы прійдемъ къ весьма важному заключенію, которое всегда надобно имѣть въ виду, когда заходитъ рѣчь о происхожденіи языка. Несомнѣнно, коренной причиной возникновенія языка является не строеніе человѣческаго тѣла, способствующее развитію любви къ голосовымъ упражненіямъ, а болѣе глубокая, присущая человѣку, потребность. Если-бъ человѣкъ былъ нѣмъ, то эта инстинктивная потребность побудила бы его къ изысканію другого средства общенія между себѣ подобными, и человѣкъ со временемъ дошелъ бы до умѣнья передавать себѣ подобнымъ при помощи этого средства общенія отвлеченныя понятія. Съ этой инстинктивной потребностью, которая лежитъ въ основѣ всякой попытки объясняться между собой, мы познакомились уже при изслѣдованіи костюма. И тамъ человѣкъ своей одеждой и украшеніями говоритъ съ себѣ подобными, хотя нѣмымъ, но понятнымъ языкомъ. Эта же потребность даетъ первый толчокъ къ развитію звуковой рѣчи, и разница между нѣмою и звуковой рѣчью состоитъ лишь въ томъ, что послѣдняя несравненно болѣе способна къ дальнѣйшему развитію. „Первоисточникъ языка,— какъ говоритъ Вундъ,—заключается въ непреоборимой потребности человѣка дѣлиться съ другими своими мыслями и ощущеніями".

Вопросъ о происхожденіи языка слѣдовало бы поставить такъ: какимъ образомъ, подъ вліяніемъ потребности ко взаимному общенію, возникаетъ изъ первобытныхъ грубыхъ звуковъ членораздѣльная рѣчь? Есть два главныхъ метода, дающихъ надежду приблизить насъ къ рѣшенію задачи. При одномъ методѣ изслѣдуютъ зачатки языка у животныхъ, нечленораздѣльные примитивные звуки, издаваемые человѣкомъ, лепетъ дѣтей и нынѣ возникающія новообразованія, другими словами—производятъ наблюденія надъ эмбріонами звуковой рѣчи. При другомъ—подвергаютъ критическому изслѣдованію существующіе языки, выдѣляютъ въ нихъ существенные элементы отъ побочныхъ и въ результатѣ доходятъ до первообразныхъ элементовъ, изъ которыхъ составились нынѣ существующіе языки. При правильномъ веденіи изслѣдованія оба пути должны привести къ одинаковымъ результатамъ, что и послужитъ взаимной провѣркой и доказательствомъ правильности выводовъ. До этого, однако, еще не дошли: между живыми эмбріонами рѣчи и корнями словъ, добытыми при помощи анализа рѣчи, въ извѣстныхъ намъ языкахъ разница настолько велика, что исключаетъ всякую возможность сопоставленія ихъ между собою. На изслѣдованія въ этомъ направленіи затрачена была огромная масса умственнаго труда; но, несмотря на это, въ дѣйствительности, результаты добытые до сихъ поръ, еще далеко не удовлетворительны. Посмотримъ теперь, какъ далеко ушли впередъ изслѣдователи по тому и по другому пути.

При попыткѣ изслѣдованія звукового языка животныхъ, съ цѣлью опредѣленія вѣроятнѣйшихъ зачатковъ того языка, которымъ человѣкъ выражаетъ свои мысли, изслѣдователь уже съ самаго начала встрѣчается съ непредвидѣнными затрудненіями, которыя вынуждаютъ его обратиться къ болѣе тщательному анализу „языковъ животныхъ". Прежде всего слѣдуетъ указать, что многія животныя могутъ издавать звуки безъ помощи гортани, таковы, напримѣръ, призывные клики, выраженія желанія поиграть. Дятелъ съ подобною цѣлью стучитъ клювомъ въ сухой сукъ, отчего, въ концѣ-концовъ, получается звукъ, другія же птицы хлопаютъ крыльями. Кромѣ того, звуки, издаваемые животными, по смыслу своему раздѣляются на различныя группы, какъ это доказываетъ нижеприводимая нами классификація, вѣроятно, еще не вполнѣ исчерпывающая вопросъ.

Въ этихъ звукахъ можно различить слѣдующія категоріи:

I. Непроизвольно производимые, то есть: 1) рефлекторные, вызванные внѣшними стимулами (пріятной или непріятной неожиданностью);

2) сопутствующіе, производимые безъ опредѣленной цѣли при движеніи, при наличности извѣстнаго позыва или настроенія, обнаруженія довольства, страха и т. д.

II. Преднамѣренные, какъ-то: 1) призывные крики самца и самки, предостерегающіе сигналы, крикъ о помощи, угроза, сигналъ къ сбору; 2) звуки при играхъ; 3) перекличка въ стаѣ или стадѣ; 4) общій гомонъ.

Къ сказанному выше нужны нѣкоторыя объясненія. Прежде всего наблюденіе указываетъ, что рефлективнымъ и сопутствующимъ звукамъ можно подражать сознательно, такъ что, можетъ быть, въ нихъ-то и слѣдуетъ искать корней всякой звуковой рѣчи. Намѣренное подражаніе крику ужаса само по себѣ является предостерегающимъ сигналомъ, радостное восклицаніе — призывнымъ кличемъ. Между людьми самые примитивные, непроизвольные звуки получаютъ опредѣленное и осмысленное значеніе. Кашель или кряхтѣніе во многихъ случаяхъ ясно выражаютъ предостереженіе, вызовъ и многое другое. У кафровъ и у сомали вошло въ обычай, чтобы гость, приближаясь къ жилищу, давалъ о себѣ знать хозяину покашливаніемъ.

Сигналъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ: „Кто вы?“ Отвѣтъ: „Пани“. По Маллери. См. текстъ, стр. 477.

Къ ряду преднамѣренныхъ звуковъ принадлежатъ различные призывные сигналы, извѣстные всѣмъ; но выраженія „звуки при играхъ“ и „общій гомонъ“ требуютъ объясненія. Звуки при играхъ, конечно, возникаютъ изъ другихъ, рефлекторныхъ, сопутствующихъ и призывныхъ, но примѣняются они уже въ иномъ значеніи и съ другими цѣлями, — они служатъ здѣсь потребности заявить о себѣ и показать себя или пригласить всѣ наличныя силы къ участію въ игрѣ. Эти приглашенія могутъ выражаться простыми подражаніями звукамъ, имѣющимъ иной первоначальный смыслъ. Молодыя собаки, играя, иногда сердито рычатъ, совершенно не имѣя въ виду грозить кому-нибудь или испугать кого-нибудь. Точно также птицы „пересмѣшники“ начинаютъ подражать голосу другихъ птицъ, а попугаи имитируютъ рѣчь человѣка. Иногда же эти звуки облекаются въ художественныя формы и изъ призывнаго крика самца выходитъ гармоническое пѣніе, и пѣвецъ поетъ для того, чтобы дать знать о себѣ самкѣ, а иногда и безъ всякой практической цѣли, просто для своего удовольствія. Такое развитіе зачатковъ языка путемъ забавы и развлеченія не могло остаться безъ значенія и для возникновенія человѣческой рѣчи. Терминъ „общій гомонъ“ обнимаетъ собою всѣ тѣ звуки, которыми цѣлая группа животныхъ какъ бы выражаетъ свое благодушное настроеніе, вызванное общимъ довольствомъ всей сожительствующей компаніи. Другими словами—этотъ „общій гомонъ“ ведетъ свое начало изъ звуковъ сопутствующихъ. При этомъ можно указать на хоровое рыканіе ревующихъ обезьянъ и, прежде всего, на тотъ оглушающій шумъ, который поднимаютъ разныя птицы, слетаясь стаями въ одно мѣсто; всего легче наблюдать это на воронахъ и галкахъ; но и воробьи по вечерамъ, прежде чѣмъ они не успокоятся среди вѣтвей укромнаго кустарника, добрыя полчаса раздираютъ уши своимъ чириканьемъ, которое, повидимому, вызывается ни чѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ заявить о томъ, что они здѣсь всѣ въ своей компаніи.

Всякому массовому галдѣнію свойственно стремленіе выразить и закрѣпить общее настроеніе, и въ этомъ смыслѣ оно оказывается весьма дѣйствительнымъ средствомъ для поддержки общественныхъ связей, поэтому оно и встрѣчается только у стадныхъ животныхъ. По Эспинасу и „поющія“ рыбы принадлежатъ къ этой группѣ и производимые ими звуки, повидимому, также имѣютъ соціальное значеніе.

Итакъ, имѣются налицо многочисленные зачатки, которые и поодиночкѣ и всѣ вмѣстѣ могутъ считаться первоисточниками языка. Уже почти всѣ изъ нихъ были испробованы для объясненія развитія языка. Одни выводили развитіе языка изъ рефлективныхъ звуковъ, другіе изъ призывныхъ, третьи изъ производимыхъ ради забавы подражаній различнымъ звукамъ, существующимъ въ природѣ. Меньше всего обращалось вниманіе на сопутствующіе звуки и на массовой гомонъ. Причина такого пренебреженія заключается, конечно, въ томъ, что среди культурныхъ народовъ на самомъ дѣлѣ, или, можетъ быть, только повидимому, такой способъ употребленія рѣчи встрѣчается очень рѣдко. Однако, можемъ ли мы на этомъ основаніи, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, признать такое пренебреженіе законнымъ? Нельзя ли, наоборотъ, предположить, что, именно, изъ этихъ группъ звуковъ возникли главные корни языка, при дальнѣйшемъ развитіи которыхъ примитивныя формы оказались излишними и вышли изъ употребленія? Эти соображенія привлекаютъ къ себѣ большее вниманіе еще и тѣмъ, что всѣ попытки объяснить воизникновеніе рѣчи изъ другихъ примитивныхъ формъ звуковыхъ переговоровъ не дали удовлетворительныхъ результатовъ. Кромѣ того, результаты этихъ попытокъ не согласуются съ данными, добытыми другимъ способомъ — изученіемъ анатоміи органовъ рѣчи.

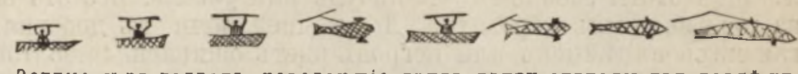
Гипотеза, видящая начало членораздѣльной рѣчи въ междометіяхъ, другими словами въ рефлективныхъ звукахъ и образовавшихся изъ нихъ призывныхъ кликовъ, созданная Кондильякомъ и послѣ него повторявшаяся другими изслѣдователями языка, представляется мало вѣроятной. Безспорно имѣется между употребляющимися и теперь восклицаніями нѣкоторое родство съ многосложными словами; но въ этомъ случаѣ не междометія превратились въ корни словъ и пріобрѣли способность къ дальнѣйшимъ видоизмѣненіямъ, а наоборотъ—междометія образовались изъ сокращенія словъ и фразъ: „еминэ“ образовалось изъ „Jesus domine“; французское „hélas“ происходитъ отъ слова „las“—утомленный, несчастный; англійское „zounds“—сокращеніе клятвенной формулы „раны Господни“. Когда изъ междометій, въ исключительныхъ случаяхъ возникаютъ настоящіе корни словъ, то всегда почти источникомъ является звукоподражаніе; такъ, изъ восклицанія „ach“ въ нѣмецкомъ языкѣ вышло „ächzen“, въ русскомъ изъ того же междометія—„ахать“, „аханье“, отъ „охъ“—„охать“, „оханье“ и т. д. Въ общемъ же, междометія оказываются примитивными восклицаніями, неспособными къ дальнѣйшему развитію. Благодаря развитію рѣчи, и эти восклицанія могутъ пріобрѣсти болѣе осмысленный характеръ, но не болѣе; но для передачи мыслей они служить не могутъ — ихъ область ограничивается только одними ощущеніями. Это подрываетъ всѣ теоріи, которыя въ основѣ исходятъ изъ междометій и выводятъ названія вещей и лицъ изъ рефлективныхъ звуковъ, издаваемыхъ ими, или изъ звуковъ, издаваемыхъ зрителями при видѣ этихъ предметовъ, и считаютъ эти звуки первымъ шагомъ на пути къ созиданію рѣчи.

Другая, родственная первой, серія теорій происхожденія языка, въ насмѣшку названная покойнымъ Максомъ Мюллеромъ теоріей „ваувау“, ищетъ источниковъ развитія рѣчи „въ сознательномъ звукоподражаніи“. Значительное число живыхъ существъ, предметовъ и явленій характеризуются издаваемыми ими или сопровождающими ихъ звуками. Человѣку остается только научиться подражать этимъ звукамъ, и другіе поймутъ говорящаго, особенно если подражательные звуки будутъ сопровождаться

подходящими жестами. Нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что здѣсь передъ нами открывается одинъ изъ источниковъ созданiя рѣчи, хотя не главный, а побочный, однако же — такой, который и понынѣ еще не изсякъ и продолжаетъ творить все новыя и новыя формы; нѣмецкiй языкъ содержитъ цѣлый рядъ звукоподражательныхъ словъ, повидимому, не очень давняго происхожденiя какъ, напримѣръ, kniestern (трещать), knarren (хрустѣть), quietschen (шипѣть), quicken (визжать, пищать) и т. д. Такiя звукоподражательныя слова появляются и теперь, многiя изъ нихъ быстро выходятъ изъ употребленiя, но многiя и остаются.

Звукоподражательныя слова ведутъ свое начало отъ звуковъ, издаваемыхъ ради забавы; весьма характерно, что такiя слова полушутя создаются няньками, когда онѣ болтаютъ съ дѣтьми. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда у дѣтей, заброшенныхъ или одаренныхъ особою способностью создавать свои слова, создается свой языкъ, вмѣсто ожидаемыхъ звукоподражанiй, выступаютъ на первый планъ формы словъ, необъяснимыя путемъ имитацiи звуковъ.

Теорiя непосредственной имитацiи звуковъ уже потому несостоятельна, что существуетъ безконечное множество вещей и представленiй, которыя не характеризуются какимъ-либо звукомъ. Впрочемъ, несмотря на это, Людвигъ Гейзе сумѣлъ воспользоваться этой теорiей крайне оригинальнымъ и весьма остроумнымъ способомъ. Въ основѣ его теорiя заключается въ томъ, что всякому внѣшнему впечатлѣнiю, хотя бы дѣйствующему только на зрѣнiе, соотвѣтствуетъ извѣстное звуковое представленiе и наоборотъ — у особъ, одаренныхъ воспрiимчивостью, опредѣленный звукъ вызываетъ представленiе извѣстнаго цвѣта. Возможно, что эта глубокомысленная и изящная теорiя, при правильномъ и цѣлесообразномъ примѣненiи, разсѣетъ нѣсколько мракъ, окутывающiй происхожденiе корней языка, хотя бы въ той мѣрѣ, въ какой дѣло касается формы ихъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что первобытные народы, какъ и дѣти, живѣе чувствуютъ сродство зрительныхъ и звуковыхъ воспрiятiй, нежели взрослые культурные люди, которыхъ постоянное употребленiе богатой формами и мыслями рѣчи заставило смотрѣть на языкъ съ другой точки зрѣнiя. Мы и теперь можемъ наблюдать ежедневно, что дѣти, безъ какого-либо посторонняго воздѣйствiя, сами изобрѣтаютъ свои названiя вещамъ и лицамъ.

Эскимосы въ лодкахъ, передающiе другъ другу сигналы при ловлѣ китовъ. По Гофману. См. текстъ, стр. 482.

Весьма вѣроятно, что теорiя Гейзе окажется пригодной для разъясненiя образованiя корней, но уже послѣ того, какъ данъ былъ первый толчокъ къ образованiю ихъ. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ она разрѣшитъ только часть загадки. Чтобы подвинуться дальше, мы должны обратиться къ изученiю другихъ формъ звуковъ животныхъ и примитивныхъ звуковъ человѣка. Если междометiя окаменѣли въ своихъ примитивныхъ формахъ, звуки, издаваемые для забавы и развлеченiя, способствовали очень мало образованiю языка, въ истинномъ значенiи этого слова, то что же сталось съ сопровождающими звуками и развившимся изъ нихъ массовымъ гомономъ? Исчезли ли они мало-по-малу или же, наоборотъ, изъ нихъ-то и развился языкъ, какъ средство, дающее возможность членамъ даннаго общества понимать другъ друга? Если вѣрно послѣднее предположенiе, то и въ современномъ языкѣ основныя свойства этихъ звуковъ должны были оставить свои слѣды. Попробуемъ съ этой цѣлью разсмотрѣть рѣчь человѣка безъ какихъ-либо предвзятыхъ взглядовъ.

Повидимому, языкъ служитъ только для того, чтобы сознательно сообщать что-нибудь другимъ. Если я говорю, то желаю этимъ добиться чего-нибудь отъ другого, спросить его о чемъ-нибудь, сообщить ему свои взгляды, на-

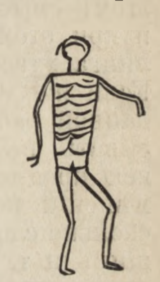
мѣренія, короче сказать—я употребляю языкъ, какъ средство для извѣстной цѣлесообразной дѣятельности. Стало быть, если я не имѣю ничего сообщить, ни спросить, то мнѣ остается только молчать. Кузнецъ бьетъ молотомъ, обрабатывая кусокъ желѣза; покончивъ съ работой, онъ не станетъ безъ толку по цѣлымъ часамъ стучать молотомъ по наковальнѣ. Ткачъ не станетъ хлопать ткацкимъ станкомъ, когда ткать нечего. Сигналы и знаки языка жестовъ (см. изобр. 481 стр.) употребляются только для опредѣленныхъ цѣлей. Пользуемся ли мы, однако, нашимъ звуковымъ языкомъ такимъ же образомъ, то есть, какъ инструментомъ, который мы откладываемъ въ сторону, какъ только достигнутъ извѣстный, желательный результатъ? Ни въ какомъ случаѣ! Если-бъ можно было подвести итогъ тому, что говорилось въ теченіе дня въ какой-нибудь деревнѣ или городѣ, то получился бы удивительный результатъ: оказалось бы, что сумма дѣйствительно или только по видимости пустыхъ разговоровъ получила бы громадный перевѣсъ надъ другими. О чемъ только не говорятъ лишь для того, чтобы только говорить. Примѣрами такой пустой болтовни могутъ служить знаменитые разговоры о погодѣ, гдѣ одинъ сообщаетъ другому, что сегодня дождь идетъ и къ своему удовольствію узнаетъ интересную новость о томъ, что и вчера шелъ дождикъ. Даже и умныя, повидимому, бесѣды объ искусствѣ, литературѣ и т. д. имѣютъ одну только цѣль—провести время, при чемъ ни у говорящихъ ни у слушающихъ нѣтъ ни малѣйшей охоты сообщить что-нибудь или узнать. Все это еще яснѣе видно на первобытныхъ народахъ. До поздней ночи въ деревняхъ южно-американскихъ индѣйцевъ или негровъ идетъ оживленная болтовня, всѣ результаты которой можно выразить въ двухъ фразахъ. Должно быть, однако же, нѣчто такое въ этихъ разговорахъ, что съ лихвою вознаграждаетъ собесѣдниковъ за трудъ безпрерывной и продолжительной болтовни? Вѣроятно, этимъ говореніемъ достигается нѣчто очень цѣнное, дающее чувство внутренняго самоудовлетворенія? Такъ оно и бываетъ на самомъ дѣлѣ: эти бесѣды создаютъ общее настроеніе, которое служитъ главнымъ средствомъ сохраненія и развитія общественной связи и гармоніи. То, что у животныхъ, какъ мы упомянули выше, выражается общимъ, безпорядочнымъ гомономъ, у человѣка достигаетъ болѣе высокой степени развитія, хотя по существу представляетъ собою то же самое. Если животныя безпорядочными криками вызываютъ нѣкоторое общее ощущеніе въ массѣ, то человѣкъ своими разговорами создаетъ гармонію мыслей.

Это одно изъ тѣхъ проявленій дѣйствія рѣчи, значеніе котораго нельзя достаточно оцѣнить. Источники того, что мы называемъ общественнымъ настроеніемъ или также духомъ народа, лежатъ не въ чемъ иномъ, какъ въ потребности людей безпрерывно обмѣниваться своими мыслями и впечатлѣніями. Благодаря рѣчи, сглаживаются постепенно и непрерывно разницы во мнѣніяхъ и взглядахъ людей, рѣчь же создаетъ общее настроеніе, благодаря которому общество получаетъ возможность думать и дѣйствовать, какъ одинъ человѣкъ. Всякое крупное событіе вызываетъ у людей потребность высказываться, и они не успокоятся до тѣхъ поръ, пока этимъ путемъ, не создастся вновь общее настроеніе и не установится общій взглядъ на данное явленіе. Возбужденныя, оживленно бесѣдующія между собой группы, которыя, при такихъ обстоятельствахъ, можно встрѣтить на любомъ перекресткѣ, служатъ классическимъ доказательствомъ этой непреоборимой потребности мѣняться мыслями, присущей человѣку, какъ существу общественному.

Такимъ образомъ, и понынѣ языкъ выполняетъ ту же задачу, для которой у животныхъ общежительныхъ существуетъ массовой гомонъ, въ свою очередь состоящій изъ звуковъ, выражающихъ общее настроеніе и стремленіе. Слѣдующій примѣръ, не говоря уже о хоровомъ пѣніи, укажетъ намъ, насколько общее собесѣдованіе напоминаетъ массовую пере-

кличку животныхъ. Фонъ-Марціусъ сообщаетъ о бразильскихъ индѣйцахъ, что у—нихъ собранія бываютъ при наступленіи ночи... „Передъ совѣщаніемъ ведутся тихіе спокойные разговоры по группамъ. Всѣ одновременно тихо и монотонно тянутъ свои рѣчи, не обращая вниманія — слушаютъ ихъ или нѣтъ... Является глава племени и все моментально смолкаетъ“. У болѣе культурныхъ народовъ этотъ массовой шумъ, выражающій общее настроеніе и поддерживающій его, сказывается въ кликахъ одобренія, шиканьѣ или ропотѣ недовольства. Весьма интересная переходная форма между общимъ говоромъ и рѣчью отдѣльнаго лица встрѣчается у мазуи, на нижнемъ Конго. Тамъ на народныхъ собраніяхъ (палаверъ) или при судебномъ разбирательствѣ ораторъ, высказывая свою мысль, не договариваетъ послѣдняго слова предложенія, — его должны подсказать внимательные слушатели и повторить хоромъ. Кто не исполнитъ этого — изгоняется изъ собранія за невнимательность.

Итакъ, многое говоритъ за то, что общій массовой гомонъ, перекличка и сопутствующіе звуки являются главными первоисточниками языка. Однако же, все, что до сихъ поръ было сказано, не можетъ служить удовлетворительнымъ доказательствомъ этого предположенія. Не говоря уже о доказательствѣ, здѣсь нѣтъ даже и объясненія того, какимъ образомъ изъ безпорядочнаго шума могла развиться членораздѣльная рѣчь? По счастью, здѣсь намъ можетъ подать руку помощи анатомія голосовыхъ органовъ. Въ этой области особенно важное значеніе имѣютъ геніальная открытія Людвига Нуарэ, перебросившія мостъ черезъ пропасть, отдѣлявшую безсвязные звуки отъ члераздѣльной рѣчи.

Знакъ индѣйцевъ-дакота, Сѣв. Америка, означающій бѣдственное положеніе. По Маллери. См. текстъ, стр. 486.

При расчлененіи рѣчи мы, наконецъ, доходимъ до корней, т. е. до неразложимыхъ элементовъ рѣчи. Большого числа такихъ корней мы не находимъ ни въ одномъ языкѣ и въ нихъ мы должны отыскивать древнѣйшіе остатки того языка, который былъ первоначально созданъ творческой дѣятельностью человѣка. Если удастся намъ найти первоначальное значеніе этихъ корней и мы узнаемъ, какія вещи и какія явленія и свойства вещей обозначались ими, то передъ нами выяснится и тотъ путь, которымъ человѣкъ дошелъ до выработки членораздѣльной рѣчи. Если-бъ, напримѣръ, всѣ корни обозначали лица и предметы, то естественно было бы выводить начало языка изъ сопровождающихъ звуковъ или наглядныхъ жестовъ, если же въ нихъ обнаружились бы подражанія голосамъ животныхъ и другимъ звукамъ природы, то главнымъ источникомъ рѣчи оказалась бы способность къ звукоподражанію. Однако, мы не встрѣчаемъ ни того, ни другого. Повидимому, въ большинствѣ случаевъ корни даютъ указанія на дѣятельность человѣка. Первый Лацарусъ Гейеръ указалъ на чрезвычайную важность корней словъ, относящихся къ понятіямъ: скрести, рыться, копать; но онъ тотчасъ же сбился съ прямого пути, принявъ, что видъ скребущаго, роющаго землю животнаго или копающагося въ землѣ вызвалъ первый членораздѣльный крикъ человѣка. Нуарэ былъ счастливѣе. Принявъ открытіе Гейера, онъ расширилъ его, указавъ, что, кромѣ корня, обозначающаго понятіе скрести, царапать, особенно часто встрѣчаются соотвѣтствующія понятіямъ плести, связывать. Послѣ этого уже было нетрудно добраться до истины: древнѣйшіе корни языка указываютъ на дѣятельность человѣка, и они образовались изъ звуковъ, сопровождавшихъ эту дѣятельность. На второстепенной ошибкѣ Нуарэ, заключающейся въ томъ, что онъ примордіальной работой человѣка признаетъ не выкапываніе кореньевъ и клубней, а копаніе норъ въ землѣ, не стоитъ долго останавливаться въ виду высокой важности и правильности его основной мысли.

Но Нуарэ не сторонникъ поспѣшныхъ выводовъ. Дѣйствительно ли на

самомъ дѣлѣ работа людей сопровождалась извѣстными звуками и изъ нихъ, именно, образовались корни словъ? На нашихъ фабрикахъ шумятъ только машины и люди работаютъ молча, крестьяне наши во время полевыхъ работъ тоже не любятъ шумѣть. Почему корни словъ непремѣнно должны обозначать „дѣятельность" человѣка, отчего не результаты дѣятельности или хотя бы рабочіе инструменты?

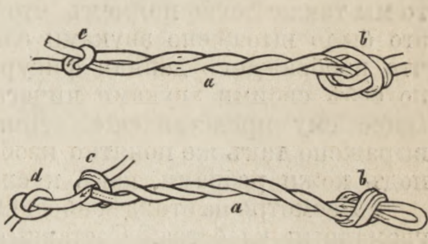
Здѣсь намъ поможетъ другой изслѣдователь, Карлъ Бухеръ, основной трудъ котораго „Arbeit und Rhythmus" намъ уже не одинъ разъ приходилось упоминать. На громадномъ числѣ примѣровъ онъ доказываетъ, что почти всякая коллективная дѣятельность первобытныхъ народовъ и стоящихъ на низшей ступени слоевъ культурныхъ народовъ всегда сопровождается криками. Эти возгласы, изъ сливающихся въ одинъ общій повторяющійся звукъ, не имѣющій никакого смысла, постепенно превращаются въ настоящую „пѣсню рабочей артели" и самымъ нагляднымъ образомъ демонстрируетъ переходъ отъ безпорядочнаго рева къ членораздѣльной рѣчи. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что поэзія и рѣчь возникли одновременно, и при этомъ выясняется въ совершенно новомъ свѣтѣ положеніе Шеллинга, утверждавшаго, что поэзія родилась вмѣстѣ съ человѣческой рѣчью. Если же извѣстный возгласъ вошелъ въ постоянное употребленіе при данной работѣ, то и самое произнесеніе этого возгласа должно было вызывать въ воображеніи картину самой работы и всѣхъ связанныхъ съ нею предметовъ; отсюда уже недалеко было отъ попытки нѣкоторыхъ измѣненій корней. Такимъ путемъ языкъ образуетъ изъ одного корня нѣсколько словъ (напр., изъ глагола „рыть"—рытвина, рытье, ровъ, рыло, рыльщикъ и т. д.), Воззрѣнія Нуарэ подтверждаются и другими изслѣдователями, пришедшими инымъ путемъ къ тѣмъ же результатамъ. Вундъ, напримѣръ, считаетъ предикатъ корнемъ языка, и уже Адамъ Смитъ признавалъ, что первыми словами въ языкѣ были глаголы. Карлъ фонъ денъ Штейненъ замѣтилъ, что индѣйцы верхняго Шингу часто при вопросахъ вводили его въ заблужденіе, котораго трудно было избѣжать: когда онъ спрашивалъ названіе какого-либо предмета, ему часто отвѣчали, къ чему онъ служитъ. Это ясно указываетъ намъ, что и современными первобытными народами живо чувствуется еще, что сущность рѣчи заключается въ словахъ, обозначающихъ дѣйствія.

Чѣмъ обусловливается при работѣ выборъ или происхожденіе тѣхъ или иныхъ звуковъ, изъ которыхъ потомъ образуются слова—до сихъ поръ еще не рѣшено. Иногда это могло быть подражаніемъ звукамъ, происходящимъ отъ самой работы, но мы уже видѣли, что звукоподражанія, вообще, мало способны къ значительной метаморфизаціи. Ихъ можно сравнить съ природными сосудами, доставляемыми растеніями, кокосовыми скорлупами или тыквами. Они годны къ употребленію, ими охотно пользуются, но они и въ малой долѣ неспособны къ такому усовершенствованію, какъ сосуды глиняные или металлическіе, которые человѣкъ можетъ компоновать вполнѣ по своимъ соображеніямъ. Многіе звуки могутъ являться при ритмическихъ выдыханіяхъ воздуха; точно также среди междометій и другихъ уже существовавшихъ звуковъ могъ найтись подходящій для новыхъ цѣлей матеріалъ.

Если всѣ эти данныя не даютъ надлежащаго объясненія, то можно, какъ къ послѣднему средству, прибѣгнуть къ теоріи Гейзе. Несомнѣнно, при этомъ необходимо имѣть въ виду и особенности различныхъ народовъ. Эти особенности и при возникновеніи языка имѣютъ не меньшее значеніе, чѣмъ при дальнѣйшей выработкѣ формъ рѣчи, которая повсюду распадается на различные діалекты и эта дифференціація обусловливается характеромъ и склонностями говорящихъ. Что же касается до дальнѣйшаго разложенія корней словъ на отдѣльныя буквы, то здѣсь нѣтъ надежды на удовлетворительный результатъ, такъ какъ цѣльныя слова не составлялись изъ

искусственнаго соединенія отдѣльныхъ звуковъ. Полное разложеніе словъ на ихъ первичные элементы — какъ думаетъ Германъ Поль — не только крайне трудно, но и совершенно невозможно. Слово — не соединеніе опредѣленнаго числа самостоятельныхъ звуковъ, изъ которыхъ каждый можетъ быть выраженъ знакомъ азбуки, — наоборотъ, оно состоитъ изъ непрерывнаго безконечно-громаднаго ряда звуковъ, и буквенными знаками можно только лишь весьма приблизительно отмѣтить нѣкоторые характерные пункты этого ряда.

Бросимъ взглядъ на добытые уже результаты! Такъ какъ языкъ развился, главнымъ образомъ, изъ звуковъ, сопровождающихъ трудовую дѣятельность, то онъ составляетъ неотъемлемую часть культуры, потому что всякая культура есть результатъ труда. Языкъ — такой же результатъ человѣческой дѣятельности, какъ и всѣ иныя завоеванія культуры, и отъ нихъ онъ отличается только внѣшнимъ образомъ. Повидимому, что можетъ быть общаго между современными зданіями, вродѣ Кельнскаго собора или гигантскаго броненосца, и языкомъ какого-либо народа? — но по ихъ составу, по исторіи ихъ развитія они оказываются родственниками. Они представляютъ собой результаты и содержаніе духовной жизни человѣка, съ тою только разницею, что соборъ построенъ изъ твердыхъ каменныхъ плитъ, а языкъ изъ быстро исчезающихъ звуковъ. Рѣчь надобно создавать наново ежедневно, ежечасно, а соборъ можетъ, неизмѣняя своей формы, пережить тысячелѣтія. Если же, наконецъ, онъ исчезнетъ, но умственныя силы и могущество народа, создавшаго храмъ сохранятся, то такой же храмъ можно будетъ снова воздвигнуть наново, въ любой моментъ. Настоящей жизнью это зданіе живетъ только въ сознаніи своихъ строителей и людей, понимающихъ его красоты и тайны его устройства.

Узлы пекарей въ Баденѣ. По Шуленбургу. Узлы означаютъ мѣру (d) и сортъ муки (a). Прочіе узлы служатъ только, какъ связки.

Вмѣстѣ съ появленіемъ человѣческой рѣчи поднимается борьба между творческими силами и силами инерціи и противодѣйствія, опредѣляющая размѣры и форму культурныхъ завоеваній. У первобытныхъ народовъ задерживающія вліянія еще слишкомъ слабы. Разъ открылся секретъ словеснаго творчества, оно растетъ и развивается безъ удержу и безъ плана и цѣли, какъ выступившій изъ береговъ потокъ. Въ результатѣ возникаетъ бесчисленное множество языковъ и діалектовъ. Постоянно видоизмѣняются формы, запасъ словъ и выраженій быстро растетъ и также быстро созданные слова и обороты выходятъ изъ употребленія. Весьма знаменательно, что на низшихъ ступеняхъ культуры творческія силы человѣка обнаруживаютъ свою мощь, главнымъ образомъ, въ созданіи рѣчи. Мы видимъ, что столь разумно построенные языки европейскихъ культурныхъ народовъ ведутъ свое начало изъ глубины доисторическихъ эпохъ и впослѣдствіи они не только не обогащались новыми формами, но, наоборотъ — упростили свою структуру. Только при высокой культурѣ вырабатываются утвержденныя формы языка; но и высокая культура не въ силахъ задержать появленія нѣкоторыхъ незначительныхъ измѣненій, которыя съ теченіемъ времени могутъ пріобрѣсти важное значеніе. Остановить эти измѣненія культура не можетъ, такъ какъ и она сама измѣняется во времени.

Впрочемъ, и самый бѣдный, неразработанный языкъ все-таки, такъ же, какъ и языки богатые и сформированные, имѣетъ право считаться величайшимъ пріобрѣтеніемъ человѣка среди прочихъ даровъ культуры; хотя, можетъ быть, значеніе языка, какъ культурнаго пріобрѣтенія, иногда и пере-

оцѣниваютъ. Извѣстно вѣдь, что совмѣстная цѣлесообразная дѣятельность существовала раньше, нежели образовался языкъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Несмотря на это, неоспоримо, что изъ всѣхъ культурныхъ пріобрѣтеній языкъ самымъ тѣснымъ образомъ сливается съ мышленіемъ, и это даетъ ему относительное преимущество передъ остальными. Мы сказали относительное на томъ основаніи, что и остальныя культурныя пріобрѣтенія, дома, утварь, костюмы и т. д., представляютъ часть мышленія человѣка, и безъ него они были бы невозможны. Всѣ эти вещи въ видѣ наглядныхъ образовъ хранятся въ нашей памяти. При случаѣ эти образы могутъ быть снова возстановлены въ матеріальныхъ формахъ точно такъ же, какъ и сохранившіяся въ нашей памяти впечатлѣнія отъ рѣчей мы можемъ снова возстановить въ формѣ звуковъ. Какъ уже было сказано, ни одна отрасль культурныхъ пріобрѣтеній не сливается такъ тѣсно съ духовной жизнью, какъ слово. Прибавимъ къ этому, что оно въ высшей степени облегчаетъ формировку отвлеченныхъ понятій и представленій, облекая ихъ какъ бы искусственной плотью. Однако-же и это преимущество только относительное. Если художникъ изобразитъ намъ женщину съ завязанными глазами, вѣсами въ одной и мечемъ въ другой рукѣ, то мы также легко поймемъ, что передъ нами „справедливость", какъ если-бъ это было выражено звуками словъ. Конечно, не всякій догадается сразу, что изображаетъ данная фигура; но вѣдь и слово „справедливость" само по себѣ своими звуками ничего не скажетъ, если неизвѣстно соотвѣтствующее ему представленіе. Для индѣйца понятіе „голодъ" можетъ быть выражено такъ же понятно изображеніемъ человѣка съ выступающими изъ-подъ кожи ребрами, какъ и словами (см. изобр. на стр. 483).

Несмотря на это здѣсь безтѣлесность и схематичность рѣчи представляютъ громадныя удобства. Составныя части словеснаго выраженія не массивная, громоздкая аллегорическая фигура, — ихъ можно соединять, раздѣлять, распространять и сокращать; легкое воздушное зданіе, сложенное изъ такихъ матеріаловъ, можетъ моментально подняться въ высь и также скоро разсыпаться и перестроиться вновь. Сознаніе распоряжается словами такъ же, какъ руки въ высшей степени податливымъ матеріаломъ. Умственная работа создаетъ изъ словъ цѣлый міръ новыхъ представленій точно такъ же, какъ физическая работа создаетъ цѣлый міръ вещей изъ сознательно переработаннаго матеріала. Уже первый звуковой символъ — шагъ къ абстракціи. Языкъ—новое созданіе, стоящее между психическимъ міромъ и природой, — развивается постепенно въ зависимости отъ того, какъ имъ пользуется человѣкъ; но, рѣчь, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сама въ свою очередь опредѣляетъ собою идейный міръ человѣка. Умъ человѣка занятъ не первообразными элементами языка, которые онъ комбинируетъ по своему усмотрѣнію, но уже расчлененіемъ установившихся понятій и группами комплексовъ понятій. Работа эта требуетъ чрезвычайнаго умственнаго напряженія и доступна далеко не всякому. Александръ фонъ Гумбольдтъ очень хорошо высказался о томъ, что „воззрѣнія, выраженныя мѣткимъ и осмысленнымъ словомъ, сразу воплощаются и отливаются въ рѣзкую форму". На такія счастливыя опредѣленія смотрятъ, какъ на даръ всеобщей изобрѣтательности, и они быстро распространяются среди различныхъ классовъ данной національности. Языкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и наслѣдство неисчислимаго рода поколѣній, частица безсмертнаго духа народа и, какъ таковой, онъ имѣетъ непреходящее значеніе.

Примитивные народы живо и сильно ощущаютъ, что въ языкѣ кроется какая-то враждебная сила. Всякое существо, носящее имя, имѣетъ въ немъ нѣчто вродѣ двойника, вторую душу, и произносить это имя вообщее небезопасно, потому что злые люди или враждебные демоны могутъ, зная чье-либо имя, пріобрѣсти власть надъ тѣмъ, кому оно принадлежитъ, Языкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ —воплощеніе воли: выраженія любви или ненависти.

высказанныя словами, обладаютъ припудительной силой. Эти мистическія воззрѣнія на языкъ оказываютъ сильное вліяніе на его развитіе. [1]

Конечно, и безъ участія мистическихъ представленій постоянно происходитъ образованіе новыхъ словъ и передѣлка старыхъ. На примитивныхъ ступеняхъ развитія это дѣлается очень легко, благодаря тому, что запасъ словъ и идей еще не великъ. Языкъ тоже не свободенъ отъ вліянія моды: отдѣльныя личности выдумываютъ какія-нибудь новинки, а другія подражаютъ имъ. Чтобы ознакомиться съ этими вещами, нѣтъ надобности обращаться къ первобытнымъ народамъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Германіи грозила опасность, что ея образованные классы совершенно разучатся правильно произносить букву „р". Вмѣсто нея вдругъ начали ставить аффектированно звонкое „а", — говорили, напримѣръ, mia вмѣсто mir, Vata вмѣсто Vater. Большую заслугу оказалъ въ этомъ случаѣ Фишеръ, который эту скверную поваду, повидимому, шедшую изъ Берлина, сумѣлъ во-время обуздать своей безцеремонной, первобытно-грубой критикой. Здѣсь, повидимому, дѣло началось съ того, что взрослые начали подражать немощному лепету дѣтей, что встрѣчается вовсе не такъ рѣдко, какъ полагаютъ: и на далекихъ островахъ Фиджи въ языкѣ туземцевъ вліяніе языка дѣтей замѣчается въ языкѣ взрослыхъ. Коверканіе языка и причуды вліятельныхъ особъ становятся обязательными для ихъ окружающихъ. Въ одномъ мѣстечкѣ въ Рудныхъ горахъ я наблюдалъ, какъ, по примѣру одной, прикочевавшей изъ Лейпцига дамы, всѣ члены лучшаго общества вдругъ начали произносить букву „к", какъ „г", и это считалось признакомъ „респектабельности". Нѣчто подобное разсказываетъ Карлъ Браунъ объ одномъ нассаускомъ городкѣ. Тамъ обитательницы этого города, по примѣру одной дамы, задавшей тонъ, считали признакомъ высшаго просвѣщенія произносить букву „i" (и) какъ „ü". Несомнѣнно, что такимъ путемъ могутъ развиваться діалекты и передѣлываться языки. Въ строгомъ смыслѣ можно признать, что діалектовъ столько же, сколько говорящихъ людей. Здѣсь неизбѣжно является взаимное воздѣйствіе и своего рода борьба за существованіе, въ которой, какъ и повсюду, побѣда достается болѣе сильному. Большей стойкостью обладаютъ слова, имѣющія многообразное и важное значеніе, слова же, обозначающія только одно какое-нибудь понятіе и притомъ малораспространенныя и потому рѣдко употребляющіяся, очень легко забываются и незамѣтно выходятъ изъ употребленія. Вымираютъ не только слова, но и грамматическія формы и цѣлые обороты, чтобы замѣниться новыми.

a

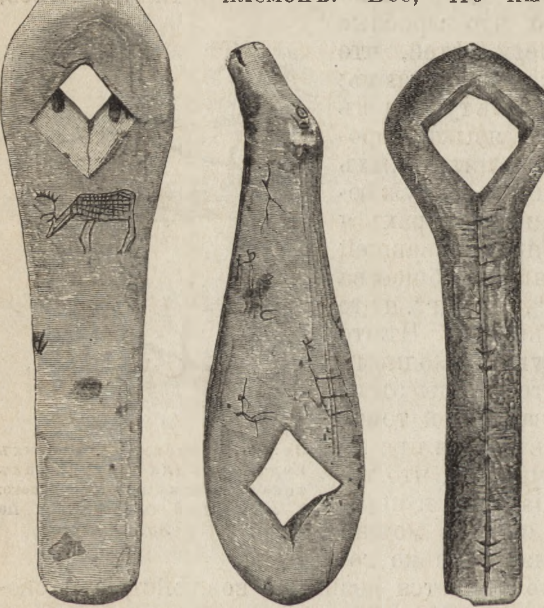
b

Знаки сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ для проходящихъ товарищей: a—я ушелъ недалеко; b—я пять дней въ отсутствіи. По Ярро.

[1] Благодаря этимъ мистическимъ воззрѣніямъ, очень часто не только для лицъ, но и для вещей возникаютъ двойныя имена. Это, вѣроятно, и было источникомъ для развитія тайныхъ и условныхъ языковъ. Въ видѣ одного изъ примѣровъ, которые извѣстны издревле, укажемъ на якутовъ. Якутъ у себя дома, гдѣ хозяева лѣсовъ, горъ и другіе духи мѣстностей, уже знакомы и умиротворены, называетъ всѣ вещи своими именами. Отправляясь въ путь, въ незнакомую мѣстность, гдѣ духи и геніи ему неизвѣстны, и, вѣроятно, враждебны страннику, какъ человѣку чужому, — онъ всѣ свои дорожныя вещи называетъ иначе, напримѣръ, топоръ въ дорогѣ зовется „дятелъ" и т. д. При путешествіяхъ по сѣверной и восточной Азіи не всегда можно быть увѣреннымъ въ томъ, что вамъ дадутъ правильныя названія урочищъ и мѣстностей проводники или мѣстные жители: этимъ можно обезпокоить, разсердить хозяина мѣстности. Добросовѣстные проводники нерѣдко просили меня не спрашивать названія мѣстъ раньше, нежели мы не отойдемъ отъ нихъ на день пути. Бѣдность и однообразіе названій рѣкъ и горъ, можетъ быть, обусловливается не недостаткомъ изобрѣтательности, а опасеніемъ произносить настоящія названія. *Ред.*

У первобытныхъ народовъ часто живыя слова убиваются насильственнымъ образомъ. Если, напримѣръ, какое-нибудь слово служило именемъ покойнику, то произнесеніе этого слова можетъ вызвать душу умершаго, а потому и употреблять этого слова нельзя. Надо на мѣсто него поставить новое. По свидѣтельству Добрицгофера, у абипоновъ Парагвая выдумываніе такихъ новыхъ словъ лежало на обязанности старыхъ женщинъ племени. Изъ этого видно, что звуковой составъ даннаго языка никогда и нигдѣ не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Съ измѣненіемъ въ звукахъ происходятъ и не менѣе важныя измѣненія въ смыслѣ значенія словъ, и это послѣднее, какъ ферментъ, держитъ языкъ въ состояніи непрерывнаго броженія.

Вначалѣ ростъ языка идетъ очень неправильнымъ образомъ, или, выражаясь точнѣе, онъ приспособляется къ одностороннимъ условіямъ существованія примитивныхъ племенъ. Все, что имѣетъ нѣкоторое значеніе въ ихъ жизни, имѣетъ много названій и обозначается точно,—другое, что, по нашимъ понятіямъ, должно было поражать первобытнаго человѣка, почти что не отмѣчается совсѣмъ. Мы здѣсь рядомъ съ рѣдкимъ изобиліемъ видимъ горькую нищету. На Тангаревѣ для каждой стадіи созрѣванія кокосоваго орѣха имѣется особый терминъ. Арабскіе ученые, не побоявшись трудной работы, собрали всѣ названія и обозначенія лошади, меда и другихъ популярныхъ словъ и въ результатѣ получились цѣлые тома списковъ синонимовъ. Въ другихъ отношеніяхъ языки точно также обнаруживаютъ поразительную бѣдность и невыработанность. Этотъ недостатокъ считали возможнымъ объяснять недостаткомъ наблюдательности, но на повѣрку оказалось, что здѣсь просто недостатокъ интереса къ извѣстнымъ вещамъ. Замѣтя неточность въ обозначеніи цвѣтовъ у Гомера, Гладстонъ первый высказалъ мысль, что въ ту пору способность различать краски была еще недостаточно развита, другими словами, тогда отчасти господствовала еще извѣстнаго рода „цвѣтная слѣпота“. Гейгеръ развилъ далѣе эту теорію; но въ настоящее время она признана безусловно несостоятельной. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, при помощи изученія языка возможно опредѣлить тотъ кругъ предметовъ, о которыхъ въ извѣстный періодъ своего существованія народъ имѣлъ ясное представленіе, и о томъ, какъ далеко простиралась его власть надъ внѣшнимъ міромъ.

Ключъ для натягиванія тетивы у эскимосовъ. По Гофману.

Однимъ изобрѣтеніемъ названій еще нельзя создать языка; слѣдующій шагъ заключается въ соподчиненіи и упорядоченіи отдѣльныхъ словъ для образованія изъ нихъ связныхъ предложеній. Можно, однако же, задать вопросъ, въ чемъ заключается эта координація словъ? Нанизываются ли отдѣльныя слова механически, какъ бусы на нитку, или приставляются одно къ другому, какъ игральныя таблички домино? Есть предложенія, состоящія изъ одного слова, смыслъ которыхъ совершенно понятенъ (прочь!

пожаръ! караулъ!) и можно думать, что таковы были первоначальныя предложенія, смыслъ которыхъ пояснялся жестами и выраженіемъ лица. Какъ уже указано было, предложеніе состояло изъ одного сказуемаго, и подлежащее не прямо приставлялось къ нему, но нѣкоторымъ образомъ выросло изъ сказуемаго. Этимъ объясняется, почему въ инкорпорирующихъ (синтетическихъ) языкахъ возникающія составныя части предложенія не отдѣляются другъ отъ друга, а сливаются въ одно гигантское слово. Въ другихъ случаяхъ не было такого нарощенія. Корни, въ своей первоначальной формѣ, стояли раздѣльно и значеніе ихъ опредѣлялось мѣстомъ, которое они занимали въ ряду словъ предложенія. Въ такомъ положеніи и понынѣ находится китайскій языкъ. Въ агглютинивныхъ языкахъ нѣкоторые корни превращаются въ приставки и ими опредѣляется грамматическое значеніе другихъ словъ, при чемъ, однако же, въ этихъ приставкахъ можно распознать первоначальное значеніе ихъ. Въ флективныхъ языкахъ эти бывшія слова совершенно теряютъ свое самостоятельное значеніе и превращаются во вспомогательныя части рѣчи и являются какъ бы отростками флективныхъ словъ.

Гдѣ мало развиты грамматическія формы, недостатокъ ихъ восполняется интонаціей. Въ китайскомъ языкѣ она исполняетъ еще особую службу — она даетъ возможность втрое или вчетверо увеличить число корней. Въ языкѣ Галла интонація является важнымъ подспорьемъ грамматики. И у насъ, по крайней мѣрѣ, вопросительныя и восклицательныя фразы характеризуются интонаціей, хотя также и разстановкой словъ (Мы уже идемъ? Мы идемъ уже? Мы идемъ?). Интонаціи существовали уже тогда, когда языка еще не было. Маленькій птенчикъ, отыскивая свою мать, испускаетъ вопросительные и умоляющіе звуки. Предостерегающій сигналъ матери—въ своемъ родѣ восклицательная фраза.

Іероглифы индѣйцевъ-дакота, Сѣв. Америка. По Маллери.

Въ языкѣ, какъ и въ другихъ областяхъ, мы замѣчаемъ у первобытныхъ народовъ наклонность къ крайностямъ. Нѣкоторые способы выраженія, употребляющіеся изрѣдка или вовсе неизвѣстные въ культурныхъ языкахъ, у примитивныхъ народовъ пріобрѣтаютъ всеобщее распространеніе, подвергаются тщательной разработкѣ. Можно бы во многихъ случаяхъ наши языки построить логичнѣе. Въ нѣмецкомъ, и еще въ большей степени въ семитическихъ языкахъ, перемѣна гласныхъ служитъ для образованія грамматическихъ формъ (singen, sang, gesungen, Sänger). Не считаясь съ историческими и эстетическими соображеніями, можно признать, что послѣдовательное и систематическое проведеніе этого принципа сдѣлало бы нашъ языкъ и проще, и яснѣе. Чтобы найти примѣры такой логической послѣдовательности, нужно обратиться къ первобытнымъ народамъ. У тинеговъ каждая гласная обозначаетъ какое-либо настроеніе или группу понятій, такъ что одинъ уже звукъ даетъ понять, о чемъ идетъ рѣчь. У віолофовъ въ Сенегамбіи имѣется приставка, въ которой однимъ измѣненіемъ гласной опредѣляется разстояніе даннаго предмета, напримѣръ, б а й е - б и означаетъ — отецъ здѣсь, б а й е - б у — отецъ близко, б а й е - б о — отецъ далеко, б а й е - б а — отецъ очень далеко. Мы здѣсь видимъ небольшую логически построенную систему, чего мы тщетно стали бы искать въ арійскихъ языкахъ.

Умственная работа, затрачиваемая на формировку изъ словъ предложеній, образуетъ собою начало логическаго мышленія, и всякое высказанное и признанное правильнымъ предложеніе въ извѣстной мѣрѣ обогащаетъ

новымъ содержаніемъ умъ человѣка. Вначалѣ, однако же, пользованіе новымъ орудіемъ языка усваивается съ трудомъ. Нужно предварительно уже привычные, наглядные образы превратить въ звуковые, научиться узнавать ихъ подъ новой оболочкой, привыкнуть по своему желанію соединять и раздѣлять ихъ и, въ концѣ-концовъ, превращать эти звуковые символы въ невидимыя вещи или отвлеченности. Вначалѣ бываетъ необходимость пользоваться помощью языка жестовъ, при дальнѣйшемъ развитіи его замѣняютъ искусственно созданные наглядные образы въ формѣ картинныхъ или образныхъ словесныхъ выраженій.

Хотя образная рѣчь у насъ и понынѣ пользуется правами полноправнаго гражданства въ поэзіи, но въ обыденной жизни мы къ ней прибѣгаемъ очень рѣдко. Не то у первобытныхъ народовъ — тамъ образная рѣчь служитъ главнымъ средствомъ взаимнаго пониманія. Юнодъ говоритъ, что „умственной особенностью народовъ банту является необычайно живое воображеніе, а также и очень изощренная способность подмѣчать сходныя черты въ различныхъ предметахъ. Негръ очень любитъ картинную, образную рѣчь. Часто у проповѣдника изъ туземцевъ въ его поученіи слышится та же цвѣтистая образная рѣчь, какъ и въ обиходномъ разговорѣ. Часто все его поученіе состоитъ изъ ряда картинъ, неожиданно смѣняющихъ одна другую. Нужно, впрочемъ, прибавить, что часто между этими образами не достаетъ связи: разсудокъ захлебывается и тонетъ въ бурномъ потокѣ льющейся черезъ край фантазіи“.

Многія образныя выраженія и фразы, мѣткость которыхъ признана, становятся частью умственнаго культурнаго достоянія въ видѣ сравненій и главнымъ образомъ пословицъ. Пословицами называются формулы, въ которыхъ народъ запечатлѣваетъ свою мудрость для пользованія ими въ подходящихъ случаяхъ. Пословицы характеризуютъ собою опредѣленную ступень умственнаго развитія. Тэйлоръ уже обратилъ вниманіе на то, что племена на низшей ступени развитія не знаютъ пословицъ; точно также и въ высоко-культурныхъ слояхъ общества ихъ или вовсе нѣтъ или если онѣ сохранились еще въ памяти, то уже потеряли свое значеніе. Весьма кстати у Сервантеса Санхо-Панса уснащаетъ свою рѣчь пословицами а Донъ-Кихотъ воздерживается отъ этихъ вульгарныхъ способовъ формулированія своихъ мыслей. Манера загромождать рѣчь формулами и текстами до лишенія возможности свободно обмѣниваться мыслями и впечатлѣніями мало-по-малу выходитъ изъ употребленія вмѣстѣ съ развитіемъ образованія. Впрочемъ, даже и въ лекціи философскаго содержанія встрѣчаются поговорки и стереотипныя образныя выраженія, которыя можно считать такими же составными частями языка, какъ и отдѣльныя слова.

Въ любомъ живомъ языкѣ идетъ борьба за существованіе между словами и между фразами, подобная же борьба существуетъ между языками разныхъ племенъ и народовъ. Борьба эта идетъ, по большей части, рядомъ съ политическими войнами и побѣдами, но исходъ въ такихъ случаяхъ бываетъ неодинаковый. Завоеватель часто навязываетъ свой языкъ побѣжденнымъ; но удается это только или при болѣе высокомъ развитіи, или при громадномъ численномъ превосходствѣ народа побѣдителя надъ побѣжденнымъ. Въ другихъ случаяхъ языкъ побѣдителя исчезаетъ, и все вліяніе его ограничивается внесеніемъ нѣсколькихъ новыхъ словъ, по преимуществу собственныхъ именъ, въ лексиконъ побѣжденныхъ. Наиболѣе знакомый примѣръ подобнаго явленія мы видимъ въ исчезновеніи германскихъ діалектовъ въ южной Европѣ въ эпоху переселенія народовъ: готы въ Испаніи, лангобарды въ Италіи, франки, а потомъ и норманны — во Франціи не смогли сохранить своихъ языковъ и только немногія собственныя имена, какъ Фридрихъ, Рупрехтъ (Робертъ), Гейнрихъ, Родерихъ (Родриго) и др., стойко сохранились въ чуждыхъ нарѣчіяхъ. Перемѣна первороднаго языка на другой влечетъ за собой неизмѣримо важныя по-

слѣдствія. Новый языкъ даетъ новое содержаніе мысли и присоединяетъ овладѣвшихъ имъ къ чуждой дотолѣ группѣ людей. При этомъ забывается все духовное наслѣдство предковъ и вмѣсто него усвояется новое, что оказываетъ крайне глубокое вліяніе на весь складъ и характеръ человѣка. Чѣмъ меньше будетъ языковъ на свѣтѣ, тѣмъ однообразнѣе будетъ человѣчество.

Нерѣдко случается, что у первобытныхъ народовъ, въ предѣлахъ одного племени уживаются одновременно нѣсколько различныхъ языковъ. Чаще всего встрѣчается, что женщины даннаго племени говорятъ между собою на особомъ языкѣ. Это явленіе впервые было замѣчено у карибовъ Вестъ-Индскихъ острововъ. Его объясняли тѣмъ, что большинство женщинъ были чужеродки, которыхъ добывали себѣ карибы путемъ похищенія или покупки. Насколько удовлетворительно такое объясненіе—опредѣленно рѣшить нельзя. Во всякомъ случаѣ, у многихъ другихъ, совершенно различныхъ, племенъ появляется наклонность между своими соплеменниками создавать особые языки, которые часто отъ общеупотребительнаго отличаются только нѣкоторыми словами и формами рѣчи. Секретный языкъ, понимаемый только вождями и свободными людьми, существуетъ на нижнемъ Конго и, какъ кажется, рядомъ съ нимъ существуетъ особый языкъ жрецовъ. На Самоанскихъ островахъ въ придворномъ языкѣ имѣются особыя названія для цѣлаго ряда вещей, на Гавайскихъ островахъ языкъ привилегированныхъ лицъ измѣнялся отъ времени до времени, чтобы народъ не научился понимать его. Въ Новой Зеландіи у жрецовъ былъ свой особый языкъ.

Иногда секретнымъ языкомъ служилъ какой-нибудь чужестранный или старинный, по какому-нибудь случаю вытѣсненный діалектъ. Въ Вавилоніи, напримѣръ, послѣ распространенія семитическихъ нарѣчій древній сумерійскій языкъ употреблялся жрецами, какъ санскритъ въ Индіи. Латынь въ Европѣ, какъ языкъ ученыхъ и духовенства, до сихъ поръ еще сохраняетъ призрачное существованіе. Вообще же, можно было пользоваться и передѣланнымъ общеупотребительнымъ языкомъ. Наблюденія Эренрейха указываютъ, что и женскіе языки формируются очень часто путемъ передѣлки общераспространеннаго: онъ нашелъ, что женскій діалектъ кирайа отличается болѣе полными формами отъ болѣе наклоннаго къ односложности языка мужчинъ и стало быть представляетъ собою болѣе древнюю форму того же языка. Въ Гвіанѣ у араваковъ Кледенъ нашелъ, что у женщинъ нѣтъ своего языка, и онѣ только пользуются извѣстнымъ количествомъ словъ, которыхъ никогда не употребляютъ мужчины. Какимъ образомъ появляются такія слова—даетъ намъ понять одно замѣчаніе Аплэйярда о кафрахъ. Оказывается, что у кафрскихъ женщинъ часто имѣется значительное количество только ими употребляемыхъ словъ, благодаря тому, что онѣ не имѣютъ права произносить словъ, звуки которыхъ встрѣчаются въ именахъ ихъ родственниковъ мужского пола. Здѣсь, слѣдовательно, идетъ рѣчь объ одномъ изъ примѣровъ тѣхъ умышленныхъ истребленій словъ, благодаря которымъ языки примитивныхъ народовъ постоянно подвергаются передѣлкамъ. Настоящая же причина возникновенія особыхъ говоровъ заключается въ желаніи подчеркнуть также отличіями въ языкѣ свою оригинальность и сознательно или инстинктивно рѣзче обособиться отъ прочихъ. Среди культурныхъ народовъ эта склонность проявляетъ себя такимъ же образомъ: всякая тѣсносвязанная группа создаетъ особыя выраженія, непонятныя для непосвященныхъ, — они встрѣчаются у ремесленниковъ, студентовъ, солдатъ, охотниковъ и, главнымъ образомъ, у мошенниковъ. Въ аристократическихъ кругахъ французскій языкъ пользуется предпочтеніемъ также и потому, что его не понимаютъ ни прислуга, ни простой народъ.

Формированіе новыхъ говоровъ внутри племени или народа представляетъ картину непрерывнаго нагроможденія новоизобрѣтенныхъ словъ. Оно

появляется въ тѣхъ случаяхъ тамъ, гдѣ ни постоянный обмѣнъ, ни обязательныя требованія выражать свои мысли кратко, точно и вразумительно не кладутъ границъ произвольнымъ причудамъ и необузданной фантазіи. Точно также развитіе обмѣна можетъ вызвать появленіе новыхъ діалектовъ, но только совершенно другимъ путемъ. Когда входятъ между собою въ сношенія нѣсколько племенъ, говорящихъ различными языками, то скоро становится невозможнымъ для каждаго усваивать и пользоваться этими языками. Здѣсь снова возникаетъ борьба за существованіе между различными языками и, въ концѣ-концовъ, одинъ изъ нихъ выходитъ побѣдителемъ. Но зато какой громадной цѣной дается побѣда! Растрепанный, изувѣченный, при тощей обглоданной грамматикѣ, начиненный чуждыми словами, онъ является какимъ-то вороньимъ пугаломъ среди своихъ собратій — языковъ. Онъ по отношенію къ своему источнику представляетъ уже новое нарѣчіе, но вполнѣ пригодное для той цѣли, ради которой онъ предназначенъ. Однимъ изъ такихъ языковъ является малайское нарѣчіе Индійскаго архипелага, которое, въ сущности, представляетъ явайскій діалектъ искусственно упрощенный и пополненный словами изъ разныхъ языковъ. Другой примѣръ представляетъ восточный „lingua franca". Въ сѣверо-западной Америкѣ междуплеменнымъ языкомъ служитъ изуродованный чинукскій, въ Бразиліи прежде эту роль исполнялъ языкъ тупи и въ качествѣ lingua Brasilica geral служилъ посредникомъ сношеній между европейцами и индѣйцами.

Чаще всего основою для искусственныхъ языковъ служилъ англійскій. Въ Суринамѣ гернгутерскіе миссіонеры сдѣлали изъ англійскаго „таки-таки", обогативъ его отрывками изъ голландскаго, нѣмецкаго и индѣйскихъ языковъ, на Китайскомъ побережьѣ господствуетъ пейчженъ-энглишъ, другіе отпрыски англійскаго языка встрѣчаются въ западной Африкѣ. Въ Японіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ вполнѣ серьезно заявлено было предложеніе упрощенный англійскій языкъ сдѣлать языкомъ страны. Попытка нелѣпая, но она указываетъ на путь, которымъ, вѣроятно, произошли многія метаморфозы и новообразованія въ языкахъ. Самъ англійскій языкъ не что иное, какъ нижненѣмецкій, испорченный, упрощенный и чрезмѣрно переполненный лексическими позаимствованіями изъ чужихъ языковъ. Другими словами — онъ тоже своего рода lingua franca, очевидно, возникшій подъ сильнымъ ненѣмецкимъ вліяніемъ. Про новороманскіе языки можно сказать то же самое, что и про всякій языкъ, усвоенный цѣлымъ рядомъ народностей, когда-то говорившихъ на разныхъ языкахъ.

Въ общемъ, языкъ тѣмъ долговѣчнѣе, чѣмъ многочисленнѣе группа лицъ, объясняющихся на немъ. Эта стойкость возрастаетъ въ чрезвычайной степени при появленіи письменности, являющейся громадной консервирующей силой. Она, своими непреходящими символами, главнымъ образомъ, буквенными, даетъ неизмѣняемую схему произношенія словъ. Впрочемъ, при изученіи письменности нельзя смотрѣть на нее только, какъ на запись сказаннаго. Письменность имѣетъ и свою самостоятельную жизнь и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что человѣкъ для объясненія съ себѣ подобными, при недоразвитости голосовыхъ средствъ, прибѣгъ бы къ графическому языку. Лишь постепенно письменность становится слугою рѣчи; но термины „языкъ письменный" и „языкъ разговорный" уже указываютъ, что и въ письменности имѣются еще остатки самостоятельной жизни.

Многое, что можно было бы сказать о начаткахъ письменности, лучше отложить до разсмотрѣнія вопроса объ орнаментикѣ, такъ какъ первые шаги письменности гораздо тѣснѣе связаны съ изобразительными искусствами, чѣмъ языкъ съ поэзіей. Мистика также сильнѣе вліяла на письменность, чѣмъ на языкъ. Заклинательныя формулы и изрѣченія пріобрѣли извѣстное значеніе мало-по-малу, между тѣмъ, какъ мистическое отношеніе къ письменности появляется очень рано, гораздо раньше, чѣмъ она достигнетъ болѣе или менѣе полнаго развитія. И такое отношеніе къ ней дер-

жится весьма долго по той причинѣ, что языкомъ владѣетъ всякій, а письменностью далеко не всѣ, и потому взглядъ на нее, какъ на нѣчто таинственное, сохраняется гораздо дольше. Изображенія, изъ которыхъ образовалась большая часть формъ письменности такъ же, какъ и узлы, давшіе также начало нѣкоторымъ видамъ шрифта, считаются волшебными средствами. И въ дѣйствительности у малокультурныхъ народовъ шрифтъ, главнымъ образомъ, примѣняется для такихъ цѣлей, которыя въ нашихъ глазахъ имѣютъ менѣе, чѣмъ второстепенное значеніе. У монголовъ въ старину китайскіе гіероглифы (цзыры) употреблялись исключительно для писанія заклинаній и молитвъ. И въ Суданѣ главный заработокъ письменныхъ людей заключается въ переписываніи на лоскуткахъ бумаги изрѣченій изъ Корана, которыя носятся въ качествѣ очень цѣнныхъ амулетовъ; чернила, которыми написаны эти амулеты, распускаютъ въ водѣ и пьютъ, какъ лекарство отъ разныхъ болѣзней. Сѣверныя руническія письмена, какъ доказываетъ Шрадеръ, первоначально употреблялись для гаданія. Точно также и оригинальный пиктографическій шрифтъ негритосовъ на Малакѣ, изслѣдованный Прейсомъ, главнымъ образомъ, примѣняется для мистическихъ цѣлей и — въ качествѣ второстепеннаго примѣненія— какъ пособіе для памяти. Украшенные волшебными изображеніями, гребни служатъ амулетами противъ болѣзней.

Сигнальный барабанъ изъ Камеруна. Этнографическій музей въ Берлинѣ.

Письменность, главныя цѣли которой служить опорою для памяти и обмѣну мыслей, могла произойти изъ двухъ не очень рѣзко разграниченныхъ между собою источниковъ. Подобно тому какъ жесты можно раздѣлить на условно-указательные и изобразительные, такъ и вспомогательныя средства для запоминанія иногда могутъ находиться внѣ всякой связи или сходства съ той вещью, которую нужно запомнить; въ другихъ случаяхъ они даютъ настоящую картину того, что слѣдуетъ замѣтить. Если посланному дано четыре различныхъ заказа, и онъ для памяти завяжетъ себѣ четыре узелка на веревочкѣ, то онъ употребитъ памятные значки первой категоріи; если же онъ на древесной корѣ нацарапаетъ изображенія заказанныхъ ему вещей — онъ воспользуется памятными знаками второй категоріи. Знаки первой категоріи встрѣчаются часто. У дайяковъ нерѣдко посланецъ для памяти беретъ съ собой нѣсколько листочковъ. Палочки съ зарубками, семейныя и племенныя бирки принадлежатъ къ этой группѣ предметовъ. Изъ этихъ зачатковъ развились узлообразныя письмена, существовавшія въ Китаѣ до изобрѣтенія пиктографическихъ знаковъ. Большаго развитія эти письмена достигли въ Перу; но все-таки не смогли сдѣлаться пригоднымъ орудіемъ для человѣческой мысли. Эти знаки удобны были болѣе для счета, отмѣтки событій, чѣмъ для выраженія мыслей; это было скорѣе вспомогательнымъ средствомъ для статистическихъ и административныхъ регистрацій, чѣмъ орудіемъ свободной дѣятельности человѣческаго духа. Вообще, событія и количественныя отношенія очень хорошо опредѣляются простыми значками (см. изображ. на стр. 487). Впрочемъ, и въ узловой грамотѣ мы встрѣчаемъ переходы къ изобразительной: изобразительные дополнительные придатки естественнымъ образомъ присоединяются къ простымъ знакамъ для дальнѣйшаго облегченія памяти и въ такихъ случаяхъ исчезаетъ разница между двумя видами письменности. Предположимъ, напримѣръ, что кто-нибудь въ теченіе одного дня схоронилъ друга, потерялъ домъ отъ пожара, нашелъ слитокъ золота и въ воспоминаніе объ этихъ событіяхъ въ опредѣленномъ

мѣстѣ положилъ три камня. Вполнѣ естественно и просто было бы, если-бъ смерть друга онъ отмѣтилъ чернымъ, пожаръ краснымъ, а находку золота желтымъ камнемъ. Такимъ же пріемомъ пользовались и при узловой грамотѣ: бѣлые узлы, напримѣръ, обозначали серебро или миръ, красные — войну или воиновъ, желтые—золото, зеленые—маисъ и т. д. Узлы на шнурахъ давали числа, боковые шнурочки—вычеты или особыя дополненія. Дѣлались также перевязки на шнурахъ, чтобы выразить взаимоотношенія.

Такъ называемый языкъ красокъ представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ переходъ къ изобразительному письму. На Востокѣ этотъ способъ переписки имѣетъ нѣкоторое значеніе и, по изслѣдованіямъ Гаммера, служитъ однимъ изъ любимѣйшихъ способовъ сношеній и, какъ изобрѣтеніе женщинъ, служитъ, главнымъ образомъ, для любовной переписки. Не стоило бы и упоминать объ одной игрѣ, еслибъ она не имѣла нѣкотораго своеобразнаго отношенія къ звуковому языку. Играютъ такъ: задается загадка и обыкновенно знакомая строчка извѣстнаго стиха, гдѣ риѳмою служитъ названіе какого-нибудь цвѣта, дающее отгадку. Кромѣ того, языкъ цвѣтовъ пользуется большимъ распространеніемъ въ Малайскомъ архипелагѣ. Ванъ-Офуйзенъ нашелъ возможнымъ у баттаковъ составить настоящую азбуку языка цвѣтовъ, а Кидель нашелъ, что этотъ способъ объясняться пользуется еще и теперь значительнымъ распространеніемъ на Молукскихъ островахъ.

По большей части, письмо, состоящее изъ отмѣтокъ, не идетъ дальше первыхъ шаговъ или же развивается въ томъ направленіи, которое насъ здѣсь интересовать не можетъ: большинство отдѣльныхъ частей костюма принадлежитъ къ этой категоріи, такъ какъ и онѣ представляютъ собою отличительные знаки и даже эти значки-примѣты становится источникомъ особаго рода письменныхъ знаковъ постольку, поскольку они являются выраженіемъ стремленія человѣка показать себя, выдѣлить себя изъ прочихъ, словомъ—охарактеризовать себя. Это стремленіе, вліяніе котораго мы видѣли уже въ процессѣ образованія языка, способствовало и развитію письменности. Отсюда невольно возникаетъ вопросъ, нельзя ли и дальше прослѣдить параллель въ развитіи обоихъ способовъ выражать свои мысли? Можно ли въ области развитія письменности найти явленіе, аналогичное пѣснямъ, сопровождающимъ общую работу, которыя являются главнымъ источникомъ развитія языка? Повидимому, такое параллельное явленіе существуетъ въ дѣйствительности. Всегда и повсюду, гдѣ человѣкъ созидаетъ своимъ трудомъ домашнюю утварь, инструментъ, оружіе, вообще какую-нибудь вещь, у него является наклонность украшать свои произведенія. Для этихъ украшеній первобытный человѣкъ беретъ образцы съ живыхъ существъ, также миѳическихъ животныхъ, боговъ и демоновъ, которыхъ онъ представляетъ себѣ въ видѣ людей или животныхъ, а не какія-нибудь точечки или ничего не изображающія полосы и линіи. Вмѣсто украшенія утвари онъ ей самой придаетъ форму животнаго (см. изобр. на стр. 488). Изъ припѣвовъ и запѣвокъ при работѣ выростаютъ настоящія пѣсни и въ качествѣ пособія для запоминанія, передаются изъ рода въ родъ. Иными словами—изъ произведеній рукъ человѣка возникаетъ параллель къ звуковой рѣчи, — изобразительное письмо, изъ котораго образовались всѣ усовершенствованные виды письменности.

Говоря о работѣ, надобно вспомнить и о забавахъ. Сохраненіе и поддержка воспоминаній часто принимаетъ характеръ развлеченія, — нужно при этомъ бываетъ напомнить что-либо пріятное. Папуасъ, развѣшивающій въ своемъ домикѣ нижнія челюсти съѣденныхъ свиней, глядя на нихъ, вспоминаетъ о былыхъ пирахъ, охотникъ, увѣшиваетъ свой домъ черепами и рогами убитыхъ звѣрей въ качествѣ украшенія. И тотъ и другой при этомъ не имѣютъ въ виду какихъ-либо практическихъ цѣлей, — имъ просто доставляетъ удовольствіе, глядя на эти вещи, вспоминать прошлое. Подобные мотивы могутъ способствовать возникновенію пиктографическаго письма. Прекрасный примѣръ этого мы находимъ у Миклухи-Маклая. Онъ

въ Били-Били, въ заливѣ Астролябія, присутствовалъ на пиршествѣ по случаю спуска на воду двухъ судовъ. Онъ пишетъ, что „когда главный пиръ началъ подходить къ концу, одинъ изъ присутствовавшихъ молодыхъ людей вскочилъ съ мѣста, взялъ уголекъ и на широкомъ бревнѣ, лежавшемъ поблизости, принялся чертить разныя изображенія... Первыя двѣ фигуры, нарисованныя художникомъ, должны были изображать двѣ проа (лодки); онѣ изображены были наполовину спущенными въ воду. Далѣе нарисовано было, какъ люди несутъ двухъ привязанныхъ къ палкамъ свиней, предназначенныхъ для праздничной трапезы, затѣмъ — принадлежности пиршества и въ заключеніе изображены были моя шлюпка, которую можно было узнать по длинному флагу на мачтѣ, два парусныхъ судна съ острова Тіарра и цѣлый рядъ маленькихъ лодокъ, безъ парусовъ, принадлежавшихъ ближайшимъ сосѣдямъ обитателей Били-Били. Все это вмѣстѣ должно было изображать обстановку праздника во время трапезы. Рисунокъ былъ подробно разъясненъ самимъ художникомъ и его пріятелями". Здѣсь передъ нами типичный случай возникновенія пиктографической письменности, которая, несомнѣнно, можетъ быть примѣнена и къ практическимъ цѣлямъ. Если же для обозначенія извѣстныхъ предметовъ будутъ усвоены строго опредѣленные рисунки, понятные для всякаго свѣдущаго человѣка, то этимъ будетъ уже обозначена слѣдующая ступень развитія. Какъ сообщаетъ Царегородскій — у юкагировъ развился любопытный образчикъ такой изобразительной письменности, которая примѣняется только дѣвушками для любовной переписки и маленькихъ записочекъ. Очевидно, главная цѣль этихъ письменъ забава и большого практическаго значенія они не имѣютъ [1].

Настоящее пиктографическое письмо не имѣетъ никакой связи со звуковой рѣчью, — это просто изображенія для запоминанія, объясненіе которыхъ звуковой рѣчью требуетъ нѣсколькихъ предложеній. Для примѣра можно взять отрывокъ изъ „зимняго сказанія Lone-dog: это сказаніе одного индѣйца-дакота, изображенное въ рисункахъ на плащѣ изъ буйволовой кожи. Оно начинается съ зимы 1800 и 1801 гг. и, охватывая періодъ въ 71 годъ, расказываетъ въ отдѣльныхъ картинахъ, что случилось наиболѣе замѣчательнаго въ разныхъ годахъ этого періода, другими словами — это хроника дакота. Первая картина (см. изобр. на стр. 489), относящаяся къ зимѣ 1800—1801 гг., состоитъ изъ 30 штриховъ (см. изобр. a на стр. 489) и обозначаетъ, что тридцать дакота были убиты индѣйцами племени вороны. Эти штрихи — условные знаки и каждый изъ нихъ обозначаетъ смерть одного дакота; второй рисунокъ, сдѣланный красной краской, изображаетъ фигуру человѣка, покрытую красными пятнами; онъ относится къ зимѣ слѣдующихъ двухъ годовъ и объясняетъ, что многіе изъ членовъ рода въ эту зиму умерли отъ оспы. Далѣе слѣдуетъ изображеніе подковы (c), указывающее на кражу лошадей, стоящее рядомъ (d) изображеніе пѣгой лошади тоже указываетъ на конокрадство, и т. д. Письменностью въ настоящемъ смыслѣ слова нельзя еще назвать рисунковъ этой хроники. О настоящей письменности можно говорить только въ томъ случаѣ, когда уже имѣется опредѣленный ключъ для чтенія, изучивъ который можно свободно разбирать все написанное; въ приведенномъ же выше примѣрѣ почти для каждаго отдѣльнаго рисунка надобно заучить особое объясненіе. Только штрихи, обозначающіе смерть соплеменниковъ, можно назвать настоящими письменными знаками, такъ какъ они постоянно повторяются съ тѣмъ же самымъ значеніемъ и въ той же формѣ. Здѣсь мы видимъ начало новаго направленія, слѣдуя которому, достигла высокой степени законченности мексиканская письменность. Тѣмъ же путемъ шло и развитіе китайской пись-

[1]. Послѣ Царегородскаго работы В. Іохельсона указали, что пиктографическія письмена юкагировъ служатъ не для одной узкой цѣли—любовной переписки. Этимъ же способомъ пользуются изображенія охотничьихъ маршрутовъ. Такое же письмо существовало у вогуловъ и даже у русскихъ крестьянъ. *Ред.*

менности, но при этомъ между нею и звуковой рѣчью установилась та тѣсная связь, безъ которой невозможно дальнѣйшее развитіе.

Первоначальная пиктографическая письменность, какъ уже было сказано, не имѣетъ никакой связи съ устной рѣчью: нашу хронику дакота всякій, кто понимаетъ смыслъ изображеній, можетъ объяснить на какомъ угодно языкѣ. Этимъ преимуществомъ обладаетъ и китайская письменность. Благодаря этому, она стала могучимъ связующимъ звеномъ между говорящими разными нарѣчіями обитателями Срединнаго царства, давъ имъ возможность безъ труда поддерживать между собою сношенія. Этимъ еще неисчерпываются достигнутые ею результаты. При помощи этой письменности сталъ возможнымъ письменный обмѣнъ мыслей китайцевъ съ японцами и аннамитами, говорящими на языкахъ, совершенно чуждыхъ китайскому. Для любителей дѣлать фантастическія построенія могло бы служить прекрасной темой — опредѣлить на основаніи вышесказаннаго, насколько и какъ измѣнились бы отношенія между людьми, если-бъ вмѣсто нынѣ непрерывно растущихъ звуковыхъ языковъ, пріобрѣли бы наибольшее развитіе языки графическіе. Въ настоящее время звуковая (устная) рѣчь стала преобладающимъ способомъ объясняться, и только такая система письменности, которая стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ человѣческимъ словомъ, можетъ разчитывать на дальнѣйшее преуспѣяніе.

Эта связь начинается съ того момента, когда, глядя на какое-нибудь изображеніе, человѣкъ не только понимаетъ его смыслъ, но и припоминаетъ названіе изображеннаго. Изображеніе лошади, напримѣръ, можно назвать по-русски конемъ, лошадью, клячей, но въ изобразительномъ письмѣ, приспособленномъ для устнаго чтенія, этому изображенію должно быть усвоено одно какое-нибудь опредѣленное названіе. Если за какимъ-нибудь изображеніемъ закрѣплено извѣстное звуковое значеніе, то изображеніе это входитъ въ составъ другихъ словъ, въ которыхъ имѣются сходныя звуковыя сочетанія. Такимъ образомъ, является возможность пиктографически обозначать слова, которыя только по созвучію напоминаютъ именуемый предметъ, напр., изображеніе женской косы — косу для косьбы, шашка игральная — шашку-оружіе. Этимъ способомъ можно обозначать не только предметы, но и дѣйствія: напримѣръ, знакомъ обозначающимъ существительное „уставъ“ — глагольную форму „уставъ“ отъ глагола устать (утомиться)[1]. Здѣсь письменность вступаетъ на новый путь: наглядныя изображенія могутъ уже служить, безъ всякаго соображенія съ тѣмъ, что они изображаютъ, для передачи звуковъ устной рѣчи, и такимъ путемъ образуется письменность для передачи звуковъ. Положимъ, что намъ нужно написать слово Лейпцигъ, и мы можемъ взять для перваго слога знакъ слова Leib (тѣло), для второго знакъ слова Ziege (коза) Ребусы, состоящіе изъ однихъ изображеній, безъ буквъ могутъ дать ясное представленіе о такомъ способѣ письма, но, конечно, для практическаго примѣненія, по крайней мѣрѣ для флективныхъ языковъ, онъ нуждается въ дальнѣйшей переработкѣ. Для этого слова подвергаются дальнѣйшему расчлененію и прежде всего разбиваются по слогамъ, и для каждаго изъ нихъ установляется особый символъ, образцами которыхъ первоначально служатъ изображенія, заимствованныя изъ пиктографическихъ письменъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ очень часто встрѣчается окончаніе „лих“ — lich, для него весьма удобно было бы воспользоваться знакомъ для слова Licht — свѣтъ; для предлога aus—изъ—изображеніемъ для слова Maus—мышь или Haus — домъ. Повидимому, крайне удобенъ переходъ къ этой высшей формѣ пиктографической письменности въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ народъ заимствуетъ письменность у другого; такимъ путемъ, по мнѣнію Онефальшрихтера, древняя кипрская силлабическая письменность развилась изъ хетит-

[1] Здѣсь мы нѣмецкія созвучныя слова замѣняемъ русскими примѣрами.

скихъ гіероглифовъ. Подобнымъ же образомъ изъ пиктографическихъ письменъ у египтянъ и вавилонянъ развились силлабическія письмена. Что же касается китайцевъ, то при ихъ языкѣ, состоящемъ изъ односложныхъ словъ, не было надобности въ изобрѣтеніи силлабическаго письма. Древнимъ культурнымъ народамъ Запада особенности ихъ языковъ оказали большую услугу. Поразительное явленіе встрѣчаемъ мы въ семитическихъ и хамитическихъ языкахъ, — у нихъ скелетъ словъ состоитъ изъ звуковъ согласныхъ, а гласные имѣютъ второстепенное значеніе и измѣняются во флексіяхъ (для сравненія припомнимъ, что то же самое встрѣчается и въ нѣмецкомъ языкѣ, возьмемъ глаголъ sprechen — говорить — и формы его spricht, gesprochen и существительныя Spruch, Sprache). По этой причинѣ, когда въ Египтѣ отъ изобразительнаго письма отчасти перешли къ силлабическому, были приняты во вниманіе только согласные и вышло такъ, что, напримѣръ, знакъ, изображавшій львиный коготь (kme) могъ обозначать Египетъ (keme), господство, владыку (kom) высоту (koma), такъ какъ во всѣхъ этихъ словахъ составъ согласныхъ одинаковый. Переходъ къ настоящему силлабическому письму или даже къ буквенному осуществляется тогда, когда изъ названія вещи, изображенной пиктографическимъ знакомъ, берется одинъ, обыкновенно первый или послѣдній, слогъ, а остальные въ счетъ не идутъ и не произносятся, и этотъ осколокъ слова присоединяется къ другимъ. При той приверженности къ старинѣ, которой отличался древній Египетъ, эта система не могла быть выдержана до конца, и рядомъ со слоговыми знаками остались въ употребленіи старые идеографическіе и пиктографическіе знаки, почему пришлось выработать очень сложные пріемы для отличенія тѣхъ и другихъ между собою. Благодаря этому, не египтяне, а сосѣдніе народы создали буквенное письмо, ставшее прародительницей европейской письменности. Вавилоняне также не пошли дальше силлабической письменности, и только персы съумѣли свои клинообразныя силлабическія письмена превратить въ буквенныя. Этимъ послѣднимъ изобрѣтеніемъ письменность была вполнѣ подчинена устной рѣчи, стала орудіемъ и дополненіемъ слова.

Исторія письменности, между прочимъ, доказываетъ, насколько невѣрно было бы представленіе о развитіи, какъ о единомъ, непрерывномъ движеніи впередъ. Сознательная склонность изъ хорошаго выбирать лучше и создавать новыя системы письменности появляется повсюду тамъ, гдѣ незнающій грамоты народъ заводитъ у себя письменность, если только есть нѣсколько различныхъ системъ письменности, между которыми можно сдѣлать выборъ. Этотъ матеріалъ для выбора особенно былъ богатъ въ нагорныхъ странахъ средней Азіи, гдѣ образцами могли служить письменности китайская, индійская, персидская, а позднѣе и арабская [1], и тамъ создавалось много шрифтовъ въ теченіе исторической жизни народовъ, но изъ нихъ удержались немногіе. Также и финикійскій алфавитъ, родоначальникъ греческаго и латинскаго, врядъ ли можно считать простой копіей вавилонскаго, египетскаго или хетитскаго; вѣрнѣе, что это письмо на добрую половину результатъ самостоятельнаго творчества, и, если только подтвердятся новѣйшія изслѣдованія ф. Клуге, Фриза и другихъ, то окажется, что этотъ алфавитъ имѣетъ очень сложное прошлое. Появившись на Критѣ, что доказываетъ значеніе нѣкоторыхъ буквъ греческой азбуки (*Α*—*Ἀξίνη*, топоръ. *Μ*—*Μάμμαι*, грудныя железы), онъ вмѣстѣ съ выходцами изъ Крита, вѣроятно, фили-

[1] Къ этому перечню необходимо прибавить еще сирійское письмо эстрангело и древне-тюркское, рунообразное дешифрированное Томсеномъ. Первое послужило прототипомъ для письма уйгурскаго, изъ котораго образовалось и современное монгольское; что же касается рунообразнаго, то происхожденіе его еще не выяснено. Этимъ далеко еще не исчерпываются всѣ виды шрифтовъ нагорной Азіи. Розысканія Петровскаго, Боуера, Гернле, Грюнведеля открыли рядъ новыхъ письменъ въ Затьяншаньскомъ краѣ и кромѣ того, открыты тамъ памятники письменности хотя и писанные знакомыми алфавитами, но на неизвѣстныхъ языкахъ.

стимлянами, попалъ въ Палестину и былъ усвоенъ финикіянами. Переселеніе филистимлянъ подтверждается египетскими извѣстіями, повѣствующими о частыхъ набѣгахъ островитянъ на берега Египта и Сиріи. Отъ финикіянъ этотъ алфавитъ, въ усовершенствованной формѣ, возвратился снова въ Грецію.

Мы видѣли уже, что при началѣ письменности шла борьба между нею и устной рѣчью, которая при иныхъ предшествующихъ обстоятельствахъ могла окончиться побѣдою письма надъ словомъ. Преобладаніе слова въ нашихъ сношеніяхъ между собой и въ нашемъ мышленіи явленіе далеко не столь безусловно необходимое, какъ это кажется. Если мы произносимъ слова при помощи голосовыхъ органовъ нашего тѣла, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что для этой цѣли нельзя воспользоваться другими звуками. По этому поводу весьма полезно познакомиться со способомъ вести разговоръ при помощи барабана, весьма употребительнымъ у негровъ западной Африки. Наивысшаго развитія своего барабанная рѣчь достигла у дуалло въ Камерунѣ, гдѣ она, въ недавнее время, была тщательно изслѣдована Р. Бецомъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ настоящій барабанный языкъ: при помощи его ведутся длинные разговоры, сообщаются свѣдѣнія, грозятъ и ругаются. За оскорбленія на барабанѣ наказываютъ строже, чѣмъ за другія. Разговорный барабанъ (см. изобр. на стр. 493) дѣлается изъ цилиндрическаго куска краснаго дерева длиною около 50 и шириною 25 сантим. По сторонамъ у него выемки отъ 20 до 40 сантим. длиною и въ этихъ мѣстахъ выдолблена внутренность обрубка. По барабану бьютъ легкими деревянными палочками, а такъ какъ стѣнки инструмента не вездѣ одинаковой толщины, то и получается возможность извлекать высокіе и низкіе тона, которые можно бы назвать буквами барабаннаго алфавита. Барабаннымъ тонамъ соотвѣтствуетъ особый устный языкъ, который имѣетъ очень мало точекъ соприкосновенія съ общераспространеннымъ разговорнымъ языкомъ и въ главныхъ чертахъ носитъ самостоятельный характеръ, скорѣе же—представляетъ собою имитацію барабанныхъ звуковъ. Это можно пояснить нѣсколькими примѣрами. На прилагаемыхъ здѣсь нотахъ знаки, заходящіе за нижнюю черту, обозначаютъ низкія, стоящіе надъ чертой—высокія ноты барабана, цифры обозначаютъ четыре мѣста на барабанѣ, по которымъ бьютъ палочками. Тоны, изображенные на нотахъ, въ устной передачѣ произносятся слогами то-го-ло-гу-ло-го-ло-гу-ло, что въ обыкновенной рѣчи соотвѣтствуетъ слову „мадиба“, означающему — воду, море, рѣку; тоны передаются устно, какъ ко-ло-гу-ло-го-ло или то-ло-гу-ло-го-ло, чему въ обыкновенномъ соотвѣтствуютъ слова „бвамбо“, „бамутумбу“ (процессъ, совѣщаніе, дѣйствіе). Такимъ образомъ на барабанномъ языкѣ можно объясняться устно. Изъ словъ какимъ-то удивительнымъ способомъ составляются цѣлыя предложенія, но изъ приводимыхъ Бецомъ примѣровъ нельзя уяснить себѣ сущности дѣла, и задача эта въ высокой степени заслуживаетъ тщательнаго изслѣдованія. У всякаго дуалло есть свое имя на барабанномъ языкѣ, но не всѣ владѣютъ этимъ языкомъ. Барабанные языки встрѣчаются во внутреннемъ Камерунѣ и проникаютъ довольно далеко по Конго. Второй главной областью такихъ инструментальныхъ языковъ служитъ Амазонская низменность; въ другихъ мѣстахъ примѣненіе барабана ограничивается подачей нѣкоторыхъ сигналовъ, къ которымъ подбираютъ извѣстный текстъ, что дѣлаютъ и наши солдаты. Бодвичъ приводитъ нѣсколько подобныхъ сигнальныхъ текстовъ предводителей ашантіевъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: „Теперь, — Ашанти, держись браво“, „Пока живъ я, — худо не будетъ“, „Я великаго царя сынъ“, „Меня никто не смѣетъ обидѣть“. Вѣроятно, и начало барабаннаго разговора началось съ подобныхъ сигналовъ, но потомъ уже самостоятельнымъ и оригинальнымъ путемъ онъ превратился въ особый видъ рѣчи.

Бросивъ ретроспективный взглядъ на первобытную исторію языка, мы откроемъ великую истину, образъ которой при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи духовной культуры будетъ возрастать передъ нами въ своемъ величіи и мощности. Начатки всякой духовной жизни, всякой человѣческой дѣятельности тѣсно переплетаются между собой, какъ сѣть корней въ непроходимомъ лѣсу, такъ что раздѣлять ихъ невозможно и безполезно, хотя нѣкоторые изъ нихъ, возрастая подъ лучами солнца поднимаются надъ остальными. Можно также сравнить развитіе культуры съ горными ручьями, источники которыхъ лежатъ близко другъ къ другу: дѣти одной матери, горной вершины, они растекаются въ разныя стороны, надолго разставшись съ товарищами, и снова соединяются въ мощные водные потоки. Языкъ и поэзія, изобразительныя искусства, религія и науки—берутъ свое начало въ темныхъ загадочныхъ, но мощныхъ потребностяхъ внутренней жизни человѣка и, подобно проростающимъ сѣменамъ растеній, только подъ лучами свѣта вѣчно бодрствующей духовной жизни развиваютъ свою форму, цвѣтъ и индивидуальность.

---

2. Искусство.

Какъ тихій, умиротворящій отблескъ иного, болѣе свободнаго и болѣе чистаго бытія освѣщаетъ искусство своими лучами нашу бѣдную жизнь, съ ея мизерными стремленіями; подъ вліяніемъ творческихъ силъ его, какъ пышные цвѣты, расцвѣтаютъ художественныя созданія; не видать на нихъ слѣдовъ упорной работы разума, и, несмотря на это, они прекрасны, они влекутъ насъ къ себѣ. Развѣ нѣтъ глубокаго смысла въ сравненіи искусства съ цвѣткомъ? Развѣ все живущее и возникающее, все, что ростетъ и зрѣетъ подъ солнцемъ, нельзя признать произведеніемъ искуства по изяществу формы и по прелести красокъ? Развѣ въ безсознательномъ художественномъ творчествѣ природы и въ осмысленныхъ созданіяхъ искуства человѣка не видимъ мы проявленія одной и той же основной силы? Несомнѣнно, послѣдовательный приверженецъ чисто механическаго взгляда на природу отнесется вполнѣ враждебно ко всякой попыткѣ объяснить отличительныя свойства какой-либо вещи изъ ея внутренняго содержанія, а не изъ внѣшнихъ проявленій ея. Дарвинистъ, конечно, съ полнымъ правомъ можетъ осмѣивать наивно-дѣтское мнѣніе о томъ, что цвѣты цвѣтутъ для того, чтобы радовать зрѣніе человѣка. Онъ по этому поводу скажетъ, что вся прелесть цвѣтовъ служитъ для того, чтобы способствовать оплодотворенію растеній при посредствѣ насѣкомыхъ. Несомнѣнно, это заключеніе основательнѣе, оно стоитъ ближе къ истинѣ, но оно объясняетъ этимъ только одну сторону дѣла, а сущность вопроса остается попрежнему загадкой. Почему лишь тогда развертываетъ весь запасъ своихъ художественныхъ силъ растеніе, когда садовникъ облегчитъ ему борьбу за существованіе? Почему, именно, въ тѣхъ условіяхъ, когда избытокъ силъ ищетъ исхода, воздѣйствію ихъ подвергается украшеніе растенія — цвѣтокъ? Почему при этомъ возрастаетъ число безполезныхъ лепестковъ въ ущербъ органамъ размноженія, а розы и фіалки обнаруживаютъ въ широкихъ размѣрахъ наклонность къ измѣненію окраски? Подобныя же явленія обнаруживаются у домашнихъ животныхъ Да и вообще, есть вѣскія основанія въ защиту мнѣнія, утверждающаго, что, чѣмъ труднѣе борьба за существованіе, тѣмъ болѣе подавляется въ организмахъ всегда присущая имъ наклонность къ свободной игрѣ силъ, къ безсознательному художественному творчеству, и наоборотъ она свободно развивается тамъ, гдѣ имѣются къ тому благопріятныя условія, гдѣ не препятствуютъ этому свойства, унаслѣдованныя въ теченіи тысячелѣтій.

Сверхъ того, если пестрота окраски многихъ самцовъ нравится дру-

32*

гому полу и при борьбѣ изъ-за самокъ должна обезпечивать успѣхъ такимъ претендентамъ, то все-таки можно поставить вопросъ, почему эти, вообще, совершенно безполезныя, украшенія нравятся самкамъ? Проявившимся стремленіямъ къ утилитарнымъ измѣненіямъ уже заранѣе обезпеченъ успѣхъ: но одинъ принципъ подбора и въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не въ состояніи выяснить сущности явленія, — онъ имѣетъ здѣсь только вторичное значеніе и вмѣсто рѣшенія вопроса только затемняетъ его.

Итакъ искусство — неотъемлемое проявленіе всякаго созидаемаго природой бытія. Человѣкъ, въ своей творческой дѣятельности, точно такъ же создастъ новыя вещи, какъ его собственное тѣло создаетъ себя изъ обломковъ прежнихъ существованій и въ то же время, вмѣстѣ съ созидательной работой, начинается и художническая дѣятельность человѣка. Въ формахъ какой-либо утвари или снаряда, созданнаго человѣкомъ мы видимъ уже, что при работѣ преслѣдовались не однѣ практическія цѣли, но и эстетическія (см. изобр. на этой стр. и 501) и даже порой эстетическія соображенія ставились на первый планъ въ ущербъ утилитарнымъ (см. изобр. на стр. 502).

Древне-перуанскій глиняный сосудъ. Бременскій музей.

Безъ сомнѣнія нѣтъ другой области въ человѣческой культурѣ, въ которой результаты научныхъ изысканій были настолько шатки и, несмотря на свое обиліе, настолько безплодны, какъ въ искусствѣ. Недостаткомъ проницательности или любви къ дѣлу этого объяснить, конечно, невозможно. Что же это — случайное явленіе? Или, можетъ быть, по существу дѣла всѣ испытанныя и признанныя средства науки не пригодны для изслѣдованія искусства и всѣ измѣренія, вычисленія, расчлененія и опыты обречены на безплодіе? Слѣдуетъ, однако, припомнить, что одинъ могучій источникъ познанія почти еще не затронутъ. Эстетика и исторія искусства занимались почти исключительно законченными образцовыми произведеніями высоко культурныхъ эпохъ и съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ проходили мимо тѣхъ зачаточныхъ проявленій искусства, которыя мы встрѣчаемъ у первобытныхъ народовъ. Благодаря этому, онѣ оставили въ сторонѣ тотъ путь изслѣдованія, который прямѣе всего могъ бы привести къ рѣшенію основныхъ вопросовъ. Въ послѣднее время, однакоже, появились попытки воспользоваться этимъ путемъ. Прежде всего, между ними слѣдуетъ указать на „Исторію искусства всѣхъ временъ и народовъ Карла Верманна“[1], благодаря которой уже многіе предразсудки старой эстетики должны были уступить мѣсто новымъ воззрѣніямъ. Теперь еще очень трудно сказать, разрѣшится ли основная загадка этимъ методомъ, который только отчасти вводитъ насъ въ глубь прошлаго. Вѣроятно, послѣ періода перваго увлеченія и здѣсь наступитъ постепенно періодъ безстрастной критики. Во всякомъ случаѣ, одностороннее увлеченіе грубыми, неумѣлыми и сомнительными произведеніями первоначальнаго искусства и пренебреженіе образцовыми памятниками искусства, на которыхъ прежде сосредоточивалось все вниманіе, будетъ ошибкой, которая не пройдетъ безнаказанно. Односторонняя попытка выяснить сущность явленія только на основаніи зачатковъ его въ результатѣ неизбѣжно приведетъ къ потерѣ той путеводной нити, которая связываетъ эмбріональныя формы искусства со вполнѣ развитыми и законченными. Безъ этой же связи будетъ весьма легко принять явленіе второстепенное, побочное за основное и руководящее.

Въ сущности основное затрудненіе разумнаго пониманія искусства ле-

[1] Имѣется русскій переводъ.

жить не въ недостаткахъ того или иного метода изслѣдованія, а гораздо глубже. Дѣло въ томъ, что зачатки искусства возникли гораздо раньше, чѣмъ появилось на свѣтѣ какое-либо сознаніе. И понынѣ творческія силы свои оно черпаетъ изъ безсознательныхъ инстинктивныхъ стремленій. Насколько мало помогаетъ художественному творчеству разумъ и бодрствующее сознаніе, насколько безразличное значеніе имѣетъ ихъ участіе въ созданіяхъ искусства—лучше всего видно на примѣрѣ музыки. Карлъ Прэль не безъ основанія сравниваетъ процессъ художественнаго творчества съ грезами. Если въ произведеніяхъ искусства культурныхъ народовъ, и прежде всего—въ поэзіи, разумъ и сознаніе повидимому играютъ громадную роль, то это объясняется тѣмъ, что многое, узнанное и изученное, принимаетъ характеръ полусознательнаго, полуинстинктивнаго стремленія и пріобрѣтаетъ способность проявлять себя почти безсознательно, подобно искони присущимъ человѣку душевнымъ движеніямъ.

Поэтъ создаетъ свое произведеніе изъ данныхъ, добытыхъ при помощи разума и сознанія; но твореніе поэта не результатъ логическихъ операцій разума, а проявленіе присущаго автору внутренняго стремленія, требующаго исхода.

Древне-перуанскій глиняный сосудъ съ группой музыкантовъ. Бременскій музей. См. текстъ, стр. 500.

Было бы очень легко просто-напросто окрестить это стремленіе какимъ-нибудь именемъ, положимъ, хоть эстетическимъ инстинктомъ, и затѣмъ отказаться отъ дальнѣйшаго изслѣдованія той силы, начало которой лежитъ далеко за предѣлами человѣческой культуры. Однако же, при этомъ невольно возникаетъ вопросъ: не дастъ ли въ результатѣ, именно въ нашемъ случаѣ, это расчлененіе извѣстной потребности на отдѣльныя категоріи совершенно ложнаго представленія о вопросѣ? Не имѣемъ ли мы здѣсь въ сущности дѣла съ различными проявленіями одной великой исконной потребности, той самой, которую такъ мѣтко назвалъ Шопенгауэръ „волею къ жизни“? Совершенно безразлично при этомъ, выразится ли оно въ половомъ инстинктѣ, въ потребности къ общенію съ себѣ подобнымъ или желаніи выставить себя на видъ,—строго говоря, во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло только съ различными способами проявленія одного и того же влеченія, рвущагося наружу, ищущаго удовлетворенія, стремящагося найти исходъ себѣ. Отдѣльная личность для этого стремленія служитъ только временнымъ, — первымъ попавшимся—случаемъ воплотить, выразить себя. Можетъ быть, именно, въ безсознательныхъ созданіяхъ искусства и выражается всего яснѣе его своеобразіе, потому что здѣсь оно меньше всего подвергается внѣшнимъ вліяніямъ. Вообще же, искусство возникаетъ вмѣстѣ съ первыми проблесками жизни на землѣ. Вѣдь не даромъ же Эрнстъ Геккель, самый видный изъ представителей исчезающаго теперь міросозерцанія, основаннаго исключительно на выводахъ естествознанія, рекомендовалъ нашимъ художникамъ формы низшихъ животныхъ и изящныя раковины въ качествѣ прототиповъ созданій самихъ художниковъ. Изъ этого слѣдуетъ, что изслѣдованіе искусства первобытныхъ и остатковъ культуры доисторическихъ народовъ лучше всего укажетъ намъ, въ какомъ видѣ у людей впервые, при своеобразныхъ условіяхъ нѣкотораго воздѣйствія сознанія, явилось искусство. Что же касается до существа самаго искусства, то въ этомъ вопросѣ ни доисторическая археологія, ни первобытная культура нынѣ существующихъ племенъ намъ не помогутъ... Уже представляетъ большія трудности установленіе общей точки зрѣнія на происхожденіе двухъ категорій искусства, развивающихся у человѣка. Однѣ изъ нихъ выражаются во времени и

въ движенiи—танцы, музыка, поэзiя; другiя, изобразительныя, искусства—въ пространствѣ, формахъ и краскахъ, и между первыми и вторыми крайне мало общаго въ способахъ проявленiя себя. Повидимому они происходятъ изъ очень несходныхъ источниковъ, хотя сущность и тѣхъ и другихъ одинакова, чего доселѣ и никто не пытался отрицать.

Точно также давно уже установлена связь между искусствомъ и забавой, и въ сущности это явленiя одного порядка. Разница же между ними заключается въ томъ, что забава—просто дѣятельность, не имѣющая практической цѣли, а для искусства нужна форма, а на высшихъ ступеняхъ развитiя—и нѣкоторое духовное содержанiе. Было уже много разъ указано, какое громадное значенiе имѣютъ развлеченiя для начальныхъ стадiй развитiя культуры. Игры и развлеченiя можно опредѣлить, какъ разряженiе накопившихся силъ, и въ этомъ смыслѣ онѣ обнаруживаютъ близкое сродство съ безсознательнымъ художественнымъ творчествомъ органической природы. Вѣдь и оно проявляетъ себя всего ярче тамъ, гдѣ менѣе затруднительна борьба за существованiе, или въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она облегчена помощью человѣка. Безъ сомнѣнiя, терминъ „избытокъ силъ“ слѣдуетъ употреблять съ нѣкоторой разборчивостью, потому что наши понятiя о немъ и понятiя первобытныхъ людей весьма различны. Кромѣ того вопросъ объ избыткѣ или недостаткѣ силъ рѣшается личнымъ сознанiемъ каждаго. Изголодавшiйся голый дикарь, наѣвшись до отвала, будетъ послѣ этого танцовать до упаду, хотя, по всей вѣроятности, ему завтра же прiйдется снова положить зубы на полку. По нашимъ понятiямъ у такого субъекта нельзя и подозрѣвать „избытка силъ“, ему бы лучше вмѣсто танцевъ отправиться на поиски пищи, починить свое жилье, завести одежду и т. д.; но страсть къ развлеченiю пересиливаетъ страхъ передъ нуждой.

Глиняный мокассинъ уцуньи, Сѣв. Америка. По Стивенсону.
См. текстъ, стр. 500.

Было бы также не точно опредѣлять стремленiе къ развлеченiямъ, какъ потребность эстетическую. Всякаго рода дѣятельность, всякое проявленiе жизненное можетъ превратиться въ забаву, равнымъ образомъ и изъ игры можетъ выйти серьезное занятiе. На примѣрѣ птицъ мы видимъ, что онѣ при постройкѣ гнѣздъ обнаруживаютъ эстетическiя наклонности, любятъ покричать, почирикать въ компанiи, призывной брачный зовъ обращаютъ въ мелодическiй звукъ, танцуютъ передъ самками, желая плѣнить ихъ. Но это еще не все. Онѣ, вмѣсто того, чтобы добывать пищу, предаются безцѣльнымъ забавамъ, начинаютъ таскать въ одно мѣсто листья съ деревьевъ и потомъ раскладываютъ ихъ или собираютъ пестрые камешки. Легко понять, какимъ образомъ забава переходитъ въ работу. Въ играхъ и забавахъ широкiй просторъ для изобрѣтательности; такимъ путемъ создаются новыя формы жизни и обычаи; потомъ эти изобрѣтенiя входятъ въ жизнь, становятся достоянiемъ культуры. Искусства, выражающiяся въ движенiи, должны какъ можно чаще создавать что-нибудь новое, такъ какъ однообразiе надоѣдаетъ; отсюда уже не далеко до превращенiя забавы въ профессiю, которая по видимости пользуется одинаковыми правами съ производительными отраслями труда. Другимъ способомъ забава переходитъ въ работу, когда игра или развлеченiе является, вмѣстѣ съ тѣмъ, упражненiемъ для развитiя силъ и, по своей привлекательности, доставляетъ удовольствiе и постепенно изъ забавы превращается въ серьезное дѣло.

Въ искусствѣ желанiе жить проявляетъ свою творческую дѣятельность, а потому естественно, что въ половой любви и инстинктѣ размноженiя оно находитъ одну изъ тѣхъ сферъ жизни, въ которыхъ оно воплощается съ наибольшей силой и рельефностью. Эти явленiя служатъ изъ вѣка въ

вѣкъ непреходящей темой для искусства. Роль любви въ искусствѣ настолько громадна, что ее назвали первоисточникомъ всякой художественной дѣятельности. Только искусство могло выяснить чистую возвышенную и идеальную сторону полового инстинкта. Однакоже, примитивная творческая дѣятельность первобытныхъ народовъ не даетъ фактовъ для подтвержденія этихъ воззрѣній. Не мало извѣстно эротическихъ танцевъ, часто циничныхъ выше всякой мѣры, имѣются и пѣсни такого же характера. Въ изобразительномъ искусствѣ половыя примѣты часто выступаютъ въ шаржированныхъ и наивныхъ формахъ; но, несмотря на это, о преобладаніи такихъ сюжетовъ въ первобытномъ искусствѣ не можетъ быть и рѣчи. Военныя и траурныя пляски, пѣсни при работѣ, безчисленныя изображенія предковъ и образовавшіяся изъ послѣднихъ орнаментальныя фигуры не имѣютъ никакой связи съ атрибутами половой жизни, они служатъ для воплощенія другихъ склонностей и инстинктовъ. Даже и столь часто встрѣчающіяся фаллическія изображенія представляютъ собою только рельефно выраженные символы, въ созданіи которыхъ чувственность не играетъ никакой роли. Признаніе вышеизложеннаго положенія значительно облегчаетъ пониманіе своеобразнаго отношенія каждаго изъ половъ къ искусству. Несомнѣнно, у мужчины творческія силы значительнѣе, чѣмъ у женщины; это нагляднѣе всего видно на музыкѣ; а музыка и эротическія волненія, чему доказательствомъ можетъ служить пѣніе птицъ, стоятъ въ наиболѣе близкой связи съ эротикой! Отсюда можно предположить, что превосходство мужчины въ музыкальныхъ способностяхъ стоитъ въ связи съ его ролью въ процессѣ воспроизведенія. Это, однакоже, не даетъ намъ права отказывать женщинамъ въ художественныхъ склонностяхъ и способностяхъ, такъ какъ любовь можно считать важнѣйшей, хотя и не единственной, областью художественнаго творчества. При сравненіи художественныхъ способностей мужчинъ и женщинъ указываютъ на то, что въ первобытныхъ условіяхъ жизни мужчина менѣе обремененъ работой, нежели женщина, и потому онъ, при избыткѣ неизрасходованныхъ силъ, чаще имѣетъ возможность тратить ихъ для своихъ развлеченій; но это соображеніе имѣетъ значеніе второстепенное.

Этимъ, однакоже, не объясняется привлекательность дѣятельности свободной игры силъ, заключающаяся въ томъ, что художественное произведеніе нравится зрителю и вызываетъ въ немъ извѣстнаго рода внутренній подъемъ. Дѣло въ томъ, что всякое искусство имѣетъ способность возбуждать и увлекать, приподнимать настроеніе и въ грубыхъ своихъ формахъ, напримѣръ, въ необузданной пляскѣ, доводить до экстатическаго опьяненія.

Принимая всякое развлеченіе и также всякую художественную дѣятельность, какъ разряженіе накопившихся силъ человѣческаго организма, мы выяснимъ себѣ физіологическую сторону вопроса. Избытокъ силъ удручаетъ человѣка, онѣ требуютъ выхода, и это стремленіе вызываетъ подавленное, угнетенное настроеніе. Однакоже, стоитъ только открыть клапанъ, и тягостное настроеніе замѣнится ощущеніемъ довольства, которое переходитъ иногда въ бурный восторгъ. Отсюда-же становится совершенно понятнымъ, почему работа, т. е. различные виды дѣятельности, вызванные требованіями жизненной необходимости, только въ исключительныхъ случаяхъ доставляютъ удовольствіе. Для развлеченія можно выбрать удобное время, можно прекратить забаву по своему желанію, когда силы уже разряжены и чувство удовольствія притупилось. При работѣ же, по общему правилу, ни начало, ни конецъ ея не предоставляется усмотрѣнію работающихъ. Впрочемъ, при взглядѣ на работу, какъ на занятіе, необходимое для регулированія силъ, трудъ, смѣняющійся отдыхомъ, производитъ такое же освѣжающее впечатлѣніе, какъ и затрата силъ для развлеченія.

Перенося вопросъ въ сферу отношеній духовной жизни, можно сказать, что привлекательность художественной дѣятельности, развлеченій и удовольствій заключается въ ощущеніи чувства свободы. Забитый, запуганный, придавленный нуждою—человѣкъ создаетъ себѣ міръ воздушныхъ замковъ, гдѣ нѣтъ стѣсняющихъ просторъ преградъ, нѣтъ недостижимыхъ желаній, и всѣ житейскія невзгоды и заботы превращаются въ удовольствія. Простодушное и незатѣйливое осуществленіе этихъ мечтаній видимъ мы въ играхъ дѣтей: маленькіе проказники копошатся въ кучѣ песка, и песчинки у нихъ — золотой песокъ и драгоцѣнные камни, лужа — это море, листья съ деревьевъ, упавшіе въ лужу — непобѣдимая армада, пара стеблей травы, воткнутыхъ въ землю — роскошный паркъ; одинъ — предводитель неисчислимой арміи, генералъ, размахиваетъ направо и налѣво своей безобидной саблей, другой — изъ бумаги мастеритъ себѣ королевскую, а можетъ быть, и императорскую корону. Въ сущности и художественная дѣятельность представляетъ собою то же самое, только въ несравненно болѣе высокомъ смыслѣ. Тому, кто способенъ поддаваться обаянію произведеній искусства, оно открываетъ доступъ ко всему высокому и прекрасному, чѣмъ владѣетъ и къ чему стремится человѣкъ. Оно заставляетъ воспріимчиваго человѣка забыть о своей индивидуальности и на нѣсколько мгновеній почувствовать интимную связь свою съ неизмѣримо громаднымъ цѣлымъ, сознавать себя частицей космоса и приподнимать чувство и сознаніе своего бытія и силы до стремленія къ безконечному. Даже въ самыхъ грубыхъ, первобытныхъ зачаткахъ искусства все же есть хотя бы только зародышъ той чарующей силы, которая составляетъ душу искусства. Эту силу можно, не обинуясь, признать за особую форму непосредственнаго познаванія. Хотя эта форма постиженія, имѣющая свой корень въ безсознательныхъ движеніяхъ внутренней жизни, не даетъ такихъ отчетливыхъ результатовъ, какіе получаются отъ другихъ способовъ познаванія, но, несмотря на это, она вліяетъ глубже и убѣдительнѣе, чѣмъ какіе бы то ни было выводы, добытые кропотливой работой разума. Въ старомъ изреченіи „poeta — propheta“ — есть своя доля жизненной правды.

Расширеніе сферы дѣйствія своей личности обнаруживаетъ себя также и другимъ способомъ, который имѣетъ весьма важное значеніе для развитія общественности: всякое художественное начинаніе подымаетъ общее настроеніе и способствуетъ развитію гармоніи чувства въ обществѣ. Всякое искусство заставляетъ подражать чему-нибудь, особенно въ первоначальныхъ стадіяхъ тѣхъ видовъ искусства, которые изображаютъ явленія, состоящія изъ послѣдовательнаго ряда дѣйствій (музыка, танцы, драма). Въ танцахъ, напримѣръ, съ сопровождающей ихъ ритмической музыкой, желаніе принять участіе въ пляскѣ вызываетъ движенія, почти безсознательныя. Здѣсь выступаетъ на сцену „законъ подражанія“ Тарда, или, какъ формулировалъ его Бильротъ — „психо-физіологическій законъ подражательныхъ, заразительныхъ движеній и коллективныхъ ощущеній“. Но всякое ощущеніе общаго гармоническаго настроенія повышаетъ взаимное довѣріе и энергію. Эти соображенія освѣщаютъ съ новой точки зрѣнія вопросъ о значеніи коллективныхъ пѣсенъ при работѣ. Впрочемъ, то же самое замѣчаемъ мы въ изобразительныхъ искусствахъ, когда произведенія ихъ носятъ объединяющій характеръ, каковы, напримѣръ, постройки общинныхъ домовъ и изображенія предковъ, храмы и статуи боговъ. Въ наибольшей мѣрѣ, эта объединяющая сила сохранилась въ музыкѣ—искусствѣ самомъ непосредственномъ, наименѣе поддавшемся разъѣдающему воздѣйствію разума. Къ нему совершенно сознательно прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда желательно вызвать въ массѣ однородное гармоничное настроеніе. Церковный органъ, хоровое пѣніе, бодрящіе мотивы военныхъ маршей, оркестровые прологи къ драматическому представленію, неизбѣжное участіе музыки при всякихъ празднествахъ, торжественныхъ шествіяхъ и

даже на парадныхъ похоронахъ—преслѣдуютъ одну и ту же цѣль. Уже у первобытныхъ народовъ мы видимъ начатки всѣхъ этихъ разнообразныхъ примѣненій музыки (см. изобр. на этой страницѣ). Это приведеніе къ одному знаменателю обычнаго хаоса разнообразныхъ, несовмѣстимыхъ, противоположныхъ и смутныхъ настроеній каждой отдѣльной личности въ массѣ людей, возможно осуществить только благодаря тому, что и въ свободной области искусства господствуетъ извѣстное дисциплинирующее начало. Это начало, наиболѣе ясно выраженное въ музыкѣ и поэзіи, называется ритмомъ. Пожалуй, было бы проще и правильнѣе вмѣсто слова „ритмъ“ поставить „повтореніе“. Вѣдь, въ сущности, всякій ритмъ состоитъ изъ повтореній; но этой замѣны сдѣлать нельзя, потому что не всякое повтореніе можно назвать ритмомъ.

Уже впередъ можно предположить, что повтореніе, какъ въ созданіяхъ органической природы, такъ и искусства, служитъ кореннымъ источникомъ возникновенія формы. Въ органической природѣ нѣтъ ни одного созданія, подобнаго состоящимъ изъ связанныхъ между собою обломковъ гетерогенныхъ матеріаловъ, конгломератамъ и брекчіямъ, образующимъ, какъ учитъ геологія, нѣкоторую часть земной коры. Въ органической природѣ однородныя между собой составныя части группируются другъ съ другомъ, и всѣ организмы въ своемъ строеніи обнаруживаютъ разнообразныя формы симметрическаго строенія. Эти симметрическія формы также являются результатами различныхъ повтореній. Также и всякое художественное произведеніе при своемъ осуществленіи не можетъ обойтись безъ цѣлаго ряда повторныхъ дѣйствій. Изъ этого видно, что и художникъ въ работѣ своей подражаетъ природѣ. Это особенно ясно выражается въ орнаментикѣ и въ искусствахъ, выражающихъ себя въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ дѣйствій, каковы: музыка, танцы и драма. Ритмъ и тактъ, рифмы, созвучія и различныя формы стихотворныхъ размѣровъ, въ сущности, только разнообразныя формы повтореній. Симметріи соотвѣтствуетъ гармонія, одна изъ изящнѣйшихъ формъ повторности. Въ повѣствовательномъ произведеніи она обнаруживается въ строгомъ соотвѣтствіи отдѣльныхъ частей между собою, въ картинѣ она сказывается въ законченности и цѣльности впечатлѣнія, производимаго ею, которое иногда достигается пріемами, почти неуловимыми. Всякое произведеніе искусства представляетъ собою единство, своего рода самостоятельное органическое тѣло.

Айны-музыканты, японскій рисунокъ. По Макъ Ритчи.

Всякое созданіе искусства должно представлять собою органическое тѣло, внѣшнимъ выраженіемъ связи отдѣльныхъ частей котораго должна служить форма; въ этомъ заключается то, что называется художественной правдой, и право художественнаго произведенія на признаніе. Безъ этихъ условій получается всегда нѣчто безформенное, неспособное влiять на другихъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ повтореніе—то же, что утвержденіе. Если мы утверждаемъ, что послѣ молніи бываетъ громъ, что при свѣтѣ солнца становится тепло, то ближайшимъ поводомъ къ такому заключенію послужила постоянная повторяемость этихъ явленій въ извѣстной неизмѣнной послѣдовательности; но до пониманія дѣйствительной связи этихъ событій, мы дошли постепенно впослѣдствіи. Такимъ же способомъ ребенокъ привыкаетъ оріентироваться во внѣшнемъ мірѣ: замѣчая однообразное повтореніе однихъ и тѣхъ же событій въ опредѣленномъ порядкѣ, онъ доходитъ до признанія ихъ связи между собой. Точно также форма въ своихъ непрерывныхъ повтореніяхъ сообщаетъ впервые свободнымъ проявленіямъ фантазіи обликъ реальнаго бытія.

Кромѣ того, повтореніе экономизируетъ трату силъ, что, главнымъ образомъ, и сообщаетъ занятію искусствомъ характеръ свободной дѣятельности и доставляетъ счастіе. Когда человѣкъ занятъ работой, которую невозможно выполнить механически, онъ долженъ внимательно слѣдить за каждымъ своимъ движеніемъ, что требуетъ большаго напряженія духовныхъ силъ, нежели автоматическое повтореніе движеній извѣстнаго танца или пѣніе простой, ритмически повторяющейся мелодіи. Отсюда и происходитъ стремленіе, гдѣ возможно, свести работу къ серіи автоматическихъ движеній и тѣмъ придать ей характеръ развлеченія. Это и достигается удобнѣе всего хоровой пѣсней, въ тактъ съ которой ритмически повторяются движенія работающихъ. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда работа теряетъ свой полуавтоматическій характеръ и ритмъ работы не совпадаетъ съ тактомъ ударовъ инструментовъ, знакомая пѣсня за работой сообщаетъ послѣдней нѣкоторый характеръ развлеченія, любительскаго препровожденія времени, а не профессіональнаго труда. Тамъ же, гдѣ мало-по-малу работа превратилась въ привычку, гдѣ работники не нуждаются уже больше въ какихъ-либо особыхъ пріохочивающихъ къ труду стимулахъ, постепенно выходитъ изъ употребленія пѣсня. Между искусствами, выражающими себя во времени, и работой нѣтъ неразрывной связи; у наименѣе развитыхъ народовъ есть работы, производящіяся безъ пѣсенъ, есть и пѣсни, которыя поются безъ работы.

Погремушка изъ птичьихъ клювовъ, Аляска. Бременскій музей.

Съузимъ теперь кругъ нашихъ изслѣдованій и попытаемся опредѣлить, что имѣется замѣчательнаго въ области искусства у первобытныхъ народовъ. Для облегченія нашего обзора намъ нужно раздѣлить всѣ виды искусства на два типа: искусства, выражающіяся во времени и въ пространствѣ. О томъ же, что всѣ проявленія художественной дѣятельности имѣютъ общаго между собою — достаточно сказано было уже выше.

Всѣ искусства, проявляющія себя во времени, танцы, музыка, поэзія, выросли изъ одного корня: танцы и музыка въ зачаточныхъ формахъ своихъ неотдѣлимы другъ отъ друга, а поэзія, въ формѣ пѣсни, является спутницей первыхъ двухъ и только впослѣдствіи пріобрѣтаетъ самостоятельное и преобладающее значеніе. Сравнительно рано обособляется въ отдѣльную отрасль искусства музыка, между тѣмъ, какъ хореографическое искусство не можетъ обойтись безъ музыки. Самостоятельное значеніе хореографія получаетъ въ пантомимѣ, которая, однакоже, въ большей части случаевъ, переходитъ въ драму, а послѣдняя, въ своихъ первоначальныхъ формахъ, служитъ связующимъ звеномъ между хореографіей и поэзіей.

Хотя первоначально танцы и музыка представляли нѣчто единое, но все-таки танцы,—эта „поэзія тѣлодвиженій“, имѣли, болѣе важное значеніе, нежели сопровождающій ихъ ритмическій шумъ. Первоначально вся музыка состояла изъ хлопанья въ ладоши, ритмическаго стука, позвякиванія оружіемъ, громыханія трещетокъ (см. изображеніе на этой страницѣ) и тому подобныхъ приспособленій. Оба эти вида искусства, прежде всего, служатъ внѣшнимъ выраженіемъ пріятнаго, радостнаго самочувствія компаніи; но можно при помощи ихъ дойти до умѣнья выражать, играя и забавляясь, самыя разнообразныя настроенія. Танецъ пріобрѣтаетъ такое важное значеніе въ общественной жизни, что его иногда олицетворяютъ въ видѣ особаго божества (см. изобр. на стр. 507). Вмѣстѣ съ этимъ весьма важное значеніе имѣетъ характеръ танцевъ, которые въ развитыхъ своихъ формахъ превращаются въ мимическія представленія, такъ что

ихъ лучше всего классифицировать сообразно тому, что они пытаются изобразить.

Глядя на нѣкоторые африканскія пляски, гдѣ каждый изъ участниковъ, не безпокоясь нисколько о другихъ, выдѣлываетъ безобразныя кривлянья, какъ ему вздумается, трудно рѣшить, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло: видимъ ли мы здѣсь примитивную форму пляски, или же это просто недостатокъ эстетическихъ способностей, засвидѣтельствованный многими изслѣдователями? Вообще же, за характерную принадлежность первобытныхъ формъ пляски можно принять совмѣстное выполненіе цѣлой группой, хотя бы самыхъ незамысловатыхъ, движеній. Здѣсь особенное значеніе имѣютъ пляски круговыя и пляски рядами, которыя, впрочемъ, очень часто удерживаются и въ развитомъ хореографическомъ искусствѣ. Ж. де-Прюисенеръ говоритъ, что у динка мужчины въ своихъ пляскахъ разыгрываютъ цѣлыя пантомимы, а пляска женщинъ ограничивается тѣмъ, что онѣ, ставъ въ кружокъ, вертятся, дѣлая неуклюжіе прыжки. Проѣзжая черезъ одну непріятельскую деревню близъ устья Бюссера, нѣчто подобное видѣлъ фонъ Франсуа: мужчины, вооруженные луками, копьями и щитами, съ воинственнымъ азартомъ выступали въ боевомъ порядкѣ, а женщины танцовали на берегу рѣки, образовавъ полукругъ, обращенный открытой стороной къ рѣкѣ, и подпѣвали—„сюда идите, стрѣлы несите“!

Богъ пляски, Кисаръ, Индонезія. По Плейту. См. текстъ, стр. 506.

На берегу Лоанго Деграндепрэ видѣлъ крайне простой погребальный танецъ. Центральный пунктъ церемоніи представлялъ трупъ покойника. Около него ходили въ круговую женщины, вращаясь въ то же время около себя; къ нимъ отъ времени до времени присоединялись другія, пока не составился громадный кругъ, вращавшійся вокругъ мертвеца. Штульманъ нерѣдко видалъ въ странѣ букобо танецъ, подобный вышеописанному, который служилъ выраженіемъ радостнаго настроенія. Послѣ работы люди собирались въ кружокъ и вертѣлись одинъ за другимъ и при каждомъ шагѣ дѣлали четверть оборота круга впередъ и потомъ назадъ, при чемъ непостижимымъ образомъ ухитрялись закладывать ноги одну за другую. Погге видѣлъ, при прибытіи одного каравана въ Кіото, круговой танецъ женщинъ; онѣ при этомъ неистово размахивали руками и конвульсивно кривлялись.

Эти простыя формы танцевъ способны къ дальнѣйшимъ варіаціямъ. На берегу Лоанго центромъ кругового танца служилъ трупъ покойника; но въ другихъ случаяхъ мѣсто трупа могутъ занимать другія лица и вещи. Въ одномъ изъ любимѣйшихъ танцевъ негритосовъ въ центрѣ круга стоятъ нѣсколько дѣвушекъ и ихъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ мужчины, держащіе другъ друга за пояса. Въ танцахъ въ честь одержанной побѣды у многихъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ въ срединѣ круга стоялъ столбъ съ привязаннымъ къ нему плѣнникомъ. Вмѣсто плѣнника впослѣдствіи, по показаніямъ Гекевельдера, ставился только раскрашенный столбъ, къ этому столбу обращались съ угрозами и наносили ему удары. Въ тѣхъ случаяхъ, когда пляшущіе перестаютъ сами выбивать тактъ, чаще всего въ центрѣ помѣщается оркестръ. Точно также нерѣдко простая круговая пляска служитъ прологомъ или антрактомъ къ мимическому представленію, какъ это наблюдалъ Бухта у шиллуковъ: танцоры очень долго бѣгали въ круговую подъ тактъ пѣсни, которую сами пѣли, а потомъ раздѣлились на двѣ партіи и устроили нѣчто вродѣ примѣрнаго сраженія. Замѣчательно, что женщины и въ этомъ случаѣ удержали почти безъ измѣненія простѣйшую форму танца: онѣ вращались въ тѣсномъ

кругѣ, дѣлая всякія движенія бедрами около стоявшей въ срединѣ ихъ барабанщицы. Переходомъ къ высшимъ формамъ танцевъ служитъ появленіе дирижеровъ. По сообщеніямъ Паркинсона, на Новобританскихъ островахъ, танцоры становятся попарно другъ за другомъ и подражаютъ движеніямъ передней пары.

Круговымъ и рядовымъ танцамъ, въ которыхъ главную роль играютъ движенія ногъ, противополагаются другіе, гдѣ преобладаютъ вращенія и колебанія верхней половины тѣла и размахиванія руками. Въ этихъ случаяхъ нерѣдко гармонія движеній облегчается указаніями дирижерской булавы или жезла (см. изобр. на стр. 509). Преобладаніе тѣхъ или другихъ формъ танцевъ имѣетъ важное значеніе для этнографіи. Классической областью танцевъ позъ[1] служатъ страны Востока, Индія и Индонезія: большая часть національныхъ испанскихъ танцевъ принадлежитъ къ этой-же группѣ. Танцы позъ мало приспособлены къ тому, чтобы увлечь за собой присутствующихъ; они имѣютъ главной цѣлью плѣнять зрителей. Благодаря этому они сильно способствуютъ возникновенію профессіональныхъ танцоровъ и танцовщицъ. И въ другихъ случаяхъ предпочитаютъ выставлять немногихъ танцоровъ для удовольствія зрителей. Въ то время, когда одна партія танцуетъ, другая отдыхаетъ. Или же выступаютъ, чтобы показать свое искусство, отдѣльныя группы, напримѣръ, воины или молодыя дѣвушки (ср. табл.: „Танецъ дѣвушекъ на Гапаи“ и изоб. на стр. 80), или же, въ то время какъ одни пляшутъ, остальные зрители подпѣваютъ, бьютъ тактъ въ ладоши, представляя собою примитивный оркестръ.

При обзорѣ этихъ разнообразныхъ формъ развитія пляски, мы знакомимся здѣсь съ разными способами усовершенствованія искусства и наслажденія искусствомъ. Танцоры передней пары, дирижеры — натуры творческія, остальные участники, подражающіе новоизобрѣтеннымъ или повторяющіе старые танцы, только исполнители или воспроизводители созданнаго другими, затѣмъ слѣдуютъ зрители, которые только наслаждаются и воспринимаютъ совершаемое другими. Они образуютъ противоположный полюсъ изобрѣтателямъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ женскую антитезу творческой мужской силѣ—два элемента, изъ которыхъ каждый поодиночкѣ, безъ другого, не могъ бы упрочить своего существованія. Только повидимому на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія эти три категоріи субъектовъ, причастныхъ къ искусству, сливаются; но это только повидимому; вѣдь и самый примитивный танецъ долженъ же былъ изобрѣсти кто-нибудь, долженъ же былъ, кто-нибудь дать первый толчокъ къ изобрѣтенію и незамѣтно для другихъ руководить всей выдумкой. И танцы, какъ и другія произведенія искусства, въ предѣлахъ и условіяхъ жизни даннаго сложившагося общества, безконечно долговѣчнѣе самихъ изобрѣтателей и творцовъ.

Вообще, танцы безусловно наименѣе удобная форма искусства для воспроизведенія въ словѣ или изображеніи. Только со времени изобрѣтенія кинематографа открылась возможность детальнаго изученія танцевъ, и можно надѣяться, что сравнительная этнологія современемъ, при помощи этого приспособленія, дастъ намъ рядъ богатыхъ результатовъ. Аудиторіи будущихъ университетовъ будутъ снабжены этимъ инструментомъ со всѣми необходимыми приспособленіями; но это все — дѣло будущаго. Теперь же и сама сравнительная этнологія еще не считается наукой и, за немногими исключеніями, не имѣетъ ни аудиторій, ни преподавателей. Пока кинематографы еще слишкомъ дороги и, благодаря этому, почти недоступны для научныхъ цѣлей и изученіе формъ хореографическихъ движе-

---

[1] Для второй группы танцевъ Шурцъ изобрѣтаетъ терминъ Armtanzen. Мы назвали ихъ т а н е ц ъ п о з ъ, такъ какъ буквальная передача термина автора невозможна по русски, и терминъ этотъ не передаетъ сущности дѣла. Въ этихъ танцахъ руки далеко не всегда играютъ главную роль, а чаще—движенія корпуса, жесты рукъ только дополняютъ движенія верхней части тѣла. *Ред.*

ній невозможно; зато весьма благодарные результаты даетъ намъ обзоръ танцевъ съ точки зрѣнія внутренняго смысла ихъ.

Такъ какъ основнымъ источникомъ занятій искусствомъ является инстинктъ, стало быть, безсознательное влеченіе, то въ этого рода дѣятельности наличность чего-либо преднамѣреннаго, придуманнаго не составляетъ необходимаго условія. Несмотря на это, и въ искусствѣ сознательность очень скоро пріобрѣтаетъ руководящее вліяніе. Не говоря о другихъ формахъ искусства, даже въ музыкѣ, основная задача которой заключается въ передачѣ настроеній — и тамъ, въ той отрасли музыки, которая неудачно названа „программной", а также въ оперныхъ композиціяхъ искусству волей, неволей приходится считаться съ требованіями сознанія. Танцы точно также, уже въ очень раннюю пору развитія, подвергаются той же участи. Первоначально пляской выражаются только инстинктивныя воспріятія, другими словами, элементарныя эмоціи, какъ напр., радость, печаль, злоба, любовь и т. д. Затѣмъ пляски превращаются постепенно въ мимическія представленія, въ которыхъ уже невозможно безъ сознательныхъ наблюденій разныхъ событій изображать ихъ пляской. Такимъ образомъ, пляски можно раздѣлить на эмоціональныя и мимическія.

Плясовая палица изъ краснаго камня на верхнемъ Миссури. По фотографіи. См. текстъ, стр. 508.

Элементарное ощущеніе радости бытія, къ которому у человѣка примѣшивается всегда увѣренность въ томъ, что это ощущеніе испытываютъ другіе, является источникомъ возникновенія значительнаго количества различныхъ танцевъ и притомъ самыхъ примитивныхъ. Музыку, сопровождающую эти танцы, представляютъ или разныя восклицанія, наполовину непроизвольные, или тотъ общій гомонъ, который мы признали главнымъ источникомъ рѣчи. Иногда, чтобы разрядить избытокъ накопившейся энергіи, танцы переходятъ въ какіе-то странные поединки. Денгамъ видѣлъ, какъ въ Кука въ одной пляскѣ женщины подъ конецъ, раздѣвшись, попарно съ разбѣга съ такою силою толкали другъ друга задами, что одна изъ двухъ непремѣнно падала на землю. Кемпбель видѣлъ подобный же финалъ одного танца у бечуановъ: мужчина и женщина бѣжали навстрѣчу другъ къ другу и стукали лбами. Общее удовольствіе возбуждали тѣ случаи, когда женщина сбивала съ ногъ мужчину. Другіе танцы, начинающіеся съ медленныхъ движеній и постепенно переходящіе къ болѣе и болѣе быстрымъ, пока танцоры не дойдутъ до полнаго изнеможенія, производятъ на участниковъ опьяняющее дѣйствіе или вызываютъ особаго рода экстазъ. Пляски дервишей сознательно приспособлены къ этой цѣли и онѣ же, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляютъ собою дѣйствіе религіозное.

Оставляя въ сторонѣ вышеуказанные излишества, пляска является любимымъ способомъ использовать во-всю какое-нибудь радостное или важное событіе, продлить кратковременное удовольствіе и устроить себѣ нѣкоторое занятіе во время скучныхъ праздниковъ и общественныхъ сборищъ.

Эмоціональные танцы часто переходятъ въ мимическіе, когда данное настроеніе пытаются пояснять соотвѣтствующими дѣйствіями; танцы любовные и военные особенно легко поддаются такому превращенію. Въ эротическихъ танцахъ предпочтительно останавливаются на изображеніи ухаживанія. Комитанъ, танецъ Тагаловъ, исполняемый въ $^{3}/_{4}$ или $^{6}/_{8}$ такта, изображаетъ полную картину развитія любовной страсти съ первыхъ ея зачатковъ до энергичнаго домогательства взаимности. Впрочемъ, бываютъ случаи когда и серьезно задуманныя объясненія въ любви выражаются въ

формѣ танца, что наблюдалъ Делапортъ въ странѣ Лаосовъ (Задняя Индія). Здѣсь мы видимъ интересный переходъ отъ забавы къ серьезному дѣлу, примѣръ чего мы уже видѣли въ рабочей пѣснѣ. Многіе эротическіе танцы первобытныхъ народовъ крайне циничны и въ культурномъ человѣкѣ возбуждаютъ чувство отвращенія; но уже Вильсонъ, описывая танцы таитянъ, сдѣлалъ оговорку, что фривольности этихъ танцевъ не даютъ намъ права судить о реальныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Въ танцахъ и любовь трактуется, какъ забава, и всѣ шаржи и преувеличенія въ сущности имѣютъ весьма безобидный характеръ. Чтобы признать это, нужно обращаться не къ танцамъ таитянъ, а къ нашимъ обычнымъ европейскимъ танцамъ, въ которыхъ всегда ясно выступаетъ эротическій элементъ. Ни костюмы дамъ, ни обращеніе между собою участвующихъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что мы видимъ среди повседневныхъ сношеній въ обществѣ, и то, что считается вполнѣ приличнымъ и допустимымъ во время танцевъ, вызвало бы законное осужденіе внѣ бальной залы.

Конечно, танцы, какъ дѣйствіе, сильно приподнимающее настроеніе, вещь не всегда безразличная, и на самомъ дѣлѣ это развлеченіе иногда вырождается въ разнузданную оргію, какъ это, среди другихъ подобныхъ фактовъ, констатировалъ Клозель у байя, во Внутреннемъ Камерунѣ. Въ Индостанѣ, у мунда-коль, по сообщеніямъ миссіонера Эллинггоуда, многія танцы пріобрѣли настолько безстыдный характеръ, что лучшая часть населенія совершенно отказалась отъ нихъ.

Военные танцы также часто переходятъ въ пантомимы, а иногда и въ настоящую драку. Военный танецъ можетъ, конечно, служить самъ по себѣ развлеченіемъ; но нерѣдко, помимо этой прямой цѣли, могутъ имѣть здѣсь мѣсто и другіе мотивы. Исполненіе военнаго танца можетъ имѣть цѣлью освѣженіе воспоминаній о былыхъ битвахъ или, въ качествѣ сильнаго средства, возбудить воинственное настроеніе передъ сраженіемъ. Именно, въ первомъ случаѣ военный танецъ легко переходитъ въ пантомиму; по крайней мѣрѣ, здѣсь почти всегда выдѣляются нѣсколько паръ и устраиваютъ примѣрное сраженіе. Висманнъ описываетъ танецъ бакуба, который изображалъ всѣ перипетіи одной крупной битвы. „Съ вызывающимъ видомъ, съ ружьями наготовѣ сходятся два отряда другъ противъ друга и расходятся въ противоположныя стороны, нѣкоторые выскакиваютъ впередъ, прицѣливаются и стрѣляютъ въ воздухъ, затѣмъ быстро ускользаютъ къ своимъ. Съ воинственными кликами противники бросаются другъ на друга, завязывается рукопашная схватка, въ которой одинъ у другого старается отнять оружіе". Вѣроятно, военный танецъ, гораздо чаще, чѣмъ для мимическихъ воспроизведеній прошлаго, примѣняется въ качествѣ средства вызвать боевое настроеніе передъ настоящимъ сраженіемъ. Этотъ обычай существуетъ почти у всѣхъ первобытныхъ народовъ: иногда воины пляшутъ передъ непріятелемъ или же, то грозя, то издѣваясь надъ нимъ, стараются вызвать его на бой. Съ психологической точки зрѣнія весьма интересны случаи, когда простой военный танецъ переходитъ въ серьезную схватку, благодаря тому, что самъ танецъ разжигаетъ въ участникахъ бѣшеную ярость, которая разражается въ безумной потѣхѣ истребленія и разрушенія. На островѣ Тринидадѣ разразилось совершенно нечаянно возстаніе индѣйцевъ, поводомъ къ которому послужилъ военный танецъ на праздникѣ, на которомъ въ качествѣ зрителей присутствовало много испанцевъ. Танцоры бросились на своихъ притѣснителей и искрошили ихъ всѣхъ въ куски. Генрихъ Бартъ, присутствовавшій при исполненіи военнаго танца въ Агадѣ (Сахара), съ трудомъ избавился отъ подобной участи.

Мимическіе танцы, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, отчасти представляютъ аналогію съ чисто подражательными воспроизведеніями природы

въ искусствахъ изобразительныхъ. Съ особенной любовью танцы примитивныхъ народовъ воспроизводятъ движенiя, манеры и ухватки животныхъ. Шеллонгъ многократно видѣлъ въ Финчгафенѣ танецъ, изображающiй любовныя ухаживанiя птицъ: пѣтухъ кружится вокругъ курицы, хлопая крыльями, затѣмъ является соперникъ, впутывается въ любовную игру парочки и побѣждаетъ перваго претендента. По сообщенiямъ Дальтона, въ Индостанѣ, въ Каттакау и Джуанга, существуютъ танцы медвѣдя, голубя, свиньи, черепахи и перепела. Онъ подробнѣе описываетъ танецъ коршуновъ: какой-нибудь мужчина ложится на землю и изображаетъ собою мертвое тѣло, къ нему вприпрыжку сбѣгаются дѣвушки, влѣзаютъ на него, щекочутъ, щиплютъ его, пока мнимый мертвецъ, потерявъ терпѣнiе, не вскрикнетъ, что возбуждаетъ всеобщее веселье.

Весьма интересны танцы фиджiйцевъ, которые подробно описалъ Г. Стюартъ Куперъ. Танецъ летающихъ лисицъ [1], напримѣръ, распадается на два акта. Въ первомъ дѣйствiи никакого намека на мимическое представленiе нѣтъ,—просто обѣ группы участниковъ, одѣтыхъ въ фантастическiе костюмы, танцуютъ другъ передъ другомъ. Во второмъ дѣйствiи на срединѣ танцовальной площади вбивается колъ съ привѣшенными къ нему поддѣльными банановыми плодами; летучiя лисицы кружатся около него, хлопая воображаемыми крыльями и, подражая всѣмъ движенiямъ и прiемамъ этихъ подвижныхъ животныхъ, растаскиваютъ привѣшенныя имитацiи банановъ.

Маска изъ Дальмангафена, Нов. Гвинея. Бременскiй музей.

Фиджiйцы въ своихъ танцахъ дошли даже до попытокъ изображать явленiя природы. У нихъ, напримѣръ, имѣется „танецъ морскихъ волнъ“, изображающiй борьбу наступающаго морского прилива съ рифами. Куперъ описываетъ его такъ: „Сначала они (танцоры) выстроились въ длинный рядъ, потомъ человѣкъ десять или двѣнадцать, разрывая рядъ, выскакивали на нѣсколько шаговъ впередъ и начинали танцовать; при этомъ они сильно наклоняли корпусъ впередъ и распростирали руки, представляя, какъ прибойная волна взбирается на берегъ. Такимъ путемъ волна двигалась за волной и, наконецъ, волны охватывали со всѣхъ сторонъ вытянутую линiю; при этомъ нѣкоторые, сначала немногiе, потомъ и другiе, дальше-больше постепенно отступали, окружаемые волнами-танцорами, подобно тому, какъ приливъ постепенно заливаетъ рифы и надъ поверхностью воды остается одинокiй океаническiй островокъ. Музыка при этомъ танцѣ изображала шумъ и грохотъ прилива, разбивающагося о берега. Моментъ, когда приливъ добирается до берега и волны сталкиваются, борются между собой, танцорами изображенъ былъ закидыванiемъ рукъ за головы, покрытыя бѣлой таппой [2], встряхиванiемъ при прыжкахъ — это изображало пѣну морскихъ волнъ. Сидящiе кругомъ зрители испускали громкiе крики восхищенiя“. Точно также и хозяйственная дѣятельность человѣка служитъ темою для танцевъ. На островѣ Варрiоръ, въ Торресовомъ проливѣ Моресби, кромѣ военныхъ и любовныхъ танцевъ, видѣлъ я танецъ рыбной ловли въ морѣ, охоту на дюгоня (одна изъ некрупныхъ породъ кита Hallicore dugong) съ гарпуномъ, но самый красивый изъ танцевъ этой мѣстности изображаетъ наступленiе сѣверозападнаго муссона и слѣдующаго за нимъ сезона посадки овощей. Быстрымъ бѣганьемъ вокругъ костра символизировалось дуновенiе вѣтра, потомъ копали тутъ землю и сажали корнеплоды. Оконченная работа завершалась веселымъ танцемъ въ круговую.

[1] Изъ отряда Chiroptera — рукокрылыя — летучихъ мышей, семейство Pteroidae. *Ред.*

[2] Матерiя, изготовляемая изъ древеснаго луба. См. выше. *Ред.*

Перечисленные до сихъ поръ танцы, въ общемъ, можно разсматривать, какъ простое развлеченіе, не имѣющее никакой иной цѣли, кромѣ желанія повеселиться; но уже въ военныхъ и эротическихъ танцахъ проглядываетъ стремленіе сознательно воспользоваться возбужденіемъ, вызваннымъ забавою, для нѣкоторыхъ цѣлей. О танцахъ въ этомъ смыслѣ намъ еще придется говорить неоднократно впослѣдствіи. Чаще всего танцы принимаютъ мистическій характеръ. Ошеломленіе и экстазъ, вызываемые бѣшенымъ круженіемъ, такъ же легко принимаются за проявленіе нездѣшней волшебной силы, какъ проявленія отравленія алкоголическими и наркотическими веществами смѣшиваются съ религіознымъ вдохновеніемъ. При лѣченіи больныхъ необходимымъ дополненіемъ являются танцы. Въ качествѣ отправнаго пункта, служащаго источникомъ многообразныхъ видоизмѣненій и наиболѣе распространенной формы, имѣютъ большое значеніе танцы въ маскахъ (см. изобр. на стр. 511 и 514, а также рисунки на стр. со 108 до 119). Въ громадной массѣ случаевъ всѣ эти танцы ведутъ свое начало отъ празднествъ и торжественныхъ процессій мужскихъ союзовъ; маски по большей части изображаютъ духовъ предковъ или тотемическихъ животныхъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ изъ союзовъ мужчинъ возникали тайныя сообщества, маскированные танцы превращались въ твердо установленное общественное учрежденіе, чему особенно яркимъ примѣромъ служатъ западныя племена Сѣверной Америки. У квакіутловъ въ зимній сезонъ танцевъ нѣкогда существовавшее дѣленіе на кланы возрождается въ новомъ видѣ, въ тайныхъ обществахъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои особенные маски, танцы и пѣсни. Въ настоящее время пѣсни служатъ главнымъ образомъ, чтобы поддерживать и приводить въ себя, ободрять смущенныхъ и растерявшихся новичковъ, вновь принятыхъ въ организацію. Всякая ошибка въ пѣніи или танцахъ уничтожаетъ уже достигнутые при помощи ихъ результаты и приводитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ изступленіе всѣхъ собравшихся. Нѣкоторыя изъ этихъ церемоній очень сложны и въ нихъ танцы групповые смѣняются выступленіями отдѣльныхъ солистовъ.

Важнѣйшія событія жизни человѣка, какъ совершеннолѣтіе, бракъ и смерть, во многихъ случаяхъ не обходятся безъ танцевъ, и въ нихъ по большей части имѣется въ виду достиженіе нѣкоторой особой цѣли, ради которой исполняются эти церемоніи. Когда Куперъ путешествовалъ по Тибету, къ нему привели однажды молодую дѣвушку. Другія дѣвушки составили кругъ, принялись танцовать вокругъ путешественника и своей товарки, бросая въ нихъ вѣнками. Удовольствіе, доставленное путешественнику созерцаніемъ этой идиллической сцены, было сильно испорчено, когда онъ узналъ о томъ, что его женили уже на дѣвицѣ, стоявшей съ нимъ въ кругу, и онъ долженъ будетъ свою подругу взять вмѣстѣ съ собой. Круговой танецъ символизировалъ союзъ обоихъ лицъ, и этотъ танецъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, формальнымъ заключеніемъ брака. Погребальные танцы во многихъ случаяхъ имѣютъ своей цѣлью прогнать духъ усопшаго подальше отъ прежняго мѣста жительства. Такъ называемыя чертовы пляски сингалезовъ представляютъ только дальнѣйшее развитіе этой идеи. Цѣль пляски—прогнать духовъ, напускающихъ болѣзни, и для этой цѣли имѣется уже своя медицинская наука съ цѣлымъ арсеналомъ врачебныхъ средствъ, въ видѣ масокъ (см.: „Маски различныхъ народовъ“, табл. при стр. 112), пѣсенъ и танцевъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ настоящихъ масокъ, почти всегда имѣются особые танцовальные костюмы, болѣе или менѣе подходящіе къ характеру и смыслу танца. Здѣсь обнаруживается тѣсная связь развитія костюма съ развитіемъ искусства. Раскраска тѣла служитъ однимъ изъ наиболѣе популярныхъ способовъ выражать внѣшнимъ образомъ свои настроенія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и полная нагота, особенно для траурныхъ цѣлей, имѣетъ

обширное примѣненіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наготу можно признать за одинъ изъ отголосковъ стародавнихъ обычаевъ. Эти остатки въ различныхъ формахъ искусства сохраняются гораздо цѣлѣе, нежели въ дѣйствительности. Стоитъ только вспомнить объ архаическихъ словахъ въ поэтическихъ произведеніяхъ, объ упорномъ повтореніи старыхъ формъ построекъ въ архитектурѣ, формъ, которыя крайне трудно приспособить къ потребностямъ новаго времени. Искусство обнаруживаетъ недвусмысленную антипатію ко всему новому, созданному работою разума, и только мало-по-малу начинаетъ мириться съ нимъ. Вѣдь и искусство, само по себѣ, вовсе не созданіе разума и разсчета.

Съ этой склонностью къ старинѣ стоитъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи общепризнанная недолговѣчность большей части произведеній искусства. Наоборотъ, другое, что вошло въ сокровищницу установившихся обычаевъ и нравовъ даннаго племени, служитъ нравственной связью для цѣлаго ряда поколѣній. На танцахъ съ большою наглядностью подтверждается вышесказанное положеніе. Есть племенныя и фамильныя пляски, которыя считаются священнымъ наслѣдіемъ предковъ и остаются почти безъ всякихъ измѣненій; есть и иного рода танцы, которые по временамъ входятъ въ моду и потомъ исчезаютъ безслѣдно. Какъ кажется, въ этомъ случаѣ имѣетъ извѣстное значеніе и характеръ даннаго народа. У сѣверо-американскихъ индѣйцевъ можно предполагать преобладаніе установившихся неизмѣняемыхъ танцевъ. У каждаго племени имѣется цѣлый рядъ наслѣдственныхъ танцевъ для разныхъ случаевъ жизни, которые безъ измѣненій передаются потомкамъ. Лонгъ, очень долго жившій среди восточныхъ индѣйскихъ племенъ С. Америки, нашелъ танецъ трубки, военный танецъ, танецъ предводителя, танецъ отлучки, танецъ скальпа, танецъ покойниковъ, танецъ плѣнныхъ, танецъ возвращенія, танецъ копья, праздничный танецъ и жертвенный. У сѣверовосточныхъ индѣйцевъ отдѣльные кланы имѣютъ свои танцы, которые переходятъ къ другимъ кланамъ только при брачныхъ союзахъ.

Противоположное видимъ мы въ Полинезіи и у австралійскихъ негровъ, гдѣ проявляется наклонность варьировать танцы. Вмѣстѣ съ этимъ, здѣсь выступаютъ на первый планъ творческія натуры, изобрѣтатели новыхъ танцевъ и пѣсенъ. Въ Квинслэндѣ, при всякомъ сходбищѣ племенъ, исполняются новыя пѣсни и танцы, которые придумываются и вводятся въ употребленіе людьми, обладающими необходимыми для этого талантами и склонностями. При такихъ условіяхъ почти сама собой возникаетъ профессія спеціалиста танцмейстера. Онъ, какъ напримѣръ, у фиджійцевъ обучаетъ старымъ танцамъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изобрѣтаетъ и новые. Ему даже снятся новые танцы, которые онъ потомъ компануетъ и исполняетъ наяву. Вмѣсто изобрѣтенія часто прибѣгаютъ къ болѣе простому способу— заимствованію. Маринэ видѣлъ танецъ на островѣ Тонга, заимствованный отъ самоанцевъ, который вызывалъ неоднократно громкія одобренія зрителей, — явленіе, нерѣдко встрѣчавшееся въ Полинезіи.

Рядомъ съ творцомъ-художникомъ является виртуозъ - исполнитель. Онъ выдвигается на первый планъ не изобрѣтательностью, а умѣньемъ исполненія и рѣзко выдѣляется этимъ изъ прочей массы. При многихъ коллективныхъ танцахъ выступаютъ солисты, которые выполняютъ наиболѣе замысловатыя движенія или ведутъ мимическое представленіе. Рядомъ съ этимъ, при упадкѣ тайныхъ сообществъ, члены ихъ нерѣдко превращались въ труппы профессіональныхъ танцоровъ. Съ той поры, когда искусство обращается въ особую профессію, наступаетъ новая фаза развитія его, имѣющая крайне важное значеніе въ смыслѣ перемѣнъ въ общественномъ положеніи лицъ, занимающихся искусствомъ. Небольшая община, членомъ которой вначалѣ состоитъ и танцоръ, слишкомъ узкое поприще для его дѣятельности. О немъ вспоминаютъ только во время праздни-

ковъ. Въ прочее время онъ бездѣйствуетъ. Далѣе, слѣдуетъ указать, что танцоръ доставляетъ только удовольствіе, а не удовлетвореніе какой-нибудь насущной потребности, а это сильно обезцѣниваетъ трудъ адепта искусства, и ему обыкновенно платитъ только кто хочетъ изъ публики и сколько захочетъ. Положеніе бродячаго танцора граничитъ прямо съ бродяжествомъ и нищенствомъ. У него нѣтъ ни почвы подъ ногами, ни роду, ни племени, не говоря уже объ обезпеченномъ положеніи, которое является результатомъ правильной хозяйственной дѣятельности. Слѣдствіемъ этого является пренебрежительное отношеніе ко всѣмъ адептамъ демонстративныхъ искусствъ. Такое отношеніе существовало и у насъ къ представителямъ драматическаго искусства, и нельзя сказать, чтобы оно совершенно измѣнилось и теперь, такъ же, какъ и, вообще, ко всякимъ „перелетнымъ птицамъ“. Къ этому присоединяется еще и то, что есть не мало шляющихся народцевъ, живущихъ среди другихъ народовъ, какъ паразиты. У этихъ бродягъ часто встрѣчается склонность промышлять пѣснями и пляской. Таковы отчасти цыгане въ Европѣ и гріоты въ Сенегамбіи. Презрѣніе, которое питаютъ другіе народы къ этимъ паріямъ, распространяется и на всѣхъ странствующихъ артистовъ.

Раскрашенная маска изъ Индіи. По фотографіи. См. текстъ, стр. 511.

Странствующіе танцоры, обыкновенно, въ то же время и музыканты, иногда же музыканты входятъ въ составъ ихъ труппы. Впрочемъ, и у первобытныхъ народовъ встрѣчаются артисты, спеціализирующіеся на музыкѣ; но музыка и пѣніе остаются очень долго въ неразрывной связи. Всякое искусство имѣетъ тенденцію къ обособленію и самостоятельному развитію. Это стремленіе обнаруживается на очень раннихъ ступеняхъ развитія. Въ виду этихъ соображеній удобнѣе и примитивную музыку трактовать отдѣльно, какъ самостоятельную форму искусства.

Изъ всѣхъ искусствъ, музыка всего менѣе воздѣйствуетъ на разсудокъ и всего болѣе и прямѣе говоритъ чувству. Для этой цѣли нужно, чтобы звуки были подчинены нѣкоторой координаціи, иначе они превратятся въ безформенный шумъ. Этой координаціей служитъ ритмъ; но этотъ ритмъ, съ которымъ мы уже ознакомились при танцахъ, подсказывается регулярностью дыханія, сердцебіенія, передвиженіемъ ногъ и другими отправленіями организма. Первоначальная форма ритма — тактъ; но послѣдній въ свою очередь можетъ возникать и устанавливаться различными способами. Бенеке говоритъ по этому поводу, что подобно походкѣ и музыкальные тоны имѣютъ четыре характерныхъ свойства, которыя вызываютъ ощущеніе такта. Въ музыкальныхъ тонахъ мы отличаемъ большую или меньшую длительность ихъ во времени, высокіе или низкіе тона, обусловливаемые быстротой колебаній, большую или меньшую силу въ звукахъ, находящуюся въ зависимости отъ величины размаховъ колебаній звучащаго тѣла и, наконецъ, тембръ, результатъ упругости и твердости звучащихъ тѣлъ и связанныхъ съ этими свойствами обертоновъ. Всякій тактъ состоитъ изъ извѣстной группы тоновъ, число которыхъ, по изысканіямъ Пирсона, не можетъ превышать 14, потому что большаго числа тоновъ, непрерывно слѣдующихъ одинъ за другимъ, ухо не можетъ воспринять, какъ нѣчто цѣлое; основными такими группами могутъ служить состоящія изъ двухъ, трехъ, пяти, семи и десяти тоновъ, такъ какъ всѣ прочія сводятся къ нимъ.

Одно ритмическое отбиваніе такта еще не создаетъ музыки. Въ музыкѣ настоящей необходимъ новый элементъ—мелодія, душа музыки. Битье въ ладони, удары барабана, отбивающіе тактъ, опредѣляютъ только внѣшній скелетъ музыкальнаго произведенія. Въ танцахъ подъ тактъ, выбиваемый на барабанѣ, произведеніемъ искусства является танецъ. Безъ него отбиваніе такта превратилось бы въ размѣренный, но безсмысленный рядъ звуковъ. Ритмическій стукъ при работѣ пріобрѣтаетъ эстетическій смыслъ только тогда, когда онъ сопровождается пѣніемъ или танцемъ. Только мелодія является непосредственнымъ выраженіемъ извѣстнаго настроенія или движенія чувствъ, только она можетъ вызывать въ слушателяхъ настроеніе, аналогичное изображаемому ею. По Герберту Спенсеру и обыкновенная разговорная рѣчь можетъ принимать мелодическій (но отнюдь не ритмическій) характеръ, если говорящій находится въ приподнятомъ настроеніи или если онъ желаетъ вызвать въ слушателѣ извѣстное настроеніе. Просьбы и мольбы всегда произносятся пѣвучимъ голосомъ, такъ же какъ и жалобы горюющаго человѣка. Валлашекъ возражаетъ противъ этого, напоминая, что первоначально музыка не была связана съ рѣчью, но онъ упускаетъ изъ виду, что чувство можетъ быть выражено и безъ словъ. Только вмѣстѣ съ введеніемъ ритма, музыка поднимается изъ сферъ обыденной жизни въ высокія области искусства. Параллельно съ тактомъ входятъ въ употребленіе повторенія нѣкоторыхъ частей мелодіи, чѣмъ и открывается путь къ высшимъ формамъ тоническаго искусства. Вообще, музыкальныя пьесы, типа маршей и вальсовъ, въ которыхъ преобладаетъ тактъ и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызываютъ потребность вторить такту ритмическими движеніями тѣла, принадлежатъ къ числу менѣе глубокихъ и возвышенныхъ формъ музыкальныхъ произведеній; послѣднія, главнымъ образомъ, дѣйствуютъ на слушателя прелестью мелодическихъ композицій, но зато первыя оказываютъ болѣе энергичное воздѣйствіе на массы. Однакоже, разсматривая музыкальныя произведенія съ точки зрѣнія мелодіи, мы видимъ, что и тамъ постоянныя повторенія однихъ мотивовъ постепенно выходятъ изъ употребленія, даже совершенно выводятся, что мы видимъ въ музыкальныхъ драмахъ Вагнера, потому, конечно, что здѣсь выступаетъ въ видѣ руководящаго мотива новая, болѣе обширная форма повторяемости.

Ж. К. Фильморъ построилъ свою теорію примитивной мелодики, которая заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. По его воззрѣніямъ въ основѣ всякой мелодіи лежитъ ощущеніе аккорда, и она сама по себѣ не что иное, какъ разложенное тоническое трезвучіе. Послѣ открытій Гельмгольца это трезвучіе обнаружено во всякомъ музыкальномъ тонѣ, въ видѣ сопутствующихъ ему обертоновъ. Часто сопровождающія ихъ четверти и трети тоновъ не что иное, какъ результатъ невѣрной интонаціи, мольный тонъ не что иное, какъ слишкомъ низко взятый дуръ. Основой гармоніи является построенная на тоническомъ трезвучіи скала; D-F-A-C-E-G-H-D (re-fa-la-do-mi-sol-si-re). Валлашекъ въ большинствѣ случаевъ согласенъ съ взглядами Фильмора и прибавляетъ къ этому, что уклоненія отъ нормальной музыкальной скалы обусловливаются свойствами самихъ инструментовъ. Кромѣ того, онъ подтверждаетъ тотъ фактъ, что діатоническій рядъ имѣетъ свои предѣлы развитія.

Итакъ, свобода музыкальнаго выраженія сильно ограничена и находится въ зависимости отъ свойствъ даннаго звукового аппарата. При танцахъ эстетическій элементъ выражается, главнымъ образомъ, ритмическими тѣлодвиженіями, производящими извѣстное впечатлѣніе; самое большое, къ чему прибѣгаютъ въ этихъ случаяхъ для усиленія эффекта, это — фантастическіе костюмы, маски на лицахъ, палки и оружіе въ рукахъ танцоровъ. Въ музыкѣ параллелью къ предыдущему служитъ человѣческій голосъ. Самъ по себѣ это превосходный инструментъ, но по сравненію съ другими звучащими снарядами—онъ нерѣдко уступаетъ имъ въ силѣ и звонкости. Уже

при первыхъ зачаткахъ искусства музыка пользуется инструментами или служитъ дополненіемъ и поддержкой голосовымъ средствамъ человѣка, хотя бы это дополненіе ограничивалось хлопаньемъ въ ладоши или грохотомъ какихъ-нибудь деревянныхъ трещетокъ. При такихъ пособіяхъ, ради громкости и силы звука, жертвуютъ выразительностью музыки, и только послѣ изобрѣтенія усовершенствованныхъ инструментовъ, способныхъ издавать тоны различной высоты, пріобрѣтаетъ преобладающее значеніе музыка, производящая гармоническое впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ, только инструменты, хотя бы и самые простые, даютъ начало музыкѣ въ качествѣ самостоятельнаго искусства и отдѣляютъ ее отъ поэзіи, хотя, конечно, тамъ, гдѣ въ качествѣ музыкальнаго инструмента участвуетъ голосъ человѣка — онъ всегда оказываетъ свое вліяніе и на музыку.

Сигнальный барабанъ въ Нов. Гвинеѣ. Этнографическій музей въ Берлинѣ.

Формы первобытныхъ музыкальныхъ инструментовъ не особенно разнообразны и классификація ихъ незатруднительна. Удобнѣе всего раздѣлить ихъ на двѣ группы, изъ которыхъ первая будетъ содержать въ себѣ инструменты, которые исключительно или главнымъ образомъ служатъ для отбиванія такта; вторая охватитъ собою тѣ, которые приспособлены къ выполненію мелодіи. Первые, безъ помощи вторыхъ и безъ участія человѣческаго голоса, могутъ производить только ритмическій шумъ, вторые же не нуждаются въ помощи первыхъ. Разумѣется, строгой границы между первыми и вторыми провести невозможно. Обрубокъ дерева, которымъ отбиваютъ тактъ, несомнѣнно настоящій тактовый инструментъ, а ксилофонъ, состоящій изъ ряда звучащихъ деревянныхъ пластинокъ и имѣющій много сходныхъ формъ въ Африкѣ, можетъ примѣняться и для исполненія мелодій. Несомнѣнно, и духовые, и струнные инструменты прошли длинный путь развитія, такъ какъ въ первоначальныхъ своихъ формахъ они способны были издавать лишь очень ограниченное число тоновъ.

Самымъ естественнымъ тактовымъ инструментомъ человѣка была ладонь: неизмѣнными спутниками первобытныхъ танцевъ и пѣсенъ служатъ звуки отъ ударенія ладоней, ударовъ по бокамъ, по бедрамъ и другимъ частямъ тѣла; тѣ же самые звуки съ успѣхомъ примѣняются и у насъ при гимнастическихъ упражненіяхъ. Особенное значеніе апплодисментамъ сообщаетъ вызываемое ими повышенное настроеніе, а также отчасти и сознаніе, что и зритель своимъ одобрительнымъ хлопкомъ все-таки принимаетъ извѣстную долю участія въ томъ, что исполняютъ другіе. Съ того времени, когда входятъ въ употребленіе музыкальные инструменты, начинается изолированіе оркестра отъ публики.

Тактовые инструменты подраздѣляются въ свою очередь на ударные, стучащіе и трещащіе. Въ законченной формѣ первые состоятъ изъ звучащаго тѣла и ударника; но существуютъ и зачаточныя формы, въ которыхъ развита одна изъ двухъ частей инструмента. Если звучащее тѣло имѣетъ форму барабана, то ударникомъ чаще всего служитъ кулакъ или

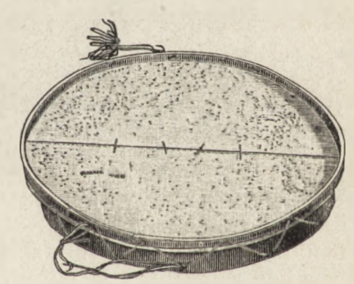
ладонь руки. У австралійскихъ негровъ резонаторомъ служитъ поверхность земли, по которой бьютъ полѣномъ, щитомъ, бумерангомъ или копьемъ. Какъ примѣръ одного изъ простѣйшихъ инструментовъ, можно привести колотушку, которая состоитъ изъ двухъ, часто одинаковыхъ, кусковъ дерева или другого матеріала и звукъ получается при битьѣ одного куска по другому. Въ Австраліи обыкновенно употребляются два бумеранга; но дѣлаются также для этого особыя деревянныя продолговатыя пластинки, нѣкоторые сорта которыхъ употребляются при тайныхъ церемоніяхъ.

Какъ общее правило, звукъ издаетъ снарядъ, по которому бьютъ ударникомъ; но есть и исключенія, гдѣ, какъ, напримѣръ, у папуасовъ залива Астролябія, звучащимъ тѣломъ служитъ ударникъ: тамъ бьютъ обрубкомъ бамбука по стволамъ деревьевъ, при чемъ, выбирая болѣе толстый или тонкій стволъ бамбука, можно получать тоны различной высоты. Звучащій аппаратъ, по которому бьетъ ударникъ, можетъ быть сдѣланъ изъ сплошного матеріала, если послѣдній способенъ производить звуковыя вибраціи, или полымъ. Привѣшенные обрубки дерева, издающіе при ударѣ звукъ, слышный издалека, подобно звучащимъ дощечкамъ обитателей Андаманскихъ острововъ, и теперь можно встрѣтить среди первобытныхъ народовъ, а въ эпоху первой проповѣди христіанства въ Германіи эти снаряды замѣняли собой церковные колокола [1]. Самымъ же распространеннымъ пустотѣлымъ резонаторомъ является барабанъ, по большей части изготовляемый изъ дерева.

Барабанъ изъ Конго. По Лемэру.

Барабаны опять-таки раздѣляются на два типа: одинъ — изготовляемый только изъ дерева, у другого одна, верхняя или верхняя и нижняя, сторона обтягивается кожей. Прообразомъ инструментовъ первой категоріи, несомнѣнно, служили дупловатыя деревья. На Новогебридскихъ островахъ ими понынѣ пользуются для того, чтобы бить набатъ.

Толчекъ къ возникновенію второго типа могла подать проминка и выколачиваніе шкуръ, опять-таки одинъ изъ видовъ коллективной работы. Въ простѣйшемъ своемъ видѣ деревянный барабанъ представляетъ обрубокъ дерева съ продолговатымъ прорѣзомъ для выдалбливанія и удаленія изнутри обрубка древесины. Кромѣ того, по большей части на концахъ барабана имѣются выступы, выдѣланные изъ одного куска дерева съ барабаномъ или вставленные послѣ. При переноскѣ барабана его берутъ за эти выступы (ручки), ими же пользуются для подвѣшиванія инструмента. Иногда, какъ, напримѣръ, у барабановъ съ острововъ Адмиралтейства или Батакскихъ, ручкамъ придается форма человѣческихъ фигуръ, которыя безъ сомнѣнія представляютъ собою изображенія предковъ. Встрѣчаются также формы, уклоняющіяся отъ типичныхъ; таковы фиджійскіе барабаны, имѣющіе форму, напоминающую лодку, съ небольшимъ четыреугольнымъ прорѣзомъ на верхней сторонѣ. Тѣ африканскіе барабаны, съ которыми мы познакомились при разсмотрѣніи вопроса объ языкѣ, состоящемъ изъ барабанныхъ сигналовъ, имѣютъ очень большое сходство съ меланезійскими.

Барабанъ индѣйцевъ-ненепотъ, Сѣв. Америка. По Турнеру.

Рядомъ съ простыми, деревянными барабанами, существуютъ обтянутые кожей, пользующіеся гораздо болѣе обширнымъ распространеніемъ, употребляющіеся и у культурныхъ народовъ. Они состоятъ, обыкновенно,

---

[1] Въ старину и при русскихъ церквахъ иногда колокола замѣнялись деревяннымъ аппаратомъ, который назывался „биломъ". *Ред.*

изъ полаго деревяннаго цилиндра, часто очень длиннаго и тонкаго. Иногда на одномъ концѣ его, иногда на обоихъ — отверстія цилиндра обтянуты кожей. По этимъ кожанымъ покрышкамъ бьютъ ударниками для извлеченія звуковъ. Кромѣ деревянныхъ, есть въ Африкѣ глиняные (см. верхнее изобр. на стр. 517), дѣлаемые изъ половинокъ большихъ тыквъ и похожіе на литавры. Папуасскіе барабаны имѣютъ звучащую перепонку только на одномъ концѣ, африканскіе же, обыкновенно, на обоихъ концахъ, при чемъ иногда обѣ звучащія поверхности часто соединяются между собой туго натянутыми шнурами или жилами. Во многихъ папуасскихъ барабанахъ кожаная покрышка натягивается на охватывающее барабанъ кольцо, къ которому она прикрѣплена бечевками и удерживается въ напряженномъ состояніи. Забивая между кольцомъ и барабаномъ деревянные колышки, растягивая сильнѣе кожу или ослабляя ея напряженіе — можно измѣнять

Яванская музыкальная капелла. По фотографіи.

высоту тона барабана. Подобныя приспособленія нерѣдко встрѣчаются и въ африканскихъ формахъ барабановъ. Къ кожаному барабану нельзя прикрѣпить къ концамъ такіе придатки, какъ къ деревянному, поэтому на меланезійскихъ мы часто встрѣчаемъ рукоятку на боку инструмента, которой иногда придается форма фигуры человѣка. Въ южной части Новой Гвинеи нерѣдко и самому барабану придается форма крокодила или ящерицы, при чемъ открытымъ концомъ является зіяющая пасть изображеннаго животнаго. Эти фигуры представляютъ большой интерессъ, такъ какъ онѣ уже своимъ видомъ даютъ понять, что въ глухихъ звукахъ барабана скрытъ мистическій смыслъ. Этимъ и объясняется, почему на праздникахъ тайныхъ союзовъ, при погребальныхъ церемоніяхъ и человѣческихъ жертвоприношеніяхъ особеннымъ предпочтеніемъ пользуется барабанъ. Достойно замѣчанія, что и другіе тактовые инструменты: погремушки, трещетки, гудки, также пользуются подобнымъ предпочтеніемъ въ аналогичныхъ вышеупомянутымъ случаяхъ. Что же касается другихъ инструментовъ, то развѣ только флейты да нѣкоторыя изъ гремящихъ и трескучихъ трубъ, служащихъ для подачи тревожныхъ сигналовъ, иногда замѣняютъ барабаны и трещетки. Эти факты снова наводятъ насъ на мысль, что гипнотизирующее, мистическое воздѣйствіе музыки вызывается, главнымъ образомъ, однотоннымъ, ритмическимъ трескомъ и грохотомъ, а не варьи-

рующими звуками мелодіи. Въ этомъ смыслѣ Бильротъ совершенно правъ, утверждая, что тактъ является и источникомъ и основою музыки.

Въ меланезійскихъ и африканскихъ барабанахъ главную массу инструмента составляютъ его стѣнки, коробъ; у гипербореевъ онъ сводится къ рамкѣ, на которой натянута звучащая перепонка, — барабанъ переходитъ въ бубенъ. Многіе бубны Сѣверозападной Америки (см. нижнее изобр. на стр. 517), Сѣверной Африки и Сибири состоятъ только изъ ободка и натянутой на него кожи. Эти инструменты также употребляются, главнымъ образомъ, для мистическихъ цѣлей, — бубенъ главное орудіе шамановъ.

Барабаны съ металлическимъ коробомъ встрѣчаются у культурныхъ

Погремушки изъ Богаджима, зал. Астролябія, Нов. Гвинея. Бременскій музей.

народовъ, главнымъ образомъ, въ видѣ котлообразныхъ литавръ съ кожаной покрышкой на верхней сторонѣ. Впрочемъ, большинство металловъ въ формѣ тонкихъ пластинокъ или тонкихъ листовъ могутъ служить хорошимъ матеріаломъ для извлеченія звуковъ. Примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить китайскій гонгъ (тамтамъ), который очень понравился и получилъ широкое распространеніе въ Дальней Индіи и въ Зондскомъ архипелагѣ (см. изобр. на страницѣ 518). Особый видъ пустотѣлыхъ музыкальныхъ снарядовъ представляютъ колокола. Ихъ мощный своеобразный звонъ придаетъ имъ что-то мистическое, благодаря чему колоколъ добился чести служить одной изъ необходимыхъ принадлежностей двухъ великихъ культовъ—христіанскаго и буддійскаго. Несмотря, однакоже, на это, многочисленныя легенды о колоколѣ доказываютъ, что въ немъ кроется что то враждебное. Въ Африкѣ маленькіе парные желѣзные колокольчики

пользуются широкимъ распространенiемъ и служатъ для призыва и для подачи тревожныхъ сигналовъ. Иногда, впрочемъ, они служатъ отличительнымъ знакомъ начальниковъ или какой-нибудь свято и бережно хранимой племенной святыни. Въ Бенинѣ, гдѣ въ недавнее время была открыта настоящая бронзовая культура, нашлись какъ простые, такъ и двойные колокольчики изъ бронзы (см. прил. здѣсь табл.: „Бенинскiя древности“).

Двойные колокольчики представляютъ собой попытку соединенiя нѣсколькихъ звучащихъ приспособленiй вмѣстѣ съ цѣлью воспроизводить при помощи ихъ мелодiи. Одинъ старинный китайскiй инструментъ этого типа состоитъ изъ ряда тщательно подобранныхъ по тонамъ тоненькихъ, вышлифованныхъ каменныхъ пластинокъ, имѣющихъ форму наугольниковъ. Въ Африкѣ вмѣсто этого мы встрѣчаемъ довольно разнообразно устраиваемыя деревянныя фортепiано, если только позволительно примѣнить къ этимъ незатѣйливымъ инструментамъ такое многообѣщающее названiе. Наиболѣе извѣстный изъ этихъ инструментовъ — маримба, существующiй у кафровъ, состоитъ изъ ряда продолговатыхъ деревянныхъ пластинокъ, прикрѣпленныхъ къ длинному деревянному стержню и связанныхъ на свободныхъ концахъ шнурками. Играютъ на нихъ, постукивая деревянными молоточками. Рукояткой у этого инструмента служитъ деревянная дужка, къ ней же привязываютъ и концы шнурковъ, скрѣпляющихъ деревянныя клавиши. Кромѣ того, позади пластинокъ стоятъ для усиленiя звука маленькiя тыквенныя кубышечки или оболочки кафрскихъ апельсиновъ. Обычное число клавишъ десятокъ. Совершенно иначе устроенъ музыкальный инструментъ, называемый санца, состоящiй изъ куска дерева, къ которому рядами прикрѣплены ряды изогнутыхъ полосокъ изъ наружной корки бамбука. Онѣ настолько упруги, что послѣ надавливанiя на нихъ пальцами быстро возвращаются назадъ, приходятъ въ колебательное движенiе и издаютъ звуки; бамбуковыя полоски разной толщины даютъ тоны различной высоты. Иногда, вмѣсто сплошного куска дерева, прикрѣпляютъ эти пластинки къ какому-нибудь пустотѣлому предмету.

Трещетки и погремушки — настоящiе тактовые инструменты, врядъ ли способные къ дальнѣйшему развитiю. У насъ они теперь употребляются только въ качествѣ дѣтскихъ игрушекъ. Погремушки можно также раздѣлить на два типа. Однѣ изъ нихъ состоятъ изъ ряда гремящихъ предметовъ, соединенныхъ вмѣстѣ, другiя—изъ полой оболочки съ находящимися внутри камешками, косточками фруктовъ и т. д. Въ тѣхъ и другихъ звукъ вызывается сотрясенiемъ инструмента. Къ первому типу принадлежатъ погремушки съ залива Астролябiя (см. изобр. на стр. 519), состоящiя изъ связки скорлупъ кокосовыхъ орѣховъ на фантастическихъ фигурныхъ рукояткахъ. Къ той же группѣ относятся нѣкоторыя сѣверо-американскiя погремушки, состоящiя изъ птичьихъ клювовъ, прикрѣпленныхъ къ обручу (см. изобр. на стр. 506). Прототипомъ погремушекъ второго типа безъ сомнѣнiя послужили разные плоды, въ которыхъ послѣ созрѣванiя мясо постепенно засыхаетъ и внутри оболочки остаются только сѣмена, которыя при встряхиваньи плода колотятся о стѣнки, сталкиваются между собою и производятъ стукъ. И на самомъ дѣлѣ, нѣкоторые плоды, въ особенности тыквы, внутрь которыхъ черезъ маленькiя отверстiя вкладываютъ камешки, являются одной изъ самыхъ формъ погремушекъ. Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ изъ Парагвая такiя погремушки и снаружи обвѣшиваютъ раковинами и орѣховыми скорлупами, — здѣсь соединяются воедино оба типа.

Погремушки деревянныя, составленныя изъ двухъ отдѣльныхъ частей, чаще всего встрѣчаются въ Сѣверазападной Америкѣ. Фантастическiя формы, часто встрѣчающiяся въ этихъ инструментахъ, даютъ указанiя на мистическое значенiе этихъ погремушекъ, что подтверждается вполнѣ и другими данными. У южноамериканскихъ племенъ встрѣчаются плете-

Древности изъ Бенина.

Объясненіе къ помѣщенной на оборотѣ таблицѣ „Древности изъ Бенина“.

1. Крылатая бронзовая голова негра — собственность проф. д-ра Ганса Мейера въ Лейпцигѣ; 1/8 натуральной величины.

2. Бронзовая пантера — собственность частнаго лица въ Англіи; 1/7 натуральной величины.

(Двѣ такія же пантеры составляютъ собственность имп. Вильгельма II. Рисунокъ пятенъ произведенъ посредствомъ вытравленія.)

3 и 4. Два слоновыхъ клыка, покрытыхъ художественной рѣзьбой, — въ Музеѣ Народовѣдѣнія въ Лейпцигѣ.

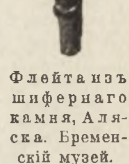
5. Бронзовая доска — собственность проф. д-ра Ганса Мейера въ Лейпцигѣ; 1/4 натуральной величины.

Когда англичане завоевали въ 1897 г. Бенинъ, столицу государства Бенина, лежащаго въ западной Африкѣ и имѣющаго восточной границей своей р. Нигеръ, они взяли богатую добычу, въ составъ которой вошли замѣчательные рѣзные слоновые клыки, а также предметы изъ литой бронзы, изумляющіе своимъ великолѣпнымъ техническимъ исполненіемъ. Самыми интересными предметами добычи являются бронзовыя доски въ 30—70 см. длины, вылитыя съ сильнымъ рельефомъ. Только на одеждахъ и на плоскихъ мѣстахъ фона видно, что рисунокъ воспроизведенъ путемъ цизеллировки, вытравленія, работы напильникомъ и молоткомъ. Работа прилагаемой въ нашемъ воспроизведеніи доски почти безукоризненна: поверхность чиста и съ металломъ обращались экономно, такъ какъ даже тонкія и сильно выступающія части фигуръ внутри пустыя. На воспроизведенной на оборотѣ (фиг. 5) бронзовой доскѣ изображенъ военачальникъ съ двумя воинами. Лица ихъ съ широкими носами, толстыми губами и большими глазами, представляютъ собой чистый негрскій типъ. Особенное вниманіе обращаютъ на себя (см. также фиг. 1) шлемообразный головной уборъ съ зубцами и остріями и покрывающія подбородокъ бисерныя цѣпочки. Въ этихъ предметахъ мы видимъ образцы работы западно-африканскихъ негровъ, обитавшихъ внутри страны отъ Гвинейскаго берега. Работу лучшихъ образцовъ, по костюмамъ изображенныхъ на нихъ западныхъ европейцевъ, слѣдуетъ отнести къ XVI—XVII в. Это доказываютъ и другіе здѣсь воспроизведенные предметы. Рѣзьба на слоновыхъ клыкахъ воспроизводитъ большею частью рисунки бронзовыхъ предметовъ; встрѣчаются часто также миѳологическіе сюжеты и животныя. Причину недостаточнаго развитія стиля слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ трудности обработки матеріала.

(Описаніе это составлено частью по отчету о лекціи Ф. фонъ Люшана, читанной 19 марта 1898 г. — опубликованному Берлинскимъ Антропологическимъ Обществомъ.)

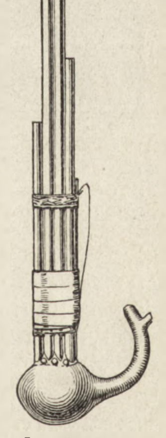
ныя погремушки, которыя, конечно, не могутъ издавать громкихъ звуковъ. Въ видѣ особой группы стоятъ инструменты типа кастаньетъ, которые, несомнѣнно, вначалѣ имѣли назначеніе усиливать щелканье пальцами. Гудки, о которыхъ подробнѣе сказано было выше (см. стр. отъ 48 до 50), можно только условно причислять къ музыкальнымъ инструментамъ, такъ какъ они плохо приспособлены къ воспроизведенію соотвѣтствующихъ мѣрѣ такта звуковъ и издаютъ только глухой однотонный шумъ. Ихъ точно также нельзя ввести въ составъ большого оркестра. Они годятся только для того, чтобы нагонять страхъ на присутствующихъ при исполненіи мистическихъ обрядовъ [1].

Въ видѣ исключенія среди этихъ производящихъ шумъ инструментовъ встрѣчаются и другіе: въ Южной Америкѣ, напримѣръ, имѣются палки съ зазубринами; по такой палкѣ водятъ другой палкой, отчего происходитъ раздирающая нервы трескотня. Въ разныхъ случаяхъ могутъ пригодиться всякія вещи, оружіе, посуда, разныя побрякушки для того, чтобы съимпровизировать цѣлый адскій концертъ.

Флейта изъ шифернаго камня, Аляска. Бременскій музей.

Вторая основная группа музыкальныхъ инструментовъ, которую въ отличіе отъ тактовыхъ можно назвать мелодической, несравненно болѣе первой способна къ усовершенствованію и варьяціямъ. Въ зачаточныхъ своихъ формахъ эти инструменты, раздѣляющіеся на духовые и струнные, способны производить только однотонный ритмическій шумъ или же, какъ, напримѣръ, въ малочисленныхъ деревянныхъ, а равно металлическихъ трубахъ даютъ возможность усиливать человѣческій голосъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ испускаемое человѣкомъ дыханіе не настолько сильно, чтобы вызвать музыкальный тонъ. Рядомъ съ этими существуютъ повсюду настоящіе духовые инструменты — трубы или флейты. Принципъ флейты состоитъ въ томъ, что если пропускать воздухъ сквозь узкое отверстіе или дуть въ острый край, то происходитъ свистящій звукъ, высоту тона котораго можно измѣнять при помощи весьма простыхъ приспособленій. Чаще всего измѣненіе тона достигается тѣмъ, что въ стволѣ флейты продѣлываются отверстія, которыя попеременно можно закрывать и открывать, пальцами. Совершенно иначе устроена такъ называемая флейта Пана, очень распространенная въ Меланезіи. Берется цѣлый рядъ разной длины простыхъ флейтъ, которыя, при дутьѣ въ верхній край инструмента, издаютъ соотвѣтственный своей длинѣ тонъ. Эти флейты соединяютъ такимъ образомъ, что рядъ ихъ начинается самой длинной и оканчивается самой короткой, а такъ какъ каждой изъ нихъ соотвѣтствуетъ свой тонъ, то это даетъ возможность наигрывать на этомъ инструментѣ несложныя мелодіи. На Борнео, а въ особенности въ Китаѣ, имѣются болѣе усовершенствованныя формы этихъ сложныхъ флейтъ (см. прилаг. здѣсь изобр.). Самымъ грандіознымъ сооруженіемъ этой категоріи является нашъ органъ. Флейты съ ладами также преимущественно изготовляются изъ тростника, рѣже изъ кости или камня (см. прилаг. здѣсь верхнее изобр.). Нѣкоторыя африканскія формы, изготовляемыя изъ рога антилопы, издаютъ только одинъ или два тона; въ нихъ имѣется только одно отверстіе для дутья, находящееся на остромъ концѣ рога, и,

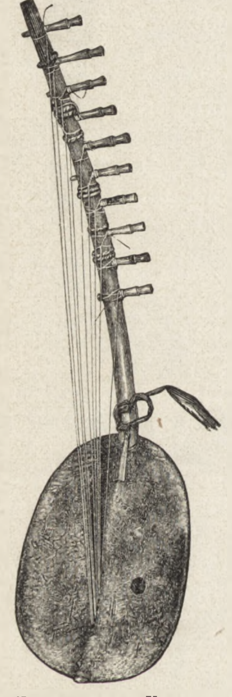
Флейта даяковъ, Борнео. По Лингъ Роту.

[1] Мы позволимъ себѣ упомянуть объ одномъ инструментѣ, очень сильно распространенномъ въ сѣверной Азіи, который образуетъ какъ бы переходъ отъ тактовыхъ инструментовъ къ мелодическимъ. Онъ называется „комусъ“ и состоитъ изъ несомкнутаго желѣзнаго кольца, около сантиметра въ діаметрѣ; несомкнутый промежутокъ имѣетъ ширину немного болѣе трехъ миллиметровъ. Отъ несомкнутыхъ концовъ идутъ съ каждой стороны

обыкновенно, рядомъ съ нимъ другое сбоку. Въ Меланезіи встрѣчаются также флейты изъ скорлупъ кокосоваго орѣха. Носовыя флейты, въ которыя дуютъ одной ноздрей, при чемъ другая затыкается, между прочимъ, встрѣчаются на Филиппинскихъ островахъ.

Изъ флейтъ образовалось много разныхъ инструментовъ, при помощи которыхъ разыгрываются настоящія мелодіи, другіе же духовые инструменты первобытныхъ народовъ усовершенствовались въ очень незначительной степени.

Трубы, если подъ этимъ терминомъ соединить всѣ духовые инструментны, не представляютъ рѣдкости, но онѣ по большей части, способны производить только однотонный шумъ или подавать сигналы. Большинство же такъ называемыхъ трубъ, въ сушности, рупоры, служащіе для усиленія человѣческаго голоса. Таковы ильпирры обитателей внутренней Австраліи и полинезійскія трубы изъ раковинъ.

Гитара изъ Уссоги Вост. Африка. Этнографическій музей въ Лейпцигѣ.

Совсѣмъ иной характеръ имѣютъ струнные инструменты (см. изобр. на данн. стр. и на стр. 528 и 529), въ которыхъ туго натянутыя нити издаютъ звуки, когда къ нимъ прикасаются пальцемъ, прищипываютъ ихъ или проводятъ по нимъ какимъ-нибудь предметомъ. Въ томъ, что прототипомъ ихъ служилъ лукъ—нельзя сомнѣваться уже потому, что онъ до сихъ поръ еще употребляется въ качествѣ музыкальнаго инструмента (см. изобр. на стр. 295). Какъ указываютъ заслуживающія вѣроятія извѣстія, еще мавры въ Испаніи часто сопровождали пѣніе своихъ пѣсенъ звуками, издаваемыми тетивой лука. Въ Африкѣ это обыкновеніе сохранилось и до сихъ поръ; только тамъ выучились уже присоединять, къ луку какой-нибудь резонаторъ, по большей части тыквенный сосудъ. Вмѣсто одной тетивы можно натянуть нѣсколько, и онѣ по большей части дѣлаются изъ лыкъ, отодранныхъ съ того же лука, и для натягиванія ихъ прикрѣпляютъ къ особой перекладинѣ. Такимъ путемъ возникъ въ Африкѣ весьма распространенный инструментъ, который можетъ уже давать цѣлый рядъ тоновъ. Постепенно присоединяются къ струнныхъ инструментахъ резонаторы, и подъ конецъ отъ прежняго лука остается только незначительная часть напоминающаго намъ о первоначальномъ инструментѣ. Струны уже натягиваются и настраиваются при помощи винтовыхъ колышковъ (см. прилаг. здѣсь изобр.) и этимъ открывается путь къ необозримымъ видоизмѣненіямъ основного типа. Повидимому, оригинальную группу представляютъ струнные инструменты, у которыхъ струны прикрѣпляются къ рогамъ животнаго, черепъ котораго служитъ резонаторомъ. Въ послѣдствіи черепъ замѣняется другими пустотѣлыми

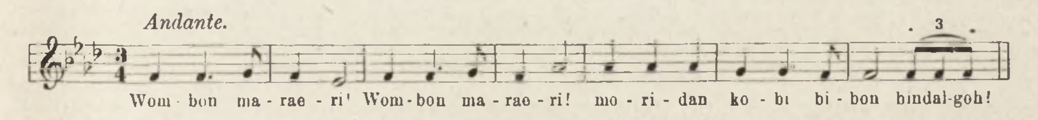
по стерженьку около 6-ти сантиметровъ длиной, которые утончаются къ концамъ. Отъ противоположной стороны несомкнутому промежутку кольца, черезъ центръ послѣдняго и чрезъ несомкнутое пространство, идетъ между стерженьками тонкая стальная пластинка и выступаетъ миллиметра на три за стерженьки. Если тронуть пальцемъ эту пластинку, она издаетъ очень слабый звукъ. Для усиленія звука играющій на инструментѣ беретъ кольцо въ ротъ и держитъ крѣпко въ зубахъ, концы же стерженьковъ которыхъ выдаются изъ рта. Усиленный резонансомъ рта—звукъ становится громче. Тембръ все-таки довольно глухой, какъ бы отъ инструмента, играющаго гдѣ-то подъ землей. Пользуются этимъ инструментомъ, главнымъ образомъ, шаманы. Шаманъ приводитъ сначала въ колебаніе пластину черезъ извѣстные промежутки, какъ бы отбивая тактъ, и каждый звукъ слышится отдѣльно. Потомъ онъ ускоряетъ темпъ, пластинка звучитъ непрерывно, и у опытнаго артиста выходитъ изъ этого какая-то суровая, протяжная мелодія, напоминающая собою нѣкоторые заунывные напѣвы монголовъ и сибирскихъ тюрковъ. *Прим. редакціи.*

поверхностями, тыквенными чашами, покровами черепахи и подъ конецъ — деревяннымъ кузовомъ, а рога — деревянными грифами, такъ что только форма инструмента напоминаетъ о его происхожденіи.

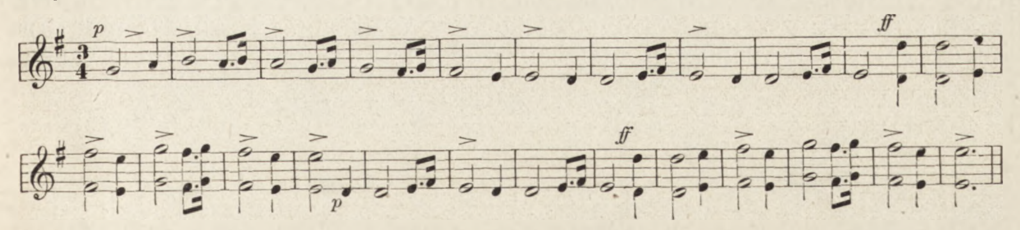
Струннымъ инструментамъ должна бы принадлежать главная роль въ дѣлѣ отдѣленія инструментальной музыки отъ вокальной, но въ большинствѣ случаевъ объ окончательномъ раздѣленіи родственныхъ искусствъ въ первобытной музыкѣ нѣтъ и рѣчи; но сущность музыки можетъ изучаться не на однихъ искусственныхъ инструментахъ, но и на пѣсняхъ, исполняемыхъ голосомъ человѣка. Въ новѣйшее время первобытная музыка стала предметомъ основательныхъ изслѣдованій ученыхъ, какъ, напримѣръ, Фильмора, о воззрѣніяхъ котораго у насъ уже была рѣчь. Впрочемъ, взгляды его стоятъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ другимъ изслѣдователемъ, К. Штумеромъ. Послѣдній указываетъ на то, что возможны и существуютъ въ дѣйствительности различныя системы гармоніи, уклоняющіяся отъ нормальныхъ интерваловъ между отдѣльными тонами скалы; онъ утверждаетъ, что существуютъ иные основные тоны, кромѣ мольныхъ и дурныхъ и что рядомъ съ семиступенной системой пользуется большимъ распространеніемъ пятиступенная.

Примитивная музыка всегда начинается съ небольшихъ интерваловъ; темпы бываютъ разные; въ началѣ медленный—онъ постепенно ускоряется, при этомъ и звукъ переходитъ въ фортиссимо и на этомъ очень часто обрывается пѣсня. Многія пѣсни состоятъ изъ однихъ повтореній; но мелодія иногда уже достигаетъ высокаго развитія. Когда при пѣніи выступаютъ солистъ и хоръ, у перваго въ пѣніи преобладаетъ мелодія, въ хорѣ тактъ; но иногда бываетъ и наоборотъ. Анализъ первобытныхъ музыкальныхъ пьесъ вещь довольно скучная и мало вразумительная и поэтому, вмѣсто того, чтобы заниматься имъ, мы лучше приведемъ нѣсколько образцовъ ихъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что всякая пѣсня сопровождается барабаннымъ боемъ или хлопаньемъ въ ладоши, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда, при коллективной работѣ, возгласы толпы устанавливаютъ тактъ. Рядомъ съ хоровымъ пѣніемъ существуетъ и одноголосное. О бродячихъ, охотничьихъ племенахъ, вродѣ бушменовъ и австралійскихъ негровъ сообщаютъ, что они обыкновенно поютъ въ-одиночку или вдвоемъ и только въ исключительныхъ случаяхъ, именно, при торжественныхъ танцахъ, устраиваютъ хоровое пѣніе.

Люмгольцъ приводитъ одну военную австралійскую пѣсню, воспѣвающую крючекъ метательнаго копья:

Беклеръ въ Новомъ Валлисѣ слышалъ пѣсню, изображающую жалобу по усопшемъ.

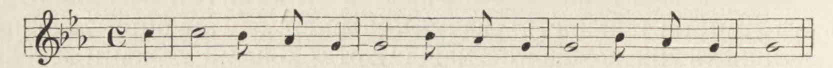

Высокія октавы поются женщинами и дѣтьми и притомъ тона берутся безукоризненно вѣрно, съ замѣчательной чистотой. Карлъ Гагенъ говоритъ объ этой пѣснѣ, что, „несмотря на простоту напѣва, по темпу и тону

(Е-молль) она вполнѣ вѣрно и пристойно передаетъ соотвѣтствующее настроеніе. Особенно сильное впечатлѣніе производитъ вступленіе въ мотивъ октавныхъ нотъ. Среди нихъ особенно выдается терцъ — e-g—какъ единственный большой интервалъ, и производитъ впечатлѣніе вопля невыносимой муки.

Примѣрами пѣсенъ рабочихъ мы возьмемъ пѣсни гребцовъ, изъ которыхъ двѣ первыя поются индѣйцами Сѣверозападной Америки, третья и четвертая негритянскимъ племенемъ бангири въ Центральной Африкѣ на Среднемъ Убанго. Четвертая пѣсня баттакскихъ гребцовъ на Суматрѣ и пятая пѣсня гребцовъ и, вообще, рабочихъ племени кру въ Западной Африкѣ.

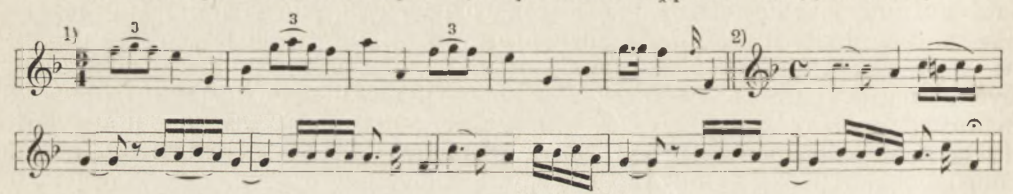
Пѣсня гребцовъ у индѣйцевъ С.-западной Америки. По Т. Бакеру.

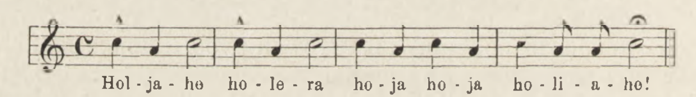
Пѣсня гребцовъ у юконскихъ индѣйцевъ С.-з. Америки. По Вимперу.

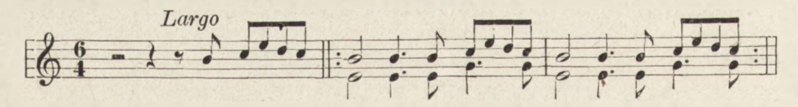
Пѣсня гребцовъ бангири. Центральная Африка По Дыбовскому.

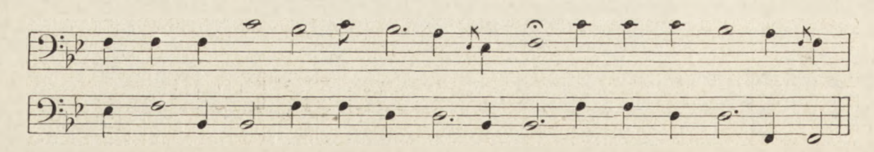
Пѣсня гребцовъ баттаковъ, о-ва Суматра. По ф.-Бреннеру.

Пѣсня гребцовъ и рабочихъ племени кру, З. Африка. По Гюббе-Шлейдену.

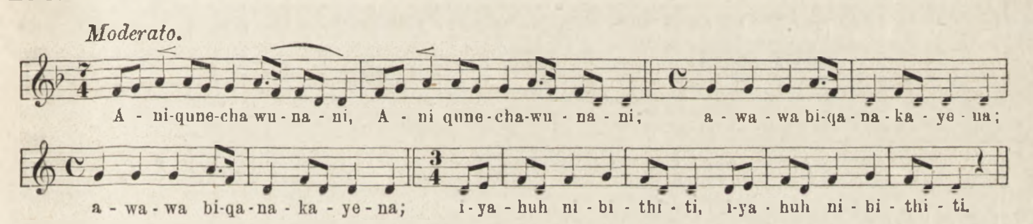
Изъ многочисленныхъ пѣсенъ индѣйцевъ Сѣверозападной Америки, которыя они распѣваютъ на празденствахъ своихъ тайныхъ обществъ и во время зимнихъ танцевъ, мы приведемъ одну изъ простѣйшихъ по Фильмору и Боасу. Смыслъ текста слѣдующій: 1) Мой, духъ недостаточно силенъ, мой духъ недостаточно силенъ — халавейя. 2) Духъ мой страшится, духъ мой страшатся—халавейя. 3) Я видѣлъ его, его зимній танецъ.

Въ качествѣ примѣра пѣнія, гдѣ выступаютъ солистъ и хоръ, мы остановимся на пѣснѣ обитателей Норфольскаго пролива, которая служитъ предварительной церемоніей передъ началомъ торговыхъ операцій (по Ниблаку):

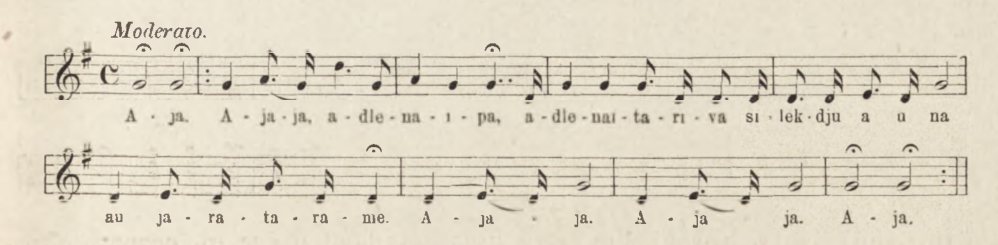
Въ этой пѣснѣ преобладаютъ простыя повторенія, здѣсь мы видимъ только грубыя начатки мелодіи. Несравненно мелодичнѣе пѣсня, или лучше— молитва индѣйцевъ арапахо, которую поютъ участники танца духовъ. Текстъ ея слѣдующій: „Отецъ, смилуйся надо мною. Отецъ, смилуйся надо мною! Я плачу отъ жажды! Все исчезло, мнѣ нечего ѣсть! Все изсчезло, мнѣ нечего ѣсть!“

Джемсъ Муней, сообщившій эту пѣсню, замѣчаетъ при этомъ:

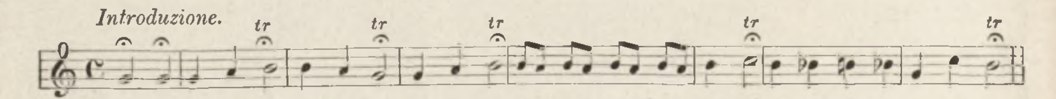
„Она поется жалобнымъ напѣвомъ, даже иногда у танцоровъ слезы текутъ по щекамъ во время пѣнія, такъ какъ слова молитвы напоминаютъ имъ о нынѣшнемъ бѣдственномъ и подневольномъ положеніи. Текстъ можно назвать индѣйскимъ переложеніемъ „Отче, нашъ“.

Боасъ собралъ очень интересные образцы эскимосскихъ пѣсенъ, въ которыхъ, кромѣ речитативовъ, встрѣчаются также и настоящія мелодіи. Вотъ одна изъ любимѣйшихъ эскимосскихъ пѣсенъ:

Доказательствомъ того, что и между примитивными народами имѣются пѣвцы-виртуозы, можетъ служить расказъ Миддендорфа, къ которому

явились три гиляцкихъ пѣвца и начали показывать свое искусство. Пальму первенства заслужилъ нѣкто Ньянунгуръ, пропѣвъ слѣдующую пѣсню:

Ньянунгуръ, по словамъ Миддендорфа, обнаруживалъ особенную виртуозность въ пѣніи. Уже и въ мелодіи у него было несравненно болѣе разнообразія, чѣмъ у другихъ; но онъ, кромѣ этого, умѣлъ пѣть подъ сурдинку, судорожно сжимая горло, послѣ чего быстро выбрасывались звуки, выдѣлывались трели горломъ и даже носомъ.

Съ нѣкоторою осторожностью нужно относиться къ транскрипціи первобытной музыки, которая попадаетъ намъ, пройдя чрезъ руки европейскаго музыканта. Однакоже, въ всякомъ случаѣ, мы считаемъ себя въ правѣ привести здѣсь мотивы съ острова Флориды, въ группѣ Саломоновыхъ острововъ, записанные Кондрингтомъ и Беэйли, такъ какъ Кондригтонъ, вообще, изслѣдователь добросовѣстный и разсудительный.

Подобныя же сомнѣнія, какъ и музыкальная пьеса съ острова Флориды, возбуждаетъ и нижеслѣдующій образчикъ пѣсни Сомали, сооощенный Пауличке:

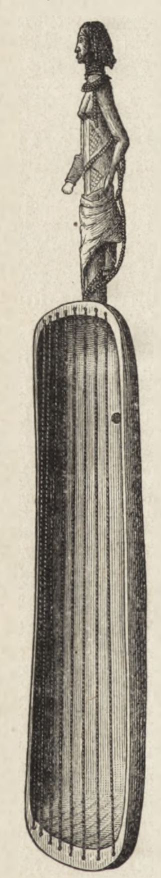
Эти немногіе примѣры, конечно, могутъ дать только весьма неудовлетворительное представленіе о первобытной музыкѣ; но при современной скудости образчиковъ мелодій не можетъ быть и рѣчи о выборѣ наиболѣе типичныхъ образцовъ.

Обращаясь къ первобытной поэзіи, мы встрѣтимъ гораздо болѣе обильный и сравнительно лучше обработанный матеріалъ. Однакоже, вообще, до сихъ поръ невѣроятно мало сдѣлано для того, чтобы можно было этотъ огромный матеріалъ привести въ порядокъ и пропустить сквозь сито критики, не говоря уже о попыткѣ опредѣлить, хотя бы въ самыхъ элементарныхъ чертахъ, задачи сравнительнаго изученія поэтическаго творчества. Въ послѣднее время Карлъ Бухеръ, по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи, указалъ, какое значеніе можетъ имѣть эта отрасль знанія. Вообще же, всякая попытка заглянуть въ эту многообѣщающую область, по недостатку предварительныхъ фундаментальныхъ работъ, должна претерпѣть печальную судьбу отрывочнаго и преждевременнаго предпріятія.

Въ поэзіи гораздо строже, чѣмъ въ какой-либо иной сферѣ искусства, слѣдуетъ раздѣлять форму и содержаніе. Въ музыкѣ, поскольку она постигается разумомъ, смыслъ отступаетъ совершенно на задній планъ. Въ хореографическомъ искусствѣ разумъ весьма часто не играетъ никакой роли, и если онъ проявляется, то только въ тѣхъ случаяхъ, когда танецъ переходитъ въ понятную для всѣхъ пластическую рѣчь. О поэзіи же можетъ идти рѣчь только тогда, когда звуки неартикулированной рѣчи или крики, сопровождающіе пляску, можно превратить въ слова и предложенія и такимъ образомъ выразить постижимую разумомъ, понятную мысль. Эта же мысль можетъ быть понята лишь тѣмъ, кто владѣетъ языкомъ, на которомъ она высказана. Незнающему этого языка она можетъ быть передана въ болѣе или менѣе удачномъ и понятномъ переводѣ. Это обстоятельство представляетъ громадное затрудненіе въ изслѣдованіи первобытной поэзіи: всякій языкъ имѣетъ свою оригинальную физіономію, которая отражается въ формѣ поэтическаго произведенія, которую невозможно вполнѣ точно сфотографировать на другомъ языкѣ; передача смысла достигается гораздо легче. Не имѣя первоначальнаго текста и перевода, съ достаточной точностью передающаго смыслъ, мы не можемъ изучать его. Что же въ данномъ случаѣ слѣдуетъ считать первоначальнымъ текстомъ? Писанный текстъ не можетъ замѣнить устной передачи: ни звуковъ, ни музыки фразъ транскрипція передать не можетъ. Только фонографъ обѣщаетъ намъ доставить настоящій пригодный для изслѣдованія и не старѣющій матеріалъ по первобытной метрикѣ; но для этого самъ инструментъ долженъ еще подвергнуться значительнымъ улучшеніямъ.

У насъ нѣтъ недостатка въ переходныхъ формахъ, отъ пѣсенъ, состоящихъ часто изъ безсмысленныхъ звуковъ и набора словъ, къ свободному поэтическому творчеству. Мы знакомы съ той ступенью развитія, въ которой музыкальная, звуковая сторона въ различныхъ формахъ совершенно преобладаетъ надъ смысломъ. Мы уже познакомились съ пѣс-

нями гребцовъ и съ пѣсней обитателей Норфолькскаго залива. Текстъ въ нихъ состоитъ изъ однихъ почти восклицаній; слова здѣсь подобраны не столько для смысла, сколько для того, чтобы въ нихъ укладывался напѣвъ пѣсни. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется налицо осмысленный текстъ, часто главную роль играетъ музыка, а слова считаются дѣломъ чисто второстепеннымъ. Часто даже встрѣчаются пѣсни на архаическомъ нарѣчіи, котораго уже никто не понимаетъ, но пѣсня изъ-за этого не выходитъ изъ употребленія. Точно также поются пѣсни на чуждомъ языкѣ, котораго никто не понимаетъ, и перенимаютъ ихъ только ради напѣва, а слова служатъ только для того, чтобы при помощи ихъ можно было выводить мелодію. Вимперъ сообщаетъ, что индѣйцы на Аляскѣ очень любятъ европейскія пѣсни и поютъ ихъ и перенимаютъ ихъ съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ непонятнѣе для нихъ текстъ. Подобныя явленія встрѣчаются и на высокихъ ступеняхъ развитія въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обществѣ пріобрѣтаетъ большое значеніе задерживающая прогрессъ консервативная сила религіи. Богослуженіе на латинскомъ языкѣ въ католическихъ церквахъ служитъ прекрасной иллюстраціей этого явленія [1]. Ацтеки также при своихъ религіозныхъ танцахъ около пирамиды Холуло пѣли свои старинныя пѣсни, смыслъ которыхъ былъ имъ врядъ ли понятенъ. И помимо этихъ примѣровъ мы имѣемъ факты, доказывающіе, что мелодія устойчивѣе текста. Нѣкоторыя укоренившіяся мелодіи, какъ пѣснь Лорелеи или „God save the King", приспособлены къ безчисленному количеству текстовъ, которые являются придаткомъ къ музыкальной композиціи. Даже въ Уніамвезе, какъ утверждаетъ Стенли, подвиги Мирамбо воспѣваются извѣстными, опредѣленными напѣвами. Обратное явленіе начинается лишь тогда, когда поэтическое творчество достигаетъ высокой степени развитія, тексты фиксируются транскрипціей, и мы видимъ, какъ на одинъ и тотъ же текстъ, напримѣръ, на бекеровскій Rheinlied, компонируются многочисленныя мелодіи.

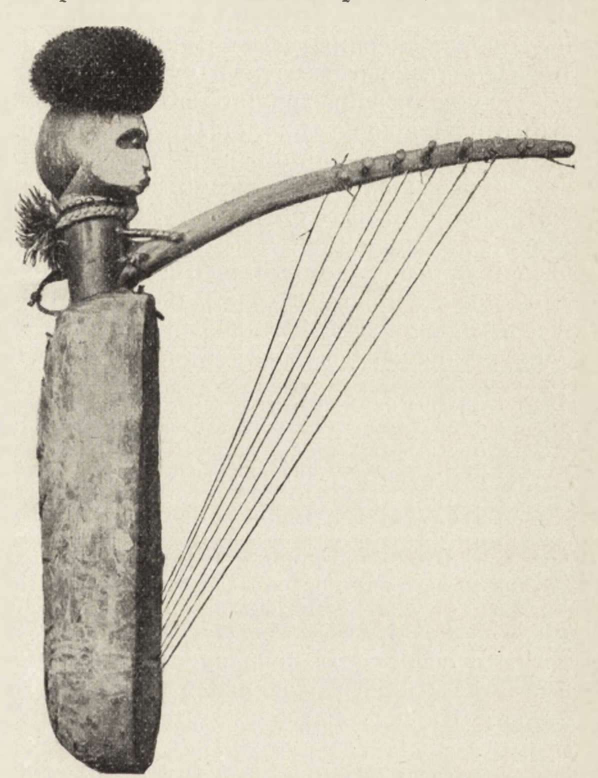

Струнный музыкальный инструментъ изъ Уссукумы, Вост. Африка. По Кольману. См. текстъ, стр. 522.

Хотя мелодія устойчивѣе, нежели текстъ, но и она имѣетъ свойство „стариться", поэтому никакая народная мелодія не можетъ разсчитывать на прочное существованіе. Такъ какъ я уже давно, въ другомъ мѣстѣ, сдѣлалъ попытку объяснить это явленіе, то да позволено мнѣ будетъ здѣсь сослаться на самого себя. „Всякая пѣсня дѣйствуетъ на какія-нибудь чувства человѣка, пробуждаетъ его отъ сна къ сознательному бытію, создаетъ тонъ и рѣчь, подходящіе къ настроенію, и рисуетъ пѣвцу и слушателямъ живые образы фантазіи. Но надобно отмѣтить, что чувствованія человѣка имѣютъ одно важное общее свойство съ его силами, — и тѣ и другія утомляются. Чѣмъ сильнѣе чувства возбуждены въ извѣстномъ направленіи, тѣмъ скорѣе это возбужденіе притупляется. Долго длящееся наслажденіе извѣстнаго рода постепенно притупляется, надоѣдаетъ и вмѣсто него начинаетъ нравиться другое, можетъ быть, менѣе сильное и завлекательное, но новое. Старая справедливая пословица, утверждающая, что счастье переносится

[1] Это явленіе всемірное. Знаменитое классовое самосознаніе всего раньше и всего тверже установилось среди служителей религіи, крѣпко державшихся за монополію сношеній съ невѣдомымъ міромъ. Судрѣ, слушавшему чтеніе ведъ, уши заливали свинцомъ; въ мусульманствѣ есть своя латынь — арабскій языкъ; монгольскіе ламы ведутъ богослуженіе на тибетскомъ языкѣ; въ мистическихъ тайныхъ обществахъ часто вырабатывается особый условный языкъ; шаманы очень часто сами не понимаютъ архаическаго языка своихъ заклинаній. Есть свѣдѣнія, что шаманы-монголы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поютъ заклинанія на тюркскомъ языкѣ, совершенно имъ непонятномъ. *Ред.*

съ трудомъ, вѣрно указываетъ на инстинктивную склонность пресыщеннаго человѣка искать новыхъ, даже, можетъ быть, вредныхъ наслажденій. Взглянемъ съ вышеуказанной точки зрѣнія на народную пѣсню. При первомъ своемъ появленіи она вызываетъ восторгъ, тѣмъ болѣе полный, чѣмъ сильнѣе она затрагиваетъ различныя общія настроенія. Весь свѣтъ поетъ ее, насвистываетъ, играетъ на инструментахъ, и она достигаетъ апогея своей популярности. Нѣтъ человѣка, который не слыхалъ бы и ненапѣвалъ бы ея. Послѣ этого успѣхъ начинаетъ падать, возбужденіе чувствъ въ извѣстномъ направленіи перешло свой предѣлъ, начинается пресыщеніе. Рѣже и рѣже слышится она: всѣ эту пѣсню пѣли, всѣмъ она надоѣла, а въ концѣ-концовъ она умираетъ и исчезнетъ совсѣмъ, если какой-нибудь собиратель своевременно не подберетъ этотъ завядшій цвѣтокъ въ свой гербарій.

Все, что говорили мы о пѣсняхъ культурныхъ народовъ, приложимо вполнѣ къ пѣснямъ народовъ первобытныхъ. Во многихъ случаяхъ эта перемѣна вкусовъ даже сведена въ извѣстную систему. Въ Австраліи, напримѣръ, ежегодно къ большому корробири (праздникъ съ танцами) требуются новые танцы и пѣсни. На островахъ Фиджи композиторы новыхъ танцевъ и пѣсенъ пользуются всеобщимъ уваженіемъ и получаютъ за нихъ награды; Клейншмидтъ сообщаетъ, что многія изъ этихъ пѣсенъ распространяются изъ одной области въ другую и становятся извѣстными повсюду. Несомнѣнно, впрочемъ, что многіе уже не разъ упоминавшіяся нами явленія, задерживающія всякія новшества, оказываютъ свое консервативное вліяніе и здѣсь. Иногда извѣстныя пѣсни, по какимъ-нибудь причинамъ, тѣсно связываются съ какой-нибудь національной особенностью или же становятся неизмѣнной принадлежностью какихъ-нибудь трудно измѣняемыхъ обыкновеній, напримѣръ, религіозныхъ обычаевъ; подобнымъ же образомъ извѣстная пѣсня становится національнымъ гимномъ, предметомъ народной гордости и заботливости и сохраняется на долгія времена. Рамзаеръ нашелъ, напримѣръ, у ашантіевъ старыя національныя пѣсни и любимыя пѣсни умершихъ королей, которыя пѣлись при разныхъ обрядахъ, посвященныхъ культу предковъ и до сихъ поръ еще твердо сохраняются въ памяти народа. Вильгельмъ Юнкеръ категорически стоитъ на томъ, что нѣкоторыя африканскія пѣсни и пляски представляютъ собою національныя особенности нѣкоторыхъ племенъ.

Струнный инструментъ изъ Габуна, Зап. Африка
Бременскій музей. См. текстъ, стр. 522.

Сравнительная стойкость мелодій прежде всего объясняется тѣмъ, что музыкальная сторона дѣла является основой всего и изъ нея уже потомъ развивается членораздѣльный, словесный текстъ. Это образованіе текста во многихъ случаяхъ можно наблюдать даже теперь и ознакомиться съ нимъ

довольно близко; оно происходитъ двумя путями, изъ которыхъ одинъ другого не исключаетъ. Случается, что вмѣсто междометій, изъ которыхъ состоитъ пѣсня, вырабатывается текстъ осмысленный, состоящій чаще изъ очень немногихъ, повторяющихся словъ, или же первоначальная пѣсня переходитъ въ припѣвъ, который поетъ хоръ, а передъ припѣвомъ запѣвало, импровизируя, поетъ нѣсколько фразъ соло. Этотъ второй способъ чаще всего можно наблюдать въ пѣніи при коллективныхъ работахъ[1]. Сибрэ пишетъ, что „гребцы Гова на Мадагаскарѣ, на лодкахъ почти все время поютъ свои мелодическія и осмысленныя пѣсни, причемъ одинъ изъ нихъ, солистъ, импровизируетъ какой-нибудь речитативъ. Эти сольныя партіи весьма часто изображаютъ какое-нибудь дѣйствительное событіе, или же воспѣваютъ хвалу хозяину-европейцу, у котораго они состоятъ въ услуженіи: прославляется его щедрость, богатство и тому подобное и къ этимъ славословіямъ, въ видѣ конечнаго, присоединяется пожеланіе, чтобы на ближайшей станціи имъ дали рису, мяса и другой пищи. Въ промежуткахъ между импровизаціями вступаетъ хоръ съ коротенькимъ припѣвомъ, напримѣръ, съ очень любимымъ: Не! misiva?, т. е. нѣтъ ли чего нибудь? Въ одной изъ такихъ пѣсенъ хоръ поетъ о городѣ Таматаво, гдѣ можно заработать много денегъ, а речитативъ по очереди перечисляетъ всѣ деревни по пути отъ Таматавы до резиденціи и заканчивается описаніемъ сѣвернаго входа во дворецъ Антанарибо. Гансъ Мейеръ записалъ одну подобную пѣсню въ южной Индіи, которую мы приводимъ здѣсь:

Кормщикъ — О! мы веземъ богатаго барина.
Гребцы — Да богатаго барина, богатаго барина.
Кормщикъ — О! мы веземъ добраго барина.
Гребцы — Да, добраго барина, добраго барина!
Кормщикъ — О, нашъ богатый и добрый баринъ много намъ на водку дастъ.
Гребцы — Да! На водку много дастъ.
Кормщикъ — О, онъ дастъ червонецъ намъ.
Гребцы — Да, онъ дастъ червонецъ намъ.
Кормщикъ — О, онъ дастъ намъ два червонца.
Гребцы — Да, онъ дастъ намъ два червонца и т. д.

По сообщенію Деграндепре, подобнымъ же образомъ, при плясовыхъ пѣсняхъ у негровъ лоанго чередуются между собою при пѣніи хоръ и солистъ. На островахъ Палау речитативъ называется аупресъ, а припѣвъ серсель. Въ то время, когда тамъ жилъ Семперъ, молодыя дѣвушки сложили въ его честь речитативъ, чтобы пѣть его послѣ отъѣзда въ память европейскаго гостя.

При переходѣ къ вопросу о первобытной поэзіи мы вступаемъ въ совершенно дикую невоздѣланную область. Главной причиной запущенности этого вопроса является разнообразіе языковъ, причемъ каждый языкъ имѣетъ свою особую метрику, которую изслѣдовать нужно особо. Тамъ же, гдѣ нѣтъ первоначальныхъ спеціальныхъ работъ, невозможно представить сколько-нибудь удовлетворительной общей картины. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, можно все таки заранѣе установить нѣкоторыя общія точки зрѣнія. Если справедливо, что всякая художественная форма, если она не является простымъ воспроизведеніемъ природы, сводится къ повтореніямъ въ его разнообразныхъ формахъ, — то первой задачей должно быть разысканіе различныхъ способовъ повторенія въ начальныхъ стадіяхъ развитія поэзіи. Онѣ существуютъ на самомъ дѣлѣ и ихъ можно подраздѣлить на двѣ группы. Одна категорія повтореній присуща въ одинаковой мѣрѣ и музыкѣ, и поэзіи. Она вызвана къ жизни музыкой, какъ

---

[1] Такое пѣніе, безъ сомнѣнія, приходилось слышать не одинъ разъ всякому, кто знакомъ съ русскими рабочими пѣснями. Запѣвало импровизируетъ какую-нибудь прибаутку, часто довольно фривольную, а за нимъ хоръ тянетъ „родную дубину“. *Ред.*

болѣе древнимъ искусствомъ, вторая категорія свойственна только поэзіи. Ритмъ и размѣръ стиха принадлежатъ къ первой категоріи, повтореніе словъ и предложеній, созвучія, риѳмы, параллелизмы, стереотипныя словесныя формулы и до нѣкоторой степени метафоры — ко второй. При помощи примѣровъ можно по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени разъяснить сущность этихъ различныхъ формъ.

Пока преобладаютъ надъ мелодіей танцы и музыка, преобладаетъ и ритмъ надъ другими формами повторенія, и всѣ другія стоятъ на заднемъ планѣ. Вліяніе ритмическаго теченія нѣкоторыхъ работъ на сопровождающія ихъ пѣсни и на метрику ихъ точнѣе, хотя и безъ достаточной полноты, установлено Карломъ Бухеромъ. Односторонность изслѣдователя состоитъ въ томъ, что онъ не принимаетъ во вниманіе одного очень важнаго обстоятельства: оно заключается въ томъ, что повтореніе служитъ необходимой внѣшней оболочкой всякаго художественнаго произведенія и чисто-поэтическія повторенія встрѣчаются и тамъ, гдѣ нѣтъ ни общей работы, ни плясокъ, ни музыки, ни другихъ какихъ-либо возбудителей.

Безъ сомнѣнія не одна только большая или меньшая давность происхожденія извѣстнаго произведенія можетъ указать намъ, какія свойства преобладаютъ въ данной пѣснѣ — музыкальный ритмъ, рифма, созвучіе, параллелизмъ и т. д.: гораздо болѣе рѣшительное вліяніе имѣютъ въ этомъ случаѣ особенности языка; нѣкоторыя формы на извѣстномъ языкѣ даются легко; другія съ затрудненіемъ, третьи оказываются невозможными. Это видимъ мы и въ европейскихъ языкахъ: въ нѣмецкомъ имѣется свой, естественный ритмъ, во французскомъ его нѣтъ; въ нѣмецкомъ очень многочисленны женскіе рифмы, въ англійскомъ они очень рѣдки. Все это оказываетъ сильное вліяніе на выборъ того или иного стихотворнаго размѣра. Существуютъ также различія и въ другихъ отношеніяхъ. Сравнимъ, напримѣръ, аршинныя слова инкорпорирующихъ американскихъ языковъ, съ односложной дробностью китайскаго, и мы поймемъ, что стихотворенія, сложенныя на этихъ двухъ языкахъ будутъ по структурѣ своей совершенно различны даже и въ томъ случаѣ, если-бъ на обоихъ изъ нихъ была выражена одна и та же мысль.

Не всегда, какъ напримѣръ въ нѣмецкомъ языкѣ, удареніе разговорнаго языка совпадаетъ съ музыкальнымъ. Какъ въ стихотвореніяхъ, писанныхъ на классическихъ языкахъ, такъ и во многихъ современныхъ языкахъ, музыкальный, сообразующійся съ долготой слоговъ ритмъ выступаетъ сильнѣе. Подобное видимъ мы у эскимосовъ, о поэтическомъ искусствѣ которыхъ далъ нѣсколько крайне важныхъ и въ другихъ отношеніяхъ указаній Ф. Боасъ. Онъ пишетъ, что „ритмъ пѣсни легче всего понять, изслѣдуя мелодіи. Всякій долгій слогъ можетъ быть замѣненъ двумя или даже тремя короткими. Другіе короткіе слоги составляютъ не отмѣченную удареніемъ часть такта, передъ той частью его, на которую падаетъ удареніе. Короче сказать, ритмовое приспособленіе словъ къ мелодіи весьма произвольное и крайне измѣнчивое, такъ что о метрическихъ стопахъ не можетъ быть и рѣчи. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что въ этой формѣ стихотворенія ритмъ играетъ преобладающую роль. Ритмическое расположеніе словъ выдерживается съ замѣчательной аккуратностью, но не по удареніямъ а по числу слоговъ. Въ обыденной жизни напримѣръ выговариваютъ parlitugun, въ пѣснѣ же — parlítugun и вмѣсто tektorotikelektlune является tektórotíkelíktlune и т. п. Однако же, такихъ перемѣщеній ударенія по возможности избѣгаютъ и въ лучшихъ, настоящихъ народныхъ пѣсняхъ оно почти не встрѣчается. Конструкція стиха вполнѣ соотвѣтствуетъ музыкѣ, такъ что всякая мелодія, всякая скандированная пѣсня окажется составленной изъ музыкальныхъ, то есть ритмическихъ фразъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга цезурами. Повторенія однѣхъ и тѣхъ же фразъ встрѣчаются очень часто“.

Къ сожалѣнію, превосходныя изслѣдованія Боаса нашла очень мало продолжателей. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что стихотворство первобытныхъ народовъ крайне разнообразно и каждый отдѣльный народъ слѣдовало бы основательно изучать въ отдѣльности. Это соображеніе подтверждается сообщеніями Гюббе-Шлейдена о способностяхъ къ ритму у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ. Замѣчанія изслѣдователя прежде всего касаются музыки, но такъ какъ она тѣсно связана съ поэзіей, то все сказанное о музыкѣ можетъ быть приложено къ пѣснѣ. Гюббе-Шлейденъ пишетъ о фамъ-фамъ (во французскомъ Конго-Фанъ), что „строй ихъ струнныхъ инструментовъ для европейскаго уха звучитъ неправильно, большинство интерваловъ только приблизительно можно сравнить съ нашими квартами и терцами. Однакоже, мнѣ казалось, что въ ихъ музыкѣ, у различныхъ индивидуумовъ эти несовсѣмъ вѣрно взятые тоны и ряды тоновъ повторялись съ замѣчательной точностью. Ихъ дудѣнье и бреньчанье трудно сравнивать съ европейской музыкой; можно, пожалуй, до нѣкоторой степени найти нѣчто общее съ капризнымъ венгерскимъ чардашемъ, но только безъ характернаго для него оживленнаго ритма, который фамъ-фамъ совершенно неизвѣстенъ. У суданскихъ негровъ — кру ритмъ играетъ въ музыкѣ весьма существенную роль и однообразный меланхолическій характеръ ихъ мелодій обусловленъ ритмомъ ихъ; наоборотъ, у мпонгонго (негры — банту) ритмъ приспособляется къ характеру самихъ пѣсенъ. У нихъ еще можно легко уловить ритмъ и повторяемость его; но ему, повидимому, не придаютъ существеннаго значенія. Племени фамъ-фамъ ритмъ повидимому совершенно чуждъ. Должно быть, у нихъ или совершенно не существуетъ ощущенія ритма, или оно выражено у нихъ крайне слабо. Цѣлую ночь длятся ихъ танцы, подъ звуки тамтамовъ, утомительно и однообразно тянутъ они „голосянку" въ своихъ пѣсняхъ; выступаютъ изъ этого монотоннаго однообразія только немногіе звуки, выкликиваемые запѣвалами, производимые музыкантами или танцорами, а чаще всего оганга (священникомъ); но это дѣлается не въ опредѣленные какіе-либо сроки, а когда и какъ вздумается. При этомъ оганга пользуется музыкальнымъ инструментомъ, который имѣется и у кру-негровъ. Онъ состоитъ изъ небольшого выдолбленнаго слоноваго бивня и обдѣланнаго въ видѣ музыкальнаго рога. Издаетъ онъ одинъ очень громкій, но непріятнаго тембра звукъ. Всю эту музыку вѣрнѣе было бы назвать оглушающимъ, заунывнымъ шумомъ".

При болѣе тщательномъ анализѣ, вѣроятно, многое изъ сказаннаго выше нужно было бы измѣнить, но однако и эти данныя указываютъ уже намъ, какія рѣзкія противоположности въ ощущеніи ритма и такта встрѣчаются у разныхъ народовъ, стоящихъ приблизительно на одной ступени культурнаго развитія. Бильротъ утверждаетъ, что у насъ повсюду встрѣчаются отдѣльныя лица, совершенно лишенныя ощущенія ритма. Послѣ изложенныхъ выше наблюденій можно расширить указанія Бильрота, такъ какъ не только существуютъ отдѣльныя индивидуумы, но и цѣлыя народности, крайне слабо одаренныя въ этомъ отношеніи. Безъ сомнѣнія, болѣе или менѣе развитое чувство ритма должно вліять и на форму стихотворства. Народомъ, имѣющимъ слабо развитое ощущеніе ритма, можно счесть монголовъ, въ стихотвореніяхъ которыхъ мы встрѣчаемъ аллитерацію начальной и концевой рифмы, но почти полное отсутствіе ритма. Шотъ въ видѣ подтвержденія вышесказаннаго цитируетъ слѣдующія строки изъ монгольскаго историка и поэта Сананъ-Сецена.

Гегенъ орту дуръ чину герелъ оронъ амуй
Гемтенъ ялатанъ чину гадана корамъ амуй.

[Въ твоемъ блестящемъ дворцѣ сіяетъ свѣтъ солнца, твои злоделатели и преступники стоятъ на дворѣ, ожидая твоего приговора].

И въ болѣе развитыхъ формахъ стихотворства необходимо съ одной

стороны принимать во вниманіе прирожденную воспріимчивость къ ритму, съ другой вліяніе пляски, коллективныхъ работъ и музыки. Тамъ, гдѣ преобладаетъ припѣвъ, можно принять, что стихотворство развилось изъ хорового пѣнія. Съ другой стороны, послѣ того какъ уже данъ первый импульсъ къ поэтическому творчеству, изъ передачи нараспѣвъ какихъ-либо событій можетъ почти самостоятельно развиться эпическая поэзія. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно версификація болѣе и менѣе проста, такъ какъ здѣсь главную роль играетъ содержаніе, а не форма.

Между музыкально-поэтическимъ ритмомъ и формами, свойственными только лишь поэзіи, стоитъ простое повтореніе словъ и предложеній, соотвѣтствующее повторенію извѣстнаго отдѣла мелодіи, и то же самое повтореніе представляетъ собою грубѣйшую, зачаточную форму поэтическаго творчества вообще. Какъ первоначальные, безсмысленные звуки, клики и междуметія, сопровождающіе музыку, сохраняются въ болѣе позднюю эпоху въ рефренѣ, даже въ нашихъ пѣсняхъ, какъ, напримѣръ, галла, галло, юхейди, юхейда или айлюли, люли, такъ точно то же бываетъ и съ первыми попытками создать связное предложеніе, содержащее въ себѣ эмбріонъ мысли. Этой минимальной дозы смысла, однако же, оказывается вполнѣ достаточно для того, чтобы ради него тянуть безконечную монотонную пѣсню, повторяя все одно и то же. Бауманнъ напримѣръ слышалъ, какъ на островѣ Фернандо-По мальчишки туземцы по цѣлымъ часамъ мурлыкали одну и ту же фразу, — „акула кусаетъ мальчика за руку“. Гребцы Висманна на озерѣ Танганаика все время безпрерывно пѣли слѣдующій наборъ словъ: „Cunde mama, cunde, cunde, leo cunde (горохъ, мама, горохъ, горохъ, сегодня горохъ“). У австралійскихъ негровъ Квинслепда также есть пѣсни, состоящія изъ одной безъ конца повторяемой фразы, замѣняющія наши причитанія по усопшемъ и распѣваемыя старушками. Вотъ образецъ такого причитанія. — „Vianta bémo, bémo jongul naiko?“ (Куда дѣлся племянникъ, у меня былъ только одинъ). На западномъ берегу Мадагаскара Дуліоо слышалъ, какъ люди возвращавшіеся послѣ убійства одного колдуна, все время пѣли Орана! Орана! Омана! Омана! (Дождь идетъ! Дождь идетъ! Люди ѣдятъ! Люди ѣдятъ!). Смысла этой пѣсни не могли объяснить и сами поющіе.

Подобнымъ же однообразіемъ, по сообщеніямъ Эренрейха, отличались плясовыя пѣсни ипуриновъ (Ю. Америка), въ которыхъ пѣли главнымъ образомъ объ ожидаемыхъ удачахъ предстоящей охоты: но и въ нихъ все сводилось къ безконечнымъ повтореніямъ одного, крайне бѣднаго мыслью предложенія, какъ напримѣръ — „Въ большомъ озерѣ у Аримана много рѣчныхъ выдръ“. Ленцъ объ обонго на Огове сообщаетъ: „они довольствуются въ музыкѣ битьемъ одной палкой по другой и поютъ при этомъ по цѣлымъ часамъ одну и ту-же пришедшую въ голову фразу, поводомъ къ составленію которой послужило что-нибудь изъ окружающей обстановки вродѣ того, что напримѣръ — „Бѣлый человѣкъ — хорошій человѣкъ, онъ далъ намъ соли“, — или, что-нибудь въ этомъ родѣ“.

Выводъ, утверждающій, что краеугольнымъ камнемъ стихотворной формы служитъ повтореніе, былъ сдѣланъ уже Бринтономъ при анализѣ первобытныхъ американскихъ пѣсенъ, и онъ самъ изложилъ результаты своихъ изслѣдованій. Повтореніе замѣняетъ собою и рифму, и тактъ; оно является въ двухъ видахъ,—или неизмѣнно повторяется одно и то же предложеніе или слова въ стихѣ мѣняются, но остается неизмѣннымъ припѣвъ. Припѣвъ самъ по себѣ уже представляетъ повтореніе и изъ него впервые развивается стихотвореніе, полное мысли и содержанія.

Насколько видоизмѣненныя формы повтореній смысла мы видимъ во многихъ рабочихъ пѣсняхъ, указываетъ древнеегипетская пѣсня молотильщиковъ, приводимая Бругшемъ:

Вы молотите для васъ, вы молотите для васъ,
Для вашихъ коровъ,
Вы молотите для васъ, вы молотите для васъ,
(хлѣбъ) Зерно для васъ,
(хлѣбъ) Зерно для вашихъ господъ.

Еще проще пѣсня, записанная Миклухо-Маклаемъ, которую пѣли въ заливѣ Астролябіи (Германская Новая Гвинея) при приготовленіи саго.

Bom, bom, marare,	Саго, саго, дѣлается.
Marare, tamole,	Дѣлается, мужчинами.
Mara marare,	Дѣлается, дѣлается.
Bom, bom, marare	Саго, саго, дѣлается,
Marare, marare	Дѣлается, дѣлается,
Bom, bom, marare.	Саго, саго, дѣлается.

Также и въ другихъ пѣсняхъ встрѣчается простое повтореніе, но уже какъ очень существенная часть и въ то же время связующее звено всего стихотворенія; это мы встрѣчаемъ во многихъ нѣмецкихъ народныхъ пѣсняхъ и въ прилагаемой здѣсь пѣсенкѣ урановъ въ Бенгаліи (по Дальтону):

Nundim Khore dimbobaha	Бутонъ цвѣтка димбобоха
Pello mengan hilo dolo mani,	Колышется на головѣ дѣвушки,
Pairi biri dimbobaha	Уже рано утромъ димбобоха
Pella mengan hilo dolo mani.	Колышется на головѣ дѣвушки.

Даже и въ стихотвореніяхъ культурныхъ народовъ сохранились простыя формы повторенія, потому что психологическое воздѣйствіе, укрѣпляющее и устанавливающее мысль, не можетъ быть болѣе быстро и успѣшно достигнуто никакими иными способами; это чрезвычайно хорошо поясняется весьма извѣстнымъ стихомъ:

O lieb so lang du lieben kannst	Люби, пока любить ты можешь,
O lieb so lang du lieben magst	Люби, пока любить ты въ силахъ,
Die Stunde kommt, die Stunde kommt	Придетъ твой часъ, придетъ твой часъ —
Wo du an Gräbern stehst und klagst.	Лить будешь слезы на могилахъ.

Въ числѣ повтореній, свойственныхъ только одному стихотворству, могутъ находиться такія созвучныя и гармоничныя формы, которыя имѣютъ постольку отношенія къ музыкѣ, поскольку онѣ могутъ быть выражены музыкой словъ. Доказательство того, что стихотворной формѣ ея самостоятельность и способность неотразимо дѣйствовать и убѣждать сообщается рифмой, ритмичностью и повтореніемъ — съ большой ясностью формулировалъ Шопенгауеръ въ слѣдующихъ словахъ: „невѣроятно могущественное дѣйствіе ритмичности и рифмъ я могу объяснить только тѣмъ, что силы нашего воспріятія, въ данное время прикованныя къ извѣстному явленію, настраиваются при этомъ особеннымъ образомъ, благодаря чему онѣ внутренно слѣдятъ за всякимъ регулярно повторяющимся шумомъ и звучатъ въ унисонъ съ нимъ“. Другими словами, ритмическая рѣчь и рифма до нѣкоторой степени служатъ регуляторомъ нашего вниманія, и мы, при его участіи, охотнѣе слѣдимъ за тѣмъ, что поется или произносится. Кромѣ того — тѣ же самыя рифмы и размѣренная рѣчь вызываютъ въ насъ, помимо и прежде всякой реакціи разума, чисто инстинктивное сочувствіе тому, что мы слышимъ, и изъ этого, независимо отъ какихъ-либо соображеній, чисто эмоціональнымъ путемъ, возникаетъ убѣждающая или покоряющая насъ себѣ сила.

Въ стихотворныхъ произведеніяхъ различныхъ народовъ созвучія, рифмы и аллитерація играютъ далеко не одинаковую роль. Иногда всѣ эти формы отсутствуютъ и стихотворная форма представлена только метрикой и повтореніями одной и той же мысли. Это мы видимъ въ стихотворныхъ произведеніяхъ классическихъ народовъ и также у первобытныхъ племенъ Америки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выступаютъ на первый планъ, то та, то другая форма, что отчасти обусловливается свойствами того или другого языка. Аллитерація, повидимому, преобладаетъ у народовъ Азіатскаго нагорья и въ прилегающей къ ней части Европы, напримѣръ, у

монголовъ, финновъ и тюркскихъ племенъ. Какъ извѣстно, она также была свойственна и сѣверогерманскимъ племенамъ. Рифма въ свою очередь распространена въ Полинезіи, у обитателей Австраліи, въ Зондскомъ архипелагѣ, Индо-Китаѣ и т. д.; но она только въ немногихъ мѣстахъ приведена до нѣкоторой степени въ систему. На Фиджи очень любятъ, чтобы каждый стихъ очень длиннаго стихотворенія оканчивался опредѣленной гласной и для этой цѣли произвольно измѣняютъ размѣръ стиха и уродуютъ слова. Въ других мѣстахъ любятъ пользоваться рифмой только въ подходящихъ случаяхъ; но умѣютъ обходиться и безъ рифмы. Мѣстами же, какъ напримѣръ, въ Новой Зеландіи, рифмы въ полномъ пренебреженіи. Нѣкоторые примѣры познакомятъ насъ съ рифмованными стихотвореніями первобытныхъ народовъ.

Таплинъ даетъ примѣръ пѣсни на праздникѣ Корробори у нараніери въ Австраліи, состоящей изъ рифмованныхъ строчекъ съ прибавкою восклицаній въ концѣ нѣкоторыхъ строкъ.

Puntin Narrinyerar, puntin Narrinyerar, 0, 0, 0.
Puntin Narrinyerar, 0, 0, 0, 0, 0.
Yun terpulani ar
Tuppun an wangamar
Tyiewar ngoppun ar 0, 0, 0, 0.
Puntin Narrinyerar etc.

Смыслъ пѣсни слѣдующій: „Нарриніери идутъ; они скоро будутъ и принесутъ кенгуру; они ходятъ скоро". Лангсдорфъ сообщилъ одну пѣсню съ Нука-гива (Маркизскій архипелагъ). Строки этой пѣсни, по крайней мѣрѣ въ началѣ, попеременно оканчиваются на ăh и oh; подъ конецъ же, какъ кажется, у поэта истощился весь его запасъ рифмъ. Въ Индійскомъ архипелагѣ рифма въ большомъ ходу, но только и здѣсь не всегда умѣютъ пользоваться ею. „Рифмы и правильнаго размѣра нечего искать въ произведеніяхъ илоканской поэзіи",—пишетъ объ илоканахъ Люцона Блюментритъ. Всѣ стихотворенія у нихъ дѣлятся на строфы въ четыре строчки каждая.

Всѣ строки данной строфы имѣютъ всегда одну и ту же рифму — аааа, bbbb, сссс и т. п. Такъ называемыя рифмы илокановъ для европейскаго уха звучатъ дико, рифмуются, напримѣръ, bassit и ladingit. Опредѣленнаго размѣра илоканскіе поэты не признаютъ. Изъ образчиковъ баттакскихъ стихотвореній (Ява), собранныхъ І. І. Мейеромъ, видно, что четырехстрочныя строфы рифмуются черезъ строчку:

Ulah sok hajang ka gula,
Tatjan bisa nanggur kawung,
Ulah sok hajank ka gula,
Tatja bisa nanun sarung.

(Не требуй сахару, если не можешь срубить сахарной пальмы; не требуй меня, если не можешь соткать сорочки). Малайскіе пантуны, къ которымъ мы еще возвратимся, имѣютъ такое же стихосложеніе. Рядомъ съ коротенькими существуютъ и длинныя стихотворенія, въ которыхъ концевыя рифмы подбираются на одинаковую букву насколько возможно. Одно изъ приводимыхъ І. Лейденомъ стихотвореній имѣетъ слѣдующую схему рифмъ: ааааааа, bbbb, сс, dddd.

Въ доказательство того, что и полудикія горныя племена Дальней Индіи знакомы съ рифмою, можно привести въ примѣръ записанную Ф. М. Рундалемъ пѣсню племени сіинъ-цинъ, которая поется при погребальныхъ танцахъ:

Hăng suon pó! Hang liou liou!
Tong suon pó! Tong liou liou!
Tong hi suoné,
Hăng suoné,
Khutăng shié hang,
Pial moé.

(Храбрые сородичи всѣ, храбрые снова и снова. Товарищи по празднику, праздникъ снова, снова! Наши сородичи (умершіе) отпраздновали свой праздникъ. Наши храбрые сородичи попали какъ бы въ ловушки—вырваться оттуда невозможно). Рифма у столь изолированнаго племени, а также и полинезейскіе примѣры, повидимому, могутъ послужить доказательствомъ того, что она въ очень раннюю пору появилась у малайско-полинезійскихъ племенъ сама собой, а не была занесена туда индостанскими и арабскими вліяніями. Иначе обстоитъ дѣло съ обитателями побережья восточно-африканскихъ нѣмецкихъ владѣній, сахели, съ литературой которыхъ сравнительно довольно богатой, насъ недавно познакомилъ Биттнеръ. Здѣсь арабское вліяніе не можетъ подлежать сомнѣнію и этимъ вліяніемъ объясняется присутствіе конечныхъ рифмъ.

Послѣдній видъ, формальное, простое повтореніе, сохранился въ эпопеяхъ Гомера, конечно, въ видѣ замѣны другихъ видовъ повторенія, которыхъ не бываетъ въ простомъ ритмическомъ, безпрерывно какъ тихій потокъ льющемся въ безпредѣльную даль эпическомъ метрѣ: въ немъ мы встрѣчаемъ установившіеся эпитеты и постоянно повторяющіеся обороты рѣчи. „Тучъ грозныхъ владыко Зевесъ“, „Прекрасные видомъ ахейцы“, „Божественный свинопасъ“ представляютъ собою такую же неизмѣнносвязанную группу, какъ и цѣлое предложеніе, какъ напримѣръ, „Встала рано рожденная съ перстами пурпурными Эосъ“ или „Но, ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный“ и т. д. На эти формулы можно смотрѣть, какъ на сознательно сохраняемые остатки повтореній болѣе давнихъ временъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ же являются важною составною частью стиха. Точно также и въ эпическихъ сказаніяхъ другихъ народовъ, какъ напримѣръ, татаръ, финновъ, малайцевъ, мы встрѣчаемъ такія же повторныя формулы [1]. Еще яснѣе видны эти остатки болѣе простыхъ формъ стихотворства въ народныхъ пѣсняхъ, напримѣръ, вендскихъ, стереотипныя формулы которыхъ записаны Гауптомъ и Шмалеромъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, очень часто встрѣчающіяся: „Добрый молодецъ коня заворачивалъ“, „И, схватившись руки, за руки побѣжали во зеленый лугъ“, „Встань на мечъ мой, красна дѣвица, а съ меча-то на добра коня“.

До сихъ поръ говорили мы только о повтореніи формъ, которыя иногда являлись повтореніемъ мысли или безъ отношенія къ мысли при рифмахъ и аллитераціяхъ. Этимъ, однако, не исчерпываются возможныя повторенія, — встрѣчаются и повторенія мысли, безъ повторяющейся формы. Въ вендской легендѣ, начинающейся словами — „при дорогѣ, при пути, при тропѣ сѣялъ ячмень бѣдный человѣкъ“, — мы видимъ троекратное повтореніе одного и того же разными словами и этимъ повтореніемъ сообщается невольно нѣкоторая привлекательность разсказу. У многихъ народовъ этотъ пріемъ, называемый параллелизмомъ, превратился въ неизмѣнную принадлежность стихотворства. У евреевъ, напримѣръ, всѣ псалмы построены на параллелизмахъ, точно также, какъ и болѣе раннія, древнія вавилонскія пѣснопѣнія, послужившія образцами для евреевъ. Былъ извѣстенъ параллелизмъ и въ древнемъ Египтѣ. Существуетъ особый видъ параллелизма, такъ называемыя тріады валлійскихъ пѣвцовъ, заключающіяся въ сопоставленіи трехъ метафорическихъ названій одного и того же слова. Въ тріадахъ видимъ мы, напримѣръ, слѣдующія прикрашенныя описанія напримѣръ: три иносказательныя хвалебныя наименованія лунѣ,—солнце ночное, возлюбленная, солнышко фей, также такія же хвалебныя названія есть для звѣздъ, — ясныя очи, свѣточи неба, адаманты небеснаго свода; точно

[1] Такія же стереотипныя повторныя формулы составляютъ существенную часть русскихъ старинныхъ былинъ и пѣсенъ, въ нихъ мы встрѣчаемъ и установленные, неизбѣжно связанные съ мѣстами и лицами эпитеты. Мы не приводимъ примѣровъ, такъ какъ достаточно заглянуть въ любую хрестоматію, не говоря уже о сборникахъ старинныхъ памятниковъ народной поэзіи, чтобы убѣдиться въ этомъ. *Ред.*

также имѣются метафорическія наименованія волнъ—„барашки гвендигвы“, „драконы соленой бездны“, „цвѣты океана“.

Многіе первобытные народы знакомы съ параллелизмомъ. Уже Блекъ на этомъ основаніи сравнивалъ готтентотскую поэзію съ іудейской. Монголы и вообще тюркскія племена очень любятъ параллелизмъ. То же самое можно сказать и о китайцахъ. Въ наиболѣе древнихъ стихотвореніяхъ ихъ въ сборникѣ ши-кингъ параллелизмъ выступаетъ въ своихъ простѣйшихъ формахъ, но впослѣдствіи онъ выродился въ сухое, вымученное фокусничество. Пѣсни ши-кингъ имѣютъ нѣкоторое сходство съ малайскими пантунами. Эти пантуны представляютъ собою рифмованныя четырехстрочныя строфы, въ которыхъ господствуетъ довольно своеобразный параллелизмъ: въ первыхъ двухъ строкахъ описывается какое-нибудь явленіе природы, а двѣ послѣднія выражаютъ извѣстнаго рода мысль, сентенцію; но для европейца часто крайне затруднительно усвоить себѣ связь между обоими представленіями,—проникающій насквозь всю первобытную поэзію, субъективизмъ выступаетъ въ пантунахъ съ особой ясностью. До нѣкоторой степени понятенъ параллелизмъ слѣдующаго пантуна:

Memuti umbak di rantau Kataun
Patang dan pagi tida berkala.
Memuti bunga de dalam kabun
Sa tangkei saja iang menggila.

(Бѣлы волны на прибрежьѣ Катафи, день и ночь онѣ бушуютъ безпрерывно; много бѣлыхъ цвѣтовъ въ саду; но по одномъ только я схожу съ ума отъ любви.)

Ayer dalam bertambah dalam
Ujan di ulu bulum lagi tedoh;
Hati dendam bertambah dendam,
Dendam daulu bulum lagi sumboh.

(Глубокія воды стали еще глубже, и дождь все льетъ на холмѣ; страстныя желанія моего сердца усилились, но до сихъ поръ не сбылись надежды его.)

Jeka sungguh bulan pernama,
Mengapa tiada di pagar bintang.
Jeka sungguh tuan bijaksana,
Mengapa tiada dapat di tintang.

(Если дѣйствительно настало полнолуніе, отчего луна не свѣтитъ среди неба. Если ты правдивъ и вѣренъ, почему нельзя мнѣ повидаться съ тобой?).

Параллелизмъ встрѣчается также и въ другихъ стихотвореніяхъ малайской расы. Это видно въ ніасскомъ благословеніи невѣсты, записанномъ Лангеманномъ.

Jamutuge nono la'i,	Пусть у васъ будутъ мальчики,
Jamutuge zi matua,	Пусть у васъ будутъ сыновья,
Hônô zi so ba halama,	Тысячи живущихъ въ полѣ,
Liwu zi lo ba mbanua.	Тысячи обитающихъ въ деревнѣ.

Безъ сомнѣнія, также и самъ способъ передачи, а также манера импровизаціи, имѣютъ вліяніе на возникновеніе параллелизма. У малайцевъ часто выступаютъ два импровизатора, изъ которыхъ одинъ компонуетъ двѣ первыя строки четверостишія, а другой прибавляетъ параллель изъ двухъ заключительныхъ строкъ. Точно также финскія эпическія сказанія, въ нѣкоторыхъ частяхъ почти исключительно построенныя на параллелизмахъ, пѣлись двумя пѣвцами, причемъ они брали другъ друга за руки и, ритмически раскачиваясь, слагали по очереди стихи, изъ которыхъ попеременно послѣдующія строки служили параллелью къ предыдущимъ. Респонзоріи христіанскихъ церквей носятъ тотъ же характеръ.

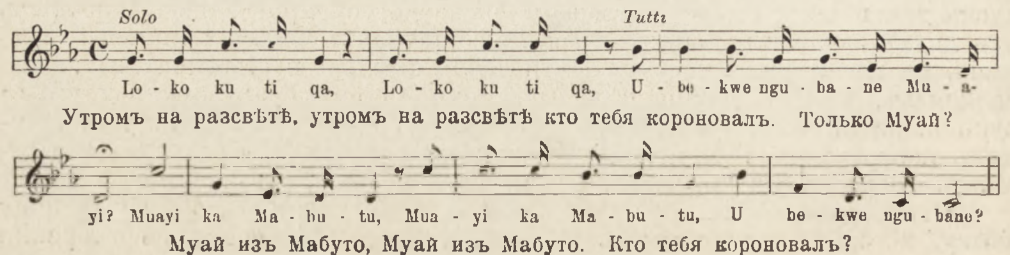
Отъ параллелизма простъ переходъ къ наглядному изобразительному языку, который представляетъ собою утонченнѣйшій способъ повтореній,

при чемъ слушатель, воспринимая изображаемое, мысленно переносится въ дѣйствительность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это самый примитивный способъ мышленія и потому психологическая основа его заложена гораздо глубже, такъ какъ гораздо раньше начали думать образами, чѣмъ абстрактными формулами.

Формѣ поэтическаго творчества противополагается содержаніе. Появившееся позднѣе, въ качествѣ ничтожнаго придатка, оно постепенно росло, забирало силу и въ различныхъ эпическихъ созданіяхъ разбило въ дребезги форму. У первобытныхъ народовъ, смыслъ пѣсенъ или ужъ очень простъ и ничтоженъ, или же мало понятенъ для слушающихъ, такъ какъ содержаніе его дается только неясными, непонятными намеками. Иногда даже свои соплеменники не въ состояніи безъ обстоятельныхъ объясненій понять смысла какой-нибудь новой пѣсни. Причина этого отчасти въ крайней субъективности первобытной поэзіи, а также и во второстепенномъ значеніи текста, который служитъ почти совершенно безразличнымъ субстратомъ музыки. Мы уже имѣли случаи указывать какъ легко вообще обходятся иногда безъ пониманія смысла пѣсни на незнакомомъ языкѣ или при искаженномъ текстѣ на родномъ языкѣ. Большая древность музыки по сравненію съ поэзіей всюду даетъ знать себя.

Уже на очень раннихъ ступеняхъ развитія обнаруживается отдѣленіе лирической поэзіи отъ эпической, хотя всегда сохраняются переходныя формы. Лирику также можно классифицировать по тѣмъ душевнымъ волненіямъ или по тѣмъ событіямъ, которыя вызываютъ созданіе новыхъ пѣсенъ. Своеобразное положеніе занимаютъ пѣсни, связанныя съ какими-нибудь тѣлодвиженіями, танцами или работой; о нихъ впрочемъ сказано было уже достаточно раньше, и мы не будемъ болѣе распространяться о нихъ. Точно также и для остальныхъ мы считаемъ возможнымъ остановиться на нѣсколькихъ примѣрахъ и ограничиться бѣглымъ обзоромъ.

Чѣмъ чаще возбуждается извѣстное чувство, тѣмъ больше появляется стихотвореній по поводу него. Только ощущенія матеріальной нужды, голода, жажды и усталости мало способствуютъ художественной дѣятельности, такъ какъ сами эти ощущенія не могутъ способствовать свободной игрѣ силъ и развитію потребности къ художественному творчеству,—другими словами—эти чувствованія поглощаютъ весь избытокъ силъ, къ тому же и самыя воспоминанія о пережитыхъ невзгодахъ и лишеніяхъ слишкомъ непріятны для того, чтобы дѣлать ихъ предметомъ пѣснопѣній. Зато, наоборотъ, очень многочисленны боевыя пѣсни, вызывающія всѣ воинственные инстинкты, пренебреженіе къ врагу, хвастовство и т. д. Л. Маджаръ слышалъ, напримѣръ, на Купене военныя пѣсни приблизительно такого содержанія: „если ты храбръ, такъ выходи на битву, покажи теперь себя, докажи же, что ты мужчина. А то вотъ теперь то я и вымотаю изъ тебя все нутро“. Вотъ и другая: „Ядъ моего копья дѣйствуетъ быстро, если я моимъ копьемъ вижу непріятеля, такъ онъ и со своей любезной не успѣетъ попрощаться“. Жюно записалъ военную пѣсню баронговъ, въ которой говорится объ одномъ изъ предковъ правящей династіи; она поется воинами магуто и тембе.

Муай изъ Мабуто, Муай изъ Мабуто. Кто тебя короновалъ?

У типнеговъ въ качествѣ военныхъ и побѣдныхъ пѣсенъ очень любятъ повторять послѣднія слова умирающаго непріятеля. Обыкновенно въ военныхъ пѣсняхъ, сопровождающихъ военныя пляски, очень много междометій при крайней бѣдности содержанія.

Послѣднее замѣчаніе очень мало относится ко второй обширной группѣ эротическихъ пѣсенъ. Любовныя пѣсни обыкновенно поются въ одиночку и очень часто безъ музыкальнаго акомпанимента. Благодаря этому и содержаніе ихъ болѣе тщательно обработано, онѣ напоминаютъ даже поэтическія произведенія культурныхъ народовъ и обнаруживаютъ такую нѣжность чувства, которую, казалось бы, трудно встрѣтить у первобытныхъ народовъ. Все это ясно указываетъ намъ, какое громадное значеніе имѣетъ для развитія культуры и смягченія нравовъ человѣчества облагораживающее вліяніе искусства на грубый самъ по себѣ половой инстинктъ. Примѣромъ такого вліянія можетъ послужить приведенная Эрманомъ алеутская любовная пѣсня:

Дня одного не могу безъ нея я прожить
Затанцуетъ она, и дыханье ея — жизнь моя
Все дыханье ея я хотѣлъ бы испить
Жизни нѣтъ для меня безъ дыханья ея.

Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда эротическія пѣсни сопровождаютъ соотвѣтствующій танецъ, онѣ принимаютъ очень часто отталкивающій, циническій характеръ. Едва ли нужно напоминать о томъ, что развитіе поэзіи въ любви въ громадной мѣрѣ обусловливается положеніемъ женщины въ обществѣ.

Третью широко распространенную группу образуютъ пѣсни скорби и печали. Онѣ обыкновенно стоятъ въ тѣсной связи съ культомъ усопшихъ и нерѣдко обнаруживаютъ поразительную глубину чувства. Конечно, встрѣчаются элегическія пѣсни, не имѣющія никакого отношенія къ умершему: Джефсонъ напримѣръ упоминаетъ о жалобѣ по случаю изломанной лодки, Казати приводитъ очень простенькую пѣсенку, жалобу одного пѣвца, Самдеги, по поводу потерянной возлюбленной. Все содержаніе этой пѣсни состояло изъ двухъ повторяющихся Фразъ: „Mischungo sole déle; songo bode ale Kalamassita!“ (Я одинъ, я потерялъ тебя, Каламассита!) Казати записалъ также жалобу по поводу взятія въ плѣнъ Аценга, вождя племени момбуту.

Azanga obeiro,	Вотъ Аценго въ плѣнъ забрали,
Abama ne baku?	Почему онъ не вернулся?
Metico se messia?	Безъ него что станемъ дѣлать.
Pa pandu andonzi	Ну, а если-бъ самъ онъ умеръ
Endria tua!	Мы бы вѣчно горевали.

Образецъ плачевной пѣсни по усопшемъ уже приведенъ былъ нами. Рядомъ съ этимъ и другія меланхолическія настроенія находятъ свой исходъ въ пѣснѣ, чему примѣромъ можетъ служить пѣсня мунда-колховъ (Передняя-Индія), выражающая грусть въ виду приближающейся старости. Эта пѣснь, сильно напоминающая весьма извѣстную шотландскую пѣсню „Джонъ Андерсонъ“, переведена по-нѣмецки Елингаузомъ:

Жена поетъ:

О, мой мужъ, въ убогой хатѣ,
Крытой старою соломой,
Ты засохъ, какъ цвѣтъ весенній
И завялъ, какъ макъ багряный.

* * *

Отъ горячей почвы, что ли,
Иль отъ пламеннаго неба,
Ты засохъ, какъ цвѣтъ весенній
И завялъ, какъ макъ багряный?

Мужъ отвѣчаетъ:

Не причемъ тутъ жаръ отъ почвы,
Не причемъ тутъ пламень съ неба.
Въ глубину уходитъ время,
Становлюсь я старъ, подруга!

* * *

Въ даль катится, другъ мой, время
Потихоньку шагъ за шагомъ.
Старость къ намъ, другъ мой, подходитъ
По стезѣ прямой широкой.

* * *

Какъ въ горахъ туманныхъ скучныхъ
Отупѣли мы съ тобою,
Какъ въ запутанной долинѣ
Безтолковой и безплодной

* * *

Сбились съ толку мы съ тобою.
Оглупѣлъ я, другъ мой милый,
И съ тобой случилось то же.
Да, мы оба поглупѣли!

* * *

Ты, чѣмъ старше — безтолковѣй,
И во мнѣ ужъ толку мало,
Мы ужъ оба, другъ мой милый,
Съ толку сбились, отупѣли.

Къ сожалѣнію, эта пѣсня, отличающаяся чрезвычайно строго выраженнымъ параллелизмомъ, переведена не съ первоначальнаго, но съ измѣненнаго текста. Въ параллель къ ней можно привести застольную пѣсню того же племени мунда коль, но уже подвергшуюся воздѣйствію индуизма:

Выжимай, выжимай
Пиво Киласала (Кисовое)
Процѣживай, процѣживай
Старое пиво-Таласала,
Выжимальщица подавай
Въ сосудѣ изъ листа Мазури,
Удѣли мнѣ пива!
Ну-же ты, выжимальщица
Въ сосудѣ изъ листа-Талара
Удѣли мнѣ пива.
Выжимальщицы всѣ пьяны, о, да!
Выжимальщицы всѣ захмѣлѣли. О, да.

Въ заключительныхъ строкахъ выступаютъ сатирическія ноты, и это далеко нерѣдко встрѣчается въ пѣсняхъ первобытныхъ народовъ; наоборотъ, такихъ пѣсенъ у нихъ очень много и притомъ онѣ имѣютъ весьма важное значеніе, служа выраженіемъ общественнаго мнѣнія. У эскимосовъ устраиваются правильные поэтическіе поединки, замѣняющіе дуэли съ оружіемъ въ рукахъ. Граахъ пишетъ, что „когда гренландецъ чувствуетъ себя оскорбленнымъ, онъ сочиняетъ сатирическую пѣсню на своего противника, которую заучиваютъ наизусть друзья оскорбленнаго, чѣмъ и дается знать на всю округу, что оскорбленный будетъ пѣть противъ своего непріятеля. Противники встрѣчаются, сторонники поединщиковъ становятся въ кружокъ и обиженному предоставляется первая очередь пѣть, и тотъ, приплясывая подъ звуки барабана, начинаетъ раздѣлывать въ пѣснѣ своего врага, выкладывая все, что онъ знаетъ о немъ постыднаго, однако же безъ грубостей и дерзостей; послѣ истца запѣваетъ отвѣтчикъ и такъ поперемѣнно соперники допекаютъ другъ друга, покуда не выложатъ другъ про друга все, что только знаютъ. Затѣмъ присутствующіе рѣшаютъ, кто правъ, кто виноватъ, послѣ чего недавніе враги мирятся и снова становятся пріятелями“.

Бастіанъ приводитъ одну пѣсенку изъ Сіама, въ которой осмѣивается цѣлый народъ:

Khamen then heh,	Камбоджанецъ вѣрный, правый
Kin takeh tow jam	Крокодила ѣстъ въ окрошкѣ
Lao pung dam.	Чернобрюхій Лаосъ
Kin jam takeh	Ѣстъ окрошку изъ крокодила

Наконецъ, въ примѣръ лирики иного характера можно привести разбойничью пѣсню, которую миссіонеръ Бауръ слышалъ у васенгуга:

Я пакатха
Нѣтъ у меня ни отца, ни матери
Мой отецъ — мой ножъ
А копье — моя мать
Я пакатха
Я воръ ночной:

Повидимому первоисточникомъ повѣствовательныхъ поэтическихъ произведеній служили импровизаціи запѣвалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда запѣвъ состоялъ въ передачѣ какого нибудь событія. Въ массѣ случаевъ эти запѣвы состоятъ изъ длиннѣйшихъ речитативовъ, безъ опредѣленнаго метра и какихъ либо другихъ повтореній, другими словами, своего рода проза, передаваемая нараспѣвъ. Въ этомъ родѣ вѣроятно пѣвали подъ удары барабана вечерами при кострѣ о подвигахъ своихъ героевъ сѣвероамериканскіе индѣйцы, о которыхъ разсказываетъ Гекенвельдеръ. Тамъ, гдѣ возникаетъ настоящій эпосъ, въ образованіи его въ большинствѣ случаевъ совокупно принимаютъ участіе ритмъ, неизмѣнныя стереотипные обороты рѣчи и параллелизмъ. По части драматической поэзіи у первобытныхъ народовъ можно найти очень немногое и развѣ только въ связи съ мимическими танцами. Весьма достойно замѣчанія, что драма всегда развивается непосредственно изъ этого источника; часто преддверіемъ къ настоящему театру служили маріонетки и тѣневыя картины; такъ было въ Индонезіи (см. изобр. на стр. 542) и въ Турціи (см. стр. 87).

Поэзія, какъ и всякое занятіе искусствомъ или развлеченіе, прежде всего сама себѣ служитъ цѣлью. Однакоже, человѣческая изобрѣтательность, которая всегда исходной точкой своей ставитъ уже существующее, стремится его приспособить къ своимъ цѣлямъ, умѣетъ извлекать практическую пользу и изъ поэзіи. О томъ, что поэзія и музыка способствуютъ болѣе успѣшному веденію хозяйственныхъ работъ, было уже упомянуто не одинъ разъ. Сверхъ этого стихотворная форма — одно изъ любимыхъ пособій при заучиваніи на память. При правильности соблюдаемыхъ въ построеніи стиха частыхъ повтореній, размѣренной рѣчи и рифмахъ даже и безъ участія музыки гораздо скорѣе и прочнѣе запечатлѣвается въ памяти извѣстный текстъ, чѣмъ въ прозаическомъ изложеніи. Благодаря этому, еще до изобрѣтенія письма индѣйскія веды, другими словами, все умственное достояніе народа, изъ рода въ родъ передавалось въ неизмѣнномъ видѣ; даже и теперь продолжаютъ ихъ заучивать на память и подобные примѣры можно найти у всѣхъ старинныхъ культурныхъ народовъ. Даже посланцы, которымъ давались важныя порученія, старались для вѣрности передачи переложить наказъ въ стихотворную форму. Объ этомъ упоминается въ одномъ сказаніи обитателей островов Тонга, которое поясняетъ, почему на островахъ Фиджи татуируются только женщины, а на Тонга и Самоа только мужчины? Тонганское посольство на островахъ Фиджи, гдѣ впервые вошло въ употребленіе татуированіе, возвращаясь домой, все время пѣло — „женщинъ татуировать, а мужчинъ не надо". Дорогой поднялась на морѣ страшная буря, и всѣ перепугались до помраченія ума, въ головахъ у нихъ перепуталось все и они пѣли всю дорогу послѣ бури—„мужчинъ татуировать, а женщинъ не надо". Отсюда будто-бы и происходитъ разница въ обычаяхъ. Само собою разумѣется, что и поэзія, какъ и другіе виды искусства, служитъ также и мистическимъ цѣлямъ. Заговоры, проклятія, благословенія и тому подобное крайне многочисленны среди первобытныхъ народовъ и если не по содержанію, то по количеству эти волшебныя формулы образуютъ наиболѣе обширный отдѣлъ первобытной поэзіи.

Тамъ, гдѣ существуютъ поэты по профессіи, положеніе ихъ въ обществѣ въ большинствѣ случаевъ не внушаетъ особаго почтенія, но они весьма часто успѣваютъ поднять свое значеніе, благодаря своей близости къ

мистическимъ вопросамъ. Часто поэтъ пророкъ и жрецъ сливаются въ одномъ лицѣ. Съ другой стороны, они добиваются вліятельнаго и почетнаго положенія, воспѣвая доблести сильныхъ міра сего и являясь неизбѣжной, парадною принадлежностью придворнаго штата владѣтельныхъ особъ. Въ нынѣшнее время такое положеніе поэтовъ особенно часто наблюдается въ Суданѣ, въ Африкѣ. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что вообще странствующіе пѣвцы своего рода геніальные пролетаріи и положеніе ихъ въ общественной лѣстницѣ весьма низкое. Искусство прежде всего не насущная потребность, а развлеченіе, предметъ роскоши. Одни платятъ за него слишкомъ щедрой рукой, другіе отказываются отъ него или награждаютъ нищенской подачкой, такъ что эта профессія рѣдко оцѣнивается по своей дѣйствительной стоимости. Это же можно примѣнить и къ тѣмъ созданіямъ искусства, сферою которыхъ является пространство; но адепты этихъ формъ искусства гораздо рѣже бываютъ вынуждены

Кукольная комедія на Явѣ. По фотографіи.

вести бродячую жизнь и потому не испытываютъ такого пренебреженія какъ ихъ собратья изъ иной области творчества.

Это сходство между искусствами, развивающими свои созданія во времени и пространствѣ имѣетъ глубоко заложенныя основы; оба вида искусства произведенія одной и той же способности, но она въ разныхъ отрасляхъ работаетъ разными средствами, говоритъ двумя разными языками, изъ которыхъ одинъ соотвѣтствуетъ звуковой рѣчи, а другой пиктографической письменности. Искусства, дѣйствующія во времени, вліяютъ сильно, но непродолжительно, произведенія искусства, выражающіяся въ пространственныхъ формахъ, дѣйствуютъ менѣе энергично, но зато постоянно. Въ первой категоріи искусствъ исполненіе и воздѣйствіе нераздѣльны между собой, во второй категоріи исполненіе и дѣйствіе исполненнаго на созерцающихъ почти всегда отдѣлены извѣстнымъ промежуткомъ времени. Только письменность дала возможность, подобно монументальнымъ постройкамъ, сохранять на долгое время поэтическія и музыкальныя композиціи, безъ чего, при передѣлкахъ въ устахъ народа, они подверглись бы искаженіямъ, раздробились на отдѣльные фрагменты и исчезли бы безвозвратно. Письменность сохраняетъ жизнь въ памятникахъ искусства какъ бы въ зимней спячкѣ, но стоитъ читателю бросить свой взглядъ на текстъ, и онъ

начнетъ жить настоящей жизнью; точно также и произведенія изобразительныхъ искусствъ, памятники зодчества, ваянія и живописи начинаютъ жить, пріобрѣтаютъ извѣстную цѣну только тогда, когда на нихъ обратитъ вниманіе человѣкъ, способный понять значеніе ихъ и вдохновится ими.

Въ этой коренной разницѣ между искусствами, проявляющими себя во времени и въ пространствѣ, заключается преимущество послѣднихъ, компенсирующее ихъ менѣе энергичное, временное вліяніе на психику человѣка по сравненію съ искусствами, выражающими себя во времени. Произведенія пространственнаго, нагляднаго искусства болѣе самостоятельны, болѣе независимы, онѣ сами собою ясно и осязательно оправдываютъ свое существованіе. Созданныя изъ прочныхъ матеріаловъ стоятъ онѣ передъ нами, рѣзко и опредѣленно выдѣляясь изъ окружающей ихъ обстановки. Онѣ не нуждаются въ тѣхъ искусственныхъ внѣшнихъ формахъ, къ которымъ, хотя бы въ видѣ различныхъ повтореній, должны прибѣгать музыка и поэзія. Пространственные виды искусства и только они имѣютъ возможность воплощать въ своихъ созданіяхъ благороднѣйшія гармоническія формы во взаимныхъ соотношеніяхъ отдѣльныхъ частей. Однакоже, все это приложимо только къ наиболѣе свободнымъ формамъ пространственнаго искусства. Гдѣ не достигнута эта свобода, какъ напримѣръ въ большинствѣ изображеній боговъ и предковъ у первобытныхъ народовъ, тамъ немедленно водворяется сухая неподвижная симметричность. Гдѣ искусство должно служить постороннимъ цѣлямъ и не можетъ удовлетворяться одной гордой свободой и независимостью, тамъ точно также, какъ и въ мелодіи и пѣснѣ, пространственное искусство должно прибѣгать къ повтореніямъ и чередованіямъ, нагляднымъ примѣромъ чего можетъ служить любой образчикъ орнамента. Здѣсь снова мы видимъ проявленіе основныхъ законовъ формъ, господствующихъ въ обѣихъ областяхъ искусства, какъ воплощающихъ себя во времени, такъ и въ пространствѣ.

Искусства, выражающіяся въ пространственныхъ формахъ, возникаютъ изъ н а с т р о е н і я; но въ этой области искусства только первый толчекъ и приступъ къ работѣ характеризуется преобладающимъ вліяніемъ настроенія. Выполненіе по большей части требуетъ времени и значительнаго труда, среди котораго улетучивается весьма значительная доля настроенія и только потребность творчества и привычка къ регулярной работѣ оживотворяютъ дѣятельность. У первобытныхъ народовъ примѣшивается къ этому еще одно задерживающее обстоятельство — отвращеніе къ регулярному труду и настолько безразсчетная трата времени, что весьма часто на выполненіе какой нибудь художественной работы уходитъ до безсмыслія громадное количество времени. По этому поводу Гамильтонъ пишетъ о маори: „у насъ обыкновенно какая-нибудь вещь заканчивается и отдѣлывается вполнѣ, прежде чѣмъ начнутъ ею пользоваться“. Маори пускаютъ въ дѣло оружіе или рѣзное украшеніе какъ скоро можно хоть какъ-нибудь ими пользоваться, а — „дальнѣйшая обработка длится иногда въ теченіе цѣлыхъ годовъ и даже нѣсколькихъ поколѣній“. При медлительности работы отступаетъ на задній планъ не только вліяніе настроенія, но и личное творчество. Этимъ и объясняется строго выдержанный стиль художественныхъ работъ у большинства примитивныхъ народовъ на первыхъ стадіяхъ развитія художественнаго творчества.

Преобладаніе настроенія въ искусствахъ, выражающихся во времени, и сравнительно меньшая роль эмоціональнаго элемента въ искусствахъ пространственныхъ, несомнѣнно сказывается на матеріалѣ и содержаніи художественныхъ произведеній той или другой области искусства. Скоро преходящія бурныя, шумныя настроенія, выражающіяся въ военныхъ пѣсняхъ, эротическихъ танцахъ или застольныхъ пѣсняхъ, даютъ матеріалъ культурнымъ народамъ также и для пространственныхъ изображеній; наоборотъ, у первобытныхъ народовъ они почти никогда не получаютъ ося-

заемыхъ или видимыхъ формъ. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда сама природа непосредственно указываетъ мотивы для творчества и образцы для копированія; на первоначальныхъ стадіяхъ развитія искусства замѣтнымъ образомъ преобладаютъ идеи перманентнаго общества. Большую часть своихъ темъ первобытные художники берутъ изъ тотемизма и культа предковъ. Наглядныя изображенія главнымъ образомъ должны въ своей наивной формѣ укрѣплять убѣжденіе въ непрерывномъ продолженіи существованія семьи или рода, другія-же изображенія, какъ это съ особенной ясностью доказалъ Вилькенъ, употребляются въ качествѣ амулетовъ.

Весьма легко показать на образцахъ первобытнаго художественнаго творчества, что и пространственное искусство, какъ и всякое другое, есть

Бушменскіе рисунки на Тугелѣ, Южн. Африка. По Гансу Мееру. См. текстъ, стр. 546.

результатъ свободнаго воздѣйствія духовныхъ силъ на матеріальный міръ. Если матерія раздроблена и переформирована или только измѣнила свой видъ при обработкѣ, то, значитъ, разрушено одно изъ организованныхъ созданій природы, и скомбинировано въ новую форму или какимъ-либо особеннымъ образомъ изуродовано. Прежде всего нужно сказать, что всѣ почти художественныя произведенія, относящіяся къ культу предковъ, имѣютъ уродливыя формы: лицо напоминаетъ вытянутую морду звѣря, однѣ части тѣла имѣютъ неистовые размѣры, другія чуть намѣчены, изъ соединенія органовъ человѣка и животныхъ скомпоновано какое-то чудище и т. п. Эти созданія должны воплощать въ себѣ извѣстную идею, но художникъ не въ силахъ еще использовать образъ человѣка для выраженія ея и создаетъ изъ обломковъ разрушенныхъ организмовъ нѣчто новое, подобно тому, какъ въ средневѣковомъ Римѣ изъ остатковъ зданій классической эпохи строили христіанскія церкви. Во многихъ случаяхъ можно еще сомнѣваться—скопировалъ ли художникъ легендарнаго гермафродита, или же пластическое искусство, создавшее гермафродита, дало тему для возникновенія новыхъ легендъ; въ разныхъ случаяхъ каждое изъ этихъ предположеній можетъ быть доказано съ одинаковой вѣроятностью.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Поле сраженія сіуксовъ. Сѣверная Америка.

Изъ такихъ неумѣлыхъ начинаній развивается въ концѣ концовъ **свободное** изобразительное искусство, которое впервые развернуло свои жизненныя силы среди греческаго народа. Свободному искусству противополагается **орнаментика**, какъ искусство подчиненное. Основой всякаго свободнаго искусства служитъ подражаніе или, лучше сказать, творческое воспроизведеніе природы. Поразительно, что какъ разъ племена, стоящія на низшихъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія, отличаются замѣчательными способностями къ воспроизведенію природы (см. прилаг. таблицу — „Поле сраженія сіуксовъ"); при дальнѣйшихъ успѣхахъ культуры эта склонность къ правдивому изображенію природы утрачивается и начинается преобладаніе карикатурнаго, несообразнаго и несовмѣстимаго, пока, наконецъ, путемъ медленнаго труда не вернутся къ тому, что въ самомъ началѣ казалось само по себѣ совершенно естественнымъ и понятнымъ.

Это явленіе повторяется въ самыхъ различныхъ уголкахъ земного шара. Кто пожелаетъ найти въ Африкѣ болѣе или менѣе вѣрныя изображенія людей и животныхъ, долженъ направиться къ бродячимъ бушменамъ (см. изобр. стр. 544). Въ Сѣверной Америкѣ знаменитѣйшими мастерами по части воспроизведенія природы считаются эскимосы (срв. изобр. стр. 61, 69, 81, 163, 261, 277, 317 и 475)[1] точно также народы доисторическаго времени въ Европѣ, жизнь которыхъ была сходна съ жизнью эскимосовъ, оставили намъ удивительныя по своей правдивости и реализму изображенія животныхъ. Въ новѣйшее время образцы подобныхъ изображеній найдены въ пещерахъ Франціи и Швейцаріи[2] (сравн. таблицу при стр. 327). Трудно допустить, что всѣми этими остатками мы обязаны нѣкогда существовавшей, широко распространенной и богато одаренной художественными талантами расѣ. Въ этомъ смыслѣ могла бы быть рѣчь только о карликовой расѣ, остатки которой встрѣчаются и въ древней Европѣ. Гораздо проще предположить, что одинаковый образъ жизни,

Новобританецъ въ маскѣ. По Люшану. См. текстъ, стр. 547.

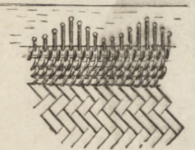
---

[1] Съ эскимосами могутъ успѣшно соперничать обитатели крайняго сѣверовостока Азіи — коряки, кереги и чукчи, хотя ихъ, можетъ быть, слѣдуетъ считать учениками эскимосовъ восточныхъ. Громадныя коллекціи образцовъ этихъ работъ въ недавнее время были доставлены Н. Л Гондати Они хранятся въ музеѣ этнографіи при Императорской Академіи Наукъ, отчасти въ Московскомъ университетскомъ музеѣ. Академическія коллекціи описаны были В. Г. Богоразомъ и изданы Академіей наукъ. Затѣмъ описаніе этихъ вещей сдѣлано тоже В. Г. Богоразомъ въ его капитальномъ трудѣ о Матеріальномъ бытѣ чукчей, изданномъ Нью-Іоркскимъ музеемъ въ трудахъ экспедиціи Джезуппа. *Ред.*

[2] Во избѣжаніе недоразумѣній считаемъ нужнымъ указать, что здѣсь авторъ слово доисторическая Европа (praehistorische Europa) употребляетъ въ очень обширномъ смыслѣ. Обыкновенно же принято называть доисторическимъ періодомъ то время, которое непосредственно переходитъ въ историческое; но лучшими мастерами и художниками были не эти люди, даже не люди новокаменнаго (неолитическаго) періода, а послѣдняго, новѣйшаго отдѣла древнекаменнаго) палеолитическаго вѣка, названнаго французскими палеархеологами Мадленскимъ періодомъ. Изъ этой эпохи мы имѣемъ изображенія мамонта, дикихъ лошадей и т. д. *Ред.*

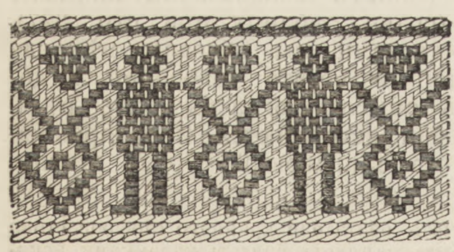
главнымъ образомъ посвященный охотничьимъ промысламъ, вызвалъ это удивительное явленіе. Образъ жизни дикихъ звѣрей, ихъ нравы и повадки были для людей той эпохи дѣломъ первостепенной важности. Охота и звѣри были неистощимой темой для разговоровъ, разсказовъ и танцовъ. Фантазія охотниковъ безпрерывно обращалась къ главному предмету занятій и это направленіе мыслей и настроеній выразилось въ произведеніяхъ изобразительнаго искусства.

Корзина изъ Саравака, Борнео. Подъ ней кусокъ плетенья въ увеличенномъ видѣ. По Лингъ Роту. См. текстъ, стр. 549.

Однако же это постоянное обращеніе мыслей къ однимъ и тѣмъ же явленіямъ не могло вызвать стремленія къ измѣненію и разложенію данныхъ формъ. Охотникъ желалъ въ изображеніяхъ видѣть тѣхъ животныхъ, за которыми онъ охотился, желалъ выразить всѣ характерные отдѣльные признаки и свойства ихъ. Это и побуждало первобытнаго художника возможно точнѣе воспроизводить оригиналъ. Майбриджъ безъ сомнѣнія заходитъ слишкомъ далеко, ставя произведенія многихъ первобытныхъ художниковъ выше современныхъ, посвятившихъ себя живописанію животныхъ, но все-таки доля правды имѣется и въ этомъ преувеличеніи. Въ доисторическихъ рисункахъ мы имѣемъ изображенія мамонта и другихъ вымершихъ животныхъ и вѣрность этихъ изображеній подтверждается изслѣдованіями зоологовъ. Точно также и бушменскія изображенія различныхъ животныхъ заслуживаютъ всякихъ похвалъ. Весьма важно для разслѣдованія вопроса о началѣ искусства, что эти изображенія не имѣютъ никакой цѣли, — это просто проявленіе потребности позабавиться рисованіемъ, и эта потребность часто обнаруживается съ значительной энергіей въ свободной творческой работѣ. Фритче пишетъ, что банту кропотливо обдѣлываетъ грубое уродливое изображеніе какого-нибудь животнаго, вырѣзываетъ его изъ дерева или въ рѣдкихъ впрочемъ случаяхъ зарисовываетъ его; у готтентотовъ и этого нѣтъ, а бушмены, наоборотъ, всѣ утесы, стѣны пещеръ и гладкіе камни сплошь покрываютъ рисунками (см. изобр. на стр. 544). При одномъ подъемѣ на горы, недалеко отъ Капштадта, я видѣлъ тысячи различныхъ изображеній животныхъ, иногда штукъ по двадцати на одномъ камнѣ. Легкость, съ которою туземцы выполняли свои рисунки, видна изъ того, что они запечатлѣвались настолько прочно, что, начертавъ одну фигуру, они рядомъ съ ней воспроизводили другую, подобную первой и послѣдовательно затѣмъ цѣлый рядъ такихъ же, тождественныхъ съ первой. Твердость руки рисовальщика ясно сказывается въ доходящемъ до тождества сходствѣ между первой и послѣдующими изображенными фигурами". Здѣсь уже обнаруживаются повторность рядовъ изображеній, составляющихъ одну изъ характерныхъ принадлежностей орнаментики. И въ изображеніяхъ животныхъ доисторическихъ эпохъ насъ поражаетъ обиліе художественныхъ вещей, хотя въ сущности онѣ представляютъ собою лишь ничтожные остатки того, что нѣкогда существовало въ дѣйствительности. Повидимому гораздо древнѣе этихъ выцарапанныхъ и рѣзныхъ изображеній животныхъ выдѣланныя изъ слоновой кости фигуры человѣка. Ихъ открылъ Пьетъ въ Брассембуй на Шалосѣ, въ югозападной Франціи и онѣ, по всей вѣроятности, принадлежатъ къ эпохѣ Солютрэ.

Человѣческія фигуры древне-перуанскаго плетенья. По Гольмсу. См. текстъ, стр. 549.

Разсматривая простѣйшія формы свободнаго искусства, приходишь къ тому заключенію, что какъ ни важны сами по себѣ вліянія матеріала и способовъ обработки—онѣ все-таки не имѣютъ первостепеннаго значенія. Гдѣ существуетъ стремленіе къ правдивому воспроизведенію природы, тамъ оно и достигается: примитивные художники доисторическихъ временъ и сѣвернаго оленя и мамонта изображали одинаково тщательно какъ въ рисункѣ выцарапанномъ на кости, такъ и въ вырѣзанныхъ изъ кости или рога фигурахъ; тамъ же, гдѣ появляется склонность къ карикатурѣ, шаржу и нелѣпостямъ,—ни болѣе совершенная техника, ни болѣе благодарный въ обработкѣ матеріалъ не измѣнятъ установившихся вкусовъ. Все таки-же во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ умалять значенія матеріала и техники. Раздѣленіе изобразительныхъ искусствъ на живопись, подразумѣвая подъ этимъ всякаго рода изображенія на плоскости и ваяніе (пластику), въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ естественно и цѣлесообразно. У современныхъ примитивныхъ народовъ мы встрѣчаемъ и живопись, и пластику; однако же не лишено основанія мнѣніе Алоизія Ригля, полагающаго, что пластика древнѣе живописи, потому что пластика даетъ непосредственныя, всѣмъ понятныя изображенія предметовъ.

Можетъ быть, однако, и раньше пластики существовало кое что? — „Развѣ не былъ первымъ живописцемъ тотъ первобытный человѣкъ, который свою руку, запачканную кровью, изверженіями, грязью отпечатывалъ на поверхности плоской скалы“ — спрашиваетъ Вильгельмъ Іостъ? Разумѣется, въ отпечаткѣ запачканной руки нѣтъ признаковъ художнической работы, но если это дѣйствіе повторяется, превращается въ своего рода развлеченіе и упражненіе, то его можно признать однимъ изъ заслуживающихъ вниманія начатковъ изобразительныхъ искусствъ. Они уже имѣютъ на это право благодаря широкому распространенію и сверхъ того въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Австраліи, этотъ методъ оттисковъ практикуется весьма усердно. Тамъ также и техника этого дѣла подвинулась впередъ. По Метьюсу тамъ смачиваютъ гладкую скалу водой или смазываютъ саломъ, затѣмъ прикладываютъ къ камню ладонь и выдуваютъ ртомъ мелкій сухой порошокъ на мѣста, не прикрытыя рукой. На этихъ мѣстахъ осѣдаетъ краска и только подъ прикрытой рукой сохраняется натуральный цвѣтъ камня. Краскою служитъ глина, изъ которой дѣлаются трубки, охра или древесный уголь. Такимъ способомъ изготовляютъ изображенія бумеранговъ, топоровъ, рыбъ, рукъ отъ кисти до локтя. Оттиски, дѣлаютъ также, погружая руку въ краску и прикладывая ее къ тому предмету, на которомъ должно получиться изображеніе; этимъ способомъ можно дѣлать только изображенія рукъ [1]. Извѣстны также рисунки, въ которыхъ контуръ предмета обведенъ чертой; но считать ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ способа оттисковъ нѣтъ никакихъ основаній. Оттиски рукъ встрѣчаются довольно часто и въ другихъ странахъ. Кюпъ видѣлъ ихъ въ погребальныхъ нишахъ Новой Гвинеи, по показаніямъ Ри бе на островахъ Кей, въ Индіи они встрѣчаются часто; извѣстно также, что первоначально печатью турецкаго султана служилъ оттискъ его руки. Стилизованное изображеніе руки, на жилищахъ въ Сѣверной Африкѣ, служащее охраною отъ „дурного глаза“, несомнѣнно вышло изъ оттисковъ или абрисовъ руки. Въ области пластики можно найти параллель этимъ оттискамъ въ маскахъ изъ череповъ (см. изобр. на стр. 545) или въ обмазанномъ глиною черепѣ предводителя жителей Ново-Гебридскихъ острововъ, къ которому пристроена человѣкообразная фигура, сдѣланная изъ ствола бамбука, древесныхъ вѣтвей и глины. Мно-

[1] На старинныхъ полинезійскихъ „тапахъ“ мы часто встрѣчаемъ весьма изящныя изображенія листьевъ растеній, въ особенности папоротника, а также и другіе предметы. Предметъ погружается въ краску и затѣмъ накидывается на тапу покрытой краскою стороной внизъ. Оттиски вообще очень отчетливы и изящны. *Ред.*

гіе легендарные слѣды ступней были первоначально отпечатками подошвъ ногъ, которые потомъ, безъ всякаго особаго намѣренія въ видѣ развлеченія и для того чтобы придать большую прочность изображенію, выдалбливались долотомъ.

Для нанесенія изображеній на плоской поверхности существуютъ два способа: можно начертить рисунокъ, картину въ краскахъ и т. д. при помощи веществъ, которыя плотно пристаютъ къ предмету, на которомъ наводится рисунокъ; можно при помощи острыхъ инструментовъ врѣзать рисунокъ въ поверхность, на которой дѣлается изображеніе; при этомъ можно углубить фонъ и получить рельефъ или же углубить самый рисунокъ и получить рельефъ обратный. При примѣненіи этихъ послѣднихъ пріемовъ нанесенія изображеній незамѣтнымъ образомъ устанавливается переходъ отъ живописи къ пластикѣ, между которыми вообще нельзя провести рѣзкой границы. Субстратомъ для нанесенія живописныхъ и скульптурныхъ изображеній служатъ плоскія поверхности скалъ; рисунки эти встрѣчаются во всѣхъ частяхъ свѣта, какъ старые такъ и новые, по большей части неподдающіеся объясненіямъ[1]. Въ большомъ ходу также у австралійцевъ и у многихъ с.-американскихъ индѣйцевъ рисунки на деревѣ, съ котораго ободрана кора. Рисунками покрываютъ и ободранное дерево, и кору. Употребляютъ для этого сухія краски, разведенныя на водѣ, стертыя съ саломъ или ворванью; точно также примѣняется и гравированіе; также и для него у австралійцевъ имѣется нѣсколько способовъ. Иногда они прямо на скалѣ выцарапываютъ рисунокъ, въ другихъ случаяхъ дѣлаютъ сначала абрисъ, — потомъ вышлифовываютъ острымъ камнемъ, внутри абриса углубленное изображеніе — наконецъ третій способъ состоитъ въ томъ, что по линіи абриса выбиваютъ рядъ ямочекъ и потомъ, выбивая промежутки между ямками, получаютъ рисунокъ, очерченный непрерывной углубленной линіей.

Орелъ на щитѣ племени цуньи, Сѣв. Америка. По Гольмсу. См. текстъ, стр. 549.

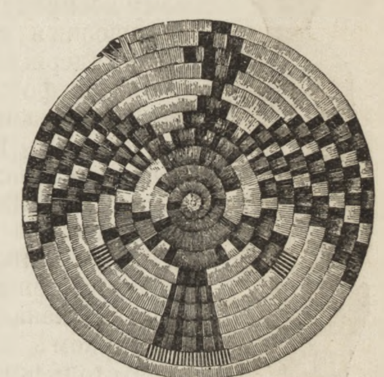
Обработка дерева, разумѣется, легче, чѣмъ камня, кромѣ того, здѣсь примѣняется и выжиганіе рисунка, что дѣлается двумя способами: рисунокъ дѣлаютъ раскаленнымъ металлическимъ или деревяннымъ остріемъ или же обугливаютъ поверхность самаго субстрата и на ней выцарапываютъ или вырѣзаютъ рисунокъ. За камнемъ и деревомъ въ качествѣ субстрата для рисунка слѣдуетъ человѣческая кожа, которую очень любятъ расписывать и татуировать (см. хромолитографію; „Орнаментальная татуировка"); лучшіе мастера по раскраскѣ кожъ животныхъ сѣверо-американскіе индѣйцы. Что касается утвари, домовъ, лодокъ и тому подобнаго, то въ странахъ, гдѣ мало-мальски развиты живопись и ваяніе, тща-

---

[1] Подобные рисунки „писанцы" во множествѣ встрѣчаются въ Сибири на Уралѣ и на Кавказѣ. Въ нихъ замѣтны три способа техники: фигуры и знаки, выбитые пунктиромъ, выбитые непрерывной линіей и сдѣланныя красками черной или красной. Содержаніе ихъ легко дешифрируется въ тѣхъ случаяхъ, когда изображенія имѣютъ связь съ шаманскими мистеріями. Также много этихъ писанцевъ въ Монголіи; чаще всего ихъ видимъ на берегахъ рѣкъ у переправъ и бродовъ. Техника изображенія фигуръ по большей части очень сродна съ той, какую мы видимъ на шаманскихъ бубнахъ. Однѣ изъ такихъ писанцевъ „Печищенскій" (Ачинск. уѣздъ) прекрасно изображенъ въ Гельсингфорскомъ изданіи „Inscriptions de Enyssey". Въ настоящее время собираніемъ этихъ писанцовъ занимается извѣстный сибирскій изслѣдователь А. В. Андріановъ. Писанцы эти во многихъ случаяхъ не имѣютъ какого-либо иного значенія, кромѣ какъ матеріала для исторіи искусства. Въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Русскаго музея Императора Александра III-го имѣются рисунки одного писанца съ Кавказа. Ихъ выбивалъ на поверхности известковой скалы мальчикъ, который пасъ барановъ около этой мѣстности. Доставившій рисунки засталъ мальчика за этимъ занятіемъ. Здѣсь мы видимъ проявленіе той инстинктивной потребности къ творчеству, которой придаетъ такое важное значеніе нашъ авторъ. *Ред.*

тельно утилизируется всякая свободная поверхность для украшенія рисунками или рѣзьбой.

Своеобразная техника возникаетъ изъ текстильнаго искусства: изъ простыхъ образующихся при плетеніи формъ орнамента совершается переходъ къ болѣе сложнымъ и искусственнымъ украшеніямъ (см. верх. изобр. стр. 546); является наконецъ стремленіе и технику плетенія приспособить для служенія свободному искусству и по своему усмотрѣнію располагать нити и полосы, превращать ихъ въ картины (см. нижн. изобр. стр. 546). Рафаэлевскихъ ковровъ примитивные народы своимъ плетеніемъ конечно не создаютъ; но сѣверо-американскіе индѣйцы достигли уже умѣнья съ большой свободой пользоваться техникой плетенія, которое однако-же не выходитъ изъ узкихъ предѣловъ орнаментальнаго рисунка; но съ другой стороны А. Р. Гейнъ въ своей статьѣ объ изображеніяхъ человѣка въ плетеніи показалъ, насколько сильно развито стремленіе въ этой области къ свободной художественной обработкѣ сюжетовъ. Нарисованное изображеніе орла на 548 страницѣ и выплетенное на 549 представляютъ собою двѣ интересныхъ попытки воспроизвести одинъ и тотъ же предметъ двумя способами. Въ нихъ очень ясно выступаетъ значеніе техническихъ пріемовъ.

Изображеніе орла на тарелкѣ племени моки, Сѣв. Америка. По Гольмсу.

Пластическія произведенія искусства дѣлаются формовкой изъ мягкаго матеріала, затвердѣвающаго впослѣдствіи, главнымъ образомъ изъ глины и также изъ твердыхъ веществъ путемъ обдѣлки безформенной массы удаленіемъ лишняго матеріала. Насколько сильно въ людяхъ инстинктивное стремленіе развлекать себя художественнымъ творчествомъ, ясно обнаруживается на примитивныхъ народахъ и на дѣтяхъ, когда имъ попадется въ руки какой-нибудь пластическій, легко формующійся матеріалъ. Въ прежнее время каучукъ изъ южной Америки, изготовляемый индѣйцами и метисами, доставляли на рынокъ въ видѣ комковъ, изображавшихъ фигуры животныхъ или людей. Карлъ фонъ-денъ-Штейненъ видѣлъ подобныя фигуры изъ воска, сохранявшіяся въ хижинахъ бакаири. Початки маиса вмѣстѣ съ ихъ оберткой превращаются въ нѣчто подобное соломенной чучелѣ, даже и изъ глины, приготовленной въ пищу формуютъ куколъ. При обтескѣ и вырѣзываніи любятъ пользоваться природными свойствами матеріала, узлами и почками на деревѣ, прожилками въ камняхъ и т. д. Громадное количество первобытныхъ произведеній искусства, вызванное странными формами предметовъ, встрѣчающихся въ природѣ, подало мысль человѣку къ дальнѣйшей обработкѣ ихъ, послѣ которой они и получали извѣстное назначеніе. Оригинальные маленькіе божки и изображенія предковъ у обитателей острова Пасхи — просто корни растеній странной формы, въ которыхъ мастеръ сдѣлалъ весьма незначительныя измѣненія. Вѣроятно многія грубыя изображенія идоловъ вышли изъ обломковъ скалъ, напоминавшихъ собою формы животныхъ и людей; эти грубые природные камни, послѣ незначительной обдѣлки, превращались въ изображенія или даже воплощенія неземныхъ существъ.

Въ приведенномъ нами примѣрѣ во всей полнотѣ выступаетъ преобладаніе матеріала надъ идеей; но матеріальныя условія сильно вліяютъ на пластику вообще, такъ какъ несовершенные рабочіе инструменты вообще стѣсняютъ свободу работы. Такимъ образомъ несовершенство техники и хрупкость матеріала вліяютъ весьма рѣшительнымъ образомъ на характеръ искусства даннаго народа. Этими вліяніями въ значительной мѣрѣ объ-

ясняется, почему многое, причисленное нами къ области свободныхъ искусствъ, имѣетъ обликъ чего то вынужденнаго, обрамленнаго.

Другія вліянія выступаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, не довольствуясь точнымъ воспроизведеніемъ природы, стремятся воплотить въ искусствѣ какую либо идею или изобразить несуществующіе образы, для которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ подходящихъ образцовъ, что мы встрѣчаемъ въ той области первобытнаго искусства, которая занимается изображеніями мистическихъ существъ и духовъ. Какимъ образомъ изъ отдѣльныхъ чертъ дѣйствительности создаются новые нелѣпые образы, мы уже говорили ранѣе. Здѣсь мы вступаемъ на тотъ путь, который отъ свободнаго искусства ведетъ насъ къ условностямъ орнаментики. И дѣйствительно, какъ уже высказался на этотъ счетъ Рихардъ Андрэ, орнаментика расцвѣтаетъ всего пышнѣе тамъ, гдѣ свободное искусство отступаетъ на второй планъ. Помимо этого путь отъ первоначальныхъ безпомощныхъ попытокъ подражанія природѣ къ правдивому воспроизведенію ея дологъ и труденъ, а мистическія или религіозныя стремленія въ первоначальномъ искусствѣ являются задержкой на этомъ пути: здѣсь однажды создавшіяся нелѣпыя формы или неумѣлыя попытки легко могутъ сдѣлаться образцами, святыней, не подлежащей измѣненіямъ. Это было въ Египтѣ, гдѣ, послѣ живой дѣятельности временъ древняго царства, наступила эпоха полнаго оцѣпенѣнія: то же самое мы видимъ и въ Индіи, гдѣ ни разу не поднимало своей головы эстетическое художественное чутье, благодаря чему уродливо-карикатурныя изображенія до сихъ поръ еще не выброшены изъ храмовъ. Подобные примѣры даютъ намъ понять, какая могучая сила должна была бить ключемъ въ маленькомъ эллинскомъ народѣ, который сумѣлъ сбросить съ себя столь крѣпкія оковы. Что здѣсь дѣйствовалъ не слѣпой случай — это доказываетъ намъ судьба греческаго искусства въ другихъ странахъ. Типичная неподвижная статуя Будды въ южной и восточной Азіи ведетъ свою родословную отъ образцовъ греческаго искусства временъ Александра Великаго и греко-бактрійскаго царства; но ростокъ плодотворной художественной дѣятельности тамъ уже давно завялъ и съ тѣхъ поръ ни разу не пробивалась тамъ вольная струя свободнаго художественнаго творчества. И теперь, статуя Будды, проникая къ первобытнымъ народамъ, не вноситъ съ собою ни малѣйшаго воспоминанія о былой гармонической красотѣ первообразовъ, изъ которыхъ она возникла (см. изобр. на этой страницѣ). Небольшую, но достойную вниманія группу въ средѣ изобразительныхъ искусствъ, образуютъ дѣтскія куклы (сравн. изобр. на стр. 23 и 183), которыя являются въ нѣкоторыхъ странахъ единственными изображеніями человѣка и кое-гдѣ послужили первымъ толчкомъ къ дальнѣйшему развитію пластики. Вообще-же въ нихъ преобладаетъ рѣзкое подчеркиваніе отдѣльныхъ характерныхъ признаковъ больше, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ зачаточнаго искусства.

Деревянный идолъ (Будда) батаковъ на Суматрѣ. Бременскій музей.

Не наше время впервые установило принципъ, что искусство существуетъ для самого себя, и не наша эпоха признала, что оно всюду вырождается, тамъ гдѣ начинаетъ служить, въ томъ или иномъ смыслѣ, какимъ бы то ни было постороннимъ политическимъ, религіознымъ, мнемоническимъ или вообще постороннимъ цѣлямъ. Это требованіе имѣетъ глубокія основы въ существѣ самаго искусства. Коль скоро развлеченіе переходитъ въ нѣчто серьезное, оно измѣняетъ свой характеръ; хотя конечно развлеченіе можетъ идти объ руку съ серьезнымъ практическимъ дѣломъ. Искусство можетъ украшать и разъяснять наши пріобрѣтенія матеріаль-

ной культуры, не теряя при этомъ своихъ существенныхъ свойствъ. Одно изъ его свойствъ впрочемъ теряется при этомъ — свобода, и въ этомъ лежитъ основное различіе между свободнымъ искусствомъ и имѣющей служебное назначеніе орнаментикой.

Свободное искусство само оправдываетъ себя: Гермесъ Праксителя, Сикстинская Мадонна Рафаэля оказываютъ непреоборимое властное и убѣдительное воздѣйствіе уже только тѣмъ, что они существуютъ. Это истинныя новосозданія человѣка. Это образцы того, чѣмъ могли бы мы быть, если-бъ на насъ не тяготѣло бремя унаслѣдованныхъ недостатковъ и если-бъ по игрѣ случая судьба не создавала насъ уродами. Въ орнаментѣ нѣтъ такого внутренняго содержанія. Представимъ себѣ глиняный сосудъ, на которомъ мы видимъ какое то углубленіе или черту — и то, и другое произведетъ на насъ впечатлѣніе чего то неумѣстнаго, дисгармоничнаго. Наоборотъ, замѣчая на сосудѣ цѣлый рядъ ямочекъ или черточекъ, правильно расположенныхъ, мы, хотя и знаемъ, что эти черточки или точечки не имѣютъ никакого значенія при практическомъ употребленіи сосуда, все таки видимъ въ нихъ нѣчто придуманное кстати, производящее пріятное впечатлѣніе. Уже въ мелодіи и въ стихахъ мы убѣдились, что повтореніе является извѣстнымъ предохранительнымъ регуляторомъ, безъ котораго произведеніе искусства могло бы расплыться въ безформенную массу и потому должно имѣть право на самостоятельное существованіе. Свободное изобразительное искусство не нуждается въ такихъ вспомогательныхъ средствахъ; но въ несвободныхъ, служебныхъ формахъ искусства повтореніе снова начинаетъ играть важную роль, придавая имъ характеръ чего то организованнаго, неслучайнаго. Яснѣе всего обнаруживается это тамъ, гдѣ орнаментика возникаетъ сама собой изъ техники производства, какъ напримѣръ въ плетеніи. Повсюду въ этомъ случаѣ орнаментъ возникаетъ не изъ сознательнаго намѣренія художника, но изъ самой сущности техники дѣла, неизбѣжно связанной съ ритмическими повтореніями. Даже и орнаментика, какъ это доказали японцы, можетъ достигнуть въ значительной степени свободы и независимости, но все-таки не переходя извѣстныхъ границъ.

Матъ изъ камыша въ области Конго. По Лемору. См. текстъ, стр. 552.

Неизбѣжная необходимость въ повтореніяхъ не единственное отличіе служебнаго, техническаго искусства отъ свободнаго. Вообще для служебнаго можно считать пригоднымъ все то, что признаетъ достойнымъ искусство свободно. Если свободное искусство, въ той формѣ, какъ оно практикуется у первобытныхъ народовъ, пытается копировать природу, то съ этого должна была начать и орнаментика, именно съ копированія естественныхъ орнаментовъ, которые въ такомъ изобиліи представляетъ намъ міръ растеній, и, при обработкѣ растительныхъ продуктовъ, образцы эти были постоянно передъ глазами. Прожилки древесины, изящныя формы лепестковъ и чашечекъ цвѣтовъ, зонтики растеній, ягоды повидимому должны были бы возбуждать желаніе подражать этимъ образцамъ. Однако же факты стоятъ въ полномъ противорѣчіи съ этими домыслами. Подобное подражаніе можетъ имѣть мѣсто только въ единичныхъ случаяхъ. Среди безчисленныхъ формъ орнаментовъ первобытныхъ народовъ встрѣтится крайне мало такихъ, которыя

можно было бы объяснить подражаніемъ. Нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи, сдѣланныхъ Бальфуромъ, едва ли можно признать удачными. Орнаментика человѣка не подражаніе орнаментикѣ природы, но новое созданіе человѣка, которое подчиняется великимъ законамъ космоса и представляетъ собою параллель имъ.

Первичные орнаменты рѣзко раздѣляются на двѣ обособленныхъ группы, которыя въ дальнѣйшемъ развитіи настолько причудливо перемѣшиваются между собою, что бываетъ крайне трудно, даже невозможно, опредѣлить ихъ первоисточники. Одной изъ этихъ группъ орнамента уже давно усвоено названіе геометрическаго; другая группа, въ отличіе отъ первой носитъ названіе фигурнаго орнамента. Дѣйствительная противоположность между обѣими группами состоитъ въ томъ, что формы первой группы не имѣютъ какого нибудь реальнаго значенія, между тѣмъ какъ образцы второй въ первоначальныхъ своихъ формахъ всегда имѣютъ извѣстный смыслъ. Это раздѣленіе вполнѣ опредѣленно и ясно, но оно годно только, какъ уже было сказано, для извѣстнаго первоначальнаго періода развитія орнаментики, и причина этого заключается въ томъ, что обѣ онѣ взаимно вліяютъ другъ на друга. Геометрическій орнаментъ, увеличивалъ число своихъ формъ, обогащая ихъ фантастическими придатками и легко переходилъ въ фигурный, къ которому потомъ примкнулъ сознательно. Фигурный орнаментъ, при стилизаціи, о которой еще будетъ рѣчь, превращается постепенно въ вычурныя и нелѣпыя изображенія, въ которыхъ исчезаетъ всякій смыслъ. Оба вида орнаментики развиваются въ такой же мѣрѣ параллельно другъ другу, какъ и одинъ изъ другого.

Глиняный сосудъ изъ Колумбіи, Южн. Америка. Бременскій музей. См. текстъ, стр 554.

На вопросъ о томъ, какой изъ видовъ орнаментики древнѣе, нельзя дать опредѣленнаго отвѣта, да и вопросъ этотъ изъ такихъ, которые уже своей постановкой могутъ ввести въ заблужденіе. Долгое время считалось чуть ли не аксіомой, что геометрическій орнаментъ древнѣе всѣхъ, какъ самый простой, могущій появиться даже безсознательно. На этомъ основаніи безъ дальнихъ разсужденій всякій орнаментъ, имѣющій обличіе геометрическаго, признавали за украшеніе, само по себѣ не имѣющее смысла. Болѣе точное изслѣдованіе формъ орнаментики, еще и понынѣ сохранившихся среди первобытныхъ народовъ, сильно поколебало этотъ догматъ. Примитивныя украшенія, въ громадномъ большинствѣ случаевъ состоящія изъ фигуръ по орнаменту и внѣшнему виду походящихъ на геометрическія, оказались стилизованными изображеніями людей и животныхъ. Противъ опасности впасть въ другую крайность и дойти до отрицанія самаго первобытнаго геометрическаго орнамента достаточнымъ предостереженіемъ можетъ послужить осмотръ доисторическихъ находокъ въ Европѣ. Онѣ уже теперь достаточно многочисленны и могутъ дать наглядное представленіе о длинномъ пути развитія, пройденномъ орнаментикой. Здѣсь ясно несомнѣнное преобладаніе геометрическаго орнамента, что видно изъ самой техники дѣла.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Всякая утварь, изготовляемая человѣкомъ, представляетъ нѣчто органическое и гармоничное. Эти созданія человѣческаго духа, какъ и созданіе природы, необходимо должны обладать извѣстной симметричностью строенія, безъ этого они не будутъ удовлетворять своей цѣли, не будутъ нравиться самому мастеру, а соблюденіе правильности иногда само собой вызываетъ орнаментировку, что всего нагляднѣе видно на плетеніи и тканьѣ. Въ томъ и другомъ про-

изводствѣ необходимо должны повторяться извѣстныя комбинаціи, что же касается какого либо содержанія въ этихъ комбинаціяхъ, то въ служебномъ искусствѣ, гдѣ орнаментика вызывается прямо первоначальной техникой дѣла, можно обойтись и безъ него. При разнообразіи способовъ плетенія, при употребленіи разноцвѣтныхъ полосъ орнаментика развивается дальше и наконецъ достигаетъ умѣнья выполнять настоящія фигуры, а вмѣстѣ съ этимъ благополучно совершается переходъ отъ геометрическаго орнамента къ фигурному (см. изобр. на стр. 551 и 553). Тканье даетъ возможность воспроизводить и настолько тонкія фигурныя изображенія, что оно, въ концѣ концовъ, получаетъ возможность служить даже для выполненія произведеній свободнаго искусства. Штюбель предпринялъ попытку доказать на перуанскихъ орнаментахъ, что ткацкое дѣло даетъ возможность подвинуть впередъ развитіе геометрической орнаментики чисто механическимъ путемъ. Если разрѣзывать куски матеріи съ какимъ нибудь простымъ орнаментомъ и сшивать ихъ потомъ, сдвинувъ съ мѣста разрѣзанныя части орнаментныхъ рисунковъ, то получаются новыя формы: изъ концентрическихъ четыреугольниковъ получаются меандры, изъ круговъ змѣеобразныя линіи и тому подобное. Во многихъ случаяхъ такое объясненіе происхожденія новыхъ формъ несомнѣнно можетъ оказаться правильнымъ.

Тканый орнаментъ въ Тимбрѣ, Зондскіе о-ва. По Тенъ Кате. См. текстъ выше.

При тѣсной связи между плетеніемъ и керамикой выплетенные орнаменты переносятся на глиняные сосуды чисто механически, а это даетъ новый толчекъ къ развитію геометрической орнаментики, чему способствуетъ и сама техника гончарнаго дѣла. Весьма просто, замѣтивъ на поверхности сосуда оттиски пальцевъ или куска дерева, служившаго для формовки сосуда, прійти къ мысли изъ этихъ случайныхъ отпечатковъ составить ритмически чередующіеся ряды и превратить ихъ въ украшеніе.

Какъ кажется, въ большинствѣ случаевъ украшенія доисторическихъ глиняныхъ сосудовъ въ Европѣ развились этимъ путемъ. Отчасти и геометрическія украшенія могутъ имѣть извѣстный смыслъ, не представляя собою чего нибудь напоминающаго фигуру или картину, — таковы знаки собственности (тамги) и клейма фабрикантовъ. Они и до сихъ поръ оттискиваются на глиняныхъ сосудахъ у нѣкоторыхъ современныхъ народовъ, какъ напримѣръ у обитателей Никобарскихъ острововъ.

Всѣ орнаменты, геометрическіе и фигурные, на основаніи другого принципа, раздѣляются на двѣ группы: они или образуютъ рубчики, валики, выемки, закраинки, пояски, другими словами, повторяютъ мотивъ слѣдующихъ другъ за другомъ линій — или покрываютъ собою цѣлыя поверхности, гдѣ уже примѣняются иногда болѣе сложныя формы чередованія изображеній. Оба способа встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ доисторическихъ народахъ Европы. По большей части мы видимъ на нихъ черточки, обращающіяся рядами идущія линіи или же ими покрываются большія поверхности; также встрѣчаются кружки, волнообразныя зигзагообразныя линіи, ромбы и тому подобное. Многіе изъ этихъ украшеній могли имѣть и практическое значеніе: можетъ быть, древки копій и глиняные сосуды покрывались узорами для того, чтобы получить шероховатую поверхность, при которой вещь крѣпче держится въ рукахъ. Весьма замѣчательно явленіе, весьма точно обслѣдованное въ новѣйшее время Гернесомъ, заключающееся въ томъ, что нерѣдко абрисы изображеній животныхъ

Орнаменты копья на Соломоновыхъ о-вахъ, Меланезія. (Стилизованныя человѣческія фигуры.) По Люшану. См. текстъ, стр. 556.

заполняются вышеупомянутыми орнаментами или же ими покрываются выпуклыя фигуры. Примѣры подобнаго очень часто встрѣчаются среди находокъ изъ эпохи сѣвернаго оленя, но также и въ находкахъ доисторической эпохи Греціи въ Микенахъ, Тиринѣ и Олимпіи, а также и въ Америкѣ (см. изобр. 552). Обыкновенно думаютъ, что здѣсь примѣнялась геометрическая орнаментика только для заполненія незанятыхъ мѣстъ. Однако-же вѣроятно ближе къ истинѣ Гернесъ, утверждающій, что „по всей вѣроятности мы здѣсь имѣемъ нѣчто болѣе важное, а именно — изображенія поверхности тѣла животныхъ, при чемъ неумѣлое подражаніе природѣ вообще могло повести къ созданію древнѣйшихъ формъ геометрическаго орнамента". Если подтвердится этотъ взглядъ, который, какъ мы увидимъ, находитъ опору въ орнаментикѣ многихъ современныхъ первобытныхъ народовъ, но стоитъ въ противорѣчіи съ другими воззрѣніями Гернеса; то снова придется исключить изъ геометрической орнаментики очень обширную область. Тогда она на дѣлѣ сведется къ чисто технической роли и съ художественной точки зрѣнія, только въ исключительныхъ случаяхъ будетъ считаться украшеніемъ.

Кто интересуется изслѣдованіемъ первобытной исторіи человѣчества, тому много наслажденія доставитъ изученіе первобытнаго искусства. Здѣсь онъ, подъ внѣшней оболочкой вещественныхъ пріобрѣтеній культуры, снова встрѣчается съ духовной дѣятельностью человѣка и съ тѣми явленіями, въ которыхъ она высказываетъ себя съ наибольшей энергіей и ясностью, а это представляетъ собою самую цѣнную и привлекательную отрасль его изслѣдованій.

Какъ много и ясно говорятъ фигурные орнаменты, въ которыхъ обнаруживаются живыя чувства и мысли, тогда какъ сухіе мертвые штрихи и точечки, результаты техническихъ условій, только мало по малу, съ грѣхомъ пополамъ, пріобрѣтаютъ нѣкоторое осмысленное значеніе. Всѣ фигурные орнаменты и образовавшіяся изъ нихъ стилизованныя изображенія имѣютъ свой языкъ, въ большинствѣ случаевъ единственный, который дошелъ до насъ отъ незапамятныхъ временъ, отъ давно умолкнувшей рѣчи нашихъ стародавнихъ предковъ. Своеобразное чарующее наслажденіе доставляетъ возможность чуткимъ ухомъ улавливать эти отголоски далекаго прошлаго и разгадывать ихъ тайный смыслъ. Конечно, при этихъ исканіяхъ крайне легко попасть на ложный путь; но это не бѣда,— добросовѣстная ошибка тоже представляетъ новый шагъ на пути къ раскрытію истины.

И здѣсь, какъ и повсюду, безъ труда не получишь плода! Языкъ орнаментики требуетъ изученія, и у всякаго народа имѣется свой особый наглядный діалектъ, что также необходимо принимать въ соображеніе. Грамматика этого языка отчасти имѣетъ много общаго со строемъ рѣчи другихъ формъ искусства, но за то она обладаетъ и своими особенностями, которыя можно постигнуть только путемъ пристальнаго изученія.

Подобно искусствамъ, выражающимъ себя во времени, и орнаментика имѣетъ свою метрику; но такъ какъ назначеніе орнаментики — украшать поверхности, то здѣсь въ извѣстной степени рѣшающимъ моментомъ являются размѣры площади, которой можно воспользоваться: орнаментъ можетъ вытягиваться и въ линейномъ направленіи и распространяться по

поверхности. Еще больше различіе между искусствами, выражающими себя по времени, главнымъ образомъ въ поэзіи и орнаментикой: содержаніе первыхъ менѣе тѣсно связано съ формой. Въ поэзіи сонеты или газели могутъ по содержанію представлять громаднѣйшее разнообразіе, въ орнаментикѣ, наоборотъ, содержаніе и форма неотдѣлимы другъ отъ друга. Вслѣдствіе этого повтореніе вліяетъ и на самое содержаніе или смыслъ орнамента, даже беретъ надъ нимъ верхъ, въ концѣ концовъ душитъ его; содержаніе и смыслъ здѣсь не представляютъ чего-либо необходимаго, роль орнамента — чисто служебная, не имѣющая самостоятельнаго значенія, она должна только украшать тѣ вещи, которыя уже признаны необходимыми и полезными для человѣка. Такое нарушеніе мысли ради формы, передѣлка согласныхъ съ натурою изображеній ради украшенія другихъ предметовъ, называется стиллизаціей. Коль скоро какія нибудь изображенія дѣлаются не ради нихъ самихъ, а только для украшенія другого предмета и къ нимъ прилагается методъ повторенія и чередованія — ихъ называютъ стилизированными; но украшающее извѣстный предметъ изображеніе, не нуждающееся въ повтореніи для того, чтобы вызвать извѣстное впечатлѣніе, подвергается стиллизаціи только въ исключительныхъ случаяхъ.

Древне-мехиканскіе орнаменты, Стилизированныя рыбы. По Штребелю.

И такъ стиллизація вытекаетъ изъ коренныхъ свойствъ самой орнаментики, но этому способствуютъ и другія обстоятельства. Вообще повтореніе и чередованіе выполняется всегда болѣе или менѣе чисто-автоматическимъ способомъ, безъ намѣренія выразить какую либо мысль. Въ исклютельныхъ случаяхъ доходятъ до повторенія изображеній чисто механическимъ путемъ выдавливанія и отпечатыванія, какъ это мы видимъ на полинезійскихъ таппахъ, гдѣ отпечатки выбиваются особыми молоточками со штемпелями (см. изобр. стр. 313) или при татуированіи у даяковъ (ср. изобр. стр. 8). Впрочемъ и безъ этого орнаментальная живопись превращается сама собою — почти въ механическую работу, при чемъ смыслъ и идейное значеніе фигуръ затемняется, и все главнымъ образомъ сводится къ выработкѣ технической ловкости рисовальщика. Повтореніе одного и того же мотива уже само по себѣ ведетъ къ упрощенію рисунка уже потому, что художникъ утомляется повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же формъ со всѣми заключающимися въ нихъ мелочными подробностями. Если рисовальщикъ не обладаетъ выдающимся умѣньемъ, то ему точное воспроизведеніе тщательно выработаннаго рисунка врядъ ли удастся выполнить, и при этомъ пропадетъ вся прелесть, секретъ которой заключается именно только въ точномъ и повсюду одинаковомъ воспроизведеніи всего ряда изображеній.

Еще большую важность имѣетъ то обстоятельство, что изображенія, изъ которыхъ развивается орнаментъ, обыкновенно не представляютъ собой простыхъ воспроизведеній предметовъ природы, — ихъ, наоборотъ, можно было бы назвать **начатками изобразительной письменности**. Знакомыя уже намъ изображенія животныхъ у первобытныхъ охотничьихъ народовъ, не легко превратить въ орнаментальныя фигуры. За то имѣются другія

категорiи изображенiй, которыя переходятъ безъ затрудненiя въ орнаментальныя. Въ такихъ изображенiяхъ не довольствуются простой передачей фигуръ людей или животныхъ, онѣ должны собою нѣчто обозначать, и для этого стараются самимъ способомъ изображенiя облегчить зрителю пониманiе смысла данной фигуры. Для этого въ изображенiи подчеркивается, выставляется впередъ то, что считается важнымъ для пониманiя его особаго назначенiя, а неимѣющее прямого отношенiя къ главному сюжету отодвигается на заднiй планъ. Это мы видимъ уже въ рисункахъ дѣтей: люди у нихъ съ огромными головами, а ноги какъ у паука, солдаты съ громадными саблями и огромными перьями на головѣ, гигантскiя кареты на крошечныхъ колесахъ, и все вообще въ томъ же родѣ. Подобнымъ же образомъ, по просьбѣ Карла фонъ денъ-Штейнена, изобразили индѣйцы его самого и его спутниковъ. Фридрихъ Курцъ, который какъ живописецъ обратилъ на эти рисунки особенное вниманiе, замѣтилъ, что туземцы гораздо болѣе обратили вниманiя на особенности костюма, чѣмъ самихъ людей. Особенно поучительны опыты Миклуха-Маклаи съ папуасами залива Астролябiи; онъ поручилъ имъ нарисовать человѣка, при чемъ получился во-первыхъ, грубый абрисъ фигуры человѣка, во-вторыхъ, лицо съ глазами и огромнымъ ртомъ, въ-третьихъ, гребень съ цѣлымъ кустомъ перьевъ — украшенiе, носимое только мужчинами, и, въ-четвертыхъ, признакъ, обозначающiй полъ фигуры. Только въ одномъ случаѣ, въ первомъ, была сдѣлана неудачная попытка изобразить всю фигуру человѣка, во всѣхъ другихъ дѣло ограничилось изображенiемъ отдѣльныхъ частей. Такъ какъ прототипы орнаментики главнымъ образомъ служатъ замѣтками для памяти и амулетами, то такiя указанiя на отдѣльные признаки удовлетворяли своей цѣли и, разъ проявившаяся наклонность къ стилизацiи, развивалась дальше. Вся привлекательность и огромная важность изслѣдованiя фигурной орнаментики заключается въ томъ, что она въ своихъ зачаточныхъ формахъ тождественна съ фигурнымъ письмомъ. Какъ въ такихъ случаяхъ изъ распознаваемыхъ въ своемъ первоначальномъ видѣ изображенiй человѣка и животныхъ выходятъ совершенно особенныя формы, — лучше всего укажутъ нѣкоторые примѣры послѣдовательныхъ преобразованiй первоначальныхъ формъ и для этого достаточно всмотрѣться въ рисунки на стр. (554 и 555).

Какъ далеко можетъ идти символика фигуръ, указываютъ намъ рисунки австралiйцевъ на деревяшкахъ хурянга и на биркахъ, вручаемыхъ посламъ; онѣ образуютъ промежуточное звено между фигурнымъ письмомъ и орнаментикой, несомнѣнно, подвергавшейся измѣненiямъ, путемъ стилизацiи и потому болѣе запутанной и трудной для пониманiя, чѣмъ простое фигурное письмо. Чаще всего попадаются концентрическiе круги, которые, однакоже, могутъ имѣть различныя значенiя: на одной деревяшкѣ хурянга они должны изображать деревья, производящiя гумми, и прямыя черточки—древесные корни, въ другихъ случаяхъ тѣ же кружки могутъ изображать глаза, кишки, разрисовку тѣла и сѣдалищныя части человѣка и наконецъ лягушку. Змѣевидныя линiи, черточки и точки могутъ также, смотря по обстоятельствамъ, принимать всевозможныя значенiя.

Вообще стилизацiя можетъ образоваться различными способами: она можетъ руководиться смысломъ орнамента, можетъ также зависѣть отъ наличнаго матерiала и отъ техники. Этимъ путемъ образуется въ концѣ концовъ с т и л ь и с к у с с т в а, и, разъ образовавшись, будетъ налагать печать своего влiянiя на орнаментальныя работы. Тамъ, гдѣ господствуетъ извѣстный стиль, напримѣръ готическiй, тамъ создаются не только готическiя церкви и зданiя, но и готическiе стулья, столы, скамейки и шкафы. У первобытныхъ народовъ, развившихъ у себя богатую орнаментику, на всякой утвари и оружiи, гдѣ только найдется незанятое мѣстечко, оно покрывается украшенiями господствующаго въ данный моментъ стиля.

Итакъ каждый стиль характеризуется свойственнными ему способами преобразованія фигурнаго орнамента. Одинъ изъ методовъ преобразованія орнамента ведетъ свое начало изъ дальнѣйшихъ, дѣлаемыхъ ради развлеченія попытокъ подчеркиванія того, что считается важнымъ и существеннымъ и отстраненія неимѣющаго такого значенія, о чемъ было говорено нѣсколькими строками выше. При этомъ и безъ того уже изуродованныя, искусственныя фигуры искажаются все болѣе и болѣе, гипертрофированныя части увеличиваются до нелѣпости, уменьшенныя сокращаются и упрощаются или отбрасываются совсѣмъ. Эти захирѣвшія и раздутыя формы измѣняются въ противоположныхъ другъ другу направленіяхъ съ большей или меньшей быстротой, смотря по тому, достаточно ли забытъ уже первоначальный смыслъ орнамента и насколько вся дѣятельность въ этой отрасли сводится къ подражанію имѣющимся передъ глазами образцамъ. Бальфуръ посредствомъ опыта показалъ, что при послѣдовательныхъ копіяхъ съ копій искаженія доходятъ до того, что въ нихъ нельзя узнать первоначальнаго оригинала и въ концѣ концовъ самимъ изображеніемъ усваивается новый стиль. Такія метаморфозы представляютъ явленіе весьма обыкновенное, и оно весьма часто обнаруживается въ томъ, что изъ фигуръ людей и животныхъ вырабатывается растительный орнаментъ, въ которомъ несвѣдущій человѣкъ не найдетъ и намека на первоначальныя формы. Настоящій растительный орнаментъ встрѣчается у первобытныхъ народовъ крайне рѣдко; онъ прежде всего встрѣчается тамъ, гдѣ съ растеніями связаны нѣкоторыя тотемистическія идеи, какъ напримѣръ, по сообщеніямъ Гаддонона, въ англійскихъ владѣніяхъ въ Новой Гвинеѣ. Однако же, какъ показалъ Карлъ-фонъ-денъ-Штейненъ, у индѣйцевъ шингу животныя не участвуютъ въ маскарадныхъ танцахъ, несмотря на то, что ихъ очень много бываетъ у туземцевъ, и они имѣютъ извѣстное значеніе даже и въ орнаментѣ.

Орнаментъ вазы у чирикви, Южная Америка. По Гольмсу. См. текстъ ниже.

Когда первоначальныя изображенія, путемъ переразвитія однѣхъ частей и атрофированія другихъ, постепенно утрачиваютъ свои характерныя особенности—ихъ замѣняютъ другими формами, которыя возникаютъ сами собой изъ самой сущности даннаго орнамента: основной законъ повтореній и чередованій, увеличивающій число фигуръ, оказываетъ также вліяніе и на характеръ ихъ посредствомъ установленія искусственной симметріи (см. изобр. на этой же стр.). Весьма извѣстный и поучительный примѣръ въ этомъ смыслѣ представляетъ двуглавый орелъ австрійскаго и русскаго государственныхъ гербовъ, онъ гораздо симметричнѣе скомпанованъ, чѣмъ нашъ одноглавый нѣмецкій орелъ. Чаще всего такимъ экспериментамъ подвергается фигура человѣка. Дѣло начинается съ того, что и рукамъ, и ногамъ придаютъ одинаковую форму, затѣмъ исчезаетъ голова, и лицо рисуется на туловищѣ, потомъ, какъ напримѣръ въ орнаментахъ на кожѣ, дѣлаемыхъ нерѣдко южно-американскими мастерами, остается только одинъ глазъ въ центрѣ круга или четырехугольника, а отъ ногъ и рукъ остаются только четыре симметрически расположенныхъ отрывка (см. изобр. на стр. 51). Другой примѣръ искусственной симметріи представляетъ описанный Карломъ-фонъ-денъ-Штейненомъ орнаментъ индѣйцевъ шингу, который долженъ изображать рыбу моречу; она изображена ромбомъ, четыре угла котораго заняты маленькими треугольниками. Ромбъ изображаетъ рыбу, четыре заполненныхъ угла голову рыбы, хвостъ, спинные и хвостовые

плавники. Иногда ромбы окружены концентрическими кружками, которые должны изображать петли сѣти, въ которыхъ трепещется рыба.

Другой своеобразный способъ состоитъ въ томъ, что ради забавы цѣльную осмысленную фигуру разрѣзываютъ пополамъ и складываютъ на-выворотъ, чтобы превратить ее просто въ орнаментъ. Особеннымъ предпочтеніемъ пользуется этотъ пріемъ у дайяковъ и они примѣняютъ его для украшенія своихъ щитовъ. Встрѣчаются также подобныя украшенія на гребняхъ въ Новой Гвинеѣ (см. рис. на этой стр.).

Дальнѣйшая переформировка орнаментныхъ изображеній обусловливается свойствами тѣхъ предметовъ, которые нужно украшать. Часто форма предмета требуетъ выбора до извѣстной степени подходящаго къ ней орнамента. Точно также нерѣдко въ орнаментальныхъ фигурахъ дѣлаются попытки объяснить цѣль и назначеніе украшеній предмета. К. фонъ-денъ Штейненъ пишетъ, что „при той роли, которую играютъ животныя въ духовной жизни индѣйцевъ, у нихъ мотивы изъ жизни животныхъ должны были неизбѣжно явиться въ орнаментѣ сами собой. Однакоже, выборъ извѣстныхъ формъ для даннаго орнамента обусловливался отличительными свойствами, или образомъ жизни животныхъ: для украшенія горшка считалось приличнымъ изображеніе панцыря черепахи, земляныя осы украшали рукоятку заступа, которымъ выкапывали корни мандіока, агути, съ его украшеніемъ изъ волосъ, изображался на гребенкѣ, изображеніе шипящей змѣи рисовалось на пищикѣ или свисткѣ, поющая обезьяна на флейтѣ. Затѣмъ тамъ, гдѣ въ достаточной мѣрѣ развился вкусъ къ художественной дѣятельности, на выборъ извѣстныхъ формъ для орнамента вліяютъ внѣшній обликъ, размѣры и окраска предмета и изображается такое животное, какое кажется наиболѣе подходящимъ для даннаго случая. Художникъ можетъ при этомъ дѣйствовать просто ощупью: выборъ опредѣляется самъ собою, послѣ того какъ попытки въ другихъ направленіяхъ окажутся неудовлетворительными. Чаще всего эти пробныя попытки встрѣчаются при воспроизведеніи птицъ. Мы видѣли только одно рисованное изображеніе маленькой птички, оно было сдѣлано на корѣ дерева и служило для украшенія спины. Наоборотъ, пластическія, вырѣзанныя, вылѣпленныя изъ воску, куклы птицъ, сдѣланныя изъ маисовой соломы встрѣчаются чрезвычайно часто. Для индѣйца легче было сформировать голову и клювъ птицъ, ея хвостъ, соблюсти относительные размѣры частей и характерныя особенности въ скульптурномъ, а не въ нарисованномъ изображеніи“. По Боасу въ С.-З. Америкѣ точно также, рядомъ съ чисто тотемическими изображеніями, возникаютъ другія, которыя имѣютъ связь съ назначеніемъ или формой той утвари, для которой предназначается данный рисунокъ.

Гребни изъ Новой Гвинеи. Бременскій музей.

Здѣсь, можетъ быть, будетъ кстати замѣтить, что пластическій орнаментъ гораздо труднѣе поддается стилизаціи, чѣмъ живописный. Даже тамъ, гдѣ онъ украшаетъ какую нибудь самую незамысловатую вещь, онъ иногда поднимается на ступень, близкую къ свободному, не связанному съ повтореніями и чередованіями, искусству, какъ это мы видимъ въ чудныхъ старинныхъ произведеніяхъ древней керамики Перуанскаго побережья (ср. изобр. стр. 502). Причина этого заключается въ томъ, что пластическому орнаменту гораздо рѣже приходится приспособляться къ какому нибудь отмежеванному для него мѣсту или заполнять его цѣликомъ, что составляетъ главную задачу животнаго орнамента (см. изобр. на 559 стр.). Отведенная для плоскаго орнамента площадь становится прокрустовымъ ложемъ и здѣсь волей-неволей приходится неестественнымъ образомъ сжимать или безъ мѣры растягивать рисунокъ. Это растягиваніе

служитъ поводомъ къ возникновенію гипертрофированныхъ формъ, — появляются ненормально длинные члены, раздутыя туловища, громадныя головы и тому подобное; кромѣ того, заполненіе отведеннаго для орнамента пространства можно дѣлать и другими способами. Одинъ изъ болѣе популярныхъ способовъ представляютъ собой концентрическіе круги, охватывающіе контуры какого нибудь рисунка. Этотъ способъ пользуется особымъ предпочтеніемъ въ Меланезіи. Можно точно также развить какую нибудь фигуру въ спиральную линію, — этотъ методъ служитъ характерной, отличительной чертой новозеландской орнаментики. Наоборотъ, при заполненіи какой нибудь площади, какой-нибудь одной повторяющейся фигурой, обращается особое вниманіе на правильность распредѣленія и тождество фигуръ, для чего орнаментъ подвергается упрощенію.

Сырой матеріалъ и техника точно также оказываютъ рѣшающее вліяніе на орнаментику и стилизацію. Часто самый способъ измѣненія фигуръ категорически опредѣляется матеріаломъ и техникой. Какой нибудь трудный орнаментъ, который нужно вырѣзать изъ дерева или выдолбить изъ камня, подвергается невольнымъ измѣненіямъ самъ по себѣ, при работѣ: контуры выходятъ грубѣе, схематичнѣе, получаютъ преобладаніе тѣ линіи, которыя легче выполнить, болѣе трудныя для выработки укорачиваются или просто не исполняются. Если орнаментика получила свою выработку при употребленіи одного какого нибудь матеріала, она пріобрѣтаетъ извѣстныя характерныя черты, которыя потомъ трудно изглаживаются и сохраняются даже въ тѣхъ случаяхъ, когда орнаментальное искусство ознакомится съ болѣе благодарнымъ для обработки матеріаломъ и усовершенствованными инструментами. Стойкость преданія однако же имѣетъ свои предѣлы и всякое измѣненіе техники и матеріала, въ большей или меньшей мѣрѣ, вліяютъ на существо орнэментики. Иногда разнообразіе въ свойствахъ матеріаловъ по отношенію къ техникѣ воспроизведенія на нихъ стилизованныхъ изображеній, ведетъ къ очень интереснымъ послѣдствіямъ. Въ искусствѣ маори, заключающемся главнымъ образомъ въ работахъ по дереву, обнаруживается, какъ объ этомъ уже было сказано, стремленіе развивать всякую фигуру въ спираль, такъ что отъ фигуръ людей и животныхъ остаются только хвосты спиралей. Глаза, впрочемъ, отмѣченные кусочками раковинъ, остаются безъ измѣненія и часто даютъ возможность по нимъ разыскать среди этой путаницы головы изображеній, а по нимъ возстановить и самыя фигуры.

Деревянные сосуды съ орнаментомъ у айновъ, Восточн. Азія. Бременскій музей.

Всѣ эти метаморфозы изображеній конечно возникаютъ ни чисто механическимъ образомъ, ни путемъ постепеннаго роста, подобно животному или растенію, которыя доходятъ до полнаго расцвѣта силъ и потомъ склоняются къ упадку; всякая новая форма возродится сначала въ головѣ человѣка и потомъ при помощи рукъ и инструментовъ является на свѣтъ; но и появившись она никогда не остается незмѣнной. Новая форма въ свою очередь становится отправной точкой новыхъ модификацій, а рядомъ съ этимъ весьма легко можетъ и прежній образецъ быть принятъ во вниманіе и вызвать подражанія. Эти обстоятельства имѣютъ

большое значеніе, такъ какъ они объясняютъ намъ, почему въ орнаментѣ даннаго народа мы замѣчаемъ нѣсколько отдѣльныхъ теченій, идущихъ рядомъ другъ съ другомъ: генераціи орнамента не соотвѣтствуютъ генераціямъ людей. Одинъ художникъ можетъ далеко уйти впередъ въ своихъ созданіяхъ новыхъ варіацій первоначальнаго мотива, а рядомъ съ нимъ его сотоварищъ, педантъ по натурѣ, будетъ съ кропотливой добросовѣстностью копировать старые образцы живописи или ваянія. Насколько различны могутъ быть представленія о формѣ одного и того же предмета, достаточно показываютъ рѣзныя изображенія головы птицы Buceros изъ новаго Мекленбурга (см. изобр. на этой страницѣ). Противъ слишкомъ быстрыхъ и неожиданныхъ новшествъ противовѣсомъ является обычай, который имѣетъ рѣшающій голосъ въ вопросахъ о типѣ орнамента и стилѣ и всегда сможетъ ввести въ опредѣленныя границы необузданные порывы разгулявшейся фантазіи художника.

Натуральная голова птицы бусеро *(a)* и подражанія *(b. c)* изъ Нов. Мекленбурга. Бременскій музей.

Не всѣ первобытныя племена выработали у себя ясно выраженный своеобразный стиль орнаментальнаго искусства. Нѣкоторыя усвоили себѣ основныя черты стиля сосѣдей въ готовой формѣ, не проходя первоначальныхъ этаповъ развитія вмѣстѣ съ другими. Нѣкоторые вообще обнаруживаютъ мало стремленія къ орнаментикѣ,— они пользуются немногими, простѣйшими мотивами, разрабатываютъ ихъ небрежно и мало подвигаются впередъ. Въ Африкѣ, напримѣръ, сравнительно рѣдко можно встрѣтить у какого нибудь народа оригинальный, рѣзко отличающійся отъ сосѣднихъ народовъ стиль искусства. Причинами этого является, во-первыхъ, недостатокъ художественныхъ способностей у негровъ и географическія условія мѣстности, гдѣ постепенныя соприкосновенія разныхъ племенъ благопріятствуютъ заимствованіямъ другъ отъ друга. Самыя своеобразныя формы стиля встрѣчаются на островахъ и въ другихъ изолированныхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Новой Зеландіи, въ Новой Ирландіи, на скалистомъ побережьи С.-З. Америки, на островѣ Іезо и на нѣкоторыхъ островныхъ группахъ Океаніи. Большая часть вышеупомянутыхъ областей подверглась вліянію и отчасти была заселена малайско-полинезійскими племенами, такъ что здѣсь, помимо всего прочаго, играли извѣстную роль и художественныя способности этой расы. Пересмотръ нѣкоторыхъ изъ этихъ стилей дастъ намъ возможность лучше выяснить сущность орнаментики.

По стилю С.-З. Америка не представляетъ собой однородной области. Если-бъ здѣсь дѣло касалось только чисто этнографическихъ вопросовъ, то пришлось бы подвергнуть болѣе обстоятельному изслѣдованію многочисленныя тончайшія отличія въ искусствѣ различныхъ племенъ и постепенное проникновеніе изъ области въ область характерныхъ формъ въ междуплеменныхъ пограничныхъ районахъ. Но принципъ, по которому развивался стиль, въ главныхъ чертахъ былъ одинаковъ, и разъясненіе его не представляетъ особыхъ затрудненій. Сѣверозападная Америка — классическая страна тотемизма, о чемъ уже было сказано въ другомъ

мѣстѣ, и кромѣ того, обѣтованная земля тайныхъ обществъ съ ихъ любимыми символическими животными и миѳологическими двуполыми созданіями. Живое стремленіе къ художественной дѣятельности, выражающееся въ рѣзбѣ по дереву и камню, живопись и узорное тканье находитъ себѣ удовлетвореніе въ изображеніи тотемическихъ животныхъ и миѳологическихъ существъ; но попутно усвоенное этимъ созданіямъ мистическое значеніе препятствуетъ развитію свободнаго искусства и поощряетъ стиллизацію и орнаментику. При этомъ значеніе этихъ фигуръ строго опредѣленное, почему развитію фантастическихъ, преувеличенныхъ изображеній нѣтъ мѣста; за то возникаютъ своеобразныя сокращенныя и упрощенныя формы. Чтобы имѣть возможность обозначить возможно большее количество тотемическихъ формъ, довольствуются сперва изображеніемъ одной головы, а потомъ ограничиваются только однимъ характернымъ изображеніемъ глаза вмѣсто фигуры самого животнаго. Изъ этого въ концѣ концовъ развивается особый, глазной орнаментъ, который вытѣсняетъ все остальное и становится отличительнымъ признакомъ стиля орнаментики сѣверо-западной Америки. Повсюду видны только глаза и глаза, расположенные симметрическими группами, при чемъ разстановка ихъ даетъ понять, что глаза являются здѣсь остатками цѣлаго лица. Продолговатые, овальные, круглые, окрашенные въ разные цвѣта, глаза, покрываютъ цѣлыя поверхности, но всего больше ихъ бываетъ насажено на тканыхъ плащахъ, надѣваемыхъ при танцахъ (см. изобр. на стр. 112). Иногда вмѣстѣ съ глазами встрѣчаются кое какіе жалкіе фрагменты другихъ частей тѣла, — носовъ, копытъ и тому подобнаго. Встрѣчаются даже концентрическіе двойные глаза и въ этихъ случаяхъ во внѣшнемъ контурѣ только съ трудомъ можно распознать признаки этого органа. Даже и тамъ, гдѣ живыя фигуры изображены по пріемамъ свободнаго искусства, всюду, гдѣ только возможно, насажены глаза, отчасти въ видѣ украшеній, а также и для указанія на какія нибудь миѳологическія или генеологическія обстоятельства.

Скорлупа кокосоваго орѣха съ рѣзнымъ орнаментомъ. Бременскій музей.

Совершенно инымъ образомъ развивалась изъ фигуръ людей, животныхъ и сказочныхъ существъ орнаментика новозеландская (см. прилож. здѣсь табл. „Полинезійскія древности"). Здѣсь, однако же, необходимо строго раздѣлять между собою орнаментику живописную, рѣзную и текстильную, такъ какъ подъ вліяніемъ разнообразія техники каждая отрасль развивалась особымъ путемъ. Въ рисункахъ преобладаетъ крайне упрощенный орнаментъ человѣческаго лица, въ наиболѣе распознаваемыхъ образцахъ котораго можно отличить глаза, носъ и ротъ; эти понятныя еще изображенія, постепенно сводятся къ фигурамъ, напоминающимъ очки, волнообразныя и подобныя буквѣ S линіи, по которымъ нельзя догадаться, какова была первоначальная первообразная форма. Орнаменты выплетенные и вытканные точно также весьма часто изображаютъ лицо, но придаютъ ему ромбообразный видъ; это въ сущности не что иное какъ простой результатъ усовершенствованной техники, объясненіе значенія котораго придумано было послѣ того, какъ сама фигура стала извѣстна. Совсѣмъ по другому, съ подавляющей полнотой и разнообразіемъ, по неизмѣнно слѣдуя тому же, общему, руководящему принципу развилась та высоко художественная орнаментика въ рѣзьбѣ по дереву, которую мы видимъ на домахъ, на лодкахъ и на разныхъ домашнихъ вещахъ и въ татуировкѣ лица. Возможно впрочемъ, что образцы татуировки лица служили первыми моделями для рѣзьбы.

Основной чертой новозеландской орнаментики является развитіе или увеличеніе контуровъ посредствомъ концентрическихъ линій или спиралей. Всего яснѣе видно это на татуировкѣ лица: лобъ обыкновенно покрытъ цѣлыми рядами линій; онѣ идутъ отъ корня носа и слѣдуютъ изгибамъ бровей; точно также, соотвѣтственно тѣмъ складкамъ, которыя образуются въ углахъ рта, проводится рядъ параллельныхъ линій. Боковыя части носа по большей части орнаментируются спиральными линіями (ср. фиг. 2 и 3 на таблицѣ „Орнаментальная татуировка" въ началѣ книги). При рѣзьбѣ по дереву на лицахъ изображаемыхъ фигуръ наносятся линіи татуировки и вмѣстѣ съ этимъ начинается дальнѣйшее развитіе стилизаціи. Начинаютъ выводить спирали на бедрахъ, на колѣнѣ, на сгибѣ локтя, на плечахъ и на груди фигуры. Глаза, головы птицъ, а также крылья ихъ и когти при орнаментировкѣ тоже располагаются по спиральнымъ линіямъ. Иногда зубы фигуръ даютъ образчикъ для дальнѣйшей стилизаціи, — спирали, а также штрихи, заполняющіе промежутки между ними, превращаются въ зубчатыя линіи. Въ результатѣ вся рѣзьба превращается въ фантастическій хаосъ штриховъ, дугъ и спиралей, среди которыхъ только при помощи кропотливаго труда можно добраться до первообразныхъ формъ.

Надгробные столбы у племенъ сіу и оджибвэ, Сѣв. Америка. По Ярро.

Повидимому этотъ способъ стилизаціи, который даетъ возможность узнать новозеландскую рѣзьбу среди тысячи другихъ образцовъ, не очень давняго происхожденія. Дошедшіе до насъ образцы старинной татуировки гораздо проще и подходятъ болѣе къ употребляющимся нынѣ образцамъ живописной татуировки. Маори считаютъ изобрѣтателемъ рѣзного орнамента нѣкоего Рауру, который жилъ „въ незапамятныя времена" или, по другимъ указаніямъ, за 26 поколѣній ранѣе нынѣшняго. У него былъ въ гостяхъ самъ богъ Тангароа и удивлялся, глядя на искусныя украшенія дома Рауру.

Цѣлый рядъ легко отличимыхъ стилей искусства даетъ Меланезія. Въ высокой степени оригиналенъ стиль Новой Ирландіи, который представляетъ въ своемъ развитіи замѣчательную промежуточную ступень между свободнымъ и служебнымъ искусствомъ. Это главнымъ образомъ касается иллюминованныхъ красками, исполненныхъ съ нѣкоторой долей свободы фантазіи образцовъ рѣзьбы изъ легкаго дерева.

Эти издѣлія не отличаются прочностью. Они, какъ и маски, ежегодно замѣняются новыми и при этомъ всегда обогащаются новыми украшеніями и эти изображенія, съ самаго начала своего находившіяся подъ вліяніемъ миѳологіи, далего отошли отъ простого подражанія природѣ, хотя иногда среди этихъ рѣзныхъ фигуръ и попадаются каррикатурныя изображенія головъ европейцевъ. Подобно сѣверо-западной Америкѣ и здѣсь существуетъ стремленіе соединить въ одномъ рѣзномъ издѣліи возможно большее число тотематическихъ символовъ или имѣющихъ важное миѳологическое значеніе фигуръ. Однакоже, здѣсь не сводятъ изображеніе цѣлой фигуры къ одному глазу; глазъ въ видѣ орнамента встрѣчается только изрѣдка. При всемъ этомъ здѣсь возникаютъ новыя сложныя композиціи: человѣческія фигуры, выходящія изъ пасти акулы, или же люди вмѣстѣ съ рыбами, змѣями и птицами. Роспись этихъ фигуръ иногда носитъ характеръ чисто орнаментальный.

Прочіе меланезійскіе стили искусства родственны, но не тождественны съ новоирландскимъ. Въ землѣ императора Вильгельма въ большомъ употребленіи, между прочимъ зубчатый орнаментъ, примѣняемый для рѣзныхъ украшеній на тыквахъ и кокосовыхъ орѣхахъ (см. изобр. стр. 561). Соеди-

Полинезійскія древности.

Объясненіе къ помѣщенной на оборотѣ таблицѣ „Полинезійскія древности“.

---

1. **Пу-пу** — рѣзная внутренняя сторона стѣнного пилястра въ большомъ домѣ собранія въ Охинемуту. Густо покрытая татуировкой фигура, какъ бы опирающаяся на костыль, представляетъ собой Тама-те-капуа, великаго предка племени арава,

   (По оригиналу въ Охинемуту на Новой Зеландіи.)

2. **Статуя изъ базальтообразной лавы,** найденная на о-вѣ Оаху (Гавайскіе острова). Фигура представляетъ стараго европейца въ парикѣ съ косой и въ сплоенномъ воротничкѣ, вѣроятно одного изъ неизвѣстныхъ испанскихъ мореплавателей, которые гораздо раньше Кука „открыли“ Гавайскіе острова.

   (По оригиналу въ Берлинскомъ Музеѣ Народовѣдѣнія.)

3. **Крышка рѣзного ящика** изъ Новой Зеландіи для храненія перьевъ, служащихъ украшеніемъ. Изъ коллекціи Кука, относится вѣроятно къ XVII в

   (По оригиналу въ Берлинскомъ Музеѣ Народовѣдѣнія.)

4. **Корупе** — наддверный косякъ стараго дома въ Новой Зеландіи; изъ коллекціи Кука, относится очевидно къ XVII в. или еще старше. Одинъ изъ красивѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ маорійскаго искусства. Миѳологическое значеніе трехъ татуированныхъ фигуръ не ясно.

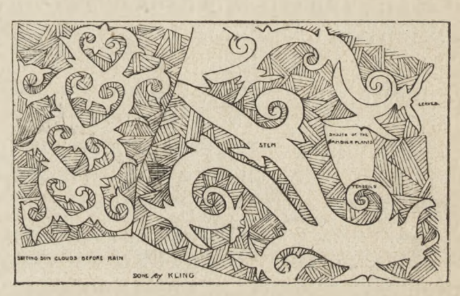
   (По оригиналу въ Берлинскомъ Музеѣ Народовѣдѣнія.)

5. **Средняя часть большой поперечной доски** на фронтонѣ патаки (склада или кладовой). Значеніе исполненнаго въ геральдическомъ жанрѣ рѣзного рисунка до сихъ поръ не выяснено. Повидимому, рисунокъ доски относится къ исторіи сотворенія міра. Демоны съ головами птицъ и ящерицъ играютъ важную роль въ древнемъ искусствѣ Новой Зеландіи. Маленькіе рѣзные треугольники, составляющіе отличительную черту этого орнамента, называются тара-тара о кай. Патака, къ которой принадлежитъ эта доска, построена была въ 1820 г. вождемъ племени гаэра Хукой и находилась между Роторуа и озеромъ Ротойти. Нынѣ доска эта находится въ Оклендскомъ музеѣ.

   (По копіи Гамильтона.)

неніе нѣсколькихъ фигуръ вмѣстѣ здѣсь можно встрѣтить чаще даже, чѣмъ въ Новой Ирландіи. Птичьи крылья здѣсь превращаются въ рыбъ, рыбьи плавники въ головы птицъ, брови — въ рыбьи плавники, между всѣмъ этимъ встрѣчаются фрагменты другихъ фигуръ, имѣющія чисто орнаментальное значеніе; искусственная симметрія встрѣчается чуть-ли не на каждомъ шагу. Головныя подставки, въ особенности въ Новой Гвинеѣ, представляютъ великолѣпные примѣры, такъ сказать, инкопорирующаго „искусства“, которое, подобно инкопорирующимъ языкамъ, создаетъ чудовищныя по своей сложности слова.

Стиль извѣстнаго народа или эпохи на низшихъ ступеняхъ развитія культуры по преимуществу отражается въ орнаментѣ, при болѣе высокой культурѣ, съ гораздобольшей ясностью и опредѣленностью, въ зодчествѣ. Эту разницу необходимо тщательно взвѣсить, такъ какъ она приводитъ насъ къ тому выводу, что архитектурный стиль, какъ мы его понимаемъ, состоитъ изъ двухъ разнородныхъ элементовъ,—стиля постройки, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и орнаментики, при чемъ гармоническая связь между ими обоими наблюдается не всегда. У первобытныхъ народовъ конструктивная часть жилища очень незамысловата и можетъ удовлетворять только самымъ необходимымъ потребностямъ. Мы видимъ здѣсь полное отсутствіе попытокъ при помощи творческой фантазіи создать изъ старыхъ формъ нѣчто болѣе стройное. Законченность созданія рукъ человѣка выражается только въ результатѣ обуславливаемыхъ условіями техники повтореній, какъ, напримѣръ, въ симметрическомъ расположеніи подпоръ, поддерживающихъ крышу, и выступающихъ впереди нихъ плетеныхъ изъ прутьевъ или лыкъ стѣнъ. Стилизованный фигурный орнаментъ является здѣсь въ видѣ росписныхъ или рѣзныхъ досокъ, прикрѣпленныхъ къ зданію исключительно въ качествѣ украшеній. Даже и колонны въ память предковъ, очень часто стоятъ гдѣ нибудь отдѣльно около дома, какъ это встрѣчается въ с.-з. Америкѣ, а не служатъ опорой для зданія. Въ Новой Зеландіи всѣ наиболѣе важныя части дома всегда украшены изображеніями предковъ или большими площадями орнамента, но это одинъ изъ исключительныхъ случаевъ; вообще же стиль искусства первобытныхъ народовъ гораздо удобнѣе изучать не на жилищахъ, а на ихъ домашнемъ инвентарѣ.

Рисунокъ одного вождя каяновъ, Борнео По Лингъ Роту. Лѣвая сторона рисунка должна изображать заходящее солнце съ дождевыми тучами, правая — пальму.

Всѣ художественныя произведенія, не исключая и свободныхъ воспроизведеній природы, созданныхъ изобразительнымъ искусствомъ, примѣняются и къ другимъ цѣлямъ, кромѣ своего прямого назначенія. Сравнительно рѣже примѣняются ради сатиры и насмѣшки. Нѣкоторыя рѣзныя изображенія маори представляютъ собою карикатуры на современниковъ. По показаніямъ Ниблака, индѣйцы сѣверозападной Америки часто выставляютъ ради насмѣшки карикатурныя изображенія своихъ сосѣдей и бѣлыхъ пришельцевъ, глядя на которыя и сами изображаемые, не могутъ удержатся отъ добродушнаго смѣха. Если подобныя шутки продѣлываются не очень часто, то причина этого лежитъ въ присущемъ каждому индѣйцу глубокомъ почтеніи ко всякому изображенію. Рядомъ съ этимъ уродливыя изображенія, задуманныя съ серьезной цѣлью, хотя и похожи на карикатуры, но не считаются таковыми. Гораздо большую роль искусство играетъ, во-первыхъ, при созданіи мистическихъ образовъ и символовъ, во вторыхъ при изображеніяхъ меморативныхъ и выработкѣ знаковъ собственности. Крайне интересно, что письменные знаки, образовавшіеся изъ мемо-

ративныхъ изображеній, снова обращаются въ орнаментальныя украшенія, примѣръ чего мы видимъ въ арабскомъ искусствѣ. Также и у насъ иногда красиво напечатанное или выгравированное библейское изреченіе играетъ роль стѣнного украшенія.

Произведенія искусства, и въ особенности орнаменты, значеніе которыхъ уже невозможно установить, весьма часто подвергались новому толкованію. Склонность къ такимъ попыткамъ глубоко заложена въ человѣкѣ, и онъ проявляетъ свою пытливость даже по отношенію къ неосмысленнымъ, случайнымъ созданіямъ природы, и около нихъ начинаютъ группироваться циклы объяснительныхъ сказаній. Случается также, что и самые предметы природы, вызвавшіе извѣстныя легенды искусственно измѣняются, обдѣлываются для согласованія созданія природы съ легендой. Нейсъ, напримѣръ, во время своего путешествія на лодкѣ по области Лоанго, въ дальней Индіи, часто встрѣчалъ на рѣкѣ скалы, превращенныя при нѣкоторой обдѣлкѣ въ изображенія фантастическихъ созданій. Этимъ не ограничилось въ этомъ случаѣ исправленіе природы, — даже горные хребты и издали видимыя прогалины въ лѣсахъ были измѣнены соотвѣтственнымъ образомъ [1]. Въ орнаментѣ это направленіе, какъ уже было упомянуто, благопріятствуетъ развитію вторичныхъ орнаментальныхъ фигуръ изъ чисто техническихъ или геометрическихъ украшеній, а также способствуетъ преобразованію животнаго орнамента въ растительный. Прилагаемый на стр. 563 дайякскій рисунокъ показываетъ, какъ подъ вліяніемъ техническихъ требованій орнаментики искажается первоначальное чисто подражательное воспроизведеніе предметовъ. Иногда легенда должна давать объясненіе орнаменту, смыслъ котораго уже утраченъ. Таково, напримѣръ, сказаніе сѣверозападной Америки о человѣкѣ, который, убивъ другого, вынулъ глаза у мертвеца, вставилъ ихъ въ бортъ своей лодки и положилъ этимъ начало новому, вполнѣ реалистическому орнаменту.

Бросивъ ретроспективный взглядъ на разные виды и произведенія искусства, мы замѣтимъ, что въ нихъ живетъ творческая сила, несмотря на то, что этимъ дѣломъ занимались на досугѣ, безъ опредѣленной цѣли, какъ бы играючи, для развлеченія. Кромѣ того, мы убѣдимся въ томъ, что въ созданныхъ путемъ повтореній и чередованій [2] формахъ они имѣютъ прочный панцырь или скелетъ. Игра, забава, сама по себѣ не имѣетъ такой

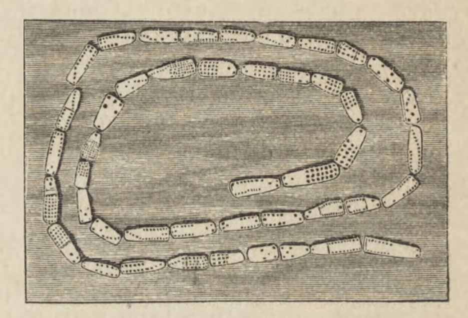
[1] Одной изъ классическихъ мѣстностей по богатству такихъ новотолкованій не только созданій природы, но и завѣдомыхъ издѣлій человѣка можно назвать югозападъ Сибири. Въ вершинахъ рѣчки Аскиза, текущей съ восточныхъ огроговъ Алатау Кузнецкаго, стоитъ утесъ, издали напоминающій фигуру женщины. Про нее разсказываютъ, что она была когда-то очень богата и горда. „Мнѣ и бога не нужно, и безъ него проживу“, какъ то похвасталась она. Богъ (Кудай) за это обратилъ и е , и стада ея въ камень. И вотъ для подкрѣпленія легенды около этого утеса наставили цѣлую кучу грубо сработанныхъ миніатюрныхъ изображеній животныхъ,—это окаменѣлыя стада Иней тасъ (бабушка-камень), такъ называютъ эту скалу. Ее очень боятся мѣстные инородцы,—взять камень отъ нея, а тѣмъ болѣе утащить какое нибудь окаменѣлое животное изъ ея стада считается крайне опаснымъ. Какъ извѣстно, на Алтаѣ и на югѣ Енисейской губерніи встрѣчается много древнихъ могилъ и грубыхъ каменныхъ истукановъ, которыхъ мѣстные инородцы признаютъ за окаменѣлыхъ людей. Говорятъ, что это прежніе богатыри, которыхъ богъ превратилъ въ камень за то, что они злоупотребляли своей громадной силой и обижали обыкновенныхъ людей. Еще больше подобныхъ сказаній на Алтаѣ. Тамъ олицетворяются горы, онѣ ссорятся между собой, преслѣдуютъ другъ друга, переходятъ съ мѣста на мѣсто. На такихъ горахъ складываютъ грубые жертвенники изъ камней, дѣлаютъ возліянія молочнымъ виномъ и водкой. Для ознакомленія съ этими сказаніями лучшіе источники — Собраніе трудовъ миссіонера Вербицкаго, изданы подъ редакціей А. Ивановскаго. Московск. Общ. любителей Естествознанія, Очерки Сѣв. Запад. Монголіи Г. Потанинъ II и IV и труды по шаманству Бурятскаго фольклориста Хангалова. *Ред.*

[2] Авторъ исключительно настаиваетъ на однихъ повтореніяхъ, какъ на основномъ пріемѣ искусства; но одно повтореніе тождественнаго слишкомъ однообразно: въ стихахъ, въ языкѣ, въ орнаментикѣ, рифмы не только повторяются, но и чередуются въ извѣстномъ порядкѣ. Это и заставило насъ для ясности отступать временами отъ подлинника и къ повторенію прибавить другой терминъ чередованіе. *Ред.*

форменной оболочки, а также и творческой силы искусства,—это конечно опредѣленіе отрицательное, но оно лучше опредѣляетъ сущность игры, чѣмъ пространныя положительныя опредѣленія. Вообще игру-развлеченіе лучше всего опредѣлить какъ нѣкоторое физическое или духовное упражненіе, которое, подобно искусству, служитъ прежде всего способомъ дать исходъ избытку силъ и не преслѣдуетъ какой нибудь впередъ намѣченной цѣли. Игра на деньги или вообще на интерессъ является уже болѣе поздней формой безобиднаго по существу своему влеченія.

Дѣтскія игры — важная отрасль самовоспитанія: въ нихъ, если это только не игры, служащія лишь для развитія силы и ловкости, какъ въ зеркалѣ, отражается будущая серьезная дѣятельность человѣка. Любовь къ играмъ неодинаково развита у отдѣльныхъ субъектовъ и у цѣлыхъ народовъ, даже родственныхъ между собою; дѣти малайцевъ, напримѣръ, играютъ очень мало, а дѣти даяковъ любятъ играть и играютъ много. Пренебреженіе къ играмъ вообще служитъ признакомъ преждевременной зрѣлости, что замѣчается на練 неграхъ, а такъ-же указываетъ на недостатокъ фантазіи и душевной свѣжести.

По природному различію половъ игры дѣтей мужского пола чаще всего изображаютъ войну и охоту и игрушки ихъ—подражанія оружію взрослыхъ, игрушки дѣвочекъ маленькія копіи съ тѣхъ домашнихъ вещей, съ которыми они будутъ имѣть дѣло, когда станутъ взрослыми, и куклы. Многія игры, ставшія у насъ исключительнымъ достояніемъ дѣтей, у первобытныхъ народовъ, какъ, напримѣръ, игры въ мячъ у эскимосовъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ и австралійцевъ, служатъ забавою взрослыхъ (см. изобр. стр. 62 и 209); кромѣ того, у австралійцевъ такое же значеніе имѣетъ наша дѣтская игра въ прятки. Существуютъ и другія игры, которыя, какъ, напримѣръ, домино, снова входятъ въ употребленіе у культурныхъ народовъ. При обычаѣ награждать побѣдителя въ игрѣ какимъ-нибудь призомъ возбуждается страстная жажда выигрыша, и само ожиданіе результата возбужденнаго игрока пріятно щекочетъ нервы. Игры, требующія не столько физическаго, сколько духовнаго напряженія или такія, гдѣ выигрышъ и проигрышъ зависятъ отъ случая, часто начинаютъ служить цѣлямъ, ничего общаго не имѣющимъ съ первоначальнымъ назначеніемъ игры — развлеченіемъ. Шашки и кости чаще всего употребляются первобытными народами для игры съ корыстной цѣлью. Пѣтушьи бои и другія подобныя этому явленія, которыя сами по себѣ врядъ-ли могутъ считаться играми, такъ какъ это уже не игра а просто азартное пари, съ достаточной ясностью указываютъ, какіе нравы и привычки могутъ развиться на почвѣ страсти къ игрѣ. Это извращеніе и примѣненіе къ новымъ цѣлямъ по происхожденію совершенно безобидныхъ развлеченій въ общемъ представляютъ крайне неблагопріятное явленіе для развитія культуры. Если забава превращается въ серьезный трудъ, который идетъ на пользу развитія матеріальной культуры, если изъ нея развивается искусство, которое даетъ возможность бросить новый свѣтъ на цѣли и идеалы человѣчества, игра измѣняетъ свое назначеніе и становится могучимъ рычагомъ прогресса. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда игра становится средствомъ для легкой наживы, она является тормазомъ всякой положительной творческой работы и, какъ ядовитое вещество, въ минимальныхъ количествахъ, въ нѣкоторыхъ, отдѣльныхъ случаяхъ, можетъ принести нѣкоторую пользу, но при частомъ употребленіи и въ большихъ дозахъ становится безусловно

Игра домино у эскимосовъ. По Тернеру.

пагубной. Вырожденіе спорта въ азартную игру у культурныхъ народовъ представляетъ весьма наглядный примѣръ такой метаморфозы, имѣющей крайне сомнительное будущее.

---

3. Религія.

Вся духовная жизнь представляетъ собою единое великое цѣлое, хотя силы свои оно распространяетъ по различнымъ направленіямъ и исходящій изъ него свѣтъ, преломляясь, разлагается на тысячи лучей. Чѣмъ наивнѣе, чѣмъ первобытнѣе человѣкъ, тѣмъ яснѣе мы постигаемъ цѣлостность его натуры. Лишь культурный человѣкъ, старающійся познать самого себя, по необходимости долженъ свои собственныя мысли и дѣянія разбивать на отдѣльныя категоріи, приводить ихъ въ порядокъ, обозначать ихъ различными названіями, пока наконецъ этотъ анализъ не станетъ для него дѣломъ привычки.

Мы склонны всякое душевное движеніе, даже не выяснивъ его окончательно самимъ себѣ, заносить въ извѣстную категорію, у насъ есть для этого свои формулы, надъ которыми мы работаемъ. Это очень удобно и для повседневной жизни очень полезно, но весьма опасно въ тѣхъ высокихъ сферахъ мышленія, гдѣ рѣшаются міровыя проблемы и тайны нашего собственнаго бытія. Въ такихъ случаяхъ взглядъ, брошенный на первобытныхъ представителей человѣчества, можетъ оказать освѣжающее вліяніе: этому простодушному существу не приходится ломать голову надъ придумываніемъ тонкихъ категорій существующаго, и изслѣдовать пригодность ихъ. При слабомъ развитіи духовной жизни ему нечѣмъ было бы и заполнить ихъ и все-таки это стремленіе пробивается и просачивается повсюду, какъ вода изъ разсохшейся бочки.

Эти предварительныя свѣдѣнія крайне необходимы для того, кто желаетъ изслѣдовать первоисточники религіи. Сколько безконечныхъ и безсмысленныхъ споровъ поднималось изъ-за вопросовъ—существуютъ ли народы, не имѣющіе религіи, или по поводу того,—есть-ли у того или иного народа какая-нибудь религія или нѣтъ? Сущность же и сама постановка вопроса въ такой формѣ не имѣютъ смысла. То, что культурный народъ признаетъ своей религіей, есть результатъ долговременнаго и труднаго процесса развитія, который и до сихъ поръ еще нигдѣ не довершенъ. Католицизмъ, гордящійся незыблемостью своихъ догматовъ, однако же, создалъ нѣсколько новыхъ тоже незыблемыхъ положеній въ недавно истекшемъ столѣтіи, которыя и среди правовѣрныхъ не получили общаго признанія. При вглядѣ на какую-нибудь религіозную систему или пантеонъ боговъ, примѣрно хоть на міръ боговъ древней Греціи, онъ сначала произведетъ на насъ впечатлѣніе чего-то однороднаго, гармоничнаго; но зато какое глубокое разочарованіе охватитъ насъ при болѣе тщательномъ изслѣдованіи. Во всемъ обнаруживаются неясности, путаница, нѣкоторые отдѣльные образы оказываются не на своемъ мѣстѣ, они смѣшиваются съ другими, и мы встрѣчаемся съ ними въ формахъ, весьма далеко уклоняющихся отъ тѣхъ, къ которымъ мы привыкли ихъ причислять. Зевсъ напримѣръ, чествуемый извѣстнымъ образомъ въ одномъ мѣстѣ, нисколько не похожъ на того Зевса, которому въ сосѣдней странѣ посвященъ храмъ временъ незапамятной древности, гдѣ культъ его стоитъ въ связи съ какими-то удивительными обычаями и легендами; въ третьемъ мѣстѣ оказывается, что тотъ-же Зевсъ замѣненъ вполнѣ другимъ божествомъ. Къ этому сверхъ того присоединяются божества, развившіяся не на эллинской почвѣ, какъ напримѣръ Гераклъ и Афродита. Короче сказать, чудный храмъ, въ видѣ котораго представляемъ мы себѣ міръ боговъ Эллады, построенъ изъ без-

связныхъ обломковъ и фрагментовъ другихъ зданій и только приглаженъ снаружи и приведенъ въ благообразный видъ.

Въ Греціи жрецамъ и поэтамъ удалось еще болѣе или менѣе благополучно справиться со своей задачей; но уже попытки спаять римскую миѳологію съ греческой потерпѣли полное fiasco. Точно также осталась невыполнимой попытка скандинавскихъ поэтовъ создать для растущихъ религіозныхъ потребностей, изъ сбивчивыхъ древнихъ сказаній и туманныхъ образовъ боговъ германской миѳологіи, болѣе или менѣе стройный и удобообожаемый пантеонъ. И понынѣ еще не мало прилагается стараній къ устраненію этой путаницы, которую иногда, совершенно ошибочно, приписываютъ скудости дошедшихъ до насъ преданій. Въ дѣйствительности, въ ту пору, когда къ германцамъ начало проникать христіанство, у нихъ еще не было религіи, подобной культу греческихъ боговъ, они стояли на болѣе низкой ступени религіознаго міросозерцанія, а съ распространеніемъ христіанства должна была прекратиться дальнѣйшая разработка древней миѳологіи.

Что такое сама христіанская религія? Кто подвергнетъ ее болѣе тщательному изслѣдованію, несомнѣнно повсюду встрѣтитъ и въ ней остатки древнихъ воззрѣній, приспособленныя къ цѣлямъ новой религіи, первобытныя обыкновенія, получившія новое объясненіе и включенныя въ этой формѣ въ число религіозныхъ обрядовъ. Другими словами, изслѣдователь долженъ будетъ признать, что и эта религія — дѣло цѣлаго ряда тысячелѣтій, что и въ ней нельзя отрицать связи со стадіями первоначальнаго развитія. Изслѣдователь духовной жизни первобытныхъ народовъ, знакомый со всѣми вышеупомянутыми явленіями, не будетъ спрашивать— „есть-ли у этого народа религія?“ — онъ спроситъ: „есть-ли у этого народа тѣ или другіе зачатки, изъ которыхъ у культурныхъ народовъ образуются обширныя системы, которыя мы называемъ религіями?“ На вопросъ въ первой формѣ онъ не получилъ бы ничего, кромѣ крайне запутанной отповѣди или простого отрицанія; на второй же вопросъ онъ всегда смогъ-бы получить толковыя разъясненія.

Предлагая у первобытныхъ народовъ, вмѣсто общаго обширнаго представленія о религіи, разыскивать только разнородные зачатки, изъ которыхъ оно постепенно образуется, мы какъ бы вступаемъ въ противорѣчіе съ самими собой: вѣдь мы признали ранѣе, что духовная жизнь человѣка представляетъ собою нѣчто единое. мало того, мы утверждали, что у мало культурныхъ народовъ это единство выступаетъ сравнительно чаще и яснѣе, чѣмъ у насъ? Однакоже, въ сущности это только кажущееся противорѣчіе. Всѣ эти разрозненные зачатки запоздалаго развитія родственны между собой. Они только различныя формы воздѣйствія единой силы въ отвѣтъ на внѣшнія вліянія или проявленія роста этой силы, хотя въ дѣйствіяхъ ея еще нѣтъ ни плана, ни разумной связи. Обращаясь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ фактовъ, мы никогда не должны забывать, насколько неопредѣленны границы между ними, насколько легко въ нихъ одно переходитъ въ другое и какъ часто они взаимно пополняютъ другъ друга.

Всѣ первоисточники религіи обладаютъ однимъ важнымъ признакомъ: всѣ они имѣютъ дѣло съ такими вещами и представленіями, которыя стоятъ далеко выше узкой сферы бытія отдѣльныхъ личностей и даже воплощающаго въ себѣ коллективную жизнь общества: всѣ душевныя движенія, пробуждающія въ сознаніи человѣка представленія о тѣхъ возвышенныхъ стремленіяхъ, передъ которыми меркнутъ всѣ вопросы физическаго существованія и насущныя задачи данной минуты, являются первоисточниками религіи. Впрочемъ нѣкоторые изъ такихъ зачатковъ могутъ развиться и другимъ путемъ: примѣромъ этого можетъ служить философія, стремящаяся при помощи разума рѣшить загадку бытія и не могущая ни въ какомъ случаѣ считаться религіей. Изъ этого слѣдуетъ, что все разсу-

дочное чуждо религіи, что сфера ея ближе къ полусознательному, къ тому, что постигаетъ человѣкъ чувствомъ; короче сказать — она въ вопросахъ о сверхчувственномъ ищетъ совершенно особыхъ путей для постиженія его, помимо опытнаго изслѣдованія и выводимыхъ изъ него логическихъ заключеній. Уже неоднократно леденящій ураганъ знанія, науки развѣивалъ въ прахъ разнохарактерныя, то умиротворяющія, то наводящія ужасъ измышленія миѳологіи и тѣмъ отнималъ у многихъ сердецъ послѣднее, незамѣнимое прибѣжище въ суровой жизненной борьбѣ; но тотъ же буйный вѣтеръ разрушилъ алтари, на которыхъ приносились человѣческія жертвы, погасилъ костры инквизиціи и застѣнковъ, гдѣ сожигали вѣдьмъ. Религія имѣетъ въ себѣ черты чего-то женственнаго, наука — мужественнаго. Въ то время какъ наука, переходя отъ рѣшенія одной задачи къ другой, самостоятельно подвигается впередъ, религія носитъ пассивный или рефлективный характеръ, она является отзвукомъ человѣческаго сердца на воздѣйствія внѣшняго міра, и это даетъ ей возможность, не справляясь съ логикой, вести свое полусознательное существованіе.

Большинство зачатковъ религіи носитъ чисто субъективный характеръ, объяснимый лишь душевнымъ состояніемъ отдѣльной личности или небольшой группы людей, а непричастному къ этому настроенію все кажется безсмыслицей, бредомъ безумнаго и самоистребленіемъ, таковы напримѣръ сожиганія волшебницъ въ Африкѣ, послѣ всякаго смертнаго случая, принесеніе въ жертву собственныхъ дѣтей при угрожающей опасности и тому подобное. Это всегда безцѣльныя болѣе или менѣе энергичныя реакціи на внѣшнія вліянія или внутренніе позывы, выступающіе наружу, поступки, вызванные только ощущеніемъ, что теперь „необходимо хоть что-нибудь да сдѣлать“. Точно такимъ-же образомъ человѣкъ, въ котораго попали неожиданно камнемъ, приходитъ въ бѣшенство или, ничего не соображая, дѣлаетъ оборонительное движеніе ни къ чему не нужное. Только мало-по-малу начинаетъ въ религіозные порывы проникать настолько здравый смыслъ, что является возможность установить нѣкоторое соотвѣтствіе между внѣшними вліяніями и воздѣйствіями на нихъ. При этомъ устраняется до нѣкоторой степени путаница въ различныхъ представленіяхъ, устанавливается между ними нѣкоторое соотношеніе, пока въ концѣ концовъ не создастся изъ всего этого религія, заслуживающая этого названія! По понятіямъ культурнаго человѣка она получаетъ на это право только тогда, когда становится опорою нравственности.

Основнымъ ощущеніемъ, изъ котораго беретъ свое начало всякая религія можно считать чувство подчиненности, которое уже само по себѣ требуетъ извѣстнаго признанія. Эта подчиненность выражается въ двухъ видахъ: во-первыхъ, силы природы, отъ которыхъ непосредственно зависитъ жизнь и благосостояніе человѣка, часто съ неумолимой жестокостью даютъ чувствовать людямъ свою власть, съ другой стороны— вліянія установившихся формъ человѣческаго сожительства, семьи, племени, народа, прошлыхъ и нарождающихся поколѣній, передъ которыми отдѣльная личность является только каплей въ струяхъ водопада, въ которой только на мгновеніе могутъ отразиться лучи солнца и красоты природы и затѣмъ она моментально исчезнетъ. Таковы могучія, но темныя силы, окружающія человѣка, и онъ такъ или иначе долженъ оріентироваться среди нихъ, такъ какъ безъ этого его существованіе невозможно. Если при покойномъ теченіи жизни онъ не испытываетъ этого тягостнаго чувства, то въ несчастномъ случаѣ и въ опасности онъ вынужденъ обороняться отъ этихъ невзгодъ и предпринимать какія-нибудь мѣры религіознаго характера.

Эти мѣры и поступки, какъ уже было сказано носятъ чисто субъективный характеръ: примитивный человѣкъ или небольшая тѣсно связанная между собою группа, сознающая себя коллективнымъ цѣлымъ, не

Исторія первобытной культуры.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Праздникъ въ честь усопшихъ у индѣйцевъ бороро, Центральная Бразилія.

Праздникъ въ честь усопшихъ у индѣйцевъ бороро, Центральная Бразилія.

Черезъ двѣ недѣли послѣ погребенія трупъ выкапываютъ изъ земли и въ мужскомъ домѣ раскрашиваютъ красной краской; черепъ (слѣва, на переди рисунка) обклеиваютъ пестрыми перьями попугая; кости укладываютъ въ ящикъ и зарываютъ въ потайномъ мѣстѣ. На переднемъ планѣ рисунка, справа, сидятъ, украшенные діадемой изъ перьевъ арара, врачи; передъ ними лежатъ употребляемыя при погребеніи гремушки изъ тыквъ.

(По сообщенію Карла фонъ денъ Штейненъ.)

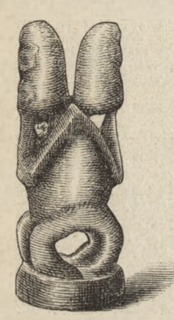
имѣетъ другого мѣрила поступковъ, кромѣ своего я. Поэтому всѣ враждебныя и благопріятныя этой группѣ силы, по ея представленію, дѣйствуютъ сознательно, поддаваясь порывамъ страстей; но вмѣстѣ съ тѣмъ это такія существа, на которыхъ можно дѣйствовать уговоромъ, просьбами и подарками. Можетъ быть, буря не будетъ разрушать хижину и станетъ въ другой разъ посмирнѣе, если ей заранѣе предложить яствъ и напитковъ и тѣмъ успокоить ея гнѣвъ. Почему дереву, не принесшему въ нынѣшнемъ году плодовъ, не дать въ слѣдующемъ болѣе обильнаго урожая, если его объ этомъ будутъ просить и умилостивлять подарками. Съ этой точки зрѣнія вся природа состоитъ изъ одушевленныхъ существъ, доступныхъ воздѣйствію человѣка. Зачатки религіозныхъ вѣрованій, истекающіе изъ этого міровоззрѣнія, мы называемъ анимизмомъ.

Но анимизмъ очень рѣдко проявляется въ такихъ чистыхъ формахъ, и это вполнѣ понятно. Быть можетъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ чувство зависимости отъ природы, угнетаетъ человѣка та невидимая связь, которая соединяетъ между собою живущихъ людей съ ихъ умершими соплеменниками. Повидимому, недоразвитое сознаніе этой связи, не вызывающее никакихъ крупныхъ послѣдствій, является удѣломъ племенъ, находящихся на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія. Но весьма скоро пробуждается чувство, говорящее людямъ, что покойники исчезли изъ круга живущихъ, что, кромѣ унаслѣдованныхъ отъ нихъ свойствъ и оставленнаго ими имущества, они сами практически принимаютъ участіе въ горестяхъ и радостяхъ своихъ потомковъ, могутъ помогать, а еще болѣе того — вредить имъ. Это чувство можетъ сдѣлаться крайне тягостнымъ, даже невыносимымъ, если мысли человѣка сосредоточатся главнымъ образомъ на нихъ, какъ объ этомъ можно судить по тѣмъ энергичнымъ и страстнымъ реакціямъ, которыя оно вызываетъ. Все и вся начинаютъ приписывать вліянію духовъ, — всякій внезапный страхъ, всякое непонятное явленіе, а также и болѣзни толкуютъ въ томъ-же смыслѣ. Борьба съ этими страхами не можетъ быть планомѣрной, такъ какъ нѣтъ въ ней никакой видимой цѣли, къ которой можно было бы стремиться. Часто, руководимая разнаго рода случайностями она принимаетъ уродливыя формы, а такъ какъ такія мѣры не устраняютъ дѣйствительныхъ бѣдствій, то иногда отъ нелѣпаго дѣло доходитъ до чудовищнаго. Яснѣе всего это выражается въ поминкахъ по покойникамъ (срв. прилагаемую таблицу: „Праздникъ въ честь усопшихъ у индѣйцевъ бороро"). Терминъ — „культъ предковъ" не совсѣмъ подходитъ къ вышеуказаннымъ явленіямъ, такъ какъ во многихъ случаяхъ о культѣ въ настоящемъ смыслѣ этого слова нѣтъ и рѣчи. Нельзя назвать неудачнымъ предложенный Л. Фробеніусомъ терминъ — манизмъ, образованный изъ мани — римскаго названія духовъ предковъ.

Хотя нами выше было уже сказано, что религія не принадлежитъ къ области разума, а къ области чувства, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что разумъ не имѣетъ никакого отношенія къ религіознымъ вопросамъ. Нѣтъ такой области въ человѣческомъ сознаніи, гдѣ бы умъ и чувство можно было бы строго отдѣлить другъ отъ друга, и это уже вполнѣ ясно изъ попеременно чередующихся взаимодѣйствій между сознательнымъ и безсознательнымъ. Уже первые зачатки религіи, а тѣмъ болѣе высокоразвитыя формы ея испытываютъ на себѣ сильное вліяніе логическаго мышленія. Однакоже рѣшающаго значенія въ этой области разумъ не имѣетъ: кромѣ логики, при мало мальски благопріятныхъ обстоятельствахъ, здѣсь играетъ до-логическая форма мышленія, состоящая изъ ряда другъ за

въ качествѣ полноправнаго замѣстителя ихъ является преданіе. Мало-по-малу разумъ начинаетъ разрушать эти воздушные замки, но ему толь[ко] весьма рѣдко удается уничтожить ихъ совсѣмъ, а въ другихъ случаях[ъ] онъ, вмѣсто разрушеннаго зданія, воздвигаетъ новое, устранивъ изъ не[го] наиболѣе грубыя заблужденія. Объясненіе явленій природы на основан[іи] религіи составляетъ наименѣе возбуждающій страсти и наиболѣе осм[ы]сленный отдѣлъ ея, а потому и самый безобидный во всѣхъ религіях[ъ]. Онъ называется миѳологіей.

Сущность, ядро религіи, однако же заключается не въ миѳологическом[ъ] объясненіи природы, а въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя имѣютъ цѣль[ю] устранить невзгоды бытія и, самое главное, повліять на „нездѣшнія“ сил[ы] и постараться привлечь ихъ на службу человѣку. Эти религіозныя дѣ[й]ствія уже потому, что они реагируютъ на неблагопріятныя вліянія, облег[]чаютъ угнетенное настроеніе. Но этими дѣйствіями достигается нѣч[то] большее: они избавляютъ отъ безнадежнаго отчаянія, сознаніе зависимост[и] и безпомощности замѣняется надеждой на выручку. Все это происходит[ъ] изъ того, что религіозныя воздѣйствія обращаютъ вражде[б]ныя силы въ дружественныя, а другія, безразличныя, пр[и]зываются на помощь. Здѣсь снова встрѣчаемся съ двум[я] путями дальнѣйшаго развитія: культъ выступаетъ на сце[ну] тогда, когда человѣкъ просьбами или жертвоприношеніям[и] старается добиться милости и заступничества отъ высших[ъ] силъ; наоборотъ, мистика проявляетъ себя тогда, когд[а] самъ человѣкъ чувствуетъ въ себѣ какія-то неземныя, свер[х]человѣческія силы, и эти таинственныя, внутри его безс[о]знательно живущія силы сознательно привлекаетъ на служб[у] себѣ и при помощи ихъ пытается подчинить себѣ другія н[е]здѣшнія силы. Мистика, на низшихъ ступеняхъ своего ра[з]витія выражающаяся въ шаманствѣ, магіи, колдовствѣ [и] тому подобномъ, имѣетъ громадное значеніе во всѣхъ перво[]бытныхъ религіяхъ. У культурныхъ народовъ она или пр[и]нимаетъ болѣе утонченныя формы, или отходитъ на задні[й] планъ, не сходя окончательно со сцены.

Фетишъ племени бакунду, Камерунъ. По Люшану.

Нѣтъ ли, однако, здѣсь существенныхъ признаковъ эволюціи? Н[е] согласиться ли намъ съ Бросэ, который заявилъ категорически, что ни[з]шей ступенью развитія религіи слѣдуетъ считать фетишизмъ? Что тако[е] фетишизмъ, какъ не почитаніе случайно встрѣченныхъ или созданных[ъ] фантазіей вещей, о которыхъ думаютъ, что онѣ могутъ вліять на нас[ъ] самихъ (см. рис. выше)? Именно это слѣпое преклоненіе перед[ъ] первымъ попавшимъ предметомъ и представляетъ собой самымъ яснымъ образомъ полусознательныя стремленія избавиться отъ тоски и угнетені[я]. Впрочемъ тотъ, кто постарается основательно ознакомиться съ тѣмъ, что та[]кое фетишизмъ, безъ труда увидитъ, что здѣсь нѣтъ сколько-нибудь опредѣ[]леннаго понятія, а только такія слова, которыми, въ случаѣ надобност[и] можно замаскировать недостатокъ болѣе яснаго разумѣнія дѣла. Говор[я] о фетишизмѣ, какъ о поклоненіи неодушевленнымъ вещамъ, за которым[и] нѣтъ никакого дѣйствующаго духовнаго начала, надобно принять во вни[]маніе, что въ такихъ случаяхъ, какъ это уже доказывалъ Эллисъ, м[ы] имѣемъ чаще всего дѣло съ явленіями упадка и регресса болѣе разви[]тыхъ формъ вѣрованій [1]. Простой русскій мужикъ поклоняется без[]

[1] Здѣсь авторъ касается весьма спорнаго вопроса. Отвергая фетишизмъ, какъ ни[з]шую форму религіознаго міросозерцанія, намъ придется признать начальной формой ан[]

яснаго сознанія иконамъ и реликвіямъ, лобызая ихъ, поступаетъ, какъ фетишитсъ; но при этомъ въ основѣ его дѣйствій лежитъ высокое религіозное ученіе [1]. Самъ настоящій фетишизмъ въ своихъ наиболѣе первобытныхъ, низшихъ формахъ, развился не въ западной Африкѣ, какъ ей это очень часто приписываютъ, а у обращенныхъ въ христіанство негровъ Вестъ-Индіи, которые изъ непонятыхъ ими остатковъ языческихъ вѣрованій, создали не имѣющій смысла культъ. Многіе идолы, считающіеся „совершенно непонятными, по большей части не что иное, какъ стилизованныя и искаженныя изображенія человѣка, истинный смыслъ которыхъ можно разгадать только при изученіи стиля искусства того народа, который создалъ данное изображеніе. Какимъ образомъ изъ удвоенныхъ изображеній человѣка могутъ въ концѣ концовъ образовываться совершенно непонятныя фигуры, можно видѣть на прекрасномъ подборѣ рисунковъ, изображающемъ цѣлый рядъ переходныхъ формъ изображеній, собранныхъ на Таити и другихъ сосѣднихъ островахъ (см. изобр. на стр. 574).

Въ высоко развитыхъ формахъ религіи изъ миѳологіи, культа и ми-

---

приводимыхъ авторомъ примѣровъ. Далеко не всякій предметъ можетъ сдѣлаться фетишемъ, онъ долженъ чѣмъ-нибудь обратить на себя вниманіе. Человѣкъ первобытный, сравнивая всѣ вещи съ собой, не говоря уже о животныхъ, и въ шумѣ лѣса, и въ грохотѣ водопада, вообще во всѣхъ звукахъ природы, видитъ что-то общее съ своей рѣчью, со звуками, издаваемыми имъ. Все это заставляетъ думать, что лучше было бы фетишизмомъ признать доанимистическую стадію развитія религіи, когда человѣкъ не олицетворялъ предметовъ и явленій природы, не отдѣлялъ въ нихъ видимой формы, чисто матеріальной отъ внутренней, въ которой онъ чувствуетъ что то подобное себѣ. Обращаясь къ анимизму, мы видимъ и можемъ прослѣдить цѣлую серію развитія его. У большинства первобытныхъ и даже уже нѣсколько затронутыхъ культурой народовъ крайне распространено представленіе о множественности душъ. Алтайцы вѣрятъ, что отраженіе человѣка въ водѣ— его двойникъ. Есть души низшаго порядка, которыя исчезаютъ вмѣстѣ со смертью. Есть души высшихъ порядковъ, нѣкоторыя изъ нихъ временно покидаютъ своего хозяина; но онъ не умираетъ, а только чувствуетъ себя нѣсколько неловко, хвораетъ и тоскуетъ. Буряты-шаманисты думаютъ, что весьма многіе, по нашему неодушевленные предметы, имѣютъ свою душу; но не всѣ. На мои вопросы одинъ старый шаманъ отвѣтилъ мнѣ, что у парохода, лука, стрѣлы имѣются души низшаго порядка, а у сапога, кафтана, сѣдла ея нѣтъ. Эта множественность душъ, по нашему мнѣнію, служитъ указаніемъ на тѣ стадіи развитія, которыя послѣдовательно проходилъ анимизмъ. Развитіе его, повидимому, шло двумя путями, — съ одной стороны оно выразилось въ ученіи о единой безсмертной душѣ, съ другой въ раздробленіи ея на нѣсколько духовныхъ созданій, живущихъ совмѣстно въ человѣкѣ, но способныхъ по крайней мѣрѣ временно отдѣляться другъ отъ друга и даже, какъ выше сказано было, улетать отъ человѣка. Намъ кажется нѣсколько необычнымъ, что нашъ авторъ, обладающій колоссальною эрудиціей, говоря о фетишизмѣ, ссылается только на Броссэ и Элисса, оставляя въ сторонѣ Огюста Конта. Его система трехъ стадій развитія религіознаго мышленія, начинающаяся съ фетишизма и оканчивающаяся монотеизмомъ, изложенная въ отдѣлѣ соціологіи его „Cours de philosophie positive", пользовалась большой популярностью. Онъ и придалъ фетишизму значеніе всеобщей первоначальной стадіи развитія религіи. Эта система во всякомъ случаѣ заслуживала бы быть упомянутой. *Ред.*

[1] Нашъ авторъ довольно неосмотрительно привелъ данный, довольно не характерный примѣръ. Русскій крестьянинъ, прикладываясь къ образамъ и мощамъ, зажигая передъ ними свѣчи, молясь имъ, не считаетъ ни изображеній, ни мощей богами. Зажигая свѣчу передъ иконой Николая-угодника, онъ жертвуетъ ее не изображенію, а самому Николаю Чудотворцу. Икону тогда только начинаютъ чествовать, когда она „освящена". Передъ картинами религіознаго содержанія, если онѣ не освящены, онъ даже не сниметъ шапки. Реликвіи также должны быть освящены; но съ ними и чудотворными иконами дѣло обстоитъ нѣсколько иначе—въ нихъ самихъ признается благодатная сила. Гораздо болѣе примѣровъ, близкихъ къ фетишизму, представляютъ обычаи католической церкви; но всѣ эти примѣры недостаточно выпуклы. Каждое отдѣльное лицо при поклоненіи образамъ и мощамъ видитъ въ нихъ проявленіе благодати, которая можетъ исходить только отъ Бога. Рѣзкій примѣръ чистаго фетишизма въ высоко развитой религіи мы видимъ въ перерожденцахъ (кубилганахъ и гегенахъ) ламаизма. Тамъ за живымъ человѣкомъ

стики образуется нѣчто цѣльное, а на первобытныхъ ступеняхъ разви
всѣ эти зачаточныя явленія существуютъ отдѣльно другъ отъ друга. Суп
ствуютъ отдѣльные миѳологическіе разсказы, но они имѣютъ значе
только для выясненія второстепенныхъ вопросовъ, а на религіозныя дѣ
ствія никакого вліянія не имѣютъ. Напримѣръ, почти у всѣхъ народо
имѣются объясненія созвѣздій, и ихъ считаютъ какими-то небесными су
ствами, но изъ этихъ сказокъ только въ рѣдкихъ случаяхъ возника
культъ звѣздъ или попытки усмотрѣть въ нихъ мистическое значен
Наоборотъ, культъ иногда возникаетъ просто въ виду необходимости та
или иначе принять мѣры противъ невзгоды и опасности, не имѣя
какой-либо опредѣленной цѣли, не справляясь съ тѣмъ, имѣетъ ли дан
дѣйствіе какое-либо миѳологическое значеніе. Люди въ особенности
чинаютъ безъ всякаго плана наудачу пробовать тѣ или иные спосо
воздѣйствія и культа, когда внезапно среди населенія появляется незн
комая болѣзнь, и это растерянное состояніе продолжается до тѣхъ пор
пока мало-по-малу не выяснится, отъ какого демона появился невѣдом
доселѣ недугъ [1]. Мистика въ своихъ простѣйшихъ формахъ, какъ,
примѣръ, боязнь „худого глаза“ и средства противъ него, первоначаль
является вполнѣ обособленной и сохраняетъ довольно долго свое зн
ченіе, совершенно безъ всякой связи съ высокоразвитыми формами
лигіи. Вообще низшія формы очень часто спокойно существуютъ рядо
съ высшими. Еще и теперь въ глухихъ уголкахъ Германіи крестьяни
съ благоговѣніемъ ходитъ молиться въ церковь, но дома у себя считае
весьма не лишнимъ прибивать къ дверямъ конюшни кое-какіе амуле
отъ колдуновъ и проказливыхъ злыхъ духовъ вмѣсто того, чтобы и

[1] Позволимъ себѣ здѣсь указать на два примѣра возникновенія новыхъ культо
которые, впрочемъ, оба получили миѳологическую основу. Какъ это часто случается,
Монголіи была занесена въ Забайкальскую область чума рогатаго скота и начала под
гаться къ Байкалу по рѣкѣ Селенгѣ. И ламы, и шаманы прибѣгали ко всѣмъ извѣ
нымъ имъ средствамъ, чтобы остановить развитіе бѣдствія. Устраивали моленія духу-
кровителю Селенги; но онъ оказался безсиленъ въ этомъ случаѣ. Видимое дѣло, зд
дѣйствовала какая-то новая сила. Чума уже свирѣпствовала на нижней Селенгѣ, ко
одинъ кударинскій бурятъ Несагаръ-хой напалъ на счастливую мысль. Въ селеніи Фо
новѣ проживалъ отставной одинокій маіоръ Ефимъ Павловичъ Сѣдыхъ. У него было об
новеніе каждое воскресенье ѣздить на гору около селенія съ своимъ работникомъ бу
томъ. Горемыка-маіоръ бралъ съ собой водку и закуску и цѣлый день до поздней н
утѣшалъ себя „зеленымъ виномъ“. Въ опьяненіи онъ пѣлъ пѣсни, кричалъ, хохота
пока, наконецъ, вечеромъ его уже бормочущаго какой-то безсвязный вздоръ не укла
валъ спутникъ въ экипажъ, чтобы доставить домой. Несагаръ-хой и пришелъ къ т
заключенію, что маіоръ уже въ пору появленія эпизоотіи давно умершій, сталъ хозяино
демономъ Фофановой горы, на которой пировалъ нашъ отставной вояка. Рѣшено б
устроить ему жертвоприношеніе и, какъ хозяина послѣдней къ сѣверу горы на право
берегу Селенги, просить не пускать заразу дальше. Шаманы сложили по установленно
шаблону молитву маіору, принесли въ жертву барана и... болѣзнь прекратилась, а
манскій пантеонъ кударинскихъ бурятъ обогатился новымъ персонажемъ. Въ той
мѣстности, у тѣхъ же кударинскихъ бурятъ появилась инфлуэнца въ крайне тяже
формѣ. Мѣстные шаманы ничего не могли придумать противъ новой болѣзни и рѣш
испросить совѣта у знаменитыхъ бурятскихъ шамановъ на островѣ Ольхонѣ. Тамъ по
долгихъ гаданій нашли генія болѣзни. У двухъ молодыхъ дѣвушекъ была злая маче
которая морила голодомъ и всячески истязала своихъ падчерицъ. Дѣвушки иска
управы у исправника, потомъ у ургинскаго хутухты, затѣмъ съ неимовѣрными лишені
добрались въ Тибетъ къ Далай-ламѣ, по всюду получали одинъ отвѣтъ — дѣти долж
покоряться родителямъ. Вернувшись изъ Тибета странницы пошли къ иркутскому ге
ралъ губернатору и тамъ ихъ отпустили съ тѣмъ же. Дѣвушки рѣшили идти домой
сѣверной сторонѣ Байкала, дошли до стойбищъ баргузинскихъ бурятъ. Здѣсь обнару
лось, что дѣвушки обладаютъ чудодѣйственной силой: исцѣляютъ всякія болѣзни, дѣла
чудеса. Ольхонскіе шаманы сложили молитвы этимъ дѣвицамъ, гдѣ разсказали всѣ
злоключенія и посовѣтовали устраивать всенародныя жертвоприношенія этимъ двумъ

этихъ случаяхъ заглянуть въ библію или обратиться за совѣтомъ къ пастору.

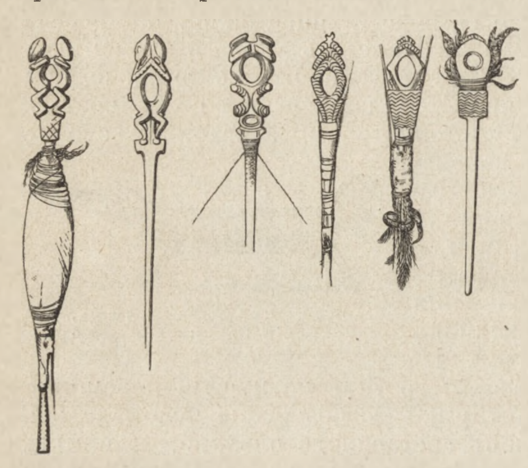
Хотя зачатки религіи весьма различны между собою, но всѣ они сходны въ томъ, что имѣютъ дѣло съ явленіями сверхъестественными. Съ другой стороны, къ области религіи относятся всѣ мысли и поступки, въ которыхъ для объясненія какого-либо факта привлекаются нездѣшнія силы или гдѣ стараются пріобрѣсти надъ ними вліяніе. Отсюда слѣдуетъ, что всякій поступокъ, всякое учрежденіе, всякій обычай можетъ усвоить себѣ религіозный характеръ и пріобрѣсти въ этомъ новую поддержку. Нравы, освященные религіей, охраняются не только живыми людьми, но также богами и усопшими предками. Такимъ образомъ религія можетъ въ различной степени проникать въ жизнь народа: иногда она охватываетъ собою все и на все оказываетъ свое вліяніе, въ другихъ же случаяхъ значеніе ея ограничивается только одной, спеціально ей принадлежащей областью; но всюду, гдѣ религія является господствующей силой, она всегда поддерживаетъ своимъ вліяніемъ элементы застоя въ ущербъ элементамъ прогресса. То, что въ одной странѣ является дѣяніемъ, съ точки зрѣнія религіи безразличнымъ, то въ другой является религіозной обязанностью. Европеецъ моется только для соблюденія чистоплотности, а арабъ вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдаетъ священную заповѣдь корана; онъ и отъ вина отказывается по тѣмъ же самымъ соображеніямъ, а европейскій апостолъ трезвости отказывается отъ алкоголя и преслѣдуетъ его по совершенно инымъ соображеніямъ. Религіозныя предписанія и поученія могутъ до такой степени въ концѣ концовъ опутать народъ и забрать его въ свои руки, что онъ почти все свое вниманіе и свои силы тратитъ на пустыя церемоніи, разнаго вида жертвенные обряды и эпитиміи. Освобожденіе человѣка отъ этихъ жестокихъ и мучительныхъ оковъ составляетъ одну изъ главныхъ задачъ культурнаго прогресса. Изъ этого-то жреческаго ига и беретъ свое начало крайне распространенная ненависть къ клерикализму, которая иногда доходитъ до грубѣйшихъ преувеличеній.

Идолъ съ Никобарскихъ о-въ, Бенгальскій Заливъ. По Свобода.

И однако же, несмотря на все это, религія въ чистомъ своемъ видѣ и при разумномъ исполненіи ея, содержитъ въ себѣ нѣчто такое, что искупаетъ всѣ тяжкія прегрѣшенія извращенныхъ формъ ея. Религія должна быть одгимъ изъ величайшихъ благъ человѣчества, она не должна погибнуть, если только не суждено человѣку отъ движенія впередъ перейти къ попятному. Вся культура, а въ этомъ мы будемъ все снова и снова убѣждаться, указываетъ намъ на путь, выводящій насъ изъ узкихъ предѣловъ личнаго существованія за предѣлы земного бытія, она даетъ намъ чувствовать, что всѣ мы принадлежимъ къ великому единому цѣлому и всѣ въ совокупности стремимся къ одной цѣли [1]. Что же еще дѣлаетъ религія? Вѣрующему она вмѣсто „зерцала гаданія" сообщаетъ увѣренность и силу, которой ничто иное дать не можетъ. Что же касается бѣдствій, вызванныхъ безумнымъ фанатизмомъ, то за нихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя обвинять религію, какъ извѣстное проявленіе человѣческаго духа. Религія развивается вмѣстѣ съ человѣчествомъ: она была груба и дика среди дикарей, и она возвышалась вмѣстѣ съ успѣхами прогресса, подъ вліяніемъ благороднѣйшихъ натуръ, пока не пріобрѣла той высокой чистоты и силы, при помощи которыхъ безчисленныя поколѣнія изъ состоянія нравственнаго упадка были выведены на путь къ высшей культурѣ. Ошибки и заблужденія религіи на ея долгомъ пути къ просвѣтлѣнію явля-

ются тѣмъ болѣе извинительны, что свѣтъ разумной логики весьма сла мерцалъ въ этой области: какъ слѣпецъ нащупываетъ она путь, ведущ къ спасенію и только медленнымъ шагомъ, запинаясь, можетъ она добрать до цѣли; но за то она, достигнувъ желаемаго совершенства, обнаружитъ так силы, которыя явятся книгою за семью печатями для мудрствующаго разум

Уже то громадное вліяніе на нравы, которое оказываетъ религія сре, культурныхъ народовъ, свидѣтельствуетъ, насколько она измѣнилась возвысилась въ теченіе своей многовѣковой эволюціи. Сближеніе меж, религіей и нравственностью совершалось съ большой постепенность хотя нельзя сказать, чтобы ощущался недостатокъ въ какихъ-ли заповѣдяхъ и запрещеніяхъ. Стремленіе искоренить въ одушевленны созданіяхъ проявленія ужасныхъ жестокостей и злобы уже въ оче раннюю пору повело къ созданію различныхъ правилъ поведенія, з прещеніямъ разныхъ видовъ пищи и подвиговъ самоотреченія, моти которыхъ, однако же, были чисто э истическіе, не имѣвшіе никаки нравственныхъ цѣлей. Только большой постепенностью развивает нравственное самосознаніе, а вмѣс съ тѣмъ и религія, предписанія к торой становятся мало-по-малу чи и благороднѣе. Боги начинаютъ вершать извѣстные поступки уже потому, что имъ такъ нравится, а т тому, что поступки эти хороши справедливы. Наконецъ, идея В объемлющаго Божества становит воплощеніемъ самыхъ возвышенны требованій морали.

Идолы изъ юго-восточной Океаніи. Изъ Journal of the Antropological Institute.

Въ окончательномъ результа всѣ зачаточныя проявленія рели приводятъ къ мысли о божестве номъ единствѣ всего сущаг но это единство понимается неодинаково и колеблется между идеей щества, одареннаго человѣческими чувствами любви и гнѣва, и чисты пантеизмомъ. Миѳологія, вопрошающая о конечныхъ причинахъ всѣ вещей, культъ, который отъ низкихъ и отвратительныхъ представлені божествѣ переходитъ постепенно къ болѣе чистымъ, болѣе возвышенным мистика, пытающаяся разрѣшить загадки бытія и жизни — всѣ они сх дятся въ концѣ концовъ въ сознаніи Единаго Всеобъемлющаго. На этом неизбѣжномъ пути развитія, въ зависимости отъ характера своихъ посл дователей, отдѣльныя религіи подвинулись неодинаково, точно также отдѣльныя, зачаточныя формы религіи развивались неравномѣрно. Въ дре ней Элладѣ съ особой пышностью расцвѣла миѳологія, у индусовъ—мист цизмъ, въ Китаѣ, благодаря вліянію (Конъ-ху-Дзе) Конфуція, преоблада щее значеніе получила мораль, между тѣмъ какъ мистицизмъ Лао-ц нашелъ очень мало сочувственныхъ откликовъ и скоро выродился. Х рактеръ народа всегда оказываетъ глубокое воздѣйствіе на религі Если-бъ въ наше время началась проповѣдь новой міровой религіи получила всеобщее признаніе, то не позже какъ черезъ сто лѣтъ кажд отдѣльный народъ создалъ бы для себя особый варіантъ этой религіи н выработалъ бы своеобразный способъ пониманія общепризнаннаго вѣр ученія. Въ этомъ смыслѣ весьма поучительный примѣръ представляе

Хотя при разсмотрѣнiи съ общей, болѣе широкой, точки зрѣнiя исторiя развитiя религiи представляетъ сравнительно довольно простую картину, зато въ частностяхъ ея много мелкихъ запутанныхъ отклоненiй и подробностей, въ которыхъ можно орiентироваться, только принявъ за руководство главныя, кардинальныя теченiя ея.

Къ области анимизма и первоначальной миѳологiи относятся всѣ тѣ разъясненiя, саги и сказки, которыя относятся къ предметамъ и явленiямъ природы; но онп вообще не имѣютъ значительнаго влiянiя на поступки людей. Раньше уже было указано, какъ объясняютъ значенiе созвѣздiй даже тамъ, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о культѣ небесныхъ свѣтилъ; еще и теперь въ нашихъ названiяхъ созвѣздiй видимъ остатокъ этого обычая. Въ большей части случаевъ, эти названiя — плодъ досужей выдумки, которой не придаютъ особаго значенiя, но и не оспариваютъ ее: строгое раздѣленiе между вѣрой и невѣрiемъ является только въ качествѣ одного изъ результатовъ культуры. У бакаири созвѣздiя Орiона и Тельца считаются за одну группу; Орiонъ большая подставка, па которой просушиваютъ мандiокку, а Плеяды—лежащая въ сторонкѣ кучка муки, Близнецы должны изображать дырочки флейты, Южный крестъ — силки для птицъ, Скорпiонъ — дѣтскiй кошель изъ сѣтки. Бороро считаютъ Южный крестъ пальцами большого страуса, Плеяды — пучекъ цвѣтовъ дерева ангико. Всѣ другiя звѣзды, не сгруппированныя въ отдѣльныя созвѣздiя, считаются земляными блохами. Кое-гдѣ, впрочемъ, существуетъ вѣра въ особенное влiянiе звѣздъ. Туземцы внутренней Австралiи думаютъ, что Магелланово облако какое-то злобное созданiе: оно по ночамъ слетаетъ съ неба и мучитъ спящихъ людей. Еще чаще встрѣчаются примѣры, гдѣ звѣзды связываются съ воспоминанiями о предкахъ. Австралiйцы принимаютъ Плеяды за толпу женщинъ, которыя въ древнiя времена улетѣли на небо. Точно также, мѣстами, въ Полинезiи звѣзды принимаютъ за души или за глаза умершихъ. Падающiя звѣзды возбуждаютъ болѣе опасенiй, чѣмъ неподвижныя: австралiйцы думаютъ, что отъ нихъ появляются въ лѣсу ядовитые грибы на землѣ и наросты на деревьяхъ и поэтому никогда не ѣдятъ ихъ. Солнце и луна, которые по теорiи должны сами по себѣ служить предметами поклоненiя, у первобытныхъ народовъ должны довольствоваться сложенными про нихъ чисто дѣтскими сказками, не имѣющими никакого значенiя въ жизни народа. Нашъ „человѣкъ на лунѣ" только остатокъ аналогичныхъ воззрѣнiй у многихъ первобытныхъ народовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ключъ къ пониманiю ихъ способа мышленiя. Мужчинъ, женщинъ, зайцевъ, деревья и т. д. видитъ на лунѣ большинство первобытныхъ народовъ. Часто утверждаютъ, что солнце и луну водворили на небѣ древнiе просвѣтители своего народа, герои культуры; точно также иногда оба свѣтила считаютъ обиталищемъ духовъ.

Культъ свѣта, котораго однако-же не слѣдуетъ смѣшивать съ почитанiемъ носителя свѣта, развился у земледѣльцевъ и скотоводовъ, достигшихъ болѣе высокаго развитiя своего быта, какъ, напр., у египтянъ, вавилонянъ и арiйцевъ. Гораздо ранѣе обратили на себя вниманiе молнiя и громъ, однако-же и ихъ значенiя преувеличивать не слѣдуетъ. Люмгольцъ разсказываетъ, напримѣръ, что въ Квинслендѣ на грозу смотрятъ только какъ на интересное зрѣлище и привѣтствуютъ радостными восклицанiями каждый взрывъ молнiи и ударъ грома [1]. Вообще же нѣтъ недо-

[1] Крайняя сжатость этого сообщенiя вызываетъ на нѣкоторыя сомнѣнiя. Можетъ быть, это была встрѣча грозы послѣ засухи? Можетъ быть, что и самые крики поняты неправильно. Въ Монголiи, напримѣръ, гдѣ бываетъ много грозъ лѣтомъ, каждый ударъ грома и появленiе молнiи встрѣчаются криками; но гроза, несомнѣнно, наводитъ на мон-

статка въ попыткахъ миѳологическаго объясненія грозы: на западно побережьи Сѣверной Америки и вплоть до Перу распространено сказані громовой птицѣ (ср. изобр. ниже и изобр. на перуанск. глиняномъ сосу стр. 375); на старомъ континентѣ существуетъ вмѣсто этого сказані драконѣ-громовникѣ, къ которому мы еще возвратимся. Благодаря свое широкому распространенію и, повидимому, самостоятельному происхож нію въ разныхъ мѣстностяхъ достойно вниманія представленіе о г мовомъ молотѣ. Почти повсюду распространено повѣрье, что съ м ніей ниспадаетъ какое-то оружіе, обыкновенно, каменный молотъ, б саемый какимъ-то небожителемъ, представленіе о которомъ во многихъ с чаяхъ довольно неясно. Такимъ громовымъ оружіемъ считаютъ, обык венно, доисторическіе каменные топоры, которые въ нѣкоторыхъ мѣст стяхъ встрѣчаются въ громадномъ количествѣ. Въ Европѣ, Индіи, М лайскомъ архипелагѣ, всюду мы встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же пр ставленіемъ. Свѣдѣніе, сообщаемое Гуппи о Соломоновыхъ островахъ, казываетъ, насколько быстро усв ваются подобныя повѣрья; въ бе говой полосѣ, гдѣ каменные топо уже вышли изъ употребленія, и считаютъ громовыми молотами, жду тѣмъ, какъ обитатели внутр нихъ частей островов до сихъ по еще пользуются ими, какъ наст щимъ оружіемъ. На основаніи пр ставленій о громовомъ молотѣ о ясняется значеніе замѣчательны священныхъ топоровъ обитател Гервейскихъ островов (см. изо стр. 577), украшенія которыхъ, т же, какъ и священныхъ веселъ (изобр. стр. 579), Стольпе призна за человѣческія фигуры. Вмѣ каменныхъ орудій иногда служа въ качествѣ громовыхъ молото окаменѣлости, какъ, напр., белемниты и иглокожія. Весь кругъ эти представленій отчасти также связанъ со случаями паденія метеор товъ. Эти же метеориты служатъ превосходнымъ примѣромъ анимисти скихъ вѣрованій, которыя только въ болѣе позднее время присоединяют къ кругу миѳологическихъ идей, болѣе развитого поря ка. У народо классической древности пользовались религіознымъ почитаніемъ весь многіе метеориты, о каждомъ изъ которыхъ мало-по-малу слагались о быя легенды. Священный метеоритъ въ Каабѣ, въ Меккѣ не потеря своего священнаго значенія даже и въ монотеистической религіи. О перешелъ къ послѣдней въ качествѣ чудодѣйственнаго остатка прошла и болѣе высокая религія вынуждена была утвердить его святость на вомъ основаніи.

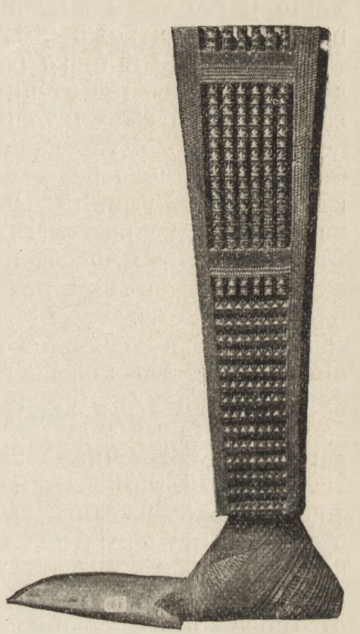

Громовыя птицы на подпоркѣ гарпуна у эскимосовъ. По Гофману.

Уже при объясненіи созвѣздій замѣтна смѣсь чисто-анимистически представленій съ манистическими воззрѣніями, что встрѣчается мно кратно въ объясненіяхъ явленій природы и предметовъ поклоненія. Ч стоту анимистическихъ представленій можно доказать лишь въ рѣдки случаяхъ и тѣмъ труднѣе, что культъ умершихъ часто обнаруживаетъ клонность превратиться въ нѣкоторую форму поклоненія природѣ, что

всегда, напримѣръ, поставить вопросъ, представляетъ ли, напримѣръ, духъ какого нибудь дерева только душу его или же въ этомъ деревѣ воплощенъ духъ нѣкоего умершаго предка. Поспѣшное разъясненіе путемъ опросовъ у самого народа ни въ какомъ случаѣ не даетъ окончательнаго отвѣта, такъ какъ было уже отмѣчено, что воспоминанія о раннихъ маническихъ воззрѣніяхъ часто вполнѣ вывѣтриваются.

Несмотря на это, имѣются на лицо примѣры чистаго анимизма. При культѣ растеній это особенно рѣзко обнаруживается при поклоненіи плодоноснымъ растеніямъ, на добрую волю которыхъ стараются такъ или иначе воздѣйствовать. О „поклоненіи“ въ настоящемъ смыслѣ этого слова здѣсь можно говорить не о всѣхъ случаяхъ, и этотъ терминъ за неимѣніемъ лучшаго можно бы замѣнить волхвованіемъ. Анимистическій характеръ носитъ древній южно-славянскій обычай срубать въ сочельникъ фруктовое дерево и при этомъ приговаривать: „бью тебя рогомъ, а ты бей меня плодами“, чтобы побудить дерево въ будущемъ году лучше исполнять свои обязанности; также, по другому способу, одинъ изъ участвующихъ въ церемоніи, наноситъ дереву ударъ топоромъ, другой, держится за дерево и говоритъ: „не руби его кругомъ, наградитъ оно тебя плодомъ“. Благорасположеніе духа дерева здѣсь пріобрѣтается не столько заискивающей любезностью, сколько угрозой [1]. Настоящимъ поклоненіемъ пользуется въ Индіи лотосъ. Первоначально оно совершалось, конечно, по той причинѣ, что клубни его и плоды служили въ первобытныя времена важнымъ источникомъ пропитанія. Лотосъ мѣстами и теперь, какъ, напримѣръ, на верхнемъ Нилѣ, считается любимымъ блюдомъ и главной основой питанія. Другія растенія пользуются вниманіемъ, главнымъ образомъ, благодаря своей пригодности для добыванія огня. Такъ какъ огонь добывается изъ дерева посредствомъ тренія или сверленія, то почти сама собой является мысль, что въ нѣкоторыхъ сортахъ дерева находятся въ скрытомъ состояніи искры, которыя треніемъ извлекаются наружу. Въ ведахъ часто упоминается о появленіи огня изъ растенія или при участіи растенія. Съ подобными представленіями связываются потомъ миѳы, а также и религіозные обряды. Уже самый переходъ къ манизму содержитъ въ себѣ весьма распространенное вѣрованіе, заключающееся въ томъ, что между нѣкоторыми личностями и отдѣльными деревьями можетъ возникать извѣстное взаимодѣйствіе. Часто при рожденіи ребенка насаждаютъ дерево, и жизнь новорожденнаго находится въ связи съ жизнью дерева, — засохнетъ и погибнетъ дерево, человѣкъ умираетъ и наоборотъ. Въ Европѣ и Африкѣ этотъ обычай весьма распространенъ. Въ областяхъ обитанія малайской расы также, при рожденіи ребенка, сажаютъ дерево, но болѣе для того, чтобы получить нѣкоторое мѣрило возраста для подрастающаго ребенка.

Священный топоръ островитянъ Гервея, Полинезія. Бременскій музей. См. текстъ, стр. 576.

Подобно отдѣльнымъ деревьямъ можетъ быть одухотворенъ и цѣ-

[1] Это дерево называется у сербовъ „Бадникъ Божичъ“. О немъ существуетъ много

лый лѣсъ, но эти духи могутъ передвигаться гораздо свободнѣе, неже
духъ отдѣльнаго дерева, въ которомъ онъ живетъ. Часто, но не всег
съ лѣсными духами связываются представленія о привидѣніяхъ. Ча
анимистическіе обитатели лѣсовъ имѣютъ злобный и вѣроломный хар
теръ: такова, напримѣръ, лѣсная вѣдьма древнихъ индусовъ Араніа
которая разводитъ ядовитые плоды въ лѣсу, сбиваетъ людей съ пу
обманными кликами, создаетъ призраки. На Амазонской рѣкѣ у ипу
новъ существуетъ лѣшій-людоѣдъ, съ длинной бородой и огненной пас
по имени Манинкаура. Анара, эхо, представляютъ себѣ въ видѣ карли
живущаго на вершинахъ деревьевъ и своими откликами, сбивающаго
дороги охотниковъ. Подобными-же злобными созданіями населены лѣ
Африки и Австраліи. Добродушнѣе гораздо финнскіе лѣшіе, въ ли
Тапіо и его жены Міеликки, одѣляющей людей медомъ и приготовленны
изъ него напиткомъ [1].

Довольно широко распространено анимистическое почитаніе рѣ
но часто здѣсь примѣшиваются уже магическія вліянія, которыя часто
ваетъ трудно выдѣлить изъ другихъ. Тамъ, гдѣ человѣку грозитъ оп
ность утонуть, гдѣ удача въ добычѣ рыбы крайне измѣнчива, чаще п
бѣгаютъ къ непосредственному воздѣйствію на враждебныя силы, неже
къ соотвѣтствующимъ миѳологическимъ разъясненіямъ. Напримѣръ,
ляки, живущіе на берегахъ Амура, при вскрытіи рѣки весной, устраи
ютъ поѣздку на лодкѣ, во время которой они приносятъ торжествен
жертву, бросая при этомъ въ воду ягоды, рыбу, пшено, табакъ и т.
Что-же касается до „хозяина рѣки", то о немъ, вѣроятно, имѣются тол
зачаточныя и весьма смутныя представленія. Подобныя жертвоприно
нія рѣкамъ въ Россіи практикуются даже и нынѣ. Въ недавнее вре
наблюдалъ одинъ путешественникъ, какъ при началѣ пути всѣ пассажи
бросали мѣдныя монеты въ воду; точно также передъ спускомъ черезъ
рогъ на Мстѣ лоцманъ бросалъ хлѣбъ и соль въ воду и приговарива
„вотъ тебѣ хлѣбъ и соль, матушка Мста, будь милостива къ намъ!"
добнымъ же образомъ каффры, собираясь бродить черезъ рѣку, прося
чтобы она не поглотила ихъ и бросаютъ при этомъ въ воду камни. Во
ные духи часто имѣютъ видъ змѣи, а иногда какихъ нибудь водяны
животныхъ. Ихъ считаютъ созданіями злобными и вспыльчивыми, — ч
что не по нимъ — они бурлятъ, выходятъ изъ себя и причиняютъ ма
бѣдствій. Въ особенности они не любятъ, когда на рѣкахъ устраива
мосты. У народовъ классической древности постройки мостовъ считали
очень рискованнымъ предпріятіемъ и избавиться отъ грозящихъ опаснос
можно было только при помощи особыхъ спеціалистовъ жрецовъ, котор
умѣли укрощать гнѣвъ рѣкъ посредствомъ особаго рода жертвъ и молит
Въ качествѣ довольно страннаго наслѣдія за римскимъ папой сохранил
титулъ Pontifex maximus, которымъ пользовались въ древнемъ Римѣ ст
шины цеха строителей мостовъ. Весьма долго Тибръ не допускалъ
стройки другихъ мостовъ черезъ свои воды, кромѣ одного — Pons su
cius и при его постройкѣ не было допущено къ употребленію никак
матеріаловъ, кромѣ дерева. И въ Аѳинахъ былъ одинъ греческій ро
Γεφυραῖοι, который только и могъ устраивать прочные мосты черезъ
лисусъ.

Въ качествѣ особой формы анимистическихъ вѣрованій развил
культъ горъ и камней. Какъ кажется, вообще, съ камнями и утеса
имѣющими своеобразный внѣшній видъ, весьма часто связываются р

---

[1] Довольно безобиденъ и русскій лѣшій, если его не сердятъ. Онъ живетъ въ л

личныя легенды, примѣровъ чего и въ настоящее время, даже въ Европѣ, встрѣчается немало. Извѣстно много примѣровъ, когда черти закидывали обломками скалъ христіанскіе храмы, а на нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ указываютъ слѣды царапинъ отъ дьявольскихъ когтей. По всей вѣроятности, въ этомъ случаѣ черти заступили мѣсто древнихъ языческихъ боговъ. Въ особенности богаты подобными легендами о скалахъ причудливой формы разные, весьма сбивчивые и неясные миѳы индѣйцевъ Западной Америки. Такія сказанія, къ которымъ, конечно, весьма легко примѣшиваются маническія идеи, весьма легко могутъ послужить источниками для созданія новыхъ культовъ. Точно также, весьма многое изъ того, что обозначается довольно неяснымъ собирательнымъ терминомъ фетишизмъ, объясняется склонностью во всякой игрѣ природы подозрѣвать присутствіе какого нибудь духа или надѣлять ее какой-нибудь магической силой.

Земледѣльческіе народы весьма склонны и самую землю считать и признавать одушевленнымъ существомъ. Это представленіе, въ болѣе развитыхъ миѳологіяхъ нерѣдко служитъ первоисточникомъ, изъ котораго возникаютъ другія женскія божества; такъ какъ по самому существу своему земля, оплодотворяемая и плодоносящая матерь всего живущаго, носитъ ясно выраженный женскій обликъ. Въ дѣтски наивной формѣ выступаетъ культъ матери-земли у мундари въ Бенгаліи: дѣвушки тамъ во время своихъ праздничныхъ плясокъ, ласкаютъ и гладятъ землю въ надеждѣ, что земля придетъ отъ этихъ ласкъ въ благодушное настроеніе и дастъ хорошій урожай.

Полный контрастъ землѣ, олицетворенію покоя и неподвижности, представляютъ боги атмосферы и вѣтра, которые играютъ видную роль въ арійской миѳологіи. Однимъ изъ такихъ воплощеній бури служитъ германскій Воданъ, „дикій охотникъ“, который подъ разными именами вродѣ Роденштейнера, Гакельберенда, а у англичанъ Франца Драке еще и понынѣ совершаетъ свои круговые обходы по ночамъ. Анимистическое основное представленіе о явленіи держится гораздо прочнѣе всякихъ миѳологическихъ поясненій. По изслѣдованіямъ Вильгельма Рошера и греческій Гермесъ первоначально былъ богомъ вѣтра и то же самое можно думать о Посейдонѣ, который только впослѣдствіи превратился въ бога морей.

Около огня, представляющаго собою отчасти дружественную, отчасти коварную и злобную стихію, группируются весьма часто анимистическія представленія. Здѣсь, какъ и всюду, гдѣ требуется непосредственное принятіе мѣръ въ отвѣтъ на проявленіе нѣкоторой силы, сильнѣе развивается культъ, нежели миѳологія; огню приносятъ жертву, бросая въ него по кусочкамъ отъ каждаго блюда, не давая себѣ яснаго отчета о томъ, какова природа духа, оживляющаго огонь. Даже и у болѣе развитыхъ народовъ въ культѣ огня много неяснаго, вслѣдствіе чего этотъ культъ постепенно отходитъ на задній планъ или связывается съ другими миѳологическими персонажами [1]. Священные огни иранскихъ племенъ, греческіе огни въ Аѳинахъ въ пританеѣ, въ Дельфахъ, въ Олимпіи, въ Римѣ въ храмѣ Весты уже не были главной цѣлью, а только необходимой принадлежностью культа. Только въ древней Индіи выработался настоящій богъ огня Агни, которому, можетъ быть, соотвѣтствуетъ на сѣверѣ Локи. Священные огни, кото-

[1] Какъ примѣръ противнаго, можно привести культъ хозяина огня у бурятъ. Онъ живетъ на домашнемъ очагѣ. Это одѣтый въ красное платье старикъ Сахидай-ноенъ, у него есть жена Сахала-хатунъ. Въ шаманскихъ молитвахъ онъ называется великимъ хозяиномъ огня и очага, тотъ-же титулъ носитъ и его супруга. У бурятъ, такъ же какъ и у другихъ народовъ, культъ огня близокъ къ культу домашняго очага и связанныхъ съ нимъ

рые поддерживаются дѣвственницами, имѣютъ замѣчательно широкое р
пространеніе, — они встрѣчались и у культурныхъ народовъ Америки, ка
напримѣръ у майя въ Юкатанѣ.

Отъ миѳологическаго объясненія отдѣльныхъ предметовъ и явлен
природы естественъ переходъ къ болѣе глубокимъ, загадочнымъ воп
самъ бытія. Какъ ни мало первобытный человѣкъ склоненъ углублят
въ сущность вещей, но все таки повидимому врядъ-ли существуетъ та
народъ на землѣ, котораго не интересовали-бы по крайней мѣрѣ такіе
просы—откуда явились земля и люди,—который не стремился бы та
или иначе получить на нихъ хотя бы чисто дѣтскій отвѣтъ. Пытливый взо
устремленный въ вѣчное и безконечное, встрѣчаетъ передъ собой карти
легендъ, чѣмъ и удовлетворяется простой, довольствующі
малымъ непритязательный умъ первобытнаго человѣка. М
гія изъ такихъ объясненій повторяются многократно въ р
ныхъ мѣстахъ. Чудесное происхожденіе многихъ животны
изъ яицъ особенно часто занимало фантазію первобытна
человѣка. Иногда весь міръ выводили изъ яйца, ино
только людей, не ломая головы надъ вопросомъ, откуда
и какимъ образомъ явились на свѣтъ эти самыя яйца?
всей области малайско-полинезійской расы встрѣчаются от
лоски этого сказанія: полинезійскій богъ Тангароа вылупил
изъ яйца и потомъ самъ создалъ все остальное. По ново-
ландскому сказанію первые люди вышли изъ плававша
по морю яйца вмѣстѣ съ лодкой, на которой новоявлен
люди достигли берега; на островахъ Фиджи люди выш
изъ яицъ куликовъ. Иногда въ началѣ какая-то гигантс
загадочная птица создаетъ міръ; но происхожденіе сам
птицы остается невыясненнымъ. По баттакскому преда
сначала былъ громадный пѣтухъ, который сидѣлъ на тре
громадныхъ яицахъ и высидѣлъ мальчика и двухъ дѣвоче
Подобныя преданія о міровомъ яйцѣ повторяются у ин
совъ, китайцевъ, грековъ, финикіянъ и урало-алтайце
Другая группа сказаній о сотвореніи міра въ самомъ нача
его ставитъ какихъ-то гигантскихъ созданій или баснос
ныхъ звѣрей, которыхъ истребляютъ боги или первые лю
и изъ тѣлъ и крови ихъ образуются земля и море.

Священная утварь у островитянъ гервея. Полинезія. См. текстъ, стр. 576.

Другіе миѳы непосредственно связываются съ творческ
дѣятельностью человѣка, которая потомъ приписана бы
богамъ. Воспоминаніе о возникновеніи горшечнаго дѣ
и вообще обработки глины слышится въ библейскомъ сказаніи о созда
міра и людей. Параллелью къ нему можетъ служить преданіе сіуксовъ.
которому первый человѣкъ былъ созданъ изъ трубочной глины. Весь
близокъ переходъ къ подобнымъ представленіямъ тамъ, гдѣ встрѣчают
глиняные идолы. Сообразно преобладанію того или другого ремесла
разныхъ мѣстностяхъ выдѣлываются изображенія человѣка изъ дерева и
изъ камня. Особеннымъ распространеніемъ пользуется преданіе о том
что люди сначала были какими то недоконченными созданіями или сросш
мися другъ съ другомъ и нужно было вмѣшательство божества, что
придать человѣку его нынѣшній видъ. Въ качествѣ примѣра подобны
сказаній и особенно характернаго образца наивно-дѣтской миѳологіи,
приведемъ преданіе о сотвореніи міра у туземцевъ внутренней Австрал
которое слышали и записали Спенсеръ и Гилленъ. Первобытный мі

въ которомъ жили первые люди, называется въ этомъ разсказѣ алхеринга.

„Сначала Алхеринга была земля, покрытая соленой водой. Вода эта мало-по-малу была отведена на сѣверъ людьми, которымъ хотѣлось имѣть ее и пользоваться ею. Наконецъ имъ удалось выполнить свое намѣреніе, и съ тѣхъ поръ соленая вода всегда была у нихъ. Въ это же время въ Алкира алдорла, т. е. „на западномъ небѣ", были два существа, о которыхъ говорятъ, что онѣ были Унгамбикула, что значитъ приблизительно— „сдѣланные изъ ничего", или „сами собой явившіеся". Съ высоты своего жилища на небѣ они замѣтили вдали на востокѣ, громадное число Инапертва, т. е. недоразвитыхъ или недодѣланныхъ людей. Эти Унгамбикула и взяли на себя задачу создать изъ недоконченныхъ созданій мужчинъ и женщинъ.

Въ эту пору не было еще ни мужчинъ, ни женщинъ, Инапертва имѣли разныя формы и жили группами около соленой воды. Они не имѣли ни отдѣльныхъ членовъ, ни органовъ чувствъ, не могли принимать пищу и были вообще похожи на людей, раздувшихся въ какую-то шарообразную массу, въ которой неясно были очерчены отдѣльныя части тѣла. Когда-же Унгамбикула, со своими лалира, большими каменными ножами, спустились съ западнаго неба, они перебрали одного за другимъ всѣхъ Инапертва. Сначала отдѣлены были отъ туловища руки, затѣмъ четырьмя разрѣзами были сдѣланы на концахъ рукъ пальцы. Подобнымъ же образомъ были сдѣланы ноги и ножные пальцы. Послѣ этого фигура могла стоять на ногахъ; затѣмъ ей проковыряли пальцами ноздри. Разрѣзомъ ножа былъ открытъ ротъ, и его пришлось по нѣскольку разъ раздвигать, чтобы сообщить ему большую подвижность. Щелки, прорѣзанныя на обѣихъ сторонахъ головы, открыли вѣки уже имѣвшихся, но закрытыхъ глазъ; двумя другими надрѣзами была закончена отдѣлка Инапертва и превращеніе ихъ въ мужчинъ и женщинъ".

Другая отрасль дѣятельности человѣка, добываніе рыбы удочками и сѣтями, дала въ Полинезійской области толчокъ къ развитію весьма распространенныхъ легендъ объ островахъ, выуженныхъ богами изъ моря. Гораздо темнѣе логическая связь событій въ легендѣ о брошенныхъ камняхъ, превращавшихся въ людей, какъ въ греческомъ сказаніи о Девкаліонѣ и Пиррѣ. Предположеніе Макса Мюллера, что здѣсь только игра созвучіями между словами λαός (народъ) и λᾶας (камень), мало имѣетъ вѣроятія за собой, такъ какъ и во внутренней Гвіанѣ, по сообщеніямъ Шомбрука, существуетъ преданіе о томъ, что первые умножили себя, бросая черезъ головы камни и фрукты.

Крайне странно было бы, если-бъ и въ легендахъ о созданіи міра не принимали участія маническія идеи. Всюду начала и концы сходятся между собою! Видя, какъ изъ смерти возникаетъ новая жизнь, въ самой смерти начинаютъ видѣть начало жизни и представленія о загробномъ мірѣ и загробной жизни переносятся на давнопрошедшія времена перваго появленія людей. Многіе миѳы, повѣствующіе о происхожденіи людей изъ животныхъ и растеній, находятся въ связи съ тотемистическими вѣрованіями о воплощеніи умершихъ людей въ растеніяхъ и животныхъ. Въ такихъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ Онеидѣ, гдѣ полагаютъ, что души умершихъ предковъ переселились въ скалы и монолиты, вѣрятъ въ происхожденіе людей изъ камней. Мы снова встрѣчаемся съ подземнымъ царствомъ умершихъ у южно-американскихъ индѣйскихъ племенъ, которыя полагаютъ, что первые люди жили подъ землей и только потомъ, когда имъ уда-

о разложеніи тѣла мы находимъ у обитателей острововъ Самоа и То
весьма распространенный миѳъ о происхожденіи людей отъ червей [1].

Очень часто смѣшиваются между собой совершенно различныя о
ясненія происхожденія міра и человѣка: иногда одно божество являе
творцомъ всей вселенной; но рядомъ съ этимъ оказывается, что ему
этомъ помогали и другія и такимъ образомъ въ одинъ миѳъ втискива
цѣлый рядъ другихъ. Часто также встрѣчается представленіе о людя
существовавшихъ раньше нынѣшнихъ, которые были всѣ уничтожены б
остатка. Истребленіе это чаще совершается посредствомъ громаднаго
водненія, потопа, гораздо рѣже слышно объ уничтоженіи людей огне
Рихардъ Андрэ, собралъ всѣ доступныя сказанія о потопахъ;
оказалось болѣе восьмидесяти. Онъ доказалъ, что они встрѣчаются дал
не у всѣхъ народовъ. Ихъ нѣтъ въ Аравіи, Средней и Сѣверной А
въ Китаѣ и Японіи, очень рѣдко можно встрѣтить ихъ въ Европѣ,
рѣже въ Африкѣ; наоборотъ, въ Австраліи, Полинезіи и Америкѣ
сказанія встрѣчаются чрезвычайно часто. Библейское преданіе о пото
съ точки зрѣнія исторіи развитія религіи являе
только однимъ изъ многихъ примѣровъ. Сказа
это создалось въ Вавилонской низменности, на н
немъ теченіи Тигра и Евфрата, гдѣ весьма ча
бывали наводненія. Зюссъ сдѣлалъ попытку до
зать, что въ основѣ этого событія лежитъ опредѣл
ное геологическое явленіе. Вообще-же мысль
образованіи земли изъ моря могла вызвать вопр
о томъ, что-же было раньше этого протоокеан
дать первый толчокъ къ созданію легенды о пото
Подобно тому, какъ мѣстами легенда о міров
яйцѣ вызвала мысль о первой птицѣ, которая сне
это яйцо, такъ и отъ миѳическаго протоокеана,
качествѣ дальнѣйшаго развитія этой идеи, явил
сказаніе о потопѣ, для котораго, само собою разу
ется, послужили образцами явленія природы.

Глиняный идолъ у цуньи, Сѣв. Америка. По Стивенсону.

Одна группа весьма несложныхъ миѳовъ задается вопросомъ о проис
жденіи расовыхъ отличій между людьми и о причинахъ смерти. Въ Африкѣ
эти вопросы дано было очень много отвѣтовъ, сходныхъ между собою по су
ству. На вопросъ о различіяхъ во внѣшнихъ признакахъ между неграми и
лыми и способностяхъ тѣхъ и другихъ отвѣчаютъ въ Африкѣ, что было
брата, изъ которыхъ одинъ купался въ рѣкѣ, другой не дѣлалъ этого, а ко
творецъ предложилъ тому и другому на выборъ разные подарки, то бѣлый взя
книгу, изъ которой онъ и почерпнулъ свое умственное превосходство. Преда
о томъ, почему люди должны умирать, сводятся въ большинствѣ случаевъ
дѣтски наивному разсказу, о посланцѣ съ неба, чаще всего какомъ нибу
звѣрѣ, который долженъ былъ заявить людямъ, что они безсмертны, но
перепуталъ слова приказа, и съ тѣхъ поръ люди стали умирать.

Сказанія о томъ, какъ люди получили огонь, принадлежатъ къ чис
самыхъ первобытныхъ. Короткая память народа считаетъ и это, нео
емлемое пріобрѣтеніе человѣка, подаркомъ боговъ или похищеннымъ
нихъ-же хитростью волшебнымъ сокровищемъ. По большей части ог
воруютъ птицы, и ихъ красныя или черныя какъ обгорѣлые угли пер
свидѣтельствуютъ объ этомъ отчаянно-дерзкомъ предпріятіи. Въ Сѣв.-З
Америкѣ, у тлинкитовъ огонь съ какого-то острова похитилъ Ельхъ —
ронъ — и во время пути самъ сильно пострадалъ отъ ожоговъ. Южнѣ

 Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Погребеніе у гиляковъ (Сибирь).

(По Шренку.)

Объясненіе къ рисунку, помѣщенному на оборотѣ.

Трупъ лежитъ уже на кострѣ. Налѣво — двое высверливаютъ огонь, чтоб поджечь его, въ то время какъ одинъ (на переднемъ планѣ) колетъ еще дров чтобы покрыть ими трупъ, а другой ломаетъ сани, на которыхъ привезли поко ника. На заднемъ планѣ убиваютъ собакъ, которыя будутъ принесены въ жертв

племена той же области утверждаютъ, что огонь былъ принесенъ людямъ оленемъ. На Таити огонь доставила людямъ цапля или птица отаторе. Величественное греческое сказаніе о Прометеѣ указываетъ намъ, какъ изъ такихъ дѣтскихъ басенъ возникаютъ на миѳологической почвѣ безсмертныя поэтическія произведенія, въ которыхъ воплощается титаническая борьба человѣчества за культуру. Превращенія незамысловатыхъ начатковъ миѳологіи въ созданія, полныя глубокаго смысла, свидѣтельствуютъ намъ о томъ, какъ вмѣстѣ съ ростомъ культуры развиваются зародыши религіознаго міросозерцанія. Глубокихъ мыслей нѣтъ въ первоначальныхъ проявленіяхъ разума, какъ это весьма мѣтко формулировалъ Джонъ Рескинъ въ слѣдующихъ словахъ: „Невозможно создать миѳа, если нѣтъ въ наличности матеріала для его построенія. Если миѳъ говоритъ о небѣ, — его долженъ былъ создать тотъ, кто обращалъ свои взоры къ небу. Если въ миѳѣ рѣчь идетъ о справедливости и о силѣ духа, то лишь тотъ могъ создать его, кто понимаетъ, что такое справедливость и сила духа? Сообразно значенію человѣка, создавшаго извѣстное сказаніе, пріобрѣтаетъ значеніе и само сказаніе. Миѳы грубаго, мало одареннаго народа, безъ сомнѣнія, не могутъ имѣть большого значенія, такъ какъ такому народу почти нечего и повѣдать другимъ“.

Деревья умершихъ у финновъ. По Григорьеву. См. текстъ, стр. 584.

Всякое анимистическое міросозерцаніе переноситъ до нѣкоторой степени центръ тяжести духовной жизни во внѣшній міръ и окружаетъ человѣка существами, которыя такъ же чувствуютъ и дѣйствуютъ, какъ онъ. Отсюда одинъ шагъ къ мысли, что природу оживляютъ и стараются вліять на насъ настоящіе люди, въ образахъ душъ нашихъ умершихъ предковъ. И на самомъ дѣлѣ въ нашемъ изложеніи мы уже имѣли неоднократно случаи убѣждаться въ столь тѣсной связи между манистическими и анимистическими идеями, что отдѣлить ихъ другъ отъ друга оказывалось невозможнымъ. Повсюду выступаетъ на первый планъ въ своихъ разнообразныхъ формахъ культъ покойниковъ и оказываетъ рѣшающее вліяніе на мысли и дѣйствія первобытнаго человѣка. Однако-же всю свою мощь этотъ культъ обнаруживаетъ не на низшихъ и не на высшихъ стадіяхъ развитія культуры, а въ томъ промежуточномъ періодѣ, въ которомъ человѣкъ уже ознакомился со многими цѣнными матеріальными благами, но еще не сумѣлъ освободить себя отъ опутывающей его смутной боязни злыхъ духовъ. Здѣсь часто мертвецы бываютъ опаснѣе и страшнѣе живыхъ. Простѣйшія формы культа умершихъ вызываются боязнью привидѣній, которая у мало развитыхъ людей можетъ развиться до ужасающихъ проявленій. Снова и здѣсь повторяется то же самое, что и въ другихъ подобныхъ примѣрахъ: чѣмъ прямѣе дѣйствуютъ страхъ и надежда, тѣмъ разнообразнѣе, энергичнѣе и могущественнѣе развиваются проявленія культа, а къ логическому объясненію совершающихся событій почти не дерзаютъ и приступить. Нигдѣ, какъ въ начальномъ культѣ покойниковъ, не встрѣчаемъ мы такихъ жестокихъ и бурныхъ формъ проявленій его, нигдѣ разумныя объясненія не играютъ такой жалкой роли, нигдѣ нѣтъ болѣе убогой миѳологіи.

У бродячихъ народовъ, которые не прикрѣплены къ одному мѣсту

обрѣтетъ недвижимую собственность. Уже было описано въ другомъ мѣст
какъ покойнику предоставляютъ его жилище и имущество, срубаютъ е
фруктовыя деревья, избиваютъ его домашнихъ животныхъ (см. табл. „П
гребеніе у гиляковъ") и тѣмъ наносятъ громаднѣйшій ущербъ свое
хозяйству. Если желательно избѣгнуть такихъ убытковъ и въ то же вре
отвратить месть покойника за отнятое у него имущество, нужно запуга
чѣмъ нибудь душу умершаго или отвести слѣды отъ жилища е
чтобы онъ не могъ найти дороги домой. Очень часто, чтобы отвади
покойника отъ дома, при выносѣ тѣла, поднимаютъ шумъ, кричат
стрѣляютъ или же выгоняютъ душу его изъ дому, ра
махивая и хлопая платками и вѣтвями деревьевъ. Да
у китайцевъ сохранился крайне наивный обычай носи
по всему дому самоубійцы собаку, предварительно обр
бивши ей хвостъ для того, чтобы воемъ искалѣченна
животнаго выгнать души привидѣній. На Мадагаскар
избавляются отъ духовъ умершихъ, бросая въ нихъ к
меньями; у многихъ племенъ Гвіаны существуетъ обыч
запугивать покойника угрозами. Въ Индонезіи существ
етъ обычай, имѣющій цѣлью сбить съ пути покойник
трупъ умершаго не выносятъ черезъ дворъ, а дѣлаю
проломъ въ стѣнѣ, который затѣмъ тотчасъ же задѣл
ваютъ, чтобы покойникъ не нашелъ обратной дороги
домъ, другими словами, здѣсь обратное примѣненіе „з
кона чертей и привидѣній", о которомъ говоритъ Меф
стофель. Гораздо милостивѣе къ своимъ покойникам
по сообщеніямъ Эренрейха, относятся нѣкоторыя племе
на рѣкѣ Ориноко; отъ одра умирающаго протягиваю
веревочку въ лѣсъ, чтобы душа сразу нашла выходъ
волю и не задерживалась въ жилищѣ. Однако же, по
въ борьбѣ больного со смертью имѣется надежда на в
здоровленіе, прилагаютъ всевозможныя старанія, чтоб
удержать душу въ тѣлѣ. Китайцы, напримѣръ, стараютс
заманить душу обратно музыкой или заставить ее ве
нуться въ комнату больного шумомъ и трескомъ ракет
дѣлается настоящая облава противъ стремящейся в
рваться души. При этомъ, какъ замѣчаетъ Гюкъ, здѣ
дѣло идетъ не о пустой формальности, и эти дѣйств
служатъ часто выраженіемъ глубокаго горя и отчаяні

Маски, изображающія мертвую голову въ Новой Помераніи, Меланезія Бременскій музей.

Получить что нибудь доброе отъ привидѣній нигд
не надѣются, — наоборотъ, имъ приписываютъ склоннос
приносить вредъ, устраивать злыя шутки, опасаются также какъ бы ду
не забрался въ тѣло спящаго человѣка, отчего происходятъ тяжкіе недуг
Въ наводящихъ ужасъ картинахъ выражаются эти представленія въ п
вѣрьяхъ о вампирахъ, которыя получили свое наибольшее развитіе сред
славянскихъ племенъ. У финновъ вѣшаютъ на такъ называемомъ „дерев
мертвыхъ" особыя памятныя таблички. Мимо такого дерева не може
пройти душа усопшаго, чтобы вернуться домой (см. стр. 583). Лиш
только кое-гдѣ встрѣчаются отдѣльныя симпатичные штрихи въ это
вообще крайне мрачной картинѣ; такъ, напримѣръ, расказываютъ, ч
умершія матери, оставившія послѣ себя безпомощныхъ младенцевъ, пр
ходятъ къ нимъ по ночамъ, нянчатъ и кормятъ ихъ. Это повѣріе встр
чается въ Европѣ, Китаѣ и также въ другихъ странахъ. Оно и въ это
удивительной и безотрадной области мышленія указываетъ намъ, как

видѣній, были бы крайне смущены, если-бъ у нихъ спросили, что такое въ сущности привидѣнія и вообще загробная жизнь людей? Нельзя сказать, чтобы не было на этотъ счетъ какихъ-нибудь свѣдѣній; но они всѣ настолько неясны и такъ перепутаны, что нерѣдко рядомъ уживаются воззрѣнія діаметрально противоположныя. Въ дѣтской логикѣ первобытныхъ народовъ и даже мало образованныхъ классовъ культурнаго общества превосходно уживаются такія противорѣчія, которыя могли бы привести въ отчаяніе голову мыслителя. Конечно, есть ясное представленіе о томъ, что въ тѣлѣ обитаетъ духъ, который послѣ смерти человѣка начинаетъ вести бродячую жизнь, — но насчетъ того, что такое духъ самъ по себѣ, мнѣнія сильно расходятся. Многіе полагаютъ, что жизненная сила, или душа, воплощается въ дыханіи, и повидимому душа эта оставляетъ тѣло вмѣстѣ съ послѣднимъ предсмертнымъ дыханіемъ, греческое слово *πνεῦμα* обозначаетъ одновременно и душу, и дыханіе. У кіасовъ старшій сынъ умирающаго долженъ уловить ртомъ послѣднее дыханіе отца и такимъ образомъ вдохнуть въ себя его силу. Чаще за душу человѣка принимается его тѣнь; это воззрѣніе распространено у эскимосовъ и у маори, и остатки его можно прослѣдить у классическихъ народовъ и у китайцевъ.

Сходное представленіе существуетъ у маори, которые отраженіе человѣка въ водѣ принимаютъ за душу человѣка. Кое гдѣ думаютъ, что теплота тѣла человѣка считается за душу и отлетаетъ послѣ смерти его, полагаютъ также, что душа человѣка живетъ въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ мѣстахъ тѣла его, напримѣръ въ сердцѣ, въ мозгу, въ печени, почкахъ или въ крови.

Въ какомъ состояніи находится душа человѣка, когда она покидаетъ тѣло? Повидимому, человѣческій образъ носитъ она не всегда, такъ какъ встрѣчаются призраки въ видѣ огоньковъ, неясныхъ туманныхъ образовъ животныхъ и тому подобныхъ предметовъ. Духи, которые выступаютъ въ маскированныхъ танцахъ, носятъ чисто фантастическій характеръ (см. стр. 112), хотя мѣстами являются попытки дѣлать маски изъ череповъ умершихъ и стараются придать имъ сходство съ покойникомъ (см. изобр. на стр. 584). Само собою разумѣется, что духи вообще существа невидимыя; но есть люди, одаренные особенными способностями, которые могутъ видѣть ихъ и то же самое говорятъ про нѣкоторыхъ животныхъ, напримѣръ, лошадей и собакъ, думаютъ, что они видятъ духовъ и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ могутъ сдѣлать призраки видимыми для другихъ. Если духъ сохраняетъ свой человѣческій образъ, то онъ всегда остается такимъ, какимъ былъ въ минуту смерти: убитые и изуродованные являются со всѣми знаками предсмертныхъ ранъ и поврежденій, старики со всѣми признаками преклоннаго возраста, дѣти въ той стадіи развитія, въ которой ихъ застала смерть. Многіе обычаи находятся въ связи съ этими воззрѣніями или получаютъ подъ вліяніемъ послѣднихъ, новую мотивировку: тлинкиты сожигаютъ своихъ покойниковъ для того, чтобы имъ на томъ свѣтѣ было теплѣе и свѣтлѣе; охота за черепами предпринимается для того, чтобы оставить своихъ непріятелей въ загробномъ мірѣ безъ головъ, и это подтверждается появленіями безголовыхъ призраковъ. Многіе негры боятся продолжительной предсмертной болѣзни, чтобы не явиться обезсиленными и истощенными на тотъ свѣтъ, и это повѣріе встрѣчается также и у другихъ народовъ. Нежеланіе умереть „на соломѣ“, столь рѣзко выражавшееся у воинственныхъ сѣвер-

Надгробный столбъ на Борнео. По Грабовскому.

Рядомъ съ этими воззрѣніями распространено по всему свѣту по вѣрье, что привидѣнія всегда имѣютъ бѣлый цвѣтъ: отсюда во многих странахъ сдѣланъ былъ выводъ, что европейцы — духи умершихъ людей Весьма часто представляютъ себѣ души умершихъ въ видѣ карликовъ; этим представленіемъ объясняется большая часть легендъ о карликахъ. При мѣромъ могутъ послужить домашніе духи-карлики, которыхъ принимают за своихъ умершихъ сожителей, продолжающихъ постарому исполнять тѣ работы по дому, которыя они дѣлали при жизни.

Точно также весьма распространено повѣрье о переселеніи душ умершихъ въ животныхъ и въ растенія, а также въ новорожденных дѣтей.

Выработанное индусами философское ученіе о переселеніи душ существуетъ у большей части примитивныхъ народовъ, но въ формѣ чисто дѣтской, чуждой всякихъ логиче скихъ основъ.

Изображеніе предка съ шкафомъ для жертвоприношеній, Целебесъ. По Гевелю.

Въ другомъ мѣстѣ мы уже упоминал о томъ, насколько тѣсно связанъ тотемизм и возникшіе подъ его вліяніемъ обычаи с повѣрьями, о которыхъ теперь идетъ рѣчь при этомъ достойно удивленія, что подобны суевѣрія съ изумительной цѣпкостью до сих поръ еще держатся и у культурныхъ наро довъ. Въ нѣмецкихъ сагахъ душа живог человѣка во время сна выскакиваетъ у нег изъ рта въ видѣ мыши и передъ пробужде ніемъ возвращается въ образѣ шмеля. П тирольскимъ народнымъ повѣрьямъ жабы — это ничтожныя души; души вѣдьмъ, вол шебницъ чаще всего переселяются въ ко шекъ для того, чтобы и послѣ смерти тво рить разныя пакости.

У первобытныхъ народовъ по большей части существуютъ опредѣленные виды жи вотныхъ, въ которыхъ переселяются душ извѣстнаго племени или рода: буряты ду маютъ, что они послѣ смерти будутъ пче лами[1], индѣйцы бороро превращаются в попугаевъ арара, у маори души ихъ соро дичей чаще всего переходятъ въ ящерицъ. Часто встрѣчающіяся в Меланезіи и Индонезіи рѣзныя изображенія ящерицъ также указывают на существованіе подобныхъ воззрѣній (см. изобр. на стр. 585). Такж и культъ змѣй, въ особенности-же обычай держать змѣй въ домах ведетъ свое начало изъ того-же источника. Часто для покойниковъ ра личныхъ положеній въ обществѣ существуютъ опредѣленные виды живот ныхъ. У тлинкитовъ души утонувшихъ дѣтей переселяются въ морских полярныхъ утокъ (Eisente), новорожденные, которыхъ матери задушил во время сна — въ совъ. Гиляки полагаютъ, что человѣкъ задавленны медвѣдемъ, самъ обращается въ медвѣдя; это воззрѣніе интересно тѣм что даетъ объясненіе преобладанія среди тотемовъ животныхъ, питаю

[1] Мы рѣшительно недоумѣваемъ, откуда взялъ это свѣдѣніе авторъ? Есть примѣр того, что у человѣка, во время сна, душа улетаетъ въ видѣ осы и возвращается обратн черезъ ноздри; но о превращеніи людей послѣ смерти въ пчелъ свѣдѣній нѣтъ. Нѣкото рыя души, въ особенности дѣтскія, превращаются въ миѳическія созданія ада, но помим

щихся трупами, какъ, напримѣръ, волковъ и вороновъ. Есть указанія и на то, что человѣкъ до нѣкоторой степени самъ можетъ вліять на свою будущность послѣ смерти.

По Кодрингтону, на Соломоновыхъ островахъ иногда умирающему представляется возможность заявить, желаетъ ли онъ возродиться въ видѣ акулы или воплотиться въ какомъ нибудь растеніи.

Посмертнымъ обиталищемъ души служатъ растенія, а въ особенности довольно часто деревья. Тамъ, гдѣ полагаютъ, что лѣсныя чащи населены духами, — никто не отважится рубить дерево днемъ, потому что въ это время лѣсные демоны прячутся въ деревья. Точно также и деревья на могилахъ считаются воплощеніемъ душъ покойниковъ. Это повѣрье весьма ясно выражено въ одной ново-греческой народной пѣснѣ, переведенной Б. Шмидтомъ. Харонъ, древне-греческій перевозчикъ душъ покойниковъ въ область аида, здѣсь превращается въ бога мертвыхъ.

Однажды богъ мертвыхъ Харонъ
Себѣ садикъ задумалъ устроить
Изъ дѣвицъ молодыхъ
Возростилъ рядъ деревьевъ лимонныхъ,
Молодцовъ обратилъ въ кипарисы,
Изъ младенцевъ надѣлалъ отводки
И ихъ по грядамъ разсадилъ по порядку,
Эхъ, хотѣлось бы знать, мой орелъ молодой,
То мѣстечко, гдѣ будешь рости ты!
Я ходила-бъ туда, поливала бъ водой ключевою,
Чтобы вѣтви твои разростались,
Чтобы выросъ ты деревомъ стройнымъ,
Чтобъ сидѣлъ ты на самой вершинѣ
И за сучья бы крѣпко держался.
И на нашъ вольный свѣтъ появился,
Разузналъ бы, кто помнитъ тебя,
О тебѣ, молодецъ, горько плачетъ?

Большимъ распространеніемъ пользуется повѣрье, что души умершихъ младенцевъ переселяются въ новорожденныхъ, и оно до сихъ поръ находитъ отголосокъ въ обычаѣ давать позднимъ потомкамъ, внукамъ, имена предковъ. Прежде въ Китаѣ, при отправленіи культа предковъ чествовали внука умершаго, несомнѣнно видя въ немъ вновь воскресшаго покойника; только уже впослѣдствіи центральнымъ пунктомъ поклоненія предкамъ стала деревянная дощечка съ надписями именъ предковъ.

При всемъ вышесказанномъ нельзя никакъ отдѣлаться отъ мысли, что и въ трупѣ умершаго осталось нѣчто отъ его души, и поэтому далеко не безразлично, какъ будутъ поступать съ нимъ. Враги могутъ вредить покойнику зловредными чарами, а знающій человѣкъ можетъ воспользоваться останками умершаго, какъ неоцѣненнымъ талисманомъ. Гдѣ устанавливается прочно преданіе, тамъ и реликвіи высоко цѣнятся, и значеніе ихъ возрастаетъ вмѣстѣ съ древностью, также какъ и останки святыхъ католической церкви. У первобытныхъ народовъ на изображеніяхъ предковъ и ихъ останкахъ ясно обнаруживается что значеніе и сила этихъ реликвій находится въ зависимости отъ преданія, — забыто преданіе, и священные останки теряютъ свое значеніе.

Размѣры изображеній предковъ крайне разнообразны, начиная съ хейтикъ новозеландцевъ, которыя носятся на шеѣ, цѣлыхъ группъ фигурокъ изъ Гацфельдгафена въ Новой Гвинеѣ (см. рис. на стр. 588) и подобныхъ-же изображеній изъ Борнео (см. стр. 589) до каменныхъ колоссовъ острова Пасхи. Точно также различны и способы храненія такихъ предметовъ: самые маленькіе служатъ украшеніями или носятъ съ собою въ кошель-

всѣхъ зловредныхъ вліяній. Такіе-же идолы рядами выставляются на околицѣ деревень, на Соломоновыхъ островахъ. Иногда фигуры предковъ встрѣчаются на какой нибудь домашней утвари: въ Новой Гвинеѣ на изголовьяхъ (см. рис. на стр. 358), на каменныхъ сидѣньяхъ у ніасовъ и на гигантскихъ деревянныхъ Ново-Гебридскихъ барабанахъ. О всеобщей склонности повсюду, гдѣ только можно ставить изображенія предковъ и тотемическихъ знаковъ, и о вліяніи этого обыкновенія на стиль искусства первобытныхъ народовъ было уже нами сказано въ другомъ мѣстѣ. Иногда составляютъ цѣлые аллеи изъ предковъ, изображенныхъ въ образѣ человѣка или животныхъ, искаженныхъ стилизаціей до неузнаваемости (см. стр. 590).

Забвеніе и утрата вѣры въ помощь и вліяніе предковъ отчасти объясняются тѣмъ, что человѣчество вообще забывчиво, и кромѣ этого недостаточно развитая сила мышленія первобытнаго человѣка, не позволяетъ ему упорно развивать какую нибудь мысль. Отъ этого онъ, въ своихъ исканіяхъ и размышленіяхъ, часто останавливается на полудорогѣ. Во всякомъ случаѣ можно принять въ качествѣ общаго вѣрованія, что душа переживаетъ разрушеніе тѣла; здѣсь еще нѣтъ представленія о безсмертіи души и окончательное уничтоженіе ея нѣсколько откладывается на болѣе долгій срокъ чѣмъ разрушеніе тѣла. Въ сказаніяхъ многихъ первобытныхъ народовъ, у бурятъ, напримѣръ, встрѣчаются примѣры умерщвленія привидѣній [1]. Въ полинезійской миѳологіи масса разсказовъ о „пожирателяхъ душъ", душеѣдахъ, для защиты отъ которыхъ покойниковъ на островахъ Фиджи снабжаютъ дубиной. Только уже при дальнѣйшемъ развитіи этого повѣрья пожираніе души является средствомъ для очищенія ея: на Таити душа три раза послѣдовательно съѣдается богами, но за то послѣ этого сама становится божествомъ.

Фигуры, изображающія предковъ, въ Гатифеладгафенѣ, Нов. Гвинея. Бременскій музей.

Въ Полинезіи во многихъ мѣстахъ установлены различія между душами простыхъ людей и знатныхъ. Благородныя души безсмертны, души простого народа не имѣютъ этой привилегіи и уничтожаются вскорѣ послѣ смерти человѣка. Подобное же воззрѣніе нашелъ Волласъ у негровъ южнаго побережья озера Танганайка. На Футунѣ души обыкновенныхъ людей постепенно глохнутъ и слѣпнутъ и потомъ совершенно уничтожаются; на Ново-Гебридскихъ островахъ душа на томъ свѣтѣ умираетъ отъ трехъ до семи разъ и затѣмъ исчезаетъ окончательно. Повидимому и въ Китаѣ въ древнія времена не вѣрили въ вѣчное загробное существованіе душъ умершихъ людей; на это между прочимъ указываетъ одно мѣсто въ древнѣйшемъ собраніи стихотвореній „Ши-кинъ". „Нашъ прародитель Хеу-цзы ничего не можетъ" — взываетъ полный горя и отчаянія потомокъ нашего Хеу-цы — „наши родоначальники навѣрное уже всѣ уничтожились. Батюшка, матушка, дѣды, прадѣды, какъ могли вы спокойно вынести такое горе? По мнѣнію Шотта, должно было существовать убѣжденіе, что жизнь умершихъ предковъ поддерживается приносимыми имъ жертвами; такое вѣрованіе вполнѣ соотвѣтствуетъ міросозерцанію первобытныхъ народовъ, и отголоски его ясно видны въ культѣ предковъ у древнихъ египтянъ. Въ сущности врядъ ли хотя бы одинъ народъ или какая либо религія пытались составить себѣ ясное представленіе о вѣчномъ бытіи; наоборотъ, по большей части, вмѣсто этого необъятнаго представленія, довольствуются весьма неясными и съ логической стороны весьма неудовлетворительными изображеніями вѣчнаго блаженства или вѣчныхъ мукъ. Наибольшую мощь въ борьбѣ надъ рѣшеніемъ этой гигантской задачи

Вопросъ о томъ, гдѣ находится безчисленное количество душъ умершихъ, сильно интриговалъ фантазію первобытныхъ народовъ и въ большинствѣ случаевъ приводилъ къ мысли о существованіи особаго царства мертвыхъ. Подобный результатъ теченія мыслей весьма часто наблюдается у разныхъ народовъ. Погребальные обряды (см. изобр. на стр. 591 и 592) указываютъ на то, что царство покойниковъ находится подъ землею. Достойно замѣчанія, что это представленіе и самое наименованіе страны мертвыхъ (по-полинезійски — По, у ольчей Бун, у финновъ Pohjola и т д.) обозначаетъ одно и то же и распространено отъ Тихаго океана черезъ всю сѣверную Азію до Европы. Въ видѣ примѣра мы приведемъ описаніе страны Бун у ольчей, сдѣланное Шренкомъ. Ольча, Хошіамбо по имени, расказывалъ изслѣдователю, что тамъ все, какъ у насъ, на этой землѣ. Тамъ есть и солнце, и луна. и рѣка Мангу (Амуръ), горы, звѣри, растенія такія же, какъ и здѣсь. Есть тамъ разныя семьи и племена, которыя, какъ и здѣсь, занимаются своими дѣлами. Разница только въ томъ, что когда у насъ лѣто, въ странѣ Бун снѣгъ и ледъ, люди ѣздятъ тогда на собакахъ. Когда у насъ здѣсь день, тамъ ночь, и всѣ люди ложатся спать. И въ другихъ отношеніяхъ страна Бун представляетъ оборотную сторону того, что дѣлается здѣсь: если въ какомъ нибудь году тамъ ловится много рыбы, и убивается много медвѣдей, то у насъ ловъ рыбы плохой, медвѣдей добывается мало. На знаніи этихъ взаимно противоположныхъ отношеній основаны предсказанія шамановъ. Они одни имѣютъ возможность въ любое время посѣщать страну Бун и возвращаться оттуда. Этого преимущества не имѣютъ обыкновенные люди: разъ обыкновенный человѣкъ отправится въ страну Бун, онъ уже не можетъ обратно вернуться живымъ на землю. „Души въ странѣ Бун не безсмертны; но ольча связали идею о воплощеніи душъ въ растеніяхъ съ представленіемъ о царствѣ мертвыхъ. Обитатель страны Бун, послѣ смерти воплощается въ деревѣ, растущемъ на здѣшнемъ свѣтѣ; но неизвѣстно, погибаетъ ли эта душа, сидящая въ деревѣ, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ самого дерева, или остается?

Идолы изъ Саравака, сѣв. Борнео. По Лингъ Роту.

Изъ описанія Стеллера видно, что у камчадаловъ царство мертвыхъ очень похоже на страну Бун у ольчей; туда переселяются и животныя и живутъ тамъ, какъ и на землѣ; но загробный міръ теплѣе, чѣмъ Камчатка и обильнѣе пищею. Во многихъ татарскихъ былинахъ изображается подземный міръ; тамъ герои борятся съ разными опасностями. Міръ этотъ состоитъ изъ громадныхъ степей, подобныхъ тѣмъ, на которыхъ живутъ татарскія племена [1]. У арійскихъ племенъ Европы также имѣются представленія о загробномъ мірѣ (Гадесъ, Нифльгеймъ); въ ихъ миѳологіи они связываются въ цѣлую систему съ другими особенностями жизни на томъ свѣтѣ. Въ этихъ представленіяхъ не забыты и нравственныя требованія, въ нихъ мы видимъ

[1] Самыя полныя записи легендъ мы имѣемъ о татарскихъ племенахъ Сибири, благо-

уже попытку удовлетворить требованіямъ справедливости путемъ наградъ и наказаній. Къ этому кругу идей мы еще вернемся впослѣдствіи. Сказанія о подземномъ царствѣ душъ, о горѣ Венеры и о другихъ горахъ, въ которыхъ покоятся народные герои, существуютъ и теперь. Наиболѣе популярно нѣмецкое сказаніе о Барбароссѣ; но подобныя легенды встрѣчаются и въ Венгріи; жизненность ихъ настолько велика, что по наблюденіямъ Влислоки даже о знаменитыхъ дѣятеляхъ новѣйшаго времени, напримѣръ, Людовикѣ Кошутѣ или кронъ-принцѣ Рудольфѣ народъ думаетъ, что они не померли настоящей смертью, но скрылись въ горахъ.

Вторая обширная группа идей о царствѣ мертвыхъ связывается съ представленіемъ о кажущейся смерти солнца и луны при закатѣ ихъ на западѣ: путь, по которому спускаются эти блестящія свѣтила за горизонтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и путь душъ умершихъ людей. Таинственная страна, куда нисходятъ солнце и луна, служитъ обиталищемъ для покойниковъ. Большинство народовъ, въ особенности приморскіе жители, представляютъ себѣ тотъ свѣтъ въ видѣ острова, лежащаго гдѣ-то далеко среди океана, на западѣ. Мѣстами это царство мертвыхъ отождествляютъ съ дѣйствительными островами, о которыхъ имѣются только какія-нибудь смутныя свѣдѣнія (Британія, Канарскіе острова). Гораздо чаще страною мертвыхъ считается какая-то чисто фантастическая страна, такова, напримѣръ, у многихъ полинезійскихъ народовъ страна Болоту или Полоту, въ названіи которой слышится отзвукъ древняго названія загробнаго міра — *По*. Другое, часто встрѣчающееся названіе страны мертвыхъ въ Полинезіи, „Гаваики“ просто обозначаетъ страну свѣта „Западъ“. Многія европейскія легенды. повѣствующія о далекой чудесной странѣ на западѣ, которую весьма поспѣшно отождествляли съ Америкой, въ сущности ведутъ свое начало отъ древнихъ сказаній о странѣ безсмертія, находящейся гдѣ то на западѣ, по ту сторону океана. На этой почвѣ возникла въ Ирландіи легенда о святомъ Брандонѣ, который, послѣ первой неудачной попытки, во второй разъ достигъ таки наконецъ острова блаженныхъ. Еще въ эпоху великихъ, географическихъ открытій твердо вѣрили въ существованіе такой страны, пока наконецъ туманный призракъ не обратился въ ничто при свѣтѣ изслѣдованія. Многія представленія о странѣ мертвыхъ были вызваны багрянымъ вечернимъ рдѣніемъ неба на западѣ. Одни въ пурпурѣ и золотѣ заката видѣли огонь и кровь, другіе -- золото и безчисленныя сокровища. Часто также царство мертвыхъ помѣщаютъ на западѣ, на днѣ моря или же представленіе о преисподней сливается съ идеей о царствѣ мертвыхъ. Гораздо рѣже, нежели на западѣ, ищутъ обитель усопшихъ въ другихъ странахъ свѣта. Древніе германцы помѣщали ее на сѣверѣ, который казался имъ страной вѣчнаго мрака, многіе сѣверо-американскіе индѣйцы говорятъ, что она въ теплыхъ южныхъ странахъ, центрально-американскіе туземцы видятъ ее на востокѣ. Земмрихъ, отмѣтившій на картѣ положеніе страны мертвыхъ у различныхъ народовъ, указываетъ, что изъ всѣхъ странъ свѣта чаще всего тотъ свѣтъ помѣщаютъ на западѣ.

Идолъ изъ юго-восточной Океаніи. По Journal of the Antropological Institute.

Есть и другія мѣста. гдѣ помѣщаютъ мѣстопребываніе покойниковъ. По Ковальду обитатели юга Новой Гвинеи полагаютъ, что областью обитанія духовъ служатъ высокія горы. Въ сѣверной Индіи, гдѣ невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе снѣжныя громады Гималая, создалась легенда о горѣ Меу (Сумеру, Суммиръ, Сумбуръ), которая, какъ ка-

скомъ архипелагѣ. Классическимъ примѣромъ того, какъ обиталища боговъ и духовъ съ вершинъ горъ переносились въ небесныя пространства, можетъ служить греческій Олимпъ, представленіе о которомъ, какъ о жилищѣ боговъ, постепенно измѣнялось и облагораживалось. Названія многихъ высокихъ горныхъ вершинъ указываютъ намъ и теперь, что первоначальное мѣстопребываніе боговъ было на горахъ, а не въ надзвѣздномъ эѳирѣ.

Положеніе страны мертвецовъ само собою вызываетъ представленіе о томъ, что добраться туда нелегко. Возможно, что здѣсь довольно сильно повліяли на творческую фантазію бредовыя видѣнія трудно больныхъ, которые считались близкими къ отправленію на тотъ свѣтъ, но оставались въ живыхъ и потомъ разсказывали о тѣхъ ужасахъ, которые имъ приходилось переживать. Большинство разсказовъ о путешествіи на тотъ свѣтъ сильно напоминаютъ разсказы о страшныхъ снахъ, въ которыхъ свою долю вліянія оказывали разсказы о загробномъ мірѣ. Тамъ, гдѣ думаютъ, что тотъ свѣтъ находится по ту сторону моря или рѣки, возникаетъ представленіе о кораблѣ мертвыхъ и о его кормчихъ (см. изобр. на стр. 188). Поэтому очень большимъ распространеніемъ пользуется обычай погребать мертвыхъ въ лодкахъ или придавать ладьеобразную форму гробамъ (см. изобр. стр. 165), въ тѣхъ же соображеніяхъ съ мертвецомъ кладутъ вмѣстѣ монету для уплаты за перевозъ. Представленія другого порядка весьма часто приводятъ къ мысли о превращеніи умершихъ въ птицъ; возникаетъ также миѳъ о птицѣ мертвыхъ, которая переноситъ покойниковъ на своей спинѣ въ царство мертвыхъ. Иногда идеи о кораблѣ и о птицѣ мертвыхъ весьма курьезнымъ образомъ сплетаются между собой: на Борнео къ такому кораблю приставляютъ голову, крылья и хвостъ птицы (см. изобр. стр. 593) или самому гробу придаютъ подобную-же форму, что часто встрѣчается у баттаковъ. По другимъ повѣрьямъ души должны переходить пропасть или черезъ бурный потокъ или по крайне опасному мосту. Нѣкоторые сѣверо-американскіе индѣйцы думаютъ, что на тотъ свѣтъ идетъ дорога по тонкому и скользкому стволу дерева, лежащему поперекъ зловоннаго озера, иногда-же появляется громадная змѣя и подставляетъ свою скользкую гладкую спину для перехода на другой берегъ озера; кто упадетъ въ воду, тотъ тонетъ и потомъ превращается въ рыбу или черепаху. Мостъ покойниковъ у эскимосовъ гладокъ, какъ ледъ. Иранцы также знали о небесномъ мостѣ Чинватъ, съ котораго души безбожныхъ людей сталкивались особо къ тому приставленными стражниками. Въ мухамеданскихъ преданіяхъ также фигурируетъ мостъ изъ нитокъ или изъ волосъ, который постоянно трясется.

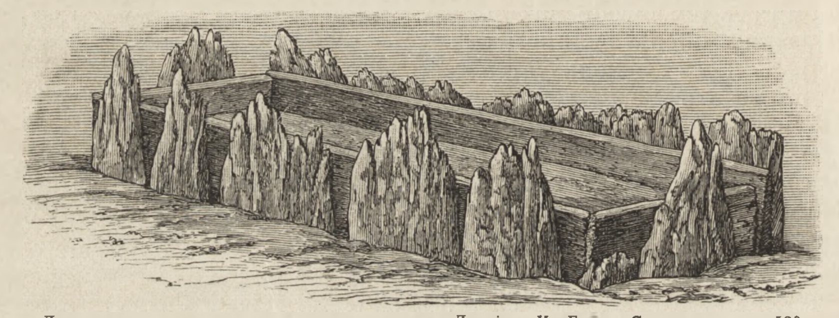

Гробница у семиноловъ, Сѣв. Америка. По Клэ Макколею.

Иранскіе охранители моста далеко не единственный примѣръ въ этомъ родѣ. Почти повсюду существуетъ повѣрье, что покойникамъ на пути встрѣчаются разныя чудовища, съ которыми они должны бороться или задабривать ихъ подарками. Многія вещи, которыя даются покойнику, служатъ исключительно для преодолѣнія вышеуказанныхъ препят-

браженія людей съ оружіемъ и производящими шумъ и стукъ инструментами, а также и фигурки звѣрьковъ съ оскаленными зубами. Ихъ роль, также какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, заключается въ защитѣ покойника (см. изобр. на стр. 131). Эскимосы кладутъ въ гробъ умершимъ дѣтямъ собачьи головы для того, чтобы на пути указывать безпомощнымъ дѣтямъ дорогу и защищать ихъ.

Повѣрья о покойникахъ у большинства народовъ представляютъ собою крайне запутанную, но вмѣстѣ съ тѣмъ приковывающую къ себѣ вниманіе картину, потому что въ нихъ мы видимъ воочію работу человѣческаго духа: онъ здѣсь примиряетъ противорѣчія и исправляетъ несообразности при помощи новыхъ измышленій своей фантазіи, и, изъ безсистемной массы матеріала, отдѣльныхъ преданій и идей создаетъ обширныя и до нѣкоторой степени сносно упорядоченныя системы. Представленія о судьбѣ покойниковъ въ самомъ началѣ были еще недостаточно ясны; но по мѣрѣ того, какъ изъ отдѣльныхъ маленькихъ родовъ слагались племена и народы, сношенія учащались и рядомъ съ этимъ увеличивался взаимный обмѣнъ миѳовъ, идеи о загробномъ мірѣ становились и разно-

Доисторическая каменная могила въ Даніи. По Бойе. См. текстъ, стр. 589.

образнѣе, и противорѣчивѣе. Если-бъ созданіе религіозныхъ миѳовъ происходило подъ контролемъ разума, можно было бы предположить, что изъ всѣхъ наличныхъ представленій были-бы выбраны наиболѣе вѣроятныя и только они сохранились бы въ памяти народа; но этимъ путемъ не развивалась ни одна міровая религія. И христіанское ученіе о безсмертіи души сравнительно одно изъ самыхъ неясныхъ, это одна изъ наименѣе развитыхъ частей догматизма. Католическое ученіе о чистилищѣ и объ его роли освобождать отъ грѣховъ, до сихъ поръ составляетъ спорный вопросъ въ христіанскихъ церквахъ. Вмѣсто того, чтобы допустить свободную борьбу различныхъ идей и дать возможность этимъ путемъ дать доступъ наиболѣе жизненнымъ теоріямъ, ихъ старались примирить между собою двумя путями: одни принимаютъ, что у человѣка имѣется нѣсколько душъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою особую судьбу, другіе думаютъ, что положеніе душъ на томъ свѣтѣ будетъ весьма различное, сообразно различнымъ положеніямъ и поведенію ихъ на землѣ. Часто оба эти представленія являются въ связи одно съ другимъ.

Было уже упомянуто о повѣрьи, по которому душа человѣка во время сна невидимо или въ образѣ маленькаго животнаго улетаетъ изъ тѣла. Въ этомъ уже видно представленіе о двойной душѣ, такъ какъ душа оставляетъ тѣло, но человѣкъ дышетъ и живетъ. Это представленіе получило свое дальнѣйшее развитіе въ миѳахъ различныхъ народовъ. По вѣрованіямъ тюрковъ и монголовъ, душа живого человѣка можетъ скрываться

Такія же воззрѣнія находимъ мы у малайцевъ, которые тщательно охраняя свою вторую душу, о существѣ которой у нихъ нѣтъ сколько-нибудь яснаго представленія, считаютъ себя въ полной безопасности отъ всякихъ бѣдъ. Это видно изъ поэмы „Бидасари“, переведенной Брандштетеромъ.

„Они спрятали, сокрыли духъ Бидаса
„Въ мастерски сформированную рыбку,
„Эту рыбку заперли въ коробку,
„Заперли въ коробку золотую,
„Золотую полную водою
„И сложили вмѣстѣ все въ шкатулку,
„А затѣмъ разбили чудный садикъ
„И въ пруду шкатулку утопили“.

Весьма возможно, что эти удивительныя представленія близки весьма къ другимъ, не менѣе распространеннымъ вѣрованіямъ о связи каждаго человѣка съ какимъ нибудь духовнымъ существомъ, духомъ-охранителемъ или своимъ двойникомъ. Такія повѣрья имѣются даже и у австралійцевъ.

Многіе народы не довольствуются и двойной душой. Китайцы, кромѣ

Судно мертвыхъ на Борнео. По Грабовскому.

духа, который восходитъ на небо (hoan), и души (Pe), которая нисходитъ въ преисподнюю, признаютъ еще третій существенный элементъ, который собственно и служитъ объектомъ культа предковъ. Не менѣе трехъ душъ признаютъ на Ніасѣ: одна изъ нихъ переходитъ къ тому, кто улавливаетъ ртомъ послѣднее дыханіе умирающаго, вторая странствуетъ въ царствѣ мертвыхъ, третья появляется спустя нѣсколько дней на могилѣ усопшихъ въ видѣ маленькаго звѣрька; его потомъ, когда изготовятъ изображенія недавно умершихъ, ловятъ и приносятъ къ новымъ изображеніямъ, гдѣ онъ является представителемъ жизненнаго начала. Баттаки по Вилькену также признаютъ у человѣка три души; изъ нихъ одна, если умираетъ дѣлавшій зло, сожигается на западѣ (вечерняя заря!), двѣ же остальныя бродятъ по свѣту; по Бринеру существуетъ не меньше семи душъ; изъ нихъ только одна связана съ тѣломъ, а одна изъ семи, душа послѣда (Placenta) или „младшаго братца“ живетъ на небѣ

Не одинаковы повидимому воззрѣнія на этотъ вопросъ у даяковъ: Гарделандъ говоритъ о четырехъ душахъ, а Лингъ-Ротъ насчитываетъ ихъ семь. Четыре души, упоминаемыя Гарделандомъ, происходятъ изъ распаденія живой души (hambaruan); послѣ смерти она распадается на главную

скитается и ищетъ себѣ пропитанія, вторая остается при трупѣ, третья летаетъ около деревни, четвертая уходитъ въ страну духовъ [1].

Много больше рвенія было положено на попытки объединить различныя идеи о загробномъ мірѣ, допустивъ, что не всѣхъ покойниковъ ожидаетъ одинаковая участь на томъ свѣтѣ. Впослѣдствіи мы еще вернемся къ вопросу о томъ, въ какихъ размѣрахъ эту идею пробовали использовать въ интересахъ нравственности. Что же касается до начальныхъ стадій развитія человѣчества, то о нравственныхъ соображеніяхъ въ этомъ вопросѣ и рѣчи быть не можетъ. Напротивъ, тамъ судьба умершаго крайне наивнымъ образомъ ставится въ зависимость отъ рода смерти, способовъ погребенія и исполненія тѣхъ или иныхъ погребальныхъ обрядовъ. Всѣ умершіе, не получившіе соотвѣтствующаго обычаямъ погребенія, имѣютъ весьма печальную судьбу: они бродятъ въ видѣ злостныхъ привидѣній, не находя себѣ покоя. Неоднократно уже пытались посредствомъ сооруженія кенотаѳій (пустыхъ могилъ) дать пристанище этимъ безпріютнымъ душамъ умершихъ. Въ другихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ сооруженію различныхъ изображеній, которыя считаются одушевленными; главная обязанность ихъ состоитъ въ охранѣ отъ привидѣній (см. изобр. на этой и на 595 и 597 стр.).

Охраняющій идолъ съ Никобарскихъ о-вовъ, Бенгальскій заливъ. По Свобода.

Культъ покойниковъ обнаруживаетъ способность къ дальнѣйшему и болѣе высокому развитію, что доказывается лучше и яснѣе всего исторіей канонизаціи христіанскихъ угодниковъ. Святой сначала представляется всѣмъ такимъ же обыкновеннымъ человѣкомъ, какъ и другіе, но отличается отъ остальныхъ благочестіемъ, твердостью въ вѣрѣ, а также иногда и присущими ему особыми необыкновенными способностями. Его могила въ началѣ отличается только связанными съ нею воспоминаніями объ усопшемъ, затѣмъ она становится предметомъ поклоненія, останки умершаго обнаруживаютъ цѣлебную и чудотворную силу и мало-по-малу онъ становится могущественнымъ ходатаемъ и молитвенникомъ за людей на небесахъ. Въ концѣ-концовъ святой, по крайней мѣрѣ въ глазахъ простого народа, становится могущественнымъ божествомъ, благоволеніе котораго нужно заслужить, чтобы спастись отъ бѣдъ и напастей. Наивная молитва,—„Святой Флоріанъ, пощади отъ огня мой домъ и сожги домъ сосѣда“ — высказываетъ въ грубо-простодушной и даже кощунственной формѣ эту мысль. Дѣло въ этомъ направленіи заходитъ еще дальше у новообращенныхъ язычниковъ, гдѣ незамѣтно святые становятся на мѣста прежнихъ боговъ, принимаютъ на себя обязанности послѣднихъ и имена ихъ слышатся въ языческихъ обращеніяхъ къ богамъ и въ волшебныхъ заклинаніяхъ. У славянъ такимъ образомъ мѣсто Перуна, бога грома, перешло къ пророку Ильѣ, у нѣмцевъ Берхта замѣнилась св. Елизаветой, Донаръ св. Леонардомъ и т. д. Старинныя языческія приношенія богамъ по обычаю иногда и теперь посвящаются христіанскимъ угодникамъ.

Эти превращенія приводятъ къ мысли и выдвигаютъ вопросъ,—не вышли-ли и сами древніе языческіе боги изъ обоготворенныхъ предковъ? Грекъ Евгемеръ даже возвелъ въ систему это возможное предположеніе (евгемеризмъ) и старался доказать, что всѣ древне-греческіе боги развились изъ манистическихъ представленій. Здѣсь мы видимъ скачекъ изъ одной крайности въ другую и полное игнорированіе анимистическаго и

натурмиѳологическаго происхожденія большинства арійскихъ божествъ. Въ общемъ евгемеризмъ, хотя и не нашелъ большого числа послѣдователей; однако наблюденія надъ первобытными народами, несмотря на это, указываютъ намъ на важное значеніе евгемеризма именно для первыхъ ступеней развитія религіи. Хотя вообще предки забываются спустя нѣсколько поколѣній, и культъ ихъ уступаетъ свое мѣсто новымъ, болѣе молодымъ предкамъ, но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ сохраняются долгое время отдѣльные персонажи и мало-по-малу превращаются въ боговъ, носящихъ всѣ признаки анимистическаго происхожденія. Манистическія и анимистическія представленія переплетаются на низшихъ ступеняхъ развитія до такой степени, что распутать ихъ нѣтъ никакой возможности.

Бываютъ и обратные случаи, гдѣ чисто натурмиѳологическіе персонажи получаютъ манистическое толкованіе. Многіе народы производятъ себя отъ боговъ, которымъ въ то же время приписываются и всѣ культурныя блага; но во многихъ случаяхъ несомнѣнно, что первоначально эти боги возникли изъ анимистическихъ представленій и только уже гораздо позднѣе стали въ нихъ видѣть своихъ предковъ. Весьма замѣчательную группу такихъ героевъ культуры представляютъ боги-близнецы, встрѣчающіеся во всѣхъ странахъ. По большей части эти боги представляютъ до нѣкоторой степени антитезу другъ другу: одинъ безсмертный, другой смертный, одинъ зрячій, другой слѣпой (Бальдуръ и Гедуръ) одинъ добръ, другой золъ (Агурамазда и Ариманъ). Отношенія ихъ между собой по большей части дружественныя, но они часто вступаютъ въ борьбу и одинъ изъ нихъ низлагаетъ другого (Ромулъ и Ремъ). Здѣсь передъ нами очевидна противоположность между свѣтомъ и тьмой или, точнѣе, между яркимъ солнцемъ лѣтняго дня и сумракомъ зимней ночи, можетъ быть также, здѣсь сопоставленіе солнца съ луной, свѣточемъ ночи. Въ Южной Америкѣ, подобно тому какъ въ древней Элладѣ и Римѣ, выступаютъ въ качествѣ героевъ культуры боги-близнецы. У бакаири въ Бразиліи боги-близнецы, Кери и Кама, имена которыхъ на древнемъ арауканскомъ нарѣчіи обозначаютъ солнце и луну, выступаютъ въ качествѣ борцовъ культуры, а не родоначальниковъ племени. Повидимому, и у карайя въ Бразиліи существуютъ, хотя изуродованныя, но выдающія свое происхожденіе легенды о близнецахъ.

Охраняющій идолъ на Филиппинскихъ о-вахъ. Бременскій музей.

Всеобщее распространеніе легендъ о близнецахъ уже само по себѣ не допускаетъ евгемерическихъ толкованій; но и кромѣ нихъ то же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ богахъ свѣта, воздуха и грозы, которыхъ легко распознать по нѣкоторымъ свойственнымъ имъ признакамъ. Громадное наслажденіе доставляетъ разыскивать среди миѳовъ разныхъ народностей все также повторяющіяся характерныя черты и подъ своеобразной и обманчивой оболочкой открывать все тѣхъ же боговъ свѣта и героевъ, лучезарный образъ которыхъ ясно выступаетъ изъ подъ грубой тлѣнной оболочки.

Подобно тому какъ сразу на небосклонѣ всходитъ изъ невѣдомой дали, изъ ночного мрака или изъ глубины морской солнце, такъ и появленіе

удаляютъ куда нибудь: то его запираютъ въ ящикъ и бросаютъ въ вод (здѣсь врядъ ли только случайное совпаденіе съ обычаемъ хоронить покой никовъ въ водѣ) или уносятъ въ дремучій лѣсъ. Пастухи или други бѣдные люди подбираютъ младенца и воспитываютъ его. Подобнымъ обра зомъ, среди пастуховъ, протекло дѣтство Кира, къ историческому облик котораго присоединилось много легендарныхъ чертъ миѳическаго геро Куру. Жизненные пути Ромула и Рема, Эдипа, въ нѣмецкихъ сагахъ Вольф дитриха, въ иранскихъ царя Дâрâба (Дарія) почти одинаковы. Волчицы вскармливающія Ромула и Вольфдитриха, заставляютъ вспомнить о тотеми стическихъ воззрѣніяхъ. Въ области семитической культуры мы въ Мои сеѣ встрѣчаемъ настоящаго солнечнаго героя; въ Вавилоніи историческі цари, Саргонъ I (около 3800 лѣтъ до Р. Х.) и Гудіа (около 3100) такж примыкаютъ къ циклу солнечныхъ миѳовъ и сами себѣ приписали сверх естественное происхожденіе. Родственные приведеннымъ миѳы встрѣча ются въ Китаѣ. Они называли древнихъ царей Яо-чжо, бамбуковыми ца рями, потому что они происходили отъ мальчика, который плавалъ по рѣкѣ въ пустотѣломъ стволѣ бамбука; упоминается также легендарный министръ княжества Цзу, который былъ брошенъ родителями и вскормленъ тигрицей. У зулусовъ есть сказаніе о царскомъ сынѣ Узикулуми, кото рый былъ брошенъ родителями, воспитанъ какимъ-то чудовищемъ и послѣ этого возвратился неуязвимымъ героемъ къ людямъ.

Побѣдоносная сила свѣта, пронзительные лучи солнца считаются ору жіемъ боговъ свѣта, безъ промаха бьющими стрѣлами Аполлона, Геракла Одисея, Теля и т. д. Въ качествѣ орудія, рядомъ со стрѣлами солнца, мы встрѣчаемъ молнію, такъ какъ боги солнца и боги грозы нерѣдко слива ются воедино.

Однимъ изъ первыхъ великихъ подвиговъ многихъ боговъ свѣта был отдѣленіе неба отъ земли, которыя, по весьма распространенному сказанію плотно прилегали другъ къ другу во тьмѣ первобытной ночи: повидимому восходящее солнце приподняло въ высь лежавшій внизу на землѣ небес ный сводъ. Индусы приписываютъ этотъ подвигъ Рахитѣ или древнему богу Варуна. „По великой мощи его стали мудры народы, онъ раздѣлилъ между собою два міра, прежде воздвигъ онъ высокое, пространное небо прежде вѣковъ сѣялъ звѣзды и распростеръ землю“ — такъ говорится о Варуна въ Ригъ-ведѣ. Въ малайскихъ сказаніяхъ міръ создаетъ Мауи

Дневное свѣтило, слѣдуя своему пути, часто окутывается бѣлыми облаками, напоминающими бѣлыя покрывала и широкія пышныя женскія одежды. Въ миѳахъ это явленіе сказывается въ томъ, что иногда временно боги свѣта являются въ женскомъ одѣяніи, какъ, напримѣръ, Ахиллесъ воспитанный матерью среди дѣвочекъ и носившій женское платье или Торъ, который является переодѣтымъ богиней Фрейей въ страну исполи новъ, чтобы хитростью отобрать у нихъ свой молотъ. Геркулесъ, сидящій за прялкой Омфалы, принадлежитъ къ этой же категоріи персонажей.

Въ этихъ случаяхъ боги свѣта отмѣчены какими то несообразными несвойственными имъ комическими чертами; но и вообще они не всегда одарены всѣми совершенствами, но, наоборотъ, часто страдаютъ отъ тѣлес ныхъ недостатковъ. Отчасти это объясняется самими явленіями природы которыя они воплощаютъ собою. Однако-же, съ другой стороны, необходимо еще пересмотрѣть болѣе основательно эти вопросы, прежде чѣмъ можно бу детъ высказать окончательное мнѣніе о происхожденіи этихъ представленій и объ участіи въ нихъ бродячихъ легендъ. Одноглазые боги свѣта, какъ напримѣръ нѣмецкій Воданъ, объясняются очень просто тѣмъ, что само

мнѣнію Зимрока объясняется тѣмъ, что этотъ богъ первоначально имѣлъ видъ меча, а у меча всегда одинъ только клинокъ; кромѣ того, потерю руки, конечно на основаніи другихъ представленій, приписываютъ волку Фенрису, представителю бурной ночи. Вообще эти боги свѣта и грозы, а также и служащія имъ животныя очень часто обладаютъ слабыми ногами или хромаютъ. Хромому козлу, впряженному въ колесницу Тора, соотвѣтствуетъ одноногій козелъ, одна изъ формъ воплощенія бога Индры. Хромой Гефестъ былъ безъ сомнѣнія прежде богомъ молніи. Подобный же образъ видимъ въ Эдипѣ (Распухшая нога). Даже у готтентотовъ есть свой богъ „колченогъ", другихъ хромыхъ боговъ мы встрѣчаемъ у индѣйцевъ килоэса. Вообще же можно сказать, что зигзаги падающей молніи, которая никогда не движется по прямой линіи, могли вызвать сравненіе ея пути съ торопливой, ковыляющей походкой спѣшно идущаго хромца.

Такъ какъ боги свѣта вышли изъ мрака, то они должны и возвратиться туда же: эти идеальные образцы геройства, побѣждающіе всѣхъ своихъ враговъ, имѣютъ всегда нѣкоторое уязвимое мѣсто, гдѣ можно поразить героя на смерть, и суровая судьба часто даетъ возможность слабосильному нанести непобѣдимому смертельный ударъ. Ахиллесъ, уязвимый только въ пятку, падаетъ подъ стрѣлой женоподобнаго Париса; Бальдуръ, котораго не беретъ никакое оружіе, умираетъ отъ стрѣлы изъ вѣтви омелы, пущенной въ него его слѣпымъ братомъ. Въ нѣмецкой героической сагѣ такой жертвой судьбы является Зигфридъ. Сумерки боговъ представляютъ лишь грандіозное развитіе этой основной мысли.

Ай-ай, охраняющій домъ, Тимбръ, Зондскій Архипелагъ. По Якобсону. См. текстъ, стр. 591.

Въ гибели боговъ и героевъ, часто изображается поразительная картина солнечнаго затменія, которое сильнѣе, чѣмъ что-либо, оплодотворяетъ фантазію народа и вызываетъ созданіе чудныхъ миѳовъ. Было уже упомянуто, что въ вечерней зарѣ одни усматриваютъ пожаръ и кровь, другіе отраженіе на небѣ неизмѣримыхъ сокровищъ. Эти сокровища, золото Рейна, на которомъ тяготѣетъ проклятіе, вплетено въ сагу о Зигфридѣ: это золото вечерней зари, которое завоевываетъ герой, и оно становится причиною его гибели. Аяксъ, одна изъ мѣстныхъ эллинскихъ варіацій бога свѣта, какихъ было много среди героевъ Троянской войны, кончаетъ жизнь свою въ потокѣ крови. Охваченный безуміемъ онъ начинаетъ крошить въ куски стадо мирно пасущихся барановъ (вечернія облака), которые тонутъ въ своей крови и затѣмъ, придя въ сознаніе, собственноручно убиваетъ себя. Тѣ же вечернія тучки же являются снова въ видѣ отравленной рубахи, посланной центавромъ Нессомъ Гераклу: вмѣстѣ съ прилипшей къ тѣлу рубахой герой отрываетъ свою кожу и куски мяса (солнце и облака окрашиваются въ красный цвѣтъ) и въ концѣ концовъ заживо сожигаетъ себя. Подобныя же мысли можетъ вызвать Бальдуръ, сгорающій на кораблѣ, плывущемъ на западъ.

Противоположностью или дополненіемъ боговъ свѣта, которые вообще считаются мужчинами, служитъ женское, материнское начало—плодоносная земля. Иногда она является кроткой и благожелательной, иногда мрачной и таинственной, служа средоточіемъ, около котораго группируются жестокія, кровавыя формы культа. Вѣроятно наиболѣе мощное развитіе получилъ этотъ культъ въ Малой Азіи, гдѣ чествованіе матери боговъ (Ма, Амма, Цибелла) было центромъ религіозной жизни страны и

средневѣковой Европы снова постепенно обратилось къ почитанію кроткаго материнскаго начала, создавъ въ Богоматери Маріи идеальный образъ всего глубокаго и великаго въ природѣ женщины. Этимъ оно смягчило и восполнило рѣзкій и односторонній, чисто мужской характеръ семитическихъ вѣроученій. Въ этомъ, хотя весьма наивно, но непререкаемо обнаруживается та великая особенность западно-европейской культуры, благодаря которой она не можетъ смотрѣть на женщину, какъ на простой объектъ чувственныхъ вожделѣній, но признаетъ за нею громадную роль въ дѣлѣ развитія человѣчества и чтитъ ее за это.

Большое число боговъ и героевъ свѣта, а также и женскихъ божествъ, встрѣчающихся только въ сказаніяхъ одного какого-нибудь народа, объясняется двоякимъ способомъ: во-первыхъ—при незначительныхъ сношеніяхъ стародавнихъ временъ въ каждой странѣ, въ каждомъ уголкѣ, возникали мѣстныя формы боговъ, которыя при сліяніи отдѣльныхъ группъ даннаго народа, такъ и оставались отдѣльными, самостоятельными божествами, во-вторыхъ, и сами боги подвергаются съ теченіемъ времени измѣненіямъ и оцѣнкѣ, короче сказать, и на боговъ вліяетъ мода. Въ воинственныя времена очень легко какое-нибудь, считаемое наиболѣе доблестнымъ божествомъ, ставится во главѣ другихъ, или изъ скрытнаго прозябанія въ какомъ-нибудь мѣстномъ культѣ, выдвигается на первый планъ; наоборотъ, при развивающейся культурѣ грубѣйшія формы божества постепенно уступаютъ свое мѣсто болѣе утонченнымъ. Яснѣе всего это видно на религіозныхъ представленіяхъ Индіи: тамъ, во времена господства ведъ, всѣхъ другихъ боговъ затмевалъ воинственный Индра; но впослѣдствіи онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто одухотворенному Брахмѣ, а въ новѣйшую эпоху культъ Брахмы меркнетъ передъ культомъ Шивы. Рядомъ съ этимъ происходитъ заимствованіе боговъ отъ другихъ народовъ; самъ Шива, какъ кажется, взятъ съ Олимпа дравидскихъ племенъ южной Индіи; Гераклъ и Афродита перешли къ грекамъ отъ семитовъ; Митра, культъ котораго широко распространился въ эпоху римскихъ императоровъ, былъ однимъ изъ иранскихъ боговъ свѣта.

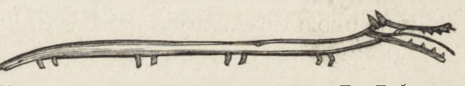
Заимствованіе божескихъ персонажей и цѣлыхъ цикловъ миѳологіи весьма частое явленіе въ духовной жизни человѣчества. Весьма замѣчательный и заслуживающій тщательнаго изученія примѣръ представляютъ легенды о драконѣ: сущность этого сказанія и его распространеніе могутъ быть разъяснены только тогда, когда различныя отрасли изученія языка будутъ дополнены данными сравнительной этнологіи. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ въ этихъ повѣріяхъ одно изъ немногихъ, и потому наиболѣе важныхъ звеньевъ, которыя связываютъ древнюю восточно-азіатскую культуру съ начатками западной цивилизаціи; но изъ признанія этого факта возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ и сомнѣній, на которые мы теперь еще не можемъ дать удовлетворительныхъ разъясненій.

Областью сказаній о драконѣ является весь Старый Свѣтъ за исключеніемъ Африки; даже и въ Египтѣ нѣтъ легендъ о драконахъ, хотя имѣются весьма близко стоящія къ нимъ сказанія. Обладателями и хранителями этого миѳа въ восточной Азіи являются китайцы, въ западной арійцы и семиты. Отъ обѣихъ этихъ группъ, независимыми другъ отъ друга путями, сказанія эти проникли къ степнымъ народамъ азіатскаго нагорья, монголамъ и финно-тюркскимъ племенамъ, а также и къ обитателямъ Индонезіи: но какъ у кочевниковъ Азіи, такъ и у островитянъ Индонезіи миѳъ этотъ представляетъ явленіе заносное, — онъ былъ созданъ культурными народами Стараго Свѣта. Въ Америкѣ и Океаніи драконъ совершенно отсутствуетъ. Въ Америкѣ вмѣсто него существуетъ миѳъ о гро-

выясняется, что легенды о драконахъ въ разныхъ мѣстностяхъ развиты неодинаково и что въ Восточной Азіи онѣ чище сохранили свой архаическій характеръ, чѣмъ въ Европѣ.

Корень миѳовъ о драконахъ лежитъ въ поклоненіи змѣямъ (см. рис. ниже). Змѣи у большинства народовъ, также у тѣхъ, которые ничего не слыхали о драконахъ, между прочимъ считаются охранителями водъ; имъ же принадлежатъ и небесныя воды высоко несущихся по небу облаковъ; отсюда недалеко до признанія молніи огненнымъ змѣемъ облаковъ и положить основу грозному натурмиѳу. Но все, что летаетъ въ воздухѣ, должно имѣть крылья, и такимъ путемъ создается образъ огненной крылатой змѣи въ облакахъ, которая представляетъ то же самое, что и драконъ. Дракону принадлежатъ небесныя воды,· онъ сѣетъ дождь и плодородіе и потому считается скорѣе благожелательнымъ, нежели враждебнымъ, миѳическимъ существомъ, его изображеніе символъ благополучія и изобилія и его очень любятъ изображать на зданіяхъ, одеждѣ и утвари (см. изобр. стр. 601). Такъ и понынѣ смотрятъ на дракона въ Восточной Азіи.

Западные народы пошли дальше. Если при дождѣ разражается гроза, то конечно тамъ идетъ борьба, — и сами китайцы, допускаютъ, что во время грозы драконы сражаются другъ съ другомъ. И боги свѣта послѣ окончанія грозы и бури побѣдоносно попрежнему сіяютъ на небѣ, почему же не связать этого вѣрованія съ миѳомъ о драконахъ. Угрюмый драконъ грозовыхъ тучъ здѣсь является существомъ враждебнымъ: онъ завладѣлъ небесными водами и, только послѣ упорной борьбы съ богами свѣта, вынужденъ былъ возвратить ограбленное. Это индусская, а также вавилонская версія миѳа о драконѣ. Сѣверные народы приспособили сказанія о драконѣ къ явленіямъ окружающей ихъ природы. Засухи они не такъ боятся, какъ суровой и продолжительной зимы и богъ свѣта у нихъ, убивая дракона зимы, освобождаетъ уснувшую волшебнымъ сномъ землю и пробуждаетъ спящую царевну къ новой жизни.

Миѳическая змѣя эскимосовъ. По Гофману. См. текстъ выше.

Чѣмъ болѣе увеличивается число боговъ, тѣмъ сильнѣе дифференцируются они. И въ этомъ случаѣ католическія изображенія святыхъ и почитаніе угодниковъ представляетъ хорошую параллель: къ нѣкоторымъ изображеніямъ Богоматери обращаются съ прошеніями и молитвами въ опредѣленныхъ несчастныхъ случаяхъ и болѣзняхъ; различные угодники до нѣкоторой степени считаются блюстителями и покровителями различныхъ видовъ дѣятельности человѣка. У семитовъ въ древнія времена и вообще у обитателей Западной Азіи сильно развились культы мѣстныхъ боговъ. Каждая страна имѣла своего бога; имъ держалась независимость страны, и она теряла ее вмѣстѣ со своимъ богомъ. Ассирійскіе цари, покоривъ и поработивъ окончательно какую-нибудь страну, забирали изъ храмовъ мѣстныхъ боговъ и ставили ихъ въ ниневійскихъ храмахъ, для того, чтобы взятые въ плѣнъ боги служили ассирійскимъ богамъ. Не только отдѣльныя страны, но и различныя профессіи, а также всякія опасныя и страшныя, полезныя и благопріятныя явленія имѣли своихъ боговъ. При этомъ дѣло доходило до того, наконецъ, что вся миѳологія превращалась въ простой безсодержательный перечень ничего не говорящихъ названій божествъ. Это особенно рѣзко проявлялось у народовъ, которые, подобно индусамъ, имѣли наклонность къ педантизму. Не-

часто организуется по образцу правительственной іерархіи: въ этихъ случаяхъ даже и самыя молитвы къ высшимъ богамъ передаются установленнымъ порядкомъ по восходящимъ инстанціямъ.

Всякія попытки повліять какими нибудь дѣйствіями на боговъ и духовъ, мы называемъ **культомъ**. Въ дѣйствительности же культъ является только реакціей противъ взволнованнаго состоянія человѣка и, хотя она повидимому направлена къ чему-то внѣ насъ стоящему — ея исключительное назначеніе-возстановить душевное равновѣсіе или создать болѣе или менѣе спокойное настроеніе. Подобныя реакціи при частомъ повтореніи могутъ превратиться въ привычку, въ потребность: культовые обряды и дѣйствія превращаются въ стойкіе народные обычаи. Постепенно устанавливается тѣсная связь между такими обычаями и миѳологіей и такимъ образомъ возникаетъ цѣлая система религіозныхъ идей и обычаевъ, которыя отправляются и охраняются въ большинствѣ случаевъ кастой жрецовъ. Это дальнѣйшее развитіе однакоже нисколько не колеблетъ основного положенія, заключающагося въ томъ, что всякое проявленіе культа, состоящее въ обращеніи за помощью, имѣетъ цѣлью успокоить человѣка и подкрѣпить его волю. Человѣку, въ его тяжелой борьбѣ за существованіе, необходимо найти какое нибудь прибѣжище, иначе онъ погибнетъ. Какимъ путемъ и гдѣ находитъ онъ это прибѣжище это все равно, безусловно необходимо только, чтобы онъ имѣлъ его. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ довольствуется вѣрой въ свои собственныя силы, надеждой на помощь людей или на свою счастливую звѣзду; когда-же эти средства отказываются служить, вступаетъ въ свои права религія, обѣщающая помощь свыше. Какимъ же образомъ пробуждается вѣра въ такое сверхъестественное заступничество? Исторія человѣчества даетъ знать, что всего вѣрнѣе и прямѣе это достигается отправленіями культа. Молитвы и жертвы какъ бы обязываютъ до нѣкоторой степени къ оказанію помощи и умиротворяютъ гнѣвъ божества противъ человѣка. По установившемуся обыкновенію о богахъ думаютъ, что они требуютъ себѣ аккуратнаго служенія, иначе они начинаютъ гнѣваться, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ они ждутъ по привычкѣ и чрезвычайныхъ приношеній.

Культъ въ широкомъ смыслѣ, долженъ охватывать собою и средства борьбы и обороны отъ злыхъ духовъ. Въ качествѣ противодѣйствія злобнымъ силамъ культъ всего яснѣе выступаетъ въ отношеніяхъ многихъ примитивныхъ народовъ къ солнечнымъ и луннымъ затменіямъ. О томъ, что въ этихъ случаяхъ происходитъ на небѣ, вообще не имѣется яснаго представленія или же объясняютъ его тѣмъ, что какія-то зловредныя существа пытаются проглотить небесныя свѣтила. Благодаря этой неопредѣленности и само противодѣйствіе этому грозному событію принимаетъ самый энергичный характеръ; шумомъ, выстрѣлами, крикомъ стараются запугать чудовище и укротить его жертвоприношеніями и молитвами. Кромѣ того, страстными и шумными проявленіями зрители стараются заглушить страхъ передъ совершающимся событіемъ.

Простѣйшія формы культа-просьбы (молитвы; см. рис. на стр. 603) и подарки (жертвоприношенія) вполнѣ тождественны съ тѣми поступками, посредствомъ которыхъ стараются добиться милости у людей. **Молитвы** безъ жертвъ или клятвенныя обѣщанія принести жертву рѣдко примѣняются первобытными народами. Неслучайно у бушменовъ, народа настолько неимущаго, что ему и пожертвовать то нечего, прибѣгаютъ прежде всего не къ жертвѣ, а къ молитвѣ. При этомъ впрочемъ нельзя отрицать и вліянія христіанской проповѣди, чему примѣромъ можетъ служить молитва одного представителя племени Даулео, которую слышалъ Аутенритъ. Молитва

отвѣтствуетъ понятію владыки вселенной. Въ молитвѣ говорится: „О, пречистый боже, ты знаешь все, знаешь какъ зовутъ меня, знаешь, гдѣ я теперь и слушаешь меня. (Свистокъ). Ты знаешь, что я не воръ, что я никого не убивалъ, не нарушалъ брака. (Свистокъ.) Я всегда говорилъ правду, жену свою и рабовъ моихъ я купилъ, заплативъ все сполна, и я никому ничего не долженъ. (Свистокъ.) О, пречистый боже, ты также знаешь, что я не смотрю завидующими глазами на домъ, жену, рабовъ моего сосѣда, не завидую я его пизангу, ни пальмовымъ плодамъ, ни его двумъ козамъ, ни его новой шапкѣ, которую онъ недавно купилъ. (Свистокъ.) Но ты, пречистый боже, знаешь и видишь завидующихъ моему дому, моимъ дѣтямъ, моему слоновому бивню, спрятанному въ моей хижинѣ, моимъ пяти курамъ и моей новой рубахѣ. (Свистокъ.) О, боже, почему ты не даешь мнѣ дѣтей, почему у меня только двѣ жены, почему-же у меня нѣтъ ни рабовъ, ни пизанга? Почему отъ моихъ козъ, моихъ куръ нѣтъ приплода? Почему рабы мои не добываютъ ни рыбы въ водѣ, ни дичи въ лѣсу ни слоновой кости. (Свистокъ.) О, пречистый боже, дай мнѣ дѣтей, дай мнѣ дома, дай мнѣ рыбы, пизанговъ, пальмовыхъ плодовъ и другой пищи. Не забудь также о, боже, дать мнѣ европейскую лампу, да кстати и маслица!“

Бронзовый драконъ какъ фонтанъ, Японія, XVII в. По Гринкману. См. текстъ, стр. 599.

Молитва эта интересна во многихъ отношеніяхъ. Видно, что просящій представляетъ себя болѣе бѣднымъ чѣмъ, на самомъ дѣлѣ: вначалѣ онъ говоритъ, что у него нѣтъ рабовъ, а въ концѣ оказывается, что онъ желаетъ имѣть еще новыхъ. Во всей молитвѣ обнаруживается желаніе вызвать состраданіе божества, и молящійся думаетъ при этомъ, что оно больше всего доступно этому чувству. Даже похвала самому себѣ въ началѣ молитвы ясно обнаруживаетъ, насколько важное и рѣшающее значеніе придается здѣсь нравственнымъ мотивамъ, и вся молитва проникнута чаяніемъ, что честность цѣнится гораздо выше, чѣмъ жертва.

Между прочимъ регулярныя моленія нашелъ Кольманнъ у ватуза, въ Восточной Африкѣ. Онъ сообщаетъ, что Ватуза ежедневно рано поутру при восходѣ солнца выходятъ изъ жилища, становятся на камни, простираютъ впередъ руки, сводя ладонь съ ладонью и обративъ лицо къ небу, взываютъ Mungu ntuyale (боже, дай добрый совѣтъ). По всей вѣроятности, какъ это думаетъ и Кольманнъ, здѣсь имѣли значеніе хамитиче-

собралъ много молитвъ Гала и между ними имѣется слѣдующая вечерня
молитва: О, боже, ты даровалъ мнѣ провести день въ мирѣ, дай мнѣ
ночь провести спокойно; о, Господи, выше котораго нѣтъ никого, нѣт
силы кромѣ, какъ отъ тебя, ты одинъ не связанъ никакими обязанностям
Подъ десницею твоею проходитъ мой день, подъ десницею твоею прох
дитъ ночь моя, ты мать моя, ты и отецъ мой". Галла молятся част
обыкновенно утромъ и вечеромъ и сверхъ того при несчастныхъ случаяхъ
въ виду опасности. Существуютъ особыя молитвы для мужчинъ и для же
щинъ; обыкновенно-же обращаются къ Вак'у (верховное существо) и к
геніямъ.

Подобно другимъ проявленіямъ культа возможны также и жертвы, н
имѣющія опредѣленной цѣли, безъ всякаго миѳологическаго значенія, пр
сто какъ извѣстнаго рода воздѣйствіе, что бываетъ обыкновенно тогда, когд
жертву приноситъ не самъ нуждающійся въ жертвѣ субъектъ, но ег
замѣститель. Человѣкъ больной или подвергающійся смертельной опасн
сти ставитъ на свое мѣсто другого, чтобы умиротворить враждебныя сил
ищущія погибели замѣщаемаго лица, хотя приносящій искупительну
жертву, самъ хорошенько не знаетъ, что ему грозитъ. Результаты подо
ной жертвы часто распространяются не на одного только приносящаго е
Въ Библіи (2 Книга Царствъ, 3) есть разсказъ о томъ какъ осужденны
израильтянами моавитскій князь, въ виду осаждающихъ на стѣнѣ принесъ в
жертву своего старшаго сына, и израильтяне, отчаявшись въ побѣдѣ, отсту
пили. О подобныхъ поступкахъ, приносившихъ всегда желаемый резул
татъ, часто сообщаютъ свѣдѣнія саги о норманскихъ викингахъ. Объ одном
изъ такихъ князей говорится въ сагѣ, что черезъ каждыя десять лѣт
приносилъ въ жертву одного изъ своихъ сыновей и за это достигъ басн
словной старости. Такія замѣстительныя или искупительныя жертв
практиковались въ древнемъ Перу въ случаѣ болѣзни Инка. Гораздо бл
городнѣе былъ обычай у древнихъ римскихъ полководцевъ, которые сам
приносили себя въ жертву богамъ, чтобы возбудить мужество своих
воиновъ и устрашить враговъ. Сказочные слѣды подобныхъ обычаев
часто встрѣчаются въ преданіяхъ классическихъ народовъ [1].

Мы не безъ основанія начали изложеніе вопроса о принесеніи в
жертву замѣстителя вмѣсто лица, подлежащаго жертвоприношенію, так
какъ они бросаютъ свѣтъ на вопросъ, вызвавшій массу споровъ. Разн
гласія заключались въ томъ, считать ли эти жертвоприношенія съ под
ставными лицами, самыя распространенныя и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя ужас
ныя, наслѣдіемъ людоѣдства или нѣтъ? Само по себѣ это воззрѣніе весьм
заманчиво. Такъ какъ люди своимъ предкамъ и богамъ, обладавшимъ че
ловѣческими склонностями и потребностями, приносили въ жертву пищу
напитки, то вѣроятно они не лишали ихъ и самой драгоцѣнной пищи
человѣчьяго мяса; скорѣе они предпочитали подносить богамъ эту пищу
какъ самую изысканную. При постепенномъ исчезновеніи общераспростра

[1] Въ Монголіи на сѣверномъ склонѣ Гентейскихъ горъ живетъ весьма изолированн
отъ другихъ группа монголовъ, называемыхъ „людьми, проданными чорту". Прозвищ
это создалось такимъ образомъ: одинъ монгольскій князь изъ рода Тушету-хана (стар
шая линія потомковъ Чингисъ-хана) лежалъ больной при смерти. Ему не хотѣлось уми
рать, и онъ просилъ ургинскаго первосвященника, Хутухту, въ которомъ возрождается дух
древняго тибетскаго вѣроучителя и историка буддизма Даранаты, вступить въ переговоры с
Эрликъ ханомъ, судьей и владыкою мертвыхъ, нельзя ли будетъ князя замѣнить кѣмъ нибуд
другимъ и предложилъ вмѣсто себя цѣлый родъ изъ своего ханства. Эрликъ уважилъ просьб
Хутухты; но и обреченные ему люди остались живы. Ханъ отступился отъ нихъ и пр
силъ Хутухту, который является живымъ богомъ, бодисатвой и не боится смерти, взят
эрликовыхъ подданныхъ за себя. Хутухти согласился и наложилъ на новыхъ подданныхъ

неннаго каннибализма человѣческія жертвы сохранялись еще довольно долгое время благодаря тому, что консерватизмъ, составляющій коренную характерную принадлежность всякой религіи, и здѣсь оказывалъ свое тормозящее вліяніе и поддерживалъ жестокій обычай, уже потерявшій всякій смыслъ. Вѣдь трудно было придумать, къ чему могли-бы богамъ пригодиться человѣческіе трупы, когда ихъ уже перестали считать людоѣдами. Мало по малу страшный обычай становится въ противорѣчіе съ самимъ собой или уничтожается подъ напоромъ болѣе высокихъ требованій нравственности.

Эта теорія, какъ уже сказано было, очень привлекательна, и она безъ сомнѣнія вѣрно объясняетъ нѣкоторые частные случаи общаго явленія; но самъ обычай замѣщенія однѣхъ человѣческихъ жертвъ другими уже указываетъ на то, что въ этой теоріи чего-то недостаетъ, потому что этотъ родъ жертвоприношеній имѣетъ такую же древность, какъ и каннибализмъ. Если больной предлагаетъ вмѣсто себя въ жертву другого, то онъ ду-

Магометанинъ на молитвѣ. По фотографіи.

маетъ, что какое-то злобное неземное существо сердится на приносителя жертвы или просто находитъ удовольствіе строить ему разныя козни, и онъ, въ замѣну себя, предлагаетъ этому существу другого человѣка. Почему же однакожъ простое убіеніе человѣка не могло бы доставить удовольствіе богамъ и геніямъ, когда оно наполняетъ дикой радостью и гордымъ сознаніемъ своего превосходства смертныхъ воиновъ. Соображенія эти могутъ весьма просто привести къ мысли о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ безъ всякаго участія каннибализма. То же можно сказать и о жертвоприношеніяхъ, связанныхъ съ культомъ предковъ: если съ покойникомъ вмѣстѣ убиваютъ его женъ и рабовъ, то лишь потому, что все это составляетъ его имущество; но не въ качествѣ пищевыхъ продуктовъ для продовольствія умершаго. Многія отвратительныя уродливыя формы человѣческихъ жертвоприношеній, очень широко распространенныя въ западно-африканскихъ княжествахъ, Бенинѣ, Дагомеѣ и Ашанти развились непосредственно изъ этихъ представленій.

Весьма поучительно наблюдать, какъ растущая и крѣпнущая въ этой области мораль, въ союзѣ съ соображеніями экономическаго характера,

ныхъ людей замѣняютъ преступниками и такимъ образомъ жертвоприно-шеніе сливается съ отправленіемъ все уравнивающей справедливости и старый обычай пріобрѣтаетъ новый смыслъ. Во всякомъ случаѣ мы должны признать довольно высокое нравственное развитіе у народа майя въ Центральной Америкѣ за то, что они въ самыя древнія времена никогда не пользовались человѣческой кровью для ритуальныхъ цѣлей иначе какъ въ той формѣ, какъ это изображено на приложенной здѣсь таблицѣ (см. табл. — Жертва Кукулькану, богу племени майя и объясненіе ея).

По отношенію къ другимъ видамъ жертвоприношеній проявляется, кромѣ того, склонность избѣгать по возможности другихъ приношеній и большихъ затратъ на жертвы, замѣняя ихъ символическими подарками или довольствуясь однѣми молитвами. Къ такимъ мѣропріятіямъ приво-дятъ различныя соображенія, но въ основѣ своей онѣ имѣютъ свой корень въ возрастающемъ вліяніи мышленія на религіозное чувство. Чѣмъ болѣе ста-рались выяснить себѣ сущность обожаемыхъ существъ, тѣмъ все менѣе и менѣе оказывалось сходство между ними и людьми, тѣмъ скорѣе превра-щались они въ образы идеальные, которымъ были совершенно чужды ни-зменныя потребности. Тамъ, куда проникалъ монотеизмъ, этотъ процессъ развитія совершался быстро и основательно: слишкомъ уже убогими пред-ставлялись попытки при помощи подарковъ, состоявшихъ изъ мизерныхъ произведеній хозяйства человѣка, приблизиться къ Вседержителю все-ленной. И само хозяйство, съ тѣхъ поръ какъ оно начало все болѣе и болѣе руководиться разумными соображеніями, должно было возстать про-тивъ тяжкихъ и часто непосильныхъ поборовъ въ пользу боговъ, такъ какъ нельзя было отрицать, что боги изъ подносимыхъ имъ даровъ, по видимому, никогда не дѣлали правильнаго употребленія.

Въ качествѣ переходной формы развились жертвенныя трапезы, при которыхъ богамъ доставлялась лишь ничтожная часть жертвы, главна[я] же масса потреблялась жертвователями. Въ другихъ мѣстахъ вошло въ обы-чай, ввидѣ символическихъ даровъ, приносить въ жертву вещи, не имѣю-щія никакой цѣнности. Бережливый китаецъ вмѣсто слитковъ золота и серебра преподноситъ золоченыя и посеребреныя бумажки, которыя тутъ же самъ сожигаетъ: въ сѣверо-восточной Сибири, вплоть до Японіи древес-ныя стружки являются наиболѣе распространеннымъ жертвеннымъ даромъ [1]. Одной изъ первоначальныхъ попытокъ подобнаго превращенія представля-етъ обыкновеніе баронга всякое жертвенное животное, хотя бы это было коза или курица, считать быкомъ; здѣсь очевидно ребяческая попытка дорого стоющую корову подмѣнить болѣе дешевымъ животнымъ. Вѣроятно подобные примѣры встрѣчались гораздо чаще, если-бъ не существовало обычая сожигать жертву, давшаго опору скептикамъ въ ихъ сомнѣніяхъ насчетъ цѣлесообразности и полезности жертвоприношеній. Повидимому, дѣйствительно боги вступали во владѣніе жертвой только послѣ сожже-нія ея. Въ этомъ смыслѣ древній индійскій богъ огня Агни служилъ посредникомъ между людьми и богами. Въ греческомъ миѳѣ о Прометеѣ встрѣчается даже такая мысль, что вмѣстѣ съ открытіемъ огня создалась и религія, такъ какъ Прометей первый научилъ людей истинному почита-нію боговъ сожиганіемъ жертвенныхъ животныхъ.

Молитвами и жертвоприношеніями не исчерпывается область культа: существуетъ еще третій способъ чествованія боговъ, развившійся изъ неза-мѣтныхъ и часто безотрадныхъ источниковъ, покаяніе и эпитимія [2], ко

[1] Это ужъ слишкомъ широко захвачено: якуты, долгане, ламуты, чукчи, эскос

 Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Объясненіе къ рисунку: „Жертва Кукулькану, богу племени майа“.

Рельефъ, находящійся въ Британскомъ Музеѣ, носитъ названіе „Жертва Кукулькану“. Передъ богомъ, носяшимъ царскія отличія, — царственный жезлъ и украшенный перьями головной уборъ, — стоитъ колѣнопреклоненный — судя по его одѣянію и головному убору — главный жрецъ. Жертва его состоитъ въ томъ, что онъ колючей веревкой, которую держитъ въ рукахъ, царапаетъ себѣ языкъ, и кровь капаетъ въ стоящій передъ нимъ жертвенный сосудъ. Это — единственный видъ кровавой жертвы у древняго племени майа.

Двѣнадцать іероглифовъ на обѣихъ картушахъ сверху и сбоку Кукулькана составлены, — за исключеніемъ перваго налѣво сверху, — изъ двухъ рядомъ стоящихъ знаковъ, такъ что они такъ же, какъ на безчисленныхъ памятныхъ колоннахъ майа, писаны въ два столбца. Первый и второй столбцы составлены изъ датъ календаря, съ обозначеніемъ мѣсяцевъ и дней мѣсяцевъ. Къ сожалѣнію, этихъ знаковъ и іероглифовъ нельзя точно опредѣлить.

торыя на высшихъ ступеняхъ развитія религіи принимаютъ разнообразныя формы и пріобрѣтаютъ весьма большое значеніе. Обычай подвергать себя лишеніямъ для угожденія богамъ возникаетъ въ очень раннюю эпоху и находится въ близкой связи съ жертвой. Если кто-либо отказывается отъ удовольствій или даже отъ необходимаго ради боговъ — это значитъ, что онъ налагаетъ на себя совершеніе подвига покаянія Отсюда уже не далеко до вывода, что всякое самоотреченіе пріятно богамъ; но кромѣ этого есть и другія обстоятельства, способствующія развитію подобныхъ воззрѣній.

Гансъ Саксъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній изображаетъ, какъ чертъ за печкой поджидаетъ, какъ бы ему вмѣстѣ съ глоткомъ вина пробраться въ горло и въ утробу кутящаго ландскнехта; но у кутилы есть привычка передъ каждымъ глоткомъ произносить „Господи, благослови“ и благодаря этому черту не удается выполнить своего намѣренія. Можетъ быть, этотъ эпизодъ выдуманъ ради шутки, но вѣроятно, здѣсь слышится отголосокъ стараго суевѣрія. У многихъ народовъ существуетъ повѣріе, что съ пищей или питьемъ можно проглотить какое-нибудь зловредное существо, которое можетъ, сидя внутри человѣка, вызвать опасную болѣзнь. Даже одинъ враждебный взглядъ присутствующаго можетъ отравить пищу. Этой боязнью объясняется цѣлый рядъ своеобразныхъ обычаевъ: наприм., многіе изъ африканскихъ владыкъ пьютъ, только тщательно закутавъ ротъ и ѣдятъ въ одиночку въ своей хижинѣ. Обычай принимать пищу въ одиночку распространился настолько широко и такъ укоренился, что относительно него выработались особаго рода приличія и своеобразное чувство стыдливости. Южно-американскіе индѣйцы отворачивались и конфузились, когда европейскіе путешественники, не стѣсняясь, закусывали у нихъ на глазахъ. Лучшій способъ освободиться отъ надоѣдливыхъ зѣвакъ — сѣсть за обѣдъ. Страхъ передъ опасностью отравленія духами дѣйствуетъ конечно всего сильнѣе въ то время, когда всѣ мысли сосредоточены на нездѣшнихъ духахъ и находятся, подъ гнетомъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ представленій.

Многія табуистическія запрещенія ведутъ свое начало отъ этой боязни мертвецовъ: въ этихъ случаяхъ не только брезгаютъ плодами, принадлежащими покойнику, но и вообще принимаютъ пищу, соблюдая извѣстныя предосторожности; при этомъ люди, хлопотавшіе около покойника, соприкасавшіеся съ нимъ и, стало быть, подвергавшіеся болѣе другихъ опасности, должны съ особенною тщательностью выполнять всѣ ограничительныя правила относительно пищи. Безопаснѣе однакоже совершенно воздерживаться отъ пищи до тѣхъ поръ, пока не разсѣется злоба духа покойника. На этой почвѣ возникаютъ посты, первоначально только какъ мѣра предосторожности; это потомъ легко обращается въ привычку и благодаря новымъ объясненіямъ получаетъ другое значеніе. Здѣсь снова, съ самаго начала обнаруживается та удивительная неразрѣшимая путаница въ основныхъ побужденіяхъ, которая вообще очень часто встрѣчается въ повѣрьяхъ и обычаяхъ, связанныхъ съ культомъ покойниковъ: проявленія искренней печали настолько сходны съ различными мѣрами предосторожности, что становится совершенно невозможнымъ опредѣлить, гдѣ кончается первое, гдѣ начинается второе. Хитрый наслѣдникъ, чтобы обмануть или помирить съ собой покойника, одѣвается въ плохой костюмъ, кутается въ грязныя отрепья: но и человѣку, сломленному горемъ, не скоро придетъ мысль позаботиться о своей внѣшности; ему не до заботъ о своей пер-

---

можетъ этимъ только и ограничиться, если духовникъ и совѣсть кающагося даютъ воз-

сонѣ, ему также мало дѣла до пищи и питья, онъ врядъ ли притронется къ ѣдѣ и тогда, когда насчетъ ея нечего бояться какихъ-либо запретовъ. Но и сама эта истинная горесть можетъ превратиться въ сухую безчувственную обрядность. Проявленія ея могутъ стать образцомъ для подражанія тѣмъ, кто не ощущаетъ ея и внѣшность ея будетъ тѣмъ вѣрнѣе иммитировать истинную печаль, чѣмъ менѣе она будетъ искренна.

Тотъ, кто пойметъ и прочувствуетъ различные источники душевныхъ состояній, ведущихъ къ мысли о покаяніи, безъ труда убѣдится, что они могутъ дойти до самоистязанія (см. изобр. стр. 607) и до самоуничтоженія. Чрезмѣрныя проявленія печали и горя, которыя встрѣчаемъ мы у первобытныхъ народовъ служатъ примѣрами для подражанія и могутъ доходить до ужаснѣйшихъ неистовствъ. Примѣры подобныхъ явленій были уже указаны въ другомъ мѣстѣ. Подъ вліяніемъ нравственныхъ идей болѣе высокаго порядка, самоистязаніе разсматривается какъ самонаказаніе плоти, являющейся великою препоною на пути къ одухотворенію. Всѣ формы аскетизма служатъ также и мистическимъ цѣлямъ, и къ нему мы переходимъ теперь.

Аскетизмъ, бичуя и изнуряя тѣло, полагаетъ, что этимъ онъ повидимому или въ дѣйствительности укрѣпляетъ духовныя силы человѣка и возводитъ его на высшую ступень чистоты; самоотреченіе, въ смыслѣ отказа отъ удовольствій направляетъ волю къ возвышеннымъ цѣлямъ. Въ этомъ смыслѣ аскетизмъ является постояннымъ спутникомъ наиболѣе развитыхъ религіозныхъ ученій: иногда кающійся удаляется отъ свѣта въ одиночество, иногда они собираются въ группы, совмѣстно преслѣдуя общую цѣль достиженія высшей чистоты и отрѣшенія отъ всего земного. Во всѣхъ этихъ случаяхъ первѣйшею заповѣдью считается воздержаніе отъ половой жизни. Также и на этомъ пути къ непорочности были свои отвратительные прецеденты, — стоитъ только вспомнить о кастрированныхъ жрецахъ богинь западной Азіи, этихъ печальныхъ жертвахъ подневольнаго цѣломудрія.

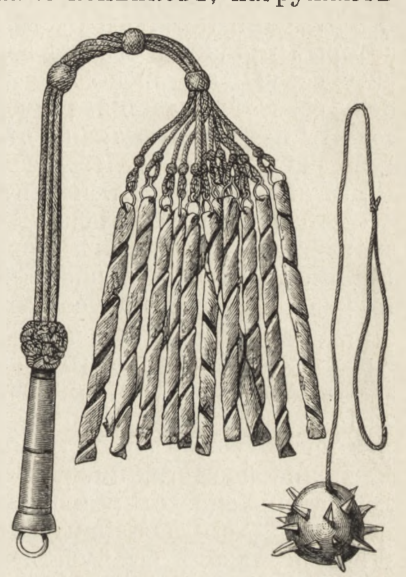
Стремленіе къ очищенію проявляется и въ нѣкоторыхъ другихъ отправленіяхъ культа, изъ которыхъ наиболѣе извѣстнымъ является крещеніе. Въ Японіи во время праздника очищенія прыгаютъ черезъ сплетенные изъ травы обручи, чтобы застраховать себя отъ заразы. Камчадалы, подобно этому, проползаютъ черезъ кольцо для очищенія и освобожденія отъ грѣховъ. Чукчи протискиваются между двухъ палокъ, чтобы смести съ себя всякое зло, какъ нѣчто прилипнувшее къ тѣлу. Въ одной мечети въ Кайруанѣ въ Тунисѣ стоятъ двѣ колонны, между которыми пролѣзаютъ больные, въ особенности ревматики, чтобы получить исцѣленіе. Многіе изъ очистительныхъ обрядовъ ведутъ свое начало отъ подобныхъ примитивныхъ представленій и первоначальная цѣль этихъ дѣйствій задержать болѣзнь, а потомъ то же средство стало примѣняться и противъ нравственныхъ золъ[1]. Разумѣется, всѣ эти обряды неодинаково развиты у различныхъ народовъ, причемъ довольно трудно бываетъ распознать причины этихъ различій. Однѣ племена почти не имѣютъ никакого понятія объ очистительныхъ обрядахъ, а напримѣръ, у бороро въ Бразиліи знахари подолгу возятся надъ очищеніемъ каждаго звѣря, убитаго на охотѣ, такъ какъ въ любомъ звѣрѣ можетъ проживать душа умершаго предка. На меланезійскомъ островѣ Онтонгъ-Ява всякаго высадившагося на берегъ

---

[1] Среди русскихъ также существовали подобные обыкновенія: одно изъ нихъ, почти уже вышедшее изъ употребленія состояло въ слѣдующемъ и примѣнялось къ дѣтямъ. [illegible]

чужеземца прежде всего долженъ очистить жрецъ. Само собою разумѣется, что подобные обряды могутъ служить могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ жрецовъ и потому всегда тщательно исполняются.

О своеобразномъ обрядѣ очищенія, изгнаніи козла отпущенія мы знаемъ изъ библіи, но о немъ можно получить свѣдѣнія и изъ другихъ источниковъ. Евреи во время праздника очищенія возлагали на козла или на какую-нибудь птицу всѣ грѣхи народа и изгоняли обремененнаго чужими грѣхами въ пустыню (3. Моис. 14, 7; 16, 10); южно-сибирскіе качинцы, послѣ обряда жертвоприношенія, возлагаютъ грѣхи на бѣлую лошадь и съ громомъ, крикомъ и шумомъ гонятъ ее прочь отъ своего табуна и радуются, если несущая на себѣ грѣхи лошадь пристанетъ къ чужому табуну. Бодага въ Индіи, во время праздника покойниковъ, нагружаютъ грѣхами умершихъ и всего своего племени молодого буйвола и, пугая его криками и шумомъ, гонятъ прочь отъ себя. Андо, собравшій очень много примѣровъ подобныхъ обычаевъ, совершенно вѣрно замѣчаетъ по этому поводу, что эти обычаи представляютъ собою только часть другихъ, гдѣ совершается переносъ какого нибудь своего проступка или— съ чего вѣроятно дѣло и началось—болѣзни на другое существо, напримѣръ, па животное какое нибудь или на растеніе. Насколько твердо держится вѣра въ возможность подобной передачи—доказываетъ популярность леченія симпатическими средствами, которыя и понынѣ, даже въ Германіи, пользуются большимъ кредитомъ. Повсюду выступаютъ передъ нами тѣсная связь между формами культа, мистическими идеями и зачатками врачебнаго искуства.

Бичъ съ деревянной рукояткой и бичъ изъ воска со вставленными въ него осколками стекла, изъ монастыря съ Азорскихъ о-вовъ. По Стефенсу. См. текстъ, стр. 606.

Большое значеніе пріобрѣтаетъ культъ для общаго развитія человѣчества въ тѣхъ религіяхъ, которыя поощряютъ или даже настаиваютъ па паломничествѣ. Обычай дальнихъ странствій на богомолье замѣчателенъ тѣмъ, что онъ появляется всюду, гдѣ чисто духовныя религіи, усвоивъ себѣ низшія формы культа старинныхъ временъ, сознательно и самостоятельно довели ихъ до болѣе высокой ступени развитія. Боги примитивныхъ религій всегда имѣютъ только мѣстное значеніе, а высшія существа высокоразвитыхъ религій могутъ пользоваться почтеніемъ всюду. Но и мѣстные культы также въ христіанствѣ, исламѣ и буддизмѣ сохраняютъ свое значеніе съ удивительной стойкостью и даже даютъ весьма жизнеспособныя развѣтвленія. Только протестантству удалось окончательно порвать связь съ древними формами культа. Можетъ быть, это вышло отъ того, что странствія съ религіозной цѣлью потеряли уже всякое культурное значеніе, потому что въ это время начали развиваться другія формы международныхъ сношеній. Наоборотъ, въ другія времена путешествія съ религіозной цѣлью были неоцѣненнымъ средствомъ для поддержки связей между разными народами и культурами. Магометъ, включившій въ число догмъ своей религіи наивное поклоненіе метеориту въ Меккѣ, къ которому направлялись съ цѣлью поклоненія арабы, создалъ

въ высокой степени благотворно для возрожденія культурной жизни. Для новаго времени такія странствія уже не имѣютъ значенія. Только наиболѣе ограниченные въ своемъ развитіи элементы общества продолжаютъ попрежнему совершать такія путешествія, считающіяся въ этихъ слояхъ общества наиболѣе популярной формой покаяннаго подвига; но изъ громаднаго сборища такихъ элементовъ крайне трудно ожидать чего нибудь отраднаго. Что могутъ дать эти громадныя толпы богомольцевъ, направляющихся въ Лурдъ, Лорето или другія мѣста по сравненію съ небольшими экскурсіями научныхъ обществъ или даже съ массами посѣтителей, которые собираются отъ времени до времени на художественныхъ и промышленныхъ выставкахъ?

Подобно тому какъ во всѣхъ проявленіяхъ анимизма оказываются слѣды манизма, такъ и въ большинствѣ культовъ чувствуется уже нѣкоторый привкусъ **мистицизма**. Вмѣстѣ съ нимъ мы вступаемъ въ самую интересную но вмѣстѣ съ тѣмъ въ самую темную область религіи. Всякій, кто пытается разобраться въ этой путаницѣ и старается проложить путеводную тропу въ этомъ лабиринтѣ вмѣстѣ съ тѣмъ подвергается риску, разрушить весьма тонкія связи между различными отношеніями и, въ ущербъ истинѣ, создать искусственную простоту и ясность. Все это вполнѣ естественно: при изслѣдованіи этихъ темныхъ областей мы пользуемся разумомъ и логикой; но вѣдь и само существо и отправленія мистицизма, живущаго чувствомъ, антилогично или, лучше сказать,— это своего рода полусознательное мышленіе, инстинктивное ощупываніе того, что стоитъ впереди. Наоборотъ, анализирующій разумъ, всегда стремящійся къ яснымъ указаніямъ на мотивы дѣйствій, ищущій всюду разумныхъ цѣлей и соотвѣтствующихъ имъ средствъ, часто не находитъ себѣ въ этой области точки опоры. Онъ долженъ объяснить вещи, которыя онъ своими средствами объяснить не можетъ. Задача была бы совершенно неразрѣшимой, еслибъ то же самое инстинктивное мышленіе, разсматриваемое съ широкой точки зрѣнія, не носило бы въ себѣ нѣкоторыхъ свойствъ логики и если-бы при развитіи мистики разумъ то тамъ, то здѣсь не давалъ бы чувствовать своего вліянія. Несмотря на это задача все-таки неизмѣримо трудна и пока даже неразрѣшима.

Къ этому всему присоединяется еще затрудненіе особаго свойства. Въ веселыя времена эпохи просвѣщенія и въ еще болѣе веселую эпоху гегемоніи дарвинизма жрецы этого ученія съ такими вопросами расправлялись съ необыкновенной легкостью. Все, что принадлежало къ области мистики, считалось дѣтскимъ суевѣріемъ, которому серьезный человѣкъ могъ удѣлить не болѣе минуты и то только для того, чтобы двумя тремя неотразимыми аргументами разбить это заблужденіе въ пухъ и прахъ. Эта односторонность имѣла свою полезную сторону и имѣла безусловно важное значеніе для культуры, доводя извѣстныя положенія до крайнихъ выводовъ. Жалко только, что это блаженное время длилось недолго и теперь снова встали передъ изслѣдователемъ трудно-поддающіеся рѣшенію вопросы.

Точное обслѣдованіе гипнотизма показало, что здѣсь на простомъ отрицаніи и разъѣдающемъ скептицизмѣ далеко не уѣдешь; наоборотъ, многое изъ того, что считалось мистикою первобытныхъ народовъ, имѣетъ за собою научныя доказуемыя основанія. Вмѣстѣ съ этимъ весьма удобная отговорка считать каждаго шамана и знахаря ловкимъ фокусникомъ потеряла всякій кредитъ. Съ другой стороны, опять таки изслѣдованія въ этой долго остававшейся въ забросѣ области отчасти еще очень мало по-

люди, съ нашимъ одностороннимъ разсудочнымъ развитіемъ, плохо подготовлены къ безпристрастному изслѣдованію этой области.

Съ точки зрѣнія исторіи культуры и этнологіи можно включить въ область мистики и вѣрованія въ сверхъестественныя силы живущихъ людей. Отсюда слѣдуетъ, что мистика весьма близка къ анимистическимъ и манистическимъ идеямъ, имѣющимъ дѣло съ силами, лежащими внѣ человѣка; но между тѣми и другими воззрѣніями лежитъ опредѣленная демаркаціонная линія.

Главнымъ источникомъ, изъ котораго происходитъ большинство мистическихъ идей, служатъ безъ сомнѣнія сновидѣнія. Нужна была продолжительная дисциплина для того, чтобы отучить болѣе развитую часть общества отъ вѣры въ сновидѣнія. Многіе первобытные народы склонны вѣрить, что во снѣ они видятъ картину странствій ихъ собственной души и заключаютъ изъ этого, что и живые люди могутъ дѣйствовать издали на другихъ. На болѣе высокихъ ступеняхъ развитія является желаніе поближе стать къ этимъ таинственнымъ внутреннимъ силамъ, которыя создаютъ и поддерживаютъ тѣло почти безъ всякаго участія и контроля бодрствующаго разума. Мысль о возможности эти внутреннія силы привлечь на службу себѣ составляетъ безъ сомнѣнія основу многихъ формъ мистики; даже и экстазъ, сущность котораго весьма трудно опредѣлить, представляетъ безъ сомнѣнія въ своихъ дѣйствіяхъ проявленіе „безсознательнаго“ въ человѣкѣ, подъ вліяніемъ котораго, повидимому, а можетъ быть, и въ дѣйствительности, онъ можетъ производить дѣйствія, невозможныя для него въ другое время. Въ этомъ смыслѣ мистицизмъ надо признать частью или зародышемъ религіи въ той отрасли ея, которая безсознательной стороны существа человѣка.

Наблюденія надъ сновидѣніями приводятъ прямой дорогой къ древнѣйшимъ и важнѣйшимъ проявленіямъ мистики — гаданіямъ и пророчествамъ. Желаніе заглянуть вдаль и въ будущее, чтобы поступать сообразно съ узнаннымъ, настолько естественно и часто настолько жгуче, что оно само собой влечетъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ, дающимъ надежду проникнуть въ тайну далекаго будущаго; даже и въ культурномъ человѣкѣ нашего времени можно наблюдать подобное настроеніе: полный ожиданія, онъ считаетъ пуговицы своего костюма, лепестки цвѣтка, обращаетъ вниманіе на то, что попадается ему навстрѣчу, прислушивается къ тому, что слышно, короче сказать, самъ на половину обманываетъ себя, мечтая такимъ образомъ угадать будущее и въ то же время не вѣритъ въ то, что онъ продѣлываетъ. Вся эта забава служитъ только къ тому, чтобы дать выходъ душевному безпокойству; это своего рода отвлекающая реакція, ослабляющая муки напряженнаго ожиданія. Тамъ, гдѣ подобныя отвлекающія манипуляціи входятъ въ обычай, возникаютъ опредѣленные способы и методы гаданія, которые, стоя на почвѣ старинныхъ обычаевъ, пользуются гораздо большимъ довѣріемъ, чѣмъ разныя случайно импровизованныя выдумки.

Въ дѣйствительности всѣ способы отгадывать будущее распадаются на двѣ группы — механическую и духовную; изъ нихъ только вторая находится въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ къ мистикѣ. Механическая группа, которую мы ради краткости назовемъ просто ворожбой, охватываетъ собою всякіе выводы и заключенія изъ случайныхъ и преднамѣренно вызванныхъ явленій, каковы напримѣръ, полеты и крики птицъ, разсматриваніе внутренностей, метаніе костей, отвѣты оракула (см. изобр. на 610 страницѣ) и тому подобное. Духовная группа обращается къ прямому созерцанію будущаго при помощи особаго подъема

или раскладываетъ карты, то, повидимому, здѣсь вопросъ о будущемъ рѣ шается чисто механической процедурой; но при этомъ обыкновенно пред полагается заранѣе, что такой опытъ можетъ удасться только опредѣлен пому лицу, иначе сказать, — здѣсь и костями, и картами распоряжается пророческій духъ гадателя и притомъ какимъ-то особеннымъ спосо бомъ, недоступнымъ для разума. Этимъ и объясняется, что и ворожбо обыкновенно занимаются особые спеціалисты. Второе основаніе для этого заключается въ томъ, что не всякій способенъ, не всякій понимаетъ рас положеніе картъ и комбинацій выпавшихъ костей, для объясненія кото рыхъ часто создаются весьма запутанныя системы. Кромѣ того, и самы даръ пророчества исходитъ изъ разныхъ источниковъ: у однихъ путем подъема личныхъ своихъ духовныхъ сил является возможность провидѣть будущее другіе получаютъ этотъ даръ отъ духовъ Иногда же одно лицо пользуется обоим этими источниками.

Фигура оракула съ зап. Явы. Этнографическій музей въ Берлинѣ. См. текстъ, стр. 609.

Одна уже простая ворожба, съ ея без численными разновидностями представляет собою тему, разработка которой могла бы занять цѣлый томъ; для цѣлей ворожбы мо жетъ служить что угодно и выборъ тѣх или иныхъ методовъ гаданія у какого ни будь народа часто зависитъ только отъ слу чая. Вообще-же нѣкоторые способы встрѣ чаются весьма часто и въ самыхъ различ ныхъ мѣстностяхъ земного шара. У клас сическихъ народовъ было въ большомъ ходу гаданіе по внутренностямъ принесен ныхъ въ жертву животныхъ. По ихъ состо янію и расположенію дѣлали выводы отно сительно будущаго; особенно часто прибѣ гали къ этому способу гаданія для рѣшенія сложныхъ и обильныхъ разнообразными по слѣдствіями вопросовъ о войнѣ; тотъ-ж самый способъ ворожбы былъ очень хорош извѣстенъ древнимъ, культурнымъ народам Америки, мексиканцамъ и перуанцамъ. Весь ма распространенъ этотъ способъ ворожбы на Борнео у дайяковъ, причемъ у убито свиньи подвергается изслѣдованію сердце измѣряется длина животнаго до и послѣ убоя и на основаніи этого пыта ются разгадать будущее.

О ворожбѣ по внутренностямъ у дайяковъ Гозе сообщаетъ слѣдую щія подробности: „Когда дайяки находятъ нужнымъ вопросить боговъ наступитъ-ли то или другое важное событіе, или нѣтъ, или собираются произвести раздѣлъ, приносятъ свинью со связанными ногами и началь никъ держитъ рѣчь къ ней, очень вѣжливо именуя ее „балли-боинъ“ (оду хотворенная свинья). Онъ беретъ потомъ немного горячей золы и обно ситъ ее почти вплоть около лежащаго животнаго, не притрагиваясь однак золой къ ея тѣлу. Затѣмъ онъ заклинаетъ свинью сказать всю правду о томъ какъ нужно поступить, какіе шаги слѣдуетъ сдѣлать и какихъ н дѣлать въ такихъ или иныхъ обстоятельствахъ. Затѣмъ свинью убиваютъ

судами [1], изучаютъ ихъ взаимное расположеніе; если какимъ-бы то ни было образомъ желчный пузырь прикрываетъ печень — то это служитъ неблагопріятнымъ признакомъ. Если печень вполнѣ нормальна—ожидаютъ благопріятнаго результата, и такую свинью можно употреблять въ пищу. Также извѣстна ворожба по внутренностямъ у народовъ сѣверо-восточной Африки, галасовъ и ихъ сосѣдей. Къ гаданіямъ по внутренностямъ близко стоитъ способъ ворожбы по трещинамъ на сожженной лопаточной кости барана, который практикуютъ сибирскіе шаманы [2], а также по трещинамъ на черепѣ сожженной въ огнѣ черепахи, существовавшій въ древнемъ Китаѣ.

Не меньше если не больше распространено гаданіе по дѣйствіямъ животныхъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ птицамъ. У грековъ и римлянъ съ особенной тщательностью слѣдили за полетомъ птицъ, у дайяковъ — обращаютъ главнымъ образомъ вниманіе на голоса птицъ, ожидая отъ нихъ счастливыхъ предзнаменованій или предостереженій. Дайяки пользуются для этихъ цѣлей не всякими, а только нѣкоторыми птицами, но перечень ихъ настолько обширенъ и представляетъ собою такую замысловатую систему, что ее могутъ примѣнять какъ слѣдуетъ только старые и опытные люди. Напримѣръ, чтобы получить благопріятное предсказаніе для разработки новаго поля или для постройки дома, нужно прослушать голоса цѣлаго ряда птицъ и при томъ слышать ихъ съ извѣстной опредѣленной стороны. На это уходитъ иногда нѣсколько сутокъ, такъ какъ тутъ временами слышатся неблагопріятныя предсказанія, уничтожающія значеніе благопріятныхъ, и часто приходится начинать ворожбу сызнова. При этомъ теряется много времени, что при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ повести къ печальнымъ послѣдствіямъ. Если дайякъ на пути къ своей плантаціи получитъ неблагопріятное предвѣщаніе — онъ не мѣшкая возвращался домой, не взирая на то, если это случится въ самое горячее рабочее время и ему, въ ожиданіи благопріятнаго знаменія, придется возвращаться домой нѣсколько разъ. Нельзя сказать, чтобы не было попытокъ противъ такого, доведеннаго до безсмысленицы, преклоненія передъ вѣщими знаменіями. Употребляютъ всякія средства для устраненія предрекаемаго бѣдствія и обезпеченія возможности продолжать свое дѣло. При постройкѣ домовъ отъ этихъ затрудненій отдѣлываются весьма простымъ способомъ: за работой поднимается непрерывный шумъ, крикъ и гамъ, заглушающій голоса птицъ и такимъ образомъ избавляются и отъ худыхъ, и отъ добрыхъ знаменій.

Въ правдивости оракула однако же не сомнѣвается никто, что весьма хорошо выразилъ Перамъ въ ниже цитируемыхъ нами словахъ, которыя

---

[1] Разумѣется, расположеніе кровеносныхъ сосудовъ имѣетъ не случайный характеръ, и въ общемъ картина сосудистой системы за исключеніемъ нѣкоторыхъ аномалій всегда одна и та же у данной породы животныхъ. Здѣсь очевидно рѣчь идетъ о томъ случаѣ, когда кровеносные сосуды печени переполнены и на наружныхъ покровахъ печени рѣзко выступаетъ сѣтка сосудовъ и ихъ развѣтвленій. *Ред.*

[2] Для гаданія употребляется не всякая лопаточная кость, а только баранья. На этотъ предметъ существуетъ своя легенда: одинъ шаманъ, отправляясь на практику къ больному заночевалъ въ полѣ. Утромъ вставши шаманъ сталъ искать свою священную книгу; но оказалось, что ее съѣли бараны. Съ тѣхъ поръ у шамановъ пропали книги; но зато теперь только стоитъ взять баранью лопатку бросить въ огонь и на ней по трещинамъ знающій человѣкъ сумѣетъ указать будущее. У сибирскихъ шамановъ этотъ способъ ворожбы примѣняютъ главнымъ образомъ шаманы бурятскіе. Здѣсь не нужно жертвеннаго животнаго, всякая баранья лопатка годится для этого. Гаданіе по лопаткѣ особая спеціальность, — можно быть хорошимъ шаманомъ и не умѣть пользоваться лопаткой. О гаданіи по лопаткѣ существуетъ своего рода литература съ пояснительными чертежами. На лопаткахъ любятъ писать монголы будисты свои молитвы и заклинатель-

вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ возможность получить нѣкоторое представленіе о „мышленіи“ первобытнаго и всякаго малокультурнаго человѣка вообще. Соблюденіе всей этой запутанной системы правилъ относительно предсказаній считается необходимымъ условіемъ успѣха: вамъ наскажутъ цѣлую кучу исторій, въ которыхъ пренебреженіе къ предсказаніямъ вело за собой несчастія, болѣзни и смерть. Вы можете сколько угодно приводить доводовъ „отъ здраваго разума“, а они все-таки будутъ ссылаться на примѣры, видѣнные ими лично, гдѣ предсказанія оправдывались, и это будетъ для нихъ самымъ неопровержимымъ доказательствомъ правильности ихъ вѣрованій. Для нихъ случайное совпаденіе имѣетъ гораздо больше вѣса нежели чѣмъ самое строгое недопускающее возраженій доказательство. Врядъ ли нужно говорить, что и выборъ примѣровъ для доказательства, всегда проникнутъ крайнею односторонностью. Всѣ случаѣ, гдѣ результатъ оправ-

Священный быкъ въ Бенаресѣ, Индія. По фотографіи.

дывалъ предсказаніе, запоминаются твердо, тѣ-же, гдѣ оно оказывалось ложнымъ, быстро улетучиваются изъ памяти“. Остатки подобнаго способа мышленія живы до сихъ поръ и у культурныхъ народовъ, таково, напримѣръ, отношеніе публики къ нѣкоторымъ предсказаніямъ погоды. Когда извѣстный рядъ воззрѣній проложитъ достаточно глубокія колеи въ сознаніи людей, они держатся долго въ употребленіи и всякія иныя соображенія игнорируются или просматриваются на лету.

Тамъ гдѣ при храмахъ содержатся священныя животныя и вмѣстѣ съ ними священно-недужные (см. рис. на этой страницѣ); изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы такіе больные дѣйствительно хворали; они могутъ считаться больными только въ томъ смыслѣ, что по мнѣнію народа отъ состоянія ихъ здоровья зависятъ благополучіе и невзгоды страны. Особый способъ гаданія существуетъ у китайцевъ: на шахматную доску насыпаютъ зерна риса и даютъ клевать ихъ курицѣ, — предсказанія зависятъ отъ того съ какого поля доски клюнула курица въ первый разъ. У Юанда во внутреннемъ Камерунѣ, для ворожбы пользуются земляными пауками.

живетъ земляной паукъ. Въ случаѣ, если хозяинъ избушки или кто нибудь изъ близкихъ къ нему собираются въ дорогу, то на ночь прикрываютъ ямку пизанговыми листьями. Если окажется потомъ, что всѣ бамбуковыя пластинки въ порядкѣ, то все будетъ хорошо, если же какая нибудь палочка сдвинулась съ мѣста, то въ дорогѣ грозитъ несчастіе, и путешествіе откладывается".

Другая группа методовъ ворожбы состоитъ въ томъ, что самъ заинтересованный въ предсказаніи производитъ какія нибудь дѣйствія. У ніамъ-ніамъ есть способъ ворожбы, называемый борру; онъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ съ мокрымъ коломъ въ рукахъ пробуетъ передвигаться туда и сюда, сидя на маленькой деревянной скамеечкѣ. Если эта процедура дается ему легко—это служитъ ему благопріятнымъ предсказаніемъ. Замѣчательно, что Ніамъ-Ніамъ—по сообщеніямъ Швейнфурта — называли и мухамеданскія богомоленія борру, то есть приписали практическое значеніе непонятному для нихъ способу почитанія божества. Очень часто при гаданіяхъ употребляются игральныя кости; но весьма многіе думаютъ, что не всякій можетъ по игральнымъ костямъ предсказывать будущее, потому что для этого необходимо обладать особыми дарованіями, которыя, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можно пріобрѣсти при употребленіи особаго рода снадобій и пріемовъ. Это мы встрѣчаемъ въ южной Африкѣ у баррога, которые выработали особую, весьма сложную систему гаданія по игральнымъ костямъ. Одну партію такихъ костей, состоявшую изъ 27 штукъ, изслѣдовалъ Жюпо. Семь такихъ изъ нихъ бараньихъ, отъ животныхъ разныхъ половъ и возрастовъ обозначали различныхъ членовъ семейства, другія изображали предковъ семьи, третьи преступниковъ, путешествующихъ. Еще одна серія обозначала не столько лицъ, сколько вещи и явленія, какъ напримѣръ вооруженіе, ночь, міръ, дурныя извѣстія, деньги. Существуютъ извѣстныя правила, какъ надобно бросать и объяснять кости, при этомъ въ особенности наблюдаютъ за тѣмъ, какія кости легли на нижнюю или на верхнюю сторону; несмотря на все это фантазіи толкователя остается еще достаточо простора.

Здѣсь мы уже видимъ попытки объяснить будущее, тогда какъ, при механической ворожбѣ, ожидается главнымъ образомъ отвѣтъ на опредѣленно поставленный вопросъ; многіе способы ворожбы и не имѣютъ цѣлью узнавать будущее, но раскрывать неизвѣстное, напр. назвать вора, колдуна. Пророчество въ ближайшемъ смыслѣ этого слова, стремится сообщить человѣку сверхъестественную силу или способность созерцать далекое и невѣдомое. Однако же и здѣсь, какъ повсюду на первыхъ ступеняхъ развитія религіи, примѣшиваются манистическія представленія и невообразимо затемняютъ повидимому столь ясную картину. Способностью созерцать отдаленное и грядущее, до которой различными способами доходитъ живой человѣкъ, покойники, освобожденные отъ ихъ тѣла, какъ полагаютъ, владѣютъ и безъ того. Стало быть, все дѣло заключается въ томъ, чтобы вступить въ сношенія съ ними и добиться отъ нихъ отвѣта. Это происходитъ различными способами: иногда жрецъ или колдунъ, придя въ восторженное состояніе, вступаетъ въ сношенія съ умершими и потомъ разсказываетъ о томъ, что онъ видѣлъ и испыталъ; въ другихъ случаяхъ духъ временно завладѣваетъ своимъ тѣломъ и говоритъ съ людьми самъ, наконецъ духъ даетъ знать о своемъ присутствіи какими либо звуками и является во плоти среди свидѣтелей. Эти методы, разумѣется, не рѣзко разграничены между собой и связаны переходными формами. Часто примѣняются одновременно нѣсколько способовъ.

Крайне многочисленны и разнообразны всѣ средства для приведенія

бужденное наркотическими средствами преходящее повышенное настроеніе считается чѣмъ то волшебнымъ, результатомъ дѣйствія сверхъестественныхъ силъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что всѣ наркотизирующія и охмѣляющія вещества окружены своего рода мистическимъ ореоломъ и употребляютъ ихъ не иначе какъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей. Прекрасные примѣры подобнаго отношенія представляютъ священный напитокъ Сомы у арійцевъ древней Индіи, культъ котораго отправлялся особыми жрецами, кава въ Полинезіи и Меланезіи и табакъ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Наркотическія и ядовитыя вещества служатъ повсюду у первобытныхъ народовъ однимъ изъ орудій мистицизма, даже и въ Европѣ, какъ это доказываютъ печальной памяти процессы вѣдьмъ, которые и могли возникнуть только благодаря широко распространенной вѣрѣ въ колдовство. Бѣлена (Giosciamis nigra) была любимымъ средствомъ наркотическаго отравленія нѣмецкихъ вѣдьмъ, — повидимому, наркозъ бѣлены создавалъ и иллюзію полета по воздуху.

И безъ наркотическихъ пособій можно вызвать особаго рода опьяненіе или экстазъ. Безпорядочный шумъ, громкая музыка, бѣшеные танцы служили въ оргіастическихъ культахъ Греціи средствомъ доводить себя до изступленія. Разнузданный экстазъ въ нѣкоторыхъ культахъ вырождался въ кровожадное бѣшенство: въ культѣ каппадокійской Беллоны жрецы ея терзали самихъ себя и, придя въ восторженное состояніе, начинали пророчествовать. Созерцаніе окровавленной жертвы въ предсмертныхъ мученіяхъ практиковалось съ преднамѣренною цѣлью возбудить экстазъ, а также и дикія необузданныя проявленія полового разврата; часто съ тою-же цѣлью употребляются совмѣстно или послѣдовательно другія средства. Рядомъ съ бѣснованіемъ и оглушающей музыкой въ качествѣ средствъ для возбужденія экстаза мы встрѣчаемъ монотонное пѣніе, ритмическіе, повторяющіеся безъ конца звуки барабана, пристальное разсматриваніе блестящихъ предметовъ. Это врочемъ уже не экстазъ, а скорѣе гипнотическое, полусознательное состояніе, гдѣ директивы бодрствующаго разума теряютъ свою силу и на мѣсто ихъ выступаютъ темные инстинкты органической жизни. При такихъ состояніяхъ обыкновенно вызываются видѣнія, гораздо болѣе яркія и жизнеподобныя, чѣмъ блѣдныя картины сновидѣній.

Часто бываетъ, что подобныя состоянія воспроизводятся безъ ясно опредѣленнаго намѣренія, а также, какъ, напримѣръ, иногда культурный человѣкъ, почти нечаянно, незамѣтно для себя, выпьетъ лишнее и охмѣлѣетъ. Параллель эта тѣмъ болѣе точна, что если въ обоихъ случаяхъ далеко перейдутъ черезъ границы умѣреннаго пользованія удовольствіемъ, — то въ послѣднемъ случаѣ разовьется алкоголизмъ, переходящій въ бѣлую горячку и оканчивается смертью, а въ первомъ полная психическая расшатанность и также преждевременная смерть. Гдѣ не только жрецы и колдуны, но и цѣлыя тайныя общества пріобрѣтаютъ привычку къ экстатическимъ ощущеніямъ, тамъ нерѣдко цѣлыя племена впадаютъ въ болѣзненное состояніе отъ чрезмѣрной раздражительности нервовъ, пока наконецъ экстатическіе припадки и галлюцинаціи не начнутъ появляться непроизвольно, ежедневно мучить людей и эти явленія, благодаря загадочной заразительности ненормальныхъ психическихъ проявленій, быстро распространяются на другія племена. Должно быть, голландскіе путешественники эпохи географическихъ открытій, на берегахъ Бразиліи встрѣтились съ такими нервно разстроенными племенами, которыхъ „мучили черти“. Часто экстазъ выражается въ томъ, что въ субъекта вселяется какой-то посторонній духъ, который заставляетъ за себя гово-

нахъ, довольно большую роль, при чемъ капуцинскіе монахи пріобрѣли большую популярность въ качествѣ искусныхъ изгонятелей бѣсовъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда духъ заявляетъ о себѣ, чрезъ находящагося въ экстазѣ посредника, докладчикъ не играетъ въ глазахъ вѣрующихъ почти никакой роли и самъ духъ выступаетъ на первый планъ и становится средоточіемъ нѣкоего культа, который можетъ довольно долго держаться въ данной мѣстности или же исчезаетъ безъ остатка. Въ этихъ явленіяхъ лежитъ весьма важный, но трудно поддающійся источникъ многихъ культовъ. Поэтому всякій такой случай, гдѣ происхожденіе развитіе и теченіе подобнаго явленія можно съ достаточной точностью прослѣдить, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. У маори, какъ сообщаетъ Бестъ, духи мертворожденныхъ дѣтей считаются крайне опасными и злобными. Если напримѣръ похоронить такого младенца около клѣтки, въ которой сидитъ ручной попугай, то духъ младенца переселяется въ птицу и заставляетъ ее выдѣлывать разныя гадости и причинять безпокойство людямъ. Былъ тамъ такой случай, когда душа мертворожденнаго вселилась въ ящерицу и нѣкто Угіа сталъ посредникомъ, черезъ котораго душа младенца говорила со своими соплеменниками. Изъ этой дѣтской души, послѣ того какъ она цѣлымъ рядомъ удачныхъ предсказаній заставила увѣровать въ себя, образовался богъ войны и людоѣдъ, который постоянно побуждалъ своихъ соплеменниковъ къ войнамъ и разбойничьимъ набѣгамъ. Обыкновенно Угіа или говорившій въ немъ духъ передъ выступленіемъ на бой, выпаливалъ какое нибудь таинственное изрѣченіе, которое имѣло нѣкоторую связь съ мѣстомъ побоища или какими нибудь предыдущими происшествіями и, когда всѣ были уже готовы, начиналъ сраженіе. Всѣ воины считались безусловными табу, такъ какъ полагалось, что въ нихъ живетъ духъ бога войны; это табу считалось настолько опаснымъ, что оно, тотчасъ по возвращеніи воиновъ домой, при помощи приспособленныхъ къ этому средствъ, немедленно снималось съ нихъ. Такимъ образомъ около Угіо и его духа возникъ настоящій военно-мистическій культъ, приверженцы котораго ежегодно приводили въ смятеніе какую нибудь область Новой Зеландіи. Послѣ смерти Угіо нашлись другіе посредники между духомъ и племенемъ, но мало по малу духъ сталъ терять свою силу и наконецъ ушелъ прочь отъ своего народа.

Образцы духовъ первобытныхъ народовъ заставляютъ невольно вспоминать о спиритизмѣ новѣйшаго времени. Въ Китаѣ мы видимъ поразительную параллель развитію европейскаго спиритизма, — и тамъ, во всѣхъ классахъ общества, совѣтуются съ пишущими и говорящими духами. Все это мимоходомъ указываетъ на то, съ какой осторожностью нужно пользоваться въ такихъ вещахъ терминомъ религія: то, что у насъ называется спиритизмомъ настолько-же трудно признать религіей, какъ и соотвѣтствующія явленія въ жизни первобытныхъ народовъ, наоборотъ, въ лучшемъ случаѣ все это можно назвать только зародышемъ или предварительной ступенью религіи.

Къ подобному-же выводу придемъ, обратившись къ другимъ громаднымъ отдѣламъ мистицизма — вѣрѣ въ волшебство и магію. Выраженіе — „вѣра въ волшебство и магію“ выбрано нами не случайно, — потому что повидимому и на самомъ дѣлѣ боязнь быть околдованнымъ появилась раньше, нежели выработались пріемы активнаго колдовства. Активнымъ колдовствомъ можно назвать всякія попытки посредствомъ мистическаго дѣйствія на разстояніи вредить или оказывать вліяніе на людей или заворожить силы природы и не дать имъ возможности оказывать пассивную защиту противъ враждебно дѣйствующихъ силъ. Повидимому, какъ было уже сказано, первоначально неопредѣленный страхъ передъ привидѣніями

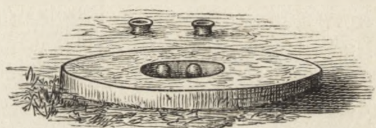
Весьма занимательную картину развитія представляетъ въ маломъ видѣ ворожба о погодѣ. У первобытныхъ земледѣльцевъ весьма естественно должно было являться желаніе отклонить грозящую непогоду, вызвать дождь или разсѣять слишкомъ щедрыя дождевыя тучи, все это и вело за собой, малоосмысленное, но очевидно вызванное необходимостью энергичное противодѣйствіе. Средства обороны обыкновенно самыя простыя и самыя примитивныя и между ними первое мѣсто занимаютъ угрозы и попытки прогнать грозу: звѣря или человѣка прогоняютъ криками и угрозами, а потому и враждебную силу, напускающую непогоду, можно застращать и прогнать тѣми-же средствами. Въ Бразиліи грозу пугаютъ колючимъ прутомъ, южные славяне въ градовую тучу стрѣляютъ изъ ружья или выносятъ серпы, косы и другія рѣжущіе инструменты, чтобы на нихъ напоролись вѣдьмы. Часто для устрашенія грозы и удаленія ея употребляютъ особыя волшебныя опахала. Въ Лоанго король при невыносимомъ грохотѣ своего оркестра пускалъ въ облака стрѣлу. У Евге, на невольничьемъ берегу въ Африкѣ, прогонять грозу считается спеціальной обязанностью членовъ ордена Агбуи.

Нѣсколько основательнѣе приступаютъ къ дѣлу тамъ, гдѣ прежде всего стараются разузнать причины появленія ливней и бездождія, чтобы потомъ найти средство противъ нихъ. Эти попытки служатъ весьма интереснымъ свидѣтельствомъ того, насколько коротка цѣпь логическихъ построеній первобытнаго человѣка и въ какой невылазной трущобѣ всякой путаницы и смуты вращаются первыя дѣтскія попытки научнаго мышленія. Преобладаніемъ пользуются анимистическія объясненія,— нѣкое сверхъестественное существо насылаетъ непогоду и дождь, значитъ оно сердится и надобно его умиротворить. За что-же оно обозлилось до такой степени, что перепутало весь порядокъ перемѣнъ погоды и насылаетъ въ необычное время то засуху, то ливни? Конечно за-то, что происходятъ безпорядки, въ которыхъ виноваты люди, за пренебреженіе къ стариннымъ обычаямъ и преданіямъ, за продерзостныя новшества или за нерадѣніе. Въ особенности тамъ, гдѣ есть „мастеръ, дѣлающій погоду“ все его искусство прежде всего заключается въ отыскиваніи разныхъ объясненій, подобныхъ предыдущимъ.

При всѣхъ серьезныхъ опасностяхъ и несчастныхъ случаяхъ, начинаетъ выступать на первый планъ великая консервативная сила, обвиняющая во всѣхъ роковыхъ событіяхъ нововведенія, нарушившія обычный благодушный ходъ жизни какой-нибудь группы людей. Великія перевороты въ обществѣ всегда вызываютъ извѣстное обратное умственное теченіе и всегда связаны съ поворотомъ назадъ, иногда въ хорошемъ, иногда въ худомъ смыслѣ. Старая грубость, простота, безпритязательность и благочестіе снова пріобрѣтаютъ власть надъ людьми. Въ мелко-комической, но поэтому и весьма ясной формѣ проявляются эти поиски повсюду „за грѣхами“ при неблагопріятныхъ перемѣнахъ погоды. Когда, въ первыхъ мѣсяцахъ 1881 года, въ Аляскѣ свирѣпствовали безпрерывныя бури, по сообщеніямъ Краузе, у тлинкитовъ появилось сразу не менѣе семи объясненій неблагопріятныхъ явленій. Среди нихъ указывалось между прочимъ на то, что въ прошломъ году одного умершаго ребенка не сожгли по стародавнему обычаю, а похоронили въ землѣ, упоминалось также, что одна дѣвушка расчесывала свои волосы внѣ дома и что одинъ миссіонеръ внесъ въ домъ лыжи и т. д.

Именно миссіонеровъ и считаютъ чаще всего виновниками дурной погоды. Тлинкиты настолько были убѣждены въ зловредномъ вліяніи христіанскаго погребенія, что они когда послѣ преданія землѣ одного

Также и другіе новые обычаи считаются подозрительными, напр. еще во времена Гильдебранда Вакамба, вмѣсто желѣзныхъ заступовъ при полевыхъ работахъ, пользовались старинными, деревянными, потому что желѣзо отпугиваетъ дождь. Охотнѣе всего въ такихъ случаяхъ ищутъ виноватыхъ,—упорную засуху приписываютъ козням колдуна, разыскиваютъ и убиваютъ его, какъ это было сдѣлано на Флоресѣ, о чемъ сообщаетъ Веберъ. У баттаковъ причину несчастія видятъ въ недозволенномъ половомъ сожитіи между родственниками и разыскиваютъ виновныхъ при помощи своего рода божьяго суда. Въ Китаѣ, гдѣ при древности культуры, сохранились еще многія удивительныя архаическія воззрѣнія, эти дѣтскія идеи о связи между нравственностью и погодой, въ старомъ сборникѣ стихотвореній Шу-кингѣ сведены въ законченную систему: при хорошемъ правленіи господствуетъ ясная погода, гдѣ царитъ почтеніе къ родителямъ и начальникамъ, тамъ всегда дожди идутъ тогда, когда они нужны. Пороки влекутъ за собой постоянные ливни, легкомысліе вызываетъ засуху, лѣность—упорный зной. Не только погода, но и процвѣтаніе всего народа находится въ зависимости отъ добропорядочности всего народа, начальства и главнымъ образомъ императора, и всѣ несчастія народа происходятъ отъ прегрѣшеній правителя.

Аппаратъ для произведенія дождя Усаукума, вост. Африка. По Кильману.

Оставленіе грѣховъ и нововведеній, по существу своему, только пассивные и самые простые способы создавать или замѣнять погоду. Главная же задача, при помощи активныхъ мѣръ привлечь дождь, гораздо затруднительнѣе и рѣшенія ея въ нѣкоторыхъ случаяхъ настолько странны и безтолковы, что среди нихъ только съ большимъ трудомъ можно разыскать связь съ той капелькой логическаго мышленія, которое дало первый толчекъ къ волшебнымъ воздѣйствіямъ на погоду. Когда, по показаніямъ Марно, бари стрѣляютъ кривыми стрѣлами въ небо, мы видимъ весьма понятное желаніе притянуть дождь съ неба на землю. Точно также весьма ясна связь идей, когда въ Кантонѣ, во время засухи, черпаютъ кружками воду изъ драконова колодца и заставляютъ дѣтей „сѣять дождь“ т. е. расплескивать эту воду по полямъ. Также взбалтываніе воды, при чемъ исходятъ звуки, напоминающіе шумъ дождевыхъ капель, очевидно имѣютъ цѣлью этими звуками приманить облака и пріохотить ихъ къ подражанію этимъ звукамъ, то есть вызвать паденіе дождя. Это тоже одинъ изъ любимѣйшихъ элементовъ въ искусствѣ производить дождь и въ немъ можно еще до нѣкоторой степени усмотрѣть нѣкоторый смыслъ. Подобно этому на горѣ Амбонъ, въ Зондскомъ архипелагѣ, стоитъ горшокъ, который во время засухи наливаютъ водой и взбалтываютъ. Въ Босніи съ тою же цѣлью взбалтываютъ въ прудѣ или рѣчкѣ воду лопатой, которой была засыпана могила покойника. Еще въ 1790 году, какъ разсказываетъ Кайноль, мужики, въ одной руссинской деревнѣ, согнали бабъ на рѣку и заставили всѣхъ ихъ купаться, чтобы вызвать дождикъ. Этотъ случай снова возвращаетъ насъ къ тлинкитскимъ шаманамъ, которые во время бездождія бродятъ взадъ впередъ по рѣкѣ пока ихъ волосы не намокнутъ [1]. Монголы не моютъ своихъ грязныхъ одеждъ въ водѣ, вѣря, что послѣ этого непремѣнно будетъ гроза съ бурей. Одинъ изъ любимѣйшихъ обвинительныхъ пунктовъ въ нѣмецкихъ процессахъ вѣдьмъ заключался въ томъ, что вѣдьмы, безпокоя воду, накликаютъ бурю. Это повѣрье объясняетъ,

---

[1] Здѣсь, можетъ быть, кстати вспомнить одно мордовское повѣріе. Во время засухи

почему сосуды съ водой играютъ такую важную роль при ворожбѣ о дождѣ. (См. изобр. на стр. 619.)

Менѣе ясенъ ходъ идей, вызывающихъ употребленіе „дождевыхъ камней“. При этомъ невольно приходятъ на память уже извѣстные намъ „громовыя стрѣлы“, которыя падаютъ съ неба во время грозы и потому имѣютъ нѣкоторую таинственную связь съ атмосферическими явленіями [1]. Многіе африканскіе дождевые камни изъ горнаго хрусталя вошли въ употребленіе при ворожбѣ о погодѣ благодаря своему сходству со льдомъ, который хорошо извѣстенъ племенамъ Африки, обитающимъ вблизи снѣжныхъ горныхъ хребтовъ. Штульманъ, не далеко отъ снѣжной горы Рунсеро, встрѣтилъ туземца, который объяснилъ ему, что дождикъ идетъ отъ этой горы, снѣжные покровы которой представляютъ собою „окаменѣлый дождь“. Тамъ на верху горы есть камни (горный хрусталь), при помощи которыхъ можно дѣлать дождь, и они въ качествѣ драгоцѣнныхъ амулетовъ вывозятся для продажи въ область Вагума. У отдѣльныхъ племенъ есть свои способы производства дождя при помощи такого камня; но самая главная манипуляція почти повсюду заключается въ томъ, что этотъ камень кладутъ въ воду. Для того же, чтобы остановить дождь, колдунъ у вамбунгва накаливаетъ свой камень. Въ Меланезіи и Полинезіи мы также встрѣчаемся съ подобными обычаями. На Самоа при усиленныхъ и продолжительныхъ дождяхъ волшебный камень кладутъ въ огонь, при засухѣ смачиваютъ водою. Точно также поступаютъ баттакскіе колдуны со своими волшебными жезлами.

По свѣдѣніямъ Гастона, у діери въ Австраліи ворожба о дождѣ заключается въ цѣломъ рядѣ весьма простыхъ символическихъ операцій. Строятъ хижину, въ которую входятъ два человѣка и открываютъ себѣ кровь, которая обозначаетъ собою потоки дождя, а разсыпанныя кругомъ мягкія птичья перья — туманъ, сопровождающій дождь. Два камня кладутся гдѣ нибудь по близости на деревѣ, и они изображаютъ собою свернутые въ комки облака, сыплютъ въ воду гипсъ и въ заключеніе всѣ бѣгутъ къ хижинѣ, стукаются въ нее лбами, покуда она не упадетъ, — это символизируетъ паденіе дождя и вызываетъ его.

Было бы полной противоположностью всему тому, что мы успѣли уже узнать, еслибы манистическія идеи оказались совершенно въ сторонѣ отъ ворожбы о погодѣ. И въ дѣйствительности весьма распространено мнѣніе, подтверждаемое соотвѣтствующими дѣйствіями, что умершіе предки дѣлаютъ погоду. По Туркеру, въ Новой Каледоніи съ останками предковъ

---

[1] Повѣріе о грозовыхъ камняхъ, очень сильно распространено въ Монголіи и южной Сибири. Такой камень былъ у Чингисхана и ему онъ обязанъ своей побѣдой надъ однимъ изъ первыхъ сильныхъ противниковъ, ханомъ керантовъ. Чингисханъ передъ битвою напустилъ на противниковъ страшную снѣжную мятель, кераиты смѣшались и были разбиты на голову. Подобные камни особенно распространены у сойотовъ верхняго Енисея. Всякій камень, имѣющій какую либо необычную форму, можетъ сдѣлаться волшебнымъ камнемъ. Сойоты ихъ называютъ Чаа тасъ, такое-же названіе носятъ большіе доисторическіе могильники въ Минусинскомъ округѣ. Въ этихъ камняхъ чудится инородцу нѣчто мистическое, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда на могильникѣ находятся каменныя бабы (истуканы). Многія изъ нихъ, кромѣ общаго вѣрованія въ скрытую таинственную силу этихъ каменныхъ изваяній, пользуются особымъ культомъ ввидѣ жертвоприношеній масломъ, сметаной и т. п. Мы уже упоминали, что нетолько такія произведенія рукъ человѣческихъ, но и вообще камни странной формы пользуются общимъ почтеніемъ. Ихъ всѣ считаютъ за какіе-то особенныя существа, превращенныя въ камни за грѣхи и злодѣянія; но и въ этой формѣ они обладаютъ нѣкоторой таинственной силой. Между водой и камнемъ существуетъ нѣкоторая связь, особенно въ маловодныхъ мѣстностяхъ. Моисей источаетъ воду изъ камня, камни падаютъ съ неба, брошенной съ неба скалой (шаманскій камень) была закупорена дыра, изъ которой била вода, заполнившая все ложе

поступаютъ точно такъ же, какъ съ дождевыми камнями: въ засуху поливаютъ ихъ водою, во время продолжительныхъ ливней—раскладываютъ подъ ними огонь. Вабокдаи въ Восточной Африкѣ изъ волосъ и ногтей умершихъ начальниковъ изготовляютъ порошокъ для дѣланія дождя. Другія африканскія племена для дождя поливаютъ могилы предковъ, выставляютъ на мѣстахъ погребенія пищу и напитки или стараются содержать ихъ въ чистотѣ и опрятности. При всемъ этомъ существуетъ повѣрье, что свистъ, звукъ котораго напоминаетъ звукъ завыванія вѣтра, накликаетъ грозу и бурю; этотъ предразсудокъ твердо укоренился между нашими нѣмецкими моряками. Басуты также умѣютъ насвистывать дождикъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, при ворожбѣ о погодѣ, приносятъ жертвы на могилахъ умершихъ начальниковъ. Я высказалъ въ другомъ мѣстѣ предположеніе, что многочисленные перуанскіе свистящіе инструменты, находимые въ перуанскихъ могилахъ (срв. изображ. на стр. 501), служившіе не только для музыкальныхъ цѣлей, но для храненія воды, клались въ могилу съ покойникомъ, стояли въ связи съ ворожбой о погодѣ. Хотя это положеніе я не считаю вполнѣ доказаннымъ; но оно, въ виду подобныхъ примѣровъ у другихъ народовъ, имѣетъ за собой нѣкоторую вѣроятность.

Различные способы ворожбы о погодѣ очень типичны для простѣйшихъ формъ волшебства вообще. Всюду въ мистикѣ оборонительныя средства появляются ранѣе наступательныхъ. Мистическія оборонительныя средства прежде всего состоятъ въ дѣйствіяхъ и жестахъ, напр., закрываніи лица руками, сжатіи руки въ кулакъ, выставленіи указательнаго пальца, угрожающихъ жестахъ, крестномъ знаменіи и тому подобномъ; но кромѣ этого существуютъ постоянно дѣйствующія оборонительныя средства — амулеты и талисманы. Эти послѣднія являются самыми простѣйшими средствами для угрозы; для нихъ идетъ въ дѣло всякая всячина, — все, что опасно или противно человѣку. Здѣсь въ первую голову идутъ оборонительное и наступательное оружіе животныхъ, зубы, рога, кости, за ними слѣдуютъ шипы и жгучія колючки растеній. Сильно и непріятно пахнущія и обладающія рѣзкимъ вкусомъ вещества, служатъ излюбленными талисманами и прежде всего соль, затѣмъ различные сорта лука и чеснока, которые въ особенности у народовъ классическихъ и германскихъ (напр., черемша Allium victorialis L.) были въ большомъ употребленіи: у южныхъ славянъ чеснокъ и теперь служитъ лучшимъ средствомъ для изгнанія вѣдьмъ; у сомали лучшее средство противъ злыхъ духовъ Assa foetida, у арабовъ — квасцы. Еще болѣе дѣйствительными считаются настоящіе яды, которые и безъ того часто трудно отличить отъ волшебныхъ снадобій. У обитателей Замбези, по свидѣтельству Серпа Пинтосъ, яды и волшебныя средства признаются за одно и то же. Кто собираетъ коллекціи африканскихъ амулетовъ, встрѣтитъ среди нихъ большое количество маленькихъ рожковъ или тыквенныхъ бутылочекъ съ ядами и волшебными травами; попадутся между ними также и сосудики съ зубами ядовитыхъ змѣй.

Утварь для возникновенія дождя путемъ волхвованія, въ Уссумао, вост. Африка.

Кромѣ естественныхъ амулетовъ есть и искусственные. Особую группу среди нихъ представляютъ воспроизведенія помянутыхъ выше оборонительныхъ жестовъ, которыя желаютъ закрѣпить въ этихъ изображеніяхъ для того, чтобы обратить ихъ изъ временныхъ въ постоянные. Поднятая

ванныхъ изображеній его можно встрѣтить почти что на каждомъ домѣ мусульманина; эта рука, сдѣланная изъ металла, служитъ часто украшеніемъ женскаго костюма. Тотъ же символъ встрѣчается въ сѣверной Азіи (см. изобр. на этой стр.). Рука съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ служитъ талисманомъ въ южной Италіи. Очень распространены амулеты, изображающіе въ безстыдной формѣ выраженіе презрѣнія, и фаллосъ въ этомъ значеніи игралъ большую роль у классическихъ народовъ. Впрочемъ, какъ это обстоятельно выяснилъ Вилькенъ, и въ настоящее время на Малайскомъ архипелагѣ фаллосъ примѣняется для тѣхъ же цѣлей, а также и соотвѣтствующій символъ другого пола. Вышеописаннымъ сродни амулеты зеркальные, въ которыхъ отражается изображенія снующихъ повсюду демоновъ: увидавъ свой отвратительный образъ въ зеркалѣ, демонъ со страху поспѣшно убѣгаетъ прочь.

Амулетъ гальдовъ, Сибирь. По Якобсону.

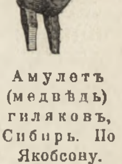
Нѣкоторыя другія логическія построенія также повторяются у различныхъ народовъ. Къ числу такихъ принадлежитъ мысль о томъ, что желѣзные предметы защищаютъ людей противъ злыхъ духовъ, потому что желѣзо вещь новая, которая не понутру, старымъ демонамъ, и они тщательно избѣгаютъ его. Въ противоположность этому древнее каменное оружіе и инструменты часто служатъ амулетами, но уже по другимъ соображеніямъ. Эти предметы считаются громовыми молотами и стрѣлами и поэтому могутъ служить обороной противъ злыхъ духовъ. Другіе амулеты должны служить для умиротворенія злыхъ духовъ или укрощенія ихъ завистливыхъ поползновеній. Съ этой цѣлью самого себя или свой скотъ увѣшиваютъ ничего нестоящими, дрянными вещами, лохмотьями, лоскутками кожи и тому подобнымъ. Къ этому пріему весьма часто прибѣгаютъ арабы. Рядомъ имѣется иной рядъ логическихъ соображеній, приводящихъ на практикѣ къ противоположному способу дѣйствій. Въ Индіи, напримѣръ, дѣтей окружаютъ ароматическими цвѣтами, колокольчиками, увѣшиваютъ бусами и другими украшеніями для защиты отъ злыхъ духовъ. Злые духи и демоны при этомъ должны приходить въ благодушное настроеніе: имъ должны нравиться и благоухающіе цвѣты, и позвякиванье колокольчиковъ, вслѣдствіе чего они отказываются отъ своихъ злостныхъ намѣреній.

Очень многіе амулеты не имѣютъ спеціальнаго назначенія отклонять какую-нибудь опредѣленную грозящую опасность или какое-нибудь волшебство, но направлены вообще противъ какихъ-нибудь зловредныхъ вліяній и прежде всего противъ „худого глаза“, котораго сильно боятся южно-европейскіе народы. Сами по себѣ совершенно безобидные люди могутъ обладать этимъ роковымъ даромъ и волей неволей своимъ взглядомъ причинять зло. Это удивительное повѣрье, вѣроятно, отчасти возникло отъ того, что взглядъ нѣкоторыхъ людей производитъ жуткое, до нѣкоторой степени гипнотизирующее впечатлѣніе.

Между пассивнымъ и активнымъ волшебствомъ разница не велика и этимъ объясняется преобладающее вліяніе въ этой области манистическихъ идей. Вѣрятъ также, что во многихъ амулетахъ находится охраняющій духъ, который и представляетъ собою дѣйствующую силу. Съ другой стороны нѣтъ недостатка въ простѣйшихъ орудіяхъ колдовства, гдѣ не признается никакого участія духовъ; руководясь крайне незамысловатой логикой, люди стремятся въ этихъ случаяхъ къ непосредственному дѣйствію мистическихъ силъ. Уже было упомянуто о томъ, что здѣсь нѣтъ еще строгаго раздѣленія между естественнымъ и сверхъестественнымъ и ядовитое

потому что между суевѣріемъ, заблужденіемъ и логическимъ выводомъ, на первоначальныхъ стадіяхъ культуры, нѣтъ рѣзкаго различія, въ этомъ смѣшеніи различныхъ вещей нерѣдко грѣшны и мы, культурные люди, привыкшіе къ логическимъ операціямъ, а о первобытныхъ народахъ и говорить нечего.

Цѣлый рядъ магическихъ операцій имѣетъ явную цѣль сконцентрировать силу воли человѣка, при помощи чего извѣстное чувство пріобрѣтаетъ силу дѣйствовать на разстояніи. Желаніе здѣсь является отцомъ мысли: конечно, многіе злобные и мстительные люди, не имѣя возможности отомстить недоступному врагу, изливаютъ свою злобу на какой нибудь безобидный предметъ или на ни въ чемъ неповинное существо пока такому человѣку не придетъ на мысль, нельзя ли насолить своему врагу при помощи таинственнаго мистическаго воздѣйствія. Такимъ образомъ и здѣсь удрученное состояніе духа, вызывая противодѣйствіе, даетъ начало обычаю, который выполняется самыми разнообразными способами. Иногда для этой цѣли пользуются изображеніемъ даннаго субъекта, дѣлаютъ куклу, торжественно нарекаютъ ей имя преслѣдуемаго, чтобы черезъ посредство ея нанести вредъ или приворожить къ себѣ, вызвавъ любовную страсть. Въ другихъ случаяхъ пользуются вещами, которыя имѣли связь съ даннымъ субъектомъ, ношеннымъ платьемъ, волосами, ногтями, остатками недоѣденной пищи и т. д. [1] и при помощи ихъ выдѣлываютъ свои фокусы съ ними. Очень часто прибѣгаютъ къ завязыванію волшебныхъ узловъ, смыслъ которыхъ также весьма ясенъ.

Амулетъ (медвѣдь) гиляковъ, Сибирь. По Якобсону.

По другому способу воля воплощается въ письмѣ и словѣ: намъ кажется, что торжественно заявленное или записанное желаніе, оставляетъ въ насъ болѣе сильное ощущеніе, нежели въ томъ случаѣ, когда мы хранимъ его только въ своихъ мысляхъ, и намъ думается, что въ первомъ случаѣ оно становится ближе къ исполненію. Изъ этого повѣрья возникаютъ волшебныя изреченія, гимны, формулы проклятій и благословеній, а также амулеты съ надписями. Само письмо и безъ того развивается при сильной примѣси мистическихъ идей и сохраняетъ долго свой, отчасти священный, отчасти враждебный характеръ. Также и нѣкоторые знаки и символы, источникомъ которыхъ является фигурное письмо, съ непреоборимой косностью признаютъ за амулеты. Христіанскій крестъ у мусульманъ сѣверной Африки въ качествѣ охраннаго знака татуируется на лбу; во внутренней Африкѣ онъ весьма далеко проникъ въ качествѣ „фетиша". Гораздо старые креста загадочная свастика, крестъ съ крюками, которая вѣроятно символизировала различныя вещи, главнѣйшимъ же образомъ оно напоминаетъ огнедобывающее сверло, какъ символъ огня, а отсюда солнца и грозы. Подобные, иногда очень красиво скомпонованныя винтообразные орнаменты встрѣчаются въ Восточной Азіи (см. изобр. стр. 623). Хорошимъ примѣромъ пригодности для мистическихъ цѣлей могутъ служить руны сѣверныхъ народовъ, образовавшіяся изъ латинскаго алфавита но не столько для письма, сколько для цѣлей колдовства. Эдда весьма ясно выражаетъ это въ пѣснѣ Зигрдрифумала:

Если хочешь ты побѣды,
Долженъ знать побѣды руны,
Ихъ чертить на рукояткѣ,
На бороздкѣ твердой стали,
По которой кровь стекаетъ,
На концѣ меча блестящемъ.

И какъ будешь это дѣлать
Ты скажи два раза — Тиръ.
Коль отъ волнъ спасти ты хочешь
Быстролетныхъ коней моря,
Что плывутъ подъ парусами:
Ты на веслахъ выжги руны

На рулѣ, на стернѣ вырѣжь,
Пусть тогда прибой бушуетъ
Черный валъ возстанетъ въ морѣ.
Весь покрытый бѣлой пѣной —
Ты, на зло грозѣ и бурѣ,
Живъ и здравъ вернешься съ моря.

Этимъ простымъ пріемамъ колдовства противополагаются другіе болѣе замысловатые, гдѣ дѣйствующими силами являются духи и демоны; здѣсь заклинанія, куренія и тому подобное служитъ только къ тому, чтобы вызвать духовъ или чертей. Здѣсь мы вступаемъ въ мрачную область „черной магіи“, — мрачную прежде всего потому, что вмѣстѣ съ вѣрою въ вѣдьмъ и звѣрской борьбой противъ колдовства, немного столѣтій тому назадъ, она дала свой послѣдній отпрыскъ, который останется неизгладимымъ позорнымъ пятномъ на исторіи человѣчества и, съ грустью должны признаться, болѣе всего на нѣмецкомъ народѣ. Позоръ останется позоромъ, даже если мы не будемъ разсматривать все происходившее въ тѣ времена съ точки зрѣнія просвѣщеннаго разума. Даже если дѣйствительно въ это время существовала въ народѣ склонность къ занятіямъ волшебствомъ, подобно тому какъ нѣсколько позднѣе появилась страсть къ дѣланію золота и если бъ лица, судившія вѣдьмъ, имѣли дѣло съ несомнѣнными фактами. Въ народѣ, разоренномъ продолжительной войной и одичавшемъ, какъ это было послѣ тридцатилѣтней войны въ Германіи, могла и въ самомъ дѣлѣ явиться вѣра въ возможность вступить въ союзъ съ чертомъ и при его помощи добывать желаемое богатство. Великій грѣхъ высшихъ и болѣе образованныхъ классовъ заключался въ томъ, что они противъ этихъ глупыхъ заблужденій дѣйствовали не свѣтомъ науки, а зловѣщимъ пламенемъ костровъ и наконецъ развили слѣпую, дикую, разнузданную страсть къ разрушенію, которая въ тысячу разъ была пагубнѣе, нежели дѣтскія и въ общемъ безвредныя попытки невѣжественнаго народа научиться колдовству. Въ общемъ всѣ эти перипетіи преслѣдованія вѣдьмъ въ Германіи были послѣднимъ рѣзкимъ проявленіемъ весьма распространенной стародавней идеи. Процессы вѣдьмъ процвѣтаютъ и теперь въ Африкѣ, такъ какъ тамъ всякій случай смерти приписываютъ колдовству, а „преступниковъ“ допрашиваютъ, давая имъ пить ядовитые напитки. И въ другихъ мѣстностяхъ также нѣтъ недостатка въ проявленіяхъ злобнаго активнаго волшебства. Въ Гангапурѣ (Бенгалія) дѣвушки Агаріа, по сообщенію Дальтона, проходятъ формальный курсъ колдовства у престарѣлыхъ женщинъ и испытаніе знаній заключается въ томъ, что экзаменующаяся должна своею волшебной силой засушить цвѣтущее, здоровое дерево.

Вѣра въ колдовство проникаетъ всю жизнь первобытныхъ народовъ. Безъ волшебныхъ пособій, обезпечивающихъ успѣхъ, не начинаютъ никакихъ серьезныхъ предпріятій, ни охоты, ни рыбной ловли, ни обработки поля, ни даже постройки жилища. Всякое ремесло имѣетъ свои мистическія формулы и правила, для всякаго пола и возраста имѣются свои особыя миѳическія предписанія и запреты. Жизнь первобытныхъ народовъ покажется совершенно непонятной тому, кто не приметъ во вниманіе полнаго порабощенія духа ихъ смутными мистическими представленіями.

Низшая форма мистики, если можно такъ ее назвать, не вымираетъ въ религіяхъ болѣе высокаго развитія, наоборотъ, она держится въ качествѣ на половину допустимаго народнаго вѣрованія или даже входитъ въ составъ самой религіи. Уже у обитателей западной Африки существуютъ многочисленные амулеты, которые только должны обезпечивать помощь боговъ и духовъ („фетишей“) и потому, по сложности своей, не настолько понятны, какъ извѣстные уже намъ волшебныя средства. Исламъ со своими выписками изъ корана, христіанскій крестъ, изображенія святыхъ

Вообще ревностное занятіе низшей мистикой разстраиваетъ нервы, что не всякій можетъ вынести; сверхъ того, также не всякій одинаково легко можетъ приводить себя въ состояніе экстаза. Оба эти обстоятельства обусловливаютъ то, что только особенныя личности, **волшебники** или **знахари**, мистики и пророки, дѣлатели дождя и вѣдуны могутъ оказывать своему народу эти, по видимости, неоцѣнимыя услуги. Тайныя общества, происхожденіе которыхъ идетъ совсѣмъ изъ другого источника, любятъ упражняться въ какой-нибудь изъ отраслей мистики и даже иногда считаютъ это главной задачей своей дѣятельности.

Существуетъ много разновидностей жрецовъ-вѣдуновъ и изъ нихъ каждый отправляетъ свои особенныя обязанности. На Самоа было, по свѣдѣніямъ Стайра, четыре класса жрецовъ: первый завѣдывалъ главными богами войны, другіе мѣстными богами войны, третьи — прочими богами, четвертый состоялъ изъ пророковъ и колдуновъ. Послѣдніе, хотя и низшіе по рангу, были самыми древними и только мало-по-малу надъ ними стали возвышаться, въ качествѣ высшихъ соціально - религіозныхъ слоевъ общества, жрецы болѣе новаго происхожденія. Дальнѣйшія различенія у разныхъ народовъ происходятъ отъ того, что не у всѣхъ одинаково цѣнятся прирожденныя способности жрецовъ. У однихъ народовъ, напримѣръ, нужно родиться вѣдуномъ или шаманомъ, у другихъ этого сана можетъ достигнуть всякій послѣ выучки и извѣстнаго рода упражненій. Эти предварительныя упражненія заключаются въ уединеніи, постѣ и главнымъ образомъ въ злоупотребленіи наркотическими веществами съ цѣлью расшатать нервную систему, послѣ чего и появляются желанныя видѣнія. Чистые шарлатаны безъ сильной дозы самообмана представляютъ, повидимому, очень рѣдкое явленіе. Знахарь почти всегда имѣетъ свою хижину для волшебства, волшебный посохъ, камни, корешки и тому подобное и на всѣхъ этихъ предметахъ лежитъ печать чего-то таинственнаго. Тамъ, гдѣ въ употребленіи суды божьи, какъ, напримѣръ, въ западной Африкѣ, приготовленіемъ ядовъ и другихъ принадлежностей божьяго суда, занимается особый классъ жрецовъ, къ которому населеніе относится съ большимъ страхомъ. При такомъ положеніи жрецу легко сдѣлаться весьма вліятельной особой, но и онъ попадаетъ подъ контроль весьма придирчивой и опасной критики своихъ сотоварищей въ тѣхъ случаяхъ, когда леченіе больного оказалось безуспѣшнымъ или когда его ворожба о погодѣ не увѣнчалась желаннымъ результатомъ. Только тогда, когда жрецъ становится слугой извѣстнаго божества и имѣетъ возможность сложить отвѣтственность на бога, которому служитъ, онъ самъ лично освобождается мало-по-малу отъ нея.

Рукоятка меча съ круговымъ орнаментомъ, изображающимъ журавлей, Японія. По Бринкману.

Тайныя общества обыкновенно упражняются въ какихъ либо отрасляхъ мистики. Орденъ Агбуи — одинъ изъ подотдѣловъ союза Ефре на Невольничьемъ берегу, занимается дѣланіемъ погоды, кабиры на Лемносѣ и фригійцы проявляли свою спасительную дѣятельность во время солнечныхъ и лунныхъ затменій, многіе индѣйскіе союзы посвящаютъ себя ворожбѣ объ

этихъ грубыхъ зачатковъ, какъ это можно вполнѣ ясно прослѣдить въ Западной Африкѣ, возникаютъ общества жрецовъ, посвящающихъ себя на службу особымъ богамъ. При этомъ условіями принятія часто являются безбрачіе или подневольное цѣломудріе путемъ кастраціи, первоначально, вѣроятно, служившее вспомогательнымъ средствомъ для приведенія себя къ экстазъ и въ то же время жертвой божеству; примѣры этого мы видимъ въ дѣвственныхъ служительницахъ солнца въ Перу, въ римскихъ весталкахъ и во многихъ древнихъ, восточныхъ жреческихъ сообществахъ. Христіанское и буддійское женское и мужское монашество представляютъ собою только дальнѣйшее развитіе этихъ древнѣйшихъ формъ.

Иногда кровавые и грязные обряды низшей мистики доходятъ до невозможныхъ абсурдовъ только потому, что они когда-то вошли въ циклъ вѣрованій болѣе высокаго развитія и вмѣстѣ съ нимъ систематически развивались. Избіенія людей ацтекскими жрецами одинъ изъ примѣровъ уродливаго переразвитія кровавыхъ проявленій мистики подъ вліяніемъ миѳологическихъ представленій. Однако же, главный путь развитія идетъ въ противоположномъ направленіи: религія мало-по-малу становится опорой нравственности и благодаря этому она, какъ и все нравственное, стремится вырваться изъ узкой сферы всего эгоистическаго и временнаго въ человѣчествѣ, пріобрѣтаетъ большую жизненную силу. Въ отдѣльныхъ личностяхъ прослѣдить это измѣненіе невозможно. Яснѣе лучше всего можно ознакомиться съ этимъ, бросивъ взглядъ на представленія о *наградахъ и наказаніяхъ въ загробномъ мірѣ*.

Такъ какъ понятія о преступленіи и наказаніи въ здѣшней жизни развились постепенно, то сначала о примѣненіи ихъ понятій къ области вѣры въ безсмертіе души, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Можно сказать даже, что въ представленіяхъ о загробномъ мірѣ наказаніе появляется ранѣе прегрѣшенія. Судьба души, по первобытнымъ понятіямъ, по большей части мало привлекательна: души тамъ голодаютъ, зябнутъ, бродятъ туда и сюда и переселяются въ животныхъ и въ растенія. Тамъ, гдѣ предполагаются нѣкоторыя различія въ судьбѣ души, обстоятельствами, опредѣляющими участь, служатъ чисто случайныя явленія; если трупъ былъ преданъ огню, покойнику на томъ свѣтѣ будетъ тепло; кому положили въ ротъ монету, тотъ спокойно переправится черезъ рѣку мертвыхъ, кто былъ растерзанъ звѣрями, самъ обратится въ звѣря; кто умретъ ночью, живетъ и на томъ свѣтѣ въ потемкахъ и т. д.

По воззрѣніямъ сѣверныхъ дайаковъ, какъ сообщаетъ Чальмерсъ, души живутъ въ той обстановкѣ, въ которой ихъ застала смерть; причемъ о наградѣ или наказаніи нѣтъ и помина. По мнѣнію другихъ дайяковъ, какъ утверждаетъ Бокъ, небо раздѣлено на нѣсколько отдѣленій, — въ однихъ покойники спокойно воздѣлываютъ рисъ, въ другихъ же, гдѣ поселены убитые и женщины, умершія послѣ родовъ, происходятъ безпрерывныя драки и убійства. У народа майя было также особенно пріятное мѣсто на томъ свѣтѣ — царство водяного бога Тлалока, называвшееся Тлалоканъ; и туда попадали люди также случайно, безъ всякаго отношенія къ жизни на землѣ. Тамъ, гдѣ уже исчезли наивныя представленія о зависимости участи человѣка отъ рода смерти, выступаетъ на первый планъ общественное положеніе умершаго: начальники племени, знатные и богатые, съ которыми было положено въ могилу много имущества, живутъ и на томъ свѣтѣ не въ примѣръ лучше, чѣмъ пролетаріи, у которыхъ ни здѣсь, ни тамъ ничего нѣтъ. Съ другой стороны, нѣкоторые рафинированные христіане, рисующіе очамъ картину блаженства слабыхъ и ничего не сдѣлавшихъ и наказаніе сильныхъ и дѣятельныхъ, впадаютъ въ другую край-

софистикой. Главная настоящая задача религіи въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, чтобы по той справедливости, которую мы видимъ въ нашей кратковременной жизни составить себѣ понятіе о справедливости вѣчной, передъ которой равны всѣ. На многихъ примѣрахъ можно показать, насколько эта великая идея о вѣчной и высшей справедливости облагородила и очистила, какъ нравственно безразличныя, такъ и безнравственныя грубыя представленія о будущей жизни.

Всѣ формы развитія, способствующія возведенію великаго зданія религіи, находятъ свое завершеніе въ идеѣ божества. Человѣкъ, если онъ для всего своего мышленія ищетъ чего-то разумнаго надъ собою и, прежде всего, для своихъ чувствъ, чего-то говорящаго его душѣ, онъ неизбѣжно долженъ остановиться на идеѣ единаго личнаго Бога, хотя бы она была крайне несовершенна съ точки зрѣнія строгой логики. Если онъ взглянетъ на міръ и на все, что оживляетъ его и двигаетъ самого человѣка, какъ на результатъ дѣйствія какой-то темной, безсознательной силы, то онъ самъ долженъ поставить себя, какъ сознательное существо, надъ этой силой; но онъ самъ находится въ полной зависимости отъ этихъ силъ, его самого едва хватаетъ только на неумѣлое подражаніе высоко цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ этой безсознательной силы. Всѣ умозаключенія ведутъ въ концѣ концовъ къ признанію сознательной силы, которая руководитъ всѣмъ. Даже и первобытные народы, повидимому, не совсѣмъ чужды нѣкоторыхъ смутныхъ предчувствій объ этой силѣ. Но эта сила стоитъ настолько высоко надъ ними, что они въ узкой сферѣ своего жизненнаго обихода не чувствуютъ ея вліянія надъ собой. Только культурные народы, способные умственнымъ взоромъ своимъ охватывать болѣе широкіе горизонты, отваживаются сосредоточивать свои мысли на Великомъ и Невѣдомомъ и искать въ немъ высшихъ идеаловъ бытія.

---

4. Правосудіе.

Есть старинные символы, къ которымъ издавна всѣ настолько привыкли, что почти и не задумываются надъ ихъ значеніемъ; хотя въ нихъ воплощена глубокая и правдивая мысль, и созерцаніе такихъ символовъ можетъ вызвать цѣлый рядъ идей, которыя врядъ ли приходили въ голову первымъ изобрѣтателямъ этихъ изображеній. Къ числу такихъ принадлежитъ статуя Ѳемиды, богини съ завязанными глазами. Весь свѣтъ знаетъ, что этимъ хотѣли выразить идею нелицепріятной справедливости. Однако же въ немъ можно усмотрѣть и нѣчто большее, несмотря на то, что здѣсь передъ нами только простой символъ или результатъ творческой фантазіи. Изъ такого нагляднаго образа, путемъ размышленія можно дойти до такихъ выводовъ, которые путемъ многосложныхъ опредѣленій и объясненій гораздо труднѣе воспринимаются со знаніемъ.

Справедливость должна быть нелицепріятна и, кромѣ того, она должна соображаться съ законами и правилами, и законы эти созданы не тѣми лицами, которыя въ данное время засѣдаютъ въ судѣ, часто даже не людьми того поколѣнія, къ которому принадлежатъ и судьи, и подсудимые. Изъ этого слѣдуетъ, что правосудіе является однимъ изъ жизненныхъ проявленій прочно сложившагося долговѣчнаго общественнаго союза, для котораго отдѣльная личность служитъ лишь временнымъ скоропреходящимъ воплощеніемъ его дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ законъ представляетъ собою утвержденные нравы и обычаи, прочный скелетъ обществен-

какъ выраженіе высочайшей и чистѣйшей справедливости, совершенно непредумышленно можетъ служить эмблемой самой грубой, зачаточной и пристрастной формы правосудія. И для настоящаго времени во многихъ случаяхъ было-бы желательно, чтобы рука закона съ большею осмотрительностью разсыпала свои удары, чтобы статьи закона менѣе стѣсняли ростъ человѣческаго общества, освободили бы его отъ излишнихъ мученій, чтобы рѣже приходилось слышать роковое изреченіе — Summum jus summa injuria (высшее право — высшая неправда). Эта косность правосудія, это слѣпое игнорированіе потребностей и страданій отдѣльныхъ личностей нельзя объяснить только тѣмъ, что правосудіе, какъ функція долговѣчнаго организма, смотритъ на индивидуумы, какъ на явленіе кратковременное, появленіе и исчезновеніе котораго въ общемъ не имѣетъ большого значенія. Въ этомъ пренебреженіи къ отдѣльнымъ личностямъ виденъ уцѣлѣвшій остатокъ первобытныхъ правовыхъ воззрѣній. *Правосудіе явилось на свѣтъ слѣпорожденнымъ.* Оно только мало-помалу научается видѣть и различать, только съ большой постепенностью оно начинаетъ сближаться *со справедливостью.*

При всемъ этомъ все-таки весьма сомнительно, чтобы на низшихъ ступеняхъ развитія правосудіемъ называлось только за неимѣніемъ подходящаго термина совершенно не то, что подъ этимъ разумѣютъ въ культурномъ обществѣ. Въ этнологіи, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, названіе лишь звукъ одинъ. Повсюду главная задача въ томъ, чтобы усвоить себѣ общую связь измѣняющихся формъ и явленій и не гнаться за названіями тамъ, гдѣ на нашемъ языкѣ нѣтъ возможности охарактеризовать однимъ терминомъ начальныя и переходныя формы извѣстныхъ явленій.

Правосудіе явилось на свѣтъ слѣпорожденнымъ. Въ области духовной жизни слѣпо всякое дѣйствіе, всякій отвѣтъ на внѣшнее возбужденіе, непровѣренный разумомъ. Слѣпо и правосудіе, такъ какъ оно первоначально является простою *реакціей*, вызванной внѣшнимъ возбудителемъ. Совершенно справедлива общепризнанная мысль, что месть—отправная точка права. Месть, въ своей первоначальной формѣ, представляетъ собою немедленное, совершенно непровѣренное разумомъ противодѣйствіе враждебному или болѣзненному явленію отразившемуся въ сознаніи человѣка. Само собою разумѣется, эта простѣйшая форма подъ вліяніемъ логическаго мышленія развивается дальше, и реакція на внѣшнее возбужденіе, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, становится менѣе однообразной, иногда болѣе энергичной, иногда менѣе интенсивной, чѣмъ вызвавшій ее стимулъ. Можно заранѣе знать, какъ будетъ реагировать мускулъ на электрическій токъ извѣстнаго напряженія; но какъ будетъ отвѣчать человѣкъ на палочный ударъ или словесное оскорбленіе, этого сразу рѣшить нельзя; потому что такое возбужденіе приведетъ въ движеніе цѣлый рядъ комбинацій идей, которыя могутъ на возбужденіе отвѣтить съ неизмѣримо большей силой противъ силы возбудителя, могутъ и ограничиться отвѣтомъ гораздо болѣе слабымъ, чѣмъ толчокъ, вызвавшій его. Иногда вполголоса сказанное слово можетъ вызвать цѣлую бурю страстей, въ другомъ случаѣ тяжкое оскорбленіе или поврежденіе происходитъ почти незамѣченнымъ. Вообще же второстепенныя соображенія, сдерживающія или нейтрализирующія вполнѣ порывы реакціи, пріобрѣтаютъ все большую и большую силу вмѣстѣ съ развитіемъ культуры. Подъ вліяніемъ умственной жизни и сама реакція теряетъ свою внезапность и кратковременность, и жажда мести можетъ обратиться въ долго длящееся чувство, которое, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ и разныхъ соображеній, затрагивающихъ больное мѣсто, начинаетъ снова и снова требовать удовлетворенія

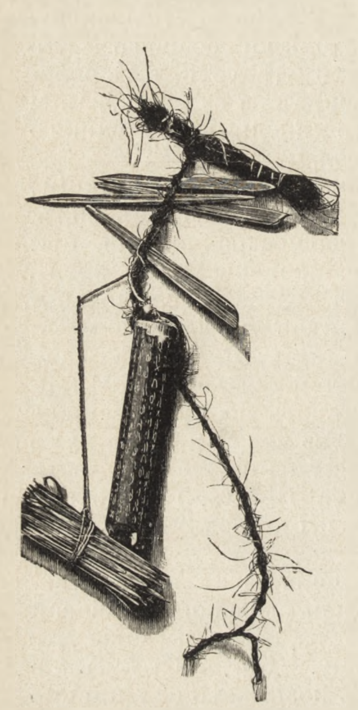
ными прерогативами. Человѣкъ чувствуетъ себя спокойно и привольно въ своей области, пока онъ и окружающее его находятся въ гармоническомъ соотношеніи съ внѣшнимъ міромъ, пока ни его личность, ни имущество, права и обычныя потребности не подвергаются насиліямъ, не терпятъ отъ посторонняго вмѣшательства. Чувства удовлетворенія и вѣры въ себя являются необходимѣйшими условіями спокойнаго существованія, если же это нормальное существованіе будетъ нарушено вторженіемъ извнѣ, то является настоятельная необходимость, какъ можно скорѣе устранить внѣшнее насиліе и снова возстановить прежній порядокъ. Месть является самымъ скорымъ и простѣйшимъ способомъ возстановленія утраченнаго равновѣсія и иногда она бываетъ равносильна необходимой оборонѣ. Кто всегда готовъ за поношенія и ущербы отплатить, какъ слѣдуетъ, тотъ обладаетъ важнымъ преимуществомъ въ первобытной борьбѣ за существованіе: на него не такъ то легко напасть, какъ на какого-нибудь добродушнаго или слабаго субъекта, не умѣющаго постоять за себя.

Весьма часто месть сохраняетъ характеръ моментальной реакціи: ощущеніе причиненнаго поврежденія или потери, вызвавъ взрывъ силъ, уничтожаетъ тяжелое чувство и возстановляетъ душевное равновѣсіе, при чемъ первоначально мало принимается во вниманіе, произошелъ ли вредъ отъ сознательнаго или безсознательнаго существа. Такія полумеханическія реакціи еще не сумѣлъ обуздать въ себѣ и культурный человѣкъ: вспыльчивый субъектъ иногда швыряетъ стулъ, о который онъ ушибся, произноситъ ругань, запнувшись за камень. Къ этой же категоріи принадлежитъ дѣтская и вмѣстѣ звѣриная манера отвѣчать на причиненную несправедливость, вымещая злобу на первомъ попавшемся и неповинномъ существѣ. Прекрасный примѣръ подобной безъ толку направленной мести даетъ Шекспиръ въ несравненной сценѣ въ Ричардѣ III-емъ, гдѣ король за вѣсть о несчастіи обвиняетъ вѣстника несчастія и съ проклятіемъ убиваетъ одного изъ гонцовъ.

Месть еще не проявленіе права. Право проявленіе воли всего общества, а не отдѣльнаго лица. Можетъ и месть превратиться въ правовой актъ, когда на него заранѣе дано разрѣшеніе общества, и она имѣетъ уже болѣе или менѣе опредѣленную выработанную форму. Когда баттакъ не можетъ добиться отъ европейца удовлетворенія, онъ посылаетъ ему письмо съ угрозой поджечь домъ (см. изоб. на стр. 628); если и это не дѣйствуетъ, онъ приводитъ угрозу въ исполненіе, и его соотечественники поведеніе обиженнаго признаютъ совершенно правильнымъ. Въ понятіе о самопомощи входитъ и месть общества за нарушеніе его равновѣсія; такого рода месть, выражающая волю тѣсно сплоченной группы людей, уже сама по себѣ имѣетъ характеръ правового явленія. Мы сравнили личную месть съ реакціей отдѣльнаго мускула на электрическій токъ; месть цѣлаго общества имѣетъ больше сходства съ удаленіемъ изъ тѣла посторонняго предмета въ процессѣ нагноенія. И въ этой формѣ мы видимъ также одну слѣпую месть, — она стремится только устранить причиненное разстройство не справляясь съ тѣмъ, вызвано ли оно съ сознательнымъ намѣреніемъ или случайно. Чувство справедливости, заставляющее человѣка относиться безпристрастно даже и къ врагу, развивается постепенно; между тѣмъ какъ чувство озлобленія за причиненный вредъ, боль и за всякаго рода обиды въ самыя примитивныя времена проявляетъ свою полную мощь. Наши дѣти могутъ служить доказательствомъ сказаннаго, — онѣ живо ощущаютъ всякую личную обиду и несправедливость; но у нихъ нѣтъ никакого понятія о справедливомъ отношеніи къ другимъ, болѣе слабымъ. То же самое можно сказать и относительно первобытныхъ народовъ.

проявленія права мы находимъ нужнымъ посвятить здѣсь нѣсколько строкъ.

Взрывы чувства мести, направленные противъ своихъ сочленовъ общежитія, должны возбуждать сомнѣнія среди своихъ насчетъ правомѣрности мщенія; отсюда является у общества потребность выработать извѣстную форму для этихъ дикихъ порывовъ, придать имъ такое направленіе, при которомъ частная месть возможно меньше мѣшала бы общему спокойствію. При этомъ само собою понятно, что воздѣйствіе первобытнаго общества на своихъ членовъ выражается не въ законодательствѣ, а въ измѣненіи его нравовъ и обычаевъ. Ф. П. Винтеръ изъ Британской Новой Гвинеи сообщаетъ замѣчательный примѣръ того, какъ совершенно безвредный взрывъ злобы или мести, или, другими словами, нецѣлесообразно направленная месть, превращается въ обычай. Онъ пишетъ, что разные случаи пораненія иногда являются результатомъ нелѣпаго обычая, господствующаго въ западной части колоніи. Если что нибудь злитъ туземца этой мѣстности, онъ беретъ свой лукъ, начинаетъ пускать стрѣлы и тѣмъ утоляетъ свой гнѣвъ. Обыкновенно стрѣляютъ въ этихъ случаяхъ въ крышу своего дома, не обращая вниманія на то, есть ли тамъ около дома люди, или нѣтъ. Не разъ случалось, что такая стрѣльба оканчивалась пораненіемъ кого нибудь. Молодой человѣкъ, котораго ночью сильно мучили москиты, попробовалъ успокоить себя стрѣльбой и прострѣлилъ ногу своему задушевному пріятелю. Такъ какъ такая манера успокаивать себя основана на признанномъ обычаѣ, то крайне невѣроятно, чтобы раненый обращался съ требованіемъ о наказаніи виновнаго. Мы не можемъ сказать, одинаковы ли воззрѣнія туземцевъ и англійскихъ судей, приговаривающихъ за неосторожную стрѣльбу къ тюремному заключенію. Вѣроятно, что именно эта возможность нанести кому нибудь вредъ нечаянно, является важнымъ элементомъ обычая, замѣняющаго собою месть.

Письмо, предупреждающее о поджогѣ у батаковъ Суматра. Письмо состоитъ изъ куска бамбука, съ вырѣзаннымъ на немъ обвиненіемъ, съ палочками, означающими ножи, и связкой пальмовыхъ волоконъ, употребляемыхъ при поджогахъ, какъ воспламенительный матеріалъ. Бременскій музей. См. текстъ, стр. 627.

Въ приведенномъ примѣрѣ мы видимъ обратившуюся въ нѣкоторую бытовую форму слѣпую месть,—въ поединкѣ же, одномъ изъ явленій обычнаго права, мы видимъ мѣру, регулирующую месть, сознательно направленную къ извѣстной цѣли. Въ большинствѣ случаевъ подобные поединки считаются своего рода божьимъ судомъ; но въ этомъ случаѣ мы видимъ безъ всякаго сомнѣнія только новое обоснованіе давно существовавшаго обычая и при томъ непрочное, такъ какъ поединки сохранились у культурныхъ народовъ Европы до сихъ поръ, но на результаты ихъ уже не смотрятъ, какъ на справедливое рѣшеніе вопроса высшей божественной силой: это просто месть, обставленная извѣстными правилами, ограничивающими по возможности ея примѣненіе. Такой же характеръ имѣетъ поединокъ и у первобытныхъ народовъ. У австралійцевъ, напримѣръ, существуютъ судебные поединки въ качествѣ признаннаго правового учрежденія. Бульмеръ говоритъ, что они предпочитаютъ выступить передъ

телей Куперъ-крика обокраденный вызываетъ вора на поединокъ; при битвѣ присутствуетъ свидѣтель въ качествѣ вооруженнаго секунданта, который принимаетъ мѣры къ тому, чтобы въ దракѣ дѣло не дошло до серьезныхъ увѣчій. Въ большинствѣ поединковъ борьба бываетъ только примѣрная: вызванный по большей части только защищается, а не нападаетъ, сознавая, что онъ за свой проступокъ долженъ понести нѣкоторое наказаніе, — вся же процедура поединка имѣетъ цѣлью дать обиженному нѣкоторое удовлетвореніе.

Уже болѣе высшую ступень представляетъ право возмѣщенія (jus talionis), весьма часто практикующееся у первобытныхъ народовъ. Тамъ, гдѣ месть потеряла характеръ необузданнаго взрыва и замѣнилась уже извѣстной компенсаціей потерпѣвшему за нанесенный вредъ, весьма естественно можетъ явиться мысль о вознагражденіи, равномъ нанесенному ущербу. Здѣсь мы видимъ первый слабый проблескъ примѣненія идей права и справедливости. Здѣсь уже вмѣсто безграничной мести является попытка опредѣлить объемъ и значеніе причиненнаго вреда. Подобная комбинація идей возникаетъ почти безсознательно: весьма проста мысль отплачивать за ударъ ударомъ, оскорбленіемъ за оскорбленіе: законъ — око за око, зубъ за зубъ даетъ опредѣленную формулу для мести. Jus talionis и понынѣ практикуется еще во многихъ странахъ. Въ Абиссиніи, напримѣръ, убійцу умерщвляютъ тѣмъ же орудіемъ и тѣмъ же способомъ, которымъ было произведено убійство. Въ большинствѣ мѣстностей западной Африки всякое членовредительство или побои возмѣщаются такими же поврежденіями. за каждый нанесенный ударъ наносится такой же ударъ. При воровствѣ или порчѣ вещей иногда ограничиваются примѣненіемъ jus talionis въ его простѣйшей формѣ. На высшихъ ступеняхъ развитія такія неуклюжія формы компенсаціи совершенно выходятъ изъ употребленія.

Здѣсь не мѣшаетъ указать, что месть представляетъ собою не только регулированный правами и обычаями взрывъ страсти, превратившійся въ нѣкоторый общественный институтъ. Къ этой-же группѣ явленій принадлежитъ и такое состояніе общества, которое можно назвать легальной анархіей. Послѣ смерти вождя наступаетъ время полнѣйшаго беззаконія и необузданности, пока наконецъ послѣ выборовъ новаго вождя снова не возстановится прежній порядокъ. Явленіе это, сначала возникшее случайно, въ упомянутомъ случаѣ превращается въ установленный обычай. Мы видимъ такимъ образомъ, какъ часто противообщественное состояніе общества становится однимъ изъ общественныхъ обычаевъ и благодаря этому, ограничивается извѣстнымъ срокомъ и правилами, чѣмъ умѣряются до нѣкоторой степени его вредныя проявленія. Еще въ средніе вѣка въ Римѣ, послѣ смерти папы, Латеранъ, дворецъ римскихъ первосвященниковъ, подвергался разграбленію чернью. Подобный этому регулированный дебошъ учиняютъ новообрѣзанные, пользующіеся въ теченіе нѣкотораго времени правомъ безнаказанно воровать и грабить обывателей. Подобныя явленія весьма часто наблюдались въ Африкѣ.

Мало-по-малу страстное чувство мести отдѣльныхъ лицъ, направляется обществомъ по извѣстному руслу, и въ концѣ концовъ укрощается вполнѣ, когда общество принимаетъ месть на себя, замѣняя ее наказаніемъ. Рядомъ съ этимъ въ томъ-же направленіи развивается и месть групповая. Всякая общественная группа, большая или маленькая, образуетъ собою нѣкоторое тѣло, которое реагируетъ по своему на внѣшнія явленія и даже также какъ и тѣло человѣка двоякимъ образомъ: группа отвѣчаетъ на внѣшнія

лица. Совершенно правильно назвали кровной местью, а не кровнымъ судомъ этотъ наиболѣе важный и наиболѣе систематизированный видъ мести. Группа въ этихъ случаяхъ объединяется, сплачивается и выступаетъ противъ чужихъ, какъ одинъ человѣкъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что только окольнымъ путемъ въ этой области устанавливаются нѣкоторыя правовыя нормы.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло, когда **внутри** самой группы происходятъ нарушенія равновѣсія, опасныя для существованія или только признаваемыя за таковыя членами группы. Въ этихъ случаяхъ, какъ и въ организмѣ отдѣльнаго человѣка, поднимается реакція, стремящаяся изторгнуть или уничтожить возмущающіе равновѣсіе элементы, не считаясь съ тѣмъ, было ли здѣсь извѣстное намѣреніе у кого нибудь нарушить миръ и спокойствіе или совершить какія либо преступныя дѣйствія. Подобное отношеніе проявляется къ старикамъ, больнымъ и главнымъ образомъ къ дѣтямъ, то есть къ тѣмъ лицамъ, которыя обременяютъ собою общество и какъ негодные ингредіенты выбрасываются вонъ. Объ идеѣ наказанія въ такихъ случаяхъ нѣтъ и помину, хотя судьба этихъ несчастныхъ зачастую мучительнѣе, чѣмъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ. На Новогебридскихъ островахъ дѣтей оставляютъ умирать съ голоду, стариковъ закапываютъ живыми въ землю. Коранасы въ южной Африкѣ изгоняютъ немощныхъ стариковъ въ лѣсъ, гдѣ они погибаютъ отъ истощенія или становятся добычею дикихъ звѣрей. Точно также и каффры бросаютъ больныхъ, на выздоровленіе которыхъ не имѣютъ надежды, на погибель въ лѣсную чащу. Все, что уклоняется отъ нормы и потому считается подозрительнымъ, подвергается опасности быть выброшеннымъ изъ общества: близнецы, альбиносы, люди съ неправильной формой зубовъ, слабые и уродливые младенцы у первобытныхъ народовъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій обрекаются на смерть. Отъ такого отверженія безъ вины виноватыхъ къ наказанію за преступленіе всего одинъ шагъ.

И въ этихъ случаяхъ реакція общества также слѣпа: о дѣйствительномъ виновникѣ нарушенія порядка или злодѣѣ нѣтъ и рѣчи, о смягчающихъ вину обстоятельствахъ никто и не думаетъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда съ извѣстнымъ актомъ связываются мистическія представленія, возмездіе по большей части крайне жестоко и несправедливо. При нѣкоторыхъ торжественныхъ плясках у индѣйцевъ Сѣверо-западной Америки всякій, кто споткнется или упадетъ, немедленно убивается. Во многихъ мѣстностяхъ западной Африки казнятъ не только дѣйствительныхъ убійцъ, но и тѣхъ, кто могъ причинить смерть другому при помощи волшебства. Въ случаяхъ, когда нѣтъ возможности опредѣлить причину нарушенія общаго благополучія, какъ напримѣръ при появленіи болѣзни, голода или другихъ несчастій, стараются найти виновника, чтобы этой жертвой, хотя бы временно освободиться отъ отчаянія. Потребность такимъ способомъ дать себѣ передышку глубоко заложена въ натурѣ человѣка и проявленія ея даютъ себя знать порою и у культурныхъ народовъ. При крупныхъ несчастіяхъ отъ столкновенія поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ, взрывахъ въ рудникахъ и тому подобномъ страстно берутся за розыски виновника несчастія, который долженъ расплатиться за него, — между тѣмъ на дѣлѣ въ несчастіи были въ разной мѣрѣ виноваты многіе или-же на этотъ разъ повело къ катастрофѣ какое нибудь ничтожное упущеніе. Попадись въ такую горячую минуту „виноватый“ въ руки разъяренной толпѣ онъ можетъ и у культурнаго народа дорого поплатиться за ничтожный недосмотръ или даже просто по подозрѣнію.

У многихъ народовъ обратилось въ обыкновеніе возлагать отвѣтствен-

и обычаями. На Неу въ Полинезіи прежде были короли-первосвященники, которые считались отвѣтственными за будущій урожай и при неурожаѣ, въ голодные годы, ихъ убивали. Дѣло дошло до того, что не находилось охотниковъ взять на себя такую почетную обязанность, послѣ чего не осталось ничего другого, какъ распредѣлить власть между главами семей. Въ Лоанго полагали, что за неурожай и неудачу въ рыбной ловлѣ долженъ отвѣчать король и въ особенно тяжелыя времена лишали его власти. Подобная же участь у Кру угрожаетъ Бодіо, старшему изъ жрецовъ. Гдѣ имѣется привилегированный мастеръ дѣлать дождь, тамъ онъ въ большинствѣ случаевъ признается отвѣтственнымъ за неудачную ворожбу. Мы уже упоминали раньше, что въ Китаѣ и императоръ, и чиновники подвергаются тяжкимъ упрекамъ за неурожай и другія бѣдствія.

Такъ какъ во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ о дѣйствительномъ преступленіи и отвѣтственности нѣтъ и рѣчи, то и „наказаніе", которое на этой ступени развитія не заслуживаетъ еще такого названія, налагается безъ какихъ бы то ни было соображеній съ требованіями справедливости. Рѣшающимъ моментомъ является большая или меньшая важность преступленія. О наказаніи здѣсь меньше думаютъ, чѣмъ объ устраненіи нарушителя спокойствія. Если у австралійцевъ какой нибудь грубый и сварливый человѣкъ слишкомъ надоѣдаетъ и безпокоитъ другихъ, то мужчины племени собираются вмѣстѣ и, при благопріятномъ случаѣ, убиваютъ неудобнаго товарища. Этимъ дѣтямъ природы не приходитъ и на мысль исправить или застращать такого человѣка посредствомъ наказанія.

Въ качествѣ остатка эпохи безправія, о которомъ было много споровъ, сохранилась въ культурномъ обществѣ смертная казнь. И здѣсь мы встрѣчаемся съ примитивнымъ и безвозвратнымъ удаленіемъ нарушителей мира, безъ всякихъ соображеній о томъ, что при этомъ уничтожается человѣческая жизнь и рабочая сила человѣка. На этомъ поприщѣ можно ожидать еще неоднократныхъ возвратовъ къ старому, возможно, что впослѣдствіи вполнѣ сознательно будутъ выдѣлять изъ общества ненормальныхъ и испорченныхъ членовъ. Принятая во Франціи ссылка рецидивистовъ въ Новую Каледонію одинъ изъ примѣровъ этого рода, съ тою только разницею, что здѣсь къ преступникамъ относятся съ большей человѣчностью, чѣмъ у первобытныхъ народовъ.

Жестокость, которую обнаруживаютъ въ мщеніи и наказаніи первобытные и, какъ показываютъ судебные порядки среднихъ вѣковъ, культурные народы, представляетъ одну изъ наиболѣе печальныхъ спутницъ развитія человѣчества. Въ новѣйшее время Р. Штейнметцъ подвергъ подробному разбору гипотезы о причинахъ жестокости и ея отношеніяхъ къ чувству мести. Несомнѣнно, въ жестокости есть наслажденіе, и это чувство и въ началѣ, и въ дальнѣйшемъ развитіи правосудія является важнымъ моментомъ. Только недавно перестали смотрѣть на казнь, какъ на своего рода публичное представленіе. Нѣсколько столѣтій тому назадъ, передъ глазами толпы, любившей подобныя зрѣлища, медленно замучивали до смерти несчастныхъ. Это наслажденіе жестокостью при мщеніи служитъ вознагражденіемъ за какимъ-либо способомъ причиненное страданіе. При наклонности первобытныхъ народовъ къ одностороннему развитію до послѣднихъ крайностей, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у нихъ наслажденіе местью также культивируется и также доходитъ до чрезмѣрнаго развитія, какъ въ другихъ случаяхъ алкоголизмъ и чувственныя наслажденія. Благодаря этому, всякое стремленіе согласовать мѣру наказанія съ важностью и характеромъ преступленія совершенно отступаетъ на задній планъ. Мщеніе врагамъ внѣшнимъ и внутреннимъ, наказанія за преступ-

местью за причиненный вредъ и возмущеніемъ цѣлаго общества противъ нарушителей мира и спокойствія. Къ этимъ двумъ видамъ зачаточнаго правосудія присоединяется еще третій — месть общества внѣшнимъ врагамъ. Этотъ видъ мести настолько же мало можетъ быть названъ „правомъ“, какъ и единичная личная месть. Если какая нибудь орда или одинъ изъ ея членовъ будетъ обиженъ чужими, то первые вооружаются и стараются отплатить обидчикамъ такой-же непріятностью, а если можно, то и посильнѣе; но о сознаніи права здѣсь нѣтъ еще и рѣчи. Чувствуютъ люди въ себѣ силу, есть охота къ подвигамъ и они, ничтоже сумняшеся, доходятъ до такихъ-же излишествъ, за которыя прежде сами съ яростью стремились отплатить другимъ. Здѣсь мы видимъ еще только борьбу за существованіе, въ которой сильный одолѣваетъ слабаго; всякій-же стоящій внѣ своей маленькой группы живетъ какъ птица небесная. Поэтому, изгнаніе „обреченіе на нищету“, считается на низшихъ ступеняхъ культуры самымъ страшнымъ наказаніемъ, хуже смерти, между тѣмъ какъ у насъ оно признается одною изъ легкихъ каръ. Объясняется это тѣмъ, что въ настоящее время значительная часть человѣчества представляетъ собою родъ громаднаго сообщества, внутри котораго всякому, даже иностранцу, обезпечена безопасность личная и имущественная; одно званіе человѣка уже гарантируетъ ему извѣстныя права.

Вышесказаннымъ уже объясняется, какъ изъ племенной или родовой мести, изъ борьбы за существованіе мелкихъ группъ человѣчества могутъ развиться настоящія правовыя нормы. Эта борьба всѣхъ противъ всѣхъ, представляетъ собою такое состояніе общества, изъ котораго всякая стремящаяся къ прогрессу группа людей должна стараться выбиться, какъ можно скорѣе. Повсюду образуются путемъ возростанія населенія или сліянія воедино мелкихъ группъ болѣе обширныя, связанныя между собою сообщества. Месть маленькой группы людей, направленная противъ другой, первоначально считалась местью чужакамъ; но если эти двѣ самостоятельныя группы принадлежатъ къ одному большому союзу, то ссора ихъ признается общимъ, внутреннимъ домашнимъ дѣломъ всего союза. Гдѣ маленькая группа продолжаетъ смотрѣть на ссору съ какой нибудь другой группой союза, какъ на законную месть, тамъ союзъ видитъ въ этомъ поступкѣ нарушеніе внутренняго мира. Такое столкновеніе производитъ тягостное впечатлѣніе на остальныхъ, и его стараются по возможности сгладить.

Но такая задача часто представляетъ большія трудности, въ особенности въ тѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о кровной мести. Сама по себѣ память первобытныхъ людей не обладаетъ большою устойчивостью: обычныя отличительныя черты характера первобытныхъ народовъ—веселое настроеніе и легкомысліе быстро возвращаются къ нимъ послѣ жестокихъ страданій и тяжкихъ ударовъ судьбы. Все это представляетъ собою несомнѣнные признаки людей не испытывавшихъ вліянія умственнаго труда и нравственной дисциплины. Однакоже въ одномъ отношеніи, даже у довольно низко стоящихъ племенъ, обнаруживается довольно значительная предусмотрительность, гдѣ и они считаютъ себя связанными извѣстными обязательствами, — именно въ своихъ отношеніяхъ къ умершимъ, вопросъ о которыхъ затрагиваетъ интересы не одного, а многихъ поколѣній. Умершій не покидаетъ совершенно живыхъ: онъ живетъ въ формѣ привидѣнія или воплощается въ какомъ нибудь изображеніи предка, въ тотемической маскѣ; онъ представляетъ собою опасную силу и требуетъ болѣе или менѣе настоятельно искупительной жертвы за свою смерть.

койниковъ развита до крайнихъ предѣловъ, имѣются всегда стимулы, поддерживающіе жажду мести, преодолѣвающіе обычную беззаботность и забывчивость дикаря. Иногда покойникамъ приписываютъ какую-то безпредметную жажду мести, которая утоляется какой нибудь первой попавшейся жертвой, не спрашивая о томъ, есть-ли за ней какая нибудь вина, или нѣтъ. Въ этомъ лежитъ источникъ многихъ человѣческихъ жертвоприношеній; только впослѣдствіи придумали объясненіе, что эти убитые необходимы для покойника на томъ свѣтѣ, чтобы сопровождать его и служить ему (см. изобр. на этой стран.). Въ охотѣ за черепами мы видимъ примѣръ того, какъ первоначальная цѣль извѣстнаго дѣйствія замѣняется второстепенной и вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и самый обычай.

Весьма естественно, что жертвы для безцѣльной и для опредѣленной мести избираются по преимуществу изъ чужихъ племенъ, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда членъ своей группы убитъ постороннимъ. Такой предполагаемый или дѣйствительный злодѣй не одинокъ; онъ состоитъ членомъ другой группы, которая защищаетъ его и отвѣчаетъ за него. Месть постороннему человѣку — всегда месть групповая или скоро превращается въ групповую. Часто такимъ образомъ возникаетъ месть по традиціи и двѣ общественныхъ группы ведутъ между собою непрерывную борьбу и смотрятъ другъ на друга, какъ на враговъ. Европейскимъ изслѣдователямъ не одинъ разъ приходилось слышать отъ туземцевъ самые дурные отзывы о сосѣднемъ племени, а послѣдніе въ свою очередь предостерегали противъ злобныхъ наклонностей первыхъ, въ сущности-же и тѣ, и другіе обладали одинаковыми дурными и хорошими наклонностями.

Маска покойниковъ у батаковъ, Суматра. Бременскій музей.

Кровная месть, такимъ образомъ, на первыхъ стадіяхъ развитія представляетъ собою безпрерывную войну. „Будемъ смотрѣть на кровную месть, какъ на войну и сравнивать ее съ нашими войнами, вмѣсто того, чтобы видѣть въ ней преступленіе, за которымъ слѣдуетъ возмездіе, т. е. наказаніе, и всѣ загадочныя стороны этого явленія выяснятся для насъ, скажемъ даже болѣе, — въ немъ даже ничего загадочнаго не окажется“ — говоритъ Штейнметцъ.

Положеніе измѣняется тотчасъ, какъ только оба враждующихъ племена войдутъ въ составъ болѣе обширнаго союза; здѣсь уже общій интересъ заставляетъ избѣгать внутреннихъ междоусобій между отдѣльными группами и не допускать превращенія взаимной вражды въ явленіе хроническое. Безъ сомнѣнія, въ этихъ союзахъ процессъ развитія можетъ идти различными путями. Часто бываетъ, что на довольно высокихъ ступеняхъ прогресса, развитіе чувства солидарности въ отдѣльныхъ мелкихъ группахъ все-таки, принимаетъ одностороннее направленіе, а весь союзъ въ цѣломъ отступаетъ на второй планъ. Въ такихъ случаяхъ кровная месть сохраняется съ замѣчательной устойчивостью, и съ своей стороны служитъ весьма дѣйствительнымъ средствомъ для поддержанія антагонизма и раздоровъ. Наиболѣе извѣстный примѣръ этого представляютъ порядки, существующіе въ Корсикѣ: несмотря на общинный бытъ всего народа и политическое единство, на политическую связь съ многомилліоннымъ французскимъ народомъ, и на единство языка и культуры первобытная кровная месть, повидимому, представляетъ собою неискоренимое явленіе въ этой странѣ. Можетъ быть, еще болѣе характерны существующіе или недавно существовавшіе обычаи во многихъ городскихъ и

нѣсколькихъ шагахъ отъ жилища его противника. Въ Аравіи, въ древности, было то же самое; впервые только Магомету удалось своимъ вмѣшательствомъ помирить въ Мединѣ двѣ враждебныя партіи, на которыя дѣлился городъ.

Очень часто даже большія общественныя группы совершенно отказываются отъ вмѣшательства въ раздоры родовъ и семействъ, вызванные кровной местью. Третьи лица или высшія власти вмѣшиваются въ дѣло тогда только, когда сами враждующія стороны дадутъ понять, что онѣ сами не прочь помириться. Возможность посредничества установляется прежде всего тамъ, гдѣ послѣ основанія крупныхъ союзовъ сдѣлано уже новое культурное завоеваніе — накопленіе имущества. Конечно, нѣтъ совершенно нищенскихъ племенъ и родовъ; но сокровища, наслажденіе которыми можетъ заставить отказаться отъ удовольствія мести и утолить злобу мертвеца, врядъ-ли найдутся у какого нибудь стоящаго на низшей ступени развитія племени. Тамъ же, гдѣ имѣется много цѣнныхъ имуществъ, мыслима возможность откупиться отъ мести, уплативъ цѣну крови. Часто считается неприличнымъ брать деньги за кровь и только послѣ многочисленныхъ жертвъ, павшихъ въ битвахъ съ обѣихъ сторонъ, склоняются противники къ такому невоинственному рѣшенію распри. Въ другихъ мѣстахъ предоставляется на волю родственниковъ, принять выкупъ или мстить. Есть также обычай, требующій, чтобы убійца бѣжалъ, а за него входили въ переговоры родственники убійцы съ родственниками убитаго. Гораздо легче устраивается примиреніе, когда дѣло идетъ не о смертоубійствѣ, а о пораненіи. У многихъ народовъ, какъ напримѣръ, у нѣмцевъ въ началѣ среднихъ вѣковъ, существовали цѣлые прейскуранты, гдѣ были обозначены размѣры взысканій, сообразно съ характеромъ причиненныхъ поврежденій. Но на этомъ пути сливаются вполнѣ обычаи внѣшней мести, съ нормами обычнаго права, выработанными внутри какой нибудь общественной группы. На этой ступени развитія уже становится возможнымъ настоящее правосудіе въ прямомъ и тѣсномъ смыслѣ этого слова, принимающее во вниманіе при опредѣленіи наказанія тяжесть преступленія и размѣры причиненнаго вреда.

Кто ищетъ не мести, а права, долженъ обратиться къ своимъ сообщественникамъ или ихъ представителямъ и предложить имъ сообразовать месть съ требованіями справедливости и возвести ее на степень правового акта или прямо создать право. Первобытныя сообщества крайне замкнуты, онѣ весьма рѣдко сообщаются съ чужеродцами, ихъ внутреннее устройство весьма несовершенно, раздоры между отдѣльными личностями, конечно, возбуждаютъ вниманіе группы, но никто не имѣетъ желанія и не считаетъ себя обязаннымъ вмѣшиваться въ нихъ. То, что говоритъ К. Феттеръ о ябимахъ, обитающихъ въ заливѣ императора Вильгельма, можно сказать о многихъ другихъ первобытныхъ народахъ: „Опредѣленныхъ наказаній за опредѣленныя преступленія не существуетъ; всякій отыскиваетъ свое право самъ, насколько у него хватаетъ мужества и пока не утихнетъ жажда мщенія. Ругань, угрозы, нѣсколько брошенныхъ копій, удары которыхъ по большей части парируются — вотъ чѣмъ обыкновенно оканчиваются счеты между непріятелями.

Равнодушное отношеніе группы къ жалобамъ одного изъ ея членовъ нарушается только въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ спора возбудитъ всеобщее вниманіе, и распря принимаетъ значительные размѣры. Такимъ образомъ, потерпѣвшему остается только одинъ способъ пробудить отъ сна дремлющее правосознаніе группы — раздуть по возможности дѣло и притянуть къ нему постороннихъ лицъ. И въ дѣйствительности та-

изъ нихъ уйдетъ жена съ другимъ человѣкомъ, и мужъ не можетъ самъ настигнуть прелюбодѣя, то онъ направляется въ сосѣднюю деревню и стрѣляетъ перваго попавшагося человѣка, который подойдетъ къ нему на разстояніе выстрѣла. Затѣмъ онъ громко восклицаетъ, кто онъ, почему онъ совершилъ убійство и требуетъ, чтобы человѣка, сманившаго чужую жену, привлекли къ отвѣтственности. Если виновный находится внѣ предѣловъ досягаемости, то убиваютъ кого нибудь изъ обывателей сосѣдней деревни. Такимъ образомъ месть распространяется отъ одного поселка къ другому, до предѣловъ области. Ворота поселковъ запираются и баррикадируются. Наступаетъ такой моментъ, когда какое нибудь племя лишается возможности подкараулить кого нибудь на жертву и исполнить обычай кровомщенія за своего сородича. Глава этого клана предъявляетъ искъ противъ человѣка, сманившаго чужую жену. Относительно обиженнаго супруга полагаютъ, что онъ, благодаря совершенному имъ убійству, потерялъ свое право на жену и не имѣетъ уже къ этому дѣлу никакого касательства. Глава того племени, къ которому принадлежитъ похититель, уплачиваетъ главѣ племени, возбудившему искъ, извѣстное вознагражденіе, и земскій миръ возстановляется, о чемъ громогласно объявляется повсюду.

Этотъ примѣръ интересенъ тѣмъ, что въ немъ мы видимъ взрывы слѣпой мести, закрѣпленные обычаемъ. При этомъ однако же эта месть даетъ косвеннымъ путемъ удовлетвореніе потерпѣвшему, такъ какъ племя обидчика платитъ за преступленіе штрафъ. Подобные порядки, разумѣется, мыслимы только тамъ, гдѣ жизнь человѣческая имѣетъ ничтожную цѣну, гдѣ при человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, процессахъ вѣдьмъ и охотѣ за невольниками жизнь невинныхъ людей уничтожается съ такимъ же легкомысліемъ, какъ въ только что описанномъ обычаѣ.

Подобный обычай существуетъ и въ другихъ мѣстахъ, но не въ такой кровавой формѣ, — вмѣсто убійства человѣка ограничиваются порчей и истребленіемъ вещей. У яунде, по даннымъ Ценкера, такой способъ мести представляетъ заурядное явленіе. Если кто-нибудь не сможетъ самъ принудить къ уплатѣ своего должника, то воруетъ какую-нибудь цѣнную вещь у вождя племени. Вождь въ такомъ случаѣ считаетъ такое дѣло за свое личное и вынуждаетъ должника уплатить гораздо большую сумму, чѣмъ слѣдовало получить, и конечно въ этихъ случаяхъ львиная доля достается вождю.

Совершенно изъ другой области, полуострова Газелей въ Новой Британіи Б. Данко сообщаетъ весьма наглядное описаніе одного подобнаго обычая, который тамъ примѣняется очень часто. „Были два мальчика То-Мели и То-Дели. То-Мели положилъ въ огонь ружейный стволъ нагрѣлъ его и провелъ имъ по голой спинѣ То-Дели. То-Дели страшно взбѣсился, бросился на берегъ и повыдергалъ нѣсколько овощей на плантаціи, принадлежавшей То-Руму. То-Руму былъ этимъ сильно разсерженъ и изломалъ на берегу моря лодку, принадлежавшую другому лицу. Владѣлецъ лодки не остался въ долгу и разбилъ двѣ чужія лодки. Владѣлецъ двухъ лодокъ за это поджегъ чужой домъ, и еще много другихъ невзгодъ приключилось благодаря грубой шалости То-Мели. Общее мнѣніе полагало, что дѣло нужно покончить миромъ. То-Мели долженъ былъ заплатить То-Руму за попорченные То-Дели овощи, потому что обжегши То-Дели онъ подалъ поводъ послѣднему къ порчѣ овощей То-Руму; обожженный, долженъ былъ заплатить за изломанную лодку, потому, что порча овощей заставили Ту-Рума разбить лодку. Ту-Рума долженъ былъ заплатить за двѣ разбитыхъ лодки, такъ какъ разбитіемъ одной онъ вызвалъ поломку двухъ лодокъ. Человѣкъ, разбившій двѣ лодки, долженъ былъ уплатить за со-

видно изъ всего этого, обожженный мальчикъ не получилъ никакого удовлетворенія. Во всякомъ случаѣ онъ, попортивши овощи, заставилъ То-Мели уплатить за нихъ, ввелъ его въ убытки и, заставилъ его потратится и этимъ удовольствовался. То-Мели, кромѣ того, ввелъ другихъ въ убытки и То-Делу вызвалъ къ своему обидчику общую непріязнь и въ теченіе нѣкотораго времени положеніе То-Мели въ обществѣ было весьма незавидное.

Этотъ примѣръ показываетъ, насколько легко подобныя дѣйствія становятся привычнымъ явленіемъ: изъ этого сообщенія ясно видно, что вся процедура была разыграна, какъ по нотамъ. Какимъ же однако необыкновеннымъ и весьма опаснымъ для общаго благополучія и окольнымъ путемъ здѣсь достигается удовлетвореніе потерпѣвшему и нѣкоторое моральное наказаніе обидчику!

Менѣе рѣзкія формы такой манеры возстановлять свои права существуютъ тамъ, гдѣ оскорбленный самъ себѣ наноситъ извѣстный ущербъ или повреждепіе, или даже прибѣгаетъ къ самоубійству, чтобы возбудить общее вниманіе и выставить въ дурномъ свѣтѣ своего противника. Японскій обычай, послѣ тяжкаго оскорбленія лишать себя жизни, принадлежитъ къ этой же категоріи явленій. Оскорбитель долженъ былъ сдѣлать съ собою то же самое, иначе онъ подвергался всеобщему презрѣнію. Подобныя-же обыкновенія извѣстны и въ западной Африкѣ. Индійскій обычай дхарни состоитъ въ томъ, что кредиторъ начинаетъ голодать, если должникъ не платитъ ему долга. Кредиторъ въ этихъ случаяхъ ложится при входѣ въ домъ должника, чѣмъ возбуждаетъ всеобщее вниманіе и при этомъ заявляетъ рѣшеніе умереть съ голоду, если долгъ ему не будетъ уплоченъ. Эта угроза вызываетъ опасеніе, что духъ заимодавца, умершаго на порогѣ дома должника, будетъ преслѣдовать неисправнаго плательщика послѣ смерти. Вѣроятно Штейнмецъ правъ считать источникомъ обычая дхарни страхъ передъ покойникомъ, но болѣе современный смыслъ такого образа дѣйствій со стороны заимодавца заключается во всеобщемъ порицаніи поведенія неисправнаго должника, который совершенно спокойно даетъ умереть человѣку съ голода у себя на глазахъ.

Безъ сомнѣнія, не повсюду приходится прибѣгать къ такимъ удивительнымъ пріемамъ, чтобы пробудить въ обществѣ чувство справедливости. Коль скоро, тѣмъ или инымъ путемъ, къ обществу или его представителямъ переходитъ роль третейскаго суда во внутреннихъ распряхъ, этимъ создается значительное и благодѣтельное вліяніе, сильно способствующее дальнѣйшему прогрессивному развитію, — можно даже сказать, что съ этого момента и возникаетъ право, въ настоящемъ значеніи этого слова. Съ этихъ поръ уже не единичная личность и не группа лицъ въ качествѣ истца добивается своихъ правъ или скорѣе мести; вопросы эти рѣшаетъ судья, который стоитъ выше спорящихъ сторонъ. Въ началѣ эта цѣль достигается весьма несовершеннымъ образомъ, но она можетъ быть принята какъ идеалъ, къ осуществленію котораго стремятся высшія и благороднѣйшія натуры. Сила такого идеала въ долгомъ промежуткѣ времени оказывается могущественнѣе всякихъ другихъ силъ. Идеалы эти можно назвать великими идеями, дѣйствующими на цѣлые ряды поколѣній многовѣковой общественной организаціи.

Цѣль развитія права — безпристрастное и при томъ возможно упрощенное правосудіе, достигается не очень легко, потому что для этого человѣчеству нужно пройти предварительно долгій искусъ самовоспитанія. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что, по невозмож-

ности непосредственнаго достиженія идеала, къ нему стараются подобраться различными окольными путями. Ради этого и стараются еще неокрѣпшія нравственныя силы подкрѣпить другими болѣе дѣйствительными или поставить послѣднія въ замѣнъ первыхъ. Въ качествѣ такихъ силъ предлагаются мистико-религіозныя идеи. Эти идеи, какъ мы уже видѣли при разсмотрѣніи вопроса объ обостреніи чувства мести, играли роковую роль, помогая развитію злопамятности. Теперь ихъ роль сводится къ предотвращенію преступленій, исправленію преступныхъ и смягченію приговоровъ.

Всѣ магическія охранительныя средства имѣютъ способность сообщать полную увѣренность въ ихъ дѣйствительности тому, кто имѣетъ ихъ и примѣняетъ. Въ этомъ смыслѣ они не могутъ служить для охраны чьего-либо права. Несмотря на это, они могутъ нерѣдко оказывать свое вліяніе съ другой стороны: если напримѣръ, знаютъ и вѣрятъ, что человѣкъ при помощи какого-нибудь амулета сдѣлалъ себя неуязвимымъ или, что его имущество охраняется демонами, то всѣ болѣе или менѣе оберегаются безпокоить его. Широко распространенный обычай утварь и другія вещи украшать изображеніями предковъ или самимъ вещамъ придавать форму изображеній предковъ (см. изобр. на этой стр.) даетъ понять, насколько вообще любятъ прибѣгать къ такимъ помощникамъ. Отъ этого же корня ведутъ свое происхожденіе законы табу, о которыхъ уже говорилось раньше. Табуистическія предписанія могутъ исходить отъ отдѣльныхъ лицъ или отъ вождей и представителей общества. На Самоа король имѣлъ власть по своему желанію объявить извѣстныя вещи табу и такимъ образомъ временно или навсегда изъять ихъ изъ употребленія. По сообщеніямъ Турнера однако же оказывается, что и частныя лица старались свое имущество оградить отъ посягательствъ при помощи волшебныхъ средствъ и запугивали этимъ воровъ. Вырѣзанное изъ кокосоваго листа изображеніе акулы указывало вору, что онъ будетъ пожранъ акулой; горизонтально повѣшенная палка грозила вору, что чрезъ его тѣло пройдетъ болѣзнь, отъ которой онъ помретъ; другіе знаки указывали на появленіе болѣзненныхъ нарывовъ, нашествіе крысъ, смерть отъ молніи, болѣзни глазъ и т. д. По наблюденіямъ Крамера, ванико (В. Африка) охраняли свои плантаціи и дома, вывѣшивая

Барабанъ съ средняго Конго. Этнографическій музей въ Берлинѣ.

волшебные амулеты. На полуостровѣ Газелей, въ Новой Помераніи существуютъ три вида табуистической охраны собственности; первое, менѣе дѣйствительное, можетъ всякій наложить самъ, второе, посильнѣе, накладывается вождемъ племени, третье, котораго болѣе всего опасаются, устраивается за извѣстное вознагражденіе колдуномъ. Здѣсь между прочимъ встрѣчается замѣтная переходная ступень отъ мистической охраны къ правовой: кто нарушитъ простое табу, платитъ штрафъ раковинными монетами, но украденное можетъ оставить за собой. Волшебное средство здѣсь такимъ образомъ обращается въ простой знакъ собственности и даетъ поводъ къ установленію извѣстнаго юридическаго обычая.

Здѣсь мистика, создавая и укрѣпляя понятіе о собственности, дру-

вращаются въ органы правосудія. Естественнымъ образомъ „эта справедливость“ примѣняется прежде всего къ тѣмъ субъектамъ, которые стоятъ внѣ такого общества и безпокоятъ его, то есть здѣсь дѣйствуетъ пока только месть. Несмотря на это обязанность членовъ хранить тайны и слѣдовать уставамъ общества вынуждаетъ въ то же время къ выработкѣ своей особенной внутренней юстиціи, которая въ этихъ условіяхъ должна развиваться быстрѣе и полнѣе нежели въ данномъ, открытомъ для всѣхъ общежитіи. Вмѣстѣ съ этимъ здѣсь открыты пути и тѣмъ, и другимъ, соединеніе обоихъ приводитъ къ тому, что тайный союзъ становится чѣмъ-то вродѣ полиціи или судебнаго учрежденія. Въ дѣйствительности на низшихъ ступеняхъ культуры таинственность такого отправленія правосудія можетъ быть временною замѣною слаборазвитого правосознанія. Пусть, какъ это и бываетъ всегда на дѣлѣ, думаютъ, что союзъ пользуется содѣйствіемъ нездѣшнихъ силъ и приписываютъ ему обладаніе сверхъестественными знаніями и силами или же, какъ это было съ тайными судами временъ кулачнаго права (Femgerichte) будутъ опасаться громаднаго числа повсюду тайно-присутствующихъ „знающихъ“ Фемы.

Послѣдняя представляетъ отличный примѣръ того, какимъ образомъ изъ мистической основы образовалась прочная судебная организація, которая, безъ сомнѣнія, въ безправныя времена средневѣковья, имѣла весьма серьезное значеніе. Къ несчастью, связь Фемы съ болѣе древними тайными сообществами, послѣдній слѣдъ которыхъ виденъ въ верхне-баварскомъ союзѣ габерeровъ (овсянщиковъ), еще мало изслѣдована; но она несомнѣнно существовала. Даже и тамъ, гдѣ введено гласное судопроизводство, держится довольно долго и тайное, въ видѣ корректива къ публичному, такъ какъ на первыхъ порахъ новому судопроизводству не совсѣмъ довѣряютъ. Въ Китаѣ, благодаря плохой организаціи и несовершенству государственнаго устройства тайныя общества являются неискоренимымъ зломъ. При укрѣпленіи правосознанія и государственной власти подобные союзы теряютъ всякое значеніе. Фема подъ конецъ своего существованія обратилась въ какой-то особый видъ низшей полиціи болѣе комичной, чѣмъ страшной. Мѣстами также и въ Африкѣ носящіе маски члены союзовъ превратились въ полицейскіе отряды на службѣ у королей.

Обыкновенно мистика играетъ роль важнаго вспомогательнаго средства при опредѣленіи виновности или невинности субъекта. Божій судъ или ордаліи не получили бы своего столь широкаго распространенія, если-бъ въ большинствѣ случаевъ въ преступленіи не подозрѣвали участія мистическихъ силъ, порчи, поврежденія при помощи волшебства. И это вполнѣ естественно, потому что первобытный человѣкъ гораздо больше боится злыхъ козней волшебства, чѣмъ реальной опасности. Въ силу этого интересъ общества требуетъ, чтобы волшебникъ былъ найденъ и наказанъ, потому что никто не гарантированъ отъ его злодѣяній. Показаніями свидѣтелей и другими настоящими судебными доказательствами весьма часто нельзя констатировать волшебства: поэтому сама собой навязывается мысль добыть доказательства при помощи мистическихъ пріемовъ, самые же пріемы доказательства до чрезвычайности разнообразны.

По цѣлямъ своимъ ордаліи можно раздѣлить на констатирующія вину или невинность субъекта, причемъ въ первомъ случаѣ налагается наказаніе, и на ордаліи, прибѣгающія къ весьма опаснымъ испытаніямъ, которыя при неблагопріятныхъ результатахъ, влекутъ за собой заболѣваніе и смерть обвиняемаго. Первый пріемъ совершенно тождественъ съ ворожбой. Вырабатывались многократно способы для распознанія виновника смерти отъ волшебныхъ козней. Иногда носили трупъ по всему селенію, и

читься, а если на тѣлѣ были раны, то при прикосновеніи виновнаго изъ нихъ выступала кровь. Послѣдній пріемъ указываетъ, что къ мистическимъ средствамъ прибѣгали и при простомъ убійствѣ, когда виновникъ былъ неизвѣстенъ.

Ордаліи, представляющія опасность для здоровья, крайне многочисленны и разнообразны: извѣстны испытанія горячими угольями, раскаленнымъ желѣзомъ, кипящей водой и масломъ. Если испытуемый при этомъ получалъ ожоги, это служило доказательствомъ вины. Производились также испытанія водой, при чемъ вина считалась доказанной и виновный осужденнымъ, если онъ тонулъ. Прибѣгали въ такихъ случаяхъ и къ поединкамъ, которые первоначально имѣли другое значеніе, результатъ которыхъ объяснялся вліяніемъ мистическихъ силъ. Наконецъ, существовали и до сихъ поръ въ большомъ ходу въ западной Африкѣ испытанія ядами, и способы такихъ испытаній отличаются тамъ большимъ разнообразіемъ. Иногда считаемое ядовитымъ веществомъ въ сущности совершенно безвредно и при этомъ расчитываютъ на извѣстный результатъ испытанія, какъ и въ другихъ ордаліяхъ первой группы, на обнаруженіе боязни при сознаніи своей дѣйствительной вины преступникомъ. Часто дѣйствіе яда ограничивается головокруженіемъ, рвотой или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. Иногда ядомъ прыскаютъ въ глаза, отчего появляется страшная боль или временная слѣпота, чѣмъ и доказывается виновность субъекта. По Оливеру въ западной Африкѣ для приготовленія яда предпочтительно пользовались растеніемъ Erythophlaeum Guinense, толкли кору этого растенія и порошокъ смѣшивали съ водой, ядъ этотъ принадлежитъ къ группѣ стрихнина. Рвота послѣ пріема служитъ признакомъ невиновности въ преступленіи, сильный пріемъ вызываетъ обыкновенно скорую смерть. Разумѣется, жрецъ-волшебникъ всегда имѣетъ возможность придать испытанію тотъ или иной исходъ. Обыкновенно только обвиняемый подвергается испытанію, но случается также, что жалобщика обязываютъ доказать свою добросовѣстность посредствомъ ордаліи.

Наиболѣе стойко сохранившійся и по сіе время юридическій обычай, имѣющій мистическое происхожденіе, представляетъ присяга. Первоначально и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ обычаемъ, имѣвшимъ иное назначеніе, который только впослѣдствіи сталъ однимъ изъ средствъ правосудія; однакоже присяга или торжественная усиленная мистическими пріемами форма обѣта, чѣмъ она и была въ началѣ, не можетъ быть безусловно признана орудіемъ юстиціи. Два лица могутъ дать другъ другу торжественныя обѣщанія, посторонніе не будутъ и подозрѣвать этого и еще менѣе того интересоваться тѣмъ, сдержали или не сдержали стороны данныя другъ другу обѣщанія. Присяга лишь тогда можетъ сдѣлаться юридическимъ обрядомъ, когда она утратитъ мало по малу свой мистическій характеръ и вмѣсто этого явится требованіе имѣть свидѣтелей при присягѣ, одно присутствіе которыхъ уже служитъ порукою исполненій обѣщаннаго. Только послѣ этого можетъ возникнуть мысль о примѣненіи присяги въ качествѣ доказательства на судѣ. Формы присяги, несмотря на измѣненіе ея характера, по большей части остаются безъ измѣненія.

Въ древнѣйшихъ формахъ присяги, какъ и вообще въ мистическихъ обрядахъ, главнымъ образомъ стараются не о томъ, чтобы сознательно призвать высшія силы во свидѣтели и предъ ними ходатайствовать о мести за нарушеніе обѣта, а наоборотъ, нагнать побольше страха, запугать присягающихъ. Многіе символическіе обряды, сопровождающіе присягу, могутъ возбудить только темные и неопредѣленные, но за то и болѣе сильныя застращиванія своими пластическими изображеніями судьбы клятвопре-

присныхъ, если я нарушу клятву". Также мистическій смыслъ имѣетъ и старый японскій обычай сжигать бумагу, на которой написано клятвенное обѣщаніе, и выпивать пепелъ, смѣшавъ его съ водой. Клятва такимъ путемъ какъ бы вселяется въ тѣло человѣка и дѣйствуетъ какъ ядъ въ случаѣ недобросовѣстнаго исполненія клятвы. Въ Хальмагера (Молукскій архипелагъ), по показаніямъ Риделя, существуютъ два вида присяги, на мечѣ и на соли: при клятвѣ на мечѣ берутъ съ него немного ржавчины, смѣшиваютъ ее съ водой и заставляютъ выпить все; при другой формѣ клятвы также заставляютъ пить воду, въ которой растворена щепотка соли. При ложной клятвѣ мечъ убьетъ своего хозяина или благополучіе его разсыпется, какъ соль.

Присяга на оружіи — явленіе очень распространенное. Насколько проста мысль о ней, показываютъ примѣры изъ эпохи завоеванія Камчатки. Казаки заставляли туземцевъ присягать на ружьѣ, когда желали обязать ихъ что-либо непремѣнно исполнить. О богахъ или демонахъ тамъ не было и помину. Совершенно было достаточно смутнаго страха передъ тѣмъ, что клятвопреступникъ будетъ убитъ ружьемъ. Нѣсколько сложнѣе вопросъ о клятвѣ на могилахъ, на черепахъ умершихъ или прямо именемъ умершихъ. Иногда здѣсь можетъ играть роль только символика; но кромѣ этого здѣсь, можетъ быть, въ основѣ лежитъ мысль о томъ, что покойники блюдутъ за исполненіемъ клятвъ и наказываютъ клятвопреступниковъ [1]. Иногда при торжественныхъ клятвахъ ставятъ въ поручители покойника и при этомъ приносятъ въ жертву человѣка. Впрочемъ въ такихъ случаяхъ могутъ оказывать свое содѣйствіе всевозможныя спутанныя идеи и невыясненныя представленія. Жертва при клятвѣ—символъ, указывающій, что клятвопреступника ожидаетъ та же участь, здѣсь видно грозное незабываемое напоминаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ зрѣлище, дающее возможность наслажденія жестокостью. Здѣсь, какъ часто и въ другихъ случаяхъ, сплетаются и перемѣшиваются между собою различныя ощущенія и идеи. Относительно отдѣльныхъ примѣровъ можно только сказать, что въ каждомъ, данномъ случаѣ преобладаетъ то или иное представленіе и сообщаетъ данному событію свою особенную окраску.

Развитіе и модификація присяги также указываютъ намъ на стремленіе привлечь интересъ общества къ единичнымъ явленіямъ и посредствомъ этого добиться того, чтобы клятвопреступникъ, помимо мистическихъ каръ подвергался общественному неодобренію или наказанію. Такимъ путемъ присяга получаетъ новое оправданіе своего существованія, гораздо болѣе солидное, чѣмъ старое, шаткость котораго мало по малу дознается опытомъ. Участіе общества въ присягѣ первоначально вызвано было тѣмъ, что клянущіе навлекаютъ невзгоды не только на самихъ себя лично, но и на ту группу, къ которой они принадлежатъ. Бодвичъ сообщаетъ, что самой страшной клятвой у ашантіевъ считалась клятва субботою-Караманти. Въ одну изъ субботъ король ашантіевъ погибъ самъ со всѣмъ своимъ войскомъ въ мѣстности Караманти. Субботняя клятва обозначала, что въ случаѣ нарушенія клятвы ашантіевъ постигнетъ такая же бѣда какъ при Караманти. Всѣ клятвы богомъ племени и народа въ основѣ своей имѣютъ

---

[1] Въ Россіи существуетъ повѣрье, что дурное поведеніе, въ особенности семейные раздоры, несоблюденіе завѣщаній отзываются вредно на судьбѣ умершихъ. Про такихъ людей говорятъ, что они „тревожатъ кости родителей".

При томъ страшномъ значеніи культа предковъ и боязни мертвецовъ что можетъ быть дѣйствительнѣе для первобытнаго человѣка клятвы именемъ или могилой предка, котораго присягающій какъ бы представляетъ своимъ поручителемъ. Главная цѣль культа предковъ-умиротворить ихъ, успокоить, заслужитъ ихъ благоволѣніе. При притязатель-

такой же характеръ, какъ и нарушеніе присяги однимъ лицомъ: разгнѣванное божество легко можетъ заставить искупать вину весь народъ. Такимъ образомъ сохраненіе святости присяги является общей заботой всего народа.

Судебная, въ особенности очистительная присяга часто принимаетъ видъ ордаліи или совершенно сливается съ послѣдней. Въ Африкѣ обыкновенно клянущагося заставляютъ пить воду или принимать какую-нибудь пищу и при этомъ взывая къ „фетишу", божеству или духу, говорить: пусть и вода, и ѣда будутъ мнѣ отравой, если я говорю неправду. При этой церемоніи любятъ выступать въ качествѣ защитника обвиняемаго жрецы даннаго фетиша.

Для всякаго упорядоченнаго судопроизводства необходимъ судья, даже тамъ, гдѣ доказательства добываются мистическими пріемами. Сословіе профессіональныхъ судей встрѣчается только у культурныхъ народовъ (см. приложн. табл.: „Сцены китайскаго судопроизводства"). Теоретически можно предположить, что въ такой роли должна выступать община, въ которой возникъ извѣстный судебный казусъ. Въ дѣйствительности же общество во всемъ своемъ составѣ принимаетъ участіе только въ тѣхъ случаяхъ, когда заходитъ рѣчь объ удаленіи неудобныхъ элементовъ изъ своей среды, то есть стариковъ, больныхъ и т. д.; но и въ этихъ случаяхъ всегда отдѣльныя лица руководятъ мнѣніемъ и дѣйствіями остальныхъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда приходится рѣшать какой-нибудь правовой вопросъ, на общее содѣйствіе разсчитывать безусловно невозможно. Всегда въ большихъ группахъ имѣются меньшія, которыя образуютъ трибуналъ или же единичныя лица — глава племени, жрецъ — берутъ на себя заботу объ охраненіи справедливости. Въ наиболѣе мелкихъ общественныхъ группахъ, семействахъ и родахъ, этихъ зародышахъ общества, имѣется особый крайне примитивный судъ, подобный тому, который практикуется и нынѣ отцами семействъ по отношенію къ дѣтямъ и слугамъ. Въ судѣ, стоящемъ выше семьи и рода, является надобность только тогда, когда въ данномъ юридическомъ вопросѣ заинтересованы нѣсколько семей или когда случай считается важнымъ для всего общества.

Различныя формы общественныхъ организацій сами собой доставляютъ возможность для устройства различныхъ формъ суда. Можетъ возникнуть коллегія старѣйшинъ, какъ у австралійцевъ, или же вожди отдѣльныхъ родовъ собираются вмѣстѣ, для рѣшенія спорныхъ вопросовъ; бываетъ также, что нѣкоторыя группы, образовавшіяся изъ союзовъ мужчинъ, захватываютъ въ свои руки отправленіе правосудія. Послѣдній случай, какъ мы уже видѣли раньше, открываетъ путь къ установленію судовъ тайныхъ сообществъ. Гдѣ преобладаютъ мистицизмъ и наклонность къ таинственному, тамъ жрецъ безъ труда забираетъ въ свои руки судебную власть; гдѣ власть главы племени доходитъ до деспотизма — начальникъ самъ становится судьей.

Первоначально всѣ судебныя рѣшенія совершенно произвольны и находятся въ прямой зависимости отъ минутнаго настроенія судьи. Однакоже, мало-по-малу начинаютъ устанавливаться извѣстныя традиціи, которыя сильнѣе единоличнаго судьи; въ судѣ засѣдаетъ уже не переходящая, быстро исчезающая со сцены личность въ качествѣ единаго судьи,—съ нимъ вмѣстѣ и въ немъ самомъ опытъ цѣлыхъ поколѣній, которыя много раздумывали и много разъ обсуждали встрѣчающіяся въ жизни судебныя дѣла; этимъ путемъ правосудіе пріобрѣтаетъ истинную глубину и достоинство. Однакоже, установившееся, замкнутое въ неподвижныхъ формулахъ право, преданіе вѣковъ минувшихъ—не должно господствовать надъ

старымъ затверженнымъ формуламъ. Среди двухъ опасностей, самовластнаго произвола и преклоненія передъ окаменѣлыми традиціями, прогрессивное развитіе движется медленнымъ, колеблющимся шагомъ. Ему грозятъ бѣды и опасности то съ той, то съ другой стороны, а во многихъ случаяхъ и съ обѣихъ сторонъ, такъ что въ результатѣ отъ истинной справедливости остаются только одни обломки. Конечно, есть всегда подъ руками крайнее средство, — искать справедливости въ важныхъ случаяхъ не среди своего истерзаннаго партійными распрями сообщества, а обратиться за безпристрастнымъ совѣтомъ къ постороннимъ или сдѣлать ихъ третейскими судьями. Исторія греческихъ республикъ и нѣмецкихъ средневѣковыхъ городовъ представляетъ много примѣровъ этого способа рѣшенія споровъ.

Роковое значеніе для безпристрастія правосудія имѣетъ стремленіе расположить подарками въ свою пользу судью. Такія доброхотныя даянія весьма скоро превращаются въ обыкновеніе, которое, конечно, не облегчаетъ неимущему истцу достиженія желаемаго результата на судѣ. Расходы на веденіе процесса и у культурныхъ народовъ представляютъ собою весьма сомнительную принадлежность правосудія. Между первобытными народами легко возникаетъ убѣжденіе, что оправданіе должно быть куплено такъ же, какъ товаръ, и что неимущій не имѣетъ никакихъ шансовъ на выигрышъ процесса. Въ этихъ случаяхъ богатый человѣкъ становится выше закона. По свидѣтельству Монрада, на Золотомъ берегу у Фанти предписанія властей имѣютъ значеніе только для бѣдныхъ и маломочныхъ людей, а для богатыхъ и знатныхъ они не существуютъ. Постъ говоритъ слѣдующее объ африканскихъ порядкахъ вообще: „Во многихъ случаяхъ исходъ процесса въ Африкѣ является вопросомъ силы, а не права. Бѣдный, неимѣющій вліянія человѣкъ передъ африканскимъ судомъ является совершенно безправной личностью. Онъ не имѣетъ возможности вынести тѣхъ значительныхъ издержекъ на веденіе процесса, безъ которыхъ благопріятнаго результата на судѣ нельзя и ожидать“. Процессы, такимъ образомъ, становятся доходной статьей для судей, что легко ведетъ къ развитію злѣйшаго лихоимства. При нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствахъ цѣлыя общества или племена могутъ доходить до крайняго безстыдства въ стремленіи нажиться отъ судебной кляузы, обдирая ни за что ни про что тѣхъ, кто попадется къ нимъ въ руки. Въ Африкѣ встрѣчается также и такое явленіе: племена внутренней Анголы, чрезъ территорію которыхъ часто проходятъ караваны, до крайности изобрѣтательны въ придумываніи по самымъ смѣхотворнымъ и нелѣпымъ поводамъ возбуждать иски противъ проходящихъ по странѣ купцовъ и носильщиковъ товаровъ, а такъ какъ на судѣ мѣстныхъ Соломоновъ всегда виноваты иностранцы, то они всегда и платятъ пеню „въ томъ размѣрѣ, какой опредѣлитъ правый судъ“. Въ такихъ случаяхъ правосудіе является замаскированнымъ вымогательствомъ.

Первобытный судъ не всегда мирволитъ только однимъ богачамъ. Сообразно наиболѣе первобытнымъ воззрѣніямъ не отдѣльная личность является истцомъ, но и все ея племя и судъ, въ нѣсколько смягченномъ видѣ, представляетъ собою племенную распрю. Здѣсь верхъ весьма часто беретъ болѣе сильное и лучше вооруженное племя, если не имѣется еще такого судьи, съ широкими полномочіями, который имѣлъ бы власть рѣшить дѣло своимъ вѣскимъ словомъ. Въ основѣ своей то же самое представляютъ средневѣковые суды, гдѣ и истецъ, и отвѣтчикъ имѣли своихъ присяжныхъ. Не два лица, истецъ и отвѣтчикъ, а два рода тягались между собой, и большее число присяжныхъ одной стороны рѣшало дѣло въ ея пользу.

имѣть одно опредѣленное мѣсто, куда обращаются всѣ со всѣми жалобами, и здѣсь можно видѣть судъ, болѣе добросовѣстный и болѣе упрощенный, нежели на слѣдующихъ ступеняхъ развитія. Эти простота и ясность исчезаютъ, когда мелкія группы вступаютъ между собою въ союзъ. Въ этихъ случаяхъ возникаетъ, обыкновенно, множество судебныхъ учрежденій и юридическихъ инстанцій, области компетенціи которыхъ сливаются и перекрещиваются между собою, и нужно пройти еще длинный путь развитія, чтобы имѣть возможность снова установить порядокъ среди хаоса.

Въ ходѣ этого постепеннаго развитія судъ подвергается различнымъ видоизмѣненіямъ, и древній институтъ мести замѣняется, въ концѣ-концовъ, весьма многозначительнымъ и сложнымъ институтомъ наказанія. Месть— дѣйствіе весьма простое. Наказаніе же можетъ преслѣдовать весьма разнообразныя задачи. Насколько многочисленны главныя, второстепенныя и дальнѣйшія задачи наказанія—можно видѣть изъ попытокъ правовѣдовъ дать имъ ясную и опредѣленную формулировку. Изъ нихъ ясно видно что право — результатъ постепеннаго развитія народа, и что посредствомъ строгой классификаціи на статьи и параграфы здѣсь ничего не сдѣлаешь. Всегда останется досадный остатокъ, который не укладывается ни въ какую формулу. Благодаря этому „свѣтлыя головы“, любящія чистоту и аккуратность, по возможности игнорируютъ такія неудобныя вещи. Другіе философы права втискиваютъ этотъ остатокъ въ свою систему; удастся пристроить въ системѣ не подходящія подъ другія формулы отношенія—вмѣсто нихъ съ другой стороны бокомъ вылѣзаетъ изъ прокрустова ложа другой рядъ жизненныхъ запросовъ. Теоріи наказанія, можетъ быть, представляютъ лучшій примѣръ подобныхъ безплодныхъ стараній, въ которыхъ, впрочемъ, нѣтъ недостатка и въ другихъ областяхъ.

Съ другой стороны, точно также невозможно говорить о наказаніи въ нашемъ смыслѣ у первобытныхъ народовъ. Стремленіе посредствомъ устрашающаго или исправительнаго наказанія дѣйствовать на человѣка весьма поздно проявляется въ сознаніи общества, хотя въ качествѣ результата односторонняго развитія первобытныхъ народовъ подобные факты могутъ встрѣчаться и на раннихъ ступеняхъ развитія. Вообще же, можно сказать, что дѣйствія, признаваемыя нами за наказаніе, практиковались гораздо ранѣе того, чѣмъ ихъ можно было обозначить этимъ терминомъ. Всего яснѣе это видно на человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. У древнихъ классическихъ народовъ встрѣчается обыкновеніе вмѣсто невиннаго человѣка приносить въ жертву преступника, такъ что, въ концѣ-концовъ, жертвоприношеніе превращалось въ торжественную смертную казнь. Еще во времена Имперіи въ Римѣ во время латинскихъ ферій приговореннаго къ смерти преступника приносили въ жертву на алтарѣ Юпитера. Въ Аѳинахъ во время праздника Таргелій приносили, въ видѣ искупительной жертвы за городъ, на алтарѣ Аполлона, двухъ преступниковъ, мужчину и женщину. Параллельно съ этимъ изъ слѣпой мести, злобнаго стремленія отплатить сторицею, развивается настоящее правосудіе, которое первоначально опредѣляетъ мѣру вины и потомъ уже назначаетъ наказаніе. Въ греческой миѳологіи слѣпая месть прекрасно олицетворена въ Эринніяхъ, между тѣмъ какъ олимпійскіе боги, стоящіе выше другихъ, являются представителями разумной справедливости.

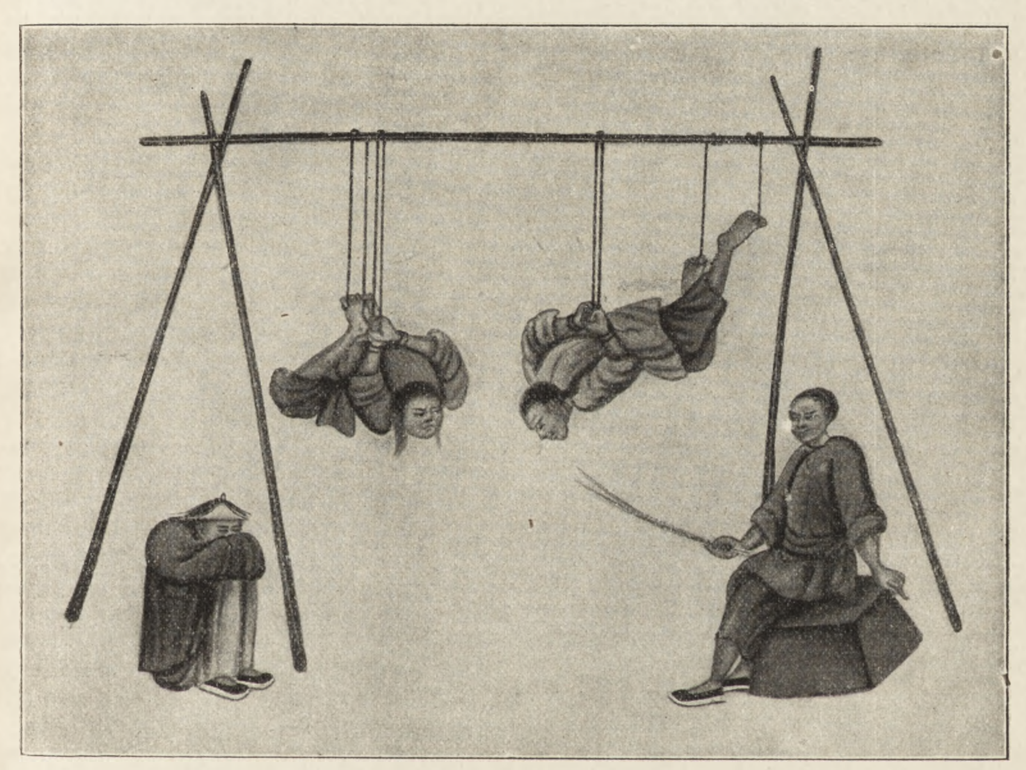
Въ различныхъ видахъ наказанія замѣчается та же самая путаница, какъ и въ формахъ отправленія правосудія. Первоначально число наказаній бываетъ не велико, затѣмъ оно возрастаетъ до чудовищныхъ размѣровъ, а при развитіи культуры снова сводится къ болѣе скромному

желаетъ застращивать или исправлять его,—оно хочетъ только отдѣлаться отъ него. Изгнаніе изъ общества почти равносильно смертной казни, такъ какъ внѣ племенной группы для отдѣльной личности существованіе становится невозможнымъ. Побои и легкія членовредительства встрѣчаются нерѣдко въ качествѣ проявленія субъективной мести; но наказаній въ юридическомъ смыслѣ не существуетъ. Въ то же время постепенно тѣлесныя наказанія развиваются, конечно, по большей части, подъ вліяніемъ страсти къ жестокимъ наслажденіямъ, которая при человѣческихъ жертвоприношеніяхъ проявляетъ себя возмутительными излишествами. Достаточно заглянуть въ какой-нибудь старинный уголовный кодексъ, хотя бы нѣмецкій, и мы ясно увидимъ, какъ здѣсь, подъ покровомъ стремленія къ справедливости, разрослись до необычныхъ размѣровъ темные, ядовитые зародыши, таящіеся въ душѣ человѣка. Для средневѣковаго человѣка казнь преступника была зрѣлищемъ, отъ котораго онъ, въ своемъ монотонномъ существованіи, не могъ отказаться. Китайская культура до сихъ поръ страдаетъ отъ жестокости своихъ казней и пытокъ, этого остатка варварства (см. изобр., стр. 645). Великимъ пріобрѣтеніемъ слѣдуетъ признать побѣду культурныхъ народовъ надъ этимъ дьявольскимъ наслажденіемъ муками человѣка и замѣну его болѣе благородными и чистыми удовольствіями. Можетъ быть, слѣдя на сценѣ за судьбой погибающаго героя драмы, въ насъ говоритъ облагороженный, очищенный отъ всего злобнаго отголосокъ стараго грубаго ощущенія звѣрскаго удовольствія.

Противъ чрезмѣрнаго примѣненія тѣлесныхъ наказаній, по счастью, находится средство въ развитіи частной собственности. Денежный или имущественный штрафъ вначалѣ играетъ роль откупа отъ тѣлеснаго наказанія. Впослѣдствіи же, такъ какъ деньгами или имуществомъ можно точнѣе измѣрить вину, денежная пеня становится важной помощницей прогресса и судебной добросовѣстности. Опасныя стороны системы штрафовъ неоспоримы, и онѣ обнаруживаются въ довольно раннюю эпоху. Для властъ имущихъ онѣ являются способомъ обогащенія подъ предлогомъ отправленія справедливости, съ другой стороны—самъ собою является выводъ, что деньгами можно откупиться отъ всякаго злодѣянія и что для богатыхъ не существуетъ законовъ. Другая опасность не устранена до сихъ поръ и въ культурныхъ обществахъ: зажиточнаго человѣка штрафъ не разоритъ, а для бѣднаго онъ можетъ, при совершенно однородномъ проступкѣ, имѣть губительное значеніе.

Многія первичныя формы имущественныхъ пеней имѣютъ въ корнѣ мистическое происхожденіе. Въ Новой Зеландіи существуетъ своего рода легализированный грабежъ, называемый „муру“, которому подвергаются семьи, гдѣ было совершенно какое-нибудь преступленіе или случилось несчастіе. Подъ понятіе наказанія такое дѣяніе не подходитъ, такъ какъ оно не приноситъ безчестья, и потерпѣвшіе отъ грабежа не скрываютъ и не стыдятся того, что съ ними случилось. Такому расхищенію подвергается и человѣкъ неповинный: Б. Броунъ сообщаетъ, что одинъ вождь былъ ограбленъ за то, что жена его совершила прелюбодѣяніе. Можетъ быть этотъ обычай происходитъ изъ другого, во исполненіе котораго послѣ смерти человѣка его имущество уничтожается или раздаривается, чтобы отклонить месть покойника отъ живущихъ. Ограбленіе живущихъ также можетъ имѣть свою бытовую основу — отводить злобу демоновъ противъ погрѣшившей семьи. Это мнѣніе находитъ поддержку въ одномъ старомъ японскомъ обычаѣ, по которому допускается легальный грабежъ — „харай“. Ему подвергались лица, потерявшія близкаго родственника или товарища по путешествію. Это обыкновеніе выродилось, въ концѣ-концовъ, въ такое

Гораздо позднѣе и медленнѣе, чѣмъ до сихъ поръ упомянутыя явленія, развивается наказаніе лишеніемъ свободы. Начало его несомнѣнно лежитъ въ обычаѣ содержать подъ стражей плѣнниковъ для принесенія въ жертву или для промѣна. Въ обстановкѣ первобытной жизни наказаніе лишеніемъ свободы имѣетъ мало смысла. Зданія, въ которыхъ можно крѣпко запереть плѣнника, врядъ ли найдутся у первобытныхъ народовъ, а первобытныя оковы таковы, что при хитрости, терпѣніи и настойчивости отъ нихъ легко отдѣлаться, оковы же другого устройства настолько тяжелы, что чрезъ непродолжительное время онѣ могутъ расшатать здоровье узника и даже довести его до смерти. Къ этому присоединяется еще и дешевизна человѣческой жизни: вмѣсто того, чтобы стеречь полоненнаго или преступника,

Пытка у китайцевъ. По китайскому рисунку красками на рисовой бумагѣ. См. текстъ, стр. 644.

да еще и кормить гораздо проще убить его. На нѣсколько высшихъ ступеняхъ развитія предпочитаютъ продать преступника въ рабство. Этотъ способъ наказанія пользуется особою популярностью въ Африкѣ. Весьма поздно люди доходятъ до той мысли, что государство обязано кормить тѣхъ людей, которыхъ оно оторвало отъ работы и держитъ взаперти. Еще въ началѣ XIX столѣтія неисправныхъ должниковъ запирали въ тюрьму и нисколько не заботились объ ихъ пропитаніи. На Мадагаскарѣ арестантъ еще долженъ уплачивать деньги за свои оковы. Пищу они получаютъ отъ родственниковъ; иначе же они должны въ цѣпяхъ идти на работу или просить милостыню.

Наказаніе лишеніемъ чести еще менѣе извѣстно въ первобытномъ

другого лица, слагаетъ сатирическую пѣсню на своего обидчика, является въ назначенный день въ извѣстное мѣсто и въ присутствіи громаднаго стеченія людей поетъ свою сатиру, на которую отвѣчаетъ противникъ. Нансенъ сообщаетъ, что „тотъ изъ состязающихся, который своими колкостями или остротами вызоветъ въ публикѣ больше смѣха, считается побѣдителемъ“. Для эскимоса же самое тяжелое наказаніе сдѣлаться посмѣшищемъ сосѣдей. Послѣ этого ему не остается ничего дѣлать иного, какъ поскорѣе выбраться изъ своего поселка. Уже Эгедэ упоминаетъ о такихъ полемическихъ пѣсенныхъ состязаніяхъ, которыя сильно напоминаютъ взаимныя перебранки гомеровскихъ героевъ. Въ общемъ же это явленіе стоитъ одиноко и появляется при повышенной культурѣ въ новой формѣ, чему примѣромъ можетъ служить средневѣковое наказаніе позорнымъ столбомъ. Однако же, аналогичное явленіе нашлось у крайне низкостоявшихъ тасманійцевъ. Тамъ преступника сажали на самый нижній сукъ дерева, и все племя поносило его и бранило. Это наказаніе было смягченной формой болѣе древняго. Раньше тамъ въ виновнаго бросали копьями, что еще и до сихъ поръ практикуется въ Австраліи.

Преступленія измѣняются такъ же, какъ и наказанія. Убійства, смертельные побои, увѣчья встрѣчаются на всякихъ стадіяхъ развитія и первоначально влекутъ за собой месть и осужденіе; но нельзя никакъ утверждать, чтобы всякое убійство человѣка влекло за собою такія послѣдствія. Кто убьетъ чужеродца, тотъ отъ своихъ можетъ скорѣе ждать похвалъ, чѣмъ порицанія. Тамъ, гдѣ ограниченіе роста населенія является неизбѣжною необходимостью, матери считаютъ долгомъ чести умерщвлять лишнихъ дѣтей и съ такой же спокойной совѣстью устраняются старики и больные. Насколько сильна и неумолима месть противъ чужого рода и племени, настолько же она нерѣшительна въ предѣлахъ своей группы.

Преступленія противъ собственности не могутъ имѣть большого значенія въ первобытномъ обществѣ и, вообще, на нихъ мало обращаютъ вниманія. Всякій, придя къ другому, самъ видитъ, на какія вещи онъ можетъ заявить притязанія, какъ на свою собственность. На полуостровѣ Газелей въ Новой Помераніи, обокраденный, если онъ не захочетъ затягивать дѣла, даритъ вору нѣсколько раковинныхъ монетъ и проситъ за это добровольно вернуть украденное. Воръ открыто хвастается своими ловкими кражами; попасться же съ поличнымъ считается позоромъ. У ябимовъ въ Новой Гвинеѣ дѣла обстоятъ точно такъ же. Найдетъ, украдетъ ли кто что-нибудь онъ часто охотно отдаетъ назадъ за какой-нибудь выкупъ. Если вождь племени украдетъ что-нибудь, дѣло по большей части оставляютъ безъ движенія, чтобы не разсердить начальника. Кража овощей или плодовъ, обыкновенно, кончается тѣмъ, что владѣлецъ выругаетъ вора и пригрозитъ ему въ другой разъ поступить построже.

Нельзя, однакоже, думать, чтобы у всѣхъ первобытныхъ народовъ существовали такія шаткія понятія о собственности. Склонность къ развитію одной стороны жизни мѣстами приводитъ къ совершенно другимъ результатамъ. Гольды на рѣкѣ Амурѣ, извѣстные своей честностью даже съ посторонними, по Якобсону, наказываютъ вора отсѣченіемъ рукъ и потомъ сами заботятся о поддержаніи жизни калѣки. У многихъ племенъ Южной Америки воровъ жестоко наказываютъ: у карибовъ на Гаитѣ ихъ щипали, по показаніямъ Овидео, у древнихъ индѣйцевъ куско ослѣпляли, въ Чили убивали, если они не имѣли могущественныхъ заступниковъ. Обитатели острова Токелау даже за кражу съѣстныхъ припасовъ наказывали смертью или рабствомъ. Естественнымъ образомъ встрѣчаются и противоположныя

которыя первобытныя коммунистическія воззрѣнія съ большой стойкостью сохраняются при возрастаніи культуры и становятся въ оппозицію требованіямъ правосудія. Воры дичи и дровъ въ Германіи, бриганты южной Европы не считаются обыкновенными преступниками и часто прославляются, какъ герои.

Между тѣмъ какъ съ возростаніемъ культуры нарушенія права собственности обращаютъ на себя все бо́льшее и бо́льшее вниманіе, хотя караются гораздо милостивѣе, чѣмъ прежде, наказанія за волшебство и оскорбленіе божества постепенно исчезаютъ. Вмѣсто того, иски за оскорбленія и клевету охватываютъ все болѣе и болѣе обширный кругъ. Чувство чести растетъ вмѣстѣ съ уменьшеніемъ суевѣрій, исчезновеніемъ грубыхъ пріемовъ колдовства и кулачныхъ расправъ. Сообразно съ шаткостью понятій о половой нравственности не установились еще и юридическія воззрѣнія на преступленія этой категоріи. У первобытныхъ народовъ въ этомъ отношеніи разнообразіе изумительное: съ одной стороны — смерть за прелюбодѣяніе и соблазненіе, съ другой, самыя ничтожныя взысканія за тѣ же проступки. Сильнѣе всего оскорбляется нравственное чувство браками между членами одного рода въ тѣхъ племенахъ, которыя придерживаются экзогамическихъ воззрѣній.

Впрочемъ, всѣ внѣшнія формы проявленія права не имѣютъ никакого значенія безъ развитого внутренняго правосознанія; онѣ обусловливаютъ другъ друга, поперемѣнно подвигаютъ впередъ и пріостанавливаютъ. То же самое видимъ постоянно, когда въ живомъ и долговѣчномъ организмѣ общества всѣ окрѣпшія въ немъ установленія начинаютъ проникать въ сознаніе живущаго поколѣнія. Законъ, созданный дальновидными и разсудительными членами общества, становится воспитательнымъ средствомъ для всего общества, которое, постепенно вникая въ смыслъ требованій закона и приспособляясь къ нимъ, развиваетъ въ себѣ добросовѣстность до той мѣры, при которой принудительная власть становится почти излишней. Общественная совѣсть даннаго народа съ теченіемъ времени можетъ пріобрѣсти большую чувствительность, она становится въ рѣзкое противорѣчіе съ коснымъ, блюдущимъ свою неприкосновенность закономъ. Въ такихъ обстоятельствахъ является задачей лучшихъ умовъ страны эти новыя требованія совѣсти превратить въ формулы закона и поставить ихъ на мѣсто устарѣвшихъ нормъ права. Въ этихъ реформахъ проявляется жизнь долговѣчнаго общественнаго организма. Роковой ошибкой было бы думать, что право должно стоять выше жизни и мечтать о созданіи вѣковѣчныхъ юридическихъ нормъ, подобныхъ неизмѣннымъ математическимъ теоремамъ. Во всякомъ случаѣ, развитіе права получаетъ широкій размахъ, когда оно идетъ рука объ руку съ требованіями нравственности. Сознаніе идеи права и справедливости захватываетъ все бо́льшіе и большіе круги и, наконецъ, уничтоживъ всѣ преграды и тормазы, созданные дряхлѣющей традиціей, сдѣлается достояніемъ всего человѣчества. По нѣкоторымъ слѣдамъ, сохранившимся въ языкѣ, можно весьма интереснымъ образомъ прослѣдить, какъ происходило развитіе этого непрерывно-ростущаго общенія народовъ. Латинское слово hostis, обозначающее и чужеродца и врага, не имѣетъ въ идеѣ ничего общаго съ нѣмецкимъ Gast (гость), который тоже обозначаетъ чужого, но въ смыслѣ желаннаго посѣтителя, который находится подъ защитой хозяина и стоитъ на равной ногѣ съ нимъ.

Чувство справедливости превращается въ потребность, которая, въ предѣлахъ нашего бытія, не можетъ получить полнаго удовлетворенія. Поэзія справедливости, изображаемая въ драмѣ, представляетъ собой по-

діозныя поэтическія сказанія о послѣднемъ судѣ, вѣчномъ блаженствѣ и вѣчномъ мученіи. Можно думать, что культура Европы въ своемъ сознаніи пережила уже этотъ фазисъ пониманія будущаго. Мысль о вѣчномъ наказаніи за временный проступокъ для нашего чувства справедливости является чѣмъ-то недопустимымъ. Обращаясь къ прошлому, мы узнали, какимъ образомъ измѣняется понятіе о справедливости, узнали мы также, что только способное къ превращеніямъ и видоизмѣненіямъ воистину долговѣчно, а не окаменѣлое и неподвижное, которое кратковременно-существующему созданію кажется вѣчнымъ.

---

5. Возникновеніе науки.

Окинувъ еще разъ умственнымъ взоромъ многотрудный путь, пройденный человѣкомъ въ его стремленіи къ культурѣ и затѣмъ обращаясь къ будущему и пытаясь разгадать грядущій путь, лежащій передъ нами, мы видимъ картину нѣкоторой эволюціи. Эта эволюція всеобъемлющая, самая важная изъ всѣхъ ея формъ. Въ ней обнаруживается мощно возрастающій процессъ постепенной замѣны сознательными дѣйствіями безсознательной, но цѣлесообразной работы темныхъ, внутреннихъ силъ организма человѣка. Этимъ, однакоже, въ результатѣ не замѣняются безсознательныя силы сознательными, — сознательныя силы только руководятъ и господствуютъ надъ безсознательными. Затѣмъ происходитъ новое превращеніе: совершаемая подъ контролемъ разума затруднительная работа превращается въ привычный, почти не требующій напряженія процессъ: этимъ облегчается и разнообразится работоспособность отдѣльной личности, и она получаетъ возможность дѣйствовать съ большими шансами на успѣхъ. Плодомъ этого непрерывнаго процесса является культура. Нашу планету, на которой прозябаетъ и развивается міръ растеній, не нуждаясь въ руководствѣ сознанія, человѣкъ покоряетъ вновь силою своего разума. Еще много сохранилось въ людяхъ инстинктивныхъ побужденій, которыя до сихъ поръ еще весьма мало затронуты, весьма мало подвергались вліянію сознанія. Прежде всего, это обнаруживается на половомъ чувствѣ и на потребности къ общенію. Можно ли надѣяться, что въ будущемъ и эти инстинкты въ своихъ основаніяхъ подвергнутся контролю разума и войдутъ въ общій потокъ сознательнаго развитія? Въ указаніяхъ на такую метаморфозу нѣтъ недостатка. Однакоже, замѣна инстинктивныхъ стремленій разумомъ не будетъ конечной цѣлью процесса развитія: мы постоянно видимъ живое чувство рядомъ съ сознаніемъ и отъ этого инстинктивное стремленіе не только не терпитъ ущерба, но, наоборотъ, очищается и облагораживается. Культура ума и культура сердца не противорѣчатъ другъ другу, а, напротивъ, стремятся ко взаимному объединенію.

Въ этомъ смыслѣ науку, охватывающую собою всякое познаніе и всякую умственную работу, можно назвать вѣнцомъ человѣческой культуры. Но наука, прежде всего, только отвлеченное понятіе. Со времени изобрѣтенія письменности явилась возможность сохранять всякое знаніе, такъ сказать, въ замороженномъ состояніи, растворять и оживлять его снова соприкосновеніемъ съ мыслью живого человѣка; но дѣйствительно существующее полезное живое знаніе заключается только въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя твердо укоренились въ памяти даннаго поколѣнія. У народовъ, неимѣющихъ письменности, только и возможно такое знаніе. Развѣ

первобытной культуры.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Китайское преподаваніе.

По китайской картинѣ на рисовой бумагѣ.

добныхъ пріобрѣтеній найдемъ мы не мало и у первобытныхъ народовъ. Даже и высшія животныя имѣютъ небольшой запасъ сознательно пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, хотя уже обратившихся въ безсознательный навыкъ.

Знаніе должно жить въ сознаніи живыхъ людей, должно передаваться грядущимъ поколѣніямъ, такъ какъ безъ этого оно потухнетъ и заглохнетъ. Такое культивированіе знанія называется *воспитаніемъ* (см. прилаг. табл.: „Китайское преподаваніе“). Впрочемъ отношенія между воспитаніемъ и наукой далеко не такъ просты, какъ это можно заключить изъ выше приведеннаго объясненія.

При воспитаніи ребенка ему не только стараются сообщить нѣкоторую сумму разумно понятыхъ и ясно усвоенныхъ свѣдѣній, но повліять на ученика такимъ образомъ, чтобы пріобрѣтенными знаніями онъ могъ безъ затрудненій, по привычкѣ, тотчасъ воспользоваться во всякую данную минуту. Самымъ простымъ примѣромъ служитъ ходьба: сначала ребенокъ съ трудомъ осторожно переставляетъ ножки, а потомъ, послѣ долгаго упражненія, ходьба превращается въ полусознательное дѣйствіе, не нуждающееся въ непрерывномъ контролѣ сознанія. Подобнымъ же образомъ ребенокъ научается говорить, производить различныя движенія, ѣсть и т. д. Но такая передача различныхъ умѣній учителемъ ученику не требуетъ большого участія сознанія и всегда почти усваивается безъ яснаго сознанія будущей цѣли заученнаго. Людей можно такъ же дрессировать, какъ животныхъ, даже нужно, чтобы ребенокъ не зналъ коренныхъ источниковъ различныхъ вещей, да весьма часто и самъ учитель не можетъ дать себѣ въ нихъ яснаго отчета, — значительная доля воспитанія сводится къ простой дрессировкѣ. Бремя преданія, эта живая сила установившагося общества, оказываетъ въ своемъ наличномъ состояніи давленіе на юныя души. Даже и научныя свѣдѣнія въ данномъ народѣ представляютъ собою только складъ запомненныхъ фактовъ и въ такомъ видѣ переходятъ къ слѣдующимъ поколѣніямъ. Возможность дрессировки отдѣльной личности, желающей воспользоваться свѣдѣніями, пріобрѣтенными предшествующими поколѣніями, избавляетъ отъ труда наново продумать все то, что было выработано раньше другими. Эта дрессировка служитъ залогомъ устойчивости нравовъ и мнѣній и прочности общественнаго организма, несмотря на измѣнчивый составъ его; но, съ другой стороны, благодаря той же устойчивости сохраняется и передается по наслѣдству много безсмысленнаго, много такого, что, въ концѣ-концовъ, становится невыносимымъ бременемъ для потомковъ.

На первый взглядъ кажется, что воспитаніе характера стоитъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ обученіемъ и научными упражненіями, но это противорѣчіе только кажущееся. Воспитаніе характера имѣетъ цѣлью поддерживать стремленія, *которыя разумъ признаетъ полезными*, и создавать благопріятныя условія для ихъ развитія, другія же стремленія, безграничное господство которыхъ можетъ оказаться опаснымъ для общества, вытѣснять или ослаблять, создавая неблагопріятную обстановку для ихъ развитія. И въ этомъ отношеніи разумъ стремится подчинить себѣ инстинктъ. Съ ходомъ постепеннаго развитія измѣняются взгляды на полезное для общества, установившіяся догмы начинаютъ испытывать сильныя колебанія: параллельно этому и въ вопросѣ о воспитаніи характера появляется большое разнообразіе мнѣній. То, что считается полезнымъ для воспитанія характера у первобытныхъ народовъ, покажется крайне сомнительнымъ и даже прямо недопустимымъ на высшихъ ступеняхъ развитія. Для дикаря, напримѣръ, дикость характера весьма полезна, такъ какъ глав-

Вообще, конечно, о воспитанiи у примитивныхъ народовъ многаго сказать нельзя, — вѣдь и старшiе не могутъ многаго передать молодымъ ни изъ области знанiй, ни по части самовоспитанiя. Отсюда и выходитъ странное противорѣчiе въ томъ, что какъ разъ именно дѣти и остаются безъ всякаго надзора и призора и иногда все время проводятъ въ однѣхъ забавахъ; не говоря уже о строгости, даже и о серьезномъ отношенiи къ своему потомству нѣтъ и помина; наказанiя, взысканiя почти совершенно неизвѣстны. Штейнмецъ, пользуясь обширной литературой, очень тщательно изслѣдовалъ этотъ вопросъ; I. Вольфъ указывалъ на то, что въ низшихъ классахъ европейскаго населенiя замѣчается склонность очень снисходительно относиться къ проказамъ и дурнымъ склонностямъ дѣтей. Грубость, повидимому не совмѣщаемая съ культурой, на дѣлѣ является и здѣсь такой же необходимой принадлежностью картины нравовъ, какъ и у первобытныхъ народовъ. У послѣднихъ же мы видимъ примѣры постоянныхъ колебанiй между веселостью, мрачнымъ равнодушiемъ и дикими взрывами страстей, что служитъ несомнѣннымъ признакомъ отсутствiя всякаго воспитанiя характера.

Волчокъ у приморскихъ даяковъ, Борнео. По Лингъ Роту.

Первые начала дѣйствительнаго методическаго воспитанiя характера встрѣчаемъ мы въ обрядахъ и обычаяхъ, связанныхъ съ существованiемъ особыхъ обществъ мужчинъ, подготовляющихъ молодыхъ людей къ вступленiю въ общество совершеннолѣтнихъ. Подготовляющимся сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнiя, передаютъ имъ разныя снаровки и умѣнья, прiучаютъ ихъ къ извѣстнаго рода выдержкѣ и дисциплинѣ. Главную же роль здѣсь играютъ слова и поступки родителей, которыхъ дѣти берутъ себѣ въ образецъ и, среди свободныхъ игръ и соревнованiя между собою, прiобрѣтаютъ путемъ упражненiя необходимые навыки и опытность. Какъ показываетъ дѣтская игрушка (см. рис. рядомъ), первымъ дѣломъ является усвоенiе извѣстной физической ловкости и сноровки, которыя, между тѣмъ, въ основѣ своей имѣетъ цѣлью дисциплину духа. Только въ видѣ одиночныхъ примѣровъ мы встрѣчаемъ систематическое воспитанiе у первобытныхъ народовъ: у маори въ Новой Зеландiи, по сообщенiю Беста, были настоящiя училища: въ Варе-Маирѣ обучали исторiи, генеалогiи и вѣроученiю, въ Варе-Пюро — тканью матерiи изъ льна. Былъ въ Варе-Таперѣ домъ для развлеченiй, гдѣ молодежь устраивала свои игры.

Разными путями и въ этихъ условiяхъ добываются кое-какiя настоящiя научныя свѣдѣнiя, передающiяся изъ рода въ родъ, но весьма незначительныя, по сравненiю съ громадною массою мистическихъ и миѳологическихъ. Между тѣми и другими свѣдѣнiями нѣтъ полнаго антагонизма. Миѳологическiя представленiя о мiрѣ и человѣкѣ также стремятся дать объясненiе и того и другого, но останавливаются на полдорогѣ и вмѣсто недостигнутой истины предлагаетъ пеструю картину миѳологическихъ сказанiй. Мистика и искусство также стремятся къ познанiю, но онѣ не хотятъ достичь этой цѣли яснымъ путемъ разума, — имъ хочется путемъ могучаго подъема смутнаго влеченiя чувства возвыситься до непосредственнаго созерцанiя истины. Такимъ образомъ, въ основѣ своей мы видимъ всюду единое всеохватывающее, всеоживляющее и наполняющее собою стремленiе.

Научное познанiе преслѣдуетъ двѣ цѣли: человѣкъ стремится, во-первыхъ, составить себѣ представленiе о природѣ, выяснить себѣ ея силы, условiя существованiя и законы, во-вторыхъ—познать самого себя и существо человѣческаго общества. Къ внѣшней природѣ принадлежитъ и фи-

вой группѣ наукъ принадлежатъ математика и естествознаніе. Это раздѣленіе можетъ оказаться недостаточнымъ только въ томъ случаѣ если мы послѣдуемъ установившемуся, но неправильному обычаю считать юриспруденцію и теологію самостоятельными науками. Въ сущности же мы можемъ видѣть въ нихъ только нѣкоторое пособіе для истинной науки, такъ какъ и юриспруденція и теологія обнаруживаютъ стремленія, ничего общаго не имѣющія съ научнымъ познаніемъ, руководящимся разумомъ. Философія, наоборотъ, нисколько не противорѣчитъ нашему раздѣленію, такъ какъ только въ ней сливаются въ мощное единое цѣлое обѣ вѣтви науки; всѣ отдѣльные научные пути соединяются на этой великой стезѣ, которая ведетъ къ вѣчной истинѣ.

Всего яснѣе существованіе вѣчнаго закона обнаруживается въ мѣрѣ и числѣ. Весьма многіе древніе народы видѣли въ числахъ нѣчто священное, магическое. Пиѳагорейцы впослѣдствіи изъ этого представленія создали цѣлую философскую систему. Этимъ они выразили глубокое уваженіе, которое должно возбуждать во всякомъ серьезномъ умѣ присутствіе среди мятущагося хаоса жизни вѣчныхъ и неизмѣнныхъ нормъ. Число и мѣра дали возможность упорядочить человѣческую жизнь, распространить нѣкоторое вліяніе божественной гармоніи на самого человѣка и на его существованіе. Съ перваго начала такая попытка ввести мѣру и число въ людскія отношенія могла показаться неслыханной дерзостью, святотатственнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла, не подлежащія суду человѣческому. Въ библейскомъ разсказѣ объ исчисленіи народа царемъ Давидомъ и послѣдовавшемъ за это наказаніи высказался глубоко вкоренившійся въ первобытномъ человѣкѣ страхъ передъ такой рискованной выдумкой[1]. Но этотъ страхъ скоро преодолѣвается, и знаніе математическихъ законовъ, вмѣстѣ съ письменностью составляютъ двойную основу вавилонской культуры. Точно также многія доисторическія находки въ Европѣ, какъ, напримѣръ, расписанные гальки и валуны (см. изобр. на стр. 652), повидимому, указываютъ на то, что и въ эту раннюю пору люди интересовались числами и вспомогательными пріемами счисленія.

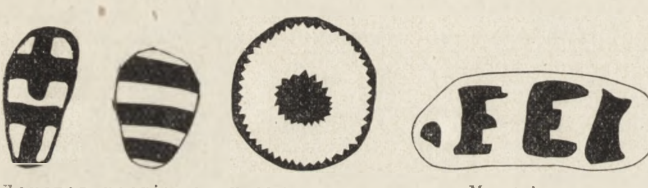
Кожаный мячъ учукчей. сѣверо-восточная Азія. Бременскій музей.

Первоначальными свѣдѣніями въ математикѣ и умѣньемъ считать, повидимому, обладаютъ всѣ примитивные народы нашего времени. Впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, это искусство не очень значительно. Многіе малокультурные народы не умѣютъ считать до трехъ, и у нихъ существуютъ названія только для единицы и двухъ, почему болѣе крупныя числа выражаются цѣлыми рядами затруднительныхъ комбинацій, и счисленіе, вообще, не выходитъ изъ нѣкоторыхъ весьма тѣсныхъ предѣловъ. Очень кстати въ недавнее время система счисленія одного изъ такихъ племенъ, бразильскихъ бакаири, была подробно изслѣдована Карломъ фонъ денъ Штейненомъ. Труды этого заслуженнаго изслѣдователя въ этой области можно назвать образцовыми. На основаніи ихъ ему удалось пролить яркій свѣтъ на возникновеніе счисленія вообще.

Бакаири довольствуется числительными токале = 1 и ахаге = 2. Кромѣ того существуетъ особое названіе для трехъ, ахевао, которое не оказываетъ никакого вліянія на систему счисленія и употребляется врядъ

[1] Отголоски этого суевѣрія сохранились кое-гдѣ и теперь. Хозяйки въ Россіи не

ли чаще, чѣмъ сложное ахаге токале. Словами бакаири могутъ считать до шести, а дальше нѣтъ уже строго опредѣленныхъ терминовъ, хотя при помощи пальцевъ рукъ и ногъ, этой универсальной счислительной машины, они доходятъ до возможности усвоенія болѣе крупныхъ чиселъ. При счисленіи бакаири строго придерживается извѣстнаго порядка въ пальцахъ. Онъ начинаетъ съ мизинца лѣвой руки и говоритъ токале, затѣмъ переходитъ къ указательному (четвертому), присоединяетъ къ нему пятый и произноситъ ахаге; затѣмъ, держа отдѣльно пятый и четвертый пальцы, переходитъ къ третьему и говоритъ: ахаге, ахаге токале; прикладывая потомъ къ нимъ мизинецъ правой руки, говоритъ: ахаге, ахаге, ахаге. Съ числомъ шесть истощается номенклатура числительныхъ у бакаири, и онъ продолжаетъ счетъ правой руки отъ четвертаго къ третьему, второму и первому, причемъ онъ послѣдовательно прихватываетъ пальцы, произнося, мера = этотъ. Такимъ же порядкомъ онъ перебираетъ пальцы ногъ съ лѣвой ноги къ правой, прибавляя также слово „мера". Если при этихъ приспособленіяхъ бакаири недойдетъ до конца, онъ хватается за голову и начинаетъ рвать на себѣ волосы. Два всюду остается основнымъ числомъ системы. Если нужно счесть три маисовыхъ зерна, то всегда отдѣляютъ сначала два, а потомъ къ нему присоединяютъ еще единицу и считаютъ при помощи пальцевъ. При счетѣ до шести зерна тоже распредѣляютъ на пары и потомъ по пальцамъ опредѣляютъ число.

Доисторическіе разрисованные камни изъ Масъ Азиля, южн. Франція. По Э. Піэту.

Это предпочтеніе пары, по мнѣнію К. ф. д. Штейнена, является не однимъ только признакомъ слабаго развитія, но указываетъ на то, что абстракція числа, вообще, развивалась не отъ суммированія, а отъ раздѣленія предметовъ. Если раздѣлять извѣстную вещь разрѣзываніемъ или разломкой, то получается двѣ отдѣльныхъ части, изъ которыхъ каждая въ свою очередь можетъ быть разбита на два куска и т. д., другими словами— при простѣйшей задачѣ дѣленія всегда получаются двѣ части. „Дѣленіе шло всегда одинаково, но вещи бывали какія угодно; этимъ путемъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о природѣ дѣлимыхъ вещей, пришли къ отвлеченному представленію числа 2; не только путемъ практики дѣленія дошли до этого вывода, а не изъ наблюденія разныхъ формъ вещей, изъ которыхъ многія въ своихъ органахъ обладаютъ парной симметричностью".

По всему тому, чему учитъ насъ безпристрастное наблюденіе, это воззрѣніе гораздо лучше, чѣмъ всякое другое, соотвѣтствуетъ общимъ идеямъ о развитіи человѣческой культуры. Должна была явиться крайняя практическая необходимость для того, чтобы принудить человѣка дойти до крайне труднаго отвлеченнаго представленія о числѣ. Простое созерцаніе своихъ собственныхъ органовъ и своихъ сотоварищей не могло вызвать человѣка на такое гигантское умственное напряженіе, которое требовалось для подобной цѣли. Вѣдь для того, чтобы отмѣтить другъ друга и сумѣть знать всѣхъ и удерживать въ памяти—достаточно было уже перваго великаго умственнаго подвига человѣка — нареченія имени индивиду. Бакаири, считающій по пальцамъ, не отмѣчаетъ ихъ номерами, а даетъ имъ имена: одинъ называется отцомъ, другой сыномъ, третій посредникомъ и т. д. [1]. Имуществу, состоящему изъ отдѣльныхъ предметовъ, какъ, напр., домашнему скоту

монетамъ, нужно знать счетъ; но первобытный человѣкъ не знаетъ этого: когда онъ охотится или собираетъ что-нибудь, — его забота собрать какъ можно больше кореньевъ, луковицъ или набить какъ можно больше дичи, а точное число добытыхъ предметовъ не интересуетъ его. Дѣло принимаетъ другой оборотъ, когда приходится каждому участнику выдѣлить соотвѣтствующую ему часть добычи. Коммунистическій принципъ — всѣмъ равныя доли — на столько же силенъ въ первобытныхъ обществахъ, на сколько, во многихъ случаяхъ трудно выполнимъ. Здѣсь являлось категорическое принужденіе преодолѣть отвращеніе къ головоломной работѣ и отвлеченному мышленію; во время дѣлежа каждый держится настороже, умъ его напряженъ до крайней степени, и въ случаѣ если кто ошибется — зависть, сознаніе обиды и несправедливости до тѣхъ поръ не дадутъ покоя обдѣленному, пока онъ не добьется того, на что претендуетъ. Здѣсь мы на самомъ дѣлѣ видимъ коллективную умственную работу участниковъ, если только она не дѣлается втихомолку, секретно, а на глазахъ у всѣхъ, гдѣ и начало и конецъ дѣла всѣмъ извѣстны. Этимъ же путемъ должно было развиться и представленіе о мѣрѣ.

Можно было бы съ бо́льшею увѣренностью трактовать эти вопросы, если бъ намъ ближе были извѣстны способы счисленія у другихъ примитивныхъ народовъ. Во всякомъ случаѣ все-таки мы знаемъ, что въ малайско-полинезійской области, на Новой-Зеландіи, Тонгаревѣ и т. д. существуетъ двоечная система счисленія и то же самое имѣется въ Австраліи.

Рядомъ съ воззрѣніями Карла фонъ денъ-Штейнена, во всякомъ случаѣ умѣстно упомянуть объ одномъ результатѣ изысканій Л. Фробеніуса по изученію системъ счисленія въ Океаніи. Въ нѣкоторой части этой области число два значило первоначально — „волосъ“, „перо“, „бамбукъ“, то есть такія вещи, которыя употреблялись при счетѣ домашняго скота. Поэтому два было вначалѣ равнозначительно слову „много“ и только уже впослѣдствіи превратилось въ названіе опредѣленнаго числа.

Общераспространенное примѣненіе пальцевъ рукъ и ногъ при счетѣ весьма естественно накладываетъ свою печать и на дальнѣйшее развитіе счисленія, что было выяснено главнымъ образомъ Джономъ Боурингомъ. Пятерка и кратныя отъ нея становятся основными числами, слово „рука“ въ то же время обозначаетъ и число пять; у индѣйцевъ Гвіаны сумма пальцевъ ногъ и рукъ, двадцать, называется „человѣкомъ“, и берберы Сокна, по сообщеніямъ Рольфса, выражаютъ описательно число 50 словами — четыре руки, четыре ноги и еще двѣ руки. Эта пятеричная система пользуется значительнымъ преобладаніемъ въ Африкѣ. При всемъ этомъ пользованіе пальцами служитъ только пособіемъ для мелкихъ расчетовъ; возможны и другія системы счисленія, и онѣ встрѣчаются въ практикѣ: шиллуки, по наблюденіямъ Петерика, считаютъ, пользуясь трубочками тростника; Якобсонъ видѣлъ у сѣверно-западныхъ американскихъ индѣйцевъ палочки для счета. Сіуксы пользуются для этой цѣли гальками, пучками стеблей соломы, точно также для нагляднаго счета нерѣдко употребляются бирки. Сверхъ всего этого въ первобытной ариѳметикѣ видны начатки дѣйствій вычитанія и умноженія; такъ, напримѣръ, на языкѣ керепеевъ въ Новой Гвинеѣ число 7 обозначается на словахъ формулой $2 \times 2 \times 2 - 1$.

При измѣреніи времени принципъ дѣленія выступаетъ съ гораздо большею силою, чѣмъ при простомъ счисленіи. Время представляется чѣмъ-то единымъ и однороднымъ, которое при повторныхъ явленіяхъ природы само собой разлагается на отдѣльныя части. Коль скоро

при возрастаніи культуры эти дѣленія пріобрѣтаютъ бо́льшее значеніе, появляется потребность дальнѣйшаго дробленія времени и установленія точныхъ отношеній между отдѣльными частями. Насколько медленно подвигается это дѣло, это видно изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Шренкомъ о гилякахъ, „которые, вообще, не имѣютъ яснаго представленія о времени, и опредѣленіе его промежутковъ и счисленіе его крайне не точно. Кромѣ дѣленія сутокъ на день и ночь, утро и вечеръ, время дня опредѣляется восходомъ и заходомъ солнца, движеніемъ его по восходящей и нисходящей дугѣ, приблизительнымъ положеніемъ наибольшей высоты его надъ горизонтомъ. По отношенію къ послѣдовательной смѣнѣ дней у нихъ имѣются названія для ближайшихъ сосѣднихъ дней—они знаютъ вчерашній день, завтрашній, позавчерашній и послѣ-завтра. Названія для дней недѣли у нихъ, конечно, не имѣется, числа дней мѣсяца они не знаютъ“.

Болѣе глубокое впечатлѣніе производятъ не теплые ясные дни, не теплыя и пріятныя времена года — это считается явленіемъ обычнымъ,—а ночи и зимы; отсюда обычай вести счетъ по числу зимъ и ночей, который былъ также въ употребленіи у древнихъ арійцевъ [1]. Первоначально отмѣчаются только крупные промежутки времени, какъ, напримѣръ, годъ, кругъ полнаго обращенія солнца, періодъ обращенія луны, который обозначается новымъ появленіемъ ея и отмѣчается особымъ названіемъ. Отсюда уже недалеко до мысли опредѣлять мѣсяцы, какъ части года, а дни, какъ части мѣсяца и положить основу календарю. Названія мѣсяцевъ берутся обыкновенно отъ тѣхъ даровъ природы, которые появляются въ томъ или другомъ мѣсяцѣ. Число мѣсяцевъ колеблется у разныхъ народовъ, такъ какъ лунный годъ не совпадаетъ съ солнечнымъ. На болѣе высокой ступени развитія это затрудненіе сильно возбудило энергію математиковъ, давъ имъ новую задачу для рѣшенія.

Годовые періоды движенія солнца и луны не вполнѣ совпадаютъ, благодаря чему для практическихъ цѣлей оказалось болѣе удобнымъ другое дѣленіе года на періоды, въ зависимости отъ болѣе или менѣе интенсивнаго вліянія на климатъ и растительность. Наши четыре времени года принадлежатъ къ числу такихъ дѣленій. Для опредѣленія этихъ временъ года лучшимъ средствомъ служатъ явленія звѣзднаго неба, которыя гораздо проще наблюдать при помощи первобытныхъ приспособленій чѣмъ движеніе солнца по созвѣздіямъ зодіака. Особенно удобны для этого тѣ дни, въ которые извѣстное созвѣздіе въ первый разъ появляется въ восточной части горизонта передъ восходомъ солнца. Въ этихъ случаяхъ, при ясномъ небѣ, можно опредѣлить положеніе созвѣздія съ достаточной для обиходныхъ цѣлей точностью. Рядомъ съ этимъ и періодическое возвращеніе временъ года служитъ отправнымъ счисленіемъ времени. Въ Африкѣ оба отдѣла народа банту, для опредѣленія сезона, рядомъ съ фазами луны, обращаютъ вниманіе на то, когда начинаютъ пѣть птицы, деревья пускать новые ростки и т. д. Въ Гвіанѣ для тѣхъ же цѣлей руководятся наступленіемъ періода дождей, на Соломоновыхъ островахъ мѣриломъ служитъ, по сообщеніямъ Эльтона, время созрѣванія ямса.

Число временъ года не одинаково: камчадалы различаютъ только два времени года — зиму и лѣто, а сіуксы — пять. На Футунѣ годъ также раздѣляется на двѣ части. Громадное значеніе опредѣленіе временъ года имѣетъ для земледѣльцевъ, — нужно не опоздать съ посѣвомъ и не упередить времени уборки; поэтому время обработки поля по большей части, назначается возможно раньше и опредѣляется точнѣе. Сѣверные дайяки руководятся созвѣздіемъ Плеядъ, которыя, вообще, считаются наиболѣе надежнымъ указателемъ для выбора благопріятнаго момента и ни-

одинъ даякъ не приступитъ къ посѣву ранѣе, чѣмъ не увидитъ этого созвѣздія среди мерцающей зари на восточной сторонѣ горизонта. Брукъ-Лоу видѣлъ у одного даякскаго начальника особый инструментъ для опредѣленія времени посадки растеній по длинѣ тѣни; но, повидимому, при этомъ имѣлись въ виду скорѣе побочныя, мистическія цѣли, чѣмъ точное опрдѣленіе времени для извѣстной цѣли. Начало посѣва земледѣлецъ весьма часто считаетъ началомъ года. Остяки-кочевники началомъ года считаютъ мѣсяцъ апрѣль, потому что въ эту пору начинаютъ телиться олени, что составляетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій въ жизни этого народа. Наиболѣе распространено обыкновеніе относить новый годъ къ одному изъ солнечныхъ поворотовъ, и нашъ новый годъ недалеко отстоитъ отъ зимняго солнцеповорота. Изъ всего этого впослѣдствіи возникаютъ календари. Календари у южно-американскихъ культурныхъ народовъ достигли значительной степени совершенства (см. изоб. рядомъ) и, вообще, задача опредѣленія времени всегда привлекала къ себѣ самое серьезное вниманіе всѣхъ культурныхъ народовъ.

Камень-календарь, Мехико. По фотографіи. См. текстъ на этой стр.

Болѣе дробнаго дѣленія на мѣсяцы не существуетъ у примитивныхъ народовъ, такъ какъ въ мѣсяцѣ такъ много дней, что первобытному человѣку трудно справиться со счетомъ ихъ. Восточные арійцы дѣлили его на двѣ части: отъ новолунія до полнолунія и отъ полнолунія до новолунія. Тамъ, гдѣ существуютъ болѣе мелкія дѣленія вродѣ недѣли, обыкновенно число дней содержитъ въ основѣ своей число 5; эти пятидневные или десятидневные „Fingerwoche“ (перстовая или персточетная недѣля) отлично согласуются со счетомъ по мѣсяцамъ, такъ какъ лунный мѣсяцъ почти равенъ 30 днямъ, благодаря чему эти пяти- и десятидневныя недѣли пріобрѣли большое значеніе. Повидимому, древнимъ арійцамъ была извѣстна пятидневная недѣля, такъ какъ ею пользовались и персы временъ Зендъ-Авесты и язычники скандинавы. Извѣстна была эта недѣля у гвинейскихъ негровъ и встарину на островѣ Явѣ. Десятидневная недѣля была извѣстна китайцамъ, египтянамъ и грекамъ. Двадцатидневная недѣля, которая врядъ ли была удобнѣе болѣе короткой, была у мексиканцевъ, которые, кромѣ этого, вели счетъ по болѣе короткимъ пятидневнымъ періодамъ. У негровъ, говорящихъ нарѣчіемъ банту

мѣстностяхъ мѣра времени дается періодическими базарами, и можетъ быть четырехдневный срокъ отъ одного торжища до другого и былъ первопричиной возникновенія четырехдневной недѣли. Во всѣхъ поселеніяхъ области Конго или на мѣстахъ торговыхъ сборищъ, внѣ селеній, торговля открывается повсюду черезъ четыре или черезъ восемь дней послѣ предшествовавшаго базара. Дни недѣли имѣютъ свои названія напр. по сообщеніямъ Данко, они у фіоти носятъ слѣдующія названія: нканду, нконцо, нкенге и нсона. Какъ кажется, что на Гвинейскомъ берегу въ видѣ отдѣльныхъ случаетъ встрѣчается семидневная и десятидневная недѣли. У культурныхъ народовъ западной Азіи и Европы одержала побѣду надъ другими недѣлями семидневная. Источникомъ этого дѣленія времени послужили семь извѣстныхъ въ древности планетъ, по нимъ, сначала въ области вавилонской культуры, а потомъ у насъ до сихъ поръ вся совокупность дней недѣли продолжаетъ называться седьмицей.

Гдѣ нѣтъ строгаго опредѣленія времени, могутъ при случаѣ для опредѣленныхъ цѣлей, возникать нѣкоторыя подобія календарей. Излюбленнымъ средствомъ для этого служитъ завязываніе узелковъ на веревкѣ. Посылается, напримѣръ, приглашеніе на праздество, которое будетъ черезъ двадцать дней и каждому званному гостю вмѣстѣ съ этимъ доставляется шнурокъ съ двадцатью узлами. Получившіе его ежедневно распускаютъ по одному узлу, пока не распустятъ двадцатаго. Въ Гвинеѣ для этого употребляютъ бирки.

Потребность въ измѣреніи малыхъ промежутковъ проявляется довольно поздно. Разница между днемъ и ночью замѣтна сама по себѣ, но при различныхъ измѣненіяхъ въ продолжительности одной части сутокъ на счетъ другой невозможно установить продолжительность ночи или дня. Кромѣ того при этомъ и по положенію солнца на небѣ, безъ вспомогательныхъ инструментовъ, можно получить только весьма неточныя опредѣленія. Солнечныхъ часовъ нѣтъ у первобытныхъ людей, другіе вспомогательные приборы также были созданы народами высокой культуры. Прежде всего, для этихъ цѣлей стали пользоваться медленно текущими естественными процессами, напримѣръ, медленнымъ сгораніемъ или обугливаніемъ свѣчи или другого горючаго предмета, паденіемъ капель воды, пропусканіемъ тонкаго песка сквозь узкое отверстіе. Задержкою развитія здѣсь послужило то, что день и ночь разсматривали отдѣльно другъ отъ друга, а не какъ составныя части цѣлыхъ сутокъ, а потому каждую изъ частей сутокъ дѣлили на одинаковое число промежуковъ; такъ какъ длина дня и ночи мѣнялась, то измѣнялась и величина частей, на которыя дѣлились ночь и день: на дальнемъ сѣверѣ, среди лѣта, ночной часъ, по принятому у германцевъ обыкновенію, считался одной восьмой частью ночи, и былъ очень коротокъ, а соотвѣтствующій ему дневной часъ слишкомъ длиненъ. Только принявъ день и ночь за однѣ сутки и раздѣливъ ихъ на 24 часа, устранены были затрудненія отъ измѣнчивости длины часа, и явилась возможность правильнаго счисленія времени. Самые древніе часы были водяные (клепсидры), которые были извѣстны въ Ассиріи не позднѣе 600 до Р. Х., въ Китаѣ же они, вѣроятно, были извѣстны еще раньше.

Во многихъ случаяхъ мѣры времени и пространства вступаютъ въ связь между собою. Весьма естественна мысль опредѣлить извѣстное пространство временемъ, употребленнымъ на прохожденіе его,—часами или днями. Это оказывается въ двоякомъ значеніи нѣмецкаго слова Stunde. Вообще, измѣреніе разстояній развивается медленно, по большей части довольствуются опредѣленіями приблизительными. Выраженія „на ружейный выстрѣлъ“, „пока прочтешь Отче Нашъ“ (Vaterunser weit) долго со-

быка.[1] Гдѣ является желаніе точнѣе опредѣлить размѣры предмета, какъ, напримѣръ, при разверсткѣ земли, довольствуются какимъ-нибудь произвольнымъ масштабомъ для каждаго даннаго случая, — напримѣръ, пѣшимъ ходомъ, гдѣ шагъ даннаго лица служитъ единицей мѣры, длиною руки, копья и т. д. При отмѣриваніи матеріи для одежды измѣреніе локтемъ (elle) удерживается очень долго въ употребленіи, примѣромъ чего могутъ служить африканскія негрито. Для мелкихъ мѣръ при этомъ употребляются части ручной кости, пальцы и ногти. Мѣрами емкости служатъ также части человѣческаго тѣла, какъ, напримѣръ, горсть, которая при различіи въ размѣрахъ кисти представляетъ довольно неопредѣленную величину. Только въ развитіи вѣсовыхъ единицъ, по невозможности примѣненія къ нимъ, части тѣла человѣка не принимаютъ никакого участія, и по этой причинѣ этотъ видъ измѣреній развивается довольно поздно. При обмѣнѣ товаровъ недостатокъ опредѣленныхъ вѣсовыхъ единицъ замѣняютъ тѣмъ, что за обмѣниваемый товаръ даютъ равное, двойное, словомъ—большее или меньшее количество другого, напримѣръ, за соль даютъ двойное количество по вѣсу зерна и т. д. Въ Африкѣ такой способъ обмѣна „на вѣсъ“ встрѣчается довольно часто.

Изъ развитія счисленій и измѣреній и изъ предыдущаго примѣра оказывается, что уже въ довольно раннюю эпоху люди научились измѣрять одни предметы посредствомъ другихъ; но до представленія объ абстрактномъ числѣ и объ общихъ мѣрахъ дошли только путемъ медленной и трудной умственной работы. Можетъ быть, этотъ фактъ дастъ намъ объясненіе того страннаго явленія, что картографія, это дѣтище математики, появляется довольно рано въ качествѣ хорошо извѣстнаго и привычнаго занятія. Карты первобытныхъ народовъ строятся не на измѣреніяхъ и вычисленіяхъ а по наглядкѣ. Несмотря на это, всетаки достойно удивленія, что такая схематическая и абстрактная вещь, какъ составленіе и черченіе карты такъ легко далась первобытному человѣку. И, однакоже, такія отвлеченныя представленія въ первобытномъ человѣкѣ вовсе уже не такъ исключительно рѣдки. Вспомнимъ о плодовитой фантазіи дѣтей, у которыхъ въ играхъ обрубокъ дерева представляетъ собою и человѣка, и пушку, и хлѣбъ, припомнимъ рисунки первобытныхъ племенъ, гдѣ часто самаго грубаго символа достаточно для обозначенія человѣка или животнаго. Вѣдь въ сущности отсюда вовсе ужъ не такъ далеко до попытки изобразить рѣку чертой, гору кружкомъ, а деревню также кружкомъ, но поменьше. Въ этомъ смыслѣ подвигъ полумистическаго китайца Ю., сдѣлавшаго впервые описаніе восьми провинцій древняго Китая и приказавшаго вычертить карту на вазѣ, знаменуетъ гигантскій шагъ на пути развитія политическаго самосознанія восточно-азіатскаго народа, хотя, конечно, эти дѣянія имѣли за собой предшествующія ступени развитія.

Разсѣченіе на части китовой туши. Эскимосскій рисунокъ. По Гофману.

На карты первобытныхъ народовъ первый обратилъ вниманіе Рихардъ Андрэ. Съ той поры накопилась цѣлая масса новыхъ матеріаловъ въ дополненіе къ собраннымъ Андрэ. Изъ разсмотрѣнія ихъ оказалось весьма вѣроятнымъ, что значительная часть загадочныхъ доисторическихъ писанцовъ на камняхъ представляютъ собою неумѣлыя попытки черченія картъ. Во всѣхъ этихъ картахъ невидно стремленія изобразить объективно какую-нибуь мѣстность, а удовлетворить какой-нибудь практиче-

[1] Любопытный способъ опредѣлять разстояніе въ старинныхъ русскихъ актахъ на пожалованіе земли, — тамъ встрѣчается опредѣленіе площади, жалуемой какому-нибудь

ской надобности. Въ этомъ смыслѣ карты служатъ главнымъ образомъ путеводителями къ извѣстнымъ пунктамъ и поэтому весьма обильно снабжаются знаками, указывающими направленіе. Въ другихъ случаяхъ на картахъ даются наглядныя свѣдѣнія о какомъ-нибудь событіи, и на нихъ можно смотрѣть, какъ на письменное сообщеніе. Карты, какъ и другія изображенія, дѣлаются на пескѣ, древесной корѣ, камнѣ, гладкой дощечкѣ и т. д.

Якобсонъ очень наглядно описываетъ, какъ два родственныхъ племени на островѣ Ванкуверѣ рѣшили сдѣлать нападеніе на одну враждебную деревню и наглядно объяснили планъ нападенія на чертежѣ. „Каждый начальникъ подалъ свое мнѣніе о томъ, какъ удобнѣе всего напасть на врага, а потомъ всѣ собрались вмѣстѣ на плоскомъ песчанномъ морскомъ побережьѣ и въ грубыхъ чертахъ изобразили планъ расположенія главнаго поселка индѣйцевъ кайокагта. Авторомъ этого эскиза былъ находившійся между совѣщавшимися индѣецъ кайокагта: онъ жилища обозначилъ на своей картѣ маленькими кучками песка. Съ особенной тщательностью были отмѣчены положеніе домовъ главнаго вождя Нанциса и главнаго военнаго вождя Мешеника, чтобы каждый воинъ зналъ, гдѣ можно добраться до самыхъ страшныхъ враговъ“. Точно также предводитель

Рѣзные предметы эскимосовъ. Бременскій музей.

бакуба, давшій разъясненія Вольфу о рѣчной области Санкуру, начертилъ на пескѣ свою карту, причемъ направленіе рѣкъ бассейна отмѣтилъ съ большою точностью. Интересныя морскія карты обитателей Маршалова архипелага, отмѣчающія не столько острова, сколько морскія мели и наносы, плетутся въ видѣ рѣшеточекъ изъ тростника. Эскимосы обыкновенно предпочитаютъ рельефныя карты, которыя они вырѣзываютъ на деревѣ. На этихъ картахъ, какъ сообщаетъ Гольмсъ, кромѣ общаго расположенія мѣстности и контура береговой линіи, отмѣчаются и разности въ высотахъ. Легко замѣчаемой особенностью этихъ картъ служитъ то, что масштабъ увеличивается вмѣстѣ съ приближеніемъ къ мѣсту жительства картографа, другими словами—по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ значеніе мѣстности въ глазахъ ея автора.

Вышеизложеннымъ уже опредѣляется **географическій горизонтъ** первобытнаго человѣка. Только въ рѣдкихъ случаяхъ или, вѣрнѣе сказать, никогда онъ не ограничивается только одними свѣдѣніями о территоріи своего племени; хотя обыкновенно подробно и точно знаетъ только свою область. Гдѣ существуютъ уже сношенія съ другими областями, тамъ имѣются довольно вѣрныя свѣдѣнія о путяхъ и дорогахъ, ведущихъ въ чужія земли, о мѣстностяхъ, лежащихъ близъ путей сообщенія, а все, что лежитъ между ними, считается неинтереснымъ и ничтожнымъ по размѣрамъ. Такимъ образомъ, создаются уродливыя представленія о землѣ и оно опредѣляется фантастическими разсказами о чужихъ земляхъ; но при этомъ пупомъ земли, средоточіемъ, всегда является своя

Одной изъ характерныхъ особенностей примитивной географіи является своеобразный методъ наименованія мѣстностей. Теоретически можно предположить, что прежде всего должны были получить свои названія рѣзкоочерченныя географическія индивидуальности, горы, рѣки и морскія бухты, а потомъ уже при помощи этихъ понятій нашлась возможность опредѣленнѣе охарактеризовать другія урочища. На дѣлѣ, однако, мы видимъ совершенно обратное. Вѣроятнѣе, что первоначально получили названія нѣкоторыя части данной мѣстности, подобно тому какъ у насъ отдѣльныя части большого лѣса, многіе полевые участки носятъ изстаринныя имена, тогда какъ рѣки и горы часто остаются безъ всякаго наименованія или носятъ названія ничего не выражающія. Поставимъ себя мысленно въ положеніе примитивныхъ народовъ, и такое своеобразное обыкновеніе станетъ для насъ вполнѣ понятнымъ. Первоначально даютъ названія вещамъ важнымъ и часто встрѣчающимся. Для бродячихъ собирателей и охотниковъ важны не высоты горъ, не водныя системы страны, а такія мѣста, гдѣ можно дѣлать сборы съѣдобнаго и охотиться, гдѣ есть чѣмъ покормиться. Когда такія урочища уже названы, тогда можно и гору и какую-нибудь рѣчку въ данномъ производительномъ участкѣ назвать по нимъ. Мы часто видимъ, что какія-нибудь воды мѣстности рѣки, озера и т. д. часто не считаются отдѣльными вещами, и рядомъ съ этимъ рѣки, напримѣръ, носятъ цѣлый рядъ разныхъ названій въ разныхъ частяхъ своего теченія. Пассагре и Бютнеръ убѣдительно доказали, что даже и у земледѣльческихъ народовъ Африки въ основѣ географической номенклатуры лежатъ названія мелкихъ участковъ и урочищъ. Наоборотъ, названія поселковъ не отличаются устойчивостью: иногда называютъ селеніе по имени вождя, и съ его смертью поселокъ носитъ имя преемника умершаго, кромѣ того сами поселки часто передвигаются съ мѣста на мѣсто. Точно также первобытнымъ народамъ совершенно чуждо обыкновеніе называть однимъ, общимъ, именемъ какую-нибудь крупную область. Географическій горизонтъ ихъ настолько тѣсенъ, что для нихъ вполнѣ достаточно названія ближайшей округи. Было не мало даромъ потрачено труда для отысканія общаго названія какого-нибудь обширнаго острова. Бывали примѣры, когда увѣрялись, что такое названіе найдено и установлено, какъ, напр., Новая Британія (Бирара) и Новая Ирландія (Томбаро); но впослѣдствіи на повѣрку оказывалось, что эти имена относятся только къ небольшимъ участкамъ, то-есть къ отдѣльнымъ округамъ.

Перуанскій глиняный сосудъ, изображающій слѣпую женщину. Бременскій музей.

Перуанскій глиняный сосудъ, изображающій спящаго человѣка.

Подобно географическимъ, также часто переоцѣнивались и астрономическія свѣдѣнія первобытныхъ народовъ. Это произошло отъ того, что культу небесныхъ свѣтилъ было приписано широкое распространеніе среди примитивныхъ расъ. Въ дѣйствительности же этотъ видъ культа встрѣчается довольно рѣдко. Фантастическія объясненія нѣкоторыхъ созвѣздій и пятенъ на лунѣ не только не вызываютъ собою новаго культа,

Только у культурныхъ народовъ оно достигло болѣе сильнаго развитія; но и у нихъ первоначально пробудившаяся любовь къ изученію неба на долгое время была задержана въ своемъ развитіи новымъ тормазомъ, господствомъ астрологіи.

Астрологія можетъ послужить прекраснымъ примѣромъ того пути, которымъ шло развитіе естественныхъ наукъ вообще. Прежде всего разрослись тѣ вѣтви ихъ, которыя, по видимости или на дѣлѣ, имѣли отношеніе къ личности человѣка. Можно сказать что первоначально естественныя науки понимались, какъ часть науки о человѣкѣ. Не вѣчные законы, управляющіе звѣзднымъ міромъ занимали мысль человѣка, а вѣра въ воображаемое воздѣйствіе этихъ свѣтилъ на судьбу человѣка. Не удивительное саморазвитіе и самоорганизація растеній и животныхъ приковывали къ себѣ пытливый умъ, а дѣйствительная или воображаемая польза, которую можетъ извлечь изъ нихъ врачебное искусство.

Такимъ образомъ врачебное искусство является среди знаній ранѣе, чѣмъ другія отрасли естественныхъ наукъ, тогда какъ по логикѣ оно должно бы быть только практическимъ приложеніемъ ихъ, результатомъ всей совокупности успѣховъ естествознанія. Только съ большимъ трудомъ удалось освободить науку отъ этого близорукаго узко-утилитарнаго направленія и мистическихъ мечтаній. Точное и внимательное изученіе и описаніе органическихъ и неорганическихъ образованій было уже большимъ шагомъ впередъ на этомъ пути, хотя уже гораздо раньше, для чисто хозяйственныхъ цѣлей, расчленяли и вскрывали животныхъ (см. изобр. на стр. 658), культивировали растенія, т. е изучали въ извѣстномъ отношеніи ихъ свойства и пользовались добытыми свѣдѣніями для практическаго примѣненія. Терминъ „описательныя науки“ до сихъ поръ еще прилагается къ минералогіи, ботаникѣ и зоологіи. Точно также и первобытное искусство охотничьихъ племенъ, обнаруживающее поразительную вѣрность природѣ, на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія создающее изображенія, поражающія своей жизненностью, не содѣйствуетъ развитію объективнаго взгляда на природу, потому что вскорѣ проявляется страсть къ стилизаціи и къ неестественнымъ, фантастическимъ формамъ.

Рожокъ для кровопусканія, изъ Гаруа въ Адамауа. Зап. Суданъ. По Пассаржу. Срв. текстъ, стр. 661.

Главная причина, благодаря которой медицина столь поздно вступила на путь объективнаго изслѣдованія, заключается въ ея тѣсной связи съ мистикой и съ консервативными элементами религіи. Такая связь сама по себѣ весьма естественна. Разумъ первобытнаго человѣка, въ борьбѣ за существованіе, представляетъ еще очень мало выработанное и ненадежное оружіе. Поэтому само собою могло явиться желаніе прибѣгнуть къ содѣйствію таинственныхъ силъ, привлечь ихъ на свою сторону, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать причины зла путемъ разума и потомъ извнѣ дѣйствовать на внутреннія силы организма и поддержать ихъ. И культурнымъ народамъ только въ новѣйшее время удалось открыть въ микроскопическихъ созданіяхъ источникъ многихъ заразныхъ болѣзней, а до этихъ новѣйшихъ открытій медицина могла бороться съ ними только ощупью, на удачу. Первобытный человѣкъ находится въ подобномъ положеніи при всякихъ заболѣваніяхъ. Кромѣ случайно открытыхъ средствъ да силъ собственнаго организма, подкрѣпляемыхъ при случаѣ внушеніемъ, у него нѣтъ никакой защиты отъ болѣзней. Больной чувствуетъ потребность въ утѣшеніи среди своихъ страданій, какой-либо надежды на помощь. Онъ инстинктивно чувствуетъ, что такія воздѣйствія ободряютъ его, увеличиваютъ его силу сопротивленія болѣзни. Жрецъ-колдунъ за-

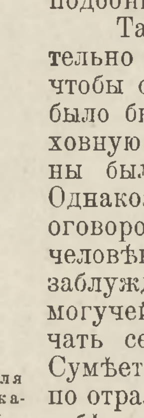
По новѣйшимъ и тщательнымъ изслѣдованіямъ **первобытной медицины** Бартельсомъ оказывается, что въ ней преобладаютъ какъ въ діагнозѣ, такъ и въ лѣченіи мистическіе пріемы. Причиною болѣзни можетъ быть колдовство злонамѣреннаго человѣка, даже демоны какой-либо болѣзни, а на болѣе высокой ступени развитія—боги, насылающіе болѣзнь, какъ наказаніе, а, наконецъ, также и покойники. Однакоже, не всякое повреждепіе можно приписывать дѣйствію таинственныхъ силъ, а потому, какъ, напримѣръ, у якутовъ, есть болѣзни, происходящія отъ естественныхъ и отъ сверхъестественныхъ причинъ. Весьма распространено повѣріе, что болѣзнь происходитъ отъ какого-нибудь посторонняго заколдованнаго предмета, вошедшаго въ тѣло заболѣвшаго. Въ такихъ случаяхъ является главной задачей врача-колдуна удалить этотъ предметъ изъ тѣла заклинаніями или высасываніемъ. Тамъ, гдѣ предполагается, что больной одержимъ демономъ, стараются шумомъ, танцами и угрозами запугать зловредное существо (ср. изобр. на стр 34), или же выманить его, предлагая лакомыя и заманчивыя вещи. Въ такихъ случаяхъ иногда нагружаютъ лодку съѣстными припасами и утѣшаютъ себя тѣмъ, что вмѣстѣ со всѣми этими хорошими вещами уплыли и демоны. Бурятскіе шаманы думаютъ, что они могутъ убивать злыхъ духовъ стрѣлами. Мистическіе пріемы примѣняются также и въ діагностикѣ: врачъ, впадая въ экстазъ, выкликаетъ причину болѣзни. Съ другой стороны, обычай носить амулеты представляетъ собою предохранительное средство противъ болѣзни. Такимъ образомъ съ настоящей медициной, основанной на научныхъ знаніяхъ, стоитъ рядомъ вполнѣ законченная, выработанная медицина мистическая.

Трижды трепанированный черепъ изъ Куско, Перу, Южн. Америка. По Муньису и Макъ Джи.

Настоящее врачебное искусство появляется довольно рано о бокъ съ мистическимъ; но только въ видѣ чисто эмпирическихъ свѣдѣній, гдѣ отъ ряда послѣдствій прямо переходятъ къ причинѣ безъ пониманія внутренней связи явленій; этимъ и объясняется шаткость выводовъ послѣдней, присущая ей и понынѣ. Причина этого въ томъ, что рядомъ съ научной медициной существуетъ и грубо-эмпирическая и мистическая, которая, благодаря разнымъ выдумкамъ, снова попала въ честь и удерживаетъ свою позицію рядомъ съ раціональнымъ врачебнымъ искусствомъ. Нѣкоторые простые способы лѣченія извѣстны большинству первобытныхъ племенъ и болѣе всего массажъ. Этотъ способъ лѣченія благодаря новымъ моднымъ пристастіямъ медицинскимъ былъ почти совершенно изгнанъ изъ врачебной практики у культурныхъ народовъ и только уже въ новѣйшее время снова было признано его значеніе. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о пото-

исхожденія, изъ которыхъ весьма многія вошли въ употребленіе въ раціональной медицинѣ. Многіе методы первобытной медицины, какъ, напримѣръ, обмазываніе слюной, не имѣли успѣха въ современномъ врачебномъ искусствѣ. Весьма замѣчательно, что многимъ первобытнымъ народамъ извѣстны „прививки", которыя въ новѣйшее время, послѣ того какъ выяснилась сущность происходящихъ при этомъ процессовъ, получаютъ все бо́льшее и бо́льшее значеніе въ медицинѣ и ветеринаріи. Прививаніе оспы, повидимому, было извѣстно съ древнихъ временъ въ Китаѣ, Персіи и Сѣв. Африкѣ, оно практикуется у ашантіевъ и у ваньямвези въ Восточной Африкѣ. Какъ старинный видъ прививки, можно упомянуть о втираніи золы цѣлебныхъ растеній въ легкіе, неглубокіе порѣзы кожи. Этотъ способъ распространенъ у кафрскихъ племенъ Южной Африки. Весьма распространено и трепанированіе черепа (см. изобр. на стр. 661), и оно часто примѣняется при психическихъ и тому подобныхъ заболѣваніяхъ

Пила для кости у кабиловъ Джебель Ауресъ, Сѣв. Африка. Употребляется для трепанацій черепа. По Мальботу и Верно.

Такъ какъ при изслѣдованіи природы нужно было тщательно оберегаться отъ всякаго субъективнаго отношенія къ дѣлу, чтобы обезпечить себѣ полное безпристрастіе сужденій, то можно было бы думать, что науки, изучающія духовный міръ и духовную жизнь человѣка, свободныя отъ такихъ ограниченій, должны были развиться раньше и пышнѣе, нежели естествознаніе. Однакоже, рѣчь объ этомъ предположеніи требуетъ большихъ оговорокъ. Если уголъ зрѣнія, подъ которымъ первобытный человѣкъ разсматриваетъ природу, неправиленъ и ведетъ къ заблужденіямъ, то неужели онъ сможетъ возвыситься до той могучей абстракціи, которая даетъ возможность человѣку изучать себя внѣ себя, на другихъ субъектахъ, ему подобныхъ? Сумѣетъ ли онъ узнать самого себя, свое я и изслѣдовать его по отраженіямъ въ этомъ зеркалѣ? О томъ, что извѣстно само по себѣ, нечего и размышлять, а что же можетъ быть извѣстнѣе человѣку, чѣмъ онъ самъ? Благодаря этому великая наука о человѣкѣ начинается съ изслѣдованія мелкихъ частныхъ явленій. Эти отдѣльныя изученія нерѣдко выростали въ громадныя дисциплины, благодаря тому, что практическія цѣли, къ которымъ они стремились, снискивали уваженіе и благорасположеніе къ нимъ. При такомъ отношеніи къ этимъ системамъ представители ихъ часто забывали, что они воздѣлываютъ только крошечный, требующій немедленной обработки, клочекъ громадной области. Правовѣдѣніе, съ научной точки зрѣнія, представляетъ собою только небольшой отдѣлъ науки объ обществѣ. Между тѣмъ, оно гораздо раньше развилось, нежели наука объ обществѣ, и нерѣдко обнаруживаетъ стремленіе третировать послѣднюю съ высоты своего величія. Повсюду работа мысли начинается сухими изслѣдованіями внѣшнихъ формъ и только впослѣдствіи начинаетъ чувствоваться въ нихъ сила животворнаго духа. Грамматики народились раньше, чѣмъ изслѣдователи рѣчи человѣка, лѣтописцы раньше, чѣмъ ученые, занимающіеся сравнительно-историческими изслѣдованіями. Если самостоятельно строившіяся отдѣльныя части зданія должны слиться въ одинъ громадный храмъ единаго познанія, то при этомъ всегда является масса споровъ и путаницы и тамъ всегда будутъ глухи къ стремленіямъ архитектера, пытающагося создать общій планъ зданія.

Въ общемъ гораздо легче ознакомиться съ жизненными процессами долговѣчнаго установившагося общества, чѣмъ изслѣдовать духовную

мышленія будетъ прервана и вмѣсто него, чтобы заставить умолкнуть безпокойныя разсужденія о причинахъ, будетъ созданъ миѳъ или выдумана басня, — это не помѣшаетъ дальнѣйшему развитію, если только люди успѣли вступить на путь, ведущій человѣчество къ самосознанію. Разница между вѣчными, неизмѣнными законами природы и между измѣнчивыми нравами и установленіями человѣческими познается лишь съ большой постепенностью. Многіе первобытные народы не сумѣли до сихъ поръ усвоить и того, что смерть неизбѣжна для всякаго человѣка. Еще менѣе ясно для нихъ, что какой-нибудь жестокій обычай, исполняемый по традиціи, созданъ не богами и не демонами, что онъ живетъ только въ нихъ самихъ и его слѣдуетъ уничтожить, вырвать вонъ, какъ ядовитое растеніе. Очищающая и облагораживающая сила мысли съ достоинствомъ несетъ бремя неизбѣжнаго и научаетъ съ силой и энергіей стремиться къ достижимому; но, конечно, ничего подобнаго не можемъ мы ожидать у первобытныхъ дѣтей природы.

Прежде всего, можно еще сдѣлать попытку новыхъ наблюденій, установить историческія событія первобытныхъ народовъ, но только такія, воспоминанія о которыхъ имѣютъ дѣйствительное практическое значеніе. Это въ особенности слѣдуетъ имѣть въ виду относительно генеалогическихъ свѣдѣній, въ которыхъ уже одни крайне сложныя и запутанныя установленія о брачныхъ союзахъ имѣютъ крайне важное значеніе, и это значеніе возрастаетъ вмѣстѣ съ возникновеніемъ привилегированныхъ классовъ. Тотемическія родословныя таблицы также принадлежатъ къ числу первоначальныхъ историческихъ документовъ. Даже среди народовъ, у которыхъ отъ событій прошлаго остались одни темныя сказанія, можно часто встрѣтить таблицы предковъ семей начальниковъ за періодъ гораздо болѣе столѣтняго. Настоящаго счета времени тамъ встрѣтить нельзя; обыкновенно продолжительность жизни не обозначается, а если гдѣ и даются подобныя свѣдѣнія, то они носятъ настолько фантастичный характеръ, что сообщеніе ихъ не имѣетъ никакой цѣны. Несклонность къ сосчитыванію извѣстныхъ, повторяющихся періодовъ времени настолько велика, что изъ дикарей рѣдко кто можетъ сказать, сколько ему лѣтъ. Время, вообще, не считаютъ, а, если можно такъ выразиться, взвѣшиваютъ. Важныя событія увеличиваютъ значеніе промежутка времени, періоды тихаго, спокойнаго существованія проходятъ, не оставляя слѣда послѣ себя. Кромѣ того, имѣется наклонность изъ отдѣльныхъ крупныхъ событій дѣлать эры и по нимъ опредѣлять другія событія, подобно тому, какъ на картѣ по нанесеннымъ на нее опредѣленнымъ пунктамъ опредѣляютъ другіе. Если настолько слабъ и шатокъ фундаментъ, на которомъ строится историческое самосознаніе общества, то нечего и удивляться, что повсюду мы видимъ только ничтожные зачатки его.

И у культурныхъ народовъ нѣтъ еще настоящей исторіи ихъ бытія и возникновенія. Если когда-нибудь возьмутся за писаніе такой исторіи, то прежде всего нужно будетъ заложить прочный фундаментъ, а для этого необходимо изслѣдованіе тѣхъ весьма несложныхъ, но мало понятныхъ зачаточныхъ явленій, на которыхъ возвышается колоссальный храмъ высшей цивилизаціи. Фундаментомъ же будетъ служить не что иное, какъ созданный упорной и тяжкой работой многихъ компетентныхъ работниковъ трудъ. Моя книга, заканчиваемая на этомъ мѣстѣ, можетъ считаться только подготовительной работой къ будущей, которая дастъ намъ настоящую и всестороннюю исторію первобытной культуры.

Списокъ сочиненій Г. Шурца.

Die Pässe des Erzgebirges. Съ картой. Лейпцигъ, изд. I. Вебера, 1891 г.

Grundzüge einer Philosophie der Tracht. Штуттгартъ, изд. Готта, 1891 г.

Katechismus der Völkerkunde. („Webers illustrierte Katechismen", № 145.) Лейпцигъ, изд. I. Вебера, 1893 г.

Die Speiseverbote. Ein Problem der Völkerkunde („Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge von Virchow und Wattenbach", 8 серія, № 184.) Гамбургъ, 1893 г.

Daus Augenornament und verwandte Probleme („Abhandlungen der phil.-hist. Klasse der Kgl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaft", т. XV, № 11.) Лейпцигъ, 1895.

Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes. Веймаръ, изд. Эм. Фельбера, 1898 г.

Das afrikanische Gewerbe. Лейпцигъ, изд. Тейбнера, 1900 г.

Urgeschichte der Kultur (есть русскій переводъ въ изданіи Т-ва „Просвѣщеніе"). Лейпцигъ и Вѣна, изд. Библіографич. Института, 1900 г.

Altersklassen und Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft. Берлинъ, изд. Г. Реймера, 1902 г.

Neuer Grundriss der Völkerkunde. Вѣна, изд. Фр. Дейтике.

Въ „Weltgeschicthe" Helmolt'a [1].

Hochasien und Sibirien (Средняя Азія и Сибирь, II т., стр. 111—220).

Indonesien (Индонезія, II т., стр. 527—574).

Westasien im Zeichen des Islams (Западная Азія въ эпоху Ислама, III т., стр. 229—377).

Afrika (Африка, III т., стр. 378—576).

Nordafrika (Сѣверная Африка, IV т., стр. 215—250).

Die Pyrenäische Halbinsel (Пиренейскій полуостровъ, IV т., стр. 485—564).

Въ „Buch der Erfindungen" Spamer'a [2].

Entwickelungsgang und Bildungsmittel der Menschheit (Историческій ходъ развитія культуры человѣчества, I т., стр. 3—71).

Въ „Internationales Archiv für Ethnographie" (Лейденъ).

Das Wurfmesser der Neger. Ein Beitrag zur Ethnographie Afrikas, т. II (1889 г.), стр. 9—31.

Die geographische Verbreitung der Negertrachten, т. IV (1891 г.), стр. 139—153.

Zur Ornamentik der Aino, т. IX (1896 г.), стр. 233—251.

Zaubermittel der Evheer (Aus dem städtischen Museum in Bremen), т. XIV (1901 г.), стр. 1—15.

Въ „Globus" (Брауншвейгъ).

Ein katholischer Wallfahrtsort auf protestantischem Boden, т. 57 (1890 г.), стр. 203—205.

Die Milderung des menschlichen Charakters vom Standpunkte der Ethnologie, т. 59 (1891 г.), стр. 299—303.

Peruanische Tongefässe, т. 71 (1897 г.), стр. 55—60.

Zu Prof. Max Buchners „Bedeutungen", т. 74 (1898 г.), стр. 214.

Schnitzereien der Maori, т. 77 (1900 г.) стр. 53—58.

Afrikanisches Steingeld, т. 81 (1902 г.) стр. 12—13.

Die Herkunft der Moriori, т. 83 (1903 г.), стр. 325—326.

Въ „Forschungen zur deutschen Landes und Volkskunde" (Штуттгартъ).

Der Seifenbergbau im Erzgebirge und die Walensagen, т. V (1891 г.), стр. 85—166.

Въ „Deutsche geographische Blätter" (Бременъ).

Die Sieben Steinhäuser in Fallingbostel, т. XVIII (1895 г.), стр. 282—290.

Schädelkultus und Sammeltrieb, т. XIX (1896 г.), стр. 93—108.

Въ „Zeitschrift für Sozialwissenschaft“ (Берлинъ).

Wertvernichtung durch den Totenkult, т. I (1898 г.), стр. 41—52.
Die Anfänge des Landbesitzes, т. III. (1900 г.), стр. 245—255, 352—361.
Das Bazarwesen als Wirtschaftsform, т. IV (1901 г.), стр. 22 и дал.
Türkische Bazare und Zunft (1903 г.)

Въ „Petermanns Mitteilungen“ (Гота).

Der Ursprung der Kultur nach Leo Frobenius, т. 45 (1899 г.), стр. 16—19.

Въ „Ausland“.

Modiglianis „Reise nach Nias“, т. 63 (1890 г.), стр. 275—278.
Fergunea (Erzgebirge), стр. 301—306.
Eine religion der Urzeit, стр. 688—692.
Beiträge zur Trachtenkunde Afrikas, стр. 861—864, 888—892, 910—912.
Das Alter des mitteldeutschen Zinnbergbaues, т. 64 (1891 г.), стр. 846—848.
Кромѣ того много рецензій о книгахъ.

Въ „Wissenschaftliche Beilage der Leipziger Zeitung“.

Krodo (1891 г., № 1 отъ 3 января).

Въ „Preussische Jahrbücher“.

Die Tabugesetze, т. 80 (1895 г.), стр. 50—61.
Die Ianitscharen, 1903 г.

Въ „Die Umschau“ (Франкфуртъ на Майнѣ).

Politische Geographie, № 2 (1898 г.), стр. 262—264.

Въ „Deutsche Monatsschrift“.

Spanien nach Seiner Niederlage, 1903 г., стр. 675—690.

Въ „Deutsche Bauzeitung“.

Die ornamente der Naturvölker, 1900 г.

Въ „Grenzboten“.

Die Tierfabel, 1901 г.
Über Kolonialmüdigkeit, 1902 г.

Въ „Beilage zur Münchener Allgemeinen Zeitung“.

Der Untergang der Ming Dynastie, 1895 г., № 60 и 61.

Въ „Die Zeit“ (Вѣна).

Santiago de Compostela, 1903 г., № отъ 8 марта.

Указатель.

Каталогъ изданій
Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщеніе",
С.-Петербургъ, Забалканскій пр., с. д. № 75.

Сочиненія справочнаго характера.

	Р.	К.
Большая Энциклопедія.[1] Словарь общедост. свѣдѣній по всѣмъ отрасл. знанія, подъ общ. редакц. *С. Н. Южакова.* 10,000 рис. картъ и план. въ текстѣ и на 1000 отд. прил. — 220 в. по 50 к. или 22 т. въ роск. полук. пер. по 6 руб.	132	—
Географическій атласъ. 84 л. картъ и 16 л. плановъ городовъ въ 8°. — 15 в. по 40 к., въ роск. полукож. перепл.	7	80

Изящная литература.
Всемірная библіотека. Собранія сочиненій лучшихъ иностранныхъ и русскихъ писателей.

	Р.	К.
Крыловъ, И. А. [1, 10] Редакція *В. В. Каллаша.* Худож. прил. — 4 т. по 75 к., въ изящн. кол. перепл.	5	—
Пушкинъ, А. С. [4, 8, 10] Редакція *П. О. Морозова* и *В. В. Каллаша.* 30 худож. прил. — 8 т. 7 р. 50 к., въ изящн. кол. перепл.	9	—
Кольцовъ, А. В. Ред. *А. И. Введенскаго.* 1 т. Цѣна 1 р., въ изящн. кол. пер.	1	50
Лермонтовъ, М. Ю. [4, 8, 10] Редакція *А. И. Введенскаго.* 15 художеств. прил. — 4 т. по 75 к., въ изящ. кол. перепл.	5	—
Гоголь, Н. В. Редакція *В. В. Каллаша.* 36 худож. прил. — 9 т. 9 рублей, въ изящн. кол. перепл.	13	50
Максимовъ, С. В. Со вступительной статьей *П. В. Быкова.* 20 томовъ 20 руб., въ изящн. коленкор перепл.	30	—
Помяловскій, Н. Г. [8, 10] Портр. и біограф. автора, составл. *Н. А. Благовѣщенскимъ. 10-е изданіе.* — 2 т. 3 р., въ изящн. кол. перепл.	4	—
Островскій, А. Н. [4, 8, 10] Редакція *М. И. Писарева.* Факсимиле, портреты автора и др. худож. прил. — 12 т. 19 р. 20 к., въ изящн. кол. перепл. . . .	25	20
Потѣхинъ, А. А. [4, 8, 10] Редакція *автора.* Портр. и факсимиле его. — 12 т. 12 р., въ изящн. кол. перепл.	18	—
Аксаковъ, С. Т. Редакція *А. Г. Горнфельда.* Портреты и худ. прил. 6 т. 6 р., въ изящн. пер.	9	—
Чарльзъ Диккенсъ. Перев. съ англ. *Ир. Ив. Введенскаго, М. А. Шишмаревой* и др., со вступит. статьей *Д. П. Сильчевскаго.* 30 том. по 75 коп., въ изящн. коленкор. перепл.	37	50
Георгъ Брандесъ. Перев. съ датск. и вступ. статья *М. В. Лучицкой.* 20 том. по 75 коп., въ изящн. коленк. перепл.	25	—
Элиза Оржешко. Перев. съ польск., подъ редакціей и со вступит. статьей *С. С. Зелинскаго.* 12 том. по 75 коп.; въ изящн. коленкор. перепл.	15	—
Гюи де Мопасанъ. Перев. съ франц., со вступит. статьей *З. А. Венгеровой.* Богато иллюстриров. изданіе. 15 т. 15 руб., въ изящн. коленкор перепл.	22	50
Эдгаръ По. Собраніе сочиненій, съ критико-біогр. очеркомъ *М. А. Энгельгардта.* 3 т. 3 руб., въ изящн. коленк. перепл.	4	50
Театръ Еврипида. Стихотворный переводъ, съ греческ., съ введеніемъ и объяснит. статьями *И. Ѳ. Анненскаго.* 1 т. 6 руб., въ изящн. перепл. . . .	7	25

Сочиненія по исторіи, исторіи культуры, литературы и искусства.

	Р.	К.
Исторія человѣчества *(Всемірная исторія).* [4, 7] Общ. редакція *Г. Гельмольта.* Пер. съ доп. изв. русск. учен. 260 прил. — 90 в. по 50 к., 9 т.	54	—
Исторія первобытной культуры. Соч. д-ра *Г. Шурца.* Пер. и доп. проф. *И. Н. Смирнова,* подъ ред. и съ пред. *Д. А. Клеменца.* 434 рис. и 24 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полук. пер.	8	60
Исторія нѣмецкой литературы *съ древнѣйш. врем. до настоящ. времени.* [1, 2, 9] Соч. профф. *Фр. Фогта* и *М. Коха.* Переводъ проф. *А. Л. Погодина.* 98 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полушагр. перепл. . . .	8	60
Какъ англичане критикуютъ свои государственные расходы. Соч. акад. *Ив. Ив. Янжула.* Цѣна 1 р. 25 к., въ роск. полук. пер.	1	75
Въ поискахъ лучшаго будущаго. *Соціальные этюды.* Соч. акад. *Ив. Ив. Янжула.* 2-е изд. Цѣна 3 р., въ изящн. пер.	3	75
Главныя теченія польской политической мысли (1863—1907 гг.). Соч. проф. *А. Л. Погодина.* Цѣна 3 р., въ изящн. перепл. . .	3	75
Исторія искусства *всѣхъ временъ и народовъ.* [8] Соч. проф. *К. Вер-*		

	Р.	К.
мана. Пер. подъ ред. *А. И. Сомова* и *Д. В. Айналова*. 1500 иллюстр. и 130 худ. прил. — 60 в. по 40 к. или 3 т. въ роск. полукож. перепл.	27	—
Сокровища искусства. 100 геліогр., разм. 51×38,5 сант. — 25 в. по 3 р., въ пер.	82	—

Сочиненія по естествознанію и медицинѣ.

	Р.	К.
Вселенная и человѣчество. [4,6] Соч. проф. ***Г. Крэмера.*** Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 2000 рис. и мн. прил. — 100 в. по 40 к. или 5 т. въ пер. по 11 р.	55	—
Міозданіе, общедост. астрономія. [3,4,5,10] Соч. д-ра ***В. Мейера,*** бывш. директ. берл. „Ураніи". Пер. съ доп. и указат. по русск. астрон. л-рѣ проф. *С. П. Глазенапа.* 287 рис., 41 худож. прил. - 15 в. 7 р. 50 к., въ роск. полукож. перепл.	8	60
Исторія земли. [1,2,4,6] Соч. проф. ***М. Неймайра.*** Пер. съ дополн. проф. *Улигомъ* изд., съ доп. по геол. Россіи и указ. по русск. л-рѣ, подъ ред. проф. *А. А. Иностранцева.* 1129 рис., 38 худ. прил. — 30 в. 12 р. 80 к. — въ 2 роск. полук. пер.	15	—
Жизнь природы. Соч. д-ра ***Вильгельма Мейера.*** Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 29 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл. .	8	60
Земля и жизнь. Соч. проф. ***Ф. Ратцеля.*** Пер. подъ ред. проф. *П. И. Кротова.* 400 рис. и 67 худож. прил. — 30 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	17	—
Жизнь растеній. [1,4,6] Соч. проф. ***А. Кернера фонъ-Марилауна.*** Пер. съ дополн. и библіогр. указат., подъ ред. проф. *И. П. Бородина.* 2100 рис. и 65 худож. прил. — 30 вып. 12 р. 80 к., или 2 т. въ роск. полукож. перепл. . . .	15	—
Происхожденіе животнаго міра. [4,5,6] Соч. проф. ***В. Гааке.*** Пер. подъ ред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 469 рис. и 21 худ. прил. — 15 в. 6 р., въ роск. полук. пер.	7	—
Жизнь животныхъ Брэма. [4,5,6,10] Пер. подъ ред. профф. ***А. С. Догеля*** и ***П. Ф. Лесгафта.*** 1179 рис. и 81 худ. пр.—60 вып. по 35 к., въ 3 роск. полушагр. пер.	24	—
Человѣкъ. [1,4] Соч. проф. ***І. Ранке.*** Пер. подъ ред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 1398 рис. и 41 худож. прил. — 30 в. 12 р., или 2 т. въ роск. полукож. перепл.	14	20
Народовѣдѣніе. [8,9] Соч. проф. ***Фр. Ратцеля.*** Пер. съ доп. проф. *А. Коропчевскаго.* 1103 рис. и 62 худ. прил. — 36 в. по 35 к., или 2 т. въ роск. полушагр. пер.	15	—
Красота формъ въ природѣ. Соч. проф. ***Э. Геккеля.*** Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 100 больш. табл. съ опис. текстомъ. — 20 в. по 1 р., и 1 доп. вып. — 50 коп.; въ изящн. перепл.	23	50
Африка. [8,10] Соч. профф. ***В. Сиверса*** и ***Ф. Гана.*** Пер. *Д. А. Коропчевскаго.* 200 рис. и 32 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	8	50
Азія. Соч. проф. ***В. Сиверса.*** Перев. подъ ред. проф. Харьк. унив. *А. Н. Краснова.* 180 рис., 16 картъ и 20 худож. прил. — 15 вып. по 50 коп., въ роск. полук. пер.	8	50
Сѣверная Америка. Соч. д-ра ***Э. Денерта.*** Перев. проф. Варшавск. унив. *А. Л. Погодина.* 130 рис. въ текстѣ, 12 картъ и 21 худож. прилож. — 14 вып. по 50 коп., въ роскошн. полукож. перепл.	8	—
Южная и Сред яя Америка. Соч. про . ***В. Сиверса.*** Перев. со 2-го нѣм. изд. проф. Варш. унив. *А. Л. Погодина.* 141 рис. въ текстѣ, 11 картъ въ краскахъ и 20 хромолитогр. и гравюръ. Въ роск. полукож. перепл.	8	—
Австралія, Океанія и Полярныя страны. Соч. профф. ***В. Сиверса*** и ***В. Кюкенталя.*** Пер. со 2-го переработ. нѣм. изд. *Г. Г. Генкеля,* съ доп. проф. харьк. унив. ***А. Н. Краснова.*** 198 рис. въ текстѣ, 14 картъ и 24 хромолитографіи, гравюры и автотипіи. Въ роск. полукож. перепл	8	50
Европа. Соч. проф. ***А. Филиппсона.*** Пер. со 2-го вновь переработ. нѣм. изд. съ доп. ст. о Россіи *В. П. Воронцова.* 144 рис. и картъ въ текстѣ и 36 отд. прилож. (картъ, хром. лит., гравюръ и автотипій). Въ роск. полукож. перепл.	8	50
Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. [8,10] Соч. проф. ***К. Э. Бока.*** Пер. съ нѣм. Рисунки и худож. прил. — 2 т. по 2 р., въ изящн. кол. перепл.	6	—
Новый способъ лѣченія. Соч. *М. Платена.* Перев. подъ ред. д-ра мед. А. П. Зеленкова. Прибл. 600 рис., 63 прил. — 4 т. въ роск. перепл.	25	—

Популярно-научные альбомы картинъ по естествознанію и географіи.

	Р.	К.
Альбомы картинъ: 1) по зоологіи млекопитающихъ. [1,6,10] 258 рис. ***2) по зоологіи птицъ.*** [1,4,6,10] 238 рис. Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго,* съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* Въ изящн. кол. перепл. . . . . по	1	75
3) по зоологіи рыбъ. [1,4,6,10] Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго.* 208 рис. Въ изящн. пер.	1	75
4) по зоологіи низшихъ животныхъ. [4,8,10] Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона.* 292 рис. Въ изящн. пер.	1	75
5) по географіи растеній. [8,10] Текстъ д-ра ***М. Кронфельда.*** Пер. прив.-доц. *А. Г. Генкеля.* 216 рис. Въ изящн. кол. пер.	1	75
6) по географіи Европы. [5,6,7,10] Текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Пер. съ доп. *А. П. Нечаева,* съ пред. *Д. А. Коропчевскаго.* 233 рис. Въ изящн. к л. пер.	1	50
7) по географіи внѣевропейск. странъ. [5,6,7,10] Текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Перев. *А. П. Нечаева,* съ пред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 325 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75

	Р.	К.
Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животныхъ“ Брэма. [8. 10] *Отдѣлъ зоологіи.* 55 табл. Больш. альбомъ in folio въ папкѣ	1	75

Серія сочиненій „Промышленность и техника“.

	Р.	К.
Исторія и современная техника строительнаго искусства. [8. 10] Пер. подъ ред. и съ дополн. проф. ***В. В. Эвальда.*** 900 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Силы природы и ихъ примѣненія. [6. 8. 10] Пер. подъ ред. проф. ***Н. А. Гезехуса.*** 1000 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл. . .	6	—
Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ. [9] Пер. подъ ред. и съ дополн. проф. ***В. В. Скобельцына.*** 900 рис. и 13 прил. — 10 в. по 50 к, въ роск. полукож. перепл.	6	—
Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Перев. подъ ред. и съ дополн. профф. ***В. Я. Добровлянскаго, А. В. Ключарева*** и др. 629 рис. и 9 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Горное дѣло и металлургія. [6] Пер. съ дополн. подъ ред. профф. ***И. В. Мушкетова*** и ***В. И. Баумана.*** 600 рис. и 12 прил. — 10 в. по 50 к., въ пер.	6	—
Технологія металловъ. [8. 9. 10] Пер. съ дополн. подъ ред. проф. ***А. Н. Митинскаго.*** 1600 рис. и 6 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Обработка камней и земель и технологія химическихъ производствъ. [8. 10] Переводъ подъ ред. проф. ***В. В. Эвальда.*** 600 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Обработка волокнистыхъ веществъ. Пер. съ доп. подъ ред. проф. ***С. А. Ганешина.*** 680 рис., 5 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полуж. перепл.	6	—
Пути сообщенія. Пер. подъ ред. проф. ***Н. Н. Митинскаго.*** 764 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Міровыя сношенія и ихъ средства. Пер. подъ ред. проф. ***Н. А. Гезехуса.*** 285 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл. . .	6	—

[1] *Изд.* ***рекоменд.*** *Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для фунд. и уч., ст. возр., библ. ср. уч. зав. Мин.*
[2] *Изд.* ***рекоменд.*** *Уч. Ком-томъ Собств. Его Импер. Величества К-ріи для фунд. библ. средн. учебн. зав. В-ства учр. Имп. Маріи.*
[3] *Изд* ***рекоменд.*** *Уч. Ком-томъ Мин. Земл. и Гос. Имущ. для библ. подвѣд. М-ству уч. зав.*
[4] *Изд.* ***рекоменд.*** *Гл. Упр-мъ военно-учебн. зав-ній въ библ. кад. корпусовъ.*
[6] *Изд.* ***одобр.*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. для фунд. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. зав., для библ. учит. инст. и сем. и для безпл. нар. читал. и библ.*
[6] *Изд.* ***одобр.*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав.*
[7] *Изд.* ***одобр.*** *Учебн. Ком-томъ Собств. Его Импер. Велич. К-ріи по учр. Импер. Маріи для учен. библ., ср. и старш. возраст., ср. учебн. зав-ній и для библ. старш. возр. Маріинскихъ уч-щъ.*
[8] *Изд.* ***допущ.*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ библ. средн. учебн. зав-ній и въ библ. учит. инст. и семин., а также въ учит. библ. городск. училищъ.*
[9] *Изд.* ***допущ.*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству ср. уч. зав.*
[10] *Изд.* ***допущ.*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ безпл. нар. чит. и библ.*

Серія сочиненій „Библіотека Просвѣщенія“.

			Въ перепл.	
	Р.	К.	Р.	К.
№ 1. ***Карлъ Марксъ.*** Нищета философіи	—	39	—	51
№ 2. ***В. Зомбартъ.*** Рабочій вопросъ	—	27	—	39
№ 3. ***Н. Сувировъ.*** Государств. страхованіе рабочихъ въ Германіи	—	49	—	61
№ 4. ***Большіе города,*** ихъ обществ., политическое и экономическое значеніе. Сборн. статей проф. *К. Бюхера, Г. Майра, Г. Зиммеля* и др.	—	44	—	56
№ 5. ***А. Менгеръ.*** Право на полный продуктъ труда	—	30	—	42
№ 6. ***Ф. Мерингъ.*** Объ историческомъ матеріализмѣ	—	15	—	27
№ 7. ***П. Гере.*** Какъ священникъ сталъ соціалъ-демократомъ . . .	—	6	—	18
№ 8. ***Т. Курти.*** Всенародное голосованіе въ Швейцаріи	—	7	—	19
№ 9. ***Грейлихъ.*** Буржуазная революція и освободительная борьба рабочаго класса	—	8	—	20
№ 10. ***Э. Зелигманъ.*** Экономическое пониманіе исторіи	—	17	—	29
№ 11. ***А. Менгеръ.*** Гражданское право и неимущіе классы . . .	—	45	—	57
№ 12. ***А. Бебель.*** Шарль Фурье, его жизнь и ученіе	—	42	—	54
№ 13—14. ***Ш. Боржо.*** Учрежденіе и пересмотръ конституцій въ Европѣ и Америкѣ; вып. I—II . . . . по	—	35	—	47
№ 15. ***П. Стрѣльскій.*** Самоорганизація рабочаго класса . . .	—	50	—	62
№ 16, 32, 47—52. ***Фр. Мерингъ.*** Исторія герм. соц.-дем. 8 вып.	4	40	5	36
№ 17. ***Э. Виллей.*** Какъ произв. въ Зап. Европѣ выборы въ парлам.	—	15	—	27
№ 18. ***Карлъ Марксъ.*** Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850 гг.	—	25	—	37

		Р.	К.	Въ перепл. Р.	К.
№ 19.	**В. Вейтлингъ.** Человѣчество, каково оно есть и какимъ оно должно быть	—	12	—	24
№ 20.	**Л. Мовичъ.** Великое Учредительное Собраніе 1789 г.	—	45	—	57
№ 21.	**А. Шеффле.** Квинтъ-эссенція соціализма	—	18	—	30
№ 22—23.	**Лиссагарэ.** Исторія Коммуны; вып. I—II.	1	25	1	49
№ 24.	**Г. Роландъ-Гольстъ.** Всеобщая стачка и соціалъ-демократія	—	45	—	57
№ 25—26.	**В. Либкнехтъ.** Робертъ Блюмъ и революція 48 г. въ Германіи, вып. I и II по	—	40	—	52
№ 27.	**В. Зомбартъ.** Политическая экономія промышленности	—	50	—	62
№ 28.	**А. Менгеръ.** Новое ученіе о нравственности	—	20	—	32
№ 29.	**Шарль Жидъ.** Соціально-экономическіе итоги XIX столѣтія	—	55	—	67
№ 30.	**Г. Грейлихъ.** О матеріалистическомъ пониманіи исторіи	—	7	—	19
№ 31.	**В. Либкнехтъ.** Обоснованіе Эрфуртской программы	—	10	—	22
№ 33.	**Записки рабочаго.** Съ предисловіемъ *П. Гере*	—	55	—	67
№ 34.	**Г. Мохъ.** Постоянная армія и милиція	—	55	—	67
№ 35.	**К. Фроме.** Монархія или республика?	1	-	1	12
№ 36.	**В. Зомбартъ.** Пролетаріатъ въ Америкѣ	—	30	—	42
№ 37.	**Эм. Калеръ.** Вильгельмъ Вейтлингъ	—	35	—	47
№ 38.	**Д-ръ Люксъ.** Этьеннъ Кабэ и Икарійскій коммунизмъ	—	65	—	77
№ 39.	**Н. Г. Помяловскій.** Очерки бурсы	—	75	—	87
№ 40.	**Н. Г. Помяловскій.** Вуколъ	—	10	—	22
№ 41.	**Н. Г. Помяловскій.** Мѣщанское счастье	—	50	—	62
№ 42.	**Н. Г. Помяловскій.** Молотовъ	—	75	—	87
№ 43.	**К. Марксъ.** Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта	—	30	—	42
№ 44.	**Фр. Энгельсъ.** Анти-Дюрингъ	1	—	1	12
№ 45.	**Роза Люксембургъ.** Соціальная реформа или революція?	—	30	—	42
№ 46.	**Г. Іеккъ.** Интернаціоналъ	—	80	—	92
№ 53.	**Эд. Доллеанъ.** Робертъ Оуэнъ	—	50	—	62
№ 54.	**Ахиллъ Лоріа.** Соціализмъ и соціальный дарвинизмъ	—	15	—	27
№ 55	**Э. Виллей.** Избирательное законодательство въ Европѣ	—	75	—	87
№ 56.	**П. Фальбекъ.** Современный парламентаризмъ	—	40	-	52
№ 57.	**Фр. Мерингъ.** Просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха Велик.	—	60	—	75
№ 58.	**І. Губеръ.** Философія соціалъ-демократіи	—	20	—	32
№ 59.	**Павелъ Гере.** Три мѣсяца на фабрикѣ	1	—	1	12
№ 60.	**Гартманъ.** Народныя движенія въ Германіи въ 1848 году	1	25	1	37
№ 61.	**Каутскій.** Анти-Бернштейнъ	1	—	1	12
№ 62—63.	**Г. Кохъ.** Очерки по исторіи политическихъ идей и системъ государственнаго управленія, 2 вып., каждый по	1	—	1	12
№ 64.	**И. Янжулъ.** Пьянство, какъ соц. недугъ и борьба противъ него	—	30	—	42
№ 65.	**А. Н. Островскій.** Свои люди — сочтемся. Ком. въ 4 д.	—	75	—	—
№ 66.	**А. Н. Островскій.** Не въ свои сани не садись. Ком. въ 3 д.	—	60	—	—
№ 67.	**А. Н. Островскій.** Бѣдность не порокъ. Ком. въ 3 д.	—	60	—	—
№ 68.	**А. Н. Островскій.** Доходное мѣсто. Ком. въ 5 д.	—	75	—	—
№ 69.	**А. Н. Островскій.** Гроза. Драма въ 5 д.	—	70	—	—

Манчжурія. Соч. ***А. Домбровскаго и В. Ворошилова,*** по новѣйш. даннымъ. Приложенія (геогр. карта, русско-китайскій словарь и пр.). Въ кол. перепл. 1 р. 60 к.

Сибирь и ея экономическая будущность. Соч. ***Кл. Оланьона,*** съ предисл. ***Фр. Пасси.*** 15 иллюстр. прилож. Цѣна 2 р., въ изящн. кол. перепл. 2 р. 50 к.

Жизнь бабочекъ. Соч. проф. ***Штандфусса.*** Пер. и доп. подъ ред. ***И. Я. Шевырева.*** 200 рис. Въ кол. перепл. 3 р. 25 к.

Изданіе рекомендовано Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. для фунд. библ. ср. уч. зав-ній, въ котор. препод. естествовѣдѣніе, а равно и учит. инст. и сем-ій.

Хрестоматія *для устн. и письм. соч.,* съ прил. 15 картинъ. Составили преподав. ***В. Н. Куницкій*** и ***А. Л. Погодинъ.*** Цѣна 60 коп.

Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Соч. ***Т. А. Богдановичъ.*** Составл. по новѣйш. источникамъ, съ приложеніемъ текста японской конституціи. 440 стр., 25 худож. прилож. Цѣна 1 р. 25 к., въ изящн. коленкоров. перепл. — 1 р. 75 к.

Японцы о Японіи. Статьи о Японіи, сост. выд. японск. дѣят. подъ ред. ***Стэда.*** Пер. съ англ. подъ ред., съ пред. и допол. ***Д. И. Шрейдера.*** Цѣна 3 р. 75 коп., въ роск. пер. 5 р.

„Законный“ бракъ. *(Проблемы брака, материнства, школы.)* Сборникъ статей ***Архимандрита Михаила.*** Цѣна 60 коп.

Кройка женскаго и дѣтскаго платья *по способу составленія патрона-слѣпка.* Соч. ***Бержъ.*** Пер. съ фр. подъ ред. ***Е. Н. Янжулъ.*** 139 рис. Роск. изд. Ц. 2 р.

Подробные иллюстрир. проспекты и каталоги высылаются по требованію безплатно.

Типо-литографія Т-ва „Просвѣщеніе“. Спб., Забалканскій пр., с. д. № 75.

